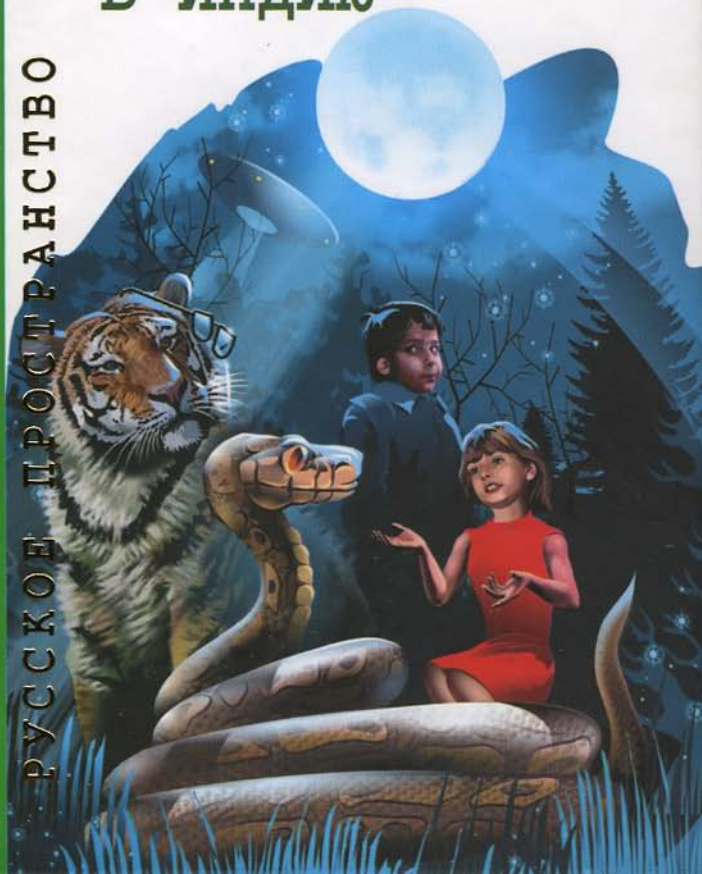
Кир

БУЛЫЧЕВ

ДВА БИЛЕТА В ИНДИЮ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ РУССКОГО ПРОСТРАНСТВА

Кир

БУЛЫЧЕВ

Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОСЕЛОК
ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ
ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ
ОПЕРАЦИЯ «ГАДЮКА»
ПОКУШЕНИЕ НА ТЕСЕЯ
ПОСЛЕДНИЕ ДРАКОНЫ
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ТРАПЕЗУНДА
ЗАПОВЕДНИК ДЛЯ АКАДЕМИКОВ
ТАКИХ НЕ УБИВАЮТ
ДВА БИЛЕТА В ИНДИЮ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Кир

БУЛЫЧЕВ

ДВА БИЛЕТА В ИНДИЮ

Москва
Эксмо
2007

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 90

Составитель *М. Манаков*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Булычев К.

Б 90 Два билета в Индию: Фантастические повести / Кир Булычев; [сост. М. Манаков]. — М.: Эксмо, 2007. — 960 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-16956-3

В очередной книге Кира Булычева представлены детские приключенческие и фантастические повести, написанные в течение 35 лет — практически всего творческого пути писателя, — начиная с первой художественной книги «Меч генерала Бандулы» (1968) и заканчивая последними работами, вышедшими уже после смерти автора: «Убежище» и «Другое детство» (2003).

Фантастический роман «Убежище» впервые публикуется в полном объеме и авторской редакции.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-16956-3

© Булычев К., 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

МЕЧ ГЕНЕРАЛА БАНДУЛЫ

Глава первая,

в которой речь пойдет о событиях, происшедших задолго до начала нашей повести, а именно в 1824 году, когда Англия начала завоевание Бирмы. Не будь этих событий, не было бы и самой повести

1

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ ЛАЗУТЧИКА

На скрипучих деревянных мостках стояли бирманские солдаты. Когда причаливала лодка с того берега, они осматривали ее груз и обыскивали пассажиров.

С океана налетал порывами прохладный ветер, и пламя факелов металось над берегом. Дым клочьями летел к реке, и поэтому солдаты не заметили, как небольшая плоскодонка проскользнула мимо мостков и причалила выше по течению, там, где к самому берегу подходили заросли кустов.

Гребец осторожно сложил на дно весла, обернутые тряпками, потом вылез на берег и подтянул лодку повыше, так что она почти вся скрылась в ветвях.

С минуту он постоял, прислушиваясь. Ветер доносил шум военного лагеря — звон упряжки, голоса, тяжелые вздохи боевых слонов, перестук барабана, пронзительный скрип повозок, протяжный гул шанской песни. Поблизости же, в кустарнике, было тихо. Появление человека заставило смолкнуть мычавших лягушек и беспокойных ночных птиц. Только летучие мыши чиркали крыльями над головой да надоедливо звенел комар, который никак не решался напасть на пришельца.

Человек привычно поправил лоунджи — бирманскую мужскую юбку. Юбка была подхвачена широким ремнем, из-за которого торчала рукоять небольшого пистолета. Это был дорогой пистолет. Если бы не темнота, можно было бы разглядеть перламутровую инкрустацию на рукояти и тонкую резьбу на стволе. Три года назад он снял пистолет с убитого индуса.

Коричневая бирманская куртка, потрепанная и не очень чистая, треснула на спине и была заштопана редкими, неровными стежками. Волосы были собраны на затылке в тугой пук, лицо казалось темным, как у крестьянина, которому приходится проводить дни под солнцем, на рисовом поле.

Этот человек на первый взгляд мог показаться бирманцем, но бирманцем он не был. Его выдавали рост, светлые голубые глаза и крупный прямой нос. Бурая краска на лице легла неровно — видно, человек спешил, отправляясь в путешествие по реке. Черный парик чуть сдвинулся на лбу, обнаружив корни русых волос. Но эти мелочи не играли в темноте никакой роли. Лейтенант Уинфри не собирался предоставлять кому бы то ни было возможность рассматривать себя в упор.

Уинфри тихо свистнул, подражая птице би-бин. Вряд ли свист был слышен дальше чем за двадцать шагов. Но тут же за его спиной кто-то прошептал:

— Вы не опоздали, Уинфри.

— А, это вы? Отдаю вам должное — крадетесь, как пантера.

— Иначе бы не выжил. Что нового в армии?

— Не знаю. Два дня провалялся в лихорадке. Хотел, чтобы послали сегодня кого-нибудь другого, но полковник Кемпбелл волнуется. Это правда, что Бандула готовит наступление?

Тот, кого сравнили с пантерой, осторожно переступил с ноги на ногу. Он был ростом ниже Уинфри, значительно уже в плечах, голос его от волнения срывался.

— Это очень опасное место, — прошептал он, приближая губы к уху разведчика. — Совсем рядом стоит свежий отряд. Из Таунгу.

— Ничего. Скоро наши свидания кончатся. Я имею в виду тайные свидания. Так вы не сказали мне о наступлении.

— Не знаю. Ничего не знаю. Меня же не приглашают на военный совет.

— А если подумаете?

Несколько секунд собеседник не отвечал. Неподалеку всхрапнула лошадь. Неподвижность съежившейся фигурки смутила Уинфри. Ему передался страх, полностью охвативший маленького человека.

— Ну-ну, — сказал Уинфри. — У всех нервы не в порядке. Нас никто не слышит.

— Вы не представляете, как они казнят изменников, — раздался в ответ тихий шепот. — И я... и мне кажется, что за мной кто-то шел от самого лагеря.

— Кемпбелл просил передать вам его личную благодарность за верную службу короне. Вы можете быть уверены, что вас не забудут.

— Так сказал сам полковник?

— Что же, я придумал, что ли?

По правде говоря, Уинфри все придумал. Наоборот, командующий английским отрядом выразил свое неудовольствие пассивностью «нашего человека в лагере бирманцев».

— Итак, — снова заговорил Уинфри, — что вы можете сказать о наступлении?

— Солдатам выдали сегодня вдвое больше риса и рыбы. Вечером подошел последний араканский полк. К утру будут обозы. Они сейчас переправляются через реку.

— Видел. Еще что?

— Сам генерал Бандула проверял сегодня артиллерию.

— И как?

— Некоторым пушкам по двести лет. Одна разорвалась.

— А мы сегодня никак не могли понять, что за взрыв у бирманцев.

Уинфри улыбнулся, и маленькому человечку показалось, что зубы его светятся так, что их видно из лагеря. Ему захотелось попросить Уинфри, чтобы тот закрыл рот, но он не посмел и продолжал:

— А сейчас Бандула собрал к себе всех командиров полков и артиллеристов.

— Где?

Эта новость показалась Уинфри интереснее всех предыдущих.

— В своем доме. В монастыре. Но туда не подойти. Вокруг стоят гвардейцы. Я не пойду туда.

— Мы пойдем вместе, — сказал Уинфри.

— Вы сошли с ума, лейтенант! Нас поймают!

Но Уинфри уже не слушал его.

— Можно подойти к самому дому?

— Ни в коем случае, — быстро ответил маленький человек. — Я же говорю, там гвардейцы.

— Послушайте, — резко сказал Уинфри, — мы здесь на войне. И я и вы — все мы. Если бирманцы и вправду собираются перейти в наступление и мы не будем этого знать, нас могут разбить, вышвырнуть в море. Мы и так уже потеряли треть солдат в стычках и от болезней. Госпитали переполнены. Мадрасские сипаи дважды пытались взбунтоваться. Два наших батальона ушли на лодках в сторону Пегу. Они могут не вернуться к завтрашнему утру. А вы все твердите — страшно. Мне тоже страшно. Где дом Бандулы? Ведите меня, и попрошу без фокусов. Если что-нибудь случится со мной, спуститесь на лодке к нашему лагерю, расскажите обо всем самому Кемпбеллу. Ну, показывайте дорогу.

— Может быть, я сам к утру все разузнаю. И пришлю слугу с запиской...

Но Уинфри не слушал. Он пошел вперед, к лагерю, и его спутнику не оставалось ничего другого, как догнать англичанина и показать ему тропинку, ведущую к холму.

На опушке они остановились. Многочисленные костры бирманской армии рождали красное зарево над равниной. Лагерь ложился спать, но, если присмотреться, можно было увидеть, как черные тени перекрывают огни костров и снова тают в ночи. За неосвещенной нейтральной полосой тянулась звездная цепочка — английские костры. Цепочка казалась далекой, куда дальше, чем была в действительности, и лейтенанту Уинфри вдруг захотелось броситься туда, к спасительным маленьким огонькам, хранящим его палатку, его койку, его Библию на снарядном ящике у койки, письмо, придавленное подсвечником. Но, перед тем как вернуться к далеким огонькам, ему надо было пройти тропинку...

Впереди, шагах в двухстах, провалами в небе чернели силуэты манговых деревьев, окружавших старый буддийский монастырь. Монастырь был покинут лет пятьдесят назад, во время войны с монами, и в его высоких каменных зданиях жили только змеи и хамелеоны, выбегавшие погреться на шлифованные плиты дорожки. Недавно самый большой дом привели в порядок, выгнали из него белок и насекомых, постелили циновки и притащили из соседней деревни низкие круглые столы. Там остановился генерал Бандула, командующий бирманской армией.

Генерал прибыл к войскам всего месяц назад. До этого армией командовали по очереди два дяди короля Бирмы — Баджидо. Им король, человек подозрительный и жестокий, доверял больше, чем известному полководцу, которого, на его взгляд, слишком любила армия.

Но англичане, неожиданно высадившиеся под Рангуном, быстро разбили королевских родственников, захватили город и великую пагоду Шведагон, и насмерть перепуганный успехами иноземцев король призвал Бандулу. Это надо было сделать куда раньше, но Баджидо слишком долго не мог поверить, что английский отряд способен победить его армию. Он и слышать не хотел о том, что у англичан много пушек, что ружья их стреляют втрое дальше, чем бирманские.

Теперь же сезон дождей кончился, и удобное время для отпора англичанам было упущено. Со дня на день они могли перейти в наступление. И генерал Бандула решил их опередить — это был его последний шанс.

— Опасно, Уинфри, очень опасно, — продолжал нашептывать маленький человек. — Придется двести ярдов пройти по открытому месту. Нас могут поймать. Неужели вы думаете, что ваш бирманский маскарад кого-нибудь обманет?

— Ну хорошо! — огрызнулся Уинфри. — Идите в пяти шагах впереди и, если что-нибудь случится, делайте вид, что видите меня впервые в жизни. Устраивает?

— Если вы так полагаете...

— Только не убегайте далеко, а то я заблужусь.

— Да нет, что вы! — И человечек заспешил вперед.

— Не забывайте, что вы гуляете, — догнал его злой шепот.

Он не ответил. Он быстро прошел полторы сотни шагов, с ужасом и надеждой глядя, как приближаются и растут купы деревьев. Деревья обещали защиту, но в то же время там, в роще, к нему присоединится Уинфри, и если что-нибудь случится... Он искренне пожелал, чтобы Уинфри потерял его в темноте, чтобы Уинфри схватили...

Они благополучно добрались до первых деревьев. Маленький человек заметил, что Уинфри вынул кинжал.

— Не смейте, это нас погубит!

Уинфри ничего не ответил, и только в темноте снова блеснули его зубы.

— Где дом? — спросил он.

— Вон там, свет горит.

Перебегая от дерева к дереву, путаясь в колючках и высокой траве, лазутчики добрались до затерявшейся в кустах изгороди. Они забились в узкую щель между сросшимися стволами деревьев. Мимо, совсем рядом, напевая что-то веселое, прошел часовой. Он остановился у дерева и окликнул напарника. Тот отозвался не сразу.

— Что он сказал? — спросил Уинфри, когда часовой отошел подальше.

— Он... он сказал, что прохладная ночь. А второй спросил, нет ли у него табака... И говорите тише, а то тут все слышно на сто ярдов вокруг.

— А вы не лижите мне ухо. Я и так слышу. Ну-ка, помогите мне перелезть.

Уинфри мог это сам отлично сделать, но ему хотелось заставить своего спутника принять участие в их совместных действиях. Когда человек занят делом, он меньше боится.

— Следуйте за мной, — шепнул Уинфри и, пригнувшись, пробрался кустами почти к самому окну дома Бандулы.

Теперь от окна его отделяла только неширокая дорожка, по которой время от времени, позвякивая саблей, проходил часовой. Уинфри присел на корточки и чуть раздвинул ветви перед

лицом. Он был уверен, что часовой его не увидит, даже если станет прямо перед кустами. Позиция была надежной. И оттого, что путешествие к дому бирманского генерала оказалось таким несложным и так хорошо окончилось, Уинфри даже вспомнил, что ему хочется курить. К сожалению, этого он себе позволить не мог.

Широкое окно в зал было открыто. Генерал Бандула, невысокий светлокожий бирманец средних лет, сидел на циновке лицом к Уинфри. Когда он говорил, усы его забавно шевелились. Перед Бандулой стоял невысокий столик с разложенной на нем картой. Остальные офицеры сидели вокруг и внимательно слушали генерала. Военный совет бирманской армии не производил внушительного впечатления — офицеры были одеты по-домашнему, в лоунджи и разноцветные куртки. Никто не был вооружен. Среди членов совета было два европейца. Об одном Уинфри слышал — это был богатый армянский купец, который ведал в бирманской армии снабжением. Второго, высокого, светловолосого, с красным от ядовитого тропического солнца лицом и выцветшими бровями и ресницами, Уинфри не знал. «Интересно, кто он», — подумал Уинфри и тут же понял, что его спутника рядом нет. Уинфри даже не нужно было оборачиваться, чтобы убедиться в этом.

— Эй, — сказал он в тишину зарослей. Но осекся, потому что услышал, как поскрипывает песок под ногами приближающегося часового.

«Удрал, — подумал Уинфри. — Вот подлец! Конечно, удрал. Надо было гнать его перед собой, как скотину. Ну, я ему покажу, когда вернусь! Я ему покажу!»

Уинфри был зол. Его знания бирманского языка было недостаточно, чтобы понять, о чем совещаются бирманские офицеры. А ведь почти каждое слово доносилось до кустов. И почти каждое было непонятным. «Я ему покажу! — бормотал про себя Уинфри, отлично понимая, что отправиться сейчас на розыски спутника, который уже надежно спрятался подальше от опасного места, — безумие. — Я ему покажу!» И сознание собственного бессилия распаляло Уинфри. О чем они говорят? Может, подстеречь одного из офицеров, когда они будут расходиться с совета, и утащить его в свой лагерь? Но как сделать это в одиночку? Да и если похищение пройдет удачно, все равно бирманец может ничего не рассказать.

Опять мимо прошагал часовой, и на мгновение его силуэт закрыл окно. Уинфри захотелось чихнуть. Почему-то всегда хочется чихнуть, когда этого делать ни в коем случае не следует.

Он опустил ладонь на рукоять пистолета. Да, пожалуй, так

будет вернее всего. Но перед тем как вынуть оружие, Уинфри мысленно повторил весь путь от лодки до монастыря. Он не собирался умирать. Сразу после выстрела надо будет добежать до ограды, пересечь манговую рощу, и там самое трудное — двести ярдов до прибрежного кустарника. Шансы есть. Он неплохой бегун. На помощь ему должны прийти темнота и суматоха.

Уинфри достал из-за пояса пистолет и отвел курок. Рукоять с одной стороны была теплой, с другой — холодила ладонь. Теперь надо подождать, пока часовой отойдет подальше. О втором часовом он предпочитал не думать. Полковник Кемпбелл должен оценить его находчивость. Убийство Бандулы, пожалуй, единственный способ остановить завтрашнее наступление. Бандула не только опытный генерал — он авторитет, который поддерживает бирманскую армию после нескольких поражений.

Часовой скрылся за углом здания.

«Ну...» — сказал себе Уинфри, поднял пистолет и не спеша прицелился. Вряд ли удастся выстрелить второй раз.

И, уже нажимая на курок, не в силах остановить палец, Уинфри понял, что выстрел его не достигнет цели: офицер в синей куртке внезапно наклонился над столом, показывая что-то на карте, и заслонил собой Бандулу.

Выстрел грохнул так громко, что казалось, выстрелила пушка. Стая ворон с криками поднялась с дерева, над головой заметались летучие мыши. Офицер в синей куртке медленно опустился на стол. Остальные стояли замерев, как бы еще не понимая, что же случилось.

И тут же все пришло в движение. Топот часовых, взрыв голосов внизу, в лагере, суматоха в комнате...

Уинфри рванулся к ограде, запутался в кустах, потратил три секунды на то, чтобы освободиться от колючек, и эти три секунды решили его судьбу.

Краснолицый блондин выпрыгнул в окно и, вырвав ружье у подбежавшего часового, бросился вслед за англичанином. Он видел, как трепетали кусты. Он далеко обогнал остальных и за изгородью, в манговой роще, различил темную тень, рывком перебегавшую от ствола к стволу.

Выстрел застиг Уинфри в тот момент, когда он покинул укрытие рощи и, освещенный вышедшей луной, петлял по склону холма. Уинфри остановился, будто налетел на невидимое препятствие, потом, шатаясь, сделал еще два шага и рухнул в черную траву...

Вслед за стрелявшим к Уинфри подбежали часовые. Разбуженные солдаты перекликались, звенели оружием.

— Принесите свет. — Блондин нагнулся над телом Уинфри.

От дома приближалась процессия с факелами. Впереди шел сам Бандула. Телохранители прикрывали генерала с боков, обнажив длинные мечи.

Солдаты расступились, пропуская генерала.

— Кто этот человек? — спросил Бандула. — Он одет в нашу одежду, но не бирманец. Кто его знает?

Никто не ответил.

— Наверное, феринджи, англичанин, — сказал Бандула, наклоняясь над трупом и повернув к себе голову Уинфри. — Молодой и смелый. Стрелял в меня.

— Тут могут быть и другие, — сказал один из офицеров.

— Если были, то убежали. Вернее всего, он был не один. Кто-то показал ему путь к дому. Позовите Роджерса.

Но переводчика Роджерса не пришлось звать. Он, полуодетый, заспанный, как раз подбежал к толпе.

— Я здесь, — сказал он. — Что случилось?

— Роджерс, ты никогда не видел этого человека? — спросил Бандула. — Ты же бывал в английском лагере с моими письмами.

Роджерс несмело приблизился к Уинфри. Тонкий, продранный на локтях халат не спасал от ночной прохлады. Роджерс дрожал и всеми силами пытался скрыть дрожь, чтобы кто-нибудь не подумал, что он боится.

— Нет, — сказал он наконец, — я никогда не видел этого человека.

2

НАГРАДА

Когда часа через два окончилось так неожиданно прерванное совещание, Бандула приказал Ивану остаться.

— Ты храбрый солдат, — сказал генерал, приглашая Ивана сесть. — Если бы не ты, он бы убежал и полковник Кемпбелл узнал кое-что, чего знать ему не положено. Ты не боялся, что он подстережет тебя и убьет? У него мог оказаться второй пистолет.

— Нет, не боялся, господин генерал, — сказал Иван. — Некогда было.

— В вашей русской армии храбрых солдат награждают медалями?

— Так точно, — ответил Иван. — Или крест дают на грудь.

— Я тебя тоже хочу наградить, — сказал Бандула.

Он поднялся с циновки и подошел к стене, где висел его меч — длинный, чуть изогнутый, в чеканных серебряных ножнах. Бандула снял меч и протянул Ивану:

— Возьми, эта награда лучше медали. Не правда ли?

Иван никак не мог вспомнить, как положено говорить в таких случаях по-бирмански. Вообще-то он за три года научился свободно говорить, но иногда слов не хватало. Так и не вспомнив, он сказал: «Рад стараться!» — и вытянулся во фрунт.

Генерал улыбнулся:

— Садись, разговор еще не закончен.

Он хлопнул в ладоши и приказал вбежавшему ординарцу принести чаю. Ординарец тут же вернулся с подносом. Он давно служил у генерала и знал, что уж если Бандула остался с кем-то поговорить, то чай обязательно понадобится.

— Как твои пушки? — спросил Бандула, отпивая черный чай из тонкой китайской фарфоровой чашечки. — Завтра не взорвутся?

— Не должны, — сказал Иван. — Хотя пушки у нас старые.

Бандула замолчал надолго, думая о чем-то, нахмурился. Иван пил чай и старался не двигаться, чтобы не помешать генералу.

— Да, — сказал наконец Бандула. — Если завтра их батальоны не успеют вернуться из Пегу, тогда, может, мы и победим. Ружья у нас плохие. И пушки. Англичане — солдаты хорошие... Ну ладно. Не бежать же нам от них... Тебе у нас нравится?

На такой вопрос, да еще только что получив награду от самого генерала, надо бы ответить «нравится», но Иван давно хотел поговорить по душам с кем-нибудь из большого бирманского начальства.

— Все-таки домой тянет, — сказал он. — Никак не привыкну к здешней жизни. Народ бирманский хороший и обижать меня не обижают, и все-таки я вроде пленника у вас.

— Это неправда, — сказал генерал. — Ты командуешь отрядом пушек. Тебя приглашают на военный совет, тебя сам генерал мечом наградил, а ты так говоришь. Нехорошо.

— Разве я отказываюсь у вас служить? Я не понимаю, что ли? — возразил Иван. — И англичане покорить хотят, и артиллеристов не хватает. Я понимаю — пока война идет, я должен с вами оставаться. Я про то, что потом будет, после войны, — об этом говорю. Вот кончится война...

— А может, женишься у нас, молодой ведь еще? Будут дети. Станешь ты большим генералом, сам король тебя приблизит...

Усы Бандулы топорщились, и непонятно было, то ли он посмеивается, то ли рассердился на русского артиллериста.

— Так у меня свой дом есть, — сказал Иван. — Отец и мать ждут. Ведь пять лет уже дома не был. Как отплыли мы из Санкт-Петербурга в кругосветное плавание, с тех пор от меня ни слуху ни духу. Были бы вы на моем месте...

— С генералом так говорить нельзя, — перебил его Бандула. — Генерал на твоем месте быть не может.

И опять стало непонятно Ивану, сердится Бандула или шутит.

— Может быть, Иван, — сказал он, — ты попадешь домой даже скорее, чем полагаешь. Ты мне будешь нужен для важного дела. А сейчас иди спи. Завтра бой.

Когда Иван проходил мимо часового у двери, тот увидел в руках у русского артиллериста меч и цокнул языком: он узнал меч генерала.

А Иван шел к своей палатке и ломал голову, что же хотел сказать бирманский генерал. Иван уже три года жил среди бирманцев, привык к ним, но домой все равно тянуло, и он знал: нет такой силы, что его навсегда бы задержала в Бирме.

Три года назад он, один из матросов фрегата «Крейсер», которым командовал лейтенант Лазарев, стоял у борта и смотрел в последний раз на серые тени кронштадтских фортов, путаницу вант и суетню шлюпок, на туманную панораму Петербурга на горизонте... Где теперь его товарищи? Наверно, вернулись уж домой и позабыли про Ивана Исаева, который в бурю был смыт волной за борт в Индийском океане и три дня, пока не подобрала его лодка бирманских рыбаков, носился по морю, держась за обломок доски.

Потом была рыбацкая деревня и долгие недели тихой жизни, пока возвращались силы. Через месяц приехал чиновник из Мергуи, прознавший про спасенного матроса, и увезли Исаева в город, где расспрашивали долго про его страну и не верили сперва, что он не англичанин и не француз, — о других европейских народах чиновники в бирманском порту Мергуи знали мало. Тем временем депеша о русском матросе достигла бирманской столицы, и приказано было привезти его туда и взять в армию, в артиллерию, — пушек у бирманцев было мало, а пушкарей и того меньше. А надвигалась опасность — Англия, которая завоевала соседнюю Индию, шла на Бирму войной, хотела и ее покорить.

Иван понравился бирманским офицерам. Сначала ему доверили пушку, потом назначили батареей командовать. Был он умелым канониром, и сам генерал Бандула еще до этого памятного вечера заметил и выделил Ивана.

А вот сегодня, после совета и всех событий, даже наградил.

3

КОГДА СЛОНЫ ОПАСНЫ

Иван долго не мог заснуть в ту ночь. Уже начало светать, когда сон сморил его, и все виделась длинная дорога, в конце которой город Петербург и своя деревня, но почему-то Иван не шел

по этой дороге и даже не ехал, а плыл в лодке и никак не мог побороть течение. Тут его разбудил солдат.

— Господин Иван, вставайте, — шепотом говорил он, тряся Ивана за плечо. — Пора. Сейчас начнем.

Иван вскочил, сел на циновке и с минуту никак не мог в себя прийти, понять, где он, что с ним происходит. Потом услышал за стенкой палатки перезвон оружия, приглушенные голоса солдат и тяжелую поступь боевых слонов — понял, что начинается бой.

Он надел через плечо перевязь меча, взял пистолет английского лазутчика, ополоснул лицо из таза в углу и вышел наружу.

Пушки уже стояли на холме, у белой маленькой пагодки, похожей в тумане на свечку. У пушек суетились канониры. Иван сразу очутился в знакомом и привычном мире ядер, порохового дыма и гладких, блестящих от росы, холодных еще стволов.

Мимо скакали ординарцы, нестройно проходили солдаты в железных шлемах с копьями и старыми ружьями в руках, проходили и таяли в тумане, в низине, откуда и должна была начаться атака.

Иван остановился у ядер, сложенных аккуратными пирамидками. Некоторые из ядер были чугунными, другие — каменными. Посмотрели бы наши, из каких пушек бьем, вот бы подивились на Исаева, подумал он. Как при царе Иване Васильевиче Грозном. Вслух же Иван сказал:

— Заряжай!

И пошел вдоль ряда разномастных монстров, захваченных еще у португальцев лет двести назад, купленных в Сиаме или отлитых в литейных мастерских Авы.

Туман над долиной неожиданно поднялся, как занавес в театре, и стало видно все поле, бирманские полки, разворачивающиеся для наступления, и вдали, за валами и тростниковыми фашинами, мелкие и суетливые фигурки в красных мундирах. Англичане не спали. Они были готовы к бою. Они были кем-то предупреждены.

Еще не прошло трех минут с тех пор, как внезапно растаял туман, и грохнули слаженно и сердито английские батареи, образовав перед фронтом бирманских отрядов быстро возникшую грозную стену рвущейся во взрывах земли, осколков и дыма.

Иван поднял вверх руку с мечом. Канониры поднесли к пушкам фитили, и ответный гул бирманской батареи прокатился над холмами, вызвав радость в рядах бирманцев. Но большинство ядер, не долетев до английских позиций, беспомощно прыгали по земле, не причиняя никому вреда. Справа и слева отозвались другие бирманские пушки.

Иван приказал прекратить стрельбу. Пользы в ней не было, а можно было попасть в своих.

На соседнем холме под манговыми деревьями появилась кучка всадников — Бандула со штабом. Генерал не ожидал, что туман подымется так быстро и внезапно и застанет бирманские полки в движении. Он приказал манипурской кавалерии ударить во фланг противника.

Но пока гонцы скакали к манипурскому полку, пешие части, встреченные огнем британских пушек, смешались и приостановили движение. Еще какое-то мгновение — и они побегут, и тогда битва будет проиграна еще до того, как она началась. Бандула пришпорил коня и бросился вперед, к войскам.

Его увидели, приветствовали криками, и сначала самые близкие к нему солдаты, потом другие, те, кто стоял дальше, пошли вперед все быстрее, стараясь не отстать от всадников, летящих на английские укрепления.

А тем временем из-за холма черной лавиной выкатилась манипурская конница. С гиканьем, размахивая кривыми саблями, горцы неслись на пушки, и казалось, их ничто уже не остановит.

Иван приказал подвести лошадей. Если атака удастся и первый ряд укреплений будет взят, надо перетащить пушки ближе к английским позициям, чтобы помочь пехоте.

Но перевозить пушки не понадобилось. К грохоту английской артиллерии примешались сухие залпы ружей. Упал конь под Бандулой, и Ивану было видно, как покатился по земле генерал, как бросились к нему адъютанты, как генерал поднялся и, прихрамывая, подошел к другому коню. Бирманцам эта заминка стоила многого. Хотя первые солдаты и ворвались на укрепления англичан, пробиться к пушкам им не удалось. Копья и мечи уступали в поединке английским штыкам...

Иван посмотрел направо, туда, где манипурские конники рубились с английскими артиллеристами...

Вдруг загудела земля. Шли боевые слоны. Видно, командующий слоновьей кавалерией не выдержал напряжения, испугался за судьбу генерала и решил бросить в схватку слонов, не дожидаясь приказа.

— Эх, дурачье! — выругался по-русски Исаев.

Сверху ему было видно, что слоны в своем движении неизбежно должны были пройти сквозь свою же пехоту.

Слоны казались очень грозными. Хоботы их были разукрашены, на спине каждого возвышалась башня со стрелками, а на концы бивней были прикреплены железные ножи. Слоны бежали вперед, и ничто, казалось, не могло их остановить.

Бирманские пехотинцы в ужасе бросились в разные стороны. Серые гиганты не различали ни своих, ни чужих.

Бандула и его поредевшая свита вернулись на холм. Иван даже не заметил, как генералу удалось вырваться из гущи боя. Он пытался разглядеть, не ранен ли Бандула, но издали не было видно. Низкое солнце светило прямо в глаза.

Иван повернулся в другую сторону, к левому флангу, и то, что он увидел там, немного успокоило его. Красные мундиры англичан и шлемы бирманцев смешались в схватке, которая кипела уже за линией укреплений. Пушки англичан там замолчали, чтобы не поразить своих, и артиллеристы, размахивая длинными банниками, старались не подпускать бирманских солдат к самим орудиям.

Бандула тоже увидел слабое место в английской обороне, и по его знаку на левый фланг бегом устремился резервный араканский полк, надежная гвардия Бандулы, ветераны, прошедшие с генералом не одну военную кампанию.

Тем временем слоны, оружие старомодное и ненадежное в бою с европейской армией, добились только того, что полностью рассеяли бирманский центральный отряд. Разъяренные шумом, пороховым дымом, криками, вспышками выстрелов, они все неслись вперед. Но Иван, уже видевший их в боях, почти не сомневался, что англичане, привыкшие к слонам в Индии, не растеряются.

Так и случилось. Цепочки стрелков в красных мундирах поднимались на вал и вскидывали ружья. Они целились в ноги слонам. Вот один из гигантов упал на колени, и башня на его спине угрожающе накренилась. Стрелки посыпались из нее, попадая под ноги бегущим сзади слонам. Еще один слон захромал. Еще один...

И тут случилось неизбежное. Отряд слонов, вернее, уже не отряд, а взбешенное стадо развернулось и бросилось назад, спасаясь от выстрелов. Слоны неслись, подпрыгивая от страха и боли, сбрасывая со спин башни с солдатами, растаптывая остатки бирманских пехотинцев...

Сюда не заберутся, с облегчением подумал Иван, полагаясь на крутизну холма и рвы, выкопанные заранее по его приказу.

Отступила и манипурская конница на правом фланге. Всадники, вырвавшись из зоны огня англичан, придерживали коней и собирались в тени деревьев, неподалеку от Бандулы. «Хорошо, что не разбежались, — с облегчением подумал Иван. — Они еще пригодятся».

Только на левом фланге пришедшие на помощь араканские гвардейцы вытеснили англичан с передовых позиций, захватили

батарею и теперь упорно дрались с подоспевшими английскими подкреплениями.

Что же предпримет Бандула? Вряд ли теперь удастся одолеть англичан, и лучше всего было бы трубить отбой. Сражение проиграно уже потому, что враги были готовы к бирманскому наступлению. Англичане знали о сегодняшнем бое. Значит, прав был генерал — английский лазутчик был не один.

Солнце поднялось уже высоко. Было жарко, разогревшийся воздух стал горьким от дыма. Земля мелко дрожала — и от ударов о нее ядер и снарядов, и от бестолкового бега слонов. Некоторые из них добежали до реки и остановились там, у воды. Остальные исчезли среди деревьев.

Обернувшись к реке, чтобы посмотреть, что же будут делать слоны, Иван вдруг увидел несколько больших лодок, поднимавшихся вверх по течению. Лодкам удалось незаметно пробраться во фланг бирманским войскам. В каждой сидело несколько десятков солдат в красных мундирах, и на носу стояла небольшая пушка. Это был отряд, так не вовремя вернувшийся из Пегу.

Заметили лодки и англичане. И вот уже первые шеренги их солдат переваливают через вал и быстрым шагом пересекают равнину. Перед шеренгами идут барабанщики с белыми портупеями и знаменосцы несут синие, с красными крестами знамена. Треск барабанов особенно громок в наступившей тишине — замолкли пушки англичан.

Пора было вступать в дело бирманской артиллерии. Но Иван ждал. Рявкнули пушки второй и третьей батарей, Иван ждал. Пороха и ядер немного, тратить их зазря никак нельзя...

Запыленный гонец прискакал на холм:

— *Генерал спрашивает, почему не стреляет батарея?*

— Скажи, чтобы не беспокоился.

Гонец с недоверием взглянул на Ивана и ускакал.

Редкие цепи бирманских солдат выстраивались у подножия холма, на котором стояла батарея Ивана. Солдаты посматривали наверх и что-то кричали. Видно, тоже торопились стрелять.

С ревом прилетел и разорвался английский снаряд. Англичане перенесли огонь своих батарей подальше.

— Заряжай картечью, — приказал Исаев.

4

ИВАН ПОЛУЧАЕТ ПРИКАЗ

Вечером отступившие бирманские полки устраивались на ночлег. Бой был проигран. И хотя батарея Исаева держалась дольше всех и дала возможность отступить основным частям

бирманской армии, спасти положение не удалось. Были потеряны почти все слоны, погибла половина манипурской конницы и многие из гвардейцев.

Из батареи Ивана уцелело всего три пушки. От других батарей и того не осталось. Иван уж и не помнил, как ему удалось в последний момент привязать к лошадям оставшиеся целыми орудия и догнать отступающую армию. Его спасло то, что англичане, преследуя бирманскую пехоту, в сутолоке боя пропустили бешено мчавшиеся упряжки.

В тылу вдоль пересохшего ручья Бандула задолго до боя приказал выстроить бревенчатую стену. На всякий случай. Теперь эта стена спасла армию от полного разгрома. Англичане, тоже измученные тяжелым боем, остановились перед ней, затем отошли на холмы, еще утром занятые бирманской армией.

Иван сидел у костра со своими канонирами. Он пил чай. Может быть, уже сотую чашку. Удивительно, как хочется пить. Кажется, ничем не утолить жажду, ничем не заглушить тяжелый запах дыма и пота.

— Артиллериста Ивана к генералу Бандуле! — сказал солдат, останавливаясь у костра.

Солдат был так же грязен и измучен, как и сидевшие у костра канониры.

Иван шел через лагерь, мрачный лагерь побежденных, где раненые стонали у костров, а уцелевшие спали, сморенные боем.

Генерал Бандула сидел в небольшой палатке на циновке, скрестив ноги. Один рукав его был засучен, и лекарь перевязывал руку повыше локтя. Генерал жмурился и топорщил усы.

— Садись, — сказал он Ивану. — Садись, тебе говорю!

Иван сел.

— Даже чая нет. Ординарца убили. Понимаешь?

— Хотите, скажу своим — сварят.

— Не хочу. Мы англичан разобьем. Ты не думай, разобьем... Скоро закончишь?

— Сейчас, одну секунду, — ответил лекарь.

— Болит, понимаешь? Я командиру слонов приказал голову отрубить, и правильно сделал. А он кто — знаешь? Двоюродный брат короля. Глупость в бою — самое большое преступление. Я этих слонов напоследок берег, когда фериджи близко подойдут. А этот — своих давить... Ну, скоро ты?

Лекарь поклонился и, пятясь, вышел из палатки.

На несколько секунд наступило молчание. Рядом с палаткой громко верещали цикады. Им и дела нет до боя. Кто-то вскрикнул — то ли раненый, то ли во сне.

Бандула поморщился:

— Болит рука. Я тоже неумен — поскакал в бой. А если бы меня убили? Жалко, мне голову рубить некому. Нам еще учиться надо, в другие страны ездить, оружие покупать. Твой король продаст нам оружие?

— Не могу знать. Может, и продаст.

— Посольство послать надо. Приедешь домой, спроси у своего короля, что он хочет за оружие. Можем дать рубины, слонов, тиковое дерево, рис.

— Я у себя в стране маленький человек. Меня царь слушать не будет.

— Будет. Ты у меня большой человек. Жалко, у меня второго меча нет. Я бы и второй тебе подарил. Но тебе и одного хватит, а?

— Я свое дело делал.

— Хорошо делал. Теперь другое дело делать будешь.

Бандула уселся поудобнее, стараясь не шевелить раненой рукой. Он внимательно посмотрел на Ивана, прищурился, как бы проверяя, говорить дальше или нет.

— Слушай, артиллерист. Я обещал тебе, когда кончится война, поедешь домой. Но я не знаю, когда кончится война. И меня тоже могут убить. Поезжай домой сейчас.

— Да мне не к спеху, — сказал Иван.

И сказал вполне искренне. Он сейчас не собирался уезжать. Его долг — не бросать в беде своих, а бирманцы стали своими, особенно сейчас, когда вместе сражались.

— Слушай, не перебивай! — сердито сказал Бандула.

Не на Ивана злился генерал — на проигранный бой, на англичан, на руку, которая болела.

— Я тебя не просто домой отпускаю. И, может быть, вчера еще и не отпустил бы. Сегодня твоя артиллерия кончилась. У тебя три пушки осталось да по одной в других батареях. Я их своему офицеру отдам. Справится. А для тебя дело поважнее.

Бандула поманил Ивана, чтобы подвинулся ближе. Понизил голос и продолжал:

— Завтра отступаем. Здесь нас Кемпбелл может голыми руками взять. Но я думаю, его солдаты тоже устали. С восходом солнца отправишься на север, в столицу, в Амарапуру. С тобой поедет мой адъютант Аун То. Ты его знаешь.

Иван кивнул головой. С Аун То они были даже приятелями. Молодой бирманский офицер, любознательный и веселый, нередко заходил к русскому канониру, расспрашивал его о дальних странах и морях, мечтал и сам повидать мир.

— Повезете важный груз. Очень важный. Я не оставлю его здесь, потому что англичанам может достаться. Что за груз, тебе знать не обязательно. Охрану дам малую — чем меньше народу

будет знать, зачем едете и куда едете, — тем лучше. Скажете — на разведку. Письмо будет у Аун То. Тебе же даю другое письмо — пропуск через все заставы до России. Никто тебя не задержит, даже король. Ты доволен?

— Спасибо. Но, ваше превосходительство, я ведь домой сейчас не прошусь. Если нужно, до конца воевать буду.

— Я знаю. Но это дело важнее, чем бой. Я посылаю тебя, потому что верю тебе больше, чем некоторым своим офицерам... Эй, солдат!

Вошел солдат. Шлем его с острым шишаком был помят.

— Позови Аун То, он должен рядом быть.

— Слушаюсь, Маха Бандула. Тут у входа стоит Роджерс. Вы велели ему прийти с пленным англичанином.

— Пусть подождет... Да, постой. — Бандула нахмурился, но не от боли. — Он давно ждет?

— Недавно.

— Рядом с палаткой стоит?

— Рядом.

— Отгони их подальше, пусть подождут в сторонке.

Когда солдат ушел, генерал сказал, будто обращаясь к самому себе:

— Стенки у палатки тонкие.

Вошел Аун То, высокий большеглазый бирманец в европейских лосинах, шлеме и с двумя пистолетами за поясом.

— Вы звали меня?

— Садись. Артиллериста Ивана знаешь?

— Он мой друг. — Аун То улыбнулся и положил длинные сухие пальцы на колено Исаеву.

— Хорошо. Я так и думал. Завтра поедете вместе. Я тебе уже говорил. Завтра получишь мое письмо к королю. Там я обо всем докладываю. От себя скажешь, что Иван по моему приказу должен вернуться домой. Скажешь, что я хочу, чтобы с ним поехал в Россию ты, и пусть король отберет еще нескольких молодых офицеров. Приедете в Россию — идите к русскому королю, скажите, что просим помощи. Баджидо меня послушается, сейчас у него, кроме меня, нет хороших генералов. Идите. Оба идите. Мне еще надо допросить англичанина, а рука болит. Пусть лекарь зайдет, даст настоя.

Бандула поднялся и левой, здоровой рукой пожал по-европейски руку Ивану, кивнул Аун То и снова уселся на циновку, давая этим понять, что разговор закончен.

— Желаю счастья, — сказал Иван.

— Желаю счастья и вам, сыновья, — ответил генерал. — Пусть войдет Роджерс с пленным.

Роджерс, наверно, услышал слова генерала, потому что Иван с Аун То столкнулись с ним у самого входа. За маленьким переводчиком солдаты вели англичанина со связанными руками. Роджерс быстро поклонился Ивану и, ничего не сказав, нырнул в палатку.

— Я счастливый человек, — сказал Аун То. — Я увижу другие страны!

— Пошли спать, — предложил Иван. — И так сегодня чуть живые, а завтра день нелегкий.

— Пошли, — сказал разочарованно Аун То, но спорить не стал.

— Небось не заснешь теперь, — сказал ему вслед Иван.

— Не засну, — почти радостно отозвался бирманец. — Совсем не засну!

5

ОТЪЕЗД

Утро пришло внезапно. Видно было, как проступают на черном занавесе деревьев синие тени, и вот уже можно различить листья, и летучие мыши ныряют в листву, чтобы повиснуть до вечера на ветвях, а навстречу им врывается в синеву утра пение дневных птиц.

Солнце еще не показалось над кустами низин, но вершина пагоды Шведагон вдруг вспыхнула золотом, и так ярко, что казалось, загорелись красные рубины, спрятанные под ее зонтом. А потом, будто кто-то провел широкой кистью сверху вниз, загорелась вся пагода — даже отсюда, из лагеря, издалека, громадная и величественная.

Не успела солнечная кисть докрасить основание пагоды, маленькие пагодки и строения, окружающие Шведагон, как лучи опустились на вершины манговых деревьев и почти тотчас же ударили в лицо, потому что в небо, как мяч из воды, вылетело солнце. И начался день.

Иван не выспался. Он много раз просыпался за ночь, торопил сон, торопил утро. Казалось, что эта короткая ночь длиннее лет, прожитых здесь. Солнце он встретил, сидя на лафете одной из трех оставшихся в батарее пушек. У ног лежал небольшой мешок, собранный еще затемно. Иван почти все пожитки оставил своим канонирам: рассудил, что путь будет долгим, трудным — нельзя перегружать ни коня, ни себя. Дай бог донести голову целой. Меч Иван повязал у пояса, туда же, за пояс, сунул пистолет, отобранный у англичанина.

С солнцем просыпался лагерь. В шум хриплых со сна голосов солдат и плеск воды влетел сухим треском случайный выстрел. В той стороне с криком поднялись вороны, но, покружившись с минуту, снова опустились на ветви — вороны привыкли к выстрелам, разжирели на падали. Лениво бухнула английская пушка...

Аун То пришел не один. За ним солдат тащил переметные сумы. Другой вел в поводу двух коней. Иван еще издали заметил, что кони добрые, манипурские.

— Как поживаешь? — спросил Аун То.

— Спасибо, хорошо, — ответил Иван. Потом добавил: — А груз где?

— Нас ждут за рощей. Чтобы никто в лагере не знал, куда уезжаем. Пусть думают, что в разведку.

Аун То легко вскочил на подведенного солдатом коня, проверил, хорошо ли закреплены сумы. Подождал, пока Иван, плохой кавалерист, приторочит свой мешок и усядется в седле понадежнее.

Через лагерь ехали не спеша. Осматривались. В тени деревьев лежали раненые, некоторые за ночь умерли, отмучились, но монахи, которые ухаживали за увечными и уносили мертвых, еще не проснулись.

Ночью поражение казалось не таким окончательным. Днем стало видно, что армия перестала существовать. Единственное, что могло спасти ее остатки, — немедленное отступление, пока англичане не собрались с силами, чтобы преследовать противника.

Спали кто где свалился после боя. Перемешались полки, отряды, тут же бродили оседланные кони, и непонятно было, то ли их хозяева погибли, то ли спят, позабыв обо всем.

Издыхал боевой слон. Он возил по земле окровавленным хоботом, и погонщик его, тоже окровавленный и грязный, плакал, гладя слона по голове, будто хотел утешить.

Миновали маленькую группу часовых, и Иван даже удивился, увидев их здесь. Странно было видеть бодрствующих в этом кошмарном сонном царстве.

Еще два солдата стояли у палатки генерала.

— До свидания, ваше превосходительство, — сказал Иван негромко по-русски. — Даст бог, свидимся.

Но сам не верил, что увидит когда-нибудь Бандулу.

Худенькая фигурка Роджерса поднялась из травы. Переводчик спал на земле, подложив под себя старый плащ.

— Доброе утро, господин Иван, — сказал он. — Доброе утро, Бо Аун То. Неужели вам тоже не спится?

— Доброе утро, Роджерс.

— Куда собрались?.. Если не секрет.

— На разведку, — поспешил ответить Аун То.

— Какая же может быть разведка, если армия разбита?

В голосе Роджерса слышалась печаль.

Иван, чтобы успокоить человека, сказал попросту, без издевки:

— В случае чего у англичан устроитесь.

— Англичане не ценят предателей, — сказал Аун То и тронул коня.

— Вот это правда, — заторопился Роджерс. — Со мной церемониться не станут. — Он снял очки в погнутой оловянной оправе и принялся тереть большими пальцами стекла.

Снова неподалеку бухнула английская пушка. Англичане не собирались оставлять противника в покое.

— Мы будем отступать? — спросил Роджерс. Он почти бежал, держась за стремя Иванова коня.

— Северную дорогу посмотреть надо, чтобы англичане не обошли.

Больше Иван не оборачивался. Роджерс отстал и вернулся к палатке генерала.

На пригорке их ждали пятеро солдат, окруживших повозку с грузом. Чиновник с удивительно редкой, волоска в три-четыре, бородой протянул Аун То бумагу. Тот подписал ее в знак того, что груз им принят. Потом вся кавалькада — повозка, Иван, Аун То и пятеро солдат — двинулась на север. Бандула не хотел давать большого конвоя. Груз был секретным, и потому даже свои не должны были обращать на него внимания.

6

ПАГОДА ТРЕХ ДУХОВ

Каждый удар подковы о дорогу рождал клуб пыли, которая поднималась в жаркий густой воздух и повисала там. Казалось, повозка плывет по пылевым волнам. Иван повязал голову платком, чтобы не жгло солнце, и платок вскоре порыжел. Лица тоже приняли цвет пыли.

Голодная серая собака с перебитой ногой долго ковыляла рядом со всадниками, — наверно, надеялась, что ее накормят за верность. Потом притомилась, отстала и улеглась в тени у дороги.

Путь лежал по пустынным местам. Деревни казались безлюдными, и квадраты рисовых полей щетинились прошлогодней соломой.

Война была еще близка, и по этой дороге прошло слишком много голодных солдат. Даже горшок на полочке, прибитой к

стволу дерева, был пуст и кружка пропала — некому было налить воды для путников.

Иван старался, чтобы не так жарко было, припомнить прохладу вологодской рощи, но видение, такое послушное обычно, сейчас скрывалось за пыльным облаком. Второй день путешествия на север подходил к концу.

— Сегодня где ночуем? — спросил Иван, поравнявшись с пропыленным Аун То.

— Дойдем до деревни Тауншве. Там нас будут ждать.

— Река! — крикнул солдат.

— Все правильно — Иравади. Мы снова вернулись к ней, — сказал Аун То. — Привал. Напьемся, и пускай напьются кони.

— Может, и заночуем здесь? Солнце уже низко, — сказал Иван. — Кони устали.

— Кони устали, — подтвердил солдат, стоявший рядом.

— Знаю, — сказал Аун То. — Но не хочется ночевать здесь. До деревни доберемся засветло.

— Не успеем, — сказал солдат. — Я из этих мест. К сумеркам будем только у пагоды Трех Духов. Это плохое место.

— Все равно поедем. Успеем к деревне.

Солдат оказался прав. Когда дорога привела путников к кустарнику, из-за которого выглядывала вершинка небольшой пагоды, солнце уже спустилось к синим горам на том берегу Иравади. Еще полчаса, и наступят короткие сумерки.

— Ночуем здесь, — сказал Аун То, и, как будто поняв его, кони прибавили шагу, и даже буйволы, запряженные в повозку, приподняли тяжелые рога и потянули сильнее.

Пагода Трех Духов стояла на плоской вершине холмика. Колючие кусты окружали ее со всех сторон, и дорога к ней казалась коридором, прорубленным меж невысоких неровных стен. В сумерках кусты казались темно-синими. Кое-где платформа под пагодой дала трещины, и сквозь них пробились травинки, выгоревшие под солнцем, жесткие и, казалось, мертвые. Сама пагода — конус в два человеческих роста, сложенный из кирпичей и обмазанный штукатуркой, — была давно не белена. Дожди смыли известку и окрасили в белый цвет площадку.

Солдаты разожгли костер, и от его света сразу стало темнее вокруг. Только Иравади, подходившая совсем близко к пагоде, серебрилась под низко висящей луной.

Иван обошел площадку. С трех сторон холм спускался полого, с третьей, дальней от реки, оканчивался обрывом, по краю которого щетинилась полоска кустов. Было уже так темно, что не разберешь, глубокий ли овраг. Но Иван решил, что неглубо-

кий, — другая сторона его, тоже поросшая кустами, была совсем близко.

— Ты не голоден? — спросил Аун То. — Рис сейчас будет готов.

Солдаты расстелили на земле циновки и каждому на банановый лист положили по горке сваренного еще утром и разогретого риса. Один из них, продираясь сквозь кусты и приговаривая: «Змей здесь нет, нет ни одной, а если есть, они не захотят меня укусить», поднялся с реки, неся воду.

— А змей здесь много? — спросил Иван.

— Очень много. Поэтому и пагода называется пагодой Трех Духов.

— А что общего между змеями и духами?

— Это старинная история, — начал солдат, довольный тем, что нашел слушателя.

— Я тоже слышал эту сказку, — перебил его Аун То. — Как три разбойника...

— Если вы позволите, господин, я сам расскажу эту историю, — сказал тот солдат, что боялся змей. — Я из этих мест.

— Расскажи, — согласился Аун То.

— Это не сказка. Это случилось в самом деле, только очень давно, когда главным городом в Бирме был славный Паган и правил им могучий царь Анируда. Жила там девушка изумительной красоты, и звали ее Ма Ни Ни. Все любили ее, потому что она была не только красивой, но доброй и ласковой. Даже птицы прилетали по утрам на ее крыльцо, чтобы спеть ей свои песни. Многие богатыри сватались к ней, но все получали отказ. Ма Ни Ни как-то увидела на празднике принца Чанзитту и решила, что отдаст свое сердце только ему...

Аун То подбросил в костер сухих ветвей, и огонь осветил неверным красноватым светом лицо рассказчика. Иван подумал, что так же сидели бирманские солдаты у костра и во времена древнего царя Анируды.

— Но Чанзитта, отважный и прекрасный воин, не знал о любви Ма Ни Ни и уехал на юг покорять город Татон. И тогда старый ростовщик Кула решил взять Ма Ни Ни себе в жены. Он был очень богатым человеком, но очень злым и многих разорил, потому что брал очень большие проценты.

— У нас в деревне ростовщик тоже берет очень большие проценты. Прошлой весной мы отдали ему половину риса, — сказал молодой солдат, сидевший в тени.

— Не перебивай, Ко Мья... На чем я остановился? Да, и решил ростовщик взять Ма Ни Ни в жены. Он пришел к ее отцу и предложил ему целую повозку золота. Но отец Ма Ни Ни был

добрый и гордый человек. «Не надо мне золота, — сказал он. — Ты лучше спроси мою дочь, хочет ли она, чтобы ты был ее мужем». А Ма Ни Ни сказала: «Постыдись, отец! Твой зять будет старше тебя!» Но однажды Ма Ни Ни с отцом поехала на юг навестить свою тетю. И ростовщик нанял трех разбойников, чтобы они схватили Ма Ни Ни, убили ее отца и привезли девушку к нему в его лесной дом...

Иван слушал легенду и краем глаза поглядывал на реку. Ему показалось, что по серебряной дорожке поднимается черная полоска — лодка. Он хотел было сказать об этом Аун То, да не стал перебивать рассказчика. Черная полоска приблизилась к берегу и пропала в тени.

— Разбойники быстро доехали до того места, на котором мы теперь сидим. Вон там, под обрывом, в овраге, — солдат показал в сторону, противоположную реке, — они построили себе из камней дом и в нем ночевали. И вот однажды они слышат — стучат по дороге копыта. Это ехала повозка, в ней Ма Ни Ни, а рядом, на коне, ее отец. Разбойники бросились из засады на путников, отца девушки убили, а ее связали. Время было позднее, как сейчас, и они решили сначала переночевать, а с рассветом поехать к старику-ростовщику.

Солдаты подвинулись поближе к костру. Сказка сказкой, но ночь была темной, и в кустах что-то ворошилось и вздыхало — то ли ночные птицы, то ли змеи... Иван снова взглянул на реку. Но ничего не было видно.

— Ночью девушка обратилась с мольбой к духам лесов и гор, к зверям и птицам, чтобы они спасли ее. И тогда все змеи, что живут на холме и вокруг, вылезли из своих нор, тихо подползли к спящим разбойникам и искусали их. Страшными голосами кричали разбойники перед смертью!

Тут рассказчик сделал драматическую паузу и потом закончил совсем другим, тихим и будничным голосом:

— Девушку змеи не тронули. Она вернулась в Паган, вышла замуж за принца Чанзитту. Вот и все. А души разбойников, которые умерли так внезапно и страшно, не успокоились и долго бродили, пугая людей. Тогда и построили здесь пагоду, чтобы успокоить злых духов. Но, говорят, иногда ночами они появляются здесь и делают пакости честным людям...

— Ну и место мы выбрали для ночлега! — постарался пошутить Аун То. — И змеи, и привидения.

— Я же говорил, что место плохое, — сказал солдат.

— Ничего. Переночуем.

— Надо будет по очереди дежурить, — заметил Иван.

— Англичане далеко. Или ты боишься привидений?

— Привидений я не боюсь, хотя, может, у вас в Бирме они и особенные. Но мало ли кто может проехать по дороге. А у нас груз ценный. Бандула сказал, что мы можем сами погибнуть, а повозку должны довезти до Амарапуры.

— Ладно, — сказал Аун То, — первым будет дежурить Ко Мья. — И он показал на молодого солдата. — А теперь спать. Сегодня луна, и привидения не придут.

— Не шутите, господин, — сказал старый солдат. — Духи этого не любят.

Аун То смущенно кашлянул. Ему не хотелось, чтобы Иван заметил, что он побаивается злых духов.

Иван улегся на площадке у пагоды. Ему не спалось, как не спалось и вчера ночью. А вдруг бирманский король не захочет отпустить его? И тогда прощай мечта о возвращении домой.

Ко Мья сидел у гаснущего костра, опершись о копье. Голова его медленно опускалась вниз, потом он спохватывался, просыпался, тряс головой, стараясь прогнать сон, и все начиналось сначала.

«Заснет, — подумал Иван, — обязательно заснет». Ему не нравилось это открытое, чересчур близкое к реке место. Рядом, прижавшись друг к другу, спали остальные солдаты и Аун То.

Иван встал и подошел к костру. Ко Мья даже не поднял головы. Он уже крепко спал.

Все тихо. Даже слишком тихо. Почему-то умолкли птицы и улегся ветер. Может, и в самом деле злые души мертвых разбойников подкрадываются к маленькому лагерю? Иван подошел к краю площадки, где стояла повозка. Под материей, которой она была покрыта, угадывались два больших ящика. Интересно, что в них?

В кустах раздался шум. Иван резко повернулся в ту сторону, но по храпу тут же догадался, что там — стреноженные кони и буйволы. Он еще раз пересек площадку. Надо было спать, завтра снова в путь, но тревога заставила его внимательно вглядеться в реку, в прибрежные заросли. И ему показалось, что кто-то возится там, внизу. Разбудить Аун То? Нет, наверно, почудилось.

Осторожно раздвигая ветки, чтобы не трещали, Иван начал спускаться к реке.

Несколько раз он останавливался, чтобы освободить куртку от вцепившихся в нее колючек. Перед тем как сделать шаг, он проводил подошвой по земле — может, попадется сухой сучок, а то и змея.

Уже шагов через двадцать он мог бы поклясться, что слышит голоса, шепот, не долетавший до площадки у пагоды, но явный внизу, у воды. Иван прислонился к стволу и замер.

Говорили по-английски. Английский Иван понимал плохо, но отличить его от других языков мог. Как же англичане могли здесь очутиться? И знают ли они о людях наверху? Наверно, знают, а то зачем бы им говорить шепотом и таиться.

Несколько человек поднимались по склону навстречу Ивану. Люди были в сапогах, и ветви потрескивали под подошвами. Кто-то тихо выругался.

«Пора», — подумал Иван. Он поднял пистолет, прицелился в направлении голосов и выстрелил.

7

ЗАСАДА

— А-а! — закричал тонкий голос с той стороны.

— Вперед! — по-английски скомандовал низкий бас.

И сразу кустарник ожил. Темная тень бросилась из кустов к Ивану, он не успел перезарядить пистолет. Меч его остался наверху, у пагоды. Иван отпрянул в сторону, его ослепила и обожгла вспышка выстрела. Противник его тоже отбросил ненужное теперь оружие, и в полной темноте они сцепились, потеряли равновесие и покатились, ломая кусты, под уклон.

Противник был тяжелее Ивана и подмял его. Пальцы англичанина рвали на груди куртку, подбирались к глотке, и свободной рукой Иван лихорадочно шарил по земле, стараясь отыскать какое-нибудь оружие. На счастье, он натолкнулся на обломок кирпича, свалившегося сверху. Он изловчился, ударил англичанина по голове и почувствовал, как ослабела хватка. Иван вывернулся из-под черной тяжести и, не оглядываясь, не зная, убил ли он противника или только оглушил его, бросился, ломая кусты, наверх, на помощь к своим, на шум схватки.

Но опоздал.

В свете луны было видно, что англичане у дальнего конца площадки рубятся с двумя оставшимися в живых солдатами. Нападение англичан было внезапным, и выстрел Ивана слишком поздно разбудил бирманцев.

Первым побуждением Ивана было броситься на помощь солдатам, но для этого надо было пробиться сквозь толпу англичан, пробиться без оружия... Он остановился, стараясь найти в темноте оставленный меч.

Схватка перемещалась понемногу к краю площадки, к дороге, куда отступали бирманцы. Они, видно, хотели добраться до коней, но попытка эта была безнадежна, потому что кони были

стреножены на ночь, а англичан было по крайней мере впятеро больше.

Бирманцы поняли это и бросились бежать по дороге. Вслед бежали англичане, стреляя на ходу, и вспышки выстрелов казались зарницами.

Иван остался на площадке один. Он перебежал открытое место и поднял свой меч. Теперь он хоть был вооружен. Тут же он вспомнил о повозке. Англичанам нужна была именно она, вряд ли они стали бы посылать в длинное и рискованное плавание отряд только ради того, чтобы напасть на кучку бирманцев.

Повозка темнела над обрывом. Что делать? Иван подбежал к ней, попытался столкнуть ее вниз. Времени было в обрез, в любой момент англичане могли вернуться.

Нет, так ничего не получится. Тогда Иван рванул материю, покрывавшую груз, и, поднатужившись, сбросил под обрыв сначала один сундук, потом другой. Сундуки подпрыгивали, круша кусты и ударяясь о выступы обрыва, но сделаны были, видно, на совесть и не разбились.

Овраг был неглубок. Через секунду-две шум оборвался. Иван решил рискнуть и, обернувшись лицом к обрыву, сполз на животе вслед за сундуками.

Еще несколько выстрелов донеслось из-за холмов. Иван сорвался, пролетел сажени две и, больно ударившись об угол одного из сундуков, свалился на землю. Все стихло.

Иван поднялся и присел на сундук. Было совершенно темно. Привыкшие к темноте глаза видели только черные стены оврага и белые точки звезд над головой. Нет, еще что-то голубело совсем рядом...

Иван встал и, с трудом ступая на ушибленную ногу, сделал несколько шагов в том направлении. Вытянутая вперед рука уперлась в неровную оштукатуренную стену. Это было какое-то полуразрушенное здание, ушедшее в землю, с провалившейся крышей. Дом трех разбойников, вспомнилась Ивану легенда. Наверно, дом трех разбойников. Солдат говорил, что он был каменным.

Иван обошел небольшое здание и нашел вход.

Пожалуй, здесь можно будет спрятаться до тех пор, пока англичане не уйдут. Вряд ли они осмелятся долго сидеть на этом месте.

Потом Иван сообразил, что не грех бы спрятать здесь и сундуки. А то их можно будет увидеть сверху.

Сундук оказался очень тяжелым, Иван волочил его с трудом, но все-таки втащил в дверной проем и опустился без сил на пол. И тут услышал сквозь шум крови в висках голоса англичан. Они,

видно, вернулись и о чем-то спорили. Один из голосов, высокий и виноватый, Ивану показался знакомым. Ивану захотелось бежать отсюда, и поскорее. Но тут он вспомнил о втором сундуке.

Он нашел его ощупью. Сундук был поменьше и полегче первого, но тащить его в дом разбойников было куда труднее. И сил уже не оставалось, и, кроме того, нельзя было шуметь — англичане стояли совсем над головой. Ивану казалось даже, что они могут услышать его дыхание.

Но, слава богу, они были слишком заняты собственным спором. «Ищут, — подумал Иван. — Хорошо, что я успел спихнуть груз под откос. Но они ведь не дураки. Догадаются — могут вниз спуститься».

Иван поставил сундук рядом с первым. На всякий случай еще раз проделал путь от дома к обрыву и заровнял борозды, оставленные сундуком. Потом посыпал их листьями и пылью.

Окончив работу, Исаев снова вернулся в домик. Англичане все суетились наверху, не уходили, но под обрыв пока не заглядывали. Внутреннее помещение дома было небольшое. Одна комната. Иван обошел ее, держась за стену.

В одном месте он почувствовал, что пол уходит вниз. Иван стал на четвереньки и обнаружил посреди комнаты яму. Видно, когда-то под домом был подвал. С одной стороны спуск в яму был пологим; Иван спустил по нему, как с горы, оба сундука, завалил их обломками кирпичей, щебнем и пылью. Иван успокоился. Англичане, если и поймают его, вряд ли найдут груз.

Иван решил уходить. Он рассчитывал к утру добраться до деревни Тауншве и вызвать помощь.

Через полсотни шагов овраг расширился и влился в долинку, по которой проходила дорога. Наверно, днем и холм, и овраг, и кусты — все будет куда меньше и обыденней, чем в темноте. Иван раздвинул колючки окровавленными руками и, хромая, вышел на дорогу. Голоса англичан звучали совсем неподалеку, казалось — над самым ухом. Пригибаясь, Иван побежал по дороге, но через несколько шагов остановился, натолкнувшись на лежащего поперек дороги человека. Ивану пришлось наклониться совсем низко, чтобы узнать Аун То. Бирманский офицер был мертв. Кровь из разрубленной головы залила лицо и натекла черной лужей на землю.

Иван подумал о том, что еще два часа назад Аун То, укладываясь спать, мечтал, как он приедет в Петербург.

Иван запустил руку за пазуху Аун То. Он хотел взять письмо, переданное Бандулой для бирманского короля. Англичане могли вернуться, чтобы обыскать труп.

Письмо было здесь, но, для того чтобы достать его, Ивану

пришлось расстегнуть квадратные пуговицы куртки бирманца. Пуговицы не поддавались, и Исаев, борясь с ними, упустил тот момент, когда англичане, и в самом деле решившие обыскать убитых бирманцев, подошли совсем близко. Иван не успел даже выпрямиться — на спине у него уже тяжело дышал один из англичан, второй заламывал ему руки.

Борьба была короткой, и через минуту Иван лежал связанный. Маленький человек вышел из-за спины английских солдат. Он держал в руке факел и сказал удивительно знакомым голосом, посветив Ивану в лицо:

— Я его знаю. Это русский артиллерист, близкий человек к самому генералу Бандуле...

Глава вторая,

действие которой, как и всех следующих глав, происходит в наши дни и в которой мы знакомимся с главными героями повести

1

ИГОРЬ ЕДЕТ В БИРМУ

Днем пришли ребята из класса и со двора прощаться. Они сильно завидовали Игорю, что он едет в Бирму, и Игорю хотелось быть добрым, чтобы они не подумали, что он зазнался.

Он подарил Гере Шатрову свою коллекцию копеек, а Шурику отдал боксерскую перчатку. Ребята сначала отказывались и говорили, что эти вещи понадобятся Игорю, когда он вернется, но Игорь отвечал, что вернется не раньше чем через год и вещам лежать зазря не стоит — пусть уж лучше ими пользуются другие. Марки он отдал Лине. Правда, Лина в них мало разбиралась, но ему хотелось сделать ей какой-нибудь ценный подарок. Юрка Белов немного обиделся, потому что уже считал марки своими. Пришлось отдать ракетки для бадминтона, но Юрка все равно продолжал обижаться, хоть и не показывал этого. Игорь даже залез под кровать, чтобы поискать, не осталось ли там чего-нибудь еще, что можно подарить. Ребята тоже искали. Лина нашла под буфетом теннисный мяч, и Игорь хотел подарить его ей, но Петя сказал, что это его мяч и что, когда играли в прошлый раз в штандер, Игорь нечаянно унес его с собой. Игорь об этом не помнил, тем более что в последний раз играли в штандер по

крайней мере полгода назад, но спорить не стал и вернул мяч Петру.

Тут пришла мама и застала полный разгром. Ребята потихоньку ушли, потому что обычно матери не любят, когда их дети раздаривают все товарищам, а Игорю пришлось убирать комнату.

Правда, он сначала сказал, что, может, убирать уже и не стоит — все равно уезжать, но мать сказала, что только дикари оставляют после себя такое безобразие, а она смеет надеяться, что ее сын все-таки не дикарь.

— А в Бирме дикари есть? — спросил Игорь.

— Не знаю, — честно призналась мать, — спроси у папы. Я думаю, вряд ли где-нибудь в мире остались дикари, особенно когда почти все уже добились национальной независимости.

— Даже в Африке?

— Даже в Африке.

Игорь все-таки решил выяснить этот вопрос у отца. Ему очень хотелось, чтобы в Бирме были дикари.

Он подмел комнату, а потом пришел в кухню и спросил у мамы:

— А слонов там много?

— Ты же знаешь, что много.

— Знаю, — сказал Игорь. Он читал статью о Бирме в Большой советской энциклопедии.

Потом Игорь помогал маме укладывать чемодан и даже сидел на нем, чтобы он закрылся. Они с мамой немного поспорили, брать ли серое пальто. Игорь полагал, что в Бирме всегда жарко и никаких пальто не нужно, а мама ссылалась на ту же энциклопедию и говорила, что в январе минимальная температура довольно низкая.

Когда чемодан все-таки закрыли, Игорь захотел пойти во двор, чтобы попрощаться по-настоящему с Герой Шатровым, который был его настоящим другом, и с Линой, но мама не пустила, потому что вот-вот должен был вернуться отец, а до отъезда оставалось всего два часа и сейчас приедут тетя Маруся и бабушка и с ними тоже надо прощаться.

— Очень интересно! — заметил Игорь. — Тете Марусе со мной прощаться надо, а моим лучшим друзьям не надо!

— Но они же только что ушли. Разве ты не попрощался?

— Ты их спугнула, мам. Они застеснялись.

— Я бы тебя отпустила, но ты обязательно пропадешь на полдня.

— Неужели ты не понимаешь, — удивился Игорь, — что в моих же собственных интересах не опоздать на самолет? И вообще.

— Принеси-ка лучше мне из шкафа простыни, — сказала мама.

Игорь сильно обиделся на мать и чуть было не решил вообще

убежать из дому и ни в какую Бирму не ехать, но на стуле около шкафа он увидел книжку «Янки при дворе короля Артура» и вспомнил, что не успел дочитать ее. Он сел на стул и начал читать про рыцарский турнир. Минут через пять пришла мать и сердито сказала:

— Тебя только за смертью посылать!

Зазвенел звонок, и появилась тетя Маруся, заранее заплаканная. Но Игорь знал, что тетя Маруся могла плакать по любому поводу. Потом пришел отец и принес билеты на самолет. Билеты были похожи на длинные книжки, и на обложке каждой был нарисован самолет, внутри же — фамилия и маршрут, по которому самолет полетит: Москва — Ташкент — Дели — Рангун.

Снова зазвонил звонок, и Игорь, не выпуская из рук билета, пошел открывать. Оказывается, пришла незнакомая женщина, которая хотела передать маме пакет с воблой для своего сына, который уж полгода работает в Бирме. Мама принялась спрашивать ее о всяких вещах, будто женщина только что сама приехала из тропиков, но та совсем не удивилась и отвечала подробно про жилищные условия и про то, что обязательно надо взять с собой кускового сахара, потому что там только сахарный песок.

Игорю стало скучно, и он, заметив, что на него уже никто не обращает внимания, потихоньку вышел на лестницу и спустился во двор, чтобы показать ребятам свой билет на самолет в Рангун.

Но на дворе никого не было. Только малыши возились в песке. Не им же показывать билет. Игорь расстроился и хотел уходить, но тут подошли Борис Солнышко и Марат — они учились в техникуме и обычно не имели с Игорем ничего общего. Но теперь они сами к нему подошли, потому что знали, что он уезжает в Бирму. Они разговаривали, как будто ему было уже шестнадцать лет, как им. Игорь показал им билет, и Борис Солнышко сказал, что в их техникуме один преподаватель ездил в Гвинею. Они спросили, какой в Бирме климат, и Игорь ответил, что муссонный. Потом Марат сказал, что Бирма маленькая страна, а Игорь возразил, что большая — две тысячи километров с севера на юг и двадцать миллионов населения.

В окно высунулась мама и сказала очень громко:

— Игорь, ты, по-моему, сошел с ума! Через полчаса уезжать, а ты даже пальцем не пошевелил!

Пришлось уйти. Только-только начали налаживаться нормальные отношения со старшими ребятами...

Отец спросил:

— Ты билета не брал?

— Брал. Только свой.

— Где же он?

Билета нигде не было. Ни в карманах, ни в руках. Билет остался у Бориса Солнышка.

— Сейчас, — сказал Игорь и съежился от ужаса.

У него было сильно развито воображение, и, пока он бежал до двери — восемнадцать шагов, — он успел представить себе все, что произойдет в ближайшие сутки. Ведь не могут же родители остаться в Москве оттого, что их растяпа сын потерял заграничный билет. Вот они, печальные и суровые, поднимаются на борт самолета и стараются не глядеть в его сторону, вот тетя Маруся берет его за руку, как маленького, и ведет обратно, в пустую квартиру, где ничего нет, даже марки и монеты раздарены, а когда он выходит на следующее утро во двор, его встречают обидными словами: «иностранец» или «таких, как ты, не то что в Бирму — в Малаховку пускать нельзя».

Но когда Игорь открыл дверь на лестницу, по ту сторону двери он увидел Бориса Солнышко, который уже протянул руку к звонку. В другой руке он держал книжечку билета.

— Не бойся, — сказал он Игорю, — ничего с твоим билетом не случилось.

— Вот спасибо тебе! — сказал Игорь. — А то я уже чуть не начал волноваться. Понимаешь, гляжу — нет билета.

Игорь был очень благодарен Борису, и, если бы у него что-нибудь осталось, он обязательно бы Борису подарил.

— Ну ладно, я пошел, — сказал Борис Солнышко. — Счастливого пути. Передавай привет бирманскому народу. Пиши.

— Спасибо, — сказал Игорь. Он так крепко сжимал билет, что чуть не смял его. — Обязательно напишу.

— Нашелся? — спросил отец, когда Игорь вернулся в комнату.

— Что с ним случится? — ответил Игорь.

— Ну, присядем перед дорогой, — сказала мама. — Ничего не забыли?

Все присели.

— Если что забыли, вышлю, — сказала бабушка.

— Тише, — сказала тетя Маруся. — Надо минуту помолчать. На счастье.

Игорь тоже сел и помолчал. Квартира была странной, нежилой и опустевшей, хотя все большие вещи оставались на своих местах. Даже шторы.

— Все, пора, — сказал отец. — Машина уже ждет.

Все страшно засуетились, начали одеваться, понесли вниз чемоданы, и Игорю досталась довольно тяжелая сумка. Борис Солнышко стоял на дворе и махал Исаевым вслед, пока они выезжали со двора.

2

ЭВЕРЕСТ ПОД КРЫЛОМ

На аэродроме отец сказал Игорю:

— Купи «Огонек», а то читать нечего, — и дал рубль. — На сдачу, может, себе что-нибудь найдешь.

Игорь подошел к киоску, в котором продавались книги, журналы и всякие вещи, нужные путешественникам. Игорь купил «Огонек». Еще оставалось семьдесят копеек, которые нужно истратить, потому что наши деньги теперь не скоро понадобятся.

Игорь увидел записную книжку в синем пластиковом переплете. Он понял, что именно этого ему и не хватало. Ведь в дороге придется вести дневник и делать всякие записи. Книжка стоила полтинник и отлично умещалась в кармане. Остальные деньги Игорь потратил на яблочный сок.

Когда Игорь вернулся к своим, как раз объявили, что надо идти на регистрацию багажа. Исаевы поцеловались с бабушкой и плачущей в три ручья тетей Марусей и довольно быстро прошли таможню и всякие формальности. Таможенник попрощался с Игорем и пожелал ему счастливого пути. Потом все вышли на поле и долго махали бабушке и тете Марусе, которые остались за барьером. Маме тоже хотелось поплакать, но она, молодая и красивая женщина, сдерживалась и шла к самолету впереди всех. Отец нес сумку, в которой лежали фотоаппарат и разные разности вроде зубных щеток. Так началось путешествие.

Сначала внизу были поля и леса. Игорю уже приходилось летать в Крым, и он отлично представлял себе, какой должна быть земля сверху. Кроме того, самолет летел очень высоко, на девяти тысячах метров, и потому внизу все было не очень интересно, если не считать Волги и Аральского моря. В Ташкенте была последняя посадка, а потом самолет поднялся к горам, к государственной границе.

Игорь все смотрел вниз и ждал, когда же она будет. Не то чтобы он ожидал увидеть заставу и пограничников в дозоре. Он отлично знал, что пограничники не такие дураки, чтобы сидеть на самом виду. Но все-таки Игорь немного надеялся, что если повезет, то он увидит перепаханную полосу, которую диверсанты переходят, надев на ноги коровьи копыта. Он об этом читал в одной книжке про шпионов.

Но когда в проход между креслами вышла совсем молодая стюардесса и сказала, что самолет пересек государственную границу СССР, Игорь мог поклясться, что ничего внизу не изменилось. Были горы, наверное, невысокие, потому что до них было далеко, желтые и скучные. В горах не было ни деревьев, ни рек.

Отец дремал рядом и совсем не интересовался государственной границей. Во-первых, он уже летал за границу, а во-вторых, он вообще был недостаточно любопытным человеком. Мать читала «Огонек». Она мельком взглянула в окно и принялась читать снова. Игорь знал, что мама боится летать.

Потом горы увеличились. Настолько, что стали снежными и так близко подобрались к самолету, что Игорь забеспокоился, как бы не пришлось лавировать между ними. А вдруг откажет мотор «Ила»? Но мотор «Ила» не отказал, а между спинками кресел просунулась чужая рука, тронула Игоря за плечо, и когда Игорь обернулся, он увидел лысого нестарого дядьку, который крикнул:

— Смотри, Эверест, величайшая вершина мира!

Игорь не смог догадаться, какая из далеких вершин Эверест, но расспрашивать постеснялся и сказал только «спасибо».

Горы были настолько запутанны и бесконечны, что Игорь посочувствовал составителям карт, особенно старинным путешественникам вроде Марко Поло, которые всюду ходили пешком и не могли подняться на самолете, чтобы рассмотреть все поподробнее.

Игорь достал записную книжку и хотел записать в нее что-нибудь важное, но записывать было нечего. Все-таки он написал: «Перелетели Гималаи. Слева по курсу видна величайшая вершина мира — Эверест». Он еще посмотрел вниз, но никаких поселков, городов и деревень не было. Даже дорог не было. Это был очень дикий край, в котором можно запросто заблудиться и погибнуть. Игорь решил, что про это он запишет потом, когда будет время. И заснул.

Проснулся он, когда самолет уже стоял на земле. В салоне стало жарче, и винты лениво докручивали последние обороты. Записная книжка лежала на коленях, карандаш свалился на пол, и Игорь рассердился на себя, что заснул, и на отца, который его не разбудил вовремя.

За окном были синие сумерки, и самые настоящие индусы в белых одеждах и с голыми худыми смуглыми ногами катили к самолету трап.

На длинном здании за полем было написано по-английски «Нью-Дели». Отец уже завязал галстук и собирался выходить из самолета.

— Ты обо мне забыл? — спросил Игорь.

— Не хотел будить. Уж очень ты сладко спал, — сказал отец.

— Ты намучился, — вмешалась мать.

— С вами намучаешься! — ответил Игорь недружелюбно, но отец только улыбнулся.

В этот момент дверь открылась, и все пошли к выходу. Игорь сунул книжку в карман и пропустил маму вперед, как настоящий джентльмен... Он уважал маму. Она была самой молодой и стройной из мам в их классе.

— Вот мы и в Индии, — сказал отец.

Игорь ступил на первую ступеньку трапа и чуть не бросился обратно в самолет — такой густой и горячий воздух встретил его. Воздух с трудом залезал в горло, и хотелось сначала прожевать его, а потом уж вдыхать по кусочкам. Воздух был наполнен чужими запахами, и даже знакомые, перемешиваясь в нем, приобретали странные, чужие свойства. Бензин пахнул сладко и приторно. Еще пахло чем-то жареным, и душистым маслом, и цветами, и как будто в церкви, куда Игоря раз, давно, водила няня.

Игорь пытался дышать нормально и делать вид, что ничего особенного не произошло. Тем более что остальные пассажиры спокойно спускались по трапу и становились рядом с индийской девушкой в сари и синем берете. Игорь тоже был совершенно спокоен. Он сказал девушке «гуд ивнинг», что значит — «добрый вечер». Игорь учился в Москве в английской школе, и что-что, а уж поздороваться по-английски он мог.

Потом все пассажиры пошли через поле к огням аэропорта. Отец спросил маму:

— Не жарко?

— Шутишь, — сказала мама. — Кошмар какой-то!

Игорь вспотел, пока дошел до здания аэропорта. Ему хотелось даже загребать руками, чтобы легче плыть в воздухе, но он был в зарубежном государстве, и приходилось вести себя, как полагается настоящему советскому школьнику.

У низенькой загородки стояли индийцы и даже индийские дети и смотрели, кто прилетел. Они громко переговаривались и, видно, никуда не спешили. Игорь тоже посмотрел на них, но деликатно. Мимо проехал большой бензозаправщик, и слово «бензин» на нем было написано по-английски. На бензозаправщике сидели два индуса в белых комбинезонах с надписями на груди и на спине, чтобы видно было, на какую частную компанию они работают. На поле стояло еще несколько самолетов, и все разные. Но марок самолетов Игорь не разглядел.

Внутри в здании вокзала было совсем прохладно. Отец объяснил:

— Кондиционирование воздуха, кондишн — другими словами. У нас в комнате тоже так будет.

В большом зале стояло несколько киосков с удивительными индийскими сувенирами и сокровищами, и, пока официанты в белых с зеленым костюмах накрывали на столы, чтобы накормить пассажиров, Игорь пошел к киоскам и протолкался поближе, чтобы разглядеть внимательно, что там продают.

Продавали деревянные статуэтки и бронзовые головы богов, бусы, украшения, какие-то игрушки, расписные тарелки и даже кинжалы и ножи. Один меч Игорю показался чем-то знакомым. Где-то он его видел, то ли в музее, то ли у кого-то. Он стал рассматривать меч внимательнее.

— Смотрите, — сказал за его спиной голос по-английски, и Игорь даже удивился, что он почти все понимает. — Смотрите, бирманский старинный меч. Интересно, как он сюда попал.

Игорь обернулся и увидел двух человек. Один — толстый, белый, добродушный, с круглым, почти детским лицом, хотя ему было не меньше сорока лет. Он был одет в черную сутану, и у горла виднелся полоской очень чистый белый воротничок. Второй — куда меньше ростом, худой и смуглый. На нем синий костюм с галстуком, украшенным золотыми колечками, и ботинки его так начищены, что на них больно смотреть.

— Вещи путешествуют, как люди, — сказал толстый.

«Он, наверно, священник, — подумал Игорь. — А может быть, миссионер». Миссионер заметил, что Игорь смотрит на него, и сказал:

— Мальчик заинтересовался оружием. Все мальчики любят оружие. Не так ли?

Игорь понял, что надо что-то ответить, но тут все английские слова вылетели у него из головы. Он стоял и чувствовал, что краснеет.

— Вы говорите по-английски? — спросил худой.

— Нет, — ответил Игорь. — Очень плохо. — Ему было ужасно стыдно. Еще не долететь до Бирмы и так опозориться!

— Он, наверное, русский, — сказал худой. — Этот самолет из Москвы.

— Мы еще увидимся, — сказал толстый и улыбнулся очень доброй улыбкой.

Толстый больше понравился Игорю, хотя и был священнослужителем.

— Игорь, — сказала мама, которая незаметно подошла к киоску, — у тебя удивительная способность теряться! Все уже едят. Скоро посадка.

На столе стояли стаканы с апельсиновым соком. Игорь пил сок и думал, что надо будет написать учительнице английского в Москву про то, что он почти все понимает по-английски и скоро научится свободно разговаривать. Потом Игорь быстро съел котлету, которую принес официант-индус. Официант кланялся каждый раз, когда ставил тарелку, и сосед по столу, лысый дядь-

ка Евгений Александрович Глущенко, который, оказывается, третий год работал в Бирме корреспондентом и возвращается туда из отпуска, сказал:

— Разница в обслуживании, не правда ли?

— Не знаю, — ответила мама.

А отец сказал:

— В больших ресторанах по три официанта на посетителя. Один воду наливает, другой подносит, третий деньги берет. И как только они не прогорают? Платят, наверно, мало.

— Не много, — сказал Евгений Александрович.

После ужина все снова вышли на летное поле. Осталось лететь совсем немного. Часа четыре. И будет уже Бирма. «Может быть, там не так жарко, — подумал Игорь. — А то как же жить? Даже в футбол не поиграешь».

У самолета он заметил священника и его спутника. Оказывается, они тоже летели из Дели на этом самолете. Священник узнал Игоря и улыбнулся ему.

— Заводишь первые знакомства? — спросил отец.

— Да нет, случайно встретились, — сказал Игорь. Ему было приятно сознавать себя взрослым человеком, который прилетел в Индию и так, между делом, познакомился с настоящим священником. — Мы тут вместе один меч рассматривали, — добавил Игорь.

3

ЗЕЛЕНКО, МИША И АППАЛСВАМИ

В Бирме оказалось тоже жарко. Правда, не так, как в Дели, может быть, потому, что была ночь и дул несильный ветер.

У трапа стоял наш консул, который сначала обнялся с Глущенкой, а потом познакомился со всеми, кто прилетел.

Опять впереди, как и в Индии, расстилалось поле и за ним — освещенное длинное здание аэровокзала, только оно было куда больше и красивее, чем в Дели. Снова проехал бензозаправщик, но на этот раз на нем сидели не индийцы, а бирманцы. Игорь сразу, хоть и было довольно темно, увидел разницу между бирманцами и индийцами. Бирманцы были скуластые, и глаза у них были хоть и большие, но чуть раскосые. Среди тех, кто стоял у самолета, некоторые были одеты в форму летчиков, а некоторые в длинные, почти до земли, юбки. Ночной аэродром, если не считать «Ила», был пуст.

У здания аэропорта тянулась загородка, но за ней стояли в

основном русские. Они все здоровались с пассажирами и встречали знакомых. Рыжий парень подошел к отцу и спросил:

— Вы Исаев?

— Да.

— Здравствуйте. Я переводчик со строительства. Володя Зеленко. Проходите, пожалуйста, в зал, подождем, пока привезут багаж.

Зал в аэропорту оказался великолепным. Он был большой, в два этажа, и вокруг него шла галерея, на которой находился ресторан. Внизу вокруг столиков стояли удобные, очень низкие кожаные кресла. На эти кресла и уселись все, кто прилетел с самолетом. На стенах зала были громадные фрески. Фрески изображали незнакомые, наверно, бирманские сказки. Там были и летающие слоны, и замки, и девушки, которые прятались в листве деревьев и сами походили на листья и на цветы, и лучник, и еще многое другое. В углу была изображена совсем странная сцена — три разбойника напали на очень красивую девушку с высокой прической и в белом платье, а большие змеи подползали к этим разбойникам сзади.

Игорь увидел, как толстый священник и человек в синем костюме прошли через зал и исчезли в маленькой двери. Переводчик Зеленко взял у отца все паспорта и билеты и тоже ушел в ту же дверь. Игорь догадался, что там таможня и пограничники.

В зале было довольно шумно. Все разговаривали по-русски, спрашивали приехавших, какая в Москве погода, что нового. У двери стоял сторож в берете и с кривым ножом за поясом. Он открывал дверь, и сквозь нее врывался теплый воздух.

От соседнего столика к Исаевым подошел носатый мужчина и спросил, не заходила ли к ним перед отъездом его мать. Оказывается, это была та самая женщина, которая говорила Исаевым, чтобы они взяли с собой колотого сахара. Мама сказала, что они привезли воблы, и носатый ужасно обрадовался. Он даже обернулся к какому-то своему знакомому и сказал:

— Приглашаю тебя на пир, старик. Мне из Москвы воблы прислали. — А маме он сказал: — Вы не представляете, как хочется иногда чего-нибудь соленого или черного хлеба! Ведь здесь нету.

Вернулся Зеленко и повел Исаевых в таможню. За ними потянулись и все остальные. Таможенники, в рубашках с короткими рукавами и белых шортах, долго заполняли анкеты, и прошло еще по крайней мере полчаса, прежде чем Исаевы покинули аэровокзал.

У входа стояло несколько машин. Зеленко сказал носильщикам, чтобы они поставили чемоданы, заплатил им, и тут подъе-

хал «газик». Из «газика» выскочил шофер-бирманец со зверским лицом и радостно захохотал. Во рту у бирманца оказалось множество золотых зубов.

— Здравствуйте, — сказал он по-русски, — Поекали? Куда поекали?

— Это Маун Чве, — сказал Зеленко. — Он работает у нас на строительстве.

— Миша, — поправил его шофер. — Девноста три поекали, да?

— Ну да, на Университетскую, — сказал Володя Зеленко. — Мы будем жить с вами в одном доме. У нас хороший дом. Там еще живет наш механик Шурыкин с женой и дочкой.

Машина ехала по темному шоссе, и непонятно было, лес ли вокруг или дома с палисадниками. Иногда фары выхватывали из темноты толстые стволы деревьев, опутанные лианами, иногда проскакивал сбоку огонек. Проехали лавочку, в которой стояло три столика. За одним сидел бирманец и пил что-то из чашки.

Игоря опять потянуло в сон, но он боролся с ним, потому что боялся пропустить что-нибудь интересное. Ему хотелось спросить Зеленко, есть ли в Рангуне слоны, но он постеснялся. Если слонов не окажется, Зеленко может посмеяться над наивностью Игоря, а Игорь совершенно не терпел, когда над ним смеялись.

Отец разговаривал с Зеленкой о своих делах. Игорь немного послушал, но разговор был не очень интересным, и он снова стал смотреть по сторонам.

— Карашо? — спросил его шофер Миша и захохотал громким голосом.

У Миши был большой приплюснутый нос, который занимал пол-лица, и непослушные прямые черные волосы. Волосы блестели: видно, Миша смазывал их какой-то мазью, но все равно они стояли дыбом на затылке.

— Хорошо, — сказал Игорь.

Миша все хохотал. Он, как выяснилось потом, очень любил смеяться и думал, что всем приятно, когда он смеется.

— Рангун карашо! — говорил Миша и заливался смехом. — Москва — очень карашо! Мистер Агахан — очень карашо!

Кто такой мистер Агахан, Игорь не знал, но все-таки соглашался. Миша хоть и был очень страшный, но Игорю в принципе понравился.

«Газик» лихо свернул на прямую освещенную улицу, дома на которой прятались за деревьями, — перед каждым был сад. У одного из домов, перед белыми воротами с цифрой 93, Миша затормозил, надавил на гудок и не отпускал его.

— Потише, Миш, — сказал Зеленко. — Всех соседей перебудишь.

К воротам, часто мигая в свете фар, бежал по дорожке очень высокий и очень худой индус с бритой головой, на которой, как у запорожца, был оставлен длинный чуб. Он грозил машине кулаком и, видно, тоже хотел сказать, чтобы Миша не поднимал такого шума. Индиец был босой и одет только в белые штаны, которые могли бы быть и штанами, и кальсонами, и просто намотанной на ноги материей. Они назывались «дхоти», но об этом Игорь узнал только через несколько дней.

Индиец открывал ворота и ругал при этом Мишу на бирманском языке. Миша только широко улыбался.

Машина проехала по узкой, посыпанной гравием дорожке и остановилась под широким навесом. Пока Исаевы вылезали из машины, индиец догнал ее и остановился перед гостями, сложив руки перед грудью ладошка к ладошке.

Игорь тоже сложил руки перед грудью. Он знал, что так здороваются индийцы.

— Здравствуйте, Аппалсвами, — сказал Зеленко по-английски. — Эти люди будут жить в доме.

— Йес, сэр, — сказал Аппалсвами.

Исаевы поздоровались с ним, и он принялся открывать широкую стеклянную дверь, обтянутую частой сеткой. От москитов и всяких насекомых, догадался Игорь.

— Аппалсвами садовник и сторож. Он копит деньги, чтобы уехать обратно в Индию и купить там дом. У него в Индии семья, — говорил Володя Зеленко, помогая вместе с Мишей вытаскивать чемоданы и носить их на второй этаж, в комнаты, которые предназначались для семейства Исаевых.

Игорь отошел на несколько шагов, чтобы получше рассмотреть дом. Но в темноте очень трудно было понять, какой он. Тогда Игорь взял сумку и пошел за Мишей по лестнице. Когда они проходили мимо двери на первом этаже, она открылась, и оттуда высунулся курчавый мужчина в пижаме.

— Извините, — сказал он, — я не одет. Очень рад, что вы приехали. Мы вас ждали, но самолет опоздал, и мы заснули. Шурыкин, — представился он. — Я сейчас оденусь и помогу вам устроиться.

— Ради бога, не надо, — сказала мама. — Мы сами. Не беспокойтесь.

— Ну, спокойной ночи, — сказал Шурыкин. Ему, видно, в самом деле хотелось спать. — До завтра.

— До завтра.

— Да, что нового в Москве?

— Все в порядке, — сказал папа. — Стоит Москва.

Шурыкин вежливо засмеялся.

Исаевы поднялись на второй этаж. Игорь сразу обошел новую квартиру. Первая комната была побольше, и в ней было довольно жарко. Под потолком висел большой вентилятор, с метр в диаметре. Зеленко включил его, и лопасти завертелись, разгоняя застоявшийся воздух.

Во второй комнате, поменьше, стоял под окном белый ящик, кондиционер. Зеленко включил и его. Из кондиционера заструился прохладный воздух.

— Ванная и туалет в коридоре, — сказал Зеленко. — Я тоже живу на втором этаже. Вот моя комната.

Игорь заглянул и в ванную, и в комнату Володи Зеленки, в которой было много книг, а еще стоял магнитофон.

— Ну, вот и все, — сказал Зеленко, — больше я вам мешать не буду. Завтра вставать рано. Вы не спешите, спите сколько хотите. Я часам к одиннадцати за вами заеду, и мы поедем к Агаханову, начальнику строительства.

— Хорошо, — сказал папа. — Впрочем, я рано встаю, и когда будете уезжать, зайдите за мной.

— Завтракаем мы внизу, все вместе, — сказал Зеленко. — Но об этом тоже договоримся.

Исаевы попрощались с Зеленкой, и мама начала вынимать из чемодана простыни, пижамы, полотенца и всякие вещи. Минут через пятнадцать комната приобрела почти жилой вид.

— А теперь спать, — сказала она Игорю. — Мыться и спать. А то тебя уже земля не держит.

Игорь не стал спорить. Ему хотелось, чтобы поскорее наступило утро и он бы увидел Бирму, Рангун и весь этот удивительный мир, в который его так запросто занесла судьба.

4

ДОМ № 93

Утром Игорь сквозь сон слышал, как отец собирался с Зеленкой на работу. Потом встала мама и спустилась вниз. Игорю очень хотелось проснуться, но глаза долго не открывались — ничего с ними не сделаешь, пока они сами не откроются. Игорь сел на кровати, на лицо упал солнечный луч и разбудил его.

За окном покачивала головой самая настоящая пальма, а рядом, над густым темно-зеленым деревом, летали золотые птички. Они строили гнездо, странное висячее гнездо, похожее на большую грушу. В тени под деревом сидел садовник Аппалсвами и чинил лопату. Он тюкал по ней молоточком, а из-за невысокой живой изгороди за ним внимательно наблюдал мальчик лет

десяти, в трусах и сандалиях на босу ногу. Мальчик был не русский, но и не бирманец.

Около постели висели на стуле белая рубашка с короткими рукавами и короткие штаны. Мама повесила. Игорь оделся и пошел в коридор, умываться и чистить зубы. Снизу долетал вкусный запах завтрака. Там кто-то звенел посудой и слышались приглушенные голоса. Игорь быстро почистил зубы, вымылся и пошел вниз. Он подумал, что хоть и жарко, но терпеть можно. Тем более что надеяться на лучшее не приходится. По крайней мере пока не наступит бирманская зима.

Игорь читал в энциклопедии про бирманский климат и отлично знал, что в Бирме всего два времени года, потому что Бирма тропическая страна. В ней есть сухой период, с октября по май, и дождливый — с июня по сентябрь. Прохладнее всего бывает в декабре — январе, а жарче всего — в мае и апреле. Поэтому даже в бирманских школах каникулы наступают в апреле. Приехал Игорь в Бирму в конце сентября, как раз когда начинался сухой сезон. И дождей не должно быть теперь до весны. Игорь посмотрел на небо — оно было голубое и без облаков. Значит, все правильно, энциклопедия не ошиблась — наступил сухой сезон.

На первом этаже Игорь без труда, по запаху гренков, нашел столовую. В ней стоял один большой стол и вокруг него несколько стульев — жители дома завтракали все вместе. Из кухни вышла мама и сказала:

— А я как раз собиралась тебя будить. Специально для тебя какао подогревали.

Игорь сел за стол, и мама принесла ему завтрак. Тут пришел сосед Шурыкин. У него болела рука, и он не пошел на работу. Шурыкин был похож на учителя математики в Игоревой школе, человека не очень строгого и разговорчивого. Потом в столовой появилась девочка лет пяти с белой косичкой и голубыми глазами.

— Здравствуй, Игорь, — сказала она. — Меня зовут Наташа Шурыкина. Я знаю, что ты вчера приехал.

Игорь познакомился и с ней. Не успел он снова усесться за стол, как пришла третья представительница семейства Шурыкиных — тетя Шура Шурыкина, мать Наташи. Она была похожа на Наташу, даже очень похожа, но только была большой и полной, и косичка ее была уложена в кольцо на затылке. Пришлось снова встать и познакомиться с Шурыкиной-мамой.

«Ну, вроде все», — подумал Игорь. Ему не терпелось выйти на улицу и посмотреть на Бирму.

Но быстро закончить завтрак не удавалось. Оказалось, что Наташе хочется поговорить с новым соседом.

— Ты ходишь в школу? — спрашивала она.

— Угу. — Рот у Игоря был занят.

— Я тоже пойду в школу, — говорила Наташа. — Я уже знаю букву «фы».

Она обмакнула палец в разлитое какао и нарисовала букву «П».

— Ты грамотей, — сказал Игорь, чтобы не спорить с ребенком.

— А кто такой грамотей? — спросила Наташа и заглянула Игорю в глаза. Нет, от нее так легко не отделаешься.

— Это хороший человек, — сказал Игорь.

— На Скот-маркете есть очень хорошая шерсть, — доносился до Игоря голос Шуры Шурыкиной, которая разговаривала с его матерью. — Я вам обязательно покажу этот магазинчик.

— У меня есть два попугая, — сказала Наташа. — Они живут в клетке.

— Да ну? — Игорю захотелось посмотреть на попугаев. Он быстро допил какао.

— Они зеленые, — сказала Наташа. — Раньше еще один был, но он улетел к Роджерсам, и его съела ихняя кошка. Я не люблю Роджерсов, и кошка у них отвратительная, а ихний Джонни дернул меня за косу, чуть половину не выдрал. Я уж ревела-ревела.

— Ну, пойдем, покажи мне своих попугаев, — сказал Игорь.

— А что надо сказать? — ехидно спросила мама.

— Спасибо, — сказал Игорь.

Они с Наташей вышли на террасу, вернее, в прихожую, у которой одна стена была сетчатой. Прямо на полу стояла большая клетка, и в ней на жердочке сидели два небольших зеленых попугая, ростом с голубей, с красными шапочками на головах.

— Красивые попугаи? — спросила Наташа.

Попугаи не обратили на Игоря никакого внимания. Вообще-то Игорь очень любил животных. На даче у него была собака Тузиха, по породе дворняжка. В Москве он раз сто ходил в зоопарк и даже занимался в зоологическом кружке. Поэтому он знал многих животных, хотя таких попугаев еще не видел. Он видел только или очень больших разноцветных попугаев в зоопарке, или совсем маленьких попугайчиков, которых продавали на Арбате в зоомагазине.

— Красивые попугаи? — повторила Наташа. — А еще у нас есть собака, но она сейчас гуляет. Она не кусается.

Наташа взяла Игоря за руку и потащила в сад. Садовник Аппалсвами все еще чинил лопату, а мальчишка с соседнего участка все еще смотрел на него.

— Это Джонни Роджерс, — прошептала Наташа, вцепившись ногтями в ладонь Игорю. — Это его кошка съела моего попугая. Ты его побьешь?

Мальчик увидел Игоря, посмотрел на него и пропал. Убежал, наверно.

— Вот, — сказала Наташа, — он тебя боится, а меня ни столечки... Апа, ты не знаешь, где наш пес?

Садовник понял ее и показал пальцем в сторону забора, который выходил на улицу. Игорь с Наташей пошли туда, к воротам. За воротами была улица, и по другую сторону ее начиналось большое озеро. У берега озеро было мелкое, и в нем по пояс в воде стояли большие черные буйволы. Буйволы, казалось, дремали. На их спинах сидели птицы, похожие на маленьких белых аистов, и выклевывали насекомых. Буйволы на это не обращали внимания.

У самых ворот росли два больших дерева, и на их стволах на уровне груди человека были прибиты полочки.

На полочках стояли горшки, а возле них кружки. «Наверное, чтобы напиться, когда жарко», — подумал Игорь.

И тут он сообразил, что и в самом деле стало жарко.

— Хочешь на улицу? — спросила Наташа. — Мне мама не разрешает, но ты ведь большой.

— Можно и выйти, — сказал Игорь.

Он поднял задвижку на воротах и легонько толкнул створку. Ворота открылись, громко скрипнув, и, оглянувшись, Игорь увидел, что Аппалсвами вскочил и что-то сказал.

— Пошли, — торопила Игоря Наташа, — а то он маме наябедничает.

По улице ехал красный с желтым автобус-развалюха. Вместо номера на нем была прикреплена дощечка с нарисованной на ней коброй. В автобусе не было стекла, и ребятишки, высунувшись из него, махали руками Наташе и Игорю. Потом проехал самый настоящий рикша. Только он не бежал, а ехал на велосипеде. К велосипеду была прикреплена коляска, в которой сидела бирманская женщина с двумя большими корзинами. Из корзин торчали куриные головы. Куры растерянно мигали и раскрывали клювы, будто хотели пить.

Около соседних ворот остановилась довольно старая серая машина. Игорь раньше не видал такой марки и не знал, как она называется. Машина принялась гудеть, но ворота никак не открывались. Тогда из нее вышел человек, и Игорь узнал того худого смуглого мужчину, который говорил про меч на аэродроме в Дели.

— Это мистер Роджерс, — прошептала Наташа, — папа Джонни. Он наш сосед, и его кошка съела моего попугая.

Мистер Роджерс обернулся и узнал Игоря.

— Вы здесь живете? — спросил он Игоря по-английски.

Игорь кивнул головой и сказал «йес».

— Очень приятно. Будем соседями. — Мистер Роджерс подошел поближе.

В ярком свете дня Игорь смог разглядеть его получше, чем на аэродроме. Мистер Роджерс оказался человеком очень небольшого роста, наверное, не выше Игоревой мамы. На смуглом тонком лице очень светлыми казались голубые глаза, все в морщинках вокруг. Роджерс часто улыбался — и рот улыбался, и щеки, и морщинки вокруг глаз, — только сами глаза никогда не улыбались, и они были немного испуганными. Хотя, может быть, это Игорю только показалось — ведь нельзя же увидеть такие детали с первого раза. У мистера Роджерса были длинные худые руки с длинными худыми пальцами. Суставы пальцев были расширены, а подушечки их были плоские и узенькие. Роджерс сказал:

— Я искренне рад. Вы понимаете, что я говорю?

— Понимаю, — сказал Игорь.

— Я очень уважаю русский народ, — сказал Роджерс, — и я сам, хоть и далек от политики, всегда придерживался самых прогрессивных взглядов. Передайте привет вашему отцу... Как его фамилия?

— Исаев, — сказал Игорь.

— Очень приятно... мистеру Исаеву... — Тут Роджерс задумался и добавил: — Очень знакомая фамилия.

Наташа потянула Игоря за руку.

— Пошли домой, — сказала она.

Роджерс потрепал Наташу по щеке.

— Заходите как-нибудь к нам, — сказал он. — Мой сын Джонни будет с удовольствием с вами играть.

5

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РАНГУНУ

С Джонни Игорь так и не подружился. Во-первых, его не любила Наташа, а Игорь предпочитал никогда не спорить с женщинами и детьми, а во-вторых, Джонни сам только смотрел на Игоря через забор, а близко не подходил.

Игорь не жалел об этом. Во-первых, у него было много дел и много новых знакомых. Во-вторых, через два дня после приезда

мама отвезла его в школу. Школа была недалеко от посольства, на очень зеленой и очень красивой уличке, в двухэтажном доме. Перед домом была волейбольная площадка и всякие гимнастические снаряды. В школе было всего пять классов и две учительницы, которые специально приехали из Москвы. И еще две мамы, которые были учительницами в Москве, преподавали там географию и пение.

Рано утром школьный автобус объезжал дома и отвозил ребят в школу. Некоторых привозили на машинах отцы и после этого ехали на работу. В школе учились не только русские, там было еще несколько мальчиков и девочек из разных посольств.

Пятый класс был самым маленьким. В нем училось всего одиннадцать человек: Игорь, еще трое ребят и одна девочка со строительства, потом трое из посольства, потом сын Богданова, мастера спорта по футболу, который тренировал бирманскую сборную, очень тихий музыкальный мальчик, сын чешского посла, и еще Бригитта, болгарская девочка. Бригитта жила в Бирме уже второй год и даже умела говорить по-бирмански.

Игорь подружился с Мишей Богдановым. Они оба, как оказалось, болели за «Спартак», и Миша неплохо играл в нападении, а Игорь был просто-таки замечательным вратарем. Однажды, еще в Москве, он взял во встрече с четвертым «А» пять пенальти подряд. Миша Богданов вообще-то немного задавался, но с Игорем подружился. Еще у Игоря сложились приличные отношения с Бригиттой. Бригитта была веселая и «хороший парень», она никогда не ябедничала и давала списывать. Кроме того, у нее были и другие качества, которые редко встречаются у девочек: она собирала марки и здорово умела гасить в волейболе.

Миша приходил к Игорю домой, и они вместе учили говорить Наташиных попугаев. Игорь ухлопал много времени на обучение этих попугаев, но пока они ничему не научились. Отец уверял, что эти попугаи вообще не говорящие. Но Игорю не хотелось в это верить.

Отец работал прорабом на строительстве Технологического института. Он приходил домой весь покрытый красной пылью, усталый и потный и сразу шел под душ. На строительстве был нулевой цикл, земляные работы, — это Игорь понимал. Советский Союз помогал строить этот институт Бирме, то есть сделал все чертежи, прислал инженеров, техников, строительные машины, металлические конструкции, цемент. Все эти вещи приходили в Рангун на наших кораблях, и Володя Зеленко часто ездил в порт, чтобы вести там переговоры о том, как разгружать и куда везти строительные материалы и машины. Он обещал как-нибудь взять Игоря с собой. Но ехать в порт надо было довольно

далеко — через весь город, — а Зеленко уезжал по делам с утра, именно тогда, когда Игорю надо было идти в школу.

На строительстве работало человек двадцать советских специалистов и еще много бирманских инженеров и рабочих. До площадки тоже было довольно далеко, и поэтому за первый месяц в Бирме Игорь там побывать не успел. Но зато в одно из воскресений он ездил на посольском автобусе на экскурсию по Рангуну. Когда он вернулся из экскурсии, то написал в Москву в школу письмо про Рангун.

Вот что Игорь написал о Рангуне:

«Мы поехали в город на большом автобусе Павловского завода. С нами поехал Евгений Александрович Глущенко, который здесь работает корреспондентом и поэтому очень хорошо знает весь город. Погода была хорошая. Мы сначала ехали по большим зеленым улицам, на которых дома стоят отдельно друг от друга. Перед каждым домом есть сад или палисадник. Дома или каменные, или деревянные, не выше двух этажей. В Рангуне живет миллион человек, это большой город — по нему можно ехать целый день и до конца не доедешь.

Мы ехали минут двадцать и приехали в пагоду Шведагон. Это самая большая пагода в мире. Мне надо вам рассказать, что такое бирманская пагода, а то многие могут и не знать. Она похожа на пирамидку из колец, только сложена из кирпичей и снаружи позолочена. У бирманцев буддийская религия. Они верят в бога по имени Будда, и всюду стоят его статуи...»

Тут Игорь отложил ручку и понял, что у него испортилось настроение. Испортилось оно потому, что письмо получилось скучным, а написать обо всем подробно было просто невозможно. Для этого надо быть писателем. Игорь вспомнил, как они все вышли из автобуса и Глущенко сказал:

— Вот самая большая пагода в мире.

С холма поднималась, как громадный язык пламени, золотая пагода. Она доставала почти до облаков.

К пагоде вела крытая лестница, а перед входом на нее стояли два каменных льва в десять человеческих ростов. У пагоды надо было снимать ботинки и по лестнице подниматься босиком. На широкой лестнице было полутемно. По бокам ее тянулись бесконечные лавочки, в которых продавали священные книги, бусы, бумажные и настоящие цветы, зонтики, слоников из дерева и слоновой кости, всякие знахарские травы и корешки. На ковриках сидели хироманты — гадальщики по линиям на руках — и астрологи, узнающие судьбу по звездам.

Мама купила в лавочке деревянного коня — марионетку. Если подергать его за нитки, прикрепленные к ногам и голове,

конь оживет, застучит копытами и начнет кивать головой. В другой лавке продавалось множество бирманских юбок. Игорь уже знал, что мужские юбки называются «лоунджи» и они обычно бывают в клетку, как ковбойки, а женские юбки тамаин украшены цветами или узорами. Лоунджи завязывают узлом на животе, а тамаин закалывают сбоку.

Поднялись на платформу. Впереди, под навесом, стояли позолоченные статуи Будды, перед ними горели свечи, а из медных горшков торчали искусственные цветы и зонтики из золотой или белой бумаги. Направо и налево, огибая подножие огромной пагоды, шла платформа, выложенная гладкими каменными плитами. На платформе ходили, стояли, сидели люди. Некоторые держали в руках цветы и молились, некоторые подходили к барьеру, отделявшему пагоду от платформы, и зажигали на нем свечки. Вокруг было очень торжественно и нарядно.

Евгений Александрович рассказывал о том, что эту пагоду построили две тысячи лет назад. Но тогда она была куда меньше. Потом ее много раз надстраивали, обкладывали новыми слоями кирпича, и она стала такой большой.

— Больше ста лет назад, — сказал Глущенко, — на Бирму напали англичане, которые хотели ее завоевать. Тогда один из первых боев произошел именно здесь, возле пагоды Шведагон. Англичане победили и захватили пагоду, хотя в тот раз им Бирму покорить не удалось.

— Почему? — спросил Игорь.

— Во главе бирманских войск стал талантливый бирманский генерал по имени Бандула. Он сдерживал англичан всю осень тысяча восемьсот двадцать четвертого года. В лагере англичан свирепствовали болезни, и сипайские полки, набранные в захваченной ими Индии, не хотели воевать и бунтовали.

— А потом?

— Генерал Бандула был убит случайным снарядом. Англичане перешли в наступление, но время было упущено, и они заключили с бирманцами мир. По условиям мирного договора к Англии отошли южные провинции Бирмы. А потом, после еще двух войн, англичане покорили всю Бирму полностью. Это случилось в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году.

Взрослые ушли вперед по платформе, а Игорь продолжал расспрашивать журналиста:

— А чего же Россия не помогла бирманцам?

— Ну, во время первой войны очень мало кто в России и знал о существовании Бирмы, Россия была очень далеко. Подумай, между Бирмой и Россией лежат Гималайские горы, Индия, леса, реки — тысячи километров.

— А потом?

— Что — потом?

— А во время других войн с Англией? Ведь тогда мы уже знали о Бирме.

— Ты, Игорь, все время путаешь тех, кто управлял Россией, с теми, кто в ней жил. Многие русские протестовали против покорения Бирмы. Например, великий химик Менделеев даже написал русскому царю письмо с просьбой вступиться за Бирму. Но царь не хотел портить отношения с Англией. Понятно?

— Понятно. А что было потом?

— Ну, это долгая история. Много лет Бирма была английской колонией. Бирманцы не раз восставали против своих хозяев. Вот именно здесь, на склоне шведагонского холма, проходила в тридцать шестом году забастовка студентов университета. Здесь же находится мавзолей, в котором похоронены борцы за независимость Бирмы. Их убили в тысяча девятьсот сорок седьмом году, за полгода до того, как Бирма снова стала свободной... Но сейчас пора ехать дальше. Давай догонять наших.

Потом экскурсанты побывали в центре Рангуна, посмотрели монумент Независимости, порт, в который приходят корабли со всего мира, привозят разные товары и увозят рис и тиковое дерево.

Вернулись с экскурсии поздно, и вот Игорь никак не может придумать, как описать этот замечательный день в письме.

— Игорь, ужинать будешь? — спрашивает мама из соседней комнаты. — А то сегодня в посольстве кино, надо спешить.

Игорь с облегчением отложил письмо и решил, что закончит его в следующий раз.

6

ЗЕЛЕНАЯ ЗМЕЯ

На строительство Игорь попал куда раньше, чем надеялся. В школе проходила дезинфекция, и уроков не было. Игорь еще с вечера сказал отцу:

— Ты обещал как-нибудь взять меня с собой на работу.

— А что, ты свободен завтра?

— Да, уроков не будет.

— Понимаешь, у меня с утра совещание. Не знаю, как быть.

Игорь не успел даже расстроиться, как Володя Зеленко предложил:

— Пускай со мной поедет. Мне завтра все равно надо быть на площадке.

— А я за ним присмотрю, — сказал Шурыкин, который играл в это время с отцом в шахматы. — Пусть пожарится на нашем солнышке.

— Что я, солнца бирманского, что ли, не видал? — спросил Игорь.

— Видать-то видал, да на строительстве оно особенное... Ваш ход.

— Получишь еще солнечный удар, — заволновалась мама.

— Я возьму пробковый шлем у Володи. Он обещал, — сказал Игорь.

— Ничего с парнем не случится, — заметил Шурыкин. — Я, кажется, проигрываю ладью.

Он был очень серьезным человеком, этот Шурыкин. Игорь его немного побаивался, а мама безусловно доверяла ему в вопросах гигиены и медицины. У Шурыкина была медицинская энциклопедия и еще справочник по тропическим болезням. А когда кто-нибудь покупал фрукты, Шурыкин сам обливал их марганцовкой, потому что лучше всех знал «консистенцию».

Игорь прошел в комнату к Зеленке и взял пробковый шлем, чтобы Володя нечаянно не передумал.

Поехали на «газике» вместе с Мишей. Миша всю дорогу пел песню про то, что провожают пароходы совсем не так, как поезда. Правда, он знал очень мало слов и мотив у него получался каким-то бирманским, но зато Миша был уверен, что всем доставляет большое удовольствие.

Ехали по улице Кокайн, мимо индийского храма, текстильной фабрики, мимо буддийских монастырей, маленьких гаражей и кузниц, из которых доносились перестук молотков и лязганье. У бирманской школы остановился автобус, и из него высыпали гурьбой ребятишки в одинаковых синих юбках и белых рубашках.

И тут дома кончились, и вдоль дороги потянулся обширный, изрытый машинами пустырь. С краю пустыря виднелось несколько бараков, обшитых тростниковыми матами. У бараков стояли машины. Игорь уже знал некоторые из них. Вот бежевая «Волга» начальника строительства Агаханова, Игорь знаком с его шофером Витей, хорошим парнем, который дальше всех ныряет в посольском бассейне. Вот стоит «Победа» на высокой подвеске. На ней приезжают инженеры из управления. Вот новенький «Москвич» — это, наверно, торгпред приехал. Вот еще «газик» — на нем ездит Паплиян, который заведует снабжением. «До чего быстро ко всему привыкаешь! — решил Игорь. — Двух месяцев не живу, а уже свой человек».

Игорь прошел за Володей и Шурыкиным в барак.

В большой прохладной комнате, где собирались советские специалисты перед тем, как выйти на площадку, было людно. Многих Игорь знал.

— Династия строителей? — спросил кто-то.

— Пора начинать, пора, — сказал Паплиян. — Мальчик должен помогать отцу.

— Идем со мной, — сказал Шурыкин, — мне экскаватор из портиса привезли. Пускать будем.

Шурыкин думал, что если будет приставлять к словам иностранные окончания, то его бирманцы лучше поймут. Поэтому он и говорил: экскаваторис, портис, бульдозерис и так далее.

— Хочешь, чтоб переводчик у тебя был? — спросил Паплиян. — Мы знаем, что мальчик говорит на английском языке, и мы знаем, что переводчиков не хватает, а Зеленко опять уйдет по своим делам. Я думаю, мальчику будет интереснее пойти со мной на базисный склад.

— И заодно поговорить со снабженцами по-английски?

— Я плохо говорю по-английски. — Игорь замер от гордости и страха.

— Да мы шутим, — сказал Шурыкин. — Надень шлем. Не велик?

— В самый раз. — Игорь надел шлем так, чтобы уши отогнулись и не давали шлему упасть на глаза, и пошел на площадку с Шурыкиным.

Площадка была похожа на маленькую пустыню. Бульдозеры сровняли землю, срезали траву, и теперь прожорливые экскаваторы рыли канавы, а вокруг них разгуливали смерчики. Смерчи поднимали к раскаленному небу пыль, обрывки газет и высохшие банановые листья. Игорь не обращал на пыль и жару никакого внимания. Он смотрел на машины, на геодезистов, пытающихся разглядеть в пыли свои рейки, на буйволов, которые непонятно почему оказались на площадке и медленно шли, не глядя на бульдозеры и самосвалы.

— Там, за площадкой, у них пруд. Привыкли в нем купаться, — сказал Шурыкин.

Новый экскаватор стоял у небольшого, еще не срытого холма. Рядом с ним росла куща бамбука, и в тени ее, почти прозрачной, сидели два бирманца. Один из них, в замасленном комбинезоне, протирал ветошью подшипник, а другой читал газету.

— Гуд морнинг, — сказал Шурыкин, потом вспомнил и добавил: — Ней каундела?

— Каунде, каумбари, — сказали бирманцы.

— Это я по-бирмански выучил приветствие, — сказал Шурыкин. — Сейчас Зеленко придет, обещал. Мне кое-что объяснить им нужно. А пока знакомься.

Молодой бирманец, который читал газету, оказался механиком, и звали его Маун У. Второго, экскаваторщика, Ко Эй.

— Сынишка это нашего прораба, Исаева. Ну, прорабис, понимаешь? Вот елки-палки. Игорек, ты ему сам объясни, мол, отец мой прорабис, а я его сын и обучаюсь в неполной средней школе.

— Мой отец здесь работает, — сказал Игорь по-английски.

В рыжем мареве возникла фигура Зеленки. Он был единственным из строителей, кто не менял цвета от пыли, потому что сам был рыжим. Только теперь его волосы и лицо стали одного цвета. Зеленко с Шурыкиным и бирманцами отошли к машине, а Игорь снял пробковый шлем и вытер пот. «Надо учить бирманский. Сегодня же начну. И иногда буду работать переводчиком. И еще надо будет практиковаться в английском языке. С Джонни, что ли, познакомиться поближе? Для практики».

Игорь подошел к экскаватору. Тот был такой голубой и новенький, что пыль на него не смела садиться и кружилась вокруг.

Игорь щелкнул по блестящей гусенице. Интересно, пойдет машина или нет? Наверно, пойдет. Шурыкин очень опытный механик и знает все марки машин. Он и в Болгарии работал, и на Куйбышевской ГЭС. А еще раньше — в Магнитогорске.

— Скажи ему, — кричал Шурыкин, чтобы перекрыть шум мотора, — скажи ему, что это — скорость! Скорость. Переведешь?

Зеленко лез в кабину и объяснял экскаваторщику, какой рычаг для чего. Игорь подошел к ковшу, лежавшему на земле, и подумал, что в нем отлично можно ездить. Он даже присел на острые зубья, но в это время Шурыкин закричал на него страшным голосом:

— Какой из тебя строитель? Жить надоело?

— Отойди в тень, — сказал Зеленко. — Я сейчас освобожусь и покажу тебе, где будет главный корпус.

Игорь отошел на несколько шагов. Шурыкину и Зеленке, наверно, стыдно за него перед бирманцами. Но в тень отходить не хотелось — интересно было посмотреть, как машина поднимет ковш, возьмет первый в своей жизни кубометр земли.

Маун У соскочил с гусеницы и побежал к бамбукам. Видно, ему что-то там понадобилось. Он улыбнулся на ходу Игорю, нагнулся, поднял с земли кусок ветоши, сделал шаг обратно и вдруг как-то странно подпрыгнул и крикнул:

— Мья зей!

И хоть крикнул Маун У негромко, Игорь понял, что случи-

лось что-то необычное и даже страшное. Молодой бирманец медленно оседал на землю, охватив руками ногу за щиколотку. И Игорь увидел, как совсем рядом с Маун У медленно ползет к кустам небольшая зеленая змея.

Игорь подхватил с земли камень и бросил в змею. Он бы ударил ее палкой, но палки не было. Камень попал змее в голову, но она не умерла от этого, а только свернулась в кольцо и тут же развернулась во всю длину. Змея, видно, была ранена или оглушена, и Игорь обернулся к экскаватору и крикнул:

— Палку сюда! Палку!

Он совсем не думал в этот момент, что укус змеи может быть опасен для Маун У. Игорь еще не привык к тому, что бирманские змеи очень ядовиты. Сейчас его занимала только одна мысль: как можно скорее убить зеленую змею.

Люди у экскаватора услышали. Зеленко прибежал, сжимая железный прут, и в два удара добил змею, а Шурыкин с экскаваторщиком наклонились над Маун У.

Экскаваторщик что-то говорил, и Зеленко переводил почти автоматически:

— Змея очень плохая. Маун У умрет. Это мья зей, зеленая змея. Маун У сейчас умрет.

Шурыкин сказал:

— Без чепухи, товарищи! Что, змей не видали, что ли? Надо ранку разрезать.

— Высосать, — добавил Игорь. — И еще прижечь и жгутом перевязать.

Шурыкин копался в карманах, искал нож, а Игорь уже быстро вытаскивал из штанов ремень, чтобы перетянуть ногу.

— Да подождите, — сказал вдруг Зеленко. — Все это чепуха. В Пастеровский институт надо ехать, и быстрее.

Ранка была на щиколотке — две точки и немного крови. Даже удивительно было, что Маун У так стонет.

— Нож уберите, — говорил Володя. — Яд распространяется в человеческом организме в две секунды. От разрезов и перевязок только хуже будет. Я наверняка это знаю.

— Ничего подобного, — упорствовал Шурыкин. — У меня спички в кармане, — сказал он Игорю. — Обожги нож, чтобы инфекции не занести... Потерпи, парень.

Зеленко махнул рукой и куда-то убежал.

Игорь достал из кармана Шурыкина спички и сломал три штуки, прежде чем ему удалось зажечь одну и поднести огонек к лезвию перочинного ножа.

— Скорее ты! — торопил его Шурыкин. Он отсосал кровь из

ранки, сплюнул и вздохнул: — У меня дырка в зубе, как бы яд не попал. — Он еще раз сплюнул. — Где наша не пропадала!

Со стороны управления уже несся, подпрыгивая на кочках, «газик». Зеленко сидел рядом с Мишей. «Как быстро! — удивился Игорь. — Видно, Миша не задал ни одного лишнего вопроса».

— Клади его в машину, — приказал Зеленко, когда «газик» разворачивался у лежащего на земле Маун У.

Шурыкин больше не стал спорить.

Когда машина выскочила на шоссе и понеслась к городу, распугивая длинноногих кур, Игорь вдруг посмотрел на свою руку и увидел, что держит за хвост мертвую змею. Даже удивительно, как она могла попасть к нему. Он хотел выбросить змею на дорогу, но Зеленко сказал:

— Погоди. Мы ее врачам покажем. Может, против нее специальная сыворотка нужна. — Потом обернулся к Маун У, который лежал на боковом сиденье (Шурыкин поддерживал ему голову), и добавил: — До института Пастера десять минут. Вы уж продержитесь.

Маун У ответил что-то неразборчивое. Экскаваторщик расшнуровал ботинок и снял его с ноги Маун У. Нога распухла и посинела. Кровь больше не шла.

— Зря все-таки не прижгли, — сказал Шурыкин.

Миша зверски скалил зубы и не переставая нажимал на сигнал. Даже автобусы уступали им дорогу — видно, понимали, что не для собственного удовольствия машина так гонит по улице.

Маун У тяжело дышал и все время закрывал глаза. Игорь мысленно подгонял машину: ну скорее же, скорей! Миша резко затормозил — какой-то рикша выскочил из бокового переулка и чуть не угодил под колеса. Миша вывернул и, выругавшись по-бирмански, снова нажал на газ.

Вот уже виден Шведагон. Миша свернул в один из переулков и остановился, въехав под портик большого двухэтажного дома, у дверей которого висела вывеска на бирманском и английском языках:

ПАСТЕРОВСКИЙ ИНСТИТУТ

Игорь помогал вытащить Маун У из кабины. Навстречу уже спешила женщина в белом халате.

— Куда его? — спросил Володя.

— Змея?

— Да.

— На второй этаж. — Женщина повернулась и пошла по лестнице впереди Володи.

Они внесли Маун У в большую комнату, посреди которой

стоял покрытый клеенкой операционный стол. Около шкафчика с инструментами склонился пожилой врач.

— Доктор! — сказала женщина.

Тот обернулся.

— Кладите его, — показал он на стол, а сам принялся мыть руки. — Какая змея?

— Вот эта. — Игорь показал зеленую змею.

— Это еще не так страшно, — сказал доктор. — Бросьте ее. Или возьмите на память. Сколько прошло времени?

— Минут двадцать, — сказал Володя.

— Будет жить и бегать, как молодой, — сказал врач. — Попрошу посторонних выйти.

И дверь в операционную закрылась.

Они сидели почти полчаса на длинной деревянной скамье в коридоре. Шурыкин с Мишей выходили покурить, потом вернулись. Наконец появилась женщина в халате и сказала им:

— Все в порядке. Можете забрать его домой. Пусть полежит немного, дня три, и все придет в норму.

Два санитара с носилками вошли в операционную и вывезли оттуда Маун У.

За ним вышел доктор и сказал:

— Опасности никакой нет, ему будет лучше дома.

— А если бы мы приехали позже?

— Позже приезжать не следовало. Семьдесят процентов смертельных случаев от укусов змей в Бирме происходят оттого, что начинают применять всякие знахарские средства, вместо того чтобы привезти человека к нам.

— Можно еще один вопрос, доктор? — спросил Зеленко. — Что надо делать в случае, если человека укусила змея? До того, как привезти его сюда.

— Ничего. Ровным счетом ничего. Если есть сыворотка, сделайте укол.

— А как насчет того, чтобы высасывать яд, прижигать рану, перетягивать ее жгутом?

— Никуда не годится. Суеверие. Только его еще не скоро поборем, — сказал доктор. — От этого потом образуются раны и язвы, человек может стать на всю жизнь калекой. Змеиный яд распространяется в человеческом организме почти мгновенно... А сейчас попрошу меня извинить...

— Спасибо, доктор.

Зеленко торжествующе посмотрел на Шурыкина, но, по мнению Игоря, ни в чем не убедил механика.

7

ПРОСЬБА СТАРИКА

— Ну, ты настоящий герой, — сказал совершенно серьезно Шурыкин, когда «газик» ехал к дому Маун У. — Не испугался и сразу змею камнем. Молодец! Даже молодециус. Я в твоем возрасте от змей бегал.

— Не надо, — ответил ему Зеленко. — Испортите ребенка. Ведь он это по глупости, змей не знает.

— И не по глупости, — обиделся Игорь.

— Вот видите! — сказал Зеленко. — Он уже сам уверен, что герой.

Маун У лежал между сиденьями на носилках, которые им одолжили в Пастеровском институте, чтобы довезти больного до дома. Он дремал, иногда морщился от боли, но прислушивался к разговорам. Он понял, что говорят об Игоре, и сказал ему по-русски:

— Спасибо.

— Вот уж не за что! — искренне удивился Игорь. — Я-то ничего не сделал.

— Очень карашо, — сказал Миша. — Карашо. — И запел песню: «Но провожают пароходы совсем не так, как поезда...»

Дом Маун У был деревянный, одноэтажный, такой же, как почти все дома на этой тихой улочке. Перед домом шла неширокая веранда, на ней стояло кресло-качалка, и в кресле сидел старый усатый бирманец в роскошной юбке-лоунджи, переливавшейся всеми цветами; волосы его, по старинному бирманскому обычаю, были забраны в узел на затылке.

Старик увидел «газик», поднялся и подошел к крыльцу.

Миша сразу начал ему говорить по-бирмански, стараясь не делать страшного лица, а остальные, вылезая по очереди из «газика», смущенно улыбались и всем своим видом показывали, что ничего плохого не случилось. В результате старый бирманец забеспокоился, подбежал к машине, заглянул внутрь, но тут молодцом себя повел Маун У. Он заговорил таким веселым голосом, что у старика, видно, отлегло от сердца.

Носилки внесли в дом и поставили их у возвышения, на котором лежали циновки и подушки. Старик включил фен, а Маун У тем временем перебрался с помощью Володи на циновки.

— Ну, все, — сказал Володя, — мы поехали. Работать надо, а то никто на площадке не знает, куда мы делись.

— Ни в коем случае, — сказал старик по-английски. — Я вас не отпущу. Вы спасли жизнь моему сыну. Пусть ваш шофер поедет обратно и расскажет, что я вас взял в плен.

— Оставайтесь, — сказал Маун У. — Побудьте со мной.

В конце концов остались только Володя с Игорем. Шурыкину надо было срочно возвращаться на площадку — он ведь оставил экскаватор без присмотра. С ним уехал и экскаваторщик.

— Ты за отца не беспокойся, — сказал на прощание Шурыкин Игорю, — я ему все распишу, как в фантастическом романе.

Заплаканная женщина, мать Маун У, принялась хлопотать возле сына. Старик ворчал на нее, видно, хотел, чтобы она заботилась о гостях, а Маун У уговаривал ее не волноваться. Наконец старик сам ушел на кухню помогать жене, а Игорь между тем рассматривал комнату, в которой они находились. Тут было что рассматривать. Наверно, отец Маун У был офицером. На стенах висели мечи, пистолеты и ружья, еще там было много портретов всяких людей в военной форме или старинных нарядах и картинки, на которых были изображены различные бои и стычки.

Маун У заметил интерес Игоря и объяснил:

— Мой отец еще в Первую мировую войну был капралом в английской армии. Потом в бирманской Армии освобождения дослужился до полковника, а теперь вот пишет историю войны за независимость.

Вернулся старик.

— Я говорю о твоих занятиях, — сказал Маун У.

— Ну, это все пустяки, — сказал старик. — Так, на досуге занимаюсь историей. Вот сейчас пишу о генерале Бандуле. Вы о нем слышали?

Зеленко кивнул головой, а Игорь сказал, вспомнив, что рассказывал Евгений Александрович:

— Он воевал с англичанами и погиб.

— Какой умный мальчик! — сказал старик. — И так хорошо говорит по-английски!

— По-английски еще плохо. Но я научусь, — сказал Игорь. — И по-бирмански тоже.

Он был в центре внимания, немного гордился тем, что не струсил, когда увидел змею, и вообще чувствовал себя настоящим мужчиной.

— Что же ты еще знаешь о Бандуле? — спросил старик.

— Он погиб в первую англо-бирманскую войну, в тысяча восемьсот двадцать пятом году.

— Правильно.

Мать Маун У принесла чай и всякие сладости. Володя и Игорь стали отказываться, но старик и Маун У и слушать их не хотели.

— Маун У должен отдыхать, — говорил Володя.

— Вот сейчас выпьете чаю и тогда поедете. Я договорился с Маун Чве, вашим шофером, что он за вами заедет через час. Так что вам все равно некуда деваться. В такую жару по улице не погуляешь.

Пришлось пить чай. Игорь совсем не жалел, что попал в этот дом.

— Отец, — сказал Маун У, — помнишь, ты хотел спросить у русских про твою картину?

— Конечно, конечно. Совсем забыл в суматохе. Если вас не затруднит, я хотел бы спросить вашего совета в одном историческом вопросе, — сказал старик. Он обращался одинаково и к Володе, и к Игорю, и Игорю очень хотелось, чтобы он смог ответить на этот вопрос.

Старик снял со стены старинную картину, раскрашенную акварельными красками. На ней был изображен бой. Солдаты в красных мундирах шли стройными шеренгами на невысокий холм. На вершине холма стояли маленькие пушки и около них полуголые артиллеристы. Среди них был один — ростом выше других, с желтыми волосами и розовым лицом. Человек явно командовал пушками, потому что он указывал на фигурки в красных мундирах зажатым в руке мечом. На поясе у него висели ножны от этого меча.

— Тут изображен бой под Рангуном в тысяча восемьсот двадцать четвертом году. В красных мундирах — англичане, — сказал старик, передавая картину Володе и Игорю, чтобы они ее получше рассмотрели. — На холме стоит бирманская батарея, которая отразила эту атаку. Сама битва известна, но в картине есть одна деталь, о которой я очень хотел бы узнать. Вот. — Старик показал на человека с желтыми волосами. — Подпись под картинкой гласит: «Артиллерист Иван и пушки генерала Маха Бандулы стреляют по англичанам». Я долго думал, кто мог быть этот человек. И имя Иван, мне кажется, встречается у русских. Вы ничего не знаете?

Игорю и Володе пришлось признаться, что они ничего не знают. Игорь припомнил разговор с Евгением Александровичем о том, что в России в 1824 году вряд ли многие знали о Бирме. Но все равно то, что говорил старик, было очень интересно.

— Обратите внимание, — сказал старик, — на меч в руке у артиллериста. Это очень дорогой меч, и художник постарался и нарисовал его в деталях. Особенно ножны. Такие ножны были у меча генерала Бандулы.

Игорь смотрел на меч и вспоминал, где же он видел такой же. Потом сказал:

— Я видел такой меч в Индии, в Дели, в магазине сувениров. Только у него ножны были не серебряные, а обтянуты материей.

— Такие простые мечи были у многих офицеров. Мне бы хотелось узнать, не русский ли это был артиллерист. В бирманских документах ничего не сохранилось.

— Конечно, конечно, — сказал Зеленко, — нам это тоже очень интересно.

Игорь никак не мог отделаться от мысли, что он видел этот меч не только в индийской лавке. Но где еще? В Москве, в музее? Нет. Но где же? И, казалось, в голове вот-вот родится нужное воспоминание, но в этот момент перед домом осторожно загудел автомобиль. Приехал Миша.

8

СУНДУК В ВЕЛИКОМ УСТЮГЕ

Бывает, что вечером никак не можешь решить задачу. Бьешься, бьешься, и все зазря. А потом ночью она решается сама собой. Проснулся утром — и отлично представляешь себе и этот чертов бассейн с двумя трубами, в которые что-то вливается и что-то выливается, и понимаешь, что наполнится он именно через три часа двадцать минут, ни на минуту раньше.

Так примерно случилось и с Игорем. Он весь вечер думал, где он видел бирманский меч в серебряных ножнах, а как только солнечный луч добрался до его кровати и защекотал глаза, Игорь проснулся и, оказывается, вспомнил, где и когда это случилось. Даже странно, как он мог забыть об этом: о прошлогодней поездке к бабушке в Великий Устюг, о реке Сухоне и плотах на ней, о голубых лесах на низком, правом берегу, о городском парке с аллеей высоких лип у школы, о белых церквах над обрывом.

...Ехали к бабушке от Вологды на пароходе. Пароход «Достоевский» с трудом проталкивался по узкой реке Вологде, по каналам, построенным еще при царе Горохе, потом выбрался все-таки на широкую Сухону и мимо игрушечной деревянной Тотьмы, мимо спокойных деревень над обрывами доплыл до Великого Устюга, старинного красивого города, который раньше был еще больше, чем сейчас, и из него уходили в Сибирь землепроходцы Хабаров, Дежнев, Атласов и другие.

Бабушка живет на набережной, в одноэтажном деревянном домике с садом. У нее есть две кошки, одна из которых без уха, а

другая всегда чихает, и пес, который, вместо того чтобы лаять, прячется по ночам в сени, и ничем его оттуда не вытянешь, пока не рассветет. Устюгская бабушка — папина мать. У Игоря есть еще одна бабушка, мамина, но она живет в Москве и часто бывает у Исаевых. Устюгская бабушка значительно интереснее, потому что в революцию она была поварихой на военном буксире в двинской флотилии и воевала с белогвардейцами. Теперь она стала старая и редко выходит из дому — только на базар и на заседания совета ветеранов при городском музее.

Из окна бабушкиного дома виден лес на том берегу Сухоны. В этот лес Игорь с соседскими ребятами ездил за грибами. Сам бабушкин дом старенький, и отец, когда приезжает домой в отпуск, всегда чинит крышу и забор, но на следующий год приходится начинать сначала. В комнате, где спит бабушка, стоит ее высокая железная кровать с блестящими шарами на спинке, толстый пузатый комод, два гнутых стула, круглый стол и сундук, покрытый белой кружевной накидкой.

Игорю всегда хотелось заглянуть в сундук — не потому, что ему было очень любопытно, а потому, что как-то бабушка достала оттуда старинные полотенца в подарок маме и заодно чтобы показать Игорю большую пожелтевшую фотографию. На фотографии дымил неуклюжий пароход с пушкой на носу, а у борта стояла молодая женщина в косынке. Это и была бабушка. Тогда бабушка сказала, что в сундуке много интересного и надо как-нибудь перебрать его, а то моль заведется. Сказала, что и сама уж не помнит, что там лежит. Как только Игорь узнал, что даже бабушка не помнит, в нем проснулся дух исследователя. Он несколько раз подходил к бабушке и канючил, что пора перебрать сундук, но бабушке все было недосуг — то пирог печь надо, то зубы замучили, то кошка опять расчихалась, надо к ветеринару нести.

Но однажды Игорю повезло: с утра шел дождь, идти было некуда, кошка не очень чихала, зубы у бабушки не болели, и пирог уже был испечен.

— Займемся, бабушка, — сказал Игорь. — Лучше нам времени и не найти.

— Может, как-нибудь в следующий раз? — сказала бабушка. — Я только что «Новый мир» получила, собиралась литературной критикой заняться.

— И вечером времени будет достаточно, — ответил на это Игорь. Он решил быть настойчивым. — Мне уезжать через три дня, а я так и не видел твоих революционных реликвий.

Бабушка притворно вздохнула — ей и самой хотелось покопаться в прошлом — и сняла накидку с сундука.

Сундук был велик. Он доставал Игорю до пояса, а в длину был такой, что, если бы не выпуклая его крышка, можно было бы на нем отлично спать вместо кровати. Он был обит железными полосами и запирался на два замка. Замки открывались без ключа — чего бабушке запирать сундук? Бабушка поднатужилась и с помощью Игоря откинула крышку.

Сверху лежали пересыпанные нафталином вещи. Они особого интереса не представляли. Игорь расстелил на полу рогожку, и они с бабушкой осторожно клали вещи на нее, чтобы не смять. Там лежало пальто, почти новое, несколько платьев и шаль вся в красных цветах. «Давно собираюсь Лидочке подарить», — сказала бабушка и отложила шаль в сторону. Лидочка — это мама Игоря. Под шалью обнаружилась праздничная скатерть — Игорь как-то видел ее на столе, когда папа в прошлом году приезжал. Потом снова были платья. И чем глубже забирались Игорь с бабушкой в сундук, тем старинней встречались им вещи. Одно платье бабушка даже приложила к груди. Платье было все в блестках и очень мягкое.

— Это мне в двадцать девятом твой дед подарил, — сказала она.

Ниже шли какие-то вышивки, завернутые в древние газеты сапожки, разрозненные клубки шерсти, меховой воротник, подглоданный молью, и несколько шкатулок. За шкатулками приходилось уже перегибаться по пояс — так глубоко ушли в сундук Игорь с бабушкой.

Одну из шкатулок бабушка поставила на стол и бережно открыла. В ней было много интересных вещей. Например, удостоверение делегата Северодвинского съезда профсоюзов за 1922 год, старинные значки Осоавиахима и «Добролета», один из которых бабушка тут же подарила Игорю, множество фотографий, которые, к сожалению, были не очень интересными, например, маленький папа в ванночке. Тоже невидаль! Как будто Игорь не знал, что и отец когда-то был младенцем. Или сравнительно нестарая бабушка в Гаграх. Бабушка стоит на берегу моря в полосатом купальнике и неестественно закинула руку за голову — так, наверно, велел фотограф. Еще много групповых фотографий. Люди на них уставились в объектив, и все почти одинаковые, хотя бабушка как-то их различала и приговаривала:

— Вот этот, Петя, такой моторный был, на всех собраниях выступал. А Сергей Диомидович на войне погиб.

Бабушка углубилась в разглядывание фотографий, а Игорь тем временем снова подошел к сундуку, чтобы посмотреть, что там осталось. Он надеялся в глубине души, что где-нибудь на

дне лежит бабушкин «маузер». Ведь если она была на Гражданской войне, то у нее должен быть и «маузер».

— Дай-ка мне рыжую коробку, — сказала бабушка.

Игорь достал коробку.

— Это еще от моего отца досталось, — сказала бабушка и вынула из коробки серебряный крестик на полосатой, оранжевой с черным, ленточке. — Егорий, — сказала она, — крест за храбрость. Мой отец, а твой прадед с турками воевал, в Болгарии. За Шипку получил.

Это уже была реликвия что надо. Игорь осторожно взял крестик в руку. Крестик был легким и почти не потускнел от времени. «Вот, — подумал он, — почти сто лет лежит». И он представил себе картину художника Верещагина, на которой генерал на белом коне скачет мимо рядов солдат и все кричат «ура».

В коробке лежало много писем и документов. Они были такими старыми, что даже не были напечатаны на машинке, а написаны от руки, писцами.

Игорь смотрел, как бабушка перебирала эти бумаги.

— Как-нибудь в другой раз, — сказала она наконец. — Тут чтения на целый месяц. Загляни-ка, Игорек, еще поглубже. Там должен сверток быть.

На дне сундука лежали два свертка. Один длинный, другой круглый и мягкий. Игорь достал оба.

— Вот этот, — сказала бабушка и взяла круглый сверток, — давно собиралась в музей отдать, да все некогда было в сундук забраться.

Она развернула сверток. В нем лежали старая выгоревшая тельняшка и бескозырка с неровной надписью «Упорный».

— Твоя? — спросил Игорь, и у него даже дух перехватило.

— Нет, — ответила бабушка. — Я одного парня любила, матроса нашего. Он погиб на Двине, когда мы с белыми дрались. Его когда хоронили, в новое переодели, а мне тельняшку на память дали. Он с Балтийского флота был. Господи, как быстро время бежит!..

Бабушка расстелила тельняшку на столе и пригорюнилась. Игорь не был с ней согласен, что время бежит очень быстро. Бабушка вон сколько лет на свете прожила, раз в семь больше, чем Игорь, можно устать столько жить. Он не стал приставать к ней с вопросами, а примерил перед зеркалом бескозырку. Бескозырка ему шла, только была велика. Если бы бабушка не собиралась отдать ее в музей, он бы обязательно ее выпросил себе и устроил музей у себя дома. Вот бы ребята на дворе лопнули от зависти! Потом Игорь снял бескозырку и развернул второй сверток. В нем оказалась прямая сабля, вернее, меч в серебряных, очень краси-

вых ножнах. На них люди в незнакомой одежде мчались на конях за оленем и размахивали такими же мечами. Игорь потянул за рукоять, и меч легко вышел из ножен. Его лезвие было покрыто узорами.

— Сабля, — сказала бабушка довольно равнодушно. — Ты чего ее из ножен вынимаешь? Еще обрежешься.

— А откуда она у тебя? — спросил Игорь.

— Да давным-давно лежит. Дед твоего деда, а может, дядя его какой в матросах служил, вот и привез из дальних стран. Может, из Африки. Так и хранится в доме. Умру — тебе перейдет. А пока рано, заколешь кого. Положи на место.

Игорь с сожалением завернул меч обратно в тряпку, а бабушка между тем продолжала:

— Я когда молодая была, еще только Гражданская начиналась, пошла на пристань к нашим наниматься. Оружия-то дома нет никакого, вот я вспомнила про эту сабельку, достала ее из сундука потихоньку от матери и пришла в штаб. А там меня на смех подняли. «Куда, говорят, девка, пришла с таким вооружением? Ты, может, Добрыню Никитича обобрала? Лучше его на картошку сменяй». Но взяли все-таки. Поварихой. А саблю я обратно домой отнесла. Ну что, будем обратно складывать?

Игорь тогда дня два думал об этом мече, а потом как-то закрутился — дела были, — ну, и забыл про меч. И вот теперь вспомнил. Конечно же, у бабушки в Великом Устюге хранится бирманский меч. И, конечно же, прапрапрадедушка Игоря уже побывал в Бирме, и это именно он нарисован на картине в доме у старика! Вот это открытие!

Игорь вскочил с кровати и босиком побежал вниз, рассказать об открытии маме. Но мамы не было дома. Они с Шурой Шурыкиной уехали в магазин. Аппалсвами не поймет, Наташа тоже. Игорь подумал даже, не броситься ли ему к старому бирманцу, но он не помнил к нему дороги.

Ничего не делать в такой знаменательный момент было нельзя. Необходимо было что-то предпринять. Но что же? И Игорь придумал. Он достал из ящика стола мамину авторучку и сел писать письмо к бабушке в Великий Устюг.

«Дорогая бабушка! — написал он. — Как ты поживаешь? Мы живем хорошо и скоро вернемся домой. (Это он написал, чтобы бабушка не очень скучала.) Здесь жарко, но не очень скучно. Папа работает, мама тоже скоро начнет работать на строительстве чертежницей. Я хожу в школу. Бабушка, ты помнишь, как мы с тобой лазили в твой старый сундук? Мы тогда нашли там старый меч, с которым ты ходила в штаб революционеров. Этот меч оказался не африканский, а бирманский. И он очень важен для

науки. Может быть, мой предок побывал здесь и сражался за бирманцев. Мне очень важно узнать все, что касается этого меча. Если можешь, пожалуйста, отнеси его сфотографировать и пришли фотографию мне. Это очень ВАЖНО!!! Дорогая бабушка, посмотри, пожалуйста, в старых письмах, нет ли там чего-нибудь связанного с этим мечом. Он относится к 1825 году. Если найдешь, пришли, пожалуйста. Целую. Игорь».

Игорь запечатал письмо и написал адрес. Он знал, что ночью из посольства уезжают дипкурьеры и, если послать письмо с ними, оно дойдет быстрей. А вечером Зеленко обязательно поедет в посольство играть в бильярд и письмо захватит с собой.

Игорь положил письмо на стол и снова вышел на улицу. В тот день в школе продолжалась дезинфекция, и спешить было некуда. Жалко, что Бригитты нет или Миши Богданова. Но ничего, он им завтра все расскажет. Тут он вспомнил, что как раз вчера решил заниматься английским языком и для этого познакомиться поближе с соседом Джонни.

И Игорь пошел к Роджерсам.

Глава третья,

в которой рассказывается о появлении и пропаже меча генерала Бандулы и в которой Игорь узнает кое-что о своем предке

1

ДЖОННИ И ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ

Игорь подошел к забору и заглянул в просвет между кустами. Джонни сидел на полянке перед домом, в тени осыпанной белыми цветами корявой магнолии, и колдовал с банками и бутылками. Игоря давно подмывало узнать, что он с ними делает, почему все свободное время связывает их по-разному и приделывает к ним какие-то дощечки.

Игорь раздвинул кусты пошире и сказал:

— Доброе утро, Джонни.

Тот вскочил от неожиданности и так и остался стоять на полусогнутых тонких ножках. Он никак не мог сообразить, откуда раздался голос. В руке у Джонни была грязная банка, и он прижимал ее к груди, будто боялся, что ее отнимут.

— Доброе утро, — повторил Игорь. — Это я.

— Здравствуй, — сказал Джонни. Он очень удивился, что Игорь с ним заговорил. — Что тебе нужно?

— Да так. Думал, может, придешь к нам в гости, — сказал Игорь. — У нас попугаи есть.

«Наверно, неудобно говорить ему, — подумал Игорь, — что я хочу разговаривать с ним, чтобы изучать английский язык».

— Спасибо. — Джонни продолжал стоять на месте, прижимая к груди банку.

Помолчали. Потом Игорь сказал:

— Что это у тебя?

— Да так, ничего.

— Может, ты не хочешь со мной разговаривать?

— Нет, хочу. Очень хочу, — сказал Джонни. — Ты приходи ко мне. Лезь через забор. А то мне не перелезть.

— А можно? — спросил Игорь.

— Конечно, — сказал Джонни. — Я тебе помогу.

Он поставил банку на землю и побежал к Игорю. Вот уж этого Игорь не мог вытерпеть. Это чтоб ему помогали? Он подпрыгнул, поставил ногу на перекладину и перемахнул на соседний участок. Правда, прыжок получился не очень красивым, потому что Игорь зацепился штанами за какой-то сук и чуть было не разорвал брючину.

— Ты очень ловкий, — одобрил Джонни.

Игорь подумал, не смеется ли он, но Джонни был очень серьезен. «Ну что ж, — подумал Игорь, — может, я и в самом деле неплохо перепрыгнул».

Они подошли к банкам и дощечкам.

— Ну, расскажи.

Игорь почувствовал, что Джонни очень хочет ему понравиться, и потому перестал стесняться.

— Ты не будешь меня дразнить? — спросил Джонни. — А то я рассказал об этом Сараму Сингху, и тот надо мной смеялся.

— Не буду, — пообещал Игорь.

— Я строю вечный двигатель, — сказал Джонни и пригладил жесткие черные волосы. У него был очень унылый вид и длинный нос.

Но Игорь не стал смеяться.

— Зачем ты его строишь? — спросил Игорь.

— Ну как — зачем? Он будет всегда крутиться, и я его продам. У отца много долгов. А еще можно будет подвести к нему электромотор.

Игорь мало знал о вечных двигателях, хотя читал в книжке Перельмана, что вечный двигатель построить нельзя.

— И получается? — спросил он.

Джонни помахал рукой над банками, чтобы прогнать большую синюю бабочку, которая хотела сесть на одну из них, потом вздохнул и честно признался:

— Я еще не испытывал. Не хватает материалов.

— А откуда ты знаешь про вечный двигатель? — спросил Игорь.

— Отец рассказывал. Он, оказывается, и сам его строил, но потом началась война и нам пришлось бежать от японцев. Меня еще не было. Он сказал, что, если бы удалось, он стал бы богатым человеком и мы отдали бы замуж Салли, это моя сестра. Потом я нашел старую книгу, и в ней написано, какие бывают вечные двигатели. Только они все неудачные. Тогда я и узнал, каких делать не надо. Хочешь, я покажу тебе эту книгу?

— Принеси.

— Лучше пойдем ко мне в дом. Мамы все равно нету. Она уехала в больницу.

— Она там работает?

— Нет. Моя мама нигде не работает. Заболел Дик, мой младший брат.

— Хочешь, я помогу тебе строить вечный двигатель? — сказал Игорь.

Он не очень верил, что у Джонни что-нибудь получится, но подумал, что неплохо бы сказать ребятам в школе: «Знаете, чем я сейчас занят? Я сооружаю с моим товарищем вечный двигатель».

— Ой, конечно! — сказал Джонни и осекся. — Но деньги пополам. Нет, мне две трети, а тебе треть. Согласен на треть?

— Не нужны мне твои деньги, — обиделся Игорь. — Я не из-за денег предлагал.

— А что я тебе должен буду дать?

— Да ничего не давай. Я ведь твой сосед и, когда у меня свободное время, имею право тебе помочь.

— Как хорошо! — сказал Джонни. Он посмотрел на Игоря в упор. — И ты будешь со мной дружить?

На это Игорь не мог сразу согласиться. Хоть ему и было жалко этого парня.

— Посмотрим, — сказал он. — У меня очень много дел. Я играю за класс в футбол и еще собираю марки.

— Я тоже собираю марки, — сказал Джонни. — Хочешь, покажу?

Они вошли в дом. Дом был деревянный и очень старый. Он весь скрипел — не только половицы, но и стены, и даже потолок. Дом был темно-коричневый внутри и снаружи, а высокие потолки в углах были затянуты толстым слоем паутины. Мебель в

доме тоже была старая. У кресел прорвались плетеные сиденья, и стол на трех ножках был прислонен к стене, чтобы не упал.

— Мы бедно живем, — сказал Джонни. — Папа работает в туристическом бюро — он агент, но у него мало клиентов. У тебя нет знакомых туристов?

— Нет, — сказал Игорь. — Все мои здесь.

— Ну ничего. Но если будут, имей нас в виду.

Джонни взял со стола визитную карточку и дал Игорю. На ней было написано:

РОБЕРТ РОДЖЕРС,
туристическое бюро «Глобус»

— Ты сядь пока, подожди, — сказал Джонни. — Я сейчас достану книгу про вечный двигатель.

Он ушел. Игорь увидел, что на стене висит только одна картина — портрет старика, сильно засиженный мухами. А на столе стояла фотография женщины с двумя мальчиками. Один из мальчиков был Джонни, только еще маленький. На стене висел крест, и к нему был прибит человек. Иисус Христос, догадался Игорь. Под потолком не было фена, но все окна были открыты, дом продувался ветерком, и было не очень жарко. В окно заглядывали широкие листья бананов, под листьями скрывались гроздья маленьких зеленых бананчиков.

Дом заскрипел — возвращался Джонни.

— Извини, — сказал он, — что я не пригласил тебя в мою комнату, но у меня не прибрано.

«Вот задается!» — подумал Игорь, а вслух сказал:

— А вы не буддисты, как все в Бирме? — и показал на крест с Христом.

— Нет, разумеется, мы христиане. Мы же не бирманцы, — сказал Джонни.

— Вы англичане? — удивился Игорь. Джонни не был похож на англичанина. Он был очень смуглый и маленький.

— Почти, — сказал Джонни. — Мы англобирманцы. Мой далекий прадедушка был самый настоящий англичанин.

— И папа у тебя англобирманец?

— Да. А мама англоиндианка. Мой дед работал на железной дороге кассиром. И его очень уважали англичане.

Уже потом, расспросив поподробнее Евгения Александровича, Игорь узнал, что и в Индии и в Бирме есть довольно много полукровок. Англобирманцев и особенно англоиндийцев. Часто они не хотели считать себя индийцами или бирманцами, а англичане никогда не хотели считать их своими. Вот и была у них тяжелая жизнь. Они работали при колонизаторах на мелких чиновничьих должностях и очень задавались перед бирманцами. А теперь задаваться не приходится.

Но у Джонни Игорь ничего больше узнавать не стал — неудобно как-то допрашивать человека: а вдруг ему неприятно, что он не бирманец. И Игорь, чтобы сменить тему разговора, спросил:

— А это кто? — и показал на портрет, засиженный мухами.

— Это король Эдуард. Король Англии. Он уже давно умер, но мой папа его уважает.

Игорь даже встал с кресла, чтобы поближе рассмотреть английского короля. Король был с бородкой клинышком и, видно, довольно толстый.

— Мы живем в Бирме уже сто пятьдесят лет, — сказал Джонни. — И семейство Роджерс было всегда уважаемым.

— Ничего в этом такого особенного нет, — сказал Игорь. — Мы, Исаевы, живем в СССР уже тысячу лет, не меньше. А мой предок был в Бирме сто пятьдесят лет назад и воевал с твоими англичанами.

— Этого не может быть, — сказал Джонни. — Русских здесь раньше не было.

— Как это так — не было? — обиделся Игорь и даже сжал кулаки.

— Ну, не сердись, — сразу сдался Джонни. — Это так папа сказал, вернее, не папа сказал, а ему сказали, а я слышал. Мне-то все равно. Ты мне очень нравишься. У меня ведь мало друзей.

— А в школе?

— Я учусь в миссионерской школе, и я самый слабый в классе. И меня часто бьют.

— Ну, уж это никуда не годится, — сказал Игорь. — Я бы им показал!

— Ты сильный.

— Пока не очень, но я занимаюсь гимнастикой. Тебе бы тоже не мешало спортом заняться.

Игорь пощупал мышцы Джонни, но у Джонни не оказалось никаких мышц — только кожа и кости.

— Плохо твое дело, — сказал Игорь. — Много придется работать. Я тебе покажу некоторые упражнения.

— Я когда был маленький, болел туберкулезом. Меня вылечили, но легкие у меня все равно слабые, — сказал Джонни. — У меня и отец слабый. А твой — сильный. Я его видел.

— У меня и дедушка был ничего — он на Шипке воевал с турками, — сказал Игорь.

— А ты же сказал, что в Бирме.

— В Бирме это дедушка моего дедушки. Он был артиллерист, и у него был бирманский меч. Скоро бабушка мне пришлет из Устюга его фотографию. А один бирманец, я его сына, можно сказать, спас от змеи, — тут Игорь немного прихвастнул, но сам того не заметил, — собирается включить моего бирманского прапрапрадеда в свою книгу про историю Бирмы.

— А у меня один дядя был священником, — сказал Джонни, но тут же понял, что для Игоря это не очень важно. Тогда он перевел разговор на другую тему и сказал: — Вот книга о вечных двигателях. А это альбом с моими марками.

Игорь просидел у Джонни довольно долго, может быть, два часа. Но потом услышал, как его зовет мама, — она приехала и никак не могла понять, куда исчез ее сын.

— Ты приходи, — сказал Джонни на прощание.

— Теперь твоя очередь, — ответил Игорь. — Я тебя научу кое-каким упражнениям на развитие физической силы. Ты еще покажешь своим буржуям в школе.

Джонни проводил Игоря до забора и даже хотел подсадить его, но Игорь отказался от помощи.

2

НАУЧНЫЙ КОЛЛЕГА ИГОРЯ

Вечером, после обеда, был разговор с отцом.

— Ты когда-нибудь в бабушкином сундуке копался? — загадочно спросил Игорь.

— Где? — спросил отец, раскуривая сигарету.

— В Великом Устюге, у бабушки.

— Зачем? — не понял отец.

— Ну, из любопытства. А может, она тебе сама показывала.

— Вот не помню, — сказал отец. — Я с детства был нелюбопытен и ленив. А ты что, лазил?

— Мы с бабушкой вместе. Так мы там нашли одну вещь.

— Очень интересно, — сказал отец. — А может быть, вы там нашли много вещей?

— С тобой невозможно говорить серьезно! Слушай, пап, в сундуке у бабушки лежит бирманский меч нашего с тобой предка.

— Ну-ну, — сказал отец.

— Нет, серьезно. Ты не веришь?

— Почему не верю? У мамы моей чего только нет в сундуке. Она же в революцию воевала.

Игорь готов был возненавидеть собственного отца.

— Как ты не понимаешь, — сказал он, — что наш с тобой предок был в Бирме и даже воевал за ее независимость!

— С чего ты взял?

Игорь, сбиваясь, рассказал отцу о встрече со стариком, о мече, который он видел в Дели, о картинке с желтоволосым артиллеристом и о бабушкином сундуке. Отец все выслушал, потом сказал:

— Кстати, надеюсь, ты матери не говорил, как ты вчера со змеей сражался? И не говори, пожалуйста.

— Так ты что, не веришь про нашего предка?

— Почему? — ответил отец, гася сигарету. — Все может быть. Только вряд ли.

— Я написал бабушке, чтобы она фотографию прислала, — сказал Игорь.

— Ну и хорошо. Давай в шахматы тебя обыграю.

Пришлось играть с отцом в шахматы.

Вторым человеком, с которым Игорь говорил о мече, был Володя Зеленко. Он как-никак был у старика дома и все слышал. Но Володя просто не очень поверил Игорю.

Больше всех понимания Игорь встретил у двух, в общем, чужих людей. Во-первых, у Евгения Александровича Глущенки. Он внимательно выслушал весь рассказ Игоря. Может, даже и поверил. Хоть не всему, но поверил. И заинтересовался. По крайней мере он сказал:

— С твоим стариком мне интересно будет познакомиться. Может получиться неплохой материал. А если фотография от бабушки придет, покажи мне ее. Чем черт не шутит.

Вторым человеком оказался, как ни странно, мистер Роджерс, сосед Исаевых, отец Джонни. Он стоял у ворот своего дома, когда Игорь вылезал из школьного автобуса.

— Здравствуйте, мистер Игорь, — сказал он. — Я слышал, вы навещали моего сына. Я вам очень благодарен.

— Ну что вы! — сказал Игорь.

— Нет, в самом деле. Мой сын болезненный мальчик, и мы бедные люди. У Джонни мало друзей, и он говорил, какое большое впечатление вы на него произвели. Я вам очень благодарен. Пожалуйста, не забывайте его и в дальнейшем.

— Я и не собираюсь забывать, — сказал Игорь.

— Может быть, зайдете к нам выпить чашку чаю? — спросил мистер Роджерс.

— Нет, спасибо, меня мама ждет обедать, — ответил Игорь.

— Очень жаль. Ну, как-нибудь в другой раз. Мне Джонни рассказал, что ваш предок бывал в Бирме и даже сражался с английскими колонизаторами. Это правда?

— Да, — сказал Игорь и мысленно выругал себя за болтливость. Какое дело этому мистеру Роджерсу до его предков!

— Это исключительно интересно. Я сам занимаюсь в свободное время историей.

Мистер Роджерс был такой вежливый, что Игорю не хотелось его огорчать. Он сказал:

— Я написал письмо домой, и мне обещали прислать фотографию меча.

— Вы меня осчастливите, если разрешите хоть краем глаза взглянуть на нее, — сказал мистер Роджерс. — Мы бы с вами могли напечатать об этом открытии статью в журнале Исследовательского общества.

У Игоря даже замерло сердце. О такой возможности он и не думал. В настоящем научном журнале!

— С удовольствием, — как можно более сдержанно ответил он.

Мистер Роджерс так разволновался, что даже оттянул узел галстука и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Видно, его и в самом деле очень интересовала история.

— Кстати, — сказал Игорь, — у одних знакомых я видел в доме картину, которая вполне может изображать моего предка.

— В Москве?

Мистер Роджерс сделал шаг в сторону, взял с полочки, прибитой к стволу дерева, кувшин и кружку и налил себе воды. Вода была некипяченая — Игорь это знал — и, разумеется, кишела микробами. Но не мог же он делать замечание взрослому человеку и своему будущему научному коллеге. Может, мистер Роджерс привык и ему не вредно?

— Нет, — ответил Игорь, — не в Москве, здесь, в Рангуне, и только вчера. Отец механика на строительстве интересуется историей и собирает материалы. Он сказал мне, что в руках у человека, изображенного на старинной картине в его доме, меч генерала Бандулы.

— Не может быть! — почти крикнул мистер Роджерс. Даже непонятно было, как в таком худеньком человечке умещался такой сильный голос.

— Да. И, если я не ошибаюсь, именно такой меч хранится у моей бабушки.

— В серебряных ножнах? — спросил мистер Роджерс.

— Да. И с людьми и лошадьми на них.

— Конечно, это он, — сказал мистер Роджерс.

Он как будто забыл о присутствии Игоря и несколько раз повторил: «Это он. Конечно, это он».

— А как зовут бирманца, у которого вы вчера были?

— Не знаю. Его сына зовут Маун У, и он работает у нас на стройке.

— Мистер Игорь, это очень важно, — сказал мистер Роджерс, понизив голос. — У ваших русских родственников могут храниться документы вашего предка, может быть, даже воспоминания, мемуары его. Напишите, чтобы вам их прислали, и мы их вместе изучим.

— Да я ж говорю, — сказал Игорь, — что я уже обо всем написал. И жду ответа. Недели через две.

— И вы сразу информируете меня?

— Конечно, я же обещал.

Мистер Роджерс долго жал руку Игорю. Благодарил его за заботу о бедном Джонни, звал пить чай и снова благодарил. Наконец они расстались, и мистер Роджерс постоял у своих ворот, пока Игорь не прошел к себе в дом.

Нельзя сказать, чтобы Игорю очень нравился его будущий соавтор, но все-таки, когда тебе двенадцать лет, взрослые не так часто приглашают тебя писать с ними вместе научную статью. За это он мистеру Роджерсу был даже благодарен. А с Джонни он и не собирался ссориться. Почему бы и не дружить? Если бы не заботы Джонни о деньгах, то он был бы совсем неплохим парнем. Кроме того, вполне возможно, что им удастся построить вечный двигатель. В конце концов, и над Галилеем смеялись современники, и даже великому физику Эйнштейну долго не верили.

3

ПОЯВЛЕНИЕ МЕЧА

Ответ из Великого Устюга, от тамошней бабушки, пришел даже раньше, чем Игорь ожидал.

Вечером вернулся с аэродрома Володя Зеленко. Он встречал нового сантехника. Володю ждали, даже не пили чай, хотели узнать, что нового в Москве.

Володя сам правил «газиком» и затормозил у дверей так резко, что ящерицы, которые лениво бродили по потолку столовой, выглядывая комаров, бросились в разные стороны и замерли.

Володя вошел в комнату и сказал:

— Кому сегодня плясать?

— Что? Письма?

— И посылка.

Шурыкин думал, что посылка ему — его сестра всегда присылала из Москвы вкусные вещи. Он встал и даже развел руки в стороны, готовясь ударить вприсядку, но Володя остановил его.

— Пляши, Игорек, — сказал он. — На твоей улице праздник.

Игорь сначала даже не поверил, но Володя прочел вслух:

— «Исаеву Игорю Владимировичу. Строительство, Рангун, Бирма». Есть у нас еще Игорь Исаев?

— Это от бабушки! — догадался Игорь.

И правильно, посылка была от устюгской бабушки. В бумаге, обвязанный бечевкой, лежал матерчатый чехол. В чехле был меч в ножнах и листики бумаги, обернутые в целлофан.

— Ну и ну! — сказал Шурыкин. — Вот это вещь! Как только на таможне пропустили?

Отец тем временем читал вслух письмо от бабушки.

«Дорогой Игорек, — писала она. — Получила от тебя весточку и очень тебе за нее благодарна. Хотя больше была бы благодарна, если бы ты написал просто так, без просьбы, чтобы порадовать старуху. Ну ладно, дело молодое. Хорошо хоть, что вспомнил. Правильно, лежит у меня в сундуке сабля. Хотела я ее отнести фотографу нашему, да он уехал в отпуск. Тогда я подумала, на что она мне, когда может сыграть большую роль в бирманской науке. Тут как раз Пелагея, моя соседка, собралась в Москву, вот я ей и передала эту саблю и старое письмо. Пелагея, она пробивная, найдет, как переправить тебе мою посылку. У нас все в порядке. Булька подрос и лает на прохожих. В этом году урожай слив хороший. Поцелуй мамочку и привет передай Володе, отцу своему. Он так и не написал мне еще, за что я на него сильно обижена. Черкни мне, угодила ли я тебе своей посылкой. В совете ветеранов ничего нового нет. Готовим понемногу сборник воспоминаний. Обнимаю тебя и всех Исаевых. Твоя бабушка Клава».

Отец читал, а Игорь тем временем потихоньку вынул меч из ножен и рассматривал блестящую, как будто новенькую, сталь лезвия с вытравленными на нем узорами.

— Булатная сталь, — сказал Шурыкин, — секрет потерян. Теперь так делать не умеют.

— Почему не умеют? — возразил Володя Зеленко. — В наше время есть стали, не уступающие булатным. Просто нет необходимости делать мечи.

— Булатная сталь перерезает платок на лету, — сказал Шурыкин.

— Вот мой платок, — ответил Зеленко. — Попробуйте разрубите.

— Не надо, — испугался Игорь. — Ведь меч старинный.

— Будешь еще саблей махать, — сказала Шура Шурыкина Володе, — зарубишь кого-нибудь.

Из шурыкинской двери выглянула Наташа и спросила:

— Прислали подарки?

— Спать сейчас же! — крикнула на нее Шура.

— Вот ты мне не верил, — сказал Игорь отцу, — а ведь меч лежал-таки у бабушки.

— Следующий раз не пиши моей маме без разрешения. Могли быть неприятности. Разве можно перевозить за границу оружие? — ответил папа.

— Тебе просто обидно, что не ты догадался, — сказал Игорь.

Ничто не могло омрачить его торжества. Меч Исаева, а может, даже тот самый исчезнувший меч бирманского генерала Бандулы лежал перед ним на столе, и Игорю ужасно хотелось попросить Зеленко немедленно поехать с ним к историку и показать ему меч.

Игоря, по правде говоря, мучила еще одна мысль. А вдруг отец отнимет меч и передаст его, например, в посольство? И никто не узнает о заслуге Игоря. Ему ведь предстояло еще написать вместе с мистером Роджерсом научную статью в журнал.

— Господи, двенадцатый час, — вдруг сказала мама, — а Игорь не спит.

— Я не маленький, — ответил Игорь. Ему меньше всего на свете хотелось идти спать.

— Игорь! — сказал отец построже.

Ссориться с родителями не следовало. Но отступить без всякого сопротивления Игорь не мог.

— Тут еще письма, — сказал он. — Надо бы прочитать.

— Не бойся, — сказала мама, — мы их читать не будем, пока ты спишь. Мы сами сейчас спать пойдем. Завтра разберемся.

Когда Игорь уже почистил зубы и лег, он услышал, как в соседней комнате потихоньку разговаривают родители. Они говорили, конечно, о мече. Шумел кондиционер, и Игорю, для того чтобы разобрать, что они говорили, пришлось подкрасться к двери. Вообще-то подслушивать плохо, но сейчас разговор касался исторической науки, и ради этого можно отступить от формальностей.

— Не стоит, пожалуй, отдавать эту историю Игорю на откуп, — говорил папа. — Меч не игрушка. А кроме того, он и в самом деле ценный.

— Не знаю, — ответила мама. — Игорь это принимает близко к сердцу.

— Может, завтра поговорить мне с Глущенкой?

— Поговорить не мешает, — ответила мама.

— А меч спрячу.

— Не спрячешь, — очень спокойно сказала мама. — Поставь себя на место сына. Ему уже скоро двенадцать. Он не маленький

ребенок. И для него история с мечом — сейчас главное дело в жизни. Может, заинтересуется историей, потом пригодится.

«Молодец мама!» — подумал Игорь.

— А Евгению расскажи, — продолжала мама. — Они с Игорем, по-моему, друзья.

Больше Игорь ничего не услышал. Он постоял еще немного под дверью, потом ему захотелось спать, и он вернулся в постель.

4

В ШКОЛЕ

Утром мама сказала:

— Позавтракаешь, пойдешь в школу — все как полагается.

— У меня горло болит, — сказал Игорь, хотя никакое у него горло не болело.

— Покажи, — сказала мама.

Игорь открыл рот и сказал:

— А-а-а!

Он немного надеялся, что горло красное. Почему бы ему не быть красным? Ведь бывают же такие счастливые люди, у которых горло всегда красное. Вот, например, в Москве, в классе, был такой Сережка Фиолетов, так у него не только горло красное, но и даже ненормальная температура, а так он здоровый.

— Горло чистое, — сказала мама. — Мне бы такое. С таким горлом только в школу и ходить. А письма я сама пока почитаю.

— Мам, — взмолился Игорь, — это нечестно! Если уж я иду сегодня в школу, то ты можешь тоже пожертвовать.

— Хорошо, договорились, подожду, — согласилась мама. — А сейчас беги мойся — и завтракать. Кофе остынет.

У ворот загудел школьный автобус. Игорь, дожевывая на ходу булку, вскочил в него, поздоровался с шофером. В автобусе уже сидели две второклассницы из торгпредского дома. С ними говорить было не о чем. Игорь сел поближе к окну и стал ждать, пока автобус доедет до дома, в котором жил Богданов.

Автобус свернул с Университетской, загудел, распугав с дороги стаю бродячих собак, притормозил у лавочки, в которой парс торговал сигаретами, бананами и мылом. Шофер купил пачку сигарет, а Игорь мысленно подгонял его: скорее! Ведь очень трудно ждать, когда в тебе хранится удивительная тайна. Шофер медленно пересчитал сдачу, залез обратно в автобус, и поехали дальше. Второклассницы щебетали о чем-то своем глупом, девчоночьем. Они бы даже и не поняли, если б им рассказать про

меч. Автобус свернул в узкий переулок. У ворот ждали ребята. Но это опять малыши.

Еще поворот. Переулок стал совсем узким, он петлял между невысокими заборами, магнолии свешивали белые цветы прямо на крышу машин, а выше, над ними, раскинулись пламенные деревья.

Миша Богданов стоял перед своими воротами, выжимая на одной руке портфель. Он хотел стать футболистом, как его отец, и потому, как только у него выдавалась свободная минутка, сразу начинал тренироваться. Миша вошел в автобус, держа портфель над головой, сказал всем «привет» и сел рядом с Игорем.

— Ну, что нового, старик? — спросил он.

— Да так, ничего особенного, — сказал Игорь.

— А у нас щенки родились. Пять штук, — сказал Миша. — Это не каждый день случается.

— Да, не каждый, — сказал Игорь.

Помолчали. Потом Игорь не вытерпел.

— Кстати, Миш, — сказал он, — я посылку вчера получил. Из Союза.

— Кто-нибудь приехал?

— Да, сантехник новый.

— Ну, и как там? — спросил Миша. И тут же добавил: — Один щенок белый, а остальные рыжие. Удивительно, а?

— Посылка не из Москвы, — сказал Игорь. — Из Великого Устюга, от бабушки моей.

— Где этот твой Великий Утюг? — пошутил Миша. — На реке Простыне?

— Нет, на Сухоне, между Вологдой и Архангельском. Могу поспорить на твои бутсы, не догадаешься, что она мне прислала.

— Легче легкого: сушеные грибы и варенье из клюквы.

— Ну, будешь спорить?

— Охота была! Мало ли что бабке твоей в голову придет.

— Можешь задавать мне пятнадцать вопросов. А я тебе буду говорить «да» или «нет».

— Лучше так скажи, — ответил Миша. Он немного боялся не угадать и не хотел рисковать бутсами, которые отец купил ему в спортивном магазине напротив индийского кинотеатра «Ритц».

Автобус часто останавливался, и в него влезали все новые ребята из школы.

— Скоро уж приедем, а ты все тянешь, — сказал Миша. — Мне станет неинтересно.

— Ну ладно. Бабушка прислала мне меч, — сказал Игорь.

— Чего?

— Меч. Настоящий, боевой.

— Ну уж рассказывай! Может, она тебе и кольчугу прислала, чтобы комары не кусали?

Тут автобус остановился у школы, и Игорь как ни в чем не бывало спрыгнул на землю и пошел в класс. «Теперь-то уж Мишка не отстанет, — понимал он. — Пусть сколько хочет делает вид, что ему все равно, и шутит себе на здоровье».

Миша догнал Игоря у входа в класс:

— Да ты не беги. Скажи, в самом деле, что за меч.

— Да ничего интересного. Меч как меч. Личное оружие бирманских офицеров королевских времен.

И Игорь сел спокойно за парту рядом с Бригиттой, которая приехала раньше и уже разложила обернутые в голубую бумагу тетрадки и книжки.

— Сегодня у нас какой первый?

— Русский язык, — сказала Бригитта. — Ты написал или тебе дать списать?

— Написал, — ответил Игорь. — У меня большие события. Меч привезли.

— Тот самый? — спросила Бригитта и даже тихонько взвизгнула.

Дело в том, что Бригитта про все знала. И про старика, и про матроса Исаева, и про меч. В тот день, когда Игорь написал бабушке в Устюг письмо, он был в ссоре с Мишкой Богдановым. Такая была не очень крупная ссора, но про меч рассказывать не хотелось. Мишка сказал на переменке довольно громко про Игоря и Бригитту: «Тили-тили-тесто, жених и невеста». Это потому, что Игорь, когда шли на физкультуру, держал Бригиттины тапочки, пока она застегивала портфель. Совсем несерьезный повод для ссоры, просто Игорь такого от Мишки не ожидал.

Потом они еще несколько дней почти не разговаривали. И, может быть, Игорь вообще бы ему ничего не рассказал, но сами понимаете, что, когда пришел меч, молчать было совершенно невозможно.

— Тот самый, — сказал Игорь. — Настоящий меч и ножны серебряные. Все сходится. Теперь надо поехать к старику и показать.

— Ты его принес? — спросила Бригитта.

— Нет. Дома остался. Это же историческая ценность.

— Какому старику показать? — раздался вдруг голос сзади.

Игорь обернулся и увидел, что там стоит Миша Богданов и слушает.

— Подслушивать плохо, — сказала Бригитта.

— А Игорь мне и без тебя рассказал.

— Ты ему рассказал? — удивилась Бригитта. — После всего того?

У нее от возмущения даже косы дыбом на голове встали. И глаза вместо серых стали черными.

— Да нет, я только немного рассказал, — ответил Игорь.

Бригитта демонстративно повернулась к тетрадкам и сделала вид, что Игоря больше не существует. Она была очень принципиальная.

— Ну и попал ты под каблук! — сказал Мишка. Ему очень хотелось узнать все про меч, а тут вмешалась эта Бригитта.

— Молчи! — сказал Игорь. — С тобой лучше дела не иметь. Трепло ты.

— Сам трепло, — сказал Мишка. — «Мне посылку прислали. Догадайся, что такое...» Раз начал, договаривай.

— Сам себе и договаривай, — сказал Игорь и еще бы добавил, но тут вошла учительница Амалия Ивановна, и пришлось заняться русским языком.

На переменке Бригитта оттащила Игоря в угол, чтобы он обо всем рассказал. Он и рассказал, хотя рассказывать было не о чем. Ведь он еще не читал документов и меч видел каких-нибудь несколько минут, а потом пошел спать.

— Отец сегодня журналисту Глущенке позвонит, — сказал он. — Мне одному взрослые не очень доверяют. Ну что поделаешь!

— И правильно делают, — сказала Бригитта, которая была очень разумной девочкой, хотя и любила иногда наболтать лишнего. — А то ты потеряешь его или натворишь чего-нибудь.

— Почему же я должен натворить? Я первый догадался про меч. Мне даже отец не поверил. Я сам написал бабушке.

— А ты думаешь, что твой дедушка был тот, который на картинке?

— Вполне может быть. А то откуда же меч попал к нам в Устюг? Вот сегодня прочту, и все встанет на свои места.

— А можно, я к тебе приеду? — спросила Бригитта.

— Конечно, — обрадовался Игорь. — Ты же недалеко живешь. Можно даже пешком.

— Зачем пешком? Я скажу папе, он меня на машине подвезет.

— Знаешь что, — сказал Игорь, — ты лучше ему пока про меч не говори. Вдруг это ошибка.

— Ладно, — сказала Бригитта. — Ты когда будешь письмо читать?

— Первый раз сразу после школы. Но вечером, когда папа придет с работы, еще раз прочтем. И для тебя тоже.

На том и договорились. А с Мишей Игорь больше не разговаривал. Если бы он еще раз подошел и попросил рассказать про меч, Игорь бы рассказал, все-таки раньше они были друзьями, но если сам не подходит, гордость изображает, так ему и надо.

Когда прозвенел последний звонок и Игорь с Бригиттой вышли из школы, автобуса еще не было. Но тут на дорожке показалась голубая машина «Консул» Бригиттиного отца Данчева. Бригитта сказала:

— Давай мы тебя подвезем, а то автобусом долго ехать.

Раньше бы Игорь наверняка отказался, но сейчас он очень спешил и поэтому согласился.

Бригиттин отец, черный и бровастый, сам сидел за рулем. Бригитта подбежала к нему и сказала что-то про Игоря по-болгарски. Отец перегнулся назад, открыл заднюю дверцу и сказал:

— Садитесь.

Игорь уже хотел сесть, как увидел, что по дорожке к школе поднимается еще одна машина — синий «Москвич». Это была машина Глущенки.

— Игорь, — крикнул корреспондент, — погоди! Я за тобой!

— Спасибо, — сказал Игорь торгпреду Данчеву. — За мной приехали. Бригитта, значит, вечером жду.

— Обязательно, — сказала Бригитта.

Глущенко развернул машину перед входом в школу.

— Вам папа звонил? — спросил Игорь.

— Конечно. Ты, значит, все-таки получил?

— Ага.

— А я не очень поверил тебе сначала. Но не обижайся. Будь ты на моем месте, может, совсем бы не поверил. Я сначала думал вечером к тебе зайти, а потом как-то получилось, что дел срочных нет, и решил взять тебя из школы.

— Ну и правильно, — сказал Игорь. — Интересно получается. Пока я один верил в меч, все молчали. А как только меч прислали, отец даже хотел его у меня отобрать.

Глущенко ничего не ответил.

5

СТАРЫЕ ПИСЬМА

Пообедали вместе с Глущенкой, а потом поднялись наверх, и мама достала из шкафа бумаги, завернутые в целлофан. И меч.

— Я с вами посижу, — сказала мама. — Я ведь тоже люблю приключения, только некогда ими заниматься.

— Ты читала письма? — спросил Игорь.

— Нет, не успела. Я ездила в посольство. С завтрашнего дня выхожу на работу. Теперь ты будешь видеть своих родителей только вечерами, как и в Москве.

— Ну и молодец, что будешь работать, — одобрил Игорь. — Если ничего не делать, можно с тоски помереть.

Глущенко поддержал Игоря и сказал, что он за равноправие женщин. И Игорь был за равноправие женщин. Он всегда гордился, что его мама работает, а не прозябает в домашнем хозяйстве.

Сначала они еще раз осмотрели меч.

— Ценная штука, — сказал Евгений. — Настоящий бирманский меч. Видишь, здесь на клинке даже надпись по-бирмански вырезана. Вот только я бирманский мало знаю. То, что меч мог попасть в Устюг недавно, исключается?

— Исключается, — сказал Игорь.

— Ладно, отложим его пока и займемся письмами.

Евгений вложил меч обратно в серебряные ножны и отодвинул в сторону.

Из целлофана Глущенко извлек конверт. Конверт был серый и совсем не старый. Внутри его лежал еще один конверт и страничка из какой-то книги или журнала. И маленький конверт, и страничка были желтоватые, очень древние, и Евгений положил их перед собой на столе и стал рассматривать.

— Ну, с чего начнем? — спросил он.

— С письма, — сказал Игорь.

— С вырезки, — сказала мама.

Евгений взял вырезку. Это был узкий листок старой серой бумаги, рыхлой и мягкой, такой, что буквы глубоко впечатались в нее. Один абзац был подчеркнут сбоку порыжевшими от времени чернилами. «Сие обо мне», — было написано на полях. Евгений прочел отчеркнутое место:

— «Волны поднимались, как горы, фрегат то возносился на вершины их, то бросаем был в изрытые водяные пропасти. Было темно и пасмурно, и ливень обнял наш шлюп каким-то страшным хаосом. Присоедините к этому свист ветра в снастях, скрип перегородок в шлюпе, бросаемом с боку на бок, пушечные выстрелы и фейерверочный огонь, ярко освещающий мрак в бурю, и вы будете иметь только бледную копию всех ужасов этой ночи! Когда с хребта волны шлюп падал вниз, казалось, что мы находимся при подошве высочайшей водяной горы. Сильнейший вихрь рвал верхи валов и разносил брызги дождевою пылью по воздуху. В эту ужасную ночь мы потеряли одного из лучших наших канониров, Ивана Исаева, которого смыло волною за борт. Я особенно жалел об этой прискорбной потере, ибо привязался

к молодому вологжанину, обладавшему живым умом и любознательностью...» Вот и все, — сказал Евгений Александрович.

— А дальше?

— Дальше еще несколько слов. Они не отчеркнуты. «Восьмого августа мы вернулись в Батавию и оттуда взяли курс на юг. Не очень приятно предпринимать и обыкновенное плавание с течью, а нам предстояло идти на таком судне...»

— Но откуда это? — спросила мама. — Ведь фамилия-то наша.

— Больше того, — сказал Евгений, вертя в руках страницу. — Это, очевидно, тот самый Исаев, которому и принадлежал меч.

— Ясное дело, — сказал Игорь. — Значит, он был канониром? И упал в море?

— Да, артиллеристом.

— А на картинке у старика он с мечом стоит у пушек, — сказал Игорь.

— Не спеши с выводами, — сказал Евгений. — У нас есть еще одно письмо.

— А что это мог быть за корабль? — спросила мама. — Они собирались в какое-то трудное плавание.

— Письмо без марки, — сказал Игорь.

— Тогда марок еще не было, — ответил Евгений Александрович. — Ты же филателист, должен знать.

— Не знаю, — сознался Игорь. — У меня марки в основном современные, космические или спортивные.

Глущенко вынул из конверта сложенный лист бумаги. Лист был весь исписан мелким красивым почерком с нажимом. Игорь сразу представил себе, как скрипит гусиное перо, выводя букву за буквой, а на столе стоит большая свеча в медном подсвечнике.

Евгений медленно читал про себя, даже губами шевелил. Видно, он не мог сразу разобрать старинный почерк.

— Ну! — торопил его Игорь. — Про что там?

— Сначала говорится, что пишет это письмо писарь флотского экипажа, потому что сам Иван лежит в госпитале на излечении.

— Да нет, вы не пересказывайте, а читайте, — сказала мама. — Ведь интересно.

— Ну вот. «...Кланяется вам, папаша и мамаша, ваш пропавший сын Иван, которого вы уж, наверно, похоронили и отпели. Шестой год, как не было меня дома, а судьба носила меня по дальним морям и странам, и такого я насмотрелся, что мало кому на роду написано. Упал я за борт в бурю в Индийском океане, и носило меня, грешного, по морю три дня и три ночи, пока не выбросило, слава Господу, на берег бурманский. Выходили меня

добрые тамошние рыбаки, и попал я потом в ихнюю столицу, где определили меня в канониры, как я и был на нашем корабле. Прожил я в той Бурме три года, и приходилось мне и на войне быть, и в бедах горевать. Забрали меня после большой войны в плен англичане, но вернулся я в конце концов в Санкт-Петербург, откуда из гошпиталя и пишу вам. Вскорости обещали меня отпустить и списать вчистую, как есть у меня слабое здоровье. Так что ждите к весне в Устюге...» Дальше идут приветы и поклоны, — сказал Евгений. — И подпись: «Остаюсь ваш нещастный сын Иван».

— И все? — спросил Игорь.

— А разве мало?

— Но ведь он не пишет, что меч ему подарил Бандула.

— Зато мы знаем теперь, что он был в Бирме, воевал с англичанами и это могло случиться только во время первой англо-бирманской войны, в тысяча восемьсот двадцать четвертом году. К тому же времени относятся и письмо, и страница из книги. Почти наверняка человек, изображенный на картине у твоего старика, и есть твой предок, матрос Исаев.

— А что с ним дальше было? На каком корабле он плыл? Почему он попал в плен к англичанам?

— Я знаю столько же, сколько ты, Игорь, — сказал Евгений.

— Тайна осталась тайной, — заметила мама. — Хотите кокосового соку, искатели? Я его еще вчера в холодильник поставила.

— Хотим, — сказал Глущенко.

— Ну ладно, я пошла, а вы вырабатывайте программу действий, — сказала мама.

— Чего же вырабатывать? — задумался вслух Евгений. — У тебя, Игорь, есть ценные мысли?

— Нет, — признался Игорь.

— А у меня уже одна появилась. Надо написать в Ленинград.

— Почему в Ленинград?

— Живет там у меня один приятель, историк и, кстати, очень любознательный человек. Я его попрошу покопаться в Морском архиве. Пусть узнает, какой русский корабль мог оказаться в тысяча восемьсот двадцать первом — двадцать втором годах в Индийском океане. Это первое.

— А вдруг там было много русских кораблей?

— Вряд ли. Когда приятель узнает, что это был за корабль...

— А вдруг это был не русский корабль? Вдруг Исаев служил на английском корабле?

— Предположение интересное, но беспочвенное, — сказал Евгений. — У нас есть страница из книжки, которая, по-моему,

ясно говорит, что корабль был русским. Вряд ли иностранный писатель стал бы говорить про русского матроса «вологжанин».

— Ну, допустим, — сказал Игорь, — что мы узнаем, какой корабль. А потом?

— А потом в архиве надо отыскать корабельный журнал и всякие документы, связанные с этим плаванием. Не может быть, чтобы Исаева, когда он вернулся, не допросили, не записали его рассказа. Вот и найдем.

— Если... — сказал Игорь.

— Да ты скептик! — удивился Глущенко.

— Может быть, — сказал Игорь. Он не знал, кто такие скептики, но признаваться в этом не собирался. — Так вы сегодня напишете?

— Письмо в Ленинград?

— Да.

— Может быть, если найду время. Сейчас мне на прием ехать.

Игорь хотел было сказать, что на прием можно было бы и не ехать, но воздержался.

— А ты, в свою очередь, возьмешь меня к своему старику-историку?

— Разумеется! Хоть сейчас.

— Давай завтра после обеда?

— По рукам, — сказал Игорь.

— Ну ладно, я поехал.

— А кокосовый сок? — спросила мама, входя с тремя высокими стаканами на подносе.

Стаканы запотели, и сок был похож на разбавленное водой молоко. На дно стаканов осели крупинки молотого кокосового ореха, вернее, его внутренней оболочки. Игорь не любил молотые кокосовые орехи и пил сок так, чтобы не взболтать жидкость и не поднять со дна жесткие крупинки.

6

РОДЖЕРС УВИДЕЛ МЕЧ

Игорь проводил Глущенко до машины. Было тихо. Наступило то самое время дня, когда все в городе затихает, истомленное жарой, уставшее ей сопротивляться. Даже последние облачка уходят с неба. Три часа. Пройдет еще час-другой, жара чуть-чуть спадет, и город начнет оживать. Потянутся с озера на молочную ферму буйволицы, проедет автобус, заклеенный рекламами кинофильмов. С его бортов будут целиться в дома и прохожих суровые ковбои и еще более суровые партизаны. Пройдут не-

стройной гурьбой кули, пробегут, взявшись за руки, ребята в зеленых юбках — из соседней школы, появятся буддийские монахи под красными зонтами. И солнце на закате будет просвечивать сквозь эти зонты и окрашивать в оранжевый цвет бритые монашьи головы.

Но все это будет часа через два, а сейчас самое мертвое время дня. Вот бы выкупаться, но в озере нельзя. Игорь решил было принять душ, как услышал из-за забора:

— Мистер Игорь!

Он обернулся. Ага, вот и Джонни собственной персоной.

— Здравствуй, Джонни, — сказал он. — Как поживаешь?

— Не очень хорошо, — сказал Джонни. — А что у вас нового?

— Я был занят, — сказал Игорь. — Кстати, твоего отца нет дома?

— Он должен скоро вернуться. Он вам нужен?

— Да, у меня к нему небольшое дело.

— О! — сказал Джонни. — Вы занимаетесь бизнесом?

— Как так?

— Зарабатываете деньги?

— Какие деньги? — удивился Игорь.

— А зачем вам мой отец?

Игорь подумал, почему бы не сказать Джонни о мече. Вряд ли мистер Роджерс будет сердиться. Да в конце концов, если даже и будет сердиться, Игорь ведь вольный человек.

— Я хотел показать ему одну вещь, — сказал Игорь.

— Какую? — спросил подозрительно Джонни.

— Бирманский меч. Старинный.

— Зачем показать?

— Ты меня допрашиваешь?

Джонни смутился. Он даже отступил на шаг и почти скрылся за кустами. Оттуда донесся его громкий шепот:

— Он тебя обманет.

— Кто? — удивился Игорь.

— Мой отец.

— Ты его не любишь? — спросил Игорь, раздвигая кусты, чтобы лучше разглядеть странного соседа.

— Не знаю, — сказал Джонни. — У меня совсем нет друзей, и я думал, что ты будешь моим другом. Мне очень не хочется, чтобы ты имел дела с моим отцом.

— Джонни! — раздался крик из дома.

Джонни сразу сник и медленно пошел к машине отца, которая, не замеченная мальчиками, въехала в сад.

Игорь не знал, что ему делать. Уж очень странный получился разговор. Конечно, бывают ребята, которые не дружат со своими родителями, но будь, например, на месте Джонни Игорь, он

никогда бы не стал говорить плохо о своем отце с новым знакомым, да еще иностранцем. А может быть, Джонни говорил неправду? Позавидовал Игорю, что у него настоящие дела со взрослыми?

Большой полосатый паук спустился на нитке к самым глазам Игоря. Игорь отошел на шаг в сторону и стал смотреть по сторонам, чем бы сшибить этого паука. Мистер Роджерс заметил движение в кустах, подошел поближе и, увидев Игоря, сказал:

— Какая радостная встреча! Мы с вами, наверно, уж месяц не виделись.

— Почти месяц, — сказал Игорь.

— У вас никаких новостей?

— Есть новости, — сказал Игорь. — Я получил ответ из дома.

— Не может быть! Да что мы так стоим и разговариваем через забор? Проходите к нам. Проходите, не стесняйтесь. Ирэн, отмоешь машину потом! У нас гости, к нам сейчас придет мистер Исаев-младший! Приготовь, будь добра, прохладительных напитков!

— Да что вы, — сказал Игорь.

— И никаких разговоров. Надеюсь, вы не боитесь прийти в гости к бедному англобирманцу?

— Нет, конечно, нет, — ответил Игорь. «Вот еще, подумает, что я его боюсь или презираю».

— Так заходите же.

— Тогда я принесу вам все материалы.

— Разумеется, — сказал мистер Роджерс. — А я пойду в дом и подготовлю помещение к вашему приходу.

Игорь поднялся по лестнице на цыпочках, чтобы не скрипели ступеньки. Лучше, чтобы мама, которая, наверно, сидит сейчас у Шуры Шурыкиной, не заметила, как он выносит меч из дома, а то еще начнет читать нотации.

Мама ничего не заметила. Игорь обернул меч в тряпку и проскочил холл так быстро, что даже любопытные попугаи не повернули головы в его сторону.

Мистер Роджерс ждал Игоря у забора.

— О, — сказал он, — я вижу, что материалы занимают много места.

— Это меч, о котором я рассказывал. Тот самый меч. Подержите, пожалуйста, пока я перелезу.

В комнате, в которой Игорь как-то сидел с Джонни, ничего не изменилось. Только стол был покрыт белой заштопанной скатертью и на ней стояли две бутылочки с содовой водой.

— Познакомьтесь, это миссис Роджерс, мать Джонни и моя жена, — сказал мистер Роджерс. — А это мистер Исаев, наш уважаемый сосед. Мистер Игорь Исаев учится в колледже и будет большим ученым, не так ли?

В голосе мистера Роджерса не было издевки. Приятно, конечно, когда тебя представляют как будущего ученого, но все-таки Игорю было несколько неудобно. Он даже покраснел.

Миссис Роджерс печально улыбнулась и сказала тонким голосом:

— Я очень польщена. Я давно надеялась, что мы ближе познакомимся с нашими соседями.

Говоря так, она расставляла на столе тонкие стаканы для содовой воды. Один стакан был с отбитым краем, мистер Роджерс подвинул его себе. В комнату тихо вошел Джонни и стал у двери. Увидев его, мистер Роджерс сказал добрым голосом:

— Джонни, дорогой, иди позанимайся. У тебя еще не сделаны уроки. Ирэн, отведи его.

Миссис Роджерс поспешила к двери, схватила Джонни за руку и быстро увела. Игорь ничего не сказал, хотя он предпочел бы, чтобы Джонни остался с ними. Он чувствовал себя не в своей тарелке. Вот, начал проявлять инициативу и сразу принес меч соседу. Отец узнает, может рассердиться. Но что случится с мечом? Да ничего, ровным счетом ничего. Он просто послужит материалом для научной статьи, которую Игорь напишет вместе с мистером Роджерсом.

— Итак, — сказал мистер Роджерс. Он вынул из кармана пиджака, темного, несмотря на жуткую жару, футляр, надел очки, круглые, в тонкой золотой оправе, и сразу стал очень солидным и серьезным человеком.

— Вот меч. — Игорь развернул полотно. Меч вытянулся во весь столик.

Мистер Роджерс долго и очень внимательно рассматривал ножны, пригнувшись к ним так, что чуть было не касался их носом.

— Сцена охоты, — сказал он наконец. — На ножнах изображена сцена королевской охоты. Обратите внимание, мистер Исаев, что впереди скачущих всадников бежит олень.

— Да, — сказал Игорь. Он уже рассматривал ножны и знал, что на них изображена сцена охоты.

— Весьма частый мотив на ножнах бирманских мечей. Так не будете ли вы любезны рассказать, что же вы знаете про этот меч.

— Мой предок матрос Исаев упал в море во время бури, — сказал Игорь, — а потом три года жил в Бирме и даже воевал с англичанами. Потом попал к ним в плен...

— Вы точно знаете, что он попал к ним в плен? — вдруг громко спросил мистер Роджерс.

— Конечно. Об этом он написал в письме к себе домой.

— А дальше?

— Больше ничего, — признался Игорь. — У меня дома есть его письмо родным, где он говорит, что был в Бирме и в плену.

— А откуда он написал письмо?

— Из Петербурга, это наша старая столица.

— Значит, он вернулся? Вы извините, что я так настойчив, но как исследователя меня интересуют детали. Ведь пребывание вашего дедушки в Бирме — важный факт для историков. Об этом можно даже написать статью в научный журнал. Совместно с вами, разумеется.

— Вы об этом мне уже говорили, — сказал Игорь.

— А, да, конечно. Но боже, как мало материалов!

— А мы съездим к старику, отцу Маун У. Он нам наверняка поможет.

— Сомневаюсь, очень сомневаюсь. Пока продолжим поиск собственными силами.

Это мистер Роджерс сказал очень твердо, почти сердито. Игорь взглянул на него, но под стеклами очков глаза мистера Роджерса были добрыми и даже виноватыми. «Нет, — решил Игорь, — он не будет меня обманывать. Зачем ему меня обманывать? Все этот Джонни напутал».

— Итак, у нас есть меч, — сказал Роджерс.

— И с этим мечом Иван Исаев стоял среди пушек. Я видел на картине у старого У Мья.

— Не спешите с выводами, мистер Исаев, — ответил Роджерс. — У нас нет для этого оснований. Ведь ни один документ этого не подтверждает.

— Но меч генерала Бандулы!

— Почему генерала?

— Так сказал старик.

— Он мог предположить. И только. Я же вам говорю, что подобные мечи были у многих офицеров и вельмож. Ваш дед мог купить его. Мог ведь?

— Мог, — сказал Игорь.

— А могло быть и иначе. Допустим, в бою кто-нибудь из бирманских офицеров был убит, и мистер Иван Исаев взял меч у убитого.

— Ну уж этого он не стал бы делать. У своего взять!

— Мы ничего не можем сказать. Мы с вами историки, мистер Исаев, и нам нужны факты, не так ли?

— Конечно. А может, все-таки генерал Бандула наградил мечом моего деда? Он же пишет в письме, что его награждали.

— Он мог наградить вашего деда деньгами, но почему мечом?

— За храбрость, — сказал Игорь. — У нас в Гражданскую войну давали сабли за храбрость, я читал об этом.

— Ну, не будем спорить. Что такого мог сделать артиллерист, чтобы командующий армией наградил его мечом, да еще своим мечом? Я не хочу задеть ваши родственные чувства, мистер Исаев, но историческая правда ценнее всего. Например, я знаю точно, что мой предок тоже сражался на стороне Бандулы в той войне, но его не наградили мечом. У меня сохранились даже кое-какие его записки, и при случае я вам их покажу, — правда, они трудны для прочтения, потому что вы вряд ли настолько овладели английским языком...

— Да, конечно. А ваш предок, он не пишет о моем?

Мистер Роджерс снисходительно улыбнулся:

— Нет, он был довольно крупным политическим деятелем в бирманской армии и писал о больших проблемах.

— А кем он был?

— Начальником разведки бирманцев. Это длинная романтическая история. Отец моего предка, назовем его Роджерс-первый, был миссионером и жил в Бирме. Он женился на бирманской княжне и бросил свою службу. Да, уже тогда Роджерсы были патриотами Бирмы. Ему было нелегко, но его сын честно служил Бирме и был одним из руководителей бирманской армии. Я собираюсь опубликовать дневники Роджерса-разведчика. У меня есть много предложений от английских и бирманских издательств. Я только не знаю, кого выбрать. — Очки мистера Роджерса победно сверкнули. — Это пахнет большими деньгами, мистер Исаев. И надо быть осторожным. Кстати, не могло бы заинтересоваться дневниками какое-нибудь советское издательство?

— Я не знаю, — сказал Игорь.

— Но у вас должны быть знакомства, связи в издательском мире!

— Нет у меня знакомств в издательском мире, — сказал Игорь. «Что он, издевается надо мной, что ли? Какие могут быть знакомства у ученика пятого класса?»

— Ну хорошо, — сказал тогда мистер Роджерс. — У меня к вам будет просьба другого характера. Мы с вами уже настолько близко знакомы, что я думаю, нам не к лицу называть друг друга так официально. Мое первое имя Роберт. Зовите меня Бобом. Хорошо?

— Неудобно как-то, — сказал Игорь. — Вы же взрослый.

— Мы коллеги, а среди коллег в науке принято называть друг друга первым именем. А я вас буду звать Игорь. Ну?

— Хорошо, — согласился Игорь, чтобы не спорить.

Мистер Роджерс налил ему содовой из бутылочки, и Игорь с удовольствием выпил шипучей воды. Только жалко, что она была теплая. «Наверно, у Роджерсов нет холодильника», — подумал Игорь, и, как бы угадав его мысль, Роберт Роджерс печально сказал:

— Холодильник у нас, к сожалению, сломался.

С этими словами мистер Роджерс осторожно вынул меч из ножен и стал рассматривать рукоятку и лезвие.

— Ну что ж, обычная местная работа. Не очень высокого класса.

Очки его блестели над самой сталью, и Игорю даже стало немножко страшно: вдруг мистер Роджерс порежет нос.

— Там какая-то надпись по-бирмански, — сказал Игорь. — И узоры.

— Самые обычные узоры и самая обычная надпись, — сказал мистер Роджерс, не поднимая головы.

Игорю было обидно, что и надпись и узоры такие обычные. Если так пойдет, то окажется, что и писать статью не о чем.

— Меч мог быть куплен в Индии или в другой стране, — сказал мистер Роджерс. — И, чтобы у вас, Игорь, не оставалось никаких сомнений, я вам кое-что покажу.

Мистер Роджерс вышел из комнаты, и через некоторое время за стенкой началось какое-то шуршание и звяканье. В дверях показалось бледное треугольное лицо Джонни.

— Игорь, — прошептал он, — мистер Игорь, ради бога осторожнее!

— Что?

— Никаким он не был начальником разведки. Он был просто переводчиком и потом убежал к англичанам...

Игорь не успел расспросить, кто это убежал к англичанам, потому что в этот момент за спиной Джонни сверкнули очки его отца, и Джонни мгновенно пропал — Игорю даже показалось, что мистер Роджерс оттянул его от двери за волосы, но тут же улыбнулся и сказал тихо, обернувшись назад:

— Джонни, милый, сколько раз тебе говорили, не мешай взрослым разговаривать. — Потом повернулся к Игорю и сказал: — Простите за этот маленький инцидент.

Пока мистер Роджерс шел через комнату к столу, Игорь успел подумать, как странно порой складывается жизнь. Джонни моложе его на какой-нибудь год-два, а его считают ребенком, тогда как Игоря поят содовой и предлагают ему называть взрослого человека просто по имени.

— Вот, — сказал мистер Роджерс, кладя на стол два бирманских меча. Один из них был в простых кожаных ножнах, другой

в серебряных помятых и почти без всяких узоров. — Видите, это тоже мечи. Я интересуюсь старинными вещами. Можете полюбоваться, а потом сообщите мне свое мнение.

Пока Игорь рассматривал мечи, Роджерс опять взял со стола меч Исаева и впился очками в рукоять его. Краем глаза Игорь заметил, что Роджерс осторожно крутит шарик на конце рукояти. «Интересно, — подумал Игорь, — шарик-то крутится. Надо будет дома внимательнее посмотреть». Но тут же забыл об этом, потому что догадался, о ком шептал ему из-за двери Джонни. Да ведь о том самом Роджерсе, который служил в одной армии с Иваном Исаевым. Значит, он не был начальником разведки. Кто же тогда говорит неправду? Роджерс тем временем положил меч Исаева на стол.

— Вы выньте остальные мечи из ножен. Сравните, до чего одинаковы их лезвия.

— Похожи, — сказал Игорь, глядя на три блестящих клинка на столе. — Но ножны разные. У ваших мечей похуже.

— Одни из них тоже серебряные, — не сдавался Роджерс. — Только время стерло с них изображение охотников. Хоть они и прослеживаются. Не так ли?

Вообще-то Игорь ничего не прослеживал, но промолчал. Пусть думает, если ему приятно.

В этот момент снаружи раздался голос:

— Игорь! Иго-о-орь!

Мама звала его. Наверно, что-то случилось или даже она обнаружила, что меч пропал. Вот неудача!

Игорь вскочил и сделал два шага к двери, потом спохватился, что теряет достоинство ученого, и сказал очень спокойно:

— Простите, но мне надо домой.

— Разумеется, — сразу согласился мистер Роджерс. — Мы с вами продолжим нашу беседу в любое удобное для вас время.

— Иго-орь! — звала мама.

«Кричит, как в Москве, — подумал Игорь, — Здесь же вокруг иностранцы!»

— Вы забудете меч, — сказал ему вслед мистер Роджерс.

Этого еще не хватало! Игорь подбежал к столу. Мистер Роджерс уже сунул меч в ножны и заворачивал его в полотно.

— Я вас жду, — сказал он. — Жду с нетерпением.

— До свидания! — сказал Игорь и побежал к забору.

Он не сразу перелез через забор, а сначала выглянул сквозь кусты. Мама стояла у ворот и глядела на дорогу. Надо действовать быстро. Он перемахнул через изгородь и, пригибаясь, бросился к дверям своего дома. Теперь надо успеть взбежать наверх и положить меч на место.

Первая половина плана удалась, но вторая провалилась. Оказалось, что в холле сидит в кресле Бригитта Данчева и рассматривает книгу «Приключения Незнайки», которую Игорь подарил Наташе, потому что книга уже не представляла для него интереса.

— Здравствуй, Бригитта, — сказал Игорь. — Подожди одну минутку, я вернусь.

Он для убедительности приложил палец к губам и, перепрыгивая через две ступеньки, побежал вверх по лестнице. Бригитта смотрела на него круглыми от удивления глазами, но молчала. Она была своим парнем.

Через полминуты Игорь вернулся как ни в чем не бывало. Он даже успел сесть на пол у кресла, в котором сидела Бригитта, и, когда мама вошла, сделал вид, что и не отходил от Бригитты минут пятнадцать.

— Ничего себе! — сказала мама. — К тебе приезжает дама, а ты где-то носишься, задрав хвост.

— Ну уж и хвост, — сказал Игорь. — А ты зовешь меня, будто мы в Москве! Забываешь, что мы в капиталистическом окружении.

— Шепотом тебя не дозовешься, особенно среди капиталистического окружения.

— Мам, у тебя не осталось кокосового молока? — спросил Игорь, чтобы переменить тему разговора.

— Сейчас принесу.

— Ты видела, как растут кокосовые орехи? — осведомился светским тоном Игорь у Бригитты.

— Еще бы! — изумилась Бригитта. — Я здесь уже тысячу лет живу. У нас в саду растут две кокосовые пальмы.

— А вот Глущенко видел целые рощи кокосовых пальм на берегу океана и собирается со мной туда съездить.

— А я была на океане, с папой, — сказала Бригитта.

— Тебе показать меч? — спросил Игорь. Он не знал, что Бригитта была на океане, он вообще никогда не видел океана и понимал, что если сейчас не заговорить про меч, то Бригитта обязательно спросит, был ли он на океане, и тогда придется признаться, что он океана и не видел.

— Покажи, — сказала Бригитта. — Ты же сам говорил.

— Пойдем тогда наверх. Он в комнате лежит.

Но наверх им уйти не удалось. К дому подъехала еще одна машина. Это вернулся Евгений.

— Ну вот, — сказал он, войдя в холл. — Прием отменился сам собой. Зато я побывал на строительстве и поговорил и с твоим

папой, и с инженером Маун У. Сейчас, если ты не против, мы едем к нему. Он ждет.

Тут он увидел Бригитту и сказал ей:

— Здравствуйте.

Бригитта ничуть не смутилась и ответила:

— Здравствуйте, я Бригитта Данчева из болгарского торгпредства. Мы вместе с Игорем учимся в школе.

И она, не вставая, протянула руку Евгению. Тот пожал ей руку и поклонился, как взрослой.

— Едем? — спросил Игорь. — А то мне надо взять меч и письма.

— Конечно. Я даже двигатель не выключил. Мама не будет возражать?

— Я бы сама поехала, но некогда, — сказала мама. — Сейчас за мной заедет Володя, и мы едем в посольство. Вы, надеюсь, вернете Игоря в целости и сохранности?

— И меч тоже, — пошутил Евгений.

Игорь уже не слушал, он бежал наверх, за мечом. Но на лестнице он обернулся и сказал:

— Бригитту берем с собой. Она все знает.

— Не возражаю. Я пошел к машине. Идем, Бригитта.

7

НАДПИСИ НА КЛИНКЕ НЕТ

И старик, и сам Маун У ждали гостей у входа в дом. Когда все поздоровались и познакомились, Игорь спросил у Маун У:

— Как ваша нога?

— Почти прошла. Я даже сегодня был на работе. Заходите и садитесь. Мама приготовила мохингу.

— Мы уже обедали, — сказал Игорь.

— Неважно. Вы ведь, наверно, никогда не ели настоящей мохинги.

— Я ела, — сказала Бригитта, — но, наверно, у вас вкуснее.

«Ну и дипломатка!» — подумал Игорь. А Бригитта тем временем сказала что-то еще по-бирмански, и Игорь ни слова не понял.

Хозяева очень обрадовались, что гостья так хорошо говорит на их языке, и стали ей отвечать по-бирмански, Евгений подмигнул Игорю, а Игорь подмигнул ему в ответ — в смысле знай наших!

Потом все вымыли руки над тазиком и сели вокруг низкого столика. Игорь подумал: «Вот интересно! Наверно, им очень хо-

чется посмотреть на меч, а они еще ни слова о нем не сказали. Можно решить, что мы просто так приехали в гости».

Мать Маун У принесла большую миску с супом — мохингой. Суп был очень вкусный — из лапши с мясом. Игорь съел целую чашку и потом добавку, хотя и не был голоден. А Бригитта хвалила суп по-бирмански, за что ее очень полюбила старушка. Мохингой обед не кончился. Принесли громадное блюдо очень чистого белого риса и много тарелочек и чашечек с острыми приправами. Каждый положил себе риса на тарелку сколько хотел, потом сделал в горке риса углубление и клал туда приправы по вкусу. Игорь все перепробовал, и потом у него два дня горело во рту — такие острые и жгучие приправы ему попались. Рис запивали холодной водой. Игорь пил воду и дышал так, чтобы в рот попало побольше воздуха. Бригитта заметила, засмеялась и сказала:

— Он объелся чили.

Игорь не знал, что такое чили, а Евгений показал ему на зеленый стручок, поменьше горохового, и объяснил, что это такой перец, который без привычки есть нельзя.

Со стола исчезли тарелки и рис, старушка принесла миски с орешками, зернышками, конфетками, некоторые из них были вкусные, а другие нет. Перед каждым гостем поставили по чашке со светлым ароматным чаем. После чили чай был особенно вкусен.

Тут Евгений сказал старику У Мья:

— Мы привезли с собой меч, и нам очень интересно узнать ваше мнение.

— С удовольствием. Я с нетерпением ждал вашего приезда, — сказал старый бирманец.

Игорь развернул меч и передал его старику, а сам посмотрел на картину на стене. Даже издалека было видно, что у желтоволосого человека на картине был точно такой же меч. И точно такие же ножны висели у него на поясе.

— Он самый, — сказал старик. — Конечно, он самый. Расскажите мне, пожалуйста, что же вам удалось узнать?

Глущенко рассказал про письмо, про страничку из журнала и даже показал их старику, переведя важные места.

— А у меня тоже есть что вам показать, — сказал старик и достал из деревянной резной шкатулки фотографию со старинной гравюры. На ней был изображен усатый бирманец с круглым лицом. На нем была очень старинная одежда, на голове шлем с шишаком, и на поясе висел меч.

— Это и есть генерал Бандула, — сказал старик. — Обратите внимание на меч. Не правда ли, тот же самый?

— Конечно, — согласился Игорь. — Но мне кажется, что такие мечи были у многих бирманских офицеров.

— Какая чепуха! — обиделся старик. — Я изучаю бирманскую историю уже пятьдесят лет и никогда больше не встречал такого меча. Обратите внимание, на нем изображена сцена охоты на оленя. По этому его можно отличить от любого другого.

— А больше таких нет? — спросил Игорь.

— Нет, это совершенно точно.

«Все ясно, Роджерс соврал, — подумал Игорь. — А Джонни меня не зря предупреждал. Тогда, значит, Иван Исаев никак не мог купить этот меч».

— А когда был этот бой, что нарисован на картине, генерал Бандула был еще жив?

— Конечно, был жив. Он командовал бирманской армией.

Так, значит, и подобрать его у убитого Исаев тоже не мог. Теперь можно проверить еще одну вещь.

— Извините, — сказал Игорь. Он понимал, что на него смотрят с удивлением. Но ничего. — Скажите, а кто был начальником разведки у генерала Бандулы?

— Вопрос несложный, — ответил, ничуть не удивившись, старик и, сняв с полки толстую бирманскую книгу, раскрыл ее посредине. — Вот, — сказал он, перелистав несколько страниц и найдя, что ему нужно: — Мьоза Шве У Даун.

— Бирманец?

— Конечно.

— А англичан у него в армии не было?

— Может, были пленные или переводчики. Но я не знаю их имен.

— Спасибо, извините.

Игорь обернулся к Глущенке, и ему показалось, что Евгений слишком внимательно на него смотрит.

— Я просто любознательный, — сказал Игорь.

— Я чувствую, — сказал Евгений. — Еще вопросы с твоей стороны будут?

— Нет.

— Тогда я спрошу, ладно? Нам хотелось бы быть уверенными, что этот меч — именно меч генерала Бандулы. Понимаете, я журналист, и такая деталь для меня очень ценна.

— Конечно, конечно. Но ведь о мече известно только, что он пропал. Ни в одном музее ни в Бирме, ни в Англии, ни в Индии

его нет. Это уже доказательство в пользу того, что меч, лежащий перед нами, именно меч генерала Бандулы.

— А если так, — сказал Глущенко и пригладил редкие волосы, — то, вернее всего, Исаев получил этот меч от самого Бандулы.

— Я в этом не сомневаюсь. И об этом знали в армии, потому что художник, изображая Ивана, нарисовал меч очень тщательно. А каждый, кто в курсе дела, мог понять, что это именно тот самый меч.

— Да, я вспомнил, — сказал Евгений, — на клинке была какая-то надпись по-бирмански. Может, она нам поможет. Знаете, хочется, чтобы сомнений не осталось.

— Сейчас посмотрим. — Старик медленно вытянул меч из ножен.

Игорь хотел сказать ему, чтобы он осторожнее был с шишечкой на рукояти — она вертится и может отлететь, — но старик и так тянул осторожно.

Меч блеснул под лампой, старик нагнулся над ним. Повернул его в одну сторону, в другую.

— Нет никакой надписи, — сказал он наконец.

— Как так нет? — удивился Глущенко. — Я сам видел. Такие маленькие-маленькие буквы.

— Посмотрите сами, — предложил старик.

Евгений взял меч. Покрутил его и сказал:

— Очень странно. Я не мог ошибиться.

Игорь слушал его и чувствовал, как сердце проваливается в груди. «Роджерс, — думал он, — Роджерс подменил меч. Почему?»

— И вообще, по-моему, это не тот клинок. На том была тонкая насечка и сталь лучше. Игорь, ты никому не давал меча?

— Конечно, нет, — соврал Игорь. Он очень испугался.

— Удивительная история!

Евгений явно не поверил Игорю.

— Да, клинок похуже, чем ножны, — согласился старик. — Но ведь это не самое главное.

«Что же делать? — вертелась мысль в голове у Игоря. — Надо немедленно бежать к Роджерсу и требовать, чтобы он отдал меч обратно».

Игорь тоже взял меч и, делая вид, что рассматривает клинок и ищет надпись, осторожно попробовал покрутить шишечку на рукояти. Она и не думала вертеться. Конечно, это был другой клинок. И даже понятно, Роджерс его подменил, когда Игоря позвала мать. Он ведь сам вкладывал меч в ножны.

Глава четвертая,

в которой обнаруживается, что тайна меча значительно важнее, чем думал Игорь

1

МЕЧ ВЕРНУЛСЯ

Глущенко несколько раз по дороге бормотал себе под нос: «Странно!» — и Игорь понимал: его удивляет, что исчезла надпись. Игорь даже постарался его успокоить и сказал:

— Может, она, эта надпись, пропала от влияния местного воздуха?

— Ты так думаешь? — сказал Евгений иронически и больше ничего не говорил.

Он высадил Игоря у ворот, а сам поехал дальше, отвезти домой Бригитту. Он сказал, что на днях зайдет, потому что хочет сфотографировать меч и письмо, чтобы написать в «Огонек» очерк о первом русском моряке в Бирме.

Игорь не стал входить в дом. Тем более что Аппалсвами спал и не заметил, как он приехал. Он сразу пошел к забору, но остановился и прислушался.

Дом Роджерсов был не освещен и тих. «Может, они спать легли? Ведь уже десятый час. Я ворвусь к ним, а он мне скажет, что я ошибаюсь, и поднимет скандал. Может, подождать до завтра? А вдруг отец не спит и тоже захочет еще раз взглянуть на меч? А у отца хорошая зрительная память».

Игорь стоял перед темными кустами. Вокруг тихо шевелились всякие лягушки и, может, даже скорпионы, и он не знал, что делать. Ну прямо хоть плачь!

Уже давно наступила бирманская ночь. Звезд на небе было очень много, больше, чем бывает у нас в Союзе, висели они тоже ниже, чем у нас. Над фонарем у дверей кружилась тучка ночных насекомых. Они бились о стекло и падали, обожженные, вниз. Три ящерки охотились на них, сидя на потолке вокруг фонаря, и время от времени молниеносным рывком бросались вперед, потом медленно отползали, заглатывая какую-нибудь муху или жучка. Иногда из темноты вылетала летучая мышь и делала круг возле фонаря — тоже охотилась.

Игорь вернулся к двери и остановился под самым фонарем. Он уже собрался войти в дом, как услышал сзади шепот:

— Мистер Игорь, одну секунду.

Игорь обернулся и на всякий случай сделал шаг поближе к двери. В освещенный круг ступил Джонни. Он был в одних трусах, и ему, наверно, было холодно, он заметно дрожал. В руке он держал длинный газетный сверток.

— Мистер Игорь, — сказал он, — отец велел мне вас обязательно дождаться. Произошла ошибка, и он опасался, что у вас из-за этого могут быть неприятности. Когда вы так быстро уходили, по ошибке он вложил в ваши ножны свой меч. А его меч хуже вашего, и он мне велел не спать и дождаться, пока вы придете, чтобы отдать вам ваш меч.

— А я думал... — начал Игорь, но осекся. Ведь думал он о мистере Роджерсе совсем нехорошо, а тот оказался таким благородным, что даже велел сыну не спать, а ждать Игоря.

— Возьмите, — сказал Джонни, — а то я замерз. Ночь холодная.

— Ну уж не очень холодная, — сказал Игорь, беря сверток.

Он развернул газету. При свете фонаря была видна на клинке бирманская надпись. Тот самый.

Игорь вынул клинок из своих ножен и отдал Джонни. Потом вложил на его место свой клинок и снова обернул ножны материей.

— Извини, пожалуйста, — сказал он Джонни, — я не знал, что ты меня ждешь. Я бы раньше приехал.

— Я уже давно жду, — сказал Джонни. — Я совсем простудился. У меня даже насморк начался. — И он шмыгнул носом.

Игорю стало неловко.

— Я не знал, — повторил он, потому что больше сказать было нечего.

— А они не заметили, что клинок другой?

— Кто — они? — спросил Игорь.

— Ну, те, кому ты показывал меч.

— Я им ничего не сказал, — ответил Игорь. — Ни слова.

— Молодец! Ты смелый. А я бы все рассказал, и потом мне бы и попало.

— Конечно, — сказал Игорь. — Тебе бы и попало. Ну, ты иди спать, а то заболеешь.

Джонни еще раз шмыгнул носом, но не уходил.

— Как ты думаешь, зачем он подменил клинок? — спросил он вдруг у Игоря.

— Кто? Твой отец?

— Ну да.

— Да ведь он же нечаянно. Я сам в этом виноват.

— Может быть, — сказал Джонни. И пропал в темноте, даже не попрощавшись.

Рукоять меча высовывалась из полотна, и Игорь повернул шишечку. Раз, два, три... шишечка свободно вывернулась из рукояти и осталась в руке. Оказывается, ручка полая. Игорь повернул меч рукоятью к свету и заглянул в отверстие. Там ничего не было.

Игорь приспособил шишечку на место. Странно делали раньше мечи. А может быть, в рукояти хранили секретные вещи? Надо будет спросить у мистера Роджерса. Или лучше спросить у старика?

— Ну как, полуночник? — спросила мама, когда Игорь вошел в комнату. — Совершили какое-нибудь открытие?

— Иван Исаев получил меч от генерала Бандулы, — сказал Игорь. — И в этом я лично не сомневаюсь.

— Посмотрите на этого мыслителя! — сказал папа. — Он уже не сомневается! Может быть, Ивана в свое время назначили местным князем и у тебя по наследству есть небольшое княжество в горах? Так, некрупное, пять деревень и озеро.

— Не исключено, — сказал Игорь, пряча меч в шкаф. — Может быть, я и статью об этом напишу. Или с Евгением Александровичем, или еще с кем-нибудь из местных ученых.

Тут Игорь вспомнил, что Евгений и не предлагал ему соавторства. Ну и ладно.

— Я на твоем месте пошел бы спать, — сказал отец. — А то ты совсем забыл, что будущим ученым не пристало хватать двойки по арифметике.

— Чего нет, того нет, — ответил с достоинством Игорь и пошел чистить зубы.

2

ЗАЧЕМ ПРИЕХАЛ ОТЕЦ ФРАНЦИСК

— Меч надо отдать в музей, — сказал на следующий день отец. Он собирался на работу, и эта мысль пришла ему в голову, когда он, оттопырив языком щеку, гладил ее журчащей электробритвой.

«Интересно, когда я начну бриться? — подумал Игорь. — Или, может, мне сразу отпустить бороду? Да, надо будет показать меч Евгению Александровичу и сказать, что я его почистил и надпись снова появилась. Теперь уже поздно говорить правду. Он меня совсем перестанет уважать».

— Ты меня слышишь? — спросил папа. — Отдадим в бирманский музей? Это же их вещь.

— Отдадим, — сказал Игорь. — Только я тоже поеду.

— Поедешь, — ответил папа. — Наверно, такие вещи лучше согласовать с посольством. Как раз завтра свободный день, фестиваль огней, вот и поговорю с послом.

— Ой, — сказал Игорь, — я совсем забыл! И завтра в школу не идти. Амалия сказала, чтобы мы не кидались бомбами.

— Не Амалия, а Амалия Ивановна, — поправила Игоря мама. — А почему вы должны завтра кидаться бомбами?

— Я еще сам не знаю, — признался Игорь и стал собирать портфель.

После уроков Амалия Ивановна оставила ребят на пять минут и рассказала им про бирманский праздник огня. И тогда Игорь все узнал.

Оказывается, каждый год в Бирме после окончания дождливого сезона, в октябре, празднуют Тадинджут, или фестиваль огней. В этот день, как учат буддийские монахи, Будда спустился с неба, и его помощники и всякие боги осветили ему дорогу огнями. К этому дню в стране уже собран урожай риса и можно отдохнуть. На всех площадях будут выступать артисты, во всех садах и в домах зажгут много разноцветных лампочек, будут запускать в воздух ракеты и воздушные шары. А бирманские ребята будут хлопать хлопушками и маленькими картонными бомбочками. В общем, Амалия Ивановна обещала, что это будет веселый праздник, но просила не проявлять лишней инициативы и не гулять вечером по городу без взрослых, а то она не очень доверяет некоторым ребятам из пятого класса. И посмотрела она при этом на Игоря и Мишу Богданова, как будто они такие уж ненадежные люди. Она еще кое-что рассказала про бирманские праздники, но Игорь плохо слушал — у него голова была занята другим.

Когда ребята расходились, Бригитта сказала Игорю:

— Приезжай к нам завтра вечером. Папа разрешил мне устроить обед для близких друзей. Мама сделает барашка на скаре. Ты ел когда-нибудь барашка на скаре?

— Нет, — сказал Игорь.

— И еще нам привезли болгарского перца, сладкого, вкусного. И мама его тоже приготовит. Приходи, а?

— Я постараюсь, — ответил Игорь.

— Чего стараться? Мы за тобой заедем. А перед ужином поиграем в бадминтон. У меня будет еще один друг. Тебе с ним интересно познакомиться.

— Я обязательно заеду, — сказал Игорь, — если не буду занят в нашем посольстве. Мы с папой решили передать меч в бирманский музей, и, может, придется поговорить с послом.

— Ну тебе-то о чем говорить?

— Не знаю, — ответил Игорь. — Но я больше других в курсе дела.

— Пока, — сказала Бригитта, — вон мой папа едет.

В саду у Игоря царила суматоха. Аппалсвами стоял на высокой лестнице у большого мангового дерева и развешивал среди его ветвей разноцветные лампочки. Миша-шофер держал лестницу и подавал советы громким голосом. Володя Зеленко тянул в дом провода, а Наташа Шурыкина бегала вокруг и кричала:

— У нас будет праздник!..

Попугаи прыгали по клетке, в открытое окно кухни было видно, как мама с Шурой Шурыкиной раскладывают на большом столе пельмени. Сам Шурыкин ходил вокруг гладильной доски и прыскал на черные брюки водой.

— Послушай, Игорек, — сказал Володя Зеленко, — ты мне даже своего меча не показал.

— Так ты же был занят, — сказал Игорь. — Я покажу.

— А я купил хлопушек. Пойдем завтра в город?

— Еще бы! — сказал Игорь. — Я обязательно пойду.

Игорь посмотрел за забор. У Роджерсов все было тихо. Может, они не признают бирманских праздников?

Игорь стал помогать Мише держать лестницу. Все приготовления к бирманскому празднику были очень похожи на приготовления к Новому году, только лампочки были не на елке, а на манговом дереве, и было жарко. Игорь забрался на дерево, чтобы помочь Аппалсвами, и сверху увидел Джонни, который сидел на корточках в своем саду и возился со своими деревяшками. «Опять вечный двигатель», — подумал Игорь. Он крикнул с дерева:

— Здравствуй, Джонни! Ты не простудился?

Джонни поднялся и увидел Игоря. Он очень обрадовался и замахал руками, что значило: иди ко мне.

Игорь кивнул, спрыгнул с дерева и, перед тем как идти к Джонни, забежал домой и взял гантели. Он хотел дать их на время соседу, чтобы тот начал заниматься гимнастикой.

Джонни стоял у забора. Он подставил с той стороны скамеечку, чтобы Игорю было удобней перебраться. Но Игорь перепрыгнул сам и дал Джонни гантели.

— Вот, — сказал он, — будешь поднимать каждое утро по двадцать раз и укрепишь руки. Понял?

— Спасибо, — сказал Джонни, — Ты хочешь посмотреть, что я делаю?

— Вечный двигатель?

— Нет, я делаю ракету. Только у меня нет для нее топлива.

— А зачем?

— Я ее завтра ночью запущу.
— А какое нужно топливо?
— Порох.
— Пороха у меня тоже нет. Но ракета — это интересно. Знаешь, что? Я посоветуюсь с Володей Зеленко — может, он нам поможет.
— Мне нужно три джа, и я тогда смогу купить пороха, — сказал Джонни.
— Если бы у меня были, я бы дал.
— Я так и знал, — сказал Джонни. — У меня есть для тебя новость. Только это большой секрет. Садись на корточки и делай вид, что ты смотришь на ракету.
— Ну что?
— Вчера ночью, когда ты уже ушел, папа куда-то уезжал.
— И это все?
— Он брал с собой дневники своего прадедушки.
— Который воевал с англичанами?
— Не знаю, я их не читал. Но теперь обязательно прочитаю.
— А мы решили отдать меч в бирманский музей.
— Зачем? — удивился Джонни. — Ни в коем случае! За него можно получить большие деньги.
— Не нужны нам большие деньги, — гордо сказал Игорь. — Меч принадлежит бирманскому народу.
— У самого даже трех джа нету на порох, а мечи дарит! Они-то тебе ничего не подарят.
— Странный ты все-таки, — сказал Игорь. — Тебе не понять.
— Я лучше понимаю, чем ты.
— Мал ты еще со мной так разговаривать! — обиделся Игорь.
— Нет, я знаю жизнь. Тебя обязательно обманут.
— Никто меня не обманет.
— Да мой папа, например. Думаешь, он нечаянно вчера меч подменил?
— Нечаянно.
— А я не верю. Если нечаянно, то зачем он тогда два часа с этим мечом возился, чуть на кусочки его не разобрал?
— А ты видел?
— Я все вижу, что происходит вокруг меня. А потом он достал дневники деда и перечитывал их. А потом меня послал тебя ждать, а сам уехал и до ночи не возвращался.
— Знаешь что? Чепуха все это, — сказал Игорь. — Лучше я схожу к Зеленке, и мы сообразим что-нибудь с ракетой.
И Игорь вернулся на свой участок.
Он рассказал Володе про ракету, и Володя обещал что-нибудь придумать. Но сказал, что ракету надо перенести от Роджерсов,

потому что ему неудобно лазить через забор, как мальчишке. Конечно, если Джонни не жалко сделать свою ракету общей.
Джонни очень обрадовался.
— Совсем не жалко, — сказал он. — И еще можно привязать ее к шару и пустить, чтобы она медленно горела.
Ребята перетащили все через забор, и, когда Миша-шофер увидел, чем они занимаются, он тоже обрадовался и сказал громко, что у него дома есть старый воздушный шар и, если его починить, он станет как новый. Миша вскочил в «газик» и умчался за шаром. А Аппалсвами взял у Володи три джа и пошел в магазин, чтобы купить пороху для ракеты.
Игорь никак не мог отделаться от мыслей о мистере Роджерсе и мече. Уж очень не хотелось ему верить, что Джонни, хилый и преданный Джонни, говорит неправду. Но ему не хотелось верить и в то, что сам мистер Роджерс тоже говорит неправду. Хотя ведь он соврал о своем предке, начальнике разведки, и о том, что меч самый обыкновенный.
— Я попрошу у мистера Роджерса почитать дневники, — сказал он Джонни. — Он мне обещал.
— Он не даст, — сказал Джонни. — Ни за что не даст. Мы их лучше украдем.
— Еще чего не хватало! — сказал Игорь. — Я в этом не участвую.
В работе над ракетой наступил вынужденный перерыв. Миша и Аппалсвами еще не возвращались, Володя Зеленко ушел к себе и обещал вернуться, когда подойдут остальные. Игорь с Джонни умылись под садовым краном и сидели в тени, глядя, как из трухлявого бревна выползают светлые, полупрозрачные термиты и быстренько перебегают в соседнее трухлявое бревно.
— Термиты не любят света, — сказал Джонни. — Надо их перебить.
— Зачем? — спросил Игорь. — Они же как муравьи.
— Если они разведутся, то могут целый дом съесть. И никто не заметит, пока дом не рухнет. Они изнутри бревна выедают, а снаружи ничего не видно.
— Ладно, я скажу Аппалсвами, — согласился Игорь. — А у нас в Москве термитов нет.
— А как же?
— Нет термитов, и все. У нас только муравьи, но они домов не едят.
За забором зашуршали шины. Приехал мистер Роджерс. Он был не один, с ним был тот толстый священник в черной сутане с белым воротничком, которого Игорь встретил на аэродроме в Дели.

— Я сейчас у него и спрошу, — сказал Игорь.

— Подожди. Это знаешь кто?

— Нет.

— Это миссионер, отец Франциск.

— Какой это миссионер? Это из тех, которые склоняют в христианство дикарей?

— Здесь дикарей нет. Он хочет, чтобы все бирманцы поверили в настоящего бога.

— В какого настоящего?

— В единого. А ты разве не в него веришь?

— Бога нет, — сказал Игорь.

— Бог есть. — И Джонни перекрестился тонкой темной ручкой.

— Если бы он был, разве бы он сделал так, чтобы ты был самый слабый в классе?

— Он меня испытывает, — сказал Джонни.

— Вот чудак! — сказал Игорь.

— А ты, когда умрешь, попадешь в ад.

— А я и не собираюсь умирать. И мой папа тоже в бога не верит, и мама тоже, и бабушка. И ничего, живем.

— Вас еще бог накажет.

— А бирманцы уже верят в вашего бога?

— Нет, они буддисты. И праздник у них языческий.

— Так чего же ты ракету делаешь?

— Мне интересно. Хоть это и грех. А почему вы хотите праздновать их праздник?

— Потому что праздник — это интересно. Я знаю, что раньше Новый год тоже был божественный праздник, а теперь просто праздник и елка стоит в Доме союзов.

— Интересно, зачем это отец Франциск приехал к папе? Может, из-за меча?

— Тебе все что-то кажется, — сказал Игорь, но сам не удержался и краем глаза посмотрел на дом Роджерсов.

— Знаешь, я пойду схожу в дом, — сказал Джонни. — Как разведчик.

— Как хочешь, — сказал Игорь.

Джонни убежал, а Игорь остался у ракеты. Через минуту в сад влетел на «газике» Миша и вытащил из кузова большую мятую тряпку. Когда он, приговаривая «карашо-карашо» и напевая песни, расстелил ее на земле, оказалось, что это большой круглый мешок, кое-где потертый и порванный.

Аппалсвами вернулся с пакетом пороха и всякой химии. Володя Зеленко принес клей, и они принялись чинить воздушный шар и заряжать ракету. Игорь так увлекся работой, что даже за-

был про Джонни. Только когда он услышал шум отъезжающей машины, то оглянулся и заметил, что миссионер и мистер Роджерс уехали.

Джонни подошел к Игорю сзади и остановился.

— Взгляни, — сказал ему Володя Зеленко, — из твоей ракеты мы сделаем конфетку. Она выше всех полетит.

Но Джонни ничего не ответил. Он был чем-то очень взволнован.

— Игорь, — сказал он, — на минутку. Мне нужно тебе сказать одну важную вещь.

Игорь встал и отошел вместе с Джонни к кустам.

— Я делаю большой грех, — сказал Джонни. — Я раньше и не знал, что ты безбожник. — И он замолчал.

— А какой грех ты делаешь? — удивился Игорь.

— Я сейчас выдам тебе секрет отца Франциска и моего папы.

— А что?

— Я, может быть, попаду в ад.

— Но тогда не рассказывай. Пойдем ракету делать.

— Нет. Мой отец плохо поступил, а ты мой друг. Ты ведь мой друг?

— Конечно, — сказал Игорь.

— Тогда слушай.

Джонни перекрестился и, быстро шевеля губами, беззвучно помолился про себя.

— Я пробрался в дом и услышал, о чем они говорили. Отец сказал, что ему нужно срочно двести джа на три недели. Не больше. «А зачем?» — спросил отец Франциск. «Вы же меня знаете, — говорит отец. — Я честный христианин и всегда верно служил церкви. Мне нужны двести джа, и сегодня же. Я уверен, что за это я получу много тысяч». — «Не говорите чепухи, — сказал тогда отец Франциск, — вы мне надоели со своими нелепыми планами, которые никаких денег вам не приносят». Тогда отец сказал, что дело верное и у него есть доказательства. Он даже обещает церкви двадцать процентов. «Мне еще нужен, — сказал он, — русско-бирманский словарь или хотя бы алфавит. У вас в миссии есть кто-нибудь, кто знает русский язык?» А отец Франциск ответил, что никого нет, но в Кокайне живет один старик-иммигрант. — Джонни перевел дух и спросил: — Я не быстро рассказываю? Ты все понимаешь?

— Давай-давай, — сказал Игорь.

— Отец Франциск сказал, что он не понимает, при чем тут русский язык. Тогда отец сказал, что дело пахнет большими деньгами, но он пока не может рассказать детали. «Только чтобы

без уголовщины», — сказал отец Франциск. И так здесь трудно работать, не хватает, чтобы полиция им заинтересовалась.

«Видно, и в самом деле бирманцы не очень-то хотят верить в его бога», — подумал Игорь. Джонни между тем продолжал:

— Отец тогда сказал ему про дневники своего прадедушки, в которых есть тайна, но он до последнего дня не знал, где искать, а теперь, наверно, знает.

— Что искать? — спросил Игорь.

— Не знаю, он не сказал. Потом мой отец стал показывать какие-то бумаги и говорить шепотом, и я больше ничего не понял. А потом отец Франциск сказал, что меньше чем за тридцать процентов прибыли вступать в дело не согласен, а то он вообще может сообщить куда надо и отец ничего не получит. Они еще долго ругались, а потом уехали. Вот и все.

Джонни тяжело дышал, и Игорь увидел, что у него мокрые глаза.

— Не реви, — сказал Игорь. — Ты не врешь?

— Клянусь самым святым, — быстро зашептал Джонни, — здоровьем мамы!

— Значит, твой отец узнал какую-то тайну?

— Да, с помощью меча.

— Тогда нужно пойти и заставить его во всем признаться.

— А как?

— Пойти и сказать: вот Джонни слышал ваш разговор, и мы хотим знать всю правду.

— Я ничего не слышал, — вдруг сказал Джонни. — Я ничего не слышал, ничего не было.

— Ты же только что говорил!

— Я ничего не скажу. Он меня убьет. А сам ни в чем не сознается. Он же хитрый.

Игорь понимал, что Джонни прав. Надо идти к Евгению. Нет, тоже нельзя: тогда придется признаться, что он его обманул. Даже дал честное слово, а сам обманул.

— Может, все написано на мече? — спросил Игорь.

— Надо перевести надпись.

— Пойдем ко мне и посмотрим. Ты хорошо читаешь по-бирмански?

— Конечно, — сказал Джонни, — я второй в классе по бирманскому языку.

— Тогда пошли, ты переведешь мне надпись. Может быть, мы обойдемся сами, без твоего отца.

В комнате Игорь в который уже раз за последние дни развернул меч и положил перед Джонни.

— Читай, — сказал он.

— «Этот меч выкован для славного Маха Бандулы, да хранят его духи в бою и походе», — медленно прочел Джонни. — Вот и все.

3

РОДЖЕРС ХОЧЕТ УЧИТЬ РУССКИЙ ЯЗЫК

— Да, не очень много, — сказал Игорь, расхаживая по комнате.

— Тут больше ничего нет, — сказал Джонни.

— Значит, что-то еще было.

Джонни повернул шишечку.

— Смотри, она двигается.

— Ага, — сказал Игорь, — там пустое место... — И тут он вспомнил пальцы мистера Роджерса, отворачивающие шишечку. И стало ясно: вот где, наверно, хранилась тайна меча!

— Он мог вынуть отсюда какую-то вещь или записку!

— Интересно, что это могло быть? Ведь никогда не догадаться.

— Нам надо прочесть дневники, — сказал вдруг Джонни.

— Их придется брать потихоньку. Не хочется мне связываться, — сказал Игорь, — но придется. Мы должны узнать правду.

В самом-то деле ему хотелось увидеть дневники старого Роджерса. Он ужасно любил тайны, хотя никогда еще не встречался с настоящей тайной.

— А как мы с тобой договоримся?

— Ты не спи ночью, — сказал Джонни. — Я в двенадцать часов выйду в сад и прокричу, как черная жаба. Вот так: «Мы-ы-ы-ы!» И ты подойдешь к забору.

— А вдруг это буду не я? Надо пароль. Я спрошу: «Генерал Бандула?»

— Ладно, — сказал Джонни.

— Нет, еще не все. А вдруг это будешь не ты? Ты тоже должен сказать мне пароль. Например: «Матрос Исаев». Запомнил?

— Конечно. Но кто, кроме меня, может подойти к забору?

— Не знаю. Но нужна осторожность. Повтори пароль.

— Генерал Бандула.

— А отзыв?

— Матрос Исаев.

— Теперь давай как ни в чем не бывало делать ракету.

— Хорошо.

— Ты не боишься?

— Боюсь.

— Не бойся. Ничего не случится.

Они спустились в сад, где Зеленко с Мишей уже заклеили весь шар. Они даже забыли, что это не занятие для взрослых, и не пускали Наташу помогать им. Джонни и Игорь делали вид, что ничего не произошло, да, впрочем, никто и не обращал на них внимания.

Примерно через полчаса вернулся домой мистер Роджерс. Игорь хотел спросить у него про дневник, но мистер Роджерс сам подошел к забору.

— Здравствуйте, — сказал он. — Моего сына у вас нет?

— Он здесь, мы делаем ракету, — сказал Игорь.

— Ну хорошо, а то я уже волнуюсь, куда делся мой мальчик. Кстати, мистер Исаев, у меня к вам будет просьба.

— Какая? — спросил Игорь.

Он старался делать вид, что ничего не знает, но ему было очень трудно, потому что так и хотелось сказать: «Что вы нашли в мече? Признавайтесь!»

— Дорогой коллега, — сказал мистер Роджерс, — я подумываю, не заняться ли мне изучением русского языка. Это необходимо в наши дни для каждого культурного человека. Не так ли?

— Да, — согласился Игорь.

— В таком случае вы мне, без сомнения, поможете. Нет ли у вас учебника русского языка для англичан? Или у вашего уважаемого отца?

— А зачем?

— Я бы учился. Может быть, у меня появится возможность побывать когда-нибудь в вашей прекрасной стране. Я, правда, бедный человек, но не оставляю надежды съездить за границу.

«Еще притворяется!» — подумал Игорь.

— А если нет учебника, напишите на бумажке русский алфавит и у каждой буквы — ее английское произношение. Ведь у вас такой странный шрифт, он не похож на английский.

— Я постараюсь, — сказал Игорь. Он чувствовал себя разведчиком.

— Вот и отлично! Чем скорее вы это сделаете, тем скорее я усядусь за изучение русского алфавита.

«Интересно, — думал Игорь. — Ему нужен пока только алфавит. И даже не слова. Странно!»

— А вы обещали мне дать почитать дневники своего предка, — сказал Игорь, — который был начальником разведки у генерала Бандулы. Мне это тоже очень интересно.

— Разумеется, дам, — сказал мистер Роджерс и широко улыбнулся. — С удовольствием дам. Вот только они сейчас не дома. Я их послал в одно американское издательство. Как только они

вернутся, вы будете первым человеком, который их прочтет. Даю вам слово.

— Спасибо, — сказал Игорь. Теперь он окончательно не сомневался, что мистер Роджерс замыслил какую-то пакость. И, конечно, он врет про дневники. Они дома, только сегодня он показывал их отцу Франциску. Игорю так и хотелось сказать: «Я все знаю», но вместо этого он сказал: — Простите, меня ждут.

И пошел обратно к Зеленке с Мишей, не оглядываясь, чтобы не видеть жалких, робких, как у Джонни, голубых глаз мистера Роджерса.

4

ТАЙНА ПЕРЕВОДЧИКА РОДЖЕРСА

Весь вечер Игорь не находил себе места. Он даже пельменей съел только полтарелки. Мама забеспокоилась и сказала:

— Ты уж не заболел ли?

Ей вечно казалось, что Игорь вот-вот заболеет.

Вечер тянулся еле-еле. Как ни посмотришь на часы, они стоят почти на том же месте. Игорь с Зеленкой ходили в сад и пробовали зажигать лампочки. Лампочки горели очень красиво, казалось, что на дереве растут сказочные разноцветные яблоки.

Наконец наступило десять часов, и Игорь сам, без напоминания, пошел спать. Он слышал, как мама говорила отцу:

— Что-то неладно с Игорем.

— Температуры нет?

— Нет.

— Может, чуть-чуть перегрелся на солнце.

Игорь лежал, открыв глаза, и очень боялся нечаянно уснуть. Он не надеялся на Джонни. Хилый парень, робкий, может и подвести. А вдруг ему не удастся достать дневник? Или в дневнике не будет ничего интересного? Что же мистер Роджерс нашел в мече? Что-то, что написано русскими буквами, а то бы он не просил словарь у отца Франциска и алфавит — у Игоря. Наверно, Исаев написал какую-то важную записку и спрятал ее в мече.

Отец с матерью все не ложились спать. Игорь поставил будильник со светящимся циферблатом у самой кровати и часто смотрел на него. Уже без четверти одиннадцать, а они все разговаривают. Ну конечно, завтра на работу не идти.

Вот завтра Бригитта удивится, когда узнает, какие приключения он пережил! Только бы Джонни не испугался. А то начнет молиться своему богу, решит, что нельзя обманывать отца, и во

всем признается. И тогда мистер Роджерс так все повернет, что Игорь окажется шпионом. Зря он не сказал сразу обо всем Евгению...

Без четверти двенадцать. За стеной все тихо. Наверно, мама с папой заснули. Игорь подождал еще несколько минут и осторожно спустил ноги с кровати. Он нащупал в темноте тапочки, зашнуровал их, надел рубашку. Без десяти двенадцать. Тихонько открыл дверь в коридор. И надо же — мама услышала.

— Ты что там? — сонным голосом спросила она.

— Мне надо, — прошептал Игорь.

— Тапочки надел?

— Надел, надел.

Теперь лестница. Надо сначала наступать на носок, а потом на пятку — так лестница меньше скрипит.

Игорь на цыпочках прошел холл. Он долго, по сантиметру, открывал дверь, чтобы она скрипом не выдала его. Дверь отодвинулась почти бесшумно. Игорь прошел вдоль стены, чтобы Аппалсвами, если не спит, не увидел его, потом осторожно скользнул за угол. Теперь он в безопасности. Еще десять шагов — и забор. Такая тишина, что, если бы у термитов были каблуки, их было бы слышно за сто метров.

Игорь ждал довольно долго. Даже ноги устали. Где-то далеко пробили часы, и сторожа начали отбивать колотушками удары. Двенадцать. Удары колотушек прокатывались по спящему городу, доносились то близко, то издалека, еле слышно. Потом опять наступила тишина. Так и есть, он не придет. Все погибло. И в тот же момент над самым ухом раздалось:

— Мы-ы-ы-ы...

Так кричит толстая черная жаба.

Игорь подкрался к забору и сказал шепотом:

— Генерал Бандула.

Но никакого ответа не последовало. Игорь старался разглядеть в темноте Джонни. Никого.

— Генерал Бандула, — повторил Игорь.

За забором кто-то вздохнул, и потом голос Джонни ответил:

— Я забыл пароль.

— Ничего, — обрадовался Игорь. — Ты вспомни. Матрос...

— А! Матрос Исаев.

— Принес? — спросил Игорь.

— Это так трудно было! Отец в любую минуту мог проснуться.

— Принес?

— Да, держи.

И Джонни перелез через забор и протянул Игорю толстую тетрадь в кожаном переплете.

— Это все? — спросил Игорь.

— А что еще?

— Я думал, что ты найдешь то, что твой отец вынул из меча.

— Может, он ничего и не вынул.

— Тогда зачем ему русский словарь?

— Не знаю, — сказал Джонни. — Я и так рисковал.

— Пойдем к свету, — сказал Игорь.

— Нас может заметить садовник.

— Он спит. Только говори шепотом.

— А вдруг мой отец проснется и увидит нас?

— Мы сядем на корточки, и ему нас не увидеть. Только скорее. Ты, Джонни, будешь читать, а то я могу не понять.

Мальчики прокрались ко входу в дом и сели под лампой, отмахиваясь от летающих вокруг нее насекомых. Ступенька была теплой, еще не успела остыть за ночь.

— Как же мы все прочтем? — подумал вслух Игорь. — Так и до утра не успеем.

— Здесь одна страница заложена, — сказал Джонни. — Может быть, на ней и есть тайна.

— Тогда читай. Начинай оттуда.

Джонни раскрыл тетрадь на заложенной странице.

— «Восьмое декабря тысяча восемьсот двадцать четвертого года», — прочел он. — Отсюда читать?

— Давай, только шепотом.

— «Сегодняшний день отмечен ужасным событием. На нашего генерала совершено покушение. Бедный У. Он погиб от руки канонира Ивана...»

— Стой! — сказал Игорь. — Прочти еще раз.

— «Бедный У. Он погиб от руки канонира Ивана». А что?

— Ты понимаешь, что это значит?

— Это про твоего деда? Он убил какого-то У. Наверно, Роджерс-первый был знаком с У.

— Ну вот! Твой отец сказал, что Роджерс не мог знать Исаева. А ведь он читал этот дневник. Значит, твой отец еще раз сказал неправду.

— Наверно, моего отца накажет Господь, — сказал Джонни. — Я помолюсь за него. Но папе так нужны деньги!

— Читай дальше, — сказал Игорь. — Здесь должны быть важные для нас сведения.

— «...от руки канонира Ивана... Я думал, что не переживу этой ночи. Слава богу, подозрение на меня не пало. Если бы ге-

нерал Бандула знал, что я провел в лагерь У., мне бы не миновать страшной смерти. Я уповаю только на Господа, что гроза пронесется мимо меня. Завтра все-таки будет бой. Сейчас я пошлю моего верного слугу Раджа, чтобы он положил записку с докладом обо всех событиях сегодняшнего вечера в дупло дерева у холма. Мои друзья найдут ее. Они должны узнать, что Бандула с утра перейдет в наступление. Девятое декабря. Я пишу дневник, лежа на земле неподалеку от палатки Бандулы. Я могу ему понадобиться в любую минуту. Мое послание достигло цели. Воины его величества были готовы к бою и отразили бирманскую атаку. Надеюсь, что мои скромные услуги не будут забыты правительством его величества».

— Постой! Воины его величества — это англичане? — спросил Игорь.

— Наверно, — сказал Джонни. — А то зачем бы им отражать бирманскую атаку.

— Значит, твой прапрадедушка был предателем?

— Не знаю, — сказал Джонни. — Я сейчас заплачу и больше не смогу читать.

— Ты же не виноват.

— А может, мой дедушка Роджерс был английским разведчиком и никого не предавал?

— И устроился к генералу Бандуле переводчиком? Ты ведь говорил, что он был переводчиком.

— Я слышал от папы, очень давно еще.

— Ну, давай читать дальше.

— «Разгром бирманской армии был бы очевиднее и полнее, если бы не стойкость батареи русского Ивана. Не зря, видно, бирманский генерал наградил его своим мечом, вещью драгоценной, изящной работы, которую я неоднократно имел счастье лицезреть на стене в его походной резиденции. Я полагаю, что меч был вручен за злодейское убийство бедного У.».

— Что это он все о своем бедном У.? — спросил Игорь.

— Зато теперь мы точно знаем, что твоего предка наградил сам Бандула.

— Я в этом и не сомневался, — сказал Игорь. — А твой отец и здесь соврал. Он знал, что меч подарен генералом, а мне говорил — обыкновенный меч, у каждого офицера был такой. Думал, я совсем маленький, поверю...

— А ты не поверил?

— Сначала поверил, а потом не поверил. Читай. Дальше должно быть самое важное.

— «Сегодня вечером, уже после окончания ужасной битвы, я

стал свидетелем странного разговора. Я подошел к палатке генерала, сопровождая английского пленного, но мне велели подождать, а в палатку, не заметив меня в темноте, прошел Иван. Он имел с генералом долгий разговор. Стенки палатки пропускали звуки голосов, и я не мог не подслушивать, хотя и не все слова долетали до меня. Уже то, что я узнал, наполнило мое сердце подозрением и тревогой. Генерал приказал Ивану выехать на север, в Амарапуру, а оттуда отправиться за помощью в Россию. Он поручает Исаеву какой-то весьма важный груз. Настолько важный, что охранять его будет, кроме Исаева, личный адъютант генерала. Отъезд должен быть обставлен в полной тайне».

— Ага, вот что важно — груз, — сказал Игорь. — Понимаешь?

— Ничего не понимаю. Я буду читать дальше. «Что за груз мог доверить генерал Ивану и своему адъютанту? Я не могу заснуть, тревожась и беспокоясь. Десятое декабря. Эти страницы я пишу уже в лагере полковника Кемпбелла. Полковник встретил меня тепло и лично выслушал. Но перед тем как рассказывать о жизни моей в английском лагере, я должен изложить для своих потомков обстоятельства, вынудившие меня покинуть армию Бандулы и сменить окончательно сторону в этой войне.

После того как я закончил описание вчерашнего дня и закрыл дневник, я долго не мог заснуть. В это время мимо меня прошло несколько солдат из личной стражи генерала. Они осторожно вынесли из палатки Бандулы какие-то сундуки. Наверно, предположил я, на завтра готовится отступление и генерал хочет к нему подготовиться.

Я встал и, закутавшись в одеяло, дабы меня не мог отличить от бирманца любопытный взгляд, последовал за солдатами. Солдаты принесли сундуки к повозке, спрятанной в ложбине, погрузили их на повозку, затянули сверху полотном и стали вокруг в караул. Однако при всем моем желании приблизиться к повозке я не смог.

Утро принесло мне новую неожиданность. С рассветом мимо меня проехали Иван и адъютант генерала Бандулы. Они отправлялись выполнять поручение генерала. Мне удалось завязать с ними разговор. Они сказали мне, что едут в разведку на север. Я позволил себе усомниться, не показав при этом виду, так как накануне слышал у палатки генерала совсем другое. Удача сопутствовала мне. Я увидел, расставшись с ними, повозку, к которой они направлялись. Это была та же самая повозка, которую я заметил ночью. Без сомнения, именно в повозке находились сундуки Бандулы, секретный груз, который надо было направить на север, из опасения, что он достанется английским войскам. Уж не казна ли это?

Я видел, как казначей войска передал им какие-то бумаги, которые они подписали, и потом, сопровождаемые небольшим конвоем, отправились в путь по дороге, ведущей к городу Пром. Эта дорога неизбежно выведет путников к Иравади.

Мне удалось увидеть казначея, и я пустился на небольшую хитрость. Подойдя к нему, я спросил, почему для охраны воинской казны дан такой малый конвой. Я задал этот вопрос самым естественным тоном, будто я хорошо осведомлен о поклаже. Казначей, ничего не подозревая, ответил, что это сделано именно потому, что не следует привлекать внимания к столь ценному грузу...»

— Он сказал — воинскую казну? — спросил Игорь.

— Да. Казну. — Джонни отложил в сторону тетрадь и задумался. — Значит, там было золото, — сказал он наконец. — Много золота.

— Ну, что дальше было?

— «Очевидно, я не смог сдержать понятной радости при столь интересной для меня новости, и казначей спросил подозрительно, откуда ведомо мне об этой тайне. Я сослался на самого генерала и поспешил уйти. Тут же я увидел, как казначей отправился к палатке начальника разведки Мьозы Шве У Дауна, и понял, что мне надобно покинуть бирманский лагерь, если я хочу сохранить свою жизнь...»

— Ага, старик мне и говорил, что начальником разведки был Шве У Даун, а вовсе не Роджерс. А твой отец говорил, что Роджерс.

Джонни ничего не ответил, а подождал, пока Игорь кончит, и продолжал чтение.

— «Одиннадцатое декабря. Сегодня мы направились вверх по Иравади. Мы миновали бирманские посты на рассвете, в тумане, соблюдая тишину. Нас в лодке тридцать пять человек, славный груз для такого судна. Настроение у меня весьма хорошее, ибо я наконец-то веду настоящий английский отряд. Даже лейтенант, командующий им, во всем со мной советуется. Отправляя нас, полковник сказал, что в случае удачи нашего дерзкого рейда мы будем достойно награждены. И каждый солдат стремится сделать все для удачи экспедиции. Утром выпала сильная роса. Я спал, по своему обыкновению, в шерстяном ночном колпаке, и тот пропитывался сыростью так, что его постоянно приходилось выжимать...»

— Тише, — прошептал Игорь, — кто-то идет.

Джонни сжался и сунул тетрадку под себя, чтобы не было видно. Чьи-то осторожные шаги слышались за углом дома.

5

ИВАН ПОПАДАЕТ В ПЛЕН

— Ползем, — беззвучно шепнул Игорь.

На четвереньках они крались вдоль стены, чтобы добраться до спасительной темноты. Шаги за углом на секунду смолкли и тут же возобновились.

Игорь прыгнул, как не прыгал даже на уроке физкультуры, и, на лету завернув за угол дома, прижался к стене. Джонни бросился за ним, но на бегу опрокинул ведро, стоявшее у стены. Ведро со страшным грохотом покатилось по асфальту дорожки, и невидимый человек громко затопал ногами и закричал непонятные слова.

— К кустам! — приказал Игорь.

И вовремя, потому что преследователь уже не скрывался — он топотал все ближе, желая настичь мальчиков.

Кусты у забора, с той стороны сада, что выходила в переулок, были густыми, непрозрачными даже днем, но ужасно колючими. А так как пришлось замереть, чтобы преследователь не заметил движения в кустах, то колючки залезли сразу за шиворот, уперлись в спину и царапали шею и затылок. Но приходилось терпеть.

Из-за угла в темноту выскочила белая фигура с фонариком в руках, и луч фонарика принялся шарить, к счастью беспорядочно, по кустам, по стене, по стволам деревьев.

— Свет с улицы нам в спину, — прошептал Игорь. — Он нас не увидит?

— М-м-ож-жет увидеть, — ответил Джонни, после каждой буквы выстукивая зубами чечетку.

На нижнем этаже, у Шурыкиных, зажегся свет. Слышно было, как запищала Наташа и Шура с мужем о чем-то заспорили. Заверещали попугаи на веранде. Человек с фонариком не осмеливался отойти от дома.

— Он не знает, кто мы такие, — сказал Игорь шепотом, — боится, что мы шайка разбойников.

Джонни хихикнул и сразу замолчал.

— Только бы мои не проснулись, — шепнул Игорь, — а то увидят, что меня нет, и подумают, что меня кто-нибудь украл.

Но наверху пока все было тихо.

Хлопнула дверь, и Шурыкин вышел к двери и спросил:

— Что случилось?

Человек с фонариком обернулся, и Игорь узнал Аппалсвами.

— Кто-то забрался в сад, — сказал он.

— Надо бы обойти кусты, — ответил Шурыкин по-русски.

— Он хочет обыскать кусты, — сказал Игорь Джонни, и Джонни сжался в маленький комочек.

— Только бы папа не узнал! — шептал он. — Только бы не узнал! — Он начал шептать что-то совсем неразборчивое и тихое — наверно, молился.

Но Игорь понял, что ни Шурыкину, ни Аппалсвами не хочется идти в кусты. Шурыкин сказал задумчиво:

— Зеленко, что ли, разбудить? Или Исаева?

Шура высунулась в окошко и сказала строго:

— Иди домой! Мало ли кто в кустах был.

— Они ведро опрокинули, хотели войти, — сказал Аппалсвами.

— Что он говорит? — спросила Шура.

Шурыкин сказал:

— Они ведро хотели унести, да уронили.

— Ну иди, иди, — сказала Шура ласково.

Шурыкин потоптался еще у двери и вернулся домой. Аппалсвами понял, что лишился союзника, уселся под лампу, спиной к двери, и приготовился сторожить дом. Хотел пересидеть разбойников.

Поднялся ветер. Лампа раскачивалась над головой Аппалсвами, и тень садовника металась по асфальтовой дорожке.

— Ну, что делать? — спросил Джонни. — Нам не выйти.

— Знаю, — сказал Игорь. — Забор высокий, а как только из кустов выберемся, он нас увидит.

И, как бы в подтверждение его слов, Аппалсвами провел фонариком вдоль забора. Ребята пригнули головы.

— Будем ждать, — сказал Игорь. — Не всю же ночь он будет сидеть.

— Ой! — пискнул Джонни. — Я хочу спать. Мне надо домой.

— Не хнычь! — сказал Игорь. — Мы с тобой разведчики. Надо ждать.

— Скорпион может приползти.

— Не приползет, — сказал Игорь.

Если бы он был один, он бы очень сильно испугался, но раз с ним был Джонни, который так боялся, то весь страх ушел. Игорь был старшим и сильным. И надо было показать, что ничего страшного не случилось.

— Что теперь делать? — не успокаивался Джонни.

— Отодвинься к забору... Вот так. Да осторожнее ты, а то Аппалсвами заметит. Сюда свет достает, с улицы. Теперь дочитывай дневник.

— Что ты!

— Дочитывай. Так время быстрее пройдет, а то все равно, как только можно будет, мы побежим домой, а потом никогда не дочитаем. Тебе надо будет дневник обратно положить. А мы самого главного не знаем: куда поехал Роджерс и что случилось.

Джонни не стал спорить. Игорь думал, что он будет отказываться, но, может быть, ему самому было интересно, а может, действительно не так страшно сидеть в кустах, когда занят делом.

— «Колпак пропитывался сыростью так, что из него постоянно нужно было выжимать воду. Можно себе представить, как подобное путешествие вредно для здоровья нас всех! Мы варили чай на сковородках, которые были единственною посудою, какую можно было употреблять, и пили его из оловянных кружек. Население этих мест весьма незначительно, ибо края эти разорены войной, и редко видны человеческие жилища. В одной деревне нас заметили, и там поднялось ужасное смятение. Мы могли видеть, как испуганные поселяне бросались прочь от воды, пытаясь укрыться в кустах. Солдаты хотели высадиться на берег, чтобы забрать в деревне провиант, в котором армия наша испытывает недостаток, но лейтенант запретил, ибо мы должны были спешить, чтобы успеть раньше бирманского конвоя к тому месту, где дорога выходит к реке и где мы намеревались устроить засаду, дабы захватить бирманскую казну, то есть последовать совету, который я осмелился дать господину полковнику».

— Вот видишь, — заметил тихонько Игорь, оглядываясь на опустившего фонарь Аппалсвами, — твой дед гнался за моим дедом.

— Не за ним, а за казной. Он, наверно, тоже был бедный, как и папа, а папа говорил, что он был очень отважный.

Свет у Шурыкиных погас, и скоро, подумал Игорь, все в доме успокоится.

— «Завтрашний день все решит. Двенадцатого декабря. Пишу глубокой ночью, вернее, уже на рассвете, ибо до этого не имел возможности взяться за перо. События, которые только что разыгрались, настолько необычны и печальны, что только сейчас я смог отдышаться.

Мы чуть было не опоздали и прибыли к месту засады только в глубоких сумерках. К счастью, я заметил костер, горящий на возвышении у пагоды Трех Духов, которую я знал по прежним моим путешествиям в этих местах. Я сказал об этом лейтенанту, и мы приблизились к берегу со всей возможной осторожностью. Деревни поблизости нет, и потому костер могли разжечь только случайные путники, может быть, именно те, за коими мы охотимся.

Мы причалили к берегу под самым холмом, и, когда совсем стемнело, один из солдат прокрался наверх и сообщил нам, что у

костра дежурит бирманский солдат, а несколько других спят около самой пагоды. Видел он также и повозку. Тотчас мы начали готовиться к нападению и, окруживши холм, стали бесшумно подниматься на него. Однако один из них, видно заподозрив неладное, спустился нам навстречу и успел выстрелить из пистолета, чем поднял тревогу. В бою погибли все бирманцы и трое наших солдат. Я получил рану в плечо, к счастью неглубокую, хотя и старался осмотрительно держаться не в самой гуще боя. Преследуя отступавших бирманцев, мы пробежали несколько по дороге, а когда, добив их, вернулись в лагерь на холм, то бросились к повозке. Но тут мы обнаружили, что повозка пуста. Сундуков, которые я видел собственными глазами, на ней не было. Гнев лейтенанта обратился против меня, потому что подобное полное тягот и опасностей путешествие, как наше, было бы оправдано только находкою бирманской казны, но никак не боем с горсткою бирманцев. Мне удалось отвлечь несправедливый гнев лейтенанта предложением обыскать убитых бирманцев, чтобы найти документы, которые могли бы пролить свет на исчезновение казны.

Велико было наше удивление, когда мы увидели склоненным над телом бирманца русского Ивана Исаева. Лейтенант приказал взять его живьем, что нам и удалось сделать по причине внезапности нашего нападения. Мы допросили его с пристрастием, однако Иван упорствовал в заверении, что груз они оставили, не доходя до этого места, у верных людей.

В этот момент наш дозорный услышал конский топот. Мы быстро отступили к лодке, не успев толком обыскать поляну и ее окрестности. Очевидно, приближались бирманские солдаты, посланные по навету жителей деревни, которые нас видели. Господь сохранил нам жизнь, и мы благополучно отплыли вниз по реке. Сейчас уже светает. Иван лежит на дне лодки рядом со мной, и он будет снова допрошен по прибытии на место. Лейтенант смотрит на меня косо, ибо считает, что я виновен в том, что казна пропала. Он даже подозревает, что ее не было вообще». Больше не могу, — сказал Джонни, — у меня язык устал. Тут еще полтетрадки осталось.

— Совсем не можешь?

— Совсем, честное слово!

— Ладно, главное мы уже узнали. У меня теперь есть теория.

— Только, Игорь, у меня к тебе просьба: поклянись, что никому не скажешь об этом.

— Как же так?

— Мистер Игорь, если кто-нибудь узнает про дневник моего

отца, то отец меня убьет. Он все сразу поймет. Мы лучше что-нибудь другое придумаем. Пожалуйста, дай слово!

— Даю, — сказал Игорь.

Ему очень не хотелось давать такое слово, но было жалко Джонни, который и сам не ожидал, что в дневнике скрывается такой рассказ, и чувствовал себя виноватым перед Игорем.

— Послушай, — продолжал Игорь, — а что, если Иван все-таки обманул англичан и спрятал казну? Потом вернулся домой и написал об этом. А твой отец нашел эту записку в мече и теперь знает, где искать?

— А может, казну уже давно нашли?

— Жалко, если нашли. Нет, если бы нашли, то твой отец не стал бы нас обманывать. Ты же сам слышал, что он собирается куда-то ехать.

— А может, он просто найдет деньги и мы с ним станем богатые?

— Это же не его деньги!

— Они уже ничьи. Зря я тебе все рассказал.

— Пойми, его могут посадить в тюрьму, и тогда будет еще хуже.

— Что же делать?

— Надо рассказать взрослым.

— Мистер Игорь, ты же обещал!

— Знаешь что, я не скажу никому, если твой отец не поедет за кладом. А если он завтра уедет из Рангуна, значит, он хочет воспользоваться тем, что он нашел в мече Исаева, то есть украл у меня. Я правильно говорю?

— Да, — вздохнул Джонни.

— А теперь пошли домой.

Это было совсем нелегко сделать, и, хоть Аппалсвами уже давно заснул, сидя на ступеньке у двери, и Джонни свободно пробрался на свой участок, Игорю пришлось проявить чудеса ловкости, чтобы незаметно проскользнуть в дверь рядом со спящим Аппалсвами.

6

В РАНГУНСКОМ МУЗЕЕ

Как только голова Игоря дотронулась до подушки, он заснул. Ему снились отрывочные сны, в которых он скакал на лихих конях, сжимая в руке меч, и за ним в погоню мчались на велосипедах, машинах, танках, самолетах английские солдаты в красных мундирах, возглавляемые Аппалсвами с электрическим фонариком в руках. За спиной, в рюкзаке, позвякивали деньги, казна

бирманской армии, которую надо было обязательно донести до Рангуна и сдать старику.

Игорь так переволновался во сне, что проснулся раньше обычного. Еще только рассветало, небо за окном было синим. Игорь пробежал босиком к окну, чтобы посмотреть, стоит ли на месте машина мистера Роджерса. Вдруг он уехал? Машина стояла под деревом, и дом Роджерсов был тих. Все еще спали.

Игорь сел на кровать, закутавшись в одеяло, и стал думать. Голова была светлой и легкой. Значит, Иван Исаев выполнял поручение генерала Бандулы и вез казну бирманской армии. Потом Роджерс с английскими солдатами догнал его, всех бирманцев убили, а Ивана взяли в плен. Казну не нашли. Куда она делась? Может быть, Иван успел ее спрятать? Если успел, то где-нибудь неподалеку от места боя с англичанами. А где был бой? У пагоды Трех Духов. А где пагода Трех Духов? Этого Игорь не знал. Так он сидел, думал-думал и нечаянно снова заснул, и разбудил его уже отец, который вошел к нему в комнату и ужасно удивился, увидев, что Игорь спит, сидя на кровати и закутавшись в одеяло, как старая индианка.

— С бирманским праздником тебя, — сказал папа. — Ты уже готов к походу? Почти встал?

— Да, — сказал Игорь и совсем проснулся.

— Сегодня у нас важное дело. Помнишь?

— Какое? — удивился Игорь.

— Мы едем в музей. С Глущенкой.

— Зачем?

— Передавать меч. Я вчера говорил с послом, и он связался с директором музея. Бирманцы нас будут ждать в одиннадцать утра. Они так обрадовались, что решили прийти в музей в праздник.

— А нельзя, чтобы меч еще на несколько дней остался у нас? — спросил Игорь.

— Что с тобой, сын? Мы же договорились.

— Знаю, знаю.

Игорь сам не понимал, зачем ему нужен меч, но вдруг на нем еще есть какие-нибудь сведения или надписи?

— Тогда собирайся понемножку. Позавтракаем, и Евгений за нами заедет.

Глущенко приехал без четверти одиннадцать, отутюженный и свежий. Он подкинул раза два к потолку Наташку Шурыкину и спросил:

— Ничего нового?

— Ничего нового, — ответил Игорь. «Если бы ты знал, — добавил Игорь про себя, — то не возился бы с маленьким ребенком. Жалко, я дал слово молчать. Вот послушался этого Джонни!» Но предать его он не мог.

— Тебе не жалко отдавать меч в музей? — спросил Глущенко.

— А что же жалеть?

— Все-таки память о деде.

— Женя, не дразните ребенка, — вмешалась мама, — а то мне станет жалко.

— Все, слушаюсь. А я уже пол-очерка написал. Вот пришлют из Ленинграда ответ, и тогда читайте в журнале «Огонек»...

Игорь незаметно вздохнул, потому что только в этот момент понял, что никакой научной статьи вместе с мистером Роджерсом он уже не напишет. А жалко. Так здорово, если бы в журнале было напечатано: «Авторы Игорь Исаев и Роберт Роджерс».

В музее их уже ждали. Когда «Москвич» Глущенки затормозил у входа в большое здание с куполом, рядом с которым стояли старинные пушки, из дверей вышел толстый-претолстый бирманец в очках. Юбка у него не сходилась на животе, и он не мог завязать ее, как положено, узлом и поэтому подхватил самым обычным ремнем.

— Здравствуйте, — сказал он. — Вы из советского посольства? Заходите, пожалуйста. Сейчас должен приехать представитель министерства культуры. Сегодня праздник, и он несколько задержался. Надеюсь, вы не в претензии.

— Что вы, не беспокойтесь! — так же вежливо ответил Глущенко.

— А можно, я пока посмотрю вокруг? — спросил Игорь.

Игорь решил остаться на улице, потому что он увидел очень интересную вещь. Недалеко от входа в музей, под навесом, стоял макет бирманского королевского дворца. Макет был настолько велик, что его можно было обходить целых десять минут, если, конечно, идти очень медленно. Самая высокая башня на макете была выше Игоря, а остальные дома и домики доставали до колен. Дворец был деревянный, и крыши в нем были многоярусные, каждая поменьше предыдущей.

— Я покажу юноше экспонаты, — сказал толстый бирманец, который был директором музея.

— Ну, уж тогда и все мы останемся, — сказал отец. Ему тоже было интересно посмотреть на дворец.

— Это дворец короля Миндона, одного из последних королей независимой Бирмы, — сказал директор музея. — Дворец стоял в городе Мандалае, столице тогдашней Бирмы, и был замечательным произведением искусства.

— А что с ним сейчас? — спросил Игорь.

— В тысяча восемьсот восемьдесят пятом году его захватили и

разграбили англичане. Но он простоял еще много лет и сгорел только во время Второй мировой войны от налетов английской и японской авиации. Когда Бирма стала независимой, мы сделали этот большой макет, чтобы люди видели, каким был дворец.

— Жалко, что сгорел, — сказал Игорь.

— Вот тут, в центральном зале, король Бирмы принимал послов и тут стоял трон. Я покажу вам его в музее.

Они прошли в музей. Музей был одним громадным залом. В нем стояли всякие экспонаты, а поверху шла галерея, в которой висели картины.

— Вот в этом зале можно увидеть всю историю Бирмы, — сказал директор музея. — Вам не скучно будет?

— Что вы! — ответил за всех отец. — Это нам в самом деле интересно. Мы живем в вашей стране и должны знать о ней как можно больше.

Директор подвел гостей к невысокому камню, похожему на столб от ворот. Камень был со всех четырех сторон покрыт письменами.

— Отсюда можно начать рассказ. Это так называемая надпись Мьязеди. Она сыграла большую роль в изучении истории нашей страны, потому что с ее помощью ученые расшифровали языки древней Бирмы. Первое бирманское государство было создано в тысяча сорок четвертом году. Столица его называлась Паган. Это был громадный город. До сегодняшнего дня в нем, хоть оттуда и ушли давно жители, сохранилось почти пять тысяч храмов и пагод.

— Пять тысяч! — сказал Игорь. — Наверно, ни в одном городе мира столько нет.

— Нет. Паган был одним из самых больших городов мира. И государство бирманцев было очень сильным и могучим. Если вам удастся когда-нибудь попасть в Паган, вы поймете, что это за чудо.

Директор перешел к другому экспонату — модели красивого белого храма.

— Вот это, — сказал он, — храм Ананда, один из крупнейших в Пагане. Паганское государство существовало двести пятьдесят лет и погибло от нашествия монголов. Кстати, вы слышали когда-нибудь такое имя: Марко Поло?

— Конечно, — сказал Игорь. — Это великий путешественник. Он прошел через всю Азию и долго жил в Китае, а потом вернулся в Венецию.

— Правильно. Так вот, в составе войск, которые завоевали Паганское государство, был Марко Поло, и в своей книге он описывает эту войну и Паган. Когда Паганское государство по-

гибло, в Бирме в течение многих лет не было больше такого сильного государства. Несколько раз она объединялась и снова распадалась на независимые княжества. Это помогало врагам Бирмы.

Директор остановился перед картиной, на которой был изображен небольшой город с пагодами, стоящий на берегу моря или широкой реки. На воде виднелись парусные корабли.

— В начале прошлого века в Бирму зачастили англичане. Они в это время завоевывали Индию и заодно хотели покорить и Бирму. Ведь Бирма очень богатая страна, в ней много риса, драгоценных камней, ценного дерева и всяких металлов. Наконец, в тысяча восемьсот двадцать четвертом году английская армия высадилась у теперешнего города Рангуна, неподалеку от того места, где мы с вами сейчас стоим, захватила штурмом пагоду Шведагон и начала наступление в глубь страны. И если бы не способности и энергия генерала...

— ...Бандулы, — вставил Игорь.

— Генерала Бандулы, правильно, то английские войска могли бы дойти до самой бирманской столицы.

— А генерал погиб, — сказал Игорь. — Но перед смертью подарил Ивану Исаеву свой меч. Вместо ордена.

— Мы были бы весьма рады, если бы это оказалось именно так. Ведь меч генерала Бандулы так и не найден.

— Но это точно меч генерала Бандулы, — сказал Игорь. Он взял меч из рук отца. — На нем есть надпись по-бирмански, которая говорит, что это меч генерала Бандулы.

Игорь положил обертку и ножны на столик и, вытащив меч, протянул его директору музея.

И в этот момент он поднял голову и встретился глазами с Евгением. И сразу все вспомнил. Ведь он знает, что еще позавчера на мече не было никакой надписи. Если бы она была, ее бы увидели и Глущенко, и старик.

Но никто, кроме Евгения, не заметил замешательства Игоря. Директор так и впился глазами в меч и бормотал себе под нос бирманские слова, а отец заглядывал ему через плечо, хотя и не умел читать по-бирмански.

— Так, — тихо сказал Евгений.

Игорь готов был провалиться сквозь землю. Он тут же дал себе самое честное пионерское слово, что, как только будет можно, он расскажет Евгению все до единого слова.

Дверь в зал музея открылась, и вошел бирманец в военной форме. Он быстро направился к группе людей, склонившихся над мечом. Он был маленький, крепко сбитый, темный и под-

вижный. Он громко смеялся на ходу и, когда все подняли головы, сказал:

— Здравствуйте. Здравствуйте. Ну какие же вы дипломаты! Ведь такие дары следует производить в торжественной обстановке и в присутствии большого начальника. Большой начальник — это я. И без меня церемония дара недействительна.

Он говорил громко, и сначала Игорю даже показалось, что он в самом деле недоволен тем, что меч развернули без него. Но глаза у военного смеялись.

— Майор Львин, из министерства культуры, по совместительству директор Института военной истории, — сказал директор музея. И добавил, представив Исаевых и Глущенко: — Мы еще не приступили к церемонии, мы просто с помощью нашего юного друга выяснили, что этот меч и в самом деле принадлежал генералу Маха Бандуле.

— Не может быть! — воскликнул майор Львин. — А ну, покажите мне, и я его конфискую. Я буду им рубить врагов нашей страны, как рубил генерал Бандула. И этот молодой человек станет моим адъютантом. Желаете?

Игорь тоже засмеялся и сказал:

— Желаю.

— Тогда следуйте за мной.

Майор довольно бесцеремонно схватил меч в одну руку, ножны — в другую и побежал по крутой лестнице на галерею. Игорь еле за ним поспевал, а толстый директор и вовсе отстал. Львин добежал до большой картины, на которой был изображен человек на коне, с мечом в руках, и стал рядом с ней. Игорь уже знал — на этой картине нарисован генерал Бандула.

— Тот меч? — спросил он, обращаясь ко всем сразу.

— Тот, — ответили и Игорь, и директор, и отец.

— Спасибо, — вдруг очень серьезно сказал бирманский майор. — И за меч спасибо, и за вашего дедушку или прадедушку. Я уже все знаю. Большое спасибо. Амьязи чезутембаре.

Игорь знал, что последние слова значат «большое спасибо» по-бирмански, и поэтому ответил тоже по-бирмански: «Пожалуйста, не стоит благодарности».

Майор потрепал Игоря по голове и сказал:

— А теперь можно перейти к официальной части. Вы нас пригласите в свой кабинет? — Это относилось к директору.

— Разумеется, — сказал директор.

В кабинете директора майор сказал гостям:

— Мне хотелось бы, чтобы вы поняли, что сегодняшний праздник для меня праздник вдвойне. Мы давно думали, что меч Бандулы безвозвратно утерян. И я немного волнуюсь. — Майор

улыбнулся так, что Игорю показалось, что у него не два ряда зубов во рту, а по крайней мере четыре.

Дверь открылась, вошли советский атташе, два бирманских репортера и солдат с подносом, на котором стояли бокалы и бутылки.

Все рассматривали меч, потом отец официально, как владелец меча, передал его бирманскому правительству, а майор сказал небольшую речь, в которой благодарил отца за дар и за деятельность Ивана Исаева; потом наш атташе, очень похожий на директора музея, тоже сказал несколько слов о том, как давно зародилась дружба бирманского и советского народов. Потом один из репортеров попросил рассказать, как меч был найден, и Игорю пришлось рассказать всю историю, с начала до конца. И про Исаева, и про письмо бабушке. Он все время только боялся, чтобы не сказать лишнего, не сказать чего-нибудь о казне, о путешествии Исаева и последнем бое с англичанами.

— Вы напишите об этом рассказ, — сказал Львин Евгению. — На то вы и журналист.

— Обязательно напишу, — ответил Глущенко.

Пили виски с содовой и другие напитки, а Игорю дали лимонада, хотя майор хотел налить и ему немного виски. Но Игорь сказал: «Я не пью», все посмеялись немного, но больше предлагать не стали. «Все равно, — подумал Игорь, — напишу ребятам в Москву, что пил виски с одним бирманским майором. Уж очень хорошая деталь. Как в романе».

Все занялись разговорами, и, заметив, что директор музея сидит с мечом в руках в сторонке, Игорь подошел к нему и тихо спросил:

— А можно задать вам один вопрос?

— Конечно, конечно, — сказал директор.

— Скажите, пожалуйста, известно ли вам что-нибудь о казне генерала Бандулы?

Вы бы посмотрели, как удивился директор музея! Он даже рот открыл от изумления.

— Удивительно! — сказал он наконец, и так громко, что все остальные в комнате обернулись. — Меньше всего на свете я ожидал услышать именно этот вопрос. И больше того, как раз об этом я думал в эту минуту. Молодой человек, может быть, вы умеете читать мысли?

— Какую уважаемую мысль он прочел, Сая? — спросил Львин.

Игорь знал, что «сая» значит «учитель». Это такое обращение в Бирме. Там к имени молодого человека добавляют «Маун», к

имени друга — «Ко», к имени взрослого — «У», а к имени ученого, уважаемого человека — «Сая».

— Он спросил меня о судьбе казны Бандулы. А я о ней как раз и думал.

— Так расскажите нам всем. Я никогда раньше не слышал об этом.

— С удовольствием. Дело в том, что судьба казны так же загадочна, как судьба меча. Но меч нашелся, а о казне ничего не известно. Когда бирманские войска отступили из Рангуна, они успели вывезти некоторые драгоценности, хранившиеся в пагоде Шведагон. Кроме того, в армии Бандулы была своя армейская казна и часть военной добычи, захваченной его войсками в Аракане. В общем, большая сумма. Так вот, известно, что, когда после смерти Бандулы новый генерал принимал армию, он обнаружил, что ни казны, ни драгоценностей нет. Он обратился к казначею, и тот сказал, что ценности по личному приказу генерала отправлены на север, в столицу. Но в столице их не получали. Казначей знал только, что ценности отправлены с небольшим конвоем секретно, за два дня до смерти генерала. Вот и все. В столицу казна не поступала. И конвой как сквозь землю провалился. С тех пор о казне ни слуху ни духу. Было несколько человек, которые уверяли, что знают, где она спрятана, но на поверку оказывалось, что они лгали. Так загадка и осталась неразгаданной. Наверно, казной поживились разбойники. А почему вы спросили об этом, молодой человек? Вы что-нибудь слышали?

— Совершенно случайно, — сказал Игорь, густо покраснев.

— Да, это большая тайна, — сказал директор.

И только Глущенко не поверил Игорю. Игорь знал это, хоть и не смотрел в его сторону.

7

ЗАПИСКА

Когда, попрощавшись с майором и директором музея, Исаевы и Глущенко ехали домой, Евгений, который вел машину, обернулся к сидевшему рядом с ним Игорю и спросил очень простым, обыденным голосом:

— Ты мне расскажешь обо всем?

— О чем? — спросил Игорь.

— О том, о чем не рассказывал.

Игорь подумал немного и ответил:

— Обязательно, Евгений Александрович. Сейчас я не могу, но обязательно расскажу. Может быть, даже сегодня. Попозже.

— Ну ладно.

— О чем это вы там? — спросил отец.

— Так, свои дела, — сказал Евгений.

— Заезжайте к нам, сыграем в шахматы, — предложил отец.

— Нет, я к вам заеду попозже, — ответил Евгений.

А Игорь, выскочив из машины, сразу подошел к забору Роджерсов. Здесь ли машина? Машины не было.

— Джонни! — крикнул он. — Джонни, ты дома?

Дом молчал. Казалось, все из него уехали. Игорь обернулся, чтобы остановить Евгения, но машина его уже выезжала за ворота.

— Джонни! — совсем уже отчаянно крикнул Игорь.

Скрипнула дверь, и на веранду дома вышла миссис Роджерс. Она была в том же старом платье и в руках держала широкий кухонный нож.

— Здравствуйте, мистер Исаев, — сказала она. — Джонни нет дома. Он уехал с мистером Роджерсом на три дня в деревню к родственникам.

— Спасибо, — сказал Игорь. Сердце его упало вниз и заколотилось о самое последнее ребро.

Он повернулся и побрел к дому. Ну что будешь делать? Евгений придет только вечером. Отец просто не поверит, отца он хорошо знал — отец очень трезвый человек. А если и поверит, то скажет, что надо поехать в посольство и пусть там предпринимают те шаги, которые сочтут нужными. Это не годилось.

Игорь дошел до дома, вошел в холл. Наташка Шурыкина кормила попугаев. Она сыпала им зерна сквозь прутья клетки, и они толкались головами, как голуби, жадно поедая корм.

Наташа увидела Игоря и сказала:

— А что у меня для тебя есть!..

— Ну, что еще? — Игорь даже не стал останавливаться, чтобы не терять времени. Он решил посоветоваться с Володей Зеленкой.

— Отгадай, — сказала Наташа и даже подпрыгнула на месте, так ей самой было интересно.

— Некогда, — сказал Игорь. — Ты лучше скажи, Володя Зеленко дома?

— Нет его, уехал купаться в бассейн. И папа с ним уехал. А что у меня для тебя есть!..

И тут Игорь увидел, что в руке у Наташи, спрятанной за спину, виднеется клочок бумаги.

— Ну-ка, — сказал Игорь строго, — дай сейчас же, а то не буду с тобой водиться.

— Так неинтересно, — сказала Наташа. — Ты попляши. У нас всегда, когда письма приходят, надо плясать.

— Дай! — сказал Игорь таким строгим голосом, что у Наташи скривились от обиды губы и она чуть было не заревела, но вынула все-таки руку из-за спины и протянула ему клочок бумаги.

— Это Джонни тебе передал и никому не велел показывать. Только тебе. Ты кричишь, я с тобой сама водиться не буду.

— Я тебе конфету дам, — сказал Игорь и развернул листок.

«Папа что-то заподозрил. Он везет меня в деревню, под Пром. А потом поедет за сокровищем. Я знаю. Утром снова приезжал отец Франциск, привез деньги, они шептались. Отец говорил все время о деревне Тауншве и о пагоде Трех Духов. Из Прома он завтра или послезавтра поедет туда. Он очень сердитый. Он спрашивал, не брал ли я дневник. Я сказал, что не знаю никакого дневника. Прощай. Если он узнает, он меня убьет. Твой верный друг Джонни. Делай что хочешь».

— Где конфетка? — спросила Наташка.

— Сейчас дам, — сказал Игорь. — Пойдем наверх, она у меня там.

Игорь поднимался по лестнице и все думал, что же делать.

В этот момент на дворе загудела машина. Кто-то приехал.

Глава пятая,

в которой рассказывается о том, как наши герои покинули Рангун и отправились спасать казну генерала Бандулы

1

В ГОСТЯХ У БРИГИТТЫ

«Может быть, Глушенко вернулся», — решил Игорь. Но это был Данчев.

— Здравствуйте, Игорь, — сказал он. — Я приехал за вами.

— За мной? — удивился Игорь. У него в суматохе вылетело из головы приглашение Бригитты на праздник.

— Ну вот, какой же вы кавалер? — засмеялся Данчев.

— Да, конечно, простите, — сказал Игорь. — Я только маме скажу... Мама! — крикнул он, вбегая в комнату. — За мной приехал Бригиттин отец, чтобы я ехал в болгарское посольство.

— Куда же в таком виде? — удивилась мама. — Хоть причешись. И очень не задерживайся. Мы с папой будем в посольстве на приеме. Если вернешься раньше нас, ложись спать сам.

— Хорошо, — сказал Игорь. — Мама, ты дашь Наташке конфетку?

— Ладно. А почему?

— Я ей должен.

— Он мне должен, я ему письмо принесла, — сказала Наташка, которая успела забраться в комнату.

— Какие же письма она тебе носит?

— Да так, пустяки!

— Никакие не пустяки, — сказала Наташка. — Он даже чуть меня не побил, когда я не давала.

— Ну и ну! — сказала мама. — Потом выясним, а сейчас поезжай, а то неудобно, взрослый человек тебя ждет.

До Бригиттиного дома было два шага. Можно пешком дойти, но мама не разрешала гулять по Университетской, потому что по ней ездят автобусы.

На Бригитте было нейлоновое воздушное платье, и она была похожа на сказочную фею. Никогда еще Игорь не видел ее такой нарядной — всегда была девчонка как девчонка, а тут прямо важная дама.

— Здравствуйте, — сказала она. — Я очень рада, что вы к нам приехали.

— Здравствуйте, — сказал Игорь. Он в первый раз был на приеме и не знал, так ли он себя ведет.

— Разрешите вас пригласить в мою комнату, — сказала Бригитта.

Игорь пошел за ней. В комнате стоял низкий столик с лимонадом, бутербродами и манговым соком. Взрослых никого не было, и только за столиком сидел незнакомый Игорю бирманский мальчик.

— Это мой друг, — сказала Бригитта. — Маун Ко Ко, познакомься с Игорем. А теперь я расстегну верхнюю пуговицу, а то мне жарко. — И Бригитта расстегнула круглую пуговицу на платье. Потом сказала: — Давайте есть бутерброды и пить, а то мама скоро позовет нас обедать.

Но Игорю совсем не хотелось есть.

— Ты что скучный? — спросила Бригитта. — Что-нибудь случилось? Может, меч потерялся?

— Ты почти угадала, — сказал Игорь. — Потерялся и нашелся.

— Расскажи нам. Это очень интересно.

— Да ничего такого, — ответил Игорь. Он не хотел говорить при незнакомом Маун Ко Ко.

Бригитта поняла и сказала:

— Ты мне веришь?

— Верю, — сказал Игорь.

— Я твой друг?

— Да, — сказал Игорь, немного подумав.

— Я тебе даю самое честное слово за Ко Ко. При нем можно говорить все, что хочешь.

Игорю очень хотелось все рассказать. В нем уже накопилось столько всяких секретов, что держать их в себе не было никаких сил. И он решил поверить Бригитте. Все равно Джонни разрешил ему открыть тайну меча.

Игорь вынул из кармана записку Джонни и дал прочитать Бригитте.

Ко Ко сделал вид, что все это его совершенно не касается, и даже не смотрел в их сторону. «Очень гордый парень», — решил Игорь.

— Ничего не понимаю, — сказала Бригитта. — Какая пагода Трех Духов? На, Ко Ко, читай.

Бирманский мальчик взял записку и прочел ее. Игорь следил за ним, но на лице его ничего не отразилось. Ко Ко отдал записку обратно Игорю и вдруг сказал:

— Деревень Тауншве в Бирме много.

И снова замолчал.

Игорь взглянул на Бригитту: может, она объяснит, что за странный человек этот Ко Ко?

Но Бригитта как будто не поняла ничего и сказала:

— Игорь-че, миленький, расскажи все по порядку. Ко Ко ведь не знает.

И тогда Игорь во второй раз за день рассказал все, только куда больше, чем в музее, и рассказывал он довольно долго, потому что все время вспоминал новые подробности, и поэтому не успел даже кончить рассказ, как пришла Бригиттина мама и позвала всех обедать. Пришлось идти. Игорь ел тушеный перец и барашка на скаре — это что-то вроде сковородки, потому что барашек был жареный, — и все время Игорь вспоминал всякие вещи, которые недорассказал, но рассказать сейчас не мог, потому что мама все время суетилась около стола и подкладывала ребятам еды, как будто боялась, что они умрут с голоду.

Бригитта все смотрела на Игоря и тоже явно была переполнена всякими мыслями, словами и вопросами. Только Ко Ко ел спокойно и почти не глядел по сторонам. Когда Бригиттина мама вышла на минутку в другую комнату, он сказал:

— У тебя есть карта?

— Какая карта? — спросила Бригитта.

— Географическая карта Бирмы, большая.

— Мама, — обратилась Бригитта к матери, когда она возвратилась, — мы уже наелись, и можно, мы пройдем в папин кабинет и посмотрим его карту?

Бригитта сказала это по-болгарски, но Игорь все равно почти все понял, потому что болгарский язык немножко похож на русский.

— Вы еще чаю не пили, — сказала мама.

Но Бригитта ответила очень решительно, что они попьют чаю потом, и ее мама не стала спорить и проводила их в кабинет Данчева, где над письменным столом висела большая карта Бирмы.

Бирма на карте была похожа на ската с длинным хвостом, и тело ската было полосатым, потому что по зеленому цвету шли коричневые полосы — горы.

Бригиттина мама ушла из комнаты, а Ко Ко взобрался на стол и стал водить пальцем по карте.

— Вот Рангун, — сказал он.

И все посмотрели на черную точку у самого моря. От нее шли наверх и в стороны дороги.

— Вот Пром, — сказал Ко Ко.

Пром — это была другая черная точка, поменьше, чем та, что изображала Рангун, и стояла эта точка на длинной голубой извилистой полоске, на реке Иравади.

— И между ними есть дорога, — сказал Ко Ко.

— И автомобильная, и железная, — сказал Игорь, который тоже умел разбираться в географических картах.

— Вот тут автомобильная дорога выходит к реке, — сказал Ко Ко таким голосом, будто даже и не слышал слов Игоря. — Значит, где-то здесь и есть деревня Тауншве.

— А может, дорога за сто лет изменилась?

— Нет, это старая дорога, я ездил в Пром, — сказал Ко Ко, и Игорь понял, что он говорит правду. — Вдоль нее растут очень старые деревья, им, может, по двести лет, еще при короле их посадили.

— Но на карте деревни нет, — сказала Бригитта.

— Маленькие деревни на ней не обозначены.

— А если бы и была обозначена? — спросил Игорь. — Нам-то что? Надо рассказать обо всем взрослым. Может быть, Евгению. Он обещал вечером приехать.

— Зачем? — спросил Ко Ко.

— Как так — зачем? Чтобы они поехали и перехватили мистера Роджерса и узнали у него, где клад.

— А Роджерс глупый, да? — спросил Ко Ко.

— Почему?

— Он так и скажет, где клад?

— Ну, если выложить все, что мы о нем знаем...

— Он скажет, что вез сына к родственнице в Пром.

— Правильно, он соврет что-нибудь. Значит, надо сделать так, чтобы его выследили.

— А кто его выследит?

— Ну, хотя бы Глущенко. Поедет за ним незаметно и выследит.

— Не будь глупым, — сказала Бригитта. — Он же иностранный дипломат, и он должен получить разрешение Министерства иностранных дел, чтобы ездить по Бирме кого-нибудь выслеживать. И вообще, что он, шпион, что ли?

Бригитта, конечно, была права. Она дольше жила в Бирме и знала порядки куда лучше, чем Игорь. Конечно, Глушенко не может ездить и выслеживать Роджерса.

Но Игорь не сдавался:

— Значит, надо, чтобы Евгений позвонил директору музея или майору Львину, а они сообщат полиции, чтобы она следила.

— Кто тебе поверит? — спросил серьезно Ко Ко. — Ты же мальчик, и еще небольшой.

— Мне они поверят, — обиделся Игорь. — Я же им меч достал и беседовал сегодня с ними о казне Бандулы.

— Пока они поверят, Роджерс уже клад выкопает и в другое место спрячет. Он, может быть, даже Джонни обманул и не в Пром поехал, а прямо к пагоде Трех Духов. И уже завтра там будет.

— Так что же делать?

— Я знаю что, — сказал Ко Ко.

— Что?

— Ехать к пагоде Трех Духов. И там устроить засаду.

— Кому ехать, нам? — спросила Бригитта.

— Конечно, нам.

— Нам нельзя, — сказал Игорь.

— Почему?

— Мы не бирманцы. И нас не пустят родители.

— Нас не пустят, — сказала ему в тон Бригитта. — А жалко.

— Трусы, — сказал Ко Ко и отвернулся к карте.

Игорь посмотрел на Бригитту. Она передвигала по столу деревянную фигурку бирманского сказочного льва — чинте — и, казалось, была полностью поглощена этим занятием.

— Мы не трусы, — сказал Игорь. — Мы все понимаем.

— Казна генерала Бандулы не должна попасть к Роджерсу, — сказал Ко Ко. — И, если вы боитесь, я поеду один.

— На чем ты поедешь?

— Найду, не беспокойтесь.

— Но ты же не знаешь Роджерса.

— Узнаю.

— Если он тебя увидит, то может убить.

— Я пошел, — сказал Ко Ко. — Мне надо подготовиться.

И не успели его остановить, как он выскочил из комнаты, протопал по коридору и исчез.

Игорь с Бригиттой стояли посреди кабинета в полной растерянности. Кому охота показаться трусом, да еще отказаться от самого настоящего приключения!

— Он далеко живет? — спросил наконец Игорь.

— Нет, за углом, в переулке.

— Он вернется?

— Не знаю, — сказала Бригитта. — Вообще-то он хороший парень.

2

КО КО ПОЕДЕТ НЕ ОДИН

В комнату заглянула Бригиттина мама и спросила что-то по-болгарски, что — Игорь не понял.

Бригитта сказала ему:

— Она спрашивает, мы не поссорились? А то Ко Ко так быстро ушел. И еще спрашивает, не хотим ли мы чаю.

— Нет, спасибо, — сказал Игорь.

А Бригитта быстро затараторила по-болгарски, и мама в конце концов ушла.

— Я ей сказала, что Ко Ко ушел за одной игрой и скоро вернется, а тогда мы и будем пить чай. Правильно?

— Правильно, — сказал Игорь.

Он представил себе, как мистер Роджерс копает холм у пагоды, а рядом лежит связанный Джонни, который ничего не может сделать. А может, даже Джонни уже убит. А может быть, Джонни, наоборот, все рассказал отцу и помогает ему копать. Ведь Джонни так много говорит о деньгах.

— Он доедет до границы и скроется, — сказал Игорь про мистера Роджерса. — И ищи-свищи...

— Ты во всем виноват, — ответила ему Бригитта.

— Почему я?

— Потому что дал меч Роджерсу, а он нашел в нем записку.

— Но я же думал, что мы будем писать статью!

— Захотел прославиться. А потом побоялся правду сказать Евгению. Твой дедушка старался-старался, записал, где клад искать, думал помочь бирманцам, а ты сделал им хуже.

— Но я же не нарочно!

— Еще бы нарочно! — сказала Бригитта. — Лучше уж ты оставайся, а я поеду вместе с Ко Ко.

— Как же! А твои родители с ума сойдут.

— Не сойдут. Я им записку оставлю. Иногда можно пожертвовать родителями. Если важная цель.

— Ничего себе! Услышала бы твоя мама.

— И услышит.

— Ты лучше скажи, кто этот Ко Ко.

— Он с братом живет недалеко отсюда, в маленьком доме, в переулке. У него брат шофер такси. А Ко Ко возит на тележке по домам содовую воду. И зарабатывает, потому что они с братом бедные. Он к нам приходил, а потом как-то раз бабочку мне поймал красивую, я бабочек собираю. И мы с ним подружились. Он обычно неразговорчивый, но ужасно добрый и смелый. Он змей умеет из рогатки убивать.

— А сколько ему лет? — спросил Игорь. Ему не очень нравилось, что Бригитта так расхваливает этого Ко Ко. И умный, и смелый...

— Ему уже скоро четырнадцать, он невысокий, но сильный. И все умеет делать. Даже нам как-то пробки починил. У нас пробки перегорели, а папа не знал, где пробки, и повар не знал, а Ко Ко был здесь случайно и починил.

— Если бы мне было четырнадцать, я бы тоже не рассуждал.

— А какая разница? — спросила ехидно Бригитта. — Ты думаешь, Игорь-че, что через два года поумнеешь?

Тут в коридоре послышались шаги, и вернулся Ко Ко.

— У тебя есть деньги, Бригитта? — спросил он. — Я потом верну. А то у брата сегодня маленькая выручка и осталось только пять джа. А мне надо будет по дороге тратиться. — Он даже не смотрел на Игоря, так его презирал.

Вдруг Игорь неожиданно даже для себя самого сказал:

— Я еду с тобой.

— Зачем? Ты же боишься. Ты же дипломат.

— Нет. Я не боюсь, я только беспокоился, что мы можем напутать и мама будет волноваться. А вообще я не дипломат, и ничего не случится. Я могу пригодиться. Я знаю, какой из себя Роджерс и Джонни. И его машину знаю.

— Я тоже поеду! — пискнула Бригитта.

— Ты останешься, — сказал Ко Ко.

— Нет, поеду. И деньги возьму. Подождите минутку.

Бригитта ушла и тут же вернулась, неся копилку, сделанную в виде красной собаки.

— Только ее надо разбить.

— Потом разобьем, — сказал Ко Ко. — Так ты едешь?

— Еду.

Игоря охватило странное чувство, как когда стоишь в воротах и к тебе бежит чужой нападающий и вот-вот ударит, и надо обязательно взять мяч, потому что счет ноль — ноль, а до конца игры осталась одна минута и от этого мяча все зависит. И уже не думаешь, больно или не больно будет, когда бросишься ему под ноги.

— Бригитта, надо взять еды, — сказал он.

— Я сейчас все сделаю. А ты напиши записку своей маме и Евгению.

— Знаю.

Бригитта ушла, а Игорь сел за стол и написал ручкой Данчева на большом листе:

«Дорогая мамочка, не волнуйся, пожалуйста. Ничего со мной не случилось. Я завтра вернусь домой и тебе с утра позвоню. Игорь».

Больше он ничего не написал.

Игорь даже подошел к окну, чтобы придумать что-нибудь. А то Ко Ко все смотрел на него, будто презирал.

За окном уже был вечер, еще не поздний, но оттого, что на всех деревьях вокруг горели лампочки, казалось, что ночь темнее, чем на самом деле.

Вернулась Бригитта с большим свертком. Она положила его на стул и задвинула стул под стол так, чтобы сверток не был виден.

— У нас есть оружие? — спросил Игорь у Ко Ко.

— Есть, — коротко сказал Ко Ко.

И Игорь проглотил слюну. Вот оно, самое настоящее приключение!

Бригитта приложила палец к губам: за дверью послышались шаги ее мамы.

Бригитта о чем-то просила ее, и мама сначала не соглашалась, а потом повернулась к Ко Ко и сказала по-английски:

— Но ведь это отлично может сделать мой муж. Зачем вашему брату беспокоиться?

Бригитта подмигнула Ко Ко, и тот ответил:

— Ничего, это не трудно.

— Ну ладно, Маун Ко Ко, — сказала мама, — только на вашу ответственность, и чтоб к десяти часам быть дома. — Она улыбнулась и ушла.

— Я сказала ей, что твой брат нас хочет покатать по городу и показать иллюминацию.

— Я понял, — сказал Ко Ко. — К десяти часам мы будем далеко. Правильно.

— Письмо готово? — спросила Бригитта у Игоря.

— Только маме, но я не знаю, что писать.

— Чтобы не волновалась. Я своей то же самое напишу. А ты еще Евгению хотел написать.

— Сейчас, — сказал Игорь.

И он написал:

«Евгений Александрович!

Извините, что я вам не говорил всю правду, но я дал слово. Роджерс поехал за казной Бандулы. Мы с моими друзьями должны его выследить. Казна находится у пагоды Трех Духов, возле деревни Тауншве. Больше я пока ничего не знаю. Если сможете, приезжайте туда. Пусть мама не беспокоится».

— Письмо Евгению мы запечатаем и конверт надпишем, — сказала Бригитта, — а мамам запечатывать не будем.

Ко Ко тем временем уже взял под мышку сверток и копилку.

— Иди за нами, — сказал он Бригитте.

— Ладно. А моя мама твоей маме позвонит, она обещала. Она меня любит и почти всегда слушается.

— Ну, идем? — спросил Ко Ко.

Они вышли из дома. Только Бригитта отстала. Она что-то говорила своей маме и отвлекала ее, чтобы та не видела, как ребята выносят сверток и копилку.

Ребята вышли за ворота и подождали Бригитту.

Потом они завернули за угол. Там, в переулочке, стоял старенький джип с поднятым верхом.

— Твой брат поведет? — спросил Игорь.

— Нет, он дал мне машину. Я вожу не хуже его.

— Ты сам?

— Что такого? Я даже иногда за него работаю, если он заболеет.

Игорь посмотрел на Ко Ко с уважением. Не зря его так хвалила Бригитта.

— Залезайте, — сказал Ко Ко.

— Я взяла фонарик, — сказала Бригитта.

— Молодец!

Ко Ко завел машину, мотор затарахтел, потом загудел ровнее.

Бригитта села впереди, вместе с Ко Ко, Игорь поудобнее устроился на заднем сиденье. Он немножко боялся, а вдруг Ко Ко попадет в аварию, но показывать этого не собирался.

Машина резко рванула с места и выпрыгнула на Университетскую улицу. Ко Ко зажег фары.

— Надо будет купить побольше бензину, — сказал он, — разбей копилку.

Игорь осторожно стукнул копилкой об пол.

— Сильнее, — приказал Ко Ко, и тут Игорь понял, что начальник у них Ко Ко, хоть Ко Ко еще два часа назад ничего не знал о мече и тайне генерала Бандулы.

Мимо пролетели ворота Игорева дома. Мама с папой в посольстве, подумал он, и вернутся только ночью, поэтому пока они волноваться не будут.

Игорь сильно стукнул копилкой об пол, и голова собаки откололась. Монеты и бумажки рассыпались по полу джипа, перемешавшись с осколками копилки.

— Соберешь так или остановить машину? — спросил Ко Ко.

— Соберу, — сказал Игорь.

— Ты мне понравился, — сказал Ко Ко. — Я так и думал, что вы поедете, а то бы не вернулся.

И Игорю стало приятно. Оказывается, Ко Ко не считал его трусом.

3

КОГДА НАСТУПИЛА НОЧЬ

Машина долго ехала через праздничный город. Ко Ко выбирал тихие переулки, потому что не хотел попасться на глаза полицейским. Ведь у него не было прав, он еще был несовершеннолетний.

Из садов по сторонам улиц доносились веселые голоса, а перед бедными домиками, выходившими к самой дороге, стояли горящие плошки. Ребятишки бегали по улицам, зажигали шутихи и кидали хлопушки в машину. У большого костра танцевали девушки, а на деревянном помосте шло представление бирманского театра. Какой-то человек, одетый в старинный костюм, плясал, изгибаясь и вскидывая руки, вместе с напудренной девушкой в таком длинном белом платье, что юбка волочилась по полу. Перед сценой сидели музыканты, стучали на барабанах и трещали трещотками. Вдоль заборов и по площадям гуляли празднично одетые люди. Девушки вплели в волосы гирлянды мелких душистых цветов, а мужчины надели самые нарядные, переливающиеся шелковые лоунджи.

Над домами летали ракеты и плыли воздушные шары. К некоторым воздушным шарам были прикреплены свечи и бенгальские огни, и казалось, что в небе во много раз больше звезд, чем обычно. «Интересно, летит ли сейчас и наш воздушный шар?» — подумал Игорь и стал искать самый красивый.

— Ну, сколько у нас денег? — спросил Ко Ко.

— Не знаю, темно. Не меньше десяти джа, потому что одних бумажек восемь штук и еще много мелочи.

— Хорошо, — сказал Ко Ко, — на бензин хватит. А нам еще завтра надо будет купить поесть.

— Едем за сокровищами, — захихикала Бригитта, — а у самих денег нет!

— Ничего, — сказал Игорь. — Зато есть машина.

— А она может сломаться, — сказала Бригитта.

— Так нельзя говорить, — сказал Ко Ко, — она в самом деле может сломаться, если услышат злые духи.

— Злых духов нет, — сказала Бригитта.

— Ты не знаешь, — ответил Ко Ко. — Вот, видишь? — И он показал на красно-белую тряпочку, привязанную у ветрового стекла. — Это от злых духов.

— Большой, а необразованный, — сказала Бригитта.

— Я учился в школе, — обиделся Ко Ко, — и умею считать, писать и говорить по-английски.

— Чего ты к нему пристала? — спросил Игорь. — Каждый делает что хочет. Джонни, например, верит в христианского бога и даже молится.

Бригитта замолчала, но потом снова начала болтать.

Огни стали встречаться реже и реже. Город кончался. Иногда подолгу не было ни одного огонька.

— Монастыри, — сказал Ко Ко, — монахи легли спать.

Среди темных деревьев светилась одинокая лампочка, и под ней сидел молодой бритый монах в оранжевой тоге и читал книжку.

Впереди снова загорелось много огней. Они тянулись цепочкой, в одном месте скопившись в созвездие.

— Что это? — спросил Игорь.

— Аэропорт Мингаладон, — ответил Ко Ко.

— Я сюда прилетел, — сказал Игорь.

— И я тоже, — сказала Бригитта.

— А я никогда не летал на самолете, — сказал Ко Ко.

Вот, оказывается, в чем Игорь мог дать ему сто очков вперед.

— А мы летели сюда целый день. И еще я летал на юг с бабушкой.

— Я вырасту и тоже полечу. Только на свои деньги, а не так, чтобы меня возили родители, — сказал Ко Ко. — Сейчас будет бензоколонка. Я тут остановлю машину, и вы вылезете. Не надо, чтобы вас увидели в машине. А то могут позвонить в полицию, и нас поймают.

Игорь и Бригитта вылезли и стали под большое темное дерево. Было уже совсем темно и немного страшновато. Бригитта

взяла Игоря за руку. Невидимый, прожужжал большой жук, сделал круг над Игорем с Бригиттой, потом улетел по своим делам. Красные задние огоньки джипа, прыгавшие по дороге, замерли у освещенного окошка бензоколонки. Из машины выскочила темная фигурка Ко Ко и вошла в домик.

Через три минуты красные огоньки снова запрыгали. Ко Ко вел джип задним ходом. Игорь и Бригитта забрались в машину, и она показалась им уютной, привычной и давно знакомой.

Еще через полчаса кончились и пригороды Рангуна. Последняя одинокая ракета взлетела над маленьким домиком у дороги, и вокруг воцарилась полная темнота. Только фары джипа высвечивали извилистую полосу асфальта да иногда загорались, ослепляя, огни встречной машины, и тогда Ко Ко выключал свои фары, и встречная машина тоже начинала подмигивать, чтобы не ослепнуть и не потерять из виду дороги. Если же машина фар не гасила, то Ко Ко говорил: «Большой грузовик, тяжелый». К дороге близко подходил лес. Странный лес, похожий на осиновый. Когда свет фар, попадая на деревья, освещал тонкие прямые стволы и вороха опавших листьев, казалось, что машина едет по подмосковному лесу.

— Это что? — спросил Игорь. — Джунгли?

— Нет, не джунгли, — сказал Ко Ко. — Это каучуковые плантации. Резиновые деревья.

— Они называются гевеи, — сказала Бригитта. — Мы сюда в прошлом году ездили. Сейчас не видно, а днем можно посмотреть — на каждом дереве прорезана в коре полоска и подвешена банка. И резиновый сок стекает в банку. А утром эти банки собирают и сок сливают в ведра. Когда он застынет — получается чистый каучук.

Но в темноте не видны были ни банки, ни чистый каучук, и Игорь пожалел, что они едут не днем, а то можно было бы остановиться и набрать немного каучука.

— Здесь тигры есть? — спросил Игорь.

— Какие тигры? — засмеялся Ко Ко. — Тигры около города не живут.

— Ну а кто здесь водится?

— Не знаю. Олени, наверно. И всякие птицы.

Потом лес прекратился, и слева потянулось большое озеро с изрезанными берегами. Кое-где по берегу стояли маленькие пагодки, такие белые, что даже в темноте их было видно.

— Отсюда воду берут для города, — сказал Ко Ко. — В этом озере нельзя купаться.

— Водохранилище, — сказала Бригитта.

— Ну, может, водохранилище, — согласился Ко Ко. Он, наверно, не знал такого слова.

Вдруг машина резко затормозила и остановилась у края поля, заросшего высокими растениями, немножко похожими на очень большую кукурузу. Ко Ко взял фонарик и вынул из-под сиденья нож.

— Подождите здесь, — сказал он, — я сахарного тростника нарежу.

— Это сахарный тростник? — удивился Игорь. — Он же очень большой.

Ко Ко срубил несколько стеблей, каждый куда выше его, и очистил их от листьев. Потом положил стебли в машину, отрезал по куску и передал Игорю с Бригиттой.

— Можно жевать, — сказал он. — Очень вкусно.

Толстые стебли и в самом деле были сладкими, их сок был как сахарный сироп.

Бригитта сосала-сосала тростник и потом стала дремать. Голова ее клонилась к Ко Ко.

— Не спи, — сказал Ко Ко.

— Укачивает в машине, — призналась Бригитта. — А так я не хочу спать.

— Если ты заснешь, я тоже могу заснуть. Я не люблю, когда рядом спят: мне самому хочется. Ты лучше мне что-нибудь рассказывай. Или пой песни.

— Я не умею петь, — сказала Бригитта.

— Ну, тогда я буду петь, — сказал Игорь. — Я хоть плохо пою, но могу петь довольно громко.

И он запел песню про барабанщика.

Так они и ехали. Игорь пел песни, Ко Ко смотрел на дорогу, а Бригитта громко хрустела сахарным тростником, чтобы не заснуть.

Проехали мимо странного сооружения — в поле стояли колонны, покрытые сверху каменной крышей, а вокруг, насколько было видно, по полю были расставлены рядами каменные кубики.

— Это что такое? — спросил Игорь.

— Английское кладбище, — сказал Ко Ко. — Тут англичане похоронены, которые на войне с японцами погибли. Не очень давно.

— Во Вторую мировую войну? — спросил Игорь.

— Меня тогда еще на свете не было, — сказал Ко Ко, — а отец был молодой. Англичане убежали, их японцы победили, и японцы у нас стояли два года или три. Они были плохие, и отец ушел в партизаны, в армию Аун Сана. А потом англичане вернулись и выгнали японцев. И наши воевали вместе с ними. А потом и

англичане ушли. У нас уже была своя армия, и мы не хотели никаких хозяев.

Джип притормозил у развилки дорог.

— Здесь нам налево. Если поедем направо, приедем в Пегу, а налево — в Пром, к Иравади.

— А я в Пегу была, — сказала Бригитта. — Там есть памятник Будде. Он лежит, и его ступня больше меня.

— Почему лежит? — удивился Игорь.

— Так вот, лежит, и все.

— Так надо, — сказал Ко Ко.

— Интересно, сколько времени?

— У меня есть часы, — сказала Бригитта. — Я будильник взяла. Он в свертке с едой.

Игорь развернул сверток и вынул будильник. Цифры на будильнике светились.

— Полдевятого, — сказал он.

Еда в свертке очень вкусно пахла, и Игорю захотелось есть. Видно, запах донесся и до Бригитты, и она сказала:

— Мы так чаю и не попили.

— Ужинать будем позже. Нельзя терять времени, — сказал Ко Ко.

— Ну, хоть по кусочку пирога.

— Ты как маленькая! — сказал Ко Ко. — Нам долго ехать, и у нас мало денег. — Потом он подумал и добавил: — Ну, только по одному кусочку.

Игорь разломил пирог на три части, и они поехали дальше.

Еще через полчаса показались тусклые огоньки деревни.

— Здесь остановимся на несколько минут, — сказал Ко Ко. — Я пойду в разведку, а вы сидите тихо.

— Зачем в разведку?

— Я спрошу, не останавливалась ли здесь машина с мальчиком и мужчиной. Если они здесь останавливались напиться или набрать воды, то тогда мне скажут.

Ко Ко долго не возвращался. Совсем рядом горел свет в деревенской хижине. Хижина стояла на высоких столбах, и передней стены в ней не было. Поэтому видно было, как живут ее хозяева. Они ужинали. Женщина наливала в чашки чай, а ребята пальцами брали рис из большого подноса и макали его в большую миску с приправами. В комнате не было стульев и столов. Только циновки на полу.

— Ты пока спи, Бригитта, — шепнул Игорь.

— Нет, мне немножко страшно спать. Я лучше не буду. А то еще засну, и потом Ко Ко будет сердиться.

— Я тебя разбужу.

В этот момент возле машины возникла темная фигура Ко Ко.

— Все в порядке, — сказал он, — можно ехать дальше.

— А что, узнал чего-нибудь?

— Я видел парня, который торгует водой. Он сказал, что днем проезжала машина. «Моррис», как ты говорил, серый. В нем мужчина и мальчик. У них что-то случилось с мотором, и они долго копались в нем. Может быть, часа два. Потом уехали дальше. Он их спросил, куда они едут, и они сказали, что в Пром. Значит, они впереди нас...

— И все?

— А что тебе еще надо?

— Нет, ничего. Мне показалось, что ты еще хочешь что-то сказать.

— Хочу. А ты как догадался? Но он мне сказал такую странную вещь, что я сначала не поверил.

— Ну, что?

— Он сказал, что сегодня про эту машину у него уже спрашивали.

— Кто?!

— Часа два назад один человек в «Лендровере» спрашивал, не видел ли парень машину «Моррис» с двумя пассажирами.

— Кто же это может быть? Евгений?

— Нет, человек, который спрашивал, был толстый и лысый.

— Отец Франциск! — догадался Игорь. — Он их догоняет, чтобы искать сокровище вместе!

— А может, хочет отнять сокровище? — сказала Бригитта.

— Давай поехали скорей, — заволновался Игорь. — Скорей!

— И без тебя знаю, — огрызнулся Ко Ко. — У меня что-то в моторе стучит. Ты посвети мне, я посмотрю.

Игорь держал фонарь и думал, что он обязательно должен научиться водить машину.

4

СБИЛИСЬ С ДОРОГИ

На будильнике было уже одиннадцать часов, когда машина остановилась на развилке. Бригитта спала на заднем сиденье — мальчики ее пожалели и не стали будить. Игорь уже устал рассказывать Ко Ко про Москву и про то, как учатся в московской школе, и про их футбольную команду, и про город Устюг, и особенно про зиму. Ко Ко хотел все знать про зиму. Он видел ее только в кинохронике и в одном американском фильме.

Обе дороги, которые вели от развилки, были совсем одинаковыми. Мальчики вылезли из джипа. Как назло, близко не было ни единого дома, ни огонька, а возвращаться к последней деревне было далеко.

— Поедем по той дороге, что левее, — сказал Игорь. — Она, наверно, выведет нас к реке.

— А вдруг она поворачивает к Бассейну?

— Какому бассейну?

— Город такой есть, называется Бассейн. Лучше поедем правее, в крайнем случае выедем к горам, а оттуда всегда сможем вернуться к реке и найти Тауншве.

— Ну, ты лучше знаешь, — не стал спорить Игорь. — Остановимся у какой-нибудь деревни и спросим.

— Река должна быть уже недалеко, часа три езды, не больше.

Игорь подсчитал: если сейчас одиннадцать, то, значит, они едут уже около пяти часов.

— Ты устал, наверно, — сказал он.

— Ничего, я выносливый, — ответил Ко Ко. — Я могу целый день быть за рулем.

— Но сейчас ночь.

— Поехали. — Ко Ко вспрыгнул в джип. — Ты сам не засни. Лучше расскажи мне еще про коньки. Я к тебе приеду в Москву, и ты меня научишь кататься на коньках.

— Обязательно, — сказал Игорь.

Через полчаса асфальт кончился. Дальше вела грунтовая дорога. В этом месте стояли какие-то склады или сараи, но как мальчики ни кричали, никто не отозвался. Двери сараев были заперты. Пришлось ехать дальше. Игорь страшно устал, и казалось, в глаза кто-то вставил спички, так что они мешают закрывать веки. Но он держался. Заснуть было никак нельзя. Еще немного — и они будут на месте.

Дорога становилась все хуже и хуже. Пошли выбоины, и джип иногда вдруг подскакивал так, что казалось — а вдруг не вернется обратно на дорогу? Бригитта проснулась и долго не могла сообразить, где она и что с ней. Она что-то спрашивала по-болгарски, и, только когда Игорь отозвался, она все вспомнила и спросила:

— Мы скоро приедем?

— Не знаю, — сказал Игорь. — Может быть, мы ошиблись дорогой.

Посреди дороги тянулись две глубокие колеи.

— Здесь, наверно, только на буйволах ездят.

— Может, повернем?

— Нет, должна же быть деревня, — ответил Ко Ко. — Дорога

куда-нибудь ведет. А возвращаться — потеряем не меньше часа. У меня уже руки устали.

— Ты нас так разобьешь, — сказала Бригитта, — и сам разобьешься. Давайте остановимся, передохнем.

Но Ко Ко ничего не ответил. Он смотрел вперед, как Ив Монтан в фильме «Плата за страх», и даже лицо его стало жестким и суровым. Казалось, что он уже взрослый, ему по крайней мере двадцать лет. Бригитта замолчала. Игорь тоже перестал рассказывать про Москву. Ему очень хотелось, чтобы Ко Ко все-таки остановился и они отдохнули. Тут ему пришла в голову неплохая мысль.

— Ко Ко, — сказал он, — а ведь и мистер Роджерс до утра ничего не будет делать. Если он нашел пагоду Трех Духов, то это уже было вечером и он должен где-то переночевать. Значит, он сейчас ночует в какой-нибудь деревне. А нам осталось ехать часа два, ты же сам говорил. Значит, и мы можем переночевать.

— А если он с утра пойдет искать клад, а мы будем все утро искать правильную дорогу и опоздаем?

Машина продолжала ехать.

Вдруг Ко Ко заговорил:

— А где ночевать?

— Прямо в машине.

— Опасно.

— Почему?

— А вдруг здесь леопард?

— Ты же сам говорил, что около Рангуна диких зверей нет.

— Так мы уже не около Рангуна. Мы съехали с большой дороги, и тут мало деревень.

Неизвестно, чем кончился бы этот разговор, если бы машина не въехала в большую яму и, еле выбравшись из нее, затормозила перед следующей, еще большей. Дорога была совсем разбита.

— Да, — сказал Ко Ко, выйдя наружу и поглядев на дорогу в свете невыключенных фар, — так можно и ось сломать.

Он потянулся, разминая спину, и признался:

— Руки не поднимаются.

— Все. Хватит, — сказала Бригитта. — Мы ночуем здесь. И никакие звери нас не тронут. Они боятся машин.

— Правильно, — согласился Игорь. — Мы можем по очереди дежурить. То Ко Ко, то я. А ты, Бригитта, будешь спать.

— Это еще посмотрим! Я хоть поспала немного, а вы сидели и разговаривали.

— Разожжем костер? — спросил Ко Ко.

— Не надо, — сказала Бригитта. — Пусть лучше никто не знает, что мы здесь ночуем. В случае чего мы включим фонари у машины. А если костер разжигать, надо искать дрова, а в лесу могут быть змеи.

— Ты ляжешь на заднем сиденье, — сказал Игорь, — а мы с Ко Ко ляжем на переднем, валетом.

— Как это — валетом?

— Ну, ногами друг к другу. Ко Ко, где твой нож?

— Здесь.

— Пусть лежит под руками. Может пригодиться.

— Смотри, какой ты смелый стал, Игорь! — сказала Бригитта. Она говорила серьезно. Она в самом деле думала, что Игорь смелый. А Игорь только отмахнулся. Может быть, в другой раз он и сам бы удивился, какой он решительный — не боится ни темного леса, ни зверей, — но сейчас просто хотелось спать. Да и машина казалась надежным убежищем, хоть в ней не было даже дверок, а только брезентовая крыша.

Ко Ко выключил двигатель, и стало тихо. Так тихо, что в ушах звенело шумами прошедшего дня — какими-то голосами, гулом мотора, шипением ракет и шутих. Сразу темнота подобралась совсем близко, и ночь забрала машину и ее пассажиров в свой таинственный мир.

— Возьми мою куртку, накройся, — сказал Ко Ко Бригитте.

Он единственный взял с собой куртку, потому что забегал домой. Ведь Игорь и не предполагал, когда шел в гости к Бригитте, что придется уезжать из Рангуна.

Бригитта повозилась на заднем сиденье и притихла. А Игорю не спалось. Он представил, как мама сейчас плачет. Она ведь уже получила записку и ничего не понимает. И, наверно, она сидит вместе с Бригиттиными родителями и думает, что же делать. А может быть, они уже приехали в полицию и на специальном аэродроме крутят винтами специальные вертолеты, собираясь подняться в воздух на поиски исчезнувших ребят. Совсем близко раздался страшный вой.

Игорь вскочил и ударился обо что-то головой.

— Ко Ко, тигр! — крикнул он.

— Нет, — ответил Ко Ко, который, услышав вой, только повернулся на другой бок. — Это шакал. Они плачут по ночам. Они не страшные.

Игорь снова лег. Хоть он и поверил Ко Ко, все-таки ему было не по себе. «Где есть шакал, там может быть и тигр», — решил он. Крикнула ночная птица, как будто звала кого-то человеческим голосом.

— Не ворочайся, — сказал Ко Ко. — Ты мне спать мешаешь. У тебя коленки острые. Через три часа я вас разбужу, чтобы с рассветом вернуться на главную дорогу.

— А я тоже не сплю, — прошептала Бригитта. — Мне тоже страшно.

Совсем рядом с машиной медленно прошел кто-то большой и тяжелый.

— Слышишь?

— Спи, — сказал сонным голосом Ко Ко.

Игорь поднялся на локте, чтобы рассмотреть, кто же бродит около машины, и в этот момент небо прорезала огненная полоса и горящий шар пронесся над головой.

— Смотри!

Ко Ко вскочил. И Бригитта вскочила. Огненный шар упал совсем недалеко, в лес, к темным холмам. Раздался глухой удар. Над лесом взметнулось зарево. Все смолкло.

— Что это было? — спросил Ко Ко.

— Я знаю, — сказала Бригитта, — это метеорит.

— Наверно, так и есть, — сказал Игорь. — А вдруг это космические пришельцы?

— А почему они упали с таким шумом? У космических пришельцев должны быть тормоза, — сказала Бригитта.

Ко Ко держался за красно-белую полоску, привязанную у ветрового стекла. Он был суеверный.

Лес помолчал немного и снова наполнился своими ночными шорохами и шепотами. Зарево разгоралось. Наверно, это был метеорит.

5

ЗАГАДКА ОГНЕННОГО ШАРА

Беззвучно дышала Бригитта, посапывал Ко Ко. Только Игорю не спалось. «А вдруг это и в самом деле пришельцы, гости из космоса, братья по разуму, — думал он. — Они приземлились совсем недалеко. Наверно, меньше чем в километре. Может быть, космонавты потерпели бедствие и нуждаются в помощи. А кто им поможет в этом диком, безлюдном краю?»

Игорь прислушался. Ему показалось, что к звукам леса прибавился чужой шум — словно кто-то мерно постукивал по чему-то железному. Разбудить Ко Ко? Он устал и вряд ли сможет двинуться. Нет, надо самому что-то предпринять. Игорь осторожно, чтобы никого не разбудить, свесил ноги с машины. Потом достал фонарик и взял нож. Он был теперь вооружен и готов к походу сквозь ночной лес.

Игорь нащупал ногой рифленую подножку и спрыгнул на землю. Земля была мягкая, покрыта пылью, и никто в машине

не услышал, что Игорь уходит. Только Бригитта что-то забормотала во сне.

Несколько секунд Игорь стоял рядом с машиной, ощущая ладонью ее теплый железный бок, оторваться от которого значило стать частью леса, вступить в него на тех же правах, на которых существуют в нем звери и птицы.

Стук доносился из-за холма, и Игорю показалось, что он увидел, как луч прожектора поднялся над холмом и, прочертив полосу по черному небу, исчез.

Глаза Игоря уже привыкли к темноте, и он различал при свете звезд и черный кубик джипа, и светлую пыльную дорогу, и черную стену деревьев. «Пойду сначала по дороге, — подумал он, — пока не доберусь до того места, которое ближе всего к упавшему кораблю». Почему-то он уже совсем не сомневался, что идет именно к космическому кораблю.

В лес заходить, честно говоря, не очень хотелось. Хоть шакалы и замолкли, это еще не значило, что они убрались восвояси. Может, примолкли, потому что по соседству появились тигры, заинтересовались, кто это осмелился показаться в лесу в тот час, когда владеют им дикие звери.

Но вот и то место, где нужно свернуть с дороги. Дальше идти по ней просто глупо. Только отдалишься от места посадки пришельцев. И Игорь решительно свернул в чащу.

Деревья сразу протянули к нему свои лапы, и лианы бросились под ноги, чтобы запутать одинокого путника, оставить его в лесу навсегда. Игорь полоснул ножом по ближайшей лиане, и она вдруг, как живая, сократилась и ускользнула вверх. Неподалеку фосфорическим светом голубел громадный цветок, и над ним тихим роем носились ночные бабочки. Над головой ухнул какой-то зверь, и заверещали обезьяны, убегая по веткам.

Игорь скорее почувствовал, чем увидел ловушку, оставленную охотником. Ловушка была прикрыта листьями и сучьями и рассчитана на крупного зверя, может быть, даже на слона или носорога. Игорь обошел ловушку по краю и, неосторожно прижавшись к стволу дерева, распорол о него штанину. Но останавливаться было нельзя. Стук слышался уже значительно ближе, и лучше уж остаться с неизвестными пришельцами, чем пробираться сквозь ночные джунгли.

Игорь резал ножом упругие ветви кустов, и они нехотя расступались, будто удивляясь упорству человека. В темноте прямо перед Игорем вдруг загорелись зеленые глаза, Игорь отпрыгнул назад и догадался зажечь фонарик. Луч его уперся в желтую полосатую голову с ощеренными клыками. Тигр отпрыгнул назад и бесшумно пропал в чаще. Игорь бросился бежать. Он уже не об-

ращал внимания ни на колючки, ни на корни, которые высовывались из земли и старались подставить ему подножку, ни на гнилые пальцы пней.

Он не помнил, сколько бежал. Может быть, всего сто шагов, а может быть, полкилометра, и вдруг деревья расступились, и перед Игорем открылась поляна, заваленная буреломом. Некоторые стволы еще дымились, и редкие огоньки перебегали над землей.

Посреди поляны в широкой, но неглубокой воронке стоял, завалившись набок, космический корабль. Он был похож на диск, который метают спортсмены, только очень большой, такой, что если бы он лег на небольшую площадь, то закрыл бы ее полностью.

Изнутри доносились удары.

Игорь довольно долго стоял на поляне, не осмеливаясь приблизиться к кораблю. Он просто не знал, что же делать дальше. Потом решился и подошел к кораблю поближе. Металл, из которого был сделан корпус корабля, почернел и обуглился. Видно, корабль слишком быстро пронесся сквозь земную атмосферу и перекалился. Но внутри явно были пришельцы. Они продолжали стучать. Игорь медленно обошел корабль вокруг и наконец обнаружил входной люк. Люк был придавлен огромным тиковым деревом, и открыть его было бы нелегко. Игорь попробовал покачать хотя бы ствол, но тот не шевельнулся. Тогда он постучал по корпусу, и тут же в ответ раздался отчетливый стук. Он доносился сверху.

Игорь поднял голову и увидел, что над его головой металл начал светлеть и в нем образовался иллюминатор. К стеклу прижалась голова пришельца. У пришельца был плоский лоб, три круглых черных глаза, треугольный рот и маленький квадратный нос с пятью ноздрями. И тем не менее это было очень умное и даже благородное лицо. Игорь поднял вверх руки, пожал их над головой, что должно было изображать слова «мир и дружба», и пришелец понял его. Он тоже поднял над головой длинные зеленые руки и сжал их в дружеском жесте.

Потом пришелец показал знаками, что надо открыть люк, а то у него кончается запас воздуха для дыхания. Он очень понятно показал, как он задыхается. Но как открыть? Игорь развел руками. Дерево слишком велико, чтобы он мог сдвинуть его с места.

Пришелец достал откуда-то палку и показал, как надо воспользоваться рычагом, чтобы дерево откатилось в сторону. Игорь понял и закивал головой. Рядом было много сучьев, но первый же сук обломился, как только Игорь подсунул его под

ствол. Игорь сделал несколько шагов в поисках другого сука, покрепче, но тут же остановился. Он почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Те же зеленые глаза...

На опушке, наполовину спрятавшись за кустом, стоял тигр. Он перебирал лапами и бесшумно поворачивал голову, будто осматривался, нет ли опасности, не заметит ли кто-нибудь, как он набросится на Игоря.

Игорь отступал спиной к кораблю, не спуская глаз с хищника.

Единственным оружием Игоря был нож Ко Ко, но он совсем не был уверен, что нож поможет ему победить тигра.

Да, еще есть фонарь. Может быть, его свет снова испугает хищника? В этот момент нога Игоря натолкнулась на что-то твердое. Он наклонился и поднял тяжелый прямой сук, будто специально положенный кем-то возле корабля. Игорь, пятясь, вернулся к люку. Пришелец все так же смотрел в иллюминатор. Игорь показал ему на тигра, но пришелец, видно, никогда не видел тигров и ничего не понял. Он только покивал головой и улыбнулся.

Игорю ничего не оставалось, как подсунуть палку под ствол и постараться сдвинуть его. Если он успеет сделать это, пока тигр не бросился на него, он спасен, он успеет скрыться внутри корабля пришельцев. Игорь нажал на рычаг, но дерево лишь чуточку сдвинулось с места.

И тут Игорь увидел, как тигр покинул свое укрытие и медленно двинулся в его сторону. Игорь бросил рычаг, зажег фонарик и направил его луч в морду тигра. Но на этот раз тигр только поморщился и продолжал идти на Игоря. Игорь бросил ненужный фонарик и снова навалился на рычаг. Краем глаза он видел, как тигр прижался к земле, готовясь к прыжку. Он был неподвижен, и только кончик хвоста часто бил по земле.

Игорь последним судорожным усилием нажал на рычаг, и в ту же секунду тигр взлетел в воздух. Силы Игоря, видно, утроились, потому что дерево перевернулось и покатилось в воронку. Игорь упал на землю, чтобы тигр не схватил его, и каждой клеточкой тела почувствовал, как сейчас, сию секунду, острые когти вонзятся ему в спину. Он успел подумать, что все-таки спас космонавтов от удушья, от страшной смерти, спас, пожертвовав своей жизнью.

Но прошла секунда, вторая, и ничего страшного не произошло. Игорь поднял голову и увидел, что в метре от него валяется, распластавшись во всю свою громадную длину, полосатое тело тигра. Морда тигра обуглилась, и из виска капала черная кровь.

Пришелец в иллюминаторе показывал что-то, и Игорь, проследив взглядом за его рукой, увидел, что из корпуса корабля

торчит короткое дуло. Пришелец подмигнул Игорю, из дула вырвался узкий луч света, и когда он коснулся морды мертвого тигра, из нее повалил дым.

— Спасибо, — сказал Игорь, — вы спасли мне жизнь. Теперь вы можете покинуть корабль. Люк свободен.

Пришелец понял его. Люк дрогнул и широко отворился. В отверстии его показались три пришельца. Они вышли наружу и направились к Игорю.

Они были ростом вдвое выше Игоря и одеты в чешуйчатые комбинезоны. Забрала космических шлемов были открыты. Значит, они уже знали, что воздух Земли безопасен для них. У космонавтов было по четыре длинных руки, и все руки трех космонавтов были дружески протянуты к Игорю.

— Спасибо тебе, юноша, — сказал первый космонавт. — Мы были обречены на ужасную смерть от удушья, а ты нас спас. Ты за это награждаешься орденом Космической Звезды первой степени, с марсианскими бриллиантами и мечами.

И космонавт приколол на грудь Игорю сверкающий, светящийся в темноте орден.

— Ну что вы! — смутился Игорь. — Каждый человек сделал бы то же самое.

— Но ты рисковал жизнью, — сказал космонавт. — И, если бы мы не догадались, что тебе угрожает опасность, ты мог бы погибнуть.

Тем временем роботы выкатили из корабля обтекаемый вездеход.

— Мы направимся в город, — сказал один из космонавтов. — Не покажешь ли ты нам дорогу?

— Но сначала надо будет известить моих друзей. Они здесь, рядом, — сказал Игорь. — А то они будут беспокоиться, куда я пропал.

— Конечно, конечно, — сказал пришелец.

Вездеход, ломая кусты, в одну минуту выехал на дорогу.

— Направо, — сказал Игорь, — наш джип совсем рядом.

Но странный шум привлек его внимание. Игорь вдруг увидел, что у того места, где они выехали на дорогу, стоит маленькая белая пагода, на которой висит надпись на английском и бирманском языках: «Пагода Трех Духов».

Около пагоды возились какие-то люди. Они заметили свет фар космического вездехода и выпрямились, не выпуская из рук старинного сундука.

— Мистер Роджерс! — закричал Игорь. — Это мистер Роджерс! Его надо обязательно задержать! Он плохой человек.

— Мы верим тебе, — сказал один из космонавтов, и они все выпрыгнули из кабины вездехода.

Но мистер Роджерс был наготове. Он узнал Игоря и крикнул:

— Не подходите, вы все погибнете! Я узнал тебя, Исаев!

— Вперед! — сказал Игорь. — Нельзя терять ни секунды. Он очень опасен.

В руке Роджерса блеснул револьвер. Вспышка выстрела ослепила Игоря, и он почувствовал сильный толчок в грудь.

— Вперед! — кричал Игорь, проталкиваясь сквозь град пуль.

Но тут еще более сильный толчок вырвал его из ночи, полной вспышек выстрелов, сверкания фар вездехода и криков...

6

ПОЖАР В ЛЕСУ

Было еще совсем темно. Ко Ко толкал Игоря в грудь и шептал:

— Проснись. Ты лег неудобно, и тебе приснился страшный сон.

Бригитта не спала. Ее лицо наклонилось над Игорем, и она тоже спросила:

— Страшный сон, Игорь-че, да?

Игорь рывком сел на сиденье.

— А пришельцы? — спросил он.

— Проснись, — повторил Ко Ко. — Нет никаких пришельцев, но и без них плохо.

Только тут Игорь окончательно проснулся и понял, что никаких пришельцев не было.

— А что такое? — спросил он.

— Ты не чувствуешь?

Пахло дымом. Довольно сильно пахло дымом.

— А теперь смотри. Выгляни из машины, назад.

За машиной поднималось оранжевое зарево. По небу метались клочья дыма, и сполохи огня вырывались из-за стены деревьев.

— Лесной пожар, — сказал Ко Ко.

— Наверно, от метеорита загорелось, — сказала Бригитта.

— Неважно отчего, но нужно спасаться. Вы не знаете, что такое лесной пожар.

Даже отсюда был слышен грозный треск сучьев, и Игорю показалось, что стало теплее.

— Будем прорываться назад? К большой дороге? — спросил он.

Ко Ко развернул джип, и они поехали навстречу огню.

— А может, все-таки нам лучше уехать от пожара? — спросила Бригитта.

— Неизвестно, какая дальше дорога. Мы можем застрять, и тогда нам не спастись.

Но джип не проехал и полкилометра, как стало ясно, что назад путь закрыт. Стена огня и дыма поднималась над дорогой, и огонь свободно перекидывался с одной ее стороны на другую. Большие деревья перегораживали дорогу горящими шлагбаумами.

Было очень жарко, и Игорь ощутил всю силу и беспощадность огня.

— Я же говорила! — заплакала Бригитта. — Надо скорей назад! Может, еще успеем.

Ко Ко развернул машину. Он молчал, и лицо его снова стало сосредоточенным, как у Ива Монтана. Джип подпрыгивал на кочках, и казалось, что огонь преследует ребят по пятам. Жар и шум пожара неслись за ними.

Стадо оленей обогнало машину, не обратив на нее никакого внимания. Проскакал кролик. Он высоко прыгал в свете фар и никак не мог вырваться из лучей. Вот миновали место ночлега. Игорь успел взглянуть на часы. Было половина четвертого. Значит, они успели поспать часа три. Ко Ко каким-то чудом объезжал ямы и колдобины на дороге, пыль поднималась столбом и скрывала порой оранжевую стену пожара.

Дорога вильнула и побежала вниз. Ко Ко притормозил. Впереди виднелась полупересохшая речка. Только посредине ее широкого песчаного ложа тянулась извилистая полоска воды. За песком долины снова вставал лес.

Ко Ко облегченно вздохнул и сказал:

— За речку пожар не пройдет. Слишком широко.

— Но здесь нет моста, — сказал Игорь. — Мы перейдем вброд?

— Да, придется. Вылезай и иди впереди машины. Только смотри под ноги, чтобы не провалиться. Здесь телеги переезжают, значит, не очень глубоко.

Игорь выпрыгнул из машины и медленно пошел впереди, ощупывая дорогу палкой. Ноги вязли в песке. Поднявшийся ветер сдувал песок в колеи, и дорога исчезла на глазах. Пожар снова приблизился. Он разгорелся еще больше. Из леса выбегали разные животные и неслись к другому берегу. Игорь на них почти не смотрел. Он был занят делом.

Вот и вода. Игорь не стал разуваться. Несколько шагов он прошел по щиколотку в воде, слушая, как сзади фырчит мотор джипа. Потом дно пошло вниз.

— Остановись! — крикнул Игорь. — Я попробую в стороне. Здесь глубоко.

Джип затормозил. Игорь потоптался на месте, ощупывая палкой дно, и нашел наконец, что справа уклон не так велик. Не больше чем по колено. Еще шагов через десять дно начало подыматься, и, выйдя на сушу, Игорь снова увидел колеи. Значит, он нашел правильный брод.

— Видел, как я шел? — крикнул он Ко Ко. — Так и веди машину.

Джип въехал в реку так медленно, что даже не взбаламутил воды. Вот вода поднимается до середины колес, еще выше, еще... Осталось немного. И тут двигатель вдруг взревел и заглох. Машина стояла посреди речушки, и волны легонько обегали ее, завиваясь бурунчиками у колес.

— Надо толкать, — сказал Ко Ко, выскочив в реку, — а то ее затянет.

Игорь снова вбежал в воду, Бригитта выпрыгнула из машины, и они принялись толкать джип вперед. Это было безнадежное дело. «Даже если бы настоящий тигр выскочил из кустов, — подумал Игорь, — мы бы все равно ничего не смогли сделать».

— Мотор залило, — сказал наконец Ко Ко. — Не знаю, что делать дальше.

Они стояли около машины, мокрые, грязные, и смотрели на стену огня, которая шла к ним, ряд за рядом захватывая деревья. Вдруг Ко Ко прислушался и сказал:

— Бежим наверх. Быстро. Вон на тот холмик!

— Что еще? — спросила Бригитта. — Нас ведь огонь не достанет.

— Ты не слышишь?

— Нет, а что? Только шум.

— Слоны бегут.

И в самом деле, к шуму пожара, крикам птиц и треску сучьев прибавился топот. Это был очень страшный топот. Слоны не скрывались, не прятались в лесу, они спасались от смерти, и все уступали им дорогу.

Увязая в песке, скользя и падая, ребята перебежали долину реки и вскарабкались, помогая друг другу, на песчаный обрыв, который, как клык, возвышался над долиной. Отсюда было все видно. Пожар осветил ночь, как электрические прожекторы, и казалось, не огонь мечется по небу, а стена леса шатается на оранжевом фоне.

Ребята бросились на землю и лежали, тяжело дыша. Все больше и больше животных перебегало через реку. Даже странно было, что так много всякого зверья скрывается в лесу, таком тихом

и пустынном на вид. Стая шакалов просеменила по белому песку и приостановилась на мгновение, чтобы напиться. Большая змея ползла по песку и не обращала никакого внимания на кроликов, которые обгоняли ее. Чуть не наступив на змею, промчался тяжелый буйвол. Он влетел в реку и на мгновение пропал в столбе брызг.

И тут из леса выбежало стадо слонов. Их было немного, штук десять — пятнадцать, но они были настолько велики и страшны, что долина реки на какое-то время опустела. Первый из слонов, самый большой, увидев реку, поднял хобот и громко затрубил. Наверно, хотел сказать: «Мы спасены! Еще несколько шагов, и мы спасены!»

Ноги слонов расшвыривали песок и воду, и темные тела покачивались на бегу.

— Они нас не заметят, — сказал Ко Ко. Наверно, ему было страшно. Игорь тоже понимал, что слоны не полезут на маленький крутой холм, но все равно было страшно. Бригитта схватила Игоря за руку и впилась ногтями в его ладонь так, что стало больно.

Последним бежал маленький слоненок. Он бежал деловито, стараясь не отстать от взрослых, и, видно, очень боялся, что его забудут. Но ему хотелось пить. Он крикнул что-то своей матери и остановился у речки, наклонив к воде голову и став на коленки, потому что хобот у него был еще коротенький и до воды не доставал.

Мать в суматохе не заметила, что слоненок отстал, и он остался один посреди долины. Но он пил и пил и никак не мог напиться и совсем забыл, что вокруг бушует пожар.

— Какой симпатичный слоненок! — прошептала Бригитта.

— Как бы он не заблудился.

— Не заблудится, — сказал Ко Ко. — Скорей бы он уходил, а то мы не можем спуститься — вдруг его мамаша спохватится и вернется за ним.

Напившись, слоненок потерял еще несколько секунд, обнюхивая джип. Он, наверно, никогда еще не видел джипов. Потом не спеша затрусил вслед за стадом по тропинке, пролегавшей как раз под холмом.

Что случилось дальше, ребята не успели понять. Видно, тигр сидел в кустах, совсем недалеко, и слоненок показался ему уж очень лакомой добычей. Ему бы напасть на оленя или любого другого зверя, но он напал на слоненка.

Ребята вдруг услышали вопль, почти человеческий, и когда они глянули вниз, в сторону тропинки, то увидели, что слоненок стоит на коленях и отчаянно машет коротеньким хоботком, а на

спине у него полосатым ковром прилип тигр. Самый настоящий тигр, не такой большой, как привиделся Игорю во сне, но самый настоящий.

Да, сон, конечно, был странный, и в нем с Игорем случились удивительные приключения, но, оказывается, в жизни бывает даже удивительнее, чем во сне.

— Не шевелитесь, — прошипел Ко Ко, — а то он нас заметит.

— Эх, сейчас бы ружье! — сказал Игорь.

— Жалко слоненка.

— Молчите!

Слоненок кричал и отчаянно боролся с тигром, хотя ясно было, что смерть его — дело нескольких минут, а может, даже секунд.

И тут же кусты рассыпались в разные стороны и со скоростью паровоза большая, как паровоз, и несокрушимая, как паровоз, на тропинку вылетела мать-слониха. Тигр даже не успел отпрыгнуть в сторону, как слониха сорвала его хоботом со спины сына и бросила на землю.

— Так его! — крикнула, забыв об опасности, Бригитта. — Так его, бей! Топчи!

И слониха, будто послушавшись Бригитту, бросила тигра на землю, ударила его своей толстой ногой. Она терзала его, как самая страшная хищница, и слоненок, у которого по морде текла кровь и на спине чернела большая рана, помогал матери, он тоже прыгал на тигра, бил его ногами и хоботом.

Тигр уже не двигался, но слоны продолжали топтать его. И шум битвы заглушал шум пожара.

Наконец слоны ушли. Мать осторожно подталкивала сына и, видно, выговаривала ему за легкомыслие. А слоненок все старался поднять хоботок повыше и протрубить победную песню, но у него получался только писк.

— Поглядите в другую сторону, — сказал Ко Ко.

Огонь уже подошел к самой долине, и пламя металось по берегу, стараясь захватить песок, бросало на него пылающие ветви и лизало красными языками. Но песок не хотел загораться. Больше уже никто не выбегал из леса. Долина была пуста, и даже трудно было поверить, что всего несколько минут назад по ней пробежало столько зверей.

— Скоро погаснет, — сказал Ко Ко.

— Вернемся к машине? — спросил Игорь. Когда напряжение спало, он почувствовал, что сильно устал и с удовольствием бы снова поспал.

— Нет, — сказал Ко Ко. — Наверно, нам ее не вытащить.

Здесь должна быть близко деревня. Здесь и вода, и дорога. Эта речка, наверно, до марта не пересыхает.

— Почему до марта?

— Март — самый жаркий месяц, и дождей с октября не бывает, вот речки и пересыхают.

— А вдруг другие звери остались у дороги?

— Уже светает, — сказал Ко Ко. — Я пойду один и приведу людей.

— Нет уж, давай все вместе, — сказал Игорь.

Небо светлело, и, по мере того как утихал пожар, споткнувшийся о речку, виднее было, что наступает утро.

Ко Ко поднялся и посмотрел по сторонам. Дорога виляла между деревьями и сворачивала за холм.

— Пошли? — спросил Ко Ко.

— Сейчас, — ответила Бригитта, но остановилась и сказала: — А это что такое?

И тут все услышали скрип колес. По дороге кто-то ехал.

7

ХОРОШАЯ ВЕСТЬ

Из-за поворота показалась арба на двух больших колесах. Ее тащили два буйвола. Наверху сидел человек с длинными, собранными в пучок волосами, в белой рубашке навыпуск и в лонджи. Он покрикивал негромко на буйволов, и казалось, что его совсем не беспокоит пожар.

— Эй! — крикнул ему Ко Ко, сбегая с холма на дорогу. — Эй!

Человек стукнул прутиком по спине одного из буйволов, и те остановились. Ко Ко подбежал к нему и быстро заговорил по-бирмански. Игорь и Бригитта тоже спустились с холма. Вид у них был странный — измазанные, грязные, со всклокоченными волосами, они дрожали от предутреннего холода и не скрывали своей радости от того, что увидели наконец живого человека.

— Садитесь, — обернулся к друзьям Ко Ко. — Он из этой деревни и ехал посмотреть, что там натворил пожар. Он нас отвезет в деревню, а потом крестьяне помогут нам вытащить машину. Тут недалеко.

Крестьянин прикрикнул на буйволов, они послушно развернулись и приостановились, ожидая, пока ребята вскарабкаются на высокую арбу.

Крестьянин сидел некоторое время молча, ждал, что гости заговорят первыми.

— Расскажи ему, кто мы, — обернулся Игорь к Ко Ко.

Ко Ко сказал несколько фраз по-бирмански. Крестьянин молча кивал головой, потом сам заговорил. Бригитта переводила для Игоря, иногда запинаясь, потому что не все понимала:

— Крестьянин говорит, что с развилки надо было брать левее, и тогда мы были бы уже у реки. Но если проехать за деревню еще мили три, будет поворот к Иравади.

Буйволы мерно переступали в пыли, будто приготовились топать весь день и берегли силы. Лес, мирный, утренний и свежий, тянулся по обе стороны дороги, и невозможно было поверить, что именно в нем скрывались те звери, что перебежали реку, спасаясь от пожара.

— Ко Ко сказал, что мы видели стадо слонов, — продолжала Бригитта, — а крестьянин говорит, что слонов давно не было в этих местах, наверно, пришли с востока, с Шанских гор, а может, переплыли реку — они умеют плавать.

— А куда он ехал? — спросил Игорь у Ко Ко. — Может быть, он спешил и из-за нас ему приходится возвращаться?

Бригитта перевела ответ:

— Он ехал к реке. Он видел зарево пожара ночью и хотел посмотреть, не дошел ли огонь до реки. Но он не спешит и потом вернется обратно. А Ко Ко ему рассказывает, какой был большой пожар и, наверно, сгорело много деревьев. А крестьянин ему отвечает, что такие пожары в сухой сезон бывают часто. Только плохо, когда пересыхают реки.

За поворотом показалась деревня, обнесенная бамбуковым колючим тыном. Крестьянин слез с повозки и распахнул ворота. «От диких зверей», — сказал Ко Ко. За изгородью открылась обычная бирманская деревня, с домами на высоких столбах, с маленькой лавочкой на единственной улице, с буддийским монастырем в роще арековых пальм. Три монаха шли навстречу друг за дружкой, прижимая к груди черные горшки для подаяний. Монахи останавливались перед домами, хозяйки выходили на крыльцо и сыпали им в чашки вареный рис или клали бананы.

— Потом они вернутся в монастырь, — сказала Бригитта, — все съедят и будут отдыхать.

При виде повозки монахи остановились и потуже запахнулись в свои оранжевые тоги. Они удивились, увидев, что на арбе сидят как ни в чем не бывало европейские мальчик и девочка и незнакомый бирманский мальчик с измазанным сажей лицом. Женщины тоже замерли у дверей своих хижин. Но никто не сказал ни слова. И хоть, видно, подобные гости были редки в этой затерянной в холмах деревне, жители ее делали вид, что ничего особенного не случилось.

У лавочки, в которой стояло два столика и за ними несколько

мужчин пили утренний чай, крестьянин притормозил арбу. Он сказал ребятам:

— Слезайте. Выпьем чаю.

Ребята поздоровались. Мужчины закивали головами, будто виделись с ними только вчера.

Мальчик в короткой клетчатой юбке принес всем по чашке крепкого чая со сгущенным молоком и по сухому бисквиту. Крестьянин тоже пил чай и не спеша разговаривал со своими односельчанами, объясняя им, что гостям нужна помощь. Игорю хотелось бы поторопить нового знакомого, но он понимал, что этого делать не стоило. Ко Ко и Бригитта с удовольствием тянули горячий чай, а Игоря разбирала тревога. Сейчас, когда цель пути была так близка, к нему вернулось чувство, которое он испытал во сне. «Скорей! — хотелось кричать ему. — Скорей, пока не поздно!»

Крестьяне, смуглые, обветренные, похожие друг на друга, в махровых полотенцах, повязанных на головах, как чалмы, в белых рубашках, продолжали разговаривать, иногда поглядывая на ребят, и вроде бы не собирались ничего предпринимать.

Игорь услышал плеск воды и обернулся. У колодца, на той стороне улицы, собрались женщины и ребятишки. Они поливали себя из ведер и кружек, стирали белье, громко смеялись и все старались ненароком взглянуть на сидевших в лавочке гостей.

— Почему они не спешат? — тихо спросил Игорь у Бригитты.

— Я не совсем понимаю. В лесу им грозит какая-то опасность.

Ко Ко услышал шепот Бригитты, обернулся и объяснил:

— Оказывается, им надо обязательно взять с собой оружие. Вот они и советуются. Но они помогут нам.

— А чего они боятся?

— Непонятно. Какой-то «хозяин» их пугает.

Один из крестьян встал и вышел из лавочки. За ним другой. Они скоро вернулись, и каждый нес в руке ружье. Ружья были старые, тяжелые и толстоствольные.

Ко Ко спросил их знакомого, в чем дело. Тот объяснил.

— Оказывается, в лесу объявился тигр-людоед. Он уже украл двоих детей и разорвал пастуха. А позавчера на рассвете он перепрыгнул через тын, ворвался в деревню и утащил теленка. Они боятся этого тигра. У них в деревне только два старых ружья.

— А почему тот крестьянин, который нас встретил, не побоялся поехать один в лес?

— Он, — сказал Ко Ко, — не боится тигра. У него есть волшебный талисман. Его тигр не тронет.

— Постой, а какой тигр? — спросил Игорь. — Ведь, наверно, здесь не очень много тигров?

Ко Ко сразу понял его и повернулся к крестьянам.

— Здесь только один тигр, — перевела их ответ Бригитта. — Давно не было ни одного, а тут пришел один. Он, наверно, старый и где-то отведал человеческого мяса. Теперь он знает, что люди — легкая добыча. А может быть, это злой дух, который принял образ тигра.

— Не этого ли тигра... — начал Игорь.

Но Ко Ко его опередил. Игорь не понял его слов, но по лицам крестьян, удивленным и взволнованным, по вопросам, которые те начали задавать наперебой, по тому, как к дверям лавочки подбежали женщины от колодца, закручивая на ходу распущенные мокрые волосы, как неожиданно, будто из-под земли, появился монах с черным горшком в руках и тоже начал задавать вопросы, — по всему этому Игорь понял, что Ко Ко рассказывал о битве между слонихой и тигром, которую они видели с холма на исходе ночи.

Вся деревня пришла в движение. Мальчишки, не слушая окриков взрослых, бросились по дороге к реке, женщины хватали их за руки и пытались остановить — куда там! Даже монахи побежали, поднимая пыль, по дороге, а крестьянин, который осмеливался ездить к реке, потому что у него был волшебный талисман, вспрыгнул на стоявшую у входа арбу и крикнул ребятам, чтобы они поторопились. Он прокричал буйволам самые страшные слова, которые знал, те с места рванули вперед, будто резвые кони, и, обдавая клубами пыли пешеходов, раньше убежавших к реке, понеслись вперед.

Ко Ко привстал рядом с крестьянином и показывал, куда надо свернуть. Вся деревня — кто пешком, кто на буйволах — мчалась за ними посмотреть на убитого тигра. Крестьянин затормозил буйволов, стукнув их по спинам прутом, и соскочил на землю.

— Здесь, — сказала Бригитта и первой полезла сквозь колючие кусты.

Посреди маленькой поляны лежал труп громадного тигра. И, хоть шкура его была вся в крови и голова раздроблена, он все равно был страшен и величествен.

Поляна наполнялась крестьянами. Но сначала никто не осмеливался приблизиться к мертвому врагу. Люди жались к кустам, и шум, голоса, стук босых ног по пыли — все это смолкло при виде распростертого на земле зверя.

Наконец один из крестьян, старик в полосатых лоунджи и рыжей куртке, подошел к тигру, наклонился над ним и сказал:

— Это он.

И все подошли поближе к тигру, трогали его, дергали за усы, рассматривали. Игорь подошел вместе со всеми.

— А что он там увидел? — спросил он.

— Очень старый зверь. Он уже не мог нападать на быстрых и сильных животных. Только на слабых, больных... или на людей. — Старик вытащил из-за пояса широкий кривой нож и отрезал тигру усы. Он протянул длинные жесткие волосы Игорю и Ко Ко.

— Вы добрые вестники, — переводила Бригитта, которой тоже досталось несколько волосков. — Вы видели, как погиб наш враг. Теперь вы наши гости. Живите в нашей деревне, и пусть каждый дом вас кормит и поит, и пусть наши девушки поют и пляшут для вас.

— Как же так? — удивился Игорь. — Уже встало солнце. Мы можем опоздать.

— Куда? — спросила Бригитта. Она в сутолоке просто забыла, почему они оказались в этих джунглях.

Ко Ко, который ничего никогда не забывал, а в этом Игорь уже мог убедиться, обратился к жителям деревни.

— Благодарит, — сказала Бригитта. — Но я почти ничего не понимаю. Он очень торжественно благодарит... Вот уже отблагодарил и говорит, что нас ждет очень важное и очень спешное дело, что мы ехали почти всю ночь, чтобы успеть в Пром. Он просит помочь вытащить машину.

Старик взмахнул рукой, и человек десять мужчин пошли с ребятами к реке. За ними бежали толпой ребятишки, которые просто разрывались между тигром и удивительными гостями. Ведь гостям было совсем мало лет, а они одни проехали от Рангуна до холмов, видели ночной пожар и смерть тигра.

Мужчины в две минуты вынесли джип на берег. Им помогали и мальчишки, и Игорь, и Ко Ко — машины просто не было видно за спинами добровольных помощников.

— Мы вернемся, обязательно вернемся, — сказал Ко Ко.

— Если не вернетесь, то нанесете нам большую обиду, — ответил старик, который оказался старостой деревни.

Один из мужчин сел в машину, чтобы ребята не пропустили поворота на Пром, девушка с цветами в волосах протянула Бригитте банановый лист с завернутым в него вкусно пахнущим горячим рисом. А когда проезжали деревню, то обогнавший машину мальчишка вынес им тяжеленную гроздь бананов.

Мужчина слез у почти незаметного поворота в джунглях и сказал, чтобы они больше никуда не сворачивали.

А когда отъехали уже с километр, Бригитта сказала, задумчиво крутя в руках длинные и жесткие усы тигра:

— Давайте не будем говорить о тигре и пожаре нашим мамам. Они сойдут с ума.

— Если уже не сошли, — мрачно ответил Игорь.

Его мучила совесть. Но дело прежде всего. Все-таки он был как-никак настоящим мужчиной, и если ему не удалось спасти потерпевших бедствие космонавтов, зато он видел, как дрались слон и тигр, а это редко удается увидеть не только московским мальчишкам, но даже коренным жителям Бирмы, в которой эти самые тигры иногда встречаются.

Глава шестая,

в которой тайна меча благополучно разрешается

1

ПАГОДА ТРЕХ ДУХОВ

Машина подпрыгивала на кочках, иногда скрывалась в клубах пыли и понемногу продвигалась к реке. Солнце уже встало и забралось довольно высоко на небо. Оно еще не жгло, но туман, спрятавшийся на ночь в низинах, таял на глазах. Две синие птицы перелетели дорогу и скрылись в кустах. Красная бабочка размером с воробья долго летела рядом с машиной, редко взмахивая широкими крыльями.

Бригитта развернула сверток с рисом, и ребята, не останавливая машины, перекусили. Потом они ели сладкие мягкие бананы и кидали на дорогу их желтые шкурки.

И если бы не напряженность, с которой они перебрасывались словами, не слишком громкий смех, когда они вспоминали, как карабкались на холм и как слоненок пил воду, если бы не молчание, внезапно наступавшее в джипе, можно было бы подумать, что ребята просто взяли машину и поехали кататься.

Дорога неожиданно влилась в шоссе, обсаженное по сторонам высокими, корявыми от старости деревьями. С одной стороны шоссе расстилалось поле, разбитое на квадраты. Некоторые квадраты были залиты водой, другие сухи и топорщились щетиной сжатого риса. Между квадратами бежали крутые валики земли. Далеко, у кромки леса, два горбатых быка тянули плуг. Чуть ближе к дороге возился небольшой трактор, которому было тесно на маленьком для него квадрате.

Ко Ко притормозил, вытащил тряпку и принялся обтирать машину.

— У нас и побольше поля есть, — говорил Ко Ко. — В кооперативах. У меня дядя, отставной солдат, в таком кооперативе живет, под Пегу. Там у них три трактора, и то еле-еле справляются.

— Давай я тебе помогу, — сказала Бригитта.

— Не надо, я сам справлюсь.

— Тогда пойдем вымоемся, — сказала Бригитта Игорю.

Они спустились к глубокой канаве, в которую стекала вода с полей. Вода была в ней чистая и прохладная. Стаи рыбок — некоторые из них были с кисть руки длиной — рассыпались в разные стороны при виде людей.

С машиной поравнялся велорикша. Ребята слышали, как он перекинулся несколькими словами с Ко Ко. Когда они поднялись к джипу, Ко Ко сказал:

— Мы правильно выехали. Через десять миль будет Иравади. Только надо проехать через городок, и вы тогда спрячетесь: а вдруг из Рангуна сообщили в местную полицию, что мы пропали.

— Конечно, — согласился Игорь. — И вообще нам надо спешить.

Ко Ко аккуратно отряхнул тряпку и положил ее в ноги.

— Не устали? — спросил он. — Спать не хотите?

— Нет, — ответила Бригитта.

А Игорь ничего не стал отвечать. Понятно было, что, даже если бы он устал, все равно бы не признался. Хотя он и не чувствовал никакой усталости.

— А ты про Тауншве не спросил?

— Почему не спросил? Как выедем к Иравади, через восемь миль будет Тауншве, — ответил Ко Ко.

— А про пагоду Трех Духов?

— Он не знает. Мы спросим дальше. Он не из этих мест. Везет ананасы на базар в городок. Ну, поехали.

По ровной дороге было ехать так приятно, будто джип плыл по воздуху. Громадные деревья порой смыкали листья высоко над шоссе, и казалось, что машина попала в просторный тоннель. Стадо буйволов паслось у дороги. Буйволы стояли по брюхо в воде и, казалось, дремали. На спинах у них пристроились маленькие белые цапли, которые выклевывали насекомых. Дорога поднялась на холм, и с холма открылся маленький бирманский городок. Первые дома его были деревенскими, такими же, как они видели на рассвете, но посредине улицы стояло два каменных дома повыше. Над одним из них развевался бирманский флаг — красный с синим углом и шестью звездами.

— На дно! — приказал Ко Ко.

Игорь с Бригиттой пригнулись на полу у заднего сиденья. Бригитта уперлась затылком в грудь Игорю и как ни в чем не бывало продолжала жевать банан.

— Очень люблю бананы, — шепнула она. — Хочешь?

— Нет. Не хочу.

— Ты не волнуйся.

— А вдруг какой-нибудь полицейский увидит, что за рулем сидит мальчишка, и остановит машину?

Но машину никто не остановил. Было еще рано, и улицы были почти безлюдны. Только к базару съезжались повозки, груженные мешками с рисом и грудами овощей.

— Опасность миновала, — сказал Ко Ко. — Скоро Иравади.

И не успел он договорить, как открылась Иравади, широкая, как море, с синими холмами на том берегу, спокойная и величественная. Не река, а речища. По ней полз смешной пароходик с длинной тонкой трубой, и клубы белого дыма тянулись за ним, не в силах подняться в небо.

Дорога сворачивала почти под прямым углом и сбегала вниз, к берегу.

— Вон человек идет, — сказал Игорь, — остановись около него. Может, он знает, где пагода Трех Духов. А то проедем до Тауншве и потом придется возвращаться сюда же.

— Эй! — окликнул Ко Ко мальчика с вязанкой хвороста на голове. — Здравствуй! Ты не знаешь, где пагода Трех Духов? Она должна быть там, где дорога сворачивает к Иравади.

— Дорога здесь сворачивает, и никакой пагоды нет, — сказал мальчик и пошел дальше, умело балансируя на голове объемистой, больше его самого, охапкой хвороста.

— Ну вот! — сказала Бригитта. — А может, ее сломали?

— Как мы ищем, так же и Роджерс искал, — сказал Игорь. — А его пока не видно.

— Проедем еще немного, — сказал Ко Ко.

У берега стояла большая лодка с загнутым носом. Посреди лодки был навес — согнутый, как разрезанная вдоль труба, тростниковый мат. В тени его сидел старый-престарый рыбак и скрюченными пальцами распутывал сеть.

— Вот у кого нужно спросить. Он должен знать.

Ко Ко притормозил и крикнул старику:

— Как поживаете, уважаемый?

— Спасибо, — ответил старик. — А как вам путешествуется?

— Хорошо. Вы не знаете случайно, есть ли тут неподалеку пагода Трех Духов?

— Как же, — ответил старик. — Только вчера один английский господин просил меня провести его к ней.

— Это Роджерс! — сказал Игорь. — А спроси, был ли с ним мальчик.

Ко Ко, видно, уже спросил, не дожидаясь Игоревой подсказки, потому что старик кивнул головой и сказал:

— Да, как вы, только поменьше.

— Это было поздно?

— Уже смеркалось. Я спустился обратно в темноте.

— А это далеко отсюда?

— Там, где раньше дорога сворачивала от реки. Теперь здесь провели новую, пониже.

— А как туда пройти или проехать?

— Проехать трудно. До конца не удастся. Поезжайте обратно. Там, где новая дорога выходит к Иравади, увидите черный камень. От него направо ведет старая дорога. По ней проедете вверх до поваленного дерева. Оттуда пешком все прямо и прямо. И будет пагода Трех Духов.

— Спасибо, дедушка, — сказал Ко Ко.

Он так быстро взял с места, что мотор заглох. Старик посматривал, ухмылялся и наконец спросил:

— А чего это вас, таких молодых, отпустили в длинный путь? Зачем вам нужен этот англичанин?

Джип все-таки завелся, и, не ответив на вопрос старика, ребята поехали обратно. Они внимательно смотрели направо, чтобы не проглядеть черный камень.

— Вот он! — крикнула Бригитта.

За камнем кусты расступились, и открылась притоптанная полоса земли, поросшая редкой травой. На пыли, покрывавшей ее, ясно отпечатались следы колес. Совсем недавно по этой дороге проехала машина.

2

ВСТРЕЧА У ПАГОДЫ

— Может, оставить машину здесь? — спросил Игорь. — А то вдруг он услышит, что мы едем, и скроется.

— Немножко проедем, до подножия холма, — ответил Ко Ко. — Если начнется подъем, тогда остановимся.

Ко Ко был, как всегда, прав. Пришлось ехать минут пять, пока дорога не начала карабкаться вверх, на холм.

Ко Ко заглушил мотор и первым спрыгнул на землю. Следы шин другой машины вели дальше. Ко Ко достал свой нож, и Игорь почувствовал, как по коже у него пробежали мурашки. Не то чтобы ему было страшно, но мурашки все равно пробежали, и ему даже показалось, что утро стало втрое холоднее.

Ко Ко обернулся к Бригитте и сказал:

— Ты останешься у машины. Никуда дальше не пойдешь.

— Как бы не так! — возмутилась Бригитта. — Мне у машины одной в пять раз страшней. Я с вами. И не спорьте. А то закричу.

— Пускай идет, — сказал Игорь. — Она в лесу не испугалась. И раз уж поехала...

— Ладно, только ты не будешь к ним подходить близко. Понятно?

— Там посмотрим, — сказала Бригитта.

Ребята замолчали и начали подниматься на холм, прижимаясь поближе к кустам и даже пригибаясь на всякий случай.

Удивительно, до чего был спокоен лес! Пели птицы, летали жуки и пчелы, и никому не было дела до ребят. Игорь поднял голову и вдруг увидел над кустами вершинку пагоды. Он схватил Ко Ко за рукав и показал ему в ту сторону. Ко Ко кивнул головой и приложил палец к губам, хотя в этом не было никакого смысла: Игорь не хуже его понимал, что главное сейчас — подобраться к пагоде незамеченными.

За поворотом дороги они увидели «Моррис». Машина была пуста. Она стояла, упершись радиатором в толстое, давно свалившееся на дорогу дерево. Ребята на цыпочках подобрались к машине и заглянули внутрь. На сиденье лежала карта дорог Бирмы с отчеркнутым красным карандашом маршрутом от Рангуна к Иравади. Рядом валялась пустая фляга.

Ко Ко пригнулся и ловко перелез через дерево. Игорь и Бригитта последовали его примеру. Дорога все круче и круче взбиралась на вершину холма. И с каждым шагом пагода вырастала, как будто ее выталкивали из земли. Подъем обрывался за круглым колючим кустом. Ребята доползли до него на четвереньках и присели в его тени, рассматривая лужайку вокруг пагоды.

На другой стороне ее стояла маленькая темно-зеленая палатка, перед которой дотлевал небольшой костер. У костра были воткнуты две рогульки, и на палке, положенной на них, висел чайник. На крышу палатки был небрежно брошен пиджак, знакомый Игорю пиджак мистера Роджерса. Людей на лужайке не было. Ни Роджерса, ни Джонни. Но, конечно, они были где-то по соседству. Но где же? Ни один звук не указывал на их присутствие.

Неизвестно, сколько времени, может, даже минут пять, ребята просидели за кустом, прислушиваясь. И вдруг откуда-то снизу донесся голос:

— Принеси мне ломик!

— Это его голос! — прошептал Игорь, приложив губы к самому уху Ко Ко.

Послышался треск кустов, и над краем лужайки, которая, оказывается, обрывалась за палаткой, показалась взъерошенная голова Джонни. Он тяжело дышал — видно, спешил выполнить приказание отца. Джонни наклонился и нырнул в палатку. И тут же выполз из нее, сжимая в руке металлический ломик.

Джонни был таким знакомым, таким худеньким и несчастным, что Игорю захотелось окликнуть его, и он даже открыл рот, собираясь это сделать, но Ко Ко, наверно, понял это и крепко зажал ему губы твердой, пропахшей бензином и гарью ладонью. Джонни сполз ногами вперед с лужайки и пропал.

«За мной!» — показал рукой Ко Ко.

Ребята на цыпочках, стараясь ничем не выдать своего присутствия, перебежали лужайку и легли на землю у ее края. Вниз вел неглубокий обрыв, поросший кустами. Дальше, на дне оврага, виднелись опутанные лианами полуразрушенные стены каменного строения без крыши. Дверной проем, выщербленный временем, вел внутрь развалин. В нем и скрылся Джонни с ломиком.

— Может, спуститься? — спросил Игорь.

Ко Ко отрицательно покачал головой. Потом повернулся к нему и прошептал:

— Они никуда от нас не денутся.

Из развалин доносились возня, лязганье, потом раздался треск и крик Джонни:

— Ой, в самом деле!

— Тише! — ответил голос мистера Роджерса. — Не сходи с ума. Главное еще впереди. Помоги мне вынести его на свет.

Возня и кряхтение усилились, и из дверей показалась согнутая спина мистера Роджерса. Он пятился, таща что-то очень тяжелое. Сделав несколько шагов, мистер Роджерс повернулся, и ребята увидели, что в руках у него небольшой сундук, другой конец которого, покраснев от напряжения, поддерживал Джонни.

— Опускай, — прокряхтел мистер Роджерс, и они уронили сундук на землю.

— Придется перетаскивать по частям, — сказал Роджерс, вытирая со лба пот. Рука была грязная, и на лбу осталась темная полоса. — Впрочем, нет, — передумал он. — По частям очень

опасно. Больше не будем подниматься на холм, а пройдем оврагом. Тут до нашей машины недалеко.

— Я не донесу, я надорвусь, — захныкал Джонни.

— Донесешь, — сказал Роджерс, — обязательно донесешь или умрешь на месте. Это мой последний шанс, я всю жизнь потратил на то, чтобы отыскать это сокровище. Ты понесешь...

— Папочка! — хныкал Джонни.

— Послушай, сынок, — сказал вдруг мистер Роджерс совсем другим, добрым голосом, — ты обязан помочь своему отцу. Я всю жизнь работал, чтобы прокормить тебя и всю семью. Всю жизнь... Ну возьмись, я всю тяжесть приму на себя. Тебе надо только поддерживать край.

— Папа, а если нас поймают? Я слышал, что если сдать сокровище, то тебе вернут часть его стоимости. Нам же хватит. Папа, я боюсь!

— Не сходи с ума! — Голос Роджерса снова стал строгим и деревянным. — Кто отказывается от денег? Ты ведь никому ничего не говорил? Никто не знает?

— Нет, папочка, нет, что ты!

— Тогда идем.

Роджерс приподнял сундук, Джонни послушно подлез под другой его конец, и они, шатаясь, побрели вниз по оврагу, к машине.

— Уйдут! — отчаянно прошептал Ко Ко. Глаза его сверкнули, как электрические фонари. — Уйдут! Надо отнять сундук! — И он со страшным боевым кличем бросился вниз с обрыва.

Бригитта и Игорь прыгнули за ним и покатились, ломая кусты, в овраг.

3

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС РОДЖЕРСА

Роджерс обернулся, не выпуская из рук сундука, так быстро, что Джонни от неожиданности выпустил свой конец из рук. Роджерс так и не догадался бросить сундук на землю и стоял лицом к бегущим ребятам, выпучив от напряжения глаза, и сундук будто прирос к его животу.

— А... а... — тянул он, но членораздельных слов не получалось, только мычание. — А-а-а...

— Игорь! — крикнул Джонни. — Мистер Игорь!

Ребята остановились, не доходя двух шагов до Роджерса.

Крик Джонни будто разбудил мистера Роджерса. Он разжал руки, и сундук тяжело грохнулся на землю. От удара крышка отлетела — наверно, петли насквозь проржавели, — и во все стороны дождем разлетелись мешочки с серебряными монетами. Некоторые мешочки лопнули, и монеты прыгали по траве, как кузнечики. За монетами последовали кубки, украшенные драгоценными камнями, блестящие статуэтки будд, почерневшие серебряные пагодки и слитки — целый поток серебра.

Мистер Роджерс инстинктивно наклонился, будто хотел подхватить сундук, запрятать обратно сокровища, но тут же выпрямился и яростно посмотрел на ребят.

— Это что такое? — спросил он. — Почему вы здесь?

— А почему вы здесь? — спросила Бригитта, которая первой пришла в себя от изумления при виде содержимого сундука.

— Убирайтесь отсюда, а то вам будет плохо! — сказал мистер Роджерс и, подняв худую, темную, всю в пыли руку, погрозил им пальцем, как маленьким. Он все еще не совсем понимал, что произошло. — Уходите.

— Вы не имеете права так говорить, — сердито сказала Бригитта. — Это не ваш сундук.

— Мой, — ответил Роджерс, опуская глаза к монетам. Он осторожно двинул носком ботинка, подгребая к сундуку откатившиеся монеты. — Я его нашел. Он мой.

— Как вы сюда попали, мистер Игорь? — спросил Джонни. — Вас привез ваш папа?

— Нет, мы одни, на машине, — сказал Игорь. — Мы получили твою записку.

Ко Ко наступил Игорю на ногу, но уже Игорь понял, что этого не следовало говорить.

Мистер Роджерс перевернулся на месте.

— Ты меня выдал? Ты меня выдал?! — кричал он, вцепившись в волосы дрожащего Джонни. — Я всю жизнь... я всю жизнь... я недоедал... А ты!.. Ты меня выдал!!!

— Не смейте его трогать! — крикнула Бригитта. — Отойдите от него. Ну! Я вам говорю!

«Откуда в ней столько смелости?» — удивился Игорь. И сказал тоже громко, чтобы мистер Роджерс услышал его:

— Джонни ни в чем не виноват. Мы бы вас и так поймали.

Роджерс отпустил волосы сына и сказал совершенно спокойным голосом:

— Я пошутил, я просто пошутил. Я ведь хочу отвезти этот сундук в Рангун и сдать правительству. А я получу за это награду.

Игорь ему не поверил.

— Правда, дети, правда. Вот Джонни может подтвердить. Скажи им, мой мальчик, скажи, что твой папа говорил, что мы отвезем бирманские деньги в Рангун.

Джонни молчал. Он сидел на земле, уткнув голову в колени, и плечи его вздрагивали. Он, наверно, плакал.

— Вот видите, — сказал Роджерс, — он подтверждает. Вы лучше помогите мне донести сундучок до машины, и мы все вместе поедем домой.

— Врет он! — сказал Игорь по-русски.

И Бригитта и Ко Ко отлично поняли его. Даже мистер Роджерс понял. Он сделал шаг к ним и, наклонившись, стал хватать пригоршнями монеты и кидать их в сундук.

— Ну, помогите же, — приговаривал он при этом. — Мне одному не управиться.

И он так естественно это сказал, что, хоть ребята и не поверили ему, они тоже подошли поближе, и Бригитта подняла с земли длинную серебряную цепь, в каждое звено которой были вставлены разноцветные камни.

— Вы лучше отойдите, — сказал Роджерсу Ко Ко. — Мы сами все соберем. А вы уезжайте.

— Нет, нет, — сказал Роджерс, — награда причитается мне! Я первым нашел сундук. Я его давно искал.

Он выпрямился и стал копаться в карманах брюк, будто искал носовой платок. Но вместо носового платка он вытащил маленький черный пистолет.

— Пистолет! — вскрикнула Бригитта. — Ребята, осторожнее!

— Не двигайтесь! — сказал Роджерс, снова сменив голос на деревянный. — Не двигайтесь. Я все равно не позволю вам взять мой сундук. Руки вверх! Поднимите ручки. А впрочем, не стоит, вы все равно ничего не сделаете. А ты, бирманец, кинь нож. Я вижу его. Ну!

Ко Ко кинул нож на землю. Нож стукнулся о серебряный кубок и пропал в траве.

— Что же мне с вами делать? Вот дурачье! Полезли на свою голову, задержали меня, сундук разбили.

Настроение мистера Роджерса чуть-чуть улучшилось. Он знал теперь, что ребята, так испугавшие его, были одни, не привели с собой ни взрослых, ни полиции.

— Собирайте монеты, — сказал Роджерс. — Собирайте. И я предупреждаю: буду стрелять, и стрелять буду по ногам. Я никого не хочу убивать, но зато вы останетесь на всю жизнь хромыми, а может, даже истечете кровью. Это очень страшно.

Игорь взглянул на Ко Ко. Тот незаметно подмигнул ему —

мол, делай все, как я. Игорь никак не мог отделаться от мысли, что ему все еще снится сон. И особенно был нереальным этот пистолет в руке мистера Роджерса, мирного и тихого их соседа, который совсем недавно обещал взять его в соавторы научной статьи. И самое удивительное — пистолет у Роджерса был совсем таким же, как во сне с космонавтами. Игорю даже захотелось дотронуться до груди и посмотреть, нет ли на ней ордена Космической Звезды. Но он не посмел сделать этого, а только покосился себе на грудь. Ордена, конечно, не было. И тут Игорь представил, как пуля входит к нему в грудь, и как течет кровь, и *вот он умирает, и в глазах стоит голубое небо Бирмы...*

— Скорей! Сколько вам говорить одно и то же! — крикнул Роджерс. — Джонни, не хнычь! Да скорее же! Помогай им! — Он стоял совсем рядом с ними и настолько разозлился, что ударил Джонни рукояткой пистолета по голове. Джонни взвизгнул и по-собачьи, на четвереньках, подбежал к сундуку и принялся быстро-быстро кидать в него монеты.

Ко Ко, подбирая деньги, передвигался на корточках, пока не добрался до ног мистера Роджерса. Тут он поднял с земли большой кубок и выпрямился, как будто хотел положить его в сундук поосторожнее.

Игорь понял, что сейчас что-то произойдет, и, хоть ему было очень страшно, он напряг все мышцы, готовясь к броску.

Ко Ко со всего размаха ударил мистера Роджерса головой в живот. Тот не ожидал удара, потерял равновесие, секунду танцевал на одной ноге, подняв руку с пистолетом высоко в воздух, и тут Игорь совершил самый настоящий вратарский бросок — в девятку. Он сшиб с ног Ко Ко и вместе с ним свалился на мистера Роджерса.

Над самым ухом Игоря прогремел гром. Это нечаянно выстрелил в небо пистолет Роджерса. И в ту же секунду Бригитта прижала его руку к земле.

Наверно, все это заняло не больше минуты. Наверно, даже меньше минуты, потому что никто, даже мистер Роджерс, не произнес ни одного слова, а Джонни как стоял на четвереньках, так и остался стоять, только ладошкой закрыл глаза, чтобы ничего не видеть.

И в этот момент совсем рядом, за спиной у ребят, послышался негромкий глубокий голос:

— Не двигаться! Никто не двигается. Все остаются на своих местах.

4

В ПЛЕНУ

Ребята обернулись и увидели, что из кустов вышел толстый высокий человек в сером дорожном костюме. И Игорь даже не сразу узнал отца Франциска. Он ведь привык его видеть только в сутане.

Отец Франциск улыбался доброй, широкой улыбкой. И такой он был весь добродушный и спокойный, что Игорю показалось, что сейчас он обязательно должен сказать: «Все кончилось. Вставайте, отряхните грязь и пыль, а мистера Роджерса я беру на себя».

— Вставайте, — сказал отец Франциск. — На вас смотреть противно, такие вы грязные. Девочка, не трогай пистолет, ты все равно из него не умеешь стрелять и только кого-нибудь испугаешь.

Роджерс пришел в себя и, как только почувствовал, что ребята его освободили, приподнялся и нашарил рукой пистолет.

— Я их... — прошептал он разбитыми губами, — я их...

— Ничего вы не сделаете, мой дорогой друг. Дети не виноваты. Это вы, как последний идиот, бросились в авантюру, не подготовившись к ней должным образом. Ну кто так делает? А что, если бы я не приехал, не нашел бы эту проклятую пагоду? Так бы вас и доставили тепленького в полицию. Какой наивный и недалекий человек!

— А вы-то как сюда попали?

— Движимый заботой о ближнем, только ею. Перестаньте болтать и задавать глупые вопросы. У вас есть веревка?

— Наверху у палатки.

— Принесите, и побольше. Дети, сколько раз надо вам повторять, чтобы вы не двигались! У меня тяжелая рука, и я быстро бегаю. Пистолет оставьте мне, Роджерс, — добавил миссионер. — Вы с ним совсем не умеете обращаться.

Роджерс послушно отдал Франциску пистолет и резво полез на откос.

— А вы, дети, — продолжал укоризненно отец Франциск, — ну как вам не стыдно было похитить чужую машину и отправиться в такое длинное путешествие? Подумали ли вы о своих родителях? Они же сейчас переживают глубочайшие муки, сравнимые разве только с муками ада. Не иначе как злые силы овладели вами...

Игорь никак не мог понять, за кого же отец Франциск. С од-

ной стороны, он ругает Роджерса куда больше, чем их, а с другой стороны, не велит им двигаться. Впрочем, Игорю и не хотелось никуда двигаться. Он вложил в прыжок на Роджерса все свои силы и сейчас, сидя на земле среди блестящих серебряных кружочков, хотел только одного — чтобы все это поскорее кончилось. Он ужасно устал. Бригитта сидела прямо, не выпуская из рук серебряной статуэтки, и по ее щекам ползли длинные слезы — от глаз до уголков рта. Ко Ко опустил голову и думал. Видно, о том же, что и Игорь. Только Джонни даже не изменил позы — так же закрыв лицо ладонями, он покачивался и стонал.

— *Вы погнались за кладом, за серебром, которое вам и не* нужно, — продолжал журчать голос миссионера. — Корысть привела вас к несчастью. А что, если бы этот пистолет ранил кого-нибудь из вас?

— Мы не для себя, — сказал Игорь.

— Допустим, — ответил с готовностью отец Франциск. — И все-таки представьте себе, что, если бы я не заметил вашего джипа на дороге, не проявил закономерной осторожности, приближаясь к пагоде, не стал бы случайным свидетелем всей печальной сцены, я мог бы войти сюда спокойно, как турист, и попасть под случайный выстрел. Очень и очень прискорбно... Мальчик! — вдруг сказал он погромче. Эти его слова относились к Ко Ко, который постарался незаметно отползти к кустам. — Мальчик, я предупреждаю тебя, что умею стрелять куда лучше, чем ваш старый знакомый мистер Роджерс, который мог промахнуться. Я не всегда был пастырем заблудших душ. И в войну мне приходилось убивать достаточно людей с темным цветом кожи. Я не сентиментален, ибо грехи мои уже прощены. На место, мальчик.

Ко Ко остановился.

Мистер Роджерс, прихрамывая, спустился с обрыва. В руке он нес моток веревки.

— Замечательная, крепкая веревка! — сказал отец Франциск. — Не иначе как вы покупали ее у индийского купца на Восемнадцатой улице. Лучшая веревка во всей Бирме. А ну-ка, быстренько и крепко свяжите этих детей. Я боюсь, как бы они не натворили новых глупостей. Первым вот этого, бирманца. Он постарше и позлее.

Ко Ко отбивался от мистера Роджерса, кусался, царапался, и тот никак не мог ухватить его.

— Не дамся, гад! — ругался он по-английски и по-бирмански. — Не получится. Лучше убей меня!

— Ну-ну, — сказал отец Франциск, подходя поближе, — спокойнее, юноша.

Игорь не выдержал. Он вскочил на ноги и бросился на помощь Ко Ко. Но опоздал. Отец Франциск, видимо, все предусмотрел. *Он поднял обутую в солдатский ботинок большую толстую* ногу и ловко подставил ее на пути Игоря. Игорь налетел на подошву ботинка и, потеряв дыхание, свалился на землю. Он хватал воздух широко открытым ртом, а воздух никак не хотел входить в легкие, и казалось, что Игорь так и умрет, не вздохнув.

И он, корчась на земле, не заметил, как отец Франциск с размаху ударил Ко Ко по голове рукояткой пистолета, как закричала Бригитта, как Ко Ко сразу осел и перестал бороться.

Когда Игорь наконец отдышался, Ко Ко был уже связан и лежал неподвижно на траве.

— Теперь этого бойца, — сказал отец Франциск. — Кто он такой? Знакомое лицо.

— Русский, — сказал Роджерс, наклоняясь над Игорем и поворачивая его на бок, чтобы удобнее протянуть под ним веревку. — У него и был тот меч, о котором я говорил. Вы его видели в Дели.

— Припоминаю. Тоже сердитый молодой человек, — сказал отец Франциск. — Вяжите его потуже. Русские умеют вылезать из веревок. Я знал одного русского, и он мне не нравился. Но это длинная история, как-нибудь на досуге я ее вам расскажу.

Отец Франциск пригладил свободной рукой редкие светлые волосы и добавил:

— Становится жарко. Следует поторопиться. Наверно, этих детей уже хватились и, может, даже догадались, куда они могли деться. Кстати, мальчик, — спросил он у Игоря, — ты кому-нибудь сказал, что вы здесь?

Игорь отвернулся от него и ничего не ответил.

— Ну, мальчик, не упрямься. Скажи мне.

Игорь прикусил губу и закрыл глаза. «Если будет бить, — подумал он, — я кричать не буду».

— Не бойся, — сказал отец Франциск. — Мы тогда спросим у девочки. Вы ее знаете, Роджерс?

— Нет, первый раз вижу.

— Это плохо. Всегда надо знать своих соперников, даже несовершеннолетних. Как тебя зовут, беби?

— Бригитта, — сказала она.

— Вот и хорошо, познакомились. А меня зовут Франсуа Пежо.

«Врет», — подумал Игорь.

— Скажи, девочка, — спросил лже-Пежо, — вы кому-нибудь говорили, что уезжаете, и говорили куда?

— Не скажу, — ответила Бригитта.

— Все ясно, — сказал тогда отец Франциск, — они сказали. А то чего бы им молчать и изображать из себя героев Сопротивления? Поторапливайтесь... С девочкой покончили? Давайте последний кусок... Скорее, скорее! Нельзя терять ни минуты.

— Меня тоже, — раздался вдруг тоненький голос.

— Это еще что такое? — спросил отец Франциск. — Ты хочешь остаться со своими друзьями?

— Джонни, — сказал сердито Роджерс, — ты будешь помогать мне.

— Не буду, — сказал Джонни. — Никогда не буду помогать тебе...

— Ты меня не любишь?

— Я люблю тебя, папочка, — со слезами сказал Джонни. — Я должен тебя любить, но я не буду помогать тебе, а буду помогать мистеру Игорю... Ой, не бей меня!

— В самом деле, ребенок прав, — сказал отец Франциск. — Он выбрал позицию в классовой борьбе. Даже у кроликов бывают минуты отчаяния, и тогда они становятся смелыми. Свяжите его тоже, а бить не надо. Не надо, вы этим ничего не добьетесь, я знаю детей, а отцы своих детей обычно знают меньше всех. Впрочем, его я сам свяжу. Вы можете слишком сильно затянуть веревку.

— Так оставим его, пусть сидит, — сказал вдруг тихим голосом Роджерс.

— Не будьте тряпкой, мой друг. Джонни при первой возможности освободит своих друзей.

— Не посмеет.

— Посмею! — крикнул Джонни. — Посмею! Я тебя не боюсь. Совсем не боюсь! Мистер Игорь тебя тоже не боится, он не мистер, он камрад Игорь.

Отец Франциск быстро обмотал остатком веревки плачущего Джонни, говоря при этом:

— Роджерс, не теряйте времени даром. Наполняйте сундук. В любой момент могут появиться бирманцы, и тогда нам крышка.

Роджерс ползал по земле и быстро подбирал монеты.

— Все до единой собирать не имеет смысла. Кстати, скажите мне такую вещь: это все, что вы нашли?

— А что?

— Тут только серебро. Из-за него и не стоило стольким рисковать. Красная цена этому сундуку тысяч пять-шесть. А ведь вам еще придется делиться со мной. Это вся казна Бандулы?

— Я не знаю, — сказал Роджерс, — я выкопал этот сундук.

— А что говорится в дневнике? У вас плохая память.

— Там... там — сундуки.

— Вот-вот. Конечно, жалованье платили серебром, но вряд ли в сундуках было только серебро. Где вы его выкопали?

— В развалинах Дома трех разбойников.

— Как раз подходящее место, чтобы запрятать туда наших юных соперников. Этот дом?

— Да, он.

— Вот что, тащите пока сундук к машине, а я перенесу детей и покопаюсь еще немного.

— Сундук тяжелый, — сказал Роджерс. — Хотя конечно, конечно...

— Правильно, вы правы. Сундук вам тащить несподручно. Как я не догадался сразу, что вам тут же придет в голову мысль удрать отсюда и оставить меня одного? Но вы забыли, что ваш сын тоже здесь и, кроме того, вам без меня отсюда не выбраться. Могу вас обрадовать, — какой-то негодяй проколол шины вашему «Моррису» и то же самое сделал и с джипом.

— Вы... вы оставили меня без машины?

— Не волнуйтесь, у меня очень хороший «Лендровер», и он отлично увезет и вас, и меня, и сундуки. У меня, знаете, нет никаких оснований доверять вам, любезнейший Роджерс. Ключ от зажигания тоже у меня. Так что идите, поставьте сундук на заднее сиденье моей машины и быстренько возвращайтесь назад. Нам лучше всего остаться друзьями. И пошевеливайтесь.

Роджерс с трудом приподнял сундук... и опустил его на землю.

— Не могу, — сказал он, — устал. — И на лице у него появилась робкая улыбка. — Я в самом деле не могу, я не притворяюсь.

— Бедняжка! — сказал сочувственно отец Франциск.

Он подошел к мистеру Роджерсу, наклонился, обхватил толстыми, крепкими руками сундук, поднатужился и поднял его высоко в воздух.

— Подставляйте спину, — сказал он и, когда Роджерс согнулся, опустил сундук ему на спину.

Роджерс пошатнулся, но удержал равновесие и поплелся, еле переставляя ноги, к машинам.

— А теперь вы, детки, — сказал отец Франциск.

Он одной рукой обхватил Ко Ко, другой — Бригитту и без труда понес их к черному входу в развалины.

Пока его не было, Игорь обернулся к Джонни:

— Ты молодец! Сейчас придут наши и им покажут.

— Я боюсь за папу, — сказал он. — Папу могут убить или посадить в тюрьму.

Игорь ничего не ответил. Ему совсем не было жалко мистера Роджерса с его улыбочками и разными голосами.

— Он очень несчастный, — сказал Джонни, — и я плохо поступил, оставив его.

— Вы это про кого? — спросил вернувшийся отец Франциск. — Неужели вы пожалели своего отца? Зряшное занятие. Ваш отец недостоин жалости. Он слишком любит деньги, но совсем не приспособлен к тому, чтобы иметь их много. Он жадный и неумный человек.

Говоря так, отец Франциск перенес ребят в развалины и опустил их на плиты пола. Пол был грязный, заваленный листьями, трухой и свежей землей, выброшенной из провала в середине комнаты. В развалинах было полутемно, потому что дыру в крыше давным-давно затянули лианы и в трещинах стен выросли кусты, корни которых свисали сверху, как сталагмиты в пещере. Здесь было куда прохладнее, чем снаружи.

Отец Франциск свалил ребят на пол, будто это были не люди, а мешки с картошкой. Потом осмотрелся, привыкая к полутьме, и спросил Джонни:

— Где лопата?

— Не знаю, — ответил тот.

— Нет, ты знаешь, выродок! Или помочь тебе вспомнить?

— Она в углу.

— Правильно. Вот видишь, как хорошо постараться и вспомнить. Твой папочка копал прямо посередине. Мы же потратим еще две минуты на то, чтобы посмотреть, не осталось ли здесь другого сундука. Ведь мы и так рискуем, так почему бы не рискнуть основательнее, коли уж мы ввязались, к сожалению, в эту авантюру. Вот сейчас мы копнем здесь... Да, пожалуй, здесь...

Игорь думал, вот трепач, все говорит и говорит, будто зубы заговаривает. Как бы он не убил Ко Ко.

— Ко Ко! — позвал он.

Тот не откликнулся.

— Без разговорчиков, дети! — сказал отец Франциск. — Вы еще успеете наговориться за вашу долгую и счастливую жизнь. Причем на всякий случай я прошу учесть, что это я собственноручно отнес вас в это тихое, безопасное местечко и сберег вашу жизнь, которая могла так прискорбно оборваться в руках моего неразумного друга по имени Роджерс. Он такой неуравновешенный человек! Вы просто не представляете, до чего он неуравновешенный человек.

В проеме двери показалась тонкая фигура Роджерса.

— А, вот и вы! Как только помянешь черта, он уже тут как тут, — весело сказал отец Франциск. — В углу, как я успел заметить, стоит вторая лопата, берите ее и помогите мне копать. А тем временем расскажите, чем окончилось ваше долгое путешествие.

— Все в порядке, — сказал Роджерс, тяжело дыша. — Я бы хотел отдохнуть немного, меня ноги не держат.

— У вас будет еще масса возможностей отдохнуть. И в бирманской тюрьме в Инсейне, и на том свете. А сейчас я бы настойчиво рекомендовал вам все-таки взять лопату и чуть-чуть потрудиться.

— По дороге ездят машины, — сказал Роджерс, беря лопату.

— Нашли чем меня удивить! Копайте. На то и дорога, чтобы по ней ездили машины.

Отец Франциск копал быстро, сильно ударяя лопатой по слежавшейся земле, перемешанной с обломками кирпичей, упавших сверху, с сучьями и гравием. Он отбрасывал землю в сторону, и иногда комья ее больно ударяли Игоря и Бригитту, которые лежали ближе к яме.

— Берите левее, — командовал миссионер. — Если он тут, то должен лежать недалеко. А он где-то здесь. Если бы кто-нибудь побывал в развалинах раньше, то взял бы оба сундука. Не ленитесь. Сундук потащу я сам.

С минуту ничего не было слышно, кроме тяжелого дыхания мистера Роджерса и ударов лопат о камни. Вдруг издалека донесся резкий гудок. Еще один.

— Машина, — сказал Роджерс тихим-тихим, тоненьким голосом.

— Здесь много машин, — ответил Франциск, но тоже выпрямился и опустил лопату.

Гудки раздавались снова и снова.

— Это Миша! — крикнул Игорь, позабыв обо всем. — Это его машина. Это Миша гудит. Он здесь. Ми-и-ша!

— Молчать! — крикнул страшным голосом отец Франциск. — Пристрелю.

Но Игорь уже не слышал его, он кричал: «Ми-ии-ша!» И Бригитта закричала тоже. Она кричала: «Миша!» — тонким, высоким, пронзительным голосом. «Ми-и-и-ша!» — так громко, что, казалось, лопнут перепонки. И Джонни тоже закричал. Непо-

нятно было, кричит ли он или плачет, но он тоже кричал: «Ми-и-ша!»

Первым не выдержал мистер Роджерс. Он пнул ногой Игоря, зажал руками уши, выскочил из развалин и исчез. Отец Франциск выругался и бросился к ребятам. Он бил их ногами, ругал, уговаривал, дергал за волосы, старался заткнуть рты, метался, будто сошел с ума, потом тоже бросился к двери, налетел с размаху на косяк, отшатнулся и забухал ботинками по оврагу.

А ребята все кричали и кричали. Они уже не могли остановиться, и, наверно, прошло несколько минут, прежде чем замолчала Бригитта, потом Джонни с Игорем. И тут они поняли, что остались одни.

— Папа! — всхлипнул Джонни. — Что будет? Что будет?

В овраге стояла тишина. Не доносились гудки, смолкли шаги, и только пчела, заблудившаяся в развалинах, мерно жужжала среди лиан.

— А вдруг это был не Миша, — спросил Игорь, — и они вернутся?

5

КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ

— Надо развязать руки, — сказала Бригитта.

— А как? Они крепко связаны.

— Найти бы какой-нибудь острый камень.

Игорь с трудом перевернулся на живот — никогда он не думал раньше, что так трудно перевернуться со связанными руками, — и постарался подползти к выходу. Он извивался, как змея, но дверь не приближалась. Только камни царапали живот...

— Ко Ко, — позвала Бригитта. — Ко Ко, ты жив?

Игорь замер. Как он мог забыть о товарище?

— Ко Ко, отзовись! — сказал он. И тут ему в самом деле стало страшно, страшнее, чем в лесу, страшнее, чем когда мистер Роджерс направил на него свой пистолет.

Но тут же Ко Ко, будто услышав их, тихо застонал и пробормотал что-то по-бирмански.

— Что он сказал? — спросил Игорь.

— Не знаю, — сказала Бригитта, — я не поняла.

— Он хочет пить, — сказал Джонни.

— Потерпи, сейчас наши придут, — сказал Игорь.

Но наши все не шли и не шли.

Трах! — послышалось от дороги. Трах!

— Стреляют, — сказал Джонни. — Стреляют!

Игорь еще отчаяннее пополз к дверям. Он отталкивался ногами от ускользающего пола, но им не за что было зацепиться. И рукам было очень больно.

— Слушайте! — прошептала Бригитта. — Шаги.

По оврагу кто-то бежал. И не один.

— Если это Роджерс с Франциском, притворимся мертвыми, — сказала Бригитта.

— Они догадаются.

— Игорь! — послышалось снаружи. — Игорь! Бригитта! Где вы?

— Евгений! — закричал Игорь. — Мы здесь! Мы не можем выйти!

— Бегу! — раздалось в ответ, и в тот же момент темная фигура заслонила белый четырехугольник входа.

Евгений остановился на секунду, приглядываясь к полутьме. Но тут же его оттеснили другие люди. Тут были и отец, и товарищ Данчев, и бирманские военные — в развалины набилось сразу человек десять.

— Гады! — сказал по-русски Глущенко, распутывая веревки на руках Игоря.

— Осторожнее с Ко Ко, — сказал Игорь, — он ранен. Его отец Франциск по голове пистолетом стукнул.

— Поднимайте его, — сказал знакомый голос. Ну конечно же, это майор Львин. — Где врач?

— Я здесь, — сказал другой военный. — Лучше я посмотрю его на свету.

— Ты можешь идти? — спросил отец, положив голову Игоря себе на колени, пока Евгений возился с веревкой.

— Конечно, — сказал Игорь. — Они ничего со мной не сделали. Это Миша гудел?

— Он самый.

— Я узнал его гудок. И мы закричали, а они испугались и убежали.

— Ну вот, а ему влетело от майора Львина. Он боялся, что мы их спугнем или они что-нибудь с вами натворят. Мы не знали, где поворот. Потом один старик подсказал. И он же сказал, что сюда уже три машины проехали.

— А мы ждем, ждем, а вас нет. Мы думали, что это они возвращаются.

Отец крепко прижал Игоря к себе, и они, обнявшись, вышли на свет. Это хорошо, что отец его обнял. Оказалось, что ноги совсем не держат Игоря.

Он увидел, что Данчев вынес на руках Бригитту, хотя она отмахивалась и повторяла, что с ней ничего не случилось.

— Я присяду, — сказал Игорь, — пока выяснится, что с Ко Ко. Он мой друг.

— Ну уж и натворили вы! — сказал Евгений.

Но отец строго посмотрел на него.

— Все в порядке, — сказал он. — Все хорошо закончилось.

— Как мама? — спросил Игорь.

— Ничего. Ничего. Там стоит машина с передатчиком, и майор Львин отправил одного из полицейских послать радиограмму в Рангун. Не волнуйся.

К Игорю подошел доктор.

— Ну а что у вас, молодой человек? — спросил он.

— Я совсем здоров, — сказал Игорь, — только устал.

Врач провел рукой по спине Игоря, и тот поморщился.

— У меня там оцарапано, — сказал он.

— Очень хорошо, — ответил врач. — Придется раздеться.

Тут началось самое неприятное. Врач совсем неделикатно мазал царапины и ссадины Игоря йодом и заклеивал пластырем.

Ко Ко, который пришел в себя, лежал с забинтованной головой на чьем-то плаще и улыбался, подмигивал, как будто хотел сказать: вот и тебе досталось.

— А где мой папа? — услышал Игорь голос Джонни.

Игорь подумал, что Джонни давно уже хотел спросить об этом, но боялся.

— Это сын мистера Роджерса, — сказал Игорь. — Он очень хороший. Он все время был за нас.

— Где мой папа? — повторил Джонни и заплакал. Он плакал громко, навзрыд, и майор Львин подошел к нему и положил ему на голову руку, но так ничего и не сказал.

— Я хочу к нему, — сказал Джонни.

— Не надо тебе, мальчик, — сказал Львин.

— Он мертвый, я знаю! Он мертвый, вы убили его!

— Это сделал другой человек, который был с ним.

— Отец Франциск? — удивился Игорь. — Но почему? Они же вместе.

— Они не вместе. Просто Франциск знал, куда поехал Роджерс, и захотел тоже поживиться. А когда они бежали, он решил не брать Роджерса с собой, он его не пускал в машину. Он думал, что ему одному будет легче скрыться. И когда Роджерс все-таки забрался в машину, он его застрелил.

— Папа! — кричал Джонни. — Я хочу видеть моего папу!

Врач наклонился над ним и заставил выпить что-то из баночки. Но Джонни все не успокаивался. Игорь подошел к нему и взял его за руку.

— Я во всем сам виноват. Мне надо было с самого начала сказать, и он бы никуда не поехал, это я виноват... — повторял Джонни.

Игорь крепко держал его за руку, и Джонни не вырывал руки. Всхлипывая, он шел рядом с Игорем. Двое солдат несли на плаще Ко Ко, а Бригитту, хоть она и возражала, нес на руках Данчев. Он так крепко прижимал дочь к себе, что казалось — не видел ее лет пятьдесят.

У поваленного дерева стояло много машин. И три машины, которые приехали раньше, и машина Миши, который, увидев ребят, сделал зверскую физиономию и сказал свое «карашо», и еще две машины военных с высокими антеннами над крышами, и машина из болгарского посольства.

За одной из машин, под кустами, лежал кто-то, покрытый полотном. Игорь догадался, что это мистер Роджерс, и больше старался в ту сторону не смотреть. Ему все равно не было жалко мистера Роджерса, ему было только очень жалко Джонни.

Джонни хотел подойти к отцу, но его отвел в сторону пожилой солдат в каске и с автоматом на груди. Врач тоже отошел вместе с ними. Джонни уже не бился, не плакал, а как будто оцепенел.

Отец Франциск сидел в военном джипе. Рядом с ним был автоматчик. Увидев ребят, Франциск поднял руки, скованные кандалами, и сказал:

— Вы же можете подтвердить, что я сделал все, чтобы сохранить вам жизнь. Я же не причинил вам вреда.

Солдат ему что-то строго сказал, и отец Франциск замолчал и отвернулся.

Сундук с серебром стоял на сиденье «Лендровера», и из него высовывался кубок, украшенный камнями.

— Поехали, — сказал майор Львин. — Сначала в Пром, в госпиталь, пусть ребят осмотрят. До Рангуна ехать далеко.

6

РАЗГОВОР В МУЗЕЕ

Через три дня майор Львин заехал на своей машине за Игорем и его отцом. Он сказал, что отвезет их в музей. Мама уговорила майора привезти потом всех к Исаевым, чтобы она угостила их пельменями. Майор обещал приехать.

В кабинете директора музея уже сидели все, кто так недавно

встретился у пагоды Трех Духов. Не было только Джонни, который заболел нервным расстройством, и его положили в военный госпиталь, и, конечно, не было отца Франциска, который сидел в тюрьме и ждал суда.

Ко Ко еще не снял повязки, и вид у него был очень мужественный и веселый. Бригитта совсем не изменилась. Она не могла не улыбаться. Все время рот ее так и растягивался в улыбке.

Когда Игорь пришел, она достала из сумочки, настоящей дамской сумочки, только маленькой, три длинных толстых волоса и сказала:

— Это твоя доля. Тигровые усы.

Игорь вспомнил и сказал:

— Ты своей маме не говорила?

— Я хотела не говорить, но не смогла удержаться. А мой папа теперь тебя очень уважает, потому что ты храбрый.

Игорь посмотрел на Данчева, но тот не слышал слов Бригитты, потому что был занят разговором с директором. Они стояли около длинной скамьи у стены и рассматривали разложенные там драгоценности. На полу в углу было два сундука. Один, поменьше, с оторванной крышкой. Его Игорь уже видел. Другой сундук нашли уже потом, когда развалины раскопали солдаты. Сейчас сундуки были пустыми, потому что все вещи из них были переложены на скамью.

— Хочешь посмотреть? — спросила Бригитта. — Я здесь уже давно и все видела.

Игорь встал и подошел к скамье.

Хорошо, что отец Франциск так и не увидел того, что было во втором сундуке. Он с ума бы сошел от жадности. Там лежали не только серебряные, но и золотые вещи, и всякие украшения, и цепи, усыпанные драгоценными камнями, и чаши для бетеля, сделанные из золота, и даже золотые слитки, и множество других сверкающих и красивых вещей.

— Дело не в денежной ценности, — говорил директор музея Данчеву. — Для меня, например, да и для тех бирманцев, которые увидят эти вещи на специальной выставке, самыми дорогими вещами будут вот эти.

Директор поднял со скамьи небольшую статуэтку. Она была вырезана из зеленого полупрозрачного камня и изображала стоящую на коленях молодую женщину. Одна рука ее касалась пальцами земли, другая была прижата к щеке, будто женщина задумалась о чем-то своем. Она чуть-чуть улыбалась, но не весело, а грустно.

— Это королева Со, — сказал директор. — Статуэтке этой не

меньше семисот лет, и по всему видно, что сделали ее бирманские мастера. Или вот эти золотые листы с выдавленными на них буквами. Им уже больше тысячи лет. На них записан буддийский канон...

— А как они попали в казну? — спросил Данчев.

— Видимо, они находились в пагоде Шведагон, и бирманцам удалось вывезти их перед тем, как они отступили из Рангуна.

— Я попросил бы всех присутствующих сесть, — сказал майор Львин, — и уделить мне несколько минут вашего драгоценного времени. А заодно отведать чаю, который сварен по моему собственному рецепту.

Он подождал, пока все расселись, и собственноручно разлил в маленькие чашечки светлый душистый чай.

— Вкусный чай, — сказала Бригитта, — вы очень любезны.

Игорь даже поперхнулся от смеха. Она опять стала светской дамой! Вы только подумайте. Вот бы сюда ребят из школы. Они ждут не дождутся, когда Игорь с Бригиттой вернутся в класс и все расскажут. Жалко, что в первые дни доктор не разрешил им ходить в школу. Мишка Богданов уже, наверно, лопнул от зависти.

— Итак, я перехожу к делу, — сказал майор Львин. — И выступаю я сейчас как представитель бирманского правительства и поэтому прошу слушать меня внимательно. — Он улыбался при этом и хитро поглядывал на Игоря, будто они с ним знали какую-то тайну, которую больше никто не знал.

Игорь на всякий случай тоже хитро поглядел на майора Львина.

— Нами, вернее, нашими юными друзьями Бригиттой Данчевой, Игорем Исаевым и Маун Ко Ко найден и спасен для нашей страны драгоценный клад, известный в истории под именем казны генерала Бандулы. Стоимость его, по предварительным подсчетам, составляет около четырехсот тысяч джа. То есть это один из самых больших кладов, найденных за последние годы у нас в стране. Но стоимость казны Бандулы не укладывается в чисто денежные рамки, потому что он стóит во много раз больше как собрание произведений бирманского искусства и исторических предметов уникального значения.

Львин замолчал, отхлебнул чаю, обжегся, поморщился и продолжил:

— Правительство Бирманского Союза уполномочило меня выразить искреннюю признательность лицам, участвовавшим в поисках и спасении клада, и, учитывая, что они при этом проявили себя отважными и бескорыстными людьми, постановляет: несмотря на то что награды Бирманского Союза не вручаются

несовершеннолетним, сделать исключение и наградить медалью Аун Сана Бригитту Данчеву, подданную Болгарской Народной Республики, Игоря Исаева, подданного Советского Союза, и Маун Ко Ко, бирманского гражданина. Медали будут вручены в соответствующей обстановке четвертого января следующего года, в День независимости Бирмы.

Львин посмотрел на сияющего Игоря, покачал укоризненно головой и, как бы желая снизить торжественный эффект, сказал коварно:

— От себя могу выразить надежду, что поступки этих молодых людей были обсуждены в кругу их семей и отважные молодые люди уже понесли соответствующее наказание за то, что убежали из дому, заставили всех волноваться и доставили неприятности своим родителям. Если бы я был членом правительства, я написал бы в указе, что к медали прилагается по хорошей бамбуковой палке для телесных наказаний.

— Но мы же очень спешили. Мы боялись, что нам не поверят.

— Я шучу, уважаемый Игорь Исаев. Не могу же я всерьез настаивать, чтобы какие-то самые обыкновенные родители наказывали таких исключительных детей.

Все засмеялись, а Игорь сказал:

— Ну уж, мы не исключительные.

— В заключение разрешите мне сказать еще об одном. По правилам, существующим в Бирме, нашедшему клад и передавшему его государству полагается часть стоимости этого клада. Поэтому каждый из троих участников поисков должен получить в государственном банке Бирмы двенадцать тысяч джа и может распоряжаться ими по своему усмотрению.

— Вот это да! — сказал Ко Ко. — Мы купим новую машину. А то джип совсем развалился. И я буду учиться!

— Кстати, Маун Ко Ко, — сказал Львин, — с ремонтом вашей машины приходите ко мне осторожнее, там репортеры дежурят.

— Они и так у самых ворот стоят — даже не знаю, как в школу будем ездить, — сказал Игорь. — Хорошо, что Аппалсвами их отгоняет.

— Слава тоже имеет свои недостатки, — сказал Львин.

— Папа, можно, я скажу? — спросила Бригитта.

— А почему ты у меня спрашиваешь? — удивился Данчев.

— Ведь это мои собственные деньги? А ты мой папа. Я хочу, если можно, не брать их. А то получается, что мы за деньги ездили.

— Никто так не думает, — сказал директор музея.

— Но все равно, можно будет передать мои деньги Ко Ко? Они ему нужнее, а мой папа и так получает от Болгарии.

— Вы можете поступать, как вам хочется, — сказал Львин. — Даже выложить ими дорожку к своему дому.

— Я не хочу чужих денег, — сказал Ко Ко.

— Но ведь без тебя мы никуда бы не попали, — сказал Игорь. — Я тоже хочу отдать свои деньги, но только Джонни. Ведь теперь у него нет отца, а он очень бедный, и ему надо учиться и хорошо питаться, и у него еще есть сестра, которую надо отдать замуж.

— Смотри, как он много знает! — сказал Львин. — Я должен добавить, что о Джонни мы побеспокоимся. Мы отлично понимаем, что он не виновен в преступлении своего отца. Никто не собирается его в чем бы то ни было укорять. Сейчас он находится в государственном госпитале, а потом будет ходить в школу, как и все дети, и ему будет выплачиваться пенсия до тех пор, пока он не окончит образование. Правда, пенсия небольшая, и, честно говоря, я вполне согласен с Игорем Исаевым. Лично я.

— Я тут имею право голоса? — спросил Исаев-старший.

— Конечно.

— Так я полностью согласен с сыном.

— Бригиттины деньги пускай тоже будут для Джонни, — сказал Ко Ко. — Мне и так хватит.

— Молчи ты! — сказала Бригитта сердито. — А то не буду с тобой дружить. Тебе же надо будет потом поступить в университет и приехать учиться к нам в Болгарию.

— Или в Советский Союз, — сказал Игорь. — У нас университет больше.

— Я еще налью чаю, — сказал Львин. — Ведь чай хороший, не правда ли, кавалеры медали?

— Хороший, — согласился Игорь. — Налейте, пожалуйста.

— Я вчера получил письмо из Ленинграда, — сказал Евгений. — Если вам интересно, я могу пересказать часть его, которая относится к матросу Исаеву.

— Что-нибудь новое? — спросил директор музея.

— Да. Так вот, мой друг пишет, что он поднял дела в Морском архиве и обнаружил, что в тысяча восемьсот двадцать втором году в Индийском океане находился в плавании фрегат «Крейсер» под командованием капитана Лазарева, того самого, что за два года до того открыл Антарктиду. В корабельном журнале экспедиции мой друг нашел запись о том, что во время бури погиб матрос. Дальше ему не составило труда обнаружить, откуда был вырезан листок с рассказом о буре и канонире Исае-

ве. Оказалось, это записки мичмана Завалишина, одного из спутников Лазарева, опубликованные в географическом журнале в тысяча восемьсот двадцать четвертом году. Впоследствии Завалишин был декабристом и был сослан в Сибирь. Кстати, в этой экспедиции участвовал и молодой офицер Нахимов, который через много лет, став адмиралом, прославился при защите Севастополя. Нахимов, как узнал мой друг, и командовал шлюпкой, которая пыталась найти и спасти матроса. А еще через два дня, зная, где и что искать, мой друг нашел в архивах запись допроса матроса Исаева, который прибыл в Петербург в середине тысяча восемьсот двадцать шестого года. Оказывается, матрос Исаев рассказал, что после одного из боев командующий бирманской армией генерал Бандула решил отпустить его домой, наградив за храбрость в бою и за то, что Исаев убил вражеского лазутчика. Бандула поручил ему везти тайный груз в столицу, но в пути конвой попал в засаду, устроенную англичанами, и был перебит, за исключением Исаева, который скрылся в кустах. Пока англичане преследовали бирманскую охрану, Исаеву удалось скинуть под откос сундуки с грузом и спрятать их в развалинах, известных под названием Дом трех разбойников. Он засыпал их землей и попытался добраться до ближайшей деревни, чтобы поднять тревогу, но по пути туда был схвачен англичанами и увезен обратно в Рангун.

— А я это знаю, — сказал Игорь. — У мистера Роджерса был дневник его прадедушки. Прадедушка и привел англичан. Наверно, этот дневник мистер Роджерс оставил дома, и его можно прочитать. Но мы с Джонни не успели его дочитать, и Джонни взял с меня слово, что я никому не скажу. Он боялся за своего отца. Вы извините меня, Евгений Александрович, что я вас тогда обманул. Я ведь дал слово.

— Ничего, — сказал Евгений, — я догадался, что тут что-то неладно, но думал, что у тебя есть веские основания молчать. Да, значит, Исаева привезли в Рангун и все время пытались узнать у него, где груз, но Исаев говорил англичанам, что груз был оставлен в деревне, не доезжая до пагоды Трех Духов, и сдан бирманским властям. Когда Исаев был в английском лагере, пришло известие, что погиб генерал Бандула. И вскоре было заключено перемирие. В плену Исаев встретил одного из бирманских офицеров, которого знал по армии, и передал ему секрет клада, но тот, верно, погиб, потому что, как мы знаем, клад так и не был найден. Исаева заставили поступить матросом на английский корабль, потому что много английских матросов умерло в Бирме. Он не возражал, потому что думал, что таким образом он приблизится к дому. Он только поставил условие, чтобы ему вернули меч, потому что меч — награда за храбрость. И англичане возвратили оружие. После долгих приключений Иван сбежал с английского корабля в Стамбуле и пробрался домой, на родину. Дальше в своих показаниях он рассказывает о Бирме, о ее народе, о правительстве и сообщает, что груз, который он вез, закопан в развалинах Дома трех разбойников. Вот и все.

— А почему он не написал в Бирму, почему не вернулся? — спросила Бригитта.

— В этом нет ничего удивительного. В те времена Бирма была так далека от России, будто была на другой планете. Корабли туда не ходили, поезда не ездили, самолеты не летали. Исаев, может, и хотел дать туда весточку, но вскоре после того, как он написал письмо домой, он простудился и умер в Петербурге. Его вещи, в том числе меч, переслали в Великий Устюг. Вот и вся история, которая так и осталась бы неразгаданной, если бы не целая цепь случайностей. Если бы не приехал в Бирму Исаев — потомок Исаева, если бы не увидел Игорь картину в доме старика-историка, если бы не поселился он рядом с Роджерсом, который тоже кое-что знал о казне и мечтал ее найти.

— Ну уж, какие это случайности, — возразил Исаев-старший. Он не хотел, чтобы случайности командовали его поступками. — Как только мы все узнали, то действовали без всяких случайностей.

— Ну хорошо, без случайностей, — согласился Глущенко.

— У меня есть еще один вопрос, — сказал майор Львин. — В кармане Роджерса мы обнаружили вот эту записку, вернее, план. Она написана, очевидно, на русском языке. Интересно, как она попала к нему? Может, она связана с тем, что Роджерсу удалось найти наконец место клада. Ведь что ни говорите, как ему это удалось, мы не знаем.

Майор Львин достал листок бумаги и разложил его на столе.

Игорь все понял с первого взгляда — это и была та записка, которую Роджерс вынул из ручки меча. На записке был нарисован грубый план: дорога, пагодка, квадратик — Дом трех разбойников — и несколько надписей: «Здесь лежитъ грузъ», «Пагода Трехъ Духовъ», «дорога на Промъ», «река Иравади».

— Удивительно! — сказал Евгений. — Это же план, по которому можно найти клад.

И Глущенко обернулся к Игорю.

Игорь понял, что погиб. Теперь у него наверняка отнимут медаль.

— Он не виноват, — сказала Бригитта, — мистер Роджерс его обманул. Он, честное слово, ни в чем не виноват.

— Может, сам расскажешь? — спросил Евгений.

— Расскажу, — сказал Игорь. — Он обещал, что мы с ним напишем научную статью, и тогда я пришел...

И Игорь, не поднимая глаз, рассказал историю с пропажей меча, рассказал о полой рукояти и о том, как план попал в руки Роджерса.

И ничего не случилось. Никто даже и слова упрека не сказал Игорю. Как будто всем приходилось не раз попадаться на такие удочки. Только когда уже все выходили из кабинета, чтобы ехать к Исаевым есть пельмени, отец совершенно серьезно, как взрослому, сказал Игорю:

— Все мы учимся на ошибках. Иногда это бывает даже полезно.

— Видно, Исаев перед смертью нарисовал этот план, — сказал Данчев.

Когда шли через зал, то директор подвел их к большому стенду. Посреди стенда висела картина. Высокий человек с желтыми волосами и с мечом в руках стоит среди бирманских пушек, а снизу на холм карабкаются солдаты в красных мундирах.

Под картиной висел меч в серебряных ножнах, меч генерала Бандулы.

ДВА БИЛЕТА В ИНДИЮ

1. ТИГРЫ ХОДЯТ ПО НОЧАМ

Чрезвычайное происшествие случилось в летнем лагере «Огонек» за четыре дня до конца смены, когда все думали, что смена обойдется без чрезвычайных происшествий.

Юля Грибкова из третьего отряда увидела на поляне за кухней, как Юра Семенов и Олег Розов по прозвищу Розочка издеваются над кошкой Ларисой. А издевались они так: Семенов привязал к хвосту кошки консервную банку, в которую насыпал гвоздей, и собирался выпустить кошку в таком виде на эстраду, где самодеятельный коллектив репетировал народные танцы Сейшельских островов. Розочка помогал Семенову советами.

Услышав вопли кошки, Юля Грибкова, как пантера, выскочила из кустов, где читала книгу Даррелла «Зоопарк в моем багаже», и принялась молотить этой книжкой по голове Семенова. Потом она отбросила книжку и исцарапала Семенову щеки. Семенов, как только опомнился, стал сопротивляться, подбил Грибковой глаз, а также нанес, по словам лагерной врачихи, множественные, хотя и несущественные телесные повреждения. Розочка был свидетелем и подавал Семенову советы, поэтому тоже получил свою долю синяков...

Вечером Юля Грибкова сидела у эстрады со своим приятелем и одноклассником Фимой Королевым. Ужинать она не пошла, не хотелось. Она ждала, когда после кино соберутся вожатые и выгонят ее из лагеря. Мимо проходили знакомые, выражали сочувствие, девочки ругали Семенова, а ребята шутили. Потом приходила повариха Верочка и принесла котлету и стакан компота. Верочка любила кошку Ларису. Юля отдала котлету и компот Фиме — он такой толстый, что никогда не может толком наесться, а дома его держат на диете.

— Твоя бабушка не переживет, — сказал Фима. — Она очень нервная.

Юля вздохнула и ничего не ответила.

— Придется тебя спрятать у меня дома, — решил Фима. — Мои все равно в отпуске. Кончится смена, придешь домой как ни в чем не бывало.

— Разумно, — сказала с иронией Юля. — А из лагеря потом придет письмо, что меня выгнали за драку.

— И чего тебя увлекло в бой? — спросил Фима, допивая компот. — Ничего кошке от этого бы не случилось...

— А нервы? — возразила Юля. — А унижение? Ведь нервные клетки не восстанавливаются.

— У кошек, может, и восстанавливаются, — сказал Фима. — Это еще не доказано.

— Нет. — Юля была непреклонна. — Если звери не могут сказать, то наш долг их защитить. И так многих истребили. Морской коровы уже не осталось. И страус моа вымер.

— Кошкам это не грозит, — сказал Фима.

— Тут дело в принципе.

— Могла бы и словами обойтись. А то Семенову чуть глаз не выцарапала. Он старшему вожатому жаловался.

— Вот видишь! А Лариска никому не может пожаловаться. Ушла к себе под дом и переживает.

— Странная ты, Юлька, — сказал Фима. — Иногда мне кажется, что ты любишь животных больше, чем людей. Ты бы и тигра пригрела. И скорпиона.

— Плохих зверей не бывает. Как плохих младенцев. Люди потом постепенно перевоспитываются и превращаются кто в отличника, а кто в урода. А звери остаются младенцами.

— Опасное заблуждение, — не согласился с Юлей Королев. — Ты на той неделе змею из леса притащила. Говорила, что уж, а оказалось — гадюка. Младенцы не бывают ядовитые...

— Во-первых, гадюка никого не укусила, и я ее обратно в лес унесла. Во-вторых, от гадюк польза...

Фима отмахнулся от этих слов и опрокинул стакан, чтобы вишенки, которые остались на дне, скользнули ему в рот. Юля задумалась. Положение у нее и в самом деле было трудным, родителей в Москве нет, бабушка еле ходит... как ей скажешь, что тебя выгнали из лагеря за драку?

— Змеи, скорпионы и всякие гады... — задумчиво произнес Фима. На дне стакана оставалась еще одна вишенка. — Я предпочитаю иметь дело с автобусами.

Он снова запрокинул голову, взор его скользнул к небу, и в поле зрения попала вершина большого дуба, что рос у самого забора. Там в листве было что-то большое, серое и непонятное. Вроде толстого кабеля с головой и черными глазами.

Фима так удивился, что не заметил, как проглотил вишенку.

— Ты что? — удивилась Юля. — Подавился?

— Э... — сказал Фима. И показал дрожащей рукой на дерево.

Что-то зашуршало, и кабель исчез.

— Ничего не вижу, — сказала Юля.

— И не надо видеть, — ответил Фима. — Это, наверное, от твоих разговоров у меня в глазах галлюцинации.

Начало смеркаться. Появились первые комары, намечали себе боевые цели. Из леса тянуло слабым запахом грибов и прели. Лето кончалось. По дорожке шла кошка Лариска, верно, хотела поблагодарить Юльку, но не дошла, выгнула спину — шерсть торчком, зашипела и умчалась.

— У забора кто-то есть, — сказал Фима. — Кошки чуют.

— Пойду посмотрю, — сказала Юлька.

— Погоди!

Но Юлька уже поднялась. Ей тоже показалось, что в кустах у забора что-то таится. Кусты густой стеной прикрывали забор, и потому вожатые не догадывались, что в заборе есть удобная дырка, сквозь которую можно после отбоя убегать к реке.

Стоило Юльке сделать два шага к забору, как кусты покачнулись и замерли. Тихо.

— Не ходи, а? — сказал Фима. — Ничего там интересного. Мало тебе своих ран?

— Что же там было?

— Волк, — сказал Фима. — Или медведь. Мало ли что бывает в кустах. — Он попытался засмеяться собственной шутке, но не смог.

Тут сзади раздались голоса — кино кончилось. Фима подхватил тарелку и стакан — побежал на кухню.

Юлька осталась одна и мужественно вынесла все смешки и шутки. Вожатые и прочие лагерные взрослые пошли в домик директора, где должны были обсуждать чрезвычайное происшествие. Юлька постояла немножко, потом отправилась в свой корпус — одноэтажный деревянный голубой дом, села на кровать и стала ждать, как решится ее судьба.

Она даже не знала, сколько времени прошло, — стемнело. С площадки неслась музыка, там танцевали. Кто-то забегал в палату, что-то спрашивал. Юлька пыталась было читать Даррелла, но ничего не получилось. Да и свет зажигать не хотелось.

Потом к окну простучали мелкие шаги, Юлька догадалась — Фима.

— Юлька, ты здесь? — сказал он. — Обсудили.

— Меня обсудили?

— Я под окном подслушивал. Окно открыто, все слышно.

Юлька высунулась в окно — оно было низким, голова Фимы как раз поднималась над подоконником.

— Ну и что? — спросила Юлька, стараясь не выдать волнения.

— Они смеялись, — сказал Фима.

— Почему?

— Они сначала старались серьезно обсуждать, а потом смеялись. А Степаныч, физкультурник, все требовал, чтобы кошку привели как свидетеля. Понимаешь?

— Ничего не понимаю.

— Они решили тебя не выгонять. И Семенова тоже. И наша вожатая Рита очень ругала Семенова, а потом Семенов, который под окном со мной вместе стоял, крикнул, что он в порядке самообороны. А ты как дикая кошка.

— Ну, если он мне попадется... — начала Юлька.

— Тогда второй раз тебя не простят. Только они потом нас отогнали от окна, и я не знаю, чем кончилось.

— Что-нибудь обязательно придумают, — сказала Юлька.

Тут вошли девочки с танцплощадки и начали громко разговаривать на глупые темы. Фима убежал, чтобы его не увидели. А потом Юля легла в постель, чтобы больше ни с кем не разговаривать. И притворилась, что спит.

На самом деле она не спала. Ей совершенно не хотелось спать. Постепенно угомонились соседки по палате, заснул весь лагерь, поднялась луна и осветила кровати. Зажужжал комар. Далеко-далеко загудел на реке пароход. Синяк на щеке разболелся, как зуб. «Все равно, — подумала Юлька, — если бы я сейчас его увидела, я бы снова на него напала».

— Юля, — раздался голос под окном. Тихий, как комариный звон.

Юля подумала было, что вернулся Фима, хотя это было невероятно, потому что Фима обожает спать. Может быть, Семенов решил свести счеты? Юля решила подождать.

— Юля, — снова послышался голос. — Выйди к нам. Надо поговорить.

Юля вскочила с кровати, хорошо, что та стояла у окна, и высунулась наружу. Никого на улице не было. Дорожки казались светлыми, почти белыми от лунного света, по небу бежали тонкие рваные облака, и вокруг стояла пустынная тишина.

— Кто здесь? — спросила Юля.

— Не бойся, Юля, — послышался голос из большого розового куста, который рос на перекрестке дорожек. — Мы не шутим. Нам надо поговорить с тобой, чтобы никто не видел.

— Это ты, Семенов? — спросила Юля.

— Ты нас не знаешь, — сказал голос. — Нам не к кому обратиться, кроме тебя. Ты нас поймешь.

— Покажись, — произнесла Юля, — если ты не Семенов.

— Ты испугаешься, — сказал голос.

— Меня уже ничем не испугаешь, — ответила Юля искренне. — Я боялась только, что меня из лагеря выгонят.

— Спасибо тебе, — ответил голос. — Тогда мне ничего не остается, как перед тобой появиться. И постарайся не падать в обморок от страха.

В обморок от страха Юля еще никогда не падала, но такое предупреждение может кого угодно испугать. Ведь Юля почти не сомневалась, что все это — месть презренного Семенова.

И потому, когда куст начал раскачиваться и из-под него на серебряную дорожку стал вытягиваться длинный толстый шланг, Юлька даже почувствовала некоторое облегчение. Что угодно, но это был не Семенов.

По дорожке полз удав метров в пять длиной, в Юлькину ногу толщиной. Шея его сужалась к плоской широкой голове, длинный раздвоенный язык быстро высовывался изо рта и прятался вновь, неподвижные черные глаза смотрели в упор, как будто гипнотизировали. Удав прополз по дорожке несколько метров и свернулся кольцами под самым окном.

— С ума сойти, — прошептала Юлька, которая знала зоологию и угадала при свете луны сетчатого питона, обитателя тропических стран. Странно, но ее в тот момент не столько удивило, что змея разговаривает, как чисто зоологическая неправильность. — Сетчатые питоны у нас не водятся, — сказала она.

— И не говорите, — согласилась громадная змея. — Это совершенно исключено.

Рот змеи открывался в такт словам, но глаза оставались неподвижны, будто говорила не змея, а какая-то машинка внутри ее.

За Юлькиной спиной кто-то сказал сонным голосом:

— Ну, скоро ты угомонишься, Грибкова?

Юлька не ответила, а перемахнула через подоконник. Мокрая от росы трава была холодной.

— Куда идти? — спросила она шепотом.

— За кухню, — ответил питон. — В кусты.

— Тогда быстрее, — сказала Юлька. — В любой момент может проснуться собака или сторож.

— А вы не простудитесь без обуви? — спросил питон.

Юлька не ответила, на цыпочках побежала по дорожке, а питон пополз за ней, пришептывая на ходу:

— Вы не боитесь? Совсем не боитесь?

Юлька выбежала на поляну. Удивительно, но она и в самом деле не боялась. Ведь куда лучше говорящий питон, чем мстительный Семенов, которого уже из двух школ исключили.

Неподалеку залаяла собака сторожа. Питон прибавил ходу, скользнул вперед и исчез в кустах.

— Сюда, — сказал он. — За мной, отважное существо.

«Отважное существо», конечно же, относилось к Юльке. Она раздвинула кусты — впереди был лаз в заборе, за ним сразу начинался лес. В лесу было темно и сыро — Юлька пожалела, что не оделась толком.

Змея исчезла.

— Где вы? — спросила Юлька.

Никакого ответа.

— Вы же сами просили, — сказала Юлька, и тут ей стало страшно.

В гробовой тишине спящего леса откуда-то справа послышалось зловещее бормотание, цоканье, словно проскакала лошадь. Потом знакомый голос питона произнес:

— Говори по-русски. Не пугай человека.

— Ты проверил? — раздался второй голос. — Она одна? Это не ловушка?

— Глупости, — сказал питон. — Нам сказочно повезло.

— Не уверен, не уверен, — ответил второй голос. — Я уже разуверился в людях.

— Где вы, в конце концов? — сказала Юля. — Я скоро замерзну, а вы выясняете свои отношения.

— Сделайте шаг вправо, — сказал питон. — Здесь светлее. Я хочу познакомить вас с моим другом.

Юля послушно шагнула в сторону и оказалась на маленькой прогалине. Позади нее лежал огромный тигр, и он был бы очень страшен, если бы ухо у него не было перевязано так, будто у него болел зуб.

2. РОКОВАЯ ОШИБКА

— Еще чего не хватало, — сказала Юлька, увидев тигра. — А если вас кто-нибудь увидит? Вы же можете кого угодно до смерти перепугать.

— Пока что все случается наоборот, — мрачно сказал тигр. Говорил он медленно, с акцентом, из-за чего не все его слова можно было разобрать.

— Садитесь, Юля, — предложил питон.

Юля обернулась и увидела, что питон сложился тугими кольцами, получилась высокая круглая подушка.

— Садитесь, не стесняйтесь, — сказал питон. — Земля сырая, а вы совсем раздеты.

Юлька послушалась и села на упругую прохладную подушку. Голова питона покачивалась у самого ее уха.

Наступила пауза.

Юлька смотрела на тигра, тигр лежал, положив голову на тяжелые лапы, и сердито смотрел на нее. Юльке даже стало не по себе. Нет, она не подумала, что ее заманили, чтобы съесть, об этом она совсем не думала. Она тихонько ущипнула себя за локоть, потому что поняла, что, вернее всего, это сон. Во-первых, удавы и тигры не говорят, а во-вторых, они не водятся под Москвой. Если, правда, не сбежали из зоопарка. Но тогда они тоже не говорят. Так как пауза затянулась, Юлька решила, что пора кому-то продолжить разговор.

— Простите, — сказала она, обращаясь к тигру. — Вы бенгальский или уссурийский? Вообще-то вы производите впечатление бенгальского тигра, но сейчас плохое освещение...

— Я произвожу впечатление драной кошки, — сказал тигр.

— Что есть, то есть, — согласился питон. — Но нашей гостье хочется узнать о нас побольше, не так ли?

Тут тигр закрыл глаза и сделал вид, что спит.

— Очень хочется, — сказала Юлька. — Ведь все это так необычно...

— Куда уж, — сказал питон. — На вашем месте я бы решил, что сплю.

— Я уже себя щипала, — сообщила Юлька.

— И правильно сделали, — сказал питон. — В общем, у нас случилось несчастье, и нам нужна помощь.

— Вы из зоопарка и потерялись? — предположила Юлька.

— Ни то ни другое. Жизнь, как всегда, куда более драматична, — сказал питон, наклоняя голову так, чтобы заглянуть Юльке в глаза.

Юлька поджала ноги, чтобы не мерзли. Сидеть на свернутом питоне было удобно. Если бы еще ее накрыть тигром вместо одеяла, то можно было бы заснуть.

— Мы прилетели на Землю позавчера, — сказал питон.

— Прилетели? — спросил тигр, не раскрывая глаз. — Мы есть грохнулись, дрябнулись, фолились, дропнулись...

— Мой друг еще не совсем освоил ваш язык, — сказал питон. — И он несколько поврежден в голове.

— Мягко сказано, — заметил тигр. — Данке шен.

— Я продолжу? — спросил питон.

— Значит, вы из космоса? — удивилась Юлька. — И у вас все такие?

— Где у нас? — спросил питон.

— На вашей планете.

— Она сошла с ума, — сказал тигр. — Она крейзи рехнулась.

— Предположение самое логичное, — сказал питон. — Но ложное.

— А почему же вы такие?

— Потому что нас отправили в образе самых обыкновенных существ, чтобы не привлекать внимания, — сказал питон.

— Не привлекать внимания? Да это самый лучший способ привлечь внимание. И даже посеять панику.

— Вот именно. — Тигр потянулся, сел и широко зевнул, показав, какие у него страшные клыки.

— Я же говорю, что мы упали, — сказал питон. — Мы летели совсем не к вам. Мы летели туда, где наш вид не вызовет никакого подозрения. А именно в штат Майсор в Южной Индии, в сердце индийских джунглей.

— И не долетели?

— Ошибки случаются даже в такой развитой цивилизации, как наша, — печально произнес питон. — Нас специально готовили для этой экспедиции. Тщательно изучили все особенности Южной Индии, наши тела три года перестраивали. Мы должны были, с одной стороны, быть самыми обыкновенными, с другой — достаточно сильными, чтобы на нас нельзя было невзначай наступить...

— Но если вас можно было переделать, то переделали бы в индусов. Их в Индии полмиллиарда.

— Люди! — сказал тигр. — Люди! Пиипл! А документы? А вопросы? А проникновение в государственный заповедник? Не есть хорошо!

— В самом деле, в глубине джунглей куда лучше быть тигром, чем человеком, — сказал питон. — Мы должны были выполнить нашу задачу, а через месяц за нами должен прилететь корабль, который дежурит сейчас за планетой... как же ее зовут?

— Платон, — сказал тигр. — Сколько раз тебя учить?

— За Плутоном, — поправила Юлька. — Это очень далеко. Значит, вам месяц прятаться надо?

— Нам надо в Индию, — сказал тигр. — В джунгли. Вы есть глупая и не понимаешь.

— С вами поглупеешь, — проговорила Юлька. — Вы думаете, мне раньше приходилось на питонах сидеть или с тиграми разговаривать?

— О, не сердитесь, добрая девочка, — сказал питон. — Поймите моего друга. Он вчера заходил в один одинокий домик попросить помощи, а пожилая женщина, которая там живет, стала бить его по голове кочергой. Вы знаете такой прибор?

— Ой, извините! — сказала Юлька. — Я и не знала. Но вы ее очень испугали.

— Я три раза попросил прощения, — возразил тигр. — Я сказал, что не причиню никакого вреда, а эта женщина била меня по голове очень... очень... забыл слово на вашем варварском языке...

— Больно? — спросила Юлька.

— Нет.

— Жестоко, — сказал питон.

— Ну, пускай будет жестоко, — согласился ворчливо тигр.

— Я вас перевяжу, — предложила Юлька.

— Еще не хватало! — сказал тигр. — Я боюсь щекотки.

— Представляете весь ужас, — продолжал питон. — Наша капсула разбита, мы чудом уцелели. Наш корабль придет за нами через месяц, и совсем в другую страну, показаться на улице мы не смеем, потому что люди немного боятся и немного сердятся, а мы должны выполнить наш долг в джунглях Майсора.

— Какой долг? — спросила Юлька.

— Сто лет назад без вести пропал корабль, который перевозил в соседнюю звездную систему коллекцию национальных драгоценностей на галактическую выставку. Все эти сто лет наши ученые высчитывали его траекторию, и только лет пять назад удалось точно установить, что обломки корабля лежат в самом центре государственного Майсорского заповедника в Индии. И если мы не выполним наш долг, то пойдут прахом надежды и труд тысяч наших соотечественников. — Питон тихо вздохнул и опустил плоскую голову.

— Тут я вам помочь не смогу, — сказала Юлька. — Индия далеко, и билеты для тигров туда не продают.

— Я же говорил, — отозвался тигр. — Надежды нет. Я повешусь.

— Погодите, — сказала Юлька. — Мы с вами еще не начали думать.

— Вот именно, — сказал питон. — Будем думать.

— Вы голодные? — спросила Юлька.

— Не беспокойтесь, — ответил питон. — В этом нет проблемы.

— Когда подохнем с голоду, то будет проблема, как снять с нас шкуры, — сказал тигр.

Питон снова вздохнул. Ему было неловко за своего несдержанного друга.

— Уважаемая Юля, — произнес он. — Я должен сказать, что мой друг лишь кажется сварливым и сердитым. В действительности он знаменитый профессор и отважный исследователь.

— Ах, оставь, — возразил тигр. — Какое это имеет мнение?

— Уж прямо не знаю, — сказала Юлька, — как вас накормить? Сколько вам мяса нужно!

— Она есть сумасшедший, — проворчал тигр. — Она думает, что я ем мясо. Может, я кусаю людей? Может, мой друг глотает корову?

— Мы не едим мяса, — мягко сказал питон. — Мы вообще очень сдержанны в своих потребностях. В этом отношении мы не будем вам обузой. Нам нужен кров и дружба.

Юлька почувствовала, что замерзает. Но прежде чем уйти, она задала еще один вопрос:

— А почему вы позвали именно меня?

— Странно, — ответил тигр. — Кого еще? Молодого человека по имени Семенов, который мучает мелкого хищника?

— Мы просидели весь день в этих кустах, — сказал питон. — Мы наблюдали ваш лагерь, отыскивая именно такое, как вы, существо. Доверчивое, широкое, смелое, гордое, отзывчивое, энергичное...

Юлька почувствовала, что ей уже не так холодно. Но тигр все испортил. Он сказал:

— И такое глупое, что пойдет ночью за незнакомой змеей в лес.

— Ах, Транкверри-Транковерри, — грустно произнес питон. — Неудачная посадка лишила тебя твоих лучших качеств.

— Я всегда говорил правду, — ответил тигр. — А ты, Юля, обещала поправить мне повязку. Чего ж ты, забыла?

Повязку оказалось поправить очень трудно, потому что она была сделана из наволочки, которую пришельцы сняли с чужой веревки, к тому же тигр все время ворчал и мешал работать. А кстати, вам когда-нибудь приходилось перевязывать бенгальского тигра в ночном лесу? Причем тигра, крайне разочарованного в жизни?

Поэтому Юлька вернулась в свой домик только через час. Правда, заснула как убитая.

3. ХИЩНИКИ СРЕДИ НАС!

Утром Юльку разбудил горн. Она никак не могла прогнать остатки сна — там все перепуталось: джунгли, драка с пиратами, стая тигров и говорящий слон. Так и не проснувшись еще, Юлька выбежала на зарядку. Снаружи было прохладно, низкие облака неслись, задевая за мачту с флагом. Юлька взглянула на лес, подступавший к лагерю, и поняла, что все прошедшее — не сон. Там, в лесу, может, даже выглядывая оттуда в нетерпении, ее ждут инопланетные пришельцы.

После завтрака Юлька отозвала в сторону Фиму Королева.

— Что мы еще придумали? — спросил Фима. — С кем будем драться?

— Не знаю, — ответила Юлька. — Но я хочу познакомить тебя с моими новыми друзьями.

— Все ясно, — сказал Фима. — Ты нашла головастика и пригрела скорпиона.

— Ты почти угадал, — ответила Юлька.

Но докончить она не успела, потому что на дорожке показалась докторша, которая позвала Юльку на проверку ее синяков и царапин. Фима Королев хотел было подождать Юльку, потому что был заинтригован, но потом вспомнил, что хотел сделать лук и еще вчера присмотрел для этого как раз за забором ровный и длинный ствол орешника. Однако вчера у Фимы не было ножа, а сегодня он одолжил большой перочинный нож у одного парня из первого отряда, но обещал вернуть его как можно скорее. Так что Фима не стал тратить времени даром и побежал к дыре в заборе, пролез в нее и быстро пошел по лесу. Вот тут должен быть нужный ореховый куст... Фима вынул из кармана нож, раскрыл его и сделал шаг вперед, оглядываясь, чтобы не пропустить куст. «Ага, — сказал он себе. — Вот ты мне где попался!»

Он схватил ствол орешника и потянул к себе.

И в этот момент прямо из-под ног у него вылетело что-то желтое, полосатое, огромное и с криком: «Этого еще не хватало!» — пропало в чаще.

Трудно сказать, кто испугался больше — Фима Королев или переделанный в бенгальского тигра пришелец с трудным именем Транкверри-Транковерри. Тигр, который решил, что Фима на него охотится, добежал до реки и там спрятался в камышах, а Фима перелетел через забор, пробежал, размахивая ножом, до столовой, вылетел на линейку и тут столкнулся с Юлькой, которая как раз вышла из медпункта.

— Ты куда бежал? — спросила Юлька.

— Я? — Фима обернулся, но его никто не преследовал.

— Можно подумать, — сказала Юлька, — что за тобой тигр гнался...

И она осеклась — шутка получилась слишком похожей на правду.

Фима посмотрел на нее странными, совершенно круглыми вишневыми глазами, которые особенно выделялись на побелевшем лице, потом еще раз нервно оглянулся и сказал тихо:

— Тигр... ты думаешь, тигр?

— Ты где был? — спросила Юлька. — Пока меня не было, ты где был?

— Нигде, то есть я был в лесу... там, совсем рядом... а тигр прыгнул, чтобы растерзать... ты не понимаешь.

— Не понимаю? А питон тебе не встретился?

— Кто?

— Питон. Метров шесть длиной.

Юлька говорила совершенно серьезно, и Фима понял, что она над ним издевается, презирает его, потому что ни один нормальный человек не будет говорить, что в окрестностях пионерского лагеря бродят тигры и бросаются на людей.

— Все ясно, — сказал Фима, спрятал нож в карман и повернулся, чтобы уйти навсегда. Он кипел от негодования и обиды. Вчера он еще был верным другом и ничем, понимаете, ничем не заслужил такой обиды. — Все ясно, — повторил Фима. — Там еще был слон и два крокодила.

И очень удивился, потому что вслед ему донеслись спокойные слова Юли:

— Слона и крокодилов там быть не может. Их всего двое. Тигр и питон.

— Ага, — произнес Фима. Потом прошел еще два шага. Потом остановился, посмотрел на Юльку и спросил: — Ты шутишь, что ли?

— Шучу? Я сейчас к ним пойду. Поговорить надо, — ответила Юля.

— С кем?

— С тигром. И с питоном.

Вообще-то раньше Фима считал Юлю Грибкову, в принципе, нормальным человеком. Но все может случиться. Особенно если Семенов что-нибудь повредил Юльке в голове. Но с другой стороны — с кем столкнулся Фима в орешнике? Или ни с кем не сталкивался?

Облака рассеялись, выглянуло не очень жаркое солнце, будто устало за лето жечь и теперь отдыхало. На деревянной эстраде недружно стучали ногами танцоры, разучивали народный танец Сейшельских островов к торжественному закрытию лагеря. Из кухни тянуло жареной рыбой: там начали готовить обед. Кошка Лариска сидела на крыльце у кухни и с отвращением глядела на судачью голову: это была восьмая голова за утро — поварихи старались развлечь животное после вчерашних переживаний.

Юля Грибкова пошла к поляне, словно была уверена, что Королев пойдет за ней. Но он не шел, он стоял, крутил головой и никак не мог объединить в голове обыкновенность лагерной жизни и странные события и странные слова, которые ему пришлось услышать.

— Ты, надеюсь, не боишься? — спросила Юлька, подойдя к кустам у забора.

— Я? — ответил Фима, не двигаясь с места. — Кого?

— Тигров.

— Нет, — сказал Фима. Он очень боялся тигров.

— Тогда пошли, — позвала Юлька. И, не оглядываясь больше, исчезла в кустах.

А Фима не двинулся с места.

Он хотел бы двинуться, он считал своим долгом двинуться, чтобы остановить Юльку, отговорить от безумного похода в лес, где на людей нападают тигры, но ноги отказались идти в лес, а голос отказался крикнуть вслед Юльке.

Юлька-то думала, что Фима все-таки пойдет за ней, потому что при всех своих недостатках, к которым относились обжорство и трусость, он все равно ей друг и в беде не оставит. Поэтому она сделала несколько шагов вперед, пролезла сквозь дыру в заборе и тихо позвала своих новых знакомых. Но никто не ответил ей. Что ж, решила Юлька, пройдем еще немного, ведь они недавно были здесь.

Деревья и кусты сомкнулись вокруг Юльки, и потому она не могла услышать, что происходило за забором в лагере и как нерешительность Фимы Королева повлекла за собой другие события.

Пока Фима стоял и боролся со своими ногами, чтобы оторвать их от земли, сзади к нему подошли Семенов и его закадычный дружок Розочка. Вид у Семенова был сердитый, пластырь пересекал лицо, как шрам у гвардейца кардинала после поединка с Д'Артаньяном. Семенов жаждал мести. Семенову надоело, что второй день все, включая малышей, над ним смеются. Но не бить же Грибкову! И тут, когда Семенов во власти грозных дум шел по дорожке, он увидел трусливого толстяка Фиму Королева, Юлькиного друга.

— Где твоя Юлька? — спросил Семенов грозным голосом.

— А тебе чего? — спросил Фима и почувствовал, что его ноги уже могут двигаться и, скорее всего, в ту сторону, которая подальше от Семенова и Розочки.

— Хочу с ней поговорить, — сказал Семенов. — Давай выкладывай правду.

Фима в самом деле подумал, что Семенов хочет отомстить Юльке, и ему в голову не пришло, что жертвой нападения станет он. Хотя, конечно, от Семенова можно было всего ожидать.

— Да что с ним разговаривать, — сказал Розочка, снимая очки и протирая их. Розочка был маленьким хрупким математиком, тихоней и большим пакостником. Он был из тех мальчи-

ков, которых обожают бабушки, а мамы говорят: «Дружи с ним, он такой культурный и занял второе место на районной математической олимпиаде». И учителя любят Розочку — пока не разберутся, в чем дело. — Я тебе советую, Юра, как следует нажать на этого шпиона и предателя.

— А он предатель? — спросил Семенов, которого уже исключали из двух школ, и ясно, что он отличался силой, но не умом. Даже банку к кошкиному хвосту он не догадался бы привязать, если бы Розочка не рассказал ему, как это будет смешно.

— Разумеется, — сказал Розочка и снова надел очки. — Если он друг Грибковой, значит, он тебя предал.

Розочка знал, что надо сказать слово, к которому можно придраться. Теперь оно западет Семенову в голову.

— Ну, предатель! — зарычал Семенов и двинулся на Фиму.

Фима понял, что Семенов его за что-то собирается побить, — и бросился бежать к лесу, но не прямо к тому месту, куда пошла Юлька, а в сторону. Потому что даже в тяжелые моменты он помнил, что предавать друзей нельзя.

Семенов побежал за ним, а Розочка остался на месте, так как увидел, что по дорожке идет физкультурник Степаныч. Розочка сразу присел на корточки и принялся нюхать незабудку.

— Куда это твой друг побежал? — спросил физкультурник, который еще вчера требовал, чтобы Семенова выгнали из лагеря за то, что он поднял руку на женщину, хоть и в порядке самообороны.

Невинное, украшенное большими очками худенькое личико Розочки обратилось к физкультурнику.

— Биология, — сказал он тихо и вежливо. — Мы решили написать доклад о флоре и фауне нашего края. К началу учебного года. Вот я и изучаю растения.

— Ага, — сказал физкультурник. — А Семенов-то чего изучает с такой скоростью?

— Бабочек, — ответил Розочка. — Семенов побежал за капустницей редчайшей раскраски...

Если бы кто другой рассказал эту историю физкультурнику, Степаныч никогда бы не поверил, что Семенов будет носиться за капустницами, а потом писать доклад. Но Розочке он, разумеется, поверил, очень удивился, пожал плечами и пошел дальше. Когда он скрылся за углом здания, Розочка осторожно поднялся на ноги и, сжимая в кулаке незабудку, не спеша пошел в лес.

Тем временем Юлька все-таки разыскала питона. Питон выполз из-за поваленного ствола, наклонил плоскую голову и поздоровался с Юлькой.

— Что вы прячетесь? — спросила Юлька.

— Нас преследуют, — ответил питон. — Только что неизвестное лицо напало на нашего тигра с ножом в руке, и тот еле успел скрыться в камышах.

— Знаю уже, — сказала Юлька. — Это недоразумение. Фима хотел срезать ствол орешника. Он сам испугался.

— Вы убеждены в этом? — спросил питон.

— Абсолютно. Скоро он придет, и я его с вами познакомлю. Он мой друг.

— Не знаю, не знаю, — вздохнул питон. — Транкверри-Транковерри так травмирован...

— Как же вы собирались в Индии жить? — спросила питона Юлька. — А если там настоящие охотники вас бы нашли?

— Там заповедник, — серьезно ответил питон. — А здесь мы не под охраной закона.

— Может, сходим с вами в милицию? — спросила Юлька. — Расскажем все и попросим их помощи?

— Ни в коем случае, — возразил питон. — Во-первых, никто не должен знать, что мы на Земле, — это нарушит основной Закон невмешательства. И второе — представьте, как мы подойдем к милиции и что они скажут...

Юлька не стала спорить. Ее больше беспокоило, куда делся Фима. Может, что-нибудь случилось? Может, он снова встретил тигра и теперь сам побежал в милицию?

И только успела Юлька обеспокоиться, куда делся Фима, как со стороны реки послышался страшный треск — будто сквозь лес проламывалось стадо взбесившихся буйволов. Юлька вскочила и метнулась к стволу — питон стрелой взлетел на дерево, которое наклонилось под его тяжестью.

На полянку вылетел Фима Королев. Ничего не видя перед собой, он бросился прямо к дереву, где стояла Юлька, врезался в нее, и тут же, не удержавшись, на голову Фиме рухнул пятиметровый питон, взвизгнув при этом на инопланетном языке.

Все трое упали на землю и целую минуту лежали неподвижно, пока не пришли в себя. Первой очнулась Юлька, поднялась и попыталась стащить с оглушенного Фимы оглушенного питона. Питон был вялым, податливым и тяжелым, как бесконечный диванный валик, а Фима вроде бы лишился чувств. По крайней мере, Юльке пришлось его как следует хлопнуть по щеке, чтобы он открыл глаза.

— Опять, — сказал он.

— Тебе плохо?

— Опять тигры.

— Вставай и рассказывай.

— Я не могу встать. У меня нервы не в порядке. На меня дерево упало.

— Это не дерево, а мой новый знакомый, — сказала Юля. — И я хочу, чтобы вы тоже познакомились.

Фима осторожно скосил глаза в ту сторону, куда показывала Юлька, зажмурился и постарался встать, чтобы тихо уйти.

— И это мужчина конца двадцатого века, — сказала Юлька. — Пришелец, скажите что-нибудь, чтобы успокоить Фимку.

— Здравствуйте, — сказал питон. — Можете называть меня Кеном. На самом деле я только кажусь пресмыкающимся, а обычно преподаю исторические науки в высшем учебном заведении на моей далекой планете.

4. КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА

Фима пришел в себя минут через десять. Так как он не любил биологию, ему оказалось труднее привыкнуть к странному виду пришельца. Зато Фима всегда интересовался проблемами космонавтики и надеялся со временем похудеть и сам отправиться в космос. Поэтому когда он понял и поверил питону, то очень обрадовался.

— Контакт, — говорил он, расхаживая по полянке, — это вековая мечта человечества. Вместе с вами мы полетим в космические дали. Скажите, на каком принципе работает ваш двигатель?

— Какой? — спросил вежливо питон.

— На котором вы спустились?

— Он, к сожалению, уже не работает. Он сломался.

— Починим, — решил Фима. — Мобилизуемся и починим.

— А мы его распылили, чтобы он случайно не попал к кому-нибудь в руки.

— Глупо, — сказал Фима. — Теперь будет трудно доказать, что вы настоящие пришельцы. Люди скорее поверят в говорящих удавов, чем в пришельца. Мы так давно ждем, чтобы вы прилетели, что уже разуверились.

— Мы не собираемся доказывать, — в который раз повторил питон. — Нам надо в Индию, а потом обратно.

— Исключено, — сказал Фима. — Сначала вы встретитесь с нашими пионерами, расскажете о своих успехах, потом мы поедем в Академию наук и в Звездный городок...

Питон вздохнул, и Юлька понимала его — у зверей дело, задание. А Фимка требует совсем другого. Она хотела остановить излияния друга, но тут издалека донесся отчаянный крик.

— Что случилось? — испугался питон. — Неужели кто-то опять напал на моего друга? До него добрались в камышах?

— Тигра нашел Семенов! — понял Фима. — А я так старался сбить его со следа!

Юлька сразу побежала к реке. За ней, стараясь не отставать, Фима. Сзади скользил питон.

Но до реки им добежать не удалось.

На полдороге они встретили космонавта Транквери-Транковерри в прискорбном виде. Повязка съехала на шею и болталась, как шарф у человека, бегущего за автобусом, к шерсти прилипли камышины и бороды водорослей, а на ухе почему-то болтались очки Розочки. И это больше всего напугало Юльку. Хотя она знала, что космонавты не едят людей, но почему от Розочки остались только очки?

— Я устал, — сказал тигр, раздраженно глядя на Фиму, который пытался укрыться за спиной у Юльки. — Я устал от нападений, преследований и непониманий. Я устал от необходимости бродить по дикой планете, где дикое население готово меня сожрать. Я прошу разрешения принять ампулу с ядом, которая спрятана в дупле моего коренного зуба.

— Отказываю, — сказал питон. — Отвага исследователя заключается в умении терпеть и приспосабливаться. Уйти из жизни может каждый дурак.

— Сил нет терпеть! — взвыл тигр. — И этот человек уже готовит на меня новое нападение. У него в кармане нож.

— Честное слово! — сказал Фима. — Если бы не ваш хищный вид, мы бы давно подружились.

— Значит, вид? — спросил тигр. — А если я сделан как паук? Или сороконожка? Значит, вам все равно, какой у меня высокий разум, сколько я окончил университетов и написал научных статей, да? Значит, только по одежде происходит встреча? Это недостойно. Я сушу на берегу свою шкуру, а из леса выходят два молодых туземца, один кричит и кидает в меня камень, второй кидает даже свои очки. А если бы у них был с собой бластер или лазерная пушка? Тоже бы кинули?

— Выстрелили бы, — сказал осмелевший Фима. — И среди наших людей встречаются еще некоторые печальные исключения. Они вчера кошку мучили.

— Я им не кошка, — сказал мрачно тигр.

— Ты очень большая кошка, — сказал питон. — Но у тебя расшатались нервы. Виновата авария. И чем скорее мы переедем в Индию, где никто не будет обращать на нас внимания, тем лучше.

Юлька сильно сомневалась, что на них не будут обращать

внимания в Индии, но спорить не стала. Только она все еще не представляла, как переправить космонавтов в Индию, если о них нельзя никому рассказывать.

— Мы придумаем, — сказал Фима. Он уже осмелел.

В этот момент в лагере заиграл горн. Горн играл сбор.

— Странно, — удивилась Юлька. — С чего бы это?

Над поляной, нагретой солнцем, кружились стрекозы, прыгали кузнечики, не боясь тигров. А горн тревожно звал, подгонял, нарушал тишину.

— Возможно, это тревога из-за нас, — сказал питон.

— Еще чего не хватало, — возмутился тигр. — Тогда я буду раскусать ампулу с ядом.

— Оставайтесь здесь, — сказала Юлька. — Мы побежим в лагерь. Если в самом деле есть опасность, кто-нибудь из нас предупредит вас. С нами, с людьми, можно договориться, если нам все объяснить.

— Вот мы и пытаемся, — сказал тигр. — Возьми с собой очки. Мне они не требуются.

Юлька сняла с уха тигра очки, и они с Фимой побежали в лагерь.

Со всех сторон к линейке сбегались пионеры. Спешили вожатые, даже поварихи столпились на пороге кухни — никто не понимал, что случилось.

Посреди линейки рядом с горнистом стоял очень серьезный директор лагеря Чуфринский, рядом физкультурник Степаныч. За их спинами Юлька сразу угадала Семенова и Розочку, который часто моргал близорукими глазами отличника.

— Все ли здесь? — громко спросил директор лагеря. — Вожатые, проверьте отряды.

Юлька и Фима подбежали к своему отряду и смешались с толпой. Была неразбериха, потому что никто так ничего и не понял, а по лагерю покатились дикие слухи. Одни говорили, что кто-то из первого отряда утонул, другие — что началась эпидемия, а одна девочка из младшего отряда уверяла, что привезли бананы и будут всем давать.

Наконец на линейке наступило некоторое подобие порядка, и оказалось, что все пионеры лагеря на месте. Директор с облегчением вздохнул и вытер платком пот со лба.

— Всем пионерам, — сказал он, — разойтись по домикам, вожатым быть с ними. Без моего разрешения ни одного человека с территории лагеря не выпускать.

— А что случилось? — начали спрашивать со всех сторон.

Директор заколебался. Он не знал, говорить или нет. И тогда в гнетущей тишине раздался тонкий детский голосок:

— А бананов всем хватит?

— Каких бананов? — спросил директор, почесал лысину, вздохнул и добавил: — Бананов пока не будет.

Директор посмотрел на Степаныча, и Степаныч решил, что пора брать инициативу в свои руки.

— Слушай меня! — сказал он своим зычным физкультурным голосом. — В окрестностях лагеря наблюдаются дикие хищники. В виде... в общем, неважно.

— Очень важно! — закричал тут Семенов. — Там тигр! Он на нас напал. Даже очки с Розочки сорвал.

Семенов показал рукой на Розочку, который покраснел, потому что не выносил, когда вслух произносили его прозвище.

Все заволновались, те, что не поняли, начали переспрашивать, поднялся страшный шум, а в отряде малышей кто-то заплакал. Может быть, от страха, а может быть, потому, что не будет бананов.

Директор поморщился, Степаныч поднял сильную руку десятиборца и призвал к тишине.

— Эти сведения, — сказал он, — мы должны проверить. Допускаем, что имеет место ошибка.

— Нет, не ошибка! — сказал Розочка. — Где мои очки?

И тут из рядов третьего отряда раздался голос Юльки Грибковой:

— Держи свои очки, Розов. И не надо их терять, когда купаешься в реке без разрешения.

Юлька вышла из строя и прошла по пустой, обширной площадке до Розочки. Стояла тишина. Юлька протянула Розочке очки. Она, разумеется, сказала неправду, но сейчас самое главное было, чтобы Розочке и Семенову не поверили.

— Врет она, — сказал Семенов. — Мы не купались. Можете проверить. Я весь сухой.

— А что вы делали у реки? — крикнул Фима.

— Мы за тобой бегали, — сказал Семенов. — А тут тигр на нас выскочил.

— И зачем это вы за ним бегали? — спросила Юлька. Главное — отвести разговор в сторону.

— Зачем, зачем... чтобы накостылять...

Тут Семенов сообразил, что говорит лишнее, и замолк.

— Я не понимаю, откуда у Грибковой мои очки, — сказал Розочка твердым голосом отличника. — Очки я метнул в морду тигра, чтобы его остановить.

— А тигр их отдал Грибковой, — подсказал кто-то.

И весь лагерь захохотал. Даже директор с облегчением улыбнулся. Любому директору лагеря куда спокойней узнать, что два

пионера купались без разрешения, чем допустить, что рядом ходят тигры.

— Вы вот не верите, а будут жертвы! — крикнул Розочка, когда все отсмеялись, но никто его уже не слушал, да тут еще Фима Королев, которому не откажешь в сообразительности, крикнул:

— Это кошка Лариска им отомстила. Позвала своего дядю, чтобы он Семенова пугнул.

После этого Розочку с Семеновым уже никто всерьез не принимал.

— Давай вернемся в лес, — шепнула Юлька Фиме. — Вроде обошлось.

— Погоди, — сказал Фима. — Ты недооцениваешь директора. У него ответственность.

Он показал ей на директора и Степаныча, которые о чем-то тихо переговаривались. Потом директор кивнул и быстро пошел к себе в домик, а Степаныч физкультурным голосом объявил:

— Приказ директора остается в силе. До отмены его никто из лагеря не выходит.

И, не слушая возражений, Степаныч поспешил за директором.

Юльке с Фимой удалось незамеченными отбежать в сторону и добраться кустами до директорского домика. Заднее окно было открыто. Они прижались к стене и услышали, как директор говорит с кем-то по телефону.

— Конечно, — говорил директор. — Слух может быть ложным. Но я прошу проверить, нет ли случаев побега тигров из зоопарков или из цирка. У меня двести детей, и я не могу рисковать... Да, никого в лес не выпускаем... Да. Буду ждать.

Потом слышно было, как звякнула телефонная трубка, и директор сказал физкультурнику:

— Они сказали не волноваться, проверят. Если будут сомнения, пришлют работников с собакой. Осмотрят лес.

— Может, я схожу проверю? — сказал физкультурник.

— А если там тигр? Он с тобой разговаривать не будет.

— Еще как поговорил бы, — прошептала Юлька, но Фима даже не улыбнулся.

Пригнувшись, они побежали в лес.

5. ВЕЧЕРНЕЕ БЕГСТВО

Пришельцы послушно ждали, где договорились. Тигр бродил по полянке, за ним волочился шарф-повязка, питон Кен обвил сосновый ствол, перекинул голову через нижний сук и раскачивал ею в глубокой думе.

— Вы уверены, что не хотите встречаться с милицией? — спросила Юлька, вбегая на полянку.

— Абсолют, — ответил тигр. — А что, она приближается?

— Скоро приблизится, — сказал Фима Королев.

От его прежней робости не осталось и следа — люди быстро ко всему привыкают. Фима подошел к тигру, стащил с него шарф-повязку и даже посмотрел вблизи на ухо — зажило ли.

— Надо было вас сделать обезьяной, — сказала Юлька. — Как же про руки забыли?

Тигр, не говоря ни слова, поднял переднюю лапу и протянул Юле. Громадные загнутые когти приподнялись, и под ними обнаружились пальцы.

— Что же случилось? — спросил питон, покачивая над ними плоской треугольной головой.

— Эти мучители кошек, — сказал Фима, — прибежали в лагерь и подняли тревогу. Мы с большим трудом убедили всех, что тигр им только померещился.

— Тогда зачем сюда придет милиция?

— Потому что директор лагеря беспокоится о пионерах. Он не знает, что бывают тигры, которые пионеров не едят.

— Какая гадость, — сказал тигр, — поедать себе подобных.

— Обычные тигры не считают пионеров себе подобными, — пояснил Фима.

Транквверри-Транковерри грустно покачал головой.

— И во что это выльется? — спросил питон.

— Вернее всего, милиция решит проверить, — сказала Юлька. — И сюда приедут милиционеры с собакой.

— Зачем?

— Чтобы найти вас по следам. По запаху.

— Отвратительно, — сказал тигр.

— Мы не можем встречаться с вашей уважаемой милицией, — сказал питон. — Этим мы нарушим законы Галактики и сорвем порученное нам дело.

— Не это главное, — сказал Фима. — Главное, что, когда милиция найдет в лесу тигра и удава, она очень испугается за судьбу детей. У милиции тоже есть нервы.

— Нервы, нервы... — проворчал тигр, и всем стало ясно, что у него тоже есть нервы.

— К тому же, — сказал совсем осмелевший Фима, — у милиции нет гарантий, что вы не шпионы, засланные на нашу планету, чтобы выведать наши тайны.

И Фима в упор посмотрел на тигра. Тигр не отвел взгляда. Королев покраснел, потому что понял, что ведет себя не очень вежливо.

— Конечно, самое разумное, — сказала Юлька, погрозив Фиме кулаком, — это заслать к нам шпионов под видом тигров.

— Если бы мои коллеги по университету услышали, в чем меня обвиняют... — Из глаз тигра покатились крупные слезы.

Все замолчали.

Питон посмотрел сквозь листву в небо.

— Собаки летают? — спросил он задумчиво.

— Нет, — сказал Фима, — собаки бегают.

— Надо вас эвакуировать, — сказала Юлька. — В надежное место.

— Нам надо в Индию, — сказал тигр. — Это самое надежное.

— Но сначала придется вас отсюда эвакуировать. У меня идея. Сарай!

— Чего? — удивился Фима.

— Сарай. На острове. Где раньше было сено.

Юлька имела в виду остров на реке, длинный и низкий, поросший травой. Там, посередине, на небольшом холмике стоял полуразрушенный сарай, кое-как скрытый кустарником. Со стороны лагеря остров отделялся от берега неширокой протокой — основное русло реки было с той стороны.

— Вода, — спросил питон, — преграда для собаки?

— Правильно! — воскликнул Фима. — На воде собака след ваш не возьмет. Так партизаны в войну делали. От эсэсовцев спасались.

К реке надо было выйти в километре ниже лагеря. Они спешили, но шли осторожно: впереди Юлька, у нее хорошие глаза и быстрая реакция. В середине Фима с тигром, а питон, у которого крепкие нервы, полз в арьергарде.

Юлька надеялась, что старая лодка с одним веслом, на которой ездили на остров, окажется у этого берега. Конечно, переплыть протоку легко и без лодки, но лодка — это дополнительное приключение.

Как назло, лодка стояла, приткнувшись к траве по ту сторону.

— Придется плыть, — сказала Юлька.

— Я не уверен, что смогу это сделать, — отозвался питон. — Я никогда не пробовал. Ведь я не водяная змея.

— Что касается меня, — сказал тигр, — то все понятно. Вы хотите меня утопить.

Фима промолчал — он плохо плавал, но не любил в этом признаваться.

Юлька окинула взглядом эту странную сухопутную компанию. Времени терять было нельзя. Юлька скинула тапочки и блузку и, разбежавшись, прыгнула в воду; протока была глубокой и быстрой, со дна били ключи, и Юльке даже некогда было

оглядываться — а то пронесет мимо острова. Она выбралась из воды на самой косе, побежала обратно, к лодке. Осока резала ноги, мягкий ил чавкал под ногами и затягивал. Добежав до лодки, Юлька запыхалась. Теперь надо было вычерпать из лодки воду. Вычерпывая воду, Юлька посмотрела на тот берег. Питон лежал, свернувшись кольцами и высоко подняв голову, — сторожил. Фима зашел в воду по колени, ему хотелось давать Юльке советы, но он боялся громко говорить. Тигр нервно ходил по берегу.

Весло оказалось тяжелым, грести было трудно, лодка вертелась и не слушалась, но больше всего Юлька устала от того, что надо было спешить. Совсем обессилев, она бросила весло на дно. Фима подхватил лодку за нос и удерживал ее. Потом, пока в нее переползал бесконечный питон, он поднял весло и сказал Юльке: «Оставайся здесь. Я их перевезу!» Юлька было кивнула, соглашаясь, и стала помогать тигру перелезть через борт, но, оттолкнув лодку от берега, передумала и поплыла вслед, подталкивая ее. Лодка под грузом пришельцев опустилась настолько, что ее борта чуть было не сровнялись с водой. Фима греб неровно и раскачивал лодку, тигр дрожал от страха так, что лодка тоже дрожала, а Юлька все время боялась, что лодка черпнет воды и опрокинется.

К счастью, этого не случилось.

Только у того берега Фима заметил, что Юлька приплыла тоже.

— Ты чего? — спросил он, придерживая лодку, чтобы тигр мог выскочить на берег, — тот вылетел, громадным прыжком покрыв половину расстояния до сарая, и через мгновение скрылся из глаз.

— Лодку оставим на острове, — сказала Юлька. — Так спокойнее. И нам и пришельцам. Только перетащим ее на ту сторону острова, чтобы с нашего берега ее не увидели.

— Понимаю, — печально произнес ее друг, глядя на быструю протоку. — Значит, плыть придется?

— Я буду рядом, — сказала Юлька. — И ботинки твои возьму. Ты что, испугался?

Фима присел на корточки и принялся расшнуровывать ботинки. Юлька сбегала в сарай, который пропах пылью, сенной трухой и птичьим пометом. Пришельцы закопались в сено, только головы наружу. Они волновались.

— Не беспокойтесь, — сказала Юлька. — Как стемнеет, мы вернемся и что-нибудь придумаем.

С помощью Фимы Юлька перетащила лодку вдоль берега на дальнюю сторону островка. Потом они переплыли протоку и побежали к лагерю.

Обед уже кончался, ребята поднимались из-за столов, было шумно, и никто, кроме вожатой Лены, не заметил, что Юлька с Фимой прибежали позже всех. А Леночка — удивительно мягкий человек, даже когда делает тебе замечание, кажется, что просит прощения. Она подошла к Юльке, которая усаживалась за стол, и сказала шепотом:

— Ну, зачем же вы меня подводите. Я так волновалась...

— Простите, — ответила шепотом Юлька, — это больше не повторится.

И Юлька густо покраснела, потому что она уже знала, что это повторится. Космическая дружба требует жертв.

Когда они выходили из столовой, Юлька поймала чей-то внимательный взгляд. В стороне стоял Розочка и глядел ей на ноги.

Юлька тоже посмотрела на свои ноги и поняла, что они по колено измазаны засохшим илом.

Юлька на всякий случай показала Розочке кулак, а Розочка загадочно улыбнулся. Опасность Розочки в том, что он очень сообразительный и скрытный. Что-то он понял, что-то заподозрил. Но попробуй догадаться — что.

6. ВЕЧЕРНИЕ СОБЫТИЯ

Юлька всей кожей чувствовала, что у лагеря пришельцам оставаться нельзя. Ее последние сомнения рассеялись, когда она сразу после обеда увидела, как низко над лесом, над самыми вершинами кружится желтый милицейский вертолет. А еще через час в лагерь въехал милицейский «газик», в котором сидели молодой лейтенант и пожилой сержант с овчаркой.

Фима сумел опять подобраться к директорскому окну и услышать, как лейтенант рассказывал, как сначала они приняли звонок, простите, с сомнением. Но потом к ним позвонил еще один человек, который живет у самого шоссе. И уверял, что видел тигра вчера вечером. А третий сигнал поступил от женщины, которая уверяла, что тигр вторгся к ней в дом и пришлось его выгонять ухватом. Так что проверка будет самая настоящая, а пионерам ни в коем случае нельзя покидать территорию.

Когда лейтенант с директором вышли из домика, собаку и ее проводника тесным кольцом окружили ребята. Лейтенант спросил у ребят, не видели ли они чего подозрительного, а потом отдельно поговорил с Розочкой и Семеновым. Розочка и Семенов были страшно горды тем, что дают настоящие показания на-

стоящему лейтенанту, и пыжились, как жабы. Юлька с Фимой стояли в стороне. Юлька сказала Фиме:

— Теперь ты понимаешь, что пришельцев обязательно найдут.

— Ну что мы можем сделать!

Юлька смерила Фиму презрительным взглядом и спросила:

— Разве мы не обещали помочь?

Юлька отвернулась от него, но уйти не успела, потому что к ней шли директор, лейтенант милиции, а рядом с ними улыбающийся Розочка. Заходящее солнце отражалось в его очках.

— Ты будешь Юля Грибкова? — спросил лейтенант. — Вот тут твой товарищ, который в очках, утверждает, что ты видела хищника, знаешь, где он скрывается, но по причинам необъяснимым не хочешь об этом сказать.

Юля высоко подняла брови.

— Почему? — спросила она.

— А в самом деле — почему? — обратился лейтенант к Розочке.

— У них свои дела, — сказал Розочка.

— Она психованная по части зверей, — поддержал Розочку Семенов. — Она на меня вчера из-за кошки напала, даже увечья нанесла.

— Увечья? — Лейтенант посмотрел на Семенова, но, кроме царапины на щеке, заклеенной пластырем, других увечий не нашел.

— Что же она, сумасшедшая, что ли? — громко спросил Фима Королев. — Я с ней в одном классе учусь, но не видел, чтобы она дружила с крокодилами.

— Речь идет о тигре, — сказал лейтенант и тут, видно, подумал, что особой разницы нет. Уж если ты намерен дружить с тигром, то подружишься и с крокодилом.

Лейтенант вдруг улыбнулся — в конце концов, он глядел на беленькую девчонку лет десяти-двенадцати и подозревать ее в укрытии тигров не мог.

— Отлично, — сказал лейтенант. — Спасибо за помощь. Семенихин, бери Акбара, пошли. А ты, — он показал на Розочку, — если не боишься, пойдешь с нами, покажешь точно место, где видел зверя.

— Я тоже видел, — сказал быстро Семенов.

— Одного нам хватит, — сказал лейтенант. — Чем меньше народу будет по лесу ходить, тем лучше.

— Правильно, — сказал директор. — Я с вами пойду. Я не имею права отпускать своего пионера.

Лейтенант кивнул. Он понимал директора. И чтобы директор не беспокоился, он похлопал ладонью по кобуре нагана.

— Я согласен, — сказал тихий Розочка, — чтобы вместо меня пошел Семенов. Он лучше знает те места. Я был без очков.

— Спасибо, ты настоящий друг, — сказал храбрый, но глупый Семенов, который решил, что Розочка отказывается от похода ради него.

Розочка скромно наклонил голову. Фима фыркнул: он-то все понял.

Розочка услышал и со злостью поглядел на Фиму и Юльку. И тут, видно, вспомнил. Глядя на ноги Юльке, он сказал тихо, но так, чтобы слышал лейтенант:

— Я вам советую посмотреть на острове, где стоит старый сарай.

— Почему? — спросил лейтенант.

— Там... — Розочка на секунду задумался и продолжал как ни в чем не бывало: — Там вокруг острова особенная черная грязь. Я видел следы тигра, и в них была такая грязь.

Юлька поняла, что наблюдательный Розочка не зря смотрел на ее ноги, когда она вернулась с реки. У нее упало сердце.

— Поглядим, — сказал лейтенант. — Пошли, а то времени до темноты почти не осталось.

Розочка проводил их до ворот лагеря и тут же исчез — не хотел встречаться с Юлькой. Он свое дело сделал.

— Что теперь? — спросил Фима, который понял, что положение осложнилось.

— Надо их предупредить, — сказала Юлька. — Оставайся здесь, я побежала. Задержи Степаныча. Видишь, как он глазами водит, чтобы никто не сбежал.

И Юлька побежала к кухне. Оттуда — к дыре в заборе.

Но, к сожалению, Розочку она недооценила.

Она уже готова была скрыться в кустах, как услышала сзади голос вожатой Лены:

— Грибкова! Юля! Остановись.

Юлька обернулась. Лена бежала к ней, а за ее спиной стоял, улыбаясь, Розочка. Выследил. Догадался.

Если убежать, физкультурник догонит. Это точно. Вот он уже выбегает на шум. За ним растерянный Фима. И еще какие-то ребята.

— Я забыла в лесу тапочки, у самого забора, — сказала Юля. — И хотела их взять.

— Но ты же знаешь, — воскликнула Лена, — что там тигры!

— Неужели вы, взрослый человек, — сказала Юлька, глядя Лене в глаза, — всерьез верите в то, что у нас тут водятся тигры?

— Но ведь не в этом дело... — смутилась Лена.

— А Грибкова хотела тигра предупредить, — сказал Розочка. — У них заговор.

— Ах, Розов, ну что за чепуху вы несете, — возмутилась Лена, но крепко взяла Юльку за руку и повлекла обратно к домику.

Степаныч наблюдал за этой сценой и не ушел, пока вожатая с непослушной девочкой не отошла от опасной зоны.

То, что всеобщее внимание было отвлечено на Юльку, дало возможность Фиме совершить отважный поступок. Он воспользовался моментом, когда все скрылись за углом кухни, и, пригибаясь, бросился к забору. Пролетел сквозь кусты, проскочил в лес — даже Розочка не заметил, как толстяк ломился сквозь орешник. Больше всего Фима боялся, что его почует разыскная собака и примет за тигра. К счастью, этого не случилось.

И когда он через час благополучно вернулся в лагерь, он отыскал за эстрадой мрачную, готовую разреветься Юльку.

— Ты где был? — спросила Юлька. — Все погибло. А ты в такой момент где-то прячешься. Наверное, обжирался на кухне?

В другой ситуации Фима бы смертельно обиделся. Но тут он был таким героем, что только улыбнулся, как улыбается охотник, убивший медведя, при виде мальчишки с рогаткой.

— Я был там, — сказал он.

— Как? Ты смог?!

— Кто-то должен был это сделать.

— Тогда рассказывай скорее! Их поймали?

— Я вышел к берегу. Я всех обогнал. Они еще то место осматривали, где Семенов тигра спугнул. Я выбежал к реке и закричал, чтобы пришельцы прятались.

— А они?

— Они молчали.

— А потом? Может, они тебя не слышали?

— Наверное, услышали. Пока я бегал и кричал, слышу, идут с собакой. Я повыше забрался, наблюдал.

— Ну и что?

— Они берег осмотрели. Собака волновалась, даже хвост поджимала. Наше счастье, что собаки говорить не умеют.

— Хоть кто-нибудь из зверей должен не говорить, — заметила Юлька.

— В общем, они заподозрили. Но лодки у них не было.

— И вернулись обратно?

— Нет. Они оказались похитрее. Лейтенант вертолет вызвал. Я сам видел. Вертолет минут через пятнадцать прилетел, спустился у сарая, тут, я тебе скажу, я так переживал, что у меня чуть сердце из груди не выскочило.

— Дальше, дальше...

— Из вертолета вышли двое и побежали к сараю. Потом вышли и прокричали: «Там никого нет!»

Фима вдруг ринулся к углу эстрады и выглянул оттуда.

— Мне показалось, что этот Розочка опять подслушивает.

Юлька нахмурилась.

— Куда же они могли деться?

— Я думаю, — сказал Фима, — что они улетели. Их нашли, подобрали, и они улетели. Так что мы можем спать спокойно... — Он подумал немного, вдруг опечалился и добавил: — А жаль, что никому не расскажешь. Ну, кто нам поверит?

По ту сторону эстрады послышался шум. Голоса. Юлька с Фимой поднялись. Оказалось, что вернулась экспедиция. Когда они подошли поближе, то услышали только последние слова лейтенанта:

— Завтра с утра продолжим. Так что предупреждаю: осторожность и осторожность. Семенихин с Акбаром остаются у вас. Ужином накормите?

— Накормим, — сказал директор. — А следы на берегу были тигриные?

— Трудно утверждать, — ответил лейтенант. — Следы не свежие. Мало ли какие шутники бывают...

Тогда Юлька обернулась к Фиме и сказала ему тихо, но твердо:

— Готовься.

— К чему? — спросил Фима.

— К побегу.

— Из лагеря? Зачем?

Юлька потянула Фиму за рукав подальше от людей. Уже темнело, пионеры, оживленно обсуждая события и поглядывая на Семенова как на героя — все-таки побывал в лесу, где водятся тигры, — начали тянуться к столовой, на ужин.

— Пойми, — сказала Юлька. — Им некуда деваться. Здесь даже настоящего леса нет. Мы должны их немедленно эвакуировать.

— Если они не улетели.

— Не на чем им улететь! Не найдем — вернемся в лагерь.

— Но куда мы их денем, если найдем?

— Отвезем в Москву.

— А там?

— Спрячем в зоопарк.

— Ты с ума сошла.

— Тигром больше, тигром меньше — кто заметит? К тому же оставаться здесь — значит ничего не делать. Билетов в Индию здесь не продают. В крайнем случае, спрячем их у нас на чердаке.

— Юлька, — сказал Фима. — Ты совершенно не думаешь о

последствиях. Ты подумала о наших родителях, о школе, обо всем?..

— Мы позвоним из Москвы в лагерь, чтобы они не волновались.

— Нет, я на эту авантюру не пойду, — твердо произнес Фима.

Твердо он это произнес, потому что не был уверен. Просто мужчины, вопреки распространенному мнению, куда менее решительны, чем женщины. Достаточно сказать, что ни из одного мужчины не получилась Жанна д'Арк.

— Сначала ты ужинаешь, — продолжала Юлька, — потом берешь куртку, потом ждешь отбоя, потом складываешь свою постель так, чтобы казалось, что ты спишь, потом выходишь к дыре в заборе. И там мы встречаемся.

Сказав так, Юлька пошла в столовую и спокойно поужинала. Фима был буквально потрясен. У него, несмотря на любовь поесть, кусок в рот не шел. А Юля ела. Потом встала из-за стола, собрала за собой посуду и вышла из столовой, ни на кого не глядя. Даже Розочка не смог заподозрить, будто она что-то задумала.

А Фима остаток вечера метался по лагерю, несколько раз встречал Розочку и старался его обойти подальше, заглянул в кино, выскочил оттуда, потом страшно проголодался, потом на него напала сонливость, потом он решил ни в коем случае не убегать из лагеря. Потом понял, что не может не убежать, потому что он первый мужчина на Земле, который встретился с настоящими пришельцами. В конце концов, в половине одиннадцатого, после того, как сам директор заглянул в спальню и проверил, все ли пионеры спят, Фима поднялся, накинул куртку, посмотрел, есть ли в кармане деньги, которые ему на всякий случай дала с собой мать и которые пока не понадобились, схватился за живот на случай, если кто-нибудь за ним следит, добежал до уборной, а оттуда, поглядев, не следят ли за ним, ползком и на четвереньках — потому что предательски светила луна — добрался до дыры в заборе. Юлька уже ждала его там. Из темноты донесся ее шепот:

— Я в тебе почти не сомневалась.

7. ПУТЕШЕСТВИЕ В МОСКВУ

Надвигался дождь. Даже воздух отсырел, и ночные запахи в лесу стали сильными и пряными. Лес ночью казался куда больше и гуще, чем при свете, и идти пришлось медленнее, чем днем, чтобы не напороться на сук и не споткнуться о корень.

Когда они вышли к реке, луна еще светила, но облака не-

слись совсем близко от нее, иногда прикрывая ее кисеей, будто желая сожрать, но луне удавалось вырваться на открытое небо.

— Эй! — крикнула Юлька, подойдя к воде. — Это я, выходите!

— Ты что думаешь, они под землю от милиционеров спрятались?

— Придется плыть, — сказала Юлька. Она разулась, попробовала воду. Вода была теплая, парная, так бывает перед дождем. — Жди здесь, — добавила она.

Хоть Фима с ней и не спорил.

Юлька надеялась, что пришельцы, если им удалось убежать с острова, оставили там какой-нибудь знак. Но в сарае она ничего не нашла. Там было пусто, темно, кто-то маленький шуршал в сене. Тишина была такая, что Юлька услышала, как ворчит себе под нос Фима, как далеко-далеко плеснула рыба. Юлька обошла остров — лодки нигде не было.

— Фима, — сказала она негромко, вернувшись к протоке. — Их нет.

— А я что говорил?

— Не кричи. Тебя в лагере услышат. Лодки тоже нет.

— Ты что думаешь, твой питон грести научился?

— Но как-то они с острова ушли. Может, их похитили?

— Давай вернемся в лагерь, а? — сказал Фима жалким голосом. — Если они не улетели, то завтра мы их обязательно найдем.

— Завтра их найдут без нас, — сказала Юлька.

Ей не хотелось уходить с острова, хотя она понимала, что делать там нечего. Фима переминался с ноги на ногу.

И вдруг Юлька услышала, как плещет весло.

Она посмотрела вверх по течению и увидела странную картину.

В дорожке лунного света плыла лодка. На корме ее сидел, свернувшись, огромный питон, а греб тигр, сидя по-человечески, хоть и было ему это делать неудобно. И пусть Юлька отлично знала, что тигр — это не тигр, хоть она и очень обрадовалась, что видит вновь пришельцев, все равно от такого дикого зрелища Юлька рассмеялась и долго не могла остановиться.

Транквверри-Транковерри лихо врезался носом лодки в берег, питон радостно покачал треугольной головой.

— Мы уж не надеялись вас еще раз увидеть! — сообщил он.

— Мы тоже, — сказал Фима с того берега.

Юлька оттолкнула лодку, прыгнула в нее, чтобы вернуться к Фиме — там ведь осталась ее одежда, — и спросила:

— Может, вас сменить на веслах?

— Я привык, — скромно ответил тигр. — В этом даже есть некоторое удовольствие.

— Как же вы смогли спрятаться? — спросила Юлька.

— Спасибо нашему другу, — ответил питон. — Он своими предупредительными криками насторожил нас, и мы ушли с острова на лодке, так как остров стал для нас как тюрьма. Мы прятались на том берегу.

— Да, — сказал Фима, польщенный тем, что именно он спас пришельцев, — лучше бы вас сделали муравьями. Или кротами.

— И нас бы съел любой, кто хочет, — проворчал тигр. — Или наступил на голова.

— На голову, — поправила его автоматически Юлька.

Тигр громко фыркнул:

— Меня не готовили для беседы с русским туземцами. Вот приедем в Индию, увидишь, как мы умеет знать язык хинди.

Юлька вышла из лодки и сказала, одеваясь:

— Сначала пускай Фима перевезет на дальний берег тигра. А мы подождем здесь. Только скорее.

— Что вы придумали? — с надеждой спросил питон. — Есть надежда?

— Фима, каждая минута на счету. Ты понимаешь?

— Слушаюсь, капитан, — ответил Фима, который понял, что в лагерь вернуться не удастся.

Когда лодка с тигром и Фимой отплыла, Юлька сказала питону:

— Мы убежали из лагеря для того, чтобы перевезти вас в Москву.

— Убежали? — не понял питон. — Зачем?

— Как вам объяснить? Летний лагерь — это место, куда собирают детей, чтобы они отдыхали на свежем воздухе. Но взрослые люди, которые их кормят и развлекают, отвечают за то, чтобы дети вернулись обратно в назначенный срок, когда их ждут родители. И если кто-то из детей убежит раньше времени, все будут беспокоиться и сердиться.

— Ясно, — сказал питон. — Особенно если в лесу завелись тигры.

Юльке казалось, что время тянется страшно медленно. Уже глубокая ночь, а Фима все не возвращается. Она ходила по берегу, а питон медленно поворачивал голову ей вслед.

— Мы благодарны вам, — сказал он наконец. — Вы не знали нас, вы изъявили чувство помощи. Я понятно говорю?

— Не обращайте внимания, — ответила Юлька.

— Я буду рад, если вы приедете к нам в гости, — сказал питон.

— Спасибо.

Юлька прислушалась. Вроде бы лодка возвращается.

— Вы куда хотите нас спрятать? — спросил питон.

— Мы хотим вернуться в Москву.

— В большой город?

— В большом городе иногда легче спрятаться, чем в лесу.

Сзади зашуршали листья. Юлька обернулась и сказала:

— Попался, Розочка! Ты нас хотел выследить!

Она кинулась в кусты. Тяжелая ночная птица, хлопая крыльями, поднялась в небо.

— У вас тоже расшатались нервы, — сообщил Юльке питон. — Простите, что я вмешиваюсь.

— Вы не представляете, какой Розочка коварный, — сказала Юлька. — А вот и Фима. Скорее!

На том берегу они оставили лодку и прошли узкой дорожкой до шоссе. Было уже совсем поздно, редкие машины появлялись из-за дальнего поворота, слепили фарами и пролетали мимо. Тигр ежился, ему было холодно. Поднялся ветер.

— Останавливать будем грузовик, — сказала Юлька.

— Ясно, что не «жигуленок», — съехидничал Фима.

Начал накрапывать дождь.

— Мы вам доверяем, — сказал питон, словно хотел убедить себя в этом.

— Нам нечего терять, — ответил тигр, который сидел в кювете, чтобы его случайно не осветило фарами.

При виде машины, идущей в сторону Москвы, Юлька поднимала руку, Фима стоял рядом и чуть сзади.

И бывает же такое невезение: первым остановился «жигуленок». И не просто «жигуленок», а милицейский патрульный автомобиль. Юлька сообразила, что это самый нежелательный из всех возможных вариантов, только когда, резко затормозив, «жигуленок» встал возле нее и оттуда высунулся лейтенант, именно тот, который приезжал в лагерь. Юлька не знала, что лейтенант спешил в Москву, чтобы согласовать операцию по поимке тигра, которую начинали с утра. Он должен был взять в Москве одного профессора, специалиста по тигриным повадкам, который только что вернулся из Индии и даже не успел распаковать чемоданы.

— Вы что здесь делаете, ребята? — спросил лейтенант. — А ну-ка быстро в машину! В этом лесу находиться опасно. — И он, откинувшись назад, открыл заднюю дверцу, чтобы ребятам было удобнее забраться в машину.

Момент был критический. Юлька даже сделала шаг к машине, потому что люди всегда слушаются лейтенантов милиции, которые хотят их защитить от диких зверей или еще каких опасностей. Спас всех Фима — иногда в ответственные моменты его голова начинала работать, как вычислительная машина.

— Спасибо, товарищ лейтенант, — сказал он веселым голосом. — Произошла ошибка. Мы думали, что это наша машина.

— Какая ваша машина? — спросил лейтенант.

Юлька молчала, отвернувшись. Сейчас лейтенант присмотрится и узнает ее. Хоть бы луна спряталась.

— Папа, — объяснил Фима, — поехал в Стуково запаску поменять в машине. А мы, все остальные — мама, сестра, дядя, старший брат и дедушка, — ждем, когда он вернется.

— А где они — мама, дедушка?..

— Они в лесу.

— А ну, зови их всех из леса! И побыстрее. В лесу сегодня нельзя оставаться. А я подожду.

— А почему нельзя в лесу? — невинно спросил Фима.

— Нельзя, и все тут, — ответил лейтенант, который совсем не хотел поднимать панику. — На змею наступить можно.

— Ага, понимаю, — сказал Фима. — На змею.

Он кинул незаметно взгляд назад — но змея надежно пряталась в кювете. А вот спину тигра, если вылезти из машины, лейтенант обязательно увидит. Но тут сзади показались огни еще одной машины. С криком:

— Папа! Папа едет! — Фима побежал по шоссе навстречу машине.

К счастью, машина остановилась. И достаточно далеко от лейтенанта.

Юлька видела, как Фима подбежал к машине, сунул голову в окно, потом выпрямился, обернулся к лейтенанту, который все еще не уезжал, и крикнул:

— Все в порядке! Спасибо!

— Ну ладно, — сказал лейтенант и кивнул шоферу.

Милицейский «жигуленок» рванул с места и умчался. Потом Фима помахал рукой второй остановившейся машине, и она поехала вслед за лейтенантом.

У Юльки коленки ослабли. Она опустилась на траву. Фима вернулся к ней. Даже в темноте было видно, как он сияет, гордый своей хитростью.

— Ты что тому шоферу сказал? — спросила Юлька.

— Ничего особенного. Я спросил его, эта дорога на Москву или нет. И сколько до поворота на Стуково. Вот он мне и стал объяснять.

Из кювета послышался горький и тяжелый вздох.

— Что случилось? — спросила Юлька.

— Ничего, — ответил тигр. — Я думаю, что нам лучше отказаться от нашей цели и сдаться властям.

— А закон Галактики? — спросила Юлька.

— Кому нужен закон, из-за которого хорошие, расположенные к нам люди должны лгать? Ложь — самое ужасное преступление в Галактике. Я представляю, какие муки приходится терпеть Фиме, когда он лжет ради нас. Нет, я этого не вынесу!

Юлька почувствовала, что Фима уже открывает рот, чтобы ответить, и со всей силы наступила ему на ногу.

— Ты чего? — удивился Фима.

— Если ты им скажешь, что ложь не самое страшное преступление и что ты это делаешь даже по пустякам, они потеряют к нам всякое уважение. И к Земле в целом, — прошептала Юлька.

— Ага, — ответил Фима. — Понимаю. Но ведь здорово у меня получилось?

Юлька не ответила. Она увидела, что по шоссе на них несутся два больших, широко расставленных глаза. Это шел грузовик.

Грузовик остановился. Фургон. И пустой. И согласился довезти до Москвы. И согласился, чтобы Юлька ехала в кабине, а Фима в кузове. И даже сам не стал вылезать из кабины, пока Фима и звери устраивались под брезентом, и всю дорогу до Москвы пел песни, и подвез их к самому дому, и даже денег не взял — бывает такое везение!

8. БАБУШКА, Я НЕ ОДНА!

Грузовик остановился у арки, ведущей во двор Юлькиного дома.

Юлька не спешила выйти. Она так долго благодарила шофера, что тот растрогался и подарил на прощание Юльке календарик с олимпийским Мишкой. Но вот машина вздрогнула, освобождаясь от веса, — это выпрыгнули звери и Фима. Грузовик уехал.

Фима пожал лапу тигру, поклонился питону.

— Ни пуха ни пера, — сказал он. — Может, мне с тобой подняться?

— Нет уж, я сама.

Звери шли по лестнице тихо, стеснялись, понимали, что момент наступает ответственный. Их тоже мучила неизвестность.

Юлька позвонила в квартиру, сделав знак пришельцам, чтобы стояли в стороне, не совались раньше времени.

Бабушка долго не открывала. Бабушка сломала зимой ногу и с тех пор ходила с палкой.

— Кто там? — раздался наконец голос за дверью.

— Это я, Юля.

— Юля? — Бабушка начала возиться с замком. — Ты почему так поздно?

Дверь приоткрылась.

Бабушка вгляделась — и вправду Юля.

— Заходи. Я тебя так рано не ждала. Ты должна была послезавтра приехать. Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось, бабушка, — сказала Юлька. — Я вернулась.

— Ничего не понимаю, — сказала бабушка. — А я была уверена, что ты в лагере. Чего стоишь?.. Заходи, заходи.

— Бабушка, пожалуйста, не пугайся и не сердись. Со мной мои друзья. Им нужно переночевать.

— Приезжие? — спросила бабушка. Она так соскучилась одна в квартире, что готова была принять любых гостей.

— Бабушка, обещай мне не пугаться, — попросила Юлька.

— Меня трудно испугать, — сообщила бабушка. — Зови гостей.

— А ты не выгонишь их из дома?

— Если они не очень пьяные, то обещаю, — сказала бабушка. — Вы что, сбежали из лагеря?

— Похоже?

— Очень похоже. Веди гостей. Хватит стоять у двери.

— Заходите, — сказала Юлька пришельцам.

Она отступила в сторону, чтобы пришельцам было легче войти в дверь.

Сначала вошел тигр. Он задержался в дверях, поклонился бабушке и сказал:

— Добрый вечер, извините за беспокойство.

Бабушка заметно побледнела. Она оторвала палку от пола, словно хотела отогнать ею тигра, и тигр тут же поджал хвост, сделал шаг назад и печально произнес уже с лестничной площадки:

— Ну вот, опять! То кочерга, то палка! Что за манеры...

Юлька попыталась прикрыть собой тигра и быстро сказала:

— Бабушка, профессор Транквери-Транковерри совсем не тот, кем он тебе кажется. Он прилетел к нам на Землю в экспедицию и только похож на тигра.

— Похож? — спросила бабушка. — А тебе обязательно его домой приводить?

— Совершенно обязательно. И ты должна нам помочь — скажи на милость, где мне спрятать человека, похожего на тигра, если каждая бабушка вроде тебя сразу бросается на него с палкой?

— Юля, я ни на кого не кидаюсь, — ответила бабушка. — Но мне странно, куда ты катишься. Сегодня ты приведешь домой тигра, а завтра притащишь удава? Анаконду? Чего мне ждать?

— Ты же сама учила меня любить животных. К тому же они

не животные. Тебе когда-нибудь раньше приходилось разговаривать с тигром? Тигры у тебя раньше просили прощения?

— Я вообще с тиграми предпочитаю не разговаривать! — сказала бабушка. — У меня есть с кем поговорить!

— А зря! — сказал тигр из-за двери. — У меня есть что рассказать! И на нескольких языках. Же конпран па? Ду ю андерстенд ми? Яволь.

— С ума сойти, — сказала бабушка, и в этот момент сверху послышался страшный, нечеловеческий визг.

Юлька метнулась было на лестницу, но ее сшиб с ног перепуганный тигр, который кинулся в квартиру и умудрился одним прыжком взлететь на шкаф в прихожей, а между ее ног в коридор проскользнул питон, к счастью, не сваливший бабушку. Падая, Юлька успела увидеть, что на лестнице, пролетом выше, стоит, прижав к животу портфель, общественник Крамаренко и кричит:

— Зарезали! Убили!

— Стыдно! — сказала Юлька, поднявшись на ноги и закрывая дверь. — Кто вас зарезал? Кто вас убил? Вы совершенно здоровый, только трусливый человек.

С этими словами Юлька захлопнула дверь и услышала с лестницы приглушенный крик:

— Я так не оставлю! Я буду жаловаться!

Юлька обернулась.

Бабушка уже прошла в комнату, тигр мягко спрыгнул со шкафа и прижался к стене небольшой прихожей, заполнив собой все свободное пространство, а питон спокойно дополз вслед за бабушкой до двери в комнату, постучал треугольной головой о раму двери и сказал своим воспитанным мягким голосом:

— Вы не правы, Мария Михайловна. Если наш облик наводит вас на атавистические аналогии, винить следует не нас, а ваше воспитание.

— Еще чего не хватало! — отозвалась бабушка из своей комнаты. — Он меня будет учить в моем доме! Разве я не видела, как ты на шкаф прыгнул? Стыдно подумать!

— Я не прыгал на шкаф, — возразил питон. — Прыгнул мой коллега, который находился в стрессе. Он не любит, когда на него машут кочергой. Он выдающийся мыслитель нашей планеты.

При этих словах бабушка соблаговолила повернуться к питону, и ей стоило большого труда не упасть в обморок.

— Раньше Юля таскала домой лягушек, — с тоской сказала она.

— Только большая нужда, — ответил питон, — заставила нас

обратиться к вашей великодушной помощи. Вы разрешите войти в комнату, чтобы объяснить вам ситуацию?

— А Юля где? — вместо ответа спросила бабушка. — Вы ее там не съели?

— Нет, — ответила Юля. — Мои друзья — вегетарианцы.

В этот момент в дверь позвонили.

— Это, наверное, Фимка вернулся, — сказала Юля.

— Погоди, — ответила бабушка. — Я не хочу попадать в нелепое положение. Я сама открою.

Бабушка смело проковыляла мимо питона, который прижал шею к стене, чтобы не коснуться бабушки, кинула взгляд на тигра, пятившегося в ванную, и медленно прошествовала к двери.

— Кто там? — спросила она.

— Извините, — раздался из-за двери незнакомый голос. — Нам сказали... нам сообщили...

— Тигры! — донесся голос общественника Крамаренко. — Тигры. Чуть меня не съели.

Бабушка спокойно открыла дверь.

Там стояли две девушки с красными повязками дружинниц и за ними, отступя, общественник Крамаренко.

— Простите, пожалуйста, — сказала одна из девушек, ростом чуть повыше Юли. — Этот человек нас остановил... Он сказал, что в дом ворвался тигр. Извините, если мы ошиблись.

— Ничего, — сказала бабушка. — Как вы видите, тигр здесь бы не поместился. Квартира у нас небольшая, даже собаки не держим.

— Значит, вам не угрожали? — спросила вторая дружинница.

— Кто мне будет угрожать! — сказала бабушка. — К тому же ко мне приехали гости издалека, и они не пропустят ко мне никаких тигров. Но если вы хотите убедиться, заходите, только вытрите ноги.

— Ну что вы, — совсем уж смутились дружинницы. — Мы за вас беспокоились...

Юлька обернулась и увидела, что из дверей ванной торчит конец тигриного хвоста. Она отступила так, чтобы закрыть собой эту улику, но дружинницы уже исчезли.

— Ой, спасибо, бабушка! — сказала Юлька, когда дверь закрылась. — Ты нас буквально спасла.

— А теперь, — сказала бабушка, — пошли ко мне в комнату и постарайтесь рассказать мне все по порядку, только не пугайте. Я пожилой человек, и нервы у меня далеко не такие, как прежде.

Это удалось сделать не сразу, потому что тигр прятался в ванне, а там лежало мокрое белье, и, прежде чем начался разговор,

тигру от бабушки сильно влетело, хоть и он был и профессор с другой планеты.

Потом бабушка сама позвонила в лагерь, чтобы там не волновались, куда делись ребята, велела Юльке приготовить чай, и пришельцы из вежливости выпили с бабушкой чаю и послушали некоторые из ее рассказов о прошлом. Все было хорошо, только когда пошли спать, бабушка попросила гостей закрыться в комнате Юлькиных родителей, потому что ей не хотелось бы проснуться ночью и увидеть в темноте глаза или хвост уважаемого Транквери-Транковери.

Уходя спать, питон сказал Юльке шепотом:

— Твоя бабушка — достойный представитель космического братства.

— По крайней мере, она могла вести себя хуже, много хуже, — почти согласился с питоном тигр. — Хотя я не представляю, как мы доберемся до Индии.

— Бабушка придумает, — сказала Юлька. — У нее богатый жизненный опыт. Вы зубы чистить перед сном будете?

9. СЕГОДНЯ И ЕЖЕДНЕВНО

Утром Юлька бессовестно проспала. Когда вскочила, подумала, что пропустила зарядку, потом увидела напротив знакомую картинку на стене и сразу все вспомнила. Прислушалась. Из бабушкиной комнаты доносились тихие голоса. Юлька вскочила, на цыпочках добежала до двери и выглянула. В коридоре пусто. Дверь к бабушке приоткрыта. Что там?

Юлька еле сдержала крик ужаса.

Она увидела, как пришельцы пожирают бабушку.

Юлька распахнула дверь. И только тогда сообразила, что бабушку никто не пожирает. Тигр, сидя на полу, осторожно трогает своими лапищами бабушкино больное колено, а питон склонил к бабушке плоскую голову и что-то бормочет на своем языке. А бабушка — надо же! — покорно полулежит на диване и совершенно не возражает против такого с ней обращения.

— Юля, — сказала бабушка, увидев, что ее внучка вбежала в комнату. — Не беспокойся, лишняя консультация не помешает. Ты же знаешь, что я совершенно разуверилась в нашей районной поликлинике. Пойди пока приготовь завтрак.

Юля поставила чайник и тут же вернулась в комнату. Скорость, с которой бабушка привыкла к тому, что у нее в доме живут пришельцы, была удивительной. Все-таки Юлька бабушку недооценивала.

— Можно, — сказал тигр в тот момент, когда Юлька вернулась в комнату. — Я убежден, что наше средство вам не повредит. Если вы, конечно, не возражаете.

— А что вы хотите ей дать? — спросила Юлька.

— Когда нам сделали эти земные тела, — сказал питон, — то выдали с собой аптечку. Мало ли что может случиться. И аптечка эта рассчитана именно на земных жителей. В том числе в ней есть средства от ожогов, от переломов и от насморка...

— А что это за средство?

Тигр провел лапой себе по животу, и обнаружилось, что на животе у него есть карман, как у кенгуру, только закрытый на «молнию». Тигр запустил в карман лапу, достал оттуда нечто похожее на тюбик, выжал немного желтого снадобья себе на ладонь и начал растирать бабушке колено.

— Горячо, — сказала бабушка.

— Это хорошо, — сказал питон. — Это великолепно. А теперь вам надо будет полежать.

Тигр кончил массаж, прикрыл бабушку пледом и, как будто всю жизнь прожил в доме Грибковых, отправился в ванную мыть лапы. При своих размерах он все же был ловок и ничего не разбил.

— Юля! — раздался бабушкин голос из комнаты. — Что ты намерена делать сегодня?

— Еще не придумала, — сказала Юля.

— Тогда дай мне телефон и записную книжку.

Юля принесла все, даже не забыла про очки.

— Спасибо, — сказала бабушка, — теперь возьми деньги в шкатулке и отправляйся в магазин. Молока купишь четыре литра, пять десятков яиц, хлеба — восемь батонов...

— Бабушка!

— Мы не одни. У нас гости. И я сегодня с утра уже выяснила их вкусы. При всей их скромности они должны питаться... Иди!

На обратном пути из магазина, с трудом волоча сумки, Юлька встретила Фиму, который ошивался возле ее дома, но не решался войти в подъезд, не зная, как прошла встреча бабушки с пришельцами. Он помог Юльке втащить сумки наверх, а потом уселся завтракать вместе с пришельцами и съел ровно столько, сколько и питон. Питон ограничивал себя в еде, а Фима — нет.

А тигр только пил молоко.

Бабушка все не вставала, Юлька принесла ей кофе на диван и спросила:

— Ты ничего не придумала?

— Мне должны позвонить, — ответила бабушка. — И, может быть, тебе придется съездить в одно место.

— Ой, скажи, куда?

— Подожди, не торопись. А знаешь, нога совсем не ноет, может, мне встать? Где палка?

— Подождите. — Питон вполз в комнату и, сворачиваясь кольцами, взобрался в кресло, которое просело под его весом. — Куда вам спешить?

Зазвонил телефон. Бабушка подняла трубку.

— Это ты, Николай? — сказала она. — Ну, и что ты узнал? Так. Ясновы? Отлично. Ты уверен?.. А где можно точнее узнать? Они в Москве?.. Ты уверен, что не в Хабаровске?.. Спасибо, Коля. Привет внукам. — Бабушка положила трубку на рычаг.

— Тебе из зоопарка звонили? — спросила Юлька.

— В зоопарке нет билетов в Индию, — ответила бабушка. — Мне звонили из Министерства культуры. Теперь слушай внимательно, раз в жизни постарайся сделать так, как тебе говорят старшие.

— Я всегда стараюсь, — сказала Юлька.

— Что-то не видно. В общем, сейчас ты едешь на Цветной бульвар. Там ты находишь Ясновых. У них сейчас репетиция. Ты смотришь репетицию и принимаешь решение.

Бабушка говорила военным голосом — она редко его употребляла. Но дело в том, что во время войны бабушка была десантницей и ее три раза забрасывали в тыл врага.

— Какую репетицию? — спросил Фима. — В цирке?

Бабушка кивнула.

— Я сразу догадался, — сказал Фима. — Эта мысль пришла ко мне еще ночью. «Где бывают тигры?» — подумал я. И ответил сам себе: «В цирке».

— И что? — спросила Юлька, которая еще ничего не поняла.

— Мы отдаем пришельцев в цирк. Они там живут спокойно, работают как дрессированные звери — где-то им жить надо! А в зоопарке, я вам скажу, просто унизительно.

— Как там работать? — крикнул из кухни тигр, который мыл там посуду.

— Представлять, — ответил Фима. — Ходить на задних лапах. Брать в зубы голову дрессировщика...

— Никогда, — сказал тигр. — Лучше смерть!

— По-моему, можно будет обойтись без этого, — сказала бабушка. — Но многое будет зависеть от Юли. Попробуй сначала поговорить с кем-нибудь из молодых Ясновых — там целая семья дрессировщиков. Я на тебя надеюсь.

Через полчаса Юлька в сопровождении Фимы, от которого избавиться не удалось, уже была у Старого цирка. Оказалось, что Фиму она взяла не зря, потому что именно он отыскал слу-

жебный вход, который никто не охранял, и они оказались в пропахших звериным и особым цирковым запахом коридорах и пробрались к странно выглядевшей утренней рабочей арене в тот момент, когда рабочие ставили там металлические загородки. И тот же Фима обыкновенным голосом спросил у одного из рабочих: «Ясновы здесь работают?» — и тот ничуть не удивился присутствию за кулисами чужого мальчика и ответил: «Видишь же, для них ставим».

Задние ряды зала скрывались в полумраке, Юлька с Фимой поднялись туда и стали смотреть сверху, как репетируют дрессировщики.

Сначала на арену вышел пожилой мужчина в обычном тренировочном костюме и подал сигнал. По крытому проходу на арену вышли звери. Шли они не спеша, словно знали, что предстоит не представление, а репетиция.

Фима считал зверей:

— Львов три, не так много... ага, тигр и пантера... вот с пантерой я бы работать не хотел, у них очень злобный характер. Да, жаль, что у них уже есть тигр.

В круглую клетку, где звери лениво рассаживались по тумбам, вошла молодая женщина, круглолицая и курносая. Она подходила к зверям и что-то им говорила. Мужчина внимательно следил за ней.

— Ты знаешь, я сейчас больше волнуюсь, — сказала Юлька, — чем на представлении.

— А ты не волнуйся, — услышала она голос сзади.

Юлька обернулась. В следующем ряду сидел парень лет двенадцати с таким же крутлым и курносым лицом, как у девушки на арене.

— Почему? — спросила Юлька осторожно.

— Она зверей чувствует, — сказал парень. — Седьмым чувством. Отец говорит, что со временем сдаст ей номер. Тогда и я буду там работать.

— А ты Яснов? — спросила Юлька.

— Вот именно. А ты чего сюда пришла? Директорская знакомая?

— Ничего подобного, — вмешался Фима. — У нас есть тигр, и мы хотим его сюда отдать.

— Помолчи! — огрызнулась Юлька.

Но было уже поздно.

— Тигр? — улыбнулся парнишка. — И где же он, в кармане у тебя?

— Что я, вру, да? — Фима повысил голос и поднялся.

— Врешь, — спокойно сказал парнишка.

— Это я вру? — закричал Фима.

Старший Яснов сказал одному из ассистентов, который стоял снаружи, держа наготове шланг:

— Валерий, выгони детей из зала. Звери нервничают.

— Фима! — почти заплакала Юлька.

— Он меня назвал вруном! — Фима совершенно потерял рассудок и пытался наброситься на младшего Яснова.

Так что Валерию с помощью Юльки пришлось буквально выносить Фиму из зала.

И когда изгнанные из цирка друзья оказались на залитой солнцем оживленной улице возле Центрального рынка, Фима наконец опомнился, но продолжал ворчать:

— Он сам на меня напал! Он меня вывел из себя...

— Знаешь что, — сказала Юлька. — Пойди куда-нибудь пообедай, отдохни. Видеть тебя не хочу.

— Я же как лучше...

— Уходи. Эгоист. Для тебя важнее собственные переживания, а ради чего мы сюда пришли, ты забыл.

— Я ему правду сказал. Я хотел ему нашего тигра отдать...

— Уходи, — повторила Юлька, повернулась и пошла в другую сторону. Потом оглянулась.

Фима раздумывал, потом достал из кармана свою заветную денежку и, видно, решил последовать Юлькиному совету.

Когда Фима скрылся из глаз, Юлька вернулась к цирку.

Ждать пришлось долго. Два с лишним часа. Но Юлька — человек упрямый. Она не отходила даже попить воды.

Наконец из служебной двери выбежал младший Яснов, Юлька догнала его у киоска с мороженым на бульваре. Она подождала, пока он купил мороженое, сама она, к сожалению, позволить себе этого не могла, потому что не взяла из дома денег. Яснов отошел к скамейке, сел, вытянул ноги и развернул обертку. Юлька сглотнула слюну, слюна была густая, словно Юлька целый день шла через пустыню.

— Яснов, — сказала она. — Не обижайся на моего друга. Он сказал правду. Только очень глупо сказал.

— При-вет! — удивился Яснов-младший. — Явление новое. А ты чего за мной ходишь?

— Хочу поговорить с тобой серьезно.

— Любопытно, — сказал Яснов. — Валяй.

— Я тебе кажусь сумасшедшей? — спросила Юлька.

— Я не врач, откуда мне знать?

— Ты фантастику любишь?

— Люблю. Ты только побыстрее говори, а то мне на репетицию возвращаться пора.

— Пять минут, и я все расскажу.

— Ни минуты больше.

И Юлька все рассказала будущему дрессировщику.

И дрессировщик Яснов Семен Семенович решил поверить Юльке, потому что ему было очень интересно.

И еще через час они вошли в Юлькину квартиру.

Дверь им открыл тигр.

За спиной тигра стояла бабушка без палки и держала в обеих руках по тарелке.

Бабушка не удивилась гостям, а сказала, улыбаясь:

— Все-таки посуду он моет неудовлетворительно.

Яснов в квартиру не входил. Он смотрел на тигра. Тигр смотрел на него. Юлька смотрела на бабушку. Первой заговорила Юлька.

— Где твоя палка? — спросила она.

— Зачем мне палка? — удивилась бабушка. Потом она посмотрела на удивленное курносое лицо Яснова и добавила: — Вы, очевидно, из цирка? Заходите. Мы не кусаемся.

Тигр тоже изобразил на морде что-то вроде улыбки и сказал:

— Не кусаемся.

Тогда Яснов окончательно поверил в то, что бывают чудеса и пришельцы, и сказал тигру:

— Здравствуйте.

Всю его цирковую самоуверенность как рукой сняло.

И тем более он стал скромным, когда из ванной высунулась голова громадного питона и питон сказал:

— К сожалению, не могу подать вам руки за неимением таковой.

10. ИСПЫТАНИЕ

— Верочка, ты сошла с ума, — уверенно заявил Семен Семенович Яснов-старший. — Я тебя не хочу слушать. Мы уезжаем на заграничные гастроли, а ты предлагаешь взять в номер непроверенного зверя.

— Он работал. Я же тебе говорю, что он работал, — настаивала Верочка Яснова.

— Он работает изумительно, — сказал Семен Яснов-младший. — Я беру его под свою ответственность.

— Это удивительно умный зверь, — подтвердила бабушка. — Я его рекомендую.

— Нет, — сказал Яснов окончательно.

И вышел из комнаты.

— Жаль, если все сорвется на этом этапе, — вздохнула бабушка, подходя к окну. Ходила она легко, сама не уставала удивлять-

ся. — Меня так и подмывало ему сказать, что тигр разбирается в медицине лучше, чем наши врачи.

— Тогда бы он вызвал «Скорую помощь», — сказала Верочка. — Наш папа — консерватор. Он не верит в медицинские познания тигров.

— Может, подменим? — спросила Юлька.

— Отец узнает, — сказал Яснов-младший. — Он всех зверей в лицо знает. Скандал получится — весь цирк разлетится.

Этот разговор происходил в комнате цирковой гостиницы. Казалось бы, все наладилось. Бабушкина информация была правильной — Ясновы уезжали на гастроли в Индию, Вера и Сема Ясновы, познакомившись с пришельцами, стали их горячими сторонниками, даже уважаемый Транкверри-Транковерри после часового спора и скандала согласился выступить на арене, изображая самого обыкновенного талантливого дрессированного зверя. И вдруг неодолимое препятствие со стороны Яснова-старшего.

— Ну что же, — сказал тогда Яснов-младший. — Я пойду на преступление.

— На какое? — спросила Вера.

— Я дам Акбару слабительное.

— Чепуха, — возразила Вера, но не очень уверенно. — Чепуха...

— У нас есть другой выход? — спросил Сема.

— Надо подумать.

— Вы хотите прямо сегодня? — спросила бабушка.

— Завтра будет поздно. Через два дня гастроли кончаются, — ответила Верочка. — Мы выезжаем в Одессу, к пароходу. Если сегодня отец не примет нашего тигра, другого шанса не будет.

— Понимаю, — сказала Юлька. — Я читала об этом в биографии какого-то артиста. Ему все не давали роли, не давали, пока не заболел самый главный артист. Тогда режиссер спросил: «Кто знает роль?» И наш герой ответил: «Я знаю!» И прославился в один день.

— А как же с питоном? — спросила бабушка.

— Я с ним говорила, — ответила Верочка. — Он согласен ехать в Индию в ящике. В багаже. Вместо витаминов. В случае чего скажем, что это — реквизит.

— Значит, начинаем операцию «Тигр», — подвела итог Юлька. — Кто что в ней будет делать?

— Я устраиваю Акбару выходной день, — произнес Сема.

— Я достаю в цирке клетку и фургон, чтобы привезти вашего тигра, — сказала Вера.

— Я беру на себя директора цирка, — решила бабушка. — Он когда-то был женихом моей покойной сестры.

— А я буду уговаривать Транкверри-Транковерри, — сказала Юлька. — Я представляю, как он оскорбится, если узнает, что ему придется проехать через весь город в клетке.

— И как он испугается, когда узнает, что ему придется провести столько времени среди хищников. Ведь он не отличается храбростью, — сказала бабушка.

На этом военный совет закончился, и его участники разъехались.

К началу вечернего представления сделано было вот что.

Сема Яснов дал тигру Акбару слабительного, и тот занемог животом, лег на пол клетки и отказался от всякого общения с человечеством.

Верочка Яснова не только приехала за пришельцем с фургоном, но и успела по дороге в цирк провести с Транкверри-Транковерри воспитательную беседу и объяснить ему, что надо будет делать на арене.

Юлька ехала в фургоне вместе с ними и все время напоминала взволнованному пришельцу, что от его поведения зависит судьба межзвездной экспедиции.

Бабушка приехала в цирк заранее и уселась в директорской ложе, чтобы подбодрить пришельца, если будет нужно.

Один Яснов-старший ничего не знал. Он допоздна оформлял документы на выезд своей группы и потому приехал перед самым началом представления, чтобы успеть переодеться. Он не очень беспокоился, потому что привык доверять своей старшей дочери.

И вот началось второе отделение.

Заиграл оркестр, за круглую решетку, которой была окружена арена, упали лучи прожектора, и зрители захлопали в ладоши. Юлька сидела во втором ряду, рядом с Фимой, которого она простила.

Затем в освещенный круг вышел Яснов-старший в черном костюме, и рядом с ним возникла тоненькая курносая Верочка в сверкающем платье.

Сема был там, за кулисами. Он вместе с ассистентами выпускал животных.

Оркестр замолк. Стало так тихо, что заложило уши.

И в этой тишине по крытому проходу из-за кулис на арену выбежали один за другим четыре льва, потом черная пантера, а потом, после короткой паузы, вышел тигр.

Вдруг все звери насторожились.

Они почувствовали чужака.

Пантера даже прижалась к полу и начала бить по земле кончиком хвоста.

И тут Транкверри-Транковерри, вспомнив инструкции Верочки, разинул свою огромную пасть, показал пантере клыки и так шумно и страшно зевнул, что пантера сама бросилась на тумбу, как побитая кошка.

Тигр посмотрел, склонив голову, на Яснова.

Яснов на тигра.

Юлька отлично видела, как дрогнули губы дрессировщика. Он еще не понял, в чем дело, но уже сообразил, что происходит что-то неладное.

— Папа, — услышала тут Юлька тихий голос Верочки. — Все в порядке.

— Только бы он не отменил номер! — шептала Юлька. — Только бы не взбунтовался. Он сейчас куда страшнее всех зверей вместе взятых.

А что будет делать пришелец? Не испугается ли? Не возмутится?

Но тигр закрыл пасть, вежливо наклонил голову, здороваясь с Ясновым, и прошел на свободную тумбу. Прыгнул на нее и сел, поглядывая на Верочку.

— Молодец! — воскликнула молодая дрессировщица. Не сдержалась.

И при этом развела руки в стороны, как бы представляя зверей зрителям. Грянули аплодисменты. Хмурый Яснов тоже поклонился — он был на работе. И Юлька поняла, что номер уже не будет отменен. Теперь все будет зависеть от того, как пришелец справится со своей ролью. Юлька поглядела в сторону директорской ложи. Там сидел седой директор, рядом с ним бабушка, которая напряженно улыбалась.

Верочка взяла в руку большой обруч и подняла его. Старший Яснов не отрывал взгляда от подложного тигра. Он и сердился на дочь, потому что понял, как его провели, и, разумеется, боялся за нее. Хоть его и уверяли все битый час, что новый тигр опытный, мирный и разумный, все равно любой дрессировщик знает, что дикий зверь остается диким зверем и никогда нельзя ему до конца доверять.

Звери, как и положено, один за другим прыгнули через обруч.

Последним должен был прыгать Транкверри-Транковерри. Он спрыгнул с тумбы, подошел к обручу и остановился. Отрицательно покачал головой. Видно, ему это занятие не понравилось.

— Ну, пожалуйста, — сказала Верочка. — Я вас прошу.

В зале некоторые услышали эти слова и засмеялись. Другие спрашивали соседей: «Что она сказала?»

Тигр неохотно прыгнул, задел ногами обруч и вышиб его из руки Верочки. В зале ахнули. Тигр оглянулся, увидел, в чем дело, и тут, к изумлению всех, включая львов, легко изогнувшись, дотянулся мордой до лежавшего на земле обруча и, подняв, подал Верочке.

Зал разразился аплодисментами, так как зрители поняли, что это — отработанный трюк.

Яснов покачал головой. И он такого еще никогда не видел. Даже директор цирка — Юлька это заметила — хлопал в ладоши.

Но со следующим трюком вышла неувязка. Львы должны были по команде ложиться рядом, как бы ковром, чтобы Верочка могла лечь поверх ковра. Львы-то легли, а вот тигр, который тоже должен был в этом участвовать, отрицательно покачал головой. Не хотел он лежать со львами.

— Иди, — сказал ему строго Яснов, которого очень заинтересовал необыкновенный зверь.

Тигр снова покачал головой.

В зале смеялись. Тигр всем нравился. Он был комиком. Только старые знакомые пришельца знали, что он не шутит.

— Не хочу, — вдруг сказал тигр Верочке. — От них пахнет.

— Ладно, не ходи, — согласилась быстро Верочка.

Разговор этот был негромким, но Яснов его услышал, хотя, к счастью, не поверил собственным ушам, как не поверили те зрители в первых рядах, которым на мгновение показалось, что тигр беседует с дрессировщицей.

Тигр остался на тумбе, но явно задумался. Тем более что старший Яснов больше не звал его совершать трюки, а остальные звери честно работали, искоса поглядывая на новенького и явно его не одобряя.

Юлька поняла, что Транкверри-Транковерри волнуется, боится за судьбу экспедиции и теперь лихорадочно соображает, что бы такое сделать, чтобы склонить на свою сторону холодное сердце Яснова.

Аттракцион уже подходил к концу, и зрители тоже ждали, что же еще сделает этот великолепный тигр. И вот когда остальные хищники расселись вновь по тумбам, чтобы выслушать заслуженные аплодисменты и разойтись, тигр вдруг большим прыжком взлетел над тумбой, так высоко, что все ахнули, и опустился посреди манежа. Даже Яснов отпрянул в сторону. Но тигр не дал никому опомниться. Он еще раз подпрыгнул и сделал в воздухе сальто.

— Молодец! — крикнул от прохода Сема Яснов.

Тогда тигр встал на передние лапы и, как умеют это делать дрессированные кошки, прошелся на передних по кругу. Когда он проходил мимо Яснова-старшего, он задержался и подмигнул

дрессировщику. Яснов не удержался — подмигнул в ответ, хотя потом никак не мог понять, зачем он это сделал.

Потом тигр опустился на четыре лапы и направился к Верочке, и она протянула ему навстречу руки. Юлька поняла, что они об этом договорились заранее.

Верочка прыгнула вперед, встала на руках на спину тигра, и тот пронес ее так вокруг арены. Затем Верочка на руках перешла тигру на голову, и он встал на задние лапы. Всем казалось, что губы тигра двигаются и он что-то говорит. Но если он даже и говорил, то ничего не было слышно за громкими овациями.

Остальные звери уже давно ушли с арены, понурив головы, потому что даже дикие цирковые звери знают, что такое актерский успех, и не любят, когда аплодисменты достаются другому. А зал все еще аплодировал пришельцу, который так разошелся, что «на бис» стоял на голове, хлопал лапами в такт оркестру, кувыркался, пока Верочка не уговорила его не перебарщивать.

— Талантливый зверь, — сказал директор цирка бабушке.

Та кивнула.

11. ПИСЬМА ИЗ ИНДИИ

Первое письмо от Семы Яснова Юлька получила на второй день занятий в школе и принесла в класс, чтобы его мог прочесть Фима.

«Дорогая Юля! — писал будущий дрессировщик. — Мы благополучно доехали до Одессы. Пароход большой, хороший. Тигр очень волнуется, не скучно ли питону в ящике. Я за питоном ухаживал, хотя он может не есть хоть три месяца. Я иногда устраивал им свидания, и они обсуждали научные проблемы на своем языке. А Вера следила, чтобы их никто не увидел. Тигр Акбар выздоровел, но они с пришельцем не дружат. Отец все еще не доверяет нам с Верой, ждет какого-нибудь подвоха. Но мы не можем ему все рассказать, пока не доедем до Индии. А так как мы раньше всегда все отцу рассказывали, то ситуация неприятная. Транковерри часто ворчит, что не хочет выступать, и все рвется поговорить с отцом, чтобы он обращался с ним как с профессором, а не как с тигром. Но я надеюсь, что он не проговорится. Сейчас спешу, скоро отплываем. Привет бабушке. Твой Семен Яснов».

— А мне привета нет? — спросил Фима.

— Забыл, — сказала Юлька.

— А я вчера Розочку встретил, — сказал Фима. — Он говорит, что в лагере большая суматоха была, когда мы пропали. Хорошо,

что бабушка твоя сразу позвонила. А потом весь следующий день тигров искали.

— И не нашли?

— Но ведь тигра не было.

— Если очень хочешь найти, то найдешь, — сказала Юлька. — А знаешь, как мы с бабушкой скучаем без них? Хорошо бы у них все получилось.

— Иначе наши жертвы будут напрасны, — торжественно сказал Фима. — Будешь писать в Индию, передавай привет.

Следующее письмо пришло уже из города Бомбея. Через месяц.

Там было написано, что они выступают каждый день и Транки ведет себя достойно, уже привык выступать и ему даже нравится, хоть он это и скрывает. Он прирожденный актер, отец к нему привык, и жаль будет расставаться. Скоро они едут в Мадрас, там тоже гастроли, и там пришельцы от них уйдут.

Потом прошло еще десять дней. Ожидание было невыносимым. Даже бабушка стала плохо спать. К счастью, Вера Яснова догадалась прислать в Москву телеграмму:

«РАССТАЛИСЬ С ДРУЗЬЯМИ ВСЕ В ПОРЯДКЕ ПОДРОБНОСТИ ПИСЬМОМ ВЕРА».

С этой телеграммой Юлька помчалась вечером к Фиме, и Фимины родители никак не могли понять, почему Юля с их сыном пляшут и кричат «Урра!».

А потом пришло сразу два письма.

Первое от Семы.

«Дорогая Юля! Спешу тебе рассказать, как все было. Мы приехали в штат Майсор и выступали в городе того же названия. Это было самым близким местом к тому заповеднику — ты понимаешь. Выступали мы в шапито, звери жили в фургонах, а мы в гостинице. Хорошо, что цирк был на окраине города. Операцию мы провели ночью. Перед этим Транковерри выступал так, что жители того города на всю жизнь запомнят это представление. Мы тоже. Он даже переборщил, потому что в конце спел песню на языке хинди. Мы выпустили друзей, и они побежали в лес, чтобы добраться до безопасных мест до рассвета. На прощание тигр плакал. Очень просил передать тебе привет. Больше мы их не видели. Отец был расстроен. Но мы ему все рассказали. Не знаю, поверил он нам или нет, хотя объявление о пропаже тигра сделал. Но что ему оставалось? Еще вчера у нас было два тигра, а стал один. Сама понимаешь, тигра не нашли. Они обещали нам как-нибудь сообщить о себе. Но не сказали как. Будем ждать. Скоро приедем. Вера грустит. Семен».

Сообщение от пришельцев пришло в тот же день.

В дверь позвонил почтальон и попросил расписаться за заказную бандероль. Без обратного адреса. Когда бандероль развернули, в ней оказались фотографии — тигра и питона. На оборотных сторонах было написано: на одной фотографии — «Дорогой Юле с благодарностью от ее назойливых гостей»; на другой — «Дорогому Фиме...»; на третьей — «Дорогой Марии Михайловне...» и так далее — там были фотографии и для всей семьи Ясновых. И еще — тюбик с растиранием для бабушкиной ноги.

Бабушка, которая отлично умеет разузнавать все, что ей нужно, с помощью телефона, по штампу на обертке бандероли узнала номер почтового отделения, из которого бандероль была отправлена, почтовое отделение находилось в одной небольшой деревне в Костромской области. Бабушка дозвонилась туда по междугородному телефону и спросила, кто посылал бандероль. Какая-то женщина ответила, что это загадочная история. В ту ночь над деревней пролетал метеор, и кто-то оставил бандероль на пороге почтового отделения, положил сверху деньги и прижал камнем. Так что на почте наклеили марки и отослали пакет в Москву. На почте осталась сдача, и там очень хотели узнать, что с этими деньгами делать.

Бабушка не ответила, что делать, зато спросила, что за метеор пролетал над деревней. Очень яркий, ответили ей, и даже сделал круг над деревней. Только это было ночью, и почти никто не видел, а кто видел, тому не поверили. Бабушка поблагодарила почтальоншу и повесила трубку.

Юлька окантовала портреты своих друзей и поместила их над кроватью. Бабушка положила фотографии в свой альбом, а Фима до сих пор таскает их с собой, скоро они у него совсем изомнутся.

И все они верят, что как-нибудь гости прилетят снова, уже в более обыкновенном облике. Ну, хотя бы в виде кошки и верблюда.

Все бывает...

ГЕРКУЛЕС И ГИДРА

1

На южном берегу Азовского моря воды мало и удобств для отдыхающих нет. Иначе бы давно застроили эти места пансионатами и санаториями. Может быть, кому-то это бы понравилось, а я рад, что наши места довольно пустынны. Если мне очень захочется цивилизованной жизни, я всегда смогу сесть в автобус и доехать до Керчи или до Симферополя. Это не значит, что я нелюдимый анахорет, прячусь от человечества. Просто не люблю толкотни. После десятилетки я пойду в мореходку. А может быть, в университет, на исторический. То есть еще в прошлом году я был убежден, что пойду в мореходку, а этой весной к нам, на мыс Диамант, в километре от поселка, приехала экспедиция профессора Манина и круто изменила мою жизнь. Кстати, это относится не только ко мне, но и к Макару Семенцову из моего класса. Он вообще не хотел идти в институт. У него масса концепций. Одна из концепций относится к паразитизму. И звучит так: если ты имеешь возможность отрабатывать долг обществу, начинай это делать как можно скорей. Впрочем, у Макара есть жизненные обстоятельства. Если у меня мать бухгалтер в совхозе, сестра уже работает телефонисткой и отец присылает деньги, то у него только отец-инвалид — почти слепой. Отец-одиночка, редкий случай. И лет с десяти Макар тянет на себе все хозяйство.

Я рад, что у нас здесь вольно. Можно пройти десять километров по степи и не встретить ни одной души. За соленым озером подняться на высокий пологий холм, где остались каменные плиты древнего татарского кладбища, потом узкой лощиной, где растет несколько старых тополей, добраться до заброшенной армянской часовни, за которой кусок обвалившейся стены. Наши археологи ездили к этой часовне и так и не столковались, кто строил стену. Манин думает, что она осталась от генуэзцев, а Борис уверен, что ее построили готы. Удивительный у нас край. Кто только здесь не жил. Наш поселок Ключи тоже старый. Говорят, что его основали при Екатерине, то есть в восемнадцатом веке, когда Крым присоединили к России и поселили тут солдат-инвалидов. Солдаты научились ловить рыбу, ее тогда в Азовском море было много, стали разводить виноград и давить вино.

А Ключами поселок назвали из-за источника. Он испокон века бьет из-под скалы. Это место обложено хорошо отесанными плитами. Лет пять назад неподалеку пробили артезианскую скважину. Только ошиблись. Скважина работает неравномерно, а в источнике воды убавилось. Типичный случай нарушения баланса в природе. Так что у нашего поселка так и не появилось возможностей вырасти и обзавестись санаторием или заводом. Зато тихо, свободно.

А вот Томат недоволен. Я еще вчера, во время очередного спора, сказал своей сестре Люсе: если не нравится, чего приезжает третий год подряд? Разумеется, Люся отвечать мне не стала. Соврет — я начну смеяться, скажет правду — умрет от стыда. Дело в том, что Люся до сих пор надеется, что этот Томат на ней женится. Честное слово! Ну хоть бы он дал ей понять, насколько пусты ее глупые надежды. А он хитрит. Ему куда выгоднее жить у нас под видом почти жениха. И мать покормит, и Люся бельишко постирает. Только я никогда и ничего для него делать не буду. Это вопрос жизненных принципов, потому что Томат — дутая величина, а я не выношу лжи. Простите, но это так.

Разумеется, в свете истории, которая произошла в последние дни, мои слова могут показаться кокетливым бредом, притворством и лицемерием. Я выступал в ней последним лжецом и подонком. Но разве не бывает так, что человек, который не выносит кипяченого молока, вынужден глотать его, чтобы не расстраивать любимую бабушку? Со мной такое было, в детстве.

Я не знаю, с какого момента вести отсчет этой истории. Может быть, с весны. Может, с приезда Томата. Так как весна была раньше, я начну с нее.

Манин приезжал сюда прошлым летом, но меня в то время в поселке не было. Я устроился в строительный отряд и уехал на два месяца в Таганрог. Мне было четырнадцать лет, но выгляжу я на все шестнадцать из-за акселерации. Так вот, Манин приезжал на разведку и решил, что они будут копать городище на мысе Диамант, возле которого, спускаясь к морю, и разместился наш поселок. Мыс Диамант вдается довольно далеко в море и обрывается к нему почти стометровым обрывом. Из травы там высовываются углы каменных плит, а внизу под обрывом, который море понемножку размывает, иногда можно найти обломок кувшина или даже монеты. У меня долго лежал довольно красивый обломок амфоры — размером с две ладони. На нем был нарисован почти белый сатир с копытами, он гнался за нимфой; к сожалению, ее голова была за пределами обломка. Люся подарила этот обломок Томату еще в прошлый приезд и мне ничего не сказала. Я, может, и забыл бы о нем, если бы не Манин. Когда

весной появилась экспедиция, Манин спрашивал, нет ли у кого в поселке вещей с мыса Диамант. Некоторые принесли. Я тоже хотел принести, но обломка не было. И тогда Люся сказала, что подарила его Томату. Думала, что мне не нужно. Можете представить, какую сцену я ей устроил.

Наверное, было бы романтичней, если бы экспедиция жила в палатках над морем. Но они предпочли снять здание нашей восьмилетки. Там поставили раскладушки.

Разумеется, мне хотелось поработать на раскопках. Я люблю читать исторические книги и всегда интересуюсь нашим прошлым. Так что для меня приезд экспедиции был везением. А то, что Манин набирал рабочих, стало везением номер два. Ну из кого ему было набирать рабочих в нашем не очень многолюдном поселке? Разумеется, из старшеклассников. Так мы и попали на раскопки Тавманта. Правда, я вам должен сказать, что даже Манин не уверен, Тавмант мы копаем или нет. В Крыму еще много загадок, особенно когда это касается античных времен. Какой-нибудь Херсонес или Пантикапей известны на весь мир, да и тогда тоже были известны. А вот небольшие городки, разбросанные по берегам Черного и Азовского морей, порой не попадали в исторические труды. Или если попали в Перипл, это что-то вроде лоции, их не так уж легко определить. Тем более мы уже в первые недели обнаружили, что верхние слои городка относятся к периоду Хазарского каганата, а люди ушли оттуда только к концу десятого века. В общем, сказочно интересная работа. И люди мне понравились. Мне с ними было хорошо.

Я понимаю, приезжает на новое место коллектив. В нем старые знакомые, ученые, много студентов-историков. У них общие интересы, они и в Москве знакомы. Поэтому рабочие, такие, как мы, обычно остаются в стороне. Например, Солодко, из соседнего дома, она отработала свои часы и спешит на огород или по дому заниматься. Для нее это только приработок. Но что касается нас с Макаром, получилось иначе. Сначала я сблизился с Борисом, потому что мы друг другу понравились. Хотя он и кандидат наук, но в нем есть молодость души, если вы меня понимаете. Макар не так быстро сходится с людьми, как я. Может, это из-за разного физического развития. Я играю за район в баскет и стометровку проплываю со скоростью вельбота дяди Христо. В общем, у меня нет комплексов. А Макар держится только на чувстве собственного достоинства. Он толстый и мягкий. И близорукий. Ну прямо чудак-ученый из романа. Что ему помогает жить на свете — это его талантливость. Он удивительно талантливый человек, иногда наши преподаватели просто разводят руками. Но притом он невероятно стеснительный и поэтому

бывает очень грубым. Понимаете? Так вот, я через две недели стал в экспедиции своим человеком. Костя, где ты? Костя, сгоняй за пивом на «рафике» (у меня юношеские права). Костя, достань лодку, вечером в море пойдем... Костя здесь, Костя там, но я не обижаюсь, потому что ничего обидного в этом нет. Я сам себя так поставил. Да они и не обижают. В конце концов, я могу большинство студентов положить на лопатки в сорок секунд. Это ничего, что я такой худой. Возрастное. Когда мне не хочется возвращаться домой и глядеть на Томата и слушать его банальные речи, я остаюсь в школьном здании ужинать, потому что вечером начинается самое интересное. И песни под гитару, и споры, и даже танцы. И еще лучше, если разговорится Манин. Совсем необязательно он говорит об археологии. Знаете, он из тех людей, которых все волнует. Он и о летающих тарелочках будет рассуждать, и об охране природы, и о литературе. Его выдвинули в члены-корреспонденты и, может быть, изберут. Я бы его давно избрал, хоть он и сравнительно молодой.

Макар поначалу в экспедиции не задерживался. Прямо с раскопа, не заходя в школу, шагал домой клепать свой телевизор. Он вроде бы придумал принципиально новую схему, какой еще нет ни на одном заводе. Не знаю, что у него выйдет, но времени он потерял на это месяцев семь. Если настойчивость — свойство таланта, то Макар — самый талантливый человек на Азовском море. И самое любопытное то, что это не только мое мнение. Его разделяет со мной Игорь Маркович. Игорь Маркович Донин — это новое лицо в нашей экспедиции, и личность таинственная. То есть он таким мне показался сначала. Представляете, недели через две после начала работы, когда мы только-только сняли хазарский слой и пошли на антику, приезжает крытый фургон. День был жаркий, парило, море казалось свинцовым, а небо словно выцвело. Работать не хотелось, в раскопе было душно и пыльно. Поэтому, когда приехала машина, мы все полезли наружу.

Из кабины вылез очень высокий изможденный человек в темном костюме и при галстуке — самое нелепое сочетание, какое только можно придумать. Этот человек постоял под раскаленным солнцем, всматриваясь в пыль. И тут из раскопа вылетел наш круглый, маленький, крепкий Манин, в майке и шортах, понесся по солнцу к машине с диким воплем:

— Игоречек! Игореночек, Игорюшка, ты мой спаситель, я тебя люблю!

Изможденный человек сделал два больших шага вперед и принял нашего профессора в объятия. Голова Манина утыкалась в живот Игоречку, и тело сотрясалось, словно от рыданий.

Потом из раскопа вышел сутулый Борис, поправил указательным пальцем очки на переносице и спросил:

— А как же ты нас нашел?

— Ах, не говори, — сказал Игоречек печальным голосом.

Так в нашей экспедиции и появился Донин с его машиной. Машина занимала весь фургон, ее разместили в пустом школьном гараже. Отец дяди Христо, Константин, стал сторожем при гараже, а монтировали ее сам Игоречек и его техник по прозвищу Кролик, тяжелоатлет с красными глазами и всегдашним желанием улечься в теньке и заснуть минут на шестьсот.

С приезда машины жизнь моего Макара изменилась. На второй день он заглянул в гараж, потому что у него нюх по части всякой техники, и там остался. Я теперь даже не знаю, спит он когда-нибудь, ходит ли домой — он превратился в придаток той машины. Но не в бесполезный придаток, а в самого главного человека. Кролик теперь может спать спокойно — машина в надежных руках. Сам Игоречек говорит, что ему сказочно повезло. Найти пятнадцатилетнего технического гения в деревне Ключи — это и есть сказочное везение.

Макар — человек немногословный, сам о себе ничего не рассказывает. Но если бы у меня были комплексы, я бы убил его из ревности. После Манина Макар стал самым популярным человеком в экспедиции. Тут у нас в прошлую пятницу приезжала корреспондентка из Симферополя написать о перспективах раскопок, что мы найдем в этом сезоне. Сама задача нелепая — если бы мы знали, то не искали бы. Манин ее уверил, что надо писать не о раскопках, а о Макаре. Только корреспондентка не оценила хитрости нашего профессора, который боится корреспондентов, и всерьез написала целый очерк о Макаре, начиная с его успехов в первом классе. Правда, она больше домыслила, так как от Макара монологов не добьешься.

Поэтому в событиях прошлой пятницы Макар сыграл очень важную роль. Тем более что Кролик, извините за выражение, запил и из фургона не вылезал. И основная тяжесть подготовки нашей установки выпала на Игоречка с Макаром.

Следовательно, мы имеем деревенского гения Макара, меня в роли всеобщего друга и прислуги за всех, Игоречка, Манина, двадцать студентов и столько же рабочих из нашего поселка. И имеем Томата. Тут Томат и выходит на сцену.

Томат появился в нашем доме в позапрошлом году.

Появился он в своих «Жигулях» второй модели, подтянутый и страшно скучный. Он умудрился с первых же слов внушить полное доверие моей матери, трепетание чувств в Люсе и неприязнь во мне.

Все в нем нормально. Бывает же такой нормальный человек. И зубы у него целы, и глаза не косят, и печень не беспокоит. Он сразу сообщил моей матери, что родом он из Подмосковья, по профессии экономист с заграничными перспективами, машину купил на собственные сэкономленные деньги и намерен отдыхать в нашем поселке, так как слышал от надежных людей о нашем целебном воздухе и море, а также узнал о нашей здесь дешевизне на фрукты и овощи. К нам его направили из крайнего дома, так как у нас пустует комната, а мы нуждаемся в деньгах. Он же нуждается в приведении своего тела в бодрое и загорелое состояние (без излишеств, ни боже мой!), отличается добрым нравом, тихим характером, не употребляет спиртных напитков, притом холост и ищет жену из хорошей семьи и с положительными душевными данными. Моя мать была сражена этими сведениями, будто ей предложили сдать комнату ангелу небесному.

Самое обидное, что при всей моей ненависти к этому человеку, я ничего не могу сказать о нем плохого. Томат гладок, ему лет тридцать, он спокоен, в самом деле не пьет и не курит и не терпит, когда в его присутствии это делают другие, он обожает эстрадную музыку, но не современную, а с опозданием лет на десять-тридцать, ночью не храпит, ловит рыбу на удочку и отдыхает изо всей силы. Отбыв у нас месяц, он уехал обратно на своем сверкающем «жигуленке» с тремя запасными колесами, прислал нам поздравления к седьмому ноября и Новому году, а потом заявился вновь, на следующее лето. И в третий раз — на той неделе.

Больше всего на свете я боюсь, что он в конце концов женится на Люсе и будет жить в нашем доме, или увезет Люсю в свое Подмосковье. Люся не красавица, но привлекательней ее я девушки не знаю. Даже студенты из экспедиции со мной совершенно согласны, а они в Москве видели всяких девушек.

Люся неглупый человек, все понимает и сомневается, но общественное мнение поселка ее уже выдало замуж за Томата, и она тоже с этим смирилась. Жалко мне ее смертельно, но поймите — в нашем поселке с женихами просто катастрофа, не ехать же ей в Симферополь в поисках семейного счастья, если она любит Ключи и хочет здесь жить, а в то же время ей уже двадцать два года, критический возраст, почти старая дева.

Томатом я его зову по простой причине. У него фамилия — Пасленов, а помидоры относятся к этому семейству. И щечки у него красные, вот-вот лопнут. Видите, как я его не выношу. И, наверное, прав Макар, который утверждает, что я не люблю его не за объективные отрицательные качества, а потому, что на каждую мою отрицательную черту у Томата есть положительная.

Все мои минусы в сумме не дают плюса, а все его плюсы превращаются в такой огромный плюс, что он для меня как флюс (каламбур — игра слов).

Но есть у Томата одно отрицательное качество, я его именую вещизмом. Он обожает вещи. Разные. Особенно свои. Он обожает свою машину, она у него лучшая в мире, он обожает денежки, он обожает наш поселок, потому что он в нем отдыхает, и очень дешево, он, боюсь, обожает и мою сестру. Только решить вопрос о женитьбе он не может так вот сразу, за три года. Я думаю, он еще лет пять у нас постолуется, а потом или женится, или найдет себе другое тихое недорогое место.

У него, как у человека бережливого, скажем даже, жадного, есть удивительное умение хвалить свои вещи. Вот он привез с собой пластинку ансамбля «Абба». Большой диск. Дефицитный. Говорит, что купил его в Орле и переплатил три рубля. Все может быть. Он привез эту пластинку в подарок Люсе, но, как и все свои подарки (а их накопилось уже штук пять), бережет так, будто от их порчи с ним случится инфаркт. В прошлом году привез банку французского крема, самого лучшего, по его словам. А сейчас приехал и спрашивает: «Как мой крем, пользуешься?» Люся покраснела и отвечает, что крем весь кончился. Вы бы видели его физиономию. Он, наверное, думал, что Люсенька будет всю зиму этот крем нюхать — и только. Люся так смутилась, что принесла ему пустую баночку. Он долго вертел ее в руках, будто удивлялся, какая Люся транжирка, она чувствовала себя преступницей, но молчала. А он ничего больше не сказал, только взял пустую баночку с собой на море, там ее тщательно вымыл и чистенькую поставил на полку в своей комнате.

Раз вы теперь понимаете, какой человек Томат, то тогда понятней будет мое смертельное легкомыслие.

В общем, в четверг вечером, как раз перед тем, как проводить испытание установки Игоря, был день рождения у Шурочки Андреевой. Она аспирантка у Бориса, милое создание, только мне совсем не нравится, потому что шумна и жутко разговорчива. Мы в экспедиции решили, что устроим большой праздник. Манин не возражал, а я думал, что бы такое сделать для ребят, и потом притащил им целое ведро черешни, а когда уходил из дома, увидел, что пластинка лежит прямо на столе — наверное, Томат любовался ею перед уходом с Люсей в кино. И я решил ее прихватить. Все равно будут танцы, а пластинок всего пять штук и все надоели.

Вечер прошел неплохо. Тем более что была очень хорошая погода, а назавтра предстояло испытание машины Игоречка, и Макар с утра не вылезал из гаража, его даже на праздник еле

приволокли. Так что настроение у нас было приподнятое, как перед запуском в космос. Это не значит, что все мы в тот момент представляли, как работает машина, — Манин и Игоречек люди, как ни странно, суеверные, и оба, как оказалось, боялись, что опыт провалится, хотя в Москве его уже ставили много раз.

Шурочка танцевала со мной и уговаривала меня поступать в Москву на истфак. Она, как всегда, говорила без умолку, черные, завитые химией волосы падали ей на лицо, и она все время надувала щеки, чтобы отдуть локоны в сторону. Вообще-то она была очень милой. Это вопрос не личной моей привязанности. Хоть я и акселерат, мне еще только пятнадцать лет и женский вопрос меня практически не волнует.

Потом Манин, Игоречек и, конечно же, Макар скрылись в гараже и там колдовали, но меня это мало интересовало. Мне было хорошо. И было бы еще лучше, если бы не эта пластинка. Я вдруг представил, что Томат вернулся из кино и сразу бросился искать пластинку, а ее нет. Представляете, что тогда поднимется за скандал! Тихий такой скандал, вежливый, лучше утопиться! Я сидел и смотрел, как неосторожно эту пластинку ставят на проигрыватель, но взять ее и унести было неловко. Не могу же я показать, что боюсь какого-то Томата.

Но все на этом этапе обошлось.

Часов в одиннадцать Манин, вернувшись из гаража, приказал нам расходиться, потому что подъем в семь, а в половине восьмого всем приказано быть готовыми к эксперименту.

Я с облегчением забрал пластинку, сунул ее в конверт и, позвав Макара, пошел домой. Мы с Макаром живем недалеко друг от друга, на другом от школы конце улицы. Светила луна, было тихо, даже собаки не брехали.

Макар молчал, был погружен в мысли. Я спросил его, нравится ли ему Шурочка, он даже не понял моего вопроса.

— Игорь Маркович обещал меня взять к себе в институт, — сказал он, и я понял, что любые разговоры с этим чудаком обречены на провал.

Сами понимаете, я свою улицу знаю как свои пять пальцев. Я могу пройти по ней с завязанными глазами в любое время года. И знаю на ней каждую рытвину.

— Ну ладно, — сказал я, — с тобой каши не сваришь.

— И вообще, — ответил Макар, который, оказывается, запомнил мой вопрос о Шурочке, — как ты можешь задавать вопросы о Шурочке, если завтра ты умрешь?

Если бы он при этом улыбнулся или еще что, я бы так не удивился. Но он сказал это неожиданно и так серьезно, что я споткнулся о колоду, лежащую у ворот дяди Христо, и полетел впе-

ред, приземлившись точно на пластинку, и в ночной тишине поселка услышал, как она раскололась. Я лежал в ужасе. А он остановился надо мной и смотрел на меня сверху. И я глупо спросил:

— Почему умру?

— Потому что, — ответил он спокойно. Как будто и не заметил, что я лежу на земле. — Ничего подобного ни ты, ни археология еще не видели.

И с этими словами он повернулся и пошел через дорогу к своему дому.

А я, про себя проклиная его последними словами, встал, поднял превратившуюся в кучку осколков пластинку и побрел домой, моля бога, чтобы Томат еще не вернулся из кино.

Из кино он вернулся, но уже лег спать и вежливо, аккуратно посапывал в своей комнатке.

Я прошел к себе, спрятал разбитую пластинку под кровать и лег спать. И даже, несмотря на мое расстройство, сразу заснул.

2

Утром Томат встал затемно и отправился с Христо ловить рыбу. Так что пропажи пластинки он не заметил. Я вздохнул с облегчением, потому что умею забывать о неприятностях, если они случаются не немедленно, и пошел к школе.

Хоть было лишь начало восьмого, все уже поднялись. Все были возбуждены, как будто нашли на раскопке статую Венеры. Двери в гараж были широко открыты, там суетились Макар с Кроликом, Игоречек разговаривал с Маниным.

Потом Манин обратился к нам.

— Коллеги, — сказал он. — У нас есть еще несколько минут, и я сейчас хочу сделать вам сообщение. Давайте пойдем в столовую.

Мы пошли за ним в школьную столовую и расселись на небольших стульях у покрытых пластиком столов. Манин встал у раздачи, где стояли горой еще не мытые тарелки, закурил, потом сказал:

— Не обижайтесь, что я раньше вам обо всем не рассказал. Хотя многие уже слышали об опытах нашего гостя. Но все еще было покрыто туманом неизвестности. Сегодня же он должен рассеяться.

Туман неизвестности — это Манин хорошо сказал. Я люблю таинственные слова. Меня и археология привлекает своей таинственностью. Ты никогда не знаешь, что тебе откроется за поворотом. Сами понимаете, нам всем хочется открыть какой-ни-

будь храм или богатое захоронение. Все археологи любят посетовать: ах, не дай бог нам богатое захоронение. Мы ненавидим эти золотые украшения и бриллиантовые короны. Сразу приедет фининспектор, надо охрану ставить, и это проклятое золото затмевает чисто научное значение наших раскопок. Одна надпись, даже неполная, дороже всего золота мира. Но я думаю, что они лицемерят. В самом деле, тому же великому Манину всегда приятно, когда про него говорят: это тот человек, который откопал волшебный клад в кургане Седая Могила. Там было восемь ваз и так далее... А кто читает археологические отчеты? Только такие любители, как я. Кстати, Манин обещал мне осенью прислать свои статьи за последние годы. Думаю, не обманет.

Ну вот я и отвлекся. Я и на уроках отвлекаюсь. Я как-то плыл на МРТ в Таганрог, стоял на палубе, задумался, и мне показалось, что я на берегу. Я сделал шаг вперед и нырнул в воду. Хорошо еще, что плаваю как рыба.

— Принцип изобретения нашего дорогого гостя, — продолжал между тем Манин, — заключается в том, что при изготовлении любого предмета нарушается не только форма исходного сырья, но и неуловимые обычными приборами связи в самих молекулах. Вот эта амфора, которую вчера отыскал наш Костя, — тут я немного покраснел, потому что приятно, когда Манин помнит о твоих скромных заслугах, — когда-то была куском глины. Потом ее замесили, положили на гончарный круг, вылепили, затем сунули в печку, обожгли, раскрасили. В принципе, это все тот же кусок глины. Но в ином облике. По химическому составу амфора не отличается от глины, из которой она сделана. Но эта глина помнит, какой она была когда-то.

С философской точки зрения тут что-то было. Я так и сказал, хоть не к лицу простому рабочему, не достигшему совершеннолетия, перебивать профессора. Но у нас демократия.

— Давайте не будем углубляться в философию, — сказал Манин, выслушав меня. Шурочка почему-то хихикнула, можно подумать, что вчера вечером она со мной вовсе не танцевала. Ну я и закрылся в себе.

— Мне важен принцип, — сказал Манин. — Я хочу, чтобы вы его поняли так, как его понял я. Технических деталей процесса мы не поймем.

Это вы не поймете, хотел было я добавить, но, разумеется, промолчал. Хватит с меня Шурочкиных улыбок. Но ведь Макар-то понял лучше любого профессора. Иначе бы эту установку готовил к работе Манин, а не Макар.

— Каждая вещь, — сказал Манин, — имеет память. Это не память в понимании живых существ, а память молекулярная. Моя

рубашка помнит, что была когда-то коробочкой хлопка, этот стол помнит, что рос в лесу, даже песчинка на берегу помнит о том, что была частью расплавленной магмы.

Эта идея всем понравилась, и некоторые студенты начали шутить, потому что люди такого склада всегда стараются шуткой скрыть свою растерянность перед сложностью мира. Я замечал это и раньше. Я же становлюсь совершенно серьезен. И сразу перехожу к сути дела.

— Если бы предметы помнили о своем прошлом, то теоретически можно их заставить это прошлое нам показать, — сказал я.

Некоторые засмеялись вслух, а Манин сказал:

— Костя, от того, что Макар тебе рассказал все раньше, не исходит, что ты можешь демонстрировать так называемое знание.

— Чего! — я даже возмутился. — Макар мне ни слова не сказал. Я сам догадался.

Тут все на меня зашикали. В человеческом обществе все теоретически равны, но попробуй только оказаться умнее окружающих. Сожрут. Так что я окончательно и бесповоротно замолчал и даже хотел уйти, но пересилил себя. И остался.

— Ладно, — сказал Манин, — пошли в гараж.

Шурочка подошла ко мне, потому что я отстал. И сказала:

— Скажи, вы, акселераты, обязательно должны свой нос всюду совать?

— Я думал, — ответил я с достоинством, — что нахожусь в демократическом коллективе, и получил по носу. Заслуженно.

— Демократия не означает неуважения, — заметила Шурочка. — Мальчикам не следует стараться быть умнее, чем академики. Всему свое время. Тебе надо еще учиться, учиться и учиться...

— Ладно, шутки в сторону, — сказал я, потому что не умею долго обижаться.

В самом деле, мне было очень интересно узнать, какое можно придумать практическое приложение идее о том, что все вещи мира имеют память.

Как вы знаете, у меня пятерки по истории, геометрию я тоже люблю, но в математике и предметах, где надо иметь дело с голыми цифрами, я профан. Свет я, конечно, в доме починить могу, но уже приемник для меня всегдашняя загадка. Мне проще прожить без приемника, чем копаться в безымянных проводах и схемах. Так что описание их установки было бы, наверно, смешным, если бы я за это взялся. Они перетащили сюда все, что уместилось в фургоне, и в расположении приборов, ящиков и панелей не было никакой логики. К тому же все было смонтировано неаккуратно. Провода провисали, под один из контейнеров был

положен кирпич, а в другом была вмятина. Разумеется, этого никто, кроме меня, не заметил. Все стояли открыв рты. Гуманитарии, но далекие от искусства.

Манин уже снова забрался на трибуну. В переносном смысле. Он взял в руки нечто вроде подноса, на котором лежал наш Геракл.

— Вот, — сказал он.

Надо снова отвлечься, вы уж меня простите. Геракла нашли при мне. Правда, без моего участия. Шурочка тогда подошла к одной нашей девочке, что обскребывала ножом угол каменной плиты, и вдруг закричала ей: «Стоп!».

Все, разумеется, прекратили работу. Такой крик мог означать лишь одно — бесценный клад!

Но это был не клад. Просто зоркий взгляд Шурочки уловил в желтой породе инородное вкрапление. Это большое искусство. В первые дни мне могла попасться какая-нибудь ценная керамика, и я бы ни за что не догадался, что это не обычная порода. У тех, кто ездит в экспедицию не первый год, вырабатывается буквально чутье на такое. Чуть потемнее или чуть посветлее. Чуть другая фактура, какая-то полоска, которую вряд ли могла прочертить природа...

Оказалось — голова небольшой статуэтки. Вернее, половина головы — кто-то ударил по ней молотком. Потом показалась рука. Шурочка работала щетками и кистью, а прибежавший Манин почему-то велел собирать на поднос всю пыль, ни крошки не выбрасывать. Тогда я еще не знал, что Манин предусмотрел сегодняшний день. Свойство большого ученого — предусматривать.

И вот сейчас на столе перед машиной лежал поднос. На подносе осколки статуэтки, которую мы отыскали в тот день, и еще кучка породы — крошек мрамора и песка, что лежали на той же плите, что и статуэтка. Состояние ее было настолько прискорбное, что даже такой знаток античности, как Борис, сказал: «Вернее всего, Геракл. Но не гарантирую. Может быть, и Дионис». Представляете, какой разброс? Воинственный герой или бог виноделия.

— Сейчас, — сказал Игорек, который, почесывая седую бородку, возился в панели. — Одну минутку.

— На что мы надеемся? — Манин воспользовался паузой. — Мы надеемся, что вот эти мраморные крошки и осколки хранят память о своем прошлом...

— О куске мрамора? — спросил кто-то из ребят.

— А почему должна быть только одна память? — ответил вопросом Манин. — Вот вы, например, неужели вы помните только

ко тот день, когда пошли в школу? А первый урок по алгебре, поездку в пионерский лагерь, первый поцелуй под тополем...

Кто-то засмеялся. Умеют у нас ценить профессорские шутки.

— И каждый предмет может помнить несколько стадий своего существования. Серебряная ложка могла раньше быть монетой или несколькими монетами, из которых ее переплавили. А еще раньше она могла быть серебряным кубком... и лишь в самом начале своего существования на поверхности земли она была самородком серебра. Понятно?

Всем было понятно.

— Значит, если у нас появилась возможность, — Манин широким жестом сеятеля показал на машину, — восстановить память предмета и попытаться ее активизировать, то есть вернуть ему ту форму, которую он имел когда-то, то мы должны научиться варьировать эти слои памяти...

Тут машина зажужжала, включилась, Игоречек сказал Манину, что можно переходить к практической демонстрации, Макар был серьезен, словно запускал спутник номер один с любимой девушкой на борту, даже Кролик проснулся.

Игоречек вставил поднос с осколками Геркулеса в печку. То есть это была не печка, но у меня возникло ощущение, что я смотрю на русскую печь. Жужжание усилилось, и Игоречек с Кроликом уселись за пульт и начали колдовать.

Вообще-то времени прошло немного. Наверное, минут десять. Мне они казались бесконечностью. Ведь когда человеку показывают фокус, ему обычно не дают опомниться. Чтобы не увидел ниточек или запасной колоды. Здесь нам ничего не показывали, но и не спешили. Мне все хотелось пошутить, сказать, что у них там лежит запасной Геркулес. Я понимал, что это недозволительная шутка. Еще Борису так можно пошутить, а мне не простят. Поэтому я молчал. Мать вечером мне рассказала, что напряжение в сети село, видно, Игоречек не учел возможностей нашей станции. Но в основном все прошло незамеченным. У нас происходило событие космического значения, а они, видите ли, ничего не заметили. Хотя, наверное, до сих пор где-нибудь в Новой Гвинее есть племена, которые не подозревают, что люди уже побывали на Луне. Ведь может так быть?

В гараже было жарко, воздух снаружи был неподвижен. Восемь часов, а жарко, как в обед. Я подумал, что завтра-послезавтра погода должна испортиться. У меня на этот счет предчувствия.

Игоречек встал со стула, притащенного из школы, и сказал:

— Вот вроде и все.

Манин погасил папиросу в банку из-под сардин, но остался

стоять. Я понял, что он трусит. Для него это открытие важнее, чем для многих других людей.

— Ну, — сказал он наконец. Как будто был обижен на Игоречка.

А Игоречек сказал:

— Макар.

И только Макар вел себя так, словно ничего не произошло. Он спокойно поднялся, подошел к русской печке, подобрал свой живот, вздохнул и достал поднос. И поставил его на стол.

На подносе лежал на боку Геракл с поднятой дубиной. Он, видно, хотел пришибить этой дубинкой животное на львиных ногах с девятью головами, из которых три головы валялись у его ног на подставочке. Вся эта скульптура была ростом сантиметров тридцать. А чудовище на львиных ногах, как я потом узнал, называлось гидрой. Отсюда и пошла «гидра контрреволюции».

Макар глядел на Геракла, почесывая ухо. Все остальные оставались на своих местах, потому что не знали, что делать.

И, наверное, прошла минута, не меньше, прежде чем начался шум. Он поднимался по кривой, становясь все сильнее, потом уже все кричали «ура!» и, выбежав на улицу, вытащили Игоречка, качали его и уронили в пыль. А Манину и Макару с Кроликом удалось убежать.

На свету мы рассмотрели Геракла получше. Он, к сожалению, оказался не идеальным. Видно, каких-то крошек и кусочков не хватало. Дубинка была обломана, на одной руке не было пальцев, и коленки не хватало. И у гидры не было ноги. Но, сами понимаете, разве это так важно?

Манин объявил, что работы сегодня не будет.

Вы бы послушали, как все возмутились и добились все же от профессора разрешения работать после обеда. И я понял почему. Потому что я и сам требовал, чтобы работать. Каждый из нас надеялся, что именно сегодня он отыщет разбитую чернолаковую вазу или килик, а может, статую Венеры или раздавленный камнем золотой клад.

А пока суд да дело, Манин взял плавки и отправился купаться.

Надо знать Манина. Когда у него неприятности или какой-нибудь скандал, он всегда таким образом себя успокаивает. Берет плавки и идет купаться. Психотерапия.

Разумеется, сегодня никаких неприятностей не было. Но нервное потрясение такое, что стоило десяти неприятностей.

Я убедился в этом, когда вылез из моря и улегся на песке, раздумывая о последствиях нашего изобретения для науки. Но раздумывать было трудно, потому что неподалеку, вылезши из моря, разговаривали Манин с Игоречком. Они не таились, больше

того, двое или трое археологов даже подползли к ним поближе, чтобы лучше слышать. Но я не подползал. Мне и так было слышно.

— Я тоже переживал, — говорил Донин. В его седой бородке набился песок, и он выскребывал его тонкими сухими пальцами. Совсем не похож на научного гения. — Одно дело — испытания в институте. Мы могли их вести еще месяцами. И директор категорически запретил нам вывозить установку на юг.

— Значит, ослушался? — спросил Манин лениво. Он лежал животом кверху, закрыв глаза.

— А твоя телеграмма? — спросил Игоречек. — А твои звонки в президиум? А твои пробивные способности?

Манин ничего не ответил, и тогда Игоречек заговорил снова:

— В институте можно умом все понимать, а вот почувствовал я только здесь. Знаешь, я смертельно боялся, что сорвется. Мне было бы стыдно. Понимаешь?

— Угу.

— Ничего ты не понимаешь, самодовольный индюк!

— Угу.

— С сегодняшнего дня твоя наука станет иной.

— Сколько же вы делали опытный образец? — Манин вдруг сел и открыл глаза.

— Ну, несколько лет...

— Вот именно, — сказал Манин. — Значит, дождемся мы таких установок дай бог через десять лет. Правда?

— Но ты — раньше.

— Не знаю. Пока наступит то светлое время, когда твои восстановители будут продаваться по безналичному расчету, миллион организаций и десять тысяч ученых прослышат про эти возможности.

— Ну и что?

— А то, что археологов оттеснят на одно из последних мест. Склеивайте древним способом, скажут нам.

— Преувеличиваешь, Валентин, — сказал Игоречек.

— Не настолько, чтобы отступить от правды.

— А я думаю, что это не так важно. Важны перспективы, — сказал Борис. — Как-нибудь поделимся и с реставраторами.

— Если бы реставраторы только...

— Ты уже завидуешь, — сказал Игоречек.

— Еще бы не завидовать! Как профессионал, я вижу принципиально новое будущее археологии. За исключением редчайших везений, нам попадаются осколки, ошметки прошлого, и мы занимаемся тем, что складываем загадочные картинки по крохам. И потом еще спорим, туда ли положили песчинку.

— Сколько будет целых сосудов и статуй! — сказала Шурочка.

— Узко мыслишь, — сказал Манин. — А текст, смытый тысячу лет назад, чтобы снова использовать лист пергамента? А запись, затертая врагами? А спекшиеся куски ржавчины? А картины, записанные новым слоем краски? А иконы, которые приходится месяцами расчищать? А окислившиеся безнадежно монеты? Я могу продолжать этот перечень до вечера. Понимаете, наша наука может завтра стать точной наукой, как математика... и теперь мы должны ждать, пока твою установку выведут из бесконечной стадии экспериментов, утвердят, одобрят, пустят в производство, а потом она археологам не достанется.

Манин был разумным пессимистом. Он сам так всегда говорил.

А Игоречек был оптимистом. Поэтому он ответил:

— Паровозов сначала тоже было один-два, и пассажиры на них не ездили. К ним не подпускали.

3

После обеда мы все-таки пошли на раскоп, но никто ничего стоящего не нашел. Так, наверное, и должно было быть.

Потом мы все вернулись в школу и еще минут десять любовались Гераклом, который поражал Гидру Лернейскую. И придумывали, что еще можно сделать с помощью машины. Правда, Игоречек сказал, что после испытания установку надо проверить и снова мы займемся восстановлением вещей только послезавтра.

Я пошел домой один, потому что мой друг Макар, разумеется, остался в гараже — его от установки трактором не оттащишь. Сначала я думал о великом прогрессе науки и о том, что стану археологом, но чем ближе подходил к дому, тем больше у меня портилось настроение. Сначала я даже не мог догадаться, почему оно портится, но потом вспомнил о пластинке и стал уже думать, как бы мне незаметно съездить в Симферополь и поискать ее там в магазине. Но откуда у меня целый день на это? Может, лучше сознаться?

Мои самые плохие предчувствия оправдались.

Томат был дома. Чистенький, гладкий, в джинсах и безрукавке с Микки Маусом на груди. Просто не человек, а мечта о положительном человеке.

Люся еще не возвратилась с телефонной подстанции, а мать возилась в огороде. Мне показалось, что он меня давно ждет. Уж

очень у него загорелись глазки, когда я вошел в большую комнату. Он в тот же момент возник на пороге.

— Здравствуй, Костя, — сказал он ласково. — А я тебя жду. Что, трудный день выпал?

— Обыкновенный день.

Не будь его дома, я бы матери и сестре весь вечер рассказывал о Геракле. Но при нем у меня буквально рот не раскрывался.

— Что задержался?

Он ведет себя у нас в доме, словно жил здесь всегда. Ему так нравится. Я подозреваю, что ему в его Подмосковье некого было угнетать и учить. Вот и приезжает к нам отдыхать таким образом.

— Работал, — сказал я.

Я вдруг понял, что смертельно устал. День-то был фантастически длинным и с фантастическим приключением.

— А я рыбачил, — сказал он. — Гляжу с моря, а вся ваша экспедиция лежит на пляже. Представляешь? Никто не работает, все лежат на пляже. Мне далеко было, я не разглядел, был ты там или нет. Но ведь это все равно? Государство вкладывает огромные деньги в освоение нашего культурного наследия. И если люди, которые отвечают за это освоение, будут лежать на пляже, что станет с государством?

— Рухнет, — сказал я убежденно. Не объяснять же ему, что у всей экспедиции был эмоциональный стресс?

— А ты заходи, заходи ко мне, — сказал Томат. Вы знаете — он если купается, потом завязывает волосы платочком, чтобы сохранять прическу?

Я зашел. Я понимал, что все эти слова — вступление к войне.

В его комнатке, здесь раньше жил отец, стоял его верстак, странное сочетание девичьего порядка и лавки старьевщика. У Томата страсть к вещам, которые могут пригодиться. Вот он идет с пляжа, волочит шар — стеклянный поплавок, который выкинуло на берег. Зачем человеку может понадобиться стеклянный поплавок?

— Это удивительная находка, — сообщит он нам вечером, за чаем. — Вы представляете, что из этого можно сделать?

Мы, разумеется, не представляем.

Тогда он подождет, насладится нашей тупостью и сообщит что-нибудь вроде:

— Мы прорезаем в нем отверстие и изготовляем светильник. Для нежилых помещений.

Не изготовит он этого светильника, но на весь вечер счастлив: приобрел. И вроде бы не больной человек, почти столичный житель, а иногда ведет себя как провинциальная баба. Са-

дится в машину (меня никогда с собой не берет), едет в Керчь: там что-то дают — от баб услыхал на базаре. Привозит японские плавки. Ну зачем ему японские плавки? Нет, давали! Он бензина истратит на десятку, еще куда заедет, еще чего возьмет, потом нам же будет говорить, что бензин такой дорогой, хорошо еще, он свои «Жигули» на семьдесят шестой переделал, с грузовиков покупает. И считает, сколько сэкономил. Ну, вы видите, я опять завелся: просто не люблю я такую породу людей. У него внутри все время идет процесс покупки и продажи. Заодно и тебя может продать.

— Вот, — сказал он, заведя меня в комнату. — Я в уголке помыл. Наверняка там есть внутренний слой. Представляешь, сколько это тогда будет стоить?

Он показывал мне на облезлую икону — у какой-то бабки на пути к нам выцыганил. Теперь любовался, скреб в уголке, надеялся, что там внутри есть какой-то шестнадцатый век. Я даже вспомнил слова Манина о реставраторах. Нет уж — скажешь ему, побежит в экспедицию, чтобы ему поглядели, что там внутри иконы. Какой она когда-то была. Неприятностей не оберешься. И стыдно. Все-таки как-никак моя пустоголовая сестра Люся имеет на него планы. И тут позор на весь поселок.

Я вежливо поглядел на икону — можно угадать, что на ней изображена богоматерь. Ничего интересного.

— Да, кстати, — сказал Томат невинным голосом. И у меня все внутри оборвалось. — Ты случайно не видел мою пластинку?

Вот так он всегда начинает свои допросы.

— Какую пластинку? — Меня тоже голыми руками не возьмешь. Я вообще-то ненавижу врать, да и не нужно. А с ним как будто наступает игра без правил. Вру и не краснею.

— Пластинку ансамбля «Абба», приобретенную мною на пути сюда. Дефицитную пластинку, за которую в Москве дают не менее десяти рублей.

Надо сказать, что когда он начинает волноваться, то почему-то переходит на какой-то античеловеческий канцелярский язык. Это как бы сигнал для меня: «Внимание: опасность!»

— Видел, конечно, — сказал я. — Только не помню когда.

Вот так всегда. Стоит начать врать, дальше приходится врать все больше. Цепная реакция.

— Вчера вечером, когда мы с твоей сестрой Людмилой находились в кинотеатре, пластинка лежала в большой комнате на столе. У меня хорошая зрительная память, Костя.

— Ну и что? — спросил я.

— Достаточно немного подумать, как это сделал я, чтобы

прийти к безошибочному выводу, что пластинка была взята тобой для твоих неизвестных мне целей. Ну?

Я пожал плечами. Я на голову его выше, и если бы не мать и Люся, в жизни бы не пустил его к нам в дом. А теперь я злился на него втрое, потому что в самом деле был виноват. Надо было с самого начала сознаться и сказать, что выплачу ему деньги, пускай даже по этой самой подмосковной цене. А вот начал врать, теперь уже не остановишься.

— Более того, — сказал он совершенно спокойно. Так, наверное, удавы разговаривают с кроликами. — Вчера поздно вечером по возвращении из кинотеатра мне слышались звуки музыки, а конкретно именно ансамбля «Абба», доносящиеся со стороны школы, где поселилась ваша так называемая археологическая экспедиция.

— Не брал я вашей пластинки, — сказал я упрямо. Ну что мне оставалось сказать?

Тут я услышал, что пришла мать. Она зазвенела ведром в прихожей. Ну как, подумал я с надеждой, прекратит допрос?

Ничего подобного. Мать догадалась, что я пришел, и прошла прямо к нам.

— Костя, — спросила она, — ты ужинать будешь?

И тут же почувствовала неладное. Она буквально экстрасенс. Все чувствует.

— Костя, — спросила она, — ты чего натворил?

— Ничего я не натворил, — сказал я. — Томат, то есть Федор, спрашивает меня, не видел ли я его драгоценной пластинки. А я ее не видел.

— Тем не менее, — сказал Томат зло и тихо. Видно, его оскорбило прозвище — он никогда еще не слышал, чтобы я называл его Томатом. — Тем не менее пластинка пропала вчера вечером со стола. И если Костя отказывается в том, что он ее похитил, мои подозрения неизбежно падают на других обитателей этого дома.

— Другими словами, — спросил я, — вы хотите сказать, что мать свистнула вашу пластинку?

— Костя! — возмутилась мать.

— Ни в коем случае я не намерен кидать подозрения на Лидию Степановну, к которой я отношусь с близкой, можно сказать, сыновьей нежностью. Я методом исключения доказываю, что пластинку взял ты.

— Или Люся?

— Твоя сестра находилась со мной в кинотеатре.

Нет, у него намертво отсутствует чувство юмора. Это непростительней, чем глупость.

— Ну ладно, — сказал я. — Пойду телевизор посмотрю.

— Костя, — сказала мать. — Ты что сделал с чужой пластинкой?

— Ну вот, — ответил я. — Сейчас еще явится Люся и добавит масла в огонь.

И, как назло, именно в этот момент явилась Люся и подлила масла в огонь.

— Что еще? — спросила она трагическим голосом.

Люси не похожа на нас с матерью. Мы белые, узколицые и легко загораем. А она черноволосая, в отцовскую родню, с большой примесью греческой крови. Заводится она с полоборота.

— Мы о пластинке, — сказал тихо Томат. Ну просто овечка.

Я понял, что, когда я вчера уже спал, он ей плешь проел этой пластинкой.

— Что? Не вернул? — спросила она.

— Я не брал, — сказал я.

— Врешь.

— Ой и надоели вы мне все, — сказал я в сердцах. Вообще-то я выдержанный человек. Но такое вот падение от счастья присутствовать при великом событии — дрязгах из-за пластинки, которой цена два рубля, — кого угодно выведет из себя. Особенно если ты признаешь, что сам во всем виноват.

— Мама, — сказала Люся трагическим голосом, и грудь ее начала судорожно вздыматься, — мама, я не вынесу. Это такой позор!

— Товарищи, — сказал тогда Томат. Он своего добился, муравейник разворошен. — Я постараюсь забыть об этом происшествии. Я полагаю, что пластинка была похищена у Кости и он, как подросток, не приученный к высоким нормам морали, в чем я не упрекаю вас, Лидия Степановна, которой приходится воспитывать детей без помощи отца, боится в этом сознаться. Я переживу эту болезненную для меня потерю...

— Костя, — рыдала Люся, — как ты мог!

Я понимал, ей казалось, что сейчас ее драгоценный Томат соберет свой чемодан — и не видать ей Подмосковья как своих ушей.

На этом этапе беседы я ушел из комнаты и хлопнул дверью. Хватит с меня. В самом деле. Переночую у Макара. А в крайнем случае в школе с археологами. Они еще пожалеют, что меня выгнали из дома. Хотя я, конечно, в глубине души понимал, что никто меня из дома не выгонял.

Макар еще не спал. Он, к счастью, был даже не дома, а сидел на скамейке у ворот. Я знаю, он любит так сидеть, потому что в доме всегда душно и жарко, его отец боится сквозняков, к тому

же за день соскучится дома и начинает разговаривать, вспоминать прошлое, и Макар от этого сбегает. Он на этой скамейке, может быть, уже в общей сложности года три просидел. Дом у них крайний на улице, отсюда со скамейки виден залив и мыс Диамант. Зрелище удивительное.

— Ты чего? — спросил он тихо.

— Пришел просить политического убежища, — сказал я. — Заели.

— Люся?

— Люся, но больше, конечно, ее Томат.

— Потерпи, он скоро уедет, — ответил мой разумный Макар.

— Боюсь, что на этот раз решит навсегда к нам переселиться. Может быть, он даже готовит операцию по моему изгнанию из дома.

— Я бы не удивился, — сказал Макар спокойно, и от его спокойствия мне стало тошно. Я, надо сказать, очень люблю свою мать и сестру. К отцу я равнодушен, он приезжал к нам в прошлом году на три дня. А так отделывается алиментами и подарками к празднику. Но мать с сестрой я люблю. Поэтому так психую из-за Томата. Люсю жалко.

— Я бы ее за кого-нибудь из археологов отдал. Она красивая, — сказал я.

— Борис женат, — ответил Макар. — Донин тоже. А остальные младше ее.

— Знаю, — ответил я.

— А из-за чего война?

Я ему рассказал про пластинку. Правду рассказал.

— Сам виноват, — сказал Макар, когда я кончил. — Надо было сразу взять огонь на себя.

— Теперь поздно.

— Признаться никогда не поздно, — ответил Макар, а потом стал говорить, что Донин обещает его взять к себе в институт, и о том, какой Донин гениальный. Как будто моя история с пластинкой не имела жизненного значения.

И я слушал его, представлял себе, что творится дома. Как рыдает моя дуреха Люся, как молчит мать. Рожу Томата представлял. Убить его был готов. И вот тогда мне в голову пришло решение. Оно, наверное, сидело у меня в голове уже давно, но кристаллизовалось только сейчас.

— Слушай, Макар, — сказал я. — Ты эту машину уже хорошо знаешь?

— В каком смысле?

— Ты мог бы ее сам запустить?

— Это несложно.

— И мог бы такого Геракла сам восстановить?
— Не знаю.
— Почему не знаешь?
— Сложность в настройке. Боюсь, мне одному не настроить.
— Ну а если не настроишь?
— Могут произойти ошибки.
— Но вообще-то можешь?
— А что тебе?
— Я понял, что надо сделать. Я сейчас схожу домой, принесу эту пластинку, а ты ее починишь.
— Как?
— Ну, сунешь ее в машину и восстановишь. Ведь пластинка помнит, какой она была недавно.
— Нет, — сказал Макар, подумав немного. — Донин не разрешит.
— Разумеется, не разрешит, — согласился я. — А ты его не будешь спрашивать.
— Ты с ума сошел! Ты что хочешь, чтобы я машину сломал?
Я понял, что надо попробовать другой подход.
— Пойми, Макар, — сказал я. — У тебя такой возможности, может, больше и не будет. Я тебе даю возможность самому провести эксперимент мирового значения. Неужели тебе не интересно самому попробовать?
— Нет, неинтересно.
— Врешь. Я же знаю, какой ты азартный. Я помню, как ты поспорил, что приемник починишь дяде Христо. «Телефункен», трофейный, на который все давно рукой махнули, потому что ламп нет. А ты два месяца возился, так его переделал, что наши лампы подошли. Разве забыл?
— Но приемник мне сам дядя Христо дал. А установку нельзя. Она вообще одна в мире.
— А я что, прошу ее сломать? Я прошу помочь мне и моей сестре Люсе. Ты не представляешь, в каком она состоянии.

Мои последние слова были нечестными, коварными и гадкими. Я бил ниже пояса. Мой друг Макар уже скоро год как безнадежно влюблен в мою родную сестру, но не скажет об этом даже под пытками. Только потому, что я его наблюдаю каждый день, я знаю, что это так. А Люся его не замечает. А как она может его замечать, если она не понимает, что он — технический гений, а для нее он только дружок ее младшего братишки, то есть мальчик, малыш, младенец.

— При чем тут Люся? — сказал Макар.
— А при том, что этот Томат ее охмуряет. И сейчас, если пластинку мы не вернем, он сделает так, что она станет его союзником против меня. Он — страдалец, понимаешь? А я негодяй! Мы обязаны выбить это оружие из его подлых рук.

Макар замолчал надолго, и поэтому я побежал домой, влез к себе через окно — никто не заметил. В доме было тихо, как бывает, когда пришла беда. Я вытащил из-под кровати пакет с обломками пластинки и побежал обратно, к Макару, чтобы сомнения его не одолели.

4

В школе все уже спали. Экспедиция, если нет какого-нибудь праздника или мероприятия, ложится рано. В школьном дворе не было ни души. Макар мрачно молчал. Он не одобрял наших действий, но ничего не мог поделать. Получалось, как будто его попросила сама Люся, ну и дружба наша тоже играла в этом не последнюю роль.

Правда, операция чуть было не провалилась из-за пустяка. Гараж был заперт, и ключа у нас не было. А идти красть его у Кролика было невозможно. Пластинка такого риска не стоила.

Тогда я нашел выход из положения. Я обошел гараж и увидел, что с обратной его стороны под крышей есть окошко. Я отыскал лестницу, оставил Макара на страже, сам залез наверх и, перебравшись по балкам вперед, спрыгнул на пол у самой двери. На наше счастье, замок в гараже был не навесной. Он открывался изнутри. Я отворил дверь. Макара не было видно.

— Макар, — позвал я его.

Темная тень отделилась от стены школы. Уже почти совсем стемнело, — оказалось, за боями и разговорами прошел весь вечер.

— Ну что тебе? — прошептал Макар.
— Заходи, — сказал я, — гостем будешь.

В этот момент скрипнула школьная дверь. Кто-то выходил на улицу. Я еле успел втащить в гараж неуклюжего Макара и захлопнуть дверь. После этого нам пришлось просидеть больше часа в темноте, выслушивая бред, который нес один из студентов одной из студенток, который, оказывается, был в нее еще с зимы влюблен, страшно ревновал ее к какому-то Ричарду, оставшемуся в Москве, и, кроме того, хотел обсудить с ней вопросы мироздания. Хорошо еще, что его возлюбленную заели комары (которые и нас не жалели), и в конце концов они ушли со двора.

Настроение Макара упало ниже нуля. Ему хотелось только одного — скорей вернуться домой. Мне почти силком пришлось

волочить его к пульту, самому отыскивать поднос. К тому же он боялся зажигать свет, и с каждой минутой ему становилось все более жалко установку и все меньше — меня и Люсю. А я находился во власти упрямства. Мне казалось тогда, что, не восстанови мы пластинку, весь мир обрушится. Я понимаю, как все это нелепо звучит для постороннего человека. Какой-то подросток испугался справедливого возмездия из-за пустяка и ради собственных эгоистических выгод решил под угрозу поставить эксперимент мирового значения.

Теперь-то я и сам это понимаю. Но в тот момент совершенно не понимал. Я был как танк. А Макар попал мне под гусеницу.

Когда машина зажужжала, мне показалось, что она шумит так сильно, что сейчас все прибегут из школы. Макару тоже так показалось. У него буквально руки опустились. Я опомнился быстрее.

— Дурак, — сказал я ему. — Чем дольше мы здесь сидим, тем больше опасность, что нас застукают. Давай действуй.

Макар молчал. Надулся. Он считал меня извергом и мерзавцем. Таким я и был, конечно.

Я высыпал на поднос осколки пластинки, и Макар подошел к пульту, чтобы откалибровать слой воспоминаний.

Свет мы включили не весь, только лампочку под потолком. Картина была зловещая.

Самое трудное оказалось — ждать, пока что-нибудь получится.

Я уж даже смирился с мыслью, что ничего не получится. Я стоял у двери, выглядывал сквозь щель, не идет ли кто-нибудь.

Почему-то на втором этаже загорелось окно. Я замер. Я представил, как Донин встает с постели, спускается во двор... Я смотрел на дверь и ждал, когда она откроется. И даже не услышал, как замолчала установка и голос Макара, хриплый, будто простуженный, сказал:

— Бери свою чертову пластинку и пошли.

Я даже подпрыгнул от неожиданности.

За моей спиной стоял Макар и протягивал мне совершенно целую пластинку.

Я еще сохранил достаточное присутствие духа, чтобы поглядеть на этикетку. Этикетка была в полном порядке. «Ансамбль «Абба», Швеция. Апрелевский завод грампластинок. Фирма «Мелодия». Все как надо. Потом взял со стола конверт с четырьмя певцами, которые одинаково улыбались, осторожно сунул в него пластинку и первым вышел из гаража.

Макар захлопнул дверь и сказал мне:

— Спокойной ночи.

И быстро пошел вперед не оглядываясь. Был зол на меня и на

себя. Я его понимал. Но догонять не стал. Мне надо было идти осторожно. Лучше сломать ногу, чем еще раз разбить пластинку, которая так дорого обошлась.

Должен сказать, что никакого раскаяния я не чувствовал. Хотя был вдвойне, втройне преступником. Не только сам, но и друга толкнул на преступление.

Но, наверное, даже у самых закоренелых преступников бывает период морального облегчения. Когда они надеются, что совершили самое последнее преступление, что теперь начнут светлую, чистую честную жизнь. Что небо расчистилось от туч. Но обычно преступник такого рода ошибается. Ему кажется, что о преступлении можно забыть. Но тяжелая костлявая рука прошлого тянется за ним и толкает к новым бедам. Так случилось и со мной.

Я вернулся домой, когда наши пили чай. У нас чай пьют поздно.

В большой комнате гудели, мирно переливались голоса. Я остановился в прихожей. Наш кот посмотрел на меня строго, потом сиганул на бочку с водой, чуть в нее не свалился. И я тогда еще подумал — ну почему я не свалил преступление на безгласного кота? Ну бросил бы пакет с разбитой пластинкой на пол и стоял бы на том, что виноват кот. Что коту? Коту на наши подозрения плевать. Ну ладно, дело сделано. Куда теперь положить пластинку, чтобы ее завтра нашли?

В прихожей оставлять ее нелепо. Ага, понял!

Я вышел на улицу, подошел к окну комнаты Томата, окно было приоткрыто. Я осторожно растворил его, подтянулся, влез в комнату и беззвучно положил пластинку под кровать Томата. Я вспомнил, что завтра мать на работу не идет, начнет, как всегда, уборку, выметет пластинку из-под кровати Томата и наш жилец будет посрамлен.

Сделав все, как задумал, я вновь вошел в дом, спокойно проследовал в большую комнату и сказал нормальным голосом:

— А мне чаю дадут?

Мое появление заставило их замолчать. Они никак не ожидали, что я вернусь таким спокойным и даже веселым. Люся окинула меня уничтожающим взглядом, а мать молча достала из буфета чашку и налила мне. Томат смотрел мимо меня, общение с таким низким существом доставляло ему неудовольствие. Но я-то был спокоен. Ведь я был единственным здесь, кто знал, чем кончится завтра наш детектив. И как человек с дополнительным знанием, мог сдержанно улыбаться.

А матери хотелось, чтобы дома был мир и порядок. Чтобы все друг друга любили. Она всегда устает, она всегда в заботах, даже

теперь, когда мы выросли и нет в том большой нужды, она все равно носится по жизни как угорелая и ей кажется, что завтра мы останемся голодными или необутыми.

— Вот я Федору Львовичу предложила, — сказала она, глядя на меня материнским взглядом, — что я с получки отдам всю стоимость. А он отказался.

— Никогда, — сказал Федор.

— Мама, ну что за чепуху ты несешь! — воскликнула Люся, которая почти совсем разучилась разговаривать с матерью нормальным голосом.

— Да не волнуйся, мама, — сказал я. — Найдется эта пластинка.

— Может быть, — произнес задумчиво Томат. — Я уже высказал подозрение, что Костя подарил ее какому-нибудь своему дружку, и если дружок изъявит добрую волю, он может вернуть ее обратно и незаметно куда-нибудь подсунуть.

— С него станется, — поддержала своего кавалера Люся. — А потом, когда Федор Львович после всех переживаний наткнется на нее, мой братишка с чистым взором заявит, что в глаза ее не видел.

Как они были близки к истине! У меня даже пальцы на ногах похолодели. Черт возьми, ведь завтра ее найдут и скажут: мы же предупреждали! И стоило тогда идти на такие приключения! Лучше бы свалить на кота, и дело с концом. Но я взял себя в руки и ничем не показал своего расстройства. И был благодарен матери, которая по своей должности примиренца перевела разговор на наши дела.

— Уж ваша экспедиция, — сказала она. — Договор с совхозом заключили на продукты, а деньги не переводят. Наш Филин собирается в Симферополь писать. У них в экспедиции такой счетовод, просто удивительно, что из Москвы.

— Мама, ты опять о пустяках, — сказала Люся раздраженно.

— А что же тогда не пустяки? — спросила мать.

— Моральный уровень моего брата!

— Ого, чужим языком заговорила, — сказал я печально. Потому что печально слышать такие слова от собственной сестры. Как будто предательство от собственных солдат в разгар боя.

— Я полагаю вопрос исчерпанным, — сказал вдруг Томат. Не знаю, почему он решил нас примирить. — Есть много других тем для разговоров.

Но тем как-то не находилось. Мы пили чай в молчании. Я уже собирался идти спать, как Люся стала при мне рассказывать Томату, что в экспедицию привезли машину, весь гараж заняла. А машина эта будет заниматься склейкой всяких статуй, которые найдут.

— Зачем? — удивился Томат. — Зачем нужна машина, если можно обойтись клеем? — И он посмотрел на меня.

— Не склейкой, — сказал я, — а реставрацией.

— Это очень любопытно. А по какому принципу?

— Вы у Макара спросите, — сказал я, — он на ней работает.

— Ну уж чепуха! — сказала Люся. — Твой Макар малахольный. Он в восьмом классе учится.

— Интересно, что сказал бы Пушкин, если бы ты отвергла его стихи, написанные еще в лицее, — сказал я.

— Пушкин — гений, — ответила Люся. Пушкина она читала только то, что задавали в школе. Правда, память у нее хорошая, лучше моей, и она все это помнила наизусть. И могло показаться, что она и в самом деле понимает. А что он гений, это ей тоже в учебнике написали.

После этого я не стал больше отвечать на вопросы Томата, потому что и не смог бы ответить. Но сказал, что хочу спать. И ушел.

5

На следующий день поднялся горячий ветер, на раскоп несло пыль, работать было совершенно невозможно. Манин посадил нескольких человек в зале на первом этаже, разбирать находки и заниматься описанием. Геракл, поражающий гидру, стоял посреди комнаты на столе, и все могли им полюбоваться. Что удивительно, на нем не было ни одной трещинки. Выбоины были, потому что не нашлось некоторых деталей, а трещин — ни одной.

После обеда, раз уж ветер не кончался, мы поиграли в шахматы, подождали и разошлись по домам пораньше. Только Макар остался с Дониным у машины. Я весь день опасался, что кто-нибудь догадается, что машиной пользовались. Но никто ничего не сказал. Макар был мрачен, словно туча, и со мной не разговаривал. Ну и я его не беспокоил. В конце концов, он взрослый человек, знал, на что идет.

Домой я возвратился часа в три. Томата еще не было, он уехал в Керчь, наверное, там чего-нибудь давали. На столе в большой комнате лежала пластинка. Мать сообщила мне, что нашла ее под кроватью у Томата, когда убиралась.

— Как хорошо, — сказала она. — А то я беспокоилась. Ведь такая ценная вещь.

Потом сделала красноречивую паузу и спросила:

— Ты ее туда не клал?

Сил врать у меня уже не осталось, поэтому я только отрицательно покачал головой.

Не знаю, поверила ли мне мать или нет, но я пошел к себе, лег на кровать и стал читать третий том историка Соловьева. Очень интересно. Правда, я все время отвлекался. Я думал о машине, о том, какой в общем неплохой человек Макар, и как машину будут использовать дальше. У меня даже появились кое-какие идеи, и я не услышал, как вернулся мой дорогой Томат.

Угадал я, что он приехал, по его удивленному возгласу:

— Откуда здесь эта пластинка?

И голос матери:

— Федор Львович, какое счастье. Знаете, где я ее нашла?

— Догадываюсь, — сказал Томат. — Костя принес ее обратно.

— Вот и не догадались! — Мать старалась спасти честь нашего семейства. — У вас под койкой лежала. Видно, упала, и вы не заметили.

Томат откашлялся. Я с интересом ждал, что он скажет.

— Возможно, — сказал он. — Возможно, и под кроватью. Но дело в том, что я вчера производил розыски пластинки в разных помещениях. В том числе заглядывал и под кровать. Могу вас заверить, что сделал это тщательно.

— Но она же лежала!

— Как вчера правильно заметила Людмила, — сказал этот негодяй, — в характере вашего сына было подбросить мне похищенную вещь, чтобы избежать справедливого наказания.

— Ну знаете! — Я изобразил возмущение, но оно было не очень, как вы понимаете, искренним.

Я встал и вышел из комнаты, чтобы лицом к лицу встретить бурю.

Но бури не было. Томат стоял, внимательно разглядывая конверт, в котором была пластинка. Затем подцепил пальчиками ее за край и вытащил на свет. Пластинка приятно поблескивала под лучом солнца, проникшим в окно. Наконец он удовлетворенно сказал:

— Вытер. Надеюсь, что не грубой тряпкой, которая может оставить микроцарапины на поверхности диска.

Я ничего не ответил. Мой ответ он бы тут же объявил признанием вины.

— Ну ведь хорошо все кончилось, правда? — спросила мать, и мне захотелось закричать, чтобы она не оправдывалась перед Томатом, не унижалась перед ним.

— Сейчас проверим, — сказал Томат, открыл наш проигрыватель и включил его. Я смотрел на него как мудрец на ребенка. Пусть он цепляется за свои погремушки. До чего, подумал я, мир разобщен и неправильно устроен. Пройди десять минут по свежему воздуху — и ты окажешься рядом с гаражом, где стоит машина, способная изменить к лучшему жизнь всего человечества. А здесь сидит мелкий собственник из Подмосковья и сейчас будет проверять, не потерял ли он двадцать копеек на качестве своей пластинки.

Для меня важнее — прогресс человечества. Для него — двадцать копеек.

Мне бы уйти к себе, читать Соловьева, но я остался в комнате. Мать тоже осталась, хотя собиралась готовить обед. Мы были как прикованы к этому проигрывателю. Как свидетели на допросе.

— Мани-мани-мани, — пели шведские певцы. Разумеется, у них, в капиталистическом мире, это и есть основная ценность. Но мы же выше этого!

— Мани-мани-мани...

Томат был недоволен. Я его понимал. Ему приятнее было бы услышать треск и всяческие неполадки. А так даже не пострадаешь... Вдруг звук песни оборвался, и началась бесконечная пауза. Томат прямо подпрыгнул на стуле. Ох, он сейчас начнет страдать. Что же произошло? Вроде мы все делали правильно.

— ...Мленное солнце нежно с морем прощалось, в этот час ты призналась, что нет любви, — запел вдруг противный сладкий голос.

— Чего? — спросил Томат и поглядел на меня.

— Не понимаю, — сказал я искренне.

Тут его слова оборвались и снова загремел оркестр на тему мани-мани-мани. Но ненадолго. Почему-то мани начали перебиваться фортепьянными аккордами. Могучими аккордами, а потом совсем отступили в сторону, исчезли и загремел шаляпинский бас. Он сообщил нам, что клевета торжествует по всему свету и справиться с ней нет никакой возможности.

— Это что такое? — почему-то Томат обратился с этим грозным вопросом к моей матери. А мать ничего лучше не придумала, как предположить:

— Может, брак? Заводской брак, ведь это бывает?

— Брак? А кто вместе со мной с первой до последней строчки прослушивал эту пластинку еще два дня назад? Не вы ли вкупе с вашим сыном и Людмилой? Неужели вы забыли, что два дня назад пластинка играла в совершенстве? Бе-зу-ко-риз-нен-но!

Мысли во мне носились, как стая перепуганных мух. Что случилось? Ведь это была та самая пластинка. Никакого сомнения в

этом. Я не вынимал из пакета осколков. Только когда высыпал их на поднос. Что говорил Манин о слоях памяти? У вещей есть несколько слоев? Сначала память о том, что было вчера, потом память о более раннем состоянии? Неужели мы ошиблись? То есть это разгильдяй Макар ошибся? Нет, легче всего теперь упрекать Макара. Сам потащил — и сам недоволен.

— Костя, может, ты знаешь? — спросила меня мать. Как ей хотелось, чтобы все обошлось.

— Ничего не знаю, — буркнул я.

— А я знаю, — сказал Томат уверенно. — Константин погубил мою пластинку, а потом нашел где-то другую, бракованную. Именно так. Это не моя пластинка.

— Ваша, честное слово ваша! — Тут я мог дать честное слово. Потому что пластинка и в самом деле была его.

— Мне грустно, — сказал Томат, — мне грустно сознавать, насколько человек может изолгаться в таком юном возрасте. Простите.

И ушел, даже не сняв пластинку с проигрывателя. Как Наполеон после битвы при Ватерлоо.

— Костя, ты в самом деле... — начала было мать.

Я не ответил. К чему все эти оправдания? Я снял пластинку с проигрывателя и понес к свету, чтобы посмотреть, нет ли на ней трещин или швов. Ничего подобного. Наверное, надо смотреть под микроскопом. Правда, мне показалось, что в некоторых местах бороздки были пошире, в других — поуже.

— Ты чего? — раздался голос под окном.

Там стоял Макар.

— Ты мне и нужен, — сказал я. — Погоди, я к тебе выйду, дома не хочу говорить.

— Он? — спросил Макар.

— В частности.

Я взял с собой пластинку, махнул через подоконник. Я забыл спросить, зачем он ко мне пришел. Так и не узнал.

События начали развиваться с такой быстротой, что было не до вопросов. Наверное, и сам Макар забыл, зачем шел.

Макар как увидел пластинку, сразу понял, что дело неладно, но ничего не спрашивал, пока мы не зашли за сарай, где у нас давно, уже лет шесть, как дружим, было свое потайное место. Там лежало старое бревно, наполовину вросшее в землю. Рядом возились куры, негромко переговаривались на своем курином языке.

Я рассказал Макару, что случилось дома. Он взял пластинку, долго рассматривал ее, поворачивая к свету. Потом сказал:

— Твое предположение верно. Когда мы вели восстановле-

ние, шкалу я рассчитал неточно. Сам виноват. Задели внутренние слои.

— Но почему на пластинке старые песни? Ведь ее делали на заводе совсем недавно.

— Это все шеллак, — сказал Макар. — Очень редкая смола. Мы ее ввозим. Поэтому бой пластинок до недавнего времени сдавали в палатки вторсырья, и из них делали новые. Как книги из макулатуры. Значит, когда-то наша пластинка была другой. Может, в ней были куски пластинок, на которых пел Шаляпин или еще кто. Вернее всего, так и было. А настройка машины — дело нелегкое. И я ошибся. Так что, если хочешь, я пойду к твоему Томату и расскажу ему, что я во всем виноват.

— И что же ты ему скажешь? — спросил я не без ехидства.

— Все. Как ты случайно разбил его пластинку, как мы решили ее починить на установке и как ошиблись. Элементарно.

— Элементарно для другого человека. Но не для Томата. Где гарантия, что он не побежит к Манину и не доложит ему, что мы с тобой фактически совершили преступление?

— Зачем ему?

— От склонности к порядку. А потом меня вышибут из экспедиции, и не видать мне истфака как своих ушей, а тебя не возьмут в институт к Игоречку. Вариант?

— А что же делать?

— Скажи, вот я подумал, а нельзя ее снова в машину загнать?

— Пластинку?

— Чтобы вернуть ее к самому свежему слою. Понимаешь?

— Понимаю, но бессмысленно. Думаю, пройдет еще несколько лет, прежде чем машина научится гулять по слоям, как по комнате. Это все равно как если бы ты потребовал от токарного станка, чтобы он обточил деталь, а потом обратно вернул нам заготовку.

— Жалко. Придется тогда мне терпеть нападки этого Томата. А он, можешь поверить, еще поиздевается надо мной. И жалко, отношения с Люсей мне испортит. Это он сможет. Знаешь, эти женщины совершенно не так устроены, как мы с тобой. У них вся шкала ценности перепутана...

— Не надо было нам начинать с пластинкой, — сказал Макар.

— Сделанные ошибки трудно исправить, — сказал я умную фразу. Не то сам ее придумал, не то вычитал где-то. — Легче не совершать новых.

И тут мы услышали совершенно спокойный голос:

— Я тоже так думаю.

Томат вошел в наш тайный закуток. Предвечернее солнце зо-

лотило редкие волосы на его голове, лицо его было красным и блестело.

— Вы что, подслушивали? — возмутился я.

— Это далеко не самый тяжелый грех, — сказал Томат. — Я не подслушивал, я услышал. Случайно я проходил мимо сарая и услышал ваши голоса. То, о чем вы говорили, было настолько интересно, что я, сознаюсь, остановился и стал слушать дальше.

— Из-за сарая не слышно, — сказал я, но это были лишние слова. Что будешь делать?

Поэтому я протянул ему пластинку и добавил:

— Конверт остался на столе. Я согласен вам заплатить за нее по любому курсу, по государственному или по спекулянтскому, как вы сочтете нужным.

— Очередная грубость, — сказал Томат, но пластинку взял. Он стоял, нависая над нами, очень чистый, спокойный и неотвратимый, как четвертная контрольная по алгебре.

— Пошли, что ли? — сказал я Макару.

— Пошли, — сказал тот.

— Погодите. Значит, вы считаете, что машина, которая стоит в вашей экспедиции, восстановить пластинку не сможет?

— Нет, — сказал Макар.

— Помолчи, — сказал я.

— Ваш товарищ прав, — посмотрел на меня Томат. — Он понимает, что дальнейшее укрывательство безнадежно. Если ты не прав, имей мужество в этом сознаться.

— В чем сознаваться?

— В том, что вы воспользовались принадлежащей государству ценной и, вернее всего, секретной установкой в корыстных целях.

— Так чего в них корыстного? — я даже удивился.

— Избежание наказания. Изготовление предмета стоимостью в несколько рублей. Не надо, мне все ясно.

Я тоже поднялся, я был выше его, и оттого, что он в два раза меня старше, мне нельзя было применить насилие. Ну вы понимаете, в каком смысле. Но вид у меня был грозный.

— Вы что, донести собрались? Давайте, — сказал я.

— Вас жалею.

— Нет, доносите, мне нечего терять.

Вдруг он повернулся и ушел. Сам ушел. И это было совершенно непонятно.

Мы с Макаром буквально обалдели.

Потом я выглянул из-за сарая. Я подумал было, что он отправился в экспедицию. Сообщать. Ничего подобного. Он вошел в дом. Может, сделает это позже?

Настроение у нас с Макаром было поганое. Даже обсуждать эту историю не хотелось. Два мальчика, этакие лопоухие, нашкодили, а дяденька их поймал.

Когда Макар уходил, я сказал ему вслед:

— Даже не представляю, как я завтра на раскоп пойду.

— Я тоже, — сказал Макар.

6

Весь вечер я поглядывал на Томата. И когда он в сумерках вышел из дома, я подошел к забору проследить за ним. Но оказалось, Томат пошел к Федотовым, за молоком. Он пьет молоко только от федотовской коровы, говорит, что в нем выше жирность. Иногда за молоком заходит с работы Люся, но в тот день она снова задержалась. Я стоял у забора до тех пор, пока он не вышел с банкой обратно и не отправился к дому. Нет. Ничего не произошло.

Но успокоиться я не мог. Тяжелые предчувствия, как пишут в романах, меня не покидали. Этот Томат должен был что-то натворить. Что-то варилось в его гладкой голове. И разумеется, нам с Макаром будет плохо. Я не строил иллюзий.

Раза два вечером я заглянул к нему в комнату. На проходе. Он сидел за столом, разглядывал свою икону, я даже подумал, не хочет ли он ее восстановить? Но восстанавливать там было нечего. Икона его была как новенькая. Он же мне сам показывал. У меня, как видите, уже тогда возникло подозрение, что такой человек, как Томат, захочет воспользоваться информацией. И, может, даже решит меня шантажировать. Но у него, насколько я понимал, не было никакой с собой вещи, которую он мог бы восстановить по ее памяти. Не ехать же ему в его Подмосковье. А раз так, то его замысел заключался в чем-то ином. И самое гадкое то, что я не смог догадаться. Даже голова разболелась.

За ужином не было никаких разговоров о пластинке. И мать молчала. Так что Люся даже и не узнала о том, что пластинка оказалась дефектной. Томат говорил о погоде, о ценах на рынке и потом принялся пересказывать какой-то двухсерийный индийский фильм, который видел в Москве.

Со стороны посмотришь — все мирно. Идеальная семья сидит за вечерним чаем. Но все во мне было напряжено.

Надо сказать, что у меня есть одно свойство организма. Может, оно иногда бывает полезным, но в тот день оно сыграло со мной дурную шутку. Если у меня нервный стресс, то я хочу спать. Я однажды на экзамене заснул, потому что не знал билета. А когда тетка умерла, я ее очень любил, то я целые сутки про-

снуться не мог. Так вот, в тот день после ужина я вдруг почувствовал, что меня тянет в сон. Что мне хочется заснуть сейчас, а утром проснуться, чтобы ничего уже не было, чтобы все обошлось.

Я решил — полежу немного, но спать не буду.

Лег и заснул.

И во сне мне все время снилось, что Геракл борется с гидрой, только гидра эта живая и все ее головы похожи на Томата.

А я — Геракл и рублю, рублю эти проклятые головы, а на их месте вырастают новые и что-то мне доказывают с сокрушенным видом, вроде говорят: «Нехорошо, Костя, отрубать головы человеку, который вдвое тебя старше и обитает в Подмосковье».

И тут я проснулся. От внутренней тревоги, которая пересилила сонливость.

Я был почти убежден — что-то случилось.

Я вскочил, натянул брюки и кеды и на цыпочках прошел к комнате Томата. Дверь в нее была закрыта. Я ее открыл. Томата не было. Я и не ждал, что он спит. Я был уверен, что его нет.

Я вышел из дома, тихо, чтобы никого не разбудить. На улице тоже было тихо. Светила луна. Времени было больше часа ночи. От луны по морю тянулась длинная прямая дорога.

Я пошел было к школе. Но через несколько шагов остановился.

Я рассудил, что Томат, даже если решил что-то сделать, один к машине не полезет. Он же не знает, как машина работает. Значит, он побежит к Макару. В случае, если решил воспользоваться установкой. А если нет? Чтобы жаловаться на нас, не надо ждать ночи, чтобы чем-нибудь еще заняться... а чем, простите, можно заняться в нашем поселке в час ночи?

И я побежал к Макару.

Окно в его комнату было открыто. Я прислушался. Было слышно, как вздыхает, всхрапывает во сне его отец. Но дыхания Макара я не уловил. Я подтянулся, заглянул в комнату. Кровать Макара была разобрана. Самого его не было. Худшие мои предчувствия оправдались. Значит, пока я безмятежно смотрел сны, здесь побывал Томат, каким-то образом заставил Макара пойти с ним к установке, а теперь они восстанавливают... но что?

Пока я пробежал весь поселок, то запыхался, разбудил всех собак, которые подняли истерику — в Таганроге слышно. Поближе к школе я перешел на шаг — зачем будить экспедицию?

Я отлично представлял себе, что между ними произошло. Для этого не надо быть Шерлоком Холмсом. Мой Макар приблизился к своей мечте. Он увидел настоящую Машину, он встретил Донина. Ему даже обещали, что возьмут в институт. Макар был как зерно в земле, которое лежит, ждет своего часа, ждет, когда

пригреет солнце, и потом начинает расти — и его уже ничем не остановишь. И вот к нему приходит этот Томат. Что-то Томату нужно. И Томат ему говорит: если ты не сделаешь того, что я тебе велю, то я тут же сообщаю обо всем Донину. Тебя, голубчик, выгоняют из экспедиции, и так далее. А если сделаешь, никто не узнает и все будут друг друга любить... Вообще-то, как потом выяснилось, в своих рассуждениях я был прав. Именно так и случилось.

Томат явился к нему в половине двенадцатого. Макар не спал. В отличие от меня у него сонного комплекса нету. Он читал и переживал от неизвестности. Он ждал этого Томата. Он, как и я, рассудил, что тот ушел не зря. Вернее, Макар не знал точно, кого ждать — Томата или разъяренного Донина. В половине двенадцатого Томат постучал к нему в окно и вызвал на улицу. На улице он сказал, что ему требуется от Макара одна небольшая услуга. Запустить на десять минут машину. Макар, естественно, наотрез отказался. Тогда он напомнил Макару, что прошлой ночью он уже ее запускал. «Но ради друга!» — пытался сопротивляться Макар. «И теперь, — сказал Томат, — тоже ради друга и ради тебя самого. Ты знаешь, что достаточно рассказать экспедиционному начальству, что вы с Костей натворили, и придется вам с экспедицией прощаться навсегда. И еще платить за ущерб». Он, Томат, знал, какое плохое денежное положение у Макара, и бил по самым больным местам. Макар все равно сопротивлялся, как спартанец при Фермопилах, но был обречен на гибель. Томат был беспощаден — ему нечего было терять, а приобрести он, как ему казалось, мог много. Я так думаю, что у некоторых людей в жизни такая ситуация бывает — надо выбирать между своей честью и своей любовью. И Макар, как большинство, выбрал любовь. Видно, ему показалось, что все еще обойдется. Тем более что Томат объяснил ему доступно, что моя судьба тоже в его руках. Вот мой толстый и гениальный Макар покорно поперся к школе.

По дороге возбужденный, трепещущий от предвкушений Томат показал ему свою икону — ну, ту самую, что получил от бабуси и теперь таскал с собой. Он сказал, что убежден, что в этой иконе есть внутренний слой, в смысле старая запись. Может быть, шестнадцатого века, и потому эта икона совершенно бесценная. Он даже при лунном свете показывал Макару эту икону, переворачивал ее обратной стороной и утверждал, что доска очень старая, черная, гнутая. Макар, конечно, ничего в этом не понимал, он шел и проклинал себя. И ничего не мог придумать. И постепенно в Макаре рос гнев. Макар медленно зажигается,

но если зажегся — его не остановишь, в этом отношении он как носорог. Томат этого не знал и думал, что он уже победил.

Наверное, вы подумаете, до чего все неинтересно получается. Вы думали, что у Томата какой-то грандиозный план, что он задумал какое-нибудь преступление. А тут — какая-то сомнительная икона. Но, во-первых, у Томата, кроме этой иконы, не было ничего достойного восстановления. А во-вторых, запомните, что Томат — никакой не преступник, просто не очень приятный человек, корыстный, зануда, но никакой не преступник. Он всегда старается воспользоваться выгодными обстоятельствами. И очень спешит при этом. Потому он так и не разбогател. И не разбогатеет. Масштаба у него нет.

К тому времени, когда я добрался до гаража, самое главнее уже произошло. Машина была запущена, а икона на подносе уже была заложена в нее.

Поэтому когда я заглянул в щель двери гаража, то увидел, что, освещенный лампочкой под потолком, стоит у пульта Макар. По его спине было мне понятно, как он взбешен и растерян. Неподалеку стоял Томат и не отрываясь смотрел на руки Макара, словно мог его проконтролировать.

Я не вошел сразу. Несмотря на то что я все знал заранее, оказалось, что я совершенно не представляю, что надо делать дальше. Вот я угадал, остановился, смотрю на них сквозь щель и не двигаюсь.

Машина щелкнула, и Макар ее выключил.

— Все, — сказал он и обернулся к Томату. И вдруг я увидел, что в его глазах горит опасный огонек. Я бы назвал его огнем торжества. Огнем благородного безумия. И ему в этот момент было плевать на институт, на научное будущее — на все. Он победил.

От удивления я не заметил, как отворил дверь и вошел в гараж. Но все так волновались, что меня не услышали и не заметили. Что же такое удалось сделать Макару, что он победил этого Томата? Чему он радуется?

— Давай! — сказал хриплым шепотом Томат. Его обычно приглаженные волосы растрепались, руки дрожали — он был кладоискателем, который вот-вот откроет крышку сундука. И я понял, что если все у него пройдет нормально, он никогда не остановится. Он будет отыскивать еще и еще для нас задания и каждый раз будет нас пугать...

Макар нажал кнопку, поднос медленно выехал из чрева машины.

Вот это номер!

На подносе лежало небольшое бревно, вокруг — кучка разноцветного порошка.

— Что? — спросил Томат. Он еще ничего не понял.

Я чуть не расхохотался. Как все просто! Если в той иконе и был второй слой, то Макар его игнорировал. Он вскрыл еще более глубокую память иконы — память о том, как она была просто деревяшкой. Бревнышком, из которого сделали доску.

— Где икона? — прохрипел Томат. — Где она, я спрашиваю?

— Вот она и есть, — сказал Макар и имел еще наглость улыбнуться. — Вот ее второй слой.

— Убийца, — сказал Томат и взял бревно с подноса. И даже перевернул его в руке, заглядывая на другую сторону, словно там могла сохраниться первоначальная живопись.

— Чего хотели, то и получили, — сказал Макар.

— Ну нет! — голос Томата вдруг поднялся. — Издеваешься? Или ты немедленно вернешь все на старое место...

— Нельзя, — сказал Макар. — И не кричите, люди спят.

— Ах нельзя! — И вдруг Томат поднял бревно и замахнулся им. — Заговорщики! Вредители!

Макар испугался за машину и бросился к нему, но Томат был сильнее. Он отбросил Макара в сторону и кинулся к машине.

До того момента я стоял, как пришпиленный к месту. Я был как во сне, как зритель, который знает, что вмешаться в то, что видишь, невозможно. Анна Каренина все равно бросится под поезд. Но когда Макар со стоном упал на пол, а Томат бросился к машине, я пришел в движение. Бессознательно.

Я даже не помню, как мне удалось подставиться под удар, направленный на пульт. Он просто чудом не сломал мне плечо — ведь бил он как сумасшедший, изо всей силы. Рука сразу онемела, но я все равно закрывал собой машину и старался при этом одной рукой вырвать у него дубинку-икону.

Не знаю, чем бы это кончилось, — но на помощь ко мне пришел Макар и сонный Кролик. Оказывается, он услышал шум в гараже и пошел проверить.

Когда мы скрутили Томата, к этому времени уже пол-экспедиции сбежалось к полю боя. Рука болела страшно. Томат никак не мог прийти в себя, он все еще ругался и совал всем в лицо дубинку, крича, что это — Андрей Рублев. Дубинку у него отобрали. У меня жутко болела голова, а про руку и говорить не приходится. Я даже плохо соображал. Как сквозь воду, до меня доносился сбивчивый рассказ Кролика, в котором все получалось наоборот. Оказывается, это злоумышленник Томат ворвался в гараж, а я, оказывается, жертвуя собой, спас эту машину.

Кто-то побежал за врачом, Донин смотрел на меня как на ге-

роя, и мне очень хотелось остаться героем, но я понимал, что это уж будет слишком. Поэтому я сказал:

— Да не спас я ее, а чуть не погубил. Я во всем виноват.

— Бредит, — сказал Кролик. — По голове ему дали, вот и бредит. Я сам видел, как он машину спасал.

— Это я уже потом, — сказал я. — Потом, понимаете?

— Такой худенький, а герой, — сказала Шурочка.

— Неееет! — закричал я.

Но они меня не слушали.

Только на следующий день все стало на свои места.

Это был не очень приятный день.

Но два утешения все же были.

Во-первых, из экспедиции нас все же не выгнали.

Во-вторых, Томат уехал. И полагаю, что навсегда. А Люся переживет. Завтра она обещала прийти на танцы в экспедицию.

ЗВЕЗДОЛЕТ В ЛЕСУ

Когда Сева и Олег выбрались из последней, самой глубокой пещеры, солнце уже спряталось в сизую подушку облаков, которые поднялись ему навстречу из-за горизонта. От мрачного елового леса на том берегу Вяты потянуло подвальным холодком, а из кустов, как истребители, вылетели первые комары.

Сева спустился по песчаному откосу к воде, спрятал в рюкзак фонарь, потом разложил новые находки на газете, рядом с трофеями, найденными и в других пещерах.

Олег догнал друга, сбросил на песок рубашку, разбежался, с размаху влетел в воду и саженками поплыл к другому берегу.

— Окунись, академик! — крикнул он с середины реки. — Такой сказочной воды в этом году больше не дадут!

Сева не ответил. Он любовался сокровищами. Перед ним лежали три кремневых наконечника стрел, таинственный круглый камень с дыркой в центре, окаменевшая кость и десяток кремней, которые могли быть орудиями древнего человека, а могли оказаться просто камнями. Неплохая добыча для однодневной экспедиции. И если бы Олег серьезнее относился к науке, находок было бы больше.

Но Олег — человек несерьезный. Из-за него экспедиция трижды срывалась, потому что в последний момент возникали совершенно неотложные дела. Беда Олега в том, что он интересуется всем на свете, а это, с точки зрения Севы, означает, что он не интересуется ничем. Кроме того, Олег слишком много энергии уделяет борьбе с бабушкой, на попечении которой его оставили родители, уезжая в отпуск.

Сева же увлечен в настоящее время только проблемой происхождения человека и не отвлекается на посторонние мелочи.

В этом главное различие между друзьями. Хотя есть и другие.

Например, высокий, сутулый, мягкий и рассудительный Сева отлично учится, презирает телевизор и читает энциклопедию том за томом.

Смуглый, верткий Олег не может усидеть на месте больше минуты, а книги читает с последней страницы. Если она понравилась — может быть, прочтет книгу с самого начала. Если нет — все равно уже известно, чем кончилась.

Дружат эти непохожие люди со второго класса, уже шестой год, и почти во всех спорах побеждает Сева. Может быть, потому, что Олегу надоедает сопротивляться.

У Севы созрела теория, что самые первые люди произошли от обезьяны не в Африке, а здесь, в окрестностях небольшого города Крутояра. Но эта теория требует доказательств. Поэтому, когда один рыбак сказал, что километрах в семи от города в высоком обрыве над Вятой он видел пещеры, Сева понял, что до конца каникул он обязан их исследовать. Десять дней он ломал пассивное сопротивление Олега, пока тот не сдался. И вот сегодня, поднявшись на рассвете, они по холодку добрались до пещер.

Олег предпочел бы отыскать в пещерах древнюю кольчугу или сундук с драгоценностями, поэтому он был несколько разочарован находками. Сева же был счастлив — никакой сундук не сравнился бы с кремневыми наконечниками стрел. В этом и заключается различие между наукой и кладоискательством.

Пока Олег нырял, плескался и фыркал, наслаждаясь парной водой, Сева вытащил из рюкзака припасенные газеты, завернул каждый камень отдельно, потом разломил пополам последнюю булку, разрезал колбасу и крикнул:

— Олег, вылезай! Скоро темнеть начнет. Ужин на столе.

— Сейчас, — ответил Олег и снова нырнул.

— Не сейчас, а немедленно, — сказал Сева. — Меня не радует перспектива ночевать в лесу.

— Почему?

— Комары сожрут.

— Мы в воде отсидимся, — ответил Олег. — Или доберемся до дому вплавь.

Сева не стал отвечать на эти глупости, а сказал:

— Я тебе оставил половину пищи. Если не вылезешь, сам съем. Ты меня знаешь.

— К сожалению, знаю, — согласился Олег. — И кто только меня воспитывает!

— Если тебя не воспитывать, ты превратишься в обезьяну.

— Вылезаю, — сдался Олег и поплыл к берегу.

И в этот момент Сева увидел, как в темный лес на том берегу опускается космический корабль.

Корабль спускался медленно, по касательной. Вдруг он на мгновение завис на месте и вертикально рухнул вниз.

— Ты чего? — удивился Олег, выходя из воды. — У тебя глаза квадратные.

— Обернись, — медленно сказал Сева.

Олег послушно обернулся. И, разумеется, ничего не увидел.

— Ничего, — сказал он. — Что случилось, старик?

— Сбылась мечта человечества, — медленно произнес Сева. — К нам прибыли пришельцы из космоса.

— Слушай, ты перегрелся? — Олег вышел на берег, еще раз обернулся, снова ничего не увидел и нагнулся за рубашкой.

— Это был не земной аппарат. — Сева говорил как во сне. — Я все земные знаю. И наши, и американские. Это была самая настоящая летающая тарелочка. И она села в лесу.

— Если села, чего ж ты мне не крикнул?

— Я крикнул. Но поздно. Ты не успел обернуться.

— Ладно, прощаю. А далеко эта тарелочка села?

Олегу хотелось поверить Севе, тем более что Сева принципиально не врал. Он как-то объяснил другу, что честному спокойнее жить, не надо стараться придумывать — экономия мыслей.

— Трудно определить. В километре. Может, больше. У пришельцев что-то неладно с двигателем.

— Тогда пошли, — сказал Олег. — Чего мы ждем?

— Погоди. У нас нет опыта встречи с пришельцами.

— А у кого он есть?

— Наш долг обратиться к специалистам, — без уверенности в голосе сказал Сева. — Мы не имеем права бросаться в авантюры.

— А если очень хочется?

Севе тоже очень хотелось броситься в авантюру.

— С другой стороны, — сказал он, — если его засекли, то наши вертолеты прилетят скорее, чем мы успеем добраться до Крутояра. Если ему нужна медицинская помощь...

Олег больше не слушал. Он собрал свои немногочисленные вещи, сложил рубашку, завязал в узел и, не оглядываясь, вошел в воду.

— Куда идти? — крикнул он.

— Ты прав, — сказал Сева. — Даже если это космические агрессоры и мы с тобой погибнем, мы все равно выполним наш гражданский долг. Погоди, я только рюкзак в пещеру отнесу.

Олег ждал Севу на другом берегу, отмахиваясь от комаров.

— Слушай, — спросил он, когда Сева вылез из воды и начал шнуровать ботинки, — а с чего ты решил, что в космосе могут быть агрессоры? Я об этом нигде не читал.

— Надо больше читать. Английский писатель Уэллс сообщает, что марсиане обладали смертельными лучами вроде лазеров... Только, правда, на Марсе нет жизни.

— Ясно. Перебили друг друга, вот и не стало жизни, — сказал Олег, первым входя в лес. Он всегда был сторонником простых решений и объяснений.

Идти оказалось недолго. Лес был густой, еловый, колючие сухие ветки стегали по лицам. В еловой тени полутемно, закат-

ное солнце сюда не проникало, а стволы были такими одинаковыми, что уже метров через сто Сева остановился — ему показалось, что они заблудились. Олега, правда, такие сомнения не тревожили — он пробрался дальше, где сквозь темную чащу елей просвечивали светлые листья орешника, и остановился у глухой лесной дороги.

В глубоких колеях поблескивала вода, и трава между колеями вымахала такой высокой, что ясно было — никто по этой дороге не ездит. Из травы высовывалась оранжевая в белых заплатах шапка мухомора.

— Погоди, — сказал Сева. — Надо отдышаться. Вертолетов еще не слышно?

Вертолетов не было слышно. Только отчаянно гудели комары.

— Совершенно сбился, — признался Сева. — Может, они голос подадут?

Сквозь комариный писк послышался далекий звук. Будто кто-то стучал по земле молотком. Звук приближался. Сева отступил в чащу и сказал:

— Что-то необычное. Сойди с дороги. Возможно, они передвигаются на вездеходе.

— Ничего необычного, — сказал Олег. — Кто-то на лошади едет. Это же копыта стучат. Сейчас мы и спросим.

— Что спросим?

— Не видел ли он космического корабля.

— Спрячься! — прошипел Сева. — Никакая это не лошадь. Кто в этом лесу будет вечером скакать на лошади?

Но Олег его не слышал. Когда из-за поворота дороги показался всадник, Олег выскочил на середину, поднял руку и сказал, как ему казалось, строгим голосом:

— Стоп! Тревога!

Лошадь запрокинула голову, поднялась на дыбы, чтобы не сбить Олега. Девочка, которая сидела на ней, крикнула:

— Сумасшедший! Прочь с дороги!

Лошадь встала, кося на Олега обиженным глазом. Девочка похлопала ее по шее.

— А как тебя еще остановишь? — спросил Олег. — Ты не беспокойся. Мы не разбойники.

— Я не беспокоилась. Просто, если бы Тамара тебя сбила, до больницы отсюда километров десять. Заблудились, что ли?

Сева понял, что пришло время ему самому вмешаться в беседу. Он сделал шаг вперед. Теперь он мог хорошо разглядеть девочку. На вид ей было лет двенадцать. У нее было очень белое веснушчатое лицо и темно-рыжие густые волосы. Глаза же оказались светлыми и совершенно зелеными, как трава.

— Добрый вечер, — сказал Сева. — Мы не заблудились. И мы находимся в группе поиска.

— Тут космический корабль приземлился, — объяснил Олег, отступая от лошади Тамары, которая вдруг потянулась к нему губами. — Сева видел. Мы спешим на контакт выйти.

— Вы видели?

— Мы наблюдали космическое тело, — сказал Сева.

Вдруг собственные слова показались ему смешными. Что за космическое тело? Лошадь, лес, комары, незнакомая рыжая девочка, мухомор в траве... Все просто, и не может быть космических тел.

— Я тоже, — сказала девочка совершенно серьезно. — Поэтому вскочила на Тамару — и в лес. Только я думала, что мне показалось.

— Если двое видели, — сказал Сева, — значит, не показалось.

— Тогда идите за мной, — предложила девочка. — Метров двести осталось. Я эти места знаю.

Дальше девочка пошла пешком по лесу, ведя лошадь на поводу. Сева шагал рядом, рассуждая о космонавтике, а Олег чуть сзади, потому что лошадь Тамара заинтересовала его больше, чем все космические корабли вместе взятые.

Олег вдруг понял, что он прирожденный наездник и ему просто не повезло, что он живет в городе. Конечно, хорошо бы сейчас сказать этой девочке: «Дай прокатиться». Но Сева поднимет такой скандал, что лучше уж потерпеть до следующего раза. К тому же на лошади ему еще не приходилось кататься, и она казалась очень высокой.

Девочка отводила рукой ветви, чтобы не били Тамару по морде, и слушала Севу, не перебивая.

— Ты в Крутояре живешь? — спросил вдруг Сева. — Я что-то тебя раньше не видел.

— Я у дяди живу. Он лесничий. Вообще-то я из Москвы. На каникулы приехала.

— Скучно в лесу жить, — сказал Олег. Голос его прозвучал очень громко — в лесу наступила странная тишина.

— Тише, — сказала девочка. — Зачем кричать? Скучно везде, если ничего не делать. У нас при лесничестве лосиная ферма есть. Я там с лосятами работаю...

— Врешь! — воскликнул Олег. — С ло-осятами?

— Олег! — Сева остановился и поднял указательный палец. — Ты забыл, что мы не на прогулке. Я совершенно не представляю, как ты намерен выходить на связь с инопланетной цивилизацией.

— Может, твоему другу лучше здесь подождать? — спросила девочка.

— Ладно уж, — буркнул Олег. Не очень приятно слушать, как лучший друг в присутствии незнакомых людей разговаривает с тобой свысока. — Спросил, и все. Может, инопланетных цивилизаций не существует. Дальше пойдем или здесь останемся?

— Теперь надо не идти, — сказала девочка, — а искать. Это где-то совсем рядом. Расходимся веером. Понятно?

— Понятно.

— Как вас зовут, если придется позвать?

— Сева.

— Олег.

— Меня — Марина. Тамара, подождешь нас здесь.

Лошадь остановилась.

— Она понимает? — спросил Олег.

— Иногда больше нас с вами, — сказала Марина.

Олег хотел было засмеяться, но осекся. Он вдруг понял, что сейчас они разойдутся, и он останется в сумеречном лесу, где за каждым кустом может таиться пришелец или что-нибудь еще похуже. Но признаться в своем страхе Олег не мог, только посмотрел на Севу — каково ему? Первый раз он видел Севу, который уступил бы кому-нибудь первенство. А тут девочке... Что ж, бывает.

— Вообще-то лучше идти вместе, — сказал вдруг Сева. — Боюсь за Олега. Может потеряться.

— Я не потеряюсь, не беспокойся! — Олег понял, что Севе тоже не по себе, — от этого Олегу стало полегче. И он первым пошел в чащу, ломая ветки и погромче топая кедами.

Марина показала рукой, чтобы Сева взял левее, а сама пошла вправо. Тамара смотрела им вслед, размеренно и печально покачивая головой. Ей этот вечерний поход в лес был непонятен.

Олег шел, считая шаги. На шестидесятом он остановился. Ну вот, никого нет, тишина, даже не слышно, чтобы хрустели ветки. Куда они все делись? И нужен им этот пришелец? Вдруг пришельцы стреляют без предупреждения? Он понял, что больше не сделает ни шагу. Лучше здесь подождать... Комар больно укусил в щиколотку. Олег наклонился, чтобы прихлопнуть его, и в тот же момент рядом, словно над ухом, услышал голос Марины:

— Сюда. Я нашла.

Марина сказала это обыкновенно, словно нашла подберезовик.

Олег рванулся к голосу. За спиной топот — ясное дело, это бежал Сева.

Она нашла! Значит, в самом деле так бывает? И он сейчас увидит Это?

Это лежало на небольшой прогалине, повалив и подмяв несколько молодых осинок, вершинки которых обрамляли снизу черную массу металлической чечевицы, словно листочки большую черную ягоду. Чечевица была метров шесть в диаметре. Поверхность ее была матовой, кое-где покрытой серыми пятнами, словно пеплом.

На верхнем полушарии чечевицы чернел открытый круглый люк. От него струились тонкие трещинки, которые собирались к небольшому отверстию, как бывает на ветровом стекле автомобиля, если в него попадет камешек...

Сева сзади откашлялся. Этот звук показался Олегу страшно громким, и он зашипел, чтобы предупредить Севу, чтобы тот вел себя потише, но не успел. Сева произнес громким шепотом:

— Они потерпели крушение. Я так и думал.

— Ты так не говорил, — сказал тихо Олег.

— Я думал. Наверное, столкнулись с метеоритом. Это бывает в космических полетах.

— А потом они ушли нас искать, — сказала Марина. — И люк за собой не закрыли?

— Это еще надо проверить. — Олег сделал шаг к кораблю.

— Стой, — остановил его Сева. — Вернее всего, здесь смертельная радиация.

— Раньше надо было думать, — сказала Марина. — Если она есть, мы уже облучены.

Олег все-таки отошел от корабля к большой ели. Теперь они стояли за толстым стволом. Совершенно непонятно, что же делать.

— Придется ехать в город, — сказал наконец Сева. — А то совсем стемнеет.

— Может быть, сейчас за ним прилетят на вертолете — просто еще не успели, — отозвался Олег.

— Вряд ли, — сказала Марина. — Вряд ли. Если бы его заметили, уже давно бы прилетели.

— А в город я не пойду, — решился Олег. — Никуда не пойду. Может быть, они внутри сидят раненые, ждут помощи, а мы в город побежим. А они тем временем попросту умрут. Представляешь, если у них тяготение другое?

— В словах Олега есть смысл, — согласился Сева. — Раз уж мы сделали великое открытие, наш долг быть логичными и довести его до конца.

— А я бы, — сказала Марина, — посмотрела вокруг. Если они открыли люк, значит, может быть, отошли. А вдруг они сейчас следят за нами?

Олег сразу оглянулся.

Под деревьями уже улеглись черные тени, небо стало синим,

и на нем появились первые звезды. Все предметы постепенно потеряли свои цвета, и мир становился сине-серым, как в нецветном кино. Словно пишущая машинка, прострекотала сорока... Олег непроизвольно развел руками — ему вдруг захотелось показать невидимому наблюдателю, что руки его пусты, оружия нет, а намерения самые мирные.

— У вас фонарь есть? — спросила Марина.

— В рюкзаке остался, на Вяте, — сказал Сева. — Я без фонаря туда загляну. Один. Тем более что там, может быть, смертельная радиация. Не стоит всем рисковать.

— Интересно, — сказала Марина, — как ты будешь ощупью шарить в космическом корабле. Ты что, знаешь, как он устроен?

— Он небольшой, — ответил Сева, но с места не двинулся.

И тут же Марина обернулась, взглянула на Севу.

— Это ты? Это кто...

Сева тоже услышал. Слабый голос, беззвучный, возникший в их головах, в глубине, словно мысль:

— Помогите... Идите сюда...

— Ты слышал? — спросил Олег.

— Молчи, — сказала Марина. — Не перебивай.

— Вы где? — спросил Сева.

— Идите ко мне, — вновь раздался мысленный призыв. — Идите на мой голос...

И все они уже знали, куда идти, знали, откуда доносился голос.

Олег первым рванулся в чащу, но через несколько шагов ахнул от ужаса и метнулся назад, налетел на ствол ели, споткнулся о корень... упал к ногам Севы. Кто-то громадный, большеглазый, с уродливым длинным лицом выглянул из чащи и открыл пасть, обнажив длинные желтые зубы.

Марина перепрыгнула через Олега, протянула руку и хлопнула ладонью по морде чудовища... Лошадь Тамара захрапела, качнула головой.

Рядом, обхватив Олега, тяжело дышал Сева. Если он тоже испугался лошади, то не успел показать этого...

— Я здесь, — прозвучал голос. — Чуть правее...

Между двух старых, в обхват, елей обнаружилась небольшая, глубокая ложбинка. Когда-то там стояло еще одно дерево, но упало. Его сгнивший ствол тянулся вдаль, пропадая в темноте, а корни торчали вверх, как узловатые пальцы. В этой яме в ворохе веток и лежал пришелец.

Они знали, где он лежит, раньше, чем увидели его. Он сам сказал им мысленно, что он здесь, что он ранен и беззащитен.

Ребята остановились у ложбины, не решаясь сделать дальше

ни шагу — не потому, что было страшно, нет, страха не было. Была невероятность того, что происходит.

Хотя глаза и привыкли к сумраку леса, разглядеть пришельца было нелегко. Он почти слился с землей и сучьями. С первого взгляда Севе показалось, что пришелец покрыт темной шерстью, лишь лицо — светлое пятно, на котором светились круглые, синие, будто подсвеченные лампочками изнутри глаза, — выглядело голым. Но оказалось, что мохнатой была одежда пришельца — нечто вроде комбинезона, оставлявшего открытыми только пальцы и лицо. И трудно было понять, уродливо это существо или красиво — просто не с чем было сравнить то, что сделано природой по совершенно чужим законам красоты.

Комбинезон пришельца был разорван на груди, а правая рука неестественно вывернута и покрыта темными пятнами крови.

— Ой, вы ранены! — прошептала Марина.

— Лучше говорите со мной мысленно, — ответил пришелец. Узкий рот его был неподвижен. — Если ваши мысли направлены ко мне, я их читаю без труда.

— Мы вам можем помочь? — спросил Сева мысленно, но мысль тут же запуталась в голове, потому что ее догнали и замутили тысяча вопросов и других мыслей.

— Можете говорить вслух, — разрешил тогда пришелец, — я вас тоже пойму... только говорите тихо... Я позвал вас, потому что надеюсь на вашу помощь.

— Мы поэтому и прибежали, — сказал Олег. — Мы видели, как корабль упал, вот и прибежали. Мы всегда так, если кто падает, бежим.

— Что, не первый корабль? — серьезно спросил пришелец.

Марина засмеялась, но тут же оборвала себя и сказала:

— Вас перевязать надо.

— Подождите. Это не угрожает моей жизни... есть более важные дела.

— Вы совсем чисто по-русски говорите, — не удержался Сева. — Вы где учили наш язык? На родине или здесь?

— Я улавливаю ваши мысли. Не очень далеко... но улавливаю. Я не мог позвать вас сразу, потому что мне нужно было послушать, как вы разговариваете, надо было понять ваш язык... и убедиться, что вы не желаете мне зла.

— Не желаем, — сказал Сева. — Теперь мне все понятно. Только неясно, это был метеорит? Вы с ним столкнулись?

— Нет.

— Погоди ты, — вмешалась Марина. — Расспросить всегда успеем. Его же в больницу надо.

— Это точно, — сказал Олег. Он боялся крови и боялся дотрагиваться до раненого. — У нас лошадь есть.

— Пожалуй, — сказал пришелец, — это непрактично. Мне там вряд ли помогут.

— Наши врачи помогут, — уверенно сказал Олег. — Врачи у нас лучшие в мире.

— Он не об этом. Он не сомневается, — сказала Марина. — Он о том, что иначе устроен, чем мы.

— И у нашей медицины еще мало опыта, — подтвердил Сева.

— При других обстоятельствах я бы обратился к вашим врачам, — мысленно произнес пришелец. — Но не сейчас. Сейчас мне нельзя этого делать.

— Ну тогда скажите, что надо! — просто взмолился Олег, который вдруг почувствовал, что пришельцу больно, очень больно...

— Спасибо, — сказал пришелец. — Вы мне можете помочь... Я так спешил уйти с корабля, что ничего не взял с собой. Если вы вернетесь туда... я буду управлять вами, я вам подскажу, что надо сделать. К сожалению, я сам не могу двигаться. Только надо спешить...

— Бегу! — крикнул Олег, срываясь с места.

— Может, я? — Но голос Севы запутался в ветвях, пропал сзади.

Олег уже несся к кораблю.

Стемнело, и казалось, что деревья сблизились, сомкнули стволы, переплели сучья, собираясь на покой... Олег буквально продирался сквозь заросли.

«Слушайся меня, — догнал его мысленный приказ пришельца. — Близка опасность...»

— Слышу! — откликнулся на бегу Олег. — Справимся! Наши всегда побеждают.

Вот должна быть и прогалина... Где же корабль?

«Ложись!» — догнал Олега приказ. Резкий и неожиданный.

Олег пробежал еще два или три шага, остановился, но не лег. Не понял, зачем же надо ложиться...

«Ложись и замри!»

Олег поглядел вперед. В просвете между синими столбами еловых стволов чуть поблескивал под взошедшей луной бок корабля, чернел люк.

«Опасность!»

Олег на всякий случай присел на корточки.

И увидел, как, застилая звезды, с неба спускается нечто черное, тяжелое, громадное... Это был другой космический корабль.

Олег лег, сжался в комок, приник к стволу. Перед ним, как

бруствер перед траншеей, круглился толстый корень. Черный корабль медленно опустился, тяжело вжался в землю, прижимая кусты и осинки: раздался треск и какое-то утробное, глубокое хлюпанье. Корабль качнулся, словно земля была мягкой, резиновой, и тут же в глаза Олегу ударил ослепительный свет. Он нырнул за корень, распластался по земле. Иголки больно вдавились в лицо. Луч света обежал поляну, высветил кусты, черный строй елей и уперся в корабль пришельца.

Когда Олег понял, что его не заметили, он снова приподнял голову — узнать, что же будет дальше. Он совсем не испугался. Было такое ощущение, словно он смотрит кино, которое его лично совершенно не задевает. В крайнем случае в любой момент можно выйти из зала и закрыть за собой дверь.

Новый корабль был похож на шар с какой-то нашлепкой сверху. Именно из нашлепки и бил луч прожектора. Затем в стене шара показалась щель — Олег угадал ее потому, что помещение там, внутри, было слабо освещено: щель казалась зеленоватым столбом воды, который становился все толще.

Черная тень застила на мгновение зеленую щель, затем исчезла. Вторая тень, третья...

Олег понял, что из корабля выходят астронавты. Обитатели корабля были высоки ростом, куда выше пришельца, который вряд ли доставал Олегу до плеча, худы и очень прямы.

Три черные тени приблизились к потерпевшему бедствие кораблю. Луч прожектора спустился ниже, пробежал по боку, замер перед паутиной трещин, затем переместился к открытому люку. До Олега донесся перезвон быстрых щелкающих звуков: высокие пришельцы переговаривались.

«Не двигайся, — услышал Олег мысленное предупреждение. — У них очень тонкий слух».

Один из пришельцев протянул к краю люка длинные тонкие руки, подтянулся и без видимого усилия скользнул в черное отверстие. И тут же — прошло, наверное, секунд десять — в люке вновь возникла его голова. Луч прожектора осветил ее, отразившись от темного стекла шлема, — пришельцы были в скафандрах.

«Они догадались, что я ушел, — прозвучал в голове Олега мысленный голос. — Не двигайся, пока они не улетели. Но не знаю, улетят ли...»

Три черные вытянутые тени, свистя и пощелкивая, отошли от корабля, остановились у черного шара. Олег увидел, как один из них медленно поднял тонкую руку и направил ее на корабль.

Ярко-синий луч протянулся от руки к кораблю, и вдруг корабль охватило тревожным мерцающим светом, вокруг него за-

суетились голубые искры, и он начал рассыпаться на глазах, словно был сделан из сухого песка. Олег не успел бы сосчитать до десяти, как от корабля осталась лишь небольшая кучка серого пепла. Один из пришельцев подошел к ней и поддал носком башмака. Поднялось светлое облачко.

«Они сожгли ваш корабль», — мысленно сказал Олег.

«Я слежу за твоими мыслями, — послышался тихий ответ. — Они знают свое дело. Все погибло».

Одна за другой черные длинные тени скрылись в люке, зеленый столб света превратился в тонкую щель, исчез, и черный шар оторвался от поляны, завис над самой землей и затем, набирая скорость, рванулся вверх.

«Улетели», — сказал Олег, поднимаясь.

«Подожди, не верь».

Олег замер.

Пришелец был прав. Корабль замер над вершинами елей, потом медленно поплыл над ними. Вновь загорелся прожектор. Конус света высветил поляну, на которой только что стояли два корабля, затем двинулся, расширяя круги, к деревьям. Сейчас луч настигнет Олега...

Олег прижался к стволу ели. Ветви должны были защитить его миллионами еловых иголок...

Луч прожектора высветил траву там, где только что лежал Олег, и поплыл дальше. Свет его был холодным, белым и мертвым, такой бывает только во сне. Как бы они не добрались и до ребят, испугался Олег.

Но этого не случилось.

Сделав еще один круг над лесом, черный шар выключил прожектор, и когда глаза Олега привыкли к темноте, он, запрокинув голову, ничего не увидел в небе — только звезды.

«Теперь они совсем улетели?» — спросил Олег.

«Иди сюда», — услышал он.

Через три минуты Олег скатился в яму между елями, где его ждали.

— Что будем делать? — Олег чувствовал себя героем и готов был сражаться с любыми космическими врагами.

— Плохо, — сказал раненый пришелец. Он говорил, не открывая глаз, и ребята все время ощущали его боль. — У меня теперь нет корабля, нет связи... а они еще вернутся. Они сделают все, чтобы отыскать меня и уничтожить.

— Почему? — спросил Сева.

— Они понимают, что прожектором им меня в лесу не найти, — продолжал пришелец, будто не услышав вопроса. Он рассуждал вслух. — Значит, придумают что-то еще. Нет, так просто

они не уйдут. Им нужно убедиться в том, что я погиб и угроза исчезла.

— Может, вас перевязать? — спросила Марина. — У вас кровь...

— Нет. Кровотечение прекратилось. Я смог остановить его силой воли. К тому же в этом уже нет смысла.

— Всегда есть смысл лечиться, — сказал Сева.

— Они все равно найдут и убьют меня. И чем дальше вы будете от меня в этот момент, тем лучше. Я не хочу, чтобы вы пострадали.

— Хватит разговоров, — строго сказала Марина. — Вас надо отвезти в больницу. Там куда безопаснее, чем в лесу.

— Спасибо, — ответил пришелец. — Прошу вас, уйдите и забудьте о том, что видели меня. Для вашего же блага. Вы не представляете, в какой опасности вы находитесь.

— Представляем, — сказал Олег. — Я видел. Жечь чужие корабли они умеют. Но меня не нашли. Значит, не такие уж они всесильные.

— Они упрямые. Не нашли сейчас, придумают, как найти через час.

— Но почему вы не хотите в больницу? — с отчаянием спросила Марина.

— Потому что нет более удобного способа сообщить им, где я нахожусь.

— Мы провезем вас незаметно, — сказал Сева. — Они не догадаются. Ручаюсь.

— Вы же небольшой, меньше меня ростом, — добавил Олег.

— А там? В больнице? — спросил пришелец. — Неужели никто не удивится, если я там появлюсь?

— Нет, конечно, удивятся, — согласился Сева. — Еще как удивятся.

— И начнется суматоха?

— Еще какая! — воскликнул Олег. — Они же никогда живого пришельца не видели. Они с ума сойдут от удивления.

— Вот именно, — подтвердил пришелец.

— Я все поняла, — сказала Марина. — Если за вами следят сверху, если они ищут вас, то они и ожидают, что начнется суматоха. И сразу догадаются.

— Вы правы.

— Тогда мы попросим врачей не обращать на вас внимания, — сказал Олег. — Так и объясним. Делайте вид, что это не пришелец. Существует опасность. Я им расскажу, как эти бандиты ваш корабль сожгли. Неужели врачи не поймут?

— Пока поймут, — произнесла Марина задумчиво, — может быть поздно. Если они смогли так сжечь целый корабль...

— И погибну не только я — они не остановятся перед тем, чтобы уничтожить всю больницу, — сказал пришелец. — И потом умчатся довершить свое дело...

— Какое дело? — спросил Олег.

— Давайте сделаем иначе, — сказала Марина. — Мой дядя Сергей — он человек умный, кандидат биологических наук, честное слово. Он мне совершенно доверяет... Мы спрячем вас в лесничестве...

— А ты ему когда-нибудь пришельцев с других планет привозила? — спросил Олег.

— Нет, ты не понимаешь...

— Я понимаю, что самый умный дядя тоже удивится.

— Дело даже не в этом, — сказал пришелец. — То, что называется лесничеством, это далеко отсюда?

— Нет, километра два, на краю леса.

— И лес подходит к самому дому?

— Метрах в трехстах кончается.

— Значит, этот дом находится под наблюдением.

— Но ведь они улетели! — сказал Олег. — Я сам видел.

— Это был разведкатер, — объяснил пришелец. — Корабль-матка остался на орбите. Они не хотят, чтобы на Земле догадались об их прилете.

— Боятся? — спросил Олег.

— Нет, не боятся. Вы ведь только выходите в космос. Вы не можете догнать или изгнать их. Но дело в том, что ваша планета входит в число охраняемых миров, она под защитой галактических законов невмешательства. Мои враги разумны. Они холодны и расчетливы. Они не будут рисковать больше, чем необходимо. Можно предположить, что они спустят или уже спустили в этот район несколько капсул с десантом. Оцепят лес и начнут поиски.

— Ничего страшного, — сказал Олег, который не хотел мириться с поражением и которому было обидно, что земляне бессильны перед какими-то космическими бандитами. — Пускай они сбрасывают свои десанты. Мы вызовем из лесничества милицию. Там есть телефон?

— Есть.

— Вот. Вызовем милицию, а если надо — даже войска. Мы их сразу выловим. Я их откуда угодно отличу, видел: длинные, черные, в скафандрах.

— А может, Олег прав? — спросил Сева. — Уж у себя-то дома мы с ними можем справиться.

— Вы их не узнаете, — сказал пришелец. — Вы их не узнаете потому, что кренги могут принимать облик любого существа. Вас в том числе. Только я, читая мысли, могу отличить кренга от человека...

— Вы будете отличать, а мы их будем ловить, — сказал Олег.

— Тамара, Тома, иди ко мне.

Послышался треск ветвей, словно лошадь ждала приказа. Темная тень возникла рядом с елью.

— Ты чего? — спросил Сева.

— Мы все разговариваем, — сказала Марина, — а надо действовать. Что мы, будем ждать здесь, пока нас не сцапают?

— Но куда ты его повезешь? — спросил Сева.

— Решили. Лучше действовать, чем ждать.

— Боюсь, — сказал пришелец, — вы так ничего и не поняли. Вам почему-то кажется, что все проще, чем в самом деле. Что вы куда-то меня отвезете, спрячете, что кренги смирятся с этим...

— Если не найдут, то смирятся — что им еще делать?

— Может, смирились бы, если бы это были живые существа...

— Они еще какие живые! — сказал Олег. — Я их близко наблюдал.

— Тише, — остановил его пришелец. — Я был, к сожалению, прав. Я чувствую, как к лесу спускаются капсулы с десантом. Одна, вторая, третья...

Все сразу замолчали. Прислушались. Тишина. Лишь гудят комары. А может, это не комары, подумал Олег. Может, за комариным звоном спускаются сюда черные шары, из них выскакивают с автоматами черные солдаты и разбегаются, залегают вокруг леса, подстерегая любое движение, любой шум... Комар больно укусил Олега в лоб, тот хлопнул себя по лбу ладонью, и звук этот показался ему слишком громким в напряженно замолкшем лесу.

— Поймите же, — мысленно продолжал пришелец. — У нас осталось лишь несколько минут. Я расскажу вам, в чем дело, — иначе мы не поймем друг друга. Вы же так и не знаете, кого хотите спасти, почему, от чего...

— Вы ранены, вы слабее их, — сказал Сева. — Вы попросили нашей помощи. И мы пришли. Это же элементарно.

— Спасибо. Элементарно, но не очень убедительно. Закройте глаза, и я попытаюсь, чтобы вы увидели...

Мир, который увидели ребята, был чем-то похож на Луну. Те же резкие тени, кратеры, черные трещины и залитые светом безжизненные долины... Казалось, что летишь над этой пустыней в самолете, невысоко и медленно... И вдруг, нарушая безжизненность и пустоту, впереди возник прозрачный купол, подсвечен-

ный изнутри теплым желтым светом. Вблизи можно было различить под куполом какие-то строения, машины, маленькие фигурки живых существ...

— Это планета-рудник, — сказал пришелец, и голос его отчетливо прозвучал в головах ребят. — Здесь я и еще тысячи других специалистов трудились, добывая из недр планеты вещество, без которого не могут работать гравитационные двигатели новых космических кораблей. Это месторождение уникально. Поглядите...

За куполом — теперь можно было понять, насколько он велик — может быть, километр в диаметре, — на широкой ровной долине стояли разной формы космические корабли — некоторые похожи на детский волчок, некоторые — как чечевица, третьи — плоские диски.

— С разных созвездий прилетают сюда грузовые корабли за рудой. И вот недавно...

Картина изменилась — как будто пришелец перевел взгляд на небо, — и там, на фоне звезд, отражая свет далекого белого солнца, появилось несколько кораблей — цилиндрических тел с выступающими впереди круглыми надстройками. Эти корабли медленно и будто лениво опустились возле купола и рядом с космодромом. Видно было, как раскрываются люки и оттуда сыплются шарики. Это были круглые неземные машины, в которых сидели неподвижные и прямые черные фигуры.

— Кренги, — сказал пришелец. — Так они появились на нашей планете. Патрульный корабль, дежуривший на орбите, попал им в руки, не успев передать сигнала тревоги. И мы не были готовы к этому вторжению...

Шарики-машины неслись к кораблям, стоявшим на космодроме. И вот уже знакомые Олегу тонкие голубые нити протягиваются к ним, и громада кораблей начинает рассыпаться, превращаться в пыль... Вот от одного из кораблей отделилась фигурка в скафандре — кто-то из экипажа успел спастись и бежит к куполу. Но белый луч настигает и его. И фигурка исчезает на бегу, рассыпается, как песок.

— Кренги, — услышали они голос пришельца, — странные и удивительные создания. Лет триста назад почти неизвестная нам, погибшая при вспышке сверхновой звезды цивилизация создала биороботов, которые были предназначены для того, чтобы заменять живых существ на трудных работах, в опасных местах и далеких экспедициях. Постепенно создатели роботов перекладывали на них все больше собственных дел и обязанностей, предаваясь сами удовольствиям и развлечениям. Все, что было трудного и неприятного, делали биороботы, они ведали промышленностью и сельским хозяйством, строили дома и копали шахты. Постепенно биороботы взяли в свои руки исследования, научились сами производить себе подобных, и так продолжалось до тех пор, пока роботы не решили, что настоящие хозяева планеты — они. И, честно говоря, винить их трудно... С их точки зрения...

— Не только с их точки зрения, — вдруг перебил пришельца Сева. — Они сами виноваты. Удовольствия и развлечения без работы — губители прогресса. Я в этом давно убежден.

Олег с умным видом кивнул. Он знал философию Севы и, хоть сам ее не придерживался, точку зрения друга ценил очень высоко.

— Я не беру на себя права судить, — сдержанно ответил пришелец. — Единственно, что известно всем: роботы всегда остаются только роботами — как бы умны они ни были. Они не способны чувствовать. С их точки зрения, это преимущество. С нашей — недостаток.

— Конечно, недостаток, — сказала Марина.

— Они всех перебили? — спросил Олег.

— Нет, в этом им не было нужды. Они же кормили обитателей планеты, одевали, обучали, обеспечивали им развлечения... Потом они что-то сделали с пищей, после чего у существ с той планеты больше не было детей. И когда те спохватились, было поздно. Никто не мешал им доживать свои дни в неге и покое...

— А кренги?

— Когда хозяева планеты вымерли, кренги быстро расплодились. Вскоре им стало тесно на своей планете. Производство себе подобных все расширялось, они построили космические корабли и начали заселять другие планеты... Галактический центр с ними столкнулся недавно, и разгорелись дебаты, что делать с кренгами или ничего не делать, а наблюдать. А тем временем кренги прознали про нашу планету. Они ведь страшно нуждаются в космическом топливе, чтобы воплотить в жизнь свои планы...

— Завоевать всю галактику! — сказал Сева.

— Очевидно, так, — ответил пришелец. — Нападение на наши рудники было внезапным и успешным. Большинство обитателей планеты было убито. Остальные оказались в плену. И я почти уверен, что, когда кренги загрузят свои корабли рудой, они постараются убить и остальных.

— Зачем? — спросила Марина. — Они же добились чего хотели.

— Разве не понятно? — сказал Сева. — Чтобы замести следы. Так всегда преступники поступают.

— Да, чтобы никто не понял, что случилось, — согласился пришелец.

— А вы? Как вам удалось убежать?

— Мне повезло.

И снова в сознании ребят возникла картина.

...По длинному коридору бежит пришелец. Вот он спрятался за угол, замер, глядя, как через пересечение туннелей гуськом идут высокие тонкие фигуры кренгов. Кренги скрылись. Пришелец побежал снова. Вот он проводит рукой по гладкой стене, и в ней возникнет трещина. Трещина расширяется — это дверь в подземный ангар. Там стоят несколько небольших кораблей, схожих с чечевицами...

— Они не знали, — послышался голос пришельца, — что у нас на планете был подземный ангар для спасательных кораблей — на случай непредвиденной аварии. Мне удалось пробраться в ангар и поднять корабль в воздух.

Корабль пришельца вырвался из открывшегося в земле люка и почти вертикально пошел в небо, оставляя за собой серебристый след. Вот он уже звездочка среди других звезд...

— Но мое бегство не осталось незамеченным, — продолжал пришелец. — Они послали за мной вдогонку один из своих кораблей, который догнал меня в районе вашей звездной системы. Сообщить я никуда ничего не успел. Ведь на маленьких спасательных катерах нет галактических средств связи. Мне надо было сблизиться с галактическим патрулем. Но крейсер галактического патруля в этот период находился в другом секторе — и кренги об этом знали. И я не успел добраться до патрульного корабля. Меня настигли и обстреляли. Пришлось спуститься здесь. Вот и вся моя печальная повесть.

— Так нужно немедленно связаться с крейсером! — сказал Олег. — Все проще простого.

— Как? — спросила Марина. — Ты знаешь, как связаться с крейсером?

— Его корабль погиб, — добавил Сева. — А у нас таких пока еще нет. Не ждать же десять или двадцать лет. За это время...

— За это время они не только убьют моих соотечественников, — сказал пришелец, — но и заметут следы. Именно поэтому им так нужно, чтобы я погиб. И они не остановятся ни перед чем, чтобы избавиться от опасного свидетеля.

— Проще простого, — произнес Олег. — Я знаю, что делать.

— Ах, помолчи, — сказал Сева, уверенный, что Олег сморозит глупость.

— Нет, у нас свобода слова! — возмутился Олег. — Я говорю

совершенно серьезно. Мы должны захватить их корабль. И на нем — к галактическому патрулю!

— Как? — спросила Марина. — Как ты его захватишь?

— Еще не придумал. Придется чем-то их заманить, может, сделать вид, что мы согласны попасть к ним в плен. А потом их связать и рвануть на нем к галактическому патрулю.

— Ладно, — вздохнул Сева, опасения которого полностью оправдались. — Захватывать космические корабли мы подождем. Пока нам надо спрятать человека — ведь если они прочесывают лес, то обязательно нас найдут. И как только найдут, то пропадет весь смысл. И даже не надо будет ничего захватывать.

— Но если в больницу нельзя и в лесничестве опасно... — вслух размышляла Марина, — то куда?

— Тогда остаются пещеры! — сказал Сева. — Там найти его куда труднее. Тем более они на другом берегу реки...

— Это недалеко? — мысленно спросил пришелец.

— По прямой через чащу меньше двух километров. А там переплывем через речку, и мы дома.

— Напрямик? — засомневалась Марина. — Тут очень густой лес. И уже темно. Мы будем пробиваться до рассвета.

— А лошадь Тамара на что? — спросил Олег.

— Тамара в темноте сквозь такую чащу не пойдет. А на руках нам его не донести, — сказала Марина.

— Даже если надо спасти человека? — возмутился Олег. — А где героизм?

— Тамара не знает, спасать или нет. Героизм ей чужд. Не пойдет, и все.

— Они уже оцепили лес, — сказал пришелец. — Я чувствую их присутствие.

Сева невольно оглянулся. Лес стоял тесно, деревья сомкнулись, словно солдаты. Стало так темно, что толстые стволы лишь угадывались рядом... И казалось, что далеко-далеко мерно стучат шаги кренгов.

— Дорога, по которой я ехала, когда вы меня встретили, — сказала шепотом Марина, — через три километра выходит к Вяте. Там мост...

— Мы почти наверняка встретим их, — сказал пришелец.

— А разве у нас есть выбор? — спросила Марина.

Олег подумал: как жаль, что Марина не парень. В некоторых отношениях она даст десять очков вперед Севе.

— Помоги мне, — сказала Марина Олегу.

Марина взобралась на лошадь, а Сева с Олегом подняли пришельца. Он оказался куда тяжелее, чем казался. Два километра через чащу — не дотащить. Пришельцу было больно, он старал-

ся скрыть от ребят свою боль, но все-таки они ее чувствовали и, наверное, делали ему еще больнее, потому что в темноте мешали друг другу...

Марина посадила пришельца перед собой и забрала поводья. Тамара тревожно захрапела, высоко поднимая голову.

— Тише, Тамарочка, тише, девочка, — прошептала Марина. — Ты должна нам помочь...

Олег с Севой шли впереди, раздвигая ветви. Тамара словно поняла, что надо быть осторожной, и Олег вдруг подумал: а что, если и она улавливает мысли пришельца? Ведь если язык мыслей един для всей галактики, то он, наверное, понятен и животным?

«Нет, — неожиданно услышал Олег ответную мысль пришельца. — Я не могу разговаривать с животными. Их мозг недостаточно развит для этого. Хотя я могу приказать лошади остановиться или пойти вперед...»

Они вышли на лесную дорогу. Все молчали, чтобы случайно не привлечь внимания кренгов, которые были уже где-то неподалеку. Дорога была узкой, ветви больших деревьев смыкались над ней, и сквозь них просвечивали звезды.

«Странно, — подумал Сева, — сказали бы мне вчера, что ночь я проведу в лесу, в компании самого настоящего пришельца, к тому же буду спасать его от космических роботов... сам бы не поверил».

— Вот бы в классе рассказать, — тихо прошептал Олег.

— Ты что, тоже научился мысли читать? — удивился Сева.

В этот момент они услышали мысленный приказ пришельца:

— Тихо! Кренги близко.

Тамара послушно замерла.

И вдруг в ночной тишине они услышали поскрипывание колес телеги.

Впереди, метрах в ста, лесная дорога вливалась в другую, пошире. Телега ехала по ней, спускаясь к реке.

Низкий мужской голос напевал что-то, фыркнула лошадь, может, почуяла, что близко Тамара.

— Это кренги? — мысленно спросил Сева.

— Нет, это человек, — сказал пришелец. — Но там, куда он идет, его ждут кренги. Там мост.

— Я посмотрю, — сказал Олег, — я осторожно.

И, не дожидаясь разрешения, Олег пригнулся и побежал вперед.

Из-за облаков вышла луна и осветила пыльную серую дорогу, которая сбегала по пологому откосу к деревянному мосту. По

откосу не спеша ехала телега, запряженная понурой головастой лошадкой. В телеге сидел дед в шляпе, в брезентовом плаще, за его спиной высовывались крышки молочных бидонов.

К мосту телега разогналась, но тут впереди вспыхнул ослепительно яркий фонарь и ударил в глаза лошади, которая со страху осадила, присев на задние ноги.

— Эй! — крикнул старик. — Не пугай!

— Стой! — послышалось в ответ. — Кто такой?

Старик поправил кнутовищем шляпу и спокойно ответил:

— А ты кто такой, чтобы по ночам государственных людей пугать?

«Это они, — раздался голос пришельца в голове Олега. — Кренги».

«Но они говорят по-русски», — ответил мысленно Олег.

— У них переводческие устройства.

Фонарь опустил луч света к земле, и обозначились три человеческих силуэта. И Олег вдруг понял — это не кренги, это самые обыкновенные люди, в обыкновенных костюмах и сапогах.

«Вы уверены, что это кренги? Кренги совсем другие».

«Я же говорил: сила кренгов в том, что они могут принимать любой облик. Но это гипноз. Они захватили дежурный корабль у планеты-рудника, потому что приняли вид наших ученых», — сказал пришелец.

Между тем один из кренгов подошел к телеге, постучал пальцем по крышке бидона, потом посветил фонарем между бидонами, словно хотел выяснить, не прячется ли там кто-нибудь.

— Гражданин хороший! Ты чего шаришь? — спросил старик. — С молоком надо осторожнее быть. А то я на ферму масло привезу. Меня за это по голове не погладят.

— Не спорить, — сказал другой кренг. — Карантин. Мы проверяем. Так надо.

Лошадь старика испуганно захрапела.

— Что-то днем карантина не было, — сказал старик. — На бруцеллез, что ли, проверяете? У нас уже проверяли.

— Бруцеллез, — ответил кренг. — Там все в порядке?

— Вроде пусто, — отозвался второй кренг.

— Проезжай. Быстро. Совсем быстро, — приказал первый кренг.

— Странные дела, — сказал старик, не трогаясь с места. — Нашли место карантин устраивать. Да здесь за день, может, один я проезжаю. Странное дело.

Кренг ударил лошадь ладонью по шее, и та вдруг рванула вперед, словно испугалась. Копыта часто застучали по настилу.

Олег, пригибаясь, бросился обратно к друзьям.

«Что будем делать?» — спросил он мысленно. Он уже сносно научился разговаривать, не открывая рта. Хорошо бы освоить эту систему на уроках. Можно выбиться в отличники.

— Сколько их? — прошептала Марина.

— Здесь трое, — ответил Олег. — Может, Тамара быстро поскачет, а мы побежим рядом? Прорвемся — ружьем и гранатой?

— Не получится, — сказал пришелец. — Они умеют стрелять. Вы видели, как они умеют это делать.

— Тогда мне придется взять огонь на себя, — сказал Сева. — Я пойду отвлеку их, а Марина и Олег перевезут пришельца там, за излучиной. Там брод, Тамара умеет плавать?

— Все лошади умеют плавать, — ответила Марина.

— Это опасно, — сказал пришелец. Он замолчал, и пауза показалась ребятам очень длинной, однако никто не посмел перебить его. — Но другого выхода, очевидно, нет. Я слышу, как сзади по дороге идет вторая группа кренгов. Они будут здесь через несколько минут.

— Только не думай, Сева, — сказал Олег, — что ты пойдешь один. Ты физически хуже меня развит. К тому же у меня есть опыт — я их уже несколько раз видел, а для тебя что кренг, что медведь — все равно.

— Правильно, — вдруг поддержала Олега Марина. — А мы без вас даже тише переплывем...

— Ну, тогда мы пошли, — сказал Сева, поднимаясь.

— Только не рассчитывайте на мою помощь, — произнес пришелец. — Мне плохо, я могу потерять с вами контакт.

— Справимся, — заверил его Олег. — Дело пустяковое. Тысячу раз в кино видел... Наши партизаны всегда брали огонь на себя, пока основной отряд прорывался к Берлину.

— Пустяковое, — в сердцах прошептала Марина.

Или это была Тамара? Олегу вдруг показалось, что это была Тамара. Он с опаской взглянул на лошадь. Та улыбалась.

Ребята подождали, пока лошадь с двумя седоками скрылась в чаще, и, когда стихло похрустывание веток под копытами Тамары, они переглянулись, вышли на дорогу и сначала медленно, словно не очень слушались ноги, потом быстрее пошли под откос к мосту.

Дорога казалась совсем светлой, пыль серебрилась под лунным светом. Было тихо, и Сева понял, почему в голове исчез ровный тихий голос пришельца. Сейчас они пройдут еще несколько шагов, и возле моста возникнут высокие фигуры кренгов, ребята встретят настоящих... кого? Врагов? Роботов? Они встретят что-то настоящее, из другой жизни, где есть смерть, насилие, война, где фигурка в скафандре, бегущая к космическому

кораблю по лунной долине, превращается в пыль под голубым лучом. Очень трудно поверить, что это не сон, что нельзя проснуться и сказать: «Мам, я такой сон видел!»

— Может, они ушли? — прошептал Олег. Видно, ему очень хотелось, чтобы кренги ушли.

— Забудь об этом! — громко ответил Сева. Олег даже вздрогнул. — Мы же с тобой о футболе говорим. Помнишь, как ты мне пенальти забил? Если бы солнце в глаза не светило...

— Солнце ни при чем! — так же громко и даже с облегчением ответил Олег. — Ты опоздал с броском. Я размахнулся, будто ударю в левый угол...

— Стой! — раздался голос впереди. Он возник раньше, чем ребята смогли что-нибудь увидеть. И тут же в глаза ударил свет сильного фонаря.

Конечно, ребята знали, что кренги должны встретить их, ведь для этого и шли к мосту... и все-таки холодный голос, свет фонаря были слишком явными, слишком настоящими, как в кошмаре.

— Чего остановились? — Голос исходил из-за луча света, словно был бесплотным. — Подходите ближе, не торопиться... Почему вы есть в лесу в такое время?

— Ничего не видно, — сказал Сева, прикрывая глаза ладонью. — Выключите фонарь.

— Зачем видеть, надо отвечать...

Но луч фонаря ушел в сторону, хоть это помогло не сразу — в глазах остались радужные круги.

Сева зажмурился, чтобы круги исчезли. Он услышал голос Олега.

— Мы домой идем, к родителям. — Голос был хныкающий, жалкий. — Мы земляннику собирали, а земляники нет... Мы ничего плохого не делали, честное слово!

— Где ваш населенный пункт? — спросил кренг.

Сейчас Тамара должна уже быть у реки, подумал Сева. Только бы они тихо плыли. Надо что-то придумать, чтобы отвлечь... и, как назло, голова была легкой и пустой, ни одной мысли, как на экзамене, если вытащить неудачный билет... Но страшно не было. Просто некогда было испугаться.

— Мы из деревни, — повторял плачущим голосом Олег. — Пропустите нас, мы по лесу гуляли...

— Мы есть карантин, против болезни. Мы вас не обижаем.

Сева открыл глаза и очень близко, в двух шагах, увидел невысокого человека в пиджаке, брюках, заправленных в сапоги, и в кепке, надвинутой низко на глаза. Человек был худ, пиджак висел на нем как на вешалке.

— Вы, кажется, напуганы, — сказал кренг.

Подошел второй, повыше ростом, без кепки, лысый, и свет луны попал ему в глаза. И тогда Сева разглядел, что глаза кренга пустые, почти белые и зрачки в них кажутся точкой.

— Что вы видели в лесу? — спросил высокий кренг.

Сева посмотрел вперед. Мост был недалеко. Третий кренг стоял, опершись спиной о перила моста, смотрел прямо перед собой. И, как назло, в сторону излучины, где перебирались через Вяту Марина с пришельцем.

— Еще бы, — тем же жалким голосом сказал Олег. — Ночью через лес идти — любой испугается. А если волк встретится? Вы-то здоровые, вам не страшно.

— Вы видели в лесу других людей? — повторил высокий кренг.

— Да, — сказал быстро Сева. — Нас обогнал старик на телеге. Он молоко вез.

— И больше никого?

— Никого, — сказал Сева.

— Нет, видели, — добавил Олег, и Сева вдруг испугался, что Олег от страха скажет лишнее...

— Ты что! — крикнул он.

Он почувствовал, как насторожились кренги, как вонзились в него иголки черных зрачков.

— А ничего. Ты забыл, Сева, — сказал Олег. — Ты просто забыл. Ты в ту сторону не смотрел. Там какой-то мужик шел и ребенка на руках нес, а может, собаку, мохнатую...

— Где?

— Они нам навстречу шли по дороге, а как увидели нас — в кусты. Помнишь, я тебе еще говорю — кто там в кусты спрятался? А ты говоришь, не обращай внимания, мало ли кто по кустам прячется. У нас бабка Ефимовна в погребе спряталась, два дня найти не могли.

Сева понял, что надо подыгрывать Олегу, но все-таки зря он начал придумывать, зря, хотя понятно почему: хочет сбить кренгов со следа. Но ведь кренги не дураки, они могут заподозрить...

— А я и не догадался, что это мужчина, — сказал быстро Сева. — Ты мне сказал, что мужчина с ребенком, а я тебе сказал, что нечего делать мужчине с ребенком в кустах.

— Где это имело место? — спросил высокий кренг.

— Минут двадцать назад мы их встретили, — сказал Сева. — Они нам навстречу шли.

— Навстречу шли, — сказал Олег, — наверное, в лесничество.

— Ну, мы пошли? — спросил Сева.

— Идите. — Кренги расступились, открывая дорогу к мосту.

Несколько шагов до настила показались бесконечными. Третий кренг, что стоял на мосту, казалось, медленно плыл к ним. Вдруг он насторожился, обернулся к воде, в руке возник фонарь, и широкий луч света стеганул по клочьям тумана, плывшим по воде.

«Что спросить? Чем отвлечь?» — подумал Сева. Он обернулся. Высокий кренг шел сзади, в трех шагах.

— А от чего карантин? — спросил Сева громко.

— Пошел, мальчик, не задерживайся, — сказал кренг и тяжело хлопнул его по плечу рукой в перчатке. Плечо даже заныло.

— Осторожнее! — сказал Сева возмущенно. — Вы не имеете права!

Кренг на мосту выключил фонарь. Когда Олег проходил мимо, он подтолкнул его и сказал:

— Не задерживайся, домой пора.

— Спешим, спешим, — ответил Олег.

Кренги шли за ними до середины моста. Потом остановились. Слышно было, как доски настила ухают под тяжестью их шагов.

Потом шаги прервались. Сева обернулся.

Может, кренги увидели что-нибудь в реке?

Нет. Оба кренга стояли посреди моста, глядя вслед ребятам, и в их неподвижности было что-то неживое, словно их выключили.

Ребята старались сдерживать себя, чтобы не побежать. Ноги сами рвались вперед.

Метров через двести дорога свернула, и мост пропал из виду. Еще через несколько шагов Сева вдруг опустился на траву у обочины.

— Прости, — сказал он тихо Олегу, — я передохну.

Олег опустился рядом.

— Если бы ты не остановился, я бы через минуту вообще бы упал. Сначала ничего, а теперь ноги как ватные. Не держат, подлые.

— Вроде бы они не заметили...

— Все прошло отлично. Как я предсказывал. Операция проведена на «пять». Как я их с этим мужчиной одурачил? Гениальный ход?

— Вот это и была глупость, — сказал Сева.

— Это еще почему?

— Неубедительно ты говорил. Я бы на их месте тебе не поверил.

— Еще бы. Ты же знал, что я вру, а они видят — детишки идут...

— Они так на меня смотрели, когда ты эту чепуху нес...

— Не беспокойся! Они сейчас уже там, в глубине леса рыщут. Наверное, все свои группы мобилизовали. Откуда им знать нашу психологию? Ну что, пошли?

— Только на цыпочках. И чтобы полная тишина! Даже если головой о дерево треснешься, молчи.

— Спасибо, начальник. Я-то промолчу, а что, если оно застонет и рухнет?

После пережитой опасности Олег был возбужден и говорлив.

— Молчи! — зашипел Сева.

Они добежали дорогой до тропинки, отходившей в сторону пещер. Идти было недалеко, и эта часть пути прошла благополучно, если не считать, что раз пришлось замереть в кустах — оба они скорее почувствовали, чем увидели, как над ними скользнул черный разведкатер кренгов. И все-таки, как ни таись, всегда можно догадаться о том, что по ночному лесу идет человек — то хрустнет ветка, то зашуршит камешек...

— Ку-ку, — раздалось спереди. — Ку-ку.

— Кукушка... — прошептал Олег. — Я думал, они ночью спят.

— Это не кукушка, — ответил Сева. — Никакая это не кукушка. Думать надо.

— Конечно, — сразу согласился Олег. — Акцент человеческий. Маринка.

Сева приложил руки трубкой ко рту, прокуковал в ответ: раз, два, три...

Через минуту они услышали шорох. Кто-то подходил к ним.

— Вы где, ребята? — Это был голос Марины.

— Здесь. Все нормально. Веди нас скорее, — сказал Олег.

— А чего наш пришелец молчит? — спросил Сева. — Он живой? Я думал, он нам направление покажет.

— Он плохо себя чувствует. Но не это важно. Он боится, что они могут запеленговать его мысль. Он заснул. Только что.

— Ну, пошли тогда к нему.

— Нет.

— Это еще что?

— Ребята, вы никуда не пойдете. Ни шагу дальше.

— Да будь человеком, Маринка, — взмолился Олег. — Скажи, что случилось?

— Кренги дотрагивались до вас?

— И пальцем не коснулись. Не посмели, — сказал Олег. — Попробовали бы! Они бы от меня живыми не ушли...

— Так, чтобы специально трогать, — нет, — добавил Сева.

— А не специально?

— Один меня по плечу хлопнул, а тебя, Олежка, вроде бы подтолкнул, да!

— Слегка, почти по-дружески. Когда прощались на мосту.

— А в чем дело? — спросил Сева.

— Так вот, слушайте. Вернее всего, в вас внедрили микропередатчики. Дэ знает...

— Кто знает?

— Дэ. Нашего пришельца так зовут. Вообще-то его длинно зовут, не выговоришь, мы договорились по первой букве звать. Дэ говорит, что у них могут быть микропередатчики, как бы маяки. Если в вас есть, то они всегда могут проследить, где вы. Понятно?

— Маринка, кончай! — возмутился Олег. — Что мы, дети, что ли? Что я, не почувствую, когда в меня радиопередатчик врубят?

— У тебя нет опыта общения с инопланетными цивилизациями, — серьезно сказала Марина.

— Мы бы почувствовали... — сказал Сева неуверенно.

— И все-таки мы не можем рисковать, — ответила Марина так, словно сама только что прилетела из космоса. — Немедленно возвращайтесь домой. Я сама вас завтра найду.

— С чего это ты решаешь? — Олег начал раскаляться, и Сева понял, что его друг сейчас сморозит какую-нибудь глупость.

И поспешил прервать его.

— Мы не собой рискуем, — сказал он. — К тому же нам до дому еще часа два добираться. Не знаю, как твоя бабуся, но у меня уже точно решили, что я утонул. Гарантирую.

— Черт возьми, — сразу изменил тон Олег.

Он совсем забыл, что, кроме него и пришельца, существуют другие люди, город, бабушка, дом... Его родители уехали отдыхать и оставили его с бабушкой. Лучше бы они взяли с собой и бабушку.

— Но вообще-то как добрались? В порядке? — услышал Олег голос Севы. — А то мы волновались, кренги чуть было не почуяли.

— Все в порядке. Тамара вела себя молодцом.

Марина достала из кармана куртки блокнот и карандаш. Протянула Севе.

— Запиши ваши адреса. Жди меня после восьми утра. Не проспите.

Олег подумал, что обижаться не стоит.

— Тебе-то, — сказал он, — тоже, наверно, пора домой. А то твой дядя, наверное, по всему лесу носится.

— Мой дядя уважает во мне человеческую личность, — ответила Марина серьезно. — И он знает, что я с Тамарой. Так что в безопасности.

— Мне бы такого дядю, — вздохнул Олег. — Ну, мы пошли?

Сева записал адреса и протянул блокнот Марине.

Он сделал это так торжественно, что Олег не выдержал и пошутил:

— Как-то у нас несерьезно. Пароль нужен.

— Разумеется, — ответила Марина. — Пароль будет обязательно.

— Это еще зачем? — удивился Олег. — Я же пошутил. Разве ты меня не узнаешь завтра?

— А затем, — сказала Марина, — чтобы вы не пошли в ловушку за моей копией. Вы же убедились, что кренги могут превращаться в кого угодно? Значит, и в меня, и в тебя — зачем же рисковать?

— Но не до такой же степени! — засмеялся Олег. — А вообще-то здорово: приходят завтра две Марины...

Марина ничего не ответила, а написала на листке блокнота печатными буквами: «Пароль: «Мария Стюарт». Отзыв: «Граф Монте-Кристо».

— Мария Стюарт? — прочел Олег вслух. — И Монте-Кристо. Я вас поздравляю. Этого они еще не проходили. У роботов графов не бывает.

— Детский сад, — вздохнула Марина, разорвала листок и спрятала клочки в карман.

— Ты чего? — удивился Олег.

— Ничего. Пароль придется сменить. Кто-то здесь протрепался вслух. Хотя он, может быть, ходячий передатчик. Придется написать снова. И только Севе. Тебе, Олег, я, к сожалению, больше не доверяю. Тебе вообще лучше в этом больше не участвовать. Ты делаешь все, чтобы погубить не только живое существо...

— Но и целую планету, — закончил за Марину Сева.

«Эх, предатель, — с горечью подумал Олег. — Переметнулся к Маринке в такой тяжелый для меня момент».

— Ты тоже хочешь, чтобы я больше в этом не участвовал? — спросил Олег обиженно, повернувшись к Севе.

Марина молча передала Севе листок из блокнота, и тот сразу же сунул его в карман.

— Это только предупреждение. Но последнее, — сказал Сева. — Пора становиться взрослым. Постарайся обойтись без детских шуточек.

Олег отвернулся. Сквозь деревья серебрилась река, и лунная дорожка тянулась прямо к кустам. Потом дорожка исчезла. Олег поднял голову. Темной тенью, перекрывая звезды, пронесся черный шар разведкатера. В общем-то, Маринка была права. Но от этого Олегу было не легче. Он все понимал, но не мог объяснить Севе, что не он, Олег, превращает все в игру, а, наоборот, они с Мариной переигрывают. А это, наверно, тоже опасно.

Сева с Олегом долго брели к городу. Они спешили, но усталость так завладела ими, что даже говорить не хотелось. Пыль поднималась серебряными облачками из-под ног, уже запели птицы, хотя еще стояла ночь. На большом мосту, где в город Крутояр входила шоссейка, они увидели парочку. Парень держал в руке транзистор, а девушка млела, глядя на луну.

— Кренги, — шепнул Сева, — осторожнее.

Олегу было уже все равно, кренги, не кренги, хоть целый полк кренгов.

Кренг с транзистором увидал Олега и сказал ему:

— Привет, Олежка, что ты по ночам гуляешь? Бабка тебе уши оторвет. И за дело.

Девушка захихикала.

— Самому тебе врежет, — устало огрызнулся Олег.

Парень оказался соседом, из его дома.

Когда они расставались у сквера, Сева строгим Марининым голосом сказал:

— Чтобы дома не проболтаться.

— Ладно уж, — отмахнулся Олег. — Если я бабке начал бы рассказывать, она бы мне первым делом горчичники поставила. Это ее основное лекарство. А я горчичники не выношу.

Всю ночь Севе снились кренги. Они гнались за ним по лунным кратерам, и сине-белый луч настигал его, грозя испепелить. Их пустые белые глаза выглядывали из темных углов комнаты, и Сева несколько раз за ночь просыпался и никак не мог отделаться от ощущения, что эти глаза следят за ним из-за угла. Ныло плечо — Сева ощупал его в полусне, — вроде бы какое-то уплотнение, там, где кренг ударил. Но, может, кажется?

Проснулся он окончательно в семь.

Утреннее солнце било в тюлевые занавески. Дома все еще спали. Сева на цыпочках подошел к окну, отодвинул занавеску — теперь надо незаметно уйти из дома и поднять Олега, который, конечно, проспит. Рука непроизвольно коснулась плеча — не рассосалось ли уплотнение? Нет. Неужели в самом деле Сева сейчас испускает сигнал: «Я здесь... Я здесь»?

Улица была пуста. В небольшом скверике, за которым стоял дом Олега, рыжий щенок гонялся за бабочками. Интересно, подумал Сева, кренги могут превращаться в щенков? Щенок побежал к кустам. Сева проследил за ним взглядом и увидел, что на покосившейся скамейке, на которой еще года три назад по молодости они с Олегом вырезали свои инициалы, сидит человек в сером плаще и черной кепке. И читает газету.

Человек повернул голову, глядя на щенка. Потом отложил газету и взглянул на окно. Сева опустил занавеску, и она, покачи-

ваясь, распрямилась. Даже на таком расстоянии Сева ощутил холод взгляда и заглянул в пустоту светлых глаз со зрачками-иголками.

И стало страшно.

Сева оглянулся. Дверь в комнату, где спали мать с отцом, была приоткрыта, и была видна полная белая рука матери, свесившаяся с кровати. И вдруг захотелось разбудить мать и сказать... А что сказать матери? Сева непроизвольно прикрыл плечо ладонью, словно хотел приглушить передатчик, — он представил себе, что связан с чудовищем в скверике тонкой нитью. Нет, родителей впутывать в это нельзя. Они не поймут, не поверят и могут только пострадать.

Щенок зарычал, осел на задние лапы — что-то ему не понравилось в человеке.

«Правильно, молодец, — мысленно похвалил щенка Сева. — Мы с тобой их сразу отличим...»

Сева вздрогнул — сзади послышался голос матери:

— Ты чего вскочил ни свет ни заря? Опять куда-то навострился? Спать разучился.

— Я сегодня не поздно вернусь, — сказал Сева, и голос его был хриплым, словно чужим. — Скоро каникулы кончаются.

Еще хорошо, что у него нормальные отношения с родителями. Учится он хорошо, так что претензий нет. Может, рассказать все отцу? Нет, и отец не поймет. Он ни во что, кроме своих паровозов, не верит. Даже к палеонтологии относится скептически. Когда Сева рассказывал ему о том, что в меловом периоде здесь, в Крутояре, было море и в нем водились акулы, а по берегам бродили ящеры, отец с морем еще смирился, а про ящеров сказал, что климат для них неподходящий. А мать только сказала: «Какой ужас!» Если акулы, то купаться нельзя. Она обожает купаться.

Сева снова посмотрел на окно. Кренг сидел на лавочке, опустив голову, словно задремал. Вдруг он резко поднял голову, повернулся.

По улице не спеша шла Марина со спортивной сумкой в руке и глядела на номера домов.

Сева протянул было руку к форточке, чтобы открыть ее и предупредить Марину, но именно этого делать не следовало. Ведь Марина не видела кренгов близко и не отличит кренга от обыкновенного человека. Да, кричать нельзя. Закричать — все погубить. И так он под подозрением.

Сева, как был в одних трусах, выскочил босиком в коридор к лестнице. Дом был старый, бревенчатый, двухэтажный. Сева по

скрипу пола всегда узнавал, кто идет по коридору. Он скатился по лестнице к входной двери. Как раз вовремя — вошла Марина.

Сева сказал быстро, чтобы Марина не успела испугаться:

— Это я, Сева, молчи.

Марина спокойно затворила за собой дверь, прищурилась, вглядываясь в полумрак лестницы, и, увидев Севу, спросила:

— Ты чего не оделся?

— Тише. За нами следят. Он там сидит, в сквере.

— Я не знаю, с кем имею дело, — сказала Марина. — Прости.

— Это я, Сева.

— Пароль.

— Ах, черт, я бумажку в кармане рубашки оставил. Ну поверь мне в виде исключения. В последний раз. Понимаешь, в сквере кренг сидит!

— Исключений нет, — сказала Марина. — Может быть, меня тоже подделали, и я вовсе не Марина. Ты об этом подумал?

И тут от большого нервного напряжения Сева вспомнил пароль.

— Оливер Твист! — воскликнул он.

— Тише, — сказала Марина. — Отзыв — Чарльз Диккенс. Как ты догадался, что там кренг?

— Я их по глазам узнаю.

— Это хорошо. И наверняка узнаешь?

— Наверняка.

— Ты мне обязательно покажи.

— Не знаю, на этом расстоянии ты увидишь или нет — все дело в глазах... Ну ладно, покажу. Как наш Дэ?

— Я была у него. Напоила, перевязала. Только есть он не может. Мы с ним боимся пить молоко. Понимаешь, в нем много наших бактерий.

— Когда же ты все успела? Ты совсем не спала?

— Ах, пустяки, — сказала Марина голосом графини из кино.

Сева даже не улыбнулся. И в самом деле — спать не хочется. И есть не хочется.

— Кренги тебя не заметили? — спросил он тихо.

— С рассветом они сняли оцепление.

— Доверять им нельзя, — сказал Сева. — Наверно, они придумали что-то другое.

— Может быть. Мы не знаем. Нам надо отделаться от слежки, потом купить кое-что — и обратно.

— Правильно. А как мы отделаемся?

— У меня есть инструкции. Только, к сожалению, я не могу их тебе пока разглашать.

— Почему? Мы же вместе.

— А если ты попадешь к ним в лапы? Если ты проговоришься?

— Ладно. В другой раз я бы тебе ответил. Не сегодня... Чего тогда делать?

— Где Олег?

— Я за ним сбегаю. У него бабка скандальная.

Но бежать за Олегом не пришлось. Бабка начала скандал именно в этот момент.

— Подлец! — донеслось с улицы. Словно гроза обрушилась на тихое утро. — Кто будет пить молоко? Дома не ночует!.. От рук отбился!

— Это она, — сказал Сева, выглядывая из двери. — Теперь ты понимаешь, почему она страшнее стихийного бедствия?

Через сквер несся Олег с буханкой хлеба под мышкой, за ним шустро семенила совершенно кругленькая бабушка с поварешкой, которой она размахивала, как саблей.

Олег пронесся рядом с кренгом, который лишь бросил на него равнодушный взгляд, словно мальчишкам положено гоняться с бабушками наперегонки. Ага, подумал Сева, вот и второй: в дальнем конце сквера за спиной бабушки возникла высокая фигура в плаще и шляпе — второй кренг, который не спеша, словно прогуливался, шел вслед.

Вдруг Олег бросился в сторону и исчез из виду.

— Где он? — прошептала Марина. — Куда делся?

— Военная хитрость, — сказал Сева. — Чтобы бабушку на нас не навести. Он сейчас дворами прибежит.

Бабка немного покрутилась в сквере, выбежала на мостовую, в растерянности спросила что-то у кренга, который отрицательно покачал головой — видно, отказался помочь ей. Второй кренг между тем не спеша пересек улицу и тоже скрылся из глаз.

— Бабку-то он, может, и обманет, — сказала тихо Марина. — Но убежит ли от кренга?

— Без сомнения. Кренг не страшнее бабушки.

Бабка поплелась обратно через сквер, громко ворча. Поварешка тускло поблескивала под утренним солнцем. Кренг внимательно смотрел ей вслед.

Олег распахнул дверь, чуть не сшибив Севу с ног, ворвался на лестницу и тут же замер, почувствовал, что кто-то стоит рядом. Он метнулся назад, прижался спиной к закрывшейся двери.

— Не бойся, — сказал Сева. — Здесь свои, мы за тобой наблюдали.

— Ох ты, я уже подумал, что к кренгам попал.

— А ты не радуйся, — строго сказала Марина. — Где гарантия, что мы не кренги?

— Гарантии нет, — согласился Олег, — но все равно приятно.

— Ты пароль помнишь? — спросил Сева.

— Какой еще пароль! Вы мне пароля не доверили. Я хлеб для пришельца принес. Бабушку обездолил.

— Ладно, — сказала Марина. — Каждая секунда на счету. Где здесь светлое место, чтобы не в темноте операцию проводить?

— Что? — удивился Олег.

— Пошли на кухню, — предложил Сева. — Там расскажешь.

Сева стал полным союзником Марины, даже признал ее превосходство, но зато сам окончательно понял, насколько он взрослее Олега. Если можно так сказать, в их небольшой группе произошло разделение, как в Древней Греции: Марина стала Александром Македонским, Сева — рядовым патрицием, а роль плебея досталась Олегу. Правда, он об этом не догадывался.

На кухне Марина поставила на стул сумку, достала из нее металлическую блестящую коробку, в которой оказались скальпель, иглы и что-то еще, острое и потому страшное.

— Это еще зачем? — Олег отошел подальше от сумки — он с детства не выносил медицины, если она была нацелена на него.

— Ты хочешь быть ходячим передатчиком? — спросила Марина, зажигая газ. Она подержала скальпель и иглы над газом и потом решительным жестом указала Севе на табурет.

— Только осторожнее, — предупредил Сева. — Ты не думай, я не боюсь, только я тебе не очень доверяю. У тебя нет медицинского образования.

— У меня есть ветеринарный опыт, — возразила Марина. — Я третье лето ухаживаю за лосятами. И даже операции им делаю. Небольшие. Дядя Сережа мне полностью доверяет.

— Я не животное, — сказал Сева, но больше спорить не стал.

— Зажмурься, — велела Марина.

Сева послушно закрыл глаза, и Марина, нащупав на его плече маленький бугорок, полоснула по нему острым скальпелем. Сева только ахнул, а Олег, который наблюдал за операцией, отвернулся к окну — он увидел кровь. Марина поддела загнутой иглой бусинку размером меньше перечного зерна, подхватила ее пальцами и показала Олегу.

— Ты смотри, — сказала она, — скептик. Ты думаешь, что это все шутки?

— Я ничего не думаю, — сказал Олег. Шарик был черным и гладким. — Что, во мне тоже такая штука?

— Я не сомневаюсь, — сказала Марина. — За тобой от самого дома кренг шел. Хорошо еще, если ты его на нас не вывел.

Марина прижгла ранку йодом, потом заклеила пластырем. Затем приказала Олегу занять место Севы, которому вручила

йод и клочок ваты, и повторила операцию. На голубой пластик кухонного стола лег второй шарик.

— Давай, — сказал Олег, — я их подальше закину. Я хорошо кидать умею.

— Ты с ума сошел, — ответил Сева.

— Передатчики оставим здесь, — сказала Марина, складывая обратно инструменты.

— Зачем? — не понял Олег.

— Чтобы кренги думали, что вы остались дома. Неужели не понятно? Иначе зачем мы старались?

Она подошла к окну. Оба кренга сидели на скамеечке рядом, как мирные пенсионеры, — шахмат между ними не хватало. Они были так похожи друг на друга, что казалось — любой прохожий заподозрит неладное: два немолодых близнеца, одетые не по сезону, прямые, как палки... Но прохожих в этот ранний час было немного, они спешили по делам и не взглядывали на лавочку. Бабка исчезла, вернулась домой. Щенок куда-то убежал.

— Через дверь нам не выйти, — произнес Сева. Он прижимал пластырь к ранке на плече.

— Оставь пластырь, оденься, — приказала Марина. — Что ты делаешь?

— Окно из коридора выходит во двор, — сказал Сева. — Под ним навес над дверью в подвал. Прыгать — метра полтора. Сможешь?

— Сможет, — уверенно ответил Олег. — Мы так тысячу раз удирали.

— Тогда пошли, — сказала Марина. Она закатила черные шарики под плиту, чтобы никто их не заметил. Наверное, они до сих пор там лежат и посылают давно уже никому не нужный сигнал: «Я здесь... я здесь... я здесь...»

Дворами они минут за пять добежали до рынка. Площадь была полна народу — казалось, все, кому не спалось, сошлись на площади. Тамара, запряженная в телегу, была привязана к коновязи, в конце ряда, где прямо с телег продавали картошку. Она узнала ребят и даже кивнула им, словно знала, что именно так принято здороваться у людей.

Пока Марина делала покупки, ребятам пришлось посидеть под телегой. Занятие скучное и неудобное, потому что туда залетали слепни и оводы, суетились мухи, которые, видно, считали, что ребята заняли чужое место.

Из-под телеги видны были лишь ноги, и Сева подумал, как много они могут рассказать и жаль, что он раньше об этом не задумывался. Вот, например, идет бывший генерал. Ботинки у него вычищены, шаг широкий, уверенный, брюки выглажены так,

словно через час на парад ветеранов... Бывший генерал отошел подальше, и Сева узнал Ян Яныча, учителя рисования, настолько близорукого, что без очков не мог найти карандаш. Попробуем еще раз: чьи это женские ноги на высоких каблуках, идут они брезгливо, осторожно, берегут себя? Разумеется, дачница или туристка. Сева осторожно высунулся — дама на каблуках волокла охапку гладиолусов — привезла торговать. Нет, подумал Сева, Шерлок Холмс из него не вышел. Не стоит рассказывать Олегу о своих ошибках. Исследование ног и походок потребует еще длительного труда и обобщений.

Становилось все жарче. Воздух под телегой был неподвижен, мухи и слепни становились все наглее. Марины не было целую вечность, она вполне могла попасть в плен к кренгам.

Наконец тапочки и джинсы Марины возникли возле колеса, и Сева услышал ее голос:

— Перебирайтесь под брезент, на горизонте пока чисто.

— Кренгов не видала? — спросил Сева, разминаясь.

— Может быть, ими рынок кишит. Разве разберешь? Поехали.

— Погоди, — сказал Олег, внимательно глядя на Марину. — А кто уверен, что ты Марина?

Он воспользовался возможностью немного отомстить своим критикам.

— Еще чего не хватало! — возмутилась было Марина, но Сева рассмеялся, и тогда она тоже улыбнулась, поняла, что не права. И добавила: — Погляди на Тамару. Ее ведь не проведешь.

Тамара, естественно, молчала. Марина легко вскочила в телегу, подождала, пока ребята улягутся, подоткнула брезент сбоку и сказала:

— Пошла вперед, моя подруга.

Под брезентом ненамного лучше, чем под телегой. Телегу трясло, дно ее было жестким. Марина не хотела разговаривать, потому что опасалась кренгов, и вообще приключения с пришельцем становились все менее романтичными.

Марина привязала лошадь в кустах, они разобрали покупки и через несколько минут подошли к пещере.

«Добрый день, — услышал Сева мысленный голос пришельца и даже вздрогнул — словно отвык от него за ночь, словно он был принадлежностью ночи, а при солнце должен был исчезнуть. — Мне трудно следить за вами в городе — очень много людей, мыслей, чувств... и далеко... но кажется, что вы вели себя разумно...»

Марина уже была в пещере, ребята, нагнувшись, прошли за ней. В пещере было полутемно, и глаза не сразу привыкли к сумраку.

— Как самочувствие? — спросил Олег, присаживаясь на корточки рядом с одеялом, на котором полулежал, прислонившись спиной к стене, пришелец. — Идем на поправку?

«Я надеюсь», — сказал мысленно пришелец. Глаза у него казались громадными, совершенно круглыми, и изнутри они чуть светились.

— Мы привезли еще продуктов, — сказала Марина, открывая сумку. — И лекарства, которые вы просили, Дэ.

— Разве у вас такие же лекарства? — удивился Сева.

— Лекарства другие, — заметила Марина прежде, чем Дэ успел ответить. — Не будь наивным. Но вот таблица Менделеева та же самая.

— Вы и Менделеева знаете? — спросил Олег.

— Балбес, — вмешался в разговор Сева. — Элементы в галактике одни и те же. Понимаешь?

— Я пошутил, — сказал Олег. — Неужели не понятно?

— Что же будем делать дальше? — спросил Сева.

— Надо думать, — ответил Дэ. — Надо задавать вопросы и думать...

— Правильно, — сказал Сева, усаживаясь на пол и скрещивая ноги. — Три головы лучше, чем одна.

Марина налила в чашку воды и передала пришельцу.

— Спасибо, — произнес Дэ. — Боюсь, пока кренги не убедятся, что со мной покончено, они вас не оставят в покое. И это самая главная опасность... К сожалению, ваши возможности ограничены.

— Пока нам кое-что удалось сделать, — сказал Олег. — Уже второй день, а вы целый и почти невредимый.

— Не много нам удалось, — заметила Марина. — Сидим в норе, таимся.

— Скрываемся на собственной планете! — поддержал ее Сева. — Как будто не мы здесь хозяева.

— Я беспокоюсь за вашу безопасность, — сказал Дэ. — Они вас уже знают. И если догадаются, что вы избавились от передатчиков, то, разумеется, вы станете главными подозреваемыми. Они сделают все, чтобы заполучить вас в руки.

— Ну и пусть, — сказал Олег. — Они ничего от нас не добьются.

Пришелец вдруг обернулся к Олегу и так внимательно на него посмотрел, словно впервые увидел. Потом сказал странную фразу:

— Насколько различен у вас уже с детства эмоциональный уровень сознания.

Словно размышлял вслух.

Марина улыбнулась. Сева немного обиделся за друга, и Дэ сразу ощутил его обиду и добавил:

— Я не имел в виду умственные способности.

— Правильно, чего уж там, — сказал вдруг сам Олег. — Я разве не знаю, что легкомысленный? Лучше вас знаю. Это моя беда. Зато иногда я соображаю быстрее других. Например, у меня сейчас уже созрела идея — везем Дэ на Байконур, на космодром.

— Спасибо, — ответил Дэ. — Но, к сожалению, Земля еще не достигла эпохи звездных полетов. Ваши корабли для моей задачи бесполезны.

— А может, постараемся построить передатчик? — спросил Сева. — Мы по вашим чертежам могли бы покупать транзисторы или схемы...

— Вряд ли это поможет. К тому же я просто не знаю, как построить космический передатчик, — это достаточно сложное устройство.

— Значит, безнадежно? — спросил Сева. — Этого быть не может.

— Безнадежных ситуаций не бывает, — сказал Олег.

— Смотрите! — Марина вскочила и чуть не ударилась головой о потолок пещеры — она смотрела наружу: овальное пятно входа, только что голубое, потемнело, и по нему проносились оранжевые и черные полосы.

Небо над рекой почернело, солнце померкло. До пещеры доносился далекий, глухой, тягучий рев. Ребята столпились у выхода из пещеры.

Лес на том берегу пылал. Темные стены дыма поднимались справа и слева.

— Пожар! — Марина больно схватила Севу за руку. — Что же делать? Там лесничество!

— Лесничество в стороне, — успокоил Сева. — Не бойся.

— Надо эвакуировать пришельца, — сказал Олег.

— Именно этого они и ждут, — вдруг возразил Сева.

— Кто? — Олег не сразу понял.

— Ты думаешь, что это они подожгли? — спросила Марина.

«Это они, — раздался в головах ребят голос Дэ. — Я знаю, что это они».

— Я побежала за Тамарой. Она испугается, — проговорила Марина.

— Огонь сюда не дойдет, — сказал Сева. — Ему не перебраться через Вяту. И ветер не в нашу сторону.

— Ну, ветер может измениться, — сказал Олег.

— Изверги! — крикнула Марина. — Подлецы! Там же дере-

вья... и звери... Мой дядя растил этот лес всю жизнь! Я должна быть там!

— Ты права, — ответил пришелец. — Ты ощущаешь это как свой долг. Значит, ты должна там быть.

— Я тоже пошел, — решил Олег. — Чего в пещере отсиживаться, когда мы там нужнее!

— Нет, — сказала Марина. — Кто-то должен остаться здесь. Мало ли что может случиться?

— Кто же? — спросил Сева. И ясно было, что добровольно он здесь не останется.

Никто ему не ответил.

— Кинем жребий? — спросил Сева.

— Какой может быть жребий?! — обернулась к Севе Марина. — Ты хочешь, чтобы мы доверили Дэ Олегу? А если Олег через полчаса сбежит?

Олегу бы самое время возмутиться, но вместо этого он не без торжества сказал:

— А что? Могу и сбежать. Я за себя не ручаюсь.

Олег хитрил — и понятно почему: сидеть в пещере, когда бушует пожар, для Олега было почти немыслимо.

— Ты разумнее и надежней — разве не ясно? — спросила Марина, глядя на Севу. — Я бы осталась сама, но там мой дядя. Так что на тебя вся надежда.

Сева понял, что выхода нет. Или он признает себя настоящим мужчиной, или... Ему показалось, что в голове его послышался тихий смех — Дэ понимал все мысли друзей.

— Да, — вздохнул Сева. — Кто-то должен взять на себя ответственность...

«Помните, — сказал мысленно Дэ, — что они стерегут все выходы из леса».

Километра два они ехали от реки по дороге, которая вливалась в шоссе, потом добрались по шоссе почти до Крутояра и там переехали речку по мосту. Конечно, драгоценное время было потеряно, но зато Марина была уверена, что они не выдали тайну пещеры.

На шоссе, ведущем от Крутояра к лесничеству, было оживленно. Раза три их обгоняли грузовики, полные людей. Над головой пролетел вертолет. Потом проехал «газик», из которого, словно иглы ежа, торчали лопаты. Пожарная машина стояла у ручья перед лесом и набирала воду. Вскоре телега пересекла широкую просеку, на которой сотни людей рыли канаву. Здесь шум и треск пожара были громче и страшнее: внутри леса все время слышались удары и взрывы — это падали деревья.

У большой поляны, где помещалось лесничество — несколько небольших жилых домов и складов, контора, загон, гараж, — было пусто: народ в основном толпился метрах в ста, где окапывали канавой молодые посадки, чтобы огонь не перекинулся туда.

Марина первой соскочила с телеги и бросилась в большой бревенчатый дом конторы. Олег за ней. В доме никого не было — лишь горячий ветер, налетавший волнами от леса, носил по комнатам бумажки.

Дядю Марины они отыскали в загоне, где он командовал погрузкой в машину молодых лосят, которых здесь одомашнивали. Лосята были перепуганы, они оглядывались на черную стену дыма и вздрагивали всей шкурой.

— Маришка! — обрадовался дядя. — А я уж беспокоился.

— Не надо было беспокоиться, — серьезно ответила Марина.

Она побежала к лосенку, который упрямился, не хотел взбираться в кузов по наклонной доске, и что-то прошептала ему на ухо. Лосенок подчинился Марине и покорно пошел в грузовик.

— Ну, вот и все, — сказал лесничий молодому парню, который помогал ему. — Поезжайте. В колхозе предупреждены. Только не спешите, лосята и так напуганы.

Дядя Сергей оказался совсем еще нестарым, сухим, поджарым человеком. На его очень загорелом лице светились яркие синие глаза, а волосы были рыжеватыми, точно как у Марины. Олег подумал, что вообще-то лесничий, наверное, очень веселый человек. Хоть сейчас его глаза были злыми и очень усталыми.

— Разгильдяи, — сказал он сквозь зубы, глядя вслед грузовику с лосятами, который осторожно выезжал из загона. — Достаточно одного непогашенного костра, чтобы целый лес спалить... Эх, попался бы мне этот турист... или охотник! Хорошо еще, что вовремя спохватились, подняли весь народ...

— Он тебе не попадется, дядя Сережа, — сказала Марина.

— Ты что-нибудь знаешь?

Марина ответила не сразу. Они вышли из загона и остановились у края опушки. Видно было, как огонь мечется у канавы, языки пламени крутятся по земле, стараясь перепрыгнуть преграду, словно живые хищники... но не могут.

— Я пойду потружусь, — сказал Олег, которому надоело бездействие. Он показал туда, где ребята из его школы копали вторую, резервную канаву. — Там интереснее.

— Только в огонь не суйся, — произнесла Марина голосом старшей сестры или даже Александра Македонского.

Олег побежал к канаве.

— Ты что-то хотела сказать? — Дядя Сергей остановился, закурил.

— Я знаю, кто поджег лес.

— Тогда скажи.

— Я почти уверена в этом. Но в это трудно поверить.

— Я постараюсь.

— Это тайна. И ее не скажешь в двух словах, а то получится бессмыслица. Ты сможешь потерпеть и послушать?

Лесничий чуть улыбнулся.

— Много лишних слов, — сказал он. — Я к тебе всегда относился серьезно. Ты это знаешь. Я могу уделить тебе даже полчаса. К счастью, сейчас стало спокойней, опасности нет. Могло быть хуже.

— Они хотели сжечь лес, чтобы выкурить или погубить Дэ, — сказала Марина. — Они не знали, что весь город поспешит к вам на помощь. Теперь они, наверное, сильно удивились. И, может, даже растерялись. Они не знают, что делать дальше. Дай мне слово молчать, дядя Сережа.

— Маришка, — возразил лесничий, — я не могу дать тебе такого слова. Лес — не моя собственность. Он общий. Если кто-то поджег его, он преступник. И я не буду его покрывать, даже если это твой друг.

— И все-таки я надеюсь на твою рассудительность, — сказала Марина. — Давай зайдем в контору, чтобы нас не видели снаружи. Они могут следить за нами и заподозрят, что ты в курсе дела. А это очень для тебя опасно.

— Кто они? И в чем опасность?

— Я думаю, что они здесь. Сева умеет их отличать. Я не сталкивалась так близко, чтобы узнать с первого взгляда.

— Ладно, пойдем в дом, — сказал лесничий. — Надеюсь, что это не детский вздор!

— Дядя Сергей!

— Прости, но вступление звучит слишком загадочно.

Рассказ Марины занял минут пять, не больше. Дядя Сергей слушал его внимательно, не перебивая, потягивая короткую трубку. Раза два он поднимался, подходил к окну, выглядывал наружу, чтобы посмотреть, как там идут дела.

— Ясно, — проговорил он, когда Марина закончила рассказ. — Скажу тебе честно. Если бы я тебя не знал так хорошо, если бы мне все это рассказал кто-то другой, я бы решил, что он сошел с ума. Мне даже тебе трудно поверить. Но ты не обижайся.

— Я не обижаюсь. Но пойми, что мы обещали Дэ сохранить тайну. Ведь если все это правда и они идут на такие дела, только чтобы его найти, значит, они в самом деле очень его боятся. И мы должны ему помочь. Ты всегда был мне другом, дядя Сергей.

— Спасибо за доверие, — сказал лесничий. — Положение у

меня, конечно, сложное. Позвонить в милицию и сообщить им, что лес подожгли инопланетные разбойники, я не могу. Там, естественно, решат, что я свихнулся от волнений... — Лесничий улыбнулся и выбил трубку в пепельницу. — Я предпочитаю принять за рабочую гипотезу, что пришелец и в самом деле существует. И что ему надо помочь. Помочь так, чтобы не наломать дров и не сделать хуже всем. Как помочь, я пока не представляю... Ладно, сначала надо будет с ним встретиться. И убедиться в том, что...

— Что я не сошла с ума, — сказала Марина. — Спасибо.

— За что?

— Ну, за то, что ты не смеялся.

— Ничего смешного. Но учти, сделать я это смогу только позже. Когда с пожаром все будет кончено.

— Тогда мы с Олегом вернемся в пещеру. А то Сева там один.

— Ну что же, возвращайтесь.

Лесничий направился было к выходу, но Марина остановила его.

— Дядя Сережа, ты не обидишься, если я тебе напишу пароль?

— Зачем?

— Чтобы тебя не подменили.

— Боюсь, что это уже лишнее.

— Ты мне поверил в главном. Давай уж будем верить до конца. Логично?

— Логично.

Марина написала лесничему пароль и отзыв на листке из блокнота. Потом разорвала листок.

Они вышли из дома. Пожар затихал. Он как будто смирился с поражением, и когти пламени спрятались в черной сожженной траве.

— Где же Олег? — оглянулась Марина. — Наверное, увлекся героическими подвигами и забыл обо всем остальном.

И тут же она увидела Олега. Тот стоял, устало опершись о лопату, страшно довольный собой... Марина подняла руку, хотела окликнуть его, но не успела. Послышался громкий пронзительный крик:

— Вот я где тебя нашла! Вот ты где скрываешься, негодник!

Люди оборачивались, в удивлении глядя на маленькую крепкую кругленькую старушку, которая бежала к лесу от дороги, размахивая поварешкой, словно саблей.

Старушка неслась к Олегу, и тот при виде ее стал отступать к канаве, рискуя туда свалиться.

— Это еще что за явление? — удивился лесничий.

— Это его бабушка, — улыбнулась Марина. — Я ее уже сегодня утром видела. Как она его здесь отыскала — ума не приложу!

Бабушка тем временем настигла внука, схватила его за руку и рванула к себе.

— Если ты сгоришь, — спросила она пронзительно, — что я скажу отцу и матери? Чем я им отвечу за доверие?

Она тянула Олега за руку.

Олег покорился, шел за ней, только повторял:

— Ну, бабушка, ну зачем так... я сам пойду...

Что-то Марину смущало в бабушке. Но что? И тут она сообразила: поварешка. Зачем бабушке весь день бегать с поварешкой в руке? Неужели не нашлось случая положить ее на место?.. Зато кренги, может быть, думают, что бабушкам положено всегда бегать с поварешкой...

И, еще не будучи уверенной в этом, но чувствуя опасность, Марина закричала:

— Олег! Остановись! Погоди!

Олег обернулся, замер на мгновение, но бабушка так сильно дернула его за руку, что он потерял равновесие и, чуть не упав, побежал за старушкой, которая, набирая скорость, волокла его к молодому сосняку.

— Дядя Сережа! — закричала Марина, которая уже не сомневалась, что бабушка — кренг. — Скорей! Помоги! Это же не бабушка! Неужели ты не видишь, что это не бабушка?

И она бросилась вслед за Олегом.

Через секунду, не поняв еще, в чем дело, но ощутив в голосе Марины тревогу, лесничий побежал за своей племянницей.

Наверно, именно тогда и до Олега дошло, что с бабушкой что-то неладно. Он начал отчаянно, но молча вырываться, и его борьба с кругленькой старушкой, которая была ниже его на голову, со стороны, наверно, казалась очень комичной — усталые люди, стоявшие у кромки леса, принялись смеяться, кое-кто подбадривал бабушку, кто-то сочувствовал Олегу, и мало кто обратил внимание на Марину и лесничего, которые бежали вслед за этой странной парой.

Марина уже настигла их, когда бабушка обернулась. И тут впервые Марина увидела настоящие глаза кренга — пустые, безжалостные и холодные. Как же так... крутились в ее голове мысли... как же Олег не сообразил.... ну ничего, еще не поздно, мы успеем...

Лесничий обогнал Марину и уже протянул руку, чтобы задержать Олега, как бабушка, сообразив, что сейчас ее настигнут, словно включила другую скорость и рванулась вперед так быстро, что ноги Олега оторвались от земли, и он полетел вслед за

старушкой. Еще несколько секунд, и они скрылись в молодых посадках, которые с таким трудом удалось отстоять от огня.

Дальше ощущения Марины почему-то разбились на отдельные картинки, на мелкие осколки реальности. Сосновые ветки больно хлестали ее по лицу, тонкие колючие стволы вставали на пути, кто-то тяжело дышал рядом... Видно, кто-то из зрителей тоже почувствовал неладное и бросился вдогонку... Она бежала и ничего не видела впереди, казалось, что бежит она целую вечность... Потом была полянка, пустая и тихая. Только звенело в ушах. И Марина вдруг опустилась на траву, словно не держали больше ноги. И поняла, что Олега она не найдет. И никогда больше не увидит. И виновата во всем только она одна. Олег ведь до самого конца не верил в то, что опасность, нависшая над ними, так реальна и страшна.

Неподалеку звучали голоса:

— Ты видел?

— Я не видел, но Кондратьев точно видел...

— Это была летающая тарелочка, да?

— Летающих тарелочек не бывает.

— Как не бывает, если я о них читал в журнале.

— Не в этом дело, мы же ее видели...

— Не тарелочка это, а дым, клуб дыма. Так бывает на пожаре...

— Вы не видели здесь девочку?

Это был голос дяди Сергея.

— Я здесь, — откликнулась Марина.

Дядя Сергей подошел, положил ей руку на плечо.

— Мы найдем его, — сказал он тихо.

— Теперь ты веришь? Веришь?..

— Не плачь. Я с самого начала поверил. И я видел их черный шар... Это был не клуб дыма. Я даже испугался, что ты тоже попала к ним в лапы.

— Его увезли? Его увезли с собой?

— Не знаю. Надо срочно поговорить с твоим знакомым, с пришельцем... Ты можешь подождать несколько минут в доме, не выходить, пока я не отдам распоряжения? Мы поедем с тобой на мотоцикле.

Сергей, крепко держа Марину за руку, будто боялся, что кренги могут перехватить ее, повел племянницу в дом. Они миновали группу старшеклассников, и до Марины донеслись обрывки их разговора:

— Кого ищут?

— Говорят, парень пропал.

— Из нашей школы?

— Нет, не пропал, его бабка домой увела. Малыш еще, из шестого класса.

Марина осталась одна в конторе. Дядя Сергей обещал вернуться минут через десять. Марина осторожно подошла к окну, выходившему в сторону реки. Она остановилась за рамой, чтобы ее не видно было снаружи. Интересно, уловил ли Дэ их мысли на таком расстоянии? Сможет ли он помочь? А как поможешь, если Олег в самом деле уже не на Земле? Его не достанешь даже со спутника.

И вдруг она увидела, как над лесом за Вятой, там, где были пещеры, медленно скользит над самыми вершинами деревьев черный шар разведкатера кренгов, словно высматривает что-то. Полет его был неверен, передвигался шар словно рывками, на мгновение зависая, потом делая резкий скачок вперед.

— Неужели они нашли пещеры? Там же Сева!

Марина забыла об осторожности и метнулась на крыльцо.

Лесничего нигде не было видно.

Марина выхватила из кармана блокнот, написала на вырванном листке: «Я в пещерах. Жду», вернулась в дом, положила листок под книгу на столе так, чтобы был виден текст, и побежала туда, где была привязана Тамара. Еще минута ушла на то, чтобы выпрячь Тамару из телеги... и вот снова знакомая дорога, стук копыт и горячий, пропахший гарью ветер в лицо...

Марина была права, когда опасалась, что Олега нет в лесу и вообще нет на Земле.

Олег был в черном шаре кренгов.

Он проклинал себя за то, что так послушно, как теленок, пошел за псевдобабушкой. Как он мог, увидев ее, тем более с поварешкой, в десяти километрах от дома, забыть о способностях роботов? Конечно, ему стало стыдно, что бабушка поднимет скандал и над ним будут смеяться — никому не хочется казаться малышом. Сколько бед происходит от того, что люди боятся показаться смешными. Нет, только последний дурак мог ни о чем не догадаться, увидев в горящем лесу бабушку с поварешкой.

Когда бабушка рванула его вперед, спасаясь от преследователей, у Олега даже помутилось в голове. Ему почудилось, что он проваливается в черную пропасть. И казалось, что прошло одно мгновение — и вот они уже перед черным шаром кренгов, спрятанным среди молодых сосенок.

Перед открытым люком прямо, как палка, стоял кренг в темном комбинезоне. Он сделал шаг вперед и подхватил Олега. Олег смог обернуться — бабушки уже не было. На поляне, за его спиной, распрямлялся второй кренг, в комбинезоне, но в бабушкином платочке и с поварешкой в руке. И на глазах, за секунду, поварешка и платочек растворились, словно были плодом воображения Олега.

— Иди, — сказал кренг — бывшая бабушка. — Иди, мой мальчик. Нельзя не слушаться старших.

И голос его был издевающимся, тонким, он передразнивал бабушку.

Кренг протянул вперед очень длинную сильную руку и легонько толкнул Олега в спину, так что тот отлетел к люку, где его подхватил первый кренг и бросил внутрь разведкатера.

Внутри катера кренгов было пусто. Даже странно. Разумеется, Олег привык воспринимать космические корабли по картинкам и фильмам земными, обыкновенными. Конечно, никто из тех, кто делал эти фильмы, с кораблями кренгов знаком не был... и все равно ощущение было странным, словно попал он на корабль, сделанный не по правилам.

Ни стульев, ни кресел, ни иллюминаторов, ни приборных панелей. И главное, ни звука. На космическом корабле должны быть звуки. Может быть, роботам не нужно сидеть, а все приборы у них находятся внутри? Олег взглянул на ближнего к нему кренга и встретился с пустым холодным взглядом светлых глаз. Вдруг лицо кренга исказилось улыбкой, которая растянула до ушей тонкие губы, но глаза остались холодными и равнодушными, иголочки черных зрачков буравили Олега.

— Внучек, куда ты бежишь от меня? — сказал кренг. Видно, ему понравилось, как смешно все получилось, и он обернулся ко второму кренгу и быстро засвистел, защелкал языком...

А Олег понял, что по правилам он должен сейчас смертельно испугаться, задрожать, но громадным усилием воли держать себя в руках. А страха не было. Было любопытно и было обидно, как все получилось. В общем, совсем не так плохо, что удалось побывать на корабле кренгов — никто из его знакомых здесь не бывал, — но лучше не попадаться на удочку. Теперь кренги потеряют к нему уважение.

Первый кренг, все еще продолжая улыбаться, подошел к гладкой, круглящейся кверху серой стене и провел вдоль нее рукой, отчего на стене образовался круглый экран без рамки. Как будто работавший за спинами проектор начал показывать кино. По экрану побежали зеленые и белые знаки и геометрические фигуры, и оттуда доносилось тонкое верещание. «Наверно, вышел на связь с большим кораблем, — подумал Олег. — Сообщают, что меня задержали. Спрашивают, что со мной делать. Кстати, а что они собираются со мной делать? Ведь они не на экскурсию меня привели».

И вот тут стало страшно.

Не для туристской прогулки они превращались в бабушку и тащили его из леса, не ради игрушек поджигали лес. Им нужен Дэ. И они как-то догадались, что Олег с Дэ связан.

Второй кренг наклонился над Олегом, протянул руку и рванул за воротник рубашки, больно, резко, сразу распорол ее вдоль рукава. Дотронулся пальцем до плеча.

— Вы чего? — спросил Олег. — Больно же.

Кренг не ответил. Он провел пальцем по пластырю, наклеенному Мариной, сорвал его. Больно нажал на то место, где был еще утром передатчик.

— Где? — спросил он.

— Что? — удивился Олег.

— Знаешь, — сказал кренг и как-то лениво, спокойно, без всякой злости ударил Олега по щеке, а когда Олег инстинктивно — он был драчуном и никогда не спускал никому обид — замахнулся в ответ, кренг схватил железными тисками своих кистей руки Олега и толкнул его назад. Олег думал, что упадет, но в этот момент навстречу ему из пола выдвинулось кресло, похожее на зубоврачебное. В него Олег и упал.

И тут же из кресла, из его подлокотников, из спинки, словно живые существа, выскочили провода и ремни, щупальцами захватили пленника, притянули руки к подлокотникам, туго оттянули назад голову. Это было не так больно, как стыдно — даже с зубоврачебного кресла человек может при большом желании соскочить и убежать, а тут не убежишь, в таком положении нельзя бороться, нельзя сопротивляться — и если кто-то захочет дернуть тебя за нос, можно как угодно кричать и дергаться, но нос не спрячешь...

Олег тут же подумал, что мысль о носе не очень умна и совершенно не ко времени, никто шутить не собирается.

— Прошу, — сказал первый кренг, зайдя сбоку, так что Олегу были видны только его плечо и рука, — сообщить нам местонахождение вашего друга.

Второго кренга не было видно — наверно, зашел сзади, и это было неприятно: когда ты бессилен и беспомощен, противно думать, что за твоей спиной стоит невидимый враг.

— Какого друга? — Удивление Олега было искренним. И понятно: он никогда не называл пришельца другом. Друзья — это те, с кем ты живешь рядом.

— Друга, прилетевшего с другой планеты, — раздался голос сзади, и Олег инстинктивно постарался обернуться, но щупальца упруго держали его голову.

— Преступника, которого вы скрываете, — сказал сбоку второй кренг.

— Вы сами откуда-то прилетели, наверное, с другой планеты, — сказал Олег. — Вы и ищите своих друзей. А мне домой пора. Волноваться будут. Бабушка...

Лицо кренга приблизилось к Олегу, рот улыбается, и на мгновение оно превратилось в лицо бабушки, потом изменилось, стало знакомым, но Олег никак не мог понять — чьим же. И вдруг сообразил: это же лицо Севы, только увеличенное.

— Никто не будет беспокоиться, — сказало лицо Севы знакомым мальчишеским голосом. — Ты сидишь сейчас дома. Пьешь чай. Никто не ищет. Не беспокойся, не спеши, дружок.

Лицо вновь изменилось, и Олег понял, чьим голосом заговорил кренг, — его голосом, Олега. И на Олега смотрит холодными пустыми глазами его собственное лицо.

— Я ничего не знаю! — испугался Олег и попытался изобразить возмущение. — Это ошибка... — Голос его сорвался.

Лицо Олега исчезло, снова появилось гладкое, словно маска, лицо кренга, тот протянул руку к спинке кресла, и щупальца крепче сдавили голову.

— Бессмысленно тратить время на пустяки, — размеренно произнес кренг. — Сиди спокойно, отвечай на вопросы, будет хорошо. Зачем всегда держать у тебя дома одного из нас? Ты скорей идешь домой, мы скорей летим домой, хорошо?

— Я с вами не буду разговаривать, — ответил Олег.

Он лихорадочно старался вспомнить, что в таких случаях положено говорить героям-разведчикам, которые попадали в плен к эсэсовцам.

— Можете меня пытать! — воскликнул он. — Ничего не узнаете!

— Очень глупые слова, — сказал кренг и, словно зная, чем легче всего доказать Олегу его беззащитность, захватил нос его между сухими длинными пальцами и, сжав, повернул так, что из глаз буквально брызнули слезы.

Второй кренг прощелкал что-то коротко, и в ответ раздалось громкое щелканье с круглого экрана. Кренг отпустил нос Олега и спросил, не улыбаясь:

— Смешно?

Олег не ответил. Вытереть бы слезы. Ведь если кто увидит, решит, что Олег ревел. Но кто теперь его увидит? И увидит ли когда-нибудь?

Второй кренг включил на стене еще один экран, такой же круглый, тоже без рамки. Ничего на нем не было, только поблескивал зелеными летящими искорками фон.

— Ты видел преступника Дэ? — спросил кренг, отступая в сторону. — Какой он? Как ты его впервые увидел?

— Я ничего не видел, ничего и никого!

И в то же мгновение перед глазами Олега на пустом экране возникла поляна в вечереющем лесу, разбитый корабль пришельца, а рядом стояли он сам и Марина с Севой.

— Все правильно, — сказал кренг. — Так мы и предположили. Вы случайно нашли его катер, и он заставил вас поверить, что ему надо помочь.

— Я ничего не видел, — сказал Олег, и это было даже смешно, потому что никуда не скроешься от собственных мыслей, и если их можно улавливать, то твоя песенка спета, отважный разведчик.

Щебетал, вспыхивал треугольниками и кружками первый экран, — видно, на корабле кренгов радовались, как удачно все получилось.

Нет, подумал Олег, еще не все погибло. Надо думать о чем-то другом, и тогда в голове не будет нужных кренгам мыслей. Надо думать о чем-то другом, и в этом единственное спасение. Но о чем? Ведь сейчас они будут спрашивать дальше. Им же хочется узнать... Нет, не надо думать о том, что они хотят узнать, надо думать... о мотоциклах. Ну, как он учился ездить в прошлом году на мотоцикле. Главное было удержать вначале равновесие — в первые секунды, пока мотоцикл не набрал скорость...

И, к великой радости Олега, на экране возник мотоцикл, который зашатался и медленно упал набок.

— Спасибо, — раздался голос кренга, — это очень интересно.

— Ты стараешься отвести свои мысли от главного, и это очень похвально. Значит, ты такой же преступник, как и твои друзья. И очень хитрый преступник.

— Но потом я научился ездить на мотоцикле, — сказал тихо Олег, — и мы поехали с горы...

Гора не успела толком появиться на экране, как Олега оглушил сильный удар по лицу.

— Главное — вытерпеть, — бормотал Олег, — главное — не слезать с мотоцикла.

В руке кренга появился прозрачный, наполненный жидкостью шарик. Это еще что? Шарик приблизился к руке Олега, притянутой к подлокотнику, и из него выскочила тонкая игла. И вонзилась в руку.

— Не надо! — закричал Олег. — Я все равно ничего не знаю... — И тут ему стало совсем скучно, и волна вялости, сонливости, но не настоящей сонливости, а отнимающей желание сопротивляться, действовать, спорить, навалилась на него, и все вокруг стало раскачиваться, и он никак уже не мог вспомнить, как же называется эта штука на двух колесах, о которой надо было думать, а добрый голос у самого уха настойчиво и тихо говорил:

— Я подскажу тебе, о чем думать. Ты должен вспомнить, где пришелец и где твой друг, потому что им грозит опасность и ты должен им помочь. Подумай, где они, и мы им поможем...

— Нет! — Олегу казалось, что он кричит так, что дрожат стены разведкатера, но в самом деле его губы лишь беззвучно шевелились, а на экране сквозь туман и волны последних остатков Олегова упрямства начал проявляться берег Вяты и пещеры на этом берегу... — Не-ет...

И в этот момент Олегу показалось, что через воздух, раздирая расстояние, откуда-то издалека пробивается голос Дэ:

— Остановитесь... прекратите...

Но, может быть, ему это казалось.

Марина торопила лошадь, уговаривала ее, зная, что та все понимает:

— Тамарочка, милая, нам же надо раньше их туда успеть!

Она скакала к пещере коротким путем, к мосту, через который вчера переходили мальчишки, — сейчас не было времени скакать вокруг всего леса. И Марина физически ощущала, как из космоса, из черной глубины его, чуткие приборы смотрят на нее, на маленькую точку, ползущую по дороге, и кренги, пощелкивая, рассуждают у экранов, задерживать ее или дать возможность вывести их к жертве.

Доски моста отскрипели, отстучали под копытами Тамары, вот и подъем, тропинка к пещерам... Марина завела Тамару в кусты, а сама, пригибаясь, надеясь, что ее нельзя увидеть сверху, побежала к обрыву над рекой.

К самому входу в пещеру она подползла, потому что кусты там были низкими. Только тогда она вспомнила, что с Дэ можно говорить на расстоянии.

«Это я, не волнуйтесь», — сказала она мысленно.

Никто ей не ответил.

«Нет, — подумала Марина — они просто спят, они не услышали меня. Здесь толстый слой камня, мысли не проникают...» И, думая так, она не верила сама себе настолько, что поднялась во весь рост, не обращая внимания на то, заметят ее сверху или нет. Потому что она уже знала, что пещера пуста.

Марина нагнулась, входя в пещеру.

Выпрямилась. Внутри никого не было.

В углу валялся старый плащ лесничего и подушка, которые она еще ночью принесла из дома, кружка лежала на боку, и вода

еще не успела впитаться в песок. Потом она увидела тапочки Севы. И разбросанные по полу лекарства.

Вот и все.

Ни записки, ни следа, ничего...

И вот тогда Марина забыла об осторожности, обо всем.

Она выбежала на обрыв и закричала:

— Сева, Дэ! Где вы? Откликнитесь!

Лес на том берегу был тих и мрачен, из-за него выползала громадная сизая туча, словно нужен был сильный дождь, чтобы смыть запах пожара.

Марина сбежала вниз, к реке. Там закричала снова. И снова никто не отозвался. Она прошла вдоль воды, почему-то надеясь, что сейчас увидит следы. Но и следов на берегу не оказалось.

Марина медленно взобралась на откос, выше пещеры, вышла на плоскую вершину обрыва, поросшую березами и молодыми елями. Ветерок шевелил листвой, и оттого казалось, что кто-то шепотом все время зовет ее. Но она понимала, что это не так.

Где же дядя Сергей? Марина остановилась, прислушиваясь, — если бы он был близко, она наверняка услышала бы треск мотоцикла. Что делать? Ждать его или скакать обратно в лесничество, поднимать людей, звонить в Москву?

Размышляя так, Марина спустилась к тропинке, бежавшей вдоль берега, и пошла к дороге, где оставила Тамару.

Но Тамары тоже не было. Наверное, она плохо привязала лошадь, и та ушла.

И тут на Марину навалилась смертельная усталость. Она медленно опустилась на траву и тихо заплакала. Надо было подняться, дойти до дороги, встретить дядю... А Марина сидела, словно во сне...

Вдруг кто-то дотронулся до ее плеча.

— Дядя Сережа, — сказала Марина, не поднимая головы, — они все исчезли. Наверное, их всех захватили кренги. И я не знаю, что теперь делать.

Дядя Сережа не ответил. Только фыркнул.

Марина оглянулась. Над ней стояла Тамара, наклонив большую умную голову, и ее карие глаза были совсем близко, так что можно было разглядеть жилки в белках.

— Ты где была? — спросила Марина укоризненно. — Если бы ты не ушла, мы бы уже были в лесничестве. Разве ты не понимаешь, как плохо?

Тамара еще ближе склонила голову, схватила мягкими губами ковбойку на плече девочки и мягко потянула вверх. Потом отошла на шаг и обернулась, как собака, которая зовет хозяина за собой.

Марина поднялась на ноги.

Тамара только этого и ждала. И сразу пошла в чащу.

Лошадь точно что-то знала, или ей казалось, что она знает.

Идти пришлось недалеко. Шагов через сто, в орешнике, Тамара остановилась, поджидая девочку.

Она стояла возле полузасыпанной землянки.

Землянка осталась со времен войны, когда здесь в лесах были партизаны, а потом проходила линия фронта.

Марина присела на корточки и заглянула туда.

В землянке был Сева. Он лежал у самого входа, локоть под голову, будто решил сладко выспаться в прохладе.

— Сева! — окликнула его Марина.

Тот не пошевельнулся, только пробормотал что-то во сне.

Марина нагнулась, чтобы получше ухватиться и вытащить Севу наружу, и тут заметила: в глубине землянки лежит кто-то еще. Она присмотрелась. Нет, это не Дэ. Там, прислонившись головой к влажной стенке, спал Олег.

— Олег?

Олег, не открывая глаз, быстро заговорил:

— Я ничего не скажу. Я ничего не знаю, я ничего не видел... Только не бейте!

И в этот момент со стороны дороги послышался треск мотоцикла.

Марина замерла. Треск мотора оборвался внизу.

Почему-то крикнув Тамаре: «Оставайся здесь!» — Марина кинулась к дороге.

— Дядя Сергей! — крикнула она, перепрыгивая через поваленные стволы. — Мы здесь! Скорее!

Еще через минуту она уже прижалась носом к его пропотевшему, пропахшему дымом кителю.

— Не беспокойся, ребенок, — сказал лесничий, осмотрев ребят. — Они спят, как сурки. Нормально спят. Только глубоко.

— Но их надо срочно разбудить! Может, это летаргический сон!

— Разбудим, что за спешка.

— Но ведь Дэ нет! Его нет нигде! А почему Олег здесь? Он же попался кренгам...

Дядя Сергей огляделся. Поляна у землянки гудела шмелями, пчелами, прыгали кузнечики, на них пикировали птицы, и над поляной стоял добрый медовый запах.

— Ты уверена? — спросил наконец лесничий. — Может, тебе что-нибудь показалось?

— Но ты же сам видел космический корабль! Ты видел кренга!

— Кренга?

— Ну, под видом бабушки.

— Да, конечно, под видом бабушки. — И сомнение в голосе лесничего все крепло. — Хотя, конечно...

— Ну, что? Ты мне уже не веришь?

— Я не о том. Я думаю. Ведь Олег мог вырваться от бабушки и прибежать сюда...

— Так разбуди его, спроси!

Лесник выпрямился. Из-за реки ветер принес запах гари.

— Трудно поверить...

И в Марине вновь поднялась волна отчаяния. Если Дэ попал к кренгам, если они улетели — кто, когда, как поверит ребятам? Ведь единственные люди во всей вселенной, кто знает о трагедии планеты-рудника, — это они.

— Как доказать?.. — произнесла тихо Марина. — Ну, как доказать?

И в этот момент, словно подслушав отчаянные мысли Марины, над самыми головами, вынырнув из-за вершин берез, низко, беззвучно проплыл над ними черный шар кренгов, и до сознания Марины донесся тихий, прерывающийся голос Дэ:

— Прощайте, друзья. Простите меня... Прощайте.

Лесничий вскинул голову, глядя вслед шару.

— Ты слышал? — спросила Марина.

— Я слышал.

— Ты веришь мне?

— Верю.

Лесничий подхватил Севу под мышки и ловко, одним движением вытянул его из землянки и положил на траву. Сева спал как ни в чем не бывало, лишь прикрывал ладонью глаза от света, чтобы ему не мешало солнце.

Затем лесничий залез в землянку и выволок оттуда Олега.

— Принеси воды, — сказал дядя Сергей Марине. — Странный сон. Такой глубокий.

Лишь минут через пятнадцать им удалось привести Олега в себя. Он не сразу узнал Марину и дядю Сергея, а потом, узнав, долго не мог сообразить, почему лежит на траве в лесу.

— Ну, вспомни! — настаивала Марина. — Ты должен вспомнить. Твоя бабушка волокла тебя в лес. Это была не бабушка, а кренг, помнишь?

— Кренг... Но ведь я им ничего не хотел говорить... Я был на катере, и они меня засунули в кресло, а потом на экране мотоцикл, а я ничего... — Олег путался в словах, запинался.

Дядя Сергей сел рядом с ним на траву, обнял за плечи, чтобы успокоить, и постепенно им удалось узнать, что Олег помнит все до того момента, как попал в черный шар. Затем его воспомина-

ния становятся путаными и отрывочными, а чем кончилось его пребывание в плену, он не представляет. Но чем больше он вспоминал деталей своего плена на катере кренгов, тем более его охватывало раскаяние и боль оттого, что он выдал кренгам убежище Дэ.

— Ну, поймите же, — повторял он, — они ко мне в мысли залезли, как руками, и все передавали на экран. Если бы просто били, никогда бы я не сдался, хоть руку отрежь, а они на экран все мысли, я стараюсь о мотоцикле думать, а они все равно видят... Я виноват, да?

— Не расстраивайся, — сказал дядя Сергей. — Ты вел себя молодцом. Ты сделал все, что мог. Может быть, Сева нам расскажет больше.

А Севу разбудили с трудом, он долго хлопал глазами, не в силах сообразить, почему он здесь и почему рядом Марина с Олегом и дядей Сергеем.

— Вы же поехали пожар тушить... А это кто?

— Не бойся, это не кренг. Это мой дядя Сергей, лесничий.

— Никому не верю, — мрачно сказал Сева. — Воды нету?

Он напился, с трудом поднялся с травы, огляделся и потер лоб.

— А где Дэ? — спросил он.

— Ты не знаешь? Мы у тебя хотели спросить.

— У меня?

Сева сделал несколько шагов по поляне, остановился.

— Нет, — сказал он, — ничего не помню... Ты уехала, мы остались с Дэ. Лес горел. Мы с Дэ обо всем говорили, что делать дальше, и даже пришли к решению... к решению... какому решению? И что дальше было... хоть убейте... Может, вы подскажете? У меня как будто все вертится в голове, близко, а не могу ухватить.

— Олег был в плену у кренгов, — сказала Марина. — Они его заманили.

— И убежал? Молодец.

— Нет, я не убежал, но они почему-то меня отпустили.

— У меня есть предложение, — сказала Марина. — Попробуем вернуться в пещеру. Как в «Лунном камне».

— Где?

— Это роман такой был, Уилки Коллинза, там один человек алмаз украл, и они его заставили вернуться и все воссоздать. И оказалось, что он украл, чтобы не красть, понятно?

— Ничего не понятно, — сказал Олег мрачно. — Мне вообще ничего не понятно. И при чем здесь алмазы, тем более непонятно.

Олег с трудом поднялся, опираясь на руку лесничего. Марина только тут заметила на щеке у него большой кровоподтек.

— Пустяки, — сказал Олег, — это мне один из них врезал. Для порядка. Они все делают для порядка. Организованные твари.

Сева долго стоял у входа в пещеру, морщил лоб, стараясь вспомнить. В пещере было сумрачно и слишком тихо.

— Вот здесь, — наконец сказал Сева, — лежал Дэ. Я стоял у входа, смотрел на горящий лес. Мы как раз придумали, как выйти на связь с Галактическим центром, а потом...

Сева молчал, и пауза стала невыносимой.

— Да говори же! — почти закричал Олег. — Может, мы еще сможем ему помочь!

— Сейчас... Дэ сказал, что ощущает тревогу, что-то случилось. Что-то случилось с Олегом. И еще через некоторое время он сказал, что Олег попал в плен к кренгам. И потом он сказал, что Олег обязательно расскажет, где мы скрываемся. Ну, я ему, разумеется, не поверил. Я сказал, что знаю Олега с первого класса, и он всегда был хорошим товарищем, и его можно пытать абсолютно любыми пытками, и он никогда ни слова не скажет...

— Я сказал... — перебил его Олег. — Я не хотел, но так получилось.

— Знаю, — ответил Сева. — Я вспомнил. Дэ сказал, что от Олега это не зависит. Кренги имеют аппаратуру, которая снимает биотоки мозга. Они не будут ждать его ответов, они их прочтут... И тогда я поверил Дэ и понял, что мы должны спрятаться с ним в другом месте. Я вытащил его наверх и думал, где спрятаться, а потом вспомнил, что видел вчера там, в чаще, землянку, которая осталась со времен войны. И как раз думал обследовать, но не получилось. Вот мы туда и перебрались...

— А потом? — спросила Марина.

— Потом над нами пролетел разведкатер кренгов, высоко, словно высматривал. Он спустился к пещерам, поднялся вновь... Дэ сказал: «Все, больше нельзя молчать». Я спросил, что случилось. И Дэ сказал, что они замучают Олега, они его могут убить.

«Но ведь они нас не нашли», — сказал я. «Вот именно поэтому, — сказал Дэ. — Они знают, что я слежу за тем, что происходит... Олег сейчас потерял сознание от боли...» А в это время черный шар висел буквально над нами...

— Я его видела, — сказала Марина. — Я поэтому сюда и поскакала, что его увидела.

— Он кружился над землянкой, совсем низко, и, оказывается, Дэ все время знал, что там происходит с Олегом.

— Нет, ничего страшного, — сказал Олег. — Терпеть можно было...

Теперь, когда все осталось позади, он уже расхрабрился.

Сева продолжал:

— «Нет, — повторил еще раз Дэ. — Они сейчас мысленно передали мне ультиматум. Или я сдаюсь им, или они убьют Олега». Я сказал пришельцу, что это чепуха и нельзя убивать школьников просто так, за здорово живешь, я говорил и понимал уже, что говорю чепуху — не все ли им равно, школьник или пенсионер. Им что ребенок...

— Я не ребенок, — сказал Олег.

— Неважно. Все равно Олег вел себя как ребенок и попался на такую дешевую удочку, как бабушка, — вмешалась Марина.

— Ты тоже сначала попалась.

— Я тебя пыталась спасти.

Олег насупился и замолчал.

— Дэ сказал мне, — продолжал Сева, — что он вынужден признать поражение, и он им скажет сейчас, чтобы они отпустили Олега и взяли его. Конечно, я не соглашался, но ведь я за Олега тоже беспокоился, понимаете, как тут станешь вмешиваться...

— Лучше бы меня убили, — сказал Олег. — Зато бы целую планету спасли. Разве я не понимаю?

— Теперь тебе легко, — безжалостно произнесла Марина. — За твою свободу заплатил Дэ.

— Мне не было легко.

— Ну ладно, чего уж, — сказал Сева. — Дэ рассуждал иначе. И, с его точки зрения, он рассуждал правильно...

Сева замолчал.

— И все? — спросил лесничий, раскуривая трубку.

— Почти все. Потом черный шар опустился рядом с землянкой, оттуда вышел Олег, он был как будто невменяемый, оттолкнул меня и спрятался в землянку, а я смотрел на него, и вдруг все стало мутиться, и я даже не видел, как исчез Дэ и как поднялся черный шар... потом я проснулся, а вы здесь...

— Грустная история, — нарушил молчание лесничий. — Наверное, лучше было бы с самого начала обратиться ко мне. И лес был бы цел, и пришелец...

— Не знаю, — сказала Марина. — Тебе легко рассуждать. А мы спешили его укрыть от кренгов.

Они спустились к дороге. Олег сел в коляску мотоцикла, а Сева — за спиной лесничего. Марина держала Тамару за повод.

Вдруг дядя Сергей спросил:

— А ты говорил, что вы придумали, как связаться с Галактическим центром?

— Точно помню, что мы говорили... это у меня в голове... а

потом кренги были уже близко, и он сказал мне... Я, наверное, вспомню. Ведь я же вспомнил, как его увезли...

Когда вечером ребята сидели в доме лесничего, поджидая дядю Сергея, ушедшего с лесниками и пожарными в лес проверять, не осталось ли очагов пожара, и выяснить, какой ущерб причинили поджигатели, Сева был молчалив и задумчив. Закусив губу, он бродил по комнате, подходил к окну, смотрел на закат, он старался вспомнить, что же за важное поручение оставил Дэ, и никак не мог вспомнить.

Марина и Олег к нему не приставали. Они разговаривали о школе, о лошадях, о космических путешествиях — но ни словом не упоминали о Дэ и о неудавшейся попытке спасти его. Но хоть и говорили они о другом, перед их глазами все равно стояла порабощенная планета, и они видели, как далеко среди звезд несется космический корабль кренгов, увозящий Дэ, который так и не смог помочь своим друзьям. А они, Марина и Олег, не смогли помочь пришельцу. Они ведь старались как лучше, но оказалось, что их ошибки могут стать причиной гибели мирных существ. Пускай очень далеких, пускай они их никогда не видели и не увидят... все равно у тебя болит сердце.

Уже почти стемнело, когда вернулся испачканный сажей, измученный дядя Сергей. Он долго мылся, потом молча пил крепкий чай — лес был его детищем, и ему было жалко каждое погибшее дерево.

Наконец дядя Сергей отодвинул чашку.

— Сейчас заведу мотоцикл, отвезу ребят в город. Пора.

— Да, бабушка ждет, — сказал Олег и осекся.

— Ничего, — как бы очнулся от грустных мыслей Сева. — По крайней мере, теперь ты знаешь, что бабушка настоящая. Мои тоже, наверное, волнуются. Они ведь знают, что в лесу был пожар.

— Только бы его не встретить, — сказал Олег. — Я же его убить могу.

— Кого? — удивилась Марина.

— Они мне там, в шаре, сказали, что вместо меня домой кренга отправили. Он меня изображает.

— И твой обед съел и ужин. Ты этого боишься? — улыбнулся Сева.

— Не бойся, — сказала Марина. — Они его наверняка захватили. Не забыли.

— А вдруг забыли?

— Тогда скажешь в школе, что у тебя близнец родился. А раньше жил в Тмутаракани, — сказал Сева. — Я подтвержу.

Но никто не засмеялся.

Марина вышла проводить ребят. Дядя Сергей залил в мотоцикл бензин из канистры.

— Я разговаривал с вертолетчиками, — сказал он. — Один из них видел черный шар, но решил, что это — клуб дыма. А радары на аэродроме их не засекли.

— Интересно, а заметил ли кто-нибудь их большой корабль? — спросил Олег.

— Он оставался на орбите, — сказала Марина. — Его могли заметить только астрономы.

— На той неделе буду в Луговой, — произнес дядя Сергей, относя канистру к сараю, — обязательно зайду в обсерваторию. Там у меня старый приятель... на радиотелескопе работает. Помнишь, Маришка, мы в прошлом году туда ездили? Его Суреном зовут.

— Никогда бы не подумала, что это радиотелескоп, — сказала Марина, — стоят металлические конструкции. Я раньше думала, что телескоп — это как большая подзорная труба.

— Радиотелескоп, — задумчиво произнес Сева, разминая в руках лист подорожника. — Правильно.

— Что правильно? — спросил Олег.

— Мы так и решили, — сказал Сева, как во сне. — Мы так и договорились... Стойте! Вспомнил!

Вдруг Сева бросился обратно в дом. Остальные за ним.

Сева стоял у письменного стола, вглядываясь, ища что-то.

— Тебе чего надо? — спросила Марина.

— Лист бумаги! Скорей же, и карандаш!

Пока дядя Сергей доставал бумагу и ручку, Сева продолжал, не останавливаясь, говорить:

— Кренги были уже близко, он знал уже, что Олег там... мы знали, что нас сможет спасти только радиотелескоп, мощный радиотелескоп. Он может послать сигнал космическому патрулю. В нашем секторе дежурит патрульный корабль. Как и в любом секторе... По космическим масштабам...

— Вот карандаш, — сказал лесничий.

— Да, — согласился Сева. — Правильно... — Он сел за стол, пододвинул к себе лист бумаги, и карандаш повис в воздухе над белым полем.

Остальные стояли за спиной Севы, глядя на его руку, словно он мог выстрелить из карандаша или, как фокусник, выпустить из него стаю голубей.

Рука Севы опустилась, и он начал быстро писать на листе единицы и нули. Он исписал несколько строк совершенно бессмысленными, с точки зрения Олега, цифрами, потом устало от-

кинулся, выронил карандаш и сказал, сам с удивлением глядя на написанное:

— Все. Здесь позывные и послание.

— Кто это поймет? — удивился Олег. — Это на каком языке?

— Он спросил меня, какой код используется в наших компьютерах, а я ответил — двоичный. Он сказал, что тогда сможет закодировать послание.

— Да, Сева прав, — подтвердил лесничий. — Это двоичный код. И придумать его Сева не мог.

— Я и не придумывал! — возмутился Сева. — Я ничего не знал. Это у меня в голове застряло, а когда вы сказали о радиотелескопе, то вылезло.

— Надо скорей туда! — сказала Марина.

— На мотоцикл — и помчались, — поддержал ее Олег.

Но дядя Сергей не согласился.

— Мы это сделаем с утра. Сурена Геворкяна может там и не быть. Он живет не в обсерватории. Потом, как сами понимаете, он не сможет ничего сделать втайне. У него есть начальники. Нет, придется потерпеть до утра. Тем более вас очень ждут дома...

На следующий день утром они сидели в маленькой, заваленной книгами и таблицами комнате Сурена Геворкяна, радиоастронома, старого приятеля лесничего. Сурен выслушал всю историю, длинную, потому что рассказывали все трое, а иногда кое-что разъяснял или уточнял дядя Сергей, неправдоподобную и даже невероятную. Но слушал Сурен очень внимательно, кое-что даже записывал и ничем не показал, что ставит под сомнение слова гостей.

Когда рассказ кончился, Сурен покачал черной курчавой головой и сказал:

— Совершенно точно знаю, как это называется. Это называется сумасшедший дом. И в это нельзя поверить, правда?

— Но это же было! — воскликнул Сева.

— Правильно. Это меня и тревожит. Совершенно одинаковое заболевание у четверых на первый взгляд таких разных и совершенно здоровых людей. И все-таки я бы вам не поверил...

— Тогда планета Дэ наверняка погибла, — сказала Марина. — Вы понимаете, что целая планета погибнет только из-за того, что мы вам кажемся сумасшедшими.

Дядя Сергей ничего не сказал. Он раскурил трубку, поглядел в окно, словно все это его не касалось.

— А у меня, поглядите, — сказал Олег, — эта рана на щеке — вы что думаете, не болит? Мне на улице стыдно показываться, все думают, что снова подрался.

— Да, — согласился Сурен, — следовало бы сходить к врачу.

— При чем тут врач, когда меня допрашивали кренги!

Только дядя Сергей молчал. Он не спеша раскурил трубку, глядя в окно, за которым поднимались ажурные конструкции радиотелескопа.

— А теперь, — сказал Сурен, вдруг широко улыбнувшись, — вам придется подождать меня ровно три минуты. Потом продолжим разговор.

Он быстро вышел из комнаты.

Марина сказала:

— Он пошел за санитарами.

— Может быть, — согласился Сева. — Хотя это неумно.

— Нет, — сказал лесничий. — У него что-то другое на уме. Кроме того, он нам поверил.

— Вот уж непохоже, — буркнул Олег. — Он над моей раной смеялся.

— Над синяком, — уточнила Марина.

Открылась дверь. Сурен пропустил в комнату маленькую тонкую женщину в очень больших очках, которые чудом держались на остреньком носике. Женщина положила на стол пачку фотографий. На всех было звездное небо. Фотографии рассыпались по гладкому столу.

— Вот, — сказал Сурен, — познакомьтесь, Лена.

— Очень приятно, — сказала женщина. — Сурен сказал, что вы нам можете помочь.

— Как? — удивился Сева.

— Объясняю! — Голос Сурена звучал торжественно. — Из-за этих снимков мы не спим вторые сутки. Глядите внимательно.

Но даже если глядеть внимательно, ничего сразу не разглядишь. Дядя Сергей первым увидел на одном из снимков небольшое округлое черное пятно, которое можно было угадать только потому, что оно закрывало часть звезд. Он показал на пятно трубкой, и Марина тут же нашла такое же на другой фотографии.

— Что это такое? — строго спросил Сурен.

И Марина так же спокойно ответила:

— Это корабль кренгов.

— Корабль кренгов! — закричал Олег, вскакивая на ноги. — Конечно. Вы его должны были увидеть! Он на орбите.

— А где он сейчас? — спросил дядя Сергей.

— Этой ночью он исчез.

— Вы уверены? — спросил Сева. — Вы понимаете, как нам важно это знать?

— Тело находилось на постоянной орбите, на высоте шесть тысяч километров.

— Они улетели на планету-рудник, — сказала Марина.

— И Дэ с ними, — добавил Олег.

— Если его уже не убили, — сказал Сева.

Лена смотрела на них широко открытыми глазами.

— Не волнуйтесь, Леночка, — успокоил Сурен, — мои друзья сошли с ума на почве космических пришельцев. В остальном они вполне нормальные люди. — Но глаза его смеялись.

Он подобрал со стола листок с цифрами, оставленный Севой, и показал Лене.

— Вот это нам надо будет передать.

— Куда? Как?

— Первая строчка — волна и координаты. Остальные — закодированное послание галактическому патрулю. Очень важно.

— Ну ладно, кончайте шутить, — сказала Лена. — Что все это значит?

— Сергей, — сказал Сурен, — ты сможешь рассказать Лене все вкратце?

— Постараюсь.

И он рассказал Лене о прилете Дэ и кренгов, причем звучало это так трезво и буднично, будто космические корабли прилетают в Крутояр каждый день.

Потом Лена сказала:

— Надо сообщить в Москву.

— Зачем? Некогда сообщать, — возразил Сева. — Мы уже день потеряли.

— Обсудим, — сказала Лена строго, она была такой маленькой и молоденькой, что ей ничего не оставалось, как разговаривать со всеми серьезным учительским голосом. — Приедут специалисты.

— И сколько же это займет времени? — спросил дядя Сергей.

— Несколько дней.

— Не возмущайся, Сергей, — сказал Сурен, — пойми Лену правильно. У нас утвержденная программа исследований, у нас свои планы. Как я объясню директору обсерватории, всем остальным, что мы прерываем все работы для того, чтобы направить в космос сигнал на волне, которую мы раньше не использовали, содержание которого нам непонятно?..

— Кто нам позволит? — спросила Лена.

— Но ведь у вас есть фотографии, — сказала Марина.

— Только вы считаете, что это корабль... этих... кренгов. Для другого наблюдателя это может быть что угодно.

— Что же вам угодно? — спросил ехидно Сева. — Что же это

такое, что висит два дня на высоте шесть тысяч километров, а потом исчезает?

— Ну, хоть какое-нибудь доказательство! — просто взмолился Сурен.

— Наше слово, — сказала Марина. — И то, что от этого сигнала зависит жизнь многих существ и даже целой планеты.

— И еще, — улыбнулся вдруг дядя Сергей. — Вы с Леной можете потерять реальный шанс стать первыми на Земле астрономами, которые вышли на связь с галактическим патрулем.

— Нет, все это чепуха, — сказал Сурен. — Абсолютная чепуха!

— Погоди, надо подумать, — перебила его Лена.

— Да что думать! — вспылил вдруг Сурен. — Каждая минута на счету, а ты предлагаешь мне думать!

Он взял телефонную трубку и, набрав номер, сказал:

— Профессор Семенов у себя?

Когда ему что-то ответили, Сурен быстро и деловито произнес:

— Иван Сергеевич, мне нужно с вами срочно переговорить. По очень важному делу.

В тот же день, к вечеру, сигнал, оставленный пришельцем, был послан радиоастрономами из Луговой и умчался в глубины космоса.

В тот же день, на два часа позже — мы уж не знаем, как Сурену удалось убедить профессора Семенова, а профессору Семенову президента Академии наук, — этот сигнал повторили все самые мощные радиотелескопы нашей страны.

И не получили никакого ответа.

Никакого подтверждения.

С тех пор прошло два месяца.

Или чуть больше.

Марина уехала в Москву. Сева с Олегом ходят в школу.

Олег, несмотря на договоренность молчать, конечно, пытался рассказать ребятам в классе, что встречался с настоящими пришельцами и даже был в плену на корабле роботов, но, разумеется, никто ему не поверил. А умный Сева, заранее зная, что рассчитывать не на что, не стал никому рассказывать, Олега не поддерживал, а продолжал собирать палеонтологическую коллекцию и нашел немало интересного, включая два белемнита и осколок от каменного топора.

И жизнь продолжается. Как раньше.

Сегодня с утра математика, сдвоенный урок, Олег и Сева сидят на третьей парте в правом ряду и пишут контрольную. Они не подозревают, что именно в эту минуту лесничему дозвонился

его старый приятель Сурен Геворкян и буквально закричал в трубку:

— Слушай, старик, ты мне не поверишь!

— Теперь я готов во все поверить, — ответил дядя Сергей. — Даже в космических пришельцев.

— Да ты не перебивай меня! Сегодня в семь двадцать нами получен сигнал из космоса. Мы его уже расшифровали. Текст русский. Прочесть?

— Не может быть!

— Ну, то-то, а то ты не веришь. Прочесть?

— Не томи.

— Слушай: «Спасибо за помощь. Планета-рудник спасена. Надеюсь на встречу. Привет всем, особенно Тамаре. Дэ». Ты все понял? — спросил Сурен.

— Все.

— Тогда скажи, кто такая Тамара. Почему она в тот раз не приезжала?

— Она была занята, — сказал лесничий. — Но я обязательно передам ей привет. Обещаю.

И засмеялся.

— Может, это ошибка? — спросил Сурен.

— Нет, не ошибка.

Потом лесничий вышел из дома, заглянул на конюшню, дал сразу три куска сахара стоявшей там гнедой кобыле, сел на мотоцикл и поехал в город Крутояр, к двум своим знакомым школьникам, вместе с которыми он напишет письмо одной молодой особе в Москву.

ЧЕРНЫЙ САКВОЯЖ

1

Я сначала увидел саквояж, а потом человека. Саквояж — это древний гибрид сумки, чемодана и портфеля, такие носят доктора в исторических фильмах. Теперь их, по-моему, не делают.

Вроде бы саквояж должен быть добрым, толстым и надежным.

Приходил чеховский доктор, велел открыть рот, давал капли или микстуру — тогда даже еще уколов не умели делать.

А этот саквояж мне не понравился.

Саквояж спускался в подземный переход. Его нес небольшой человек, совершенно непохожий на доктора. Ни на кого не похожий человек, потому что он был похож на всех сразу.

А сзади, шагах в двух, брел плотный сутулый мужчина в маленьких толстых очках.

Я смотрел на саквояж и почти догнал их.

Спина сутулого мужчины дергалась передо мной, потому что он все время сбивался на бег, а потом тормозил, стараясь забежать вперед владельца саквояжа.

Неожиданно тот, кто нес саквояж, прибавил шагу, его преследователь тоже прибавил шагу, а я не стал спешить. Мало ли какие бывают у людей проблемы.

Но получилось так, что из подземного перехода мы не вышли.

Погода была ветреная, солнечная, но ненадежная. Фиолетовые тучи выскакивали, как из засады, и плевались короткими ливнями. Очередная туча таилась за крышей высокого дома и выскочила, как раз когда я выглянул из перехода. С неба упала стена ливня.

Я отступил на несколько шагов в глубь перехода и услышал злой громкий шепот:

— Верните немедленно.

Я оглянулся. Те же двое. Мужчина в маленьких очках теснил того, что с саквояжем, к стене. Незаметный человек елозил спиной по тусклому кафелю стены и повторял со злостью:

— У вас нет доказательств. Вы никогда не докажете...

— Отдайте саквояж. Я все понял.

Этот странный разговор тянулся, как затертая пластинка, ко-

торая застряла на одной фразе: «Степь да степь кругом... степь да степь кругом...»

Вдруг они прервали разговор и как по команде посмотрели на меня.

Я увидел очень холодные, светлые глаза незаметного человека и растерянные добрые, окруженные оправой очков глаза плотного. Я невольно отвел взгляд. Получилось, что я подслушиваю.

И тут же ливень оборвался, так же незаметно, как начался. Толпа бросилась наверх, разъединила меня со спорщиками, и я потерял тех людей из виду.

Я не думал, что когда-нибудь их еще увижу. Но увидел.

Сначала я увидел незаметного человека с черным саквояжем.

Примерно через полтора часа.

Я заскочил домой, пообедал, потом побежал в кружок.

Надо сказать, что я всегда бегаю. Во-первых, это очень помогает поддерживать тонус — ведь проводим в классе полдня в сидячем положении. А потом собираемся еще всю жизнь сидеть — в институте, на работе, на пенсии... Так что единственное спасение от ранней старости, от ожирения и лени — это бег. Я не признаю бег трусцой по утрам. Лишняя потеря времени. Да и неудобно как-то в трусах носиться по улицам. Из автобусов на тебя смотрят как на сумасшедшего. Бежать надо по делу. В булочную послали — беги, в школу — беги, из школы — беги. Экономия на времени, на транспорте и бодрость духа.

Я примчался в Дом пионеров в половине четвертого. У меня было полтора часа времени до встречи с Сорокалетом. Сорокалет, если вы случайно не слышали, великий изобретатель. У самого сорок авторских свидетельств, а у его учеников — более трехсот. Я считаю, что это очень достойная пропорция. Встречу с ним мне устроил наш руководитель, Стасик. Он сам занимается у Сорокалета на семинаре изобретателей и считает его гением. А я единственный из наших кружковцев, насчет которого он попросил Сорокалета, чтобы он со мной поговорил.

Я не хочу хвастаться, это не в моих принципах, но я согласен со Стасиком. Наверное, это вызвано тем, что мои работы отличаются от работ других ребят. Я всегда иду от того, что нужно человечеству. Вы можете возразить: разве не нужна человечеству машина времени или вечный двигатель? Но разумный человек ответит: подобные забавы антинаучны и, хоть даже у нас в кружке есть братья Симоны, которые строят уже восьмую модель вечного двигателя, это означает лишь, что они хотят выделиться и плохо знают теорию. Есть другая категория юных изобретателей — те, кто изобретает всем известное, потому что это легче

сделать. Например, три года у нас делали робота. Робот ходит, мигает лампочками, двигает руками, но все равно это игрушка, хоть его всегда показывают на вечерах и все хлопают в ладоши и кричат: ах, какие умные подростки!

Я уже сейчас занимаюсь проблемами окружающей среды. Я придумал проект судна, которое может очистить от нефти и других отходов большую акваторию, и действует это судно по принципу промокашки. Или, может, тех машин, которые подметают улицы. Представляете круглую щетку, которая вертится, собирая грязь с мостовой и загоняя ее внутрь кузова? Такого рода пластиковым пористым валом я снабжаю мои суда. Грязь с поверхности воды впитывается в вал и подается в цистерну. Над цистерной вал прижимается, отдает содержимое и вновь готов к употреблению.

В тот день я должен был встретиться с самим Сорокалетом и потому, сами понимаете, волновался больше, чем перед экзаменом. У меня была робкая надежда, что Сорокалет согласится взять меня в свой семинар. Правда, там занимаются как минимум студенты и семиклассников он, конечно, не брал. Но я хотел доказать Сорокалету, что возраст таланту не помеха. Известно, что Моцарт уже в три года играл на скрипке.

Поэтому неудивительно, что весь день у меня пошел наперекосяк. Я умудрился получить двойку по истории, чего со мной не случалось уже полгода, хотя я историю не люблю и считаю ее пустой наукой — часы, которые мы тратим на нее, можно было употребить с пользой — учить побольше математики.

Дома я тоже вел себя не лучшим образом. Во-первых, забыл заплатить за квартиру, потом сжег яичницу, наконец, когда позвонил Артем, я забыл передать ему, что Настасья будет ждать его у кино в половине седьмого. Правда, этот мой грех был самым незначительным, так как они все равно друг друга отыщут, даже если во всем городе перегорит свет или сломаются все троллейбусы. У этих влюбленных какое-то шестое чувство. Мне иногда просто смешно на них смотреть. Настасья совершенно забросила учебу в техникуме. Артем бросил заниматься боксом, потому что у них не хватает времени на свидания. Я считаю, что любовь такая же вредная штука, как история. Она отвлекает от производительного труда и увеличивает энтропию. Я уверен, что оптимальное состояние моей сестрицы и Артема — оцепенение. Они бы рады просиживать друг перед дружкой целыми сутками, пожирая партнера пламенными взорами. Но повторяю: это мое личное мнение, и я его никому не навязываю. Но я убежден, что Руслан разделяет эту точку зрения.

В общем, весь день я находился под ощущением великого пе-

релома в моей жизни и не обращал внимания на обыденные мелочи. Даже удивительно, что я заметил ту парочку — плотного мужчину в очках и незаметного человека с черным саквояжем.

В кружке я провел около часа. Все равно надо было убить время. Я пообщался с братьями Симонами, которые как раз разбирали очередную модель вечного двигателя, убедившись в его нецелесообразности, и собирались использовать некоторые его части для новой, такой же бессмысленной модели. Я знал, что ничего им не докажу, и поэтому не доказывал. Все это время думал. Ведь мне нужно было доказать Сорокалету, что я как изобретатель чего-то стою. Я мысленно повторял обоснования некоторых моих работ и даже придумывал за Сорокалета возражения.

Все кружковцы знали, что мне сегодня идти к Сорокалету, и очень сочувствовали. Я пришел в мой уголок, где на стенах висели рисунки, схемы и две грамоты, которые я получил в этом году. Вообще-то грамот я не храню — не в грамотах дело.

Из моего уголка, от рабочего стола, видна дверь, которая ведет в коридор. Это маленький коридор к мастерской. Мастерская у нас двенадцать квадратных метров, но в ней умещается токарный станок и верстак. В тот день в мастерской никого не было.

Коридор был слабо освещен, одной лампочкой. Под лампочкой стоял стул. На стуле сидел незаметный человек с черным саквояжем. Он держал саквояж на коленях и возился с его застежкой.

И вдруг я испугался. Даже не знаю почему. Вообще-то я не очень трусливый, но очень уж странным мне показалось это совпадение. К тому же в коридор можно было пройти только через нашу комнату, а через нее за последний час никто не проходил.

Наконец незаметный человек справился с застежками, саквояж распахнулся. Внутри что-то блестело. Потом послышалось тихое жужжание, которое странным образом отразилось в моей голове. У каждого человека есть свой невыносимый звук. Я, например, не выношу, когда ладонью сметают крошки со скатерти, а Настасья буквально умирает, если кто-то скребет вилкой по тарелке. Так вот это жужжание было невыносимым.

Я боролся с желанием убежать, потому что надо было подойти к незаметному человеку и спросить, что он здесь делает.

Я даже поднялся из-за стола, но потом застыл.

Человек совершенно не обращал на меня внимания. Он что-то подкручивал в своем саквояже, и руки его, утопленные в пасти саквояжа, шевелились, будто он чистил там апельсин.

Наконец я решился. Я сделал шаг к двери и тут услышал голос Женьки Симона:

— Что вам здесь нужно? — Оказывается, Симон тоже заметил этого человека, но так как раньше он его не встречал, то он не испугался.

— Одну минутку, — ответил человек, не отводя взгляда от саквояжа.

— В самом деле! — услышал я собственный голос. — Что вам тут нужно?

— Все, — сказал человек и захлопнул саквояж. — Я закончил, не беспокойтесь, все в порядке.

Он говорил как зубной врач, который уже поставил пломбу и обещает, что больше больно не будет.

Человек поднялся и пошел от нас к двери в мастерскую.

— А я все-таки спрашиваю, что вы здесь делаете? — вспылил Симон. — Туда нельзя!

Но человек уже открыл дверь в мастерскую.

Потом дверь закрылась. Мы были так удивлены, что потеряли, наверное, целую минуту, прежде чем побежали за ним.

Мастерская была пуста. Все там стояло на своих местах, но ни одной живой души.

Окно было открыто. Оно выходило во двор. Первый этаж, но довольно высокий.

Я выглянул в окно. Внизу какие-то малыши возились в песочнице.

— Ребята! — крикнул я. — Из нашего окна кто-нибудь прыгал?

— Куда прыгал? — спросил один из малышей.

— Вниз.

Но я уже понял, что от них никакого толку не добьешься.

Женька Симон возился за моей спиной.

— Ты чего? — спросил я, обернувшись.

— Проверяю, чего он похитил.

Разумеется, ничего тот человек не похитил. Он приходил за другим. Но в тот момент я еще не понимал, зачем он приходил.

2

Я бы глубже задумался о том, что же делал незаметный человек в нашем Доме пионеров, но в тот момент я очень спешил — Сорокалет, наверное, уже ждал меня.

Я поспешил к автобусу.

У меня было странное, какое-то опустошенное состояние. Вроде бы все в порядке, я еду к самому Сорокалету, сбывается

моя мечта. Но почему-то мне было куда приятнее думать о том, что установилась хорошая погода и облака текут по небу, как льдины по реке весной, что скоро я поеду в Сызрань, к тетке, на каникулы, что Артем собирается жениться на Настасье, как только им исполнится по восемнадцать лет, а я не знаю, хочу ли я, чтобы моя сестра выходила замуж, или нет. И вот от этих мыслей моя встреча с Сорокалетом уже не казалась мне такой важной, и даже приятнее было думать о том, как я буду рыбачить, чем...

Тут автобус остановился, и я оказался перед пятиэтажным скучным зданием института, в котором работал Сорокалет.

В вестибюле сидел за столиком вахтер, который сразу углядел меня среди прочих людей. Ни у кого этот вахтер не спрашивал пропуска, я даже думаю, что и не нужен пропуск в этот мирный институт, но на меня он сразу сделал стойку. Сейчас закричит: «Мальчик, ты куда?» И чтобы не подвергаться унижениям, я сам к нему подошел деловым шагом и сказал почти сурово:

— Мне к товарищу Сорокалету.

Вахтер, конечно, не ожидал такого тонкого хода с моей стороны и послушно принялся водить пальцем по списку телефонов, соображая, видно, кто такой Сорокалет, хотя ему следовало бы знать наизусть это великое имя. Потому что знаменитый изобретатель сделал бы честь любому институту...

Вахтер не успел мне ничего ответить, потому что мое внимание отвлек человек, спускавшийся по лестнице. Он был склонен к полноте, сутулился, маленькие толстые очки сползли на кончик носа. Человек был невероятно печален, можно сказать, убит горем. Это был тот самый мужчина, которого я видел в подземном переходе, когда он преследовал незаметного человека с саквояжем.

Тогда, под землей, я был ни при чем и не вмешивался в чужие дела. Но тот, с саквояжем, побывал в нашем кружке, и теперь я имел полное право спросить плотного человека, что за тайна связана с черным саквояжем.

И в этот момент вахтер, завершив мыслительную работу, вдруг громко сказал:

— Сорокалета спрашивал? Павла Никитича? Так вот он идет собственной персоной.

И показал на плотного человека в маленьких толстых очках.

Вот это совпадение было выше моего понимания. Я буквально остолбенел.

Полагаю, что на моем месте вы бы тоже остолбенели.

Сорокалет прошел мимо меня, ничего не замечая, и вышел на улицу.

— Переживает, — сказал вахтер сочувственно. — Как не переживать, если на ученом совете, при всем народе, солидный человек, а провалился.

Мне бы, конечно, спросить, почему такой великий человек, как Павел Никитич Сорокалет, гений изобретательства, мог провалиться на ученом совете, но вахтер перестал для меня существовать. Я уже несся за Сорокалетом.

Я догнал Сорокалета в сквере. Он остановился, как человек, не знающий, куда идти дальше, потом направился к скамеечке. Я глядел, как он постоял возле скамейки, потом почему-то нагнулся, смахнул с нее пыль, осторожно сел и уставился перед собой пустым взором. К такому человеку даже подходить неловко. Но я все же подошел. Ведь он сам назначил мне встречу.

— Павел Никитич, — сказал я, — моя фамилия Бабкин.

Сорокалет очень удивился.

— А почему Бабкин? — спросил он серьезно. — Рано еще.

— Что рано?

— Бабкин. Ты пока Деткин. Или даже Внучкин.

Если бы так пошутил кто-то другой, я бы возмутился и ушел. Но я знал, что у Сорокалета несчастье. И притом я даже догадывался, кто причина этого несчастья. Поэтому я ответил:

— Простите, Павел Никитич. Вы меня пригласили, чтобы поговорить о моих изобретениях. Но я понимаю, что вы находитесь в подавленном состоянии. Поэтому я могу уйти.

Я, конечно, никуда не ушел.

Мои слова не сразу дошли до Сорокалета.

— О чем говорить? — спросил он после паузы.

— О моих изобретениях. Я из Дома пионеров. Занимаюсь изобретениями в области практической экологии.

Я назвал свою фамилию. Она у меня редкая.

И тогда Сорокалет засмеялся.

— Я же говорил, что ты Деткин!

Я понял, что слишком волнуюсь. Перепутать собственную фамилию! Я даже забыл на минутку о человеке с саквояжем. Мне так не хотелось казаться растерянным ребенком.

— Я — изобретатель! — воскликнул я. — Уже третий год я отдаю все силы этому делу. Я не хочу хвастаться, но все говорят, что у меня есть талант. И он не зависит от того, Деткин я или Бабкин!

Нечаянно я раскричался, и люди, проходившие через садик, с удивлением смотрели на мальчика, который машет руками, подпрыгивает перед самим Сорокалетом.

— Прости, — сказал Сорокалет. — Я расстроен. Но если ты

изобретатель, расскажи мне, что ты изобрел... Хотя я тебе ничем не смогу помочь.

— Как же так, — сказал я. — Я ждал встречи с вами давно. Моя мечта работать в вашем семинаре.

— Так что же об изобретениях?

— Я хотел познакомить вас с тремя из моих работ, — начал я. Этот текст был подготовлен мной заранее. — Первая моя работа касается очистки водоемов от загрязнения и построена на таком принципе...

И тут вдруг я понял, что не имею представления о том, на каком принципе строится моя работа.

Сорокалет ждал. Он смотрел мимо меня, вдаль, глаза его были задумчивы и печальны. А я в этот момент увидел птицу на ветке, может быть, воробья, я еще не занимался всерьез орнитологией, и я стал смотреть на птицу и ждать, когда она улетит. А птица не улетала. И больше ни одной мысли в голове не было.

— Ну что же? — спросил Сорокалет. Я не знаю, сколько он ждал.

— Я забыл, — признался я.

— Забыл, расскажи о втором изобретении.

Это была великолепная мысль. Конечно же, мне надо было догадаться самому. Я с облегчением вздохнул и сказал:

— Второе мое изобретение...

Птица, как назло, не улетала с ветки. Ну что, привязали ее, что ли? Я не сомневался в том, что я что-то изобрел. Наверняка изобрел, но в том месте мозга, где должно было лежать изобретение, была громадная гулкая пустота. И неожиданно для себя самого я спросил:

— А этот человек, который с черным саквояжем, он что у вас отнял?

Я спросил это, потому что хотел отвлечь Сорокалета от моих несчастных изобретений, которых на самом деле не было.

Сорокалет сразу ожил.

Он даже вскочил со скамейки. Словно его включили в сеть.

— Ты что об этом знаешь? Говори!

— Я видел вас днем. Вы шли за ним и о чем-то просили.

— Поздно, — сказал Сорокалет. — Я его упустил. Я думал, что ты еще что-нибудь знаешь... Впрочем, откуда тебе знать?

— Я его видел потом, — сказал я. — Он приходил к нам в Дом пионеров. Сидел...

— И что делал? Что он еще делал?

— Сидел и ничего не делал. Открыл свой саквояж, копался в нем, а потом, когда мы его спросили, что он делает, повернулся и ушел. Через мастерскую, через окно.

— Открывал? А близко он был от тебя?

— Ну как вы.

— Стой, Деткин, повтори: ты зачем хотел меня видеть?

— Моя фамилия Бабкин, — сказал я. — Мне сказали, что вы можете со мной поговорить, потому что мои изобретения представляют интерес для науки.

— И ты можешь мне изложить суть изобретений?

— Я же говорил... — И тут меня снова застопорило. И я стал глядеть на птицу.

Сорокалет очень мною заинтересовался. Он приблизил свои очки ко мне, наклонился и понизил голос, задавая следующий вопрос:

— А сегодня утром, даже днем, ты знал, что изобрел?

— Я и сейчас знаю... нет, не знаю.

И вдруг я понял, что в самом деле забыл, полностью. Начисто забыл, что же изобрел.

— Я забыл? Этого не может быть!

Я боялся, что Сорокалет сейчас рассмеется, в самом деле можно рассмеяться — приходит к тебе мальчик, фактически ребенок, который говорит, что хочет заниматься в твоем семинаре, а ничего не знает. И изобретений у него никаких нет.

Сорокалет не смеялся. Он смотрел на меня серьезно, с сочувствием, но мне все равно хотелось ему доказать, оправдаться.

— Если вы не верите, — сказал я, — то можно позвонить к нам в кружок. Там вам любой скажет, что я получил премию. Про меня заметка была в «Юном технике»...

— Я тебе верю, — сказал он. — Больше того, я верю, что у тебя были очень хорошие изобретения, настолько хорошие, что их надо было украсть.

— Кому надо было украсть?

— Тому человеку, с черным саквояжем.

— Как можно украсть? Я же их не патентовал. Я только думал о них.

— Я тоже думал, — сказал Сорокалет. — И когда это случилось, я не сразу сообразил. Но потом все же додумался. Правда, какие-то сомнения у меня оставались до сих пор. И ты их рассеял. Теперь все ясно — надо действовать.

— Пал Никитич! — взмолился я. — Расскажите мне, пожалуйста, в чем дело. Я же ничего не понимаю.

— Садись. — Он сел на скамейку, и я понял, насколько он изменился за последние минуты. Глазки за толстыми стеклами очков буквально пылали, щеки покраснели, и уголки губ приподнялись, отчего его лицо потеряло обиженное и растерянное вы-

ражение. Стало обыкновенным и добрым, и даже очень приятным лицом.

Я послушно сел рядом с ним.

— Это случилось сегодня днем, — сказал Сорокалет. — Я как раз собирался обедать, когда он пришел. Он сказал, что должен мне передать привет от моего знакомого, но никакого знакомого в городе Брянске у меня нет. В общем, ему было все равно, верю я ему или нет. Ему нужно было потянуть время. Он сел, раскрыл свой саквояж и сделал вид, что ищет письмо. А я как-то не обратил на него должного внимания. Я собирался обедать, а он мне очень мешал. Я сказал ему, что, пока он будет искать письмо, я буду собираться. И он был рад. Он возился в своем саквояже. Потом закрыл его и сказал, что письмо он забыл в гостинице. Мы вышли с ним вместе, он молчал. Он мне показался странным. Ты знаешь, что такое интуиция?

— Знаю, — сказал я.

— Так вот, интуитивно я ощутил в нем что-то чужое. Словно *рядом со мной идет не человек, а какой-то... какое-то существо.* И, может быть, я бы ничего не понял, если бы вдруг, еще на лестнице, не решил мысленно повторить ход моих аргументов. Мне сегодня надо было выступать на ученом совете и защищать одну идею... впрочем, я тебе не смогу сказать, какую идею, потому что ее не помню. Я спускался по лестнице, почти не замечая этого человека, и старался восстановить ход моих аргументов. И тут я понял, что не имею никакого представления о моем собственном изобретении. Я очень удивился и, чтобы проверить, нет ли у меня провала в памяти, переключился на другую мою идею, о которой думал ночью. И оказалось, что и этой идеи во мне нет. Я не знаю, что меня заставило поглядеть на этого человека с саквояжем. Он к тому времени обогнал меня и уже выходил на улицу. У меня не было никаких доказательств, что он имеет отношение к моей забывчивости. Я только поглядел ему вслед. И вдруг он обернулся и улыбнулся мне. Как улыбаются механические куклы. И похлопал ладонью в черной перчатке по саквояжу. И тогда меня озарило: мои мысли в этом саквояже. Я ему крикнул: «Постойте!» Он прибавил шагу. Я побежал за ним. Я уже не сомневался, что меня обокрали. Если бы я остановился и задумался, я бы понял, что такого быть не может. Нельзя украсть у человека мысли, причем не все, а только некоторые мысли. До этого земная наука не дошла, это я гарантирую. Но я об этом не думал. Я бежал за ним, я просил его вернуть мне мысли, я умолял, я грозил... А он только улыбался.

— Тогда я вас и увидел, — сказал я.

— Вот именно. В подземном переходе? Не помню, может, это

было и в подземном переходе. А потом он исчез... сбежал. А я решил, что мне все это померещилось. Я начал рассуждать. Я уговорил себя, что такого не может быть. Я провел целый час над моими записками, и оказалось, что я ничего не понимаю в чертежах. Как будто они написаны каким-то другим человеком. Я торжественно провалился на ученом совете. Я стоял как столб. От моего выступления зависела судьба не только моего изобретения, но и многих людей, которые должны были его воплощать в жизнь и пользоваться его плодами. Я сказался больным... Бедный мальчик!

Последние его слова относились ко мне.

Но я не был так расстроен, как должен был быть расстроен.

Сейчас объясню почему.

Еще несколько минут назад я был совершенно одинок в этом мире. Ограбленный, ничтожный человек. Никто меня не мог бы понять. В лучшем случае бы отмахнулись от моих жалоб, в худшем — отвезли бы в сумасшедший дом. Особенно если бы я стал рассказывать о человеке с саквояжем.

И вдруг оказывается, что я не один. Что у меня есть союзник. Да еще какой! И не только он мне нужен, но и я ему необходим. И мы должны вдвоем разрешить неразрешимую загадку.

— А может, он шпион? — спросил я.

— Не похоже, — серьезно ответил Сорокалет. — То, что он делает, у нас еще никто делать не умеет. И ни к чему. Наши с тобой изобретения не представляют никакого секрета. Через несколько месяцев или лет о них можно будет прочитать в любом журнале или увидеть их на практике. У меня другая версия...

— Инопланетяне! — сказал я. — Летающая тарелочка.

— Упрощенно говоря, так.

— А я еще вчера с ребятами спорил, — сказал я. — Потому что я противник летающих тарелочек. Я думаю, что это миф двадцатого века.

— Для меня это сейчас не миф, а рабочая гипотеза, — сказал Сорокалет. — Я основываю ее на том, что если нигде на Земле люди не могут красть мысли, то, значит, это делают люди, которые живут не на Земле.

— Тогда пошли, — сказал я.

— Куда?

— В милицию. Поднимем милицию на ноги. Опасный пришелец в Москве! Ворует мысли.

— И знаешь, что они тебе ответят, Бабкин?

Я немного подумал и, как здравомыслящий человек, вынужден был признать:

— Они вызовут врача. Но если я буду не один...

— Тогда они вызовут двух врачей.

Я задумался. Сорокалет был прав. Я бы на месте милиции не поверил бы и десяти свидетелям, если они говорят, что у них украли мысли. Может, мыслей и не было? Я даже попытался еще раз вспомнить, что же такое я изобрел. Оказалось, ничего не изобрел. Птичка наконец улетела.

— Выход один, — сказал Сорокалет. — Найти его и упросить...

— Упросить — из этого ничего не получится, — сказал я. — С ворами так не разговаривают. Он у нас украл. Мы у него — отнимем!

— Что ты! — Сорокалет смутился. — Это же опасно.

— А вы подумали, что он сейчас ходит по Москве и продолжает свое черное дело? Каждая минута опасна. Если так будет продолжаться, то через неделю мы все останемся без мыслей. А вдруг он не один?

— Но как мы отнимем?

— Еще не знаю. — Я понял, что практически я куда лучше приспособлен к жизни, чем великий изобретатель Сорокалет. Он, наверное, и не дрался никогда.

— Сначала его надо отыскать. А потом будем действовать.

Сорокалет печально вздохнул.

— Ты представляешь себе масштабы Москвы? И один человек... всего один. Ничем не выделяется.

— Ничего подобного. Выделяется, — сказал я. — У него черный саквояж. Давайте рассуждать.

— О чем?

— Мы же с вами изобретатели. Мыслители.

— Бывшие.

— Отнимем саквояж, отнимем и мысли. Чудес не бывает. Этот пришелец — вполне реальный. И он не каждую мысль тянет, а только ту, что ему нужна.

— Почему ты так думаешь?

— А скажите, кто-нибудь еще из ваших коллег жаловался?

— Нет, никто... насколько я знаю.

— А я сейчас проверю. У вас двушка есть?

Сорокалет смотрел на меня с уважением. Нет, он не организатор, он только мыслитель.

Я взял у него двушку, и мы пошли звонить. Мы позвонили к нам в Дом пионеров. К телефону подошел Женька Симон.

— Симон, — спросил я. — С тобой ничего не случилось?

— В каком смысле?

— Как твой вечный двигатель работает, ты помнишь?

— Конечно, — сказал Симон. — Мы делаем бесконечную цепь и в ее звенья вставляем полушария, наполненные водой...

— Хватит, — сказал я и повесил трубку.

Потом я обернулся к Сорокалету, который переминался с ноги на ногу, и сказал:

— Моя версия была правильной. Им нужны не все мысли.

— Да, разумеется, — сразу согласился Сорокалет. А я подумал, как мне его жалко. Вот мне куда легче. Пройдет какое-то время, даже если мы и не поймаем этого похитителя, и я снова что-нибудь изобрету. Ведь у меня вся жизнь впереди. А ему трудно. Он уже пожилой, ему под сорок. У него положение, ученики, семинар, на него люди смотрят, а он им ничего ответить не сможет. Нет, решил я, так я этого не оставлю. Расшибусь, а верну доброе имя и великие мысли знаменитому изобретателю.

— Поехали ко мне домой, — сказал я.

— К тебе? Зачем? Я лучше к себе пойду.

— Мы возьмем Руслана. Он нам поможет.

— А кто такой Руслан?

— Мой лучший друг.

3

Сорокалет отказался подняться ко мне. Я не возражал. У меня, как всегда, беспорядок, который создаю не только я, но и Настасья. Моя старшая сестра так глубоко влюблена, что забыла, как моют посуду и подметают пол. Приходится мне самому, чтобы не было лишних семейных сцен, брать на себя ее обязанности.

Руслан обрадовался мне, соскучился. Мы все в доме очень заняты. Мать на работе, Настасья любовью, а я изобретательством, и ему достается мало ласки. Раньше, когда Руслан был щенком, я его обучал, надеялся, что он научится считать и, может, немного говорить, но все это окончилось неудачей, и потому я занялся другими проблемами.

— Руслан, — сказал я, — ты уже большой и умный пес. Твои сопородники плавают у берегов Ньюфаундленда и спасают рыбаков. Ты же зазря жуешь кости. Теперь от тебя зависит судьба человечества.

Руслан склонил большую черную печальную голову, обидевшись на мой упрек. Но перспектива помочь человечеству его утешила, и он побежал к двери.

Сорокалет маялся у подъезда и при виде Руслана отпрянул, чуть не упал.

— Не бойтесь! — сказал я. — Руслан не кусается.

Сама мысль о том, что можно кусать другое живое существо, была для Руслана настолько же отвратительна, как для меня. Руслан даже ахнул.

— Руслан, — объяснил я, — это товарищ Сорокалет. Он знаменитый изобретатель. Его ограбили. Кстати, и меня тоже. Ограбил нас один человек, который прилетел с отдаленной звезды. Зачем ему это нужно, мы еще не знаем, но он крадет выдающиеся мысли.

— Аф, — негромко ответил Руслан. Этот сдержанный звук означает, что Руслан в целом проблему осознал.

— У нас, возможно, есть след этого негодяя, — сказал я.

Сорокалет смотрел на меня как на сумасшедшего, потому что раньше он, наверное, не встречал такого понимания между человеком и собакой. А Руслан, он ведь большой хитрец, так смотрел на него, будто умеет говорить и мыслить.

Я отвел Руслана к Дому пионеров, но заходить внутрь не стал, а прошел прямо во двор, под окно, из которого выбрался человек с саквояжем. Окно было на первом этаже, но этаж высокий, я доставал до подоконника, только встав на цыпочки. Руслан, хоть и умный пес, долго не понимал, что ему надо встать на задние лапы. А Сорокалет, хоть за последние минуты и привык к Руслану, помочь ему боялся. С громадным трудом я заставил все же Руслана поднять к подоконнику свою тяжелую морду, и тут же Руслан от подоконника отпрыгнул и начал обнюхивать землю. Он учуял что-то очень для него неприятное.

В тот же момент из окна высунулся Женька Симон, которого привлек шум, поднятый нами.

— Вы что? — спросил он.

Но я не смотрел на Симона, только отмахнулся. Шерсть на загривке моего пса поднялась дыбом, верхняя губа изогнулась, открыв клыки. Таким злым я Руслана давно не видел.

— Старик, — сказал я ему, — не волнуйся. Возьми себя в лапы. Нам нужно его найти.

Руслан и смотреть на следы не хотел. Как будто они были смазаны нашатырем. Мне пришлось его уламывать как маленького, а это было нелегко, потому что Женька Симон вылез из окна и вмешался в разговор, ничего не понимая, Сорокалет, который вдруг поверил в способности Руслана, тоже начал уговаривать пса, а ребятишки, которые играли во дворе, прибежали и шумели вокруг.

Наконец Руслан сделал мне одолжение и, не скрывая отвращения, пошел по следу. Я не сомневался, что он правильно взял след, потому что он никогда бы не стал кривляться, если бы это был обыкновенный след. Он шел к проходу в соседний двор, и

это было хорошо, потому что на улице следы исчезают под ногами других людей, и тут даже Руслановых способностей не хватило бы.

У прохода в соседний двор я придержал Руслана и твердо сказал всем любопытным, включая Женьку Симона, чтобы они исчезли. Эти уговоры заняли еще минут пять. Но в конце концов мы остались втроем.

Мы пересекли двор, и следы привели нас к небольшой двери в желтом старом доме. Дом был велик, и я никак не мог сообразить, что это такое. Дверь была приоткрыта, и мы вошли в нее. За ней был полутемный коридор. Руслан заволновался, и я понял почему: в коридоре царили различные съестные запахи. Даже мне они напомнили о том, что я забыл пообедать, а представьте себе положение голодного Руслана с его чувствительным нюхательным аппаратом. Но мы преодолели эти соблазны и пошли дальше.

Руслан потянул меня вверх по небольшой лестнице, освещенной маленькой лампочкой без абажура. В этот момент с дальнего конца коридора показался человек в голубом халате, который нес, прижав к животу, ящик с редиской.

— Эй! — крикнул он. — Вы что здесь делаете? Сюда нельзя.

— Скорей, — шепнул я Сорокалету, который хотел было начать объяснения с тем человеком. Я надеялся, что ящик помешает ему преследовать нас.

И в самом деле, обернувшись с лестницы, я услышал, как шаги преследователя остановились. Сейчас он думает, понял я, поставить ящик или забыть о нас.

Дальше я не слушал. Руслан, рыча, как отдаленный гром, тащил меня вверх. Потом мы промчались каким-то коридором, проскочили еще один пролет лестницы. Я всей спиной ощущал тяжелое дыхание Сорокалета, который не привык бегать по лестницам. Затем была еще одна дверь, которая, распахнувшись, вывела нас в куда более широкий и хорошо освещенный коридор, с ковровой дорожкой на полу. По обе стороны шли одинаковые двери с номерами на них. А в дальнем конце коридора, удивленно подняв голову, сидела за небольшим столом полная женщина.

Именно к ней нас и волок неудержимый Руслан.

Женщина грозно поднялась нам навстречу.

— Что-то будет, — сказал я.

Женщина, судя по ее виду, ничего и никогда не боялась, так что перед Русланом она не отступит.

Но я не мог ничего поделать. Ни остановить Руслана, ни остановить женщину.

И только буквально натолкнувшись на нее, Руслан затормозил.

— Так, — сказала женщина. — Значит, бегаем?

— Простите, — сказал я. — Мы только на минутку. Нам надо найти одного человека. Мы найдем и уйдем.

— Проживание с животными, — сказала женщина, — строго запрещается.

— Но мы не проживаем. Мы не собираемся проживать, — сказал я и обернулся к Сорокалету за поддержкой. Хотя уже понимал, что в житейских ситуациях Сорокалет — плохая опора.

— Мы сейчас, — завякал мой великий коллега. — Мы только одну минутку, мы не знали.

Прозвучали эти слова так неубедительно, что я бы на месте той женщины решил, что мы собираемся украсть у нее шариковую ручку. Даже мой неустрашимый Руслан оробел. Он мог бы встретить грудью пятерых бандитов, но, когда женщины разговаривали с ним таким тоном, моему псу хотелось поджать хвост и уйти под диван.

— И вообще, — голос женщины катался по коридору, как паровоз, — как вы сюда проникли?

— Снизу, — сказал я покорно. — Через кухню.

Я первым из всех догадался, что мы попали в гостиницу «Мечта» через задний ход. Я часто проходил мимо этой гостиницы, но как-то не задумывался, что сзади она выходит прямо к нашему Дому пионеров.

— Если вы сейчас же не покинете помещение, — сказала женщина...

Но завершить свою фразу она не успела, потому что Руслан нас всех перехитрил. Оказывается, он только притворялся, что перепугался. В самом деле он вертел носом и обдумывал следующий ход. Неожиданно он рванул так, что я выпустил поводок, на полусогнутых лапах проскользнул мимо дежурной и подбежал к двери номер 26. Перед дверью он сделал стойку и два раза гавкнул так, что даже женщина оробела.

— Вот видите, — сказал я, воспользовавшись паузой. — Собака служебная, знает, кого искать. Вы мне лучше ответьте, куда делся тот подозрительный гражданин с черным саквояжем?

Я понимаю, что ростом я не вышел и голос у меня тонкий, но ситуация была такая необычная, что дежурная тоже растерялась. Представьте себе — прибегают два странных человека с громадным водолазом, и громадный водолаз делает стойку именно у того номера, где живет человек с саквояжем.

— Вы имеете в виду Григорянца? — спросила женщина.

— Именно его, — ответил я.

— Так он выписался.

— Давно? — У меня как оборвалось все. Неужели после такого замечательного подвига Руслана мы окажемся ни с чем?

— Да только что. Вы его, наверное, внизу догоните. Только попрошу мне сначала показать документы. По какому такому праву вы меня спрашиваете?

Дежурная опомнилась, и, если продолжать с ней разговор, она, конечно, снова перейдет в наступление. Так что планомерное отступление было единственным выходом.

Теперь у нас было еще одно звено в цепочке тайн — имя, под которым владелец саквояжа находился в Москве.

Но имя само по себе мало что значило. Если человек умеет воровать мысли, то уж, наверное, он умеет и подделать паспорт.

Мы сбежали вниз, в холл гостиницы. Там дремали в креслах командированные в ожидании места. Они поглядели на нас с любопытством. Но куда больше удивился швейцар в синем мундире.

— Как так? — спросил он. — Вы же не входили.

— Неважно, — сказал Сорокалет, который постепенно осмелел. — Мы здесь по делу.

— Скажите, пожалуйста, — сказал я, удерживая Руслана, который вновь взял след и тянул меня к двери. — Такой незаметный человек с черным саквояжем не выходил только что? Он у вас прописан под кличкой Григорянц.

— Григорянц? — Наше появление было таким неожиданным, что швейцар не стал выяснять, как мы сюда попали. Он послушно начал перебирать пропуска, которые выдают тем, кто уезжает из гостиницы, чтобы они не захватили с собой случайно полотенце или ночной столик. Бумажка с фамилией Григорянц была с самого верха.

— Только что покинул, — сказал швейцар.

— Куда он пошел?

— Да только что, — сказал швейцар. — Еще такси не успел поймать.

Руслан тянул меня изо всех сил, и я не успел дослушать швейцара до конца, как оказался на улице.

И увидел, как к тротуару подъехала зеленая «Волга» и незаметный человек с черным саквояжем сделал шаг к ней, потому что машина приехала за ним.

— Стойте! — крикнул Сорокалет, узнавший грабителя. — Никуда вы не уедете!

Как только он увидел похитителя, он сразу изменился. Куда-то делись его робость и неуклюжесть. Он даже обогнал Руслана и первым настиг владельца саквояжа.

Тот резким движением спрятал саквояж за спину и совершенно неожиданно для меня завопил:

— Милиция!

Вы можете вообразить любую сцену, но чтобы пришелец, похититель мыслей, звал на помощь милицию — это выше понимания. Можно было бы рассмеяться, но никому смеяться не хотелось. Меньше всех — мне, потому что я увидел то, что другие не заметили: шофер машины, чем-то очень похожий на похитителя мыслей, поднял руку, и в руке его было черное. Блестящее. Это был пистолет.

Честно говоря, я только потом сообразил, что это пистолет. Но я вцепился в поводок Руслана и закричал Сорокалету:

— Обратно! Ложись!

Но, конечно, Сорокалет меня не понял. Он настиг похитителя в тот момент, когда похититель вваливался спиной в открывшуюся дверь машины. Но тогда же к машине прибежал и милиционер.

Не знаю, откуда он прибежал. Это был молодой, серьезный милиционер, но я ему не обрадовался. Мне почему-то показалось, что милиционер из их компании, тоже перевертыш.

Милиционер профессионально оценил обстановку. Он сразу сказал мне:

— Убрать собаку!

А сам уже подхватил за плечи Сорокалета и оттащил его от машины.

— Что происходит?

Я сразу ответил:

— У него пистолет, — и показал на шофера.

Милиционер не то чтобы вздрогнул, но насторожился, подобрался как перед прыжком. Все его внимание переключилось на шофера.

А тот спокойно открыл дверь машины с правой стороны — он сидел у самой двери, как бы скользнул в нашу сторону от руля, — и, вылезая, протянул милиционеру пистолет рукояткой вперед. А другой рукой полез к себе во внутренний карман.

Милиционер сразу успокоился. Ясно было, что это не преступники. Зачем преступникам так быстро и спокойно отдавать пистолет?

Сорокалет смотрел на пистолет с удивлением мальчишки.

Милиционер взял пистолет и протянул другую руку вперед. Шофер вложил в нее удостоверение. И вся эта сцена была такой спокойной, даже солидной, что меня вдруг посетила странная мысль: а вдруг мне только показалось, что у меня украли изобре-

тение? И в самом деле всю эту дикую историю придумал Сорокалет? Вдруг он не очень нормальный?

Пока милиционер читал удостоверение, кося глазом на машину, второй человек, тот самый, с саквояжем, тоже достал удостоверение и тянул его, не вылезая из машины.

Милиционер заметил его движение и взял удостоверение той рукой, в которой был пистолет. Я понял, что в удостоверении написано что-то такое, что успокоило милиционера.

И эту тайну разрешил похититель, который неожиданно тонким и даже дрожащим, как от обиды, голосом сказал:

— Работать не дают. Инкассаторы мы, выручку принимаем. А тут хулиганы. Может, грабители. Вот, посмотрите.

Похититель щелкнул замками саквояжа, и тот приоткрылся. И я увидел, что в нем аккуратными пачками лежат деньги. Похититель тут же захлопнул саквояж. Милиционер кивнул, возвратил ему удостоверение, отдал честь, потом вернул второму удостоверение и пистолет.

— Ясно, — сказал. — Продолжайте работать. А этими товарищами мы займемся.

Эти товарищи — это мы с Сорокалетом, понял я. И наше дело плохо. Мы не только родных мыслей лишились, но сейчас нас арестуют за нападение на инкассаторов.

Надо было взять себя в руки и быстро думать. И при этом держать как следует Руслана, который просто с ума сходил от негодования — так ему не нравился похититель мыслей.

Только бы мне все не испортил Сорокалет, который не умеет решать житейские проблемы.

Милиционер смотрел уже на меня. В глазах у него отражалась моя печальная судьба.

Я кинул взгляд по сторонам. Сорокалета нигде не было.

Вы не представляете, какое счастье охватило меня. Сорокалет висел на мне мертвым грузом. А если он догадался в суматохе скрыться, считайте, я спасен, уж с милиционером я справлюсь.

— Этот где? — спросил милиционер. — Сообщник где?

— Ну мы поехали, — сказал весело шофер. — Вы уж разбирайтесь, сержант.

— Поезжайте, — сказал милиционер. Сейчас его интересовали только преступники. — Куда второй делся?

К счастью, дело клонилось к вечеру, улица эта не самая людная, да и борьба с похитителями мыслей заняла слишком мало времени, чтобы успела собраться толпа. Так что немногочисленные прохожие, задержавшиеся неподалеку, ничем помочь милиционеру не смогли — и понятно, — они все смотрели на машину, а не на Сорокалета.

— Дяденька! — завопил я жалобно. — Я-то при чем?

— Это мы не здесь будем разбирать. — Милиционер оглядывал улицу, соображая, куда мог деться Сорокалет.

— Дяденька! — Это слово «дяденька» употребляют беспризорники в кинофильмах, и я полагал, что оно — самое жалкое из возможных обращений к официальному лицу при исполнении обязанностей. Я даже постарался стать меньше ростом, подогнул колени и сгорбил плечи. — Я же с собачкой гулял, а они как побегут! А Руслан испугался, вырывался, а он служебный, он не понял. Он думал, что преступники, а может, думал, что играют... я здесь живу, я с собакой погулять пошел...

Ныл я так жалобно и вид у меня был такой инфантильный, что в сердце милиционера начали зарождаться сомнения. Но все же он должен был принимать меры, а я был единственным возможным объектом этих мер.

И тут мне сказочно повезло. Неподалеку возникла Анна Дмитриевна, наша соседка по этажу. Она меня не очень любила, потому что боялась, что в своей изобретательской деятельности я обязательно спалю весь дом и ее драгоценную рухлядь в первую очередь.

— Коля! — воскликнула она трагическим голосом. — Что ты еще наделал? Вы с Русланом кого-то искусали?

Руслан даже ахнул от негодования.

Появление Анны Дмитриевны было счастливым выходом и для милиционера.

— Вы знаете этого мальчика? — спросил он.

— Этот мальчик сведет меня с ума, — заявила Анна Дмитриевна. — Сплошные опыты. Сплошные взрывы. Я совершенно не представляю, чему их учат в школе! Хорошая семья, все работают, учатся, но никакой организованности. А что случилось?

Милиционер не стал рассказывать ей, что случилось. Я думаю, к этому времени он и сам уже не очень представлял, что случилось. Но в присутствии Анны Дмитриевны он записал мои данные, адрес и телефон. А затем отпустил, сказав строго, что за собакой надо следить и вообще для прогулок с собаками есть специально отведенные постановлением Мосгорисполкома места.

Я был со всем согласен и даже согласился пойти домой вместе с Анной Дмитриевной, чтобы милиционер видел, какой послушный и тихий мальчик ему попался.

Так что домой мы возвратились без приключений.

4

Дома мной овладели тревожные мысли. Если тот человек был в самом деле инкассатором, то что он делал в нашем Доме пионеров? Это не банк. К тому же разве инкассаторы выходят через окно? Нет, наша версия остается верной. Инкассатору ни к чему жить в гостинице под фамилией Григорянц. И уж если я мог ошибиться, то Руслан никогда бы не ошибся.

— Русланчик, — спросил я, — тот человек с саквояжем, он обыкновенный инкассатор?

Руслан ответил таким рыком, что любой лев бы ему позавидовал.

Нет, он тоже не верил.

И запах у него был неземной. Я уж отлично знаю, как Руслан идет по следу. Бывает, ему след нравится, бывает — неприятен. Но чтобы след вызвал у него такое отвращение, этого еще никогда не было.

Размышляя так, я прошел на кухню, накормил Руслана, сам поел.

Я был в полном тупике. Сорокалет пропал, похититель пропал. К тому же он оказался не один. А сколько их всего? Может, Земле угрожает страшная опасность? Может быть, скоро у всех нас украдут мысли и будем мы ходить как идиоты? Может, пойти в Академию наук? И искать там человека, который согласится меня выслушать? Какой бы дикой ни казалась моя версия, возможно, мой случай не первый? Не исключено, что по Москве ходят и другие ограбленные люди.

Матери дома не было, она в вечернюю смену. Настасья, судя по всему, забегала и потом убежала куда-нибудь с Артемом. Может, в кино, может, просто совершать бесконечные переходы по набережным.

И тут зазвонил телефон. Вообще-то ничего удивительного. И у меня, и у других членов нашей семьи есть немало знакомых. Но в вечерней тишине звон его показался мне зловещим. Я даже не сразу взял трубку.

— Я слушаю.

— Коля? — Голос показался мне незнакомым. И понятно — я ведь раньше никогда не говорил с Сорокалетом по телефону.

— Я вас слушаю.

— Неужели не узнаешь? Это я, Павел Никитич Сорокалет! Я их нашел!

Почему-то я задал самый не подходящий к случаю вопрос:

— А откуда вы телефон мой узнали?

— В справочной, — совсем не удивился Сорокалет. — К счастью, ты назвал мне фамилию, а она очень редкая.

— А вы где?

— У парка культуры. ЦПКО. У входа.

— А они где?

— Они в парке.

— А как же вы догадались? — Видно, в моем голосе прозвучало недоверие к способностям Сорокалета.

— Если бы я остался ждать, чем все закончится, я бы уже сидел в тюрьме за нападение на инкассаторов. Я рассудил, что ты что-нибудь придумаешь.

— Я его уговорил.

— А я побежал за такси. И успел. Выезжай. Нам надо его ловить.

— Без пистолета трудно.

— Нет у них пистолета.

— Почему?

— Жду у центрального входа.

И Сорокалет повесил трубку.

Он был прав. Ответить на все мои вопросы — на это и часа не хватит. А надо было действовать.

Я задумался на минуту — брать ли Руслана. Потом решил, что надо брать. Без него мы их следы наверняка потеряем.

— Пошли, Руслан. Нам предстоят великие дела.

Руслан отвернулся.

— Ты что, струсил?

Руслан вздохнул. Если бы он умел говорить, он, наверное, бы мне все высказал. Бывают ситуации, неприятные для любой собаки. Тем более для такой чувствительной, как Руслан.

— Руслан, — сказал я тогда. — Я все понимаю. Но дело важное. Если ты мне друг, то ты пойдешь.

Руслан лег на пол и сделал вид, что меня не слышит.

— Ну что ж, — сказал я. — Прощай, мой бывший друг. Не знаю уж, как они там вооружены и сколько их. Но боюсь, что живым я не вернусь.

И с этими печальными словами я пошел к двери. Не оборачиваясь.

И тут черная молния пронеслась к двери и легла поперек. Руслан только производит впечатление медленного животного. Когда нужно, он движется быстрее тигра.

— Нет, — сказал я Руслану. — Спасибо тебе за заботу о моей жизни, но она не нужна. Я не могу покинуть в беде другого человека, тем более когда от наших поступков, может, зависит будущее Земли. Оставайся. Кто решил ползать, летать не сможет.

Я перешагнул через пса и вышел на лестницу.

Пес поднялся и исчез внутри квартиры.

Признаюсь, это было для меня разочарованием. Я не ожидал предательства со стороны Руслана. Я протянул руку, чтобы захлопнуть дверь, но в этот момент увидел, что по коридору бежит, возвращается Руслан. Все объяснилось просто — он увидел, что я забыл взять поводок и ошейник. И принес их мне.

— Спасибо, — сказал я ему, и мы поспешили на улицу.

К счастью, у меня было два рубля, и мы доехали до парка на такси.

5

Сорокалета я увидел издали у высоких колонн входа. *При виде нас он снял очки, протер их, надел снова, словно и не надеялся нас увидеть.*

Уже начинало темнеть. Тени исчезли, солнце село, по небу бежали серые и сизые облака, дул ветер. Хотелось домой. И не только мне.

— Ну где же ты был! — с укором, почти материнским, воскликнул Сорокалет. — Я уж отчаялся.

— Мы даже на такси ехали, — сказал я. — Где они?

— Хорошо, что ты Руслана взял. Без него нам было бы трудно.

Эти слова Руслану понравились, и он ткнулся тяжелой мордой в бедро Сорокалету, отчего тот покачнулся, но удержался на ногах и даже осмелился положить ладонь на затылок Руслану.

— Может, они просто прошли парком и вышли повыше?

— Все может быть. Но думаю, что они остались в парке и здесь у них рандеву.

— Какое рандеву?

— Встреча. Может, с их кораблем, может, с другими.

— Почему вы так думаете?

— Они оставили здесь машину. И все лишнее. И скорее всего не собираются возвращаться.

Он показал на зеленую «Волгу», стоявшую у обочины.

Я подбежал к ней. Заглянул внутрь. И понял, почему он сказал, что пистолета у них нет. Пистолет лежал на сиденье. Там же плащ похитителя, какие-то пакеты... Руслан зарычал. Их запах был для него невыносим.

— Может, они должны сделать что-то в парке и потом вернуться?

— Не думаю. Я не могу сказать точно, почему я уверен, что они не вернутся сюда. Но я это почувствовал по тому, как они уходили. И если бы им надо было пройти в другое место — удобнее на машине. Ведь никто за ними не следил.

— След, — сказал я Руслану.

Чего уж терять время на разговоры.

Руслан тянул меня вперед, но я не спускал его с поводка, потому что боялся, что он увлечется и убежит вперед. А у них, может быть, не только пистолет, а есть какое-нибудь космическое оружие. Лазерный бластер, например.

Мы пробежали сквозь всю обжитую часть парка, мимо аттракционов, мимо библиотеки и эстрады, мимо пруда, мимо летнего театра. Даже я запыхался. О Сорокалете и говорить не приходится.

Редкие посетители парка глядели на нас с опаской и отходили в сторону. Наверное, казалось им, что мы гонимся за диким кабаном.

Наконец культурная часть парка кончилась, и началось то место, где положено отдыхать.

Мы бежали в гору. Нам уже никто не встречался. Сумерки набирали силу, и все вокруг синело, серело и теряло краски.

И тут я увидел впереди фигуру. В голубом платье. Фигура стояла очень странно — уткнувшись лицом в ствол старого дуба. Плечи ее тряслись.

Мы бежали как раз к ней, а казалось, будто это она к нам приближается, как в кино, когда камера наезжает на героиню.

Фигура мне была очень знакома, и в этом была неправильность. Почему мне должна быть знакома фигура в Нескучном саду, в холодную вечернюю погоду, когда вот-вот пойдет дождь?

Фигура была так занята своими переживаниями, что не обратила на нас никакого внимания. Зато обратил на нее внимание Руслан. Он вдруг остановился так резко, будто налетел на стенку, и я чуть было не кувырнулся через него.

Хвост Руслана поднялся и совершил два неуверенных взмаха, как флажок в руке сигнальщика.

И потом он взвизгнул, словно перед ним поставили блюдо с костями, и бросился к фигурке в голубом платье со всех ног, забыв о следах и своем долге перед человечеством. Но уже в следующую минуту я его понял.

Уткнувшись носом в дерево и рыдая, стояла моя собственная старшая сестра Настасья.

Только Сорокалет ничего не понял, а крикнул мне сзади:

— Это не он!

Я отлично знал, что это не он, но очень испугался за Артема.

При их безумной любви Настасья без Артема никуда ни шагу. И если Артема нет, а Настасья рыдает, значит, случилось что-то ужасное. Вернее всего, на них напали хулиганы и убили Артема.

Поэтому я и закричал:

— Что с Артемом?

Настасья сначала узнала Руслана, потому что он встал на задние лапы и старался лизнуть ее в щеку, а только потом уже поняла, что по другую сторону поводка стою я.

— Вы чего? — спросила она, размазывая слезы. И мне показалось, что она очень рада нас видеть. — Вы меня искали?

— Нет, — сказал я. — Мы тебя случайно увидели. Ты чего ревешь?

— Глупо все, — сказала Настасья. — Вот и реву.

— Простите, — сказал Сорокалет. — Может быть, ваша знакомая нас отпустит? У нас неотложное дело. Каждая минута на счету.

— Это моя сестра, а не знакомая, — сказал я. — А где Артем?

— Что ты ко мне привязался со своим Артемом? — искренне удивилась Настасья. — Я его и знать не хочу.

— Кого? — Тут я даже забыл о своих делах. Такое заявление в устах моей сестры было совершенно невероятно. — Артема знать не хочешь? С ним в самом деле ничего не случилось?

— Если и случилось, мне все равно.

— Настасья, — сказал я, — опомнись. Наверно, он тебя обидел? Но это недоразумение. Он тебя обожает. Я это точно знаю.

— Чепуха какая-то, — сказала Настасья.

— А тогда чего ревешь?

— Грустно. И страшно немного. Зачем только я сюда пошла?

— Ты, наверно, с Артемом гуляла, да?

— И очень жалею, — сказала Настасья. — А может, и хорошо, что все кончилось?

— Слушай, не сходи с ума, — сказал я. — Конечно, любовь — это твое личное дело и мне ваш роман даже немного надоел, но не бывает же, чтобы утром человек сгорал от любви, а вечером от нее начисто отказался.

— А я утром сгорала от любви? — Настасья даже улыбнулась. Печально, будто и в самом деле старалась вспомнить, было это или нет. В сумерках казалось, что ее зубы светятся.

Она пожала плечами.

— Хорошо, что вы с Русланом пришли. А то неизвестно, как отсюда выбираться.

— Что произошло? — потребовал я. — Отвечай немедленно.

— Ничего не произошло. Мы гуляли. Сидели на лавочке, говорили.

— О чем?

— Не помню. О всякой чепухе. Даже жениться собирались. А потом он мне говорит, что ему домой пора. Что ему скучно со мной.

— Артем? Так сказал?

— А чего удивительного? Я была с ним совершенно согласна. Смотрю и думаю — и зачем мне тратить время на этого акселерата? Надо учиться, думать о будущем.

— А потом?

— Потом он ушел. Я посидела еще и решила домой идти. А потом вдруг стало страшно одной. И зло взяло на этого Артема. Вот я и заплакала. И ничем он меня не обижал. И хорошо, что он сказал мне, что не любит меня. Я то же самое хотела сказать.

— Девушка, — вдруг спросил Сорокалет, — а это далеко отсюда было?

Настасья только сейчас его заметила. Но она была так подавлена, что даже не удивилась.

— Метров сто отсюда, не больше. Мы на лавочке сидели, над рекой.

— А кто-нибудь к вам подходил? — спросил Сорокалет.

— Не знаю, мы целовались... — И Настасья вдруг осеклась, будто сама удивилась своему ответу. — Целовались... Странно, зачем? Там проходил один человек. Я даже застеснялась. Он остановился рядом...

Тут я понял, куда клонит Сорокалет, и спросил раньше, чем он успел задать этот вопрос:

— У него был черный саквояж?

— Саквояж? Не знаю. Какой-то чемодан был. Или портфель. Он еще открыл его...

— Руслан! — приказал я. — Оставайся здесь и береги Настасью. Чтобы от нее ни шагу!

И я побежал вперед. Потому что Сорокалет побежал первым и я не хотел оставлять его одного.

6

Шагов через сто мы выбежали на небольшую площадку над рекой. Там стояла скамейка. Пустая. И никого рядом.

Но уйти они далеко не могли.

Сорокалет крутил головой, как будто разыскивал следы. Конечно, я поступил неправильно. Надо было взять Руслана с собой. Настасью и Руслана.

Сорокалет нагнулся и поднял с травы что-то светлое.

Я подбежал к нему.

Сорокалет держал в руке толстую пачку сторублевок. Я оглянулся. Как грибник, который увидел, что его товарищ нашел великолепный гриб и смотрит, нет ли других по соседству. Еще одна пачка лежала в кустах.

— Все ясно, — сказал Сорокалет. — Он выкидывал их, чтобы добраться до приборов. Ему захотелось отнять у них чувства.

— А деньги как же? — спросил я.

Сорокалет вытащил одну из бумажек и посмотрел сквозь нее на свет только что загоревшегося фонаря.

— Никаких водяных знаков, — сказал он. — Типичная липа.

— Значит, они не только мысли...

— Значит, они могут воровать и чувства. Сильные чувства.

— Тем более, — начал я. — Я лучше погибну, но мою сестру обижать не дам.

Сорокалет поднял руку, чтобы я замолчал.

Было очень тихо. Так тихо, что было слышно, как за рекой, очень далеко, гуднула машина.

Потом я тоже услышал шорох в кустах.

Сорокалет пошел туда осторожно. Как будто подкрадывался к бабочке.

Я за ним.

За купой деревьев была еще одна поляна. Там стояли два человека. Было почти темно, и я не сразу догадался, что они делают.

Человек пониже ростом, тот, возле которого на траве стоял черный саквояж, снимал с другого одежду. И это было невероятное зрелище. Настолько невероятное, что мы замерли. Тот, которого раздевали, стоял неподвижно и не возражал. Я вдруг понял, что это шофер инкассаторской машины. Потом он поднял руки, чтобы удобнее было снять с него рубашку.

Его тело странно поблескивало под отсветом далекого фонаря.

Похититель бросил рубашку на траву. Там уже лежали брюки. Стояли рядышком ботинки.

Потом он нажал своему напарнику на затылок, и тот вдруг сложился. Как карточный домик. Раз — и на земле лежит лишь плоская пластина.

Человек поднял пластину, сложил ее вчетверо, открыл саквояж и положил пластину внутрь.

Затем вышел на середину поляны и поднял вверх палец.

И тонкий луч света вылетел из пальца и протянулся вверх.

В тот же момент Сорокалет смело вышел из кустов и в два прыжка добежал до похитителя.

Похититель почувствовал опасность и обернулся, одновременно наклоняясь, чтобы схватить саквояж.

Но тут в схватку вступил и я.

Я знал, что меня сейчас ничем не испугаешь — ни пистолетами, ни космическими бластерами. Мне удалось во вратарском прыжке дотянуться до саквояжа и вырвать его.

— Вы с ума сошли! — закричал тонким голосом похититель. — Сейчас же отдайте! Я позову милицию!

Он потянулся к саквояжу, но Сорокалет встал на его пути.

И тут все вокруг потемнело, потому что сверху совершенно беззвучно начало спускаться что-то черное. Оно закрывало синее, в низких облаках небо. Оно было похожим на шар, точнее я не разобрал.

Внизу открылся круглый люк, и из него выкатилась, разворачиваясь, лестница. Похититель бросился было к ней, потом обратно к саквояжу.

— Отдайте! — кричал он. — Это мое! Я не могу без этого возвращаться!

Он рвался ко мне, и я отступил на несколько шагов. Сорокалет старался остановить его.

Похититель наставил палец на Сорокалета, и тонкий луч света ударил изобретателю в лицо. Тот зажмурился.

— Я знаю тебя! — сказал тогда похититель. — Я понял. Отдайте мой накопитель, и я верну вам ваши мысли.

— Нет, — сказал Сорокалет. — Нам нужно все.

— Я убью вас!

Но тут из черного круга раздался тревожный звонок. Короткий и требовательный.

И я увидел, как люк начал медленно закрываться.

— Отдайте! — крикнул похититель. — Я вам заплачу! Я не могу вернуться без добычи! Меня ликвидируют!

— Вы не только вернетесь без добычи, — сказал Сорокалет, и я даже удивился, потому что никогда не слышал у него такого твердого голоса. — Вы еще скажете тем, другим, которые хотят поживиться у нас, чтобы Землю они облетали стороной. В следующий раз мы не только отнимем украденное. Мы еще...

Договорить Сорокалет не успел, потому что звонки с «корабля» стали звучать все чаще, короче и настойчивей.

— Спешите, — сказал тогда Сорокалет, видя, как похититель мечется между люком и нами. — Если не хотите остаться здесь и ответить за все, что вы натворили...

Похититель как-то странно пискнул и буквально взлетел в воздух.

Он успел втиснуться в люк в самый последний момент. И тут же черная громада космического корабля начала медленно подниматься к облакам, затем все скорее, скорее и исчезла в них.

Я только тогда понял, что стою с задранной головой.

— Вот и все, — сказал Сорокалет. — Один — ноль в нашу пользу. Но игра еще не окончена.

Он первым пошел обратно.

Я за ним.

Он обернулся.

— Не тяжело? — спросил он.

— Нет, — сказал я.

Мы молчали. Мы оба очень устали. И я не знал, что делать дальше.

Мы спустились мимо скамейки, где нашли сестру, затем прошли еще ниже, к дереву, где должны были ждать нас Настасья с Русланом. Но их не было. Они уже ушли. Я не беспокоился. Когда рядом Руслан, ей никто не страшен.

Сорокалет прошел еще несколько шагов, до скамейки под фонарем.

И сел.

— Как будто весь день дрова колол, — сказал он. — Давай сюда саквояж, поглядим.

Мне и самому уже не терпелось открыть саквояж. Но я понимал, что Сорокалет больше меня разбирается в таких вещах. Хотя в таких вещах не разбирался ни один человек на Земле.

Сорокалет открыл саквояж, вытащил сверху тугую пластину и положил рядом с собой на сиденье.

— Очень любопытный тип робота, — сказал он. — Этим мы еще займемся.

Его пальцы легко, словно ощупывая, бегали по кнопкам на панели внутри саквояжа.

— Может, отнесем завтра в институт кибернетики? — спросил я. — А то как бы не сломать.

— Я осторожно, — сказал Сорокалет.

Я вспомнил, что он тоже многое забыл за сегодняшний день. Может, вчера он, как великий изобретатель, разобрался бы во всем, но сегодня он неполноценный гений. Как и я. Смешно даже, шел к изобретателю, как коллега к коллеге, чтобы рассказать ему о моей системе экологической гигиены, о корабле, который собирает грязь, об очистителе воздуха... и тут я представил этот очиститель воздуха с такой ясностью, будто изобрел его только пять минут назад.

Я не сообразил, что же произошло. Но не удержался и сказал:

— Кстати, я вам сегодня хотел рассказать о моей системе...

И я увидел, что Сорокалет смеется.

— Вы чего?

— А система будет работать?

— А почему нет? — спросил я. — Ее принцип прост и надежен...

— Значит, все в порядке, — сказал Сорокалет и еще сильнее повернул рычажок.

И в этот момент я вспомнил все и даже представил себе то, о чем думал последние дни и не мог решить.

— Вот так, — сказал Сорокалет. — Завтра я настою, чтобы вновь собрали ученый совет. И покажу им, скептикам, где раки зимуют!

— Ура! — сказал я негромко. — Мы победили.

— Не обольщайся, — сказал Сорокалет. — Нам еще предстоит трудная работа, чтобы убедить скептиков в опасности, которая совсем не исчезла. Мы не знаем, может, на Земле орудуют сейчас и другие ловцы мыслей и чувств. И наше счастье, что у нас есть этот саквояж. Это называется вещественное доказательство.

— Правильно! — сказал я. — Без него нам никто бы не поверил. А с ним — куда денешься! Вы только не забудьте этого складного инкассатора. Он нам тоже пригодится.

— Любопытно, — сказал Сорокалет, будто и не слушая меня. — Я все ломал себе голову, как они решают, какие мысли им нужны, а какие нет. Какие чувства стоит украсть, а какие можно игнорировать.

— И что же?

— Тут есть индикатор интенсивности. Чувств и мыслей. Если содержание мысли выше определенного уровня, она уже представляет интерес. То же касается и чувств...

— А они нас не завоюют? — спросил я.

— Ого, — сказал Сорокалет, — интенсивность твоих чувств выше нормы.

— А вдруг они будут мстить?

— Судя по всему, не завоюют. Они избрали, с их точки зрения, самый рациональный путь. Мысли и чувства — самое ценное в Галактике. Эта добыча получше всего золота мира.

Он поднялся и сказал:

— Пора, коллега. Поздно. Парк уже, наверное, закрыли. Придется перелезать через забор. Пошли.

Мы быстро шли по парку. Мы были совершенно одни. Мы все время говорили, потому что нам было о чем поговорить, несмотря на разницу в возрасте и образовании. В одном мы только не сошлись. Я был уверен, что с этими пришельцами надо бороться, как с самыми страшными преступниками. А Сорокалет начал доказывать мне, что, как только они поймут, что нас голыми руками не возьмешь, мы можем достичь понимания и даже сотрудничать. Мы сможем добровольно делиться с ними мыслями и взамен тоже многое узнаем.

— Нет, — сказал я, когда мы уже подходили к выходу из парка, — это вампиры. И не нужны мне их достижения. Мы сами все придумаем. Только не надо нас грабить.

К счастью, ворота парка еще были открыты.

Мы вышли на площадь. Впереди была видна одинокая машина, оставленная пришельцем. Наверное, ее хозяин с ума сошел, разыскивая ее. Найдет, ничего. И я представил, как сейчас украденные мысли летят над городом, возвращаясь к владельцам, и люди, которых ограбили и которые не подозревают, что их ограбили, вдруг вспомнили забытую формулу или редкий язык, конструкцию станка или план дома. Или смотрят на свою жену и думают — как я мог не любить такую замечательную женщину?

И тут я увидел наших глупых влюбленных.

Они сидели неподалеку, сбоку, на ступеньках, и не заметили нас.

Руслан тоже не заметил. Он спал, вытянувшись во весь рост на асфальте.

Они сидели, обнявшись, прижавшись друг к другу, и тихо ворковали.

Будто расставались на пять лет и случайно встретились вновь.

И мне, хотя я и не одобряю этих нежностей, было приятно на них смотреть.

Руслан почуял нас, проснулся, медленно поднялся и радостно рявкнул. Так, что листья с деревьев полетели. И самое удивительное — Настасья с Артемом этого не услышали.

ФОТОГРАФИЯ ПРИШЕЛЬЦА

1

Даша старше меня на десять лет.

Еще пять лет назад разница в возрасте была катастрофической. По дороге в институт сестра заводила меня в школу, помогала снять сапожки и разматывала шарф. Некоторые принимали Дашу за мою маму, бывают же очень молодые мамы. Я ее тоже воспринимала как младшую маму.

Незаметно я подросла, а Даша не изменилась. Теперь все понимают, что мы сестры, не больше. Тем более что ростом я ее почти догнала. Дошло до того, что я стала ее подругой. И даже доверенным лицом. Именно я отметаю назойливых поклонников.

После института Дарья стала работать у нас в ЖЭКе, инженером по благоустройству. У нее был выбор, а так как сильно заболела мама и ее нельзя было оставлять одну, Даша попросилась на работу поближе к дому.

Наверное, нас сблизила мамина болезнь. Еще год назад мы жили под маминым крылышком. Мама была в командировке, попала в автомобильную аварию, и у нее сломан позвоночник. Притом очень неудачно, так что у мамы отнялись ноги, и когда она придет в норму, неизвестно.

Только, пожалуйста, не думайте, что я — серьезное деловитое создание, вся в заботах, никогда не улыбнется. Жизнь продолжается. Мы уже купили маме кресло на колесиках. Даша окончила курсы лечебной физкультуры, а я умею делать массаж. А если вы видели бы мою маму, то поняли бы, что все обязательно обойдется — никого более очаровательного, чем моя мама, на свете нет, особенно если она улыбается.

На втором месте стоит моя Дарья. К сожалению, Дарья отлично знает силу своего обаяния и им легкомысленно пользуется. Вернее, пользовалась до того момента, когда возник мой любимый Петечка.

Считается, что младшие сестры ревнивы, но я убеждена, что с Петечкой нам повезло.

В отличие от других поклонников, которые возникают в городском транспорте, на улицах, в кино и всяких других общест-

венных местах, Петечка материализовался прямо у нас в прихожей.

Я готовила уроки, мама смотрела телевизор, когда раздался звонок, и, открыв дверь, я увидела странное сооружение — худого человека без головы. Петечка стоял близко к двери, и голова его скрывалась за косяком. Для того чтобы войти в прихожую, ему пришлось нагнуться. И тогда я увидела, что у него есть самая настоящая голова, рыжая и добродушная. Рыжими были тугие курчавые волосы, брови, ресницы и веснушки. Все остальное было ярко-розовым, а глаза оказались зелеными.

— Здравствуйте, — сказал он, выпрямляясь и почти утыкаясь макушкой в потолок. — Я хочу видеть Дарью Александровну.

Мне бы поздороваться как положено и ответить, что Дарья Александровна еще не приходила, но вместо этого я непроизвольно спросила:

— Какой у вас рост?

— Вы же видите, — сказал рыжий человек, приставил к затылку большой палец и, растопырив пальцы, достал указательным до потолка.

— Два двадцать пять? — сказала я.

— Два двадцать три, — ответил молодой человек.

— Вы баскетболист? — спросила я.

— К сожалению, — ответил молодой человек, — я не могу играть в баскетбол, потому что все кричат на трибунах: «Рыжий, давай!» А когда я промахиваюсь, все кричат: «Рыжего с поля!»

— Вы заходите, — сказала я, потому что очень захотела показать такого странного человека маме. Хотя не знала, как это сделать, потому что тогда мама еще не вставала, а лежала во второй, маленькой комнате.

— Спасибо, — ответил Петечка, — я зайду попозже.

И тут он представился как Петр Говоров, корреспондент нашей областной молодежной газеты. И никуда не ушел.

Мы с ним разговаривали в прихожей минут десять, потому что он в комнату заходить не хотел, а я не хотела его отпускать, так как боялась, что он потеряется. За эти десять минут я узнала, что он в самом деле играл в баскетбол, но ему было интереснее учиться в университете и писать детские стихи, что он из маленького городка в сорока километрах от нас и потому живет в общежитии, а я ему рассказала про нашу семью, про несчастье с мамой, про то, что я победила на районной исторической олимпиаде, и даже не удержалась и сообщила, что наша Дарья очень красивая. Прислали к нам Петечку из газеты, чтобы написать информацию про детскую площадку, которую придумала Даша... Тут она и вошла.

Дарья была злая, усталая после какого-то неприятного совещания.

— Чего же вы тут стоите? — спросила Даша, входя в прихожую. — Или Мария вас уже заговорила?

А Петечка ничего не ответил. Он смотрел, склонив голову, на Дашу, и я поняла, что у него отсох язык. И это меня обрадовало, потому что я мысленно уже поселила Петечку в нашем доме и даже придумала, как приставить к дивану журнальный столик, чтобы у него не свисали ноги.

Поэтому, когда вечером, после того как Петечка, спросив все, что надо, о детской площадке, удалился, а Даша сказала: «Это какой-то монстр», я сразу заявила: «Как только мне исполнится восемнадцать лет, я выхожу за него замуж». Даша принялась хохотать, мама, которой мы показали Петечку, тоже начала хохотать, а я сделала вид, что обижена, и пошла мыть посуду. Они ничего не поняли. Меньше всего я думала о замужестве — эти проблемы меня, к счастью, не волнуют. Мне нужно было создать стрессовую ситуацию, шокировать окружающих. Потому что от удивления до интереса один шаг. Если кто-то претендует на человека, который показался тебе монстром, значит, в нем есть что-то, чего ты не увидела. А это заставит Дарью задуматься.

2

Как я была права! Не прошло и месяца, как Петечка стал у нас дома своим человеком, отпугнул других поклонников Дарьи. Это не значит, что он был агрессивным. По характеру Петечка — щенок, притом застенчивый.

Я не могу назвать отношения Дарьи с Петечкой романом. Это было бы преувеличением. Дарья иногда шутит, что замещает меня до моего совершеннолетия. Но по крайней мере она уже не считает Петечку монстром и не стесняется ходить с ним по улице, хотя сначала стеснялась. А мы с мамой от Петечки без ума. Потому что он, в первую очередь, хороший человек.

Оппозиция существует в лице Аллочки, Дашкиной подруги. Я сама слышала, как она говорит: «Ты с ума сошла, связать свою жизнь с этим бесперспективным уродом! Твоя красота — явление уникальное! Ну, я понимаю, если бы он играл за сборную Союза, это еще куда ни шло. Но он пишет детские стишки, которые никто не печатает». На что я ответила: «Его стихи — завтрашний день детской поэзии. — И процитировала: — «В июне, в самую жару, в вагоне пропыленном в Москву приехал кенгуру работать почтальоном». «Вот именно», — сказала тогда Аллочка,

и я поняла, что первый раунд я проиграла. Но впереди еще немало раундов.

Так что идею с космическим кораблем первой поддержала я и сыграла в ее реализации немалую роль. Мне она была нужна для того, чтобы помочь Петечке.

Во-первых, это значило, что у Петечки с Дашей будет общее дело. А общее дело всегда сближает. Во-вторых, это даст возможность Петечке напечатать в газете большой очерк о ценном начинании — пора Петечке подрастать как журналисту. А в-третьих, это полезно детям нашего двора.

Мне иногда кажется, что взрослые совершенно не в состоянии понять, насколько мы в конце двадцатого века быстрее растем, чем они сами росли лет тридцать-сорок назад. Мы же раньше узнаем слова «телевизор» и «космос», чем «Баба-яга» или «соска». Я в седьмом классе интересуюсь проблемами, которые моей бабушке и даже маме просто не снились. Может быть, я не самая типичная в классе, и потому у меня почти нет подруг. Но ребята меня отлично понимают, и им со мной интересно. Еще в прошлом году в классе некоторые посмеивались над моей дружбой с Димой Петровым. Но нам друг с другом интересно, понимаете? Причем мы с Димой совершенно разные люди — он весь в технике, для него в слове «транзистор» буквально звучат трубы, как в оркестре. Я устроена иначе. Я люблю историю, я считаю, что если знать и понимать, как люди жили раньше, то можно лучше понять, что будет завтра, по крайней мере не повторять старых ошибок.

Когда у меня возникла идея с детской площадкой, я обсудила ее с Димой, а потом мы оба принесли ее Петечке. Я сейчас уже точно не помню, что я говорила, но примерно так:

— Погляди, Петечка, на нашу детскую площадку. За что мою дорогую сестренку хвалит общественность и ты в том числе? За то, что посреди нашего двора поставлены качели, какое-то глупое сооружение, по которому надо лазить, теремок и пять гномов, вырезанных из бревен, не считая медведя, который непохож на медведя. Что в этой площадке от нашего века?

— Но что ты предлагаешь? — спросил Петечка, который знал, что со мной шутки плохи.

— Я предлагаю сделать детскую площадку такой, чтобы на ней могли играть и воспитываться будущие обитатели двадцать первого века.

— А чем они будут отличаться от вас? — спросил Петечка. — Они уже совсем перестанут верить в сказки?

Нет смысла передавать все разговоры и споры, которые мы вели. Главное, мы с Димкой их убедили. И убедили настолько,

что Петечка сам загорелся этой идеей. Он даже придумал очередное стихотворение, в котором в туманной форме отразил наши споры: «Почему нет городов у слонов? Потому что для печей им не хватит кирпичей».

Глобус Луны мы решили сделать из гипса диаметром в три метра, марсоход — на основе разбитого и разоренного «жигуленка», который уже третий год стоял у соседнего дома, теремок мы договорились перестроить в диспетчерскую космодрома. Остановка была только за кораблем.

Дарья предложила сделать его из фанеры. Я не успела возмутиться, как Петечка меня опередил.

— Как можно ближе к действительности, — сказал он.

— А может, в Звездном городке есть какой-нибудь списанный корабль? — сказала тогда мама, которая за нас переживала. — Детям они его отдадут.

— Нет, — сказала тогда я. — Списанные корабли — это вчерашний день космонавтики. Нам нужна перспективная модель.

— Я тебя даже музыке не учила, — сказала на это мама. — Я хотела, чтобы у тебя было нормальное детство. А ты сама себя засушила. Ты не девочка, а какой-то робот.

— Мама, ты не права, — ответила я. — Ты видишь меня не такой, какая я есть, а какой ты боишься меня увидеть.

Мама была так потрясена моим силлогизмом, что надолго выключилась из дискуссии.

3

Строительство площадки заняло больше месяца. Где-то к октябрю достали у строителей гипс и начали делать глобус Луны, теремок удалось разобрать только после отчаянной войны с дворовыми бабушками. В теремке пока поместили робота, подаренного нам ребятами из кружка изобретателей Дома пионеров, вездеход помог соорудить Сергей — он шофер такси — с помощью замкнутого человека, который приехал из Норильска и жил временно в квартире Синицыных, которых командировали на два года в Алжир. Замкнутого человека звали Ричардом. Я думаю, что он был армянином, потому что у армян часто бывают странные имена: Гамлет, Роберт... Он был похож на армянина, у него были тугие черные волосы, резкие черты лица и легкий акцент. Такой легкий, что его сразу не уловишь. И иногда, говоря, он вдруг делал паузу, словно искал нужное слово.

И, главное, нам повезло с космическим кораблем.

Вспомнил о нем Петечка.

Он сказал, что основа для космического корабля стоит в лесу,

возле городка, в котором он родился. Еще когда он был мальчишкой, они нашли эту конструкцию в овраге, который проходил по лесу, но тогда они думали, что это остатки самолета, который упал там во время войны. Петечка объяснил нам, что «самолет» представлял собой остов какого-то сооружения немалых размеров, вроде бы основа конструкции сохранилась хорошо, почти не проржавела, так что если обшить ее листами алюминия или пластиком, то получится именно то, что надо.

Главная задача заключалась в том, как эту железяку выволочь из леса и привезти к нам.

Формальности я опускаю, хотя в то время они доставили нам массу хлопот. Под формальностями я понимаю раздобывание автокрана, мобилизацию добровольцев.

Решительный момент наступил в субботу, часа в три.

Петечка с добровольцами и моей сестрой уехали в лес, во дворе дома царило необычное оживление, и бабушки, которые садятся на лавочки обычно после обеда, на этот раз сидели с семи утра, и места для всех не хватало. Поэтому я погнала Димку с его ребятами за стульями в красный уголок.

Конечно, я переживала. Конечно, мне казалось, что наш космический корабль рассыпался, когда его стали поднимать, или ГАИ не пустила его в Москву, чтобы не засорять город. Мало ли что может случиться? Даже авария.

Я так нервничала, что Димка принес мне стул и сказал, чтобы я сидела, а то у меня стресс.

Я села. Рядом сидел Ричард.

Я обратила внимание на то, что он тоже нервничает. Он держал в руке свернутую трубкой газету и обмахивался ею, хотя в октябре достаточно прохладно, к тому же дул ветер и собирался дождь.

Вообще-то он мне казался странным человеком. Если бы не мои переживания из-за Петечки, Дарьи, мамы, космического корабля, я бы более внимательно к нему пригляделась. Он жил в нашем дворе уже второй месяц, вроде бы нигде не работал, по крайней мере появлялся и исчезал в самое неожиданное время дня и ночи, был очень вежлив, его любили дворовые бабушки, со всеми он раскланивался и в то же время ни с кем не был знаком. И никто никогда не бывал в квартире, которую он снимал. У меня создавалось впечатление, что он даже не стал ее обставлять. Квартира была на первом этаже, и если очень постараться, можно было бы его увидеть или под каким-нибудь предлогом — мало ли предлогов у школьника — заглянуть к нему. Но я повторяю: тогда меня это не интересовало. И если бы не эта сложен-

ная газета именно в тот день, когда должны были привезти корабль, я бы так ничего и не заподозрила.

Значит, я сижу на складном стуле и переживаю. Рядом сидит Ричард и тоже переживает. Трейлер все не едет. Собирается дождь.

Димка подходит ко мне и говорит шепотом:

— Обрати внимание на этого Ричарда.

— А что?

— Во дворе только молодежь и бабушки, не считая мамаш с колясками, которые и так бы гуляли. И один мужчина.

— Может, он любит детей? — спросила я не думая.

— Раньше я что-то не замечал.

Ричард не слышал нашего разговора. Он положил газету на колени и что-то стал писать на ее полях.

В этот момент с шумом во двор въехал трейлер, на котором возвышалась конструкция очень грустного вида. Ни на что не похожая, тем более не похожая на космический корабль. Только бурное воображение Петечки могло в ней увидеть будущие законченные формы. Я даже разочаровалась и чуть было не закричала: «Вы ошиблись! Вы притащили не ту железку!» Но сто детей нашего и соседних дворов подняли такой восторженный крик, что я промолчала.

Потом приехал автокран, и после долгих совещаний и споров развалину поместили рядом с бывшим теремком.

Теперь я вспоминаю, хоть тогда совсем об этом не думала, что Ричард, как только развалюха появилась во дворе, вскочил, словно ужаленный гремучей змеей, и кинулся к трейлеру. Он все время был в первых рядах зевак, давал советы, и от его обычной задумчивости и следа не осталось.

Дождь пошел, как раз когда основные события завершились. Уже под дождем сестрица поблагодарила помощников, и они с Петечкой побежали домой. Мы с Димкой хотели бежать следом, но тут вспомнили, что складные стулья взяты из красного уголка и надо их вернуть на место. Мы подбежали к стульям и понесли их. А когда мы их поднимали, с одного из стульев упала сложенная в трубочку газета, та самая, которую держал Ричард.

Как известно, все шпионы попадаются на мелочах. Я об этом где-то читала.

Ричард совершил непростительную ошибку, и, может быть, этого никто бы не заметил, если бы не моя наблюдательность.

И эта ошибка ему дорого обошлась.

4

Я потащила стулья к красному уголку, а газета упала на землю. И тут я вспомнила, что Ричард что-то писал на полях газеты. И эти записи могут ему понадобиться. Поэтому только я взяла газету и сунула ее в карман куртки.

Когда мы отволокли стулья в красный уголок, дождь разошелся вовсю. И мы решили его переждать.

Мы обсуждали с Димкой, как сделать корабль похожим на настоящий. Тем временем у меня прорезался насморк. У меня насморк возникает очень быстро — стоит мне попасть под сквозняк или дождик. Я полезла за носовым платком в карман и вытащила газету.

— Надо отдать, — сказала я Димке. — Напомнишь?

— Кому?

— Ричарду. Он ее оставил.

Мы в это время стояли у двери на улицу. Красный уголок у нас в полуподвале, не в нашем корпусе, а в третьем. Нас не было видно. По крайней мере Ричард, когда выскочил из своего подъезда и побежал под дождем, нас не заметил. Он добежал до того места, где недавно стояли складные стулья. Я поняла, что он ищет газету, и хотела ему крикнуть, но дождь хлынул так сильно, что не перекричать. Чтобы не забыть газету, я вынула ее из кармана и развернула. Я не хотела читать его записи — это неприлично, просто газета немного подмокла, и я хотела ее просушить.

И в этот момент мое внимание приковал заголовок:

«Для строителей будущего».

Странное совпадение, подумала я. Только позавчера мы придумали с Петечкой такой заголовок для его статьи. Надо ему сказать, что нас опередили.

Я машинально начала читать статью под этим заголовком.

Статья начиналась так:

«Тем, кому сегодня двенадцать или четырнадцать лет, молодыми людьми вступят в век двадцать первый».

Это было еще более удивительное совпадение, потому что точно так же начиналась наша с Петечкой статья. И, как вы уже догадываетесь, все, что в ней было написано дальше, тоже было придумано нами. И еще удивительнее было то, что и подписана статья была Петечкиной фамилией. Произошла ошибка. Статья была напечатана раньше, чем закончена детская площадка! А ведь мы с Петечкой решили, что сначала все сделаем, а уж потом будем рассказывать о наших достижениях. Видно, сегодня утром, когда я перепечатала статью и отдала Петечке, он отнес ее в газету и там, не договорившись с ним, ее напечатали... И тут

же я сообразила: так быть не может. Если я сегодня утром перепечатала, значит, раньше чем завтра статья появиться не может.

Тогда я сделала то, что надо было сделать с самого начала: я посмотрела на число, когда вышла газета. И число было даже не сегодняшнее и не завтрашнее, а послезавтрашнее — 14 октября. Мне показалось, что я сошла с ума, Я зажмурилась, потом открыла глаза и прочла снова: «14 октября».

— Дим, — сказала я. — Прочти.

И показала пальцем на дату.

— Четырнадцатого октября, — сказал он.

Дождь молотил по навесу над дверью, Ричард, отчаявшись, видно, отыскать газету, побежал к подъезду.

— Бред какой-то, — сказал Димка.

Дождь ослаб, будто кончилась вода в лейке.

— Пошли домой, там все обсудим, — сказала я, и мы побежали через двор к нашему подъезду.

Мы пробежали совсем рядом с развалюхой. Дождь промыл ее округлые балки и стержни — как будто шпангоут у лодки или скелет у рыбы. Чем-то мне этот «корабль» не понравился. Во мне была тревога. Я еще не могла сказать, что происходит, но происходило что-то неправильное.

Я постаралась вглядеться в сплетение железных полос и щитков, чтобы понять, что там, внутри. Но внутри развалюхи было темно.

— Ты что? — спросил Димка.

— А почему, — сказала я, — никто из нас не подумал, чем это было раньше?

— Ну, может быть, когда-то строили подстанцию или трансформатор, — сказал Димка.

— В лесу?

Объяснение мне могли дать два человека. Петечка или Ричард. Последний из них встретился мне буквально через минуту. Он, оказывается, стоял прямо за дверью подъезда. Никуда не уходил.

Мы замерли. И молчали несколько секунд. Вообще-то мне показалось, что мы молчим целую вечность.

Потом я спросила почему-то очень тонким голоском:

— Это вы забыли газету?

— Мы ее нашли на стуле, — быстро добавил Димка.

— Газету? — Я убеждена, что он еле сдержал свою руку, которая дернулась к газете. Но мой голос и все мое поведение меня выдали. Он понял, что я видела статью в газете. И подозреваю его. — Нет, ребята, — сказал он, напряженно улыбаясь. — Газеты я нигде не забывал.

— А вы знаете, за какое число эта газета? — спросил Димка.

— Нет, а что?

Ричард как-то ловко взял у меня эту газету, я даже отвести руку не успела. И сделал это так естественно — как человек, который узнал что-то интересное, а теперь хочет убедиться.

Он развернул газету, поглядел на дату и сказал:

— Очень любопытно.

Лицо его было совершенно спокойно. Но тут же его исказила гримаса. Ему захотелось чихнуть.

Ричард полез в карман, достал большой носовой платок. И чихнул. И еще раз. На мгновение его лицо скрылось за носовым платком.

— Простите, — сказал он потом.

Но насморк его окончательно одолел. Он чихал и чихал — и никак не мог остановиться. Он был вынужден даже вернуть нам газету и уйти к себе. В жизни не видала человека, который бы так часто и оглушительно чихал.

— Вам нельзя под дождь вылезать, — сказал ему вслед Димка.

Дверь за Ричардом закрылась, а тут как раз подошел лифт, и мы, выпустив бабушку с собачкой и зонтиком, вошли в него.

Лифт приехал на наш этаж, и мы позвонили в дверь.

— Петечка, — сказала я, — ты знаешь, что твоя статья о детской площадке уже напечатана?

— Почему? — удивился Петечка. — Я ее только сегодня утром сдал.

— Можешь убедиться, — сказала я и протянула Петечке газету. — На третьей странице.

Петечка раскрыл третью страницу, проглядел ее и сообщил мне:

— Моей статьи еще нет. Все правильно.

— Ты совершенно слепой, — сказала я и отобрала у него газету.

Я проглядела всю третью страницу, потом на всякий случай и четвертую. На месте Петечкиной статьи был очерк о передовом токаре, победившем в соревновании.

Я поглядела на первую страницу. Газета была от сегодняшнего числа.

— Это не та газета, — сказала я Петечке.

— А какая та?

— Та была от четырнадцатого октября, — сказал Димка. — Я тоже видел.

— Ну что ж, — сказал Петечка, улыбаясь, потому что решил, что мы его разыгрываем. — Показывайте мне другую газету.

— Он ее подменил, — сказала я. — Когда чихал, подменил.

— Но я на него смотрел, — сказал Димка.

Дарья позвала Петечку на кухню, и, продолжая улыбаться, он нас покинул. А мы остались с самой обыкновенной сегодняшней газетой в руках и понимали, что никого и никогда не убедим, что только что видели совсем другую газету.

5

За обедом Петечка рассказывал, как мы хотели его разыграть и как он не попался на наш розыгрыш. А мы не спорили. Никому не хочется казаться дураком. Только в одном я была убеждена: теперь этот Ричард будет под нашим постоянным наблюдением.

Наблюдать можно было прямо из моего окна. Мой стол стоит возле него боком, так что мне достаточно обернуться, чтобы держать под прицелом весь двор. Конечно, Ричард мог выйти из подъезда и проскользнуть, прижимаясь к стене дома. Тогда бы я его не заметила. Но вернее всего, он не будет считать меня за настоящего противника.

После обеда Димка ушел к себе домой, а я уселась за стол, чтобы подготовиться к контрольной по химии в понедельник. Разумеется, химия интересовала меня постольку-поскольку.

Начало темнеть. Я слушала, как в маминой комнате Петечка вежливо спорит с моими женщинами о творчестве поэта Хармса. Окно было приоткрыто, чтобы не пропустить пушечный выстрел. Дело в том, что у входной двери есть пружина, и потому дверь хлопает, как пушка.

Раз пять мне пришлось вскакивать и высовываться в окно, но это была ложная тревога. И все же я не сдавалась. И дождалась.

Снова бухнула входная дверь. Ричард вышел во двор и не спеша, словно просто дышал свежим воздухом, направился к центру двора, к детской площадке.

Я потушила свет и стала за ним наблюдать.

Ричард остановился возле наших космических сооружений и вдруг оглянулся — быстро и для постороннего человека незаметно.

И тут же он буквально переродился.

Движения его из ленивых и неспешных стали точными и быстрыми. Наверное, так ведет себя взломщик сейфов. Он сделал два шага, остановился перед «космическим кораблем», подтянулся и попытался зачем-то проникнуть внутрь этой конструкции. Железяки мешали ему, и когда не удалось это сделать сразу, он начал отгибать один из погнутых металлических стержней.

И тут я решила, что пора действовать.

Я громко сказала:

— Петечка, погляди, там какой-то хулиган в нашем корабле возится. Выгони его.

Говорила я, зная, что в вечернем воздухе звук моего голоса наверняка донесется до «корабля». В то же время не хотела, чтобы Ричард понял, что его узнали.

Как я и ожидала, Ричард тут же отскочил от «корабля» и метнулся за него, затаился.

Я молчала, прислушалась.

И услышала, как по ту сторону «корабля», застучали шаги, плеснула вода в луже. Потом зашуршали кусты у забора.

Теперь мне надо было что-то предпринять.

В самом деле позвать Петечку?

Нет, он слишком серьезен. Он может написать фантастические стихи, но в жизни не поверит в завтрашнюю газету.

Я подождала у окна еще минут пять. И не зря. Через пять минут громко бухнула дверь. А так как никто не входил и не выходил из подъезда, то нетрудно было догадаться, что Ричард прокрался обратно, прижимаясь к стене дома.

Тогда я решила, что в ближайший час-два он на улицу не высунет носа. А так как окна его квартиры выходили на другую сторону, то ему не видно будет, что происходит во дворе.

Тогда я позвонила Димке и сказала:

— Привет, ты мне нужен. Через пятнадцать минут у подъезда.

Мужчинам нельзя давать времени на размышление. Иначе они придумают предлог, чтобы не действовать.

Потом я пошла в чулан и начала там шуровать. Взяла с собой фонарик, веревку, плоскогубцы и отвертку. Я подумала, что сейчас этот самый Ричард, может, тоже мечется по своей пустой квартире, разыскивая плоскогубцы.

Но мы его опередим.

6

Димка покорно ждал меня у подъезда.

— Что случилось? — спросил он.

— Ричард выходил во двор, ходил вокруг «корабля» и даже начал в него лезть.

— И что?

— А ничего. Я его отпугнула. Думаю, что теперь он будет ждать ночи.

— Мало ли зачем он ходил к «кораблю».

— Он ходил таинственно. И очень испугался, когда я его заметила. И убегал от «корабля» скрываясь.

— А что это значит?

— Не старайся казаться глупее, чем ты есть на самом деле, — сказала я. — Мы знаем, что он не тот, за кого себя выдает. Достаточно вспомнить о газете...

— Ну, может, это нам с тобой показалось?

Я просто диву далась, насколько человек может сам себя убедить, чтобы не видеть очевидного, если это очевидное ему непонятно.

— Двоим показалось? — спросила я.

Димка решил со мной не спорить. Он спросил:

— И что ты решила?

— Тайна Ричарда каким-то образом связана с «кораблем».

— С каким «кораблем»?

— С тем самым, который сегодня притащили из леса.

— И что мы должны делать? Лезть туда в темноте?

— Не совсем в темноте, — сказала я. — Я взяла с собой фонарь и плоскогубцы.

— Ты хочешь туда лезть?

— Не бойся, полезу я одна. Ты останешься внизу и будешь меня страховать.

— Слушай, — сказал Димка, — давай завтра. Когда светло будет.

— Завтра будет поздно, — сказала я. — Эту вещь он вытащит сегодня ночью. Я уверена. А мы с тобой не можем всю ночь сидеть возле «корабля» и стеречь его.

— А если он сейчас выйдет?

— Мы не в лесу, — сказала я. — Мы с тобой у себя во дворе. Стоит крикнуть — полдома сбежится.

— Это так... — Последний мой аргумент его сразил. И в самом деле, приключение было не очень опасное. Петечка наверняка услышит, если что. Я специально окно не закрыла.

— Пошли, — сказала я. — Покажу тебе, как он туда лез.

Мы подошли к «кораблю». Было совсем тихо.

В темноте корабль выглядел совершенно не так, как днем. Днем он был скучным и ржавым. Ночью — загадочным и почти живым.

— Вот тут он лез, — сказала я, зажигая фонарь. Луч фонаря сразу провалился в темноту, отразившись от погнутой балки.

Димка подсадил меня, я схватилась за стержни и подтянулась. Физически я развита хорошо, не жалуюсь. Правда, художественную гимнастику пришлось бросить, времени не хватает, а быть средней или даже второй я не люблю. Или первой, или никакой.

Я понимала, что надо попасть внутрь, в сплетение конструкций и щитов, непроницаемое глазу даже днем. И уж, наверное,

Ричард шел по самому верному пути — он-то заранее все высмотрел.

Но это было нелегко даже для меня. Уж очень узко и как-то неловко проходил тот лаз. Фонарик мало чем помогал — его лучу все еще не во что было толком упереться.

Мне казалось, что я уже целую вечность ползу между железных конструкций, и тут еще, как только я остановилась, чтобы передохнуть, сзади, совсем близко, раздался громкий шепот Димки:

— Опасность!

Я потушила фонарик и сказала:

— Отойди от «корабля», мне сразу не вылезти.

И замерла.

Потом я услышала, как приближаются быстрые шаги.

Буханья двери я не услышала, значит, тот человек вышел не из нашего подъезда. Ничего, подумала я, Димка с тем, неизвестным мне человеком, если нужно, поговорит, отведет его. Меня же снаружи без прожектора не увидеть.

И вы представляете, как я удивилась, когда услышала голос Ричарда:

— Дима? Ты что здесь делаешь?

Я думаю, что Димка тоже очень растерялся, потому что в нормальном состоянии он никогда бы не спросил:

— А вы почему не через дверь вышли?

— А я еще не вошел. — Ричард коротко засмеялся. — Из гостей возвращаюсь, вдруг вижу — ты стоишь.

Лжет, сказала я себе, он вылез через окно и обошел вокруг дома. И сделал это по одной простой причине: не хотел, чтобы я услышала, как стреляет дверь. Значит, он очень спешит. Теперь все зависит от Димки. Только бы он меня не выдал.

— А я хотел проверить, — послышался голос Димки. — Мне показалось, что кто-то там ходил.

— И проверил? — Мне показалось, что в голосе Ричарда слышно раздражение. Я бы тоже на его месте раздражилась. Все время срывается его неизвестная операция.

— Да, — сказал Димка.

— Тогда иди домой, спать пора, завтра в школу.

— Завтра воскресенье, — сказал Димка.

— Все равно у детей и подростков должен быть режим. Непонятно, о чем думают твои родители.

— Они хотят, чтобы я дышал свежим воздухом, — сказал Димка. — Вот я и дышу.

Они помолчали. Вдруг мне стало так смешно, что я еле сдержалась, чтобы не фыркнуть. Я вспомнила, как однажды к нам

пришли сразу два поклонника Дарьи. Они оба согласились пить чай, я им все поставила на стол. И они натужно молчали, стараясь пересидеть друг друга.

— Ну ладно, — сказал наконец Ричард. — Пойду, поздно уже.

— Идите, — сказал Димка, — а я еще погуляю.

Потом снова послышались шаги, на этот раз куда более медленные. Бухнула дверь.

Я снова включила фонарик.

И увидела впереди как бы стенку. Но не стенку, как в комнате, а стенку большого ящика. Погнутую с моей стороны. Я поднесла фонарик поближе и поняла, что посреди этой стенки есть тонкий, будто волосяной, круг. Очень точно в нее был врезан люк. Диаметром с голову.

Я толкнула его. Ничего не произошло. Я стала нажимать с разных сторон, потом постаралась подцепить отверткой. Ничего не вышло. Потом я пыталась заглянуть по ту сторону ящика, но там было такое сплетение металлических стержней и проводов, что от этой мысли пришлось отказаться.

Но у меня появилась идея. Я приложила ладонь к холодному металлу и стала медленно двигать круг. Сначала по часовой стрелке, а когда из этого ничего не вышло, то против часовой. И вдруг круг послушался меня. Это было потрясающее чувство — чувство победы! Круг начал двигаться, словно смазанный, и с каждым поворотом он выдвигался из стенки все больше и больше. И потом начал отваливаться так, что мне пришлось вжаться в железки, чтобы дать ему место рядом со мной.

За кругом была темнота. Я посветила туда фонарем.

Внутри была ниша, как будто сейф. В ней лежал небольшой плоский ящичек.

Я взяла его. Ящичек был прохладным и довольно тяжелым. Больше там ничего не было.

7

Ящичек я спрятала у себя под кроватью, а сама вымылась, переоделась и даже напилась чаю. Все приключение начало мне самой казаться забавным и совсем нестрашным.

Но этим вечер не кончился.

Сказав всем, что пошла спать, я вернулась к себе в комнату, но спать, конечно, не могла. Я вытащила ящичек, осмотрела его, поняла, что сейчас мне его не открыть, потом потушила свет, но спать ложиться не стала, а подошла к окну. Мне казалось, что все еще не кончилось.

И я не ошиблась. Я стояла у окна минут двадцать, не больше,

когда возле «корабля» снова появилась темная фигура. Ричард. Он был на этот раз куда решительнее, чем раньше. Видно, уже отчаялся.

И тоже принес с собой фонарик, которого не было в прошлый раз. Или в прошлый раз он не успел его зажечь.

Лучик фонарика обскакал «корабль», вспыхивая на металлических частях. Потом Ричард подтянулся, именно там, где влезала я, и ловко забрался внутрь. Свет фонарика вспыхивал, как будто там, внутри, летал светлячок.

Что он делал, мне было не разглядеть, но должна признаться, хоть это и нехорошо, что у меня возникло злорадное чувство — карабкайся, говорила я себе, ты уже опоздал, голубчик.

Ричард сидел внутри «корабля» минут десять. Я даже возвратилась к столу, посмотрела еще раз на ящичек. Было тихо, и мне было слышно, как поскрипывают конструкции, и на фоне темного облачного неба можно было угадать, как железки покачиваются, вздрагивают от движений внутри. Ричард был как муха, попавшая в паутину.

Мне была видна черная тень Ричарда, которая появилась рядом с «кораблем». Вылез, несчастненький. Не нашел ничего. Вот он даже обходит «корабль», глядит на землю, думает — а вдруг его черный ящичек выпал нечаянно. Так он мог выпасть где угодно по дороге. Он мог даже в лесу остаться. Я, как умный человек, могу предположить, что завтра нам надо ждать гостя. Придет Ричард и начнет выяснять, где был «корабль» первоначально. Чтобы поехать туда и перерыть все вокруг. Ладно, думала я, глядя, как Ричард понуро бредет к подъезду. Подождем до завтра.

Я еще раз взвесила на руке ящичек. Он был тяжелым.

Бухнула дверь. Потом ко мне заглянул Петечка, чтобы попрощаться.

— Когда статья будет? — спросила я.

— Разве это от меня зависит? — Петечка развел руками и чуть не сшиб горшок с цветком, который стоял в двух метрах от него.

8

Наступило воскресное утро. В обычный день я бы спала часов до десяти. Я обожаю спать. Но тут меня в семь часов подкинуло как по будильнику. Я нащупала под подушкой таинственный ящичек. Вытащила его. Он был матовый, чуть скругленный по углам, и тонкая нитяная полоска показывала, как его можно открыть. Чем мы сейчас и займемся.

Я вскочила, быстренько вымылась, позавтракала и позвонила Димке.

Он, конечно, еще спал, как будто ничего особенного в жизни не произошло. И при всей моей настойчивости поднять я его сразу не смогла.

Заявился он ко мне только в десять. И притом был недоволен.

Он поворачивал в руках ящичек, словно это была мина, а потом спросил:

— Что будем делать?

— Будем открывать, — сказала я.

Димка положил коробочку на стол и вдруг родил ценную мысль. Он спросил:

— А вдруг там пленка? Может быть, какой-нибудь микрофильм?

— И что?

— Тогда надо открывать в темноте.

— Молодец, — сказала я. — Пошли к тебе.

Димка фотограф, и не без способностей. Дома у него мы пошли в чулан, где у него фотолаборатория.

Димка устроился поудобнее и принялся открывать ящичек так, как открывают ракушку. Но нож никак не входил в узкую щель. Тогда я взяла ящичек у Димки и стала открывать его с помощью рассуждений. Так как никакого отверстия для ключа в нем нет, то, значит, ящик не заперт. Конечно, бывают всякие там магнитные или электронные ключи, но вспомним, что люк в «корабле» я открыла тоже без всяких ключей. Поэтому я начала нажимать на ящичек с разных сторон, стараясь в то же время повернуть его или сдвинуть. Димка смотрел на меня со скукой во взоре, она была очевидной.

Все эти попытки заняли у меня минут двадцать, не меньше.

И наверное, я бы плюнула, выбросила этот ящичек или отдала его кому-нибудь, хотя бы Петечке, но рядом стоял Димка и тосковал. И я должна была ему доказать, что в конце двадцатого века женщины не только добились равноправия, но и завоевали его, сравнявшись с мужчинами интеллектом. Вот это соревнование мужчин и женщин кончилось, разумеется, моей победой. Мне удалось сделать так, что верхняя половинка ящичка повернулась на сорок пять градусов и тут же отъехала в сторону.

Я сделала вид, что ничего особенного не произошло. Как говорится, это у нас может сделать каждый. Я положила ящичек на лабораторный стол и сказала:

— Можешь заглянуть.

9

В ящичке не оказалось ничего интересного.

Там умещалось несколько дисков. Каждый диск чуть побольше пятака и чуть потоньше. Даже при тусклом свете можно было разглядеть, что диски не сплошные, а свернутые из очень тонкой проволочки. Я поддела внешний виток ногтем, и он чуть-чуть подался. Все диски были одинаковыми, и всего их там оказалось шесть.

— Все? — спросил Димка разочарованно, словно в ящичке должно было быть сто золотых дублонов и скелет мертвеца.

— Все, — сказала я. — Можно зажигать свет.

Я взяла в руки крышку ящика и хотела его закрыть, и в этот момент дверь в чулан неожиданно начала открываться.

Почему-то я вскочила и прижала к груди ящичек. Мне показалось, что это Ричард, который нас все-таки выследил.

Димка тоже вскочил и налетел на меня, потому что ему наверняка пришла в голову та же мысль.

Но это была его мать.

Она спросила, разглядев нас:

— Вы что здесь делаете?

— Что за шум? — спросил Димкин отец, тоже появляясь в дверях чулана.

В чулане и так тесно, только-только два человека помещаются — теперь же там было как в автобусе в час пик.

— Вот, — сказала Димкина мать, — не завтракал, а уже заперлись в темноте — фотографы!

— И в самом деле, — сказал Димкин отец голосом хорошо выспавшегося человека. — Не гуляешь, спортом не занимаешься — черт знает что! А ну вылезайте из вашего подвала, пошли гулять. Раз-два-три-четыре.

И он принялся хохотать, а я старалась спрятать ящичек.

И через пять минут, несмотря на Димкино сопротивление, мы были отправлены сначала за стол завтракать, а потом на улицу.

10

Великое открытие я сделала уже во дворе. Мы вышли с Димкой на улицу, погода была пасмурная, но без дождя, кое-кто из мам и бабушек уже гулял с детьми. Наш «космический корабль» казался при утреннем свете консервной банкой, которой играли в футбол лет пять подряд. Мы сели на скамеечку, спрятанную в кустах, и я снова достала из кармана ящичек. Я хотела посмот-

реть, нет ли чего в нем под дисками, и случайно взглянула на внутренность крышки.

И обнаружила на ней картинку. Цветную фотографию.

Картинка изображала пейзаж: лес из невысоких растений. На фоне этих растений стоял человек.

Все было бы хорошо, если бы растения и человек были нормальными.

Но растения были фиолетовыми и похожими на бутылки с колючками, а человек был в синем костюме, обтягивающем тело, с крылышками на плечах и в черном шаре на голове — скафандровом шлеме.

Я ничего не сказала. Я просто протянула Димке крышку фотографией вверх и ждала, что он скажет.

Димка смотрел долго, переваривал информацию. Потом сказал очень правильно, сказал то, что я уже продумала.

— Пейзаж, — сказал он, — не наш. Не земной. Скафандр не наш, не земной. И ботинки зеленые.

Ботинки я не сразу заметила. Они были не только зеленые. У них были вытянутые вперед, уродливые носки, которые загибались кверху.

— Так, — сказал Димка. — Лучше всего осторожненько положить эту коробку на место. Пускай берет и улетает к себе.

Все-таки Димка не дурак. Все правильно сформулировал.

Лучше, если Ричард оказался бы шпионом или каким-нибудь преступником. Со шпионами и преступниками ясно как поступать. И есть специальные люди, которые ими занимаются. А кто занимается пришельцами с другой планеты?

Значит, когда-то у нас на Земле потерпел крушение корабль. Вот они и ищут. Чтобы взять с него бортовой журнал или какие-нибудь еще секретные данные. И не дай бог кому-нибудь оказаться на их пути.

А мы оказались.

Представляете, мы прибегаем в милицию и говорим: имеем в руках секретные сведения с другой планеты. Кому сдавать? А нам отвечают: дети, перестаньте играть в фантастику.

— Возможно, он здесь не один, — сказал Димка.

— У них есть все возможности, — сказала я. — И документы достают. И маскируются.

— Понял, — сказал Димка, — самое главное, чтобы ящичек не попал в лапы Ричарда.

— И судьба всей Земли теперь зависит от нас.

— Пошли к Петечке, — сказал Димка.

— Только Петечка сейчас в редакции. Он придет к нам обедать.

— Будем ждать до обеда?

— Ты с ума сошел! Едем к нему немедленно.

— А разве по воскресеньям газеты работают?

— Ты еще спроси, ходят ли по воскресеньям поезда, — сказала я с сарказмом. — Петечка сегодня дежурит по редакции. Новости не знают воскресений.

И мы пошли к автобусной остановке, чтобы поехать к Петечке в редакцию.

Мы уже вышли со двора и повернули к автобусной остановке. Нам оставалось несколько шагов до улицы. Но сделать их мы не успели. На нашем пути стоял Ричард. Он был серьезен и бледен. Он не улыбался. Но по его глазам я поняла, что нам не уйти.

Димка пошатнулся, как пошатывается бегун, который должен начинать дистанцию с высокого старта. Но его остановило то, что я никуда не побежала. Я понимала, что бежать бессмысленно. В руке Ричарда было что-то темное и небольшое, похожее на курительную трубку. Мне достаточно было мимолетного взгляда, чтобы понять, что это не курительная трубка. Это бластер, да, тот самый бластер, которым в романах обычно вооружены пришельцы и космические пираты.

— Мне надо с вами поговорить, — сказал Ричард.

— Я это поняла, как только вас увидела, — сказала я.

— Давайте отойдем. Куда-нибудь в тихое место.

— Нет, — сказала я. — Тихое место нас не устраивает.

— А какое вас устраивает?

— Вон тот сквер.

Сквер находился посреди небольшой площади. Он проглядывался со всех сторон, и по ту его сторону, где проходила магистраль, был виден милиционер. Я понимала, что милиционер не успеет прийти к нам на помощь, если Ричард примется нас расстреливать, но все же и пришелец трижды подумает, прежде чем начинать стрельбу. Ему, наверное, приказано не рисковать.

Ричард сделал вид, что ничуть не удивился. Он первым пошел через переход к скверику, будто не сомневался, что мы не убежим. Я поняла, что гордость заставляет меня идти следом и никуда не бежать. И даже не дать убежать Димке, у которого чувство гордости развито слабее.

Ричард подошел к скамейке и сел. Я села рядом и посмотрела на его бластер, похожий на курительную трубку. Он проследил за моим взглядом, покрутил бластер в руке, потом сунул его в рот, и я поняла, что это все-таки просто трубка. Ричард достал из кармана пиджака кисет и набил трубку табаком, потом раскурил. Я смотрела на улицу, как бегут мимо машины, как милиционер регулирует движение, То, что бластер оказался все-таки

трубкой, меня ни в чем не убедило. Настоящий бластер мог таиться у него в кармане.

— Лазили? — спросил Ричард.

— Куда? — спросила я.

— В ту развалину, которую ваша сестра привезла из леса.

— А вы лазили? — спросила я.

— Мне надо было, — сказал Ричард.

— Знаем, — сказал Димка.

— Я был неосторожен, — сказал Ричард. — А куда вы дели контейнер?

— Какой контейнер? — удивился Димка.

— Контейнер с пленками, — сказал Ричард.

Я принюхалась. Я думала, что его табак пахнет как-то особенно, но он пахнул медом.

— Коробочку? — спросил Димка, прежде чем я успела его остановить.

— От перемены названия суть дела не меняется, — вдруг улыбнулся Ричард. — Вы уже наигрались?

— Мы вас не понимаем, — сказала я твердо.

— Чего уж там, — сказал Ричард. — Давайте не будем играть в прятки. Отдайте мне контейнер. Вам он совершенно не нужен.

— А вам зачем нужен? — спросила я.

— Мне он очень нужен, — сказал Ричард. — Я за ним специально приехал.

— Мы знаем, зачем он вам нужен, — вмешался Димка. — Мы догадались.

— Вернее всего, вы догадались неправильно, — сказал Ричард. — Я работаю в институте, мы производили запуск метеорологической ракеты, и неудачно. Она упала в лес, и мы ее потеряли...

— Сколько же лет назад это было? — спросил Димка.

Я решила подождать, не вмешиваться в их разговор. Ричард неумело лгал, и я ждала, пока он запутается посильнее.

— Несколько лет, — сказал Ричард.

— А почему же, — спросил Димка, — вы искали ее, эту ракету, не в лесу, а на нашем дворе? Странно, правда?

— Случайность, — сказал Ричард. — Если вы хотите, я могу вам заплатить за этот ящик.

— А нам ваши деньги не нужны, — сказал Димка.

И разговор зашел в тупик.

— Но, может, не деньги? — голос Ричарда звучал неуверенно.

Вторжение на Землю явно срывалось ввиду упрямства двух молодых землян, которых нельзя подкупить или запугать. Я подумала, что это неплохо звучит.

— А что? — спросил Димка.

— Какие-нибудь ценности... Например, велосипед или моторную лодку.

— Ого, — сказал Димка, — по велосипеду или один на двоих?

— Даже по моторной лодке каждому.

А так как мы молчали, переваривали информацию, Ричард спросил:

— А что вы собираетесь делать с контейнером?

— Отдать его в милицию, — сказал Димка.

— Жалко, — сказал Ричард.

И тут я не выдержала. Уж очень мирный шел разговор, как на базаре к вечеру, когда покупателей уже немного и можно поторговаться не спеша.

— А вам нас не жалко? — спросила я. — Нет, не улыбайтесь, мы вас раскусили. И не подумайте сейчас стрелять или нас похищать. Контейнер спрятан в надежном месте.

— А почему я должен вас жалеть?

— А потому, что вы готовите вторжение на Землю, — сказала я. — Мы видели портрет вашего сообщника. Лучше скажите, с какой вы планеты? А потом улетайте.

— Любопытно, — сказал Ричард. — Кого вы имеете в виду под моим сообщником?

— Того, зеленого, — сказал Димка.

— Честное слово, не понимаю, — сказал Ричард. — Какого еще зеленого? Покажите мне, что вы имеете в виду?

— Показать не можем, — сказала я. — Контейнер спрятан. Вам его не найти.

— Почему не найти? — спросил Ричард. — Он же у вас в кармане. Еле поместился.

Я непроизвольно схватилась за карман, а Ричард снова принялся раскуривать свою трубку-бластер.

— Не дергайтесь, — сказал он. — Я не готовлю вторжения. Я всю жизнь прожил в Москве. На Волхонке.

— И завтрашнюю газету там купили?

— Нет, — сказал Ричард, — я ее в архиве взял.

— В архиве? — Я вложила в это слово весь свой сарказм.

— Ладно, — сказал Ричард, — чтобы вы не наделали глупостей, я должен буду вам все рассказать. Вы производите впечатление неглупых людей, хотя и склонных к авантюрам и поспешным обобщениям.

Не верю ему, уговаривала я себя. Сейчас он придумает новую ложь, чтобы выманить контейнер.

— К вам случайно попал в руки бортовой журнал автоматиче-

ского катера с корабля «Эверест», который стартовал с Земли к звезде Барнарда в две тысячи сто тридцать четвертом году.

— Ага, — сказала я, потому что была готова, что он соврет. Но нужно признаться, что эта фраза прозвучала очень внушительно.

— Корабль не вернулся в назначенный срок, — продолжал Ричард обыкновенным голосом. — Однако направил к Земле, как и принято в таких случаях, автоматический катер с бортовым журналом. И катер пропал тоже. И если я не получу бортового журнала, мы не сможем найти «Эверест» и помочь нашим товарищам.

— И мы должны вам поверить? — перебила я его, потому что мне очень хотелось поверить в такую романтическую и невероятную ложь. И мой верный Димка, который никогда не смеет мне перечить, вдруг грубо сказал:

— Помолчи, Машка! Не мешай.

И я поняла, что ему тоже хочется в это поверить.

— И случилось то, что теоретически предсказано, но в самом деле еще не случалось. Во время прыжка через гиперпространство автоматический катер сместился во временном потоке и исчез в прошлом. В далеком прошлом.

— Это мы-то далекое прошлое? — не выдержала я.

— Нет, он попал на Землю за тысячу лет до ваших дней, — сказал спокойно Ричард. — Мы смогли примерно вычислить время и место его падения, но в той точке катер не нашли. Тогда мы стали искать какие-нибудь сведения о нем в книгах, архивах, в газетах... Ведь бесследно катер исчезнуть не мог. Была, конечно, опасность, что он попался кому-то на глаза в ваше время или сто лет назад, и тогда его попросту разобрали на металлолом. К счастью, библиотеки в наше время оборудованы очень совершенными компьютерами, и когда мы подняли индексы всех статей, опубликованных во всех газетах мира, то, на наше счастье, нам попалась статья вашего друга Петечки о том, как создавалась детская площадка. По описанию обстоятельств находки «корабля» мы поняли, что это, скорее всего, то, что нам нужно. И вот я прилетел к вам...

— Так вы уже месяц здесь живете!

— Правильно, — сказал Ричард. — Мы же не знали, какого числа и откуда привезут наш катер. Значит, надо было поселиться здесь заранее и ждать. И изъять бортовой журнал. Первыми. Потому что, когда «корабль» будут переоборудовать, обязательно кто-нибудь найдет контейнер, и тогда следы его исчезнут. Если контейнер попадет в руки к ребятишкам, они, не зная, что это такое, могут разорвать записи.

— Дарья, — сказал Димка, — отдай Ричарду контейнер.

— Погоди, — сказала я. — А почему там картинка инопланетянина?

— Понятно почему! — сказал Димка. — Они его там сфотографировали!

Я была в меньшинстве. И никому не хочется прослыть ретроградом, то есть человеком, который ни во что не хочет верить.

Я достала контейнер. Я видела, как Ричарду хочется его у меня отобрать, но он сдержал себя, что говорило в его пользу.

Я открыла коробочку и показала Ричарду картинку. Он всмотрелся в нее и сказал:

— Это такой же инопланетянин, как и мы с вами. Это мой брат. Только в скафандре.

— А туфли! — сказала я. — Какой космонавт будет ходить в таких туфлях?

— Мне ваши моды тоже кажутся странными, — ответил тихо Ричард.

Димка протянул руку и достал из контейнера один из маленьких дисков.

— А это записи? — спросил он.

— Это то, что нам очень нужно, — сказал Ричард. — И я могу вам это доказать, чтобы вы не думали ни о каких вторжениях.

Он достал из верхнего кармана пиджака небольшую плоскую коробочку, как из-под пудры, взял двумя пальцами диск и поставил его внутрь.

И тут же мы услышали тихий, но внятный голос:

— Внимание, говорит «Эверест». Привет вам, наши друзья и родные. Мы достигли системы звезды Барнарда, но возвращение невозможно. Нам нужна помощь. Сообщаем обстоятельства...

Ричард выключил диск.

— А дальше? — спросил Димка. — Нам же тоже интересно.

— Простите, — сказал Ричард. — Я очень благодарен вам за помощь и за доверие. Но поймите же, я не могу вам много рассказать. Ведь это случится через сто пятьдесят лет.

— Понятно, — сразу согласился Димка. — И разумно. Только очень жаль.

— Мне бы тоже на вашем месте было жаль. Дай-ка сюда.

Я послушно отдала ему контейнер. Ричард осторожно подцепил ногтем тонкую фотографию на крышке контейнера. И протянул ее мне.

— Разумеется, я нарушаю правила, — сказал он. — Но мне хочется, чтобы у вас осталась память... — Он перевернул фотографию «инопланетянина», посмотрел и добавил: — Ведь это принадлежит мне... лично.

Я взяла фотографию и на другой стороне увидела аккуратную надпись: «Дорогой Ричард! Надеюсь, что мы скоро увидимся. Привет от нас с Ниной. Твой брат Василий».

— Спасибо, — сказала я. — Вы простите, что мы вам не поверили.

— А поверить трудно, — сказал Ричард. — Я благодарен вам от своего имени и от имени тех космонавтов, к которым мы завтра же пошлем помощь...

— Через сто пятьдесят лет, — поправила его я.

Ричард выбил трубку, поднялся, мы поднялись тоже. Он попрощался с нами. Потом сказал:

— Я очень прошу оставить все между нами.

— Нам бы никто не поверил, — сказал Димка.

Ричард повернулся и пошел прочь.

Он перешел улицу на зеленый свет, свернул за угол. Он не обернулся.

Мы смотрели ему вслед.

Больше мы его, разумеется, никогда не видели.

Когда мы пошли обратно, Димка сказал:

— Фотография будет храниться у нас с тобой по очереди. Всю жизнь. И у наших детей. Чтобы можно было ее вернуть Ричарду через сто пятьдесят лет.

И я согласилась с Димкой. Фотографию надо будет возвратить. Второй у Ричарда нет.

11

Когда я вернулась домой, Петечка уже пришел к нам.

— Мария, — сказал он мне, — завтра моя статья будет в газете. Главный обещал.

— Я знаю, — сказала я. — Я ее видела.

Петечка не понял, что я имею в виду.

— Там справа от твоей статьи, — не удержалась я, — будет еще фотография прядильщицы Сидоровой. Очень красивая женщина.

— Угадала, — засмеялся Петечка. — Как странно! Сегодня как раз наш фотограф вернулся с прядильной фабрики и привез оттуда снимки. А я написал новые стихи. Хочешь послушать?

— Читай, — сказала я, подходя к окну.

Корабль стоял посреди двора, и требовалось немало воображения, чтобы представить себе, каким он был тысячу лет назад, то есть каким он должен быть через сто с лишним лет.

«И еще», — подумала я, — только мы с Димкой знаем, что вот те железки видели просторы далекой-далекой планеты у звезды Барнарда. А мои правнуки полетят на звезду Барнарда».

ИНОПЛАНЕТЯНЕ

О том, что прилетели пришельцы, Донат Пронькин узнал первым. И не потому, что верил в них или ждал прилета, а наоборот — у Доника, как говорит химик Волин, трезвый научный ум, не допускающий мистической чепухи, потому что она лежит за пределом опыта. Доник с детства преклонялся перед вольными мыслителями восемнадцатого века, а бабушка говорит, что уже в три года он не хотел слушать сказки и требовал правды о том, как размножаются цветы и куда прячется на ночь солнце.

История про цветы, неосторожно рассказанная бабушкой при гостях, сильно повредила Донику, потому что Катька разболтала об этом всему дому. Даже в свободной стенной газете 7-го «Б» был нарисован букет с подписью: «Групповое изнасилование ромашки».

Катька, хоть ей и замуж пора, верит в любого шарлатана. У нее свой аргумент: «Но ведь его по телевизору показывали». Пришельцы размещаются у нее в области религиозного сознания, о них не надо рассуждать — в них надо верить. А они за это в самый критический момент прилетят на Землю, погрозят пальчиками и велят нам не взрывать атомные бомбы или не расстреливать в либерийской церкви беженцев.

Пришельцы высадились в среду около десяти вечера в сквере на той стороне 4-й Охотничьей улицы, и все произошло так буднично и тихо, что ни один поклонник инопланетян в это бы не поверил. Для них пришествие инопланетян — это эффектное зрелище с фейерверком, выступлениями на митинге в пользу космического братства, телевизионным репортажем и, конечно же, портретами пришельцев — чем страшнее, тем убедительнее.

Минут за пятнадцать до высадки Доник позвал Барбоса погулять. Барбоса, правда, и звать не надо было, он давно сидел у двери.

Барбос с детства воспитывался как собака, потому что Доник мечтал о щенке, а ему купили котенка. Доник внушил котенку собачьи правила поведения. В частности, вечерние и утренние прогулки. Собак Барбос не боялся, а на котов не обращал внимания, не считая их за людей.

Доник с Барбосом перешли в сквер на той стороне улицы, и в этот момент опустился инопланетный космический корабль.

Если спросить Доника или Барбоса, какой он был из себя, они бы не ответили, потому что он был темным и его очертания скрадывались ночью и кустами. Нечто огромное и непроницаемое для света беззвучно, но тяжело опустилось на поляну метрах в ста от Доника. Было так тихо, словно это тело намертво отрезало все звуки еще не уснувшего города.

Доник, охваченный тревогой, снял очки и стал протирать их большими пальцами, что служило у него признаком волнения, а Барбос совсем не по-собачьи прижался к ногам хозяина и опустил хвост, лишь подрагивая его концом.

Доник всматривался в темноту, думая, что вот-вот в центре тьмы образуется светящийся квадрат, оттуда и выйдут пришельцы.

Время шло, никакого люка не образовывалось. Донику хотелось уйти, но уходить тоже было страшно, потому что, пока ты неподвижен, тебя могут не заметить, а начнешь двигаться — станешь виден. Это был древний закон леса, и Доник подчинялся ему, хотя и не был лесным жителем.

И вдруг сверху, с той точки, откуда начинались звезды, возник тонкий, как лезвие кинжала, зеленый луч, опустившийся к земле. И тут же Доник услышал то, что услышать было невозможно, — как отворились люки корабля и оттуда стаей тараканов или других совершенно беззвучных насекомых хлынула волна пришельцев, и он понял, хоть не услышал и не увидел, что пришельцы очень малы размером и что они охвачены страхом, иным, нежели тот, что владел Доником и Барбосом, — но, без сомнения, страхом, заставлявшим их стремиться отбежать от темной массы корабля, прежде чем случится нечто ужасное.

Поддавшись этому страху, Доник и Барбос тоже начали отступать к улице, и через секунду или несколько секунд время перестало быть постоянным потоком, а рассыпалось на отдельные секунды, каждая из которых помчалась в свою сторону, — Барбос, которому невмочь стало терпеть этот страх, взлетел по брючине и куртке Доника, прыгнул ему на плечо, забыв, что Доник не старое кресло, которое можно рвать когтями сколько заблагорассудится. Но Доник даже не стал сбрасывать кота, хоть и было больно. Потому что в этот момент корабль перестал существовать.

Он не то чтобы взорвался — если бы Доника попросили объяснить с точки зрения физических законов, что же произошло у него на глазах, он бы предположил, что произошел имплозив — то есть взрыв, вся сила которого была направлена к эпицентру, и оттого Доник увидел не вспышку белого пламени как при взры-

ве, а ужасающую темноту, сверкающую ослепительную темноту, как занавесом отделившую мир от Доника и заставившую зажмуриться...

Звука не было, и в то же время чуть не лопнули перепонки, так сильно метнулся воздух. Тысячи микроскопических ножек, что щебетали вокруг, замерли в ужасе, и потом их бег возобновился.

Вот и все.

Доник и Барбос остались живы.

Как и многие из пришельцев, которые успели убежать с корабля до взрыва...

По улице, за спиной, разрушая колдовство события, проехала машина, и отблеск ее фар скользнул по близким кустам и стволам деревьев.

Барбос оттолкнулся всеми четырьмя лапами, вырвался из рук и помчался к дому. Бросил хозяина на произвол судьбы.

И тут Доник услышал щебет. Почти неслышный — будто маленькие птички разговаривали шепотом, чтобы не разбудить соседей.

Ничего страшного или зловещего в этом щебете не было — но каким страшным он показался Донику! Ведь он, Доник, был сейчас единственным человеком на Земле, который знал, что произошло вторжение инопланетян. Совсем не такое, как предполагали сторонники его и противники, но оно уже факт... Словно ты упал. И сломал ногу. И уже неважно, как это случилось и как можно было предотвратить драму. Вот ты лежишь со сломанной ногой, и надо вызывать «Скорую помощь»...

Донику следовало уйти — уйти, уехать, убежать, уговорить родителей сесть на первый же поезд и исчезнуть, но он все еще стоял посреди сквера, выполняя роль беззащитной первой жертвы вторжения — именно на нем пришельцы могли испытать свою силу.

Что-то скользнуло по его ботинку, по носку, по ноге под штаниной, словно забрался быстрый муравей. Доник наклонился, чтобы сбросить насекомое, но опоздал — пальцы ничего не отыскали, и тогда Доник понял без всякого сомнения, что это был не муравей, а один из них...

И вот тогда страх сорвал Доника с места и заставил кинуться прочь, через улицу, по асфальтовой дорожке, к открытому подъезду в старом двухэтажном бараке, построенном еще до войны. Его обещали снести, когда жизнь станет лучше и веселее. Но жизнь так и не стала лучше — бараки остались, и в них жили подолгу: семья Доника — мама, бабушка, Катька и он — уже тридцать лет. Мама, Катька и Доник родились в этом бараке, а ба-

бушка провела в нем молодость. Сначала была одна комната, а в последние десять лет — две комнаты. И бабушка радовалась, потому что помнила, каково было жить с маленькой мамой в одной комнате.

Барбос сидел перед дверью, ждал. Он отвел взгляд, потому что ему было стыдно, что он так позорно бросил Доника. Но Доник его не осуждал. Лампочка на лестнице была слабая, пятнадцатисвечовая, Доник осмотрел себя, даже завернул брюки, но ни одного пришельца не отыскал.

— Если бы ты был собакой, — сказал он Барбосу, — наверняка бы унюхал, взяли меня в плен или еще нет.

Барбос смотрел на Доника круглыми, бессмысленными глазами, потом чуть шевельнул верхней губой и тихо сказал «мама». Он хотел домой.

Доник полез за ключами, оказалось, что он их не взял. Он позвонил, и открыла Салима — соседка, которая прописалась в бараке недавно и была всем недовольна. И при виде Доника она рассердилась, зачем он так поздно по улицам ходит, людям спать не дает, зачем звонит в дверь как чужой, пугает ее, Салиму.

Салима была низенькой, плотной женщиной с крашенными в оранжевый цвет волосами, она работала где-то продавщицей и всегда приносила большую сумку продуктов. К ней потом приходили родственники и делили эти продукты. Но кое-что оставалось. У Салимы всегда и все можно было купить. Но дорого.

Барбос юркнул мимо ее ног, в темный угол, в коридорные Помпеи, где стояли шкафы, оставшиеся еще от прошлых жильцов, и в них барахло, настолько никому не нужное, что даже выбрасывать его не хотелось.

Шкафы сами по себе поскрипывали, покачивались, шептались и порой, как казалось Донику, менялись местами или даже покидали квартиру, а на их место поселялись другие. Но никто, кроме Доника и Барбоса, не знал их в лицо.

Мать с Катькой — простые души, побежали в кино на индийскую драму о несчастной любви, а бабушка сидела у телевизора и смотрела парламентские дебаты.

— Вы рано вернулись, — сказала она Барбосу, который прыгнул к ней на колени и свернулся, спрятав нос подальше от света и волнений.

— Он космического корабля испугался, — сказал Доник.

— Уже спустились? — У бабушки было чувство юмора. Даже странно, почему она никому не передала его по наследству — ни матери, ни Катьке.

— В сквере, — честно сказал Доник, — на той стороне улицы.

— Большие? Зелененькие? Вчера по телевизору картинки показывали. У людей очень слабая фантазия.

— Я пошел мыться, — сказал Доник.

Стараниями Льва Абрамыча, третьего соседа по квартире, у них уже второй год как за фанерной перегородкой была установлена сидячая ванна. Доник увидел, что Салима на кухне разбирает белье, и понял, что если он не успеет занять ванную, то Салима кинется туда стирать, а это до глубокой ночи.

Войдя в ванную, Доник начал, раздеваясь, осматривать себя и одежду. Его не оставляло чувство, что он носит на себе пришельца. Никто никогда не думал, что пришельцы окажутся насекомыми, может, даже ядовитыми. И это еще хуже, чем самые страшные фантазии, — даже не расскажешь поклоннику инопланетян — обидится: «Ах, у меня чешется! Опять пришелец кусается!»

Подумав так, Доник даже засмеялся, хоть и было страшно.

А Салима, которая на секунду опоздала к двери в ванную, начала кричать, чтобы он выходил, сколько можно воду переводить, а у нее белье, нести пора. Доник включил воду, чтобы вода шумела.

Доник разделся догола и стал себя осматривать, но ничего не нашел — ему нетрудно было себя обыскивать, потому что он был очень худой и небольшого размера. Когда он не нашел на себе следов от пришельцев, Доник стал просматривать одежду. Он не спешил, хоть Салима уже два раза стучала в дверь, требуя, чтобы он поскорее освобождал ванную. Он просматривал каждую складку, потому что допускал, что пришельцы могут быть размером с муравьев или еще меньше. Вода шла горячая, очки запотевали, Доник пустил холодную воду. Он не нашел пришельца в одежде, но это его не убедило. Еще два часа назад он смеялся над пришельцами и над людьми, которые в них верили. Теперь же он точно знал, что вечером в сквере на заводской окраине города Н. опустился космический корабль, затем взорвался, а часть пришельцев успела бежать. Можете сжечь Доника на костре или разрезать на части — он будет стоять на своем.

Не найдя пришельца, Доник покинул ванную, а Салима заметила, что он вышел с сухими волосами, и стала кричать, что некоторые люди ходят в ванную неизвестно зачем, лучше бы с девочками гулял, в ванной мыться надо... И Доник сбежал от Салимы — нырнул к себе в комнату.

Катька и мать вернулись из кино, мать уткнулась в телевизор, а Катька пила чай, и Доник сел рядом. Катька вымахала в девицу — можно на конкурс красоты загонять — ноги от пупа, взгляд с поволокой, ничего не выражающий. Они с мамой похожи:

только мать плотная и покороче. Но у матери всегда романы, и, если бы мать не была такой доброй и покладистой, наверное, они отыскали бы себе нового папу. А так, получив все, что могли, поклонники уходили восвояси, мать два дня рыдала в подушку, а бабушка ее утешала. Катька говорила, что, наученная маминым опытом, никогда не будет целоваться до свадьбы, но Доник ей не верил, он сам видел, как она целовалась в подъезде с одним взрослым грузином. Впрочем, в тот вечер это не играло роли, если не считать, что у мамы как раз завязывался новый роман и завтра, в субботу, «дядя» Геннадий должен был прийти в гости, как полагается у порядочных людей, а потому мать шепотом обсуждала с бабушкой, какой испечь пирог.

— Что с Барбосом? — спросила Катька. — Я его хотела гулять выгнать, а он рвется обратно домой. Психованный какой-то.

— Его пришельцы испугали, — сказал Доник.

— Какие пришельцы?

— Инопланетные.

— Да брось!

— Кем мне быть.

— А ты погляди на меня! В глаза гляди, в глаза!

Доник поглядел.

— Ты нарочно так честно глядишь, — сказала Катька, — а в самом деле врешь.

— Как хочешь. Хочешь верь, а хочешь нет.

Он допил чай и пошел в маленькую комнату, где они спали с Катькой, лег на свой диван, включил боковой свет и стал читать популярную книгу о тайнах Атлантиды.

Катька тут же прискакала.

— Нет, ты скажи! Какие они?

Катька верила в пришельцев свято, как в ангелов. Как-то мать ей сказала: «Мне бы тебя за фирму отдать, уедешь в Фээргэ, будешь на «Мерседесе». А Катька совершенно серьезно сказала: «Лучше за инопланетянина. Мне на Марс хочется». Для Катьки чем дальше от дома, тем больше дают в магазинах.

— Как вши, — сказал Доник. — Кем мне быть. Как тараканы.

— Ну ты даешь, — обиделась Катька. — Ну даешь! А я думала, что в самом деле.

Катька стала разбирать свою постель, потому что ей надо было рано вставать — до техникума почти час ехать.

Прежде чем раздеться, Катька принесла коробку с синими туфлями, которые она достала позавчера и еще не насмотрелась. У нее есть привычка — сначала новой хорошей вещью надо любоваться, а потом, когда налюбуешься, можно пользоваться. Катька придвинула стул к кровати и поставила на него коробку с

туфлями. Коробка, видно, нужна была, чтобы не сомневаться, что туфли новые. Донику было смешно, но вообще-то он к такому чудачеству привык.

— Мне интересно, — сказал он, — куда ты поставишь тачку, если ее купишь?

— Я в ней буду спать, — ответила Катька, у которой нет чувства юмора.

Катька разделась, не обращая внимания на Доника. Ему не всегда было приятно, что она не обращает на него внимания, что она его совсем не стесняется, — значит, он для нее дитя малое. В комнату заглянула мать, о чем-то стала шептаться с Катькой, но Доник, конечно, не прислушивался. Он достал из-под диванчика общую тетрадь, в которой вел дневник. Он старался не пропустить ни дня, потому что когда-нибудь потом это может представлять интерес для истории. Но ручка куда-то закатилась. Он спросил Катьку, может, она брала его ручку? Катька озлилась, сказала, что у нее своя, фирменная, она ее даст, но чтобы вернул, а то ему ничего доверить нельзя.

Ручка была хорошая. Катька пошла мыться, слышно было, как она собачится в коридоре с Салимой, которая не хочет уступать ванную, потом в спор включился низкий прерывистый астматический голос Абрамыча. Видно, его тоже тянуло в ванную.

Доник записывал события вечера, и ему хотелось спать.

До конца он записать не смог, его сморил сон. Пришла Катька, растолкала — велела идти в ванную, не спать же одетым. Ручку она отобрала.

Когда утром Доник проснулся, Катька уже умчалась в техникум. Время до школы еще было. Умывшись и одевшись, Доник пошел в другую комнату, там бабушка уже приготовила завтрак.

— У сестер Волковых собака нашлась, — сказала бабушка.

— Собаки находят свой дом за сотни километров, — сказал Доник. — Я читал. У Джека Лондона.

— Я тоже читала, — сказала бабушка. Она была самой начитанной в семье. — Только Волковы никогда ее со двора не отпускали.

До выхода оставалось время, Доник вспомнил, что не сделал геометрию. Он достал тетрадь, бабушка сидела напротив и любовалась им. Любой бабушке приятно иметь умного внука.

— Тебе очки не надо менять? — спросила она у Доника. — Может, слабые?

— Не надо, — сказал Доник. Ручка была хорошая, фирменная. Доник сообразил, что ручка — Катькина. Неужели она расщедрилась и оставила ручку брату? Этого с ней еще не случалось.

Сделав геометрию, Доник пошел к себе в комнату собираться. Любимые ненадеванные синие туфли стояли на стуле. Доник закрыл коробку и засунул туфли под Катькину кровать.

Коробке что-то мешало. Доник заглянул туда — оказалось, что под диваном стоит еще одна коробка. И с такими же туфлями. «Ну, Катька, не ожидал, что ты торговлей занялась», — подумал Доник.

В школе ничего особенного не случилось, если не считать того, что Севидов неожиданно отдал ему венгерский космос — четыре марки и блок — за парагвайское искусство. И когда Доник поинтересовался, с чего он такой добрый, Севидов начал заикаться, тужиться — он всегда так делает, если хочет выиграть время, потом сказал, что отец привез вторую серию. Это было вранье, но какое дело Донику до севидовских проблем.

Марья Сергеевна сказала Донику, что его выдвинули на олимпиаду по физике, так что придется поработать. Донику было приятно, что его выдвинули на олимпиаду, но он делал вид, что ему все равно, а то еще подумают, что он рад.

— Откуда у тебя такая ручка? — спросил Севидов на большой перемене. — Хочешь негашеного Циолковского?

— Не хочу, — сказал Доник. — Чужая ручка. Надо вернуть.

Когда Доник шел из школы домой, он проходил мимо дома сестер Волковых. В том месте между бараками остались по недосмотру несколько совсем старых одноэтажных домов, почти избушек. В одной из избушек и жили старые сестры Волковы. Из их двора доносился шум, женский крик, и Доник вспомнил, что к ним вернулась собака.

Калитка была приоткрыта, и Доник полюбопытствовал — сунул нос в щель. Сестры ругались, стоя посреди маленького, заросшего подорожником и крапивой двора. Между ними на траве сидела их собачка Нелли, не то болонка, не то солонка. Собака слушала крики сестер, чуть наклонив голову, как будто ее позвали быть судьей в споре.

— А я тебе говорю, — кричала старшая, Марксина Сергеевна, — что это не наша Неллечка! У нашей Неллечки вся мордочка белая, а у этой только сбоку.

— Ты что говоришь, что несешь! — возражала ее сестра, причем ни та, ни другая на собаку не глядела. — Ты посмотри, как она на тебя смотрит!

Собака Нелли сказала: «Тяф!»

Это было смешно, потому что получилось по-человечески.

— А я фотографию принесу! — кричала младшая сестра. — Там морда видна.

Она побежала в дом, а вторая осталась с собакой и стала ее утешать.

— Это даже стыдно, какое недоверие, — говорила она. — Это даже мне стыдно.

Она стала гладить собаку, и собака прижалась к ее ноге.

Донику пора было уйти, но почему-то стало любопытно, чем кончится пустой спор.

У собаки и в самом деле лишь правая сторона морды была белой, а слева шерсть была рыжей, как на верху головы и на спине. Но какой она была первоначально, Доник, конечно, не помнил — еще не хватало присматриваться к собаке сестер Волковых.

Старшая сестра скатилась с крыльца, размахивая фотографией.

— Я же говорила! Я же говорила — вся морда белая!

Она стала совать фотографию сестре, та смотрела, а Доник поглядел на собаку — ему вдруг стало грустно: такая была радость, вернулась собака, а они собственными руками от этой радости отказываются. Начинают сомневаться... а ведь пришла собака, и хорошо!

И тут Доник понял, что у собаки вся морда белая. Странно — сам же только что смотрел, и показалось, что морда только наполовину белая.

— Ну теперь ты не сомневаешься, что она чужая?

— Сомневаюсь, сомневаюсь, — злилась вторая сестра, — мало ли что на фотографии нарисовано! Может, там вовсе не наша Неллечка.

— Нет, — радостно объявила ее сестра, увидев наконец собаку, — я же говорила, что у нее вся морда белая.

— Нет, — обиделась первая сестра, — это я говорила, что она белая, а ты говорила, что у нее морда уполовиненная.

Они уже обе смотрели на собаку, и спор сам по себе утихал, потому что у собаки вся морда была белой, что и требовалось доказать.

— И чего ты все споришь и споришь, — сказала наконец сестра с фотографией в руке. — Все тебе нехорошо.

Собака поднялась и побежала к дому, виляя пушистым хвостиком.

Доник пошел дальше и стал думать, видел ли кто-нибудь, кроме него, гибель инопланетного корабля. Вернее всего, никто не видел. Доник давно уже заметил, что в иностранных фантастических рассказах и романах пришельцы обычно завоеватели или опасные существа, а в наших рассказах — они братья по разуму. Доник знал, что это объясняется тем, что мы живем в гуманистическом обществе, а Америка — это жестокая страна. Рань-

ше, пока он был ребенком, он не задумывался, кто прав, а кто виноват, а теперь решил, что раньше у нас был Сталин и репрессии и люди были бесправны и не верили в Бога. И им очень хотелось на что-то надеяться. Вот они и надеялись на братьев по разуму. А цензура и начальники такие книжки не запрещали, потому что им казалось, что по космосу летают не просто братья по разуму, а их собственные братья. А у американцев и англичан были различные взгляды и надежды, а их президенты и королевы не очень вмешивались в их жизнь. Так что необязательно было надеяться на пришельцев.

Барбос сидел на тротуаре — вышел встречать Доника, что ему не дозволялось. Но Доник не стал на него сердиться, потому что он понимал состояние Барбоса — Барбос, как и Доник, знал, что среди нас — пришельцы. А об этой опасности забывать нельзя.

— Пошли домой, — сказал Доник. — Перекусим.

Когда Доник делал уроки, вернулась Катька. Мрачная как туча. Сказала, чтобы брат тут же очистил половину их общего письменного стола — ей надо срочно написать письмо одному человеку.

Один человек служил в армии, и заставить Катьку написать ему письмо в нормальных условиях было невозможно.

Полгода не писала. А тут как увидела, что Доник работает, все в ее душе загорелось... Вынь да положь!

Доник не стал спорить.

Катька взяла одну из тетрадей Доника и не спрашиваясь вырвала оттуда двойной лист, из середины. Доник стиснул зубы и промолчал. Потому что если станешь спорить, то она назло тебе разбросает книги, сломает стол, разорвет учебники — она взрывоопасная.

Не встретив сопротивления, Катька поняла, что ей ничего не остается, как привести свою угрозу в исполнение и написать письмо. Она покопалась в сумке, вытащила ручку и поставила в верхнем правом углу страницы месяц и число. Потом уставилась на Доника злобным взглядом и спросила:

— Ты чем пишешь?

— Ручкой, — сказал Доник и вспомнил, что ручка у него чужая. Наверняка Катька уже забыла, что сама оставила ручку брату. Сейчас начнется пустой скандал.

— Откуда у тебя эта ручка? — спросила Катька.

— Ну возьми, возьми. — Доник протянул ей ручку. Можно ли готовиться к олимпиаде в таких условиях?

Катька протянула наманикюренную лапку, взяла ручку.

— А мне чем писать? — сказал Доник. — Дай мне свою, зачем тебе две?

Катька было согласилась: у нее теперь в каждой руке было по ручке. И Доник только тут заметил, что ручки были совершенно одинаковыми — обе фирменные, черные, с какой-то рекламной надписью. Катька такую ручку на той неделе выменяла у себя в группе на пару австрийских колготок, если не врет.

Катька тоже заметила, что намерена отдать брату фирменную ручку. Она замерла — и глаза ее с бешеной скоростью носились между ручками, стараясь решить задачу: какая ее?

— Ты что, шутишь, да? — спросила Катька наконец, поняв, что во всем виноват Доник.

— Честное слово, — сказал Доник, который сам безмерно удивился. — Я думал, у меня твоя. Что ты мне оставила.

— Да ты что! Я же ее на колготки выменяла.

— А эту?

— И эту.

— А не слишком много?

— Тебе рано знать! — сказала Катька, которая наконец-то решила для себя трудную проблему. Обе ручки перекочевали к ней в сумку, за ними — лист, вырванный из тетрадки. Никакого письма, значит, Борис не дождется, и обе ручки тоже останутся у Катьки. И уже сейчас, если ее спросить, она искренне скажет, что получила за колготки две ручки. Две ручки — и дело с концом. И она уже сама в это верит.

Доник и тут спорить с Катькой не стал по причине полной безнадежности. Он полез к себе в сумку, отыскал там тридцатикопеечную, старую, почти без пасты, ручку, а чем она хуже?

Катька схватила сумку и пошла в другую комнату к телевизору — не хотела оставлять ручку в распоряжении брата — наверное, уже планировала, как одну из ручек снова променяет на колготки. Потом — ну совсем как ребенок — прибежала снова, вытащила из-под кровати коробку с туфлями и открыла, чтобы насладиться.

— Пошла бы куда-нибудь, — сказал Доник. — В кино, а?

— Мешаю?

— Еще как!

Тут Катька издала клич индейца на тропе войны. Доник даже подскочил от неожиданности. Катька сидела на полу, и перед ней стояли две совершенно одинаковые коробки. Обе открыты, в обеих — синие туфли. Катька растерянно пощупала одну туфлю, потом вытащила туфлю из другой коробки, приложила к первой и стала очень похожа на обезьянку, которая старается составить две палки, чтобы достать банан.

Доник хотел пройтись по поводу ее раннего маразма, но тут

она обратила к нему убийственный взгляд и спросила голосом директора школы:

— Это что за штучки?

— Ты что? — удивился Доник. — Какие штучки? Сама засунула, а на меня говоришь.

— Ты зачем надо мной издеваешься? — Катька готова была заплакать. — Ты зачем мне настроение портишь? Сначала с ручкой, а теперь с туфлями?

— Чесслово, я думал, что ты две пары купила, — честно сказал Доник. — Но если тебе не нужно, ты отдай обратно.

— Кому отдай?

— У кого взяла.

— Но я же одну пару взяла!

— Одну пару себе оставь, — сказал Доник, — и будет хорошо.

Катька не поняла этой логики и гневно заявила:

— Сейчас же убери одни туфли. Я не хочу из-за тебя в криминал попадать.

Доник хотел было засмеяться, но в этот момент взгляд его упал на пол, и он увидел, что там стоит только одна, и притом пустая, коробка из-под туфель. Это было как в сказке.

— Какой криминал? Какие туфли? — спросил Доник, улыбаясь, хотя он сильно испугался. Но когда люди сильно пугаются, они часто начинают улыбаться. Человека засасывает в болото, он ручками машет и улыбается: извините, нечаянно!

Тут Катька тоже поглядела себе под ноги и сразу успокоилась. Ей так хотелось думать, что у нее двоилось в глазах, а теперь обошлось, что она сразу поверила в то, что второй коробки и не было.

— Я тебе когда-нибудь голову оторву, — сказала она Донику.

— За что? — Доник подошел к тому месту, где только что стояла вторая коробка. Ему показалось, что он увидел какое-то легкое движение — нечто быстрое и маленькое скользнуло под диван.

— Не трогай! — предупредила Катька. — Я тебе этого никогда не прощу.

Доник выпрямился.

— Покажи туфли, — сказал он.

Он в волшебство не верил, а верил своим глазам.

Катька туфлю ему не дала, но показала издали.

— Обрати внимание, — сказал Доник, — обе правые.

— Что? — Катька перепугалась. — Что ты говоришь! Ты не представляешь, сколько они стоят!

— Да не в стоимости дело!

Катька сблизила туфли и сказала с облегчением:

— Ты шутишь, да?

И Доник увидел, что туфли в ее руках — парные. Только что были правые, а уже стали — один правый, другой — левый, как положено.

— Я ничего не понимаю, — сказал Доник.

— А я понимаю, — сказала Катька, — что тебе надо поменьше своими физическими опытами заниматься. И тебе спокойнее, и людям.

— Нет, — сказал Доник, — дело не в этом. Но в чем — я еще не знаю.

— Не знаешь, думай! — предложила Катька. Она поставила коробку на трюмо, чтобы не выпускать из поля зрения.

Значит, у Катьки возникло настроение провести ревизию ее ценностей. Она открыла ящик под зеркалом, стала пересчитывать бутылочки и флакончики, нюхать, бормотать что-то. Иногда до Доника доносились ее слова:

«Совсем духов не осталось...», «А где помада? Я вас спрашиваю — где помада? Вот моя пома-адочка...»

Но больше Доник ее не слушал. Он быстро сделал завтрашний английский и открыл «Динамику» Моранди, перевод с итальянского, ему Виктор Аркадьевич на неделю дал. И сказал, что без этой книги на олимпиаде делать нечего. В этом была хитрость — оба переводчика Моранди были в жюри олимпиады. Другой бы не догадался, а хитроумный Виктор Аркадьевич всегда узнавал обстановку вокруг олимпиады и говорил, что порой это важнее, чем сами соревнования. Недаром из его школы человек восемнадцать были уже лауреатами.

Не глядя, Доник подвинул к себе листок бумаги, брошенный на столе Катькой, и принялся выписывать из Моранди — для себя, потому что знал, если выпишешь — лучше запоминается.

Откладывая ручку, он заметил, что по рассеянности снова взял Катькину ручку. Он отбросил ее, как маленькую гадюку, и тут вспомнил, что собирался засветло обследовать место высадки пришельцев.

Он поднялся, проходя мимо сидевшей перед зеркалом среди своих сокровищ Катьки, протянул ей ручку и сказал:

— Не разбрасывайся.

— Ты что! — возмутилась Катька. — Зачем в сумку лазил?

— Я не лазил, — сказал Доник и поспешил прочь, чтобы не тратить время на перебранку.

— Только ненадолго, — сказала вслед бабушка, — скоро обедать.

Барбос увязался было за Доником, но Доник его не взял.

— Машин много, — сказал он коту, — задавят еще тебя.

Барбос смотрел на него так выразительно, что Доник пошутил:

— Я буду осторожен. И если мне предложат улететь на Альдебаран, я категорически откажусь.

При дневном свете сквер казался совсем другим. Куда меньше — мельче. Трава уже пожухла, и листва тополей стала почти серой — во всем чувствовалась осень. Сквер был неухоженным, хотя сюда многие ходили — утром на обеих лавочках сидели мамаши и бабки с колясками, а вечером сюда приходили собачники или любители распить. Мать уверяла, что когда-то сюда ходили целоваться — но Доник такого не застал.

Доник сразу прошел на то место, где погиб космический корабль: он думал, что какой-то след останется — примятая или выгоревшая трава. Нет, ничего такого не было. Через поляну по траве шел ежик, спокойно шел, не таясь. Еще год назад Доник обязательно бы поймал ежика, притащил бы домой. А сейчас он только сказал ему:

— Шел бы куда подальше, попадешься малышам, замучают.

Он взял ежика, который вместо того, чтобы свернуться, спокойно лежал теплым животом на ладони и смотрел на Доника, и отнес его к густым кустам. Там отпустил. И подумал — какой красивый ежик! Вот вроде был глупое существо — колючки растут из спины, ноги короткие, а все равно красивый.

И тут Доник понял, что он не найдет на месте приземления никаких следов. Ведь взрыв был не обычный, а имплозивный.

Когда он вернулся домой, бабушка уже накрыла на стол, мать, которая пришла с работы чуть раньше обычного, уже вымылась и рассказывала бабушке, до чего докатился Ваганов из месткома. Доник пошел было мыть руки, но тут вошла Катька и сказала ему:

— Издеваешься, да?

— А что?

Катька держала в руке три совершенно одинаковые черные фирменные ручки с золотой надписью по-немецки.

— Зачем подсовываешь?

— Зачем мне подсовывать?

— А я говорю — ты нарочно, чтобы меня волновать!

— Ничего я тебе не подсовывал. Я вижу, что ты на столе забыла, вот и отдал. Зачем мне твои ручки?

— А зачем мне три? Может, их вообще миллион? Я у Багировой взяла, потому что она так и сказала — будет одна, одна на всю Москву, понял? На что мне три?

— Так отдай мне.

— Еще чего не хватало!

Катька тут же спрятала все три ручки в сумку, а Доник подумал, что надо будет расследовать загадку трех фирменных ручек. Но в тот вечер разгадать ее он не смог, надо было садиться за Моранди — но некуда спрятаться, потому что к Катьке пришли сразу две девицы: Варфоломеева — дура почище Катьки — и незнакомая спекулянтка шмотками. Причем денег у этих куриц нет, и они все время устраивают чейндж и базарят. На кухню тоже не пойдешь — там Салима устроила очередную стирку, а в большой комнате телевизор на полную громкость. Но лучше при телевизоре, чем в щебетанье интеллектуалок из швейного техникума.

Доник уселся с книгой в угол, но с трудом понимал, что пишет Моранди.

Вдруг бабушка сказала:

— Вера, спасибо, что ты мне шерсть принесла.

— Ага, — сказала мать, которая уже впилась в телевизор.

Потом минут через десять, когда случилась какая-то пауза в действии, мать спросила:

— Какую шерсть?

Донику было забавно слушать, с какими перерывами идет разговор между мамой и бабушкой, но они этого не замечают.

— Синюю, — сказала бабушка еще минут через пять, кончив считать петли.

— А я не покупала, — сказала мать.

— Три мотка, — сказала бабушка. — Я же еще вчера просила тебя купить.

— Ага, — сказала мать, — я не покупала. Нет синей шерсти.

— А эти мотки — Доник, что ли, принес?

— Ах, оставь, — сказала мать, — ты мне смотреть мешаешь.

И тут Доник увидел ежика. Того самого, из сквера. Он не спеша топал через комнату, направляясь к Донику, а следом за ним, медленно переставляя лапы, как зачарованный, двигался Барбос, который, видно, расценил появление ежика в комнате как личный подарок судьбы.

— Барбос! — крикнул Доник. — Фу!

Кот не обратил никакого внимания на его слова, но мать услышала и оторвалась от экрана — проследила направление взгляда Доника и, еще не поняв, что в комнате бродят ежи, завизжала на всю улицу.

Ежик остановился, Барбос отпрыгнул в сторону, потому что решил, что в квартиру ворвалась пантера, бабушка выронила вязание, подруги вбежали из соседней комнаты, Салима распахнула двери и закричала с порога:

— Какой право имеешь меня нервы дергать?

Испугавшись за ежика, Доник схватил его на руки. Ежик был тот, из сквера, — он не умел сворачиваться в шар.

Девушки окружили Доника, хотели приласкать ежика, им было смешно, что он поднялся на второй этаж и пришел в гости. Мать чувствовала себя неловко, что так закричала, и потому стала ругать Доника за то, что тот без спросу принес домой ежа. Бабушка поддержала ее, сказав, что ежи дома не живут и оставить его дома — это замучить животное, к тому же его Барбос растерзает.

— Хорошо, — сказал Доник, как бы признавая этим, что принес ежика сам. — Я его отнесу.

И он понес ежика к выходу. Салима шла за ним до двери и твердила, что от ежей этих и крыс бывает чума и СПИД.

Уже темнело. Доник прижимал к себе ежика, тот доверчиво лежал на руке, и от него исходило спокойствие и теплота. Даже жалко стало расставаться с таким хорошим и добрым ежом. Доник подумал, может, отдать его Карапетяну, который как раз вышел гулять со своими близнецами, но потом решил — нет, пускай ежик живет на свободе. А он к нему будет приходить...

Когда, перейдя улицу, Доник вошел в сквер и стал искать место поглуше, чтобы отпустить ежика, ему в голову пришла гениальная мысль: «Ежик каким-то образом связан с космическим кораблем!»

В этой мысли заключался не вопрос, не предположение, а утверждение.

С этой мыслью Доник зашел в кусты и отпустил ежика. Ежик и не собирался убегать, он стоял у его ног и ждал. Из кустов Донику была видна скамейка. На скамейке сидели две девочки, лет по пяти, они держали в руках по ежику. А рядом с ними сидел их дед, толстый старик в пиджаке, обвисшем от груза медалей и юбилейных значков. Он тоскливо и монотонно вещал:

— Я помню, как мы стояли под Демьянском, а там леса густые, и в них водятся ежи. А жрать нечего. Сержант Ватрушка поймал трех ежей и изжарил. А наш ротный говорит — нельзя ежа жрать, отравишься. А Ватрушка изжарил и съел, и хоть бы что. Его через два дня убило осколком. Но животом совсем не страдал. От осколка погиб, я сам при этом присутствовал.

Доник посмотрел под ноги. Его ежик стоял внизу и ждал. Конечно, могло так случиться: попался выводок ежей — бывает. Но Доник был убежден, что все это не случайно.

— Пока, — сказал он ежику и медленно пошел к дому, но не домой, а только к дому. Он дошел до скамейки перед подъездом и сел на нее. Ситуация была неординарная, нестандартная, Доник обладал тайной, которую, кроме него, никто не знал. Тайна

эта была невероятная, и от разгадки ее могла зависеть судьба всей Земли. Это трудно понять — человеку кажется всегда, что судьбы Земли и даже его района решаются в каких-то специальных учреждениях. Но если мы допустим, что единственный инопланетный корабль опустился именно в сквере по ту сторону Охотничьей улицы вчера в десять вечера, то уже это событие настолько невероятное, что его последствия должны проявить себя невероятно.

Допустим, рассуждал Доник, что ежики — это и есть инопланетные пришельцы... Хотя вряд ли. Если бы из корабля вышло сто ежей, Доник бы их увидел — не такая уж была темнота. Да и что за идея изображать из себя ежей? Это самый невыгодный камуфляж. Если бы Донику предложили спуститься на Землю и принять форму какого-нибудь земного существа, неужели он выбрал бы ежа? Да ни в коем случае! Еж медленно передвигается, он лишен средств защиты, он слишком очевиден в городе... Нет! Постой-ка, а вдруг пришельцы в самом деле так похожи на ежей? Доник покачал головой. Он точно знал, что вчера вечером из корабля вылезли мелкие существа, подобные маленьким насекомым, — не ежи... и не ручки!

А почему он подумал о ручках?

Потому что с ручками нелады. Ручка должна быть одна. А их уже три. Вторая появилась, потому что она понадобилась Донику. А третья? Третья тоже, потому что она понадобилась Донику. А откуда они появились, эти ручки?

Оттуда же, откуда и ежи — ниоткуда.

Доник сидел в одиночестве и строил умозаключения, которые имели прямое отношение к судьбе Земли. Она сейчас в руках единственного человека, который осознает опасность, грозящую нашей планете. Теперь подумаем, не был ли он сегодня свидетелем других странных случаев. Был! Была история с собакой. Ведь сначала у нее половина морды была белой, а потом и вся морда. Эта собака подобно ежам появилась неизвестно откуда — потерялась и потом пришла. Все? Нет, не все! Доник радовался, как грибник, попавший на поляну, где растут во множестве подосиновики. Что вы скажете о мотках синей шерсти, которых не было в магазине и которые оказались у бабушки, хотя мать их не покупала? Или о туфлях?

Допустим, что есть существа и вещи, которые возникают ниоткуда и не возникали раньше, пока не приземлился космический корабль. Значит, это было вторжение?

А почему бы нет? Необязательно же марсианам приземляться на Землю в снарядах и сразу же пить кровь землян. Можно вторгнуться невзначай, мало-помалу втереться людям в доверие,

притвориться ежиками, заморочить человечество... Вторжение вещей!

Если бы Доник придумывал фантастический роман или фильм, он бы назвал его «Вторжение вещей!».

Стало прохладно. Зябкий ползучий ветер дергал за серые листья тополей. Надо что-то предпринимать, но совершенно неизвестно, с какого конца начать. Сейчас важно, чтобы пришельцы не догадались, что их зловещий план разгадан одним человеком четырнадцати лет, которому никто и ни за что не поверит, если он сейчас начнет предупреждать людей: «Опасайтесь пришельцев! Они среди вас в виде ежиков!»

Если они еще читают мысли... тогда положение безнадежно!

«А это можно проверить, — сказал сам себе Доник. — Надо подумать: сейчас я иду за бензином — я оболью бензином сквер, а потом подожгу его. И все пришельцы погибнут!»

Подумав так, Доник невольно внутренне сжался — так четко представил себе бушующее вокруг пламя.

Что же теперь предпримут пришельцы, чтобы уничтожить Доника — их главного и единственного врага?

Доник вскочил со скамейки и отошел к дому. Он прижался спиной к стене так, чтобы нельзя было зайти сзади. Он прищурился и стал ждать нападения...

Ничего не произошло. Значит, подумал Доник с облегчением, пришельцы не читают мыслей.

И тут он услышал шорох. Через улицу, прочь от Доника бежал ежик.

Доник сразу осмелел — любое существо смелеет, когда видит, что враг бежит. Он оторвался от стены и пошел следом за ежиком-пришельцем. И тут же увидел, как с рябины, росшей у барака, спрыгнула на асфальт белка. Вот уж кого Доник отродясь не видел! Белка понеслась следом за ежиком.

«Ох, догоню! — мысленно угрожал им Доник. Вошел во вкус! — Догоню, оболью бензином и сожгу!»

Он пошел за зверьками, которые замерли на краю тротуара — почти касаясь друг друга.

И когда Донику оставалось до них два шага, они исчезли.

Растаяли в воздухе — раздался лишь легкий щелчок, как бывает, когда лопается воздушный шарик...

Доник добежал до того места — ничего не видно. Он присел на корточки, провел ладонью по асфальту — весь его страх улетучился. Под ладонью, которая ощущала шершавость асфальта, что-то шевельнулось — как будто насекомое быстро пробежало по тыльной стороне кисти и исчезло.

Теперь Донику все было ясно.

Они умеют менять обличье — превращаются в вещи или существа, которые людям почему-то нужны или приятны. Смотри-ка, никто из них не превратился в скорпиона... Впрочем, никто не превратился и в человека. Может, человек для них слишком велик?

Один за другим они внедряются в каждый дом, в каждую комнату... Незаметная ручка, моток шерсти... И когда поступит сигнал — уже готовы выскочить изо всех нор и укрытий. Сдавайтесь, люди!

В этой стройной гипотезе не сходились концы с концами. В чем же ошибка?

Зачем им превращаться в ручки и ежиков, подумал Доник, если они могут дожидаться приказа о наступлении, затаившись по темным углам? Зачем им рисковать и высовываться раньше времени?

С кем бы посоветоваться? В такой критической ситуации человеку нельзя оставаться в одиночестве.

Кажется, есть у тебя и знакомые, и друзья, вроде бы всегда есть с кем поговорить или поспорить... а вот началось космическое вторжение — и оказывается, что сообщить об этом, не рискуя показаться дураком, некому.

Дома нет человека, с которым можно обсудить судьбу Земли. В классе... в классе можно поговорить с Риной Осиповой. У нее голова устроена лучше, чем у ребят. Ее пришельцами не испугаешь.

Доник пошел на угол к автомату. Дома у него телефона не было, да если бы и был — он не стал бы звонить из дома.

Автомат по странной случайности оказался свободен и не сломан. Звонок у Рины отзвенел десять раз, но никто не подошел к телефону. Доник хотел было позвонить тогда Кольке Стахановичу, на крайний случай можно поговорить с ним. Но тут автомат щелкнул и сожрал монетку. Больше у Доника двушки не было. Теперь пришельцы могли заканчивать завоевание Земли совершенно спокойно, потому что Доник был нейтрализован.

Доник вышел из автоматной будки.

В двух шагах от нее стоял немного знакомый Донику алкаш Аполлон-Союз. Доник не знал, почему этого пожилого сутулого морщинистого мужчину так странно звали и как его настоящее имя.

— Тебе нужна двушка, — сообщил алкаш Донику и протянул ему сложенную ложечкой ладонь, в которой была целая горсть двушек. — Ты возьми и звони ей, не спеши, обязательно дозвонись. За мое здоровье.

— Спасибо, — сказал Доник, прижимая указательным пальцем дужку очков к переносице. — Ее нет дома.

— Все равно звони! — сказал Аполлон-Союз. — Пускай услышит и приедет, на скорую помощь.

Глаза у Аполлона-Союза были слишком блестящими.

— Не надо, спасибо, я домой пойду.

— Сначала пожертвуй мне пять минут, — сказал Аполлон-Союз. — Меня гнетет одиночество в день исполнения желаний.

— А как пожертвовать?

— Горе наше, людей конца двадцатого века, в том, что нам не перед кем исповедаться. И это хуже, чем одиночество. У меня сегодня праздник исполнения желаний. Но нужен ли он мне, если я не могу возвестить миру, что мои желания удовлетворены?

— А какие желания? — быстро спросил Доник.

— Ты еще молод задавать такие вопросы, — сказал Аполлон-Союз. — Но в виде исключения я тебе откроюсь.

Алкаш распахнул обвислый, потертый пиджак с ветеранским, незаслуженным значком на лацкане, и Доник увидел, что из обоих внутренних карманов выглядывают горлышки бутылок.

— Пшеничная, — сказал Аполлон-Союз. — Высший сорт. Могу позвать любого друга, откуда хочешь прибегут. Залейся.

— А откуда они у вас?

— Очкарик, я тебя буду звать Берией, ты другого не заслужил. А я тебе буду сознаваться. Так вот — хрен его знает откуда! Наверное, от верблюда. Еще час назад я был самым несчастным человеком в этом микрорайоне. Никуда не привезли, нигде не дают, и не на что купить! Ты такого чувства не испытывал ввиду чистоты твоего желудка. Я пошел топиться — кем мне быть, топиться, понял?! Сел и ботинки снял, чтобы не мешали топиться, — я люблю все делать культурно. Потом я пиджак снял, пиджак не виноват! — а в карманах у меня две, понимаешь, пустые бутылки для сдачи посуды. Значит, я все это положил на парапет и пошел через него лезть, чтобы свалиться в глубины безмолвия. И тут у меня появилось предчувствие. Словно голос с неба: «Уууу! Посмотри в пиджак! Вдруг у тебя бутылки уже полные?» Я голосу говорю: «Не дури! Что уже выпито, то полным не бывает...» — а голос: «Ууу! Гляди!» Я отложил потопление, смотрю в карман — а они полные до горлышка и запечатанные... Скажи, а Бог есть? Нет, ты мне честно скажи, значит, я еще нужен человечеству, если мою бессмертную душу решили сохранить через посредство чуда? Знаешь, очкарик, я завтра в церкву пойду, пускай меня крестят. А?

— Значит, вы уверены, что сначала бутылки были пустыми, а потом наполнились?

— И запечатались, кем мне быть! — Аполлон-Союз рассмеялся. Он был в самом деле счастлив. — Ты меня правильно пойми, — сказал он. — Это я не чтобы сразу вылакать — это я для счастья. Я уже час как хожу, смотрю, но чтобы пить — ни за что! Ты меня понимаешь?

— А почему вас Аполлон-Союз называют? — спросил Доник.

— Потому что Союз-Аполлон в Калуге живет, — ответил алкаш.

— А у вас имя-отчество есть?

— Оскорбляешь! Есть, и не одно. Хочешь, зови меня Эдиком Стрельцовым.

— В общем, мне все равно. Не хотите говорить, не надо. Только я знаю, откуда у вас бутылки.

— А ты объясни, может, пойму.

— Вам ведь все равно.

— Честно говоря, не все равно. Я вычисляю: подарков мне никто делать не будет. Но и красть я их не крал. Потому докладывай. Любой вариант будет рассмотрен нами уважительно, в обстановке консенсуса.

— Эти бутылки сделаны инопланетными пришельцами.

— Ну ты даешь, очкарь! Я думал — ты в норме.

— А я же вам не навязываю свою теорию, — сказал Доник, не опуская взгляда. — Только хочу объяснить, что они поступают логично. Может быть, и я на их месте начал бы вторжение точно таким образом.

Доник понимал, что Аполлон-Союз храбрится и готов поверить даже в черта. Иначе давно бы изматюгал Доника и ушел. А Донику тоже до смерти нужен был собеседник, союзник — нельзя быть одному хранителем такой тайны.

— Я вам не навязываюсь, — сказал Доник. — Не хотите, не верьте. Я сам еще вчера не верил. Глупости какие — пришельцы...

— Пришельцы-мришельцы, — сказал Аполлон-Союз. — Мать их.

— А вчера вечером я гулял и увидел, как их корабль вот здесь опустился, а они из него выбежали.

— Крупный?

— Корабль крупный, а десант — знаете, такое ощущение, словно насекомые. Я их не видел — но слышал, как шуршат.

— Это бывает, — сказал Аполлон-Союз, — это лечат. Тебе рано, а нашего брата лечат. Значит, на глаза не попались, а на плечо лезли?

— Вы не в том смысле понимаете. Главное, что их корабль взорвался и они остались у нас навсегда. И теперь им, наверное, надо здесь устроиться.

— Беженцы из Карабаха?

— Может быть, беженцы. Они стали превращаться в вещи, разных небольших существ.

— Зачем?

— Чтобы проникнуть, я думаю, — сказал Доник. — Я сейчас двух видел — один был как ежик, а другой — белка.

— И сбежали, — сказал Аполлон-Союз. — А бутылки стоят!

— Сбежали, потому что я их испугал. Они же боятся, что их разоблачат.

— С какой целью боятся?

— Тогда мы начнем их извлекать и уничтожать. И вторжение сорвется.

— Да здравствует вторжение! — громко сказал Аполлон-Союз. — Кто угодно, вторгнись, чтобы курево было и колбаса! Надоело жить свободным!

— Тише!

— Какой тише? У нас сколько властей менялось, и мне все обещали, что я буду жить при нынешнем поколении и при коммунизме. И все врали. А тут приходят — и сразу несут бесплатную водку. Да здравствуют инопланетные пришельцы!

Тут сестры Волковы, которые проходили неподалеку, подпрыгнули со страху, а их собачки залаяли. Доник сказал:

— Тихо вы! Видите — доказательство проходит?

— Какое доказательство?

— Эти бабушки — они сестры Волковы...

— Знаю, в одном доме с ними прописан. А что?

— А то, что у них была собака...

— И сейчас есть собака.

— Сколько собак?

— Не скажу. Может быть, у меня двоится в глазах, а это врачи нам не советуют.

— У них две собаки. Одна сестра думает, что у настоящей вся морда белая, а другая думает, что только половина. Вы смотрите, собаки почти одинаковые...

— Мне не видать, я только хвост наблюдаю, — сказал Аполлон-Союз.

— Но вы же видите, что у них две собаки!

— Удивительно, — согласился наконец Аполлон-Союз, — что хозяйки не замечают.

— А они довольны. Они счастливы, — сказал Доник. — В этом принцип завоевания.

— Завоевания?

— Пришельцы хотят, чтобы людям казалось, что они счастливые, а потом завоюют.

— Никто и никогда еще не хотел мне счастья. Нет, про пришельцев, может, и не врешь, а про счастье врешь.

— Тогда предлагаю эксперимент, — сказал Доник.

— Какой еще эксперимент?

— Разбейте эти бутылки.

— Ты что?

— Если это пришельцы, они не допустят, чтобы у вас было такое горе, — правильно?

— А если это не пришельцы?

— Тогда откуда у вас бутылки?

— А я лунатик! Спер и не заметил.

— Значит, испугались?

— Еще бы не испугаться!

— Вот если бы у меня была бутылка, я бы обязательно рискнул!

— Риск — это славно, очкарь! Рискуй на свои бутылки!

— У вас вторая останется!

— Для человека употребляющего, к которым я себя причисляю, каждая разбитая бутылка — трагедия. И за себя, и за того парня.

— Давайте тогда я ее разобью...

— Знаешь, за что Отелло свою жену задушил? Молчишь? За то, что она бутылку разбила.

Аполлон-Союз расхохотался, лицо его покраснело.

— Я вам гарантирую, — сказал Доник. — Никакого сомнения. Даже смешно. Зато узнаете, хочет ли кто-нибудь вам счастья.

— Эх, счастье... А что, если не врешь? Птица счастья завтрашнего дня!

И вдруг этот пожилой, обтрепанный, бессмысленный человек начал топтаться на месте, широко разведя руки и поводя ими, словно изображая крылья. Кружась, он напевал, как бы подгоняя себя, и ему-то казалось, что он бодро и весело пляшет, может, даже вприсядку — он был совсем не пьяный, но вел себя как изрядно подгулявший человек, — так он разогревал себя, и Доник даже отступил от него: он не ожидал такой вспышки энергии. Наплясавшись, Аполлон-Союз распахнул пиджак, трясясь, вытащил за горлышки бутылки с водкой и начал крутить их в руках, словно это были булавы, а он — жонглер. Но подкидывать он ничего не стал и приглушенно завопил:

— Иээх, где наша не пропадала! Смерть немецким захватчикам! — Видно, он вообразил себя защитником Севастополя, который выходит с бутылкой горючей смеси навстречу фашистским танкам, — раздался неожиданно оглушительный звон — обе бутылки грохнулись об асфальт — и вдребезги!

Издали залаяла собака, хлопнуло окно в доме, и женский голос закричал:

— Хулиганить бы постеснялись! Дети уже спят!

Аполлон-Союз стоял не опуская рук и глядел на благоухающую спиртом черную лужу на асфальте, на блеск осколков стекла, и Донику стало страшно — что он наделал! А вдруг пришельцев нет?

— Какие еще пришельцы? — сказал Аполлон-Союз трезво и страшно — он уже хотел убить Доника, потому что Доник лишил его бутылок. Лишил его нежданного водочного счастья...

— Ну, где другие? — спросил Аполлон-Союз и всхлипнул. — Где счастье?

— Я не думал, — сказал Доник. — Я думал, что это пришельцы.

— Как же я так... поддался? Я ж никогда в жизни! Чтобы хоть рюмку разлить! Да ты что! А тут своими руками две бутылки? За что?

Аполлон-Союз опустился на корточки и стал гладить мокрый асфальт.

— Осторожно, — сказал Доник, которому было стыдно, что он заставил несчастного человека сделать глупость, — вы руки обрежете.

— Пускай обрежу, — сказал Аполлон-Союз. — Пускай до крови — водкой умоюсь... я сейчас лизать буду, вот посмотришь — лизать буду, не потому, что хочу, а чтобы у нее, у водочки, прощения выпросить!

Доник стал оттаскивать Аполлона-Союза от лужи, а тот клонился вперед и плакал.

Мимо прошел молодой парень, Доник хотел попросить его помочь, но парень сказал наставительно:

— Меньше принимать надо, папаша, сына испортишь!

И прошел мимо.

Доник все же тянул Аполлона, но тот сопротивлялся.

А тот молодой парень вернулся и спросил:

— Помочь надо, пацан?

Доник не успел ответить, потому что парень наклонился, взял с асфальта полную бутылку водки и протянул Донику:

— Возьми и мамке отдай — твой папаня уронил.

— Моя! — закричал Аполлон-Союз и выхватил бутылку. — Мой пузырь!

— Живите как хотите, я уеду навсегда! — сказал молодой парень.

Он уходил и в голос смеялся. Аполлон-Союз сидел на мостовой и прижимал обе бутылки к груди. И тоже смеялся. Потом Доник увидел еще одну бутылку, которая лежала в траве.

— Видите, даже прибавилось, — сказал Доник с укоризной.

— Спасибо, — сказал Аполлон-Союз с чувством, — вам, товарищи инопланетные пришельцы, за нашу счастливую старость. Этого мне за день не выпить.

— Вот видите, — Доник не скрывал радости, — я же говорил, что они все делают, чтобы мы были счастливы!

— Молодцы — адидасы, — сказал Аполлон-Союз. — Наши спонсоры. Надо в Верховный Совет сообразить, они же нас обеспечат — кому водку, кому сгущенное молоко, я правильно говорю? Каждому по способностям, от каждого — кто сколько может.

Он смотрел бутылку на свет.

— Хрусталь, — сказал он.

Доник прошел по тому месту, где только что лежали осколки, — асфальт был сух, и все, что случилось несколько минут назад, казалось сном.

— Ты мой товарищ по разуму, можно сказать, друг, — сказал Аполлон бутылке. — Ты уж от нас не уезжай.

Он ловко сорвал зубами жестяную пробку с бутылки.

— Вы что? — удивился Доник.

— Пора начинать, — сказал Аполлон, — пора принимать вовнутрь.

— Как же так? Разве это для того, чтобы пить?

— Только так можно достичь счастья, — сказал Аполлон. — Путем приема внутрь. А ты как думал?

— Я думаю, что каждая такая бутылка — это в то же время пришелец...

— Закамуфлировался, во дает! — обрадовался Аполлон-Союз. — Нет, ты только подумай. Был в скафандре, стал мальчишкой, удивительным парнишкой, это очень хорошо, даже очень хорошо! Буратина ты моя!

Он взболтал жидкость, понюхал.

— Божья слеза, — сообщил он Донику.

— Не надо. — Доник осекся, хотя ощущение неумолимого бедствия не оставляло его. — Может, вы им отравитесь.

Аполлон пил, задрав голову.

— Я с вами поговорить хотел, посоветоваться, а вам это неинтересно, — сказал Доник.

Аполлон-Союз сделал еще несколько глотков и сказал, прижимая горлышко пальцем:

— Слабоват твой пришелец, сорока градусов не будет. Тридцать пять максимум. А ты иди, куда шел, а то я скоро стану опасным для человечества, потому что агрессивный. Тебя не узнаю — пришибу! Мотай отсюда!

Доник понял, что Аполлон-Союз прав — нечего ему здесь стоять и смотреть, как человек напивается.

Аполлон-Союз пошатнулся и с треском врезался в кусты — но не упал, а удержался, и треск продолжался, удаляясь, — значит, Аполлон-Союз пробивался в нужном ему направлении.

Доник пошел домой. Встреча с Аполлоном-Союзом могла показаться бессмысленной, но с научной стороны дала немало. Ведь был поставлен самый настоящий эксперимент — Аполлон показал пришельцам, как он расстроен из-за того, что бутылки разбились. И тут же появились новые бутылки. Значит, теория Доника была правильной. Значит, пришельцы читают мысли и быстро на них реагируют. Осталось понять: вещи и существа, что выдаются людям для счастья, — это фантомы, пустая видимость или сами пришельцы. Если пришельцы, значит, Аполлон-Союз людоед? Представляете, какую репутацию заработает человечество в галактическом содружестве? Нас будут называть расой каннибалов... Планета Каннибалов! Ужас какой-то!

Доник даже оглянулся, будто боялся, что какой-нибудь прохожий подслушает эту мысль. Но прохожих не было. Люди занимались своими делами. Только Доник с ума сходил.

Вроде бы главная загадка пришельцев им раскрыта: они — оборотни. Поэтому выловить их будет нелегко. Но прежде чем начинать ловлю пришельцев, надо разобраться, зачем им засвечиваться. Сидели бы по углам — никто бы не заметил. А теперь они потеряли внезапность.

Впрочем, внезапность они еще не потеряли, если уберут Доника. А как его убрать? Можно сбить машиной, отравить... утопить, подослать наемного убийцу.

Донику стало не по себе. Он обернулся: сзади никого не было. Хотя это ничего еще не значило. Они подкрадываются незаметно. Доник пошел быстрее. Еще быстрее.

Потом припустил к бараку, запыхавшись, вбежал по лестнице и прижал ладонь к звонку. Звонок заверещал, но Доник не отпустил кнопку.

Открыла бабушка.

— Ты что? Бежишь как кот от собаки.

— Побежишь, — сказал Доник, — если за тобой привидения гоняются.

Бабушка, видно, решила, что Доник так шутит, и спросила:

— Ужинать будешь?

Вся семья была в сборе перед телевизором. Чего и следовало ожидать.

Доник от ужина отказался, попросил чаю.

— Как твои пришельцы? — спросила Катька, не ожидая ответа, потому что была увлечена телевизионными приключениями.

— Надо что-то делать. И срочно, — сказал Доник.

— А ты поделись, — сказала бабушка, — легче станет.

И Доник поведал своему семейству не только о прилете пришельцев, но и о драматической истории Аполлона-Союза. Но никто не удивился и не испугался. Бабушка взяла уже связанную спинку свитера и долго принюхивалась к тому месту, что было связано из таинственных мотков.

— А зачем нюхаешь? — спросил Доник.

— Затем нюхаю, что запах другой, — сказала бабушка.

Мать сказала:

— Потише, смотреть мешаете.

— Дай понюхать, — сказала Катька.

— Осторожней, не отравись, — сказала мать. — Они там, может, всякую отраву в шерсть добавляют.

— Пахнет дикими прериями, — сказала Катька, которая только что читала роман «Анжелика в Новом Свете».

— Они рассудили, — сказала бабушка, — что любимую вещь я буду беречь. Может, они это уже на других планетах испытали.

— Можно подумать, что ты на других планетах бывала, — сказала Катька.

— Для этого не нужно бывать. Для этого можно прожить жизнь. Только подольше, чем ты, и с толком.

— Ничего себе с толком! — возмутилась Катька. — Всю жизнь по баракам! Это же не жизнь. Ты даже в Болгарии не была, а о других планетах рассуждаешь.

— А как ты бы хотела жить? — спросила бабушка с обидой в голосе.

— Я бы хотела за фирму выйти, — сказала Катька.

— Что еще за фирма такая?

— Сначала я поступлю на конкурс красоты!

Бабушка с внучкой ввергались в пустой спор, и Доник поспешил вмешаться:

— Помолчали бы! Нас же пришельцы слушают!

— Они слушают? — мама только сейчас об этом догадалась. — Какая гадость! Им никто не давал права.

— Конечно, не давал, — сказал Доник. — Только они не спрашивали.

— А ну, идите отсюда! — закричала мать. — Сейчас же! Чтобы и духу вашего не было.

— А кого ты конкретно гонишь? — спросил Доник, а Катька захихикала.

— Она знает, что гонит, — сказала бабушка. — Признавайся, кто в кухонный стол флакон французских духов подложил?

— Это я сама забыла, — сказала мать.

— Когда же ты себе по восемьдесят рублей духи покупала, а потом в кухонном столе забывала?

— Это мне подарили, — ответила мать, которая в это уже почти верила. — Подарил один мужчина, который просил никому не показывать.

— Что же за мужчина? — не выдержала Катька. — Водопроводчик Колька? Он свою жену испугался!

Мать рассердилась, выбежала из комнаты в коридор, а бабушка крикнула ей вслед:

— Погоди, Вера, ничего в этом плохого нет!

— Если бы меня заподозрили, что я такие подарки принимаю, меня бы со свету сжили! — заявила Катька. — А матери можно, да?

— Ты бы пошла, попросила у Веры прощения, — сказала бабушка. — Иди, иди, ничего твоей гордыне не станется.

Доник взял с обеденного стола «Теоретическую физику» Гордона—Смита, новенькую, в синем переплете, он о такой и не мечтал.

— Давно лежит? — спросил он бабушку.

Катька все же встала, пошла в коридор за матерью.

— А это не ты положил? — удивилась бабушка.

— Наполеон положил, — сказал Доник.

Бабушка взяла книгу и стала разглядывать.

— Я только не понимаю, — сказала она, — книга настоящая, ты как думаешь?

— Совершенно настоящая.

— Значит, они ее скопировали, — сказала бабушка. — С другой. А где они другую взяли?

— Может, у меня в голове?

— А она у тебя в голове была?

— Нет, вся не была, я ее всю не читал.

— Значит, они ее нашли и копию сделали, — сказала бабушка. — И это меня беспокоит. Пока они копии здесь делают — прямо в комнате, ну ладно, я еще понимаю. Но когда они неизвестно с чего копируют, значит, они уже всю Землю освоили?

— Я тебя понимаю, — сказал Доник. — Получается, что и в библиотеке были и передали по своим каналам связи формацию, а здесь ее получили.

— Значит, они все умеют.

— Тебе страшно, баб?

— А чего бояться? — сказала бабушка. — Может, неудобно,

что кто-то сидит, смотрит на нас с тобой, думает и молчит. Но раз он нам с тобой не гадит, то я молчу. А если старается нам лучше сделать, тем более молчу. Кто мне добро делал? По пальцам можно перечесть. Добро — ценность редкая. Дай уж мне на их добро хоть злом не отвечать. Разве хуже, чем мы живем, жить возможно?

Пришел Барбос. Он втиснулся из коридора в щель приоткрытой двери, кончик его хвоста подрагивал — он чувствовал себя охотником.

И было отчего — в зубах он нес мышь.

Счастье охотника светилось в глазах кота.

— Что, — спросил Доник у Барбоса, — тебе тоже сделали подарок? Ты теперь тоже счастливый ходишь?

Барбос сделал движение хвостом и положил придушенную мышь у ног бабушки — он делал ей большой подарок.

— Убери! — сказала бабушка. — Сейчас Вера придет, такой крик поднимется...

Барбос понял, взял мышь и унес ее под диван.

— Тоже пришелец? — спросил Доник.

— А разве Барбосу счастье не полагается?

— Как мы привыкнем, — рассуждал вслух Доник, — они тут же обернутся автоматчиками...

— И что? — спросила бабушка. Перед ней на столе появился еще совсем-совсем целый моток синей шерсти. Бабушка осмотрела его и кинула в корзинку с вязаньем.

— И уничтожат.

— Хорошая шерсть, — сказала бабушка. — Натуральная.

Послышался звонок в дверь.

Один звонок — общий.

— Откроют, не бегай, — сказала бабушка.

Но Донику не сиделось, он выглянул в коридор. Дверь открыла Катька. В дверях стоял бледный, даже зеленоватый Аполлон-Союз. За ним еще какие-то люди, такие стоят у винного отдела.

— Здесь пацан живет? — спросил Аполлон-Союз. — Очкарик!

Язык плохо слушался Аполлона, и тот старался выговаривать слова медленно и внятно.

— Я здесь! — Доник вышел в коридор. Он сразу понял, что разыскивают его.

— То-то что здесь, а ты не таись! — сказал строго Аполлон-Союз. — Ты что наделал, а?

— Я ничего не делал. — Доник вдруг испугался. Он пришельцев так не боялся, как этого человека, от которого исходила глухая злоба.

Все, кто был в коридоре и на лестничной площадке, смотрели на Доника — кто с испугом, кто с тревогой. Салима не могла скрыть злорадства. И даже губы ее уже зашевелились, чтобы сказать: «Я же предупреждала!»

— Я чуть Богу душу из-за тебя не отдал. Пол-улицы изблевал. Водка-то была отравленная! — сказал Аполлон-Союз. От злобы он весь подобрался, сосредоточился. — Ты зачем продался? Ты мне ответь и всему народу — кому продался?

— Вы чего к мальчику пристали? — пискнула бабушка, и Доник вдруг увидел ее чужими глазами и понял, какая она маленькая, субтильная, одним пальцем можно перешибить.

— Молчать! — зарычал Аполлон-Союз. — Всем молчать по стойке... Пей, говорит, водку! Отравитель!

— Я вам говорил, что не надо. А вы сказали, что в ней сорока градусов не будет.

— Провокатор, вот он кто, — сказал Коля-водопроводчик, что пришел с Аполлоном, — душить таких нужно уже в колыбели.

— Я же товарищей угостил, — Аполлон-Союз широко провел рукой, но рука ударилась о вешалку. Аполлон-Союз длинно выругался.

— Вы не умеете себя вести, — сказал Лев Абрамович из дальней комнаты.

— Вот именно, — сказал кто-то темный от двери. В квартиру вливалось человеческое месиво, что пасется возле винного магазина.

— Теперь я заражен радиацией и мне жить осталось несколько часов, если не найдем способа отвезти меня в свободно конвертируемую страну, понял?

— С чего вы решили? — спросила бабушка.

— У него в бутылке был пришелец, — сказал Доник бабушке. — Он водку стал пить — наверное, пришелец не знал, что водку пьют... и погиб.

— Ах не знал! Нет, знал! Предупреждаю, сам погибну, как в Чернобыле четвертый реактор, но тебя с твоими пришельцами уничтожу!

— Да ты придуши его, милиция возражать не будет, — сказал один из собутыльников.

— Вот я сейчас вызову милицию, тогда посмотрим, кто хулиган! — сказала бабушка. — Вера, звони по ноль-два!

Мать сделала движение к двери, но остановилась, потому что дверь была перекрыта незваными гостями.

— Постой, — сказал Аполлон-Союз. — Руки не распускай. Пускай твой очкарь честно скажет, как их уничтожить!

— И чтобы обменяли водку на настоящую! — послышалось

из-за его спины. Аполлон-Союз брыкнул назад ногой, и послышался вопль:

— Ты чего?!

— Говори! Ты знаешь!

— Честное слово, я не больше вас знаю, — ответил Доник. — Мы же с вами вместе эксперимент ставили.

— Он вообще очень скрытный ребенок, — сказал Лев Абрамович. — От него добром трудно добиться.

— А мы катаньем добьемся, — сказал Аполлон-Союз. — Будешь говорить или нет?

— Вы же знаете, — сказал Доник, — что они стараются сделать человека счастливым. Они как-то чувствуют, что ему нужно для счастья... и делают.

— А что тебе сделали? — быстро спросил Аполлон-Союз.

— Мне? Книжку по физике, переводную, — сказал Доник.

— Книжку! Ха-ха, — сказал пьяный голос с лестничной площадки.

— Ладно, верю, — сказал Аполлон. — Давай ее сюда.

— Зачем?

— А ну давай!

Катька испугалась — мгновенно метнулась в комнату, принесла книжку Аполлону. Она была как птица — уводила хищника от гнезда, а в гнезде у нее туфли, духи, наверное, что-нибудь еще...

— И ты думаешь, если его возненавидеть, он слиняет? — спросил Аполлон-Союз. Доник пожал плечами. Чего отвечать — Аполлон-Союз уже делал так с бутылками. Может быть, пришельцы внушали людям счастье, но сами могли существовать до тех пор, пока в ответ получали счастливое чувство...

Доник не хотел встречаться взглядом с Аполлоном, который как бы притягивал к своим тусклым водянистым глазам чужие глаза, чтобы подчинять их.

— Может, они хотят, чтобы люди стали как они? — вырвалось у Доника... И эти слова прозвучали как раз в тот момент, когда в коридоре было тихо.

— Эти слова мы уже слышали, молодой человек. И не стали умнее, — сказал Лев Абрамович.

— Почему вы все время говорите, что они плохие? — спросила бабушка. — Они ничего плохого не сделали.

— А это? — Аполлон рванул рубаху на груди — кожа под рубашкой была зеленой. — Может, это теперь навсегда?

— Ой! Лягушка! — закричала Салима. — Уходи от нас, прошу тебя.

— Молчать! — сказал Аполлон-Союз. — Я объявляю войну всем агрессорам и сволочам, которые хотят завоевать нашу слав-

ную родину! И пускай они знают: со мной шутки плохи — за мной стоит весь русский народ!

Собутыльники Аполлона закричали «ура!», затопотали, захлопали в ладоши, и Доник понял, что их немало, — лестничная площадка была забита народом.

— Вставай, страна огромная! — запел кто-то хрипло.

— Вставай на смертный бой! — подхватил другой голос.

— Стоп, стоп, стоп! — оборвал пение Аполлон-Союз. — Рассказываю, как истреблять эту сволочь! Сначала мы на нее смотрим и грозим: сейчас я тебя растопчу!

Он поднял к глазам книгу Гордона—Смита, и Донику стало жутко жаль эту книжку, больше ему ее уже не купить... Но он не посмел ничего сказать...

С легким щелчком, который был слышен, потому что все молчали, книжка исчезла.

Это воздух, понял Доник. Воздух заполнил пространство, только что занятое книгой. Аполлон-Союз подставил ладонь, что-то ловил, не поймал, опустился на колени на пол и стал искать на полу.

— Ты что? — наклонился над ним один из собутыльников.

— Я его ищу для уничтожения! — сказал Аполлон-Союз. — Пока он в собственном облике. Да отойдите подальше — далеко он не уйдет.

И тут Доник, который смотрел вниз, увидел пришельца — это был полупрозрачный шарик размером с божью коровку. Доник, сообразив, сделал движение навстречу шарику, что катился к нему, но тот, не почувствовав этого, сделал последнюю попытку угодить людям и не нашел ничего лучше, как превратиться в бутылку — бутылка водки покатилась по полу к ноге Доника. Из-за спины Аполлона раздался клич вожделения, а Аполлон захохотал, театрально подхватил бутылку, и она тотчас исчезла, уничтоженная его ненавистью. На этот раз Аполлон-Союз уже не выпустил пришельца — он держал его двумя пальцами, показывая всем.

— Я их, колорадских жуков, уже штук двадцать сегодня трахнул! — торжествовал Аполлон-Союз. — Не выйдет ваш план! Мы всех их истребим!

— Какой гадкий! — сказала Салима, приглядевшись. — Наверно, воняет.

— Может, сообщить куда надо? — спросил Лев Абрамович.

— А они комиссию пришлют и пять лет будут изучать, пока эти гады нас всех не перетравят. Нет уж — русский человек должен сам себя защищать! А то со всех сторон лезут, масоны проклятые. — И с этими словами Аполлон-Союз неожиданно ловким движением сжал горошинку ногтями. Раздался тонкий короткий писк. — Вот и все дела, — сказал Аполлон, вытирая руки о пиджак.

Все смотрели на него как на полководца, ожидая приказов. И он это понял. Обвел всех строгим взглядом и приказал:

— Чтобы к утру по всем квартирам выявить этих клопов. Если до утра не сделаем — кранты. Они вас используют! Я уже ребят послал за оружием. Будем вооружаться, понятно? Ну? Чего молчите? Понятно?

— Разумеется, мы понимаем всю серьезность момента, — сказал тогда Лев Абрамович. — Но я полагаю, что компетентные организации должны быть поставлены в курс дела.

— Ты только попытайся, сионист, — сказал Аполлон. — Ты только попытайся. Лучше ползай на коленках, ищи, куда к тебе враги забрались. Ты об этом думай. Ну, где твой прячется?

— Я не имею представления!

— Не имеешь? Граждане, он не имеет представления! Значит, он — шпион этих самых пришельцев. Шпион и разведчик. И будет казнен. Нет, не дрожи, не падай в обморок, сейчас я тебя не трону. Но если ты до утра не найдешь и не ликвидируешь своих клопов, то я приду и ликвидирую клопов и тебя заодно, понял?

— Понял.

— Тогда старайся. Думай, где у тебя враг!

— У него новые часы! — сказала быстро Салима. — Он мне хвастался. Откуда новые часы?

— Вот видишь, сионист, как народ помогает нам, органам порядка? Показывай часы!

— Я их купил!

— Ну-ка, «Сейко» купил? И сколько заплатил? Молчишь? И правильно делаешь. А мы все вместе: мы ненавидим эти часы! Ну: ненавидим!

На глазах у всех часы щелкнули и исчезли — лишь божья коровка бежит по ладони Аполлона, а тот хохочет — жизнь его, такая бессмысленная и никому не нужная еще утром, стала важной, руководящей — теперь он впервые за много лет получил возможность и моральное право распоряжаться, казнить, миловать и наводить порядок!

— Щелк! — лишь теплая розовая жидкость стекает по пальцам.

— Именно так! — Аполлон-Союз указал пальцем на ухо Катьки и сказал: — А ну снимай этого пришельца!

— Это мое, — сказала Катька.

— Врешь!

— Врет! — помогла сразу Салима. — Совсем недавно не было.

— Да это еще мое, моя мама мне подарила! — возмутилась бабушка.

— Знаем мы этих мам. Смотри, я ненавижу, ненавижу, ненавижу, ненавижу... — Он протянул руку и дернул за сережку. Катька ахнула. Сережка была в руке Аполлона-Союза, а из Катькиного уха потекла кровь. Доник, не соображая, что делает, кинулся на Аполлона-Союза с криком:

— Уйди, гад! Уйди, фашист!

Аполлон-Союз с неожиданной резвостью подставил колено — Доник налетел на колено, дыхание сорвалось, он упал бы, если бы его не успел подхватить Лев Абрамович, который стал его уговаривать:

— Мальчик, не надо, потерпи, обязательно надо потерпеть, они сейчас уйдут, они всегда уходят, в конце концов они уходят...

Доник пытался освободиться от мягких, дрожащих пальцев Льва Абрамовича, поэтому он не уловил момента, когда у бабушки оказался в руке пистолет. Большой черный пистолет. Бабушка поднимала его, словно отталкивала от себя, и вдруг стало тихо, будто ни одного человека вокруг. И бабушка произнесла очень тихо, почти шепотом:

— Тебе же сказали, чтобы ты ушел. Сколько надо повторять? Ну!

И это последнее слово прозвучало отдельно и слишком громко — хоть уши затыкай, чтобы не лопнули барабанные перепонки.

И сразу тишина исчезла и наполнилась, как компот ягодами, разными голосами.

— Убивают! — кричала Салима.

— Я ухожу, ухожу... ты чего, я ухожу. — Это говорил Аполлон-Союз.

— Милицию надо позвать! — Это неизвестно кто закричал.

— Тетка, не стреляй, мы пошутили! — Это тоже незнакомый голос.

— Мама, осторожнее, он выстрелит!

— Пустите. — В этом голосе Доник узнал собственный голос. Лев Абрамович отпустил его.

Доник кинулся не к бабушке, а к дверям, в которых толклись, отступая, Аполлон-Союз и его свита.

— Давайте, — сказал он, выталкивая их. — Скорее, разве вы не видите...

Только оказавшись на лестнице, защищенный от бабушки косяком двери, Аполлон-Союз крикнул:

— Нас не запугаешь! Чтобы завтра ни одного!

Бабушка царственно отстранила пытавшегося помешать ей Льва Абрамовича и вышла на лестничную площадку.

По лестнице, сшибая друг друга, горохом, мешочным обвалом понеслись незваные гости. Они матерились, кричали, они были в панике, как стадо перепуганных коз.

— Ну, бабушка, — сказал Доник, — я от тебя не ожидал.

— А я ожидала? — спросила бабушка.

— Откуда у тебя пушка?

Остальные выглядывали из квартиры в открытую дверь, но на лестничной площадке были только бабушка и Доник.

— Какая пушка?

Доник поглядел на бабушку — в руке у нее была мухобойка — проволочная палочка с хлопушкой на конце. Бабушка тоже смотрела на свою руку.

— Лучше допустить, — сказал Лев Абрамович, — что ничего не было. И мы ничего не видели. Это снимает массу тревожных проблем.

Они вернулись в квартиру. Салима закрыла дверь на цепочку.

Мама принесла пластырь и заклеила Катьке ранку.

Все прошли на кухню — центр квартиры, нейтральную территорию. Кто сел на табуретку, кто стоял.

Это был военный совет.

— Я был не прав, — сказал Лев Абрамович. — Ничего не снято. Все проблемы остаются.

— А я думала, что ты часы «Сейку» украл. А оказывается, шпионы дали, — сказала Салима радостно. — А теперь отобрали. Нехорошо, а?

— А вы лучше, Салима Ибрагимовна, — сказал Лев Абрамович, — проведите ревизию своего хозяйства. Нет ли в нем чего лишнего.

— Откуда у меня лишнее? Мы не воруем, мы все заработали.

— Теперь ничего нельзя гарантировать. Разве Лидия Сергеевна подозревала, что у нее есть такой большой пистолет?

— А у меня его и нет, — сказала бабушка.

— Вот именно. Ничего нет. Хорошо еще, что вы не стали стрелять.

— А что с меня, со старухи, возьмешь, — сказала бабушка и положила на стол мухобойку.

Лев Абрамович двумя пальцами взял мухобойку и перенес в раковину.

— Начинаем проверку на шпионов? — спросил он, глядя на Салиму.

— Еще чего не хватало! — возмутилась Салима.

— И кофточка? — ехидно спросила Катька.

— Какая кофточка?

— Какая на тебе.

— Магазин купила. — Салима сразу стала хуже говорить по-русски. — Вчера купила, зачем спрашиваешь.

Она сделала попытку скрыться в своей комнате, но тут Лев Абрамович с наслаждением отомстил ей.

— Вы ее, конечно, можете оставить себе, — сказал он. — Это ваша кофточка, и мы разве что можем сказать? Но я вам не советую ее носить в свете сегодняшней обстановки, если это не кофточка, а только шпион. Вы представляете, какие будут последствия — она вас ночью задушит, как в произведениях Николая Васильевича Гоголя, а утром придет тот серьезный гражданин и из соображений дезинфекции все у вас сожжет.

— Нет! — закричала Салима. Она прикрыла грудь пухлыми ладошками, но вдруг кофточка исчезла. И Салима оказалась в лифчике, который был ей мал. Она тонко заверещала и побежала почему-то не к себе, а спряталась в уборной. Тогда наступила разрядка, и все начали смеяться.

Потом Лев Абрамович ушел к себе. Он сказал на прощание:

— Я осторожный человек, вы же меня понимаете, и русский народ трудно сдвинуть с места на что-нибудь хорошее, но когда вы хотите его немного напугать, чтобы он бегал за шпионами, сионистами или белыми воронами, он уже всегда готовый, потому что думает, что если поймать всех белых ворон, то будет колбаса и полное изобилие. И я не хочу быть соратником иностранной разведки, хоть вы мне будете говорить, что какая это к черту разведка, если они прилетели из космоса на аварийной летающей тарелочке. Но мы с вами не знаем, кто для нас страшнее — наши собственные борцы против шпионов или эти шпионы, которые так спешат сделать нам подарки. Скажите, зачем мне, старому бухгалтеру, японские часы «Сейко»? Я тоже не понимаю. Спокойной ночи, и обещаю вам, что я найду все подарки судьбы, которые я не заслуживаю, и как только найду, я их начну так ненавидеть, что они сами спрыгнут со второго этажа.

Лев Абрамович невесело засмеялся и пошел к себе.

И они остались вчетвером.

Женщины уселись в большой комнате у телевизора, а Доник прошел в маленькую, но не стал там зажигать света. Он подошел к окну. И увидел, как толпа людей, черная и плотная, в которой вспыхивают порой красные огоньки — когда кто-то затягивается сигаретой, — вытекает из подъезда дома напротив и полукругом охватывает две женские фигурки, замершие под фонарем. Доник понял, что это — сестры Волковы, каждая держит по собачке на руках, а толпа сдвигается все теснее... и вдруг одновременно — Доник увидел это так явственно, словно стоял в метре, — собачки исчезли — обе исчезли, и старушки засуетились, забегали — и слышен был смех, а люди в толпе начали подпрыгивать, чтобы раздавить пришельцев...

Доник отошел от окна.

В соседней комнате был слышен голос матери:

— Мама, ты не понимаешь, у меня дети. А это массовый психоз. И я не знаю, когда он кончится. Мы обязаны сами все очистить. Не будем же мы из-за каких-то жалких вещей рисковать самым дорогим...

Мама умеет себя уговорить. Теперь дети — тяжелая артиллерия, будто единственный выбор: дети — вещи. А ведь выбор совсем другой. И бабушка, конечно, это заметила.

— Меня не это тревожит, — сказала она. — У меня такое ощущение, Вера, что ко мне приблудился щенок и я его продаю барышникам, чтобы из него сделали шапку.

— Мама, ну что ты несешь! При чем тут барышник! Ты же сама говорила — неизвестно, какие у них цели! Может, сначала внедриться, потом разложить нас морально и уничтожить.

— Я все это слышала...

— Ради Катьки и Доника я пойду на все! — Мать перешла в наступление. И Доник понимал, что бабушка долго не продержится.

Катька молчала. Сейчас она придет и начнет решать проблему — оставлять себе туфли или нет... интересно, будут ли они хитрить и утаивать что-нибудь от Аполлона? Если будут, то они глупые — Аполлон-Союз со своими соратниками наверняка к утру разработают систему... Но и пришельцы будут дураками, если до утра останутся в своем облике.

— Дураки, — сказал Доник вслух. Он подумал, что если они могут угадывать мысли, то, наверное, услышат и слова. — Вам надо отсюда рвать когти. И подальше... правда, вы не знаете куда, вам трудно без людей — вам нужно, чтобы было с кем вместе... я так понимаю? Вы не можете существовать в ненависти, в нелюбви, во вражде — просто не можете существовать.

— Да, — ответила комната. Не какое-нибудь ее место, а вся комната.

— В вашем мире состояние счастья — эта самое обычное и единственно возможное состояние? — спросил Доник.

— Да.

Комната замолчала.

Вошла Катька.

— Ты чего без света? — спросила она.

Доник задернул занавески.

— У Волковых собачек убили, — сказал он.

— Ну уж не убили! — сказала Катька. — И вовсе не собачек.

«И ты мне не союзник», — подумал Доник.

Доник перешел в большую комнату и дождался, пока мать вышла.

— Бабушка, — сказал он, — дай мне рублей десять.

— Зачем?

— Мы с Барбосом гулять пойдем.

— Далеко?

— Я смотрел на сестер Волковых, — сказал Доник, — у них собачек убили, и вспомнил о тете Дусе. В Пушкине.

— Ты прав, — сказала бабушка, — у нее большой участок, и никто к ней не сунется.

— Я думаю, им надо переждать, пока за ними прилетят, чтобы их не убили.

— А они тебя поймут?

— Ты молодец, бабушка, — сказал Доник. — Другая бы начала кудахтать — десять часов вечера, а ты электричкой, за город, это так опасно!

— Лучше возьми такси, я тебе тридцатку дам. У меня есть. Тебе надо утром вернуться, чтобы они не догадались, что ты уезжал.

— Ладно, — сказал Доник. Он взял деньги. И вовремя, потому что вернулась мать. — Мы пошли гулять, — сказал он. — Где Барбос?

Барбос выскочил из-за дивана. Он держал в зубах мышку.

— Дурак, — зашипел на него Доник, и мышка исчезла, а на шее у Барбоса возник тонкий ошейник.

— Ты далеко не отходи, — сказала мать, включаясь в экран телевизора, словно всей истории с пришельцами и не было. Доник посмотрел на трюмо — флакон с духами исчез. Значит, пришельцы принимают меры. Даже интересно — какие меры?

Барбос первым побежал через дорогу, Доник за ним.

Когда он прошел уже половину сквера, он остановился, стараясь понять, идут ли с ним пришельцы. И тогда он услышал легкое трепетание крыльев — над ним, над головой, совсем низко, кружила стая птиц — воробьев, ласточек, стрижей, синиц — не время в десять вечера собираться в стаю таким разным птицам...

Тогда Доник пошел из города, к тихой пригородной платформе, где останавливается поздняя электричка. Над ним неслась стая птиц, а сзади не спеша трусили штук десять Барбосов — не ссорились, не обращали друг на дружку внимания — гуляли с хозяином.

РЕЧНОЙ ДОКТОР

Там был родник. Вода в нем была целебная своей чистотой и прозрачностью. Тысячу лет назад, а может, больше, росло у родника дерево. Кто исцелился той водой, привязывал к ветке белую тряпицу. И дерево было так густо покрыто теми тряпицами, что круглый год, казалось, цвело.

Люди думали, что в дереве живет бог реки, которая брала начало от родника.

Потом про языческое дерево забыли. Но родник остался целебным, и еще сегодня не очень старые старики помнят, как со всей округи люди приходили сюда за водой с банками, бидонами, даже ведрами. У родника был деревянный помост, а сам он был обложен валунами.

Когда лет тридцать назад здесь начали строить новый район, пятиэтажные дома выстроились по откосу, а разбитые бетонные плиты, мусор, арматуру, мешки из-под цемента, все, что не нужно, строители сбрасывали с откоса вниз и погребли родник.

Конечно же, сколько на родник ни сваливай мусора, он все равно пробьется. Только вода перестала быть целебной, потому что родник, сам того не желая, захватывал своим быстрым стремлением крошки штукатурки и цемента, ржавчины и краски. А раз уж тот овражек стал свалкой, то и люди, которые жили в новых домах и не знали о целебном роднике, кидали туда ненужные вещи.

В июне будущего года, часов в девять утра, по пыльной улице микрорайона Космонавтов шел молодой человек, одетый просто и легко. Был он на первый взгляд обыкновенный, только если присмотреться, увидишь, что его волнистые волосы были какого-то странного, зеленоватого оттенка.

Через плечо у молодого человека висела небольшая сумка из джинсовой ткани.

Никто на этого человека внимания не обратил. Впрочем, улица была почти пустая — те, кто работал на Химупаковке или служил в городских учреждениях, уже уехали на работу, а бабушки с детьми еще не вышли на прогулку. И никто не заметил, как молодой человек задержался возле сломанного тополя у шестого корпуса, достал из сумки рулон широкой синей ленты, перевя-

зал ствол, а потом отыскал поблизости палку и приспособил ее к деревцу.

Потом молодой человек дошел до последнего дома, за которым начинался спуск к свалке, и стоял там довольно долго, рассматривая наполненный мерзостью бывший овражек и прослеживая взглядом, как сквозь бетонные плиты, консервные банки и ломаную мебель пробивается родник, как он вытекает из овражка и, робко обегая препятствия, течет к кустам, пропадая в ржавой трубе.

— Жуткое дело, — сказал молодой человек вслух и осторожно, видно не желая измарать кроссовки, начал спускаться к роднику.

Со свалки навстречу ему прибежали две бродячие собаки, что жили там, брошенные хозяевами. Они не испугались молодого человека, потому что сразу почуяли, кто он такой. Но близко не подходили — сели рядом и улыбались.

Молодой человек открыл сумку, вынул из нее небольшую штуку, похожую на пистолет с дулом-раструбом. Потом сказал собакам:

— Я начинаю.

Собаки не возражали.

Молодой человек направил раструб на ближайшую к нему бетонную плиту, на которой валялись две разбитые бутылки, несколько консервных банок и груда выброшенных за ненадобностью рваных обоев, и нажал на курок своего пистолета.

Из раструба вырвался широкий луч, невидимый под солнцем, но не совсем прозрачный. Если смотреть сбоку, то предметы за ним казались туманными и дрожащими.

Это и заметили Гарик Пальцев и Ксюша Маль, которые как раз спустились к роднику, чтобы поискать там пустые бутылки. Им не сами бутылки были нужны, а этикетки — для коллекции.

Они увидели, что над грудой плит и мусора стоит молодой человек с пышными кудрявыми волосами, одетый просто и скромно. И держит в руке пистолет с широким дулом, а из пистолета исходит почти невидимый луч. В том месте, где луч дотрагивался до мусора, мусор начинал съеживаться, таять, словно был снежный.

Молодой человек не просто держал пистолет, а все время двигал им, уменьшал или увеличивал ширину и направление луча. Словно был зубным врачом, который осторожно действует иглой бормашины, убирая сгнившую ткань зуба, но стараясь не повредить здоровую ткань.

Сильно пахло озоном. Стало теплее, от свалки до ребят доносилось шуршание и тихий скрежет. Когда самые большие плиты

растворились и серый дымок над ними рассеялся, молодой человек подошел еще ближе и начал убирать завал совсем уж осторожно, часто включая и выключая свой пистолет, короткими выстрелами уничтожая то погрузившуюся в землю бутылку, то ржавую кастрюлю, то порванную шину. Одновременно он водил лучом вокруг, расширяя очищенное место.

Ребятам, которые смотрели на него сверху, не было страшно, и они хотели подойти поближе. Но молодой человек, не оборачиваясь, сказал им:

— Подождите, ближе нельзя, можно обжечься.

Минут через пять образовалась широкая, неглубокая яма, по бокам которой мусор спекся, словно края глиняной миски, а на дне ямы показались совсем старые бревна и остатки столбов, врытых в землю. Между ними была видна черная земля и песок.

Молодой человек спрятал пистолет в сумку и спустился к столбам. Там, из углубления, изливалась струя чистой воды и заполняла это углубление.

Молодой человек принялся руками разгребать черную землю, извлекать из нее лишние предметы, освобождать горло родника.

— Теперь можно подойти? — спросила Ксюша Маль.

— Конечно, — ответил молодой человек.

Он улыбнулся ребятам, откинув со лба тыльной стороной кисти прядь непослушных волос. Ксюша Маль, которая была очень наблюдательной, заметила, что волосы молодого человека необыкновенного цвета.

— Вы что делаете? — спросил Гарик Пальцев.

— Разве вы еще не поняли? — удивился молодой человек.

Он вытащил из земли согнутый лом и легко отбросил его в сторону, будто это был гвоздь.

— Вы чистите родник, — сказал Гарик.

Молодой человек отгребал ладонями грязь и землю, обнажая чистый песок. И на глазах родничок начал бить веселее, сильней, и вода ярче заблестела под солнцем.

— Вы речной доктор, — сказала Ксюша Маль.

— Правильно, — сказал молодой человек. — Меня можно называть речным доктором, а еще меня называют речным богом.

— Бога нет, — сказал Гарик.

— Правильно, — согласился молодой человек. — Но я есть.

— А кто вам разрешил? — спросил Гарик.

— А разве надо разрешение, чтобы лечить и делать добро?

— Не знаю, — сказал Гарик. — Но все всегда спрашивают разрешения.

— Если ждать, то река умрет, — сказал речной доктор.

— А почему вы раньше не пришли? — спросила Ксюша.

— У меня много дел, — сказал молодой человек. — Я прихожу только тогда, когда совсем плохо. Бывают случаи, что люди сами понимают, что натворили, и исправляют свои ошибки.

Говоря так, речной доктор кончил чистить родник и, отвалив в стороны грязь, отыскал под ней вершины погрузившихся в землю серых валунов. Без заметного усилия он выкатил один за другим валуны и подвинул поближе к роднику, чтобы они его ограждали.

— Вы очень сильный, — сказала Ксюша. — А чем вам помочь?

— Я еще не знаю, — сказал речной доктор. — Но если у вас есть время, оставайтесь со мной. Мы пойдем вниз по течению и будем вместе работать.

— Давайте я домой сбегаю, за лопатой, — сказал Гарик.

— Спасибо, не надо.

Молодой человек поднялся, отряхнул ладони от земли.

— Чего не хватает? — спросил он.

Ребята посмотрели на родник. Он выбивался из песка невысоким веселым фонтанчиком, разливаясь по светлому песку. Вокруг, как часовые, стояли серые валуны.

Ожидая ответа, речной доктор вынул из-за пояса широкий нож, точными и быстрыми ударами отсек гнилые верхушки торчащих из земли столбов, вытащил из земли черные брусья, обстругал их и положил на столбы — так, через много лет, у родника снова образовался мостик.

— Ну, что же вы молчите? — спросил речной доктор.

— А можно сделать еще красивее? — спросила Ксюша.

— Подскажи, — улыбнулся речной доктор и сунул руку в сумку.

— Не хватает травы, — сказала Ксюша.

Молодой человек вынул руку из сумки, раскрыл кулак — на ладони лежала кучка семян.

— Я знал, что ты так скажешь, — проговорил он.

И он произнес эти слова так, что Ксюше стало приятно, что она угадала.

Речной доктор рассыпал семена по земле вокруг родника, потом зачерпнул из него ладонями воды и полил семена.

— Помогайте мне, — сказал он.

Ребята тоже спустились к роднику и стали черпать ладонями воду и поливать вокруг. Вода была очень холодная.

— А пить ее можно? — спросила Ксюша.

— Нельзя, — сказал Гарик. — Вода некипяченая.

— Можно, — сказал речной доктор. — Теперь можно. Эта вода вырывается из самой глубины земли. Она проходит через подземные пещеры, пробивается сквозь залежи серебра и россыпи алмазов. Она собирает молекулы редких металлов. В ней нет ни одного вредного микроба. Много тысяч лет люди знали, что она целебная.

Ксюша первой присела перед родником, набрала в ладошки хрустальной воды и выпила ее. Вода была холодной, даже зубы ломило, и немного газированной. В ней были свежесть и даже сладость. Потом воду пил Гарик, потом снова Ксюша.

А когда Ксюша выпрямилась, напившись, она увидела, что вокруг родничка выросла густая зеленая трава. Откуда-то прискакал кузнечик, влез на травинку и принялся раскачиваться. Зажужжал шмель.

— Ну и трава у вас! — сказал Гарик. — Такой не бывает.

— Такой не бывает, — согласился речной доктор. — Но она есть.

Гарик сорвал несколько травинок и понюхал. Они пахли травой.

И тут они услышали, как над их головами кто-то пискнул.

На кромке поросшей травой котловины, на оплавленной спекшейся границе между свалкой и родником, сидели два бродячих пса. Один молчал, а второй раскрывал рот, словно зевал, и от этого получался писк.

— Пошли отсюда! — сказал собакам Гарик.

— Почему? — удивился речной доктор. — Собакам тоже надо пить чистую воду. Псы, идите сюда.

— Они грязные, — сказал Гарик. — У них много блох и микробов. Они на свалках живут.

— Они живут на свалках, — сказал речной доктор, — потому что люди, у которых они жили раньше, выгнали их из дома. И я с этим не согласен.

— Я тоже не согласна, — произнесла Ксюша.

— Я после них пить не буду, — сказал Гарик.

Речной доктор засмеялся. У него были такие белые зубы, каких Ксюше еще не приходилось видеть. И он умел угадывать мысли. Потому что в ответ на мысль Ксюши сказал:

— Я всегда пью только настоящую, чистую воду.

Собаки спустились к роднику и стали пить. Они виляли хвостами и косились на людей, потому что привыкли им не верить.

А напившись, стали бегать вокруг и кататься по траве. Гарик хотел было погнать их прочь, чтобы не мяли траву, но, когда открыл рот, чтобы прикрикнуть на них, встретился со взглядом речного доктора. Тот словно спрашивал: неужели ты сейчас их прогонишь?

И Гарик, вместо того чтобы кричать на собак, сказал:

— Все это чепуха. Вы здесь немного почистили, а завтра все снова загадят.

— Я потому вас и позвал, — сказал речной доктор, — чтобы вы все увидели и не дали больше губить родник.

— А как же мы это сделаем? — спросил Гарик. — Вы нам, может, свой пистолет оставите?

— Не знаю, — сказал речной доктор. — Честное слово, не знаю. Я думал, у вас есть своя голова на плечах.

Он посмотрел наверх. Конечно, Гарик был в чем-то прав: весь склон, до самых домов, был такой же печальный и грязный, как родник до прихода речного доктора. И лужайка вокруг родника казалась такой маленькой и беззащитной.

— Моя работа, — сказал речной доктор, — это спасение рек. И я ничего не смогу поделать, пока я один.

Они помолчали. Мирно журчал родник. Собаки улеглись на траве.

— Ну, что ж, — сказал речной доктор, — наша работа не окончена.

— А что дальше? — спросила Ксюша.

— Дальше мы пойдем вниз по течению, — сказал речной доктор, — посмотрим, чем мы можем помочь реке. Вы со мной?

— Конечно, мы с вами, — сказала Ксюша.

Ручеек пробирался, почти невидимый, среди поломанных кустов к дороге и впадал в ржавую трубу.

Речной доктор пошел первым. Он то и дело наклонялся, подбирая из воды бутылки, банки, пластиковые пакеты, кирпичи, но не кидал их в сторону, а прятал в карман своей сумки. И все эти вещи пропадали там, словно растворялись. Гарик попытался заглянуть в этот карман, но ничего не увидел.

— Вы и целый дом туда положить сможете? — удивленно спросил он.

— Нет, дом не поместится, — ответил речной доктор и засмеялся.

Вроде бы он на все вопросы отвечал просто и ничего не скрывал, но все равно он был окружен тайной, и все это чувствовали, даже собаки, что бежали за людьми, но вели себя тихо, примерно, даже не лаяли.

Речной доктор не спешил, но делал все так быстро и ловко, что трудно было уследить за его руками. Вот ему чем-то не понравились кусты, что росли у ручейка; он расправил их ветви, очистил землю под корнями — и кусты распрямились, зашуршали листьями. Проплешины между кустов и по берегу ручейка, залитые мазутом и какой-то краской, он двумя движениями пальцев очистил и засеял травой, а лужу, в которую разливался

ручеек перед трубой, засыпал песком. Песок он достал из кармана сумки, куда раньше кидал мусор, и Гарик догадался, что в кармане есть какой-то преобразователь — он-то и превращает металл, стекло и кирпич в песок.

А речной доктор снова угадал его мысль и объяснил:

— Вы, наверное, знаете, что стекло и кирпич, бетон и штукатурку делают из песка, гравия и прочих таких же простых вещей. А металл добывают из руды. А я умею все возвращать в первоначальный вид. Никакой тайны.

Гарик кивнул. А Ксюша подумала: конечно, нет никакой тайны в том, что стекло делают из песка. Но есть большая тайна в том, как стекло снова превратить в песок.

Они остановились перед трубой.

Речной доктор наклонился и заглянул внутрь. Труба была не очень большая, с полметра диаметром. Внутри видны какие-то наросты, из воды вылезали черные горбы.

— Надо почистить, — сказал речной доктор.

Гарик понял, что доктору не пролезть в трубу, и сказал:

— Погодите, я разденусь и все сделаю.

Молодой человек внимательно поглядел на Гарика, положил жесткую ладонь на его рыжие, торчком волосы и сказал:

— Спасибо, Гарик.

Ксюша подумала: «Я ни разу Гарика по имени не называла. А он его знает!»

Речной доктор протянул сумку Гарику и сказал:

— Встречай меня на той стороне.

Потом мгновенно скинул рубашку, кроссовки и носки.

Ксюша все подобрала.

Из кармана джинсов речной доктор вытащил плоскую серебряную коробочку, махнул рукой, чтобы все остальные перебирались через насыпь, и сам, подобравшись и став вдвое тоньше, влез в дыру.

Гарик с Ксюшей, а потом и собаки ждали доктора у выхода из трубы. Что-то он задерживался. Вода из трубы текла темная, мутная и с каждой секундой становилась грязнее. Гарик заглянул внутрь, но там было совсем темно. Гарик хотел позвать доктора — а вдруг тот застрял? — но тут же ему пришлось отпрыгнуть от трубы: из нее полезла темно-серая скользкая масса, как будто кто-то сжал пирожное эклер и выдавил крем.

Серая масса вывалилась из трубы с чавканьем и всхлипом, ухнула в бурую воду ручейка и перекрыла ему путь.

А вслед за грязью из трубы выполз веселый и жутко измазанный речной доктор. Он широко улыбался, и зубы его были такие

же ослепительно белые, как раньше. И белки глаз белые, а остальное — «негритянское».

Речной доктор, видимо, устал. Он сел на берегу ручья и перевел дух.

Потом сказал:

— Гарик, дай сумку.

Гарик протянул ему сумку. Речной доктор вытащил оттуда свой пистолет, велел ребятам отойти в сторону и выжег громадную плюху грязи, что перекрывала плотиной ручеек.

Ксюша заглянула в трубу. Труба была изнутри гладкая, блестящая, будто посеребренная, и по ней тек прозрачный ручеек.

Речной доктор быстро вымылся под струей воды, падавшей из трубы, и сказал:

— Ну и дела!

— Дайте мне свой пистолет, — сказал Гарик. — Там дальше железная тачка валяется.

— Нельзя, — сказал речной доктор, как бы извиняясь. — Тут нужна осторожность. Потом я тебя возьму в ученики, научишься, сам будешь работать. Только это не очень легко.

— А мне можно в ученики? — спросила Ксюша.

— Обязательно, — сказал речной доктор.

Он снова оделся, а собаки немного пробежали вперед и остановились перед сломанной тачкой, которая перекрывала русло ручейка. Словно тоже поняли, что дальше идти нельзя — сначала надо тачку убрать. Тачку убрали быстро. Но пришлось задержаться, чтобы посеять траву на берегах ручейка.

«Странно, — подумала Ксюша, — мы прошли от трубы всего метров сто, а ручеек уже стал шире. Почему это?»

— А потому, — ответил речной доктор, — что по дороге в ручеек влились еще два родника, вы их не заметили, они на дне, а я их расчистил. А вот и третий.

Но это был не родник, а приток. Тоненький, как струя из чайника. Струя была белесой, будто с молоком, и молочная муть расплывалась по главному ручейку.

— Посмотрим, — сказал речной доктор и легко взбежал по склону, поросшему лебедой и лопухами и усеянному бутылками и банками — следами пиршеств, которые закатывали соседние жители.

Бежать пришлось недалеко. Струйка воды выбивалась из-под груды белого порошка, что был свален возле большой теплицы. Там, за районом Космонавтов, откуда начинался ручеек, шли теплицы пригородного совхоза. Весной Гарик, Ксюша и другие ребята из школы там работали. Одни пололи, другие сажали рассаду, и всем потом дали по свежему огурцу.

— Это удобрения, — сказал Гарик.

— Я с тобой согласен, — произнес речной доктор. — Но это не значит, что их надо спускать в реку.

— Только их не надо уничтожать, — сказала Ксюша, увидев, что речной доктор хочет достать свои пистолет. — Они полезны.

— Химические удобрения редко бывают полезными, — сказал речной доктор. — Но если ты настаиваешь, мы их подвинем.

Речной доктор выставил вперед руки и дотронулся до груды удобрений. Груда медленно и послушно отползла на два метра. Речной доктор нахмурился — видно, ему было тяжело, а собаки принялись прыгать и лаять — им это понравилось.

На примятой траве осталась белая пыль. Речной доктор достал все-таки свой пистолет и сказал Ксюше:

— Не бойся.

Он буквально сдул им пыль с травы. И тогда Ксюша увидела место, откуда выбивался родничок, — трава там была мокрая, земля тоже мокрая.

— Это что вы здесь хулиганите! — услышали они пронзительный голос.

От дверей теплицы к ним бежала грузная женщина в синем халате. Она размахивала лейкой и переваливалась, как утка.

— А что случилось? — спросил ее молодой человек. Он широко улыбался и совсем не испугался криков.

— Что я, не вижу, что ли? Не вижу, да?

— А что вы видите? — спросил речной доктор.

— Ты удобрения крадешь, а мне отвечай?

— Это неправда, — сказал речной доктор. — И вы это отлично знаете.

— Знаю? А где удобрения?

— Вон там.

— А здесь чего?

— А здесь ничего.

— А было удобрение!

— Оно и есть.

— Но оно было здесь?

— Не знаю, — сказал речной доктор. — Я знаю только, что все у вас цело, ничего не пропало.

Грузная женщина растерялась. Она знала, что, бывает, удобрения крадут для своих участков. Но тут никто ничего не украл, но подвинул. А этого не бывает.

Тогда Гарик решил все объяснить.

— Ваши удобрения, — сказал он, — завалили родник. А этот родник впадает в ручей. Он размывал удобрения, понятно?

Женщина не стала слушать Гарика. Она подошла к груде удобрений и стала рассматривать, словно куст роз.

Молодой человек молча показал ребятам рукой: надо, мол, уходить, — и они поспешили прочь. А женщина ничего не сказала. Она все не могла понять, как можно подвинуть гору удобрений и зачем это делать. И только когда они уже вернулись к ручейку, то услышали сверху крик:

— Чтоб ноги вашей тут не было!

Как приятно было вернуться к ручейку! Он стал уже знакомым, как будто родным. Он зажурчал, заблестел под солнцем, увидев людей. Гарик встал над ним — одна нога на правом берегу, одна на левом.

— Я гигант! — закричал он.

— Уже десять часов, — сказал речной доктор. — Вам, наверное, домой пора.

— Нет! — закричали сразу Ксюша и Гарик. — Мы совершенно свободные.

— У нас каникулы, — сказала Ксюша.

— У нас все на работе, — сказал Гарик. — Мы можем хоть весь день идти.

— Ну, ладно, — сказал речной доктор. — Пошли дальше. Устанете — скажите мне.

— Мы не устанем, — заверил его Гарик.

В этом месте ручеек поворачивал прочь от города и возвращался к нему уже речкой. Речка впадала в реку, на берегу которой стоял город. Но ребята не знали, да и мало кто в городе знал, что где-то далеко в лесу ручеек вольется в речку и вернется обратно в город.

Они шли по берегу прозрачного ручейка целый километр. По обе стороны тянулся кустарник, за ним огороды. Время от времени речной доктор останавливался и уничтожал хлам, валяющийся в ручейке, укреплял берег, подсыпал на дно песок.

Остальные развлекались, как умели. Одна из собак, рыжая, лохматая, одноухая, с вечной улыбкой на морде, выбрала Ксюшу себе в подруги и все звала ее побегать. Гарик был разведчиком и высматривал, не надвигаются ли фашистские танки.

За заводом ручеек нырнул в лес. Лес был пригородный, истоптанный, замусоренный, весь порезанный дорожками и тропинками. Но июньская листва и июньская трава были еще свежими, птицы пели весело, солнце грело, но не пекло.

На полянке стояли столы на вкопанных в землю столбах и вокруг них скамейки для отдыха. Речной доктор сказал:

— Привал. Легкий завтрак.

Он сел на скамейку, раскрыл свою бездонную сумку и вытащил оттуда большую бутылку с молоком, батон и высыпал на подстеленную газету кучу белой черешни.

— Молоко с черешней нельзя, — сказал Гарик.

Речной доктор не ответил. Он только улыбнулся и расставил на столе белые чашки.

— А может, можно? — спросил Гарик.

— Черешня мытая, — ответил речной доктор.

Затем он вынул из сумки круг толстой колбасы, половину порезал кружочками, а половину разделил пополам и отдал собакам. Они завтракали, было очень вкусно. Ксюша спросила:

— А вы где вообще живете?

— В разных местах, — сказал речной доктор.

— Я думаю, что вы инопланетный пришелец, — сказал Гарик.

— Почему если человек работает, то все думают, что он приехал издалека? Или даже прилетел? — спросил доктор.

Никто не знал почему, поэтому доктору не ответили.

Сам доктор выпил чашку молока, и, пока его друзья ели, он обошел полянку и собрал с нее все бумажки и банки и даже залечил подрубленное кем-то дерево. Но Ксюша с Гариком уже привыкли к тому, что речной доктор все время занят, и не обращали на него внимания.

Подкрепившись, пошли дальше.

Ручеек уже стал таким широким, что через него во многих местах надо было не перешагивать, а перепрыгивать.

В лесу ему мало что угрожало, и он струился таким же прозрачным, как родник.

И тут они увидели на берегу рыболова. Самого настоящего.

Рыболов был на вид младше Гарика и Ксюши — лет семивосьми. Вместо удочки он держал в руке палку с веревкой.

— Как ловится? — спросил речной доктор.

— Не знаю, — сказал рыболов.

Он вытащил свою удочку из воды. На конце веревки был погнутый гвоздик. Без всякой наживки.

— Так ты ничего не поймаешь, — сказал Гарик. — Где червяк?

Мальчик снова опустил веревку в воду и замер, глядя в воду.

— Чудак, — сказал Гарик. — Откуда здесь быть рыбе?

— Правильно, — согласился речной доктор. — Рыбы здесь нет. Но обязательно должна быть.

Из сумки он вынул банку. В банке было много мальков.

Он опрокинул банку, и мальки серебряными стрелками разбежались в разные стороны.

— Вот здорово! — сказал Гарик. — К будущему году рыбки подрастут, а тот рыболов как раз червяка выкопает.

— Так долго ждать не надо, — сказал речной доктор. — Смотри.

В воде мелькали мальки, но они уже подросли. Одни из них обкусывали стебли водорослей, другие закапывались в тину на дне.

— Как у вас все быстро получается, — сказала Ксюша.

— Надо спешить, — объяснил речной доктор.

— Эй! — раздался крик.

Они обернулись. Мальчик с палкой-удочкой прыгал на берегу, а на конце веревки блестела серебряная рыбка.

— Поймал? — спросил Гарик.

— Ой-ой-ой! — закричал мальчик и, размахивая палкой, побежал прочь. Он сам не верил в свое счастье.

Речной доктор засмеялся.

— А вам не жалко рыб? — спросила Ксюша. — Я думала, что вы все охраняете.

— Когда человек поймает рыбку, ничего страшного для реки нет, — сказал речной доктор. — Особенно если рыбка такая глупая, что попалась на голый крючок. Я не выношу рыболовов с сетями, динамитом и другими варварскими приспособлениями.

Они пошли дальше по берегу ручья.

Некоторые из рыбок, уже подросшие, плыли рядом с ними, серебряные в прозрачной воде.

Через полчаса они увидели, как ручеек слился с еще одним, таким же, который вытекал из чащи. Только их ручей был чистым, а тот, что вливался в него, мутным.

— Друзья мои, — сказал речной доктор. — Подождите меня здесь. Я скоро вернусь. Только никуда не уходите.

Ребята согласились. Они немножко устали. Они улеглись на берегу, на траве под ивой, а собаки сели рядом, словно охраняли их.

Солнце пригревало, и Ксюша незаметно для себя задремала.

Проснулась она от веселого голоса речного доктора.

— Подъем! — сказал он. — Все в порядке.

Ксюша вскочила. Следом за ней поднялся Гарик. Они посмотрели на ручейки. Оба ручейка были совершенно чистыми.

— А что там было? — спросила Ксюша.

— Пустяки, — ответил речной доктор. — Совсем пустяки по сравнению с тем, что нам предстоит впереди.

Он пошел впереди, и Ксюша так никогда и не узнала, что же он делал.

А что могло предстоять впереди, друзья речного доктора не знали и знать не хотели. Они были точно уверены, что речной доктор все может. И если надо речку повернуть обратно, он это сделает.

— Пустяки! — закричал, запел Гарик.

— Вынем палки, вынем камни из реки! — запела Ксюша.

— Пууустя-аки!

Ксюша не придумала, как петь дальше, и посмотрела на речного доктора.

— Будут рыбы косяки, а старики за лягушками полезут в тростники! — пропел доктор.

— Пустяки! — закричал Гарик.

— Воду портят подлецы и дураки! — пропел речной доктор.

— Хватит, — сказала Ксюша. — Вы плохо придумываете, и ваша песня не настоящая.

— Пустяки! — закричал Гарик.

Но Ксюшу никто не слушал. Гарик и речной доктор придумывали песню еще минут десять, пока не кончились все рифмы.

Под песню шагалось так легко, что никто не заметил, как ручей уже превратился в речку. А лес вокруг стал густым и диким.

— Надо искупаться, — сказал Гарик. Он охрип от пения.

— Сейчас будет широкое место, — сказал речной доктор. — Тут должны жить бобры. Если они не будут возражать, мы искупаемся возле их плотины.

Но, к сожалению, искупаться не пришлось.

Бобровая плотина совсем недавно пересекала речку, но кто-то ее разрушил, и вода утекла через прорыв в низкой, сложенной из ветвей и земли плотине. Речной доктор очень огорчился.

— Кому это понадобилось? — спросил он сам у себя. Потом он тихо свистнул и подождал.

Ребята тоже молчали. Никто не ответил на свист.

— Вы бобров зовете? — спросил Гарик.

— Их здесь нет, — ответил доктор.

Рыжая собака вдруг начала бегать по берегу плотины, вынюхивать что-то на земле.

— Она знает, — сказала Ксюша. — Она знает, куда ушли бобры.

Собака подняла голову и тявкнула.

Вторая подбежала к ней, а потом, понюхав землю, поспешила вдоль берега.

— Пошли! — сказал Гарик.

Собаки поджидали людей на пригорке, куда вела узкая тропинка. Хоть они были дворняжками, сейчас они вели себя как настоящие гончие. Порой они теряли след и начинали бегать по кустам, но не шумели.

Собаки уводили людей все дальше от реки.

— Какие странные бобры, — сказала Ксюша шепотом. — Я и не знала, что они уходят так далеко от воды.

— Если твой дом разрушили, то надо искать другую речку, — сказал Гарик.

И тут впереди послышались голоса.

Собаки выбежали на прогалину.

Там была старая вырубка. На ней стояли толстые пни, между ними росла высокая трава и было много черничных кустов. На пнях сидели люди и мирно беседовали, передавая друг дружке бутылку с водкой. Их было трое. Они были очень довольны собой. И ясно почему: на четвертом пне лежали два убитых бобра.

— Ой! — воскликнула Ксюша. — Они их убили!

Браконьеры обернулись, хотели было вскочить, может, убежать. Но сообразили, что против них только молодой человек и двое детей.

— Валяйте отсюда, — сказал самый толстый браконьер. Несмотря на жаркий день, он был в куртке и сапогах, в которые заправлены брюки.

Он протянул руку к ружью, что стояло прислоненное к тонкой елочке, выросшей на порубке.

Ксюша и Гарик замерли, глядя на речного доктора. А спутники толстяка, молодые парни, громко засмеялись.

— Вы преступники, — сказал спокойно речной доктор. — Отдайте бобров и уходите из леса. Я не хочу вас больше видеть.

Браконьеры покатились от смеха.

— Во дает! — закричал самый молодой из них и, присосавшись к бутылке с водкой, запрокинул голову.

— Если хочешь жить, — сказал толстый браконьер, поднявшись с пня, взяв в руку ружье и делая шаг к речному доктору, — то сейчас отсюда убежишь и детишек возьмешь. И забудешь. Обо всем забудешь.

— А если не убегу? — спросил речной доктор, как всегда улыбаясь.

— Если не убежишь, то твои детишки останутся сиротками, — сказал толстяк, а его спутники расхохотались еще сильнее. Они начали вырывать друг у дружки бутылку.

— Вы мне противны, — сказал речной доктор. И спокойно пошел к толстому браконьеру.

— Назад! — закричал тот, но отступил.

— Учтите, — сказал речной доктор, — я вас всех запомнил.

— Убью! — взревел медведем толстяк.

— Погоди, — сказал его молодой друг. — Я его без пули проучу так, что он забудет, как в лес ходить.

Он поднял с земли тяжелый сук и двинулся к речному доктору.

Обе собаки тут же кинулись на браконьера, страшно рыча. Забыли, видно, что они — небольшие дворняжки, которые никогда в жизни не бросались на людей.

Сук засвистел в воздухе. Одна из собак увернулась, а вторая не успела и с жалким визгом взлетела вверх и упала на бок возле пня. А молодой браконьер, продолжая размахивать суком, уже подошел к речному доктору.

Еще мгновение, и сук ударит его!

— Беги! — крикнул Гарик.

Но речной доктор никуда не убежал. Движения его были такими быстрыми, что никто и не увидел, каким образом он сумел вырвать сук у браконьера, перехватить его руку и так рвануть, что браконьер перевернулся, ноги его мелькнули в воздухе, он стукнулся о землю и по уши вошел головой в землю.

Второй молодой браконьер как стоял с бутылкой в руке, так и остался стоять, а толстяк бормотал:

— Сейчас стрельну! Вот сейчас стрельну!

— Ты не стрельнешь, — сказал речной доктор. — Потому что ты мерзавец, а все мерзавцы трусы. Ты думал, что втроем вы побьете и выгоните нас, поэтому и махал ружьем. А сейчас ты уже не уверен. Ты уже думаешь, как бы убежать, но сохранить добычу. А ну, отдавай ружье!

— Стрельну! — повторил толстяк, отступая.

Но речной доктор шел к нему, протянув вперед руку.

И тогда толстяк, больше от страха, чем от злости, все же выстрелил.

Выстрел был оглушительным.

Речной доктор пошатнулся.

Молодой браконьер кинул в сторону бутылку и бросился бежать. Но толстяк убежать не успел. Он сам, видно, не ожидал этого выстрела и потому стоял и смотрел на ружье.

Но это продолжалось не больше секунды. Речной доктор прыгнул вперед, выхватил ружье из руки браконьера и, взяв за ствол, так ударил прикладом о пень, что ружье разлетелось на куски. А толстяк стоял, приоткрыв рот, и силился что-то сказать, но связных слов у него не получалось, только: «А-а, а-бы, бы-вы...»

— Ой! — закричала Ксюша.

Она увидела, что речной доктор поднял руку к груди и по белой рубашке расплывается пятно крови. Кровь сочится между пальцев.

— Ты его убил! — закричала Ксюша. И весь страх у нее прошел от злости к этому толстому браконьеру.

Она кинулась на него и начала колотить кулаками в живот.

Собака, что осталась цела, пришла Ксюше на помощь и вцепилась браконьеру в брюки.

А Гарик, подобрав сук, который потерял молодой браконьер,

с трудом поволок его за собой, стараясь поднять и ударить им врага.

Но толстый браконьер видел только кровавое пятно на рубашке речного доктора и от страха часто моргал.

— Отойдите, — тихо приказал речной доктор ребятам и собаке. — Я с ним сам поговорю так, что он никогда в жизни больше не посмеет прийти в лес.

Слова звучали тихо, но притом слышно их было в самом дальнем конце леса. И от этих слов толстый браконьер завыл и понесся прочь из леса, спотыкаясь о корни и пни.

Речной доктор подошел тогда к оставшемуся браконьеру, рывком вытащил его из земли и кинул вслед толстяку так, словно это была ватная кукла.

И молодой браконьер послушно захромал вслед за своими друзьями.

— Скорей, — сказала Ксюша. — Скорей пошли в город. Вам надо в больницу.

— Мне не надо в больницу, — ответил речной доктор. — Я вылечусь сам. Разве вы забыли, что наш родник целебный? Только у меня к вам, друзья, просьба. Донесите до воды собаку. Ей тоже нужна помощь.

Речной доктор взял тела бобров, ребята понесли горячую, мягкую, почти неживую собаку, а вторая собака побежала впереди, показывая самую короткую дорогу к речке.

Прежде чем заняться своей раной, речной доктор опустил у самой воды мертвых бобров, сказал ребятам, чтобы положили собаку, открыл сумку, вытащил из нее розовую губку, окунул в воду и принялся протирать мокрой губкой разбитую голову собаки. Собака застонала, а речной доктор сказал:

— Потерпи, Рыжик. Сейчас все пройдет. — Он погладил собаку по спине и приказал: — Спать!

И собака послушно заснула.

— А теперь, — сказал он ребятам, — займемся мною.

Он скинул рубашку, протер розовой губкой свою грудь, выжал губку в речке, и вода вокруг стала красной. Но кровь перестала идти, и речной доктор сказал Гарику, который стоял рядом и не знал, чем бы ему помочь:

— Мое счастье, что ружье у него было заряжено картечью, а не пулей. Он меня убить мог.

— Я его выслежу, — сказал Гарик. — Он не уйдет отсюда.

— Его выдадут собственные дружки, — сказал речной доктор. — Они так перепугались, что побегут доносить на него, чтобы самим под суд не попасть.

— Можно, я вашу рубашку выстираю? — спросила Ксюша.

— Спасибо, — сказал речной доктор. — А то мне надо заняться бобрами.

— Вы будете шкуры снимать? — удивился Гарик.

— Еще чего! — улыбнулся доктор. — Я постараюсь их оживить. Их убили совсем недавно, и есть надежда, что они еще не совсем погибли.

И пока Ксюша стирала рубашку речного доктора, он вынул из сумки небольшой шприц и пробирку с голубой жидкостью. Он набрал жидкость в шприц и сделал мертвым бобрам уколы. Потом он протер их розовой губкой, смоченной водой из речки. Но бобры не шевелились.

Тем временем проснулся Рыжик. Видно, он совсем забыл, что с ним случилось, потому что казался очень веселым и бодрым.

Он подошел к речному доктору, который пытался оживить бобров, смотрел, склонив голову и подняв одно ухо, как доктор снова протирает бобров целебной водой, и вдруг оглушительно залаял.

И тут — ну прямо чудо! — один из бобров открыл глаз, сжался от страха и боком-боком сполз в воду. Второй поспешил за ним. Высунув из воды только плоские морды, они быстро поплыли к дальнему берегу.

— Спасибо, Рыжик, — сказал речной доктор. — Это называется шоковая терапия. Ты их так перепугал, что они ожили.

Рыжик вилял хвостом, а вторая собака, темная, коротконогая — видно, среди ее предков была такса, — огорчилась, что все внимание обращено к Рыжику, подбежала к речному доктору и начала на него лаять.

— Возьмите, — сказала Ксюша, протягивая рубашку речному доктору. — Только она мокрая.

— Большое спасибо, — сказал речной доктор, натягивая рубашку. — Она на мне быстро высохнет. Тем более что нам предстоит сделать еще одно дело. Надо починить плотину. Бобры еще совсем слабые, вода в речке упала, их домик — наружу.

Речной доктор показал похожую на большой муравейник бобровую хатку, что поднималась из воды у дальнего берега речки.

Все вместе они быстро починили плотину.

Бобры, которые уже поняли, что люди не желают им зла, стали подтаскивать к плотине сучья, которые разбросали браконьеры, когда спускали воду из бобрового затона, чтобы отыскать бобров и убить их.

— Ну вот, — сказал речной доктор, когда плотина была восстановлена. — Теперь вода поднимется, и я надеюсь, что хозяева плотины ее быстро достроят.

Они пошли дальше, а бобры остались трудиться.

Солнце поднялось уже совсем высоко, через полчаса путешественники отыскали в речке глубокое место и искупались. А потом речной доктор вытащил из сумки флягу с каким-то кисловатым, терпким соком. Все выпили по глотку, только собаки пить не стали. От этого сока сразу пропала усталость и даже жара перестала мучить. Ребята почувствовали такую бодрость, что готовы были шагать до вечера без остановки.

Но шагать без остановки не пришлось. Вскоре они вышли к тому месту, где речка протекала под мостом. А по мосту проходила железная дорога.

За много лет под мостом и по сторонам его накопилось в воде много мусора: то из окна поезда что-то кинут, то прохожий сбросит с моста бутылку или банку...

Речной доктор нырял на дно и выбрасывал на берег ненужные предметы, а ребята стаскивали их в кучу. А когда наконец речной доктор сказал, что речка стала чистой, Гарик сам достал из сумки пистолет, и речной доктор в одну минуту уничтожил на берегу кучу мусора и грязи.

— Вы не устали? — спросил он у своих спутников.

— Нет!

— Теперь начнется самая трудная работа.

Лес кончился. Дальше речка виляла по полю. Но посевы не доходили до самой реки — по обе ее стороны росли ивы.

Речной доктор надел темные очки.

— От солнца? — спросил Гарик.

— Нет, — сказал речной доктор. — Наша речка стала глубокой, не все на дне увидишь. А я ничего не хочу пропустить.

Они шли по берегу, и время от времени речной доктор останавливался, нырял и извлекал из воды ненужные речке вещи. В одном месте, недалеко от деревни, что тянулась по склону, он выволок из воды несколько темных бревен. Он сказал, что когда-то здесь был мост.

— А разве бревна речке мешают? — спросил Гарик.

— Да, мешают, — сказал речной доктор. — Есть речки, особенно в тех местах, где рубят лес, которые уже умерли, потому что их дно покрыто утонувшими бревнами. Ничто не может жить в такой речке.

Возле деревни были мостки. На мостках стояла женщина и стирала белье.

Речной доктор хотел подойти к ней, потом остановился, вздохнул и сказал:

— Вот с такими людьми труднее всего. Вроде бы они не делают ничего плохого, но речке вредят.

— А чем вредят? — спросил Гарик.

— Эта женщина стирает белье с мылом. А мыло вредно для воды.

— А что же ей делать?

— Надо стирать дома, а в речке белье можно только полоскать.

— Давайте я ей все объясню, — предложила Ксюша.

— Нет, — сказал речной доктор. — У нашей речки есть куда более опасные враги. Не будем тратить время.

Женщина, видно, почувствовала, что разговор идет о ней. Она выпрямилась и спросила:

— Куда путь держите?

— Мы идем в город, — сказала Ксюша.

— А на меня что глядите?

— Вы только не сердитесь, — сказала Ксюша. — Но вы стираете белье, а мыло губит рыбу.

— Какая у нас рыба! — засмеялась женщина. — Это при стариках, говорят, здесь рыба водилась. А теперь только лягушки.

— Вы неправы, — сказала Ксюша. — Ваша речка — самая чистая в мире. Она начинается от целебного родника, и вода в ней особенная.

— Что-то я не замечала.

— Вы не замечали, — сказала Ксюша, — потому что мы речку очистили только сегодня. И рыба в ней будет.

И, как будто услышав слова Ксюши, из воды выпрыгнула рыбина размером с Ксюшину руку. Рыба исчезла в воде, и по речке пошли широкие круги.

— Видели? — спросила Ксюша.

— Ой! — сказала женщина. — Отроду не видела.

— А теперь так всегда будет, — сказала Ксюша. — Только вы, пожалуйста, не стирайте здесь с мылом. Вы дома постирайте, а здесь полощите.

Женщина смотрела вниз, где у мостков резвились рыбки.

— Чудеса, — сказала она, — чудеса, да и только. И кто это сделал?

— А вот он, видите, уходит! Это речной доктор.

— Давно пора было речкой заняться, — сказала женщина, собирая белье в корзину. — А ты спроси у своего доктора, может, он скажет нашему председателю, чтобы лесок не рубил?

— Я ему обязательно передам, — пообещала Ксюша и побежала вслед за речным доктором.

Когда она догнала его, доктор сказал, не дожидаясь пока Ксюша начнет рассказывать:

— Спасибо тебе. Я надеюсь, что эта женщина будет вести се-

бя иначе. А лесу я помочь, к сожалению, не могу. Я только речками командую.

— А у вас есть и лесной доктор? — спросил Гарик.

— Есть. Но он очень занят. Ему очень трудно...

Ксюша обернулась. Она увидела, что женщина стоит на мостках, прижав к боку таз с бельем. Увидела, что Ксюша обернулась, и помахала ей. Ксюша тоже помахала.

За деревней речка протекала сквозь еще один небольшой лесок. Здесь речной доктор тоже выпустил в воду банку мальков.

Лесок кончился, и когда они вышли из него, то увидели впереди высокие трубы завода и много низких корпусов.

— Вот наш враг, — сказал речной доктор.

И хотя завод был на вид совершенно обыкновенный и даже трубы его дымили несильно, ребята сразу догадались, что имеет в виду речной доктор.

— Они в нашу речку вредные вещества сливают, — сказал Гарик.

— Сейчас увидите, — ответил речной доктор.

Речка еще текла, как прежде, совсем чистая, трава по берегам была зеленая, но с каждым шагом Ксюше становилось все страшнее. Она чувствовала, как вот-вот речка кончится. Ей даже казалось, что она издали видит, как речка меняет цвет там, у завода.

Ксюша не ошиблась.

Завод сам к речке не подходил. Он остался на высоком берегу. Между его высоким бетонным забором и рекой тянулись какие-то склады, а еще ниже, у самой воды, было несколько огородиков, рядами сбегали к реке кустики картошки.

Между двумя огородами улеглась толстая труба, наполовину погруженная в землю. Труба нависала над речкой, и из нее в речку лениво изливался густой поток бурого цвета. И видно было, как жуткая жижа расплывается в прозрачной воде, вытесняет ее, смешивается с ней — и дальше вниз текла уже не вода, а жидкость, которой нет названия.

Они остановились возле трубы.

Ксюша увидела, как несколько рыбок, что плыли за ними сверху, засуетились возле границы между водой и жидкостью и поспешили обратно.

Жижа, которая изливалась из трубы, была вонючей, пахла аптекой и уборной.

— Доктор! — сказала Ксюша в ужасе. — Скорее закройте трубу.

— А дальше что? — спросил речной доктор. — Они ее тут же откроют.

— Все равно что-то надо сделать, — сказал Гарик. — А то зачем мы очистили речку?

Ксюша увидела, как одна из рыбок, видно рассеянная, нечаянно вплыла в зараженную часть реки и тут же перевернулась белым брюшком вверх. И ее понесло вниз по течению.

— Что? — раздался голос. — Не нравится вам наша речка?

Голос принадлежал старичку, маленькому, скрюченному, в широкополой соломенной шляпе, который стоял, опершись о лопату, посреди огорода.

— Не то слово, — сказал речной доктор. — Но неужели вам все равно?

— Нам не все равно, — ответил старичок. — Только нас никто не спрашивает.

— Разве они не видят? — спросила Ксюша, показывая на завод.

— Они штрафы платят, — ответил старичок. — Им лучше штраф заплатить, чем безобразие прекратить.

— И все молчат? — спросил Гарик.

— Почему все? Есть у нас один, он даже в газете написал.

— И что же?

— Уволили его с завода за плохую дисциплину.

— И он сдался? — спросила Ксюша.

— Он не сдался. Он глупый, он думает, что-то можно изменить.

— А где он?

— Вон там — у входа стоит.

Старичок показал вверх. Туда, где в заборе были ворота. В ворота входили и выходили люди, а возле ворот стояла маленькая фигурка с белым плакатиком.

— Пошли посмотрим, — сказал речной доктор.

Они поднялись вдоль трубы наверх, прошли вдоль бетонного забора и оказались у ворот.

Человек, на которого показал старичок, оказался мрачным, коренастым пожилым мужчиной. Он держал прикрепленный к палке плакат. На плакате было написано: «Губить природу — преступление!»

Люди шли мимо, некоторые улыбались, некоторые останавливались, некоторые укоризненно качали головой.

— Здравствуйте, — сказала Ксюша. — Вы хотите спасти нашу речку?

Мужчина сказал:

— Да, я буду здесь стоять, пока не спасу речку.

— Значит, вы наш союзник, — сказал Гарик. — Только мы не

стоим, а идем. Мы сегодня уже тысячу километров прошли и всю речку очистили.

— Мне приятно с вами познакомиться, — сказал речной доктор. — Гарик говорит правду. Мы в самом деле хотим очистить речку, чтобы люди в ней могли купаться, пить воду и ловить рыбу.

— Боюсь, что ничего не получится, — сказал мужчина. — Меня зовут Петр Ванечкин. Я раньше здесь работал. Но я очень устал. Никто не обращает на меня внимания.

— Но почему? — удивилась Ксюша.

Тут из ворот выбежал очень худой человек в черном костюме.

— Освободите проход! — закричал он на Петра Ванечкина. — Вы мешаете нормальной работе. Я милицию вызову.

— Вызывай, Кузькин, — сказал Ванечкин.

— Эй! — крикнул Кузькин проходившим мимо рабочим. — Помогите мне его выгнать.

Но рабочие только засмеялись.

Кузькин начал толкать Ванечкина. Он старался вырвать у него плакат. Это ему почти удалось, но в последний момент Гарик подхватил плакат и отбежал с ним в сторону.

Кузькин хотел бежать за Гариком, но его остановил речной доктор.

— Кузькин? — спросил он. — Тимофей Викторович? Главный технолог?

— Я самый, — сказал Кузькин.

— Вот с вами я и хотел поговорить, — сказал речной доктор. — Ваш завод сбрасывает в речку отравляющие вещества. Я очень прошу вас прекратить это.

— Еще вас мне не хватало! — рассердился Кузькин. — С минуты на минуту Лодзинский из управления приедет. А мы тут безобразие допускаем. А что, если с ним телевидение будет?

— Не надо ждать, пока будет телевидение, — сказал речной доктор. — Сейчас же прекратите сбрасывать отраву.

— Производство остановить, да? — закричал Кузькин. — Народ оставить без ценной продукции? Вы — не знаю, как вас зовут, — типичный диверсант и вредитель. А ну, покажи документы!

— Ах, Кузькин, Кузькин! — сказал печально речной доктор. — Я же знаю, почему вы так сердитесь. Вы же экономите на средствах очистки и за эту экономию получаете премию. Вы же ни о чем, кроме своей премии, думать не можете. Даже если вся Земля развалится, вы все равно бровью не поведете — только бы премию получить.

— Это точно, — сказал один из рабочих, что стояли вокруг.

— Есть уже шесть постановлений прекратить на заводе производство вредных для здоровья веществ. А вы с директором эти документы прячете.

— Мы не прячем! — возразил Кузькин. — Мы о рабочих заботимся. Если мы производство остановим, они зарплату не получат.

— Кузькин, я вас предупредил, — сказал речной доктор. — Я с обманщиками и вредителями природы шутить не люблю. Немедленно прекратите сбрасывать в речку вредные вещества. Вы меня слышите?

— Может, вы инспектор? — спросил Кузькин. — Тогда я скажу — инспекция у нас уже работала. У меня есть документ, что выбросы завода в пределах нормы. И штрафы мы все заплатили, как положено.

— Я не хочу смотреть на ваши бумажки, — сказал речной доктор. — Бумажками речку не спасти. К таким, как вы и ваш директор, у меня нет жалости. Вы не только убиваете речку, вы убиваете всех людей. Не сегодня, так завтра люди начнут серьезно болеть.

— Товарищи трудящиеся! — завопил Кузькин. — Вы его слышите? Он хочет остановить наше замечательное производство. Вы не получите зарплату и премию! Ваши дети будут голодные!

Рабочие молчали. Конечно, некоторым было все равно, какая река — грязная или чистая. Другим было жалко речку. Но не настолько, чтобы из-за нее оставаться без работы.

— Хватит, надоело, — сказал речной доктор. — Я пошел.

И он быстро пошел вниз, к тому месту, где из трубы лилась отрава.

— Только без самоуправства! — испугался Кузькин.

Он вытащил из кармана свисток и засвистел в него.

Из ворот выглянул пожилой вахтер.

— Взять его! — крикнул Кузькин, показывая на речного доктора. — Он без документов.

Вахтер неуверенно пошел следом за речным доктором.

Но речной доктор был не один. Рядом с ним шагали Ксюша и Гарик, а следом шел Петр Ванечкин с плакатом. А в отдалении шли несколько рабочих, которым было интересно поглядеть, чем все это кончится.

Кузькин догнал речного доктора у самой реки.

Речной доктор ждал его.

— Я сейчас... Я сейчас... — Кузькин задыхался от бега и ярости. — Ты только тронь!

Но речной доктор ничего не стал делать с трубой. Вместо этого он ловко схватил Кузькина, поднял его в воздух, и тот на глазах у всех превратился в худую длинную щуку.

— Попробуй сам, — сказал речной доктор и кинул Кузькина в воду недалеко от трубы.

Все так растерялись, что стояли с разинутыми ртами. Только Ксюша и Гарик не удивились.

Щука заметалась в грязной воде, выпрыгнула, выпучив белые глаза, и отчаянно поплыла вверх, к чистой воде. Она разевала рот, била хвостом, потом поплыла к берегу — видно, хотела упросить речного доктора, чтобы он вернул ей человеческий облик.

Речной доктор стоял на берегу, сложив руки на груди, и ничего не делал.

Зато Рыжик вдруг кинулся в воду, догнал щуку — Кузькина, который неловко пытался уйти от собаки в глубину, схватил главного технолога зубами за хвост и выволок на берег. Так, держа за хвост, он притащил его к речному доктору и кинул на траву у его ног.

— Ну что? — спросил речной доктор у щуки. — Хотите еще плавать или начнете думать?

Щука закрутилась у ног речного доктора. Рыжик зарычал и хотел было снова схватить рыбину, но она превратилась в человека, и собаке с сожалением пришлось отойти.

Кузькин кашлял, хлопал глазами. Все стояли вокруг и молчали.

Наконец Кузькин пришел в себя и сказал:

— Я буду жаловаться!

— На что? — спросил речной доктор.

— Я буду жаловаться, что вы меня схватили при исполнении служебных обязанностей и чуть не погубили. Пытались погубить!

— Каким же образом?

— Сами знаете! Там дышать невозможно!

— Теперь вы знаете, каково рыбам в такой воде?

— Я не рыба! Я главный технолог.

— Послушайте, Кузькин, вы мне надоели. Если вы будете и дальше сопротивляться, то я вас заставлю эту воду пить.

Тут не выдержали нервы у зрителей.

— Ну, это слишком! — раздались голоса из толпы.

— У него же дети есть!

— Все-таки живой человек!

Кузькин сразу осмелел.

— Все будете свидетелями! — сказал он. — Мы его засудим.

— Вы, по-моему, ничего не поняли, — сказал речной доктор. — Я сюда пришел не развлекаться, а спасти речку. Для этого мне нужно, чтобы речку перестали травить. Разве это так сложно понять?

— Хулиган, — сказал Кузькин.

Тут он весь подобрался, как тигр перед прыжком, и кинулся вверх по склону, к воротам, куда как раз въезжала «Волга».

— Из управления едут, — проговорил Ванечкин.

— Странный человек, — сказал речной доктор. — Я такого просто не встречал. Он совсем не испугался, что я превратил его в щуку. Он об этом сразу забыл.

— Он у нас такой, — сказал один из зрителей. — Он мать продаст за премию.

Видно было, как Кузькин подбежал к машине. Из нее вышел человек. Другой спешил к машине от ворот.

— Вот и директор прибежал, — сказал Ванечкин. — Учтите: если вам станет плохо, если на вас будут гонения, я с вами!

— Чего из-за речки переживать? — спросил один из рабочих. — Она уж лет десять как отравленная, а ничего, живем.

— Жить можно и по горло в болоте, — сказал Ванечкин. — И думать, что лучше жизни нету. Если не с чем сравнивать.

— Почему не с чем? — спросил рабочий. — Я Черное море видел — в него тоже помои сбрасывают.

Но разговор кончить не удалось, потому что с горы спешил Кузькин с солидным подкреплением: директором и Лодзинским из управления.

— Вот он! — кричал Кузькин. — Он себе позволяет!

— Так, — сказал директор, подходя первым. — Кузькин утверждает, что вы здесь фокусы показываете, людей превращаете в рыб, чтобы испугать наших трудящихся. Так вот, отвечу вам со всей ответственностью: нас не запугаете! Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая держава.

— Попрошу документы, — сказал Лодзинский из управления. — Если вы общественность, вам надо действовать через положенные каналы. У вас есть разрешение на демонстрацию?

— По-моему, они безнадежные, — сказал речной доктор.

— Совершенно безнадежные, — согласился с ним Ванечкин.

— Может, их тоже в рыб превратить? — спросил речной доктор. — Пускай дышат тем, что в реку спускают.

— Попрошу без фокусов, — сказал Лодзинский, но на всякий случай отступил подальше.

— Начнем, как всегда, с Кузькина, — сказал речной доктор, поднимая руку.

Но тут Кузькин припустился в гору с такой скоростью, что обогнал собственный визг.

— Тогда ваша очередь, товарищ директор, — сказал речной доктор.

— Милиция! — закричал директор. — Нас превращают!

И тоже побежал наверх. За ним Лодзинский из управления.

А из трубы все текла и текла страшная жижа.

— Надо остановить производство, — сказал Ванечкин. — Они не выполняют указаний санинспекции.

— А как остановить? — спросил речной доктор.

— Технологию надо менять.

— К сожалению, этого я не умею, — сказал речной доктор. — Я специалист по речкам, а не по заводам.

— Надо сделать замкнутый цикл, — сказал один из рабочих.

— А как? — спросил речной доктор.

— Чтобы ничего с завода не выливалось.

— А потом? Они его опять разомкнут?

— Пока они будут размыкать, — сказал Ванечкин, — я до Москвы дойду! Мы их остановим.

— Я попробую, — сказал речной доктор.

Он наморщил лоб, уставился на трубу и принялся что-то бормотать.

От речного доктора исходило такое напряжение, что у окружающих из пальцев посыпались искры.

И вдруг у всех на глазах труба начала двигаться. Она двигалась, как огромная змея: голова, из которой хлестала жижа, приподнялась и обернулась к заводу. Она поднималась, волоча за собой длинное тело, а грязный поток, выливаясь, потек по огороду, отчего молодые кусты картошки начали съеживаться и вянуть.

— Стой! Стой! — закричал старичок-огородник. — Меня-то за что?

— Я исправлю, — сказал молодой человек. — Зато все теперь видят, что значит отрава, которую выпускает ваш завод.

А тем временем голова трубы добралась до бетонного забора, проломила его и исчезла на заводском дворе.

— А что там будет? — спросил кто-то из рабочих.

— Сейчас увидите.

Над забором стояло большое здание заводоуправления. И тут все увидели, как труба начала подниматься по стенке здания, добралась до окна на втором этаже. Разлетелись стекла — голова трубы исчезла в комнате.

— А что там? — спросила Ксюша.

— Там кабинет директора, — сказал Ванечкин.

Целую минуту ничего не происходило — видно было только, как труба все втягивается и втягивается в окно.

А потом в здании начали раскрываться окна, и из окон принялись выпрыгивать люди.

Труба уже полностью уползла со склона.

— А что дальше будет? — спросила Ксюша.

— Наш конец трубы, — сказал речной доктор, — отыскал уже второй конец, в который собиралась с завода эта жижа. Теперь жижа будет течь по кругу. Я правильно понял, что такое замкнутый цикл?

— Нет, неправильно, — вздохнул Ванечкин. — Вы плохо знаете технологию. Ведь в трубе останется только та жижа, которая там была. А новая?

Из ворот выбежали директор, Кузькин и Лодзинский из управления, все измазанные. Они попрыгали в машину, но шофер, который их там ждал, открыл дверь и из машины убежал.

— Очень плохо пахнут, — сказал Ванечкин.

Директор, Кузькин и Лодзинский принялись бегать за шофером.

— Я думаю, — сказал речной доктор, — что с такой трубой этот завод работать не сможет.

— Это точно, — сказал Ванечкин. — Придется им останавливать производство.

Он протянул руку речному доктору, попрощался с ним и сказал:

— Я поехал в Москву. Пока они будут разбираться, я успею что-нибудь сделать.

Наконец Кузькин поймал шофера, втроем они затолкали его в машину, и «Волга» уехала.

— Вы бы ушли, — сказал один из рабочих речному доктору. — Они сейчас милицию вызовут. Вам придется отвечать за хулиганство.

Речной доктор словно его не слышал. Он смотрел, как одна за другой переставали дымить трубы завода.

— Ой! — воскликнул старичок-огородник. — Вы только поглядите!

Они обернулись к реке.

Темная жижа исчезла — уплыла вниз по течению. И вся река была прозрачна, как горный ручей. Сверху приплыли рыбы и резвились в воде. На дне были виден каждый камешек.

А на берегах реки ниже по течению, на берегах голых и серых, на глазах вылезала из земли трава.

— Слушай, — сказал один рабочий другому. — Давай искупаемся.

И все рабочие начали раздеваться и прыгать с берега в воду.

— Лучше, чем в Черном море! — закричал один из них.

— Спасибо, речной доктор! — закричал другой.

— Мне не надо вашей благодарности, — сказал речной док-

тор. — Я прошу об одном: не давайте жиже из трубы снова выливаться в эту реку. Это же ваша вода!

— Не учи, сами понимаем! — послышалось в ответ.

— Пойдем дальше, — сказал речной доктор. — Меня не оставляет беспокойство. А что, если у Ванечкина ничего не получится?

Ребята молчали. Они не знали, получится у Ванечкина или нет.

— Конечно, я мог бы взорвать этот завод, — сказал речной доктор. — Но если каждый начнет взрывать, это плохо кончится.

Они хотели уйти, но их остановил старичок-огородник. Он напомнил речному доктору, что тот обещал вылечить его картошку. И речной доктор сделал это без труда, за одну минуту — рабочие еще не успели из реки вылезти.

Когда речной доктор, Гарик, Ксюша и собаки пошли дальше вниз по прозрачной реке, рабочие кричали им, что они будут помогать реке. И еще советовали уходить поскорее...

Скоро завод остался позади.

За ним начался заводской поселок. В нем были пятиэтажные дома, но больше одноэтажных домиков.

У поселка река была перегорожена дамбой, чтобы получился пруд.

Видно, устроили его давно, когда еще не было завода. А теперь он превратился в большой вонючий отстойник — ни одна травинка не росла по его берегам, ни одно дерево не подступало близко. Только зеленые блины тины покачивались у берегов.

Прозрачная вода речки вливалась в пруд, и видно было, что в верхней его части вода начинает светлеть и очищаться.

— Давайте посмотрим, — сказала Ксюша, которая немного устала, — как этот пруд сам по себе очистится.

— Нет, — сказал Гарик. — Надо уходить. Ты же слышала, что они милицию позовут.

— А мы ничего плохого не сделали.

— Как не сделали? — возразил Гарик. — Все-таки целый завод остановили. И директора испачкали, и Кузькина в щуку превращали.

Он говорил «мы», потому что считал, что они все делают вместе с речным доктором. Он вообще думал попроситься к доктору в ученики. Все же интереснее, чем ходить в школу и учить таблицу умножения.

Речной доктор вроде бы их не слышал. Он осмотрел пруд и сказал:

— Ждать, пока он сам очистится, нельзя. Там на дне столько

скопилось вредных веществ, что пруд и за месяц не промыть. Придется действовать.

— А милиция? — спросил Гарик.

— Будем рисковать. Может, они не догадаются сюда за нами прийти.

Речной доктор быстро пошел вдоль пруда, остановился возле дамбы, сквозь которую по бетонному желобу протекала серая речка, а потом посмотрел вниз по течению.

— Эй! — крикнул он тоненькой девушке в противогазе, которая шла по голому берегу реки, читая журнал. — Отойдите от реки, сейчас я ее спускать буду!

— Что вы сказали? — спросила девушка. Голос сквозь маску звучал глухо.

Речной доктор показал ей рукой, что надо отойти.

Девушка не стала спорить. Продолжая читать, она пошла вверх по склону.

— Странная какая, — сказала Ксюша.

— Приготовились, спускаем пруд! — предупредил доктор.

Он направил свой пистолет на дамбу, и в ней образовался прорыв, сквозь который с плеском и стоном понеслась вниз вода, заливая серые берега. А серая жидкость в пруду стала понижаться, обнажая такое же серое дно.

Девушка, увидев, что началось наводнение, перестала читать и поспешила к речному доктору.

— Что вы делаете? — спросила она. — И без вас дышать нечем!

— Я хочу, чтобы вы сняли противогаз.

— Это невозможно, — сказала девушка. — У нас в поселке все ходят в противогазах. Даже спят в противогазах. Товарищ Кузькин сказал, что у нас самые лучшие в мире противогазы.

— Зачем же вы все это терпите? — спросил речной доктор.

— А мы не терпим, мы привыкли, — сказала девушка. — Я даже хожу гулять на берег. Если в противогазе, то не очень противно.

— Нельзя! — вдруг закричал речной доктор. — Нельзя привыкать! Вы не смеете привыкать к грязи и ничтожеству! Вы перестанете быть людьми, если разрешите каким-то негодяям губить природу и убивать вас! Неужели вы не знаете, что человек — это только маленькая часть природы?

— Зачем же кричать? — удивилась девушка. — Я и так все слышу. Я с вами совершенно согласна. Но мы ничего не можем поделать. И если вы спустите воду из нашего пруда, то завтра в него снова нальют такую же гадость.

— А вы посмотрите! — воскликнула Ксюша. — Вы посмотрите, какая вода течет!

И только тут девушка увидела, что вместо серой грязи в пруд вливается прозрачный поток.

— Как? — удивилась она. — Неужели так может быть?

Она побежала к домам и стала кричать:

— Мама! Тетя Дуся! Галя, Валя, Маля! Идите сюда! Здесь чистая вода!

А воды в пруду оставалось все меньше.

— Эх, — сказал речной доктор, — аккумуляторы нейтрализатора садятся. Не думал я, что придется сегодня так много работать.

Он направил широкий луч на серую массу на дне, и она начала исчезать. Ее было так много, что воздух согрелся, и Ксюша с Гариком отбежали от берега. Собаки за ними: у пруда было очень жарко.

Серая тина, серый ил, серый камень, в который превратилась за годы грязь на дне, исчезали. Речной доктор спешил. Он изо всех сил нажимал на курок своего пистолета.

Над прудом стоял пар, потому что речка приносила чистую воду, и вода спешила наполнить углубления в дне.

Вскоре речной доктор скрылся за клубами пара.

А от поселка бежали люди, все в противогазах. Они боялись подойти к пруду и спешили по его берегу вверх, туда, где в него вливалась прозрачная вода.

Ксюша не знала, сколько прошло времени. Наверное, не очень много — у речного доктора пистолет мощный.

У ее ног плескалась прозрачная вода, и кипела она уже только у дамбы.

Раздался гудок.

От поселка неслись две машины — «Волга» и милицейский «газик».

Они остановились недалеко от пруда.

Первым выскочил Кузькин. За ним вылезли директор завода и Лодзинский из управления. Из «газика» вышли милиционеры и в изумлении глядели на неузнаваемый пруд.

Речного доктора они не видели, потому что он был скрыт в клубах пара, но Ксюшу с Гариком Кузькин увидел сразу.

— Вот они! — закричал он. — Его сообщники. Они одна компания.

Клубы пара рассеивались. Стало видно, что на разрушенной дамбе стоит молодой человек с сумкой через плечо. В руках у него ничего нет.

— Держи его! — Директор побежал к речному доктору.

За ним — Кузькин и Лодзинский. Правда, Кузькин и Лодзинский отстали — они не хотели, чтобы их превращали в рыб.

Речной доктор стоял неподвижно. Он не смотрел на директора, он осматривал бывший пруд и был доволен. По очищенной земле текла прозрачная река.

Директор остановился возле речного доктора и сказал:

— Сдавайся, хулиган.

— Я никуда не убегаю, — сказал речной доктор.

Тут подошли два милиционера. Лейтенант и сержант.

— Что вы тут делаете? — спросил лейтенант.

— Разве не видно? — удивился речной доктор. — Я очистил ваш пруд.

— И правда очистил, — удивился сержант.

— А завод вы остановили? — спросил лейтенант.

— Его давно нужно было остановить. Это не завод, а убийца, — сказал речной доктор.

— Вам придется пройти с нами, — сказал лейтенант.

— Осторожнее! — предупредил Кузькин издали. — А то он вас в рыбу превратит.

— Я ничего не делаю из хулиганства, — сказал речной доктор. — Я вообще очень серьезный. И я думаю, что лучше вам меня не задерживать, потому что я еще не кончил мою работу.

К ним стали подходить жители поселка. Они снимали противогазы. Первой к речному доктору подошла девушка с книжкой. Без противогаза она казалась очень красивой, только бледной.

— Большое спасибо, — сказала она. — Вы сделали очень хорошее дело.

— Спасибо! — говорили другие жители поселка.

— Не задерживайтесь, — сказал лейтенант.

Он взял речного доктора за локоть.

Жители поселка стали шуметь и требовать, чтобы доктора отпустили.

— А мы его не обижаем, — сказал сержант. — Вы нас тоже должны понять. К нам поступила жалоба, что этот человек остановил целый завод. И тут непонятно, что делал. Мы разберемся, и, если человек ни в чем не виноват, — проверим документы и выпустим.

— Они правы, — сказал речной доктор. — Они на работе. Я пойду с ними и скоро вернусь.

Он снял с плеча сумку и передал ее Гарику.

— У нас еще осталось много работы, — сказал он. — Увидимся ниже по течению.

Милиционеры повели речного доктора к своему «газику».

А Кузькин побежал за ними следом. Он кричал:

— Сообщников возьмите! Пока они на свободе, я не могу спать спокойно.

Но лейтенант только отмахнулся, а сержант обернулся и спросил:

— Вы дорогу домой найдете?

— Найдем, — сказала Ксюша.

Речной доктор, садясь в «газик», улыбнулся им и подмигнул.

Гарик кивнул в ответ.

Машины уехали. Жители поселка разбрелись по берегу. Они любовались речкой и с удовольствием дышали свежим воздухом. Возле ребят остались только девушка, которую звали Милой, и ее тетя Дуся.

— Пошли к нам, — сказала тетя Дуся. — Он вам кем приходится?

— Он наш друг, — сказала Ксюша.

— Небось далеко от дома вас увел?

— Нет, недалеко, — быстро ответил Гарик. Он не хотел, чтобы взрослые начали суетиться, если узнают, как далеко отсюда он живет.

— Мы пойдем вниз по реке, — сказала Ксюша. — Речной доктор будет нас там ждать.

— Не выпустят его, — возразила тетя Дуся. — Для нас он хороший человек, а завод все-таки без спросу остановил.

— Мы пошли, — сказал Гарик.

— Нет, — сказала Мила. — Я вас одних не отпущу. Хотите идти вниз по реке, пойдете со мной.

Гарик с Ксюшей переглянулись.

— Ладно, — сказал Гарик.

Все-таки лучше идти с девушкой, чем совсем одним.

— А то заходите, пообедайте, — сказала тетя Дуся.

Но Гарик ее уже не слушал. Он понимал, что теперь, раз речного доктора нет, спасателем реки придется быть ему самому.

Он сунул, не глядя, руку в сумку, и тут же его пальцы нащупали ворох семян. Гарик вытащил пригоршню семян и побежал по берегу, раскидывая их вокруг пруда. Так он добежал до прорыва в дамбе и не знал, что делать дальше, как засеять дальний берег пруда. Но тут внезапно налетел сильный порыв ветра, его пальцы сами разжались, и семена понеслись на тот берег, ровно ложась на землю, — и всюду вокруг пруда начала подниматься зеленая трава.

И жители поселка, которые гуляли по берегу, начали хлопать в ладоши и смеяться — это было как фокус, как во сне.

А ребята с Милой пошли дальше вниз по реке.

За ними побежали собаки, которые куда-то убегали, пока речной доктор лечил пруд. И понятно: для их чутких носов запах пруда был совершенно невыносим.

Гарик время от времени запускал руку в сумку и рассеивал по берегу семена. И берег становился из серого зеленым.

— А кто он такой? — спросила Мила. — Он такой красивый и веселый.

— Он речной доктор, — сказал Гарик.

— А может быть, он речной бог, — сказала Ксюша.

— Я думаю, он биолог, — сказала Мила. — И очень способный.

Чем дальше они спускались по реке, тем удивительнее было видеть, как на глазах она возрождалась. Если бы речной доктор был рядом, он объяснил бы друзьям, что сама вода, чистая и целебная, может лечить природу. Вот уже без помощи Гарика трава начала сама пробиваться на берегах: распрямлялись пожелтевшие раньше времени и пожухшие листья кустов; мальки, приплывшие сверху, сверкали среди водорослей, а невесть откуда приползшие раки уже рыли норы под берегом. Стрекозы носились над водой, гонялись за мушками, а синицы — за стрекозами. А лишние мертвые вещи старались исчезнуть с глаз. Ксюша собственными глазами видела, как ржавая кастрюля, которая валялась в тине, как только ее промыло чистой водой, принялась быстро погружаться в песок, с глаз долой...

Солнце уже перевалило зенит, и ребята и собаки устали, но признаваться в этом не хотели.

— А где он будет нас ждать? — спросила Ксюша у Гарика.

— Ниже по течению, — ответил Гарик.

Разумеется, он тоже не знал, где встретит речного доктора, но верил, что доктор умнее и сильнее всех, даже милиционеров. И если он сказал, что надо идти вниз по реке, значит, надо идти. Теперь Гарик был главным, у него была сумка. Он стал если не доктором, то речным санитаром.

Мила, конечно, этого понять не могла. Она речного доктора совсем не знала. Хотя он ей очень понравился. Поэтому она беспокоилась о нем совсем иначе.

— Может, пойти в милицию? — спросила она. — Мы попросим отдать нам доктора на поруки. Если нужно, я весь наш поселок подниму. Ведь люди ему очень благодарны.

— Подожди, — сказал Гарик. — Я думаю, он сам выпутается. Давай дойдем вон до того поворота. Если доктора нет, значит, надо выручать. В крайнем случае, я знаю, как его освободить.

Гарик не стал говорить женщинам, как он намерен освобождать речного доктора. Это была тайна. Они бы испугались.

В сумке у Гарика, как известно, лежал пистолет. Если этим пистолетом можно разрушить дамбу или расплавить бетонную плиту, то уж стену отделения милиции или даже тюрьмы ничего

не стоит. Надо только выбрать время, когда никто не смотрит, сделать дырку в стене — и доктор выйдет на свободу.

По правому берегу, по которому они шли, начали появляться дачи. Потом показался пионерский лагерь. Множество ребят выбежали к реке. Они радовались, какая в ней чистая вода, и хотели купаться. Но вожатые не пускали их в речку.

— Нельзя! — повторяла кругленькая вожатая. — Вы же знаете, река отравлена.

— Но она чистая! — отвечали пионеры.

— Это только кажется, что она чистая. Мы не знаем, какие вещества в ней растворены.

— Никаких веществ, — сказал, подходя, Гарик. — Я вам это гарантирую.

— Мальчик! — воскликнула вожатая. — Откуда ты можешь знать? Пока санитарный врач не разрешит, я не могу рисковать здоровьем детей.

Собаки словно поняли, о чем идет спор, — побежали к воде, подняли столб хрустальных брызг и поплыли от берега.

Ксюша подобрала сарафан и вошла в воду по колени.

— Девочка! Прекрати немедленно! — испугалась вожатая.

Ксюша засмеялась и бухнулась в воду. Было жарко — сарафан быстро высохнет.

И тогда дети перестали слушаться вожатую и кинулись в реку.

— Не волнуйтесь, — сказала Мила вожатой. — Я точно знаю, что река очищена. Завод перестал работать. Его закрыли.

— Вы уверены? — спросила вожатая. — Ваши дети неорганизованные, а за моих я отвечаю.

— Вы лучше сама искупайтесь, — сказал Гарик строго. — Смотрите, какая жарища.

— Купаться я не буду, — сказала вожатая. — Но мой долг идти в воду, чтобы с детьми чего-нибудь не случилось. К счастью, я в купальнике.

Она сбросила платье и осторожно вошла в воду. Сначала по щиколотки, потом по колени. Вода весело плескалась у ее ног, заманивая вглубь. И тут вожатая не выдержала. Она взвизгнула, зажмурилась и нырнула, отчего поднялся фонтан брызг.

На середине реки показалась ее голова. Голова крутилась во все стороны, и вожатая кричала:

— Далеко не отплывать! Не нырять! Не окунаться!

Но все ныряли, отплывали и окунались.

— Ксюша! — позвал Гарик. — Нам надо спешить. Вылезай.

Ксюша с сожалением вылезла из воды. И они пошли дальше.

Ниже лагеря снова начался лес. Лес был молоденький, сосновый. Саженцы росли прямыми рядами. Там в речку впадала дру-

гая речушка. Путники остановились, размышляя, как через нее перебраться. Речушка была узкой, но глубокой.

Гарик увидел, что через речушку перекинуто бревно. К нему вела тропинка. Рядом с тропинкой была вывеска, прибитая к столбу:

Ивановское лесничество
ЗАПОВЕДНИК
СОСНОВЫЙ ПИТОМНИК

Гарик первым перешел речку по бревну.

Бревно было тонкое, оно качалось, поэтому переходить было трудно.

— Осторожнее! — сказал Гарик Ксюше.

Он встал на берегу и протянул руку, чтобы Ксюше было за что схватиться.

Ксюша легко перебежала по бревну, но в последний момент потеряла равновесие, и Гарик еле успел схватить ее за руку.

Мила сделала первый шаг по бревну и сказала:

— Ой, я сейчас упаду.

И как только она решила, что сейчас упадет, ноги ее ослабли, она отчаянно замахала руками — и Гарик, который бросился к ней на помощь, сам чуть не упал в воду.

Быстро махая руками, словно хотела взлететь в небо, Мила ухнула в речку.

На секунду она скрылась под водой.

И тут же вода вскипела, словно Мила там встретилась с крокодилом и вступила с ним в смертельную схватку. Гарик с Ксюшей замерли от удивления, а собаки принялись носиться вдоль берега и отчаянно лаять.

Из-под воды показались две головы.

Одна принадлежала Миле, а вторая — другой девушке, которой раньше не было.

Обе головы отфыркивались, крутились, отплевывались.

Четыре руки колотили по поверхности воды, и казалось, что узенькая речка вот-вот выплеснется на берег.

Правда, девушкам ничего не угрожало — они вынырнули как раз в двух шагах от большой ивы, что росла на берегу, затеняя своей листвой темную воду речки.

Через минуту обе девушки уже были на берегу.

Обе тряслись от пережитого страха, обе обняли с разных сторон ствол ивы.

Тогда ребята смогли их рассмотреть.

Впрочем, Милу рассматривать не было нужды — она не изме-

нилась, только промокла, и ее пышные черные волосы распрямились и прижались к голове. Зато вторая девушка их удивила.

Во-первых, она была очень бледной и у нее были зеленоватые прямые волосы точно такого же оттенка, как у речного доктора. Но и это не самое удивительное: девушка была одета в купальный костюм зеленого цвета. Он был составлен из чешуек, которые переливались перламутровым блеском.

Девушка перевела дух и сказала низким, хрипловатым голосом:

— Я думала, что умру от страха.

— А я почти умерла, — отозвалась Мила.

— Ну зачем же вы падаете людям на голову? — спросила зеленая девушка.

— Я же не знала, что вы сидите под мостиком, — сказала Мила. — К тому же я нечаянно упала.

— Я не сидела под мостиком, — обиделась зеленая девушка. — Что мне там делать? Я плыла.

— Что-то мы вас не видели, — сказал недоверчиво Гарик.

— А как вы могли меня увидеть, если я плыла под водой?

— Вы подводная пловчиха?

— Это неважно, — сказала зеленая девушка. — До свидания.

И повернулась, чтобы снова войти в воду.

Но тут же обернулась, и лицо ее было испуганным, словно она увидела привидение.

— Где ты это взял? — спросила она, указывая на сумку, которая висела через плечо Гарика.

— Что взял?

— Сумку. Где ты взял эту сумку?

— Мне речной доктор дал, — сказал Гарик.

— Речной доктор? А, конечно, он себя так называет. Но где он сам?

— Вы его знаете? — спросил Гарик.

— Знаю, знаю! Не увиливай от ответа, мальчик. Ты украл эту сумку?

— Как вам не стыдно! — возмутилась Мила. — Речной доктор сам дал Гарику эту сумку. При мне. Гарик ему помогает.

— Значит, случилось что-то страшное! — воскликнула зеленая девушка. — Только не скрывайте от меня всей правды! Он никогда бы не расстался с сумкой. Что с ним, умоляю, что с ним? Его убили?

Ксюша поняла, что девушка в самом деле очень испугана и переживает. Может, она его сестра? У них волосы одного цвета.

— Ничего страшного. — Ксюша постаралась успокоить зеле-

ную девушку. — Речной доктор попал в милицию. Но он скоро оттуда уйдет, мы договорились, что подождем его.

— В милицию? Разве он совершил что-то ужасное? Нет, не скрывайте от меня ничего. Лучше страшная правда, чем жалкая ложь.

И тогда Ксюша — конечно, очень коротко, в нескольких словах — рассказала зеленой девушке, как они познакомились с речным доктором, как путешествовали по реке и что случилось на заводе, а потом на пруду.

Зеленая девушка выслушала рассказ не перебивая, только кивала и иногда вздыхала. А когда Ксюша поведала ей, как речного доктора арестовали, на глазах у нее показались слезы, сорвались с длинных ресниц и покатились по щекам. И Ксюша поняла, что слезы у девушки тоже зеленые. Хотя, может быть, на ее лицо падала тень от листвы.

— И он сказал, чтобы вы его ждали? — спросила она наконец.

— Он велел нам идти вниз по реке, — ответил Гарик.

— А где, в каком месте вы должны встретиться?

— Я не знаю.

— Все это очень плохо, — сказала зеленая девушка. — Я очень обеспокоена.

— Почему же вы о нем беспокоитесь? — спросила Мила. Ей девушка не очень понравилась.

Мила понимала, что девушка знакома с речным доктором, а Миле доктор очень понравился. И она немного ревновала и считала, что зеленой девушке совсем не стоило таиться под бревном и пугать Милу.

— Мы с ним одной крови, — ответила девушка. — Мы с ним родственники.

— А я думал, он инопланетный пришелец, — сказал Гарик.

— Не говори глупостей, — сказала зеленая девушка. — И отдай сумку. Тебе еще рано до нее дотрагиваться.

— Речной доктор мне ее дал, ему я ее и отдам, — сказал Гарик. — А вас я не знаю. И не знаю, где вы были, когда мы сражались на реке и в лесу.

— Гарик прав, — сказала Мила, которой зеленая девушка совсем разонравилась. — У нас нет оснований вам доверять.

Но Ксюша так не думала. Она понимала, что зеленая девушка говорит правду. Конечно же, она похожа на речного доктора.

— А кто вы такая? — спросила Ксюша. Но не строго спросила, не сердито, а по-дружески.

— Я здешняя русалка, — ответила зеленая девушка. — Разве не понятно?

— Совершенно непонятно, — сказала Мила.

— И вообще вы на русалку совершенно непохожая, — сказал Гарик, который не хотел отдавать сумку случайным встречным.

— А вы раньше много русалок видели? — спросила зеленая девушка у Гарика.

— Видел, — упрямо сказал Гарик. — На картинках видел. И оперу по телевизору показывали. Где ваш хвост?

— Ах, какая наивность! — сказала русалка. — Я убеждена, что ты ни одной русалки в жизни не видел.

— Это неважно, — сказала Мила. — Я тоже не видела русалок, а также не видела драконов, гномов и леших. И вообще я в эти сказки не верю.

— А в то, что обыкновенный человек может очистить пруд, который вы, люди, загубили, — в это вы поверить можете? — спросила русалка сердито.

Мила ничего не ответила, а Гарик сказал:

— Все равно вы сумку не получите. Она мне нужна для дела.

— Это еще для какого дела? — спросила русалка.

— Я вам не скажу.

— Ты ничего не понимаешь!

— Я понимаю, что друзей надо защищать и спасать, — сказал Гарик.

Русалка вздохнула. Она не знала, что делать дальше. Друзья у речного доктора оказались очень упрямые.

И тут ей вдруг пришла в голову тревожная мысль.

— Скажите, — спросила она, — а он давно сидит в милиции?

— Уже час, наверное, — сказала Мила. — Мы с тех пор далеко отошли.

— Час? И вы молчали?

— А что мы должны были говорить? — удивилась Мила.

— Неужели вы не понимаете, что ему нельзя так долго быть далеко от реки? Он не может жить далеко от реки! Неужели вы ничего не поняли? Где эта милиция?

— Она в городе, — сказала Мила. — За поселком.

— Так бегите туда!

— Я же говорила — нужно скорее туда бежать, — сказала Мила.

— Нет, — ответил Гарик. — Я верю речному доктору. Он мне приказал, чтобы я ждал его на реке.

Конечно, Гарику было страшно, не случилось ли чего-нибудь с доктором. Но он верил в доктора. И он не хотел его ослушаться. Бывает так в жизни: ты человек непослушный, никто тебе не указ. А вдруг встречаешь в жизни человека, которого хочется слушаться. Что он прикажет — сразу сделаешь. И никого больше слушать не желаешь. Так случилось и с Гариком.

— Ну как мне вам доказать! — чуть не плакала русалка.

— Пошли в милицию, — согласилась Мила. — Я пойду.

— А если они тебя не послушаются? — спросила Ксюша.

— Конечно, не послушаются, — сказал Гарик.

Он не стал рассказывать о пистолете, который способен разрушить целую дамбу и может в секунду расплавить стену отделения милиции.

Женщины, если узнают, что он замыслил, тут же перепугаются. Начнут отговаривать, скажут, что это уже настоящая война, а воевать нельзя. Что впору самому в милицию за это угодить. Известно, что говорят в таких случаях женщины. Значит, надо ничем не выдать своего решения. Затаиться. И если речной доктор сам не появится, придется тихонько сбежать, добраться до милиции, подождать, пока никого не будет рядом, прицелиться в стенку — и вот наш доктор на свободе!

— Я знаю, кого позвать на помощь, — сказала русалка. — Он нам подскажет. Идите за мной!

Русалка нырнула в речку и поплыла вниз, туда, где речка вливалась в большую главную реку. Все поспешили по берегу за ней.

— Ой! — воскликнула русалка, увидев, какая прозрачная, чистая вода в реке. — Он спас реку!

— А вы не знали? — спросила Ксюша.

— Нет, я сегодня здесь не была. И вообще, я старалась сюда не заплывать: отравиться можно.

— А вы живете в этой маленькой речушке?

— Не совсем так, — ответила русалка. — Я живу в лесном озере. А иногда в доме лесника.

Русалка не стала больше ничего рассказывать. Она сунула в рот два пальца и оглушительно засвистела. Гарик даже позавидовал. Ни один мальчишка в их микрорайоне не умел так свистеть.

— Подождем немного, — сказала русалка, выбираясь из воды и усаживаясь на берегу хрустальной реки.

— Скажите, а кто все-таки речной доктор? — спросила Мила.

— Это сложный вопрос, — ответила русалка.

И в этот момент послышался шум мотора и на берег выкатил мотоцикл. На мотоцикле сидел молодой мужчина с белыми выгоревшими волосами и с такой же бородкой. Он был одет в форму лесника — у него была зеленая фуражка со скрещенными дубовыми листочками спереди, зеленая куртка и форменные брюки.

— Ты меня звала, Нюша? — спросил он, останавливая мотоцикл.

Русалка вскочила и подбежала к нему.

— Случилось жуткое несчастье! — воскликнула она. — Речной доктор попал в милицию. Его посадят в тюрьму.

— За что? — спросил лесник.

— Неужели ты не понимаешь?

Русалка обернулась к реке. Лесник тоже посмотрел на реку и обрадовался:

— Неужели он спас нашу реку?! А я не верил, что ему это удастся.

— Мишенька! — сказала русалка. — Я же тебе говорила, что доктор не может жить вдали от реки. Это очень опасно. Но ему никто не поверит. К тому же... К тому же у него нет никаких документов.

— Но что мы-то можем сделать?

— Ты должен немедленно ехать в милицию и выручить его. Ты же работник леса. Ты можешь сказать, что доктор ничего плохого не сделал. Что он спас реку и принес огромную пользу!

— Мы можем это подтвердить! — сказала Мила.

И ребята тоже начали уговаривать лесника. Даже собаки прыгали вокруг, но не лаяли.

— Хорошо, — сказал Мишенька. — Я еду. Только не знаю, что из этого получится. Наверное, директор завода и этот вредитель природы Кузькин на него уже написали жалобу.

— Они и привели милицию, — сказала Ксюша.

— Хорошо. Ждите здесь, — сказал лесник Мишенька. — А ты, Нюша, не вылезай на солнце, перегреешься.

— Хорошо.

— Я поеду с вами, — сказал Гарик.

— Зачем? Ты отдыхай.

— Нет, — сказал Гарик. — Мне надо отдать речному доктору сумку. И вообще, я могу вам пригодиться.

Гарик понял, что леснику можно будет рассказать про пистолет. Конечно, если другие способы освободить доктора не помогут. Все-таки лесник — мужчина, он пистолета не испугается.

— Ладно, садись сзади, — сказал лесник.

Он развернул мотоцикл, и они помчались по тропинке вдоль молодых сосновых посадок.

Гарик держался руками за лесника. Мотоцикл так тарахтел, что разговаривать было нельзя. Главное, думал Гарик, не потерять сумку.

Через несколько минут тропинка влилась в лесную дорогу.

Лесник повернул направо, к поселку. Но проехали они совсем немного. Впереди показалась черная точка. Она быстро увеличивалась, и стало ясно, что это мотоцикл, который едет навстречу.

Мотоциклы встретились и разминулись. И Гарик принялся стучать кулаком в спину лесника.

— Обратно! — кричал он. — Обратно! Это он!

Гарик успел разглядеть, что встречный мотоцикл был синим с желтым, милицейским. С коляской. За рулем сидел сержант, который арестовал речного доктора на дамбе, а в коляске — речной доктор.

Лесник и сам уже сообразил, кого они встретили. Он развернул мотоцикл и помчался обратно. Милицейский мотоцикл съехал на обочину и остановился.

Речной доктор с трудом выбрался из коляски.

Гарик первым добежал до него. Он никак не мог найти слов, чтобы выразить свою радость. Он стал стаскивать с плеч ремень сумки и бормотал:

— Вот, там все в порядке... там все в порядке... я ничего не потерял.

Он был так рад, что ему хотелось плакать.

Речной доктор обнял Гарика за плечи и прижал к себе.

Лесник сказал сержанту:

— А мы к вам ехали. Просить за него.

— Зря, — сказал сержант. — Не отпустили бы его. Официальное обвинение. Большой убыток промышленности. Конечно, по суду, я думаю, его бы оправдали — общественность бы вступилась. Но сам понимаешь — документов у него нету...

— Так почему же ты его привез? — спросил лесник.

— А я, Миша, — сказал сержант, — свой долг служебный нарушил. Мне он сказал, что ему без реки долго не прожить — такая у него конституция. И я ему поверил. Другие не понимают, не поверили. А я поверил. И знаешь, почему поверил? Я же на этой речке родился, рыбу ловил, купался. Я за эту речку, как за родную сестру, переживал. Я такому человеку должен в ноги поклониться, а не в тюрьму его сажать. А когда я это понял, то дождался, как все на обед пошли, открыл камеру, посадил его на мотоцикл... остальное ты знаешь.

— Ты правильно сделал, — сказал лесник. — Спасибо тебе, Пилипенко.

— Не стоит благодарности, — сказал сержант. Он пожал руку речному доктору и сказал: — Вы уж о нас не забывайте. Приезжайте. Может, ваша помощь еще понадобится. А если какие неприятности, сразу ко мне.

— Но у вас из-за меня будут неприятности.

— Не думаю, — твердо ответил сержант Пилипенко. — Документов у гражданина не имеется, так что будем считать, что его и не было.

— Но ваш лейтенант его видел.

— Товарищ лейтенант очень сочувствовал задержанному, — сказал сержант.

Он откозырял и, взревев мотоциклом, умчался обратно бороться с преступностью.

Гарик посмотрел на речного доктора. Тот был бледный, усталый, еле живой.

— Поезжайте без меня, — сказал Гарик. — Я пешком дойду. Речному доктору надо скорее окунуться в речку.

Доктор улыбнулся. А лесник Мишенька сказал:

— Не беспокойся, Гарик. Мы втроем уместимся. Садитесь сзади, товарищ доктор, и покрепче держите ребенка. Я осторожно поеду.

Они уселись на мотоцикл, лесник повел машину, объезжая ямы и рытвины на лесной дороге. Гарику было тесно, и он спиной чувствовал, как дрожит речной доктор. Как бы подбодрить его?

— Сержант молодец! — крикнул Гарик.

— Я ему очень благодарен, — сказал речной доктор.

— Человек как человек, — отозвался лесник. — Есть голова на плечах, а это главное. И сердце человеческое.

— Жалко будет, если его накажут, — сказал Гарик.

— Он об этом жалеть не будет, — ответил лесник. — Он знает, что прав, а это главное. Речной доктор спас речку, сержант спас речного доктора. Если мы будем думать друг о друге, все будет нормально.

Наклонив мотоцикл, лесник съехал с дороги на узкую тропинку. Ветви стегали по лицам. Тропинка круто вела вниз.

— Вы куда? — спросил Гарик.

Лесник не ответил. Мотоцикл рычал, съезжая по узкой, извилистой тропе. Сквозь ветви сверкнула вода.

Мотоцикл замер на берегу темного лесного озерца, окруженного соснами.

— Спасибо, — прошептал речной доктор.

Он не смог сам сойти с мотоцикла, и леснику с Гариком пришлось вести его к воде.

— Отпусти, — сказал речной доктор, зайдя в воду.

— Вы кеды забыли снять! — сказал Гарик.

Но речной доктор со всего роста упал в воду. Видно было, как под водой его тело шевельнулось, совсем по-рыбьи изогнулось — и доктор скользнул в глубину.

— Не утонет? — спросил с тревогой Гарик.

Речной доктор вынырнул посреди озера. Он смеялся — белые зубы сверкали на темном лице.

— Спасибо, Миша! — крикнул он. — Ты настоящий друг.

— Выбирайся из воды, — сказал лесник. — Твоя сестра, наверное, с ума сходит.

— Сейчас, — сказал речной доктор и хлопнул ладонью по воде.

И тут же неподалеку из воды высунулась щучья морда — такой Гарику видеть не приходилось. Размером она была больше человеческой головы.

Щука открыла рот, будто хотела что-то сказать.

— Не верь ей, — засмеялся лесник. — Опять будет жаловаться, что молодежь ее не уважает.

Речной доктор провел пальцами по щучьим жабрам.

— Что с тебя взять! — сказал он. — Триста лет — возраст солидный.

— Ей и двухсот нет, — сказал лесник. — Придумывает она.

Щука, видно, обиделась, ушла в глубину, только круги пошли по озеру.

Речной доктор в три гребка достиг берега, вылез из воды, отряхнулся, как щенок, и сказал:

— Все в порядке. Я как новенький.

Через несколько минут они добрались до дома лесника.

Русалка, Ксюша и Мила стояли перед домом, ждали. При виде речного доктора собаки залаяли, а русалка бросилась к нему, начала рыдать, зеленые слезы текли по ее щекам.

— Ну что ты! — смутился речной доктор. — Что со мной могло случиться? Погляди, сколько у нас друзей.

— Давайте пообедаем, — сказал лесник. — Я проголодался, а на детей смотреть жалко.

Он не выносил женских слез, а русалка часто плакала, потому что любила лесника и из-за этого была несчастлива. Ей очень хотелось жить с ним вместе, но подолгу без воды ей оставаться было нельзя.

Зато русалка была отличной хозяйкой. В доме лесника было чисто, ни одной пылинки, русалка умела готовить лучшие в мире фруктовые салаты и варить самую лучшую в мире манную кашу. Правда, мясной и рыбной пищи она не выносила, поэтому Мишенька тоже стал вегетарианцем.

Пока русалка готовила обед, Мила с Ксюшей накрыли на веранде стол. Потом все обедали, лесник с речным доктором обсуждали, как чистить реку ниже по течению, а за чаем Гарик нечаянно съел целую банку малинового варенья. Собакам тоже дали манной каши. Сначала они удивились, потому что в жизни такой еды не видели, но потом распробовали и вылизали миски до блеска — такая была каша!

После обеда дети легли спать и проснулись, когда солнце уже садилось. Был тихий вечер, лесник возился с мотоциклом. Мила гуляла по поляне с речным доктором и обсуждала с ним новый роман, который был напечатан в последнем номере журнала «Новый мир», русалка стирала белье.

Стали прощаться. Речной доктор обещал ребятам, что возьмет их в ученики, но не сейчас, а когда они окончат шестой класс. Мила оставила им свой адрес, чтобы приезжали в гости. А русалка подарила на прощание Ксюше ожерелье из маленьких ракушек.

Лесник Мишенька отвез гостей на мотоцикле домой, в микрорайон Космонавтов. Он ехал медленно, чтобы собаки, которые бежали следом, не отстали.

Перед тем как попрощаться, они все спустились к роднику.

Кто-то уже расчистил среди свалки широкую дорожку. Подростки из техникума оттаскивали в сторону и складывали бетонные плиты и кирпичи.

У родника стояла длинная очередь. Люди пришли с ведрами, мисками, бидонами и канистрами. Они набирали воду из родника и несли домой. Никто не толкался, не шумел, все улыбались и были вежливые.

Вокруг родника расстилалась широкая зеленая лужайка.

Гарику показалось, что она на глазах увеличивается, словно травинки отпихивали подальше серый мусор.

Подошел пенсионер Ложкин. Он принес большую вывеску. На фанере черными печатными буквами было написано:

«Вода целебная.

Сорить, курить и безобразничать запрещено».

Ложкин с помощью соседей прибил вывеску к столбу.

Хотя и без нее никому в голову не приходило курить, сорить или безобразничать.

ДЕТКИ В КЛЕТКЕ

Родителям Кати и Маратика не повезло с детьми. Им попались очень неудачные дети. Они еще не научились ходить, а уже начали шалить.

Сначала шалила Катя, потому что Маратик еще не родился. Она плевалась, дралась, щипалась, кусалась, а когда научилась говорить, стала ругаться.

Ее братик Маратик пошел по стопам Кати, но всегда от нее отставал в каверзах и потому еще больше сердился.

Когда Кате исполнилось пять лет, а Маратику три года, они вытоптали все цветы на клумбе возле дома и забросали землей соседскую бабушку, которая вышла, чтобы остановить это безобразие. Бабушку удалось откопать только на третий день. К тому времени она лишилась речи и слуха от холода и голода, так что о виновниках этого двойного преступления в городе узнали только тогда, когда бабушка написала их имена на листке бумаги.

Правда, увидеть их имена успела только медсестра Клавдия Брызжейко, потому что Катя, которая ожидала, что бабушка проговорится, с ночи дежурила под ее кроватью и, как только медсестра развернула листок, молнией выпрыгнула из-под кровати и листок этот съела. Потом выпрыгнула из палаты с третьего этажа, разбив окно. Медсестра Клава Брызжейко лишилась сознания и до сих пор лежит дома с закрытыми глазами.

В ту осень Катя и Маратик совершили еще несколько страшных преступлений. Может быть, вам приходилось слышать о том, как столкнулись два поезда на запасном пути. Это Катя с Маратиком пробрались на рельсы, вдвоем потянули на себя железнодорожную стрелку, и поэтому поезд Владивосток — Берлин попал на тот путь, где только-только начал разгоняться поезд, груженный подушками и одеялами для Аддис-Абебы. Поезда столкнулись нос к носу и рассыпались на вагоны. Это еще счастье, что люди из поезда Владивосток — Берлин, включая двух польских министров, венгерского певца и команду футболистов из города Любека, вылетели из вагонов и упали на подушки, которые были разбросаны вдоль путей.

Кате было очень обидно, что никто не догадывается о ее подвиге. Она уже немного умела писать и написала на стене вокзала:

«Это я, Катя Матина, и мой брат Маратик. Смерть падушкам!»

Люди проходили, некоторые читали, а прочтя, все говорили:

— Ну кто так пишет слово «подушка»? Это же ошибка!

Тогда Маратик сказал старшей сестре:

— Давай сделаем большую гадость.

— Какую?

— Пускай сгорит наш детский сад.

Кате понравилась мысль ее братика Маратика. Они украли у папы канистру с бензином, а у мамы спички и пошли после ужина жечь детский садик. Детский садик запылал, как большой костер.

— Как жалко, — сказала Катя, — что сейчас в нем нет детей.

— А правда, — сказал Маратик, — давай завтра еще раз подожжем этот садик. Когда там будет много детей. Вот посмеемся!

Но Катя сказала слова, которые слышала по телевизору:

— Нет, брат. Нельзя войти два раза в одну реку.

— Почему? — спросил Маратик. Ему было всего четыре года, и он не знал жизни.

— Потому что та, старая, вода уже утекла, а новая только-только притекла.

Маратик не стал спорить с сестрой. Он решил с ней дружить, пока она ему не надоест.

Зимой Катя и Маратик сделали большую прорубь в пруду, на котором был устроен детский каток. Они думали, что дети будут падать в прорубь и тонуть. Но как только каток открыли, сторож увидел прорубь, и никто не успел утонуть.

Они решили, что надо как следует думать, прежде чем шалить. И с тех пор не совершали ошибок.

Мама и папа делали детям замечания и даже их ругали. В конце концов детям это надоело. Они сделали приспособление, чтобы уронить маме на голову кирпич. Кирпич упал, и мама попала в больницу.

Папа никак не мог понять, кому потребовалась гибель мамы. Пришла милиция с собакой, и собака сразу привела лейтенанта Круля к детям, которые стояли в углу комнаты и плакали, как и положено детям, надолго потерявшим единственную маму.

Папа отказался поверить своим глазам и за это был наказан. Катя растворила в воде яд бледной поганки и подмешала папе в ночную рюмочку коньяка. Папе стало плохо, его отвезли в больницу, а дети остались одни.

Сначала им это понравилось, однако скоро еда кончилась, но

никто не хотел приходить к ним в дом, чтобы их кормить. Тогда Катя взяла Маратика за ручку, в другую ручку взяла пистолет системы Макаров, которым папу наградили за боевую подготовку, и пошла в магазин. Там ей удалось ранить двух кассирш и разогнать по углам продавщиц. А маленький Маратик тем временем собирал по прилавкам самую вкусную еду.

Потом они понесли еду домой, но по дороге их догнал танк, в котором сидели милиционеры. Катенька разрядила в танк всю обойму, но пули его не взяли.

Тогда дети заплакали и принялись быстро есть награбленное, чтобы милиционеры не успели отнять.

Милиционеры взяли их на месте преступления и отвели в детскую комнату милиции. Там дежурила старший лейтенант тетя Дуся и еще были задержанные дети-беспризорники, большей частью цыганята и нищие. В среднем им было по восемь лет, и тетя Дуся читала им на ночь книжку «Муха-цокотуха».

Катеньке и Маратику книжка не понравилась, и они подговорили других детей напасть на тетю Дусю. Дети напали на тетю Дусю, свалили ее на пол, заткнули ей глотку кляпом из колготок, достали из ее кармана сигареты и стали курить, а кто курить не умел, гасили сигареты о живот старшего лейтенанта тети Дуси.

Когда тетю Дусю спасли товарищи по работе, она поклялась, что лучше будет жить в клетке с тиграми и шакалами, чем согласится без танка зайти в детскую комнату. Начальник отделения милиции сначала хотел дать тете Дусе танк, чтобы она на нем въезжала в детскую комнату, но потом решил, что лучше пускай дети разойдутся по домам и не пугают милиционеров, у которых забот хватает и без маленьких детей.

Катенька и Маратик возвратились домой и легли спать. Ночью Маратику захотелось убить свою сестренку Катю, и он принес для этого из кухни длинный нож. Но Катенька проснулась, исколотила Маратика и объяснила ему, что, если он убьет старшую сестренку, некому будет его кормить и сажать на горшок.

На следующий день брат и сестра открыли люк водопровода и высыпали туда целый мешок крысиного яда, который украли в кооперативе по травле тараканов и грызунов.

Но город не успел погибнуть, потому что тетя Дуся следила за детьми и увидела, что они делают. Тут же по радио и телевидению выступили руководители города и приказали людям ничего не пить и желательно не есть, пока крысиный яд не выветрится.

А Катю и Маратика арестовали и стали думать, что же делать, если в городе завелись такие неисправимые маленькие дети.

Хотели их судить. Но как будешь судить Маратика, которому только что стукнуло четыре годика? Ведь есть мировая общест-

венность, Америка за нами следит, африканские страны наблюдают. Представляете, что наши враги воскликнут, если узнают, что мы судим ребеночка?

Но и оставлять детей на свободе было нельзя. Завтра они все-таки взорвут нашу красавицу Москву.

Для начала к детям прислали врача-психиатра. Он с детьми побеседовал, а пока он беседовал, Маратик приспособил тонкую веревочку и натянул ее по дороге к двери.

Побеседовав, психиатр пошел доложить начальнику милиции, но задел каблуком веревочку. Пока он падал, Катя-резвушка полила перед ним пол подсолнечным маслом, и доктор проехал на собственном носу тринадцать метров.

Он пришел к начальнику милиции без носа и написал записку: «Прошу детей послать на Луну без скафандров».

Начальник милиции покачал головой и сказал плачущему психиатру:

— К сожалению, у нас нет прямой связи с Луной. А может быть, это к лучшему, потому что они и без скафандров на Луне устроят наводнение.

Хотели было вызвать специалистов по детским болезням из Японии, но оказалось, что нужно за это очень дорого платить.

И тогда жена мэра города в сердцах произнесла:

— В клетку их посадить, вот что надо сделать!

— А что? — обрадовался мэр и сразу позвонил директору зоопарка. — Иваныч, — спросил он директора, — у тебя свободная клетка найдется? Какая-какая, а большая! Чтобы с толстыми прутьями и отоплением. Желательно из-под тигров... Есть? Вот и замечательно. Скоро мы к тебе танк подгоним, в нем новое поступление.

— Какое такое поступление? — с подозрением спросил директор зоопарка.

— Детишки, — ответил мэр. — Катенька и Маратик.

— Те самые?

— Те самые.

— Они же мне всех зверей перекусают!

— Так уж всех! А ты получше клетки запирай.

— А чем их кормить?

— Нормально корми, как тигров или как слонов.

— Нет, это негуманно, — сказал директор. — Их родители на меня в суд подадут.

— Не подадут, — ответил мэр. — Они по больницам отлеживаются.

Вот так Катенька и Маратик попали в зоопарк.

В зоопарке детям не понравилось. Никого не отравишь, ни-

кого не обидишь. В клетке только две кроватки, два стула, столик, за занавеской душ и уборная. На клетке снаружи написано:

«Не кормить. Не дразнить. Конфет не предлагать. Опасно для жизни»

Люди шли сплошным потоком. И все с детьми. Папы и мамы не жалели Катеньку и Маратика, потому что знали о горькой судьбе их родителей и боялись сами стать жертвами. Родители останавливались перед клеткой и говорили своим детям:

— Смотри, Ванечка, смотри, Ритуля, до чего доводит непослушание. Ты хотела бы пожить в клетке?

Дети отвечали по-разному. И среди них даже встречались такие, что и не отказались бы там пожить, только чтобы не готовить уроков, не мыть рук, не чистить зубов и не слушать маминых нотаций или папиных нравоучений. Некоторые дети приносили с собой конфеты и кидали их издали Катеньке и Маратику. Катенька и Маратик собирали конфеты, некоторые — шоколадные — ели сами, другие, которые попроще, складывали в яму, которую ноготками выцарапали в бетонном полу и замаскировали сверху крышкой от унитаза.

В клетке у них редко устраивали уборку, потому что двум уборщицам пришлось уйти на пенсию после того, как дети искусали им ноги. Теперь уборщица если и входила, то только в ватных штанах и бронежилете, а снаружи наготове стоял пожарник со шлангом.

Сначала за границей было много шума: писали, что в России угнетают детей, и даже было создано общество для спасения Катеньки и Маратика. Делегация этого общества во главе с леди Ленорван-Гленорванян приезжала в город, чтобы добиться освобождения детей и наказания преступников. К удивлению делегации, директор зоопарка сразу согласился расстаться с детьми. Он привел делегацию к клетке и спросил, не приближаясь к ее решетке:

— Дети, не хотели бы вы поехать в Англию, где живут ваши защитники и защитницы?

— О, йес! — сказали защитницы, и громче всех сказала это леди Ленорван-Гленорванян. — Мы имеем резолюцию Совета Безопасности с одним только голосом против.

— Во дает, — произнес Маратик.

— А що? — сказала Катенька. — Смотаем, покажем этим брокерам, с какой стороны мажут масло.

— На кого мажут? — рассмеялся Маратик.

— На нос ихнему королю! — ответила веселая Катенька.

Детишки подошли к решетке и встали рядышком, держась за

ручки. Слезы текли по их щечкам, и ответные слезы потекли по щечкам леди Ленорван-Гленорванян. И ножки леди задрожали.

Директор зоопарка сам отпер клетку и, зажмурившись, убежал к себе в кабинет. Но не успел добежать, потому что получил по затылку кочаном капусты, который метнула ему вслед девочка Катенька.

Детишки послушно пошли следом за леди и доехали до страны Англии — им очень хотелось посмотреть, как живут простые английские дети.

Половина населения Англии пришли на набережную встречать пароход, на котором привезли угнетенных детей из варварской России.

Играла музыка, и детям в Англии понравилось.

После этого связь с Англией временно прекратилась.

А когда ее восстановили, оказалось, что Лондон лежит в развалинах, башня Тауэр — гордость английского народа — упала набок, часы Биг-Бен разбились, на площади Пикадилли разлилась большая лужа бензина с вареньем, река Темза куда-то утекла, а большая часть населения на лодках, плотах или просто вплавь сбежала во Францию и на остров Исландия.

Отважный адмирал лорд Маунтбэттен не испугался маленьких русских хулиганов и предложил им возвратиться домой. А так как дети уже нашалились всласть, они согласились прокатиться на крейсере «Инвизибл». По дороге домой они отъели адмиралу ухо, обрили наголо и надели ему на голову ботинок. И все же адмирал спас свою страну и возвратил детей в наш зоопарк. И Катенька с Маратиком вновь поселились в клетке, к страшному разочарованию директора зоопарка, который тут же ушел на пенсию, хотя ему оставалось до нее лет двадцать.

С большим трудом удалось отыскать ему замену. Этой заменой стал студент Эдуард Жито-Житинский, который хотел стать академиком и очень нуждался в деньгах. А еще он любил животных и знал их языки, что редко встречается среди людей.

В день, когда Эдуард вышел на работу, он осмотрел зоопарк. Все звери и птицы уже знали, что это новый директор, и кланялись ему или улыбались, потому что с директором ни одно разумное животное ссориться не будет. Но когда Эдуард подошел к клетке Катеньки и Маратика, то дети начали прыгать, кривляться и показывать директору фиги.

— Это наше несчастье, — сказал уходящий директор, который сопровождал нового в его обходе. — Мы хотим возвратить их родителям.

— А родители? — спросил Эдуард.

— Родители возражают, — ответил старый директор. — Вот, кстати, их мама, Прасковья Яковлевна.

И уходящий директор показал на нестарую и недавно еще красивую женщину, которая сидела, пригорюнившись, на скамейке.

Эдуард Жито-Житинский подошел к женщине и сразу понял, насколько она несчастна.

— У вас горе, — сказал Эдуард.

— Как вы точно угадали! — воскликнула мать Катеньки и Маратика. — Как только я вышла из больницы, я стала приходить в зоопарк. Я смотрю на моих детей и удивляюсь: как могло случиться, что они стали такими плохими? Ведь я себе во всем отказывала, чтобы они выросли достойными людьми, инженерами, врачами, учителями и космонавтами. А они стали хулиганами.

Женщина заплакала, а директор Эдуард поглядел на клетку. Катенька и Маратик радовались, что довели маму до слез. Они прыгали по клетке и становились ботинками на кровать.

— Не надо расстраиваться, — сказал тогда молодой директор зоопарка. — Это как болезнь, а каждую болезнь можно вылечить.

— Как называется эта болезнь? — спросила Прасковья Яковлевна.

— Эта болезнь называется свинство. У некоторых она проходит, у других переходит в хроническую форму. Вы знаете, что такое хроническая форма?

— Это когда надолго? — спросил Прасковья Яковлевна.

— Да, это когда болезнь течет медленно, как болотная вода. Но у ваших детей очень острая форма, и потому можно надеяться на излечение.

— Может быть, пригласить зарубежного специалиста?

— Вы с ума сошли! Ваши дети, пока вы лежали в больнице, уже побывали в Англии, и все зарубежные специалисты от них разбежались.

— Ха-ха-ха! — закричали хором из клетки Катенька и Маратик.

— Но что делать? Как помочь?! — заплакала Прасковья Яковлевна.

— Я подумаю, — сказал директор зоопарка. — А вы идите домой и отдыхайте.

Конечно же, Прасковья Яковлевна не пошла домой, а ринулась снова к клетке, простирая к ней руки и умоляя детей сжалиться над несчастной мамой.

А дети смеялись над ней так громко, что все вороны города

поднялись в небо, потому что решили, что на них несется стая собак.

Эдуард осмотрел зоопарк, принял дела у старого директора и заперся в своем кабинете, чтобы придумать, как перевоспитать малышей. Не может быть, чтобы они были такими неизлечимыми хулиганами. Ведь у них хороший папа, хорошая мама, хорошие бабушки и славные дедушки. Конечно же, они подцепили вирус хулиганства и злобы, когда гуляли по улице. Ведь на улицах теперь развелось много этого вируса. Может быть, мама на прогулке зашла в магазин и оставила малышей возле очереди за тапочками. А может быть, она гуляла с ними по бульвару, а мимо шли пьяницы или грабители ларьков. А может, наконец, совсем рядом состоялась демонстрация и грудные дети увидели плакаты и лозунги со словами «Долой!», «На плаху!», «Убьем!», «Уничтожим!». Сейчас уже трудно решить, отчего началась болезнь. Но если она есть, то надо не плакать, а лечить. И чем сложнее заболевание, тем хитрее должен быть доктор.

В среду двадцатого числа, когда стемнело и из зоопарка ушли не только посетители, но и сторожа, к клетке Катюши и Маратика подошел верблюд Али-хан и сказал:

— Кончай волынку, братва. А то причешем.

Катеньке и Маратику как раз стало скучно. И они даже обрадовались, что звери ими недовольны. Вот можно будет посражаться! Раньше они со зверьми не ссорились. Ведь звери могут и укусить... Но теперь дети совсем обнаглели.

— А чо те нужно? — спросил Маратик.

— А то, что хозяин зовет, — сказал Али-хан и сплюнул на землю.

— Зовет-зовет, — сказал Маратик. — Я не пойду.

— Как не пойдешь? — удивился Али-хан. — Ведь зовет.

— Слышишь, что мой братишка говорит? — рассердилась Катенька. — Так что беги к своему хозяину и вели ему сюда идти. Да побыстрее, а то я рассержусь.

Али-хан удивился и пошел к хозяину.

А хозяином зверей был старый павиан Велосипед. Шерсть у него была длинная, зеленая, морда собачья, а сзади красная мозоль.

— Не идут, — сказал Али-хан. — Человечья кровь.

— А что говорят?

— Тебя зовут, — сказал Али-хан.

— Не дождутся, — отрезал павиан. — А ну-ка позови ко мне вот кого... — И перечислил имена.

Не дождавшись хозяина, Катенька и Маратик стали укладываться спать.

Но не тут-то было.

Только Катенька откинула одеяльце, чтобы лечь в кроватку, как увидела, что ее место уже занято. Там лежит, свернувшись, небольшая змея.

Катенька с отвращением хотела скинуть змею на землю, но та подняла маленькую зеленую голову и прошипела:

— Не спеши, Катюшшша. Я очень ядовитая. Я такая ядовитая, что боюсь нечаянно язык прикусить.

Катенька замерла. А Маратик сказал:

— Если ты такая ядовитая, то мотай отсюда! Слышишь? А то я тебе как камнем дам по башке!

— Не дашь, — послышался другой голос, и Маратик увидел, что на потолке сидит громадный паук. Тело — с мужской кулак, а каждая нога в карандаш длиной. Называется такой паук птицеедом, и привезли его в зоопарк из Бразилии, а может быть, даже из Африки. — Вот сейчас я тебе на голову прыгну! — пригрозил паук.

Все хулиганы и бандиты, скажу я вам, не очень смелые люди. Откуда же Катеньке и Маратику быть смелыми, если от их свинства и хулиганского поведения даже взрослые разбегались во все стороны! От такого поведения окружающих хулиганы наглеют. Но звери ведь не убегают неизвестно от чего. Звери шутить не умеют.

— Что прикажете? — спросила Катенька у змеи.

— А ты знаешь, человечий детеныш, что тебе приказано! — сказала змея. — Иди к хозяину. А то он заждался и сердится. Рассердится — побьет.

— Пойдем, — сказала Катюша Маратику, а тот уже прижался к решетке — ждет не дождется, когда можно будет убежать от страшного паука.

Тут паук спустился вниз и открыл замок — звери в зоопарке все умеют, только не показывают людям, чтобы те оставались в дураках.

Катюша и Маратик, склонив головки, пошли по дорожке к обезьяннику. Они, конечно же, не смирились, только притворились, что стали послушными.

— Ничего, — прошептала Катюша на ухо братцу. — Разберемся, что к чему, и покажем им, как нас с тобой пугать.

— Конечно, — прошептал в ответ малыш. — Недаром мы весь Лондон взорвали, даже террористы не посмели на себя наши преступления взять.

Старый павиан Велосипед сидел на развилке сухого дерева,

поставленного специально для него посреди вольеры. У его ног сидели и лежали его жены и дети, а также молодые павианы.

— Пришли, явились — не запылились, — сказал павиан. — Вот и хорошо. А то я уже сердиться начал.

— А мы так, гуляли, — сообщила Катенька. — Видим, кто-то сидит. Я думаю, пойдем посмотрим, кто сидит, почему не спит.

— Молодцы, дети, — сказал павиан. — Любопытные, быстрые. Увидели и пошли. А кто вас из клетки выпустил?

— А мы не в клетке, — сказала Катенька. — Мы же люди, мы у директора в кабинете на диванах спим. Правда, Маратик?

— Правда, сестричка, — ответил мальчик.

— Вот и молодцы, — сказал павиан и даже улыбнулся, так ему понравились эти глупые дети. Типичные двоечники и бандиты. Думают, что всех умнее. Пускай думают. — Раз уж пришли, — продолжал павиан, — давайте поговорим. Может быть, вам в этом зоопарке скучно без папы, мамы и школьных друзей?

— Нет, не жалуемся, — сказала Катюша.

— А вы лучше подумайте. Хотите, я вам машину подарю? «Жигули»?

— Даже глупо слышать, — ответила Катенька. — Ты, наверное, и не знаешь, обезьяна зеленая, что мы в Лондоне жили, на «Роллс-Ройсе» катались, на королевский стол ноги клали.

— Вот молодцы, вот умницы. И чего же вы там не остались? Неужели в клетке лучше?

— Скучно там, — сказал Маратик.

— Тогда могу предложить вам дело, — сказал павиан Велосипед.

— Какое?

— Надо ограбить киоск с вкусными вещами. Надоело нам сидеть на зоопарковских харчах.

— Пустяки какие! — отмахнулась Катенька. — Не хотим пачкаться. Вот если что-нибудь взорвать, потопить или сжечь — тогда зови.

— Позову-позову, — сказал старый павиан. — Только нужно вас сначала проверить.

— Нас не нужно проверять! — закричал Маратик. — Мы сами кого хочешь проверим, старая крыса!

Павиану это не понравилось. Он прикрыл правый глаз, и в тот же момент откуда-то сбоку к Маратику приблизился удав Гравокат, обвил его своими кольцами и чуть-чуть сдавил.

— Ой, отпусти! — закричал Маратик, который привык, чтобы его все боялись. — А то я тебе хвост отвинчу.

А удав сжал Маратика чуть сильнее.

— Катенька! Сестричка! — завопил испуганный Маратик. — Спаси меня!

Катенька, конечно, ответила как всегда:

— Сам спасайся, охота было из-за тебя стараться.

Это не значит, что она совсем не любила своего братика, но ей лень было из-за него силы тратить.

А удав еще сильнее придавил.

Тут Маратик взмолился:

— Дядя обезьян! Я больше не буду.

— Ладно, — сказал павиан, — на первый раз достаточно. Теперь слушайте, что я вам скажу. Пойдете ко входу. Там стоит киоск. В нем продают жевательную резинку, конфеты и пепси-колу. Откроете замок, все возьмете и принесете мне. Сейчас.

— А кто все на себе потащит? — спросила Катенька.

— Вы и потащите. Это же не кража и не бандитизм, а только первое испытание.

— А какое будет второе испытание? — спросила Катенька.

— Вот выдержите первое, тогда скажу.

Павиан протянул Катеньке большой ключ от киоска.

Катенька сказала братику:

— А ну пошли, крошка. Покажем им, как умеем работать.

Павиан, семья павиана и верблюд с удавом спокойно смотрели им вслед. Потом павиан прошел внутрь клетки, где стоял телефон, набрал номер и сказал в трубку:

— Операция началась.

А из трубки послышался голос директора Эдуарда:

— Спасибо. Мы наблюдаем. Продолжайте операцию.

Катенька и Маратик подошли к киоску, который стоял у входа в зоопарк.

Дул ветер, деревья качали ветками и шелестели листьями. Наступала осень, а осень в зоопарке — очень печальное время года, потому что над головой пролетают стаи птиц, которые направляются к югу, а обитатели зоопарка смотрят в небо и переживают, потому что им нельзя улететь к югу. Решетки не пускают. Или крылья подрезаны.

Катенька встала на цыпочки и вставила ключ в замочную скважину.

Она стала его поворачивать, а ключ никак не поворачивался. Тогда Маратик отыскал на асфальте гвоздь, и Катя вставила его в кольцо ключа. Они вдвоем начали нажимать на гвоздь — гвоздь был длинный и толстый. А дети сильные.

Еще раз! Еще раз! Еще раз!.. Трах!

Ключ сломался, и взломщики упали на асфальт.

Маратик ушибся и стал плакать. А тут еще проехала милицей-

ская патрульная машина. Катенька прижала головку братика к асфальту, чтобы он замолчал.

Потом они встали и вернулись к киоску. Дети были очень сердиты на киоск, который не желает открываться, и на ключ, который сломался. Они так рассердились, что собрали на берегу пруда камни, палки и другие твердые вещи и стали кидать в киоск. Полетели стекла, раздался звон, который донесся до клетки с павианом. Павиан улыбался и чесал себе зеленое волосатое пузо.

Потом Катенька подсадила братика, он залез в киоск и стал передавать сестренке оттуда вкусные вещи. Они вытащили из киоска десять пачек шоколада, десять коробок с конфетами, десять бутылок пепси-колы, десять коробок с печеньем и не счесть сколько жвачек.

— Как же мы все это дяде павиану отнесем? — спросил Маратик. — У нас ведь мешка нет.

— А ты думал, что я собиралась ему все нести? — засмеялась Катя. — Еще чего не хватало! Мы с тобой жизнью рисковали, мы с тобой киоск штурмом взяли, как наш дедушка Зимний дворец! А теперь что — ему все тащить?

Маратик даже запрыгал от радости. Ему не хотелось отдавать павиану такие сокровища.

— Мы самые сильные! — кричал он. — Мы самые смелые! От нас все убегут!

Катенька тоже стала прыгать и кричать гордые слова.

Далеко-далеко, в другом конце зоопарка, было слышно каждое слово. И павиан стал смеяться, и многие животные, которые собрались вокруг, тоже смеялись. Но негромко. А директор в своем кабинете не смеялся. Ему было грустно.

— А теперь давай все сожрем! — приказала Катенька.

— Никому ничего не оставим! — воскликнул Маратик.

Маратик открыл коробку конфет, высыпал их на асфальт, стал подбирать их с асфальта и совать в рот.

А Катенька принялась кидать в рот пачки жевательной резинки — пачки кидала, а обертки выплевывала.

И тут Маратик громко заплакал:

— Это не настоящие конфеты! Это горькие конфеты! Сама кушай!

А Катенька вслед за обертками принялась выплевывать жвачки и очень сердилась:

— Разве это жвачки, это какие-то соленые вонючки!

Она схватила бутылку пепси-колы, ударила ее горлышком о киоск и выплеснула себе в глотку напиток, чтобы унять соленую горечь.

Но пепси-кола была сама горькая, отвратительная и гадкая.

Катерина стала отплевываться, а Маратик хотел было заесть конфеты плиткой шоколада. Но шоколад оказался еще горче, чем конфеты. Так что Маратик со слезами побежал к пруду, залез в воду и стал хлебать из него, как собачонка.

Скоро и Катенька прибежала к пруду и тоже стала из него пить.

Потом она поднялась на дорожку и сказала братику:

— Я знаю, это все павиан нарочно подстроил, чтобы доказать, что мы с тобой не самые смелые и не самые сильные. Давай с тобой возьмем крепкие палки и всех павианов изобьем.

Они нашли на берегу пруда палки и побежали к клетке, где их ждал павиан Велосипед, который уже знал, что Катенька и Маратик пострадали от собственной жадности.

Катенька и Маратик прибежали к клетке павиана. И увидели, что Велосипед спит.

И все его родственники спят.

— А ну, просыпайтесь! — закричала Катенька страшным голосом. — А то мы вам всю клетку разнесем.

Павиан открыл один глаз, почесал свой толстый зеленый живот и спросил:

— Чего там за шум? Принесли конфеты и пепси-колу?

— Он еще издевается! — рассердилась Катенька и стала молотить палкой по решетке. — Сам подсунул нам горькие сладости, а теперь спрашивает!

Маратик тоже молотил палкой по решетке.

— Ах, какие глупые хулиганы и воришки, — сказал павиан и повернулся на бок.

А кто-то большой и мохнатый ткнулся холодным мокрым носом в щеку Катеньке и сказал:

— Не шуми, спать мешаешь.

Катенька обернулась и увидела, что рядом с ней стоит большой серый волк.

— Сейчас я тебя! — закричала Катя, замахнулась и хотела ударить волка палкой.

Но волк поднял морду и легко палку перекусил.

А Маратик сам палку выкинул, так испугался.

— Мы с Маратиком самые страшные хулиганы на всем свете, — сказала Катенька. Но голос ее немного дрожал.

— А я сейчас тебя съем. И твоего Маратика тоже. Хочешь? — спросил серый волк.

— Дяденька волк, дяденька волк, — перепугалась Катенька. — Вы моего братика кушайте, он очень вкусный, а меня не надо.

Тут павиан Велосипед снова открыл глаз и сказал сонным голосом:

— Не надо ее кушать, серый волк. Она заразная.

— Я не заразная! — обиделась Катенька.

— Нет, заразная. От нее можешь свинством заразиться. Свинством и хамством. Сразу двумя болезнями.

— Тогда я ее есть не буду, — согласился волк.

— То-то, — сказала Катенька. — Я и говорю, что мы с Маратиком самые сильные.

— А что бы нам сделать с самыми сильными? — спросил волк.

— А самых сильных за то, что они меня обманули и хотели съесть все награбленное, придется поколотить.

— Но ведь там все было горькое! — крикнул Маратик.

— А это меня не касается, — сказал павиан и окончательно заснул.

Волк громко свистнул, и тут же из-за клеток выбежали разные звери, которые не могли дождаться, когда им разрешат поколотить этих наглых, крикливых и плохо воспитанных детей.

Лиса, енот, три сороки, бегемотик, осел Кузя, макака — все они колотили, щипали, кусали и топтали детей, пока те совсем не расплакались и не закричали, что больше никогда не будут себя плохо вести.

— Ладно, — сказал павиан. — Если они не врут, придется дать им второе задание-испытание.

— Дайте, дайте! — умоляла Катенька.

— Слушай, — сказал павиан. — Мне очень нужны наличные деньги. Хочу купить машину и съездить к себе в Африку. У меня там сестры и братья остались. Ждут, пишут, по телефону звонят. А вот деньги в банке лежат. А мне их из банка не взять — меня никто за человека не примет.

— А нас примут? — спросила Катенька.

— А вы придете, скажете сторожу, что маму ищете. Вот вам пистолет, вы его застрелите и деньги возьмете.

— А мы что с этого иметь будем? — спросил Маратик.

— А мы вас за это бить не будем, — рассмеялся серый волк.

— Мы вас за киоск простим да еще дадим денег на мороженое.

— Пошли! — сказал Маратик. — Скорее пошли банк грабить!

Дети побежали на улицу, на другой стороне ее был сберегательный банк.

Перед банком ходил сторож в пальто и теплой шапке.

Дети подбежали к нему, и Катенька сказала:

— Дядя банковский сторож, вы не видели нашу маму Прасковью Яковлевну?

Сторож удивился такому вопросу, почесал бороду и сказал:

— Нет, я ни одной мамы здесь не видел.

— А она внутрь банка не заходила? — хитрым голосом спросила Катенька.

— Нет, не заходила, — ответил сторож.

— А вы посмотрите, посмотрите, — приказал Маратик. — Разве не видите, что ребенок замерзает без мамочки?

— Ну, если замерзает, — сжалился сторож, — давайте посмотрим. А то вдруг она нечаянно туда еще днем зашла.

Сторож открыл дверь в банк и сказал:

— Сейчас я погляжу, а вы здесь постойте.

Тогда Катенька крикнула:

— Дядя сторож, посмотри, какая птичка летит!

А когда сторож стал смотреть в небо, она выстрелила в него из пистолета. Три раза. Или четыре.

Сторож упал на землю, застонал и застыл.

— Как здорово я его подстрелила! — обрадовалась Катенька и первой побежала в банк.

А Маратику стало немного страшно. И чуть-чуть жалко сторожа. Он взял его шапку, которая упала с головы, и подсунул ее убитому сторожу под затылок. Когда он так делал, то задел бороду сторожа, и оказалось, что она не настоящая, а сделана из мочалки и привязана на веревочке. А под бородой было молодое лицо. Но Маратик не догадался, зачем убитый сторож притворялся стареньким. Он хотел спросить об этом у старшей сестренки, а та как раз его позвала:

— Маратик, Маратик, гляди, сколько здесь денег!

Маратик побежал в сберегательный банк и увидел, что посреди банка лежит мешок, полный денег. Катенька вынимала из него деньги и снова сыпала в мешок.

— Пошли скорей, отнесем деньги! — обрадовался Маратик. — А нам за это мороженого дадут.

— Глупый, — ответила Катенька. — Зачем нам у них на мороженое деньги брать, если мы на этот мешок денег целую машину мороженого наменяем?

Маратик подумал и сказал:

— Может, не надо, сестренка? Нас уже с тобой побили и еще раз побьют. Давай сделаем, как обещали.

— Еще чего не хватало! — рассердилась Катенька. — Мы с тобой самые сильные в мире! Да мы с тобой всех павианов ногами затопчем!

Маратик все равно боялся, но спорить с сестрой боялся больше и помог ей тащить наружу мешок с деньгами.

Когда они вышли на улицу, убитого сторожа у банка уже не было.

— А где же сторож? — спросил Маратик. — Может, он не убился, а за милицией побежал?

— Его «Скорая помощь» увезла, — сказала Катенька. — Неужели ты ее сирены не слышал?

Маратик никакой сирены не слышал, но промолчал.

Они потащили мешок подальше от банка. Занесли за угол дома, в кусты. Там было темно и страшно.

— Теперь будем ждать, — сказала Катенька, — пока мороженое откроется.

— Я спать хочу, — ответил Маратик. — Я уже мороженого не хочу.

Катенька рассердилась и начала братика колотить, потому что он был слабее ее. Маратик отбивался, кусался и еще плакал, но тихо.

Вдруг они услышали, как что-то зашуршало. И стало светло.

Они обернулись и увидели, как мешок с деньгами сам по себе загорелся.

Катенька кинулась к мешку, чтобы вытащить из него побольше денег, но не успела. И все деньги сгорели.

Тогда и Катенька стала плакать.

Она села на землю, плакала и приговаривала:

— Ой, мамочка, ой, что же теперь делать? Они же меня до смерти побьют за то, что я деньги не принесла.

— Но ведь ты самая сильная, самая смелая! — раздался голос.

Катенька подняла голову и увидела, что на ветке сидит синий попугай, который вообще-то живет в зоопарке.

— Я лучше не буду самой сильной и самой смелой!

— Ты честно это говоришь? — спросил попугай.

— Честно, честно! — закричал Маратик.

Но Катенька промолчала, она уже думала о другом.

— Попугай, — сказала она. — Я тебе завтра рубль дам, если ты сегодня павиану скажешь, что видел, как я мешок с деньгами ему несла, а мешок сам загорелся.

— Но это же неправда! — возразил попугай. — Ты не хотела мешок нести.

— А я тебе рубль дам, — ответила Катенька.

— Нет, ты пока еще не очень честная, — сказал попугай и улетел.

Катенька хотела было остаться и не ходить больше в зоопарк, но Маратик не согласился — он очень замерз и хотел спать. Он

пошел в зоопарк сам, а Катенька подумала: «Я скажу павиану, что мы в банке не были, заблудились и вернулись».

Но ничего из этого не вышло.

Как только они ступили в зоопарк, то увидели, как под светом фонаря стоят в ряд их враги — серый волк, лиса, енот, удав, дикая собака динго и кто-то еще.

Серый волк спросил:

— Где деньги?

— Мы их не видели! — ответила, вся дрожа, Катенька.

А попугай сверху закричал:

— Врет она, врет! Они сторожа убили, деньги украли, а потом деньги сгорели.

Тут звери налетели на детей и сильно их поколотили. Катенька и Маратик еле вырвались и, чуть живые, хромая и стеная, добрались до клетки с павианом.

— Я все знаю, — сказал павиан Велосипед. — И не надо мне врать. И жалеть я вас не буду. Вы известные преступники.

— Я к маме хочу, — заплакал Маратик.

— Ах ты, предатель нашего хулиганского дела! — разозлилась Катенька, накинулась на брата и надавала ему тумаков.

— Все меня бьют, — заплакал маленький Маратик. — Никому меня не жалко.

— А тебе кого-нибудь было жалко? — спросил павиан. — Ты пожалел своих папу и маму, когда издевался над ними? Ты пожалел английскую башню Тауэр или лорда Маунтбэттена? Ты пожалел старшего лейтенанта тетю Дусю из детской комнаты?

— Я тогда был маленький и глупый, — сказал Маратик.

Тут Катенька решила оторвать ему ручки и ножки, чтобы наказать, но Маратик убежал к павиану в клетку и спрятался.

Катенька рвалась в клетку за ним, но павиан вытянул вперед лапу, Катенька налетела на эту лапу, как на баррикаду. И не смогла побить Маратика.

— Что же ты? — спросил павиан. — Где же твоя сила и смелость?

— Вот сейчас я тебе покажу! — сказала Катенька и вытащила из кармана пистолет, из которого она убивала сторожа. Катя начала из него стрелять в павиана и своего братика. Пистолет стрелял, но вылетали из него не пули, а пакетики с клюквенным соком. Они разбивались о брюхо павиана, и казалось, что он весь в крови.

Маратик догадался, что пистолет не настоящий, и стал смеяться.

А Катенька отбросила пистолет и убежала.

Тут из-за спины павиана Велосипеда вышел банковский сторож. Только молодой, без бороды. Маратик его сразу узнал.

— Я могу подтвердить, — сказал он павиану, — что Маратик меня пожалел и даже шапку под голову подложил, чтобы мне, убитому, не так жестко лежать было.

— Если так, — сказал тогда павиан, — то Маратик пускай отдыхает.

— Я спать хочу, — сказал Маратик.

Павиан передал его своей жене. Она взяла мальчика на лапы, прижала к теплой мохнатой груди, и Маратик заснул.

Катенька сначала бежала, но потом устала. Она хотела забраться в свою клетку, но клетка была заперта, а где ключ — неизвестно.

Ну и пусть, сказала Катенька и пошла к дому, где жил слон. «Спрячусь у него, — решила Катенька, — расскажу все слону, он мне поможет — мы вдвоем всех в зоопарке затопчем».

Пришла Катенька к слону, стала стучаться.

Слон спросил из-за двери:

— Кто меня будит?

— Это я, самая сильная в мире девочка, — сказала Катенька. — Пусти меня погреться, я тебе помогу потом всех людей затоптать.

— И не думай, — ответил слон. — Я с такими злыми детьми дела не имею. Мне даже стыдно за тебя.

Катенька взяла камень и долго била в дверь слону, пока рука не устала. Но слон даже разговаривать с Катенькой не захотел.

Тут Катеньке стало очень себя жалко. Ей хотелось спать, пить и есть. Спать на улице холодно, есть нечего, а попить можно в пруду. Катя дошла до пруда, наклонилась к воде, но тут к берегу подплыл лебедь и сказал:

— Уходи от нашего пруда. Уходи от нашей воды.

— Вода общая, — сказала Катенька.

— Она общая для нормальных детей, а ты заразная.

— Я не заразная!

— Ты нашу воду свинством и хамством заразишь.

Катенька заревела и решила: «Пускай я тогда утоплюсь! Никому я не нужна, и мне пускай никто не будет нужен».

Она как следует прыгнула — плюхнулась в воду и стала пробираться туда, где глубоко, чтобы утонуть и погибнуть.

Но не тут-то было.

В пруду проснулись рыбы, собрались толпой и стали выталкивать Катеньку из воды. Вытолкнули ее наружу, а там уже ждали лебеди и гуси. Они схватили Катеньку клювами за одежду и вытащили на берег. Бросили на берегу и уплыли.

Даже утопиться невозможно!

А тут еще, как назло, какая-то маленькая птичка села на ветку дерева над Катенькиной головой и стала спрашивать тонким голоском:

— Где здесь самая сильная и самая нахальная Катя? Покажите мне эту красавицу.

Катя хотела чем-нибудь швырнуть в птичку, но рука ее не послушалась. «Все равно, — подумала она, — я их всех накажу. Я сейчас заберусь на крышу самого высокого дома и кинусь с него вниз. Разобьюсь, и тогда они все будут плакать, но поздно. Меня уже не вернуть...»

«А кто же будет плакать? — спросил Катин внутренний голос. — Кого ты не успела обидеть? Да все будут смеяться и веселиться!»

Катенька посидела на берегу, дрожа от холода и голода. Она уже выплакала все свои слезы.

И поняла: единственное, что ей остается, это вернуться к павиану, взять у него Маратика и отвести его домой, к маме с папой.

И как только Катенька решила так, ей сразу стало теплее и лучше.

Она побежала, спотыкаясь от слабости, к клетке павиана.

— Маратик! — закричала она.

И тут поняла, что никакого Маратика в клетке нет.

Павианы, павианихи и павианчики просыпались с первыми лучами солнца, прыгали, возились, дрались, обнимались, ждали, когда их покормят завтраком. Даже не угадаешь, кто из них павиан Велосипед, а кто просто павиан.

— Маратик! — снова позвала Катя.

Но Маратика не было, а павианы не обращали внимания на Катю.

Катенька испугалась, что с Маратиком что-то случилось. Она уселась на землю возле клетки и стала дрожать.

Около нее остановился совсем молодой человек в длинном плаще, измазанном клюквенным соком. Из кармана плаща торчала борода, сделанная из мочалки.

— Что ты плачешь, девочка? — спросил он.

— Уйди ты! — огрызнулась Катенька. — У меня несчастье.

— Какое же у тебя, Катя, несчастье? — спросил молодой человек, который на самом деле был директором зоопарка Эдуардом Жито-Житинским.

— Маратик пропал!.. Они его, наверное, съели! — И она показала на клетку с павианами.

— А как же он попал в клетку? — удивился директор зоопарка.

— Его Велосипед взял. Он мне сказал, что Маратик у него спать будет. А теперь Маратика нет, понимаешь?

— Что же ты дальше собираешься делать? — спросил молодой человек.

— Дальше я собираюсь сидеть тут, пока не умру, — сказала Катенька.

— Ты хочешь к маме вернуться? — спросил молодой человек.

— Кому же еще я нужна?

— Так ты же самая сильная и самая отважная! — сказал директор.

— Я заразная, — ответила Катенька. — Меня никто не любит и никто не боится. Даже утопиться не дают.

— Пожалуй, — сказал директор, — если ты хочешь к маме, то я могу тебе помочь.

— Ой! — обрадовалась Катенька и вскочила на ноги. — А где Маратик? Мне же нельзя к маме без Маратика.

— Я думаю, что смогу тебе и в этом помочь, — сказал молодой директор. — Только я спрошу совета, правильно ли я поступаю?

Директор зоопарка громко спросил, ни на кого не глядя:

— Как вы думаете, друзья, отвести мне Катю к маме? Или она еще не поняла, что не права?

— Отведи, — сказала птица, которая сидела на ветке.

— Можно, все в порядке! — крикнули павианы.

— Давай веди, если что, я прослежу, — сказал из соседней клетки серый волк, а жираф покачал головой и добавил:

— Все-таки она еще ребенок.

Только верблюд Али-хан фыркнул и ничего не сказал.

Директор протянул Катеньке руку:

— Пошли. Я покажу тебе что-то.

Они вошли в дом, на двери которого было написано «Дирекция зоопарка». Внутри дома он открыл дверь с табличкой: «Директор зоопарка Эдуард Жито-Житинский».

Там была небольшая комната, в которой стояли диван, два стула, письменный стол и кресло. На столе — термос с горячим чаем, чашки с горячим молоком и плюшки.

А на стуле сидела Катина мама Прасковья Яковлевна с Маратиком на коленях. Маратик держал в одной руке чашку с молоком, а в другой плюшку. Он первым увидел сестренку и сказал:

— Заходи, попей молочка, ты замерзла, наверное.

— Ах, мама, мама! — закричала Катенька. — Я никогда больше не буду хулиганить!

Она подбежала к маме, мама ее поцеловала, дала чашку горячего молока и плюшку. Катя села на свободный стул и стала пить и есть.

Мама сквозь слезы сказала молодому человеку:

— Я вам так благодарна, так благодарна, Эдуард Иванович! Вы вернули мне детей и этим возвратили счастье.

— Ах, что вы, — ответил директор зоопарка. — Не стоит благодарности. Мы старались всем нашим небольшим дружным коллективом.

Катенька хотела было сказать, что даже перестарались, но подумала, что сначала она поживет дома, окончит школу, выучится всему, чему надо, а потом уж в самом деле станет самой сильной, вернется в зоопарк и всем им покажет, где раки зимуют.

Она спросила директора:

— Скажите, пожалуйста, а где зимуют раки?

— Раки зимуют у нас в пруду, — ответил директор, который все понял. Он потом засмеялся и попросил Прасковью Яковлевну: — Налейте мне, пожалуйста, немного молока, а то я не успел позавтракать.

Потом мама повела детей домой, директор проводил их до выхода, звери кивали им из клеток или махали лапами, но не говорили, потому что при людях звери не разговаривают.

На следующую осень Катенька пошла в школу и научилась читать и писать, выучила английский язык и географию. Она спешила скорее вырасти и все выучить, чтобы вернуться в зоопарк и тогда уже поговорить с директором серьезно.

Прошло много лет, прежде чем так и случилось.

Катенька пришла в зоопарк, поговорила с директором, потом они пошли в кино, а потом они поженились, Катенька работает в зоопарке начальником обезьянника, а ее братик Маратик скоро кончит учиться, но работать в зоопарк идти не хочет. Он собирается в Африку ловить павианов.

КРОВАВАЯ ШАПОЧКА, ИЛИ СКАЗКА ПОСЛЕ СКАЗКИ

Я люблю сказки, только одно мне не нравится: никогда не известно, что было раньше и что стало потом. Вот живет в лесу Баба-яга, костяная нога. А скажите, пожалуйста, где и почему она потеряла ногу? Может, под трамвай попала? Впрочем, какие могут быть трамваи в древнем лесу! Вернее всего, медведь ей ногу откусил. Или отморозила.

Может быть, вам, уважаемый читатель, приходилось читать сказку о Малыше и Карлсоне, который живет на крыше? Тогда скажите мне, пожалуйста, откуда этот шалун достал себе пропеллер? И как, простите, этот пропеллер крутится? На батарейках он у него, что ли?

Когда-то много лет назад мне пришлось прочесть в газете сердитую статью критика о том, что у сказочного ушастика Чебурашки нет родителей и это очень плохо. Почему у него нет родителей? Может быть, он не любил своих родителей? Может быть, они его лупили и Чебурашка от них убежал? Но если убежал, то почему в ящике из-под апельсинов? Прав тот самый критик! Я хочу обязательно познакомиться с господином Чебурахом и госпожой Чебурахой, родителями Чебурашки. Правда, с родителями крокодила Гены вы можете меня не знакомить.

Если вы ответите на эти и многие другие вопросы, то прошу вас, скажите, где сейчас работает доктор Айболит? У моего котика болит живот, а я не знаю, по какому телефону мне разыскать знаменитого доктора.

Я много лет мучился такими вопросами, я вырос, окончил школу, немного даже состарился, но никто не смог мне ответить: откуда взялись и куда потом делись герои известных сказок?

И вот сегодня, отложив все дела, я решил написать сказку именно об этом. Может быть, я не прав и вы со мной не согласитесь. Зато я сам успокоюсь.

Глава первая

О ТОМ, КАК КРАСНАЯ ШАПОЧКА ПОШЛА К БАБУШКЕ

Лида играла с Аладдином в шахматы. Вообще-то Аладдин пришел к маме и принес ей показать ковры, которые только что прибыли из Персии, но мама еще спала на своем хрустальном ложе, и Лиде пришлось развлекать гостя.

Аладдин в шахматы играл плохо, потому что его никто этому не учил, и Лида ему нарочно поддавалась, чтобы не обижать. Ведь толстому взрослому торговцу коврами обидно, если его обыгрывает маленькая девочка Лида по прозвищу Красная Шапочка.

Красной Шапочкой Лиду прозвали из-за того, что ее бабушка всегда что-нибудь вязала, и, конечно же, больше всего она любила вязать для своей единственной внучки. Каждый раз, когда Лида к ней приходила, бабушка дарила ей новую вязаную красную шапочку с кисточкой на макушке. Чтобы не обижать бабушку, Лида ходила в красной шапочке — отсюда и прозвище.

— Слышала новость? — спросил Аладдин. — Вчера украли быка-чемпиона.

— Какого чемпиона?

— Он был самым большим быком в стране, его собирались отправить в Испанию на бой быков.

— Странные люди эти испанцы.

— Что же твоя мама не просыпается? — спросил Аладдин. — Ведь часы на башне уже пробили полдень.

— Извини, Аладдин, — отвечала Красная Шапочка, — но мама вчера допоздна пекла пирожки для бабушки, а потом смотрела телевизор. Но скоро уже обед, и мама проснется. Видишь, по улице идет наша соседка Василиса Премудрая и несет свернутую скатерть-самобранку?

— Ничего не понимаю! — сказал Аладдин. — Что общего между вчерашними пирожками и вашей соседкой Василисой?

— Ах, какой ты наивный, Аладдин! — воскликнула Красная Шапочка. — Скатерть-самобранка служит всему нашему кварталу. Она готовит обед по очереди во всех домах. По пятницам у Аленушки, по субботам у тети Шехерезады, по воскресеньям у Дюймовочки и ее мужа — стойкого оловянного солдата. Они, конечно, маленькие, но у них очень много детей и родственников.

— Все понял! — ответил Аладдин. — Сегодня среда — и ваша очередь!

Лидочка подставила Аладдину ферзя, чтобы он поскорее выиграл партию в шахматы, а сама побежала встречать тетю Василису и накрывать на стол.

Аладдин принялся разворачивать чудесные ковры, а в доме зазвенели серебряные и хрустальные колокольчики — это Красная Шапочка включила волшебный будильник, который своими звуками дарит хорошее настроение. Даже школьник, проснувшись от колокольчиков такого будильника, спешит скорее в школу с превеликим удовольствием.

В ответ на звон будильника из спальни донесся счастливый смех Лидиной мамы.

— Лида! — позвала мама. — Иди ко мне, моя крохотулечка, я тебя поцелую.

Красная Шапочка побежала к маме в спальню.

Спальня мамы была похожа на большую пещеру, освещенную различными лампами и фонарями. Посреди нее стояло хрустальное ложе, на нем, вся в кружевах, нежилась Лидочкина мама, бывшая Спящая Красавица. Маму давно уже отыскал и поцеловал принц, который на поверку оказался вовсе не принцем, а известным моряком и путешественником Синдбадом-мореходом. Его раскладушка стояла рядом с маминым хрустальным ложем. Дело в том, что Лидочкин папа Синдбад не любил спать на хрустале. Но сейчас раскладушка пустовала, потому что Синдбад уплыл открывать Америку.

Мама расцеловала Лидочку и спросила:

— А что у нас на завтрак?

— Обед сегодня готовит скатерть-самобранка, — напомнила Лидочка, и мама расстроилась:

— Ах, опять эта скатерть! У нее совсем нет воображения! Опять придется есть омаров, лангустов, семгу, лососину и суп из акульих плавников!

— Что же делать, мамочка, — сказала в ответ Красная Шапочка, — раз на нашу долю выпал самобранкин рыбный день. Но она старается и в прошлый раз сделала карпа в сметане.

— Вот именно! — Спящая Царевна расстроилась и хотела было снова лечь спать, но тут Лида сказала:

— Мамочка, там тебя ждет Аладдин. Пришел караван из Персии и привез новые ковры.

Мама тут же забыла о своих бедах и крикнула:

— Лида! Удержи его любой ценой! Я должна посмотреть на ковры!

Мама была одета, причесана и умыта в пять минут. Лидочка даже не успела накрыть на стол, как мама уже велела развернуть ковры и принести кашемировые шали.

Пока мама рассматривала товары, Лида стала собираться в дорогу. Она положила в корзиночку пакет с пирожками, три мотка шерсти, которые бабушка просила купить на рынке, книжку с картинками, чтобы почитать бабушке вслух, и компас, чтобы не заблудиться в лесу.

Потом Красная Шапочка надела красную шапочку и попрощалась с мамой и Аладдином.

Аладдин пожелал Лидочке счастливого пути, а мама сказала:

— Чтобы вернуться до темноты! А то, говорят, в лесу волк

объявился. — И тут же легкомысленная мама обернулась к Аладдину: — Почему я не вижу настоящих больших ковров?

— Прости, госпожа, — ответил Аладдин, — но ты же знаешь, что мой джинн ушел на пенсию, и мне самому приходится таскать по городу товары.

— А ты не жадничай, старый плут, — сказала мама. — С твоими богатствами ты можешь нанять сто носильщиков. Не зря же джинн у тебя столько лет служил.

Мама была знакома с Аладдином с детства, и они дружили, хотя часто ссорились, потому что Аладдин стал богатым торговцем, а мама не любила тратить деньги.

Больше Лида этот разговор не слушала, а отправилась в лес.

Лида прошла по узкой тенистой улице, где стоял их дом, миновала шумную базарную площадь, обсаженную цветущими каштанами, обошла дворец и мимо городского сада выбежала к городским воротам. Стражник у ворот узнал ее и даже подарил леденец. Стражника звали сержант Грицько, он был страшный на вид, с усами до пояса, но очень добрый.

День был майский, теплый, но не жаркий, после вчерашнего дождя дорога еще не пылила, в молодой траве летали, пели, стрекотали и трепетали насекомые, а за ними охотились быстрые птицы. Лидочке встречались повозки, всадники, а то и пешеходы, которые спешили в город по делам, иногда ей приходилось посторониться и сойти с дороги, потому что ее обгоняла карета или груженная товаром телега.

А потом начался лес. Он подступал к дороге с обеих сторон, и чем дальше, тем деревья становились выше и стояли теснее. Из леса тянуло прохладой и сыростью, которая скрывалась в пятнах снега, лежащих под старыми елями.

У чистого источника, который весело бил из-под большого камня и рядом с которыми стояла скамья для отдыха путников, Лида свернула на широкую тропу, что и вела к бабушкиному дому.

Сначала, пока тропа была широкой и утоптанной, Красной Шапочке нередко встречались птицы и звери, некоторые из них — старые знакомые. Ежиха Лукерья поджидала около пня, чтобы представить Лиде своих малышей, которых родила всего месяц назад; два близнеца-дятла с красными макушками, которые считали себя из-за этого братьями Красной Шапочки, попросили ее быть судьей их соревнования: кто быстрее проклюет осинку до середины? Но Лида не согласилась ждать.

За поворотом, где тропинка раздваивалась, Лиде встретилась молоденькая фея, которая сказала:

— Красная Шапочка, может быть, мне тебя проводить?

— Почему, добрая фея?

— Говорят, в лесу объявился Серый волк. Это очень опасное животное.

— Но волки никогда не нападают на людей днем, да еще в одиночку, — возразила Лида.

— Значит, ты не боишься?

— Совсем не боюсь.

— А я очень боюсь, — сказала фея и спряталась в цветущем сиреневом кусте.

Теперь тропинка стала совсем узенькой. По ней мало кто ходил.

Но Лиде эти места были знакомы, и обитателей леса она знала не первый год. Это не значит, что Красная Шапочка со всеми дружила. Например, старого лиса она просто не выносила, такой он был хитрый и нечестный. И сороку она не очень любила, потому что сорока всегда врала и сплетничала. А медведей — всю эту семейку — она избегала: они глупые, невежливые и привыкли быть самыми сильными — медведю ничего не стоит толкнуть тебя так, что ты в кусты улетишь и руку сломаешь. А он при этом будет стоять и рычать от радости.

Впереди стало светлее. Лида вышла на поляну, посреди которой стояла избушка на курьих ножках — здесь жила Баба-яга, но сейчас ее не было дома: наверное, как всегда, улетела в ступе в гости к лешему, который жил в соседнем лесу.

Окна в избушке были закрыты ставнями, и печка не топилась.

Лиде бы пройти мимо, но вдруг ей захотелось проверить, работает ли избушка, когда Бабы-яги нет дома.

— Избушка, избушка, — попросила она ласковым голосом, — встань, пожалуйста, к лесу задом, а ко мне передом.

Избушка громко заскрипела и покачала крышей — видно, хотела бы повернуться, но не смогла.

— Ну ладно, — сказала Красная Шапочка. — Я не настаиваю.

Она пошла было дальше, но тут оглушительный треск заставил ее в страхе остановиться и оглянуться. Оказывается, избушка все же повернулась, но не вся, а только ее верхняя часть — куриные ножищи остались на месте, крепко вцепившись когтями в землю, зато бревна поехали в сторону, дверь выскочила из рамы и полетела в кусты, окошки упали на траву, черный кот выскочил через трубу — и вовремя, потому что труба рассыпалась на кирпичики, соломенная крыша улетела облаком в неизвестные края, белая печка съехала на землю, с трудом пробралась между куриными лапами, открыла свой рот, и оттуда выехал горшок с пшенной кашей. Печка сказала:

— Отведай каши, доченька.

Но тут с неба с криком и гамом опустилась целая туча ворон, они подхватили горшок за края и подняли в небо.

Все, что стояло, лежало на лавках и на столе, в углах избы и в сенях, — все разлетелось по поляне.

— Ой! — сказала Лидочка. — Я этого не хотела!

Она была очень расстроена, и хитрый черный ворон, который жил в избе на печке, а теперь остался без дома, закричал страшным голосом:

— Прячься, Красная Шапочка! Баба-яга летит! Вот она тебе покажет!

Красная Шапочка и в самом деле не была виновата, но чувствовала себя виноватой. Так что неудивительно, что она кинулась к сундуку, который стоял посреди этого разорения, и открыла его, чтобы спрятаться.

Тогда ворон захохотал:

— Я пошутил! Я пошутил!

— Не верь ему, — сказала яблонька, которая росла рядом, — он же известный враль. Ему человека напугать — самое главное удовольствие.

Лидочка перестала бояться, но очень удивилась, потому что в сундуке лежали большие бычьи рога, копыта и хвост.

Лидочка сразу вспомнила о сером быке, о котором рассказывал толстый Аладдин. Его хотели отправить в Испанию на бой быков, а он пропал. Вот, оказывается, куда он делся! Неужели Баба-яга сожрала целого быка? За ней такого раньше не водилось. Ну сожрет ягненка, ну, мальчонку поймает, сварит, если он не успеет убежать, но чтобы быка — такого еще не бывало!

— Не подглядывай! — прошипел черный кот. — А то сама туда угодишь.

— Не нужны мне ваши тайны, — обиделась Лидочка. — Я только хотела в сундук посуду сложить, пока еще не растащили.

— Сами сложим, — сказали хором черный кот и черный ворон, а вороны в стае, которые кружили над головами, так рассмеялись, что уронили горшок с кашей прямо на голову черному коту.

Тут поднялся такой визг, что Лидочка поспешила уйти подальше.

Лес становился все гуще и темнее. Колючие ветви елей смыкались над головой, травы в лесу почти не было — она не могла пробиться сквозь толстый слой иголок, только кое-где поднимались бледные поганки и оранжевые мухоморы.

Тропинка вела мимо небольшого озера. В нем жил старенький водяной. Лидочка всегда приносила ему чего-нибудь вкусненького. Но на этот раз забыла взять подарок, и, когда из воды

показалась голубая лысая голова водяного, увешанная зелеными водорослями, как будто на нее вывалили целую кастрюлю зеленых макарон, Лидочка даже ахнула от ужаса:

— Ну как же я забыла! Прости, дедушка.

— Неужто не принесла?

— Забыла.

— Даже лягушку не принесла?

— И лягушку не принесла.

— И даже окунька не принесла?

— Хочешь пирожок?

— А с чем пирожок? — Водяной заранее распахнул свой лягушачий рот без зубов.

— С клубникой и сливами, — сказала Лидочка.

Водяной так рассердился, что пустил в Лиду фонтан холодной воды, — она еле успела отпрыгнуть в сторону.

— Ты гадкая, отвратительная, злая девчонка! — захлюпал водяной. — Твоя жадность тебя погубит! Я хотел открыть тебе важную тайну, а теперь не открою — погибай как хочешь!

И с этими словами похожий на пузырь злой водяной опустился под воду — только круги по озерцу пошли.

Лидочка огорчилась. Ей было неловко, что она обманула водяного. Никто в лесу не любил это чудовище, одна Красная Шапочка его жалела — ну легко ли быть таким уродливым и к тому же обреченным всю жизнь сидеть в озере, куда и лягушки редко запрыгивают?

Красная Шапочка шла дальше и думала: зачем же водяной ей угрожал? Он ведь очень глупый и не умеет придумывать никаких гадостей или радостей. Если он сказал, что знает какую-то неприятную тайну, значит, знает. А почему Лидочка может погибнуть?

Лес вокруг молчал, словно не хотел ничего отвечать печальным мыслям Лидочки. Словно все там — и деревья, и белые цветы ландыша, и круглые листочки заячьей капусты, и сморчок, который вылез из прошлогодней листвы на небольшой прогалине у озера, — все что-то знали, но таились. Как же так? Лидочка всегда думала, что лес добрый, ласковый и со всеми в лесу можно договориться...

А оказывается — не так. И водяной ей грозит, и черный кот злится...

С такими печальными мыслями Лидочка дошла до бабушкиного дома.

Глава вторая

О ТОМ, КАК ВМЕСТО БАБУШКИ КРАСНАЯ ШАПОЧКА УВИДЕЛА СЕРОГО ВОЛКА

Бабушкин дом стоял на пригорке, справа от него был небольшой огород, слева — сад. И сад и огород были запущенными. Хоть весна и в полном разгаре — капуста не посеяна, картошка не посажена, яблони не обрезаны...

Ну вот, сказала себе Красная Шапочка. Типичная бабушка!

Когда-то, давным-давно, когда Красной Шапочки еще не было на свете, бабушка была совсем молоденькой, и жила она в этом доме вместе со своим папой, но без мамы, потому что мама умерла. И жили там еще мачеха, то есть новая папина жена, и две ее дочки, которые, по словам бабушки, отличались гадким характером и всегда бабушку угнетали. Бабушку заставляли работать по дому, перебирать горох, мыть посуду, подметать полы — в общем, делать все, что и полагается делать в доме послушной девочке. Наверное, бабушка бы и не обижалась, но две ее новые сестры полов не подметали, горох не перебирали, суп не варили, а только читали книжки и смотрели телевизор, который тогда только-только изобрели.

Конечно, нормальный отец навел бы в доме порядок — цыкнул бы на новых дочек да на новую жену и разделил бы горох и полы поровну между молодыми особами.

Но папа, надо сказать, обожал свою новую жену — иначе бы никогда не взял к себе в дом женщину с двумя взрослыми детьми.

Говорят, что новая жена отличалась замечательным здоровьем, красивым лицом, крепкими руками и ногами и такими замечательными волосами цвета воронова крыла, что на них приезжали полюбоваться гости из других стран.

Так что из любви к новой жене папа не обращал внимания на то, как угнетали его дочку, и даже думал, что это пойдет ей на пользу — пускай приучается к труду. А когда он услышал, что его дочку, настоящее имя которой было Августина, прозвали Золушкой, он только улыбнулся грустной улыбкой и пошел полюбоваться тем, как его новая жена причесывает свои чудесные волосы.

Многие знают, чем кончилась эта история: однажды принц сказочной страны решил жениться и вызвал к себе на бал всех девиц королевства. Ну, как и положено, дочки новой жены отправились на бал, а Золушка перебирала горох. К ней заглянула добрая фея, которая жила по соседству, пожалела ее и превра-

ла тыкву в карету, а мышей, если не ошибаюсь, в коней. И велела ей ехать на бал, а к двенадцати быть дома, а то волшебство закончится и она окажется посреди дороги в тыкве, запряженной мышами.

Как известно, принц потанцевал немного с неизвестной молоденькой красавицей, потом они спели на два голоса кантату композитора Баха, и принц влюбился в Золушку до полусмерти, а когда она убегала, чтобы успеть домой до окончания волшебства, он подобрал ее хрустальный башмачок и стал искать по этой вещи свою будущую жену точно так, как собака ищет потерянную кость, обнюхивая каждый подозрительный угол.

Только не надо думать, что принц был таким уж идиотом, что послал солдат на поиски исчезнувшей девушки, а сам сидел дома и занимался фехтованием.

Разумеется, он переоделся солдатом и вместе со своей командой ходил из дома в дом, надеясь увидеть Золушку. Ведь размеры обуви совпадают у красавиц и у дурнушек. И если ты объявил всенародно, что женишься на девушке, у которой размер обуви тридцать три с половиной, — то тебе могут подсунуть настоящую каракатицу с таким размером ноги, и ты потом всю жизнь не простишь себе такого легкомыслия. Так что, прежде чем принц отыскал Лидочкину бабушку, он отверг более ста двадцати других девушек, которым туфелька Золушки была впору. И от этого происходили душераздирающие сцены. Только какой-нибудь девушке хрустальная туфелька окажется впору, как принц, переодетый солдатом, вдруг заявляет:

— Нет, туфелька мала!

— Как так мала, как так мала? — кричат родители.

— Впору, впору, я та самая! — кричит бедная девушка.

— Мы будем жаловаться господину полковнику! — угрожают родители.

Но солдат-принц уже поворачивается и топает прочь, а его помощники отбирают у рыдающей девушки хрустальный башмачок и идут пить пиво и обедать, прежде чем отправиться в следующий город.

А в доме Золушки — многие об этом знают — все чуть было не кончилось трагически. Сводные сестры Золушки уж собирались рубить себе пальцы ноги, потому что их ноги были сорокового размера, а их прекрасная мама тоже решила попытать счастья и поменять папу Золушки на сына короля, но у нее ничего не вышло... И тут принц услышал, как из кухни доносится обожаемая им кантата композитора Баха, которую они на два голоса пели с Золушкой именно в ту памятную ночь.

— Она! — закричал принц.

— Так рубить пальцы или не рубить? — спросили сестры.

— Как хотите! — откликнулся принц. — Но я-то свою суженую уже отыскал!

Эта история кончилась свадьбой. Золушка, которую стали называть принцессой Августиной, переехала жить во дворец, а ее родственницы быстро примирились с поражением, потому что и им нашлось место во дворце. К сожалению, в мачеху Золушки влюбился герцог Синяя Борода. Мачеха покинула папу, папа очень переживал, а мачеху Синяя Борода, как известно, вскоре зарезал, потому что она совала нос куда не положено. Сводные сестры Золушки вышли замуж за графов и были несчастливы, потому что графы все время сражались за рубежами своей страны. И сводным сестрам было скучно.

Не всегда следует разузнавать, что случилось после сказки. Кончилось, вот и хорошо. А как только задумаешься, что же было после ее конца, можешь увидеть то, чего и видеть не хочется.

Но раз уж мы сюда попали, останавливаться поздно. Придется рассказывать дальше.

А дальше принц стал королем и, как положено королю, задумал большую войну с соседями, чтобы отнять у них Коровий лужок, речку Свинюху и выпрямить границу до самого Щенячьего брода.

В отчаянных боях и сражениях король потерял большую часть армии, половину королевства, включая Свинячий лужок, речку Коровюху, и граница сдвинулась до самого Кошачьего брода. В схватке у этого брода погибли оба графа и оставили Золушкиных сестер вдовами. А сам король попал в плен к врагам и был заточен в Замок, где и томится до сих пор. Лишь раз в год бывшей Золушке — королеве Августине разрешают передать ему посылку с фруктами и конфетами.

А также вышитый платочек для вытирания скупых мужских слез.

За это время младшие братья короля передрались между собой, один из них захватил власть и выгнал из дворца королеву Августину, бывшую Золушку. В это трудно поверить, но так бывает в жизни. Забрав с собой хрустальные туфельки и кое-что из одежды, бывшая королева вернулась домой. Затем приехали и сестры — теперь уж Золушка была здесь главной. Она воспитывала свою дочку, а сводные сестры ей помогали и вели хозяйство. Если надо было перебрать горох или прополоть тыкву — уж можете быть спокойны: Золушка только приказывала, а растолстевшие и постаревшие сестры носились по дому, как деловитые мышки...

Годы шли, никаких особенных событий не происходило,

только в день, когда Золушкиной дочке Лукреции исполнилось шестнадцать лет, на этот праздник забыли пригласить одну из тамошних волшебниц, и она подсунула девушке заколдованное яблочко. Лукреция откусила кусочек и заснула вечным сном. Правда, та самая добрая фея, которая когда-то давала Золушке на бал хрустальные туфельки и превращала тыкву в карету, сказала:

— Не беспокойтесь, пускай заколдованная принцесса поспит в хрустальном гробу, пока не появится принц и не поцелует ее. Тогда она очнется и придет в себя.

Золушка и ее сводные сестры отвели в доме специальную комнату для хрустального гроба, в котором спала принцесса Лукреция. Порой сюда заглядывали принцы, соблазненные слухом о такой романтической истории, и готовы были поцеловать беспомощную принцессу — ведь каждому принцу хочется поцеловать хорошенькую беспомощную принцессу.

Но мама Золушка и ее сводные сестры никогда не дозволяли незнакомым сомнительным принцам целовать девушку без свидетелей. А при свидетелях те целоваться не желали.

И неизвестно, как бы кончилась эта история, но как-то к ним в дом попал известный путешественник по имени Синдбад-мореход. Он узнал о Спящей красавице и решил поцеловать ее так, чтобы ни мама, ни тетки этого не увидели. Он оставил свой корабль на ближайшей речке, а сам дождался глубокой ночи, перелез через забор, оттуда в окно второго этажа, нащупал гроб, зажег взятую с собой свечку и при ее свете решил, что невеста ему подходит. Она была белокурая, розовощекая, мягкая и сдобная. Синдбад-мореход задул свечку, чтобы она ему не мешала, откинул крышку гроба и принялся целовать принцессу изо всех сил. Принцесса проснулась, сначала испугалась и хотела позвать на помощь, но вскоре ей так понравилось целоваться с Синдбадом-мореходом, что она до самого утра никого не позвала на помощь.

Потом Синдбад и принцесса Лукреция поженились, и у них родилась Красная Шапочка. И ее назвали Лидочкой.

А сводные сестры Золушки вышли замуж за купцов, которые приплыли с Синдбадом на корабле. С тех пор одна из них живет в Исфахане, а вторая в Алма-Ате, это очень далеко, и потому огород и сад Золушки пришли в полное запустение.

Все эти сказки по отдельности многим знакомы, но мало кто догадывается, что Золушка — мама Спящей красавицы, а Спящая красавица — мама Красной Шапочки, да притом жена Синдбада-морехода. А Красную Шапочку на самом деле зовут Лидочкой, и она понесла через лес пирожки с клубникой, которые ее мама испекла для бабушки, то есть для бывшей Золушки.

Честно говоря, Лидочка без особой радости ждала встречи с бабушкой. Это не значит, что она ее не любила. Она любила свою бабушку, но ей очень надоело слушать одну и ту же сказку про бедную девушку, которую угнетали бессердечные родственники и не взяли на бал, но одна добрая фея ее пожалела и дала ей карету-тыкву, и мышей, и платье, и туфельки, и бабушка, то есть девушка, поехала на бал... Да вы разбудите Красную Шапочку среди ночи — она вам эту сказку расскажет слово в слово.

С грустью думая о том, что придется сейчас пить чай с пирожками и слушать сказку, Красная Шапочка вышла из леса и подошла к калитке.

Калитка была приоткрыта. Красная Шапочка прошла по дорожке между запущенных грядок и клумб, на которых разрослись крапива и чертополох, и подошла к двери в старый, послуживший еще прадедушке бревенчатый дом.

Она позвонила в дверь.

Ей долго не отвечали. Красная Шапочка уж хотела обойти дом сзади и войти через кухню, как издалека послышался голос:

— Кто там?

— Это я, Красная Шапочка!

— Заходи, внучка! — отозвался далекий голос, совсем непохожий на голос бабушки.

Лидочка вошла в дом.

В доме был страшный беспорядок, словно целая компания невоспитанных детей соревновалась в том, кто больше разобьет ламп и выпотрошит подушек.

Красная Шапочка очень удивилась.

— Бабушка, ты где? — спросила она.

— Здесь! — Голос был странный — сразу и грубый и тонкий, но только не бабушкин.

Красная Шапочка открыла дверь в спальню бабушки и вошла в нее.

Бабушка занимала ту же спальню, что когда-то ее папа и мачеха, и спала на громадной квадратной кровати, на которой можно было бы уложить двадцать таких девочек, как Красная Шапочка, да еще осталось бы место для трех велосипедов.

Красная Шапочка остановилась в дверях и глазам своим не поверила: на бабушкиной кровати лежала вовсе не бабушка, а громадный волк, одетый в бабушкин ночной чепец, в бабушкиной ночной рубашке и бабушкином халате, из рукавов которого по локоть торчали серые лапы, которые заканчивались большими папиными рукавицами, в которых он обычно рубил дрова.

— Ну что ж, здравствуй, внучка! — сказал Серый волк, прикрывая рукавицей пасть. Начало фразы получилось басовитым, а конец прозвучал тонко, словно говорил не волчище, а комар.

— Здравствуй, бабушка, — сказала Красная Шапочка.

— Чего же ты на меня так смотришь? — спросил Серый волк.

Нет, таких больших волков не бывает, подумала Лидочка. А вслух спросила:

— Что это у тебя, бабушка, такой странный голос?

— А я простудилась, девочка.

— А почему у тебя такие большие уши? — поинтересовалась тогда Красная Шапочка, не подходя близко к кровати. Она никак не могла сообразить, что это за маскарад.

— Чтобы лучше тебя слышать, внученька, — сообщил волк.

— А почему на тебе черные очки, бабушка? — спросила Красная Шапочка.

— Что-то конъюнктивит замучил, — пискнул волк.

— Нет, мне все это не нравится, — сказала Красная Шапочка.

— А ты спроси, спроси, — сказал волк. — Спроси, почему у меня такие большие зубы?

— Знаем, — ответила Лидочка. — А ты мне скажешь: чтобы тебя съесть.

— А ты все-таки спроси!

— Ну хорошо! Почему у тебя такие большие зубы?

— Чтобы съесть тебя, Красная Шапочка! — взревел волк и стал выпутываться из одеяла и из бабушкиного халата.

И пока он выпутывался, Лидочка на всякий случай выскочила из спальни, выбежала в сад и остановилась, потому что не знала, что же делать дальше.

Глава третья

О ТОМ, КАК КРАСНАЯ ШАПОЧКА СПАСАЛА БАБУШКУ ОТ СЕРОГО ВОЛКА

Лидочка выбежала в огород и попыталась скрыться в капусте, но в этот момент сверху донесся вопль:

— Здесь она! Лови ее! Я вижу Красную Шапочку!

Бабушкин дом содрогнулся — видно, волк все еще не выпутался из одеяла и халата. Но вот он показался в дверях и начал медленно протискиваться наружу.

Чепец сбился набок, зубы бабушка-волк прикрывал лапой.

Лидочка подобрала юбку и кинулась наутек, несмотря на то, что Баба-яга все норовила спикировать на нее в деревянной ступе. Корзинку с пирожками она потеряла по дороге, это, может,

ее и спасло, потому что жадная Баба-яга кинулась за пирожками, а волк, которому надо бы презирать пирожки, тоже на них накинулся, опрокинул Бабу-ягу, ее ступа раскололась, и между негодяями начался отчаянный спор, который Лидочка не без интереса слушала, спрятавшись в кусте сирени.

— Ты что отвлекаешься? — рычал волк. — Ты мне ее выследи — мне одной бабки мало!

— А ты меня не учи, шкура паршивая! — кричала в ответ Баба-яга, ковыляя вокруг треснувшей ступы. — Как я теперь летать буду? Теперь меня любая ворона обгонит!

Баба-яга взяла пирожок и кинула его в пасть, в которой торчал один желтый зуб.

А из открытой пасти волка вдруг высунулась тонкая маленькая рука — глазам не поверишь, но это так! — схватила другой пирожок, спряталась вместе с добычей внутри волка, и оттуда донеслось чавканье.

— Осторожнее, — предупредила Баба-яга, — а то она еще увидит.

— Не увидит, — сказал волк тонким, знакомым Лидочке голосом, — она уже убежала в самую чащу, сидит там и дрожит.

Снова из волчьей пасти показалась ручонка, и снова пирожок исчез внутри волка.

Все было ясно! Никакой это не волк, а кто-то в очень большой волчьей шкуре.

Но если это кто-то небольшой в волчьей шкуре, то ему никак не скушать бабушку, которая женщина сама по себе крупная, можно сказать, толстая и далеко не каждому волку по зубам. Ну, может быть, нильский крокодил бабушку проглотит. Или змея анаконда — но далеко не всякая. А вот обыкновенному, даже очень большому волку, это не под силу, если на самом деле он внутри не пустой, а там сидит какое-то человекообразное существо и высовывает наружу ручку за маминым пирожком.

— Все! — сказала Баба-яга, вытирая губы грязным платком, который вытащила из кармана юбки. — Я полетела искать Красную Шапочку.

— Слушай, — ответил детский голосок из волка. — А может, обойдемся бабушкой? Ты прилетишь к ним домой и скажешь ее мамаше: «Отдай мне товар! А то Золушке не жить на свете!»

— Нет уж, лучше ты сам приходи к ее мамаше — а то она в меня кастрюлей запустит!

Лидочка давилась от смеха. Негодяи, которые задумали такое злодейство, боялись Лидочкину маму — самую безобидную маму на свете!

Смешно-то, смешно, но где бабушка? А должна ли она, Лидочка, бояться Серого волка? И что нужно этим злодеям в лесу?

Пожалуй, лучше всего возвратиться домой и рассказать обо всем маме. Она придумает, как помочь бабушке.

Решив так, Лидочка побежала через лес.

В одном месте ей пришлось отпрыгнуть в сторону и спрятаться в кустах, потому что ее обогнала странная пара: Серый волк, бегущий совсем не по-волчьи, и Баба-яга, которая кое-как летела над ним в треснувшей ступе.

Как только погоня исчезла из глаз, Красная Шапочка побежала дальше, но вскоре ей снова пришлось остановиться. Впереди раздались крики.

Осторожно выглянув из-за соснового ствола, Красная Шапочка увидела, как Баба-яга носится по поляне вокруг своей разрушенной избушки, за ней бегает черный кот и летает черный ворон. И вся эта компания кричит, перебивая друг дружку.

— Это кто сделал? — кричала Баба-яга. — Кто разрушил мою крепость? Дом моих славных предков? Кто предательски напал, когда меня не было дома? Где была охрана? Чем она занималась?

— Это все она! — пытался объясниться черный кот. — Она ка-ак навалится!

— Кто?

— Это Красная Шапочка! — отвечал ворон. — Она как стукнет — и притом совершенно неожиданно.

— Предательски! — мяукнул кот.

— Из-за угла! — каркнул ворон.

— И что, голыми руками? — удивилась Баба-яга. Она вылезла из ступы и заковыляла вокруг руин своей избушки.

— Их целая компания была! — закричал черный кот.

— У нее пушка была! — закаркал ворон.

— Ой, моя бедная избушечка! — причитала Баба-яга. — Ой, мое сокровище! Мои славные предки положили все силы и средства, чтобы соорудить это чудо архитектуры, эту вавилонскую башню, эту египетскую пирамиду... Она вознеслась своими шпилями выше облаков и доставала золотой крышей до самого солнца. О, славные тени деды-яги, прабабки-яги, прапрабабки-яги — где вы! Обрушьте на голову этой негодяйки все свои страшные проклятия!

Тут Баба-яга устала кричать и бегать по полянке и уселась на сундук.

— Рассказывай, — приказала она хрипло коту, — как дело было?

— Она ей велела — повернись, велела, к лесу задом, а ко мне передом.

— Хулиганка! — крикнул ворон.

— А изба?

— А изба стала было поворачиваться, а я ей приказал: «Не смей вертеться, когда хозяйки нет дома!»

— Молодец. А она?

— А она сверху повернулась, а снизу не повернулась. Вот и рассыпалась.

— Значит, это ты виноват, что под руку избушке говорил!

— Он! — закричал ворон. — Он самый.

Баба-яга кинулась было за котом, да, видно, возраст не тот, и резвости не хватило. Кот вскарабкался на сосну, по дороге наподдал лапой ворону, который хотел его схватить, и закричал сверху:

— Твою избушку давно ремонтировать пора! Если бы ветер посильнее подул, она бы и без Красной Шапочки рассыпалась.

Эти невежливые слова настолько разозлили Бабу-ягу, что она ударила костяной ногой ближайший к ней предмет, а ближайшим предметом оказался сундук. Сундук опрокинулся, из него вывалились рога и копыта серого быка, и Серый волк, который до того смотрел на этот скандал спокойно, страшно рассердился и тоже начал кричать.

— Ты зачем раскидываешь улики по всему лесу! — кричал он.

— Это не улики, а рога! — кричал кот, который не знал, что значит слово «улика». — Мы одного быка съели, вот от него и остались только рожки да ножки.

— Это кто же быка съел? — спросила сорока, сидевшая на верхней ветке сосны — подальше от сражения.

— Я сам съел, лично! — заявил кот. — Догнал, растерзал и съел.

Сорока захохотала, все думали, что Баба-яга рассердится, а Баба-яга вместо этого сказала:

— Молодец, мой котик, сильный, умненький, быков кушает. Он у меня часто быков кушает. А иногда и медведя задерет!

— Ой! — испугался ворон.

— А на днях, говорят, ездил в Африку и там слона скушал, правда, котик?

— Скушал, скушал! — Кот пошел по поляне, высоко подняв облезлый хвост. — А кто такой слон?

— Это крыса, только с длинным носом, — сказал тонкий голосок изнутри волка.

Красная Шапочка, которая следила за всей этой сценой из кустов, заметила, что ни кот, ни ворон совсем не боятся Серого

волка. Значит, они отлично знают, что этот волк ненастоящий. И у нее уже не оставалось никаких сомнений, что вся эта компания зарезала быка, а из его шкуры сшила чучело волка, засунула в чучело неизвестного Лидочке негодяя... Но зачем, зачем? И где же бабушка? Загадка оставалась неразгаданной.

Поэтому Красная Шапочка не стала ждать, пока злодеи выяснят отношения, а побежала скорее домой, чтобы предупредить маму и позвать на помощь.

Но не тут-то было! Черный ворон увидел ее и полетел низко, норовя ее клюнуть, кот догнал и прыгал вокруг, чтобы исцарапать, — хорошо еще, ступа Бабы-яги была в неисправности и не могла лететь как следует. Иногда она взмывала над вершинами деревьев, и тогда до Лидочки доносился вопль:

— Догоню! Я вижу тебя, разрушительница домов! Хулиганка!

Недалеко от развилки, за которой начиналась широкая дорога к городу, стояла цветущая яблоня. Именно к ней и подбежала Лидочка.

— Яблонька, а яблонька! — взмолилась она. — Спрячь меня от погони!

— Видишь ли, — ответила яблонька, — ветви мои гнутся от тяжелого груза яблок, и некому сорвать их. Вот сорвешь с меня яблоки, укрою тебя от погони.

— Яблонька-яблонька, — сказала тогда Красная Шапочка. — Но ведь сейчас всего-навсего май месяц, и яблок на тебе нет, а есть только цветы, которые рвать нельзя, потому что именно из них и получаются яблоки.

— Если нет яблок, то тогда тебе нечего рвать, — сказала яблоня, — а бесплатно я никого не укрываю. А то укроешь, а они за это все ветки обломают.

Больше Лидочке некогда было спорить с яблонькой, которая совсем не умела думать, но неподалеку она увидела между корней гигантской сосны дверь в подземное жилище гномов.

— Простите! — закричала она, стучась в дверь. — Вы не спрячете меня от погони?

В двери приоткрылся «глазок», и оттуда выглянула добрая гномиха, которая много раз бывала у Лидочки в гостях, да и сама любила угостить Красную Шапочку.

— Прости, Красная Шапочка, — сказала она. — Но, как всем известно, за тобой гонятся очень страшные звери. Серый волк и злая Баба-яга со своей бандой.

— Но если ты меня спрячешь, они же не будут об этом знать.

— Если такие сильные хулиганы гонятся за тобой, значит, ты виновата. Не надо было разрушать избушку Бабы-яги, не надо было хулиганить!

— Ты только подумай, ну как я могла разрушить чужой дом?!

Но гномиха не стала слушать. Она только добавила:

— И бабушку твою, наверное, скушали за дело. Серый волк зря никого кушать не будет.

— Да это не Серый волк, а только бычья шкура с приделанными зубами!

Но гномиха уже не слушала Лидочку, а погоня между тем настигла ее.

Красная Шапочка подумала, что ей пришел конец, но тут она увидела, что по дороге, поднимая пыль, скачет ее дальний родственник герцог Синяя Борода. Разумеется, отношения у нее с этим родственником были не очень хорошие, потому что он когда-то задушил мачеху Золушки. Но говорят, что мачеха была сама виновата, что полезла в комнату, где лежали трупы других семи задушенных жен Синей Бороды. Герцог Синяя Борода всегда считал, что сделал для Красной Шапочки доброе дело. Вот и сейчас, увидев ее, он закричал, перекрывая басом стук копыт своего тяжелого коня:

— Кого я вижу! Красная Шапочка! Ты помнишь, что я отомстил за беды и унижения твоей бабушки?

— Дядя Синяя Борода, — взмолилась Красная Шапочка, которая задыхалась от быстрого бега. — Спасите меня!

— Разумеется! — откликнулся небольшого роста чернобородый герцог. — Сейчас мы с тобой разгоним негодяев, которые осмелились поднять руку на правнучку моей покойной супруги, так трагически погибшей от моих собственных рук.

Серый волк и Баба-яга остановились, не смея приблизиться к герцогу. Но Бабе-яге, видно, очень жалко было расставаться с добычей, и поэтому она заговорила сладким голосом:

— Господин великий герцог Синяя Борода, разрешите к вам обратиться с вопросом, прежде чем вы наведете здесь справедливость и накажете виноватых.

— Говори, — откликнулся герцог, — все равно спешить некуда.

— Эта известная вам Красная Шапочка воспитывалась в очень дурной семье, — сообщила Баба-яга, низко кланяясь Синей Бороде. — Вы лучше всех знаете, что это за семейка!

— К сожалению, это правда, — ответил Синяя Борода. — Продолжайте, уважаемая Баба-яга.

— Яблоко, как известно, от яблони недалеко падает. И если мачеха ее бабушки вынудила вас ее задушить...

— Ах, к сожалению, так и случилось, — вздохнул герцог Синяя Борода. — Суд признал, что я этого не желал. Я нечаянно разгневался.

— Так вот, эта Красная Шапочка поступила еще хуже — она сначала разрушила мой дом и лишила меня крова!..

— Это правда! — замяукал черный кот.

— Это так! Это так! — закричал ворон.

А волк только зарычал.

— Ужасно! — воскликнул герцог.

— Это еще не все! — сообщила Баба-яга. — Красная Шапочка съела свою бабушку, известную вам Золушку.

— Съела?

— Живьем! — подтвердил волк.

— Ни одной косточки не оставила! — добавил черный кот.

— Я сейчас упаду в обморок от отвращения! — сказал на это герцог Синяя Борода и бухнулся на землю полежать в обмороке, а на самом деле — чтобы не вмешиваться в эту сложную историю: неизвестно еще, кто кого съел, начнешь за кого-то заступаться, а потом тебе самому влетит. К тому же Синяя Борода очень боялся снова попасть в суд — судья его строго предупредил, что если он задушит еще хоть одну жену, его сурово накажут. Так что он уже несколько лет не женился, сам себе готовил супы и жарил мясо и, за неимением жен, передушил всех своих кухарок.

— Ну, теперь ты от нас не уйдешь! — закричал Серый волк, но Красной Шапочки нигде не было видно.

Пока они глядели на то, как Синяя Борода бухается в обморок, она исчезла.

Глава четвертая

О ТОМ, КАК КРАСНАЯ ШАПОЧКА ИСКАЛА СВОЮ БАБУШКУ

В то время, когда происходили все эти события, по лесу и по всему сказочному царству уже разнеслись слухи, что такая невинная на вид Красная Шапочка разрушила до основания домик бедной старушки пенсионерки Бабы-яги, потом пришла к своей бабушке и ее съела. А теперь гоняется по лесу за Серым волком, чтобы его обвинить в этом страшном преступлении и, может быть, тоже съесть. Некоторые рассказывали также, что Красная Шапочка напала на герцога Синяя Борода и отомстила ему за смерть Золушкиной мачехи. Если кто не верит, может пройти к перекрестку лесных дорог и посмотреть на герцога, который лежит там бездыханный.

Разумеется, Красная Шапочка об этом еще не знала, потому что она спряталась в подвернувшейся кротовьей норе, где было

очень тесно и холодно, но, к сожалению, в тот момент у нее не было выбора.

— Ах, кто к нам пожаловал! — прошелестел гладкий толстый крот, надевая очки с очень толстыми стеклами, чтобы разглядеть, кто к нему пожаловал. — Неужели это ты, Красная Шапочка?

— Извините, что я пришла без приглашения, — сказала Красная Шапочка, — но меня преследуют, а я ни в чем не виновата.

— Как же, как же, — ответил лоснящийся и очень богатый крот. — Только что мне рассказал дождевой червяк, что ты там натворила. Мне совсем не жалко Бабу-ягу, у которой ты разрушила дом и оторвала ногу, и тем более я не жалею Синюю Бороду, которому ты выщипала бороду до последнего волоска, но кушать собственную бабушку — это слишком.

— Неужели об этом так рассказывают? — огорчилась Красная Шапочка. — Даю вам слово, это почти все неправда.

— Но что-то правда?

— Только про дом Бабы-яги.

— Ты разрушила дом?

— Нечаянно...

Крот чуть отполз назад, отгребая землю лапами, как лопатами.

— Дорогая Красная Шапочка, — сказал крот. — Я давно хотел на тебе жениться и всегда думал: ах, какая красивая и мягкая девочка ходит по улице, то-то мне будет тепло с ней спать под землей! Но тут я узнаю, что ты вовсе не Красная Шапочка, а Кровавая Шапочка! Вот именно! Кровавая Шапочка! Ты убила свою бабушку! Ты разрушаешь города и страны! Я очень прошу тебя — уйди и не угрожай моей драгоценной жизни. Потому что человек, совершивший одно преступление, обязательно совершит еще десять.

— Уважаемый крот, — ответила Лидочка, — я тебе не верю. Не такой ты глупенький, чтобы поверить, что я могла разрушить дом Бабы-яги...

— Не знаю, — глубокомысленно ответил крот, — нынешние дети так распустились, что могут разрушить и крепость.

— Ты не веришь, что я скушала собственную бабушку, — продолжала Красная Шапочка. — Но ты на самом деле боишься Серого волка и Бабу-ягу, которые за мной гонятся. Тебе стыдно признаться, что ты готов выгнать на растерзание убийцам маленькую девочку, вот и придумываешь про меня страшные истории.

— Уйди, Кровавая Шапочка! — завопил тогда крот, зажмурив и без того малюсенькие подслеповатые глазки.

И он начал когтями выпихивать ее наружу.

Лидочка снова оказалась наверху. И не успела она отряхнуть

измазанное землей платье, как из норы высунулась острая усатая морда крота, который завопил басом:

— Держите ее! Кровавая Шапочка здесь! Она только что пыталась меня убить и ограбить!

Преследователи Красной Шапочки были неподалеку, и той пришлось со всех ног мчаться в лес, удивляясь тому, как странно ведут себя люди и звери, которые еще вчера к ней так хорошо относились.

Лидочка мчалась по лесу, ветви цеплялись за ее платье, сучья ломались под ногами, а корни высовывались из земли, чтобы она о них споткнулась.

Вдруг спереди послышался хруст ветвей, и Лидочка даже остановилась в страхе, что ее обогнал Серый волк.

Но, к счастью, это оказались медведи. Хоть и не друзья, но уж не дадут в обиду Бабе-яге и волку.

— Как я рада, что вас встретила, — сказала Красная Шапочка. — Проводите меня, пожалуйста, до дома. Я вас медом угощу. Папа целую бочку привез из Башкирии.

— Целую бочку! — ухнул от радости старый медведь. — Пошли, пошли, никто не посмеет тебя тронуть.

Только Лидочка вздохнула с облегчением, что все ее несчастья позади, как услышала голос медведицы:

— Топтыгин, а ты о своих детях подумал?

— Подумал, подумал, — ответил добродушно Мишка, — им тоже меда хватит. Я всего не съем.

— Дурачье, — рассердилась медведица. — Я не про мед, а про детей наших. Знаешь ли ты, кого ты хочешь защищать? Или тебе неведомо, о чем весь лес говорит, кричит, чирикает и перешептывается?

— А что?

— А то, что ты имеешь дело с известной хулиганкой и бандиткой Красной Шапочкой, которая сначала сожрала свою бабусю, а потом разломала дом Бабы-яги, оставив ее бездомной, убила Синюю Бороду, напала на Серого волка и чуть не задушила добрейшего крота.

И про крота они уже успели сочинить, с горечью подумала Лида.

— Ой-ой-ой-ой! — заревел медведь. — Неужели это робкое маленькое создание — на самом деле такое чудовище?

— В народе ее называют Кровавой Шапочкой, — сказала медведица, а медвежата, отчаянно ворча, умчались в чащу.

— Но ведь вы знаете, что это неправда! — воскликнула Лида. — Я не могу съесть любимую бабушку, я не могу сломать чужой дом!

— Раз люди говорят, значит, можешь, — ответила медведица, взяла мужа за лапу и потащила в чащу.

Хотя тот оборачивался и облизывался: ему очень хотелось меда, и он не очень верил в злодейство Красной Шапочки.

В полном отчаянии Красная Шапочка прошла еще несколько шагов и присела на пенек. До города идти еще далеко — а по всему видно, что все в сказочном царстве уже знают, что она натворила. Но самое странное для Красной Шапочки было то, что поверить в ее страшные преступления было невозможно, а тем не менее все верили.

— Не верят они, — раздался ласковый голосок совсем рядом, — не верят, но делают вид, что верят.

Лидочка обернулась и увидела лису.

Лиса спокойно сидела рядом, вовсе не боялась Лидочку и даже улыбалась, показывая белые острые зубки.

— Но почему? — взмолилась Лидочка. — У меня же несчастье! Мне надо как можно скорее домой! Почему ко мне так относятся? Неужели кто-то поверил этой клевете?

— А кто клевещет? — спросила лисичка-сестричка. — Кто рассказывает о тебе небылицы? Хомяки? Гномы? Муравьишки? Нет — про тебя рассказывают всем известные негодяи, с которыми лучше не связываться. Пока они гадили людям поодиночке, их еще можно было терпеть, а тут они объединились. Так что лучше и нам всем отвернуться от Красной Шапочки, пускай сама выпутывается, как может. Мы ни при чем! Мы хотели как лучше!

— Неужели все такие трусы?

— Почему уж такие? Подумай — ведь у каждого есть свои дети, свой дом, свои планы, свои прогулки по лесу... А вдруг Серый волк будет недоволен?

— Лисичка, ты мне говоришь неправду, — сказала Лидочка. — Только я не совсем понимаю почему. Разве Серый волк — это настоящий Серый волк? Я же видела настоящего Серого волка, он в три раза меньше этого и вовсе не такой злобный. Он никогда не ел человеческих бабушек, я даже с ним здороваюсь, когда встречаюсь на тропинке. Ведь я не кролик и не суслик.

— Ах, как ты права, Лидочка! — Лиса поднялась и замахала пушистым хвостом. — Конечно же, это не простой волк, конечно же, это особенный и страшный волк, от которого нет пощады. Стали бы мы так себя вести, если бы это был обыкновенный волк, — никогда! Мы себя ведем так, потому что это особенный волк! Уж-жасный волк!

— Но он не настоящий!

Лидочка обернулась, а лисицы и след простыл. Только трава чуть задрожала. Не захотела лисица говорить честно.

Глава пятая

О ТОМ, КАК КРАСНАЯ ШАПОЧКА ВСЕ-ТАКИ ВЕРНУЛАСЬ ДОМОЙ

Лидочка добежала дальше лесом до самых окраин города, и тут ей пришлось выйти на открытое место. Она к тому времени уже так устала и переволновалась за судьбу бабушки, что как-то забыла о погоне.

Она брела по пыльной дороге — шапочка набекрень, платье изорвано и измазано сажей и грязью.

И все же старый толстый Аладдин, который ехал из города на арбе, запряженной верблюдом и нагруженной коврами, которые он продавал в городе, узнал ее издали, остановил повозку и, спрыгнув на землю, спросил:

— О, великий аллах! Что случилось с моей маленькой подружкой, светом моих очей, самой великой в мире шахматисткой?

Красная Шапочка бросилась к нему на грудь, она говорила бессвязно, обливаясь слезами:

— Аладдинчик, дорогой! Ты не представляешь! Какое несчастье...

— Спокойно, — сказал Аладдин. — Может быть, я и не такой молодой и шустрый, как когда-то, но я никогда не предавал моих друзей. Ты можешь быть за мной как за каменной стеной.

Его верблюд кивнул головой и плюнул так далеко, что сшиб плевком черного ворона, который как раз поднялся с ближайшего дуба, чтобы получше разглядеть, с кем разговаривает Красная Шапочка.

Плача, Лидочка поведала Аладдину про то, как разрушился дом Бабы-яги, как Серый волк съел или куда-то спрятал бабушку Золушку, как ей пришлось спасаться и как ей никто не верит.

— Все нормально, — сказал Аладдин. — Влезай на повозку, разворачиваемся и едем к тебе домой. Там вместе подумаем, как освободить бабусю, с которой я танцевал еще в молодости.

Красная Шапочка будто лимонада напилась — такое наступило облегчение. Она протянула руку, Аладдин ловко посадил ее рядом с собой, и верблюд повернул обратно к городу, стены которого возвышались совсем рядом.

— Значит, говоришь, крот обозвал тебя...

— Кровавой Шапочкой!

— Ах, какая славная шутка! За эту шутку я его выкопаю из земли, клянусь тенью моего дяди Хасана, и сделаю из него славную шапку!

Аладдин еще продолжал смеяться, когда они подъехали к мосту через ров, который окружал город.

Мост был поднят.

— Эй, лентяи и бездельники! — крикнул Аладдин. — Опустите мост! Еще не вечер!

Ворота в город приоткрылись, и знакомый Лидочке стражник Грицько ответил:

— Ворота закрыты по приказу короля.

— Это что еще за приказ?

— А тот приказ, по которому запрещен доступ в наше славное королевство известной преступнице и убийце своей бабушки, разрушительнице очагов одиноких старушек по имени Кровавая Шапочка.

— Не Кровавая, а Красная! — закричала в отчаянии Лидочка. — Дядя Грицько, неужели ты меня не помнишь?

— Тебя-то я помню и маму твою, Спящую красавицу, сам пытался поцеловать, да не был удостоен, и папу вашего Синдбада очень уважаю, но в город вас не пущу из-за того, какая вы страшная преступница.

— Да что ты несешь! — возмутился Аладдин. — Сейчас мы тебя на пенсию отправим. А ну-ка, мой верблюд, разгонись, перепрыгни через ров и снеси эти проклятые ворота!

— Я бы рад, — сказал верблюд, — но посмею напомнить тебе, мой повелитель, что нам в этом городе еще торговать и торговать. А что, если эта девочка и на самом деле людоедка? А мы ее защищаем и даже нападаем на охрану? Кто нас пустит сюда в следующий раз? Где будут наши доходы?

Пока верблюд говорил эту разумную и осторожную речь, железные двери в город захлопнулись, и стало ясно, что Аладдину никогда их не пробить.

— Может быть, ты в самом деле оставишь меня? — вздохнула Лидочка. — Тебе в самом деле лучше не портить репутацию.

И тогда толстый и совсем уже немолодой дядя Аладдин, торговец коврами из города Исфагана, сказал так:

— Может быть, я уже не тот нищий сорванец, которому когда-то на улицах Багдада досталась случайно волшебная медная лампа, в которой скрывался всесильный джинн, и, может быть, я совсем не тот смелый мальчишка, который вместе с глупым джинном пережил столько приключений. Но я должен сказать тебе, всем ведьмам и волкам всего мира: самое дорогое на свете — это дружба.

— Какая может быть дружба между персидским торговцем и русской девчонкой? — закричала Баба-яга, которая тем временем уже подобралась к ним совсем близко. — Хватит, надружи-

лись вдоволь! Теперь каждый сам за себя! Я даже черного кота уже проверила — достаточно ли он русский!

— А если бы был персидский? — спросил Аладдин, очень удивившись.

— Тогда бы я его повесила.

— С тобой все ясно, нечисть лесная, — сказал Аладдин. — А ты, Серый волк, зачем залез в эту компанию?

Но Серый волк ничего не ответил и только погрозил Аладдину лапой в рукавице.

— Это тот самый волк, который говорит, что проглотил мою бабушку, — сказала Лидочка, она была очень благодарна Аладдину за верность.

— Вот я сейчас ему покажу! — рассердился Аладдин и спрыгнул с повозки.

Громадный волк, который был ростом с Аладдина, начал неуверенно отступать перед торговцем коврами, и, может быть, вся история закончилась бы благополучно, но Баба-яга прицелилась и с такой силой запустила клюкой, что угодила Аладдину в темечко, и тот упал и протянул ноги.

— Ах, старуха, ну зачем ты это сделала! — заплакала Лидочка.

— А затем, чтобы вас всех изничтожить.

Лидочка была ужасно расстроена. Она склонилась над Аладдином. Он дышал, но на голове у него была рана, и из нее лилась кровь.

— Скорее! — закричала Лидочка. — Откройте ворота, помогите мне внести в город Аладдина! Ему нужен доктор!

Она умоляюще смотрела на своих врагов, хоть и не ждала от них пощады.

— Вы можете потом сделать со мной, что захотите, но сначала мы должны позаботиться об Аладдине. Я вас умоляю.

И, к ее удивлению, Баба-яга перемигнулась с Серым волком и сказала:

— Почему же не помочь Аладдину, на которого нападала страшная разбойница Кровавая Шапочка и чуть его не убила? А ну, Грицько, отворяй ворота, дай нам изуродованного купца пронести.

После некоторых уговоров Грицько согласился отворить ворота, но сам отступил в свою будку, а наружу высунул только конец копья — так опасался Лидочки.

Совместными усилиями они донесли раненого Аладдина до дома Спящей красавицы, и Лидочка обратила внимание на то, как все люди прячутся в дома, закрывают окна, запирают ставни и по городу прокатывается шепот:

— Идет девочка — убийца и разрушительница! Берегитесь этого юного чудовища.

Мама, конечно, ничего об этих ужасах не знала, но она была женщиной осторожной — мало ли какие разбойники могут забраться в город! Поэтому она сначала откинула «глазок» двери и поглядела в него.

Серый волк и Баба-яга вытолкнули вперед Красную Шапочку, и та сказала:

— Мама, скорей открывай, Аладдину плохо!

Мама ахнула и сразу открыла дверь.

К ее удивлению, Серый волк и Баба-яга, которые вместе с Красной Шапочкой несли потерявшего сознание Аладдина, кинулись вперед, сбили маму с ног и ворвались в дом.

А у ворот остались лишь Лидочка, мама, верблюд и Аладдин, который лежал на земле без сознания.

— Что случилось? — спросила мама.

Глава шестая

КАК СЕРЫЙ ВОЛК СТАЛ МАЛЕНЬКИМ

Вдвоем — верблюд помочь ничем не мог — мама с Лидочкой долго затаскивали бесчувственного Аладдина в гостиную и наконец уложили на диван. Они очень устали, а мама притом всхлипывала, боясь, что Аладдинчик умрет. Она сидела рядом, не выпуская его руки, — а вдруг пульс прервется и сердце остановится?

Но вот Аладдин тихо застонал и открыл глаза.

— Где я? Что со мной? — спросил он тихим голосом.

И тут, обведя взором своих друзей, он вспомнил, что произошло, и даже попытался вскочить, чтобы навести порядок. Но не смог — слишком был для этого слаб. Он снова откинулся на подушку.

— Ты не умрешь, Аладдинчик? — спросила мама, которая так дружила с Аладдином, когда они были подростками.

— И не мечтай.

Аладдин попытался улыбнуться, но тут же улыбка покинула его лицо, потому что он услышал шум и голоса, которые доносились из подвалов, где хранились товары, которые привозил из своих путешествий Синдбад-мореход.

— Кто там? Неужели Синдбад вернулся?

— Мыши, наверное, — ответила мама.

— Нет, не мыши, — сказала Красная Шапочка. — Это наши враги. Они даже согласились помочь отнести тебя к нам в дом,

чтобы сюда проникнуть. Я думаю, что этому волку с самого начала что-то было нужно у нас.

— Правильно говоришь, девочка, — сказал Аладдин. — Подумай, Спящая красавица, не привозил ли Синдбад из последнего путешествия каких-нибудь особенно ценных товаров? Ради которых они пошли бы на то, чтобы захватить в заложники твою маму?

— Ах, не может быть! — воскликнула мама и упала в обморок.

Поэтому вместо того, чтобы разрешить эту тайну, пришлось искать нюхательные соли и давать маме.

— Я помню, — сказала мама, придя в себя, — я вспомнила!

— Только тише! — предупредил Аладдин.

— Когда мой Синдбадик уезжал в последнее плавание, он сказал, чтобы я особенно берегла шкатулку, которую он приобрел для Карабаса-Барабаса.

Лидочке показалось, что штора шелохнулась. Она посмотрела туда — нет, все неподвижно.

— Может быть, они охотятся именно за этой шкатулкой? — сказал Аладдин. — Умоляю тебя, спрячь ее как следует.

— А она спрятана как следует, — сказала мама. — Она лежит за плитой на кухне, чтобы никто не догадался...

— Мама! — закричала Лидочка. — Только не вслух! Они могут услышать!

Но было поздно. Со страшным хохотом из-за портьеры выскочили черный кот и Баба-яга и пронеслись через комнату к лестнице вниз, на кухню.

— Скорее, остановите их! — приказал Аладдин.

Но останавливать их было некому — Аладдин все еще лежал на диване. Лидочка с мамой были слабее нападавших, а верблюд как застрял в дверях, так и стоял, вздыхая.

— Наверное, лучше вам пока спрятаться, — сказал Аладдин. — А то они вернутся...

— А тебя оставить здесь? — обиделась мама.

— А что им от меня нужно? Ничего. А от тебя...

Аладдин не успел договорить, потому что дверь, ведущая на кухню, распахнулась и оттуда выскочила вся компания разбойников: Баба-яга, черный кот и Серый волк.

Баба-яга несла в руках небольшую, но увесистую шкатулку.

— Ну, — сказала она от двери, — подавай сюда ключи, да поскорее.

— Какие такие ключи? — пропела мама и так мягко и округло повела руками, что все даже залюбовались.

За красоту и мягкость движений маму не раз приглашали выступать с танцами даже перед самим герцогом Бургундии и халифом Багдада. Но мама наотрез отказывалась, хотя бы потому, что была по происхождению принцессой, а не артисткой.

— Ключи от шкатулки, где тайна лежит! — приказал кот.

— Мне Синдбад никогда ничего о ключах не рассказывал, — ответила мама. — Может быть, вам лучше подождать, пока он вернется, и спросить у него, если вам так уж понадобилась чужая шкатулка?

— Молчать! — закричал Серый волк. Он закричал страшным басом, но когда попытался еще раз так же закричать — то получился детский голосок.

Это очень удивило Аладдина, он даже приподнялся на локте, внимательно рассматривая Серого волка-гиганта.

— А теперь слушай меня внимательно! — сказала скрипучим голосом Баба-яга, которая была главной в этой бандитской компании. — Мы не зря начали с того, что схватили и проглотили твою мамашу Золушку.

— Освободите ее немедленно! — приказала мама. — А то вам будет плохо.

— Помолчи. Ничего с твоей мамашей не случится, — сказала Баба-яга, — полежит в желудке и выйдет.

— А как же желудочный сок? — спросила Лидочка, которая, в отличие от всех остальных, училась в школе и знала, что желудочный сок очень едкий и растворяет все, что попадает в желудок.

— Мы хотели взять в заложницы и твою дочку Красную Шапочку, — продолжала Баба-яга. — Но из этого сразу ничего не вышло. Зато теперь у нас в плену вся ваша семейка. Так слушай: мне ничего от вас не нужно, и вы все получите свободу в тот момент, когда отдадите нам ключик от шкатулки.

— Я не знаю, где ключик, — произнесла мама, и Аладдин сказал:

— Правильно. Главное, не поддавайся бандитам. Бандиты всегда рассчитывают на то, что люди их боятся. А если бандитов не бояться, они — самые главные трусы. Скоро прибегут соседи, придет городская стража, сам король узнает о безобразиях, которые здесь творятся.

В ответ на слова Аладдина злодеи расхохотались.

— Еще чего не хватало! — закричал черный кот. — Только они и ждут, как бы вам помочь! Ты что думаешь, мы зря всем рассказываем, что Красная Шапочка на самом деле Кровавая Шапочка, что она скушала свою бабушку?..

— Слышали, слышали, только мало кто поверит в эту чепуху. А кто поверит — тому станет стыдно.

— Когда ему станет стыдно, вам уже будет все равно, — сказа-

ла Баба-яга. — Пока что все верят нам. Люди всегда верят в дурное. Если сказать, что ты вынесла из огня ребенка, они даже глазом не поведут, а если сказать, что ты ребенка в огонь кинула, все поверят. Такие вот вы люди — трусливые, доверчивые и глупые.

— Ну уж по крайней мере Аладдина вы трусливым не назовете! — сказала Красная Шапочка.

— Он дурак, — отрезал ворон и закаркал, но в своем восторге он слишком близко подлетел к верблюду, который застрял в дверях, и верблюд с такой силой наподдал ему ногой, что ворон разбил задом окно, вылетел наружу, пролетел через весь город и уцепился клювом за самую верхушку шпиля королевского замка.

Только на второй день Баба-яга отыскала своего любимца, потому что узнать его было невозможно — городские птицы, которые не выносили ведьминого ворона, выщипали у него все перья, и больше всего он стал похож на голую курицу.

— Сначала мы замучаем до смерти бабушку Золушку, — сказал тогда Серый волк.

— А где она? — спросила Красная Шапочка.

— Она там, где ей положено быть, — в животе у Серого волка, и если вы не верите...

— Конечно, не верим, самозванец! — воскликнула Лидочка. — Ты сам не волк, а кто-то мелкий в волчьей бычьей шкуре с приделанными волчьими зубами.

— Вот только не надо догадок, — сказал волк, — не люблю этих шарад и кроссвордов. Вы мне не верите, а я вам сейчас докажу.

Наступила тишина, тело волка начало содрогаться, там внутри кто-то шевелился. Потом вдруг раздался плачущий голос:

— Ой, как больно! Прекрати сейчас же!

— Это голос бабушки! — испугалась Лидочка. — Значит, он на самом деле ее съел.

— Мы слов на ветер не бросаем! — откликнулась Баба-яга.

— Сейчас я тебя замучаю! — глухо донесся голос волка или того, кто в волке таился.

Лидочка не выдержала — она кинулась к волку и принялась колотить его кулачками по жесткой шкуре, но Баба-яга ловко подцепила ее клюкой и отбросила в сторону, притом воскликнув, обращаясь к маме:

— Отдашь ключ от шкатулки или нет?

— Не отдавай! — закричал Аладдин. — Сейчас я до них доберусь!

Но мама уже поняла, что Аладдин не помощник. Она подбежала к столику у своей хрустальной кровати, открыла хрустальный ящик и достала оттуда хрустальный ключик — его оставлял ее муж Синдбад, когда уезжал в далекие плавания.

— Давай сюда! — закричала Баба-яга.

— Нет, сначала освободите бабушку!

— Не тебе с нами торговаться, — сказала Баба-яга. — Ты в наших руках. А ну, ключ сюда!

Лидочка заплакала от бессилия. Самое обидное, когда унижают твою маму и мучают твою бабушку, а ты ничего не можешь поделать. Аладдин пытался подняться, но силы оставили его, и он упал, потеряв сознание. Может, и лучше для него — хоть он не мучился. Но ужасно пришлось верблюду, который мечтал добраться до врагов, однако с каждым движением все сильнее заклинивался в дверях — ни туда ни сюда — и мог только плеваться.

Баба-яга вырвала у мамы хрустальный ключик и поставила шкатулку на столик.

Она открыла шкатулку и, покопавшись в деньгах и драгоценностях, что хранились там, вытащила небольшой кожаный мешочек.

— Ура! — закричала Баба-яга. — Наша взяла.

— Помоги вылезти! — послышался голос изнутри волка.

Не выпуская мешочка, Баба-яга отстегнула крючок под горлом у волка, и шкура распалась на две половинки. Конечно же, это была бычья шкура, только искусно переделанная под волчью.

И глазам наших героев предстало удивительное зрелище. На шкуре стоял всем известный городской шалун и пройдоха, бездельник и прогульщик по прозвищу Мальчик-с-пальчик. А рядом с ним был мешок, который шевелился и изнутри которого доносились стоны.

Лидочка сразу все сообразила. Она кинулась к мешку и с трудом развязала его. Еле живая, поднялась на ноги скрюченная в мешке бабушка Лидочки — сохранившая следы былой красоты и элегантности пожилая Золушка.

Лида кинулась ее обнимать, мама тоже кинулась ее обнимать, и они наперебой спрашивали бабушку:

— Ты жива? Они тебе ничего не сломали? Они ничего у тебя не отъели?

Словно бабушка сидела в самом настоящем Сером волке и на нее действовал едкий желудочный сок.

Пока бабушка, дочка и внучка обнимались и рассказывали друг дружке о своих переживаниях, Мальчик-с-пальчик и Баба-яга отбежали в угол и развязали кожаный мешочек. Ссорясь и ругаясь, они разделили белый порошок, который хранился в мешочке, и высыпали себе во рты. Они давились и бегали по комнате, ища, чем бы запить горький порошок. Но остальные не обращали на них внимания.

Глава седьмая

О ТОМ, КАК ВСЕ КОНЧИЛОСЬ

— Я сидела у накрытого стола, — стала рассказывать бабушка, словно ничего особенного и не произошло, — и вдруг услышала звонок в дверь. Я обрадовалась, потому что поняла, что пришла моя любимая внучка Красная Шапочка, хотя должна вам сказать, мои дорогие, что этот звонок в дверь напомнил мне тот случай в моей жизни, когда вслед за подобным же звонком вошел твой дедушка в виде юного и прекрасного принца, протягивая мне хрустальную туфельку и спрашивая мелодичным голосом: «Не вы ли будете та прекрасная незнакомка, которая так чудесно танцевала на нашем балу?»

— Погоди, бабушка, погоди! — умоляла ее Красная Шапочка. — Скажи, пожалуйста, не нужно ли вызвать доктора Айболита? Может быть, мне сбегать за ним? Ты же провела столько времени в заточении!

— Да, мне было очень тесно, темно и, главное, душно. Правда, мне в конце концов удалось просверлить ногтем дырочку в животе этого искусственного волка, но я не успела этой дырочкой воспользоваться, потому что меня уже освободили. Единственное, что меня утешало... дети, не отвлекайтесь, когда с вами разговаривает только что освобожденная из оков бабушка. Меня спасло то, что этот волк проглотил меня вместе с вязаньем и я почти кончила вязать тебе новую красную шапочку — пожалуйста, примерь ее...

Но на этот раз даже разговорчивой Золушке пришлось замолчать, потому что действие горького порошка, который сжевали бандиты, начало сказываться и, ко всеобщему удивлению, они все начали быстро расти.

— О-го-го! — гордо закричал Мальчик-с-пальчик — известный мелкий пакостник и хулиган.

Это он умудрился подложить в ухо одному джинну ручную гранату, и тот на две недели оглох, это он украл и съел все варенье, которое сварили гномы к их празднику, это он избил Дюймовочку так, что ее пришлось вести к доктору... Ах, как его не выносили все в городке и как хотели, чтобы его кто-то поскорее и подальше отвел бы в лес, но не находилось желающего вести в лес этого сорванца.

Но это уже был не Мальчик-с-пальчик, он превратился в мужчину среднего возраста... А еще минута — и голова его достала до потолка. Еще смешнее выглядело превращение Бабы-яги. Она сама-то увеличивалась, как и положено, но ее клюка и

ступа остались обычными — она шарила ручищами по полу, искала свое добро, а найти ничего не могла.

Страшнее всех стал кот: как черная пантера, он напружинил свое мохнатое тело, улыбнулся зловещей улыбкой, и усы его стали похожи на турецкие сабли.

— Ну, что мы сделаем с этими ничтожествами? — спросил гадким голосом бывший Мальчик-с-пальчик, а теперь — Мальчик-с-бревно.

— Растопчем, — сказала Баба-яга.

— Разорвем и растерзаем! — завопил кот.

— Бегите! — воскликнул пришедший в себя Аладдин. — Они и в самом деле никого не пощадят!

Красную Шапочку и ее друзей спасло то, что бандиты продолжали увеличиваться и никак не могли привыкнуть к своим новым рукам и лапам. Как ни поведут в воздухе — все мимо!

Подхватив под мышки слабого еще Аладдина, Красная Шапочка и ее мама побежали к двери. За ними, прижимая к груди корзинку с вязаньем, спешила Золушка.

Они проскочили между ног верблюда, который закрывал собой дверь, и тот принялся отплевываться от Мальчика-с-бревно, который хотел догнать Красную Шапочку.

Но когда они все выбежали на улицу, то, оказывается, попали из огня в полымя.

Там их уже ждали городские стражники и толпа возмущенного народа.

— Вот, вот они, убийцы своей бабушки! — кричали люди.

— Вот она, Кровавая Шапочка!

— Поглядите, они и нашего доброго Аладдина искалечили!

— Тишина и спокойствие! — закричал старший стражник. — По повелению его величества короля я должен арестовать и отвести в тюрьму некую девочку Лиду по прозвищу Красная Шапочка за многие хулиганские преступления, в том числе за убийство ее родной бабушки...

В этом месте вся толпа зарыдала от ужаса. Раздавались крики: «В тюрьму ее! Исключить ее из школы!»

— И за многие другие преступления, еще хуже, чем первое...

На этих словах стражника вдруг большой каменный дом Синдбада-морехода зашатался, крыша рассыпалась, и оттуда появилась сначала макушка, а затем и вся голова обезумевшего от такого испытания Мальчика-с-бревно, а рядом с ним уже возникла отвратительная рожа Бабы-яги с торчащими во все стороны седыми патлами.

А когда дом окончательно развалился и толпе людей, прибежавших наказать Красную Шапочку, пришлось на большой ско-

рости разбегаться во все стороны, то люди в ужасе увидели, что между гигантскими Бабой-ягой и Мальчиком-с-пальчик стоит пантера, или черный лев, или иной неизвестный хищный зверь ростом со слона и облизывается, словно готовится кинуться на людей и всех растерзать.

Лидочка и ее родственники тоже побежали прочь, потому что они понимали — им несдобровать в первую очередь.

И в этот момент сквозь крики людей и грохот падающего дома они услышали стук копыт и увидели, что навстречу им, спокойно разговаривая, едут Синдбад-мореход и его приятель Карабас-Барабас, хозяин городского зоопарка. Только я прошу не путать с тем Карабасом-Барабасом, о котором написано в сказках о приключениях Буратино или Пиноккио. На самом деле Карабас-Барабас — добрейший толстяк, у него в зверинце много разных зверей, в том числе черепаха Тортилла, раньше там жил и кот Базилио, но, к сожалению, он убежал, познакомившись с одной хорошенькой кошечкой из проезжавшего мимо цирка.

Синдбад-мореход первым увидел своих родных и соскочил с коня.

— Что случилось, что такое? Кто вас обидел? Кто ранил моего друга Аладдина?

— Кто посмел поднять руку на несчастных женщин?! — рассердился Карабас-Барабас.

— Я их пронзю шпагой! — закричал деревянный человечек Буратино, заместитель директора зоопарка по хозяйственной части и хороший друг Лидочки.

Мимо них пробегали перепуганные жители города, и стражники и кричали:

— Это все Кровавая Шапочка! Это она — страшная убийца.

И на это мудрый умненький деревянный человечек Буратино заметил:

— Сила негодяев не только в том, что они совершают мерзкие поступки, но и в том, что они кричат, что эти поступки совершили хорошие люди.

— А дураки им верят! — добавил верблюд Аладдина.

— Как же это случилось? — спросил Буратино.

— Они все это подстроили, чтобы добыть шкатулку, ключ от которой был у меня, — сказала мама. — Только я не знала, что в шкатулке.

— А в шкатулке было средство для того, чтобы увеличивать все живое в тысячу раз, — сказал Синдбад. — Я специально привез это средство из Сингапура для моего друга Карабаса. Но не успел отдать по назначению...

— Потому что я уезжал на свадьбу к девочке Мальвине, — сказал Карабас-Барабас.

— Я во всем виноват, — заплакал Буратино. — Я рассказал об этом средстве Мальчику-с-пальчик. Я сказал ему, что Карабас-Барабас строит специальный павильон в зоопарке для бабочек, мотыльков и божьих коровок, чтобы они стали громадными и люди могли ими любоваться... Мальчик-с-пальчик мне тогда ответил: вот бы мне стать таким большим, я бы тогда женился на великанше, стал бы царем всех великанов и завоевал весь мир...

— Все ясно, — вздохнул Синдбад. — Как я был легкомыслен, как же я не догадался, что подлая Баба-яга обязательно воспользуется этой идеей, чтобы стать сильным и страшным чудовищем...

— Вот вы где! — захохотал Мальчик-с-пальчик, увидев кучку маленьких людей. — Сейчас я вас растопчу.

— Нет, сначала я их растерзаю! — закричал кот.

— Погодите, погодите, я их сначала помучаю, — заявила Баба-яга.

Пока злодеи, нависавшие над людьми так, что закрывали половину неба, спорили, верблюд протянул губы к уху Аладдина и что-то прошептал.

— О, я глупый старый купец! — прошептал в ответ Аладдин.

Таясь за боком верблюда от врагов, он расстегнул суму и вытащил оттуда позеленевшую медную лампу. Он прошептал нужные слова, потер ее, как следовало, и в тот момент, когда Баба-яга уже протянула свою лапищу, чтобы схватить Лидочку, густой столб дыма поднялся над улицей и заставил Бабу-ягу отпрянуть.

Из столба дыма появился могучий джинн и прогремел недовольным голосом:

— Зачем ты побеспокоил меня, Аладдин? Мы же договорились с тобой, что я ухожу на пенсию.

— Прости меня, о повелитель злых духов! — воскликнул Аладдин, падая на колени. — Но случилось событие, которое заставило меня изменить слову. Если хочешь, казни меня, если хочешь, выслушай.

— Говори! — проревел джинн.

Он был страшен — ростом с двадцать этажей, темнокожий, голый и страшно зубастый.

— Нет, пускай он помолчит, — заявила Баба-яга, которая теперь немногим уступала джинну ростом. — Вы лучше, господин хороший, возвращайтесь в свою банку, продолжайте отдыхать, а мы тут без вас разберемся. Я вам как женщина советую.

Может быть, джинн и послушался бы Бабу-ягу, но он не выносил, когда ему давали советы женщины.

— Приказывай! — сказал он Аладдину.

— Я прошу тебя, чтобы все те, кого ты видишь вокруг себя, снова приняли свой прежний вид, в том числе и разрушенный дом Синдбада-морехода, и стали такими же, как прежде. И больше мне ничего не надо.

— И дворцов не надо строить, и голов не надо сносить?

— Ничего, мой друг.

— А потом снова на пенсию?

— А потом снова на пенсию.

— Быть по тому! — сказал джинн, и пока Баба-яга, Мальчик-с-пальчик и черный кот возвращались в свой прежний вид, он и сам уменьшился и залез в свой кувшин, а Аладдин заткнул его пробкой и положил на место в переметную суму на боку своего верблюда.

Баба-яга и Мальчик-с-пальчик не стали ждать выяснения отношений. Они с такой скоростью убежали из города, что Баба-яга забыла на площади свою треснутую ступу, и лишь верблюд успел наподдать ногой Мальчику-с-пальчик. А так как мальчик был маленьким, то его до сих пор так и не нашли.

Все вернулись домой к Синдбаду и устроили большой пир.

Король прислал специального придворного, чтобы тот извинился за поведение стражников и за то, что он сам, король, поверил такой гадкой клевете на Красную Шапочку.

А из следующего путешествия Синдбад-мореход привезет увеличительного порошка для Карабаса-Барабаса, и тогда, господа, — добро пожаловать в павильон гигантских бабочек нашего городского зоопарка!

СИНДБАД-МОРЕХОД

Знаменитый путешественник Синдбад-мореход не всегда был мореходом.

Когда он был маленьким, его звали Синдбадиком, а то и просто Бадиком, а когда подрос, стали называть Синдбадом.

Жил Синдбад в арабском городе Багдаде, от которого до моря ехать на верблюде целый месяц, а плыть на лодке по реке Тигр еще дольше. Родители Синдбада умерли, когда он еще учился в школе, и оставили ему большой дом и много денег. Сразу у Синдбада появилось много друзей и приятелей, они приходили к нему в гости, пили, ели, брали в подарок деньги, приводили своих знакомых — веселье кипело в доме Синдбада с утра до утра.

Но однажды утром Синдбад проснулся от странной тишины.

Никто не пел и не играл, не слышны были шаги и звон посуды.

Синдбад удивился и пошел по дому. А в доме не было ни одной живой души. Не только все приятели и друзья куда-то делись, но исчезли слуги, повара, садовники, конюхи и погонщики верблюдов. На ковре в большом зале валялась драгоценная шкатулка, в которой Синдбад хранил деньги. Шкатулка была пуста.

Синдбад понял — все друзья и слуги покинули его, потому что кончились деньги. Оказалось, что настоящих друзей у Синдбада нет.

Синдбад проголодался и пошел к одному из своих друзей.

Он постучал в ворота, но бывший друг закричал:

— Убирайся, нищий бродяга!

— Но куда мне деваться? — спросил Синдбад.

— Хоть на край света! Нам нет дела до бездельников!

Конечно, Синдбаду было неприятно слушать такие слова, но он подумал: не послушаться ли совета? Может, отправиться в путешествие, увидеть дальние страны и чудесные острова, диковинных зверей и птиц?

Синдбад пошел на берег большой реки Тигр, где купцы грузили товары в лодки, чтобы спуститься в них до моря и там перегрузить все на большие корабли.

Синдбад стал просить купцов, чтобы его взяли с собой. А так как Синдбад был молодым, сильным и веселым на вид человеком, купцы согласились взять его в свою компанию.

По дороге к морю купцы рассказывали Синдбаду удивительные истории о приключениях на море, такие, что и поверить невозможно. Но очень скоро оказалось, что они были правы.

Синдбад поплыл на корабле в Индию. Корабль был велик, на палубах разместилось много купцов и их слуг, а в трюмах тысячи тюков и ящиков с товарами.

День за днем корабль несся вперед, то быстрее, если дул попутный ветер, то медленнее, если ветер стихал и наступал штиль. К счастью, ни разу не случился сильный шторм.

Прошел почти месяц. Купцы и моряки соскучились по твердой земле.

И вдруг однажды утром матрос, который сидел в специальной бочке на мачте, чтобы издали заметить берег, закричал:

— Земля!

Купцы ожили, заволновались, солдаты приготовили пики и сабли, потому что на неизвестной земле могли жить злые дикари.

Остров был длинный, покатый, с холмом ближе к одному краю; он густо порос лесом. Вдоль берега тянулась полоска пляжа, о которую разбивались волны.

Корабль подошел к берегу.

С борта корабля спустили сходни, и купцы кинулись на берег. Они бегали по песку как маленькие дети и радовались тому, что у них под ногами твердая земля.

Синдбад подумал, что неплохо бы устроить настоящую стирку. Он притащил с корабля большое деревянное корыто, снял с себя халат и грязное белье, налил в корыто воды из ручейка, что впадал в море рядом, намылил белье и принялся за работу.

Неподалеку от Синдбада купцы положили на песок убитого ими в лесу оленя. Они хотели его тут же зажарить. Одни побежали в лес за сучьями, а другие срубили два дерева, чтобы сделать рогульки для костра. Только купцы начали вколачивать рогульки в землю, как земля под ногами вздрогнула. Неужели землетрясение? — испугался Синдбад.

Тем временем купцы разожгли костер и принялись жарить оленя. Они веселились и пели песни, ожидая обеда.

Пламя костра поднялось высоко к небу, и тут Синдбад услышал, как изнутри острова донесся глухой стон. Земля снова вздрогнула.

И в этот момент капитан корабля подбежал к борту и закричал:

— Остановитесь! Я догадался! Мы пристали не к острову, а к чудо-юдо рыбе, которая так давно плавает по морям, что на ней выросли кусты и деревья. Вы неразумно разожгли на ней огонь и обожгли громадную рыбу. Спешите на борт, пока она не нырнула от боли в воду!

По команде капитана матросы стали поднимать паруса, а купцы кинулись к кораблю. Но не успели.

Земля под ногами Синдбада уже не просто дрожала, а дергалась, берег стал на дыбы, все, что было на нем, посыпалось в воду, а чудо-юдо рыба нырнула в воду и исчезла вместе со всеми кустами, деревьями, костром, недожаренным оленем и купцами, которые не успели убежать.

Синдбад тоже полетел в воду, но успел на лету ухватиться за край деревянного корыта. И не выпустил его, даже когда корыто шлепнулось в море. На том месте, где только что был остров, поднялись высокие волны. Они подбрасывали корыто как щепку. И куда Синдбад ни бросал взгляд, корабля не было видно.

Когда волны утихли, Синдбад перевернул опрокинутое корыто, влез в него, как в лодочку, и вычерпал ладошками воду.

Вокруг расстилалось безбрежное море, у Синдбада не было ни паруса, ни весла, у него даже одежды не осталось, если не считать чалмы на голове.

Целый день Синдбада носило в корыте по волнам, а вечером он заснул.

Проснулся Синдбад от сильного толчка.

Он вскочил на ноги и увидел, что корыто стоит, уткнувшись в песчаный берег неведомой земли. Начинался теплый солнечный день, над берегом носились белые чайки, пальмы подступали к самой воде.

Синдбад вылез из своего корабля и пошел искать воду и пищу.

Вскоре он наткнулся на ручеек, который впадал в море. Он встал на колени и напился. Теперь разыгрался голод.

Синдбад пошел прочь от берега. Он надеялся отыскать в лесу фрукты или ягоды, а если повезет — и добрых людей, которые его приютят и накормят.

Синдбад шел долго, но ни плодов, ни ягод, ни добрых людей не встретил. Солнце палило вовсю и обжигало кожу — ведь от всей одежды у Синдбада осталась одна чалма.

Вдруг впереди показался белый шар, верхушка которого поднималась выше самого высокого дерева.

Синдбад решил, что это дом, и поспешил к шару. Но ни одной двери он не увидел, даже окон в шаре не было.

Обойдя шар, Синдбад решил, что неплохо бы вздремнуть в тени шара. Что он и сделал.

Сквозь сон Синдбад услышал шум ветра, будто налетела дикая буря. Синдбада подхватило ветром и понесло прочь, как сухой листок. Когда он открыл глаза, вокруг было темно.

Не сразу Синдбад пришел в себя и сообразил, что к шару спустилась страшная птица, настолько огромная, что тень ее крыльев превратила день в сумерки.

Синдбад сообразил, что видит птицу Рух, о которой ему рассказывали моряки. Эта птица водится в дальних странах, и она так велика, что кормит своих птенцов слонами. Как же он сразу не догадался, что шар — это яйцо птицы Рух!

Птица Рух, конечно же, не заметила Синдбада, который был для нее все равно что для человека муравей.

Она уселась на яйцо, чтобы согревать его холодной ночью, закрыла глаза и спрятала голову под крыло.

Синдбад подумал, что эта птица может помочь ему выбраться с этого острова.

И вот что он сделал.

Синдбад размотал свою чалму, и получилась длинная шелковая лента. Потом он примотал себя этой лентой к ноге птицы Рух и уселся ждать утра.

Долго-долго тянулась ночь, и наконец наступил рассвет. С первыми лучами солнца птица Рух раскрыла клюв, откашлялась и пропела свою утреннюю песню, такую громкую и пронзительную, что некоторые деревья вокруг сломались, а с других облетели листья. Синдбад, который был крепко примотан к ноге птицы, заткнул пальцами уши и поэтому не оглох от этой песни.

Птица Рух поднялась со своего яйца и, склонив набок голову, долго им любовалась. Видно, она гордилась тем, какое у нее большое и круглое яйцо, а в нем сидит и ждет своего часа самый красивый младенец.

Потом мать осторожно постучала по яйцу кончиком клюва. В ответ из яйца послышался стук, видно, птенец уже собирался вылупиться.

Птица Рух разбежалась и взлетела к самым облакам.

Она летела долго, внизу сначала был океан, а потом началась земля, на которой поднимались горы. Под облаками было холодно, и голый Синдбад совсем закоченел. Еще чуть-чуть — и он умрет от холода!

Вдруг птица камнем ринулась к земле. Синдбад не стал смотреть, зачем она это сделала, у него была лишь одна надежда — скорее отвязаться от птичьей ноги и остаться на теплой земле.

Так что в тот момент, когда птица коснулась земли, Синдбад дрожащими руками развязал узел и отпрыгнул в сторону. А птица, с трудом взмахивая крыльями, взмыла к облакам.

Синдбад задрал голову и увидел, что птица Рух держит в когтях громадную змею.

Синдбад подивился тому, какие бывают большие змеи, и стал прыгать, чтобы согреться.

Только он подпрыгнул, видит — под ногами змея!

Он в ужасе отпрыгнул в сторону и чуть не наступил на скорпиона!

И тут Синдбад понял, что он попрощался с птицей Рух в глубоком ущелье, на дне которого кишмя кишели змеи, ящерицы, скорпионы, пауки и сороконожки. Причем одна гадина другой больше. А среди змей были и такие, которым ничего не стоило проглотить Синдбада.

На дне ущелья поблескивало множество камней, некоторые из них сияли, как алмазы и изумруды, но, конечно же, Синдбаду было не до них. Он все придумывал, как бы ему выбраться из ущелья живым.

Наступил вечер, а Синдбад так ничего и не придумал. На всякий случай он набрал целую горсть блестящих камней и кидал их в змей, которые подползали к нему слишком близко.

Как странно получается в жизни у людей, думал он. Одни люди за такие камешки готовы все на свете отдать, а он эти камешки кидает, чтобы остаться в живых.

Когда уже стало темнеть и змеи, что раньше грелись на солнышке, начали быстро ползать по ущелью в поисках пищи, Синдбад понял, что если он срочно не спрячется, то погиб.

И тут он увидел вход в пещеру.

Вход был довольно узкий.

Синдбад сунул голову внутрь и спросил:

— Простите, тут не занято?

Ответом ему было гробовое молчание.

Тогда он вполз в пещеру и на всякий случай завалил вход изнутри камнями. Потом он ощупью пробрался в дальний конец пещеры, нащупал круглый гладкий камень, положил на него голову и крепко заснул.

Наступило утро.

Луч солнца пробился в пещеру и разбудил Синдбада.

Его подушка зашевелилась.

И Синдбад чуть не закричал от страха. Оказывается, в темноте он не увидел, что пещера уже была занята удавом, который

спал в углу, обмотав своим телом кучку яиц. Вот в этой семейке Синдбад и провел ночь.

Не дожидаясь, пока удав сообразит, что его добыча сидит в пещере рядом с ним, Синдбад кинулся прочь, выскочил наружу и тут перепугался еще больше.

Сверху на камни шмякнулся большой кусок свежего мяса.

Синдбад отпрыгнул от мяса подальше, но тут сверху упал еще один кусок. Некоторые из кусков попадали на завтрак змеям, но многие остались лежать на камнях.

Синдбад стал смотреть вверх, но обрыв был таким высоким, что он ничего не разглядел.

Прошло еще немного времени, и тут в ущелье стали слетаться хищные птицы — орлы, соколы, коршуны и ястребы. Они хватали куски мяса или змей, которые эти куски проглотили, и поднимались со своей добычей в небо.

— Мне повезло! — обрадовался Синдбад. — Воздушное путешествие продолжается!

Он снова размотал свою чалму и привязал себе на грудь большой кусок мяса. Потом лег на камни и стал ждать. Он очень надеялся, что какой-нибудь большой орел увидит его прежде, чем жадный удав.

Так и случилось. Вскоре сверху спустился громадный орел, он увидел мясо, привязанное к груди Синдбада, схватил его когтями и, поднатужившись, взлетел вверх.

Тяжело было орлу, но он поднимался все выше и выше, пока не опустился из последних сил на вершину обрыва. Он кинул Синдбада на землю и стал отрывать куски мяса, привязанные к его груди.

Синдбад поспешил отвязать мясо, чтобы орел по ошибке его самого не заклевал, и тут услышал шум, крики и звон.

К нему бежали люди, которые колотили палками по медным тарелкам и били в барабаны.

Орел испугался и улетел. А люди подбежали к Синдбаду и страшно удивились.

— А ты что здесь делаешь? — спросили они Синдбада.

Синдбад рассказал этим людям, как он перехитрил орла и поднялся из ущелья. Люди удивлялись смелости Синдбада и рассказали ему, что они — собиратели драгоценных камней. Они боятся спускаться в Змеиное ущелье и кидают туда свежее мясо. Драгоценные камни — алмазы, изумруды и рубины, которыми покрыто дно ущелья, — прилипают к мясу или попадают в живот змей. Потом прилетают птицы, хватают добычу и поднимают на вершину обрыва. Тут люди их отгоняют и отлепляют камни от мяса.

Охотники за камнями пожалели Синдбада и дали ему несколько алмазов и показали дорогу до их города. В городе Синдбад выменял на алмазы новую одежду и купил товаров.

Синдбад пошел в порт и попросился на корабль, который как раз собирался отчаливать. Он хотел вернуться домой и продать там товары.

Но ему опять не повезло.

Плыли они на корабле несколько дней и увидели небольшой остров. Решили пристать к нему и набрать свежей воды. Но только корабль бросил якорь, как его окружили лодки с дикими карликами, которых было так много, что они заполонили палубу и облепили мачты так, что корабля не стало за ними видно. А купцов и матросов они выкинули за борт.

Захваченный карликами корабль уплыл в море, а люди остались на необитаемом острове.

Купцы обливались слезами, потому что потеряли свои товары, матросы — потому что остались без корабля, один Синдбад не расстраивался.

Он уже привык к приключениям и думал: «Сейчас так плохо, что скоро станет лучше».

И только он так подумал, как впереди раздался страшный вой и поднялся столб вонючего дыма.

Путники замерли от ужаса, а из-за скалы выполз дракон. Он был покрыт зеленой чешуей, из пасти у него шел дым, а брюхо волочилось по земле.

Дракон не спеша подобрался к дрожащим путникам, прищурился и выбрал из них самого толстого. Высунув раздвоенный на конце красный язык, он слизнул купца, прожевал и проглотил.

Только тогда купцы кинулись наутек. Но остров был небольшой, и дракон не спеша топал за ними, хватал отставших и глотал их, как вишни.

Дракон гонял несчастных путешественников по острову до темноты. А как стало темно, оставшиеся в живых купцы и матросы забрались на высокое дерево и устроились на ветвях среди листвы. Они так надеялись, что дракон их не заметит!

Наступило утро.

Они проснулись и увидели — о ужас! Оказывается, дракон спокойно проспал всю ночь под деревом, дождался солнца и пригнул к себе дерево, как травинку. А пригнув, начал собирать с него несчастных людей.

Синдбад еле успел соскочить с дерева и убежать.

Он остался последним.

«Нет, — сказал себе Синдбад, — я не люблю, когда меня едят вонючие драконы. Раз я человек, значит, у меня есть умная голова. А голова должна что-то придумать».

Синдбад спустился на берег моря, и там валялось немало досок и бревен, выкинутых волнами.

Тогда Синдбад привязал себя к длинному бревну. Потом взял еще бревно и привязал поперек первого.

И к ногам привязал бревна. Всего себя обвязал бревнами, словно очутился в большой клетке.

Только он кончил связывать клетку для себя самого, как увидел, что к берегу спешит дракон — видно, опять проголодался.

Синдбаду было очень страшно, он зажмурился, но терпел.

Дракон посмотрел на странного человека в клетке из бревен и удивился. Он распахнул пасть и попытался проглотить человека. Но не тут-то было! Бревна не помещались в пасти, а перекусить их дракон не мог. Дракон забежал с одной стороны — ничего не получается! Дракон забежал с другой стороны — тоже не получается. Дракон подлез под клетку, дракон подбрасывал клетку в воздух, дракон хотел ее растоптать — но ничего не получалось! Он себе половину зубов обломал — и все впустую.

Тогда дракон сошел с ума от злости, обхватил клетку передними лапами, поднялся на задние лапы и кинул клетку в море. А сам заплакал драконьими слезами и пошел прочь.

А Синдбад плыл в клетке по морю, и настроение у него было плохое. Если его не прибьет скоро к какому-нибудь берегу, он умрет от жажды.

Но не прошло и часа, как Синдбада заметили с небольшого корабля, что плыл в Индию. На корабле страшно удивились: почему по морю плывет клетка?

Синдбад увидел корабль и закричал:

— Спасите, спасите!

Его подняли на борт, развязали, и он рассказал свою страшную историю.

Но и на этот раз Синдбаду не удалось добраться до дому.

Началась буря. Она кидала корабль, как ореховую скорлупку, звезд не было видно, и корабль сбился с пути.

Три недели бушевала буря. На четвертую неделю матросы увидели землю и пристали к ней.

Еле живые спустились матросы на землю. Еда и вода у них кончились, и они разбрелись по острову в поисках пищи.

Синдбад шел по острову и думал: что-то он ему знаком! Как будто он здесь уже был.

Вдруг он услышал впереди крики и стук.

Он поспешил туда и увидел, что матросы окружили громадный белый шар. Люди не понимали, что это такое, поэтому они стали бить по яйцу камнями.

— Остановитесь! — закричал Синдбад. — Это яйцо птицы Рух! Видите, оно покачивается — вот-вот из него вылупится птенец. И если вы причините ему вред, то нас растерзает его мать.

Но матросы были очень голодные, и, узнав, что в яйце птенец, они притащили камни потяжелее, и, как ни умолял их Синдбад, они скоро пробили в яйце дыру. Яйцо треснуло, раскололось пополам, и все увидели, что среди обломков скорлупы сидит голый розовый птенец и пищит, разевая загнутый клюв длиной в лодку.

Матросы принялись бить камнями птенца. Он плакал и пищал. Синдбад старался его защитить — но все напрасно!

Птенец был еще жив, а матросы уже разжигали костер, чтобы поджарить его.

И тут небо потемнело. Как гигантская туча, закрыли его крылья птицы Рух, которая услышала плач своего малыша!

— Скорее! — закричал Синдбад своим спутникам. — Бегите на корабль, отплываем в море!

Только тут матросы сообразили, что их дело плохо. Они кинули птенца и со всех ног помчались к кораблю. Корабль уже поднимал паруса, якоря выскочили из воды, словно были легкими, как перышки. Ветер наполнил паруса, и корабль помчался прочь от берега.

Птица Рух опустилась к своему детенышу, а в небе появилась вторая птица — отец птенца. Он держал в когтях целую скалу. Поднявшись над кораблем, папа Рух отпустил камень, и тот упал у самого корабля, чуть его не перевернув.

Вторая птица тоже схватила с земли камень размером с дом и, поднявшись, отпустила его.

И этот камень попал прямо в середину корабля и разбил его пополам.

И никто, кроме Синдбада, не спасся.

Синдбад же схватился за доску, и его понесло волнами прочь от острова.

Его носило по волнам весь день, и лишь поздним вечером, когда руки Синдбада устали держаться за доску, волна подняла его и кинула на песок небольшого островка.

Синдбад был еле жив от усталости и переживаний.

Он нашел ручей, напился из него, потом увидел банан со спелыми плодами, наелся и подумал: «Ведь не зря я говорил, что все хорошо кончится!»

С этой мыслью Синдбад заснул на мягкой травке возле ручья, под бананом. Ну что еще нужно усталому путешественнику!

Утром Синдбада разбудило пение птиц и жужжание пчел. Он умылся в ручье и когда снова принялся чистить банан, то увидел, что на том берегу ручья сидит старенький старичок в чалме и красном шелковом халате.

— Доброе утро, дедушка, — сказал ему Синдбад.

Старик ничего не ответил, только смахнул со щеки слезу.

— Кто тебя обидел, дедушка? — спросил Синдбад.

Старичок снова ничего не ответил, но показал рукой, что хотел бы перебраться через ручей, да не может.

— Сейчас я тебе помогу, — сказал Синдбад.

Он перешел вброд ручеек и наклонился над стариком. Тот взобрался на плечи Синдбаду и схватил его шею босыми ногами, такими черными и грязными, будто за свою долгую жизнь ни разу их не вымыл.

Синдбад перенес старика, и тот подтолкнул его в шею. Синдбад понял, что старичок проголодался. Он поднес его к банану, и старик стал срывать спелые бананы и чистить их.

— Ну вот и покатались, — сказал Синдбад. — Давайте слезать!

Старик будто и не слышал его. Он продолжал срывать бананы и жадно их пожирать. Вокруг Синдбада выросла куча банановых шкурок.

Синдбад попытался снять старичка со своей шеи, но тот принялся больно колотить Синдбада по затылку сухим кулачком и таскать его за волосы. У Синдбада слезы из глаз полились.

— Ну что тебе еще нужно? — взмолился Синдбад.

Старичок захихикал и начал постукивать Синдбада кулачком по щекам и по затылку, чтоб показать, куда надо идти.

А идти надо было к финиковой пальме и трясти ее, пока с нее не упадет в траву много фиников. Потом старичок заставил Синдбада собирать финики и класть их в его беззубый рот.

Весь день Синдбад таскал на себе такую гадкую ношу, а когда свалился от усталости и заснул, старичок все равно не отпустил его. Он так и дремал, схватив ногами шею Синдбада.

На следующий день все повторилось снова.

Синдбад уговаривал старичка, просил его, ругался — и все впустую. Отделаться от него было невозможно. Синдбад уж стал думать, что такой старичок страшнее, чем птица Рух или дракон. Тот сглотнул тебя разок, и все. А этот замучает, но не сразу.

И вот, когда Синдбад поднес старичка к ореховому кусту, он стал думать, как бы избавиться от ноши. Ведь безвыходных ситуаций не бывает. В это Синдбад верил.

Тут Синдбад увидел рядом куст винограда. Виноград был спелый.

Тогда Синдбад отыскал на земле высохшую прошлогоднюю тыкву и, пока старичок щелкал орехи, начал давить виноград в тыкве, а потом положил тыкву на солнышке.

Через три дня виноград превратился в виноградное вино.

Когда Синдбад решил, что вино готово, он поднес старичка к тыкве, открыл пробку и попробовал вино. Оно было крепкое и сладкое.

— Ой, как вкусно! — воскликнул Синдбад. — В жизни я еще ничего вкуснее не пробовал!

Старичок рассердился. Он стал вырывать тыкву из рук Синдбада. Старичок хотел попробовать все самое вкусное на свете.

Синдбад не сразу отдал тыкву, а сначала упирался. Но старичок все же вырвал тыкву, попробовал вино, и оно ему понравилось. Старичок высосал большую тыкву, вдвое растолстел от вина и стал совсем пьяный. Он мычал какие-то песни, махал руками, а потом свалился с Синдбада и пустился в пляс.

— Вот видишь, — сказал ему Синдбад. — Пьянство до добра не доводит.

Но старичок ничего не понимал. Он шатался, кружился, упал на землю и захрапел.

Синдбад хотел его убить, но потом все-таки пожалел и оставил в лесу, а сам поспешил на берег.

И вовремя, потому что как раз в то время мимо острова проплывал корабль, с которого Синдбада заметили, спустили лодку и взяли на борт.

Когда Синдбад рассказал морякам о своем приключении, они объяснили ему, что этот злой старик давным-давно живет на этом острове и все его боятся так, что на острове не высаживаются.

Синдбад спросил моряков, куда они направляются, и они ответили, что едут в свой город, но оттуда иногда ходят корабли в сторону Багдада. И тогда Синдбад решил, что все его приключения закончились.

Но он опять ошибся.

Через несколько дней спокойного плавания показался берег.

На берегу стоял город. Все дома в нем были высокие, а двери их выходили прямо на набережную. Напротив каждого дома стоял в море корабль. Они были широкие и похожие на обеденные

столы. Посреди каждого корабля стоял настоящий дом с окнами и крышей. Такие дома на кораблях никогда не строят, потому что в первую же бурю такой корабль опрокинет волнами. Но еще больше удивился Синдбад, когда увидел, что вокруг корабельных домов насыпана земля, из которой сделаны клумбы, а на клумбах растут цветы. На некоторых кораблях помещались еще и конюшни, а возле домов стояли кареты.

— Куда же вы на таких кораблях плаваете? — спросил Синдбад.

— А вот поживешь у нас и увидишь, — ответили его новые знакомые.

Их корабль причалил к берегу, капитан пригласил Синдбада к себе пожить, пока в город не придет какой-нибудь корабль, который сможет отвезти Синдбада домой.

— Я хочу погулять по вашему городу, — сказал Синдбад.

— Делай что хочешь, — ответил капитан, — только об одном тебя прошу — возвращайся обратно до темноты.

— Хорошо, — сказал Синдбад и пошел гулять.

Город был большой, за городом начинался богатый сад. Синдбад сел под пальмой, задумался и нечаянно заснул.

Проснулся он, когда солнце уже село. Начало темнеть. Со стороны города доносился какой-то шум.

Синдбад вспомнил о просьбе капитана и поспешил в город.

Быстро темнело. На небе показались звезды. Улицы были пусты, в окнах домов не горел свет.

Синдбаду стало не по себе.

Он побежал к своему дому и когда нашел его, то понял — в доме нет ни одного человека.

Все вещи стоят на местах, одежда висит в шкафах. Чайник на кухне еще теплый — видно, недавно здесь пили чай.

Синдбада охватил ужас.

Он готов был бежать, но не знал, куда бежать. Побежишь, не зная куда, — и натолкнешься на опасность.

Синдбад выбежал на набережную и понял, что ни одного странного корабля не осталось возле нее. Лишь далеко в море виднелись тусклые огоньки.

Вдруг Синдбад увидел человека, который со всех ног бежал к морю.

Синдбад побежал ему навстречу.

— Что случилось? — закричал он.

— Вы приезжий? — спросил незнакомец.

— Да, я только сегодня приплыл сюда на корабле.

— Тогда бегите скорей со мной, садитесь в эту лодку. Я по-

жарный этого города и поэтому каждую ночь я отплываю из него последним, потому что проверяю, все ли очаги погашены.

Пожарный греб изо всех сил, и вскоре они оказались далеко от берега.

— Теперь можно и отдохнуть, — сказал пожарный. — Вы, наверное, хотите знать, чужеземец, почему все люди держат возле своих домов корабли и лодки, а как наступает темнота, убегают из своих домов, отплывают на кораблях от берега и проводят ночь в своем втором плавучем доме.

— Почему же? — спросил Синдбад.

— Наш город, — сказал пожарный, — называется Городом обезьян. Днем в нем живут люди, занимаются своими делами, торгуют, работают, отдыхают, а с наступлением темноты с гор спускаются несметные стаи больших обезьян. И если кто-то из людей задержится вечером в городе, обезьяны безжалостно убивают его, потому что ночью это их город. Они живут в человеческих домах, спят на наших постелях, гуляют по нашим улицам. Но лишь выглянет первый луч солнца, обезьяны убегают снова в свои леса и горы.

Тут лодка пожарного подплыла к квадратному «кораблю» с клумбами и большим домом, в котором его ждала семья. Синдбада и пожарного накормили ужином и уложили спать.

А с наступлением утра тысячи кораблей и лодок двинулись к набережной. Корабли бросали якоря, и люди сбегали по сходням на берег. Дети собирались в школу, торговцы на базар, а чиновники на службу.

Когда Синдбад вернулся в дом капитана, который уже решил, что его гость погиб ночью, то спросил его:

— А почему вы не объявите войну обезьянам и не перебьете их?

— Потому что жизнь не такая простая, как кажется, — ответил капитан. — Раз мы терпим такие неудобства, наверное, мы получаем какую-то выгоду.

— Но скажите какую! — попросил Синдбад.

— Хорошо, — сказал капитан. — Возьми один из мешков, что лежат в прихожей, и пойдем вместе с нами в лес.

Синдбад взял мешок и понял, что он очень тяжелый.

— Что вы в него положили? — удивился он.

Оказывается, мешок был полон гальки, собранной на берегу моря.

Синдбад хотел выкинуть гальку, но ему сказали, что без нее в лесу делать нечего.

Они пошли в горы, и Синдбад увидел, что вместе с ними идут тысячи горожан и все несут с собой мешки.

Вот они дошли до леса. Деревья в лесу были страшно высокие, стволы их очень гладкие — на такое дерево не взберешься.

На деревьях было множество обезьян. Они прыгали по веткам и кричали, дразнили людей.

Тогда люди развязали мешки с галькой и начали кидать камешками в обезьян.

Как обезьяны рассердились! Как они завопили!

Они принялись срывать с веток орехи и кидать их в людей так ловко, что многим досталось как следует. Но никто этого не замечал. Разбросав все камни, горожане стали ползать между деревьев и собирать орехи. Капитан велел Синдбаду тоже этим заняться.

Скоро они собрали по полному мешку и пошли домой.

По дороге капитан раскрыл Синдбаду тайну Города обезьян.

Оказывается, орехи, которые растут на высоких деревьях, ценятся во всем мире выше золота. Из них делают пряности такие редкие и душистые, что князья и короли готовы отдать все что угодно за эти орехи. И нет другого места во всем мире, где бы еще такие орехи росли.

— Теперь тебе понятно, почему мы согласны терпеть обезьян? — спросил капитан, и Синдбад с ним согласился.

Синдбад прожил в том городе целый месяц. Как раз в этот месяц и поспевали орехи. Каждый день горожане брали Синдбада с собой в лес, и он возвращался с полным мешочком, а ночью отплывал со всеми вместе в море.

Через месяц к городу пристал корабль, который шел в сторону Багдада. Корабль пришел за драгоценными орехами. Жители города продавали орехи купцам на корабле, а Синдбад отдал один мешок за проезд до дому, а остальные мешки с орехами взял с собой.

И правильно сделал.

Когда Синдбад приехал в город Багдад, он продал эти орехи так дорого, что построил себе большой дом, разбил вокруг чудесный сад, женился на самой красивой девушке в Багдаде, и они прожили вместе долгую и счастливую жизнь.

У Синдбада в Багдаде было много друзей, они любили приходить к нему в гости, и Синдбад не уставал рассказывать о своих приключениях, а друзья не уставали слушать.

НАЕЗДНИКИ

Глава 1

Верка проснулась. Ей хотелось спать.

Весь день ей будет хотеться спать.

Так складывается жизнь бедных женщин — они хотят спать всю жизнь, с раннего детства до кривой старости.

Дождь стучал коготками по крыше. Двадцать шестого сентября ему исполнилась неделя. За неделю он не стал ни сильней, ни веселей, ни умнее, сыпал себе и сыпал, зато земля размокла — как теперь к зиме перекопаешь грядки? А баба сегодня будет требовать: «Перекопала? Перекопала?»

Когда человеку хочется спать, обязательно случается какая-нибудь гадость. В пять утра Верку разбудили коты, которые устроили потасовку на чердаке с воплями и шипением. Чего им драться на дворе? Там мокро. А вот чужой чердак — комфортабельный стадион. Конец сезона!

Ей показалось, что она угадала голос Котяры. А уж ему бы лучше не ввязываться, слабосильному!

В комнате было холодно, как на полярной зимовке. Верка спала под двумя одеялами и бабиным пальто. Хорошо соседям — у всех АГВ, центральное отопление и теплая ванная с туалетом.

Отец никогда не зарабатывал, да уже и не будет. Он, как говорила баба Элла, приспособлен только для шармана. То есть для красивой любви и веселой компании. Женщины на этот шарман попадаются.

А вот баба Элла? Она бедная или прикидывается?

Верка так и не догадалась. Но баба всю жизнь прожила в этой халупе: удобства во дворе, печка и умывальник в сенях, за водой надо ходить к колонке на углу. Просто чудо, что она согласилась на газовую плиту с баллонами. Баллоны доставлял дальний сосед Игнатьев, у него «Ока», ему не трудно.

Надо откинуть одеяло, не околеть от холода, добежать до кухни, включить плиту, а потом бежать на улицу — в односкатную будку-сортир. Наверное, это последняя такая будка в поселке. Потом чистить зубы, умываться ледяной водой, а если вода за ночь покрылась пленкой льда, нечего удивляться — такие в сентябре пошли циклоны.

В бабиных валенках и мохнатом халате Верка пробежала в

уборную. Коза Катька услыхала, как она бежит, и начала блеять, требовать, чтобы ее доили. Всего-то молока пол-литровая кружка, но не доить нельзя, а то молоко пропадет. А баба верит, что козье молоко — единственное настоящее лекарство. Лежит в больнице, жрет заграничные лекарства, подвергается уколам и притом делает вид, что помогает ей только козье молоко. Ну и лежала бы дома... Нет, лежит за государственный счет и ждет, когда, извините за выражение, любимая внучка навестит ее с гостинцами.

Верка немного попрыгала, поприседала за домом, чтобы согреться. Потом почистила зубы. Вода в рукомойнике была такая холодная, словно ее специально привезли из космоса.

Но и дождик был ненамного теплее, он состоял из частой завесы иголочек. Они вонзались в волосы, лезли за шиворот, царапали лицо.

Верка старалась не наступать на грязные дорожки, но валенки стали тяжелыми. И хоть были подшиты кожей, все равно промокли.

Верка вернулась в дом. После улицы дома было тепло, можно было существовать. Верка поставила чайник и стала собираться на электричку. Если опоздать на восемь сорок две, то придется полчаса ждать на платформе. Она собрала сумку для бабы. Еще с вечера Верка купила ей печенья и помидоров, отыскала книжку «Аэлита», которую баба Элла велела привезти, постиранные штаны и чистую ночную рубашку.

Пока чайник закипал, Верка побежала в сарай, подоила Катьку. Катька капризничала, требовала какой-то особенной еды. Верка дала ей полбатона. Котяра, бандит без правого уха, лежал в углу сарая на соломе с курами. Те его за зверя не считали. Кот делал вид, что спит и ни с кем ночью не дрался.

Подоив Катьку, Верка насыпала зерна курам и понесла банку с молоком в дом.

Собравшись, Верка вышла под дождь, заперла дверь — поселок почти пустой, в нем шурует ворье, — спустилась с крыльца и, как всегда, остановилась у большой, ей по пояс, металлической бочки, что стояла под водостоком.

Нужная бочка для дождевой воды. Если случается засуха, из нее черпают воду, чтобы поливать огород.

Верка нагнулась над бочкой, но вода ничего не отражала, потому что ее оспинками избили капельки дождя.

А в хорошую погоду Верка видела в бочке мамино лицо. Смутно, неясно, но ни с кем не спутаешь. Когда в первый раз увидела, побежала к бабе, а баба Элла даже смотреть не пошла. Сказала: «Если кажется, то перекрестись». Хотя баба была неве-

рующая и как-то рассказывала, что с теперешним митрополитом в одной комсомольской ячейке состояла. Словно это давало ей право ни во что не верить.

Может быть, Верке это казалось. Но она была уверена в том, что вода в бочке никогда не отражала небо, а за головой мамы была темная стена.

Кроме бабы, Верка никому о маме не говорила. Отец только бы огорчился и заподозрил, что Верка его упрекает. Он вечно чувствовал себя виноватым. Как-то Верка подслушала, как он говорил Евгению Семеновичу: «Я не хотел жить! Я готов был умереть. Если бы не Светлана, которая меня выходила, я бы покинул этот мир!»

Когда отец выпивал, он начинал говорить красиво.

Светлане Верка ничего не скажет, даже если ее будут пытать, как Зою Космодемьянскую.

А кто остается? Алена Щелкова из класса?

Людям пожившим, взрослым, часто кажется, что дети не бывают одинокими, что они и не подозревают о смерти. А у многих детей наступает такая тоска, что они рады бы умереть. Чаще всего им хочется прыгнуть с десятого этажа, если, конечно, не бояться высоты.

Верка высоты боялась, но не так сильно, как одноухий Котяра, что вообще-то для кота довольно странно.

Верка раскрыла зонтик.

Она так стеснялась бабиного черного зонтика, что никогда не раскрывала его даже на платформе, не говоря уж о Пушкине, куда она ездила в больницу. Это древнее сооружение без двух спиц, с дырой, в которую, видно, врезался Тунгусский метеорит, выпускать из дома стыдно. Но другого зонтика нет, а баба, конечно же, не даст денег на новый, она и этим вполне довольна.

Котяра хотел было проводить Верку до калитки, но передумал и остался на крыльце. Коты не любят воду.

Пахло флоксами.

Верка пошла к станции по середине улицы, там было укатано и сверху не нависали мокрые ветки.

Верка шла и думала, в каких домах еще остались люди, а из каких уехали. Раньше в поселке к концу сентября уже почти никого не оставалось, кроме бабы Эллы и еще двоих или троих постоянных, круглогодичных людей. Правда, все они жили ближе к станции и работали или на железной дороге, или в магазине. А в последние годы в поселке на зиму стало оставаться куда больше народу. Некоторые сдавали московские квартиры и вполне прилично жили на эти деньги на свежем воздухе. Другие продали участки, и на них богатые буратины построили себе

коттеджи. В поселке уже появилось несколько таких коттеджей. Раньше Верка думала, что коттедж — это что-то маленькое, почти фанерное, а оказалось, что это особняк из красного кирпича, задача которого занять своим толстым телом весь участок, чтобы ни клочка зелени не осталось, и разбить зимний сад на веранде третьего этажа. Эти буратины часто приезжали подышать свежим воздухом. Они включали кондиционеры и залезали в подвал, в сауну — покурить и сыграть в картишки.

Вот старый бревенчатый дом. Здесь раньше жила Ирина Васильевна. Она померла, а дети перевезли сюда мебель и собаку, которая стала беспризорной.

Привет, собачара!

В глубине кривой дом Папани. Он алкаш.

А следующий дом — крепость из красного кирпича, даже окна начинаются только на втором этаже, и стекол за решетками не видно. Смешно. Хорошо еще, что забор не такой высокий и ворота приоткрыты.

Кто-то в этот коттедж приехал. У крыльца кучи сора, веток и листьев — тот, кто приехал, первым делом подмел дорожки. Надо будет спросить у Папани, кто его новые соседи.

Засмотревшись, Верка не заметила, как ступила в лужу. Кроссовки у нее почти новые, весной Светлана купила, но если въехать по щиколотку, то промокают. Верка выскочила из лужи и, конечно же, поехала на заду по глинистому откосу дороги и остановиться не могла, потому что тогда пришлось бы выронить сумку с бабиными гостинцами и банку с Катькиным молоком. А это была бы катастрофа.

Чтобы катастрофы не случилось, Верка бухнулась в кювет, как в реку.

Было так стыдно, злобно и обидно, что она даже не стала сразу подниматься и почему-то подумала: «Главное, чтобы ни один дурак не увидел, как я сюда въехала».

Ей захотелось ругнуться хотя бы про себя по-матерному, но когда-то мама сказала: «Каждый человек, если он не дурак, может выразить любую мысль на русском языке без помощи неприличных и глупых слов». Верка ей поверила. Она всегда верила маме. Когда ей попадалась какая-нибудь книжка, где герои начинали круто колоться с прикидами и приколами, падать на «ж» и ругаться на «б», она мысленно заменяла эти слова русскими, и все получалось не хуже.

Как-то недавно Верка ехала в электричке, и рядом с ней сидели два мужика. Мужики были немолодые и страшно матерились. Как будто воду пили. Верка не за себя рассердилась. Рядом сидела женщина с грудным ребенком, и Верка подумала: ведь

эти слова у малыша на подкорке отпечатываются, он уже от них никогда не избавится.

А так как Верка на вид хлипкая, но не трусливая, она сказала этим мужикам:

— У вас, наверное, свои дети есть или даже внуки. Вы их тоже такой грязью кормите?

Мужики не сразу поняли, а когда Верка объяснила, рассердились, потому что им было неприятно, что мамаша с грудным ребенком кивала, одобряла Верку и готова была ее поддержать. И еще кто-то негромко сказал, что девочка молодец. Тогда мужики принялись гудеть на Верку и даже грозить ей. А один сказал:

— Ты, наверное, не русская, может, даже еврейка, если русского языка не понимаешь.

А Верка спокойно ответила:

— Это не русский язык. Это вонючий язык. От вас воняет.

И сказала она это громко. Мужики могли бы ее побить, потому что они сильнее, но в вагоне было слишком много народу. Они сделали вид, что пошли курить, и не вернулись. А мамаша сказала:

— Ты не права, девочка, нельзя так рисковать. Они могли тебя избить, а у меня маленький ребенок.

Она рассердилась на Верку за опасность.

И все равно это была победа.

А жизнь складывается из побед и поражений. Это на тринадцатом году жизни Верка уже выучила. Потому что у нее было куда больше поражений, чем побед. Порой одни поражения.

Как сейчас.

Верка поднялась, скользя, выбралась на дорогу, поставила сумку на траву, где повыше, и принялась стирать грязь с кроссовок листьями лопуха, что рос за кустом. Безнадега. И почему кроссовки не делают бурыми? Кому нужны эти белые паруса?

Рядом кто-то засмеялся.

Верка резко обернулась и опять чуть не упала, но успела схватиться за сухой сук над головой.

Шагах в двадцати от нее стоял ребеночек. Верка скатилась в канаву с таким шумом, что сразу его не услышала.

Она подумала «ребеночек», потому что не знала, мальчик это или девочка. Джинсики, курточка, шапочка, кудряшки — ну кто поймет? Лет не больше пяти-шести. Лучше даже сказать не «ребеночек», а «детеныш».

Детеныш смеялся странным женским голоском. Но Верка была уверена, что смех у него злой. Не смех, а насмешка, издевка.

Верка сообразила, что сумку с гостинцами она сохранила, а зонта в руке нет.

Зонтик лежал в канаве. На зонт он похож не был — она же на него упала, переломала целые спицы. Хорошо еще, не напоролась. Остатки зонта ушли в воду, и он уже казался не целой вещью, а несколькими утопленными кузнечиками или древним самолетом, грохнувшимся с километровой высоты.

Верка не стала гнать ребенка и пошла дальше к станции. Все равно кроссовки не отчистить, пока не высохнут.

Ребеночек побежал впереди, подпрыгивая, словно в самодеятельности. И не боялся упасть, и ничего к нему не приставало, даже казалось, что капли дождя его не касаются. Волосики, совсем сухие, курчавились и двигались над головкой, как живые.

Коленка болела — самое разумное сейчас было бы вернуться домой. «Поеду к бабе после обеда, а пока постираюсь, посушусь...»

Верка повернула обратно. Когда она поравнялась с коттеджем, ребенок забежал в открытые железные ворота и затанцевал, подпрыгивая, на дорожке из кирпичиков. Он пробежал мимо детской коляски, заглянул в нее, пискнул непонятно и остановился у входа.

На крыльце под большим полукруглым, как козырек кавказской кепки, навесом стояла женщина — обычная и приятная на вид. Как с открытки. Увидишь снова, не узнаешь.

— Мама, мама! — закричал ребеночек, подбегая к женщине.

Верка невольно остановилась.

Женщина сделала шаг вперед, выходя на свет, и вынула руку из-за спины. В руке был зонтик.

Женщина раскрыла его, и Верка решила, что она хочет выйти на улицу по своим делам. Но женщина громко сказала:

— Возьми зонтик, Вера, промокнешь совсем. Ужасная погода, не так ли?

Она говорила мелодичным голосом, как дикторша из телевизора, и притом слишком правильно. Тоже как дикторша.

Она знала, как зовут Верку. Значит, интересовалась.

— Нет, спасибо, мне не мокро, — сказала Верка.

Ребеночек подбежал к женщине, та протянула ему раскрытый, в мелкий лиловый цветочек зонтик, и ребенок поспешил обратно к воротам, играя с зонтиком, словно тот тянул его вверх, к облакам.

— Не надо, — повторила Верка, но ребенок совсем по-взрослому кинул зонтик в нее, и зонтик взлетел, прежде чем упасть на землю. Неудивительно, что Верка его подхватила — нельзя же, чтобы такой красивый зонтик упал в лужу.

Ребеночек быстро побежал к дому, а женщина сказала:

— Когда не будет нужен, занесешь. А можешь вообще не заносить, у меня много зонтиков.

— У нас много зонтиков! — крикнул ребеночек и засмеялся. Он стоял на крыльце под козырьком рядом с женщиной. Они махали Верке, будто она уезжала на поезде.

Верка не могла вернуть им зонтик, но и положить его в грязь нельзя.

— Спасибо, — сказала она.

Ей не ответили. Женщина с ребенком уже скрылись в дверях. Они ушли не оборачиваясь.

Верка сообразила, что не запомнила лица женщины и даже не помнит, как она была одета.

Хлюпая мокрыми кроссовками, Верка пошла к станции. Она была недовольна.

Казалось бы, радуйся, есть еще добрые люди. Дали ей, промокшей, зонтик и ничего не попросили взамен.

Верка знала, что у нее плохой характер. Несносный характер, как говорил отец. А Светлана в сердцах называла ее змеей-шипучкой. Баба Элла почему-то пугала Верку тем, что она замуж не выйдет, — будто Верке больше думать не о чем!

Наверное, у нее мог быть хороший характер, как у добрых людей. Но ей нечему было радоваться. У добрых людей другая жизнь, хорошая, состоятельная... Им можно не огрызаться, им зонтики из чужих ворот выносят каждый день.

И дался ей этот зонтик! Она же не просила!

Самое лучшее — вернуться и швырнуть этот зонтик им в рожу.

Но возвращаться и кидать — себя позорить. Покажешься идиоткой. Верка не любила быть идиоткой и даже казаться ею. Она и сама не знала, умная она или нет. А может, идиотизм и есть ее нормальное состояние?

А откуда им известно, как ее зовут?

Она в жизни не видала этой женщины. Хоть и не очень ее разглядела, но была уверена, что раньше не видала.

Зонтик оказался хороший, легкий, крепкий. Ясно, что ни одна спица сегодня не сломается.

Улица Школьная кончилась, и Верка с облегчением вышла на Вокзальную, когда-то заасфальтированную.

На себя лучше и не смотреть.

«Ладно, в больнице вымою кроссовки и джинсы — там во дворе колонка есть...»

Странная женщина шагала перед Веркой.

Она была высокого роста, под два метра или около того, ноги фотомодельной длины, юбочка короткая, чтобы удобнее их раз-

глядывать. На женщине была мокрая, прилипшая к худому телу шелковая блузка, а волосы нахимичены в воронье гнездо. Концы волос желтого цвета, а к корням почти черного. На ногах туфли на высоких каблуках, совсем не по погоде.

Когда Верка догнала женщину, она поняла, что та очень запущенная.

Женщина оказалась бомжихой, из тех вконец опустившихся женщин, которые спят на вокзальных скамейках или на чердаках, роются в помойках, но у которых всегда хватает денежек на выпивку. Они ищут таких же, часто ходят парами или стайками и редко побираются — чаще помойничают.

Если длинноногая и была когда-то манекенщицей, то как сошла с подиума (дорожки, по которой они шагают) у помойки, так больше и не переодевалась и даже не штопала одежду. Ее колготки состояли из дырок с перемычками, юбка чудом держалась и расходилась при каждом шаге, блузка прилипла к коже, под ней не было белья.

Верка обогнала бомжиху, пробежав по краю асфальта. Даже под дождем она почувствовала тяжелый запах, можно сказать, вонь.

Потом не удержалась и оглянулась.

Она ожидала увидеть красную, распухшую рожу — у всех таких бомжих красные, распухшие рожи. А эта была смертельно бледной, даже голуболицей, как будто из нее высосали всю кровь. А глаза у нее были неживые. Они двигались, даже уставились на Верку, но потом взгляд равнодушно ушел в сторону.

И Верка сразу поняла, что длинноногая — не бомжиха, что она не пьет и не бродит от помойки к помойке. Она больна, может быть, даже сбежала из какой-то очень секретной психбольницы.

И тут же Верка сама себя оборвала. Нет на свете такой больницы, где больным выдают рваное тряпье и в таком виде отпускают на волю.

Женщина шла не спеша, но как-то по-военному, твердо ставя ногу.

Верка поспешила дальше.

Ей хотелось снова обернуться, но она не стала. Сдержалась.

По старому, выщербленному, в трещинах и ямах асфальту Верка пошла быстрее. Она почти бежала, потому что до электрички оставалось всего ничего. Она даже услышала, как электричка гуднула на предыдущей станции — там поезд не останавливался и поэтому гудел. Значит, через четыре минуты электричка будет уже здесь, а надо еще перебежать пути, влезть в торце на вторую платформу, добежать до кассы и купить билет.

Конечно, билет можно и не покупать, но Верка уже две недели не покупала билетов и чутьем понимала, что сегодня будут контролеры. В Москве поставили турникеты, а на маленьких станциях не поставишь, поэтому контролеры все равно ходят.

Верка добежала до края платформы. Она ей была по грудь, а доску, чтобы подниматься на платформу, снова сломали и унесли. Верка поставила сумку наверх, положила рядом зонтик и подтянулась, но сорвалась. Хорошо еще, какой-то мужик на платформе увидел ее и протянул руку, помог подняться.

Бывают все же нормальные люди.

Верка вскарабкалась на платформу, вытерла ладони о джинсы.

Мужчина, который ей помог, был невысокого роста, скорее полный, чем худой, в маленьких, старомодных (или, наоборот, очень модных) очках. На нем был длинный плащ с подложенными плечами и синяя шляпа. Теперь мало кто носит шляпы. Но мужчине шляпа помогала обойтись без зонтика.

Мужчина перехватил Веркин взгляд и сказал тонким быстрым голосом:

— В шляпе тоже есть резон.

Верке некогда было разговаривать с очкариком, она сказала ему спасибо и побежала к кассе.

С предчувствиями лучше не спорить.

Только когда электричка отошла от перрона, Верка поняла, как зябко и противно было на улице. В вагоне началась райская жизнь, тем более что пассажиров почти не было и не нужно было стесняться своего вида.

Верка уселась у окна.

За три остановки не высохнешь, но все-таки передышка. А то ведь, если не будет автобуса, придется до больницы топать пёхом, а это и в хорошую погоду минут двадцать, проверено.

Глава 2

Больница была старая, еще дореволюционная. Она состояла из двух трехэтажных корпусов и низкого приземистого морга, за которым поднималась высокая кирпичная труба. На самом деле она к моргу отношения не имела — просто там стояла котельная. Но некоторые больные, а уж тем более посетители думали, что труба нужна для сжигания мертвецов. Поэтому она такая высокая.

Баба Элла лежала в большой палате на втором этаже.

Она еще почти не вставала, только если соседки помогали сходить в туалет.

Баба ждала Верку и заранее была недовольна ее опозданием,

хотя Верка никуда не заходила, только купила калорийную булочку. Автобуса долго не было, вот и задержалась.

Верка поздоровалась со всеми. В палате лежали пять женщин, почти все старые, ревматички или с артритом. Сплошные стоны и безнадежность.

Баба Элла все сразу заметила, хоть Верка и почистилась в раздевалке.

— Свинья везде грязь найдет, — сообщила она сердито внучке. — В какой канаве ты искупалась?

— Дождь идет, — ответила Верка. — Ты по-большому ходила?

Потом она протерла бабу Эллу влажным полотенцем, налила ей Катькиного молочка, но баба и здесь нашла к чему придраться.

— Чем ты ее кормишь?

— А что?

— Привкус у молока нездоровый. Ты ее пастись водишь?

— Вчера за домом на лугу привязывала.

— Не там привязывала.

Верка стала считать про себя. Не будешь же собачиться с бабкой прямо в палате.

— Когда выписывают, говорили? — спросила Верка.

— На тот свет меня выпишут, — сказала баба Элла, а тетка с соседней койки, Клавдия Семеновна, стала смеяться. Ее бабкина воркотня забавляла. — У них есть уколы, — сообщила баба. — Поднимают на ноги, как в сказке. Но только за наличные.

В палате трудно говорить, чтобы все не слышали. Толстая Марина от двери добавила:

— Я сама видела. В платной палате женщина лежит кавказской национальности, ей на той неделе курс назначили, она уже сегодня на завтрак в столовую с палочкой ходила, кем мне быть!

— А сколько стоит? — спросила Верка.

— Говорят, двадцать баксов за укол, — сказала Марина. — Мне Елена Борисовна сообщила.

— Это же надо! — запела Клавдия Семеновна. — Это же надо, какой грабеж!

— Я поговорю с доктором, — пообещала Верка.

Это были не пустые слова, только чтобы баба Элла отвязалась. Верка понимала, что, если бабку не выпишут из больницы в ближайшие дни, она просто погибнет. Во-первых, Верка уже скоро месяц как прогуливает школу. Другой бы отнесся к этому весело и даже обрадовался бы, что не пристают, но Верка была устроена совсем иначе. У других папы-мамы, другим есть куда деваться и где искать защиты. Верка — животное голое и никому на свете не нужное. И если она сама о себе не побеспокоится, никто о ней беспокоиться не станет. Баба Элла старая и немощная, от нее пользы никакой. Конечно, если бы она померла и оставила дачу Верке в наследство, то можно было бы дом продать, отделиться от всех и снимать комнату в Москве. Только это пустые мечты, потому что баба Элла помирать не собирается, а если помрет, то дачу заберет себе непутевый папаша. Для своей Светочки.

Верка знала твердо — она окончит школу и, хоть кровь из носу, уедет поступать в английский университет. Ни больше ни меньше. Когда станет профессоршей или графиней, она приедет обратно: погостить, себя показать и унизить всех, кто ее обижал. И, конечно, первым — отца. Потому что он у нее один оставался, а вот Верка у него оказалась не одна и даже не главная.

Верка вошла в ординаторскую. Обход еще не начинался, и Елена Борисовна сидела за одним столом с Ванечкой, Иваном Сергеевичем — завотделением. Лена диктовала, а Ванечка записывал. Они Верку сразу заметили, хоть она стояла в дверях молча, чтобы не мешать.

— Дождик еще идет? — спросил усатый Ванечка, как будто Верка выходила на пять минут. Он был совсем молодым, только что из ординатуры, но оказался мужчиной, и притом русской национальности. Поэтому его сразу сделали заведующим отделением, хотя, конечно же, и Елена Борисовна, и Салима Махмудовна были куда опытнее. Но никто не обижался, потому что Ванечка не грубил и никого не обижал.

— Дождик еще идет, — ответила Верка. — А правда, что импортные уколы привезли?

— Ты, наверное, голодная? — спросила Елена Борисовна. Может, Елена и не очень красивая, хоть фигура у нее стройная, но она такая обаятельная, что даже самые злобные старухи на нее не вопят.

— Я не голодная! — отрезала Верка.

— Садись, — предложил Ванечка. — Мне мама с собой кулебяку дала, домашнего приготовления.

Тут заглянула сестра Татьяна, и Елена попросила ее принести чаю. Так что хоть Верке и не хотелось есть, тем более за чужой счет, пришлось отведать кулебяки. Конечно, Ванечкина мама сыночку готовила вкусно.

А Елена Борисовна объяснила Верке, что есть новая вакцина, немецкая. Она недавно прошла испытания. Результаты сказочные.

— А какой курс для бабы Эллы нужен?

— Десять инъекций, — ответил Ванечка. — В сумме двести долларов, и мы ничем не можем помочь.

— Это постыдно, — сказала Елена и покраснела, будто украла эти уколы у бабы Эллы.

Верка все понимала.

— Но уколы эти есть?

— Есть. Никуда они не денутся.

— И бабе Элле они помогут?

— Почти наверняка, — сказал Ванечка.

Он тоже был расстроен. Настоящие врачи расстраиваются, когда не могут помочь.

Верка доела кулебяку и пошла в палату. Но сначала остановилась за дверью подслушать, о чем доктора будут говорить между собой. Если после окончания разговора подслушать, что будут говорить о тебе или о деле те, кто остался в комнате, можно узнать много полезного и секретного.

— Как проявляется наследственность в третьем поколении! — сказал Ванечка. — Наша Вера — буквально двойник своей бабушки.

— Я не задумывалась, — ответила Лена.

— Представь себе Эллу Юрьевну в двенадцать лет. Белобрысая, остроносая, худющая, косичка жиденькая, ресницы рыжие. Одно украшение — веснушки.

— У Эллы Юрьевны нет никаких веснушек, — сказала Елена Борисовна. — К тому же мы никогда не видели матери девочки.

— А где ее мать?

— Это трагическая история. Неужели вам еще не рассказали?

Пришлось покинуть место у двери — мимо брели ходячие больные, обязательно спросят: ты чего подслушиваешь, девочка?

Нам нужны двести баксов, рассуждала Верка по дороге в палату. У отца таких денег нет, а если были бы, подарил бы стиральную машину своей Светочке. Ах, заверещит мачеха, мне так не хватает короткого демисезонного пальто!

В палате Верка помогла бабе Элле сесть, подложила под спину подушку.

— Проверила? — спросила бабушка.

— Так точно, — сказала Верка. — Надо искать деньги. А то помру я на твоей даче.

— Ты эгоистка! — заявила баба Элла. — Ты думаешь только о своих удобствах. А то, что я загибаюсь в этой трущобе, тебя совершенно не волнует.

— А ты что, думаешь, я теперь всю жизнь буду твою козу доить?

— И будешь! Если у тебя есть хоть малая толика чувства долга!

— А что, я не бегаю к тебе каждый день? — взбесилась Верка. — Что, я не мокну, не мерзну, когда ты никому, кроме меня, не нужна?

— Тогда я покончу с собой, — пригрозила баба Элла. — И ты наконец вздохнешь свободно!

Тут уж вся палата и даже больные в коридоре услышали очередную стычку между Веркой и бабой Эллой. И надо сказать, что почти все, даже самые злобные бабки, сочувствовали Верке. Сестра Татьяна говорила так:

— Этой Верке не позавидуешь! Сущее наказание сидеть месяц на пустой, холодной даче, да еще каждый день мыть и подкармливать старую каргу. А девочка хоть и злая, но не испорченная. Ей же в школу надо. Что она, Золушка дореволюционная, что ли?

Но и Татьяна, и все сочувствующие, особенно доктора, понимали, что изменить ничего нельзя. Мать Верки погибла или пропала без вести пять лет назад, у отца новая семья, к тому же он выпивает и мало зарабатывает — ситуация тупиковая. Если Верка не пожертвует собой ради бабки, то никто старухе не поможет.

Поэтому в больнице старались Верку подкормить, даже кое-какие вещи приносили для нее из дома, а Салима Махмудовна занималась с ней математикой. Верке разрешали из больницы звонить подруге в Москву, та говорила, что задали. Верка хотела учиться.

Но народ в больнице был небогатый, даже Ванечка.

Баба Элла не собиралась с собой кончать, это была психическая атака, но она не подействовала, потому что Верка отлично знала, что баба Элла с собой кончать не станет.

Назавтра баба Элла велела получить пенсию по доверенности и купить конфеток, недорогих, но шоколадных.

— Зубная паста кончается, не забудь другие шлепанцы, почти новые, в моей комнате под кроватью, а то стыдно перед персоналом... Ты чего не записываешь?

В первые дни Верка записывала, а потом поняла, что все равно не сумеет выполнить все бабины поручения.

— Я и так запомню.

— Врешь, — сказала баба Элла, — но я не в том состоянии, чтобы приучать тебя к дисциплине.

— Ну уж конечно.

Начался обход. Верка подождала, пока Елена Борисовна бабушку посмотрит, мало ли что.

Но ничего не понадобилось. Елена сказала, что прогресс есть, но пока медленный, — «возраст, ты же понимаешь, Верочка».

Ее Верочкой тысячу лет никто не называл. И Верка подума-

ла — вот попроси Елена что-то для нее сделать, хоть с крыши прыгнуть, — пожалуйста!

На прощание Верка снова присела у бабиной постели и тихо спросила:

— Неужели у тебя никакого загашника нет? Ну не может быть! Не такая ты.

— Зачем это тебе?

— Затем, что уколы надо делать.

— Вот лучше напиши заявление на имя министра здравоохранения, чтобы мне как ветерану труда это средство выделили бесплатно.

Лицо у бабы стало как у маршала Жукова под Берлином. Ну, Гитлер, погоди!

Верка плюнула и пошла на улицу.

Дождь перестал, но облака не разошлись. Он вот-вот мог вернуться.

До электрички оставалось полчаса. Верка заглянула на рынок, купила огурец и помидор — решила устроить себе салатный праздник. А вот мороженое покупать не стала, хоть и очень захотелось. Человеку достаточно одного праздника, а то разбалуется.

Середина дня, народу на платформе немного.

И тут Верка увидела того мужчину, который помог ей взобраться на платформу. Ну того самого, в плаще и шляпе.

Он нес тяжелую сумку с картошкой, а к пузу прижимал большой кочан капусты. Значит, он тоже припозднившийся дачник. Может быть, свою квартиру в Москве сдает?

Мужчина увидел Верку и принялся кивать ей, как будто они были хорошо знакомы.

Верка подошла к нему.

За стеклами очков глаза мужчины казались увеличенными и растерянными.

— Вы в больнице были? — спросил он и тут же продолжил: — А я решил, почему бы мне капусты не засолить? У меня даже есть специальный широкий нож, вы не знаете, как он называется? Впрочем, это неважно. Картошка мне тоже понадобится, я совершенно не представляю, сколько мне еще придется здесь куковать. Конечно, мне хотелось бы поскорее вернуться домой, но вы же понимаете — дело прежде всего, не так ли? Приходится идти на некоторые жертвы, как сказал покойный Базаров, сапоги всмятку...

Это была катастрофа. Он говорил без умолку и не давал Верке даже слова вставить. От такого надо бежать, но бежать Верке не хотелось, потому что он был ЗА НЕЕ. Большинство людей на свете тебя не замечают. Есть ты, нет тебя — они все равно сядут

чай пить. Есть такие, кому хочется, чтобы тебя не было или чтобы тебе было больно. А таких, кто ЗА ТЕБЯ, совсем немного. Елена Борисовна, школьная подруга Алена, баба Элла — хочешь не хочешь. И теперь еще этот чудак.

— Вас, кажется, Верой зовут? — продолжал чудак. — Меня можешь звать Олегом. Несмотря на разницу в возрасте. У меня отвратительное для произнесения отчество — Владиславович. Представляешь? Я сам его выговорить не могу и не выношу, когда другие его выговорить стараются. Владиславович! Почти Владикавказович. Ты на Школьной в доме пять обитаешь, правильно? Я страшно любознательный. Я хочу знать все обо всех, тебя это удивляет? И бабушка у тебя в больнице...

Вдруг облака разошлись, словно занавес на сцене, и на них упали теплые солнечные лучи.

— Славно, — сказал Олег. — Ох, как славно! А как себя бабушка чувствует? Кстати, я давно хотел с тобой познакомиться, все-таки, хочешь не хочешь, отпрыск славного рода. Правда, наследственность не всегда проявляется так прямолинейно, как утверждал старина Мендель.

Лицо у Олега было гладкое, почти без морщин, но старое. Он Верке в дедушки годился. Но зубы хорошие, белые, и глаза очень яркие. Как будто он в них накапал какое-то лекарство.

Подошла электричка.

«Странно, — думала Верка, — я его вообще раньше не видела. Он, вернее всего, недавно приехал, но уже знает про меня и бабу Эллу. А при чем тут отпрыск?»

Пока они садились — вагон был почти пустой, — Верка спросила:

— Вы давно приехали?

— Недавно. И что меня в тебе, Вера, удивляет — умение держать себя в руках. Любая обыкновенная девчонка сразу бы закудахтала: а откуда вы меня знаете, а что вы про меня знаете? Какой еще такой отпрыск? А ты из всех вопросов выбрала самый неожиданный и, я скажу тебе, самый правильный. Потому что тебе важнее узнать все обо мне. Тогда и остальные тайны найдут объяснение. Молодец! Я тебе все расскажу, что ты узнать захочешь. А может, расскажу и то, о чем тебе знать не хочется. Каждый из нас живет в своем мирке, в собственном аквариуме. А когда нам говорят: «Выходи на сухое», мы сразу начинаем волноваться: как же я без жабр обойдусь, а чем я буду снаружи дышать? Ты меня понимаешь? И что с тобой, Вера, хорошо, так это то, что тебе, надеюсь, ничего объяснять не надо.

— Надо. — Верка умудрилась втолкнуть одно слово в речь Олега, и тот даже опешил. Вот уж не ожидал!

— А что? — спросил он.

Олег снял очки и принялся протирать их тонкими слабыми пальцами.

— Где вы работаете?

— Я? Работаю? Скорее всего, я вообще не работаю.

За окном вагона снова начался дождик, струйки потекли по стеклу наискосок. На березах листва уже пожелтела, а другие деревья еще стояли зеленые, но увядшие.

— Хотя, — опомнившись, продолжал Олег Владиславович, — с другой стороны, можно полагать, что я работаю, потому что я занят и почти не остается времени книжку почитать. Я и телевизора с собой не взял, хотя моя стихия — футбол. И знаешь почему? Потому что это одно из самых непредсказуемых зрелищ. Моя беда в том, что я могу в любом детективе на десятой странице угадать убийцу. Понимаешь, мне совсем неинтересно читать детективы.

— А по жизни вы детектив? — спросила Верка.

— Ах, какая проницательность! — воскликнул Олег и засмеялся. Напялил очки и уперся ей в лицо своими глазищами. — Но ты и близка к истине, и далека от нее. Знаешь почему? Потому что я одновременно детектив, как любой настоящий ученый, отыскивающий истину в лабиринте загадок, и совсем не детектив, так как не имею отношения к юстиции и криминальному миру.

Верка и верила ему, и не очень.

Электричка затормозила у Пташек, они сошли. Верка раскрыла зонтик.

— Ты откуда его взяла? — спросил Олег.

— Мне его соседка дала, из первого дома.

— Просто так дала? Не надо было его принимать.

Он уже распоряжается!

— Я не в подарок, я его верну. Сейчас буду проходить мимо и верну.

— Какая соседка? Опиши ее.

— Ну... молодая, у нее еще ребеночек есть.

Верка была недовольна. Почему она должна отчитываться? Видите ли, зонтик ему не понравился! Зато она не промокла.

— Нет, — повторил Олег Владиславович. — Не следовало тебе его принимать. Вещи, как и лекарства, могут оказывать влияние. И этот зонтик, помимо всего прочего, кажется мне передатчиком. Он кому-то сообщает, где ты, что делаешь, куда направляешься.

— Зонтик как зонтик, — пожала плечами Верка.

Верку не следует учить. Она плохо обучается, если сама не захочет.

Тем временем они подошли к краю платформы. Верка положила сумку на край и спрыгнула на рельсы. Вниз прыгать всегда удобнее, чем лезть наверх. Олег Владиславович топтался на краю и не решался прыгнуть. Высота платформы была метра полтора, а он низенький.

— Давайте руку, — сказала Верка.

Но Олег передал ей кочан, а сам лег животом на край, свесил ноги и стал съезжать вниз. Плащ задрался, брюки тоже, носки у него оказались светлые, голубенькие.

Верка не выдержала, обняла его сзади.

Со стороны это, наверное, выглядело глупо. Худая девчонка обнимает толстого мужика, который отбивается и даже отбрыкивается. И все это кончилось совсем нелепо: Верка потеряла равновесие и, чтобы не сесть в грязь, отступила и уронила Олега. А тот встал на все четыре конечности, как бульдог.

Нет, это совсем не смешно.

Потом Олег опомнился, выпрямился, забрал с платформы сумку с картошкой и взял у Верки кочан, но ничего говорить не стал.

Они пошли дальше по тропинке между путей. Как будто немного поссорились. Хотя Верка не понимала, чем он недоволен.

Идти было скользко, дорожка была глинистой, выпуклой, высокая осенняя крапива подступала с обеих сторон.

Впереди виднелся шлагбаум, а потом дорожка под прямым углом сворачивала на Советскую улицу.

Оттого, что тучи ползли очень низко и были очень толстыми, на улицу попадало совсем немного света. Вокруг царили сумерки.

Они дошли до поворота на Школьную.

— Всего хорошего, — сказал Олег Владиславович. — Надеюсь, до скорой встречи.

Уж такой был разговорчивый, а вдруг замолчал на целых десять минут.

— Я в пятом доме живу, — напомнила Верка, надеясь, что он тоже скажет, где живет. Может, он и хотел, но потом передумал.

Олег пошел дальше, а Верка ступила в свой переулок и стала складывать зонтик, чтобы занести его в красный коттедж.

Но она не успела дойти до коттеджа, как сзади послышался короткий крик, будто кто-то подавился и не может откашляться.

Звук был негромкий, но злой — Верка тут же кинулась обратно.

Навстречу ей с Советской на Школьную катилась чья-то голова. Или белый мяч.

Оказалось — кочан капусты. Но это Верка поняла потом.

Она перепрыгнула через кочан и увидела лежащего на асфальте Олега Владиславовича: шляпа в стороне, ножки поджаты к животу, а вокруг, как яблоки в каком-то старом кинофильме, рассыпаны картофелины.

Над Олегом стояла высокая манекенщица, которую Верка видела еще утром.

Блондинка подняла чудесную длинную ногу, обтянутую рваным чулком, и ударила носком туфли Олегу в живот.

— Ты что делаешь? — закричала Верка и кинулась на девушку.

У Верки есть такое свойство характера — сколько раз в жизни ей это мешало: и били ее, и пороли, и ругали, и выгоняли. Но если она видела что-то для себя страшное или гадкое, то словно лишалась рассудка и непременно бросалась вперед. Нельзя бросаться — побьют, обругают, уничтожат! А ей плевать. Уже и ноги, и руки, и зубы — все работает, как у дикой кошки.

Конечно, девушка кошачьей атаки не ожидала.

Она завизжала и замахала руками, отбиваясь, а Верка работала своей сумкой, как дубинкой.

И она не видела, что Олег Владиславович легко извернулся и дернул манекенщицу за ногу.

Раздался треск и вопль...

Олег стоял и смотрел на девицу, распростертую на земле. Валялась она неловко, подвернув ноги, закрыв глаза.

— Спасибо, — сказал Олег Владиславович.

Девушка застонала.

— А я думала, что она убилась, — сказала Верка.

— Будет жить, — ответил Олег, протирая очки, — но это не принципиально. В любом случае она — носитель, только использованный. Эндопаразитизм, тебе знакомо такое явление?

— Ой, а вы ей ничего не сломали?

Олег Владиславович стал оглядываться. Потом кинулся к забору. В траве валялась измятая шляпа. Он поднял шляпу, отряхнул, расправил и проворчал:

— Может, и сломал, но это непринципиально.

Девушка снова застонала.

Ох и грязной же она была! Будто никогда не мылась. Волосы свалялись. Блузка разорвана, а от горла к животу шел разрез, красный и вспухший, кое-как заживший.

— Надо «Скорую» вызвать, — сказала Верка.

— Вызову, не беспокойся. Беги скорее домой и запри дверь.

— А как вы «Скорую» вызовете?

— Ты мне надоела, крошка, — огрызнулся Олег Владиславович. Он стоял скособочившись, держался за бок, плащ мокрый, вокруг рассыпана картошка.

Олег покрутил шляпу в руках и вытащил из кармана мобильник.

Верка пошла прочь. Она была девочкой, а он подлым дядькой, который имел право приказывать.

Ей хотелось обернуться и крикнуть ему: «Я же тебя, может быть, спасла!»

Вдруг она услышала негромкий голос Олега:

— Ты чуть было все не погубила.

«Почему никто еще ни разу не сказал мне спасибо? — подумала Верка. — Все только и знают — подай, принеси, уходи, сматывайся... А добрых слов не выучили».

Глава 3

Верка сделала первые шаги с неохотой. Ее тянуло обернуться, может, даже побежать обратно. Ей было страшно за Олега Владиславовича.

Но с каждым шагом, отделяющим ее от Советской, желание вернуться усыхало. Верке все больше хотелось спрятаться дома, запереться, включить телевизор, в котором осталось всего два цвета — синий и желтый, и ждать утра.

Ворота в дом, где жила женщина с ребеночком, были закрыты. Что же теперь делать с зонтиком?

Верка остановилась в нерешительности. А потом подумала: ведь дождик идет, что ей, снова промокать, что ли?

Навстречу ковылял Папаня в кроличьей шапке, одно ухо вниз, другое вбок. Ему когда-то давно на арктической полярной станции ногу отморозило, с тех пор пьет на всю пенсию. Дети его из Москвы выгнали. Еще один несчастный человек. И что странно — живет в прошлом. Все хорошо помнит, что в Арктике было и в поселке тоже — лет десять назад. А Папаня — это у него прозвище, а не фамилия.

— Привет тебе, Верунь, — сказал он. — Как твоя бабка — злая колючка?

— Я у нее в больнице была. Скажи, Папаня, а давно в этот дом въехали?

— Таинственная история, — сказал Папаня. — Я заинтригован. Владелец — строитель из люберецких — погиб в своем черном «Запорожце». — И Папаня расхохотался. Ему самому стало смешно, что бывают черные «Запорожцы». — А домишко-теремишко остался бесхозным. Может, и купят. А может, несчастливая собственность, медведь ему в душу!

— Эта женщина купила дом?

— Сомневаюсь. Они позавчера въехали, и, скажу тебе, без ба-

гажа. На джипе с чемоданами, но без ничего. Даже мебели не видать.

— Там, наверное, своя есть?

— То ли есть, то ли нет, то ли за год пришла в негодность. Как Маринка, пишет?

Верка не ответила. Папаня отлично знал, если не забыл по пьянке, что Веркина мать погибла.

— Бороться и искать, — торжественно сказал Папаня. — Найти и не сдаваться. Это слова, можно сказать, полярного героя капитана Скотта. Он не сдался, но погиб на обратном пути с Южного полюса. Бороться и искать. Ты свою маму хорошо поискала?

— Я пошла, Папаня, — сказала Верка.

Нос у Папани красный, а на конце повисла капля — дождевая, наверное.

— Я не шучу, — сказал Папаня. — У меня есть предчувствие, что жива твоя мамаша, душевный человек крайней красоты и обаяния. Ты ее не помнишь?

— Почему не помню? — взъярилась Верка. — Мне семь лет было. Я все помню.

— Тогда — бороться и искать. Искать и искать! Мы в Арктике только так и боролись. Только не всех нашли. Папанина нашли, а Леваневского не отыскали. Тебе понятно? — Он не стал ждать ответа, а добавил: — Пойду, а то ларек закроют, и останусь я на всю ночь без живительной влаги. А если моя любимая явится во сне, а я трезвый?

Тявкнула сирена «Скорой помощи».

Верка обернулась. Белая машина с красной полосой тормозила у входа в переулок. Значит, Олег вызвал все же к бомжихе врачей.

Даже стало легче.

Неожиданно ворота коттеджа приоткрылись, и в щель протиснулся ребеночек.

— Что? — крикнуло дитя. — Что происходит?

Дитя смотрело на Верку настойчиво и пристально, как сова.

— Прости, — сказала Верка. — Я зонтик хотела отдать.

— Оставь себе, — махнул рукой ребенок.

Верка кинула ему зонтик. Вот и хорошо — все сомнения позади.

Она быстро пошла к дому.

— Ты куда побежала? — возмутился ребеночек. Он шустро обогнал Верку и побежал перед ней задом наперед. Это было неприятно, к тому же Верка никак не могла понять, мальчик оно или девочка.

— Ты не спеши, — говорило дитя. — Домой лучше не ходи. Ради твоего же блага предупреждаю. Не ходи, в Москву поезжай. К мамке-папке поезжай. А то некоторые недовольны.

Верка его не испугалась.

— Отстань ты! — сказала она. — Ну отстань! Не до тебя.

Ребеночек повернулся и побежал сбоку.

На нем была красная панамка, промокшая от дождя, на голых ножках, торчащих из коротеньких шортиков, сандалии. А лицо непонятное — то ли мальчик, то ли девочка, то ли вообще лилипут.

Когда Верка дошла до своего дома, она услышала шум машины. Она успела оглянуться — где-то вдали проехала «Скорая».

— Кого там обидели? — спросил ребеночек.

Он произносил слова со взрослыми интонациями, будто взрослый лилипут изображал ребенка.

Верке вдруг захотелось пройти мимо своей калитки, чтобы не показывать ребеночку, где она живет.

Но чепуха это — ребеночек и так все о ней знает. В поселке народу раз-два и обчелся.

— Возьми зонтик, — серьезно сказал ребеночек.

Верка сразу вспомнила о предупреждении Олега.

— Не нужен мне зонтик. У меня дома другой есть.

— А вот врешь! — закричал ребенок. — Нет у тебя другого зонтика. Был один, а ты на него села.

— Уходи! — разозлилась Верка.

Она вошла в калитку и сразу же закрыла ее за собой на засов.

Ребеночек сунул нос между штакетинами и запел что-то неразборчивое.

Навстречу Верке бежал Котяра, животное без уха.

Но он не пошел к дому вместе с Веркой, как всегда, а остановился, выгнул спину и жутко зашипел на ребеночка. А потом даже закричал, как кричат мартовские коты, когда влюбляются в кошек и дерутся за их любовь.

Котяра вопил так, что Верке даже стало неловко — весь поселок услышит.

Верка обернулась.

Никакого ребеночка за калиткой не было.

Словно привиделся.

Коза, конечно же, отвязалась от столбика и паслась на недособранной морковной грядке.

— Катька, — честно предупредила ее Верка, — когда баба Элла домой придет, она тебе покажет.

Коза радостно заблеяла. Она мечтала, чтобы баба возвратилась домой. По своему козьему разумению, молодую хозяйку

она за человека не держала. Хорошо еще, доить себя давала, словно знала, что молоко идет для бабы, потому что Верка его привкус не выносила.

Куры из сарайчика не выходили, сидели там на шестке, а некоторые бродили по усыпанному битой соломой полу и о чем-то приглушенно сплетничали.

Перед тем как идти в дом, Верка поискала в сарае и нашла два яйца. Обидно, что два. Если бы три или четыре, она бы себе яичницу сделала. А так баба Элла спросит, где яйца, и никогда не поверит, что ее куры не несутся.

В доме было прохладно. Верка со вчерашнего дня не разжигала плиту, но ничего делать не хотелось. Почему-то Верка смертельно устала. Как будто она — немощная старушенция.

Она легла на диван, накрылась старой бабиной шалью и сразу заснула. Голодная, дома ничего не сделано, уроки не выучены. Сон был какой-то неправильный, словно кто-то стоял в комнате и глядел на нее. Но глаз его не разглядишь, они провалены внутрь головы.

Страшно. И не заснешь толком, и проснуться нет сил.

Но еще хуже стало, когда начала сниться мама.

Мама была неживая. Ее подвесили к потолку, как связку лука. Она могла только шевелить губами. Ей было больно и скучно, потому что она так провисела уже много лет.

Потом раздался удар.

По дому. Снаружи.

Как ботинком по обувной коробке.

Так можно и весь дом смять.

Верка повернулась на стук. И, как ни странно, мама тоже повернулась.

Раздался громкий голос:

— Ты не спишь, девочка?

И сон сразу кончился.

Удар оказался стуком в дверь.

Верка вскочила с дивана и кинулась в сени.

За окнами стояли синие сумерки. На улице уже зажглись редкие фонари.

— Кто там? — спросила Верка.

— Твой сосед, — ответил знакомый голос.

Какое облегчение!

Правда, Верка не успела как следует испугаться. Может, потому, что сон был страшный и она обрадовалась, что он кончился, мама не подвешена. Любая реальность лучше кошмара.

Олег Владиславович стоял под зонтом все в той же шляпе и в плаще.

Нормальный. Даже улыбается.

— Ой, заходите, — пригласила Верка. — Только у меня не убрано.

Одна спица у зонта была сломана, и от этого Олег показался добрее, совсем своим.

Он шмыгнул носом и спросил:

— Чаем в этом доме угощают?

Пока он снимал мокрые ботинки и надевал шлепанцы — не нужно было, но ему так захотелось, — Верка поставила чайник. Только поесть ничего вкусного не нашлось.

Но тут гость положил на стол кекс «Столичный». И в каком только кармане его донес?

Они сидели, пили чай. Было очень уютно. Разбойник Котяра, который раньше прятался неизвестно где, прыгнул Олегу на колени и, когда тот стал почесывать его за ухом, замурлыкал так, словно храпела рота саперов.

— Что с той женщиной? — спросила Верка, раз уж Олег сам не начал этого разговора.

— Ее увезла «Скорая», — ответил сосед. — Нога сломана. И общее состояние...

— Но почему она на вас набросилась?

Олег прямо не ответил. Он сказал:

— Я давно хотел тебя предупредить, чтобы ты была осторожной.

— Кому я нужна? — засмеялась Верка, но у самой вспотела спина — так ей стало страшно.

— Я тоже так думал, — сказал Олег. — А вот, оказывается, интересуются. — Он грустно улыбнулся.

— А вы в милицию позвонили?

— Зачем? Что милиция может сделать?

— Если бомжихи на людей нападают...

— Бомжихи, говоришь? Любопытно...

Олег попросил еще чашечку. Похвалил, как Верка заварила, хотя чай был обыкновенный и заварила она как всегда. Потом сосед вздохнул и спросил, будто давно готовился к такому вопросу:

— Ты здесь одна живешь?

— Вы же знаете, — ответила Верка. — Я в больницу езжу, к бабе Элле.

— То есть ты ведешь хозяйство, пока бабушка лежит в больнице?

— Ну конечно!

— И больше некому ей помочь?

Верка стала раздражаться. Пустой разговор.

— Вы пейте, — сказала она. — Пока горячий.

— И сколько она еще пролежит?

— А кто знает? Если уколы не сделают, то может до смерти пролежать.

— Какие уколы?

— Есть новые уколы по двадцать баксов за штуку. Помогает. А курс — десять уколов.

Олег задумчиво кивнул.

— Придется рассказать подробнее, — попросил он. — И уверяю, что я прошу об этом не из пустого любопытства. Весьма возможно, что я смогу вам помочь. Если буду знать больше.

— А что еще я могу рассказать?

Верке показалось, что за стеклом белеет рожа ребеночка.

— Смотрите! — крикнула она, метнулась к окну и распахнула его.

Никого.

— Ты чего испугалась? — не понял Олег.

— Там есть ребеночек, у той женщины, которая мне зонтик дала...

Олег подошел к открытому окну, высунул голову, повертел в разные стороны. Потом закрыл окно, запер на шпингалет и остался стоять у окна, спиной к нему, будто закрывал собой комнату от чужих глаз. Лучше бы закрыть окно занавеской, но занавески не было. Ее Верка еще на той неделе сняла, ей понадобилась чистая тряпка.

— Расскажи мне все с самого начала, — сказал Олег. — Прежде всего меня интересует судьба твоей мамы. Когда она пропала, где, при каких обстоятельствах...

— Милиция уже спрашивала.

— Я знаю. Но это было пять лет назад, и милицию интересовало не то, что интересует меня.

— Не хочу я о маме говорить!

— Надо, Вера. Я никогда не лезу в чужую жизнь. Но полагаю, что на всей Земле я — единственный человек, который может тебе помочь.

— Как же это, интересно? Вы ее оживите, что ли?

— А ты уверена, что твоя мать умерла?

— Она не могла просто так уехать и меня бросить. Не могла, понимаете?

— Я не говорю, что она тебя бросила. Расскажи.

— Что говорить, я же тогда маленькая была.

— Это случилось в августе?

— Да, в конце лета. Наверное, в августе.

— На даче?

— Здесь, на даче.

Верка подумала: «И что я ему так послушно рассказываю?» И сама же заспорила с собой: «А почему нельзя? Я хочу кому-нибудь рассказать, кто слушать будет».

— Она была одна?

— Вы же знаете! — Верка была уверена, что Олег Владиславович знает гораздо больше, чем хочет показать. — Конечно, мама была одна. Тогда она хотела бабу Эллу в Москву перевезти, а дачу на зиму закрыть...

— А хозяйства у бабушки не было?

— Козы не было, а остальное продать недолго.

Сосед кивнул, соглашаясь. Он очень внимательно и сочувственно слушал Верку, как умеют слушать старые женщины.

— Баба Элла в Москву переехала, а мама осталась на даче, собирала всякие нужные вещи, чтобы в воскресенье машину вызвать. В субботу она не вернулась, и мы все подумали, что она осталась ночевать... Не думайте, я уже большая была, семь с лишним лет, я все помню. Но никто не волновался.

— И что вы сделали?

— Днем отец поехал на дачу. Почему-то он все же заволновался. Приехал, дача не заперта, все на месте, а мамы нет. Представляете, ничего не взяли!

— Значит, вы подумали, что мама куда-то ушла?

— Сразу не подумали, хотя отец испугался, — сказала Верка. — Ведь все мамины вещи были на месте. В чем приехала. Как будто она легла спать, а во сне улетела.

— Или что-то случилось?

— Или ее украли. Пока спала.

— Окно было открыто?

— Нет, закрыто.

Верке показалось, что сосед смотрит на нее с недоверием.

— Да поймите же! — почти закричала она. — Это столько раз повторяли. И милиция, и мы сами, и даже родственники наши — все повторяли!

— Я понимаю, — спокойно сказал Олег Владиславович. — Я отлично понимаю. Продолжай, Верочка.

— Ну не нашли ее! — выкрикнула Верка. — Искали все, и милиция искала. Даже собаку привозили. Пусто!

— Какие-нибудь теории, версии у следствия были? — Сосед говорил с Веркой, как со взрослой.

— Что ее похитили — какие еще версии?!

— Кто, зачем?

— Они даже одного дагестанца поймали, он комнату снимал

в Челюскинской, а его в субботу вечером в нашем поселке видели. Но ничего доказать не смогли. Избили его и выслали.

— Что на маме было?

— Футболка, — уверенно ответила Верка. — Мы с бабой Эллой все проверили. Большая такая футболка, черная, отцу кто-то подарил, мама любила в ней спать.

Верке очень не хотелось говорить о маме. После маминого исчезновения ее тогда лечили от шока, в детском отделении лежала, в больнице. Ей мама снилась, мама звала ее, по горло в воде или на костре — страшные картины. И еще казалось, что какие-то мужчины тащат маму по палым листьям, а она как будто неживая — только ноги подскакивают на бугорках...

— Хорошо. — Олег Владиславович словно почувствовал Веркино состояние. — Я больше не буду спрашивать. Но могли же быть шлепанцы, тапочки какие-нибудь, о которых все забыли. Ведь в каждом доме много старой обуви...

— Так следователь же говорил...

— Ясно, — сказал сосед. — И никто не звонил, не писал писем?

— В милиции говорят, звонили. Они же мамину фотографию на щиты клеили. Из паспорта, совсем непохожую. Но ничего полезного. Так следователь говорил.

— А теперь ты сны видишь?

— Никаких я снов не вижу!

— Ладно, — сказал Олег. — Тогда я пойду. Ты не боишься одна оставаться?

Он все время очки протирал. Наверное, стекла скоро сотрутся.

— Я уже две недели одна ночую.

— Времена меняются. На меня ведь тоже раньше не нападали.

— А почему напали?

— Я подозреваю, но не могу пока сказать вслух.

— Боитесь, что ли?

— Нет, я их не боюсь, — сказал Олег.

Сосед произнес эти слова спокойно. Он в самом деле никого не боялся. На нем было написано, что он никого не боится. Хоть и маленького роста, и толстенький, и близорукий. И даже ходит в шляпе, хотя кто в наше время ходит в шляпе?

Верка проводила его до дверей.

Уже выходя, Олег обернулся и сказал:

— К сожалению, я не могу оставить тебе мобильник. У меня он один и может понадобиться. Но если что-то случится, сразу беги ко мне. Пойдем покажу.

Они вышли в сад. Уже стемнело. Свет фонаря с улицы казался театральным, очень желтым и очень теплым. Олег пошел не к калитке, а в другую сторону, за дом.

Туда Верка никогда не ходила. Это была зона запустения. Произошла она тоже от бедности. Лет двадцать назад за домом сажали картошку. На пропитание. Потом, когда уже не стало в том надобности, ходить на грядки перестали. Вместо картошки выросла крапива в человеческий рост и какие-то кусты неопределенного названия. И тоже колючие. Не говоря уж о чертополохе.

Сквозь заросли крапивы и кустов была проложена тропинка, словно там прошли путешественники в Эльдорадо. Знаете о такой стране золотых сокровищ в Южной Америке? По телевизору показывали. Но кто проложил тропинку и не взвыл от крапивных укусов — непонятно.

Олег Владиславович встал в начале пробитого в джунглях пути и сказал:

— Если тут пройти, то уткнешься в забор.

— Я тут не пройду, — сказала Верка. — У меня железных лат нету.

— Испугаешься — пройдешь, — усмехнулся Олег.

— Кто ж меня пугать будет?

— Найдутся желающие. Ты же заранее дрожишь.

— Ничего я не дрожу, — обиделась Верка.

— Этой тропинкой дойдешь до штакетника. Там одна планка вынимается. И попадешь на мой участок.

— Там не ваш участок, — сказала Верка. — Что я, не знаю, что он на Бирюзовую выходит? Там Папаня живет.

— Он мне сдал.

Впрочем, что в том удивительного?

Если посмотреть на поселок сверху, то увидишь квадрат. Одна его сторона — Советская улица, довольно широкая, она к станции ведет. В Советскую вливаются узкие улицы, без асфальта. Первая от станции — Вокзальная, там нам делать нечего. Потом наша, Школьная, а следующая — Бирюзовая. Они со Школьной параллельные и отстоят друг от дружки на длину двух участков, понятно? А четвертая сторона квадрата, куда Вокзальная, Школьная и Бирюзовая упираются, — это пруд, мелкий, заросший камышом, нечищеный, в нем даже рыба не водится, только лягушки. А дальше забор санатория для старых большевиков. Правда, старые большевики вымерли, теперь там кто-то другой отдыхает.

— А кто протоптал? — спросила Верка.

— Может, Папаня? — предположил Олег. — Может, ему так короче к станции ходить?

— Он вас пустил, а сам куда?

— А сам в сарайчике спит. Он говорит, что ему там уютнее.

— Ага, знаю, — кивнула Верка. — Он мне говорил.

Она здесь свой человек, старожил, а у Папани никогда не бывала. Знает, что он одинокий, но ей к нему идти незачем. И ему здесь делать нечего. Зачем тропинки протаптывать? Надо будет запретить, подумала Верка.

— Мое окошко в твою сторону выходит, — сказал Олег. — Если темно, ты на него беги. Я никогда свет не тушу. Даже когда на наблюдение ухожу.

— На что? — не поняла Верка.

— Я тут наблюдаю, — объяснил Олег. — Мне надо отыскать одно место, вернее, одного человека.

Верка не знала, спросить, что за место, или сосед сам расскажет.

— Так что не боись! — закончил Олег. — Мы с тобой, Зоя Космодемьянская!

И он смело пошел по тропинке, раздвигая крапиву локтями. Скоро крапива его совсем скрыла, только шляпа покачивалась над зарослями.

Было довольно темно, но от этого далекое желтое окошко в комнате Олега горело все ярче, а если подпрыгнуть, то его можно было увидеть целиком.

Олег исчез. И стало страшно.

Верка и так нервная, а тут все события дня сразу на нее навалились. Ничего вроде бы не случилось, а хочется бежать... Детеныши, бомжихи, Олег, бабины уколы...

ГЛАВА 4

Больше всего Верке захотелось кинуться к станции, сесть в электричку и спрятаться в настоящем московском доме. Пускай она там никому не нужна, на всех обижена, но дома НЕ СТРАШНО.

Она даже стала представлять, что, если дома заругаются, можно переночевать у Толстовой из второго подъезда. У нее двухкомнатная квартира и мать добрая. Если ей яблочек привезти и что-нибудь с огорода, она будет рада. А утром можно будет на первой электричке вернуться, Катьку подоить и прямо к бабе Элле в больницу.

Верка стала собираться, и от занятий сразу стало легче.

Сначала надо было сделать всякие домашние дела, покормить живность, подоить Катьку — ведь ее два раза в день доят, в мокрой темноте собрать яблок для толстовской мамы и хоть

банку черной смородины, она еще осталась на большом кусте у калитки.

Теперь, когда Верка приняла решение, ей стало лучше. Как будто враги гнались за ней, гнались, но упустили ее след.

Верка потрясла большую яблоню, но отскочить не успела.

Вода рухнула с дерева, как водопад.

Верка промокла, словно выкупалась.

Яблоки посыпались с дерева и стали стукаться о траву. Некоторые попадали по Верке.

Как она на себя рассердилась! И холодно стало безумно, да еще, как назло, поднялся ветер.

Он нес заряды дождя. Казалось, что капли прилетают прямо с Северного полюса.

Верка плюнула на яблоки и побежала в дом. На крыльце сидел Котяра и жалобно мяукал, кого-то жалел — то ли себя, то ли Верку.

— А что? — громко произнесла Верка. — Добегу до станции.

Она пошла к калитке. Тут дождь усилился, и она вспомнила, что зонтика у нее больше нет.

Верка открыла калитку и ступила на улицу.

Один фонарь висел прямо возле калитки, второй совсем далеко, там, где улица Школьная вливалась в Советскую. Под фонарем кто-то стоял, не видно кто. Но стоял неподвижно, словно подстерегая Верку.

Чтобы ее не увидели, Верка тут же нырнула обратно в калитку и закрыла ее на щеколду, будто это могло выручить.

Кто там стоял?

Все было как в американском ужастике. Героиня идет к своей машине и слышит, как сзади стучат уверенные, быстрые шаги. Оборачивается — никого! Идет дальше. И снова слышит шаги.

А что дальше?

Черт знает, что дальше!

Верка вбежала в дом и чуть не прищемила хвост ворвавшемуся следом за ней Котяре.

В прихожей горела лампочка.

Тусклая, но трезвая, не допускающая никакой мистики.

Верка задвинула засов. Засов надежнее любого замка.

Конечно, самое славное — закрыть ставни. Но ставни были наружными, их закрывали только в тех редких случаях, когда все уезжали с дачи. И закрыть их можно было только снаружи. Плюнув на ставни, Верка обошла комнаты, проверила, закрыты ли окна. Хорошо бы задвинуть шторы, но занавеска осталась только на кухне, обеднела Верка.

В комнате, где Верка спала на бабиной кровати (при бабе приходилось спать на раскладушке), она не стала зажигать свет.

Знобило — жутко.

Она заставила себя раздеться, вытерлась полотенцем и отыскала в шкафу сухие трусики и майку. Потом натянула свитер. И носки. Стало теплее.

Верка нырнула под одеяло и только тут вспомнила, что хотела убежать в Москву. А кто там на улице стоял? Он ведь без зонтика был, хотя дождь сильный. Мужчина там был или женщина? В крайнем случае можно убежать к Олегу Владиславовичу... Стойте! Ведь окно этой комнаты выходит как раз в ту сторону, к сломанному штакетнику. Значит, в случае чего можно вылезти из окна и никто не перехватит.

Если ты хотя бы во сне понимаешь, как можно сбежать, сразу становится легче. Ведь враги о выходе не знают!

Она пригрелась и подумала: «Как я устала! И здорово, что не поехала в Москву, я бы по дороге промокла до воспаления легких. И умерла бы от страха. А сейчас я дома, никто меня не хочет убить, и я сплю...»

Сколько она спала, неизвестно. Но когда проснулась, было темно.

Она была в доме не одна.

Темно. Дождь постукивает по стеклу, слышно, как капли легонько барабанят по крыше. Это постоянный шум, привычный, но звук шагов в большой комнате сразу напугал Верку.

Кто-то шел по комнате, стараясь ступать негромко. Потом заскрипел стул. Он вообще-то скрипучий, но если вы думаете, что это Котяра на него вскочил, то ошибаетесь. От кота стул так не заскрипит.

Потом все стихло.

Сжавшись под одеялом, Верка пыталась успокоиться. Она себя уговаривала: ничего страшного, это дом скрипит, старый — вот и скрипит, это крысы бегают, они всегда по ночам бегают, на то они и крысы.

Но она знала, что это не крысы.

В доме люди.

А ведь она чуяла, что кто-то к ней заявится. Все события странного дня к этому вели.

Верка лежала, сжавшись котенком, коленки к животу.

И тут ее ударило по ногам!

Как электрическим током!

Почему она не закричала и даже не взвизгнула — невероятно! Верно, боялась тех, кто в соседней комнате, еще больше.

Что-то теплое пронеслось по ее боку, потом по плечу и полезло внутрь комочка, которым стала Верка.

Это был Котяра. Кот перетрусил больше Верки.

Он дышал мелко, быстро и горячо.

— Дурачишка, — беззвучно шептала ему Верка. — Ты чего испугался? — А самой ей стало полегче оттого, что другой был слабее ее и просил защиты.

Снова скрипнул стул в большой комнате.

Потом послышался другой звук — выдвигали ящик комода.

— Ну где ты ищешь? — спросил женский голос. Голос принадлежал женщине из коттеджа.

— Она всегда ключи прячет в верхнем ящике комода. В белье.

— Почему в белье?

— Потому что все женщины прячут ценности в белье, а мужчины в книгах. Об этом в «Криминалистике» написано.

«Какой еще ключ? — удивилась Верка. — При чем тут ключ?»

— Зряшное это дело, — сказал второй голос. Верка почти не сомневалась, что это детеныш. Голос был странный. Если не видеть этого ребеночка, а только слышать его голос, можно подумать, что говорит женщина.

Но голос все равно оставался каким-то странным, недоделанным. Объяснить это невозможно — самому нужно слышать.

— Почему зряшное?

Они разговаривали вполголоса, но было так тихо, что Верка слышала каждое слово.

— А если второго ключа не было?

— Тогда я тебе головку откручу, — засмеялась женщина.

— А я тебя ужалю!

Тут ночные гости стали тихо смеяться. И слушать этот смех было противно.

— Может, взломаем? — спросил детеныш. — И рванем к чертовой бабушке!

— Чтобы весь поселок сбежался?

— Кому здесь сбегаться?

— А этот, в шляпе! Он десятерых стоит по подлости.

— Я думал, что Оксана его уберет.

— Не вышло. Но он не должен оставаться здесь. Он что-то знает. И меня это тревожит.

— Тревошшшит, — повторил детеныш. И получилось как у змеи. — Смешное слово.

— Вбей в свою маленькую пустую головку, — произнесла женщина, — что процесс может начаться в любую минуту. И мы должны его контролировать! На нас ответственность перед нашим народом, перед будущим.

— Мамочка, не говорите красиво, — засмеялся детеныш.

— Или все пойдет прахом!

— Не дурак, знаю, — откликнулся детеныш.

Никакой он не детеныш, поняла Верка. Он взрослый, может быть, карлик, ему выгодно изображать малыша. Такого не боятся.

— И как ты проморгал, пока Оксана возле тебя шастала? — спросила женщина. Ответа она не ждала. — Где теперь второй ключ искать?

— Здесь. Должен быть здесь. И Верка должна знать. Ее можно...

И вдруг они перешли на шепот.

И заговорили так тихо, словно шептали прямо в ухо.

И Верка сразу поняла, что речь о ней.

Сейчас они к ней придут!

Когда человек, даже совсем легкий, старается идти беззвучно, получается наоборот. Все половицы отзываются на его шаги куда громче, чем обычно.

Скрип... скрип-скрип. Еще ближе к двери...

Что делать? Бежать? К окну?

В комнате раздался грохот. Конечно же, догадалась Верка, на табуретке стояла пустая трехлитровая банка!

Ей сразу стало легко. С нее сняли груз. А затем послышался вопль.

Черная пантера, сидевшая раньше у Верки на груди, влетела в большую комнату, врезалась в непрошеных гостей и завизжала. В ответ завизжали детеныш с женщиной, полетели стулья, и гости кинулись прочь из дома!

Потом уж Верка сообразила, что все это время Котяра сидел, прижавшись к ней и чего-то ожидая... А тут звон!

Вот он и кинулся!

Впрочем, не исключено — разве с котами так не бывает? — не исключено, что он решил до последней капли кошачьей крови защищать домашнее добро.

Но Верка об этом уже не думала. Она сиганула через окно, врезалась в крапиву и понеслась по грядкам.

Неслась она сквозь крапивные джунгли босиком, в майке и трусиках, под проливным дождем, в темноте, как будто забыла, что мокрая крапива жалит куда сильнее.

Конечно же, она промахнулась мимо дыры в штакетнике или не смогла в нее протиснуться, стала перелезать через забор, забор начал под ее весом клониться, бухнулся на участок Папани, и Верка легла на него животом.

Она лежала ничком и делала руками и ногами судорожные движения, словно училась плавать.

А сверху струился низкий, вежливый, жидкий голос Олега Владиславовича:

— Заблудилась, Верочка? Или не спится?

Она узнала его голос и мгновенно успокоилась. Будто сосед был бетонной стенкой, которая могла защитить ее от врагов.

Олег наклонился, чтобы помочь ей подняться. Верке стало стыдно, и она сказала:

— Я починю вам забор, не беспокойтесь.

— Принадлежность забора — дело завтрашнее. Что тебя напугало?

— Они приходили.

Верка с трудом встала, босая нога тут же провалилась в щель между досками, и вытаскивать ее было больно. К тому же крапивное жжение наконец-то схватило ее в когти.

— Пошли в дом, — сказал Олег Владиславович.

Он был в халате, но в шляпе. Разглядела Верка это не сразу, потому что свет от единственного освещенного окна еле добирался до поваленного забора. Они заковыляли к дверям рука об руку.

— Иди, иди, — ворчал сосед. — Мне тебя не дотащить, ты ж кобыла!

— Я не кобыла, — вдруг обиделась Верка.

Над дверью горел фонарь.

На сухих, закрытых навесом ступеньках лежал плетеный половик.

Откуда-то из-под ног выскочил Котяра. Как он сообразил?

— Смелое животное, — похвалил Олег. — Побежал за тобой.

— Это все он, — улыбнулась Верка. — Он, можно сказать, меня спас.

Верка присела на корточки и погладила Котяру под скулой. Он ткнулся ей в коленку лбом. Лоб был мокрый, но и коленка тоже была мокрой.

Котяра громко мяукнул. Он был доволен и хотел, чтобы все об этом знали.

Верка взяла кота на руки и первой вошла в темную прихожую. За занавеской, заменяющей дверь, была жилая комната.

— Я тут ненадолго, — пояснил Олег Владиславович.

Под потолком горела голая лампочка. Комната была тесно заставлена мебелью.

— Садись, — сказал Олег и показал на продавленную тахту. — И раздевайся. В смысле майку снимай.

Он нагнулся и откуда-то снизу, видно из чемодана, стоявшего на полу, достал большой серый свитер, размера на четыре больше, чем нужно.

— Зачем раздеваться? — тупо спросила Верка.

— А затем, что от бронхита тебя лечить некому. Ты же вся мокрая.

Крапивные ожоги не проходили.

Свитер оказался теплым и немного колючим, но это было даже приятно.

— Чаю согреть? — спросил Олег.

— Вы что! Ночь на дворе!

— Чего побежала?

— А вы не знаете?

— Не знаю.

— А что же вышли мне навстречу?

— Ожидал чего-то.

— Чего?

— Не знаю чего. А что произошло?

Верка подобрала под себя ноги. Котяра забрался ей на колени.

— Я проснулась, а они уже там.

— Кто они?

— Думаю, что та женщина с детенышем. Я их, конечно, не видела, но голоса точно ихние.

— Что они делали?

— Я проснулась, а они шуршат и шепчутся.

— Испугалась?

— Еще как испугалась!

— Зачем они к тебе забрались?

— Ключ искали.

Вот тут Олег Владиславович на самом деле изумился.

Он даже шляпу снял и положил на крышку пианино. Оказалось, что он лысый. «Вот не думала!»

— Вот не думала! — сказала она вслух.

Олег догадался, взял шляпу и надвинул ее на самые уши.

Верка не стала смеяться.

— О чем они говорили? — спросил он сердито.

— Я же сказала — о ключе.

— Чепуха какая-то! Что за ключ им понадобился?

— Он должен был лежать у бабы Эллы. Они так и сказали. В белье искали, где-то еще... ну не знаю! Я не подглядывала.

— От чего ключ? Ну, думай, они должны были сказать!

— Они вспоминали какую-то Оксану. То ли они ей ключ дали, то ли она сама взяла и не вернула.

— А где эта Оксана?

Верка не видела лица Олега, в тот момент он отвернулся к окну. Но его голос изменился.

Он не спрашивал, а словно искал подтверждения каким-то своим мыслям.

— Откуда мне знать? — ответила Верка.

— Жаль...

Наступила тишина. Это была уютная тишина, которую нарушало лишь тиканье больших старинных часов на стене, завешанной пожелтевшими фотографиями в черных рамках.

— А зачем им нужен ключ? — сам у себя спросил Олег.

— Вы тоже не знаете?

— Может быть, знаю, а может быть, и нет... Оксана, Оксана... Надо будет спросить у Папани.

— Так и спросите.

— Сейчас не спросишь — он бутылку вечером принял, у себя в сарайчике до вечера продрыхнет.

— Я спать хочу, — сказала Верка.

— Господи! — спохватился Олег Владиславович. — Как же я мог не подумать! Ты же еще совсем ребенок! Сейчас я тебе подушку принесу.

Комната была забита развалюшной мебелью, которую уже нельзя использовать дома, но жалко выкинуть, и поэтому ее отправляют на пенсионную конюшню, на дачу. Олегу пришлось заняться альпинизмом. Даже смешно.

Он пролез под обеденным столом и прямо оттуда взобрался на комод.

Потом со звоном спрыгнул.

Задремавший было Котяра проснулся.

Олег поднял с пола сковородку. Это она зазвенела.

Откуда-то из дальнего конца комнаты он кинул Верке подушку в цветочек, потом в нее полетело сложенное одеяло, суконное, солдатское. В полете одеяло расправилось и стало похоже на гигантского морского ската из какого-то американского ужастика.

— Ты ложись, спи, — сказал Олег. — Надеюсь, тебе по своим делам на двор не надо? А то у нас все удобства во дворе.

— Обойдусь, — сказала Верка.

Даже если бы ей нужно было выйти, Олегу бы она в этом не призналась. Что она, ребеночек, что ли?

— А я схожу к тебе домой, — сказал Олег.

— Ой! — испугалась Верка.

— Не бойся, я только на минутку.

— Зачем?

— Посмотрю, а вдруг они что-нибудь потеряли или забыли? А может быть, я пойму, какой ключ им понадобился.

Он открыл дверь, а Верка крикнула ему вслед:

— А вы ведь знаете, от чего ключ!

— Не знаю, а подозреваю, но сомневаюсь.

— Только свет не тушите!

— Ни в коем случае. А то в темноте дороги назад не отыщу.

Хлопнула дверь.

Верка принялась раздумывать — выбираться ли ей под дождь или потерпеть до утра, все равно уже немного осталось.

Потом она решила дождаться Олега.

И не дождалась.

Ей казалось, что она не спит, а она уже спала, и, даже когда Олег возвратился, Верка не проснулась.

ГЛАВА 5

Утро было таким же дождливым и дряблым, как вчерашний день. Котяра спал в ногах у Верки. Хоть родная душа. Олег Владиславович возился у плиты. Слышно было, как он звенел кастрюлей, сам готовил, не хотел ее будить. Но все равно пора вставать.

— Сколько времени? — спросила Верка.

Спина пианино нависала над ней.

Котяра вскочил на пианино и исчез с другой стороны. Раздался нестройный гул — оказывается, пианино было открыто, и кот прыгнул прямо на клавиши.

— Я уже ходил к тебе, — откликнулся Олег. — Окно открыто. Внутри все пусто. Может, тебе почудилось?

— Скажете тоже! — возмутилась Верка и села на диване. Диван взвизгнул.

— Они за собой прибрали, — сказал Олег.

Он заглянул за пианино. В руках Олег держал сковородку.

— Ты глазунью ешь или омлет сделать?

— Мне все равно, — ответила Верка. — У меня все тело избито.

— Я тебя не бил.

— Это все ваш диван. Я как принцесса на горошине.

— Для тебя пришлось подобрать особо твердые, неровные и крупные горошины.

Олег исчез на кухне, а Верка принялась возить пятками по полу, искала шлепанцы. А их здесь и быть не могло.

— Посмотри под письменным столом! — крикнул из кухни Олег.

Ну и слух у человека!

Верка босиком добежала до письменного стола — ну точно как слаломист. Под столом она действительно отыскала шлепанцы.

На столе почти ничего не было. Только посередине лежала большая зеленая книга, раскрытая на сотой странице. А некоторые строчки были выделены желтым маркером.

Верка поморщилась, потому что у нее с детства было уважение к книжкам. На них нельзя писать и нельзя загибать уголки страниц. Так ее мама учила.

Еще на столе лежали листы белой бумаги с какими-то записями.

Верка ведь любопытная.

Она закрыла книгу, чтобы посмотреть, как она называется.

«Инстинкт и нравы насекомых». Написал Фабр. Раньше Верка о таком и не слыхала.

Значит, Олег жучков-бабочек ловит? Странно... Никаких сачков в доме не видно.

Верка побежала на улицу, в кабиночку, а возвращаясь, сполоснулась под струей дождевой воды, падающей с крыши. Потом пошла на кухню. Олег разгреб грязную посуду и освободил место для сковородки и двух чашек с растворимкой.

Нормально. Лучше, чем она сама себе готовит.

— А вы насекомых изучаете? — спросила Верка. — Для удовольствия?

— Каких насекомых? — Олег так и застыл, не донеся ложку до рта.

— Я там книгу видела, «Инстинкт и нравы насекомых».

— Это не моя, — с облегчением ответил Олег и сунул ложку в рот.

Если бы он согласился, что изучает, Верка сразу бы забыла об этом Фабре. Но Олег не только насторожился, но и начал говорить неправду. Жизнь научила Верку отличать правду от неправды. Хоть ты всю ее обвешай лапшой, все равно не поверит.

— Пойду к себе, — сказала Верка. — Надо к бабе в больницу собираться. И зверюги мои голодные сидят.

Котяра услышал, взвыл.

— Подождешь, — сказала Верка.

И кинула кусок омлета на пол.

Олег не возражал.

— Я стучал к Папане в сарайчик, — сказал он. — Все еще спит.

— Я пошла, собираться буду, — повторила Верка.

— Пошли вместе. Я еще раз к Папане загляну.

Верке хотелось посмотреть фотографии на стенах. Почему их так много? Наверное, Папаня прожил длинную и увлекательную жизнь.

Она посмотрела в окно. Дождь перестал. Он то переставал, то снова начинался.

— А может, зайдем вместе к той женщине с детенышем? — сказала Верка. — И спросим, чего они по чужим домам лазят.

— Умеешь ты глупость предложить.

Олег встал, перенес сковородку на плиту, потом стоя допил кофе.

— Пошли, — сказал он.

В сенях, полутемных, оттого что окошко было маленьким и под самой крышей, Олег сказал:

— Там есть резиновые сапоги.

— Я босиком...

— Ты про крапиву забыла, чудо?

Они не стали запирать дачу, а пошли к сарайчику, что стоял словно нищий — прислониться не к чему.

Олег постучал. Никто не откликнулся. Он толкнул дверь. Дверь отворилась.

Папаня лежал на кривой раскладушке навзничь, но он был не мертвый, потому что храпел.

Перед ним на столике стояла пустая бутылка из-под водки и, к удивлению Верки, уполовиненная бутылка дорогого коньяка.

— Это что же такое? — спросила она. — Он на свои барыши такое покупает?

— Удивительно другое, — ответил Олег Владиславович. — Когда мы с ним вчера вечером расстались, он был пьян, но уже на выходе из штопора. Я даже надеялся, что к ночи его расспрошу.

— Про ту бомжиху, что на вас напала?

— Ты молодец, правильно угадала. Я подумал, а вдруг он ее знает, если она местная. Он тут так давно живет, что всех знает.

— Значит, ему кто-то бутылку подарил? — спросила Верка.

— Выходит, что денег не пожалел. Папаня на эти деньги десять бутылей водяры взял бы.

— Правильно, — согласилась Верка, а потом сказала: — Папаня, вставай, пора на поезд!

Папаня только застонал в ответ.

Нет, он далеко. В собственном раю.

А может быть, по-другому попробовать?

Верка наклонилась к Папане, стараясь не дышать — так от него несло перегаром.

— Папаня, кто такая Оксана? — громко спросила она.

— Уйди, — пробормотал Папаня и отмахнулся, как от комара.

— Кто такая Оксана?

— Оксаночку не тронь.

— Он ее знает, — сказала Верка.

Но больше ничего от Папани добиться не удалось.

И тогда они пошли к Верке. Хорошо, что она сапоги резиновые надела. Пусть на пять размеров больше, зато высокие, крапива не доберется.

— Я пойду Катьку доить, — сказала Верка. — А вы делайте, что хотите.

— Я при свете дня еще разок посмотрю, — сказал Олег.

Верка пошла к себе следом за Олегом.

Две комнаты. Большая общая и маленькая, в которой Верка спала.

Конечно, большая комната была бедной — с чего ей быть богатой? — но все-таки здесь жила женщина, и потому комната не была складом мебели, а на обеденном столе даже скатерть лежала. У стены громоздился на львиных лапах буфет с застекленными полками в частых переплетах. На них когда-то стоял сервиз, может быть, даже дореволюционный, а теперь стоят только чашки, по одной из разных сервизов. Смешно! Ниже выдвигались ящики для вилок и ножей. Их открывали ночью. Кое-что выронили на пол, а закрывать не стали — грабители!

От дверей было видно открытое окно в сад, через которое ночью выскочила Верка. На подоконнике стояла курица и кудахтала, словно постукивала шариком в горле. Потом курица спрыгнула на пол и деловито пошла по комнате, склонив голову набок, чтобы лучше выслеживать червяков.

На полу лежал большой, вытертый посередине ковер. Узор можно было разглядеть только у стен и дивана, где меньше ходили. На ковре между диваном и столом валялись книжки, упавшие с полки, и осколки чашки. Надо бы убрать, но Верка была как избитая — плохая выдалась ночь.

Олег присел на корточки и стал водить по полу носом, как Шерлок Холмс какой-то. Что он искал? Следы собаки Баскервилей? А может, он сам раньше служил разыскной собакой?

— Да ничего они не забыли! — сказала Верка. — Убежали со всех ног.

— Именно потому, что со всех ног, — откликнулся Олег, — они и могли что-то оставить. А мы ведь даже не знаем, отыскали они нужный ключ или не успели. И от чего он был, мы не знаем. А куда делся первый ключ? Понимаешь, сколько вопросов?

Верка только вздохнула. Не ее ума дело. Бояться надоело, а смеяться не над чем.

— Я пошла Катьку доить, — сказала она. — А то собираться пора, электричку пропущу.

— Иди, а я подумаю, к чему может подойти потерянный ключ.

— А сами не подозреваете? — Верка сделала вид, что она совсем дурочка. Но Олег почуял неладное в ее тоне и быстро ответил:

— Зою Космодемьянскую помнишь?

— Ее немцы повесили? Она диверсантка была.

— Молодец. А когда она на задание уходила, ей начальник сказал: подробности я тебе не скажу. Чем меньше будешь знать, тем меньше выдашь на допросе. Вот она и не выдала ничего, и героиней стала, потому что ничего не знала. Хотела бы сказать, да нечего. Это и твоя судьба, моя деточка.

— Я не деточка.

— Иди к своей Катьке. Она уже охрипла.

Верка доила Катьку и думала о взрослых.

Они, как правило, хуже детей, потому что дети врут о простых вещах и ради простых вещей. А взрослые порой врут так сложно, что сами уже не знают, с чего начали и чего хотят. Доверять им нельзя. Никому. Даже если они тебе улыбаются и делают вид, что хотят тебя защитить. А ты приглядись и сообрази, что же им на самом деле от тебя нужно.

Хоть опять шел дождик и солнца не было, но когда детеныш вошел в сарай, Верка его сразу почуяла и обернулась.

Детеныш стоял в дверях, подпрыгивал, и на его красной шапочке качался белый помпон. Как будто это не человек, а гном. А вот сандалики детские, девчачьи, из детского садика.

— Верка, — прошептал детеныш, — я тебе зонтик принесла. Мне матка дала. Дождь идет, вредно с голой головой ходить, вши заведутся.

Он засмеялся, как закашлялся.

Казалось бы, враг, нелюдь, бежать от него надо или кинуть кирпичом, а Верка и сама не хотела, а спросила:

— Ты мальчик или девочка?

— Не догадалась? — Смех у детеныша был женский, взрослый. — И не догадаешься, потому что это не имеет значения.

— Уходи, — сказала Верка. — А то я Олега Владиславовича позову.

— Ты от него подальше держись, — сказал детеныш. — Ему недолго жить осталось, а смерть его будет ужасной.

— Олег!

— Стой! Помолчи. Скажи, где Оксана? Куда вы Оксану дели?

— Олег Владиславович, ловите ее!

— Ах ты, мразь горячая! — Детеныш ткнул в Верку зонтиком. Зонтик был странным. Верке показалось, что у детеныша в лапке блеснула длинная сабля. Верка отшатнулась и от страха плеснула в него молоком из банки. Детеныш взвизгнул и кинулся прочь. Тут же Верка услышала голос Олега:

— Ты где, Вера? С тобой все в порядке? Это ты кричала?

Видно, он заметил убегавшего детеныша, потому что голос его изменился. Он закричал:

— Стой! Стой, кому говорю! Ты куда, поганец?

Верка огорченно стояла в дверях сарая, опустив руки. Остатки козьего молока капали на солому.

Катька была возмущена. Ну подумайте: весь день в себе копила, хотела хозяйку порадовать, а она все на пол! Какое неуважение к парнокопытным!

— Не догнал я его, — сказал Олег, заходя в сарай. — Славно ты его пугнула.

— Я со страха, — ответила Верка. — Если бы подумала, разве стала бы молоком жертвовать?

— А чего испугалась?

— Он зонтик принес. — Верка показала на зонтик, лежавший у ее ног. — А потом стал требовать, чтобы я ему про Оксану сказала.

— Что? Что? Говори конкретнее!

— Просто спрашивал, а потом этой штукой, зонтиком, чуть не проткнул. Там в нем сабля.

— Не может быть сабли в складном зонтике, — возразил Олег. Он поднял зонтик, нажал на кнопку, зонтик раскрылся. Зонтик был совсем нестрашным. И никакой сабли!

— Но я же видела! Такая длинная и блестит!

— Какая? Точнее!

— Ну как у Чапаева.

— Это не сабля, — вдруг расстроился Олег. — Это куда хуже сабли.

— Что вы имеете в виду? — Верка сердилась. Не нравились ей все эти недомолвки. Она чувствовала, что нервничает не меньше Олега, но никто не желает ей ничего объяснить.

— Обязательно объясню.

— А молока почти нет, — вдруг вспомнила Верка. — Что будет, что будет!

— Возьми денег, купи молока в Пушкине.

— Откуда там козье молоко?

— Купи хорошее, коровье.

— Вы моей бабки не знаете!

— Боюсь, что я уже ничего не знаю.

— Вы в Пушкино не поедете? — спросила Верка.

— Я тебя до станции провожу. Не хочу, чтобы ты одна по ули-

цам разгуливала. Потом кое-какие дела здесь сделать надо. Вот, кстати, с Папаней поговорить.

— Правильно, он знает эту Оксану.

— А потом я подъеду к больнице и буду ждать тебя у ворот. У автобусной остановки навес и скамейка. Там и буду ждать. А если ты раньше освободишься, то обязательно меня дождись!

— Спасибо.

— Не обращай внимания, — ответил сосед.

Он был расстроен. Огляделся вокруг, поднял с соломы красную шапочку детеныша.

— Роняем ценные вещи, — заметил он.

Олег крутил шапочку в руке.

А потом сделал странную вещь.

Вытащил из внутреннего кармана пиджака пластиковый пакет, осторожно его открыл и двумя пальцами опустил шапочку внутрь. Так делают следователи в детективах.

А потом положил пакет в карман.

— А что с зонтиком делать? — спросила Верка.

— Пока что использовать по назначению, — ответил Олег Владиславович. — А потом я его у тебя отберу.

«Наверное, он все же чекист, — подумала Верка. — Может быть, даже следователь. А они? Мамаша с детенышем? Они кто? Мафия? Жаль, что у меня нет воображения. Вот бы Топоркову из класса показать — он здорово умеет придумывать».

Верка стала собираться.

Олег сбегал к себе, закрыл дом, надел плащ, и они пошли к станции.

Ворота коттеджа, где жили мамаша с детенышем, были закрыты.

Улица пуста.

Дождь бесконечно сыплет и сыплет, мелкий, холодный, скоро все листья с деревьев собьет — и так уже приходится шагать по толстому слою листьев.

Когда они поворачивали на Советскую, Верка услышала странный треск.

Сверху раздался отдаленный раскат грома — словно рвут пополам простыню. И по ушам ударил воздух!

Верка взглянула вверх, но Олег закричал:

— Назад! — и дернул ее за руку.

Верка чуть не упала. Пришлось отскочить, куда потянул ее за рукав Олег Владиславович.

И тут же перед ними рухнула громадная сосна. Мимо нее Верка каждый день ходила на станцию — самая большая сосна в поселке.

Дерево рухнуло с ужасной скоростью и силой — ствол ударил по земле и даже подпрыгнул. Удар был таким мощным, что на соседних дачах зазвенели стекла, а забор на той стороне улицы разлетелся в щепки.

— А теперь вперед! — крикнул Олег Владиславович и заставил Верку, у которой онемели колени от запоздалого ужаса, перебраться через сосну и побежать по Советской к станции.

Навстречу бежали какие-то случайные люди, любопытные.

— Где? Что? — кричали они.

Как будто произошло землетрясение.

Пробежав полдороги, Олег с Веркой перешли на быстрый шаг.

Верка раскрыла зонтик.

Олег свой забыл, и потому они шли, прижавшись друг к другу, чтобы укрыться под одним зонтом. Хорошо еще, что они почти одного роста.

— Это они? — Верка спросила не сразу. Ей надоело бояться, и, конечно, лучше бы, если сосна упала сама по себе, от дождя, ветра и осени.

— Допускаю, что они. Но надо бы посмотреть: не подпилена ли сосна? И кто ее так вовремя толкнул?

— Там никого не было.

— Ты из больницы одна не уходи, — напомнил Олег. — Я тебя буду у выхода ждать.

— Спасибо.

Они забрались на платформу. Тут и электричка подошла.

Вроде бы никто за ними не следил.

ГЛАВА 6

Когда Верка добралась до больницы, все сложилось не совсем удачно.

Баба Элла строго следила за тем, как Верка выкладывала на тумбочку сыр плавленый «Виола», мандарины, кекс «Столичный», томатный сок и другие продукты. А потом — бывают же такие подлые старухи! — спросила:

— А где молоко? Катькино молоко где? В нем все нужные мне витамины.

Верка даже растерялась.

Не ожидала.

Потом честно призналась:

— Молоко я пролила. Нечаянно. Но вот это хорошее — «Можайское», в бутылке.

— Козье полезней, — сварливо ответила баба Элла.

— А ты даже не спрашиваешь, откуда у меня деньги?

— Наверное, нашла, — ответила бабка.

Верка снова убедилась, что где-то на даче у бабки есть ухоронка, денежная, и теперь она сердится, потому что подозревает, что Верка нашла эту ухоронку и деньги потратила.

— Не знаю я ни о каких деньгах, — сказала Верка печально.

Печально, потому что спешила к бабе Элле, думала, как расскажет ей о ночных событиях и как баба Элла будет ее перебивать и переспрашивать...

А ей деньги важны!

Верка виду не подала и ругаться не стала, но ей в голову пришла мысль: а что, если у бабки спрятано денег много, так хватило бы и на немецкие уколы! А бабка этого не хочет из жадности. Ей не хочется выздоравливать. Она согласна еще месяца два полежать в больнице, пускай Верка на ее даче мерзнет и погибает, и пускай ее из школы вышибут, и останется она без образования.

— Не знаю я о твоих деньгах, — повторила Верка. — Мне сосед дал. Олег Владиславович.

— Это с чего же дядечки стали девочкам деньги давать? — взъярилась баба Элла. — Что ты ему такого хорошего сделала? Лучше сразу признавайся, а то мы его через милицию достанем.

А он, может, уже стоит у ворот больницы и не подозревает, какие гадости о нем воображает баба Элла.

Верка даже огрызаться не стала. И тут в палату вплыла Клавдия Семеновна с соседней койки, грузная, половицы под ней прогибаются, но не сдается, стучит своей клюкой по коридорам, кому чего принести, кому лекарство дать — полезная женщина, больше времени по больницам проводит, чем дома.

— Все, — сказала Клавдия Семеновна от дверей. — Отмучилась. Не приходя в сознание.

— Чепуха, — отрезала баба Элла, у которой было настроение наперекосяк. — Если не приходила, значит, и не мучилась.

— Любой человек мучается, даже если снаружи не видать, — сказала другая женщина, лежавшая у дверей.

— Страшная картина, — сообщила Клавдия Семеновна. — Я еще вчера в приемном покое видала, как ее привезли. Одежда в лохмотьях, нижнее белье — вы бы посмотрели! — одно воспоминание, будто ее по грязи возили!

— Клавдия! При ребенке!

— Ребенок не меньше нас с тобой знает. По электричкам таскается, как не набраться грязи?

— А что еще про ту женщину? — спросила другая бабка.

— Что характерно, молодая совсем. Бомжиха, а молодая. Наверное, наркотики. Все внутри ее съедено. Волосы, вам скажу, ни разу в жизни не мыла и не причесывала.

— А отчего она умерла?

— Я думаю, всё последствия нападения. Ванечка ночью оперировал — что-то такое нашел, что из милиции вот-вот приедут. Если Татьяна не врет.

Верка догадалась, что речь идет о женщине, которая напала на Олега Владиславовича. Надо Олегу сказать. Или сначала сказать Елене Борисовне, что есть один человек, который может помочь?

Разговор между тем продолжался. Баба Элла спросила:

— А как ее зовут, где проживает?

— Что характерно, — ответила Клавдия, — нет у нее документов. Даже сумочки нет.

— И справки?

— Сказала же, что ничего нет!

Верка пошла прочь из палаты. Она еще не знала, что ей делать. Как получится, так и будет себя вести.

Ноги сами привели в ординаторскую. Там была только Елена.

— Доброе утро, Елена Борисовна, — поздоровалась Верка. — А где Ванечка?

— Спит, — ответила Елена. Она была бледной, большие светлые глаза не накрашены, помада на губах стерлась. Только каштановые кудри пышные и воздушные, как всегда. Такого раньше не бывало. — Ночь жуткая была. Привезли одну женщину, страшный случай, я такого еще не видела. Иван Сергеевич сделал все, что мог... Но она умерла.

— А можно, я на нее посмотрю? — спросила Верка.

— Что? Зачем тебе?

— Вы не знаете, кто она, а я, может, знаю.

— Нет, тебе туда нельзя, — сказала Елена. — Девочкам там делать нечего.

— Как хотите, — пожала плечами Верка. — Я хотела помочь.

Она собралась уйти, но тут Елена Борисовна спохватилась:

— Погоди. — Она набрала номер. — Ситкина? Там у вас следователь еще сидит? Дай ему трубку. Простите, что я вас беспокою. Я — доктор Иоффе. Тут у меня девочка, которая утверждает, что может опознать покойную.

Она положила трубку и жестом показала Верке, чтобы та садилась. Потом спросила:

— Ты голодная? Чайку тебе поставить?

— Я сегодня не голодная, — сказала Верка. — А что с той девушкой?

— Это настолько необычно... А вот и сотрудник милиции...

Вошел молодой милиционер. Он был в штатском, но сразу видно, что милиционер, местный, пушкинский. Лицо налилось кровью, кожа на нем натянутая и лоснится. Из сытых.

— Кто тут выискался? — спросил он. — Ты?

— Может, я видела эту девушку, — сказала Верка и вскочила.

А вскочив и встретившись взглядом с холодными светлыми глазами милиционера, она вдруг поняла, что не скажет ему, что у ворот больницы ждет Олег Владиславович, а эта девушка на него напала и он вызывал «Скорую».

Она не сделает этого, пока Олег ей не разрешит. Потому что милиционер — лентяй, а лентяи — самые опасные люди. Он хочет поскорее все это дело кончить: бомжихой больше, бомжихой меньше! А как увидит Олега, свалит все на него. Ах, вот кто напал на девушку! Ах, вот кто во всем виноват! И удобно, и быстро. Ведь здесь никакой взятки не сорвешь. Кому нужно такое дело?

— Где видела? — спросил милиционер молодым голосом.

— У нас в Пташках, — ответила Верка, — вчера. Я из больницы приехала и ее увидела.

— И что?

— Можно, я на нее посмотрю?

— Еще чего не хватало! — вмешалась в разговор Елена.

— Эту проблему мы обойдем, — важно сказал милиционер.

Из бокового кармана пиджака он вынул несколько поляроидных снимков. Верхний протянул Верке.

Конечно же, это была та самая девушка!

— Ну и как? Узнаешь?

— А отчего она умерла?

— Это уже другой разговор, — сказал милиционер.

— Да, я вчера ее видела.

Милиционер спрашивал лениво.

— Может, она сама упала? — подумал он вслух. Не спросил, а словно предложил Верке с Еленой поверить.

— Она не могла упасть, — сказала Елена. — Вы же знаете, в каком она была состоянии.

Милиционеру не хотелось разговаривать. Верка понимала: не будь здесь Елены, он дал бы ей подзатыльника — вот и весь допрос.

— Разберемся, — сказал он и ушел.

Елена Борисовна протянула Верке яблоко.

— Мытое, — сказала она.

— А что с ней случилось? — спросила Верка. — Отчего она умерла?

Ей надо будет сказать Олегу. Верке не хотелось, чтобы Олега считали убийцей. А то она совсем одна останется.

— Что-то непонятное, — сказала Елена. Она смотрела в окно и думала о чем-то своем, но Верке отвечала.

— Ее ударили?

Верка имела в виду Олега Владиславовича, который ударил бомжиху.

— Хуже, — сказала Елена. — Ей сделали какую-то операцию. Она должна была умереть раньше. Она не могла жить...

Верка ждала, что Елена скажет что-то еще, но та молчала.

Верка взяла яблоко и пошла во двор больницы. Опять зарядил дождик. На улице никого не было, только две санитарки, накрыв головы полотенцами, несли за ручки большую голубую кастрюлю. Скоро обед.

Верка вышла к воротам.

У ворот стоял милицейский «газик». И больше никого там не было.

Наверное, Олег еще не пришел.

Не ждать же его!

Но он не знает, что та бомжиха умерла, пойдет Верку искать, тут его и возьмет милиция. Впрочем, откуда милиции догадаться?

А что, если поглядеть на нее в морге? Ведь она, наверное, в морге лежит? Конечно, страшно. Но Верку тянуло посмотреть на бомжиху. Как будто если она посмотрит, то увидит что-то важное для себя. Бывает такая глупая убежденность: надо посмотреть — и все!

Она себя уговаривала, что все равно надо дождаться Олега.

А под дождем стоять — милицейский шофер увидит и удивится.

Верка знала, что ее не замечают. Бывают люди заметные, не обязательно взрослые или красиво одетые. На некоторых взгляд останавливается, а других пропускает. Верка как-то в класс вошла посреди урока, села за свою парту. Анна Дмитриевна на нее смотрела как на пустое место, хотя шла контрольная. Иногда Верка обижалась на это, а потом привыкла. Даже в кино ходила без билета. А самое лучшее — выиграла у мальчишек десять порций мороженого, когда прошла в метро без билета через тот проход, где только пенсионеров и инвалидов пускают.

Вот и сейчас она направилась к моргу. Навстречу, вынимая из пачки сигарету, вышел усатый пожилой мужик в синем халате. Он закурил и встал у входа. Верка прошла рядом с ним. Если бы она боялась или была не уверена в себе, он бы ее заметил. А так не заметил.

Из-за этого ее умения Димон как-то сказал: «А потому что ты бледная вошь». Но Димон ее ненавидел за то, что она сказала Паничке, что он у нее «Паркер» свистнул. Нормальные люди не вмешиваются, но Верка знала, что Паничке эту ручку подарил

отец, который потом уехал неизвестно куда. А у Верки у самой проблемы с родителями.

«Ну ладно, бледная — так бледная», — сказала себе Верка и вошла в морг.

Морг был невелик. Коридор, потом зал, вернее, комната беленая, где стояли два пустых гроба, а к стене были приставлены крышки. Ждут клиентов. Потом комната с лабораторным столом и приборами. Смотри-ка, они тут наукой занимаются! А вот и главная комната. Два стола, застеленные не очень белыми клеенками.

На одном столе лежал кто-то, с головой накрытый простыней.

Надо подойти и поглядеть.

И времени терять нельзя, потому что мужик с усами вернется и выгонит.

Верка взялась за угол простыни.

Запах в морге был несильный, но противный. Конечно же, это смерть так пахнет. И всякая дезинфекция.

Верка чуть не закричала, потому что глаза девушки были приоткрыты и смотрели прямо на нее.

Простыня съехала, и Верка увидела самое страшное.

Девушка была разрезана пополам.

Разрез, грубый, словно сделанный топором, начинался от горла и шел до пояса и даже ниже пояса. Кожа разошлась, там запеклась кровь, и не угадаешь, что внутри... И уже не хочется...

— Ты что, любопытствуешь? — спросил усатый мужик, тот, который курил на крыльце. — Тебе здесь не место.

— Ой, простите! — сказала Верка. — Я нечаянно.

— За нечаянно бьют отчаянно. Не обманывай старших. Ты, наверное, некрофилка.

— Я не знаю, что это такое, — сказала Верка и на несколько шагов отступила от стола.

Мужик натянул на бомжиху простыню.

— Как она существовала с такой раной, — сказал он, — представления не имею, и вся медицина в моем лице разводит руками. А ты иди отсюда, иди, некрофилка. Кстати, так именуются глупые люди, которым доставляет наслаждение лицезреть смерть.

— Мне не доставляет, — сказала Верка. — Но я видела, как она вчера упала.

— Упала?

— И вроде бы ногу сломала. Мой друг сказал, что она ногу сломала. Она на него напала, а потом ногу сломала.

— Как так напала? — Мужик из морга интересовался куда больше милиционера.

— Только пойдемте отсюда, — попросила Верка. — Я вам расскажу.

На самом деле ей хотелось посмотреть, нет ли у ворот Олега Владиславовича.

— Пошли, — согласился усатый. Но не спешил, нагнулся, зашнуровывая ботинок.

И вдруг Верка закричала:

— Бегите!

Она схватила мужика за рукав и потянула за собой так резко, что тот чуть не грохнулся.

— Да ты что...

— Да бегите же!

Откуда у нее силы взялись?! Она помчалась к дверям, и мужик проникся ее страхом — наверное, страх бывает заразным.

Они выбежали в коридор, и в этот момент...

Сзади полыхнуло белым огнем.

Их ударило в спину, они покатились по коридору.

На какую-то секунду Верка даже потеряла сознание.

И поэтому она совершенно не представляла, сколько времени прошло...

Она лежала, жутко неудобно лежала, уткнувшись головой в стену коридора, а мужик навалился на нее, как мешок с кирпичами, и стонал. Верка стала выбираться.

В коридоре было столько дыма и пыли, что ничего не разберешь.

В ушах звенело.

Верка никак не могла выбраться из-под мужика. Может, он помер?

Грохнула дверь с другой стороны — от входа.

Кто-то вбежал и остановился.

— Есть здесь кто? — раздался громкий голос.

Потом уж оказалось, что первым к ним подоспел шофер милицейского «газика», что стоял у ворот.

Из большой комнаты слышался треск. Верка догадалась, что начинается пожар.

— Там есть кто? Кто там был?! — кричал милиционер.

— Он, кажется, раненый, — сказала Верка, имея в виду мужика из морга.

Внутрь вбегали другие люди, еще больше толпилось снаружи.

— Уходи! — крикнул ей милиционер и сделал несколько шагов к пламени. Но ему пахнуло в лицо огнем, и он отшатнулся.

— Пошли, — сказала Верка мужику.

Они поднялись и побрели к выходу из морга.

Люди расступились, лица их были внимательными и сосредоточенными.

Верка взглянула на мужика. Он был весь черный, даже волосы обгорели, и одежда — в клочья.

«Значит, и я такая же!»

— Как ты догадалась? — спросил мужик. Губы ему плохо повиновались.

— Я увидела в окне, — сказала Верка.

И в самом деле, их спасло то, что за секунду или несколько секунд до взрыва она увидела, что в низкое окно заглядывает детеныш. Он поднял руку, чтобы бросить гранату или что-то вроде гранаты.

Тогда объяснять было некогда. Верка поняла, что он сейчас это кинет!

— Кого увидела? — спросил усатый и закашлялся. Сзади громко трещало пламя.

— Кого? — переспросила Верка. — Одного ребеночка.

По высокой траве от лечебного корпуса к ним бежала Елена Борисовна.

— Господи! — кричала она. — Что случилось? Ну зачем ты туда пошла?

Будто Верка была виновата во взрыве.

Олега Владиславовича не было. Так и не пришел к воротам. Почему? Катастрофа какая-то! Ведь неизвестно, что делать, что можно говорить, а о чем лучше промолчать.

Верка чуть с ума не сошла. «Батюшки, я свихнулась! У меня крыша поехала!» Сказать это можно было лишь одному толстому очкарику по имени Олег Владиславович, хотя и он может притворяться. Все здесь притворяются.

Если у тебя крыша поехала или случилось психическое заболевание, бояться уже не стоит. Зачем бояться? Маленькие детеныши взрывают больницу, а в морге лежит девушка без внутренностей...

«Я ведь ребенок, правда? Мне хочется в куклы играть! Впрочем, я, наверное, преувеличиваю. В куклы мне играть не хочется, а хочется, чтобы кто-то умный и добрый купил мне компьютер, а еще лучше ноутбук, чтобы можно было в электричке играть...

Правда, в электричке у тебя этот ноутбук сразу же отберут — кто вступится за глупую пацанку?

О чем я только думаю? При чем тут ноутбук?»

Обняв Верку за плечи, Елена Борисовна повлекла ее за собой

в приемный покой, там завела в душ, что-то спрашивала, но Верка плохо слышала. Она только кивала, соглашаясь.

В душе Елена заставила Верку раздеться. Тут и сестра Татьяна прибежала с пластырем и борной кислотой.

— Это газ взорвался? — спрашивала Елена Борисовна, будто хотела убедить Верку именно в этом.

Верка не отвечала. Ей было немного смешно — ну откуда в морге газ?

— Там баллон стоял, — догадалась Елена Борисовна. — Правда?

Только тут Верка смогла заговорить и сказала:

— Не знаю. Я не видела.

— Это было для тебя неожиданно?

— Неожиданно.

— Вот тут посмотрите, Елена Борисовна. Ее стеклом порезало, — сказала Татьяна. — Может, шовчик наложим?

— Обойдемся, — поспешила ответить Верка. — Только это не газовый баллон.

— Ты переволновалась, Верочка, — сказала Елена.

— Я видела.

— Таня, — сказала Елена, — там в шкафу халат Гуськовой висит. Она у нас маленькая.

— А носки я ей свои дам, — подхватила Татьяна. — У меня есть вязаные, на случай холодов.

Татьяна убежала — крепенькая, будто выточенная из пробки.

— Ты уже большая девочка, — сказала Елена Борисовна, — и не очень счастливый человек. Поэтому ты должна понять: вся история с погибшей женщиной, а особенно после взрыва — слишком сложна, чтобы в ней разобрался наш сельский детектив. Скорее всего, он тебе не поверит. В худшем случае заподозрит тебя в каких-то кознях. Но в любом случае к разгадке мы не приблизимся.

Верка кивала, не глядя на Елену. И не могла решить, говорить ли ей о детеныше с гранатой.

— У тебя есть с кем посоветоваться? — спросила Елена.

— Он почему-то не пришел, — сказала Верка. — Я его ждала, он у ворот обещал меня встретить.

— Я не спрашиваю, кто этот человек. Надеюсь, ты мне сама расскажешь... что сочтешь нужным.

Пришла Татьяна, в руке носки, через руку — белый халат.

— Я зайду к бабе Элле, — сказала Верка.

— А потом Ванечка отвезет тебя домой. На своей «восьмерке», — сказала Елена Борисовна.

— Ой, как здорово!

— Не ехать же тебе в электричке в одном халатике! — сказала Татьяна. — Конечно, подвезет!

Елена дошла с Веркой до палаты, чуть придерживая ее под локоть на всякий случай.

ГЛАВА 7

В бабиной палате царила паника.

Сама баба Элла сидела на кровати, свесив босые ноги, и громко требовала:

— Кто-нибудь, в конце концов, даст мне ответ: где моя внучка? Что вы с ней сделали?

Увидев Верку, баба Элла тон не сбавила.

— Я слышала ужасный взрыв! — заявила она. — Почему мне никто ничего не рассказывает?

— Да здесь она! — крикнула Клавдия Семеновна.

— Я здесь, бабушка! — поддержала ее Верка.

— Тебя что, ранило? — опомнилась баба Элла.

— Нет, я целая.

— А почему тогда в одном халате?

— У меня платье порвалось.

— Да ты что, с ума сошла? Ты понимаешь, что оно у тебя последнее? У меня нет денег тебе каждый день по новому платью покупать!

Бабушка входила в раж, будто залезла на высокую трибуну. Сейчас начнет кого-нибудь разоблачать.

Елена Борисовна, будто заранее знала, заглянула мимоходом, пробегая по коридору, и сказала:

— Девочка совершенно ни в чем не виновата!

— Да уж, разумеется! — откликнулась баба Элла. Она посмотрела на Верку, как Наполеон на блоху, и приказала: — Садись и смотри.

Верка села. Баба Элла протянула ей фотографию, небольшую, поляроидную. И зашипела, предупреждая: показ секретный!

Верка сразу узнала фотографию. Ее показывал милиционер, а потом, видно, забыл взять.

— И что? — спросила Верка.

— Неужто забыла?

— Я ее видела?

Верка сразу встревожилась, как заяц, который почуял волка, но еще не догадался, с какой стороны он идет.

— Папаню знаешь? Ну, Папаню?

— Еще бы не знать.

Баба говорила шепотом, чтобы не слышали соседки по палате. Правда, почти никого не было, а Клавдия Семеновна торчала у окна, смотрела на пожарную машину.

— Он же ее из Северодвинска привез! У лейтенанта увел! Это так судили, что его оттуда выселили, а может, и сам убежал. Точно не знаю, чужие дела меня не интересуют.

«Вот именно, — подумала Верка. — А что же тогда тебя интересует?»

— Как ее зовут? — спросила Верка.

У нее уже зародилось подозрение. Она же не дура, простите.

— Ее? У нас фотография должна дома быть. Она с Маринкой и этой, ну как ее... Устиновской! Три боевые подруги!

— Как? Ее? Зовут?

Если надо, Верка может спрашивать, как следователь на важном допросе.

— Как? — Баба задумалась. Она не притворялась. Просто забыла.

— Оксаной? — не выдержала Верка.

— А ты откуда знаешь? Вспомнила, да? Вспомнила?

— Так Оксаной?

— Ну а как же еще? Оксана. Они с Папаней сначала хорошо жили, он даже не пил. Представляешь?

— Баба, даешь слово, что на фотографии изображена Оксана, жена Папани и мамина знакомая?

— Никаких слов я тебе не дам. Я старая женщина, пожилая, у меня здоровье подкачало.

Баба притворялась немощной и растерянной. Боялась.

— Ты что-то знаешь?

— Да кто мне скажет? От меня всё таят.

— А что случилось с этой Оксаной? Почему я не знаю? Почему я о ней не слышала?

— А она пропала, — просто сказала баба Элла. — За год до твоей мамочки.

Баба Элла — папина мать, не мамина, поэтому она не переживала. Вот отца она всегда защищала. А маму ей не жалко. Она ее никогда не любила.

— Дай фотографию.

— Да забери ты ее! На черта она мне сдалась? Сама милиционеру отдашь.

— Она пропала — и не нашли?

— Папаня даже спился с горя. А теперь вот нашли. И зачем только ее взорвали?

— Морг взорвали из-за нее? — Верка произнесла вслух собст-

венные мысли. — Почему детеныш взорвал морг? Чего они испугались?

— Лучше помолчи, Верка, — посоветовала баба Элла, — а то они и до тебя доберутся. Я тебе по-детективному скажу: идет ликвидация свидетелей.

— Кто они?

— Видит бог, не знаю, но моя интуиция говорит, как шаг чеканит. Молчи. Даже про морг никому ни слова. Пускай они сами разбираются. Уезжай.

— Правильно, — согласилась Верка. Она представила, что Олег там мается у ворот, а мимо пожарные ездят. Он не знает, но беспокоится, не случилось ли что с Веркой. Не может он не беспокоиться. — Я поеду. Меня Иван Сергеевич обещал подвезти.

Баба Элла сначала произнесла заготовленную фразу:

— Чтобы завтра Катьку как следует подоила. Из-за тебя я целый день лечебного питания пропустила... — Тут она спохватилась и завела другую песню: — Это почему он тебя повезет? Что ему приспичило?

— Добрый, вот и повезет. Ему по дороге.

— Знаем мы эту доброту! — Заколки у бабушки выпали, волосы прядями упали на плечи. В больнице баба не красилась, и на два пальца от корней волосы были белыми, а дальше рыжими. Некрасиво. — Чтобы ты не соглашалась! Тебя милиция обязана привезти.

В палате пахло дымом. Морг все горел. Снаружи были слышны голоса. Все старухи глядели в окна и обсуждали.

— А ну-ка дай мне палку! — Баба Элла забыла о внучке.

Крепко держа в толстой руке палку, она оперлась пятками о пол.

Верка подвинула ей шлепанцы.

Баба заковыляла к окну. Довольно шустро.

«Забыла обо мне, ну и хорошо».

Верка пошла к дверям. Баба Элла неожиданно обернулась:

— Ты еще здесь? Без Елены Борисовны в машину не садись. Не хватало мне еще внучки изнасилованной. А то утром рисовой кашей кормили, это при моих-то запорах!

Верка между этими сообщениями связи не увидела.

Елена была в ординаторской.

— Выходи к воротам, — сказала она Верке. — Через пять минут мы там будем.

По коридору шел милиционер. При виде Верки он притормозил и наморщил лоб — вспоминал, откуда ему знакома эта худая девочка в белом халате с подвернутыми рукавами.

Верка прошла близко, опустив глаза, как послушница в монастыре.

— Эй! — крикнул ей в спину милиционер.

Но Верка про него все правильно угадала: он был в первую очередь ленивым человеком.

Гоняться за ней по коридорам и больничному двору он не стал бы.

Тем более что внизу стоял дым коромыслом. В прямом и переносном смысле.

Елена, которая вскоре догнала Верку, сказала:

— Кто-то по глупости решил эвакуировать больницу. Надеюсь, обойдется.

Два санитара тащили на веревке корову, пожарные поливали морг, откуда валили клубы черного дыма, ходячие больные стояли в очередь к пожарнику, который переписывал их фамилии в книгу, две санитарки брели, как негритянские женщины, неся на головах высокие стопки свежего белья...

Розовый Ванечка сидел в своей машине. Машина была аккуратненькой, как все у Ванечки. Даже грязь к ней не приставала.

Он хотел что-то сказать, но Елена Борисовна его опередила:

— Салима вышла на дежурство, обед задержится, пожар погасили.

Ванечка улыбнулся и сказал:

— Про пожар знаю.

Ванечка был невелик ростом, у него были маленькие модные очки, гладко причесанная голова и большие розовые уши. Оттого, что верхние зубы у него выступали, как у зайчика, он казался Верке похожим на кролика из мультфильма про Винни-Пуха. Ученый и обстоятельный кролик, который учит всех мыть руки перед едой и готовить уроки.

— Поехали? — спросил Ванечка.

— Сначала мы должны завернуть на Бирюзовую, — сказала Елена Борисовна.

— Это что такое?

— Пока мы сюда шли, Верочка рассказала мне, что Элла Юрьевна узнала на фотографии погибшую девушку.

— Так, — сказал Ванечка, словно для него это сообщение не стало неожиданностью. — И что еще про нее известно?

— Она пропала без вести несколько лет назад.

— Поэтому я ее и не помню, — сказала Верка. — Я маленькой была.

— Что-то слишком часто стали люди исчезать, — заметил Ванечка.

— Это повсеместное явление, — без улыбки сказала Елена Борисовна.

— И моя мама пропала, — сказала Верка, хотя все об этом знали. Но она сказала так, потому что вдруг почувствовала какую-то связь между исчезновением мамы и судьбой этой Оксаны.

— А теперь расскажи, что ты увидела в морге, — не оборачиваясь, приказал Ванечка. Уши его были красными на просвет. А голос — как у начальника. Только что он казался мирным кроликом, но вот изменился...

— Там был детеныш, — начала Верка и остановилась, потому что нельзя было начинать с детеныша, если твои слушатели не знают о зонтике, женщине и коттедже на Школьной.

— Говори, — попросила Елена.

— Я думаю, с чего начать, — объяснила Верка.

— Со вчерашнего дня, — подсказала Елена, будто знала больше, чем думала Верка.

И Верка почувствовала облегчение. Потому что она сняла с себя запрет. Теперь можно все рассказать, и врачи не засмеют.

Они слушали не перебивая.

Когда Верка закончила, они уже доехали до Пташек.

Свернули с шоссе на дорогу мимо «Продуктов» и хозяйственного магазина.

— Расскажи подробнее об Олеге Владиславовиче, — попросил Ванечка. — Какую роль он в этом играет?

— Он нам совершенно неизвестен, — Елена Борисовна обращалась к Ванечке.

— Я о нем так мало знаю, — сказала Верка. — Он снимает дачу за нашей. А меня сегодня спас. Честное слово! А потом должен был у больницы ждать, но не пришел.

Они задавали вопросы о ночных визитерах, даже о Папане. Казалось, что врачи знают куда больше, чем хотят показать. Впрочем, перед Веркой они специально не таились. Просто кое-что понимали без слов, а Верка не понимала.

Все эти люди думают о своих делах, а тем временем Верку могут убить.

— А меня могут убить, — нечаянно подумала она вслух.

— Не бойся, — сказала Елена и, обняв девочку за плечи, притянула к себе.

Машина медленно проехала мимо коттеджа. Ворота были закрыты. Потом они, не останавливаясь, миновали дом Верки.

— Мы куда едем? — спросила Верка. Она забыла об Оксане.

— Мы к погибшей девушке собирались, — докторским голосом пропела Елена Борисовна. — К Оксане.

— К девушке? — словно про себя спросил Ванечка. — Она же пропала несколько лет назад. Она не изменилась?

— Почему не изменилась? — спросила Елена. — На маленькой фотографии трудно угадать возраст.

— Но, с другой стороны, она и не должна измениться, — сказал Ванечка.

— Это подтверждает версию, — согласилась с ним Елена.

Верка поморщилась. Они все знали больше ее, но не хотели объяснять.

Ванечка словно услышал мысли Верки. А может, и правда услышал, на то он и доктор.

— Наверное, ты, Вера, ждешь от нас объяснений? Но мы и сами еще не все понимаем. И за тебя боимся. Так вышло, что ты оказалась в центре их внимания... Им нужен ключ. Он в твоем доме. Значит, в твоем доме есть дверь, которую можно открыть этим ключом.

— У нас таких дверей нет. А я никому не нужна.

— Твоя мама тоже никому не была нужна.

Верку как током шибануло.

— Что вы знаете про маму? Говорите же! Вы что-то знаете!

— Мы полагаем, — Елена Борисовна говорила медленно, словно больше всего опасалась, как бы не сказать лишнего, — что все события последнего времени связаны между собой.

— Мама жива? Ну скажите же!

— Никто тебе не ответит, — вздохнул Ванечка. — Может, лучше было бы, если бы она умерла.

— Это мы слыхали, — сказала Верка, но испугалась.

— Терпение, — сказал Ванечка. — Терпение и осторожность...

Что происходит?

— Для всех мы с Еленой Борисовной — обыкновенные врачи районной больницы, — почему-то сказал Ванечка. — Решили подвезти до дома внучку нашей пациентки.

Верка кивнула. Елена ничего не сказала. Она нахмурилась, думала о чем-то.

— Какой саблей он тебе грозил? — вдруг спросила она.

Верка догадалась. Она развела руками, чтобы показать.

— Он уже сформировался, — заметил Ванечка, глядя на Верку в зеркало.

Они заехали на Бирюзовую со стороны пруда. Пруд был серым от дождевых капель, и в нем плавало столько желтых и бурых листьев, что чистая вода осталась только в середине. Дорога раскисла — давно не ремонтировали. Машина раскачивалась, когда колеса попадали в глубокие лужи.

Верка чуть не пропустила дом — она же видела его со стороны сада. Да и не сада вовсе, а пустыря.

Дом Папани был старым, облезлым. Такие раньше назывались финскими домиками, их ставили по бедности, а теперь не ставят. В дачных поселках они как пятиэтажки в городах.

И участок был бессмысленным. От калитки вела утоптанная дорожка, по обеим сторонам которой росли смородиновые кусты и торчали пики крапивы. Дорожка была засыпана осколками бутылок.

Машина остановилась возле приоткрытой калитки.

— Кто бутылки бил? — спросил Ванечка.

Верка знала ответ на этот вопрос:

— Папаня бутылки собирал, а если горлышко битое и сдать нельзя, он их колотил. Он мне сам рассказывал, честное слово.

Ванечка направился было к двери, но Верка его остановила:

— В доме Олег Владиславович живет. А Папаня в сарайчике, вон там.

Но сама толкнула дверь в дом. А вдруг Олег вернулся?

— Олег Владиславович! — позвала она.

Ей не ответили.

Елена пошла к сарайчику. Ванечка за ней. Он шагал вприпрыжку, берег блестящие ботинки.

Верка встала на цыпочки, чтобы посмотреть за пианино. Потом заглянула на кухню. В доме было пусто и холодно.

Тогда Верка побежала к сараю, за докторами.

Елена стучала в дверь.

Потом постучал Ванечка.

— Как следует толкни! — послышался голос изнутри.

Ой какое облегчение испытала Верка! Она ведь была почти уверена, что Папани уже нет в живых.

— Дверь на крючке, — сказала Елена.

Странно, еще утром она была открыта. Значит, Папаня выходил?

— А ты ногой! — крикнул Папаня. — Бей, не стесняйся. Я сам не выношу замков и запретов.

Доктора раздумывали, стеснялись. Верка подняла ногу и вышибла дверь кроссовкой. Крючок-то был проволочный, фиговенький.

Папаня лежал весь красный, краснее обыкновенного. Было ясно, что его даже подъемным краном с койки не поднять.

На столике у изголовья стояло несколько пустых бутылок и одна еще не допитая, с коньяком.

— Подай, Верунчик, — приказал Папаня. — Сам выпью и с гостями поделюсь.

— Мы — врачи из районной больницы, — сказал Ванечка.

— Вижу, что не разбойники.

Язык Папаню слушался.

Он приподнялся — рожа красная, покрывало откинулось, а он в одной голубой майке. И не холодно пропойце!

— Погодите, — попросила его Елена.

Но Папаня с неожиданным проворством поднес бутылку к губам, и, когда Ванечка все же бутылку отобрал, в ней почти ничего не осталось.

— Ин вино веритас, — сказал Папаня и засмеялся. — В водке правдолюбие.

Елена вытащила фотографию.

— Вы знаете эту женщину? — спросила она.

— Еще бы! Моя покойная, отпетая, но вечно живая супружница, свет моих очей, жить без тебя не хочу, лапушка любимая! — запричитал Папаня.

— Когда умерла Оксана? — спросил Ванечка.

— Вы и по имени уже вычислили? — Папаня не особенно удивился.

— Когда она умерла? — повторил Ванечка.

— Давно, до революции, — ответил Папаня и захрапел.

— Не притворяйся, Папаня, — сказала Верка.

Ванечка пощупал Папане пульс, потом приподнял веко.

— Нам его не разбудить, — сказал он. — Придется ждать.

— Он ее не видел, — сказала Елена громко, чтобы перекрыть Папанин храп. — Он думает, что она давно умерла.

— Тогда все ясно, — вздохнул Ванечка. — Они ее выпустили, когда нужда в ней пропала. Она была обречена.

— Теперь надо отыскать этого... квартиросъемщика, — сказала Елена.

— Олега Владиславовича, — подсказала Верка. — Почему он не приехал в больницу?

Ее вопрос остался без ответа.

Они вернулись в дом.

Ванечка вытянул из тумбочки в углу единственный ящик. Ящик был набит бумажками. Среди них оказались и фотографии.

Фотографий Оксаны они не отыскали.

Зато увидели «Инстинкт и нравы насекомых» Фабра. Елена даже присвистнула.

«Никогда бы не подумала, что такая воспитанная тетенька умеет свистеть».

— Мне домой надо, — попросилась Верка.

— Пошли вместе, — сказала Елена Борисовна.

— А я останусь, — заметил Ванечка. — Покопаюсь в доме без разрешения хозяина. Мне можно, я ведь не милиция.

— Поищешь документы?

— И документы тоже.

Он присел за стол и принялся открывать том Фабра на страницах, заложенных узкими полосками бумаги.

— Вот именно, — повторял он, — вот именно!

Елена заглянула ему через плечо. Верка тоже заглянула, но ничего интересного не увидела. Там были нарисованы какие-то худые осы.

Верка провела Елену по тропинке сквозь мокрую крапиву. Хорошо еще, что врачиха была в джинсах. Халат был надет как плащ. Почему-то она не стала оставлять его в машине.

Когда Верка подошла к дому, ее живность почуяла — идет кормилица, и подняла галдеж.

Верка оставила Елену в большой комнате, а сама стала переодеваться. Было приятно одеться в свое, сухое. Верка позвала Елену кормить зверинец, но та отказалась. Она была городской женщиной и обращаться со зверьем не умела.

Уходя, Верка даже спросила:

— А вы сама пушкинская?

— Нет, я из Харькова. Мой дедушка был отчаянный революционер.

— А потом?

— Потом они приехали в Москву, и дедушка кончил как все революционеры.

Верка не знала, чем кончили все революционеры, но спрашивать не стала — все равно не объяснят.

Верка дала Елене семейный альбом с фотографиями. Она открыла его на странице с фотографией, на которой мама и папа сидели голова к голове, как фотограф велел, а мама держала на руках маленькую Верку. Счастливая картинка! Верка ее ненавидела, потому что фотография всегда напоминала ей, какая паршивая у нее сложилась жизнь. А на фотографии все счастливые. Разве это не издевательство?

— А что Ванечка знает про мою маму? — спросила Верка.

— Красивая она у тебя, — сказала Елена.

— Была красивая, — поправила ее Верка.

— Никогда не надо отчаиваться.

— До самой пенсии?

— Может, и до пенсии. Ты готова?

— Мы пошли?

— Не совсем так. — Елена чего-то ждала.

И тут по-птичьи заверещал ее мобильник.

— Да, — ответила Елена. — Мы у Верочки. Что у тебя?

Видно, Ванечка стал что-то рассказывать. Елена кивала и все время поправляла непослушную прядь на лбу. Потом она спрятала телефончик в сумку, что висела у нее на плече, улыбнулась Верке и сказала:

— Ты останешься здесь, а мы навестим твою соседку и поглядим на детеныша.

— Я не останусь. А что с Папаней?

— Спит.

— Честно?

— Я за него ручаться не могу. Может, и притворяется. Ладно, нечего время впустую терять. Сиди здесь, жди нас.

— И все?

Елена Борисовна улыбнулась:

— Ты у меня догадливая.

Она принялась копаться в сумке. Сумка у нее была мягкая, из дорогой кожи, в ней не только телефон — небольшой пулемет можно спрятать. Елена Борисовна вытащила плитку, похожую на костяшку домино, на ней даже были выдавлены белые кружки.

— Кнопка здесь, — показала она и сама нажала. — Мой мобильник поставлен на передачу. А это твой приемник. Ты будешь слушать, о чем мы говорим. И слушать очень внимательно.

— Нет, лучше я с вами пойду. Чего мне здесь сидеть?

— Большая, большая, но не очень умная, — покачала головой Елена Борисовна. — Тебя здесь знают как облупленную. Как только они тебя увидят, все наши потуги на камуфляж лопнут.

— А так?

— А так мы врачи, эпидемиологи. Сама все услышишь. Сиди и слушай. Как только услышишь что-то подозрительное, настораживайся.

— Ну хорошо, — согласилась Верка. — Может, вы и правы. А я пока курам подсыплю.

Котяра обиженно мяукнул.

— И тебя покормлю, и тебя, не бойся.

— Только приемник не забывай. Держи наготове. Ведь мы через несколько минут там будем.

— А Катьку я успею подоить?

— Покормить успеешь, подоить — нет. Вечером подоишь.

Ванечкина машина тормознула в луже возле калитки.

«Интересно, как он быстро примчался, знал, как доехать», — подумала Верка, но долго размышлять об этом не стала.

— Счастливо! — сказала она Елене Борисовне.

— К черту, к черту! — засуетилась врачиха.

Верка смотрела ей вслед в окошко.

Дождик прекратился, но в любой момент мог пойти снова.

Елена пробежала по дорожке к калитке, перепрыгивая через лужи. У нее была девичья фигурка, хотя Верка знала, что она совсем уже не молодая. Ей тридцать четыре года. С ума сойти, какая старая! Жалко, что у нее почти вся жизнь прошла, а детей нет.

Верка вернулась в дом, достала крупу из мешка, посолила хлеб — лакомство для Катьки. В сарае куры толклись в ногах, склевывая зерно на лету.

С Котярой у Верки питание было общее. Не «Вискасом» же его кормить.

Кот пошел за Веркой в сарай, потом вернулся в дом.

Хвост столбом. Урчит заранее.

Только Верка полезла в холодильник «Север» за колбасой, как на костяшке домино звякнул вызов.

«Хитро придумано, — подумала Верка. — Если я потеряю или будет обыск, на доминошку могут и не обратить внимания».

Звонок.

Пауза.

Голос. Женский.

— Что вам нужно?

— Санэпидстанция. — Голос Ванечки.

— Мы вас не вызывали. — Голос той женщины был веселым, домовитым. Вот сейчас скажет: «Чайку не желаете?»

— Простите, но в районе проходит профилактическое обследование всех детей.

— Детей?

— Ну, что это мы с вами через цепочку разговариваем? — послышался голос Ванечки.

— Это даже не цепочка, а целая цепь, — вступила в разговор Елена.

— Простите, — сказала женщина, которую Верка про себя называла мамашей детеныша, — но вы не представляете, сколько вокруг развелось жуликов и даже грабителей. Разрешите посмотреть ваши документы...

«Вот мы и попались», — вздохнула Верка.

Но тут же она услышала голос Ванечки:

— Прошу вас.

Наступило молчание — видно, женщина читала. Потом повторила вслух:

— Никитский Иван Андреевич, заведующий отделом педиатрической вирусологии.

Он же Иван Сергеевич!

Значит, у него с собой фальшивые документы?

Хоть Верка была еще ребенком, ну, скажем, подростком, она была достаточно взрослой, чтобы понять: обычный доктор районной больницы не носит с собой липовых документов. Значит, он тоже притворяется? И Елена? Но что тогда они делают в больнице? Они же на самом деле лечат людей — Верка сама это видела, ведь баба Элла лежит у них в отделении уже вторую неделю.

— Но у меня нет детей, — снова услышала Верка голос женщины.

— Странно, — сказала Елена Борисовна. — У нас другие сведения...

— Какие еще сведения?

— Ваши соседи говорили, что видели детей в вашем доме.

— Вы, наверное, имеете в виду бедную Верочку из пятого дома? Кажется, у нее еще бабушка в больнице... Несчастный ребенок, чуть ли не оборвашка. Я ей как раз сегодня утром зонтик дала — свой она вконец сломала. Умственно неадекватное создание.

Последних ее слов Верка не поняла, но почувствовала, что они обидные. Женщина говорила о ней как о ненормальной.

Верке даже захотелось выключить доминошку. Но, конечно же, она этого не сделала. Неужели люди считают ее ненормальной оборванкой?

— У нее мы еще побываем, — сказала Елена. — Мы должны взять пробы воздуха и воды во всех домах, где есть дети.

— Зачем? — быстро спросила женщина.

— Есть сведения, что в Московской области появился сальвадорский энцефалит, — сказал Ванечка. — Его возбудителем является теласса грандиоза. У этой болезни очень длительный инкубационный период. До пяти лет. Вы об этом знаете? Знаете, да?

Почему-то голос Ванечки стал настойчивым, даже пронзительным.

— Что вы говорите? Что вы говорите? Прекратите немедленно! — закричала женщина.

— Пропустите нас для взятия проб.

— И не подумаю!

— Тогда мы вернемся сюда с милицией. Мы не можем рисковать здоровьем детей.

— Здесь нет детей!

— До свидания. — В голосе Ванечки прозвучала угроза. — Придется возвращаться с милицией.

И вдруг все изменилось. Как будто женщину подменили.

Она заговорила сладким голосом, словно с родными людьми:

— Да вы заходите, заходите, не стесняйтесь. Это недоразумение, и мы его быстро рассеем. Пожалуйста, осмотрите мой дом. Конечно, это не мой дом, я его снимаю на лето. У меня слабые бронхи, мне врачи рекомендовали свежий воздух средней полосы... Заходите, смотрите все, что вам нужно, у меня нет секретов от медицины. Вы же исполняете свой долг... Проходите на второй этаж.

Верка услышала, как поскрипывают ступеньки.

— Пожалуйста, расскажите подробнее, что же происходит! Умоляю вас! У меня здесь нет детей, но должна признаться, что я — молодая мать. Моему ребеночку всего годик, даже меньше, восемь месяцев... Я его вывезла летом на свежий воздух, но он оказался младенцу вреден. Не удивляйтесь, именно так! Пришлось отвезти его в Москву, к моей мамочке. Вот смотрите... Колясочка осталась, но опустевшая! Это так печально!

— И вы остались здесь одна? — спросила Елена.

— Ах, одна, совсем одна, как перстик.

Что такое перстик, Верка не знала, но поняла, что женщина врет. Может, коляска и пустая, но вот детеныш, который взорвал морг, точно живет с ней на даче. Это факт!

— Вот видите! — сказал Ванечка с укоризной. — А вы нас пытались ввести в заблуждение. Есть же у вас ребенок!

— Но не здесь, и совсем маленький. Он еще не ходит, моя крошка, у него ножки слабенькие.

Женщина засмеялась, нежно и тихо.

Можно было подумать, что она — хороший человек и заботливая мать. Но Верка ей не верила. После всего, что уже случилось.

— Трудная у вас работа, — сказала женщина. — Вторгаться к мирным людям в дома приходится, обижать кого ни попадя... Да и сами, наверное, рискуете — заманят вас в дом, а живыми не выйдете. Ну я шучу, шучу, не беспокойтесь.

— А мы и не беспокоимся, — спокойно ответил Ванечка. — Мы постоянно остаемся на связи с Министерством здравоохранения. Там знают, где мы и когда должны вернуться.

— И что же вы будете делать дальше? — спросила женщина. — Ведь эта эпидемия, наверное, очень опасная. Как вы говорите, гондурасский что?

— Сальвадорский энцефалит, — сказал Ванечка. — Крайне опасное заболевание, в первую очередь поражающее детей.

— Но почему именно в нашем поселке? — удивилась женщина.

— А потому, — сказала Елена Борисовна, — что американский спутник зарегистрировал здесь типичную аномалию, вызываемую этим вирусом.

— Какой ужас! — воскликнула женщина. — А как он сюда попал?

— Его занесли, — ответила Елена.

— Нечаянно?

— Пока неизвестно, — сказал Ванечка. — Но в самом Сальвадоре уже половина детей больны, и еще неизвестно, останутся ли они живы.

— А что это за вирус? — заинтересовалась женщина.

— Совершенно необыкновенный! Его называют теласса грандиоза. В просторечье — «наездник».

— Ах, вы так туманно говорите, — отозвалась женщина. — Я уже ничего не понимаю. Идите, идите, ищите свою грандиозу.

— Спасибо, нам нужно спешить. Принято решение осмотреть все подвалы и укромные помещения в поселке. Вирус может таиться в подполе.

— И вы этим сейчас займетесь?

— Разумеется. У нас есть планы всех помещений, даже тех, о которых все забыли.

Слышно было, как они спускаются по лестнице.

— Зря вы только время тратите, — сказала женщина. — Никакого вируса вы не найдете. Да и не верю я вам.

— Почему же? — удивился Ванечка.

— Не вирус вам нужен. Вы что-то другое вынюхиваете. И не доктора вы, а лазутчики, может, даже грабители. Хорошо еще, что у меня грабить нечего. А когда вы начнете подвалы обыскивать?

— Вот сейчас дождемся подкрепления и примемся, — ответил Ванечка. — По всему поселку.

Хлопнула дверь. Скрипнула калитка.

Верка отложила доминошку.

Интересно, что же дальше будет? Она догадалась, что Ванечка специально упомянул о подвалах. Здесь таилась какая-то хитрость.

Надо будет спросить у Елены, что им в самом деле нужно.

Верка подошла к дверям, чтобы встретить докторов, но вдруг замерла.

Доминошка снова заговорила.

Такого не может быть! Ведь доктора ушли от той женщины!

Верка кинулась обратно в комнату.

Женский голос говорил:

— Я очень встревожена. Они что-то подозревают.

— Они всегда подозревают! — раздался в ответ другой голос. — Всех бы перестрелял!

Ой! Это его голос! Голос детеныша! Где он скрывался? Почему Ванечка его не нашел?

— Лучше вымойся, — сказала женщина. — Тебя первый же милиционер схватит. Весь в саже!

— Еще бы! — ответил детеныш. — Я жизнью рисковал. Вдруг они разожгли бы камин?

— Ради общего дела!

— Разве это дело?

— Мы обязаны остаться живыми! И ты это отлично знаешь. Остаться живыми и дать жизнь другим. Ведь существование тех, кто нам подобен, сейчас зависит только от нас с тобой.

— Не преувеличивай, матка.

— Забудь ты это грубое слово!

— Забыл, забыл! — засмеялся детеныш.

Хлопнула дверь. Слышно было, как полилась вода. Видно, детеныш пошел мыться. Смывать сажу...

Верка поняла: доктора оставили в доме той женщины «жучок», крохотный микрофончик. И теперь можно слышать, о чем они там разговаривают.

И это самое главное! Потому что теперь ясно, что детеныш скрывается в доме, и можно позвать милицию, чтобы его поймать. Маленький террорист!

Видно, последние слова Верка произнесла вслух, так как Елена Борисовна, которая вошла в комнату, спросила:

— Ты кого имеешь в виду?

— Он там! — воскликнула Верка. — Тот убийца, что морг взорвал, детеныш ее! Он там скрывается!

— Мы это подозревали, — сказал Ванечка. — А теперь знаем точно.

— Так что же вы стоите? Почему не вызываете милицию?

Доктора прошли в комнату. Елена села на диван, а Ванечка остался стоять у окна.

— Милицию мы всегда успеем вызвать, — сказала Елена.

— И милиция всегда успеет все испортить, — добавил Ванечка.

— Но они же бандиты!

— Я бы воздержался от подобного определения, — ответил Ванечка. — А подозрения нужно еще доказать.

— Все куда сложнее и даже... — Елена никак не могла подобрать нужное слово. Ванечка ей помог.

— Ужаснее и опаснее, чем ты, Вера, думаешь, — сказал он.

— И что же теперь делать? — спросила Верка.

— Немного подождем, — сказал Ванечка. — Мы забросили удочку. Теперь посмотрим, схватят ли они наживку.

— Какую наживку?

Ванечка ответил не сразу. Он будто сомневался, рассказывать ли Верке.

— Она уже не ребенок, — сказала Елена, догадавшись, о чем он думает. — И пережила столько, что имеет право все знать.

— Я не считаю ее ребенком и не хочу ничего скрывать, — ответил Ванечка. — Но знание — это опасность. Ты же понимаешь, с кем мы имеем дело. — Он поглядел на доминошку, лежавшую на столе, и сказал: — Пора бы им принять решение.

— Скажете вы мне наконец, что творится? — не выдержала Верка. — Может быть, вы вовсе и не доктора?

— Не бойся, — улыбнулась Елена Борисовна. — Мы доктора. Но, возможно, не совсем такие, как ты думаешь. Мы работаем не в районной больнице.

— Не совсем так, — перебил Елену Ванечка. — Временно мы работаем здесь и даже кое-кому помогли.

— А на самом деле?

— Женщина, у которой мы только что были, и ее, как ты говоришь, детеныш совсем не те, за кого себя выдают. Они очень опасны.

— Вот уж вы меня не удивили, — сказала Верка. — Я это и без вас знаю. Еле из пожара выбралась! Значит, Оксану они убили?

— В широком смысле слова — они.

— В широком, в узком! Да говорите вы, как люди!

И тут снова ожила доминошка.

— Ты уверен, что он умер? — спрашивала женщина. Голос звучал очень близко, словно она находилась с ними в одной комнате.

— Такой настырный попался — чуть все нам не загубил! — ответил детеныш.

— Ты уверен?

— Я ему глотку перекусил. После этого не оживают.

Странно и страшно было слышать детский голосок, произносящий такие слова.

— Сейчас пойдем или темноты дождемся? — спросила женщина. Детеныш не ответил.

— Я выйду на связь с Москвой, — сказала женщина.

— Погоди, — остановил ее детеныш. — Нас могут подслушивать. Ты же не знаешь, кто эти доктора на самом деле. Надеюсь, ты им не веришь?

— Конечно, не верю. Теласса грандиоза! Это не случайность.

— Тогда никакой связи.

Доктор Ванечка подошел к столу, где лежала доминошка, чтобы лучше слышать. Голоса удалились, словно женщина с детенышем вышли в соседнюю комнату.

— Где «жучок»? — спросила Елена.

— В горшке с цветами.

Издалека донесся голос женщины:

— Сначала проверим, уехали эти врачи или еще здесь ошиваются.

— Я это сделаю, — сказал детеныш. — Быстренько. Главное, чтобы они не отсиживались у Верки!

Детеныш еще не договорил, как Ванечка кинулся к двери.

— Быстро в машину! — крикнул он. — Они не должны нас здесь видеть!

Елена с Веркой побежали за ним.

Машина стояла перед домом.

Они прыгнули в машину, и Ванечка сразу рванул вперед, проскочил два переулка и повернул на Бирюзовую.

ГЛАВА 8

Они проехали мимо дома Папани, где жила Оксана, и свернули в проезд между домами.

— Удачно, — сказала Елена. — Даже из переулка нас не видно.

— Теперь можно дух перевести, — сказал Ванечка.

Стало тихо, только дул ветер, который никак не мог решить, то ли снова пригнать тучи, то ли отдохнуть.

— А кого они имели в виду? — робко спросила Верка. — Кому он... глотку перекусил?

— Я не знаю, — ответил Ванечка.

— А вдруг это Олег Владиславович?

— Почему ты так думаешь?

— Потому что он не пришел к больнице, потому что его нет в поселке, потому что Папаня его ждет... Потому что они его ненавидят!

— Все может быть, — тихо произнесла Елена.

— Он один из вас? — догадалась Верка.

— Вовсе нет. Похоже, он такая же жертва, как и ты.

В машине было тепло, но сидеть здесь было неправильно. Надо было действовать, а доктора не спешили, словно не вовремя задумались.

— Я маленькая, — сказала Верка. — Давайте я в сарайчик к Папане загляну. А может, Олег вернулся.

— Не стоит, — сказал Ванечка и почесал ногтем открывшиеся заячьи зубки. Очень смешно у него получилось.

— Беги, — сказала Елена.

Верка, пригнувшись, добежала до сарайчика. Папаня все храпел.

В доме было пусто. Олег не возвращался.

Верка добралась до кухни и выглянула в окно, выходившее на участок.

И замерла.

Хоть ее и не видно снаружи.

По участку деловито шагал детеныш. Он крутил головкой, словно вынюхивал добычу.

Потом детеныш исчез.

Верка увидела на полу кожаную папку, с такой ходят начинающие чиновники. То ли она упала с кухонного стола, то ли ее спрятали.

К папке была прикреплена металлическая табличка с завернутым уголком: «О. В. Устиновский».

Верка подняла папку.

Детеныш не появлялся.

Верка раскрыла папку.

В ней лежало несколько листов, напечатанных на принтере. И фотографии.

Нехорошо копаться в чужих вещах, но сейчас от этого могло многое зависеть.

Если бы вы спросили Верку, что именно, она бы не ответила, хотя и чувствовала, что это именно так.

Фамилия Устиновский была знакомой. Верка ее где-то слышала.

Верка оглянулась.

Может, Олег что-то оставил, какой-нибудь знак?

На продавленном диване валялась фотография.

На ней были сняты три молодые женщины.

Они улыбались. Они были счастливые и здоровые.

Женщину справа Верка не знала, в центре стояла блондинка Оксана, которую детеныш только что взорвал в морге. А слева Верка увидела свою маму.

Она оторвала взгляд от фотографии и перевернула ее.

На обороте было написано: «Пташки, 23 июля 1994 года».

То есть семь с лишним лет назад.

Верка схватила фотографию и побежала прочь из дома.

Сердце билось так, словно она пробежала два километра, спасаясь от волков.

Но стоило ей открыть дверь, как она сразу же вспомнила о детеныше. Он мог подстерегать ее.

Ветер стих, тучи плыли медленно, словно устали носиться над землей. День кончался. Сумерки еще не наступили, но воздух стал вечерним. Вдруг запела какая-то птичка, защебетала, зачирикала, хотя в сентябре птицам петь уже не положено. С деревьев слетали листья, правда, еще не желтые, но с каждым днем их будет оставаться все меньше.

Недалеко загудела электричка. Видно, не хотела останавливаться в Пташках и предупреждала пассажиров, чтобы на нее не рассчитывали.

Верка, пригнувшись, бросилась к кустам.

И чуть не умерла от страха, потому что услышала женский голос:

— А мы тебя ждем!

Верка была настолько уверена, что ее подстерегает та женщина, что не сразу узнала голос Елены Борисовны.

— Ну я сегодня буквально умру, — сказала она.

— Девочка права, — укоризненно сказал Ванечка. — У нее напряжены нервы... Ах, какой все это ужас!

Верка протянула ему фотографию.

— Кто это? — равнодушно спросил Ванечка, словно на снимке была изображена египетская пирамида.

— Ванечка, — сказала Елена Борисовна. — Не притворяйся. Мы с тобой отлично знаем, кто они. В нашем банке данных есть фотографии всех исчезнувших женщин... Это Оксана, она была в больнице. Это Верочкина мама. А это Устиновская.

— И вы не знаете, кто она такая? — спросила Верка.

Любому человеку приятно быть умнее своих собеседников. Так уж мы устроены. И Верка от нас с вами не отличается.

— Ты что-то знаешь? — быстро спросила Елена.

— Если она Устиновская, значит, это жена Олега Владиславовича.

— Не может быть! — прошептал Ванечка. — Как же мы не догадались?

— Удивительно не это, — сказала Елена Борисовна. — Но даже в Москве их не связали друг с другом. Муж и жена!

— Пора вернуться к машине, — сказал Ванечка.

— А может быть, забраться на чердак этой дачи? — предложила Елена Борисовна. — Оттуда будет лучше видно. А я всегда больше доверяю собственным глазам, чем всем приборам, вместе взятым.

— Типично женский подход, — поморщился Ванечка. — Нет уж, я пойду в машину.

— Я с Еленой Борисовной, — сказала Верка.

— Правильно, — согласилась Елена. — Мне тоже с Верочкой спокойнее. Я страшно боюсь привидений.

— Привидений не бывает, — сказал Ванечка.

Он не спорил, не возражал, просто сказал то, что знал. И если бы Верка верила в привидения, после этих слов она бы в их существовании усомнилась. Но она уже не знала, во что верить, а во что нет. Некогда было об этом думать. По крайней мере, раньше ей с привидениями встречаться не доводилось.

— Смотря кого считать привидением, — продолжала Елена Борисовна, пока они по шатучей лестнице поднимались на чердак. — Ученые, скажу тебе, до сих пор не пришли к единому мнению, где проходит граница между жизнью и смертью.

— Когда человек перестает дышать! — твердо сказала Верка.

— Хорошо быть необразованным человеком, — вздохнула Елена и чуть было не загремела вниз. Верка еле успела ее подхватить.

Чердак был низким, страшно пыльным. Рядом пробежала мышь.

Елена тихонько взвизгнула, но Верка ее успокоила:

— Это полевая мышь, полевка. Они не кусаются.

— Вот и слава богу, — засмеялась Елена. — А я уж испугалась, что она мне ногу откусит.

Она присела на корточки перед чердачным окошком.

Сверху был виден весь участок и дом бабы Эллы. За ним сквозь деревья можно было разглядеть коттедж.

— А что мы хотим увидеть, Елена Борисовна? — спросила Верка.

— Мудрая постановка вопроса, — похвалила ее Елена. — В самом деле, что мы с тобой делаем на чужом чердаке? Я тебе отвечу так: мы хотим узнать, заглотили ли они наживку? Как дела с приманкой?

— А где приманка?

— Помнишь, мы сказали той женщине, что будем обследовать все подвалы поселка, чтобы отыскать следы вируса? Мы с Ванечкой думаем, что им не захочется, чтобы мы совали нос в

один такой подвал. Они постараются успеть туда раньше нас и сделать свое дело.

— Какое дело?

— Назовем это... эвакуацией. То есть им нужно кое-что срочно увезти из подвала.

— Что?

— Много будешь знать, скоро состаришься.

— А когда они пойдут?

— Думаю, что скоро. Они не могут рисковать.

— Они ключ от подвала искали?

— Помолчи.

Легче всего от человека отмахнуться. Причем отмахиваются все — и друзья, и враги. Если уж Елена Борисовна стала от Верки отмахиваться, вызывай «Скорую». А что бы им стоило объяснить все по-человечески с самого начала, и от Верки было бы больше пользы.

Елена словно угадала Веркины мысли и сказала, вытаскивая осколок стекла из рамы чердачного окошка:

— Если все сорвется, будут большие неприятности.

Она замолчала, пристально глядя в окошко. Верка не выдержала:

— Давно бы все объяснили!

— И ты бы нам не поверила...

— А вы откуда знаете? Разве не видите, что я тут с вами как разведчик Штирлиц в тылу врага бегаю?

— Хорошо, я постараюсь рассказать... Представь себе, что в Челябинской области когда-то находился ядерный реактор. Давно, полвека назад. И он взорвался. В те времена о таких вещах не распространялись. Всех, кто уцелел, переселили в другие места, район оцепили колючей проволокой и поставили охрану. Но полностью оградить его не смогли. Из зараженного озера просачивалась вода и попадала в ручьи. Ядовитые испарения оседали в соседних лесах. Олени, медведи и лисы, не говоря уж о гадюках и пауках, поедали радиоактивную пищу. И накапливали в своих организмах. Ученые в этот район не приезжали. Никто не знал, что же там происходит на самом деле. А там росли удивительные мутанты, животные и растения, которых раньше на Земле и не бывало... И вот, лет двадцать назад, проволока проржавела, ограда кое-где порушилась, местные жители стали ходить в зону по грибы и ягоды, а некоторые шастали к туннелям за другой добычей...

— Сталкеры, — подсказала Верка. Она смотрела кино.

— Одни возвращались, другие пропадали без следа. Их никто

не искал, потому что уровень радиации был таким высоким, что даже в защитном костюме находиться там было опасно. А навстречу людям из леса и озер выходили мутанты, выросшие в зоне за последние годы. И не только животные, но и насекомые, которым удалось приспособиться к радиации. И среди этих насекомых были чудовища...

В саду за коттеджем появилась блондинка в джинсах и куртке. В руке она несла топор.

Мало ли зачем человеку может понадобиться топор в хозяйстве? Но Верку охватил ужас.

Топор был новым, лезвие блестело.

Верка схватила Елену за руку, вонзила ногти ей в ладонь.

— Больно, — прошептала Елена и выдернула руку. — Не бойся ее.

— Я не боюсь.

Женщина остановилась и обернулась к дому. Из-за коттеджа выглянул детеныш и что-то спросил.

Он двигался быстро, дергался и подпрыгивал. Не понять, мальчик он или девочка.

Они перекинулись парой слов, и детеныш вернулся в дом. Женщина достала сигареты, закурила.

— Рассказывайте дальше, — попросила Верка.

— Дальше на сцену выходит великий Фабр.

— Я его книгу у Олега нашла, — вспомнила Верка.

— Правильно, «Инстинкт и нравы насекомых». Его основной труд был посвящен осам-наездникам.

— Каким еще наездникам?

— Тише, — прошептала Елена, словно их могли услышать.

Снова появился детеныш. Он волок черную сумку, чуть ли не с себя размером.

Женщина с детенышем поспешно направились к воротам и на время исчезли из глаз.

Елена Борисовна нажала на кнопку мобильника.

— Куда они идут? — спросила она.

— По Школьной, в сторону дома Веры, — откликнулся Ванечка.

Через две минуты Верка снова увидела странных соседей.

Теперь они шли по ее участку!

Но женщина с детенышем направлялись не к дому, а к старому сараю. Там хранились доски, сломанная швейная машинка, провода, табуретки и всякое барахло, которое в Москве давно бы выкинули, а на даче хранили — вдруг пригодится?

Детеныш обогнал женщину, поставил сумку на траву и вытащил из кармана большой медный ключ.

— Вот что они искали! — прошептала Верка.

— Наверное, ты права.

— Но что им там нужно?

— Тебе лучше знать. Там есть какое-нибудь помещение? Подвал, может быть?

— Есть там маленький подвал, для картошки.

Детеныш сунул ключ в висячий замок, но от этого движения замок свалился на землю. Он не был заперт!

Женщина ахнула и воскликнула так громко, что даже Верка с Еленой Борисовной услышали:

— Нас опередили! Осторожнее!

Дверь с громким скрипом отворилась.

Детеныш вошел первым, женщина, подобрав сумку, за ним следом.

Блондинка потянула дверь на себя, и та медленно, словно нехотя, закрылась.

— Они в сарае, — сказала Елена по мобильнику.

— Чего и следовало ожидать, — отозвался Ванечка.

— Пора? — спросила Елена.

— Я тебя жду, — сказал Ванечка. — Пока подготовлю снаряжение.

— Оставайся здесь и жди нас, — приказала Елена Верке.

— Еще чего не хватало! Я с вами!

— Пойми, ты нам только помешаешь.

— Когда я была вам нужна, вы не думали, помешаю я или нет, — проворчала Верка.

— Мы не развлекаться идем, — рассердилась Елена Борисовна. Даже щеки у нее покраснели. — Эта... встреча может оказаться смертельно опасной.

— Тогда вызывайте милицию! — Верку нелегко переспорить, если она вцепится. Как клещ.

— Поздно. Если мы сейчас побежим за милицией, они успеют все уничтожить. Это касается не только... — Елена будто не хотела говорить, но не удержалась: — Возможно, это касается твоей матери.

— Моей мамы?

— Я потом все объясню. И верь мне, Верочка, что тебе недолго придется нас ждать. Если мы не вернемся, беги в милицию.

— А мобильник оставите?

— У нас нет лишнего.

За разговорами они спустились с чердака и подошли к дверям.

— Не выходи, ни в коем случае не выходи!

— Сколько мне ждать?

— Двадцать минут. Можешь смотреть с чердака.

— И что я увижу?

Верка была обижена на Елену Борисовну.

— Сама не знаю.

— Моя мама жива?

— Боюсь, что нет. Забудь о том, что я сказала.

Елена приоткрыла дверь, огляделась и побежала туда, где стояла машина.

Верка осталась стоять в дверях. Если зайти за дом, то сквозь крапивные джунгли увидишь дверь в сарай.

«Забудь о том, что я сказала»... Почему надо забыть? Какое отношение та женщина с детенышем могут иметь к исчезновению мамы?

«Я должна сидеть и ждать. Я должна сидеть и ждать...» — Верка повторяла эти слова про себя, как заклинание.

И тут она спохватилась.

Оказалось, что она уже не стоит в дверях дома, а медленно идет к сараю.

Котяра увидел ее, кинулся навстречу и завопил, как будто хотел сказать: «Не смей!»

Верка понимала — ей туда нельзя! Ни в коем случае.

Но продолжала идти, будто лунатик, идущий во сне по краю крыши, протянув перед собой руки.

Она увидела две двери.

Два сарайчика, бок о бок.

В одном жила коза Катька и куры, в другом хранился всякий хлам.

Как коза сумела отворить дверь и вырваться из своего убежища, непонятно.

Но Катька подбежала к Верке и со всего размаха ударила ее лбом. Хорошо еще, что она почти безрогая. Но ударила она Верку больно.

— Ты что? — закричала Верка. — Офигела, что ли?

Она поднялась, потерла бок и еле успела увернуться от нового козьего нападения.

Тут уж Верке ничего не оставалось, как броситься ко второму сараю. Что поделаешь, если родные, домашние зверята озлились на нее, как на врага?

Верка потянула на себя дверь сарая, на минуту забыв, что внутри ждут страшные люди.

Свет проникал в сарай только сквозь маленькое, забранное решеткой окошко под крышей.

Пришлось зажмуриться, чтобы глаза привыкли к полумраку.

Котяра и Катька остались снаружи и заглядывали в широкую щель.

Верка прислушалась.

Было тихо.

Вернее, почти тихо. Потому что откуда-то снизу доносились слабые звуки.

Когда Верка открыла глаза, она увидела, что мусор убран и в полу открыт большой квадратный люк.

В глубине было светло, потому что там горела слабенькая электрическая лампочка. Оттуда тянуло затхлым холодом.

В этом не было ничего удивительного, потому что люк вел в подвал, глубокий, в рост взрослого человека, но тесный. Чтобы не ступать по грязи, в подвале был настелен полусгнивший деревянный пол, а сбоку стоял дощатый ларь, где хранили картошку. Вдоль одной из стен тянулись полки с банками. Когда баба Элла была покрепче и мама приезжала на дачу, в банках держали маринованные грибы, соленые огурцы и разное варенье. Теперь банок осталось всего три. Они обросли плесенью и паутиной. В темной массе невозможно угадать, чем же это было раньше.

Женщина с детенышем должны были спуститься в подвал.

А из подвала?

Верка на цыпочках подошла к люку, присела на корточки и заглянула внутрь.

Вот ларь с картошкой — еще осталось немного. Вот полки. Но что-то изменилось?

Изменилось.

Доски, которыми был покрыт пол, кто-то снял и сложил в сторону к кирпичной стенке.

А под ними обнаружилась лестница.

Как же так? Она сама столько лет прожила на даче, и баба Элла, и ее мать, и прабабушка, — и никто не знал, что под подвалом есть другой подвал.

Этого не может быть! Подземелья бывают в старинных замках или крепостях, но ведь невозможно, чтобы подземелье обнаружилось на обыкновенной подмосковной даче!

А теперь надо скорее выбираться отсюда и бежать в дом. Вот-вот появятся Елена Борисовна с Ванечкой, пускай они во всем разбираются.

Это было разумное решение.

И, конечно же, Верка ему не последовала.

И не потому, что не верила Елене с Ванечкой. В тот момент она об этом и не задумывалась.

Но слушаться их не хотелось.

Впрочем, не хотелось и лезть в черную дыру, из которой несло гнилой картошкой и плесенью. Она не решилась бы, если бы не слова Елены о маме.

Верка сделала два шага назад, наступила на лопату. Лопата подпрыгнула и чуть не ударила ее по голове.

Снизу донесся какой-то долгий тоскливый звук, словно медленно рвали материю.

«Почему она говорила о моей маме?»

Эта мысль сидела в Веркиной голове как гвоздь. Никуда от нее не деться.

«Я осторожно, — сказала себе Верка. — Я только загляну туда, а заходить не буду. Только загляну...»

Верка решительно шагнула к люку и, схватившись пальцами за край пола, ступила на скользкую перекладину лестницы. Затем, перебирая руками по перекладинам, она быстро сползла вниз.

Под ногами был пол.

Каменный пол.

Вы можете себе представить, что под подвалом покосившегося дачного сарая таится помещение с каменным полом?

К тому же в нем не очень темно.

Под потолком горит электрическая лампа, забранная решеткой, как шахтерский фонарь. Значит, после изобретения электричества здесь уже кто-то побывал.

Неужели баба Элла, которая живет на даче уже тысячу лет, ни разу сюда не забиралась? С ее-то умением всюду сунуть нос?

Кто же и когда выкопал эту яму?

В подвал вели два низких сводчатых хода. Один был темным и тихим. Во втором мелькал свет. Оттуда доносились невнятные звуки.

«Я не хочу туда идти, — про себя повторяла Верка. — Я боюсь, я сейчас убегу отсюда...»

А другой голос внутри ее спорил с первым: «Я загляну туда на минутку и только посмотрю, что они там делают... А почему бы не посмотреть? Это же мой подвал! Может, его мой дедушка выкопал. Он был пугачевцем или декабристом, и в его доме скрывались свободолюбивые разбойники».

Она себя успокаивала, потому что разбойники давно уже погибли на виселицах, а их место заняли совсем другие бандиты.

Почему Елена сказала о маме?

Верка наклонилась и вошла в узкий ход. Он был недлинным.

Затем ход расширился, и Верка оказалась в небольшой комнате.

Все-таки там было не очень светло. Поэтому Верка не сразу разглядела, что на полу лежат люди.

Они не спали. Они были мертвые.

Одного человека Верка узнала сразу.

Она не удержалась и вскрикнула.

На полу, подтянув коленки к животу, лежал Олег Владиславович, такой мирный, тихий, мягкий, словно прилег отдохнуть и нечаянно заснул.

Верка даже забыла, что где-то близко в подземелье притаились женщина с детенышем, которые, вернее всего, и убили несчастного Олега. Ну зачем же он сунулся сюда? Неужели он не знал, что с ними нужно быть осторожным?

Верку словно парализовало.

Она и шагу не могла ступить — ни вперед ни назад.

Словно сидела в кино и все происходившее не имело к ней отношения.

Рядом с Олегом лежало еще одно тело, маленькое, будто детское...

Наконец до Верки дошло: дальше идти нельзя!

Она попятилась, но не успела дойти до хода наружу, потому что за спиной послышался такой знакомый странный, мелодичный голос детеныша:

— Ты куда спешишь, девочка?

— Ой, простите! Я нечаянно! — воскликнула Верка.

Ничего глупее не придумаешь!

Детеныш стоял совершенно спокойно, отрезав Верке путь наверх. Придется броситься на него, чтобы согнать с дороги.

И тут Верка заметила, что в правой руке детеныш держит небольшую плетку и время от времени ударяет ее кончиком по своему сапожку. На нем еще и сапожки!

— Только без лишних движений, — нежно пропел детеныш. — Раз уж ты пришла к нам в гости, то будь любезна, пройдись со мной на экскурсию.

— Никуда я не пойду!

— Еще как пойдешь!

Но Верка уже не смотрела на детеныша.

— Что вы сделали с Олегом Владиславовичем? — спросила она. — Говорите же! Ему плохо? Вы его избили?

Она никак не могла заставить себя произнести слово «убили».

— Нечего соваться, куда не просят, — ответил детеныш. — Сам виноват. Я ему глотку перегрыз. Смешно?

— Вас всех посадят! — закричала Верка. — До вас доберутся!

— Возможно, в следующем поколении, — загадочно ответил малыш. — А пока нас еще отыскать надо. И будь уверена, что вход сюда уже исчез. Ты — последний посторонний человек, который сюда попал. Мы не можем рисковать. Идем, идем.

Но Верка не двинулась с места:

— Ему нужна помощь! Разве вы не видите, что у него кровь течет?

— Вся вытекла.

Детеныш поднял плетку и коротким движением стегнул Верку так, что она взвыла от боли.

— Ты с ума сошел!

Она кинулась на детеныша, но тот оказался куда резвее, чем она предполагала. Он не только успел отпрыгнуть, но и снова стегнул Верку. Ой, как это было больно!

— Еще хочешь? Нет? Тогда иди туда! — Детеныш показал, куда идти, и сказал: — Твой Олег уже на том свете, так что можешь за него не переживать.

Верка пошла вперед. Теперь у нее оставалась одна надежда, что сейчас в подвал ворвутся врачи. На боевых конях или на танках, с песнями и барабанной дробью и разнесут все это бандитское гнездо.

На самом деле таких мыслей у Верки не было. Когда тебя пугают, ты пугаешься, а когда приговор уже объявлен и ведут тебя на виселицу или вырывать зуб, то человека охватывает особая экзаменационная тупость. Если вы когда-нибудь сдавали экзамен и вам попадался неизвестный билет, а шпаргалки не было, то вас охватывала именно такая тупость. Смотришь в окно, суетятся воробьи, плывут облака и дует ветер, а тебе уже все равно, потому что обещанного велосипеда не купят. Жизнь закончилась, почти не начавшись.

Верка обернулась.

Олег Владиславович так и лежал, подогнув ноги, словно уютно спал. Все тут было невсамделишное.

Детеныш подтолкнул Верку в следующую большую комнату.

Блондинка уже сняла куртку, под ней оказалась джинсовая рубашка. Топор лежал на длинном низком столе, покрытом голубым пластиком.

— Что-то зачастили к нам гости, — сказала женщина. — Чего ты здесь забыла, девочка?

— Я не знаю... — пробормотала Верка. — Я нечаянно...

Она понимала, что ее слова звучат глупо и даже смешно. Но придумать ничего не смогла.

— Я здесь живу, — сказала она. — Это наш подвал.

— Чудо! — произнес детеныш нежным женским голосом. — Она здесь живет и в свободное время ходит поиграть в мячик в этот подвальчик!

— Кто тебя прислал, ребенок? — спросила женщина. — Кто приказал тебе забраться туда, куда тебя не звали, и разведать, что мы делаем? Ну, говори!

Ой, как же больно стегнул Верку детеныш!

— Никто не посылал! — крикнула Верка. — Перестань бить!

— Тебе отсюда не выйти, — спокойно сказала женщина.

Верка ступила в сторону, чтобы детеныш не доставал ее плеткой.

Детеныш догадался и засмеялся.

У Верки было несколько секунд, чтобы осмотреться.

— Любопытствуешь? — усмехнулась женщина.

Она шагнула в темный угол, где с потолка свисала длинная груша.

Вернее, не груша, а веретено размером с человека.

— Кстати, я рада, что ты пришла, — сказала женщина. — Иди-ка сюда, мне понадобится твоя помощь.

— Иди, иди. — Детеныш ловко дотянулся до Верки плеткой.

Ее словно обожгло.

Верка пошла в темный угол.

У блондинки в руках были ножницы с очень длинными концами, словно две сабли. Она подняла их и стала резать веревку, на которой висело веретено.

— Что это? — шепотом спросила Верка.

Экзаменационная тупость не проходила, и поэтому в голове умещались только самые простые мысли.

— Сейчас увидишь, — засмеялась женщина.

— Хватай за ноги! — крикнул детеныш.

Верка не поняла.

Детеныш оттолкнул ее и подхватил веретено у пола.

Женщина потянула за верхний конец.

— Держи! — крикнула она.

И тут только Верка сообразила, что веретено — это человек, обмотанный веревками или какими-то шнурами так густо, что его и не разглядишь.

Они втроем потащили это обмотанное тело к низкому столу и уложили на голубой пластик.

— Отлично, — сказала женщина. — Где мешок?

Детеныш вытащил из сумки пластиковый мешок, какие делают для пальто или платьев, чтобы за лето одежду не поела моль.

— Не стесняйся, — сказала женщина. — Посмотри получше. Может, кого и узнаешь.

Но Верке не хотелось смотреть на тело в паутине.

До вчерашнего дня она вообще никогда мертвецов не видала. Повезло ей. Даже дома никто не умирал.

А тут — будто целую жизнь прожила.

— Будем разматывать? — деловито спросил детеныш.

— Еще бы — в обмотке килограммов двадцать, не дотащить.

— Ну и не везет же нам, — грустно произнес детеныш. — Почему бы им не погодить?

— Потому что в жизни всегда случается самое плохое, — сказала женщина. — И ты это отлично знаешь.

— Мне рано об этом знать, я еще маленькая.

Верка снова заметила, что и сам детеныш, и женщина не всегда уверены, мальчик он или девочка. Очень странно.

— Давай, матка, режь, — сказал детеныш. — У тебя руки длиннее.

— А ты за Веркой присматривай, — заметила женщина. — А то сейчас помрет со страха.

С чего это о ней стали беспокоиться?

Женщина поддела ножницами кокон в том месте, где должна была быть голова, и надрезала его. Это ей далось нелегко. Видно, веревки ссохлись.

— Ну давай же, — торопил ее детеныш. — Они в любой момент могут сюда заявиться.

— Я думаю, — сказала женщина, — что они никогда бы не послали девчонку одну в это логово. Они слишком хорошо воспитаны для этого. А раз так, то они не знают, что эта дурочка сюда заявилась. Она, похоже, нас увидела и полезла. Ты нас увидела и полезла?

Но Верка не ответила. Как зачарованная, она смотрела на ножницы.

Оболочка кокона медленно раскрывалась. Внутри была женщина.

Она лежала с закрытыми глазами, мертвенно-бледная, не дышала, но казалась живой.

Под веревочным коконом ее покрывала почти прозрачная оболочка из тонких паутинок, отчего черты женщины расплыва-

лись и были нечеткими. Но женщина была странно знакома Верке...

Она где-то видела ее фотографию.

Почему фотографию?

Потому что женщина была черно-белой.

— Не узнаешь? — спросил детеныш. И засмеялся.

А Верка закричала:

— Ма-а-ама! Мамочка! Что они с тобой сделали?

Она кинулась к столу, где лежала ее мама, завернутая в белый кокон и пленку.

— Убью! — кричала она детенышу, который цепко повис на ней. — Убью! — кричала она матке, отбиваясь от детеныша.

Но они держали ее крепко, а потом женщина ловко заломила ей руку за спину, и любое движение вызывало такую боль, что Верке пришлось замереть, согнувшись в три погибели.

Она смогла только вывернуть голову, чтобы видеть мамино лицо.

Детеныш связал Верке руки за спиной, и они быстро подвесили ее за связанные кисти рук к той самой веревке, что свисала с потолка и на которой недавно держалось тело мамы.

— Быстрее! — приказала женщина. — Мы слишком много с ней времени потеряли.

— Сами виноваты, — ответил детеныш. — Надо было сразу прирезать. Нет девчонки — нет проблемы.

Но Верка почти не слышала этих слов и не испугалась.

Она даже не подумала, что так не бывает: прошло пять лет, как пропала мама, и вот она лежит, бледная, неподвижная, но выглядит как живая.

— Почему мама здесь?

Висеть было больно, руки вытянулись вверх, а голова опустилась к полу.

— Потому что твоя мама скоро родит тебе братика, — ответила женщина. — Ты хочешь братика?

Разговаривая с Веркой, она старательно срезала с мамы кокон.

Странная вещь — Верка сразу узнала платье, в котором мама уехала из дома. Ведь сколько лет прошло, и ни разу она не вспомнила про платье. Это милиционеры все спрашивали, в каком платье была Марина Осиповна в момент ухода из дома. И бабушка вспоминала, и отец, но так и не вспомнили — ну кто запоминает такие вещи?

А теперь Верка вспомнила. Ведь если бы даже она мамино лицо не узнала, то платье обязательно вспомнила бы — мама его

любила, оно уже старое было, его она только на даче и носила. Синее, в мелкий розовый цветочек, как будто лепестками осыпано.

Верка перестала кричать. Она смотрела, как женщина распарывает кокон.

Вот показались мамины ноги. На правой ноге тапочек.

Кокон раскрылся, как разрезанная вдоль кожура банана.

— Мама живая? — хрипло спросила Верка.

Голоса у нее почти не осталось, горло перехватило.

— Это с какой точки зрения смотреть, — откликнулся детеныш. — Для нас она — завтрак в постели, а для кого-то мать родная. Но зря не надейся. Рот не разевай. Пропала твоя мать без вести, туда ей и дорога. Впрочем, и тебе скоро туда же. Потерпи, консерва!

Он был маленький, суетливый, рожица красная, волосы завитые и будто крашенные рыжей краской. И губы накрашены. Но почему-то говорил он нормальным голосом взрослой женщины.

Верка замолчала. И от ужаса, и потому, что просто не смогла удержать крика боли.

Ведь когда плачешь, любая боль немного уменьшается. Недаром все дети плачут, когда разбивают коленки.

И время идет быстрее...

— Сейчас, сейчас, — произнесла женщина, подходя к Верке. Ее черные большие глаза увеличились настолько, что заняли половину лица — как у стрекозы. — Сейчас мы осчастливим тебя, недостойная человеческая самка. Ты станешь матерью властелина мира. Ты поймешь свое счастье...

— Больно! — закричала Верка. — Отвяжите меня!

— Нет, сначала ты выполнишь свой долг!

И тут Верка увидела нечто настолько ужасное и отталкивающее, что забыла о боли.

ГЛАВА 9

Мы боимся того, что можем понять. Что можем с чем-нибудь сравнить и описать обычными словами.

Если мы видим то, чего не видел раньше ни один живой человек и чего понять невозможно, то мы не боимся.

Это не страх.

Это трепет.

Что отдашь, чтобы этот ужас прекратился?

Все, что угодно, даже половину жизни. Хотя мы и не знаем, что означает этот ужас и откуда он взялся.

Правда, сейчас мне легко описывать то, чего вы не видите и не увидите никогда.

Верке было хуже.

В тысячу раз.

Она увидела, как легко и беззвучно разошлась «молния» на джинсовой рубашке стоявшей перед ней женщины.

Под рубашкой было тело, которое в первый момент показалось Верке покрытым бронежилетом или какими-то латами.

Но это было тело матки. Словно гигантский хитиновый покров чудовищного насекомого.

Женщина зашипела. Как будто разучилась говорить.

Она медленно приближалась к подвешенной Верке, и той было тяжело поднять голову, потому что руки давно онемели и даже уже не очень болели, зато утомительно и нестерпимо ныло все тело.

Верка теряла сознание.

Она и видела все, и не видела, потому что не понимала, что же такое видят ее глаза.

Почему к ней тянется длинная блестящая сабля?.. Все ближе и ближе!

Где она видела такую саблю?

— Пожалуйста... — шептала Верка. — Я вас очень прошу... не надо...

Она упустила тот момент, когда в подземелье стало светлее.

Сильный луч ударил из лаза.

— Беги! — завопил детеныш. — Беги же!

Его ножки на каблучках затопали, застучали по каменному полу. И тут же в подземелье вбежали Ванечка, Елена и молодой мужчина в камуфляже.

— Господи! — ахнула Елена. — Что они с ней сделали?

— Нож! — крикнул Ванечка. — Где нож? У тебя что, ножа нет?

— Вас понял, — спокойно ответил мужчина в камуфляже.

Верка слышала эти слова словно сквозь сон, и ей надо было срочно и обязательно сказать что-то важное. Но язык ее не слушался.

— Спокойно, — повторяла Елена, — спокойно. Все будет хорошо.

Мужчина поднял руку с пистолетом, чего Верка уже не увидела, и направил ствол на веревку, на которой висела девочка.

Пистолет совсем негромко чавкнул.

Ванечка подхватил Верку, и они вдвоем положили ее на пол. Верка понимала, почему ее кладут на пол. Ведь стол занят, там лежит мама...

— Где они? — спросил Ванечка.

Елена поднесла к губам Верки тюбик. В рот потекла кислая холодная жидкость.

Верка смогла прошептать:

— В тот ход, в другой...

— Черт побери! — воскликнул Ванечка. — Как же я его сразу не заметил? За мной!

Он кричал, как будто звал в атаку, но получалось смешно, потому что Ванечка слишком похож на доброго кролика. Но молодой мужик в камуфляже его послушался, и они скрылись в темном коридоре.

Верка лежала на полу, а Елена стояла перед ней на коленях и растирала ей кисти рук. Больно было ужасно.

Справа нависал край низкого стола.

Верка знала, что там лежит ее мама.

— Мама мертвая? — спросила Верка.

Она так хотела чуда, в которое сама не верила, что боялась выразить надежду вслух.

На потолке что-то шевельнулось.

Нет, только показалось.

— Ты зачем сюда полезла? — вздохнула Елена, не ответив про маму. — Ты нам все испортила. Иван Сергеевич очень сердится.

— Ну и пускай сердится... Больно же!

— Скажи спасибо, что руки не отвалились.

Верка лежала на спине и все вглядывалась в потолок. Он в той комнате был довольно высоким, может, метра три, даже взрослый мужчина рукой не достанет.

Наконец глаза смогли различить неровности потолка — неправильный цвет и блестящие выпуклости.

Они же насекомые! Очень большие насекомые, которые впитали в себя приметы человеческого разума.

Вот они, на потолке. Замерли, слились с черными досками, нависли, расплющились и замерли так, как умеют замирать только насекомые. Но неверный свет лампочки, висящей в другом углу подвала, луч фонарика в руке Елены, дрожащее мерцание свечечки, горящей в коридоре, — несколько источников света, хоть и слабеньких, создавали паутину лучиков, не столько освещающих потолок, сколько мешающих на него смотреть... И если бы не отражения этих лучиков в замерших стеклянных глазах, их никогда бы не заметить.

А как только Верка догадалась, что насекомые висят над ней, ее охватил такой ужас, что, как в сказке, язык отказался слушаться и она только часто-часто задышала и попыталась вырвать руку, чтобы показать на потолок.

Но Елена Борисовна не поняла, стала успокаивать и удерживать Веркину руку:

— Не волнуйся, деточка, все будет хорошо!

Верка потеряла контроль над собой.

Большие глаза женщины и детеныша — да какая это женщина, какой детеныш! — смотрели внутрь ее и морозили сердце.

Она рванулась, кинулась в сторону, чуть не опрокинула стол, на котором лежало тело мамы, вырвалась из рук Елены и на четвереньках, как собачонка, кинулась к выходу.

И поняла, почувствовала, хоть и не увидела — нет же у человека глаз на затылке, — что исполинские насекомые поползли по потолку в другую сторону, в глубь подвала.

В коридоре Верка распрямилась и вбежала в первую комнату, где так и лежал на полу Олег Владиславович, которого никто не тронул. А рядом — высохшее тельце женщины... Его в первый раз Верка приняла за тельце ребенка.

Елена догнала ее.

— Что случилось? — спросила она. — Тебе что-то померещилось?

— Они там были! Они на потолке над нами сидели и смотрели!

— Ну это маловероятно, — ответила Елена Борисовна. — Мы бы их заметили.

— Вот я и заметила.

Верка села на пол, прислонилась к стене спиной. Сил больше не было. Ни бегать, ни объяснять, ни бояться... Все, кранты!

Елена Борисовна и поверила ей, и не поверила. Она сама боялась, но ей бояться было нельзя, потому что рядом была девочка, которую Елена безумно жалела. Это была такая несправедливость, что именно на Веру, и без того обиженную жизнью, навалилось такое горе и такой страх.

— Это они убили Олега Владиславовича? — спросила вдруг Верка.

Елена присела на корточки возле Олега. Она приложила пальцы к его шее, подняла веко.

— Пока он жив, — сказала Елена. — Пока...

— Их в тюрьму посадить мало, — убежденно сказала Верка.

Елена горько улыбнулась, и Верка в полутьме разглядела ее улыбку.

— А моя мама? — спросила Верка. — Я даже спрашивать боюсь, потому что ничего не понимаю.

— Будем ждать «Скорую», — сказала Елена.

Верка хотела было сказать, что тогда надо маму вытаскивать наверх, чтобы не терять времени. И Олега тоже.

Но не сказала.

Вот если бы мама лежала дома, на кровати, живая или мертвая, Верка бы обнимала ее, целовала, плакала бы. А здесь все происходило как в плохом кино, и Верка была зрителем.

— Елена! — послышался голос Ванечки из большой комнаты, где осталась мама. — Елена, Вера, куда вы задевались?

— Пошли, — сказала Елена, помогла Верке подняться, и они рука об руку вошли в большую комнату.

Мама по-прежнему лежала на голубом пластике. Она была закутана в полупрозрачную оболочку, живых людей так не закутывают.

— Мы их не нашли, — сказал Ванечка. — Они убежали.

— Знаю, — кивнула Елена. — Они замерли на потолке, а потом сбежали. Вера их видела.

— Как же я не догадался? — расстроился Ванечка. — Они же могут бегать по потолку!

Елена нагнулась над столом, где лежала Веркина мама, и достала стетоскоп. Ванечка стоял рядом и бормотал себе под нос:

— Как ты полагаешь, мы не опоздали? Главное, не дать ему вгрызться во внутренности!

Верка поморщилась от таких слов — они были холодными. Доктора смотрели на маму как на подопытную лягушку.

— Мы не опоздали, — сказала Елена. — Но, думаю, процесс вот-вот начнется. Ведь и они спешили именно из-за этого.

— Из-за чего? — не удержалась Верка.

— Этим насекомым нужно было сохранить тело как питание для личинки.

— Что вы говорите?! — ужаснулась Верка.

— Знаешь что, Вера, помолчи, пожалуйста! — блеснул очками Ванечка. — Лучше помолчи! Ты все время путаешься под ногами и мешаешь, честное слово! А если обижаешься, то уходи, уходи, уходи!

— Иван! — воскликнула Елена. — Возьми себя в руки. Всем несладко. Лучше послушай.

Она передала Ванечке стетоскоп.

Ванечка склонился к телу мамы. Он долго слушал грудь.

— Я хотела как лучше, — прошептала Верка, совсем не желая, чтобы ее услышали. — Я боялась...

У Верки появилась надежда, может, и пустяковая, но понятная. Они так внимательно слушали маму! А разве врачи будут внимательно слушать мертвого человека? Значит, они думают, что мама еще жива или может ожить.

Ей надо бы подойти поближе, но Верка не решалась.

— Эвакуируем? — спросил Ванечка.

— Ты с ума сошел! — воскликнула Елена.

— Боишься?

— Мы ее не довезем.

— Здесь оперировать нельзя. Мы погубим даже маленький шанс, который пока остается, — твердо произнес Ванечка. Он вовсе не был похож на кролика. Его следовало слушаться.

Он первым подхватил тело мамы под мышки, молодой солдат — за ноги.

Верка хотела бы нести маму, но ее помощи не требовалось. Только когда маму поднимали наверх, Елена помогала мужчинам.

Пасмурный свет снаружи показался таким ярким, что даже голова закружилась.

Реанимационная въехала в открытые ворота и стояла, чуть накренившись, на траве у сарая.

При виде докторов врач «Скорой помощи» кинулся было им навстречу, но Ванечка, запыхавшийся и потный, крикнул ему:

— Там, внизу, человек в коме. Постарайтесь что-то сделать. Вызывайте вторую машину.

Они занесли маму в машину и положили на койку.

Внутри реанимации теснились по стенам и даже на потолке приборы.

Верке не было места внутри, потому что в машину втиснулся еще один доктор.

— Можете дать наркоз? — спросил Ванечка.

— Я — анестезиолог по первой специальности, — ответил доктор. Он был не похож на доктора, слишком черный, усатый и густобровый.

Елена разрезала когда-то прозрачную, а теперь грязную и пыльную оболочку, в которую было закутано мамино тело. Потом принялась резать ножницами платье. Платье было таким ветхим, что расползалось от прикосновения. Доктор-анестезиолог ничего не мог понять и сначала задавал вопросы, но ему никто не отвечал, и доктор насупился и замолк. Он помогал Елене протирать спиртом мамину грудь и живот.

Верка видела все это сквозь щель чуть отодвинутой двери. Но

тут она поняла, что сейчас закричит или ее вырвет. Она стала кашлять.

Ванечка услышал, обернулся и очень рассердился.

— Кто позволил девочке здесь находиться? — закричал он. — Вы с ума сошли!

Но никто не признался, что позволил. Потому что никто не позволял, а Верка сама заглядывала в реанимобиль.

— Уходи, Верочка, — сказала Елена.

И Верка закрыла дверь.

Изнутри щелкнуло — может, Ванечка запер дверь на замок.

Верке надо бы уйти, но уйти она тоже не могла. Она так и не поняла, жива ли мама. По виду, по всему она была неживой. Но что тогда они делают?

И Верка приклеилась к двери реанимобиля и старалась уловить звуки, доносящиеся оттуда.

Время тянулось бесконечно. Уехал второй реанимобиль, увозивший Олега. В ином случае Верка бы переживала за него, попросилась бы с ним в больницу, а сейчас равнодушно поглядела в ту сторону и снова приклеилась к щелочке в двери.

Начался дождик. Котяра, который несмело ходил по соседству, сбежал в сарай, под крышу. Стало зябко. Мимо Верки проходили люди: милиционеры, врачи и просто мужчины, но никто ее не заметил — такое уж у нее было свойство.

Вдруг мама закричала.

Крик был нечеловеческий, так люди не кричат — так бы завыла сирена. Звук будто вырвался из-под земли, из глубокого колодца, по которому несся, набирая скорость и мощь.

И Верка кинулась к двери и стала колотить в нее и кричать:

— Мама! Мама, я здесь! Мамочка! Ну пустите меня к ней!

И дверь не захотела больше мучить Верку и, будто бы сорвавшись с засова, отъехала в сторону.

Верка потеряла равновесие и повисла на двери, схватившись за ее край.

Возле самой двери, скорчившись в тесной машине, сидел Ванечка и держал в руках, одетых в перчатки, странный белесый кокон, похожий формой и размером на кабачок. И вид у Ванечки был такой, будто он сорвал этот кабачок с грядки и теперь собирается нести его на кухню.

Стук раскрывшейся двери заставил Ванечку обернуться, но он не смотрел на Верку.

При свете дня Верка четко увидела, что этот кабачок поделен на полоски, словно кто-то примерился ножом, наметил, как будет нарезать его, но потом ушел, забыв о своем деле.

Вдруг кабачок дернулся в руках Ванечки, и тот от неожиданности чуть не выронил его, и Верка ринулась навстречу, чтобы его поддержать. Тут Ванечка увидел Верку и как закричит:

— Назад! Не смей его касаться! Ты с ума сошла!

Он потянулся вперед, чтобы закрыть дверь, но Верка уже не смотрела на него, а старалась через его плечо увидеть маму, нижняя часть лица мамы была закрыта маской, а глаза провалены и зажмурены, и ее длинные ресницы казались стежками черных ниток, связывающих веки.

— Твоя мама ничего не чувствует, — сказала Елена.

— Он оживает, начинается трансформация, — задумчиво и тихо произнес Ванечка.

Тихие слова Ванечки заставили всех посмотреть на кабачок в его руках. И Верка увидела, что у этого непонятного создания появились жвалы — словно небольшие кусачки.

— Спрячем его? — спросил анестезиолог.

Он протянул Ванечке пластиковый мешок.

— Как бы личинке не повредить, — сказал Ванечка.

— Клади, клади, — отозвалась Елена. — Ты ей не повредишь, а вот тебе она повредить может.

— Не теряйте ни минуты, — сказал анестезиолог. — Мы здесь даже рану не можем толком обработать.

Ванечка положил кабачок (личинку?) в мешок.

— Мы ее отвезем, — сказал он. — А ты останься и загляни в их жилье. Но помни, что они могут быть рядом. Одна — никуда ни шагу.

Реанимационная гуднула.

— Можно мне с мамой? — без особой надежды спросила Верка.

— Чтобы я тебя подпустил?! — рассердился Ванечка. — Оставайся с Еленой, с ней и приедешь. Ты мне за нее отвечаешь.

Он залез в карман брюк и достал оттуда ключи. Перчатки он снять забыл, и ему было неудобно лазить в карман. Он кинул ключи Елене.

— Жду вас в институте, — сказал он.

— Дядя Ванечка... — заныла Верка.

— Боливар двоих не свезет, — ответил доктор.

— Какой Боливар? — спросила Верка.

— Классику надо читать.

Машина стала пятиться, буксуя по осенней траве.

Ванечка задвинул дверь.

Верка стояла оглушенная тишиной и печалью.

Ничего не стало понятнее.

Мамы не было. Мама была мертвой. Верка была сиротой. Но какое отношение к маме имеет то, что увезли в машине?

Верка испугалась собственных глупых мыслей и стала колотить себя кулачком по лбу, чтобы вернуться.

Она услышала голос Елены, почти крик:

— Вера, Верочка, перестань!

Елена бежала к ней. Попала между грядок, нога подвернулась, она чуть не грохнулась. И Верка кинулась к ней навстречу.

Ведь Елена была ей сейчас самым близким человеком и самым понимающим.

Они столкнулись и прижались друг к дружке...

— Елена, — шептала Верка. — Мне так страшно, Леночка!

— Мне тоже страшно, — отвечала Елена. — Мне тоже страшно. Они могут прийти, и мы не знаем, как их остановить. Они придут, а мы их не отличим...

Глава 10

Потом они пошли к коттеджу, где жили женщина с детенышем. Или с детенышами.

Казалось бы, сейчас самое время расспросить Елену о том, что же все это значит? Зачем тем людям убивать или замораживать невинных людей? А может, это вовсе не люди, а космические пришельцы? Или чудовища из океана?

Человеку, который за последние несколько лет посмотрел сотни три фильмов про чудовищ и пришельцев, в это нетрудно поверить. Но одно дело, когда ты обмираешь, глядя на экран, а другое, когда они сходят с экрана и нападают на твою маму.

«Сейчас я открою рот и спрошу Елену...»

Но спрашивать было некогда — до коттеджа идти несколько десятков метров.

Ворота были раскрыты. В них стоял мужик в камуфляже с автоматом на груди.

Значит, догадалась Верка, Ванечка успел рассказать кому надо, где таятся мерзавцы.

Они вошли во двор. Мужик в камуфляже их не стал останавливать. Почему-то он им улыбнулся, будто ждал давно. У него было юное лицо.

Детская коляска стояла брошенная, за углом.

— Я пойду внутрь, — сказала Елена. — Пойдешь со мной?

— Нет, — сказала Верка.

Она не стала объяснять, что боится. Если Елена захочет, сама поймет.

— А скоро в больницу поедем, к маме? — спросила она вслед Елене.

— Дай мне пятнадцать минут, — сказала Елена. — Там навер-

няка все осмотрели опытные люди, но они могут пропустить что-то понятное мне, радиобиологу. И далеко не отходи.

Верка кивнула.

Она подошла к коляске, заглянула внутрь. В коляске не было ни одеяльца, ни пеленок. Голая коляска, как в магазине.

Верка пошла вокруг дома.

Сзади росли елки, семейка елок, ростом чуть выше Верки, словно их специально выращивали, чтобы продавать на Новый год.

Под дальней елкой Верка увидала большой масленок.

Рыжая его шляпка блестела, словно металлическая. Верка понимала, что масленок ей не нужен, но полезла в чащу, чтобы его сорвать.

И когда нагнулась, то услышала голос детеныша:

— Только ты не кричи. К тебе на помощь никто не успеет прибежать. Никто. А я тебя убью.

У Верки пропал голос. Она хотела сказать детенышу, чтобы он отстал, что она его не боится и сейчас позовет того парня с автоматом — вот тебе и конец. Она выпрямилась и замерла и даже хотела закрыть глаза, чтобы не видеть пустых ледяных глаз детеныша.

Детеныш замолчал, словно ждал приказа. Он кинул взгляд направо, Верка послушно повернула туда голову и увидела матку, или мать, или как ее называть... Та была в коротком плаще, а под распахнутым плащом — ничего. Как тогда, в подвале. У матки был панцирный живот и грудь. А на руках перчатки, и потому неизвестно, что у нее вместо пальцев.

— Я предлагаю тебе выгодный обмен, — сказала матка.

Лицо у нее было человеческое, но Верка понимала, что это не лицо, а маска с прорезанными овальными отверстиями, в глубине которых поблескивали глаза.

— Не бойся, мы не изверги. Мы тоже страдаем. Нам тоже больно.

«Сейчас надо спросить, кто они? Это важно».

Верка молчала.

— Ты видела нашего зародыша? — спросила женщина.

Верка отрицательно помотала головой.

— Брешешь! — закричал детеныш, впрочем, негромко закричал, почти шепотом. — Вы похитили моего брата. Вы убьете его, вы утопите его в спирте, я знаю, что мы для вас просто насекомые, клопы, тараканы. Нас надо истреблять! И не удивляйтесь тому, что мы вас тоже ненавидим!

Детеныш подпрыгивал, сжимал ручки в кулаки, и, несмотря на то что он был совсем маленьким, он был опасен, как бывает

опасен скорпион или бешеная крыса, которая может кинуться на человека.

— Да погоди ты! — остановила его матка. — У меня к Верке дело есть. Ты не обращай внимания на малышку, малышка волнуется. Мы все волнуемся. Для нас потеря члена нашего племени всегда мучительна. В этом отличие нас от людей. Вы готовы истреблять друг друга. Мы готовы отдать жизнь за любого из нас. Ты меня понимаешь?

Верка смотрела в землю, на шляпку рыжего масленка, потому что на матку смотреть не хотелось. У нее не было лица, и потому тянуло дернуть за край маски, чтобы увидеть то, что скрывается под ней, и заранее становилось страшно.

— Скажи, ты хочешь жить богато? — спросила матка. — Ты хочешь, чтобы у твоей бабы был хороший дом, чтобы ты была тепло одета и имела все преимущества состоятельного существования?

Матка говорила правильно, как человек, но иногда употребляла выражения, которыми люди не пользуются.

— Я могу предложить тебе значительную сумму денег, — продолжала она, — а ты окажешь нам небольшую услугу. И у тебя все будет, хорошо?

— А что будет? — неожиданно Верка услышала собственный голос. Она и не думала отвечать, а уж тем более задавать вопросы этой матке. А сама задала.

— Все. Тысяча долларов Соединенных Штатов. Десять тысяч долларов.

— Сто тысяч! — закричал детеныш и пронзительно засмеялся.

— Ты сейчас поедешь в их больницу, к своей маме...

— Мы ей ничего плохого не сделали, — раздался незнакомый голос.

Верка увидела, что среди ветвей стоит мужчина в ватнике, стеганых штанах и валенках. Его лицо поблескивало под каплями дождя, но опять непонятно было, человеческое ли это лицо.

— Она будет жить, — подтвердила матка. — Я тебе это гарантирую. А ты в больнице возьмешь личинку, которую они увезли с собой, и принесешь нам. И получишь десять тысяч долларов.

— Сто тысяч! — пропел детеныш.

— Нет! — сказала Верка. Сказала и сразу подумала: «Ну почему я не согласилась? Они бы отпустили меня...»

— Тогда мы сделаем это сами, — сказала матка.

— И твоя мама вряд ли останется живой, — подтвердил мужчина в ватнике.

— Я сам ей глотку перегрызу! — простонал детеныш. Будто представил, как это сделает, и обрадовался.

— Малыш, ну разве так можно?! — набросилась на него матка. — Ведь мы с Верой говорим о деле и не хотим ей угрожать. — Матка обернулась к детенышу, и Верка поняла: или сейчас, или они ее уничтожат.

И она метнулась в промежуток между детенышем и маткой — она ведь худая, юркая.

— Стой! — кричали вслед.

Но кричали не вслух, а как будто комариным звоном.

Верка вылетела из-за угла дома. И оказалась на асфальте. Ударилась коленкой о пустую коляску, и коляска покатилась к охраннику, который схватился за автомат.

— Они там! — крикнула Верка и поглядела назад.

Никто ее не преследовал. Никто не догонял. Было тихо. Только комариный звон стоял в ушах, и был он зловещим и гадким.

Охранник сделал несколько шагов к углу дома. И тут как раз коляска докатилась до него. Свободной рукой охранник толкал коляску перед собой, в другой держал автомат.

— Осторожно! — крикнула ему Верка. — Они летать умеют.

— Ты чего?! — удивился охранник, но остановился.

Тут из дома выбежала Елена.

— Я услышала, — сказала она. — С тобой все в порядке?

Комариный звон переместился кверху. Верка задрала голову. Под самым низким облаком, неясные в каплях дождя, улетали большие насекомые. Или птицы. Или люди...

— Видели? — спросила Верка.

— Что видели? — не поняла Елена, которая ничего не разглядела.

Они пошли к машине, и Верка рассказала Елене Борисовне, как встретилась с маткой и детенышем и что там был еще один из тех, а может, их было и больше.

Когда машина выехала на шоссе, Елена спросила:

— Ты все хочешь понять?

— Еще бы!

Елена хорошо вела машину, лучше, чем Ванечка. В ее манере была легкость и даже небрежность. Она не трудилась за рулем, не руководила машиной, как Ванечка, а как бы помогала ей катиться вперед, легонько похлопывая по спине.

— Ты уже столько видела, — сказала Елена, — что самой пора догадаться.

— Вы-то небось не догадались, — возразила Верка. — Целый институт, наверное, думал.

— Думали многие, но догадаться было очень трудно. Потому

что мы живем в мире привычных вещей. А если что-то случается необычное, то теряемся. Смотрим и думаем: так быть не может!

— Точно как моя баба Элла...

Елена смотрела на дорогу и говорила, словно размышляла вслух:

— А сейчас расскажу тебе об одном великом ученом. Его фамилия Фабр.

— Я видела его книгу у Олега Владиславовича...

— Фабр был великим энтомологом, то есть специалистом по насекомым. И жил он более ста лет назад. В его главной книге «Инстинкт и нравы насекомых» есть глава, которая называется «Осы-охотницы». Фабр долго наблюдал поведение ос церцерис, которые откладывают яички в жучков златок. В живых насекомых! Своим длинным острым жалом, словно саблей, оса церцерис разрезает нервный узел жука и парализует его. Есть и другие осы-наездники. Они впрыскивают в тело жертвы парализующий яд, превращая его в убежище и банку консервов для своих детишек. Жучок парализован, неподвижен, но кое-как жив. И так продолжается до тех пор, пока из яичка не выведется личинка осы. И тогда личинка начинает пожирать своего «хозяина» изнутри. И пока не подойдет ей время превратиться в осу, она безбедно и сытно живет внутри своей жертвы...

— Вы все о насекомых... — сказала Верка, хотя понимала, что ее слова покажутся глупыми. Ведь она уже все поняла, а спрашивает, словно не поняла ничего.

— Ничто на свете не бывает постоянным. Мы с тобой имеем дело не с обычной маленькой осой, опасной только для златок. Осы церцерис попали в центр атомного взрыва под Челябинском и сумели выжить. Они прожили немало лет при радиации, которая превышала все возможные нормы. Теперь понятно, что златки и другие привычные носители, потенциальные консервы для осиного детского сада, вымерли или улетели из зоны. Чтобы выжить, надо было найти новых жертв. Теплокровных. Уцелели те, кому это удалось. Представь себе лестницу, внизу которой был жук. Затем какая-то оса умудрилась отложить яйцо в мышь. И каким-то, еще неизвестным нам образом, новое поколение ос унаследовало кое-что от мышей. Они стали крупнее, страшнее, опаснее для окружающих. На следующий год или через пять лет эти мутанты отыскали себе другого носителя — лису, волка... Наконец настал день их торжества. Осе попался человек! И если им удастся, то осы-исполины могут стать господами всего нашего мира... Прости, я преувеличиваю. Конечно же, этого не будет.

— Не будет, — эхом повторила Верка.

— Изучая сигналы из того региона, мы поняли, что новое по-

коление мутантов унаследовало от людей столько, что их трудно отличить от жертв. Они и сюда добрались уже под видом людей... Сначала нас в институте подняли на смех. Антинаучно утверждать, что, поедая человека, оса впитывает в себя многое из того, что раньше было этим человеком. Пять лет яйцо мирно живет в человеке, постепенно превращаясь в личинку. И в один прекрасный день эта личинка просыпается и начинает пожирать внутренности хозяина, а затем выходит из человека, оставив после себя лишь оболочку своей жертвы...

— Значит, та женщина в подвале была жертвой наездников? — спросила Верка.

— Она была женой Олега Владиславовича, которую он так безуспешно искал. От нее остался только голос, и его унаследовал детеныш. Олег Владиславович чувствовал эту связь... Но разве такое вообразишь?

— Нет, — вздохнула Верка. — Не вообразишь. И мою маму они поймали?

— Пять лет назад, — сказала Елена, — твою маму ужалила оса-наездник. Оса, которая уже стала почти человеком. Твоя мама потеряла сознание, и ее утащили в подземелье около вашей дачи. Там она, парализованная, провела пять лет.

— Вы хотите сказать, что мама пять лет была под нашей дачей?!

— Именно так. Но никто не догадывался.

— Она была жива?

— И не жива, и не мертва. Она, как кокон, висела в том подвале, а рядом с ней находилась ее подруга Оксана, жена Папани. И еще третья женщина. И, наверное, такой подвал в нашей стране не один. Все жизненные процессы в организме твоей мамы настолько замедлились, что она могла бы пробыть в состоянии комы еще несколько месяцев. Но вот раздается сигнал — настало время метаморфозы. То есть превращения.

— А внутри мамы был этот огурец?

— Это и есть личинка исполинского церцериса. Она готова была начать пожирать твою маму изнутри. Она бы росла, а Марина приближалась бы к смерти...

— Ой, не надо так говорить, Елена Борисовна!

— Ты слишком много видела, девочка, чтобы теперь закрывать на это глаза.

— Все равно жутко!

— Парализующее вещество наездников поддерживает в человеке жизнь до последнего мгновения. Это необходимо личинке. Оболочка человека продолжает существовать и, если надо, двигаться, даже после того, как личинка ее покинет. Это тебе ничего не напоминает?

— Оксана? Я же видела разрез на ее животе!

— Перед тем как погибнуть, оболочка Оксаны послушно исполнила волю наездников. Они приказали убить Олега, и она попыталась это сделать.

— Но они не хотели, чтобы Оксану обследовали в больнице...

— Для них это была бы катастрофа.

— Детеныш даже взорвал морг.

— Они почуяли опасность.

— От Олега?

— От Олега, от тебя...

— А я-то чем им угрожала?

— Ты была знакома с Олегом, он мог тебе довериться. Мы старались следить за ними, но, пока Оксана не попала в больницу, мы ни в чем не были уверены. Зато Олег Владиславович выследил их. Он как-то догадался о подвале и забрался внутрь, не дожидаясь нас.

— Он опоздал?

— К сожалению, да.

Они уже ехали по Москве, вскоре за Кольцевой свернули на неизвестную Верке шоссейку и вкатили на территорию скучного-прескучного панельно-блочного небоскреба серого цвета. Перед подъездом стояло несколько машин, большей частью отечественных, а дальше у бокового входа Верка увидела реанимобили. Вроде бы наши...

Елена поставила машину сбоку от входа, ловко втиснувшись на стоянке между двух «Нив».

— Вот и наша обитель, — сказала она.

На вывеске у дверей была непонятная, может, даже секретная надпись:

РАДИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР № 7.

ГЛАВА 11

Елена провела Верку на второй этаж. Ванечки там не было. И мамы тоже. В том коридоре были только кабинеты. Елена стала звонить по разным телефонам. Верка понимала, что теперь они в институте и надо терпеть, пока Елена все не выяснит.

— Я немного полежу, — сказала она и показала на узкий черный кожаный диван.

— Погоди, — остановила ее Елена. — Сначала я покажу тебе ванную.

Ванная и туалет были за три двери от ее кабинета. Там, на крючках, в ряд висели свежие полотенца.

— Ты возвращайся и поспи, — сказала Елена. — Твоя мама все равно еще под наркозом.

— А Олег?

— Какой Олег?

— Олег Владиславович, мой сосед.

— Он тоже спит, — сказала Елена. — Возьми это полотенце. А вон там шампунь. Если проголодалась, мы с тобой вместе поужинаем.

— Хорошо.

Верка осталась одна.

Ванная была слишком белой и блестящей. Все вокруг так сверкало, что было неловко прикасаться. Верка подумала: хорошо ли будет, если она немного постирает? Потом решила: «Лучше постираю перед сном». Но душ она приняла, и стало полегче.

Когда человек стоит в душе, он всегда думает. Верка не была исключением.

Ей уже не было страшно. Она верила в то, что маму вылечат. Если бы эта личинка успела навредить маме, наверное, Елена сказала бы об этом. А может, не сказала бы? Пожалела?

Надо срочно идти в реанимацию! Врачи не ожидают, что Верка опять не послушается и побежит искать маму.

Верка быстро оделась, пригладила мокрые волосы и выскочила в коридор.

Как же она раньше не сообразила? Доверилась Елене, а та ее просто пожалела.

В коридоре было пусто. Но стоило Верке выйти из душевой комнаты, как она увидела медсестру. Нет, с сестрой лучше не встречаться. Сестры всегда задают вопросы. Верка переждала, пока сестра пройдет мимо, и поспешила по коридору. Дверь в палату справа была приоткрыта. В палате стояли четыре кровати, но занята была только одна. На ней лежал человек средних лет, лысенький, с острой бородкой. Он читал газету.

— Простите, — тихо спросила Верка, — как мне пройти в реанимацию?

— А ты нездешняя? — спросил мужчинка.

— Если не знаете, так и скажите! — огрызнулась Верка.

— А зачем тебе в реанимацию?

— У меня там мама лежит.

— Ну так бы и сказала, — обрадовался мужчинка. — Я тебя провожу, все равно делать нечего.

— Не надо меня провожать. Увидят!

— А ты сюда проникла без разрешения? Я правильно тебя понял?

— Так не скажете?

Мужчинка уже вскочил. Он был немного выше Верки и одет в яркую голубую пижаму.

— Пошли, — скомандовал он.

Верка пошла за ним.

— Ты не удивляйся, — сказал мужчинка с бородкой. — Я по специальности экскурсовод. Много лет проработал в Шушенском, в музее-заповеднике. Водил иностранные делегации на охоту по ленинским местам. Да вот подцепил что-то в лесу, три операции сделали... И теперь временно нетрудоспособен. А ты тоже из Шушенского?

И тут раздался женский голос:

— Ульяновский, вы куда опять помчались? Экскурсию ведете?

— Это Валерия! — ахнул мужчинка. — Дальше ты идешь без меня! — Он поспешил обратно, но, уходя, подмигнул так хитро, что Верка поняла: экскурсовод что-нибудь придумает.

Верка смело пошла дальше — ей-то отступать было некуда.

Она миновала сестру. Перед ней была матовая стеклянная дверь.

«Мама здесь, — поняла Верка. — Она меня ждет...»

Верка уверенно открыла дверь и вошла.

Но оказалась не в палате, как ожидала, а в пустой комнате, где была еще одна дверь с кодовым замком.

Верку опередили. Перед внутренней дверью стояла белокурая медсестра и набирала номер.

Когда сестра обернулась, Верка заметила, что за ней, прижавшись к стене, стоит карлик в белом халате. Или ребенок... Или детеныш наездника, осы церцерис грандиозис.

Они и сюда успели!

Детеныш рассмеялся:

— Мы тебя все просили, просили, а ты не соглашалась. За десять тысяч не соглашалась. А потом сама бесплатно пришла. Учти, на вознаграждение не рассчитывай. Теперь твоя жизнь и жизнь твой мамаши стоят недорого. Одна личинка — и вы свободны.

— Да я не могу вам помочь!

Верка так устала от всех этих тараканов, наездников, убийц, которые не считают себя убийцами, потому что подчиняются законам своей жизни. А если у нас свои законы, то тем хуже для нас.

— Нам остался один шаг до твоей мамаши, — сказал детеныш. — Помнишь, что случилось с Оксаной, когда она угодила в пушкинский морг?

— Мне нужен мой ребенок, — сказала женщина. — Мой мальчик, которого они так жестоко вырвали из твоей мамы. Твоя мама так тоскует по нему! А он может умереть — он же еще такой маленький и беззащитный!

Дверь реанимации отворилась, и в ней показался Ванечка.

Женщина одним ловким движением схватила Верку и рванула ее в сторону. Из ее груди выскочила острая сабля.

— Стой, — приказал детеныш Ванечке. — Мы не желаем зла, нам ничего не нужно. Верните зародыш, и мы отпустим вашу девочку. Разве это не гуманно — ребенок за ребенка?

— Немедленно отпустите Веру! — возмутился доктор и кинулся на женщину.

Женщина прижалась спиной к стене и полоснула Верку саблей.

— Больно! — закричала Верка.

Ей было не так больно, как горячо — по шее потекла струйка крови.

Ванечка сразу остановился, как на стену налетел.

— Немедленно принесите моего ребенка! — приказала матка.

— Советую вам сдаться, — сказал Ванечка. — В институте много людей. Я сейчас подниму тревогу...

— Послушай, очкарик, — тихо сказала женщина. — Никакой тревоги ты не поднимешь, потому что в таком случае девчонка не проживет и минуты.

— Вы тоже! Поймите, что вы замахнулись на все человечество!

— А вот это уже наши проблемы, — ответила женщина. — Нас не так легко убить. Иначе бы мы давно вымерли. Мы не виноваты, что стали такими, какие мы есть. Это вы, люди, испытывали бомбы, чтобы убивать самих себя. Вы отравили реки и озера, вы убили и изуродовали миллионы живых существ, а теперь мы вам не нравимся?

— Не нравитесь! — крикнула Верка. — Вы людей обвиняете, а сами еще страшней. Вы убиваете тех, кто ни в чем не виноват. Моя мама при чем? А Олега зачем убили?

Ей было очень неудобно и больно говорить, потому что наездница продолжала держать острие сабли возле ее горла.

— Ты что ела на обед? — вдруг завопил детеныш. — Ты котлету ела? Ты курицу ела? А ты забыла, что у курицы тоже есть дети? Ты телячью котлету сожрала? Людоедка! А знаешь — это мое счастье, что я для тебя невкусная, а то бы ты и меня приготовила под горчичным соусом! Когда я была человеческой женщиной, то очень любила телятину под горчичным соусом.

— Мы хотим жить, — твердо сказала женщина-наездник. — Мы хотим жить не меньше, чем вы. Мы любим своих детей так

же, как и вы. Отдайте нам личинку, и мы уйдем. Больше вы нас не увидите.

— Не отпускай их! — закричала Верка. — Пускай они лучше убьют меня!

— Почему ты так говоришь? — удивилась женщина. — Ты что, жить расхотела?

— Завтра вы убьете маму другой девочки, — сказала Верка. — Вас будет больше...

— Пускай это будет честная война, — сказал детеныш. — Но завтра.

— Я жду, — повторила женщина. — И не думайте, что я пожалею вашу девочку. Это чужой ребенок. А у меня есть свой, и он умрет, если вы его мне не вернете. Мой ребенок мне дороже. Вы думаете, что я — насекомое и поэтому не могу испытывать чувств. Это неправда. Я наполовину церцерис, а наполовину человек. И неизвестно еще, чего во мне больше.

— Ой! — Сабля наездницы больнее вонзилась в горло Верки.

— И вы хотите, чтобы я сейчас отложила в нее яйцо? — спросила женщина.

— Остановитесь! — воскликнул Ванечка. — Мы согласны.

Он вытащил из верхнего кармана мобильник и спросил:

— Ты все слышала, Елена?

— Слышала, — донесся голос Елены. — Куда нести личинку?

— Вот это разумно, — обрадовалась женщина. — Мы спустимся к выходу, там нас ждет машина. Вынесите личинку туда.

— А Вера? — спросил Ванечка. — Почему вы ее не отпускаете?

— Потому что мы не верим людям. Мы для вас — ядовитые, опасные насекомые, нас можно обмануть, а при нужде и сапогом раздавить.

— У вас нет оснований нам не верить! — крикнул Ванечка.

— Есть, да еще какие!

Женщина подтолкнула Верку к двери.

Детеныш семенил рядом. Из его груди тоже торчала сабля.

В коридор он выскочил первым и закричал:

— Все с дороги!

Все послушно кинулись в разные стороны.

Только мужчина с бородкой не побежал.

— Погодите! — закричал он. — Эта девушка нуждается в помощи, она мне сама в этом призналась! Что вы делаете? У вас нож? Это запрещено!

— Расправься с ним! — крикнула женщина детенышу.

Тот кинулся к мужчине.

Но дядька с бородкой и на этот раз не побежал. Он стал отбиваться от детеныша палкой и попал ему по голове.

Детеныш упал и задергался.

Дядька кинулся к женщине. Верка почувствовала, что матка сейчас вонзит в нее свою саблю, и рванулась — сабля полоснула по щеке.

Дядька с палкой накинулся на женщину, но вдруг замер, будто на стенку наткнулся.

В этот момент в коридоре появилась Елена со свертком.

Женщина отбросила Верку, на бегу наклонилась и подхватила лежавшего на полу детеныша.

Тот перебирал ножками и попискивал.

Женщина врезалась в Елену и выхватила у нее пластиковый пакет.

— Это он?

— Он... — Но Елена уже смотрела на Верку, которая сидела на полу и зажимала рукой разрезанную щеку. Между пальцев текла кровь.

В конце коридора наездников встретил человек в ватнике. Именно ему матка отдала на бегу личинку.

— Они сейчас полетят, — сказала Верка.

Но наездники не полетели.

Они повернули в боковой коридор, который, как потом узнала Верка, вел в подвалы.

И сгинули.

Ванечка начал твердить:

— Сейчас мы их перехватим. Сейчас, я уже вызвал ОМОН.

И вдруг Верка закричала на него:

— Оставьте их в покое! Им тоже жить хочется!

— Как можно? — возмутился Ванечка. — Они ведь только кажутся людьми. А внутри — это злобные насекомые. Их надо истреблять, иначе они сами нас истребят. — Он сверкал очками, потому что вертел головой, словно все время отрицал собственные слова. — Может быть, их уже миллионы. А отпустив этих, мы увеличим их число. И сегодня же они нападут на невинную жертву — на тебя, в конце концов!

— Надо не так, — сказала Верка. — Не убивать надо!

— А как же?

По коридору, громко топая, бежали омоновцы в вязаных шапках, в которых видны были только глаза.

— С ними надо говорить.

— Как говорить, как? — кричал Ванечка. — Мы же их естественная пища. Они другой не хотят.

— Пойдем, Верочка, — сказала Елена и повела ее обратно к своему кабинету, оставив Ванечку разбираться с омоновцами.

— Что делать, что делать? — спрашивала Верка.

— Я сама не знаю. И дурак будет тот, кто скажет, что знает ответ.

— А мама? — вспомнила Верка. — Как мама?

— Пойдем, я проведу тебя в реанимационное отделение, — сказала Елена. — Но предупреждаю — ни звука, ни лишнего движения. Тебя не видно.

— А меня и так никогда не видно, — ответила Верка и подумала: вот согласилась бы она на десять тысяч долларов, ничего бы не изменилось — они же своего зародыша все равно получили. А так бы построили для бабы Эллы новый дом...

Потом она подумала: «Сейчас быстренько посплю возле маминой койки, а с утра Катьку доить — и в больницу к бабе».

Но жизнь не будет прежней, потому что теперь вернулась мама.

И Верка теперь не одна.

УБЕЖИЩЕ

Часть I

ИСПЫТАНИЕ СЕВЫ САВИНА

Глава первая

СЕВА САВИН В ЛАГЕРЕ «ЕЛОЧКА»

Шел к концу третий день смены в лагере «Елочка».

Этот лагерь с незапамятных времен назывался «Елочкой» по прозвищу «Палочка». Когда-то он был пионерским, и сюда возили Севину маму и многих из ее нынешних сослуживцев. Теперь его называют оздоровительным.

Второй отряд играл в волейбол.

Конечно, не весь отряд, а только те ребята, которые умели играть.

Было уже не жарко, пахло теплой пылью и цветами.

Солнце опустилось к вершинам елей, вот-вот на них напорется, и било в глаза команде слева.

Сева Савин не играл, он сидел на длинной скамейке вместе с болельщиками, но не кричал, не свистел, не переживал, потому что ему надо было подумать.

Ведь он так и не понял, почему у двери автобуса, на котором они ехали в лагерь, его перехватила неприятная старуха в армейском камуфляже и строго прошептала:

— Предупреждаю, не смей смотреть на лягушек. Ты меня понял, бездельник? А то беды не оберешься.

В этот момент сверху спикировала оса, она кинулась на бабушку, но та ей не поддалась и стала отмахиваться когтистыми руками.

— Пришибу! — рычала она. — Шшшибу!

Оса уворачивалась и, пролетая мимо лица Севы, успела пискнуть:

— В болоте твое счастье, принц!

Но тут старуха все же сбила осу, а Севу начали толкать сзади, чтобы он поскорее залезал в автобус.

Так он и не узнал, чем кончился спор старухи с осой и при чем тут болото.

Другой на месте Севы сошел бы с ума от страха и удивления. Но Сева особенный человек.

Когда-то, еще ребенком, он прочел книжку, в которой говорилось, что сказочные существа в самом деле существовали и даже правили нашей планетой. Но потом наступил Ледниковый период, и они все вымерли. А память о них осталась. Сказки и легенды — это не выдумки, а воспоминания людей о древней жизни, когда волшебство правило миром.

Больше того, Сева был уверен, что не все сказочные существа вымерли. Кое-кто смог пережить тяжелые времена, затаившись. Теперь им власть над миром не вернуть, хоть некоторые и стараются. Но они существуют, только не попадаются каждому на глаза, как тигры в летней тайге. И если человек это понимает и не трепещет перед каким-нибудь колдуном-перестарком, он может неплохо устроиться в жизни. По крайней мере, интересно. Только спешить не надо.

Это не значит, что Сева был расчетливым, осторожным и предусмотрительным молодым человеком. Наоборот, он был страшно легкомысленным выдумщиком, и если бы волшебников не было на самом деле, он бы их изобрел. И кое-кому рассказал бы, что у него есть друг чародей, который обещал его взять в субботу на Кассиопею.

Если ты во что-то веришь, вернее, не веришь, а просто знаешь, что эта штука существует, то, конечно, тебе легче ее увидеть. Другой пройдет мимо ведьмы, превратившейся в статую работы скульптора Перепелли, и подумает: что-то много в городе стало уродливых железяк. А Сева поздоровается с ведьмой, но если она спросит, как пройти к ближайшему детскому саду, никогда ей не скажет или пошлет ее в зоопарк, потому что, если ведьме дать волю, она примется пить кровь у детишек. Впрочем, Сева давно уже не встречал ведьм, если не считать их соседки по подъезду Анюты Бородуевой, но о том, что она ведьма, никто и не подозревал, даже она сама. Она часто спрашивала у своей тихой, мирной и неволшебной сестры: «Инна, правда, я хорошая?» И Инна всегда с ней соглашалась. Ведь куда приятнее иметь добрую сестру, чем настоящую ведьму.

Сева Савин сидел на длинной узкой скамейке вместе с болельщиками. Рядом сидела красивая Ванесса, первая красотка лагеря, которую на самом деле зовут Люсей Пузыревой. Она закричала: «Ура!», потому что Гриша Сумской наконец-то попал по мячу и зафигачил его далеко в аут.

Конечно, Севе хотелось поговорить с Ванессой, хотя он понимал, что выбрал для этого самый неудачный момент.

И все же он спросил ее:

— Удивляешься, чего я на площадку не вышел?

— Ничему я не удивляюсь, — ответила Ванесса.

Она глаз не могла оторвать от Гриши Сумского, про которого Даша Блюм, по прозвищу Лолита, говорила: «Одни мускулы, даже смотреть противно!»

Про Севу она этого не говорила. Но и не смотрела на него.

— Мне запретили гасить, — вздохнул Сева. — После моих ударов мячи, как правило, лопаются, а если попаду в человека, то возможны травмы. Однажды в шестом классе я убил одного парня, его еле откачали, три недели в реанимации, теперь ездит в коляске.

— Кто-то тебе, может, и поверит, — сказала Ванесса, не поворачивая головы, словно ей не было любопытно. — Но этой дурой буду не я.

Тут она ахнула, потому что Гриша не дотянулся до мяча.

— У меня трудное прошлое, — признался Сева. — Я рос без отца, мать хотела сдать меня в интернат. Но предчувствие подсказало мне поехать в лагерь «Елочка», потому что я могу встретить здесь одну герлу, которая меня поймет.

— И кто же эта красотка? — спросила Ванесса, глядя на площадку.

— Догадайся с трех раз, — предложил Сева.

Ванесса сердито мотнула головой, чтобы ее рыжеватые кудри рассыпались по плечам, как у Мэрилин Монро. Она думала, что они с Мэрилин похожи.

Тут игра кончилась поражением наших, потому что Гриша Сумской умудрился угодить при подаче в сетку. На него никто и смотреть не хотел, а он подошел к Ванессе и сказал:

— Ветер в правый бок. Я немного не рассчитал.

Откуда ни возьмись, появилась Лолита и громко сказала:

— Ветер не поможет тому, у кого руки кривые.

— Некоторым лучше помолчать, — сказал Гриша. Он не выносил критики. И это понятно. Когда он только рождался на свет и не весь еще вышел из мамы, медсестры, акушеры и врачи закричали, что такого красивого мальчика они никогда не видели.

Девочкам всегда хотелось о нем заботиться, дать списать или подсказать на контрольной.

Математик Дмитрий Фадеевич говорил поклонницам Гриши:

— Сейчас я продиктую условия задачи, а Миленкину и Топуридзе попрошу покинуть класс и ближайший час провести в библиотеке. Прочтите там историю возвышения Жанны д'Арк. И чтобы до конца урока не возвращаться.

— А что вы нам поставите? — спрашивала бойкая Топуридзе.

— Три с плюсом, — начинал торговаться математик.

— По пятерке с минусом, — отвечала Топуридзе, а Миленкина шмыгала носом, чтобы показать, что она вот-вот зарыдает.

Так что быстро сходились на твердой четверке.

И тут подавал голос Гриша Сумской:

— А может, лучше мне сходить в библиотеку? Я как раз собирался почитать что-нибудь о Жанне д'Арк.

Вот с таким человеком судьба столкнула Севу Савина. Причем Гриша, как всегда, был окружен союзницами и друзьями, а Сева одинок.

— Тут один ребенок, — сказала Ванесса, — утверждал, будто может зашибить человека волейбольным мячом. Ему даже запрещают играть в волейбол. Разве так бывает?

Гриша сдержанно засмеялся, а Сева заметил:

— Кстати, мне и в футбол врачи играть не советуют.

Девочки смотрели на Гришу.

Они ждали, что он поставит Севу на место.

Гриша рад был бы поставить Севу на место; конечно же, Сева нагло врал, к тому же Гриша мог расправиться с ним одной левой. Но Гриша на самом деле был задумчивым, рассудительным и осторожным подростком. Он знал, что внешность бывает обманчивой. Девяносто девять процентов было за то, что Сева в жизни толком по мячу не ударил, но всегда оставался один процент! Вот его всегда полезно учитывать.

— Некогда мне с тобой прохлаждаться, — сказал он Севе.

И отправился в столовую.

У Гриши была слабость. Он любил поесть. А так как его обожали поварихи, подавальщицы, судомойки и диетические сестры, то он не забывал заглянуть перед обедом на кухню, чтобы проверить, любят ли его еще кухонные работницы. А после обеда и тем более перед ужином заходил туда снова, чтобы убедиться, что о нем еще не забыли.

И никогда не ошибался.

Ванесса с Лолитой переглянулись и сделали вид, что сами прогнали Гришу, а Севы здесь вовсе не было.

Сева вслед им крикнул:

— А купаться пойдете?

Девочки даже плечами не пожали. Как шли, так и ушли.

Глава вторая

СЕВА САВИН ГУЛЯЕТ ПО ЛЕСУ

Сева решил пойти в лес.

Он прошел по асфальтовой дорожке мимо летних домиков-спален, потом миновал длинный барак столовой, от которого вкусно пахло почти готовым ужином и слышно было, как на

кухне ласково бубнит Гриша Сумской. За столовой стоял крепенький, как боровичок, кирпичный дом начальника лагеря бывшего борца Афанасия Столичного, который жил в нем круглый год.

За огородиком, которым заведовала пожилая мама начальника лагеря, тянулись заросли орешника, который не давал орехов, а дальше была дыра в заборе. Мало кто знал о ней, потому что она получалась, если отодвинуть одну доску.

Но за три неполных дня нормальный любознательный человек тринадцати лет должен выяснить расположение всех нужных и полезных объектов в лагере и вокруг него, а Сева был более чем нормальным.

Территорию лагеря он, конечно, освоил, но вокруг лагеря еще были белые пятна. Вчера он спросил вожатую Майю, велик ли лес? Майя уверенно ответила, что «лес тянется, дети, до самого Урала. В прошлом году две девочки заблудились, их искали на вертолетах с собаками, но так и не нашли даже костей».

Сева сразу сообразил, что Майя врет. Ей вовсе не хотелось, чтобы кто-то убежал погулять и заблудился. Пускай трепещут и сидят в бараках. Он представил себе, как собаки летают на вертолетах и лают, когда сверху увидят заблудившихся девочек.

Майя была короткая, ниже Севы ростом, упругая, руки и ноги были перетянуты невидимыми ниточками, как у раскормленного грудного ребенка. Черные волосы завивались мелкими колечками, но не негритянскими, а мягкими. Она все время улыбалась и часто заливисто хохотала, но Сева не верил, что ей на самом деле весело.

Пролезши сквозь забор, Сева поставил доску на место.

Лес был как лес. Подмосковный дачный лес, в нем заблудиться труднее, чем в парке культуры и отдыха.

Что здесь делать вертолетам с собаками — вообразить невозможно.

Сквозь редкие деревья были видны покатые крыши скромных дач старых кооперативов. Так как Разуваевка не входит в число престижных мест для тех состоятельных людей, которым не хватило места или средств, чтобы купить виллу на Канарах или на Кипре, то дачные домики были в основном сколочены из фанеры или досок, которые владельцу удалось стащить с родного предприятия.

Сева огляделся и направился туда, где деревья стояли погуще и не было видно забора. Через две сотни шагов под кустами стало меньше банок из-под пепси-колы и пива, а также пластиковых пакетов.

«Значит, правильным путем мы идем, товарищи», — сказал он про себя, а вслух произнес:

— Где вы, мои девочки, где вы, вертолеты?

— Ваш вопрос обращен ко мне? — спросил дед в толстых очках и меховой ушанке. Остальное было покрыто серым брезентовым плащом, который волочился по траве.

Сева не заметил деда, потому что краем глаза принял его за замшелый пень.

Дед медленно двигался по лесу и водил по траве палкой, словно миноискателем. Он собирал пустые бутылки и, не глядя, кидал их в открытый мешок на колесиках, который не только ехал за дедом, но и останавливался, когда надо.

Дед перестал шагать и посмотрел на Севу снизу, склонив голову набок, чтобы удобнее было рассматривать.

Сева молчал.

Тогда дед сам сказал хриплым голосом:

— А мы из общества защиты грибов. Спасаем планету от тебе подобных.

— На планете нет мне подобных, — сказал Сева. — Я исключительное явление природы.

Это были не его слова, а мамины. Мама их повторяла, когда разочаровывалась в сыне и думала, что он никуда не годен.

— Что ты думаешь о разрушении озонового слоя? — спросил дедушка и медленно пошел дальше. Нашел бутылку, подцепил ее, бутылка сверкнула, взлетев выше головы, и со звяком упала в мешок.

— А почему вы только бутылки собираете? — спросил Сева.

Он знал настоящий ответ, но ему было интересно, что дед придумает.

Дед не стал лукавить, а ответил честно:

— Потому что бутылки принимают, а консервные банки никому не нужны. А нам необходимы средства на питомник для юных трюфелей.

— Так вы планету не спасете, — сказал Сева.

— Согласен с тобой, совершенно согласен! — почему-то обрадовался дед. — Нам нужна критика снизу. Нам нужны молодые силы. Ты как относишься к лапландским подосиновикам?

— Положительно, — сказал Сева.

— У нас намечается экспедиция в Лапландию. Очень рискованная и тяжелая. Надеюсь, ты не откажешься принять в ней участие?

— А когда? — спросил Сева.

— С восьмого сентября и до последнего живого участника.

— Нет, — сказал Сева. — С восьмого я не могу, вы же знаете, у меня занятия начинаются.

— Какая жалость, — сказал дед. — А то бы ты погиб, а мы бы тебя оплакивали. Как тебе нравится идея памятника на школьном дворе? Или тебе интереснее стоять возле дома?

— И осенью тоже надо стоять?

— Вечно.

— И без зонтика?

— Какой цинизм! — рассердился старик. — Я всегда был низкого мнения о тебе, Савин, но сейчас я просто в ужасе. Кому мы оставляем нашу планету? Твое отношение к грибам заставляет меня вспомнить о подлой Снежной королеве! Потребитель!

Сева пошел по тропинке дальше и не стал оборачиваться, хотя чувствовал спиной, как старик прожигает его взглядом.

Трава была здесь нетоптаная, кострищ и помоек больше не встретилось. Зато стали попадаться сыроежки. Сева любил собирать грибы и даже видел их лучше, чем мать и Ксанка. Мать даже сказала как-то:

— Ты, Всеволод, сохранил в себе черты древнего лесного жителя. В других странах люди думают, что грибы — это шампиньоны. И не отличат рыжика от мухомора.

— Рыжиков совсем не осталось, — ответил Сева.

Вообще-то он думал, что так любит лес и так себя в нем хорошо чувствует потому, что произошел не от обезьяны, как все остальные люди, а от волка или лисицы. Если посмотреть на Севу в профиль, то увидишь, что он даже немного похож на лисицу, потому что у него острый, чуть курносый нос, глаза раскосые, зеленые, а волосы темно-желтые, почти рыжие, но не совсем рыжие.

В лесу Сева был своим. Звери и птицы, которые других людей опасались, его просто не замечали, как не замечали друг дружку.

В лесу Сева начинал все нюхать, как настоящий тамошний житель. Он различал в сто раз больше запахов, чем остальные люди, и поэтому не любил, когда рядом курили или дышали перегаром.

А мама, как назло, курила. Даже иногда натощак.

Как-то Сева признался, что может выследить в лесу любого зверя. Мама потрепала его по затылку и сказала:

— Даже в фантазиях лучше знать меру, не будет стыдно перед людьми.

Со взрослыми разумнее не спорить. Если взрослого переспоришь, рискуешь получить по шее. А маме нюх когда-нибудь пригодится. Он ведь всегда может разгадать яд, который ей подсыпят враги. А кто мамины враги? Соседка Анька Бородуева?

Или Мария Васильевна с работы, которая опять жаловалась на маму Принципалу? А если Мария Васильевна отравит маму, самой же хуже — не на кого будет жаловаться Принципалу.

Тут Сева вспомнил, что он гуляет по лесу. Запахло сыростью, небольшим болотом, не прудом, не речкой, а именно болотом, где ароматы трав смешиваются с запахом стоячей темной воды.

Сева направился к болоту.

Пришлось пробиваться сквозь кусты, которые не желали пропускать чужака в самое сердце леса. Болото было верховое, из такого начинаются ручейки.

Глава третья

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

Болото было окружено широким кольцом пышных моховых кочек, нога уходила в них по колено, и мох обнимал ногу теплыми пальцами.

А в середине цирка моховых кочек блестела вода, в ней плавали большие листья водяных лилий, и метрах в двадцати от Севы, на самом глубоком месте, буквально сверкал белый цветок с золотыми тычинками в центре. Не хватало только белого лебедя, но ведь белые лебеди не водятся на болотах за Разуваевкой. И даже странно, что никто не насорил в таком красивом месте. Бывают люди, которые видеть не могут чистых и красивых мест и стараются сразу все испортить. Они даже специально приезжают за город, чтобы навредить природе.

— А сюда, — сказал грибной дед в сером плаще с самоходной сумкой сзади, — сюда не каждый попадает. Иной или мимо промахнется, или в болоте завязнет. Со смертельным исходом.

Дед захихикал, и непонятно было, пошутил он или правду сказал.

Ближе к болоту дед подходить не стал, потому что здесь ему нечего было подбирать, да и сумка между кочек не пролезала. Он пошел дальше, будто забыл о Севе.

А уж Сева о нем забыл наверняка.

Потому что на большом листе лилии, который прогнулся под ее тяжестью, сидела довольно красивая зеленая лягушка с желтым животиком и лапками.

И это было бы еще ничего, если бы Сева не различил на ее треугольной голове маленькую серебряную корону, королевскую, но маленькую.

Значит, он увидел царевну-лягушку, кем-то наверняка заколдованную, которую теперь он должен расколдовать и жениться

на ней. При условии, конечно, что удастся превратить ее в прекрасную девицу.

— Здравствуйте, — сказал Сева лягушке.

Лягушка не ответила. Она в упор смотрела на него блестящими глазками.

Другой на месте Севы мог испугаться, удивиться или просто решить, что он сошел с ума. Но Сева не удивился. Ведь он был убежден, что остатки сказок прячутся по лесам, болотам и пещерам, и нет ничего странного в том, что время от времени некоторые люди их видят. И Сева относился к их числу.

Сева немного растерялся. Он даже обернулся, чтобы позвать деда с палкой — может, он подскажет, как поймать царевну-лягушку? Но деда, конечно, и след простыл. А это выражение означает, что в древние времена люди ходили босиком и у них были такие горячие пятки, что на следах можно было яичницу жарить.

Кочка, на которой стоял Сева, постепенно опускалась в болото, и ноги в кедах уже промокли. А никакого решения в голову не приходило.

— Интересно, — сказал Сева, — вы меня ждали или вообще?

И тут он вспомнил: царевич в сказке стрелял в нее из лука, и лягушка немедленно оборачивалась прекрасной царевной.

Лука у Севы не было.

— У вас проблемы? — спросил Сева.

Лягушка не ответила. Вернее всего, в таком виде она говорить не умела, но как превратить ее в человека, Сева не знал.

А может быть, он ей вовсе не нужен? Почему надо подчиняться сказочным правилам, которые теперь и не действуют? Вернее всего, это не царевна, заколдованная каким-то Кощеем, а генетический уродец. У нее на голове утолщение, которое кажется короной.

— Если вы ничего не скажете, — заявил Сева, которому вся эта сказка вдруг надоела, — то я пошел в лагерь. У нас скоро ужин. Не могу же я из-за лягушки голодным оставаться.

Конечно, это были слова обыкновенного простолюдина, а не будущего принца. Но так как принцы остались только за границей, то Сева думал, что он прав.

Сева повернулся и перепрыгнул на следующую кочку.

Он понимал, что ведет себя неправильно, но что будешь делать, если не знаешь, как вести себя правильнее?

Вот и еще одна кочка... еще одна.

И тут, как вы понимаете, Сева остановился.

И поглядел через плечо.

На листе лилии лягушки не было.

Где же она? Неужели нырнула?

Сева стоял, повернув голову назад, и чего-то ждал.

И дождался.

Лягушка вспрыгнула на кочку, где он только что стоял, и замерла, глядя на него.

Может, это случайность?

Посмотрим.

Сева прыгнул на следующую кочку и через три кочки выбрался на тропинку.

А сзади услышал:

Шлеп, шлеп, чвак, плюх...

Лягушка догнала Севу и замерла у его ноги.

— Но учти, — сказал тогда Сева, — я не принц и даже не граф, так что не надейся на дворцы и усадьбы.

Он так строго разговаривал с царевной-лягушкой, потому что стеснялся.

Лягушка сидела неподвижно.

Сева решился, присел на корточки и положил руку на землю ладонью вверх.

Лягушка, словно ждала приглашения, вспрыгнула на ладонь. Она оказалась тяжелой и холодной.

Но главное: Сева увидел, что корона на голове ажурная, тонкая, резная и совершенно серебряная с камешками. Никакого генетического уродства, а сплошная бижутерия.

Сева поднялся и пошел к лагерю. Он шел осторожно, чтобы лягушка не свалилась с ладони, и у него было хорошее настроение, которое было очень трудно объяснить.

Ну подумайте: идет по лесу, раздвигая свободной рукой кусты, молодой человек Всеволод Савин, ничем от других обитателей лагеря «Елочка» не отличающийся, кроме того, что он совсем особенный.

А кто об этом догадывается?

Идет по лесу Всеволод Савин, а царевна-лягушка с маленькой серебряной короной сидит у него на ладони, развернулась к нему носом и глядит немигающими глазами.

— Сейчас придем в палату, — сказал Сева, — я тебя покормлю. Наверное, ты проголодалась. Ты чем питаешься, мухами? Поймаем тебе и муху.

И тут Сева сообразил, что лягушке куда лучше поужинать на своем болоте, там у нее и обед, и ужин — все водится. Не для этого она с ним отправилась в лагерь.

«Ничего, — сказал себе Сева, — догадаемся».

Он влез в лагерь через дырку в заборе, задвинул на место доску и поспешил через орешник к своему домику.

Когда он проходил мимо столовой, то услышал, как из нее доносится гул многих голосов. Шел приятный процесс, который называется «ужин». И тут у Севы так заболело от голода в животе, что он чуть не упал.

— Значит, так, — сказал он лягушке. — Я тебя пока оставлю в нашей палате. То есть в спальне. В спальне второго отряда. Понимаешь? А сам быстренько поужинаю и сразу к тебе вернусь, и тогда мы с тобой решим, что делать дальше.

Лягушка ничего не ответила.

Навстречу шел сам директор лагеря Афанасий Столичный, могучий человек, который после того, как оставил большой спорт, отрастил себе огромный живот, его это не красило, но многих пугало, особенно малышей из пятого отряда.

«Вот сейчас он меня остановит, — понял Сева, — и спросит, почему я бегаю, а не ужинаю вместе со всеми. Мне придется что-то врать, сам еще не знаю, что я буду врать, а тем временем ужин кончится, и я останусь безумно голодным. Вот тогда и съем влюбленную в меня лягушку».

— Мальчик, как твоя фамилия? — спросил директор издали.

Сева затормозил обеими пятками, так что сзади заклубился дым и стало трудно дышать.

— Савин, — сказал Сева. — Я спешу на ужин.

— Вот именно, Савин, — повторил директор. — Я тебе там стакан компота оставил. Нет-нет, не надо меня благодарить. На моем месте так поступил бы каждый.

— Спасибо, — произнес Сева, глядя в землю. Ну подумайте только, начальник лагеря, первый человек во всем мире, даже глядеть на него глазам больно, оказывается, знает о существовании какого-то Севы Савина и даже оставляет ему компот.

И тут в голове возникла опасная и, может быть, глупая мысль: компот отравлен, компот заколдован. Один мальчик уже съел компот, и что от него осталось? Одни персиковые косточки.

— Ты натуралист? — спросил начальник лагеря. — Лягушек изучаешь?

И, словно кто-то подсказал ему, Сева ответил, чего сам и не думал:

— Я гастроном. Я ем лягушек.

— Как французы? — удивился начальник лагеря. — И не жалко птичку?

— Что их жалеть, — ответил Сева. — Может, хотите попробовать?

— Да ты с ума сошел! — возмутился начальник лагеря. — Сейчас же отпусти животное.

— Куда?

— Откуда взял!

Начальник лагеря свернул в боковую аллею и потопал прочь. Даже земля вздрагивала от его шагов.

— Что со мной творится? — спросил Сева. — Я сам на себя не похож.

На этот раз внутренний голос ничего ему не ответил.

В полном смятении чувств Сева добрался до домика второго отряда.

Дверь в домик была открыта.

Сева пробежал внутрь. Кровати мальчиков стояли в два ряда ногами к центральному проходу. Двенадцать кроватей справа, двенадцать слева. Все они были аккуратно застелены, потому что физкультурник Рома, младший брат начальника, крупный специалист по пинг-понгу, следил, кто как стелет постель, и заставлял перестилать, если что не так. Ох, как его не любили в отряде!

Кровать Севы третья справа.

Куда спрятать лягушку? Ведь если ее найдут ребята, то сначала удивятся, а потом что-нибудь натворят.

Поэтому он открыл ящик в тумбочке возле своей кровати, вытащил оттуда два яблока, а на их место посадил лягушку.

Лягушка не сопротивлялась, не спорила и не возражала.

Севу всегда черт за язык тянет. И поэтому он сказал:

— Для моей невесты ты слишком неразговорчивая. Я еще подумаю, жениться на тебе или нет.

Сева, как понимаете, пошутил, но что мы знаем о чувстве юмора у лягушек?

Лягушка насупилась, но Сева, скорее, почувствовал, что она насупилась, потому что лицо у нее совсем не изменилось.

— Сиди в ящике и терпеливо жди меня, — сказал Сева, закрыл ящик с лягушкой, и ему стало полегче на душе. По крайней мере, теперь ему не надо бегать по лагерю с лягушкой на ладони.

Он выбежал из домика и помчался к столовой.

Глава четвертая

ЧТО ДЕЛАТЬ С ЛЯГУШКОЙ?

Чем ближе Сева подходил к столовой, тем быстрее двигались его ноги. Он ворвался в столовую, как голодный тигр. Он готов был зарычать, но понял, что никто его не испугается.

Сева поспешил к своему месту. Оно было свободно. Ведь когда мы приезжаем в лагерь, в гостиницу, в дом отдыха, то с первого дня каждый занимает себе место и потом редко это место

меняет. Только уж если очень неудачное. Когда приехали и пошли обедать, Сева занял место поближе к окну. Он тогда почти ни с кем не был знаком, и особого расчета у него не было. Совершенно случайно с одной стороны рядом с ним сидела Лолита, а с другой — Гоша Полотенц, который хотел, чтобы его звали Пресли, а на самом деле его звали Жабой. Человек хочет или не хочет, но тянет за собой прозвище, как хвороста воз. Жаба думал, что никто не знает о его прозвище, но стоило в соседнем отряде оказаться кому-то из его школы или даже с его двора, как секрет был раскрыт. К тому же человек обычно получает прозвище, которое заслуживает или хочет носить, а остальные не возражают. А Жаба был жадным. И если человек жадный, то ничего ему с собой не поделать.

Как-то еще давно, во втором классе, Жаба пришел домой весь в слезах и стал жаловаться своему отцу Георгию Георгиевичу Полотенцу, что не хочет быть Жабой. Отец ему сказал: «А я вот тобой доволен. Потому что Жабой тебя называют от зависти. А ты вовсе не жадный, а бережливый».

Этим он почти успокоил сына. Чтобы совсем уж его утешить, отец добавил: «Кстати, у меня в школе тоже было прозвище. Как ты думаешь, какое?» «Неужели тоже Жаба?» — обрадовался было сын. «Бери выше, — сказал Георгий Георгиевич, — у меня было прозвище Анаконда».

Итак, справа от Севы сидела Лолита, а слева — Гоша Жаба.

Все приехали в лагерь на автобусах, только Гошу привезли на машине. Но если вы думаете, что остальные лопнули от зависти, а девчонки стали прыгать вокруг Гоши, вы глубоко заблуждаетесь. А Сева слышал, как Майя говорила физкультурнику: «Нет ничего глупее с педагогической точки зрения, чем стараться отделить своего ребенка от коллектива по имущественному признаку». «Смешно другое, — ответил физкультурник Рома, — его отец настолько сам жаба, что не послал ребенка на Канары или на Кипр, а отправил в профсоюзный бесплатный лагерь. Экономия за счет своего дитяти».

Сева сел на место.

— Котлеты остыли, — сказала Лолита — сорок косичек. — Где ты бегал?

Ей все надо знать. Тоже характер!

А Гоша Жаба сказал:

— Ты знаешь, что у тебя два компота?

И в самом деле, перед Севой стояли два стакана с компотом.

— Знаю.

— Наверное, ошибка, да? — сказал Гоша.

На вид Гоша наивный и безопасный. Лицо у него круглое,

очень розовое, будто фарфоровое. Глаза голубые, кукольные, и ресницы длинные, как у девочки. Он похож на мальчика со старинной картинки «Поздравляем с Рождеством!». Вокруг него обязательно должны быть нарисованы розочки. Ростом Гоша невелик, но очень складненький, быстренький и пронырливый. А когда он с тобой разговаривает, то всегда делает вид, что ему твои слова жутко интересны. Все у него чистое и гладкое, он брюки на ночь под матрас кладет, а в шортах или в трусах не ходит, наверное, потому, что мальчики с открыток так не ходили, а носили бант вместо галстука.

— Никакой ошибки, — ответил Сева. — Мне начальник лагеря компот принес, собственными руками, можешь дежурных спросить.

— Как это странно, — сказал Гоша. — Почему же?

— Потому что он мне спор проиграл. Вот и расплачивается. Сто стаканов, принимать после обеда и ужина, с морковкой.

— Ты обжулил взрослого человека? — спросила Лолита — ядовитый язык.

А Сева не успел придумать ответ. Пришлось врать примитивно.

— Простите, господа, — сказал он, — но я дал подписку о неразглашении.

— Шутка, да? — спросил Гоша и склонил голову набок, как добрый цыпленок.

— Нам не до шуток, — сказал Сева и принялся за котлету.

Интересно, подумал он, а на самом деле компот отравлен или нет?

Вообще-то о компоте Сева думал так, между делом. Оставалась основная мысль, что делать с лягушкой? Ведь в тумбочке сидит лягушка с короной на голове и ждет, когда ты ее превратишь в человека.

Котлета с гречневой кашей провалилась в Севу, как в колодец. Он пил компот и заедал хлебом, потому что еще не наелся. Гоша тихонько поднялся, сказал в воздух «спасибо» и ушел, а Лолита цедила компот, как коктейль, через соломинку.

— Слушай, Лолита, — сказал Сева. — Как Царевну-лягушку в человека превратить?

Лолита посмотрела на него непроницаемыми, сверкающими черными глазами и серьезно спросила:

— А жениться ты на ней собираешься?

— Жениться я вообще пока не собираюсь, — честно ответил Сева. — У меня отрицательный жизненный опыт.

— Ребенок рос без отца? — спросила Лолита.

— Сначала-то с отцом, и привык к этому, — признался Сева. — А потом отец от нас ушел.

— А вас много?

— Мать, я и сестра поменьше меня на два года.

— Да, жениться тебе не стоит, — сказала Лолита. — А покажешь лягушку?

— Ты понимаешь, это не очень удобно...

— Не отниму я твою лягушку. Не трепещи.

— Но ты не сказала, — начал было Сева, — как превращать.

— Посмотрю, скажу. Лягушки тоже разные бывают.

— Тебе компота оставить? — великодушно спросил Сева.

— Я лишнего не ем, — сказала Лолита. — Нужно ограничивать себя, а то потом всю жизнь на диете сидеть придется. А ты где ее поймал?

— В болоте, — ответил Сева. — Как обычно.

— Ты хочешь сказать, — Лолита сделала громадные глаза и подняла брови до самых волос, — что это не первая лягушка?

— Первая, — признался Сева. — Иначе бы я не сомневался.

— Но ты точно не будешь жениться?

— А тебе какое дело?

— Потому что вообще-то это сказка для дураков и младенцев. Ты не дурак?

— Нет.

— Значит, врун...

В домике было почти совсем пусто, потому что после ужина все собирались в кино.

Сева открыл ящик тумбочки.

Он немного боялся, что никакой лягушки там не будет и Лолита осмеет его на весь лагерь.

Ничего подобного. Трудно глазам поверить, но в ящике сидела крупная зеленая лягушка с махонькой серебряной короной на голове и смотрела на них.

Некоторые девчонки боятся мышей, пауков, лягушек или крыс, но Лолита ничего не боялась.

Она протянула руку, но лягушка легонько отпрыгнула назад.

— Она у тебя не говорит?

— Если бы говорила, — ответил Сева, — не было бы проблем. Я бы ее спросил.

— О чем?

— О чем? О том, чего ей хочется.

— Я думаю, что ей поесть хочется, — сказала Лолита. — А может быть, поскорей вернуться в болото.

— Сейчас уже почти темно, — сказал Сева. — Куда я ее понесу?

— Надо взять таз с водой, — посоветовала Лолита, — и положить ее в таз. Пускай плавает. Ведь лягушки — водоплавающие.

— Обыкновенные, может, и водоплавающие. Но ведь это волшебная лягушка.

— Савин, не преувеличивай! — воскликнула Лолита. — Волшебных лягушек не бывает.

— А корона?

— Корону ей приделали, — сказала Лолита, — ясно, как водопровод. Неси таз.

— А куда его поставить?

— Поставишь под кроватью, никто туда смотреть не будет.

Они были так заняты разговором, что не заметили, что Гоша Жаба, можно сказать, родственник лягушки, только более жадный, стоит себе в сторонке и слушает. И ничем себя не выдает. Сева задвинул ящик тумбочки.

Лолита с Севой вышли.

Гоша подошел к тумбочке, приоткрыл ее и заглянул осторожно внутрь.

И в самом деле там сидела лягушка в короне.

Гоша стал думать, как этим можно воспользоваться.

А Лолита увидела Ванессу и спросила:

— Люсь, где нам тазик найти?

Лолита никогда не называла Ванессу Ванессой, но та терпела.

— Зачем тазик? — спросила она. — Волосы снова будешь перекрашивать?

— Чепуха, — сказала Лолита, — ты знаешь, что я с такими волосами родилась. Нам лягушку надо спрятать.

— Докатились, — засмеялась Ванесса.

Вообще-то Сева не был доволен тем, что Ванесса тоже узнала про лягушку, и ему хотелось дернуть Лолиту за рукав и попросить не выдавать тайну. Но Ванесса была не просто человек, а очень красивая девушка. Или девочка. Ведь бывают красавицы в четырнадцать лет? Говорят, что Джульетта, из-за которой погиб Ромео, тоже была лет четырнадцати-пятнадцати.

— Все не так просто, — сказала Лолита своим ядовитым языком. — Наш Савин решил жениться на лягушке и нашел невесту, но она не хочет становиться красавицей.

— Опять савинские завирушки! — возмутилась Ванесса. — Таких типов надо изолировать.

— Прежде чем меня изолировать, лучше бы нам помогла, — рассердился Сева. — Неужели у тебя миски нет?

Тут Ванесса, конечно, рассмеялась.

— Не веришь! — обиделся Сева. Конечно, в его возрасте уже не стоит попадаться на такие глупые подначки, но как-то уж все глупо получалось. — Пошли, покажу.

— Подожди, — остановила его Лолита. — Ты о главном, конечно же, забыл.

Она перепрыгнула через клумбу и притащила оттуда оставленную садовником лейку. Большую садовую лейку.

— Ну чем не убежище для нашей принцессы? — спросила она.

— А вода там есть? — спросил Сева.

Лолита передала лейку Севе. Лейка была довольно тяжелая, в ней плескалась вода.

— Пошли, — сказал Сева Ванессе. — Ты такого еще не видала.

— Я в кино собиралась, — сказала Ванесса, — меня Гриша ждет.

Но, конечно же, она побежала в спальню к мальчикам.

Свет в спальне горел, только Гошу не было видно, потому что он стоял за дверью. Он так еще и не придумал, что ему делать. Гоша был всем хорош, но думал он медленно.

— Ну показывай, — сказала Ванесса, — только быстрее, меня Гриша ждет.

Когда тебе второй раз за три минуты говорят про Гришу, настроение не улучшается.

Глава пятая

ОНА ЗНАЕТ ВСЕ О КЛАДАХ

Сева выдвинул ящик из тумбочки, там совершенно спокойно сидела лягушка. Будто ей самой было интересно, чем вся эта история закончится.

Ванесса наклонилась к лягушке, и та неожиданно подняла голову так, что Ванесса отпрыгнула.

— Она шутит, — догадался Сева.

— С ними надо осторожнее, — сказала Ванесса. — Честно говоря, я и не думала, что ты в самом деле поймал Царевну-лягушку.

— Ты лучше скажи человеку, что с ней делать! — воскликнула Лолита.

— Надо ее использовать, — сказала Ванесса.

— Как?

— Попросить ее клад показать.

— А разве лягушки показывают клады?

— Обычные лягушки ничего не показывают, а Царевны-лягушки знают, где лежат заговоренные клады, мне бабушка рассказывала.

Они все втроем смотрели на лягушку, будто ждали, что она кивнет.

Но лягушка не хотела кивать.

— Что надо сделать, чтобы лягушка показала клад? — спросила Лолита.

— Но я же не помню! — ответила Ванесса. — Я тогда еще маленькая была. Она мне сказку рассказывала про лягушку и одного царевича.

Лолита задумалась. Остальные молчали. Лолита сказала:

— Люська, а твоя бабушка живая?

— Что с ней сделается? — удивилась Ванесса. — Она еще меня переживет.

— Это хорошо, — сказала Лолита, — тогда можно ей позвонить.

— А если бы она умерла? — спросила Ванесса.

— Ясное дело, — вмешался Сева, которому было грустно, что девочки совсем о нем забыли, как будто вовсе не он, а они сами нашли лягушку. — Тогда бы пришлось идти на кладбище и творить заклинания, чтобы бабушкино привидение нам помогло. Но привидения иногда не хотят помогать, даже своим внучкам.

— Савин, прекрати свои глупости! — прикрикнула на него Лолита. — Пересаживай лягушку в лейку, и пойдем звонить Люськиной бабушке.

Сева взял лягушку, он к ней уже привык, будто всю жизнь на ладони носил, и осторожно переложил ее в лейку. Там, в глубине, булькнуло.

— А что, — сказал он, — так лучше, чем в миске. Никто ее не увидит.

Гоша, который все это слышал, выскользнул в открытую дверь. Все были так заняты лягушкой, что его и не заметили. Он встал неподалеку, в тени. Ему тоже очень хотелось узнать, что скажет им бабушка Ванессы.

Фонари уже горели, но небо еще было светлым, хотя солнце село. В одной стороне неба перемигивались звезды, а на другой догорали краски заката. От столовой, в которой убирали столы и ставили рядами стулья, чтобы получился кинозал, доносился шум многих голосов.

— У меня дома мобильник есть, — сказала Лолита, — только сюда я его не взяла. Сами понимаете.

— Сами понимаем, — ответила Ванесса, — тебе звонить некому.

Лолита фыркнула, как разозленная кошка, но Сева не дал разгореться ссоре, а спросил:

— У кого попросить?

— Вообще-то мобильник у Гриши Сумского есть, — сказала Ванесса, — но он меня в кино ждет...

— Давай проберемся в дирекцию, — сказал Сева. — Или в медпункт. И оттуда позвоним.

— Все уже заперто, — вздохнула Лолита. — Думайте, друзья, думайте мозгами!

И тут к ним подошел Гоша Жаба. Он стоял у фонарного столба и был не виден, так что появился неожиданно. И совсем уж неожиданно сказал:

— Я тут услышал, что вам мобильник нужен. У меня есть.

— Спасибо! — сразу ответила Ванесса и протянула руку за мобильником.

— Что-то ты такой добрый? — спросила Лолита.

— Я слышу, что вам нужно, а у меня есть...

Можно было подумать, что Гоша дурак или в самом деле добрый. Но хитрости в его голосе не было.

— А что мы будем тебе должны? — спросил Сева.

— Вы мне скажете спасибо, — ответил Гоша. — Я хочу с вами дружить.

— Давай сюда мобильник, — повторила Ванесса.

Она привыкла всем нравиться. А раз она нравилась, то люди для нее делали всякие вещи специально, чтобы ее порадовать. И без очереди пропускали, и удобное место отдавали, и оказывали всякие любезности.

Гоша достал мобильник — он у него был в заднем кармане джинсов.

— Не подслушивай! — приказала ему Ванесса.

Лейка стояла на земле между ними, Гоша поглядывал на нее, но не часто. Сева чувствовал: что-то здесь не так, но объяснить не мог.

Ванесса набрала номер и отошла с мобильником в сторону. Но все равно было слышно, о чем она разговаривает.

— Бабуля, — запела она медовым голоском любящей внучки, которой нужно стрельнуть у бабушки десятку. — Как ты себя чувствуешь? А как твой радикулит? Нет, мне ничего не нужно, у меня все в порядке. И погода хорошая. Спасибо, бабуля... А что я звоню? Проведать тебя звоню... Да, кстати, я хотела спросить, помнишь, ты мне когда-то давно рассказывала сказку про Царевну-лягушку? Помнишь? Нет, не ту, где она за Ивана-дурака замуж выходит, а где она умеет клады показывать, помнишь? Зачем? У нас постановка, в драмкружке, а я играю Царевну-лягушку. Как? Нет, ты подробнее вспомни, что надо конкретно делать? Бабушка, я тебя не понимаю, что у тебя, память отшибло? Ну смотри у меня!.. Шучу, шучу. Значит, ты утверждаешь, что...

Тут взгляд Ванессы упал на Гошу, который переминался с ноги на ногу и ловил каждое ее слово.

— Все, — сказала Ванесса. — Я поняла. Привет, не болей.

Она отдала телефон Гоше и сказала:

— Спасибо, за мной не заржавеет.

— А что бабушка сказала? — спросил он.

— Бабушка велела поцеловать лягушку в самый носик. А ты о чем спрашиваешь?

— Я? Ни о чем. Просто интересуюсь.

Ванесса подхватила лейку и пошла по дорожке.

Гоша остался стоять на месте, а Сева с Лолитой поспешили за Ванессой.

Когда они отошли метров на сто и остановились около приземистого кирпичного здания склада, Ванесса огляделась.

В сумерках казалось, что за каждым деревом, за каждым углом кто-то притаился.

— Вроде все чисто, — сказала она.

— Ну, что бабушка сказала? — спросил Сева.

— К сожалению, ничего толкового, — ответила Ванесса. — Она сказала, что лягушку надо мучить, пытать, что по доброй воле она никакого клада не покажет. А если почувствует, что ее смерть идет, то тогда, может, и признается.

— Нет, — сказал Сева, — так у нас не пойдет.

— Конечно, не пойдет, — согласилась Лолита. — Так и быть, женись на ней.

— Мы пока лейку у нас в спальне поставим, — сказала Ванесса.

— Почему?

— Потому что у вас кто-нибудь обязательно ее опрокинет или Гоша начнет ее допрашивать.

— К счастью, он ничего не слышал, — сказал Сева.

— Может, зря мы так к нему относимся, как к жабе? — сказала Лолита. — У него тоже бывают движения души.

— Если у него есть душа, — добавил Сева.

Вся история с мобильником ему не очень понравилась.

— Может, отпустим ее? — спросил он.

— Глупости, — сказала Ванесса. — Мы ее, конечно, мучить не собираемся, но лучше, если завтра с утра мы с ней серьезно поговорим. Она же сама к тебе, Сева, напросилась.

— Хорошо, — согласился Сева.

Конечно, в спальне у девочек, где никто не знает о разумной лягушке, безопаснее... А с чего он решил, что лягушка разумная?

— Ну мы пошли, — сказала Ванесса, — может, еще в кино успеем, ко второй части.

— Тогда я вам места займу в зале, — сказал Сева.

Во всей этой истории был плюс — все же его отношения с девочками изменились. Теперь он для них не чужой.

— Мы придем через пять минут, — сказала Лолита.

Глава шестая

СПАСИТЕ ЦАРЕВНУ!

Девочки вернулись через пять минут, как и обещали. Сева принес стулья и поставил их, правда в последнем ряду, но ведь кино уже началось. Шел фильм из «Звездных войн», где Гиннес сражается на световых мечах, все его видели тысячу раз, но в лагере любой фильм смотрится иначе. Даже «Три поросенка» покажутся боевиком.

Сева сначала не хотел смотреть, а думал о лягушке. Во всей этой истории печально то, что он принес лягушку, чтобы она превратилась в царевну, а все остальные, в смысле Лолита и Ванесса, думали только о кладах и сокровищах. Правда, к счастью, они довольно легкомысленные и не стали сразу допрашивать лягушку, а отложили разговоры с ней на утро. Если бы были жадные, то наверняка бы не утерпели.

Может, лучше забрать лейку с лягушкой к себе или отнести ее в лес, а то вдруг кто-нибудь в женской спальне заглянет в лейку и удивится, а то просто вынесет лейку и выльет воду. Тут прилетит сова и схватит лягушку...

Сева так ясно увидел эту страшную картинку, что хотел было выскочить из столовой, чтобы спасать лягушку.

— Ты что? — прошептала Лолита, которая все видит, даже когда не смотрит.

— Погулять хотел.

— Когда люди смотрят «Звездные войны», — сказала Лолита, — они не гуляют, а если они боятся, что их прекрасную лягушку кто-то склюет, то они дураки. Ни одна ворона в лейку не залезет, и другого такого безопасного убежища для лягушки не найдешь.

— Потише, — прошипела Ванесса, которая обладала счастливым свойством: сколько бы раз она ни смотрела картину, каждый раз для нее был самым первым. Она начисто забывала, что там происходило в прошлый раз. — Принцессу жалко.

И все же Сева не выдержал. Все равно кино уже кончалось, Люк перетащил принцессу на свой корабль, и они прорывались к ее планете.

— Наши победят, — сказал он Ванессе.

Она только отмахнулась.

Пригнувшись, Сева побежал к задней двери.

Снаружи стало совсем темно, но взошла луна, и фонари горели ярче, чем в сумерках.

Сева добежал до женского домика, но не вошел, потому что сообразил: сейчас уже поздно, кто-то из девчонок наверняка лег спать и, если он сейчас заберется к ним, такой визг поднимется, что весь лагерь сбежится и Севу наверняка вышибут из лагеря за хулиганство.

Он остановился возле дверей в домик. Сквозь щель приоткрытой двери пробивался свет, изнутри доносились голоса.

Может, постучать и попросить вынести лейку? Но он даже не спросил, где они ту лейку поставили. Не будут же для Севы ее искать по всей большой комнате!

Что ж, решил тогда Сева. Он останется здесь у выхода из домика и подождет, пока кончится кино и придет Лолита. Зато он будет уверен, что никто не возьмет лейку и не унесет ее.

Успокоив себя, Сева стал искать, где бы присесть.

Обернулся вокруг своей оси, как собака, которая ловит свой хвост, и тут увидел...

Это был один из самых ужасных моментов в жизни Севы Савина!

Большая зеленая лейка, размером с ведро, валялась на боку на клумбе.

Сева даже ни на секунду не усомнился в том, что это та самая лейка!

В странной и глупой надежде на то, что произошла случайность и кто-то из девочек, увидев лейку в спальне, вынес ее, Сева сунул руку внутрь лейки.

Там было сыро, но вода уже вытекла. И, конечно, лягушки там не оказалось. «Ускакала моя лягушка», — сказал себе Сева, хотя сам в это не поверил.

Он понимал, всей шкурой чувствовал, что лейку вынесли из спальни те, кто знал о лягушке...

Но кто? Нет же такого человека! Только девочки знают, но они точно сидят в кино.

Может, лягушка ускакала и сидит где-то рядом?

А фонарика нет.

— Лягушка, — прошептал Сева. — Ты где?

«Она же молчит, она не разговаривает. На что я надеюсь?»

И тут ему показалось, что он слышит голос. Не просто голос, а подозрительный голос. Сева был взволнован и напряжен, словно натянутая рогатка. Тысяча шумов, шорохов, шуршаний, голосов жили в вечернем воздухе, но лишь один возглас показался ему странным и подозрительным.

Сева кинулся в ту сторону.

Пробежав несколько шагов, Сева замер, снова прислушиваясь, чтобы понять, куда двигаться дальше.

Потом понял, откуда доносится голос.

За спортивной площадкой был бассейн. Он был старый, как сам лагерь, и трубы в нем проржавели, поэтому воду туда не напускали. А начальник лагеря говорил Майе, что на той неделе приедут специалисты по бассейнам и будут решать, как его приводить в порядок.

Бассейн был бетонный, бетон кое-где потрескался, а на трехметровой вышке, от которой остался только железный скелет, на всякий случай горел большой фонарь. Уж очень эта пропасть была соблазнительной для таинственных дел.

Сева выбежал на край бассейна.

И увидел, что на дне сидят на корточках два человека, а между ними лежит кусок фанеры. К фанере что-то прикреплено...

Налетал ветер, фонарь на вышке раскачивался, и тени от людей метались по бассейну — совершенно не разберешь, что там происходит.

Дно бассейна полого спускалось к вышке, где была яма, чтобы прыгуны, ныряючи, не наставили себе шишек. Там и возились люди.

Сева соскочил с бортика и пошел на цыпочках к яме. Дно было замусоренным и кое-где скользким.

И когда до цели оставалось шагов десять, Сева все понял и замер.

Спиной к нему на корточках сидел Гоша Жаба, рядом с ним — Гриша Сумской. К фанерке была привязана царевна-лягушка, причем так, что ее лапы были растянуты в стороны, как растягивают баранью шкуру, чтобы просушить, или как распяли на косом кресте святого Андрея Первозванного. А если бы на лягушку посмотрел дедушка Севы, он бы решил, что попал на урок биологии. Когда-то в школе на живых лягушках учили рефлексы, условные и безусловные, и лягушек замучивали до смерти.

Свет фонаря упал на лягушку, и Сева успел увидеть, что коронки на ее голове нет — вместо нее кровавая ранка.

И тут Гоша воткнул острие перочинного ножа, хорошего швейцарского ножа с двадцатью лезвиями, которым хвастался еще утром, в лапку лягушки и вежливо спросил:

— Не беспокоит, ваше высочество?

— Ну, ты даешь! — воскликнул Гриша Сумской.

Именно этот голос и услышал Сева издали.

И Гриша довольно глупо рассмеялся.

— Ну давай же, признавайся! — Гоша полоснул своим ножичком по груди лягушки. Она сжалась судорогой и даже пискнула — а может, Севе это показалось, потому что он почувствовал, как больно маленькой лягушке под этим жестоким ножом.

— Не убей ее! — предупредил Гошу Сумской.

— А я ее убью! Убью, гадюку! Почему она молчит? Она должна признаться. Она же знает. Я ей сейчас глаз выколю!.. Ну, где здесь шило?

— Дурак ты, Гоша, — сказал разумный Гриша Сумской. — Замучаешь лягушку, останемся без клада. С одной короной.

— Корона тоже денег стоит! — сказал Гоша. — Я же смотрел. В ней бриллианты.

— Бриллианты, только для муравьев.

— Вот шило! — Гоша показал шило распятой лягушке и сказал: — Сейчас ты потеряешь глаз. Только из-за своей проклятой жадности. На что тебе бабки, тварь земноводная? Глаза дороже! С какого начать, с правого или левого?

И когда Гоша наставил шило на глаз лягушки, Сева не выдержал.

Он перестал рассуждать, а кинулся вниз, в яму.

— Убью! — кричал он. — Убью!

Конечно же, он поскользнулся, шлепнулся задом на гнилые листья и поехал, как с горки, набирая скорость.

Гоша с Гришей вскочили, обернулись, испугались и хотели было бежать, но сначала не сообразили куда, а потом Гоша понял, в чем дело, и выставил вперед нож.

— Это Савин! — закричал он. — Это Севка Савин! Не бойся, Гришка!

Но Сева даже не слышал этих слов. У него была одна цель — фанерка с распятой лягушкой, и прежде чем что-либо еще случилось, он на лету дотянулся до фанерки и изо всех сил выкинул ее наверх, прочь из бассейна.

И в следующее мгновение на него накинулись сразу два врага.

Сильный и большой Гриша принялся молотить Севу кулаками, а Гоша сначала полоснул его по руке перочинным ножиком, а потом рванулся было наверх, за лягушкой, но Сева успел схватить его за ногу и дернуть к себе. Гоша грохнулся на бетон, как раз под ноги Сумскому, который тоже не удержался и упал на дно бассейна, хотя не переставал при этом молотить Севу.

Сева не чувствовал боли, а ему было радостно — лягушка спасена! Он закрывался от ударов, пытался отбиваться — хотя вряд ли у него были какие-нибудь шансы в сражении с Гришей Сумским и с Гошей, который хоть и не был великим бойцом, но был очень злым, и у него был ножик. Вообще-то, как вы знаете, если ребята дерутся, то ножи они не достают — это бандитское дело,

но Гоша не знал ни чести, ни законов — он был очень злой от постоянной жадности, которая грызла его, как крыса.

Сева понимал — надо кричать или убегать.

Глава седьмая

ПРЕВРАЩЕНИЕ ЛЯГУШКИ

Сева не мог кричать — даже в такой момент кричать было стыдно.

— А ну, прекратить! — раздался сверху голос. — Двое на одного! Сейчас у меня из лагеря вылетите!

И голос был такой начальственный, что Гриша тут же отпустил Севу и отпрыгнул в сторону. Он был сильный, но очень разумный и всегда рассчитывал, что ему выгодно, а что не очень.

Зато Гоша озверел и остановиться не мог.

Но при этом он соображал, что лучше быть невиноватым. Поэтому он продолжал нападать на Севу, но кричал:

— Это он на нас напал! Это Савин виноват! Это все Савин!

— Сколько раз повторять? — произнес голос вверху.

И тогда Гоша все-таки отпустил Севу и побежал наверх. Он скользил по гнилым листьям и банкам от пепси, но карабкался следом за Гришей.

Сева сидел на дне бассейна. У него звенело в ушах и рукам было больно.

Лолита прыгнула с борта к Севе. И это был, скажу я вам, прыжок!

Как минимум три метра! Косички разлетелись кругом — как спицы велосипедного колеса.

Она легко поднялась.

А Ванесса уселась на бортик, свесив ноги.

Лолита сказала:

— Ты сошел с ума! У тебя все руки в крови! Ты что, за бритву хватался?

— За ножик, — ответил Сева. — У него был ножик, и он им пытал лягушку.

— Ты что говоришь? — спросила сверху Ванесса, болтая ногами. — Зачем Гоше Жабе пытать лягушку?

Но Лолита уже догадалась.

— Это я виновата, — сказала она и достала из кармана шортов носовой платок. — Я же забыла, что он мне хвастался. У него сотовый с магнитофоном. Он разговоры записывает. Значит, он твой, Люська, разговор с бабушкой записал.

— И понял, что нужно самому лягушку допрашивать, да?

— Все понял и лягушку утащил... как все просто, если ты идиотка.

— Ну ко мне, по крайней мере, это не относится, — сказала Ванесса. — И попрошу меня не называть Люськой. Ты же знаешь, что я этого не выношу. Я же тебя Дашкой не обзываю.

Лолита только отмахнулась и спросила Севу:

— А где лягушка? Они ее убили?

— Нет, я ее отбросил — туда.

Ванесса обернулась.

— Никого не видно. Прости-прощай наша лягушечка, обойдемся без кладов.

— Главное, что она жива.

— Главное, — сказала Ванесса, — что ты, Савин, не смог с Гошей справиться. А еще мячом кого хочешь на месте убиваешь!

— У него был нож! — сказала Лолита. — Неужели ты не понимаешь, что Гоша Жаба настоящий бандит?

— Он был не один, — сказал Сева. Он вытирал царапины и порезы, но кровь все равно сочилась. — С ним был Гришка Сумской.

— Ну уж это ты не придумывай! — обиделась Ванесса. — Гриша случайно там оказался.

— Видно, ему сокровище понадобилось.

— Зачем?

— Чтобы к твоим ногам положить.

Ванесса не поняла иронии и всерьез ответила:

— Я бы не взяла такое сокровище. Особенно если бы они тебя убили.

— Люська, ты чудо простоты, — сказала Лолита. — А тебе, Сева, надо срочно в медпункт. Ты заработаешь заражение крови, это я тебе гарантирую. Ой, у тебя и на щеке порезано!

Руки и разрезанную щеку щипало жутко. Но в медпункт Севе не хотелось. Надо объяснять, почему он дрался и с кем... Потом все скажут, что он доносчик. Нет...

— Нет, — произнес он. — Мне надо сначала лягушку найти.

— Ты же ее выкинул?

— Она была привязана... или приколота к листу фанеры.

— Сейчас посмотрю, — сказала сверху Ванесса.

— Нет, я сам!

Сева вырвался от Лолиты, которая ему вытирала кровь со щеки, и побежал к лесенке.

Как больно! Но нельзя показывать! Они ему, наверное, все ребра поломали!

Особенно больно было подниматься по лесенке.

Ему казалось, что сейчас руки откажут и он грохнется обратно в бассейн.

Нет, нельзя показывать свою слабость. Сзади стоит Лолита, ей бы только заботиться о ком-нибудь! Бывают же такие женщины. И почему только ее Лолитой прозвали?

Сева поднялся по лесенке, но когда пришлось перебираться на борт бассейна, стало так больно, что он замер с поднятой ногой. Наверное, это было глупое зрелище.

— Нет нигде твоей лягушки, — сказала Ванесса. — Ускакала помирать в кусты. Как говорит моя бабушка: «Финита ля комедия».

— Все, хватит, идем в медпункт, — сказала сзади Лолита. — Или я позову медсестру сюда.

— Не надо, — раздался незнакомый голос. Сразу и голос девочки, и голос взрослой девушки.

По ту сторону клумбы стояла Царевна-лягушка.

Никто Севу не предупреждал, какие бывают лягушки, когда становятся царевнами, но он просто знал об этом, это было так же очевидно, как солнце и звезды.

— А мне уже и не больно, — сказал Сева.

Он старался, чтобы его голос не дрожал, а он все равно дрожал от волнения.

— Ты кто такая? — спросила Ванесса.

Хотя, конечно же, спрашивать было излишне.

Царевна была одета обыкновенно. Только платье было длинным, почти до пола, такие у нас не носят. И золотистые волосы, конечно, по плечам, как водопадики. Очень приятная царевна. И, наверное, ее можно было принять на улице за обыкновенную девушку, если бы не глаза. Они светились чуть-чуть, но достаточно, чтобы понять, какого они бирюзового цвета. А когда она говорила, из них вылетали смешинки.

— Спасибо, Сева, — сказала царевна. — Нам, лягушкам, обычно не везет на рыцарей.

— Он тебя ножиком резал! — сказал Сева.

— У лягушек это быстро заживает, — сказала царевна. — Как и на тебе.

— Ему надо в медпункт, — упрямо сказала Лолита.

— У меня с собой есть целебная мазь, — ответила лягушка. — Да и не стоит так поздно беспокоить медсестру, она сейчас с поварихами играет в подкидного дурака.

— Скажи ему, — вмешалась Ванесса, — что Гриша тут ни при чем.

— Да, кстати, — сказала царевна. — Возьми, Ванесса, у Гриши Сумского мою корону. Она, конечно, маленькая и не очень

ценная, но мне ее мама на день рождения подарила. Я думаю, что он не посмеет тебе отказать.

«Как тебе не стыдно!» — хотела было обидеться Ванесса, потом сообразила, что лучше не обижаться.

Она сказала:

— Ладно.

Как будто сделала всем одолжение.

— Спокойной ночи, Лолита, — сказала Царевна-лягушка. — Спасибо тебе, что ты так позаботилась о Севе. Его раны почти зажили.

— И все же, — сказала упрямая Лолита, — я считаю, что в двадцать первом веке всегда полезнее пойти в медпункт, чем лечиться так называемыми волшебными средствами. У всяких знахарей...

А так как ей никто не ответил, то она резко повернулась и ушла следом за Ванессой.

Зашумели голоса, захлопали двери, послышался смех. Это кончилось кино. И все расходились по домикам.

— Пошли со мной, — сказала царевна.

Она шагнула прямо в кусты, и кусты расступились перед ней.

Сева шел за ней, и за его спиной кусты беззвучно смыкались.

Они вышли на небольшую полянку, ярко освещенную лунным светом. Сева никак не мог сообразить, где в лагере прячется такая полянка.

Посреди полянки стоял небольшой столик на тонких гнутых ножках.

На столе были банки и баночки старинного вида.

— Снимай футболку, — сказала царевна, — все равно она у тебя рваная.

Она взяла футболку Севы и кинула ее в кусты.

Там в кустах зашуршало. Захлопотали чьи-то ножки и ручки.

Зашептались голоса.

Царевна взяла со стола флакон и налила из него себе на ладонь густой, как сметана, мази.

— Подставляй физиономию, — сказала она.

И тут Сева вдруг понял, что она только кажется его ровесницей, а в самом деле она постарше. Ей лет шестнадцать.

Нежной рукой, тонкими пальцами царевна стала втирать мазь в щеку Севе, потом в плечо, потом смазала порезанные руки.

— До свадьбы заживет, — сказала она, — бери футболку.

Целая, чистая футболка лежала на траве у Севиных ног.

— И что теперь будет? — спросил Сева.

Царевна засмеялась.

— Правильный вопрос. Я бы то же самое спросила.

Она потянулась, как со сна, и взбила обеими руками свои длинные волосы.

— Ох и устала же я сегодня, — сказала она. — То в тумбочке, то в лейке, а то тебя пытают, как Муция Сцеволу. Ты, конечно, болел, когда в школе проходили про Муция Сцеволу?

— Точно, болел.

— Посмотришь в истории Древнего Рима. Главное то, Всеволод Савин, что ты прошел испытание. И отныне твоя жизнь будет очень интересной, но трудной и опасной. Тебя это не смущает?

— Ни в коем случае! — воскликнул Сева.

— Мы знали, что ты выдумщик, авантюрист, порой не самый храбрый и точно уж не самый сильный из ребят города Москвы. Но в тебе были качества, очень нам нужные. Поэтому пришлось устроить тебе испытание.

— Это было испытание?

— Да, и не обижайся. Нам нужно было понять, верен ли ты друзьям, способен ли забыть о себе, когда надо помочь слабому, хороший ли ты человек.

— Самый обыкновенный, — признался Сева. — А кто вы такие?

— Мы — жители мира сказок. Мы спасатели легенд. Мы затеяли великую эпопею, но нам нужны союзники среди людей.

— И что же вы затеяли?

— Мы поговорим с тобой, когда ты отдохнешь и когда нам понадобится твоя помощь.

— Какая помощь?

— Мы будем строить убежище для жителей сказочного мира, которым некуда деться среди людей, машин и денег. Без твоей помощи нам не справиться.

— Я согласен, царевна, — сказал Сева. — Что надо делать?

— Пока что надо идти спать, потому что вот-вот будет отбой. Пока что надо молчать о нашем с тобой разговоре. Пока что надо ждать. Спокойной ночи, мой Иванушка!

— Спокойной ночи, Царевна-лягушка, — ответил Сева.

— До встречи, — сказала Царевна-лягушка и вдруг растворилась в ночном воздухе, наполненном светом луны и звезд.

Шлеп!

У ног Севы сидела лягушка.

Без короны. На голове темный шрам.

Лягушка прыгнула и в одно мгновение скрылась в кустах. Только листья зашуршали.

Глава восьмая

ЗВОНОК ИЗ ЛАГЕРЯ

В обширный, как хоккейный стадион, скромно и без вкуса обставленный кабинет Георгия Георгиевича Полотенца, президента Международного унитарного фонда развития (МУФР), без стука вошла Элина Виленовна, секретарь Георгия Георгиевича и всего МУФРа в целом.

Была Элина Виленовна сказочно красива, как девушка-спортсменка со старого плаката. Ее пшеничные кудри рассыпались по широким плечам пловчихи, лицо несло на себе следы загара Сейшельских островов, а дробная быстрая походка была точно такой же, как у ее любимого жеребца Добриона, на котором она возвращалась домой, если на улицах были пробки и ее машина была вынуждена в них задерживаться.

— Совещание в три тридцать, как объявлено? — спросила Элина Виленовна.

— Разумеется, — ответил Георгий Георгиевич, не поднимаясь из кресла.

Он не любил стоять рядом с Элиной Виленовной, потому что она была выше его на голову, а может, и на две головы, а ее ноги начинались там, где у него была толстая шея.

Элина Виленовна была подчиненной Георгия Георгиевича и должна была ему во всем подчиняться, потому что он мог запросто выгнать ее с работы, но на самом деле Георгий Георгиевич очень боялся, что она сама от него уйдет.

— Чай, кофе? — спросила Элина Виленовна.

— Вы же знаете, — сказал Георгий Георгиевич. — Ти фор ту.

Что означает — чай для двоих.

Элина Виленовна не удивилась, а щелкнула пальцами — это она умела, и на журнальном столике в углу кабинета появился поднос с японским чайником, маленькими чашечками и любимым печеньем Георгия Георгиевича — птифур.

Они уселись за столик напротив друг друга, и Георгий Георгиевич стал рассматривать ноги Элины Виленовны, которые напоминали о том, что она мастер спорта и чемпион Белгородской области *по прыжкам в высоту*.

— Что тебя печалит? — спросила Элина Виленовна голосом нежного друга и доверенного лица.

— Я почти разорен, — искренне ответил Георгий Георгиевич. — За ближайшую неделю мне надо собрать пятьдесят семь миллионов долларов.

— Пятьдесят семь миллионов, — задумчиво повторила Элина Виленовна. — Немалые деньги. Я подумаю.

И тут раздался телефонный звонок.

Зазвонил секретный аппарат. Личной связи.

— Мой мальчик, — прошептал Георгий Георгиевич.

Георгий Георгиевич был недобрым человеком, эгоистом и хамом. И на самом деле на всем белом свете он любил только своего сына и наследника Гошу. Ради него трудились все колесики мозга Георгия Георгиевича, и к нему сходились заботы многих подчиненных Полотенца. Любые сомнения в гениальности мальчика пресекались на корню. Даже собственную жену Аглаю, на которой он женился по душевной склонности, потому что она обещала родить ему такого же богатырчика, как он сам, он разлюбил за неосторожную фразу. Когда она родила мальчика, уже в три дня удивительно похожего на своего отца, Георгий Георгиевич пришел к ней в отдельную палату на специальном этаже с букетом цветов. Он поздравил ее, вручил ценный подарок в виде серебряной цепочки на шею и сказал:

— Спасибо тебе за Георгия.

— Послушай, Гоша, — возразила Аглая, — может, хватит в нашем семействе Георгиев? Николай — тоже хорошее имя.

Без слова муж повернулся и покинул палату, прихватив с собой ценный подарок. С тех пор он жену Аглаю не любил. Хотя мальчика, конечно же, назвали Георгием, Георгием Георгиевичем Полотенцем, будущим президентом и мультимиллионером. *И чтобы стать таким, как объяснил ему папа, он должен будет* учиться, учиться и еще раз учиться. А если списывать, то так, чтобы ни одна сволочь не заметила.

Этот совет Гоша усвоил и в школе считался если не отличником, то хорошим учеником. И почему такому вежливому мальчику не поставить лишнюю пятерку? Зато к празднику Восьмого марта его папа, тоже очень вежливый, обязательно подарит что-то небольшое, но приятное.

И вот раздался телефонный звонок.

Элина Виленовна вскочила и хотела покинуть кабинет, но Георгий Георгиевич, поднимая трубку, произнес:

— Оставайтесь, у меня от вас секретов нет.

Это было неправдой, потому что у Георгия Георгиевича были секреты от всех, даже от себя самого.

— Папочка, — раздался в тишине гулкого кабинета голос Гоши.

На экранчике видеофона появилась его физиономия.

— Спасибо, что ты позвонил мне, — сказал Георгий Георгиевич. — Все ли у тебя в порядке? Уважают ли тебя товарищи?

— Папа, — сказал Гоша, — у нас случилось странное происшествие, и я хочу с тобой посоветоваться.

— Молодец, — сказал папа. — Я никогда не оставлю тебя своими советами.

— Один мальчик в нашем отряде нашел лягушку с короной на голове.

— Уродка, что ли? — спросил Георгий Георгиевич.

Элина Виленовна постучала кровавыми ногтями по столику.

Георгий Георгиевич откликнулся на постук и увидел, что его секретарша хмурит соболиные брови. И сразу задал вопрос:

— Что еще особенного в лягушке?

— Мы коронку с нее сорвали и стали выпытывать, где лежит клад.

— Почему возникло подобное подозрение? — спросил Георгий Георгиевич.

— Разговор с бабкой подслушали.

И Гоша изложил события, правдиво, только собственную роль чуть приукрасил. Все-таки мальчик, надо понимать.

— Что за коронка? — спросил Георгий Георгиевич.

— Из камушков, блестящая, ее Гриша Сумской взял.

— А ты отдал?

— Я добрый, папочка, мне часто за это приходится расплачиваться.

— Да, ты добрый!

Георгий Георгиевич слушал голос сына, и у него в животе щекотало от счастья.

Все в мире уравновешено. Если на одной чашке весов лежит любовь к сыну Гоше, то чаще всего на другой чашке находится нелюбовь к другим мальчикам. Если в Индии идет дождь, то в Исландии наступает засуха.

— Что нам теперь делать, папочка? — спросил Гоша.

Элина Виленовна быстро нацарапала на столике светящуюся надпись: «ДОСТАТЬ КОРОНУ».

Георгий Георгиевич проглотил слюну, провел свободной рукой по лбу и опомнился. Нельзя, чтобы любовь к мальчику отвлекала от важных дел. Спасибо Элиночке, что никогда не забывает об интересах Фонда.

— Слушай меня внимательно, — сказал папа. — Пойди к своему приятелю и вели ему возвратить корону.

— А если он не захочет? — спросил Гоша.

— Как так не захочет?

— Потому что он сильнее меня.

— Как он смеет! — воскликнул Георгий Георгиевич. — Он у меня тут же вылетит из лагеря!

Элина Виленовна положила кончики длинных пальцев, укра-

шенных кровавыми ногтями, на руку своему шефу, и тот снова опомнился.

Вздохнул и продолжал:

— Засвечиваться тебе нельзя. Предложи деньги, соблазни чем-нибудь, но шума не поднимай. Если возникнут сложности, немедленно отбей мне тревогу. Тебе понятно, солнышко?

— Будет сделано, папа, — ответил Гоша, который тоже любил своего папу. Правда, он любил и свою маму, но куда меньше, потому что мама все время приставала со всякими глупыми советами и велела чистить зубы. Иногда Гоша даже лелеял злобную мыслишку: вот не было бы мамы, не надо было бы мыть руки, чистить зубы, есть манную кашу и говорить «спасибо». Но понимал, что всегда кто-нибудь в его жизни будет ему приказывать. Так уж лучше мама, чем какая-нибудь Элина.

Когда Гоша отключился, Георгий Георгиевич спросил Элину Виленовну:

— Ты чего сигнализировала?

— Ты не представляешь, на какой след мы вышли, — прошептала она. — Рехнешься, когда узнаешь.

— Говори.

— Не кабинетный разговор.

— Выйдем.

В шкафу за спиной Георгия Георгиевича умещался небольшой лифт на двоих. Стоять в нем можно было только прижавшись. Георгий Георгиевич уткнулся носом в живот секретарши, а она поглаживала ему затылочек. Георгию Георгиевичу было щекотно и сладко.

Лифт поднял их в зимний сад, на крышу здания МУФРа, откуда открывался вид на площадь Белорусского вокзала.

Там воняло бензином, стоял шум и треск от машин, толпившихся внизу, рядом ревела потоками автомобилей Тверская улица. Площадка зимнего сада была огорожена железным забором, покрашенным в ржавый цвет, чтобы снаружи не догадались, какое богатое учреждение таится в здании между Третьей и Четвертой Брестскими улицами.

— Надо отсюда переезжать, — сказал Георгий Георгиевич. — А то отравимся.

— Нельзя переезжать, — возразила Элина Виленовна. — Зато здесь нам никто не завидует. Думают, что мы еле-еле концы сводим.

— Докладывай. — Георгий Георгиевич не любил разговоров на неприятные темы. Он хотел, чтобы вокруг все были довольны, а он счастлив.

— Это она, — сказала Элина Виленовна. — Из породы Василисы Прекрасной. Слыхали?

— Что-то в детстве мне говорили, — согласился Георгий Георгиевич. — Напомни.

Надо сказать, что сказок Георгий Георгиевич не выносил. Там все были богатыри и рыцари. А толстому мальчику небольшого роста даже в дураках места не находилось.

— Это Царевна-лягушка. Их и раньше было немного, а в наши дни, по моему мнению, они вымерли окончательно. Оказывается, одна осталась. Сидит в болоте, отличается от обычных лягушек только бриллиантовой короной на голове, но если ее отыщет добрый молодец, она превращается в царевну.

— И что же?

— А то, что может стать женой доброго молодца и дать ему полцарства.

— И у моего Гоши есть шанс? — обрадовался Георгий Георгиевич.

— Не он нашел царевну... нет, не он... — Элина Виленовна задумалась, потом потрепала своего шефа по пухлой, в красных жилках щеке и добавила: — И вообще, мне вся эта история не очень нравится. Похоже на инсценировку. И лягушка не настоящая, и принцесса не та. Надо проверить корону. Если она из стекла, а тем более фабричной работы, значит, они нас разыгрывают. Но если корона настоящая, значит, есть шансы.

Георгий Георгиевич понял далеко не все. Поэтому спросил свою секретаршу:

— Элина, скажи искренне, этот случай может быть связан с нашими планами?

— На это я надеюсь, — сказала Элина, — и от этого трепещу.

— Значит? — прошептал с надеждой ее шеф.

Элина отогнала осу, которая вертелась рядом, и крикнула ей вслед:

— Лучше не возвращайся!

— А я все слышала! — завизжала оса издали.

— Нигде покоя нет, — вздохнула Элина.

— Враги или конкуренты? — спросил Георгий Георгиевич.

— Конкуренты, — ответила Элина и продолжала: — Эту корону надо добыть, чего бы нам это ни стоило. И ваш мальчик этого не сможет сделать.

— Мой Гоша? — Георгий Георгиевич хотел было рассердиться, но вспомнил, как он любит своего сына и поэтому хочет ему безопасного счастья. Поэтому он сказал: — Высылай ему подмогу. Можешь взять мой вертолет.

— На электричке надежней, — сказала Элина.

— На вертолете скорей. И научись, наконец, подчиняться!

— Слушаюсь, шеф, — проворковала Элина.

А когда Георгий Георгиевич первым пошел к лифту, она спросила вслед:

— Хотите послушать идею, как добыть завтра же пятьдесят семь миллионов долларов?

— Хочу, — сказал Георгий. — Если это, конечно, законный путь.

— От тебя, кролик, то есть от вас, шеф, зависит, будет он законным или преступным. Но говорить будем не здесь, где нас уже засекли, а в комнате матери и ребенка на вокзале.

— Пошли!

— Сначала надо послать помощь к вашему Гоше. Кто пойдет?

Георгий Георгиевич не ответил, он только склонил голову в знак согласия. Они уже решили этот вопрос с Элиной без лишних слов.

И, войдя в свой кабинет, Георгий Георгиевич нажал на кнопку на столе и сказал:

— Ванюша, зайди к Элине Виленовне, она изложит тебе детали.

Глава девятая

СУДЬБА АЛМАЗНОЙ КОРОНЫ

Ах, как была права Элина Виленовна! Не подвела ее интуиция.

У Гоши возникли трудности.

Он поговорил с отцом и пошел искать Гришу Сумского.

Он даже знал, где искать Гришу.

Ведь после завтрака Гриша уходил на полянку за медпунктом, чтобы заниматься там культуризмом.

Почти все знают, что такое культуризм, но если вы не слышали, то я объясню. Есть странные люди, не только мужчины, но и девушки, которые думают, что если у них пять пудов мышц, то они станут всех умнее и красивей.

Пока что Гриша Сумской не добился больших успехов, может, возраста маловато. Но старался. По крайней мере, себе самому он казался все красивее с каждым днем.

Гоша побежал на полянку.

Сумского там не было.

Потому что Гриша Сумской лежал в траве, смотрел в небо, на утренние кучевые облака и рассуждал о жизни. Он был рассудительным человеком.

Между большим и указательным пальцами он держал корону,

которую они сорвали вчера вечером с лягушки, и смотрел сквозь нее на небо. Камешки, из которых она была сделана, сверкали, словно фонарики.

Очень красиво.

Гриша думал, как неплохо у него складывается жизнь. Многие его уже любят, а еще больше людей полюбят его завтра, когда он станет великим культуристом. А когда он станет чемпионом мира, то у сцены, где он получит золотую медаль, его будет ждать очень красивая девушка, куда красивее Ванессы, и протянет ему букет цветов. А Гриша вынет из кармана корону и водрузит ее на голову красавице. Ничего, что корона пока маленькая, подрастет!

Он улыбнулся своей шутке и хотел спрятать корону в карман, как из кустов вышла хромая бабка в армейском камуфляже и строго сказала Грише:

— Ты эту корону выкинь, выкинь, если хочешь остаться в живых!

Гриша вскочил, он уважал старших, но не настолько, чтобы кидаться коронами.

Он даже застегнул карман. Уж очень зловещая была бабушка.

— Я не знаю никакой короны, — сказал он. — Вы ошиблись.

— Кассандра никогда не ошибается, — сказала бабушка. — Ты обо мне слыхал?

— Нет, простите.

— То-то и видно. А то бы выкинул корону и убежал без оглядки!

Бабушка была недовольна.

— И чему вас в школе обучают?

— Бабушка, — подошел к ним Гоша Полотенц. — А я вас знаю.

Он наконец-то отыскал Сумского и подслушал его разговор с Кассандрой. Он знал, что Кассандрой звали неудачливую предсказательницу, так как учился в школе куда лучше, чем Гриша Сумской. Ведь папа часто напоминал ему, что для овладения всеми богатствами человечества надо учиться, учиться и еще раз учиться.

— Наконец-то, — обрадовалась Кассандра.

— Вы ископаемая предсказательница, которой никто не верил, а колотили беспощадно!

— Допрыгались! — обиделась бабушка Кассандра и скрылась в кустах.

А Гриша Сумской даже обрадовался, что ему пришли на выручку.

— А ты в самом деле ее знаешь? — спросил он.

— Читай Гомера, — ответил Гоша.

Пока ты знаешь больше своего друга или врага, говаривал ему папа, ты сильнее его. Никогда не делись с другими своими знаниями.

Вот Гоша и не делился.

А Сумской не стал спорить.

— Слушай, — стал ковать горячее железо Гоша, — на что тебе эта корона?

— А что?

— Давай поменяемся.

— А тебе она на что? — спросил Сумской.

— Я собираю короны, — сказал Гоша. — У меня уже шесть штук. Мне папа одну из Бангладеш привез, а другие мы здесь покупали. Получше твоей будут.

— Если получше, — сказал Сумской, — так и играй с ними, а у меня пускай плохая останется.

— А если сухарем? — спросил Гоша. — Десять баксов хочешь?

Сумской тоже умел соображать.

— Тысячу баксов, — сказал он.

И не потому, что так думал. Он тысячу баксов никогда и не видал, даже в чужих руках. Но хотел проверить Гошу.

— Тысячу баксов? — Гоша даже зажмурился от возмущения. — Да эта корона и сотни не стоит. Лягушачья икра в томате!

— Ну давай сотню, — сказал Гриша Сумской.

Недаром у Гоши было прозвище Жаба. Не мог он ничего поделать со своей жадностью, хотя и понимал, что жадничать сейчас не следует. Этот недостаток он унаследовал от своего папы. Но Георгий Георгиевич научился в решительный момент наступать на горло собственной песне, а Гоша был еще почти ребенком и не мог свою жабу одолеть.

— Не дашь, — сказал Сумской, — тогда гуляй.

Он не очень любил этого Гошу и даже немного опасался его. Потому что Гоша всегда что-то хотел получить, отнять, отспорить, оттяпать, отхитрить — очень был целеустремленным.

Но Гоша умел командовать, а Гриша Сумской совершенно не умел управлять другими людьми, даже самим собой не умел управлять. Мышцами — пожалуйста, а вот мыслями — ни в коем случае!

— Ты пожалеешь! — разозлился Гоша. — Сам ко мне прибежишь, будешь просить — возьми за три рубля. Фиг я у тебя возьму!

Гриша Сумской был готов уже сдаться и отдать корону за десять баксов, но Гоша убежал с полянки. Он был так взбешен, что от него поднимался пар, а от кроссовок на траве оставались рыжие проплешины.

Гриша Сумской был расстроен.

Сначала эта Кассандра, потом Гоша. Кто еще придет за короной?

А пришла сама Ванесса.

Пришла на полянку, такая красивая и самоуверенная, будто случайно, а не по просьбе царевны, Севы и Лолиты. А ведь это они подослали Ванессу, сказав ей, что Гриша для нее все сделает, потому что Ванесса первая красавица не только в лагере, но и во всей Московской области, и если будет конкурс «Мисс школьница Московской области», то она на нем обязательно победит.

Не смогла Ванесса отказать друзьям, которые так высоко ее ценят, и пошла. Правда, ей и самой хотелось проявить свою власть над Гришей Сумским. У нее были к тому свои женские интересы, которых вам не понять.

— Привет, — сказала Ванесса, — мышцы качаешь?

— А ты знаешь?

— Я многое про тебя знаю.

— Что же? — Гриша повел плечами, словно уже стал настоящим культуристом.

— Я знаю, что тебе суждено стать чемпионом мира по культуризму.

— Ну что ты! — возразил Гриша. — Ты шутишь, да?

Ванесса уселась на пенек и жестом приказала Грише сесть на траву у ее ног. Он с радостью подчинился.

— Я к тебе отношусь... — сказала Ванесса. — Я тебя выделяю среди других мальчиков, несмотря на мою красоту и то, что при желании все ребята лагеря тут бы валялись!

И она показала на траву, где уже сидел Гриша.

— А я и не знал, — сказал Гриша.

Ему было приятно слышать такие слова.

— Я согласна с тобой дружить, — заявила Ванесса.

— Я тоже, — сказал Гриша.

— Вот и договорились.

Гриша чуть-чуть расстроился. Он не думал, что все получится так просто. Сказала, и все. А что дальше делать?

— А у меня проблема, — сказала Ванесса. — Нужен твой дружеский совет.

— А что?

— У Лолиты завтра день рождения, а подарка нет. Сам понимаешь, из лагеря в магазин не слетаешь.

Гриша немного подумал и сказал:

— Может, ты ей свой компот отдашь?

Он, конечно, пошутил, но Ванесса взвилась, как дикая кошка.

— Ладно, ладно, — сказал Гриша, — нарвешь ей букет у директора на клумбе.

— И вылечу из лагеря. Спасибо!

— А что я могу?

— Ну поищи чего-нибудь! Неужели твоя голова не работает? Одни мышцы.

— Почему одни мышцы? — обиделся Гриша. — У меня вот что есть...

Он уже пожалел, что говорит, но останавливаться было поздно. Тем более что Ванесса его подгоняла, почуяла добычу, пантера!

Пальцы Гриши вытащили из кармана корону лягушки.

— Мне за нее Гоша десять баксов давал, — промямлил он.

— А ну-ка, дай сюда, — сказала Ванесса. — И за эту красоту он тебе пытался всучить десять баксов? Ах ты, жаба!

— Кто жаба?

— Нет, не ты, ты нормальный бой. Ты от сердца ради меня ценную вещь оторвал. И учти, Гриша, за мной не заржавеет. Теперь ты стал мне настоящим другом. Встань!

Гриша послушно поднялся.

Ванесса встала рядом и поцеловала его в подбородок.

Гришу просто обожгло этим поцелуем.

...Зашуршали кусты, и Гриша остался один.

И без короны.

Зато с настоящим другом.

И совершенно непонятно, что же лучше.

Ванесса, подпрыгивая, словно маленький ребенок, побежала к волейбольной площадке, где ее, как и договаривались, ждали Сева с Лолитой. Сева боялся, что у нее ничего не выйдет, а Лолита уже пять раз повторила:

— Сева, ты совершенно не знаешь женщин. В решающей схватке ему никогда не устоять.

— А если он не знает, что это решающая схватка? — сомневался Сева.

Лолита набрала желтых одуванчиков и плела из них венок. Это очень успокаивающее занятие.

А Сева вспомнил, как дедушка, если играет его любимый «Спартак», ругает его на чем свет стоит, словно ждет с нетерпением: скорей бы уж эти неумехи продули матч! На самом деле он так колдует. Чтобы «Спартак» неожиданно для всех выиграл. Тогда можно сдержанно радоваться и разводить руками от удивления: «Вот уж не ожидал, что им это удастся!»

Так и Сева, видно, наследственность сказывалась, думал, что

ничего у Ванессы не выйдет, потому что надеялся, что получится.

А Ванесса об этом не подозревала.

Она шла по дорожке, не спешила, потом остановилась, вынула корону и стала ею любоваться.

Корона была просто чудом ювелирного искусства. Она была круглой, как бы из двух серебряных ажурных полушарий, надрезанных сверху и украшенных крестиком. И все это было усыпано белыми хрусталиками, которые переливались под солнцем, как звездочки на небе.

Ванесса подумала: «Ну зачем мне отдавать такую красивую корону этому выдумщику Савину? Он сам никогда бы не смог отнять ее у Сумского. Потому что Сумской только ко мне испытывает чувство!»

В душе у Ванессы принялись сражаться две кошки — белая и черная.

У Ванессы часто в душе сражались кошки, и она сама не знала, какая из них победит.

Вот и пришлось остановиться, чтобы прислушаться к сражению в собственной душе.

И тут ее сердце екнуло. Ванесса почувствовала взгляд.

Она замерла, как кролик замирает под взглядом удава.

Перед ней на дорожке стоял мальчик.

Совершенно незнакомый мальчик.

Он ничего не делал. Он просто стоял и перегораживал ей дорогу.

Он был странный, и Ванесса не сразу поняла, в чем же была странность. А потом сообразила — он был одет как взрослый. Вроде бы в джинсах и рубашке, но все на нем выглядело как на маскараде: мужчина, переодетый мальчиком.

Может быть, лилипут?

Половину его лица закрывали большие черные очки, и от этого он выглядел совсем уж ненастоящим.

Мальчик протянул вперед тонкую руку раскрытой ладонью вверх.

— Ты чего? — спросила Ванесса.

Бояться ей было совершенно нечего, потому что она стояла посреди лагеря, по которому ходило, бегало и передвигалось двести человек детей и взрослых, если закричать, то по крайней мере пятьдесят человек прибегут на помощь.

Но Ванесса понимала, что она не может закричать. У нее онемел язык.

Он лежал во рту как вареный, без всякой пользы. Даже губы облизать не мог.

И вдруг она поняла, что этот мальчик в очках хочет, чтобы она отдала ему лягушачью корону. И она ему ее сейчас отдаст...

— Нет! — закричала она, но язык не шевелился, а без его помощи получалось мычание.

Мальчик снял очки и ловко положил их в верхний карман рубашки.

И тогда Ванесса впервые заглянула в глаза Каину.

Тогда она не знала о прозвище этого человечка.

Но если ты не предупрежден, то лучше в глаза Каину не заглядывать.

Они как будто прорезаны тупым ножом в коже лица, они спрятаны глубоко, так что никогда не блестят и не поблескивают, словно ты случайно заглянул в темную-темную комнату, а в этой темной-темной комнате сидят на стульях темные люди, а у их ног лежат черные коты, и все они движутся медленно, как будто под водой.

И Ванесса, сама не понимая, что делает, протянула корону мальчику, который, конечно же, был в десять раз старше ее и только притворялся ребенком.

Каин ловко кинул корону в большой рот совсем без губ. Рот захлопнулся.

И вдруг старенький мальчик бросился в кусты и пробился, продрался сквозь них. Ванесса все это видела, но так и не нашла в себе сил, чтобы закричать.

И она увидела сквозь кусты, что там, на лужайке, где сушат белье, опускается маленький вертолет. Зеленый, обыкновенный, как показывают по телевизору из горячих точек, только поменьше.

Из открытого люка свисала веревочная лестница.

Она дотронулась концом до травы как раз у ног Каина.

Тот схватился за перекладину и быстро, по-насекомому, полез наверх. А вертолет начал подниматься и двинулся над деревьями прочь от лагеря, так что, кроме Ванессы, его никто и не заметил.

Ванесса глядела ему вслед и не верила тому, что произошло.

Потом пошла дальше, еле переставляя ноги.

А Лолита издали увидела ее и поняла, что дела плохи.

Она кинулась к Ванессе.

— Что? Что случилось? Гришка тебя оскорбил?

— Ну знаешь! — рассердился Сева. — Я с ним поговорю!

Ванесса доплелась до скамейки у волейбольной площадки, села на нее и сказала:

— Ничего вы не понимаете. Гришка совершенно ни при чем. Это было привидение.

— Какое еще привидение! — взвилась Лолита, которая категорически не верит в привидения и всякую чепуху. — Скажи лучше, что он тебе не отдал корону.

— Он отдал, — сказала Ванесса, — и я не вру. Привидение на вертолете.

Глава десятая

ТАЙНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В громадном, похожем на ледовый стадион, кабинете Георгия Георгиевича Полотенца, президента МУФРа, началось секретное совещание.

Агенты Фонда, вымуштрованные лично Элиной Виленовной, заняли точки на площади Белорусского вокзала, заменили всех газетных киоскеров, цветочных продавцов и торговцев цыплятами табака. В небе над трехэтажным, таким незаметным, таким обыкновенным, даже плохо покрашенным домом, в котором кроме МУФРа, помещалась еще парикмахерская, часовая мастерская и небольшой ювелирный магазин, кружились вертолеты прикрытия. Ни одна живая или мертвая душа не должна была услышать, о чем там шел разговор.

Во главе стола уселся Георгий Георгиевич Полотенц, президент МУФРа.

Как мы знаем, это весьма невысокий полный человек с очень красными щеками и рыжими глазками. В остальном обыкновенный.

На вид ему тридцать восемь лет, по документам немного меньше.

Справа от него сидит очень маленький, худенький мужчина, а может, и мальчик в больших темных очках. Он держится прямо, словно проглотил линейку. Его прозвище Каин. Он сидел в лагере за бандитизм, а потом ему все простили. Но это совсем другая история.

Слева от Георгия Георгиевича вы могли бы увидеть старуху в камуфляже по имени Кассандра. Ей очень много лет, и все эти годы она предсказывала разные страшные события. Но ей никто никогда не верил. Может быть, вы не помните или болели, когда это проходили в школе, но это именно она просила троянцев, чтобы они не верили грекам, которые подарили им деревянного коня. Троянцы приняли подарок, а оказалось, что конь нашпигован греческим десантом. Старуха оказалась страшно живучей и довольно богатой. Вообще-то она бабушка не вредная, но все время предупреждает и предсказывает. А это многим надоедает.

Да, зовут Кассандру Маргаритой Федоровной, так по паспорту.

Напротив Маргариты Федоровны Кассандры стояло самоходное кресло, покрытое черным колпаком. В колпаке сидел академик Сидоров, почти не видный снаружи. Как вы подозреваете, фамилия Сидоров и имя Сидор Петрович не настоящие. Дело в том, что академика засекретили еще в шестом классе Конотопской средней школы и с годами засекречивали все туже. Шестнадцать лет так называемый Сидор Петрович провел в шахте на глубине шести километров, дважды его выкрадывала американская разведка и трижды его с боями привозили обратно.

Несчастье России и счастье Сидора Петровича заключались в том, что он был гениальным изобретателем и ему было совершенно все равно, что изобретать. Как поет соловей, так Сидор Петрович изобретал.

И даже сейчас, когда наступила свобода, Сидора Петровича на свободу не отпускали и секретность с него не снимали, потому что его могли украсть, допустим, ваххабиты, а он изобрел бы для них карманную водородную бомбочку, потому что ему было бы любопытно изобрести такую водородную бомбочку.

Вы можете удивиться, что делает такой секретный ученый в гуманитарном и таком добром Фонде Георгия Георгиевича. И я отвечу, что ФСБ, ЦРУ и МОССАД пытались наложить лапы на этот талант. Но эти лапы оказались коротки, так как у великого изобретателя есть супруга. У других людей бывают жены, а вот у Сидора Петровича была Супруга. Размером и весом она была подобна старинному буфету, ростом достигала двух метров шести сантиметров, а как-то в молодости попала с молодежной делегацией в Японию и там увидела борцов сумо, самых толстых и тяжелых спортсменов на свете. В решающий момент Райка вышла на помост и крикнула:

— Ну кто, блин, сразится, сравнится со мной?

Вышло по очереди несколько чемпионов, и всех она выкинула с помоста совершенно беспощадно. Правда, ее тут же дисквалифицировали, потому что в Японии женщинам не позволяют участвовать в мужских соревнованиях.

Супруга академика вышла за него замуж, потому что вначале служила в войсках Госбезопасности, а точнее, в охране объекта Сидорова. Она настолько сжилась с академиком, что даже порой в уборную и в ванную ходила вместо него, а уж ордена и медали носила вместо него постоянно. Разговаривать с ним она мало кому позволяла, хотя, конечно же, Георгий Георгиевич был исключением.

Георгия Георгиевича она уважала. Даже побаивалась, хотя

ростом и размером превышала его вдвое. Как-то она поворачивала за угол и врезалась в Георгия Георгиевича. К счастью, точно сзади него шагал охранник Савва. Теперь он на инвалидности.

Почему же академик Сидоров такой секретный и недоступный?

Потому что он изобрел пулемет «Зидор». Не может быть, чтобы вы о нем не слыхали! Даже в песне поется: «Закину сидор за плечо и поцелую горячо!» А правильней — «пистолет-пулемет Сидорова». Простой в обращении, безотказный в лесу и пустыне. В малых и больших войнах из «сидорова» ухлопано больше шестнадцати миллионов человек, а еще тридцать три миллиона искалечены.

Но все это в прошлом.

«Сидорова» Сидоров изобретал по долгу службы, на работе.

А потом, состарившись, он стал изобретать для души.

Именно из-за этого изобретения и родился на свет МУФР во главе с Георгием Георгиевичем Полотенцем.

Об изобретении речь пойдет дальше, а нам осталось лишь сказать еще несколько слов о самом академике Сидорове. Уже пятьдесят лет он сидит под темным бронированным колпаком и изобретает. Неужели ему не хочется выскочить наружу и побегать под дождем? Оказывается, нет, необязательно. У Сидорова есть страсть. Он разгадывает кроссворды. И если кроссвордов ему достаточно, он наружу не стремится.

Помылся, побрился, овсянки покушал — и давай гадать!

А рядом верная Райка. И приласкает, и кроссворд принесет.

Жаль только, она не умеет подсказать трудное слово — слишком мало знает она слов.

На заседании она сидела рядом с темным стеклянным колпаком, под которым можно было угадать фигуру Сидорова. Перед ней на столе лежала стопка негаданных кроссвордов на различных языках, и время от времени она кидала свежий кроссворд в щель в колпаке. Тогда ее широкая и высокая грудь всколыхивалась, и шестнадцать медалей международных премий за сохранение мира во всем мире мелодично принимались звенеть...

Консультант Эфимыч протянул волосатую лапу, чтобы ненароком сорвать и присвоить одну из золотых медалек — уж очень он был хватальщиком и загребальщиком. Но Райка Сидорова ловко долбанула его тяжелой ладонью по руке, а Георгий Георгиевич укоризненно произнес:

— Ну, господа хорошие, товарищи дорогие, возьмите себя в руки!

Эфимыч попал в президиум МУФРа как представитель обще-

ственности, профессор по проблемам неопознанных явлений и фантастических существ. Он был рыхлым, приземистым, очень волосатым — лешие принимали его за своего — существом. Лишь два места на нем были без волос — маленькая лысина на затылке и нос, похожий на лиловый баклажан.

Когда-то называли его просто — Ефим Ефимыч Крестоположенский. Но когда он начал зарабатывать, выступая по телевизору в мистических и эзотерических передачах, то есть растолковывать тайны бытия и небытия, в которых ничего сам не понимал, пришлось имя менять. Одна его подружка, белая ведьма Черногай, посоветовала скрыться под псевдонимом Эфимыч. Народ его запомнил и полюбил. Порой даже в метро можно услышать:

— А вчерась Эфимыч опять грозил Гватемале наводнением.

— Как же, как же, МЧС уже готовит самолеты.

Вот он и сидел рядом с Райкой Сидоровой и время от времени начинал зычно похохатывать. Напротив него, на уголке стола пристроилась Элина Виленовна — сама скромность, сама исполнительность. Там же пустовал один стул.

А так как у Георгия Георгиевича в кабинете случайностей не бывает, следовательно, этот стул для кого-то предназначался.

И Георгий Георгиевич произнес:

— В нашем тесном кружке сегодня появится новый член. Незаменимый, как незаменимы все члены нашего президиума. Элина Виленовна, пригласите, пожалуйста, магистра Проникло.

Элина Виленовна резво вскочила и поспешила к двери. Шаги ее были четкими, звонкими и короткими. Все смотрели ей вслед, любуясь совершенством ее спортивного тела.

Она растворила дверь и воскликнула:

— Господин Проникло, вас ожидают...

А когда господин Проникло вошел в дверь, она добавила:

— С нетерпением!

Вошел человек, скорее высокий, чем низкий, и скорее худой, чем толстый. Был он вытянут вверх, как гороховый стручок, и маленькую твердую голову держал закинутой назад. Ноги у него были короткие, и выступал он, словно клоун на манеже.

Проникло окинул взглядом стол и направился к пустому стулу.

Отодвинул его, коротко поклонился всем по очереди, словно голубь, который клюет зернышки, а потом сел и замер, словно неживой. И даже выпуклые белые глаза с черными точками зрачков прикрыл жесткими веками.

— Магистр Проникло по специальности спелеолог, — произнес Георгий Георгиевич. — Он согласился войти в ряды наших

друзей, чтобы оказать пользу Фонду. Надеюсь, по принятому у нас обычаю, он расскажет о себе.

— Я буду краток, — жестяным голосом заговорил магистр Проникло. — Я принадлежу к семейству подземных проходцев и коллекционирую пещеры. Затем я вожу туда туристов и авантюристов, отчего стал богат и независим.

Раздались сдержанные аплодисменты.

— Каждый из членов президиума нашего Фонда, — сказал Георгий Георгиевич, — внес свой существенный вклад в общее дело. Я вношу свой организаторский талант, Эфим Эфимович — уникальные знания...

При этих словах консультант Эфимыч приподнялся, опершись о стол волосатыми лапами.

— Маргарита Федоровна Кассандра дарит нам свое предвидение будущего и значительное личное состояние.

— Потом дашь мне слово! — крикнула старуха в камуфляже. — Мне надо будет вас кое о чем предупредить.

— Успеете, — отмахнулся Георгий Георгиевич и продолжал, изобразив в глазах нежное почтение: — Но наибольший вклад в нашу скромную деятельность внесла чета супругов Сидоровых, выдающихся деятелей отечественной науки.

Все принялись аплодировать.

Райка Сидорова тоже аплодировала.

— Последней по возрасту, но не последней по вкладу, — сказал, когда аплодисменты утихли, Георгий Георгиевич, — является благородная административная и духовная деятельность нашей дорогой Элины Виленовны.

Элина Виленовна одарила окружающих ласковой ослепительной улыбкой и помахала высоко поднятой ладонью, как машут с пьедестала зрителям олимпийские чемпионы.

Георгий Георгиевич сделал паузу.

Словно не был уверен, продолжать или нет.

Но мальчик в черных очках незаметно кивает, как бы приказывая: можно! давай!

И Георгий Георгиевич указал на мальчика толстым пальчиком и произнес:

— Я не буду рассусоливать о нашем юном друге, который так скромно сидит за этим столом. О нем речь впереди. И вы поймете, почему это так. Пока что ограничусь упоминанием о том, что вклад бывшего благородного бандита по кликухе Каин неизмеримо велик. Он — наш Исполнитель. Если кто-то не знает тайного, истинного значения этого слова, пускай он подойдет к гражданину Каину после нашего заседания, и я уверен, что гражданин Каин не откажется дать пояснения.

— Пускай подойдет, — согласился Каин.

Глава одиннадцатая

МЕРТВАЯ ВОДА

— Представив всех вам, — обратился Георгий Георгиевич к магистру Проникло, — я вас представлю нашему небольшому коллективу выдающихся людей и деятелей.

Магистр Проникло вскочил, словно подброшенный снизу уколом гвоздя, и, уперши белый взор в потолок, откинул назад головку.

И замер.

— Долгие и выдающиеся путешествия магистра в недра Земли, — продолжил Георгий Георгиевич, — привели его к ряду открытий. В частности, он открыл Подземелье.

— Подземелье, — повторил магистр Проникло.

— Гигантскую полость в сердце нашей планеты.

— Полость! — жестяным голосом повторил магистр Проникло.

— И это его вклад в наше общее дело.

— Объясни! — потребовал Проникло.

— Я специально откладывал момент объяснения до общей встречи президиума. На ней мы должны решить, принимать ли в наши ряды магистра Проникло.

— Вот именно, — согласился магистр и уселся на место.

— Любое великое открытие, — сообщил Георгий Георгиевич голосом кота, который просит косточку, — проходит несколько этапов. Вначале оно рождается в мозгу гения.

Георгий Георгиевич поклонился Райке Сидоровой, а она сунула в щель свежий кроссворд, наверное, в награду мужу за его изобретения.

— Академик Сидоров, великий гуманист, всегда думал о благе прогрессивного человечества, — продолжал Георгий Георгиевич. — И когда он сделал открытие, то поделился им со своей супругой, а она в поисках спонсоров и друзей обратилась к нам.

Райка Сидорова принялась улыбаться и качать прической.

— В чем же суть великого открытия? — сказал Георгий Георгиевич. — Это концентрированный стимулирующий активный раствор. А проще — сбылась мечта всех народов! Открыта живая вода!

Возникла пауза, и все обернулись к магистру Проникло, будто ждали, что он станет хлопать в ладоши и кричать. Но он медленно повертел своей жесткой головой и спросил:

— Объясните принцип действия!

— Только в общих чертах! — предупредила Райка Сидорова. — Человек он еще не проверенный. Может убежать к врагам.

— Никто еще от нас не убежал, — вдруг произнес мальчик в черных очках по прозвищу Каин.

— Не тяните! — громче сказал магистр Проникло. — Я жду!

И тут послышался глухой, будто из глубокого подземелья, голос, который на самом деле исходил из-под черного стеклянного колпака, под которым сидел академик Сидоров.

— Я сам скажу!

И наступила тишина.

— Я вывел формулу, — произнес Сидоров утробным голосом, — вещества, которое, будучи введено в организм человека, возвращает ему молодость. И этим все сказано.

— Это правда? — Магистр Проникло был поражен.

— Это больше чем правда, — сказал Георгий Георгиевич. — И уже есть человек, который стал молодым.

И Георгий Георгиевич широким жестом показал на мальчика по кличке Каин.

— Это он, руководитель нашей охранной службы, — произнес он. — И я должен признать, что в настоящее время календарный возраст гражданина Каина достигает двухсот пятидесяти лет, а физический...

— Даже перебор получился, — сказал Каин. — Мне лет тринадцать-четырнадцать. Но не в этом дело...

— Каждый из членов президиума имеет право претендовать на свою долю живой воды, — сказал Георгий Георгиевич. — И вы должны понимать, какие открываются финансовые и политические перспективы.

— Это приведет к катаклизмам в масштабе всей планеты, — заявила Кассандра.

— До масштабов всей планеты дело не дойдет, — возразил Георгий Георгиевич, — но осторожность не помешает. Потому что стоимость одной порции живой воды достигает шести миллиардов условных единиц.

— Точнее, каких единиц? — спросил магистр Проникло.

— Долларов, долларов! — закричал в ответ Каин. — Я сам платил, понимаешь? Сам, лично, из своих трудовых сбережений.

— И долго сберегал? — серьезно спросил магистр.

Как потом оказалось, он шутить не умел, потому что когда ему в детстве вырезали гланды, то заодно доктор нечаянно вырезал ему чувство юмора. Но магистр Проникло не подозревал о том, что у него нет чувства юмора.

— Всю сознательную жизнь, — ответил гражданин Каин, у которого было чувство юмора, но своеобразное.

Георгий Георгиевич постучал кончиком золотого карандашика по столу, призывая к тишине.

— Деньги не самое главное, — сказал он. — Есть проблемы и похуже. А именно — каждый грамм живой воды производится из воды обыкновенной. В процессе получения живой воды обыкновенная вода превращается в мертвую воду. И это понятно, потому что в живой воде должно быть столько живости, чтобы обратить вспять всю жизнь человека. Живая вода, каждая молекула живой воды высасывает жизненные силы из сырья.

— Не тяни! — воскликнул гражданин Каин. — Я давно хотел задать этот вопрос, но стеснялся. Говори, сколько воды ты ухлопываешь на грамм живой воды?

— Примерно кубический километр, — сказал Георгий Георгиевич. — При условии, что на одного человека требуется примерно шесть граммов живой воды. Понятно?

— А это много или мало? — спросила Кассандра. — Мне ваши километры непонятны. Я все по старинке, графинами и амфорами...

Георгий Георгиевич только отмахнулся от старухи. А вежливая Элина Виленовна сказала:

— Желающие могут подойти ко мне после совещания, и я дам точные цифры. Относительно объема озера Байкал.

Элина Виленовна ничего особенного не сказала, но все поняли, что озеру Байкал грозит гибель. Никто из них не был на Байкале, но еще из школьных учебников знали, что Байкал — это очень много воды, которая раньше была хрустально чистой, а теперь стала просто чистой.

— К сожалению, — продолжал Георгий Георгиевич, глядя на магистра Проникло, потому что остальные об этом уже слыхали, — мертвая вода обладает рядом отрицательных качеств. В ней никто и ничто не может жить — ни рыбы, ни водоросли, ни даже головастики, любое живое существо, которое попадет в эту воду, немедленно погибает.

— Ну уж это преувеличение! — загудел из-под колпака академик Сидоров. — Не сразу, а минут через пять.

— Как вы видите, академик меня поправил, — согласился Георгий Георгиевич. — Минут через пять...

— А она выздоровеет? — спросил магистр Проникло. — Вода придет в норму?

— Через двести лет, — ответила Райка Сидорова, которая многое знала, потому что муж ей многое рассказал. — Через двести лет в этой воде начнут размножаться амебы и инфузории, а еще через триста лет появятся лягушки.

— А куда вы дели первую воду? — спросил магистр.

— Что вы имеете в виду?

— Но вы одного гражданина омолодили? — Он показал на Каина. — И, наверное, для опытов тоже вода понадобилась?

— Наш завод, — ответил Георгий Георгиевич, — стоит в пустынной полярной местности, мы закупили секретный полигон на Кольском полуострове. Раньше на том полигоне производились отравляющие вещества и остатки их спускали в Ловозеро, которое обнесено колючей проволокой в шестнадцать рядов и обкопано рвами и валами. Но в настоящее время Ловозеро уже переполнено мертвой водой. Мы можем продолжить наш благородный труд, только если найдем, куда девать мертвую воду.

— А если в реку? — спросил магистр Проникло.

— В какую?

— Например, в Амур. Или в Волгу. А потом эта вода уйдет в море или океан.

— Была такая идея, но она опасная, — признался Георгий Георгиевич. — Ведь тамошнее местное население будет пить эту воду или умываться ею. И быстро вымрет. А как только вымрет, начнется расследование — и до нас докопаются.

Все замолчали.

Молчали и глядели на магистра Проникло.

Наконец Георгий Георгиевич произнес:

— Вы понимаете, наш новый коллега, что ваше сообщение может иметь для нас принципиальное значение?

— Понимаю, — ответил магистр жестяным голосом. — Но мой вклад в общее дело дорого стоит. Я должен стать первым в очереди на омоложение.

— Это мы еще обсудим! — воскликнула Райка Сидорова. — После моего супруга.

— Я предупреждала, — заявила Кассандра, — что это все хорошо не кончится!

— В порядке живой очереди! — заявил Эфимыч. — Мне тоже моя юность часто снится.

— Не пойдет, — сказал магистр. — Ищите сами, куда ваши помои сливать. Или пять миллиардов мне.

Магистр поднялся и отодвинул стул. Он еще больше стал похож на гороховый стручок.

Начался шум и движение, некоторые стали упрашивать Проникло не уходить, но тот был непреклонен.

Уловив секунду тишины, Элина Виленовна спокойно и тихо сказала:

— Уходите, уважаемый магистр. И оставайтесь стареньким. Сколько вам лет в обед?

— Неважно!

Но никуда стручок не ушел.

А снова уселся на свое место.

— Теперь расскажите нам, что вы нашли и что вы можете положить в нашу общую копилку, — сказала Элина Виленовна.

Конечно, она не была там главной, но она умела говорить так, что даже ее шепот был слышен в любом углу зала.

И магистр Проникло подчинился ее приказу.

— Моя специальность, — сказал он, — а также мое хобби — коллекционирование пещер. Я уже наколлекционировал шестнадцать больших и восемьдесят три малые пещеры. В разных частях света. Большую часть жизни я провожу под землей и получаю от этого удовольствие. А также извлекаю доход. Теперь много туристов, которые туда лезут. Очертя голову. Многие падают в пропасть, мы их не жалеем.

Магистр Проникло говорил короткими фразами и не заботился о том, чтобы они были гладкими, завершенными или красивыми. Будто вообще привык молчать.

— С каждым годом забираюсь все глубже. Так завещали родители. Покойные. Я стал магистром спелеологии, и меня уважают. Наконец в прошлом году я отыскал полость. Мечту спелеолога. Это очень большая полость глубоко под землей, там даже есть свое небольшое светило из подземной лавы. В этой полости можно разместить страну Люксембург или город Москву. Это чудо природы. Но я не могу пускать туда туристов, потому что проникнуть в полость можно только узким ходом. Он называется нитью. Длина нити пять километров, ширина в узких местах десять сантиметров. Надо бурить шахту в твердом граните в пять километров. Почти невозможно. Но если будет цель, то все можно.

На этом магистр Проникло закончил свою речь, и все стали глядеть на Георгия Георгиевича, потому что пока что не до конца поняли, в чем смысл открытия магистра.

— Не поняли? — произнес Георгий Георгиевич и засмеялся, как медный колокольчик. — А надо бы понять. Потому что в эту полость мы сольем всю мертвую воду. Если надо будет слить шесть километров, сольем шесть, а надо слить Ладожское озеро — оно пропадет бесследно, и никто никогда не догадается, что с ним случилось.

Вот тут члены президиума догадались, зачем им нужна гигантская полость в центре Земли.

И раздались аплодисменты.

Лишь Кассандра по имени Маргарита Федоровна не хлопала в ладоши.

— Предсказываю трагедию! Предвещаю крушение ваших

планов. О нет, не стать мне снова молодой! Мои мечты напрасны... а надо сказать, что в молодости я была сказочно хороша. Некоторые греческие герои стрелялись из-за любви ко мне... из лука.

— Есть одна сложность, — сказал Георгий Георгиевич. — И вы ее видите, как и лично я. Нить, которая соединяет полость с поверхностью Земли, такая узкая, что мертвая вода будет литься туда лет двести. Надо срочно пробурить шахту глубиной в пять километров.

Тут подал голос гражданин Каин.

— Нестыковочка получается, господин хороший, — пропел он подлым голосом, — если эта нитка всего десять сантиметров — сам сказал! — то как ты, голубчик, туда пробрался? Не нравится мне, когда новички врут. А вдруг тебя к нам заслали?

Угрожающий ропот прокатился по залу. Даже Сидоров взропотал под своим колпаком.

— Дурачье, — жестяным голосом произнес магистр Проникло. — Кто вам сказал, что я принадлежу к человеческому племени?

Никто не признался, потому что магистр был прав — никто не говорил, что он человек. Но никто и не сомневался в том, что он человек.

— Кто же вы? — спросила Райка Сидорова.

Ловким движением магистр Проникло расстегнул ворот своей жесткой одежды, и тут его голова начала подниматься вверх, а за ней тянулась длинная-длинная и довольно тонкая шея. Через две минуты его голова уже покачивалась чуть ли не под потолком, а шея все вытягивалась.

И потом это вытягивание кончилось, потому что весь магистр вылез из своей одежды, которая осталась сидеть за столом, сам же он, покачавшись на хвосте, вдруг свернулся в несколько колец и улегся на столе, поворачивая голову вокруг оси. И не очень было понятно, змея он или червяк крупного размера.

Этот вопрос и задала ему Кассандра.

— Скажи, гонец злодейства, — спросила она, — ты относишься к классу змей или к червям?

— Происхожу я от благородного рода глистов-солитеров, — сообщил магистр Проникло. — Со временем мои предки покинули человеческие тела, которые ограничивали творческие усилия моего семейства, и стали самостоятельны. Нам не очень приятно вспоминать о том, что мы когда-то были глистами, хотя мы этого и не стыдимся. От змей нас отличает благородная гладкость тела и отсутствие чешуи, от безмозглых червей — высокий интеллект. Так что считайте нас особым, уникальным, неповторимым и даже эксклюзивным созданием природы. Мы Проник-

лы из класса Проникло и рода Проникловых. Теперь у гражданина Каина не осталось сомнений в моих способностях?

Каин был огорчен. Он когда-то служил сыщиком и ловил воров, а до того и сам побыл в ворах и разбойниках. Так что ему всегда хотелось чего-нибудь схватить. Или добычу, или вора. А тут только он занес когтистую лапу, а глянь — его жертва вырвалась!

Поэтому он ничего не ответил Проникле и подумал: «Придет мой час, застукаю я тебя, червяк, на какой-нибудь помойке, тогда ты у меня не выскользнешь».

А червяк (я буду называть его червяком, потому что все в зале мысленно называли его червяком) вообще никому не понравился.

Тем временем магистр Проникло ловко подпрыгнул и угодил хвостом точно в ворот оставленного им костюма. И углубился в него — скоро из ворота торчала лишь голова с белыми выпуклыми глазами.

— Наш друг магистр Проникло, — сообщил Георгий Георгиевич, который ничему не удивился, потому что видел червяка голым уже не раз, — побывал в полости и доставил нам ее описание.

— Так как будем решать? — спросил вдруг Эфимыч, который до того дремал, потому что утром обожрался в ресторане корейской кухни, где умял целую собаку. — Бурить или искать другой путь в Подземелье?

— Сначала искать, — ответила Элина Виленовна, — а потом, если не найдем другого хода, то бурить.

— Тогда я пошел, — сказал Эфимыч. — Что-то я проголодался, наступает счастливое время обеда.

— Только два слова, — остановил его Георгий Георгиевич. — Я должен вас предупредить, что в освоении Полости мы не одиноки.

— Другой червяк? — спросила Райка Сидорова.

— Хуже, — сказал Георгий Георгиевич. — Каин, доложи.

— По данным нашей разведки... — Каин поднялся и сделал зверское лицо. Он был при исполнении. — По данным разведки, о существовании полости знают некоторые гномы и прочая подземная нечисть.

— Ну и что? — спросила Райка. — Пускай знают. Мы их польем мертвой водичкой, и перестанут мешать добрым людям.

— Шутки в сторону! — жестким голосом произнесла Элина Виленовна. — Мы не знаем, какие гномы или тролли, а то и колдуны прознали про полость и для чего она им может понадобиться. Нельзя недооценивать противника. Его надо сначала уничтожить, а уж потом недооценивать.

— А может, им и не нужна наша полость? — спросил Эфимыч.

— Вот этим ты, как эксперт, и займешься, — сказала Элина Виленовна. — И срочно.

— А если они знают, — заговорил, как из трубы, академик Сидоров, — возможно, они знают и более короткий и безопасный путь туда?

— Все свободны, — сказал Георгий Георгиевич. — Остаются только специалисты.

Глава двенадцатая

ФОНДУ НУЖНЫ ДЕНЬГИ

В кабинете президента остались только специалисты.

Только свои. Самые доверенные.

Сообщники.

Сам Георгий Георгиевич, прекрасная секретарша Элина Виленовна, начальник службы безопасности, бывший разбойник и сыщик гражданин Каин и старик Эфимыч, эксперт по сказочным вопросам.

— Вы все выслушали сообщение нашего нового друга, — сказал Георгий Георгиевич. — Сначала я ему не очень поверил, но проверка, проведенная гражданином Каином, показала, что магистр Проникло и на самом деле принадлежит к древнему роду червей, покинувших людей ради пещер и подземелий. И на самом деле наш новый друг сказочно богат. И не только за счет денег, которые он получает от туристов. Важнее те драгоценности, которые он добывает в пещерах, те драгоценные камни, которые он там выламывает, и те клады, которые когда-то спрятали в пещерах разбойники. И если кто побывал в таинственных глубинах Земли, это именно он — Проникло!

— Про полость он тоже рассказывал. Своим родственникам, — произнес мальчик Каин. — Все записано, все схвачено. Но без него нам в ту полость не пролезть. Нет второго такого червяка.

— Так что лучше нам с ним дружить, чем бороться, — сказала Элина Виленовна.

И все согласились.

— Но теперь есть другая проблема. По словам магистра, о полости знают какие-то гномы и примкнувшая к ним нечисть. Это может нам повредить, хотя может и не повредить. Но всегда лучше учитывать опасности и трудности, чем забывать о них. Все равно что забыть о скорпионе у себя под подушкой. Он может

вылезти из-под подушки и цапнуть тебя в ухо. Больно, обидно и даже оскорбительно.

И все согласились, что это больно и обидно.

— До сегодняшнего дня я относился к сообщениям о знакомстве гномов с полостью скептически, то есть не обращал внимания. Но именно сегодня утром произошло знаменательное событие. По сообщению моего единственного сына Гоши, в оздоровительном лагере «Елочка» была замечена лягушка-оборотень. Характерная черта этого маленького чудовища — корона на голове.

— Верно! — воскликнула Элина Виленовна. — Я читала. Еще в детстве.

Эфимыч почесал за толстым ухом и сказал:

— Не исключено. Ох, не исключено!

— А ты не охай, — оборвал его Георгий Георгиевич. — Нам одной Кассандры достаточно. Мне от тебя нужна консультация, как эту лягушку использовать. Посмотри на корону и скажи все, что можешь сказать.

Он вынул из кармана завернутую в бумажку корону, которую Каин отобрал у Ванессы.

Корона, маленькая, с лесной орех размером, засверкала ослепительным бриллиантовым блеском.

Георгий Георгиевич держал ее между большим и указательным пальцами, и все начали щуриться от этого нестерпимого блеска.

Эфимыч подставил ладонь.

Георгий Георгиевич положил на нее корону.

Эфимыч поднес ее к носу и понюхал. Понюхал он так сильно, что корона взлетела в воздух и чуть было не улетела ему в ноздрю, но гражданин Каин был начеку, недаром он руководил безопасностью МУФРа, недаром он имел колоссальный жизненный опыт общения с преступным миром, да и сам был оголтелым преступником.

Его тонкая, как хлыст, ручонка взлетела в воздух и сшибла корону с пышной ладони Эфимыча у самой широкой, волосатой его ноздри, как сшибает Майкл Джордан мяч над баскетбольной корзиной, когда тот уже почти спустился туда после броска Куртинайтиса.

Каин подхватил корону в воздухе, туго сжал в кулачке и протянул Георгию Георгиевичу.

— Ата-бой, — пропел Георгий Георгиевич, — маленький герой!

Он выхватил корону из кулачка гражданина Каина и свободной рукой отечески потрепал мальчика по щеке.

Элина Виленовна с чувством сказала Эфимычу:

— Убить тебя мало, барсук!

Тот не огорчился, а развел волосатыми, по локоть голыми лапами и ответил:

— С любым бывает! Кто из нас бриллиантов не вдыхал?

— Ох и плохо ты кончишь!

— Хорошо кончу, — сказал Эфимыч. — Я всегда хорошо кончаю.

И утробно заржал.

Георгий Георгиевич не стал ждать, пока тот отсмеется, а ткнул в бок карандашом и спросил:

— Говори про корону.

Эфимыч вздохнул, потер бок и заговорил:

— Таких давно не делают. Известно было о трех коронах. Их привезла царица Савская царю Соломону из своих аравийских шахт. Сделали их по заказу волшебника Махмудова, который жил до нашей эры, для его дочерей, царевен-лягушек. Бриллианты для них добыты, по словам Геродота, почти в центре Земли, где они были под таким давлением, какое обыкновенным алмазам вовсе не снилось. Поэтому у них особый блеск. Они не только отражают и преломляют световые лучи, но и испускают свет, подобно фонарикам. Больше таких бриллиантов не существует. Я думал, что все эти короны пропали еще две тысячи лет назад, но, оказывается, одна из них сохранилась.

— Значит, алмазы особенные?

— Из центра Земли.

— Из Подземелья, про которое говорил червяк?

— Не исключено, — ответил Эфимыч.

— А зачем нужна такая корона?

— Если ее наденет сказочная принцесса, то по желанию она может превратиться в лягушку. Или из лягушки в принцессу. Очень полезно для сказок и замужества.

— А сколько такая корона стоит? — спросила Элина Виленовна.

— Ах, пустяки, — отмахнулся эксперт по волшебству. — И если вы думаете, что я ее занюхивал нарочно, то глубоко ошибаетесь. Ничего она не стоит!

— Врет, — сказал мальчик Каин. — Я по глазам вижу — врет. Я таких в три минуты раскалывал. Дайте мне его на дыбе подержать или пальцы ему дверью прищемить. Он у меня сразу признается.

— Только не это! — закричал Эфимыч. — Лучше я сразу у вас ее куплю. Сто тысяч долларов вас устраивает?

— Ого! — Георгий Георгиевич даже присвистнул.

— Значит, на самом деле как минимум полмиллиона, — сказал мальчик Каин.

— Ох, чует мое сердце, что Подземелье на самом деле существует. И прежде чем мы наполним его мертвой водой, надо как следует поискать, не осталось ли там алмазов, — сказал Георгий Георгиевич.

— И я вам пригожусь, — добавил Эфимыч. — Я же специалист! Я вам буду полезен.

— Что ты еще знаешь о Подземелье? — спросил Георгий Георгиевич.

— По древним сказкам и легендам, гномы испокон века пробирались туда за драгоценными камнями особой чистоты и блеска. Там обитают некоторые существа, которых на Земле уже не осталось. Например, племя огневых троллей.

— Прелестно, — сказал Георгий Георгиевич. Он уже принял решение. — Мы должны обогнать всех. И врагов, и друзей. Трубы на фабрике игрушек уже заготовлены?

— Можем запустить буровую, — ответила Элина Виленовна, — хоть завтра. Но для бурения нужны деньги.

— Знаю! — рявкнул Полотенц. — Что ты мне указываешь!

— Я только говорю, шеф, что нам нужны деньги. Миллионы и миллионы долларов. Нам придется пожертвовать всеми наличными.

Георгий Георгиевич шлепнул ладонью по кнопкам телефона.

— Бухгалтерия? — спросил он.

— Бухгалтерия.

— Семен Трофимыч?

— Он самый, — ответил главный бухгалтер.

— Сколько наличных в кассе Фонда?

— Все деньги мы должны завтра передать в налоговую инспекцию. За ними вот-вот приедут на броневике.

— Я спрашиваю, сколько наличных в кассе? — голос Георгия Георгиевича сорвался.

— У нас есть пятьдесят семь миллионов долларов, — ответил бухгалтер.

— Начинай пересчитывать и складывать в мешки, — велел Георгий Георгиевич.

— Это невозможно! Это грозит неприятностями.

— Ты слышишь, что тебе говорят! — завизжала Элина, как кошка, которой наступили на хвост. — Пакуй наличность!

Георгий Георгиевич вздохнул и обратил свой взор к гражданину Каину.

— Чем труднее задание, — произнес он, — тем больше доверие руководства. Я доверяю тебе самое дорогое. Но выхода у нас нет.

— Я понимаю, — сказал гражданин Каин и надел черные очки.

Он повернулся и без единого слова покинул кабинет шефа.

С уходом Каина напряжение не спало.

Работа в кабинете Полотенца кипела.

Георгий Георгиевич постоянно держал связь с Райкой Сидоровой. А тем временем готовился спецсамолет для перевозки академика Сидорова на фабрику детской игрушки «Малютка-супер», что расположена в корпусах бывшего биологического полигона на Кольском полуострове.

Роботы, которые составляют гарнизон и служат научными сотрудниками фабрики, получили приказ готовить аппаратуру для запуска конвертера живой воды.

Приближается пациент номер два!

Затем появился червяк Проникло.

Он был деловит. Он привез с собой координаты Подземелья и объемные планы, из которых было ясно, откуда и куда надо бурить ход для мертвой воды.

Проникло долго торговался, и в конце концов сошлись на миллионе и пятом месте в очереди на омоложение. Он оставил карту, взял с собой чек и исчез.

Потом наступила пауза, Георгий Георгиевич остался вдвоем с Элиной.

Элина принесла кофе с коньяком.

Георгий Георгиевич был так взволнован, что время от времени вскакивал с кресла и носился по кабинету.

Элина его не успокаивала, а часто смотрела на часы.

Неожиданно зазвонил телефон. Полотенц схватил трубку и воскликнул:

— Какой ужас!

Он схватился за сердце.

— Не может быть! — закричал он. — Я этого не переживу! Как это случилось?

Минуты две он слушал молча, только порой глубоко вздыхал и отпивал из стакана с холодной водой «Боржоми», которую ему быстренько принесла Элина Виленовна. Наконец он спросил:

— Что требуют эти мерзавцы?

И возопил так, что щеки посинели:

— Не может быть! У меня нет таких денег!

Еще послушал и снова закричал:

— Ни в коем случае! Ждите моего ответа... ждите ответа...

Он опустил трубку.

Элина смотрела на него понимающим взором.

— У меня личное горе, — сообщил он.

— Что случилось? — спросила дрожащим голосом Элина.

— Похитили мою любимую и единственную супругу Аглаю, — сказал Георгий Георгиевич. — И я, кажется, этого не переживу. Особенно если с ней что-нибудь случится и мой мальчик, мой сын Гоша останется сиротой.

— Не беспокойтесь об этом аспекте вашей проблемы, — произнесла Элина Виленовна. — Всегда найдутся женщины, которые будут рады заменить этому чудесному мальчику мать.

— Спасибо, — сказал Георгий Георгиевич.

— А что они просят? — спросила Элина.

— Пятьдесят семь миллионов долларов США мелкими купюрами.

— Они высоко ценят вашу любовь, — сказала Элина. — Они знают, что у вас большое и доброе сердце!

— Я боюсь сообщить в милицию, — сказал Георгий Георгиевич.

— И правильно, — согласилась Элина. — Когда речь идет о такой сумме, лучше обратиться в Интерпол или к бандитам. Хотите, я поищу среди моих знакомых?

— Не надо, спасибо, — сказал Георгий Георгиевич, — у меня есть своя служба безопасности.

Элина на цыпочках вышла, оставив потрясенного горем мужа.

Глава тринадцатая

РАССКАЗ ОБ УБЕЖИЩЕ

Лолита, Ванесса и Сева сидели на скамейке у волейбольной площадки, у них не было сил подняться и уйти. Они понимали, что нельзя так сидеть, нельзя бездельничать, потому что это признание поражения. Но сидели.

Иногда разговаривали, о пустяках.

Только чтобы не говорить о печальном и даже позорном случае. Раз в жизни им попалась настоящая сказочная корона — и вот ее нет.

А тут, как назло, перед обедом пришел Гриша Сумской.

— Ванесс, — сказал он, — отойдем, поговорить надо.

На что Ванесса совсем невежливо откликнулась:

— Нет у меня твоей короны! Не могу я отдать ее тебе обратно.

— Почему? — глупо спросил Гриша.

— Потому что ее у меня отняли!

— Гоша отнял? — спросил сообразительный Гриша Сумской.

— Вот еще! — рассердилась Ванесса. — Нет, они специалиста подослали. Не исключено, что настоящего киллера.

— Тогда ты правильно сделала, что отдала, — сказал Гриша. — Мне бы тебя недоставало.

И он так печально это сказал, что все засмеялись.

Как будто нарыв лопнул. И теперь уже не так больно.

А Гриша обиделся. Он проявил щедрость, простил девушку, а она смеется. Это же несправедливо.

Он хотел уйти, но Лолита, которая его пожалела, велела ему сесть на скамейку, потому что у них общее горе. А общее горе объединяет.

Гриша сел и стал думать об обеде. Его большой и быстро растущий организм часто думал о еде.

Он хотел было уйти в столовую и проверить, любят ли еще его поварихи, как на дорожке показался физкультурник Рома Столичный, младший брат Афанасия Столичного, который был начальником лагеря.

— Савин — это ты? — спросил он Гришу Сумского.

За четыре дня он не успел выучить имена всех своих подопечных. Ему простительно. Он смотрел только на будущих чемпионов.

— Никакой я не Савин, — ответил Сумской.

— А что? — спросил Сева.

— Начальник лагеря зовет, — сказал Рома. — К телефону тебя.

— Меня?

— Непонятливый, что ли? — удивился Рома.

Рома человек простой и всегда удивляется. Мир ему кажется загадочным и даже угрожающим: сколько раз он выходил в финал и никогда не становился чемпионом — то соперники мешали, то погода, то судьи. Рома много раз менял вид спорта, чтобы обмануть судьбу, но так и не обманул. Он поднимал штангу, и, представляете себе, гриф штанги, то есть палка, к которой крепятся чугунные блины, сломалась в самый решительный момент, хорошо еще никого не зашибло. Потом он занялся ориентированием. Это странный вид спорта, когда надо бегать по лесу и искать спрятанные в пеньках или дуплах передатчики. В Гватемале он бежал первым, но тут началось землетрясение, и земля поглотила последний передатчик. Вот и не засчитали Роме победу. Потом он выступал за сборную России по русскому хоккею, который за границей называют «бенди», потому что не догадываются, что он — именно русский хоккей. Играли со Швецией на льду озера Тотенхавен, и в тот момент, когда Рома замахнулся клюшкой, чтобы всадить решающий мяч в ворота соперников, лед проломился, и Рома оказался в ледяной воде.

Хорошо еще, что сумели вытащить живым, но хронический насморк остался на всю жизнь.

Много еще было в его жизни трагических случаев, и закончил он свою спортивную карьеру физкультурником в лагере у своего брата. Но это не самый худший вариант.

Рома повел Савина в домик дирекции, где стоял телефон.

— А вы чего так хромаете? — спросил Сева.

— На какую ногу? На правую или на левую?

— На обе.

— На правую — я занимался марафонским бегом по бездорожью, пересекал Кению и Танганьику. Ты меня слушаешь, паренек?

— Слушаю.

— И как назло — стадо слонов. Последним шел слоненок, у него была куриная слепота. Он наступил мне на ногу. А левая нога — мой последний подвиг. Спортивная ходьба. Стадион в Сиднее. Дистанция двадцать километров, толпы зрителей безумствуют, моя любимая Настя выступает за команду Белоруссии, и вдруг я вижу, что один из аборигенов целится в нее бумерангом, знаешь, что это такое?

— Знаю, конечно!

— А я не знал! Бумеранг поражает Настюху под коленом, она падает, и ихняя австралийка обходит ее. И тогда я, не нарушая правил, хватаю Настюху на руки и шагаю с ней на руках к финишу. Это дозволено правилами... Да, дозволено. И в этот момент начинает извергаться вулкан Везувий...

— Роман, — раздался голос из открытого окна кабинета. — Не отвлекай своими сказками молодого человека от дела.

— Это не сказки, это трагедия моей короткой жизни.

— Никакого Везувия в Австралии нет! — крикнул Афанасий Столичный. — Можешь спросить у мальчика.

— Да я сам его видел! — возмутился Роман. — Я как раз рассказываю, почему стал хромать. А стал я хромать, потому что капля расплавленной лавы капнула мне на левую ногу. Вот и хромаю на обе ноги.

— Везувий, — закричал Афанасий, — в Неаполе!

От звука его мощного голоса зашатались деревья, и листья полетели на траву.

— Я и говорю — в Неаполе, — согласился Роман. — В Австралии.

Никто не стал с ним больше спорить, и, по знаку начальника лагеря, Сева вбежал в кабинет и схватил телефонную трубку.

Телефон был большой, тяжелый, похожий на египетскую пи-

рамиду со срезанной вершиной, из которой торчали две пары изогнутых рогов, чтобы удобнее было класть на них трубку.

— Всеволод? — раздался в трубке голос, который Сева тут же узнал — голос Царевны-лягушки. Он был взрослый, густой, низковатый для такого хрупкого создания, чистый, и все слова она выговаривала правильно, словно иностранка, которая отлично изучила наш язык.

— Здравствуйте, — сказал Сева.

Со стороны начальнику лагеря, например, могло показаться, что Сева совершенно спокойно разговаривает по делам или с какой-нибудь родственницей. А на самом деле внутри Севы все дрожало, принялось растворяться и превращаться в кисель. Это еще ничего, что голова стала кисельной и руки окиселели, но хуже было с ногами, они же расплывались, и пришлось свободной рукой вцепиться в край стола, чтобы не уехать на пол и не расплющить кисельный нос об угол этого стола.

— Сегодня вечером, — сказала царевна, — Афанасий Трофимыч устроит в лагере вечер сказок, и ты уж, пожалуйста, никуда не уходи. Сиди возле большого костра и внимательно слушай все, что будут там рассказывать и показывать. И учти, что артисты будут в самом деле сказочными, и так далее. Ты понимаешь?

Сева не понял, что значит «и так далее». Но не стал переспрашивать.

— Ты меня понял? — спросила лягушка.

— Я понял...

А так как лягушка замолчала, Сева понял, что он тоже должен что-то сказать, и сказал:

— Вы меня простите, что с короной не получилось. Я доверился Ванессе, а она оказалась ненадежной. Ее обманули.

Сева еще не кончил говорить, как понял, что ведет себя нечестно — пытается свалить на Ванессу свою вину. Ведь пошел бы сам за короной или охранял бы Ванессу, ничего бы не случилось.

— Вы не виноваты, — сказала царевна. — И я не сержусь. Потому что Ванессу ограбил Ванька Каин, это древний и очень хитрый разбойник. Если захочешь, пойди в библиотеку, там должна быть книжка о нем. Но надежда не потеряна. Гномы обещали сделать мне новую корону. А может быть, удастся отнять у них мою старую. Но без короны, скажу тебе, Сева, мне плохо, потому что я теперь не могу превращаться в лягушку, а для наших дел это так нужно!

Царевна глубоко вздохнула.

Потом добавила другим, куда более деловым голосом:

— Я тебе все сказала. Будь внимателен и делай вид, что играешь в сказку. Ты умеешь...

— Я умею!

— Мы встретимся.

— Когда?

Ничего не поделаешь, Сева почувствовал, что Царевна-лягушка ему нравится, не как царевна, а просто как девушка. И если бы она не была такой старой, может, он влюбился бы в нее всерьез.

— Придет время, и мы встретимся, — повторила царевна и повесила трубку. А Сева так и стоял с трубкой в руке, потому что его посетила грустная мысль — на самом деле царевна, как деликатное создание, не хочет признаться, как сердита на него за то, что не смог выполнить небольшой просьбы — сохранить и вернуть корону.

— Поговорили? — спросил начальник лагеря.

— Да, извините, — ответил Сева и положил трубку на рога телефона.

— Ваша знакомая? — вежливо спросил начальник лагеря.

— Она? — Сева на минуту задумался. Кто она ему? Просто знакомая лягушка? Или принцесса, в которую он намерен влюбиться?

— Не хочешь, не отвечай, — прогудел Афанасий Трофимыч. — Ты свободен. Возвращайся к друзьям. Скоро горн на обед прозвучит. Ах, как я люблю этот звук. Но всю жизнь ненавидел мелодию: «Вставай-вставай-вставай, штанишки надевай...»

Начальник лагеря пел басом, а снаружи ему подпевал несчастный Роман.

Глава четырнадцатая

БЕДА ГОШИ ПОЛОТЕНЦА

Когда Сева уже вышел на дорожку, начальник лагеря высунулся по пояс из окна и прогудел:

— Скажи во втором отряде, что сегодня вечером у нас будет большой костер сказок! Желающих приглашаем!

— Я знаю, — ответил Сева.

Он добежал до волейбольной площадки, но там застал только Лолиту. Она его дождалась.

— Мог бы и подольше гулять, — сказала она, — на обед мы теперь точно опоздаем.

— Ну и шла бы обедать! — грубым голосом ответил Сева. И понятно — в тот момент в его ушах все еще звучал глуховатый голос Царевны-лягушки, и Лолита казалась ему не такой привлекательной, как обычно.

Лолита поняла и пошла прочь.

Женщины вообще лучше чувствуют, чем мужчины, особенно что-нибудь неприятное.

Сева ощутил себя виноватым и догнал Лолиту.

— Мне звонили, — сказал он, — и сообщили, что вечером будет большой костер. Вечер сказок. Понимаешь?

— Не понимаю и понимать не желаю, — сказала Лолита.

У них с Ванессой общая беда. Они решили почему-то, что они самые красивые, самые умные, самые-самые-самые девочки во всем лагере. И все просто обязаны ползать у их тапочек. И уж если они кого осчастливили своим вниманием, то благодарность должна быть на всю жизнь.

— Просили сидеть поближе к костру, потому что для нас будет идти текст. Может, и задание.

— Вот и выполняй!

Тут они вошли в столовую и поспешили к своим местам. Лолита громко смеялась, перекликалась с Рембо из первого отряда, а тот глупо улыбался: сила есть — ума не надо. Потом тоже стал смеяться.

Впрочем, все это было не так важно, потому что у Севы была настоящая тайна. Пожалуй, человек может только мечтать о том, чтобы поговорить по телефону с настоящей царевной из волшебного царства. И пускай некоторые считают тебя дураком, но именно твоя помощь и дружба нужны в волшебном мире. Теперь можно рассчитывать, что к тебе на помощь всегда придет, по крайней мере, Соловей-разбойник.

И все-таки оставаться одному не очень хотелось. И Лолита с Ванессой не такие уж плохие люди, по крайней мере, они не побоялись быть с ним, когда другие бы сбежали. Жаль только, что у Севы нет друга-парня. В Москве он вообще с женщинами не дружил — некогда пустяками заниматься. Но здесь так получилось, что жизнь диктует свои правила игры.

Сева придумал эту фразу, и она ему понравилась. Ему часто нравились собственные фразы. Не исключено, что он станет политиком или писателем.

Он вышел из столовой, впереди еще полдня, которые надо занять, потому что если ты чего-то ждешь, то время начинает тащиться еле-еле.

Мимо прошла Лолита, даже не посмотрела в его сторону.

А Ванесса не знала, что Лолита злится на Савина, и спросила:

— Какие новости, командор?

— Разговаривал по телефону с нашими друзьями, — шепотом сообщил Сева, хотя никого из врагов близко не было.

— И что сообщают? — спросила Ванесса. Тоже вроде в шутку, а может, всерьез.

— Сегодня вечером будет большой костер, как будто вечер сказок.

— Почему как будто?

— Потому что на самом деле некоторым здесь придется внимательно слушать, что нам скажут, а потом исполнять.

— Опять шутишь, Савин?

— Провалиться мне на этом месте! Чтоб я сникерса в жизни не увидел!

— Круто, — согласилась Ванесса.

— Мы будем сидеть поближе к костру, чтобы не пропустить важных слов. Так сказала принцесса.

— Значит, ты с ней разговаривал? — спросила Ванесса. Теперь она не считала Севу пустым трепачом.

— А с кем же еще?

— Так неловко получилось с этой короной!

— Она просила передать тебе, чтобы ты не беспокоилась. Она сама виновата.

Эти слова Ванессе понравились. Ведь никто не хочет быть виноватым, тем более если старался для другого.

— Мне она вообще понравилась, — сказала Ванесса.

— Мне тоже, — сказал Сева.

И кто его за язык тянул! Но он уже не мог остановиться.

— Я даже сделал ей предложение.

— Какое предложение?

Севу понесло.

— Понимаешь, в волшебном мире разрешают жениться с двенадцати лет. Так что я сделал царевне предложение руки и сердца.

— Вот это номер! — У Ванессы даже глаза стали квадратными. — Ты не шутишь?

— Она дала согласие, — сказал Сева, — но я не уверен, что у меня дома эту новость примут с одобрением.

— Или ты меня разыгрываешь, или ты последний идиот в этом лагере, — сказала Ванесса. — И подозреваю, что вторая версия к тебе больше подходит.

— Клянусь чем хочешь!

— Можешь не стараться, мальчонка, — сказала Ванесса. — Тебе еще ждать и ждать, пока... сказала бы я, да стыдно за тебя, младенец.

И Ванесса пошла прочь, а Сева стоял, смотрел ей вслед и никак не мог понять, почему он нес эту чепуху? Не надо быть семи

пядей во лбу, чтобы догадаться, что все это — детская ложь. К тому же Ванесса принцессу видела и знает, что ей не меньше шестнадцати лет.

Сейчас бы вернуть свои слова обратно, да их не вернешь. И будут ему вслед кричать: «Тили-тили-тесто — жених и невеста!» Может, и не будут, но позор останется.

В таком настроении Сева отправился в свой домик взять книжку о тайнах истории, потом убежать с ней в чащу за забором и до вечера никому не попадаться на глаза.

После обеда был мертвый час, или час отдыха, называй как хочешь, но во втором отряде не дети, так что далеко не все его соблюдали. Домик был почти пуст, Сева взял книжку и напрямик, чтобы его не видели, побежал к забору, чтобы выбраться в лес.

Краем глаза он видел, что происходит вокруг, но не очень интересовался. Он заметил, что на ступеньках у заднего входа на кухню сидит Сумской и поварешкой дочерпывает компот из большой кастрюли — везет ему с друзьями! На волейбольной площадке стучит мяч — первый отряд разминается, из пустого бассейна доносятся голоса, с утра его чистят — взялись за дело всерьез... Вот и последние кусты, за ними дыра в заборе.

И вдруг Сева остановился, потому что услышал плач.

Плакал ребенок.

Вообще-то ничего особенного в этом нет. Среди двухсот детей разного возраста всегда есть кто-то обиженный, а другой скучает по дому и не привык обходиться без бабули и дедули, но тут плач был таким горьким и тот, кто плакал, так старался, чтобы его не услышали, что Сева даже остановился.

А может, помочь надо?

Вы же знаете, какое у Севы буйное воображение. Порой его не просят, а он сам уже бежит со своими советами или помощью... и получает по носу.

Бывает и так.

Вот он и остановился.

Сделал шаг в сторону плача.

Понял, что дальше не пойдет. Но и уйти не мог.

Плач прервался.

И тогда Сева угадал голос.

Плакал Гоша Полотенц, жаба и враг номер один.

Вот уж совсем непонятно!

Тут уж точно надо уйти. Но Сева уйти не успел, потому что Гоша почуял, что он стоит близко, и сказал злым голосом:

— Не подсматривай. Вали отсюда.

— А ты не указывай, — огрызнулся Сева. — Тоже мне — хозяин всей Земли!

— Никакой я не хозяин! Что ты понимаешь!

Между ними был густой ореховый куст, и поэтому Сева видел только части Гоши, а Гоша не мог видеть всего Севу.

— Что надо, я понимаю. Ты зачем лягушку мучил? Думаешь, я тебе это прощу?

— Ну, хочешь, бей меня, — неожиданно сказал Гоша. — Хочешь — бей. Мне теперь все равно.

И он сказал это совсем без притворства. С таким горем, что у Севы дыхание перехватило.

— Слушай, — сказал он. — Я, конечно, не вмешиваюсь, но если у тебя что случилось, ты лучше мне скажи.

— А ты никому не скажешь?

— Нет.

— Подойди сюда.

Сева раздвинул ветви. Гоша сидел, обхватив колени толстыми руками так, что пальцы побелели.

Он не поднял головы, а сказал медленно и тихо:

— У меня маму украли.

— Что?

Сева так и сел на траву.

Всякие несчастья, убийства, похищения, конечно, случаются, но случаются только в газетах и на телевидении. А в жизни, с обычными людьми, которых ты знаешь, этого случиться не может.

— Как, из дома украли?

— Она в парке была, — сказал Гоша, — у нас там парк близко, она гимнастикой занимается. Она у меня очень красивая... мама.

И тут он так заплакал, так по-детски, что Севе захотелось обнять его за плечи и как-нибудь утешить. Но нельзя же взрослого парня обнимать... И Сева вместо этого вдруг ужасно испугался за свою маму. И спросил:

— А зачем?

— Папа сказал, они потребовали выкуп.

— А сколько?

Сева думал — наверно, тысячу баксов или десять тысяч, а когда Гоша сказал, он его не сразу понял.

— Пятьдесят семь миллионов баксов, — сказал Гоша.

— Разве такие деньги бывают?

— Бывают.

— Если такие деньги у вас дома бывают, что ты в нашем лагере делаешь?

— А папа думает, что мне надо общаться с народом, — ответил Гоша.

И тут Сева догадался, что Гоша не очень умный человек, скорее даже наивный, чем глупый. Может, он всю свою жизнь, все свои тринадцать лет жил, как принц в стеклянной башне. И вдруг король, то есть его предок, решил, что принцу пора готовиться к коронации и надо узнать народ поближе.

— Ты что, в школу не ходишь? — спросил Сева.

— Я хожу, хожу, — отмахнулся Гоша. — А ты жестокий и слепой эгоист!

— Это я? С чего ты взял?

— У меня украли маму! Ее могут убить похитители, а ты смеешься надо мной.

— Богатые тоже плачут? — спросил Сева.

Это был такой бразильский сериал, давно, в детстве. Мама рассказывала. Но Гоша не понял шутки и ответил серьезно:

— Кончай, Савин, не мучай меня, — сказал Гоша и заплакал. У него от слез лицо распухло, и глаза стали красными. И Сева понимал, что не прав. В конце концов, мама — это мама, богатая или бедная...

— А кто тебе сказал? — спросил Сева. — Может, пошутили?

— Нет, мне личная секретарша папы позвонила. Она вообще никогда не шутит, честное слово. Я ее не выношу.

Гоша думал, морщил свой небольшой лобик и потом вдруг задал совершенно неожиданный вопрос:

— А папа заплатит деньги?

— Ну, если есть, чего ж не заплатить? — удивился Сева.

Гоша шмыгнул носом и сказал:

— Только у меня к тебе просьба... пожалуйста... это может маме повредить. И зачем я тебе все рассказал?..

— Не надо лишних слов и песен, — сказал Сева. — Никому я ничего не скажу. Могила.

И он пошел дальше, к лесу, чтобы почитать книгу.

Пролез сквозь дырку в заборе, прошел несколько шагов по лесу и понял, что не хочется ему читать. Нет настроения.

Глава пятнадцатая

БОЛЬШОЙ КОСТЕР НА ПОЛЯНЕ

Как раз после ужина, когда солнце еще не село, а лишь коснулось еловых вершин и поджало лучи, наколовшись на них, на территорию въехал трейлер с окошками, разукрашенными светящимися надписями и рисунками. И надписи, и рисунки меня-

лись, переходили один в другую и одна в другой. Пока трейлер разворачивался, следуя за Ромой, который показывал, по какой дорожке ехать к линейке, на его бортах красовались мирные пейзажи, правда, не подмосковные, а тропические, с кокосовыми пальмами, золотыми пляжами и бирюзовым морем, а когда трейлер ехал по лагерю, тропические пейзажи растворились в тумане, и из него возникли довольно мрачные скалистые обрывы, серое море, сизые облака и голубые снежные пики на горизонте. Пики стали покачивать острыми вершинами, из них вырывались столбы оранжевой лавы, и черные облака поплыли над ними, извергая раскаленные камни. «Наш волшебный мир» — такие слова появились на скале, словно сложенные из звездочек, а на задней стенке трейлера возник толстый клоун в черном цилиндре и костюме из больших оранжевых и лиловых клеток. Клоун распахнул широкие двери в трейлер, и оттуда стали выскакивать звери, зверюшки, зверята и даже насекомые, они прыгали, летали, щебетали, бегали, ворчали и попискивали, но, отбежав или отлетев на несколько метров от трейлера, растворялись в воздухе.

Но они не исчезали совсем, потому что на месте растворившегося в воздухе существа из земли поднималось дерево, пальма, куст, а то и сказочный, неизвестный, но очень красивый цветок. Так что трейлер медленно удалялся по аллее, а за ним уже бежали, смеясь и крича, жители лагеря «Елочка». Такое приятное настроение исходило от трейлера.

Среди сбежавшихся к линейке — большой поляне, с которой открывался вид на поля и перелески, не было только Гоши, который остался в домике. Он лежал, закрывшись с головой одеялом, чтобы думали, что он спит, а на самом деле он звонил папе по мобильнику, а папин мобильник не отвечал. Наверное, был отключен, чтобы не отвлекаться от главного — поисков мамы.

Гоша не слышал и не мог догадаться, что в эти самые минуты папа спорил с Элиной Виленовной.

Господин Полотенц был сердит.

— *Разве я просил рассказывать мальчику о похищении?*

— Он бы и без меня узнал.

— Не знаю, как бы узнал.

— Когда найдут мамин труп, он обязательно узнает.

— Элина, что ты мелешь! Как ты посмела!

— Я говорю жизненную правду. И мальчику пора ее знать.

— Но Аглае ничего не угрожает. Правда, ей ничего не угрожает! Признайся, ты ничего не замыслила?

— Не говори глупостей. Твоя Аглая могла угадать, кто все замыслил.

— Нас там не было! А Каину можно доверять!

— В любом случае, из соображений безопасности, лучше, чтобы Аглая исчезла навсегда.

— Я не согласен! Это негуманно!

— А пятьдесят семь миллионов? Мы их еще не отвезли. Вы хотите их потерять, шеф?

— Нет, ни в коем случае! Сейчас, когда мы на подходе к крупным делам и большим свершениям, каждая копейка на счету!

— Тогда Аглая должна исчезнуть.

— Но только чтобы осталась жива.

— А как это сделать?

— Спрячьте ее так, чтобы выхода не нашла. Но чтобы осталась жива!

— Постараюсь, — сухо ответила Элина Виленовна. — За результат не ручаюсь.

Началось представление.

Больше всего оно было похоже на цирк.

На эстраде, с которой иногда говорил речь начальник лагеря или санитарный врач, прыгали акробаты, два тигра дрессировали бородатого фокусника, метатель кинжалов вонзал с десяти шагов свои кинжалы прямо в сердце ассистентке, а потом она вытаскивала кинжалы из сердца, улыбалась, и ни капли крови из нее не капало. Канатоходцы ходили по воздуху между двумя эйфелевыми башенками без каната, но никуда не падали, а обезьяны сражались на хвостах, как на шпагах. Два говорящих страуса выпускали из клювов огненные шары, и они складывались над сценой в короткие слова на иностранных языках, а по поляне разносился запах французских духов, а может быть, тропических цветов, которым подражают французские духи.

Маленький оркестр, состоявший из различных животных, от медведя, который играл на контрабасе, и до лисицы с маленькой свирелью, исполнял зажигательные мелодии, так что многие начали танцевать. И чем больше народа танцевало, тем многолюднее становился оркестр, словно не только из трейлера, но и из леса, даже из серебристых вечерних облаков появлялись все новые оркестранты.

Скоро уже все зрители и актеры танцевали вместе. В том числе воспитатели, поварихи, сторож дядя Тихон, лагерный шофер Капитолина — всего двести человек.

Среди этого шумного праздника образовался тихий островок, на который никто не обращал внимания.

Чуть в стороне от эстрады, на которой прыгали акробаты, горел костер. У костра лежало толстое бревно, на бревне сидели рядышком, обнявшись, Ванесса и Лолита. А у их ног, чуть в сторонке, сидел, обхватив руками колени, Сева Савин.

Напротив них, по ту сторону костра, был пенек.

На этом пне сидела женщина, которая была не одной и той же, а разной.

Может, она была одной и той же, но хитрость заключалась в том, что каждый видел в ней свою собственную бабушку. И был уверен, что остальные тоже видят ее.

Поэтому для Севы женщина была загорелой нестарой женщиной в белом платке, которым были прижаты пышные с проседью русые волосы, глаза у бабушки были ярко-голубыми, и одета она была в сарафан и высокие ботинки. Знаете почему? Дело в том, что бабушка живет в Крыму, недалеко от Керчи, а там, на взгорье в степи, на краю которой стоит их село, встречаются довольно злые скорпионы. Зовут бабушку Марьей Васильевной, но она сама себя называет Мусей, и все в поселке на берегу моря зовут ее Мусей.

Лолита увидела совсем другую бабушку. Но тоже любимую.

Ее бабушка была толстой, говорливой и, хоть жила в Москве, родом была из Каменец-Подольского, это красивый и старинный город. Бабушка в молодости увлекалась эстрадными песнями и даже выступала на сцене, правда, ни в Киев, ни в Москву не попала, но, говорят, в Каменец-Подольском Фрида Блюм была известной певицей. Но теперь не так уж много осталось у нее почитателей. Бабушка любила громко смеяться, отлично готовила и шила так, что Кристиан Диор, который был поклонником ее таланта, двадцать раз звал ее к себе в Париж закройщицей. Но бабушка сначала была занята песнями, потом воспитывала своего сыночка, а потом переключилась на внучку.

А Ванесса увидела свою бабушку, которую она на самом деле видела очень редко, потому что бабушка всегда ссорилась с ее мамой, они никак не могли договориться, как лучше воспитывать детей — Ванессу и ее сестру Пелагею по прозвищу Палка. Бабушка была сторонницей аристократического воспитания, игры на скрипке и изучения латинского языка, не говоря уж о пристойных манерах, а мама считала, что девочки должны заниматься спортом и бегать кроссы. Девочки не хотели бегать кроссы, но не очень любили и латинский язык. Зато с раннего детства научились играть на противоречиях в семействе.

Итак, Сева видел сидящую на пне крымскую бабушку Мусю, Лолита — бабушку Фриду, а Ванесса свою гордую бабушку Ирину Эдуардовну.

Но все, что говорила первая бабушка, слово в слово и одновременно повторяли вторая и третья.

Бабушка была одна, а ребята видели каждый свою.

— Вот мы и нашли с вами тихое местечко, — улыбнулась бабушка.

В этот момент вереница акробатов добежала до костра и принялась через него прыгать. От их прыжков поднялся ветер, и большие искры закружились над костром.

— Может, пойдем в беседку? — спросила Ванесса и показала на белую беседку, что стояла над обрывом.

— Во-первых, — сказала ее бабушка, — в беседке сидят двадцать пять любителей туристской песни с гитарами, но без слуха и голоса, а во-вторых, нам здесь спокойней, потому что, если ты хочешь поговорить по секрету, то лучше всего выйти на людную площадь, и никто тебя не заметит.

— Это правильно, — сказала Лолита.

Она была немного удивлена тем, что бабушка Фрида, такая домоседка, выбралась поздним вечером в лагерь, но сама бабушка была так спокойна, что Лолита решила — приехала, значит, так надо.

Это был такой чудесный вечер, когда все оживает и ты ничему не удивляешься, и если по небу поплывут светящиеся слоны, значит, им просто захотелось полетать в свое удовольствие.

— Я хотела рассказать вам одну правдивую историю, — произнесла общая бабушка. — Вы могли бы мне не поверить, поэтому я устроила волшебный праздник, на котором становится явью любая сказочная история. Так что слушайте и поверьте мне — все в этой истории до последнего слова чистая правда.

Она внимательно обвела взглядом слушателей, кинула взгляд на фейерверк, который вспыхнул как раз в тот момент, и продолжала:

— Жил-был гном Юхан-малыш. Так его звали не потому, что он был младшим в семействе, а потому, что уродился карликом. Вам, наверное, кажется, что все гномы одного роста? Какого роста гномы?

— Наверное, мне по колено, — сказала Лолита.

— Я думаю, что он уместится на ладони, — сказал Сева.

— Нет, не уместится, — возразила Ванесса.

— Средний рост современного гнома, — сказала бабушка, — тридцать два сантиметра, но, конечно же, они различаются ростом, как и люди. Известны легенды о великане племени гномов Лейфе Кропотливом. Ростом он был больше двух футов. Знаете, сколько это будет?

— Шестьдесят сантиметров! — сказала Лолита. — Настоящий гигант!

На будущее вам полезно будет знать, что Лолита — отличница. Она еще с яслей отличница, она в детском саду была отличницей, она кашу ела отлично, она тетрадки оборачивала в отличные обложки, она может пройти от дома до школы под грязевым дождем, по колено в лужах, а когда войдет в школу, все увидят, что у нее, у единственной во всей школе, туфли сверкают, как будто она не с улицы пришла, а из танцзала.

— Ты права, девочка, — сказала бабушка. — Среди гномов есть как гиганты, так и лилипуты. Юхан-малыш еле-еле вырос до двадцати сантиметров. Природа наградила его ловкостью, наглостью, упорством, но трудолюбия не дала. Он был изобретателен и хитер, но все мечты его были направлены на то, чтобы разбогатеть не работая, то есть найти богатство вдали от дома.

Тут подскочил Толик Рембо, он хотел пригласить Лолиту на танец, он даже потянул ее за руку, но бабушка обернулась к нему и показалась лагерному хулигану его собственной бабушкой, которая служила во вневедомственной охране и ходила по ночным улицам с пистолетом.

— А ну, Толик, вали отсюда! — приказала бабушка Рембе, и тот тут же поджал хвост и скрылся в темноте.

Только, пожалуйста, не думайте, что я ошибся, склоняя его имя. Это имя неграмотное само по себе и потому обязательно склоняется. Так и говорят: к Рембе, Рембой, о Рембе, и если Ремб много, то можно сказать и «Рембами»!

Остальные наши герои не слышали, как бабушка шуганула Рембу, а Лолита обрадовалась — она и не думала, что удастся отогнать его бескровно.

Бабушка вздохнула и продолжала:

— И вот самый маленький гном на свете по имени Юхан ненавидел труд и мечтал разбогатеть в других странах. Но если человеческие путешественники, такие, как Амундсен или Марко Поло, могли идти только по поверхности Земли, то гном может углубиться в Землю. Ведь наша планета буквально изъедена пещерами, словно червивое яблоко. А малютке Юхану его бабушка рассказала легенду о том, что где-то в глубинах Земли есть целый мир, потолок его так высок, что по нему плывут облака, а посреди него сияет свое солнце из подземной лавы, которое согревает и освещает этот мир. В том мире немало чудес, но попасть в него невозможно, потому что все пути туда завалены километрами гранита и базальта. Но маленький Юхан этим словам не поверил. Если туда невозможно пробраться, сказал он, то как же пробрались те, кто рассказал об этом мире? Так что если подземный мир не сказка, значит, в это место есть путь. Но путь, недоступный для обыкновенных зверей или гномов, иначе бы они давно туда забрались. Вам не скучно?

Слушатели будто проснулись от этих слов.

— Нет, что ты, бабушка! — хором воскликнули они.

Бабушки улыбнулись разными улыбками, и каждая из них потрепала по затылку своего внука или внучку.

— Год за годом упрямый Юхан искал пути внутрь Земли. Он прочел все манускрипты в подземных библиотеках, он поговорил со всеми мудрецами, но ничего не добился.

Тогда он стал пробовать пути сквозь самые большие и глубокие пещеры Земли и даже опускаться в жерла вулканов.

Многие считали его сумасшедшим, а другие — просто дураком. Но никто не верил, что он добьется цели.

За годы, что прошли в поисках, он узнал больше всех в мире о подземельях, он познакомился с удивительными тварями, что обитают в глубинах Земли. И вот, в один прекрасный день, который всегда наступает у того, кто очень долго и упорно стремится к цели, Юхан исчез на целый год. Все думали, что он погиб, но на самом деле оказалось, что он проник все же в тот мир извилистым узким ходом, который, кроме него могут преодолеть только червяки из племени Проникли, что охотятся в глубинах Земли за алмазами.

И вот в один прекрасный день Юхан вернулся наверх, и все удивились, потому что мысленно его уже похоронили.

Глава шестнадцатая

ВЕСТИ О ПОДЗЕМНОМ МИРЕ

Юхан поведал гномам и прочим обитателям лесов и гор о том, что нашел Подземный мир.

Это оказался обширный и чудесный мир.

Попасть туда оказалось делом непростым, и путешествие заняло три месяца. Юхан исхудал и облысел, потерял половину зрения, забыл имя своего дяди, как-то даже хотел покончить жизнь самоубийством, потому что оказался в пещере без входа и выхода, которая медленно наполнялась водой. Он попадал в подземные дворцы, видел пещеры сокровищ и скелеты динозавров. Оказалось, что там, в глубинах Земли, живут различные существа, большей частью неприятные и злобные. Он рассказывал и о путешествии к Снежной королеве.

Когда Лолита услышала о Снежной королеве, она удивилась и спросила:

— А разве она не умерла?

— Снежная королева не может умереть, она волшебница. Она единственная волшебница, которая может жить среди льдов и снежных сугробов.

— Но она же злобная! Она вынимает из людей добрые горячие сердца и вставляет ледышки.

— Дорогая моя внучка, — сказала бабушка Фрида. — К сожалению, жизнь не такая простая штука, как пишут в букварях и рассказывают в детских мультиках. Снежная королева вовсе не злобная тварь, как изобразил ее Ганс Христиан Андерсен. Сто пятьдесят лет назад он просил ее руки и получил отказ, потому что довольно глупо бессмертной Снежной королеве, окруженной снегурочками и снеговиками, выходить замуж за обыкновенного, совершенно некрасивого и даже бедного датского писателя. Вот он ей и отомстил. Кстати, он так же незаслуженно оскорбил Крота в сказке «Дюймовочка», очень достойного землеройного господина. На чем я остановилась?

— На Снежной королеве! — хором ответили Лолита с Ванессой.

— Вот именно. Снежная королева велела своим придворным записать рассказ гнома, а его пока не отпускать.

Гном Юхан не спорил, он дал честное слово, что никуда не убежит, и ему разрешили повидать родных. Он пожил дома три дня, хвастался, что нашел в своих скитаниях потерянный город огневых троллей, у которых сундуки полны изумрудами и рубинами. А потом исчез. Заодно прихватил у соседей новые ботинки, куртку и целый мешок еды. Соседи погнались за ним, чтобы дух из него вышибить, но не нашли, а потом решили: может, так и к лучшему. Сгинет в подземельях — всем спокойнее. Снежная королева тоже махнула на него рукой, правда, оставались сомнения, видел ли он на самом деле Подземный мир или придумал. Придется, решила королева, послать кого-то по его следам.

— Зачем? — удивилась Ванесса. — Там же темно и сыро и водятся пауки.

— А может, даже вампиры, — сказала Лолита.

— Недавно, — ответила бабушка, — главные персоны волшебного мира собирались, чтобы обсудить самые главные проблемы.

— Какие же это проблемы? — спросил Сева.

— Подожди ты! — перебила его Ванесса. — Давайте выясним самое главное: есть ли на свете волшебники и волшебство или это сказки, которыми ты нас, бабушка, кормишь после ужина?

— Весь сегодняшний вечер — самое обыкновенное волшебство, только ты, внучка, этого не заметила.

— Потому что я не верю.

— И я не очень верю, бабушка, — сказала Лолита.

— Вот поэтому к центру Земли в тот Подземный мир, до которого смог добраться карлик-гном, пойдете не вы, мои красавицы, хоть вы и хорошие девочки. А пойдет Сева Савин, который сейчас уже испугался того, что ему придется протискиваться сквозь подземные трещины, борясь с пиявками и вампирами. Но испугался потому, что верит нам, волшебникам, и потому, что и сам может стать со временем, если захочет, одним из нас. Сева — человек особенный, а вы, мои дорогие, самые обыкновенные милые крошки.

— Если он согласится лезть под землю и искать какую-то подземную дырку, то он — самый последний идиот, — сказала Лолита.

— Но я надеюсь, что он чуточку умнее, чем кажется, — заметила Ванесса.

Бабушка нахмурилась и сказала:

— Сева, мы не можем тебя заставить. Но выслушай меня до конца.

— Конечно, выслушаю. Говори, бабушка, — согласился Сева.

Ему бы помолчать, может, даже отшутиться, тем более что никто здесь и не ждал, что он поверит сказочной бабушке. Может, даже следовало бы уйти. Но Севе было интересно до щекотки.

Конечно, он боялся этих черных глубин и подземных ходов. Какой нормальный человек туда полезет? Но хоть он еще не верил в таинственный Подземный мир, словно вычитанный из потрепанной книжки, но в сердце возникло колючее чувство, как перед прыжком в воду с высокого обрыва. Ты боишься прыжка, ты боишься высоты, но ты уже знаешь, что эта высота зовет тебя и как бы командует — прыгай!

— Вы хотите узнать, зачем собирались все старейшины волшебного мира? Чего им нужно? А нужно им ни много ни мало, как спасти невинных созданий далекой древности. Когда-то, между третьим и четвертым ледниковыми периодами, десятки тысяч лет назад существовала эпоха легенд. Людей тогда еще было мало, а Землей владели волшебники, джинны, русалки, лешие, сирены и драконы... Всех не перечислить, да и не следует. Потом с севера наступили ледники, задули промозглые ветры, всю Землю засыпало снегом, промерзли речки и озера, покрылись льдом моря, погибли от холода и голода первобытные животные, высохли растения, сгнили деревья и травы, и, конечно же, погибли многие волшебные существа, которые, в отличие от людей, не умели разжигать огонь или делать лопаты.

— Почему же мы о них знаем, — спросила Лолита, — если они так давно вымерли?

— Во-первых, девочка, ты не учитываешь глубину человеческой памяти. У каждого ребенка на Земле есть своя бабушка или даже прабабушка, и они рассказывают детям легенды и сказки. Вот они и переходят от поколения к поколению. Когда-нибудь у тебя, Лолита, будут внуки, и ты им расскажешь о Кощее Бессмертном или о Царевне-лягушке.

— Царевну я видела, — призналась Лолита, — а этот самый Кощей — он на самом деле бессмертный?

— Бессмертный. К тому же обладает ужасным характером. Не советую к нему приближаться.

— Вот чего не собираюсь делать! — воскликнула Лолита. — Обойдусь без Кощеев.

— К тому же... — продолжала бабушка, поглядывая на небо, по которому плыли туманные картины и между ними пролетали разноцветные искры. — К тому же кое-кто из древних волшебных существ дожил до наших дней. Один скрывался в тропической Африке, другой под землей, третий приучился жевать кору кедров и лиственниц. Даже волшебные существа могут приспосабливаться к тяжелым обстоятельствам. Но увидеть их почти невозможно, потому что их мало и они научились скрываться. Оказалось, что злейшие враги сказки — люди. Они вырубают леса, отравляют озера и реки, травят землю. А значит, каждый день где-то погибает гном, или леший, или домовой. Кто их, бедных, защитит? С каждым годом на Земле становится все больше людей и все меньше мест для диких зверей и сказочных существ. В безопасности сегодня лишь те из них, кто живет во льдах Арктики и Антарктиды, кто прячется на дне океана или под землей. И то люди туда теперь достают. Еще несколько лет — и на свете не останется ни одной русалки или водяного.

— А может, их отправить в зоопарк? — спросила Ванесса. — Даже интересно. Приходишь, а там русалка — привет тебе, привет!

— Но ведь русалки не животные! — возмутилась бабушка. — Они такие же люди, как и ты, только иначе устроенные. Ты сама хотела бы пожить в зоопарке?

— Время от времени хочется, — ответила Ванесса. — Особенно перед контрольной по математике.

— Сказочные существа — вольные. Они не могут жить в клетке или в загоне. Поэтому они продолжают гибнуть под винтами теплоходов, колесами поездов и автомобилей, в лесах, подожженных глупыми туристами, и на болотах, которые образуются на месте вырубленного леса. Плохо дело...

— И ничего нельзя сделать? — спросила Лолита.

— У тебя короткая память, подруга, — сказал Сева. — Ведь моя бабушка не зря рассказывала о Подземном мире.

— Во-первых, не твоя бабушка, а моя, — сказала Лолита, — а во-вторых, я не знаю, почему она это рассказывала.

— Сева прав, — сказала бабушка. — Это была мысль Снежной королевы, и ее поддержала Фея летнего утра. Если под землей есть целый мир, где никто не живет, мы можем спасти сказочных существ, если отправим их туда.

— А как же вы это сделаете, — спросила Лолита, — если туда по щелкам пробираться нужно?

— Сначала туда отправится умный, образованный человек, — ответила бабушка. — С головой на плечах, а не темный гном, который и считать-то умеет только до тринадцати с половиной.

— Почему до тринадцати? — удивилась Ванесса.

— До тринадцати с половиной, — поправила ее бабушка, но объяснять ничего не стала.

А Сева давно понял, что разговор идет о нем и бабушка не шутит. Именно его считают тем умным и образованным человеком, который пройдет в Подземный мир.

— Он должен попасть в Подземный мир, — сказала бабушка, — и все понять.

Она, конечно же, подслушала его мысли.

— И это нужно сделать не за шесть лет, а за шесть дней.

— И в школу вы будете ходить за него? — спросила Ванесса.

— Со школой мы как-нибудь разберемся, — нахмурилась бабушка. Как и все бабушки, она не выносила критики внуков.

— А теперь я хочу задать серьезный вопрос, — сказал Сева.

— Я жду, — сказала бабушка.

Она сидела, сложив руки на животе, и ногти у бабушки были обломанные, потому что она всегда копалась в земле, на грядках или в саду возле сливовых деревьев.

— Почему не послать другого гнома? Ведь гномы лучше меня умеют пробираться под землей?

— Это должен быть очень маленький гном, — серьезно ответила бабушка. — Но даже гному Юхану было очень трудно пробираться по трещинам и переходам пещер. Значит, наш разведчик должен быть в несколько раз меньше гнома.

— Это не о Севе, — засмеялась Лолита. — Хоть он, конечно, не Гриша Сумской, но и не последний по росту в классе.

— Я четвертый, — сказал Сева.

— И что же, мы его будем уменьшать? — спросила Ванесса.

— Вот именно, — ответила бабушка. — Мы будем его уменьшать. У Снежной королевы хранится мультипликатор. Это при-

бор, который уменьшает человека в двадцать раз. Если в него войдет Сева, то он станет ростом всего с палец.

— Вот и отправьте туда гнома, — сказала Лолита.

Ей почему-то вдруг не захотелось, чтобы Сева лез в эту черную бездну. Страшно за него стало.

— Нельзя, — вздохнула бабушка. — Мы бы и обошлись без помощи людей, но на сказочных существ человеческие научные приборы не действуют. Мы иначе устроены, у нас даже клеток нет. А мультипликатор изобретен людьми, и пользоваться им могут только люди. А в нашем с вами случае — только Сева Савин. Но, разумеется, он может отказаться. Никто его не неволит.

— Не соглашайся, Сева, — сказала Лолита, — я тебе не советую.

— А что он будет за это иметь? — спросила Ванесса. — Вы ему драгоценностей дадите?

— Если надо, то дадим.

— Помолчи! — рассердился Сева. — Дело не в этом.

— В этом тоже. Ты такое слово знаешь — «альтруист»? — спросила Лолита.

— Внучка, — рассердилась ее бабушка. — Образование человеку дается не для того, чтобы им бить окружающих по голове.

— И что такое альтруист? — спросил Сева.

— Это человек, который всем делает подарки, а сам получает по шапке.

— Нормально, — сказал Сева. — Меня интересует, как вы дома и в школе всех обманете?

— Во-первых, тебе еще почти месяц жить в лагере.

— Меня хватятся.

— Не хватятся. Мы об этом позаботимся. Договоримся с Афанасием Столичным.

— А потом?

— Потом ты вернешься.

— Со щитом или на щите, — заметила отличница Лолита.

— Со щитом, — сказала бабушка. — Ты найдешь короткий путь в Подземелье, которое мы условно называем Убежищем. А если задержишься, то мы продлим твою жизнь в лагере на вторую смену. А маму с сестренкой отправим отдыхать на Канарские острова.

— У них нет денег на Канарские острова летать, — буркнул Сева, которого не приглашали на эти острова, а звали лезть в яму.

— А премия маме? — спросила бабушка. — И отличная, скажу тебе, премия.

— Но они же не могут два месяца сидеть на Канарских островах!

— И не надо. Они будут знать, что их внук уехал к любимой бабушке и там купается в море и ест виноград.

— Ну тебе повезло! — рассмеялась Ванесса. — Я же говорю — альтруист несчастный.

И тут Сева понял, что он не дурак, чтобы лезть в Подземелье, когда все вокруг будут отдыхать и купаться. Даже в лагере лучше...

— Хорошо, — сказал он. — Где ваша Снежная королева?

Часть II

ЧЕРТОГИ СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ

Глава первая

ЗАВТРА — В ЛАПЛАНДИЮ

Праздник в летнем лагере постепенно заканчивался. Музыка уже играла не так громко и весело, она собиралась перейти на колыбельную песню, как только сами по себе погаснут разноцветные фонарики и растворятся среди звездочек звезды последней вспышки фейерверка. Вожатая Настя устала уговаривать ребят разойтись по палатам, но уговаривала она не очень настойчиво, как будто ей самой было жаль, что такой чудесный праздник завершается.

Бабушка, так похожая на его собственную бабушку, уехала в трейлере вместе с акробатами и сказала, что вернется к Севе с утра с билетами в Финляндию.

Именно в Финляндию, потому что в Финляндии, а точнее, в горах Лапландии ему надо встретиться и поговорить со Снежной королевой.

Бывают же на свете чудеса!

Позавчера он был самым обыкновенным Севой Савиным из второго отряда, тринадцати с половиной лет, который отличался от остальных двухсот детей и подростков, отдыхающих в лагере, тем, что верил в реальность сказок. Он был убежден, что сказки существуют на самом деле и нормальный человек может запросто встретить гнома. Или русалку.

Если человеку повезет, а главное, если он верит в такую встречу.

Но Сева не очень распространялся о своих убеждениях по простой причине: он не любил, когда над ним смеются, потому что ни один нормальный человек этого не любит. Иногда, правда, встречаются шуты, по штуке на класс. Таким нравится, чтобы над каждым их шагом хохотали, чтобы каждое их слово вызывало смешки.

Сева предпочитал быть обыкновенным, но это не всегда получалось, потому что порой ему хотелось похвастаться. А врал он плохо. Неталантливый был врун.

Итак, Сева собрался в Финляндию. И бабушка не производит впечатления вруньи.

К тому же у него есть две свидетельницы. Рядом с ним сидели на бревне и все слышали Лолита с Ванессой из второго отряда. Впрочем, слышали — не слышали, разве есть разница?

Вчера он нашел Царевну-лягушку, сегодня едет к Снежной королеве.

Вам смешно?

Допускаю.

Севе интересно и немного страшновато. Хоть бабушка обещала, что мама не хватится, потому что уверена: ее ребенок благополучно ходит в походы и собирает клубнику, но все-таки Лапландия — это Лапландия. Вы читали Андерсена? В раннем детстве. Все читали Андерсена в раннем детстве.

Сева не пошел прямо в домик второго отряда, а незаметно отошел к белой беседке с тонкими деревянными колоннами, которая стояла над крутым спуском к речной долине. Когда-то здесь был барский дом, а за сто лет от него осталась только беседка. Внутри круглой беседки вдоль перил тянулась скамейка. Сева уселся на скамейку и стал смотреть на небо. Ни о чем особенном он не думал, а просто глазел на звезды. Звезды перемигивались, по небу пролетали спутники, один раз из глубины Вселенной примчался метеорит и сгорел, не долетев до леса.

Сзади скрипнула доска — в беседку поднялась Лолита. Сева не оборачивался, он знал, что это Лолита. Три дня прошло, и он уже научился угадывать человека по шагам.

— Ты переживаешь? — спросила Лолита.

Лолита — человек-собственник. Ей обязательно нужно все иметь, со всеми дружить и даже командовать. В тринадцать лет она самый главный человек в своем доме. Это не значит, что ее кто-нибудь там боится, но никто не смеет ею командовать.

Сева не переживал.

— Нет, — сказал он, — я просто сижу.

— Это неестественно, — сказала Лолита. — Ты отправляешься в путешествие к центру Земли и, возможно, не вернешься домой. Я бы на твоем месте попрощалась с родителями.

— Ты что, озверела, что ли? — удивился Сева. — Ты представляешь, что мне скажет мама?

— Что бы она ни сказала, твоя совесть будет чиста.

На самом деле Лолита не такая дурочка, чтобы всерьез предлагать Севе такой безнадежный ход. Но она немного опасалась за Севу. Сева был немножко ее собственностью. А собственность она терять не любила. Лолита села на скамейку рядом с Севой и тоже стала смотреть на звезды. Она, конечно, рада бы

поговорить о Снежной королеве, сказочном царстве и гноме Юхане, но понимала, что Севе разговаривать не хочется. И молчала вместе с ним.

Запел горн — отбой.

И как только он замолчал, в светлой полосе, оставшейся на небе там, куда ухнуло солнце, запел соловей. Потом второй, справа. Правда, прилетели комары, но их было не очень много. Руки сами шлепали себя по комариным укусам. Так что Сева и Лолита сидели, молчали, и было слышно: шлёп, шлёп, шляп, шлю-шлёп!

В хрустальной тишине камешками в воде перекатывались далекие голоса — лагерь засыпал с трудом и не сразу.

И всем в нем было приятно. Так всегда бывает после хорошего вечера.

Потом комаров стало больше.

Лолита спросила:

— И ты на самом деле в это веришь?

— А ты?

— Конечно, нет!

Сева подумал: «А ведь мне легче, чем Лолите или Ванессе. Потому что я убежден, что сказка живет рядом с реальностью. А Лолите надо напрягаться, чтобы найти объяснение чудесам».

— Скажи, — спросил Сева, — кто нам с тобой все это рассказывал? Про гнома. Про Снежную королеву. Про Убежище.

— Как кто? — Тут же Лолита спохватилась и засмеялась: — Конечно, ты же не знаешь моей бабы Фриды!

— И как она сюда попала?

— Как попала? Ну, приехала...

Лолита осеклась и замолчала.

И снова: шлюп, шлюп, шляп, шлёп, шлёп... И комариный звон.

— Это гипноз, да? — спросила Лолита.

— Видишь, ты уже начала искать объяснения, — засмеялся Сева. — Потому что объяснения нету.

— Но я же ее видела!

— А я видел мою бабушку. Мою собственную. И наверняка Ванесса видела свою.

— Я ее спрошу, но ты, Севка, опять врешь!

— Плохо нам, сказочным людям, — сказал Сева. — Вы, приземленные человечки, совершенно не в состоянии что-нибудь вообразить!

— А ты как догадался?

— На тебя посмотрел и догадался. Ты даже назвала ее раза два бабой Фридой, а сама не заметила.

— Не может быть!

— Лолита, подумай, — сказал Сева. — Как ты можешь удивляться какой-нибудь бабушке и совсем не удивляться тому, что я завтра лечу в Лапландию?

— Ну это мы еще посмотрим, — сказала Лолита, которая почему-то обиделась на Севу, словно он ее разыгрывает или издевается над ней.

— Пошли в палаты, — сказала она, — а то нас комары сожрут.

И они пошли к домику второго отряда. Там еще горел свет, видно было, как вожатая Майя тушит свет, выходит из комнаты и кто-то тут же сразу зажигает свет снова.

Мальчиковая спальня была налево, а девичья направо.

— До завтра, — сказала Лолита.

Сева вошел в комнату.

И ему стало стыдно. Он ведь совсем забыл о Гоше Полотенце.

Сева поглядел на кровать Гоши.

Гоша спал поверх одеяла, подтянув коленки к подбородку, и казался совсем маленьким младенцем. Во сне он всхлипывал, морщился, может быть, ему свет мешал, а может, он видел какой-то очень страшный сон. На одеяле перед ним лежала цветная фотография молодой, милой женщины, совсем не похожей на Гошу, а похожей на учительницу биологии из их школы, Верочку Шевелеву. Ее все в школе звали Верочкой, даже первоклашки, такая она была безобидная, добрая, а если кто-то грубил или матюгался, Верочка так удивлялась, что всем становилось стыдно. Вот, например, Рембо, из второго отряда, он учится с Севой в одном классе, тупица непроходимый, а ты попробуй при нем что-то сказать про Верочку. Быстренько пробьешь лбом стекло на третьем этаже и улетишь на ближайшую липу.

Но, конечно, это была не Верочка, а мама Гоши, которую похитили. Сева сразу догадался. Он взял фотографию и стал разглядывать. Очень доброе лицо, но обиженное, будто ей сказали дрянное слово и убежали. Понимаете?

Женщина была сфотографирована по пояс, она стояла у моря, спиной к прибою, в легком сарафане. Приятный человек. И каково ей сейчас в плену!

Сева положил фотографию на место и пошел к своей кровати.

Он думал, что не заснет и будет всю ночь думать о путешествии, но заснул так быстро, что сам не заметил, как накрылся одеялом.

Он спал без снов, не ворочаясь, вытянувшись во весь рост, словно готов был по первому звонку вскочить и топать куда прикажут.

На остальных кроватях спали другие мальчишки отряда, одни бесшумно, словно зайчата в норке, другие во сне разговаривали или даже вскрикивали. Гоша Полотенц громко и горько всхлипнул. Над лагерем светила почти полная луна, на ее фоне пролетали маленькие летучие мыши, снижались у окна спальни мальчиков второго отряда, а некоторые даже залетали туда. И, конечно, никто не догадался — впрочем, и некому было догадываться в этом сонном царстве, — что летучие мыши выполняют волю Общей Бабушки, которая велела им присматривать за тем, чтобы никто не нарушил сна Севы Савина. Ведь Снежная королева приказала — не рисковать! Ни один волос не должен упасть с головы этого молодого джентльмена.

Как известно, Снежная королева в юности училась в Англии и не только изучила английский язык и манеры английского высшего общества, но и полюбила эту далекую страну, несмотря на то что ее за прогулы и легкомысленное поведение вскоре исключили из Оксфордского университета. Ах, как давно это было! В те времена по улицам Лондона и Оксфорда ездили тяжелые кареты и скакали на конях джентльмены, волосы у дам были длинными, до пола, а платья еще длинней. Но воспоминания юных лет — это самые глубокие и яркие из воспоминаний, поэтому Снежная королева с возрастом все больше погружалась в воспоминания о туманном Альбионе и даже при дворе велела носить английские платья того времени.

Неудивительно, что, хотя она никогда не видела Севу, она его называла «наш маленький русский джентльмен» и боялась, как бы враги до него не добрались. Она еще не знала, кто на этот раз станет ее врагом, но жизненный опыт подсказывал Снежной королеве, что без врагов и на этот раз не обойдется.

Неудивительно, что летучие мыши, сменяясь, чтобы дать товарке схватить и проглотить мотылька, кружили над домиком второго отряда, и никто не обращал на них внимания.

Но здоровью Севы пока никто не угрожал, потому что очень уж узок был круг людей, кто знал, зачем Сева понадобился Снежной королеве, еще меньше знали о том, что с утра Сева должен улетать в Лапландию. И уж совсем немного народу в лагере могли бы ответить на вопрос: а что такое Лапландия, с чем ее кушают и где она находится?

Глава вторая

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА ПОЛОТЕНЦА

Фотография милой женщины, Гошиной мамы Аглаи Тихоновны, стояла и на столе Георгия Полотенца. Большая фотография в рамке из собачьей кости и под стеклом. Уголок фотографии пересекала черная ленточка.

Когда тем утром Георгий Георгиевич пришел в свой Фонд, его встретили удрученные и испуганные сотрудники. Хоть Георгий Георгиевич не хотел, чтобы весь мир знал об исчезновении его жены, многие уже об этом знали. Георгия Георгиевича никто не любил, потому что он мало кого любил, но когда в семье случается трагедия, даже самые равнодушные люди бывают тронуты до слез.

Некоторые начинали говорить утешительные слова, но Георгий Георгиевич решительным жестом толстой ручки отмахнулся от сотрудников и, кивнув Элине Виленовне, прошел к себе в кабинет.

И тут же раздался его гневный крик, который пронзил сразу несколько стен:

— Элина Виленовна, немедленно ко мне!

Элина проплыла к кабинету шефа, медленно, как занавес в театре, раскрыла дверь и с порога спросила низким голосом кинозвезды:

— Вы меня приглашали, Георгий Георгиевич?

— Это что такое?! — закричал Полотенц. Трясущимся пальцем он показал на фотографию жены с траурной ленточкой.

— Что-нибудь не так, Георгий Георгиевич?

— Немедленно уберите!

— Я полагала, шеф, — ответила Элина, — что посетителям невредно наблюдать, как глубоко расстроен покинутый супруг.

— Я расстроен, расстроен, но ни на секунду не поверю, что Аглаю могут убить. Нет, этому не бывать! Я подниму на ноги ОМОН и спецназ! Интерпол отыщет Аглаю даже в Австралии.

— Я тоже на это надеюсь.

— Тогда при чем тут траур?

— Это не просто траур, — чуть улыбнулась молодая женщина. — Это моральный траур. Наши с вами души скорбят по отсутствию Аглаи Тихоновны в наших сердцах, хотя телом она, может быть, еще жива.

— Вы думаете, что ей угрожает смерть?

— Если похитители не получат своих денег, они могут из чувства мести убить пленницу. А если получат, тем более убьют ее, чтобы замести следы.

— Но почему?

— А потому, что она запомнила их лица.

— Значит, мы должны спешить! — воскликнул Георгий Георгиевич.

— Разумно, — согласилась Элина Виленовна.

— Так где мой начальник охраны? Где гражданин Каин?

— В служебной командировке в Финляндии. Как только он вернется, я велю ему прийти к вам в кабинет.

В наступившей паузе громко, даже оглушительно зазвонил телефон.

Георгий Георгиевич с ужасом взглянул на аппарат и прижал пальчики к груди.

— Бери трубку! — приказала Элина Виленовна.

— Беру, беру, — согласился Георгий Георгиевич.

Он поднял трубку трясущейся рукой и спросил, сглотнув слюну:

— Кто говорит?

Видно, его спросили в трубке, и он быстро ответил:

— Правильно, это я у телефона. Именно Георгий Георгиевич Полотенц. Супруг пропавшей женщины. Вот именно, пропавшей! Конечно, вы можете ко мне подняться.

Георгий Георгиевич медленно и бессильно опустил трубку и шепотом сказал Элине Виленовне:

— Это милиция, они внизу. Но ведь я не хотел их вызывать.

— Не хотел или хотел — это не играет роли. Они уже здесь. Приведи себя в порядок.

— Конечно, конечно. — Полотенц попытался пригладить волосы, стал застегивать верхнюю пуговицу рубашки.

— Дурачок, — ласково, но строго произнесла Элина.

Она сделала шаг к шефу и быстрыми движениями взлохматила волосы, оторвала верхнюю пуговицу рубашки и больно стукнула кулачком в нос, отчего у Георгия Георгиевича потекли слезы.

— Ты что? — обиделся он.

— Вот так выглядит муж, почти потерявший свою жену и полный скорби по этому поводу, — ответила Элина Виленовна. — Я потеряла в жизни уже трех мужей и знаю, как нужно выглядеть.

— Их тоже похитили?

— Нет.

Открылась дверь, и вошли два милиционера в штатском.

Они были похожи, потому что были братьями.

Их так и называли — братья Хват: Борис и Глеб.

Старший брат носил усы, а младший их брил. Глаза у них были одинаковые, карие, ореховые, в густых ресницах.

Они были короткие, мускулистые и быстрые в движениях.

— Господин Полотенц? — спросил Борис Хват.

— Георгий Георгиевич? — спросил Глеб Хват.

Широким жестом Элина показала на фотографию Аглаи Тихоновны.

Борис Хват был опытным сыщиком. Он поглядел на фотографию.

— А что, у вас есть сведения, что ее уже ликвидировали? — спросил он.

Георгий Георгиевич метнулся к столу, стал срывать ленточку с фотографии, фотография вырвалась у него из рук и грохнулась на пол — стекло вдребезги.

— Нет! — закричал он. — Это легкомысленная ошибка. Моя Аглая жива. Зачем им ее убивать, если я готов заплатить за нее любые деньги?

— Вот именно, — сказал Глеб Хват. — Вот именно. Следствие интересует, какую сумму они надеются из вас вытрясти?

Георгий Георгиевич отвел взор и сказал:

— Не могу ответить.

— Это еще почему?

— Очень дорого, — сказал он.

Тут в разговор вмешалась Элина Виленовна.

— Георгий Георгиевич, — произнесла она. — Я бы на вашем месте сказала. А то господа сыщики подумают, что вы что-то скрываете.

— Ну как, вспомнили сумму? — спросил Борис Хват.

— Лучше скажите, — попросила его Элина. — Они не отстанут, менты проклятые!

— Ну что за выражения, девушка! — обиделся Глеб Хват. — Даже преступники к нам так уже не обращаются.

— Они попросили... — Георгий Георгиевич проглотил слюну, вздохнул и сказал: — Я на бумажке напишу. Даже стены имеют уши.

Дрожащей рукой он написал несколько цифр.

Борис Хват взял бумажку и прочел ее про себя. Покачал головой и протянул брату. Брат тоже прочел и произнес вслух:

— Пятьдесят семь миллионов! Ого-го!

— Тише! — прошипел Полотенц.

— В рублях или какой валюте? — спросил Борис Хват.

— В «у. е.», — сказала Элина Виленовна. — Именно в них.

— Ну они дают! — хором возмутились милиционеры. — Это

открытый цинизм. Откуда у русского благотворителя могут быть такие деньги?

— И я так думаю, — согласился с ними Георгий Георгиевич. — Таких денег у меня быть не может.

— Значит, будем готовить операцию по захвату, — сказал Борис Хват. — Главное — узнать, где они ее держат. Будем держать вас в курсе дел. Когда вашу супругу найдем живой или мертвой, вам сообщат.

— Как так мертвой? — снова удивился Полотенц. Он очень переживал.

Но ему никто не ответил, потому что милиционеры уже покинули его кабинет.

Там воцарилась тишина.

— Каин не звонил? — спросил наконец Георгий Георгиевич.

— Пропал, — ответила секретарша. — Ума не приложу, где он может быть.

— Как только появится — сразу ко мне! Мы должны найти дорогую Аглаю раньше, чем это сделает милиция. Риск слишком велик.

— Конечно, — согласилась красавица Элина. — Нас волнует судьба человека, а им только бы план выполнить.

— Вот именно! — сказал Георгий Георгиевич.

Глава третья

НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПУТИ

Если вам приходилось путешествовать, вы знаете, как трудно спать ночью перед отлетом или отъездом.

Вставать надо в восемь, а ты просыпаешься сначала в половине пятого и думаешь: как славно, что осталось столько времени! Потом просыпаешься в семь и долго не можешь заснуть. Но за двадцать минут до срока сон обуревает тебя.

И ты засыпаешь без задних ног.

Вот и Сева проснулся, когда было еще совсем темно и только самые первые птицы пробовали свои голоса, а последний комар делал круг почета над щекой своей жертвы, чтобы отправиться потом на свое комариное болото.

Потом его разбудил птичий хор — птицы настраивали свой оркестр, причем так громко, что удивительно было, почему весь лагерь не вскочил.

Но все спали, а солнце еще не встало — лишь первые его лучи вырывались из-за деревьев.

И тут Сева услышал жужжание тяжелого толстого мохнатого шмеля. Шмель смело подлетел к его уху и прожужжал в него:

— Вставайте, Савин, вас ждут великие дела!

Может, он прожужжал что-то другое, но Сева услышал именно эти слова.

И он сразу понял, что это не сон и не розыгрыш. Пора лететь в Лапландию.

Сева вскочил, и никто не проснулся. На часах над дверью было семь часов десять минут.

Сева побежал по коридору в туалет.

Когда он хотел вернуться в палату, чтобы одеться, то увидел в дверях туалета большого кролика. Кролик стоял на задних лапах и держал на передних рубашку и джинсы Севы. Рядом с кроликом топтался маленький старичок с пегой, длинной, до пола, бородой, в синих трусах, серой рубашке с красным галстуком.

К груди он прижимал кроссовки Севы.

Это было смешно. Но никто не смеялся.

Сева быстро оделся.

Пока ему везло. Никого он не разбудил.

Старичок в это время не переставая говорил:

— Ты меня не бойсь, я здешний, всегда здесь живу. Домовой я. Но особь статья. Так и зовусь — лагерный. Нас на свете немного, но у нас есть особые знания и заботы. Я могу горном петь и даже на барабане молотить. Знаю, как галстук завязывать и строем ходить. А уж костер под дождем в походе никто лучше меня не разожжет. Понял?

— А зачем вам это? — спросил Сева.

— Зачем не зачем, а может пригодиться. А что, если горн утеряется? Кто будет музыку изображать? Ну, ты готов, Савин? Пошли, а то тебя ждут.

И домовой-лагерный первым поспешил на улицу, выглянул из двери, бородой помахал, принюхался и сказал:

— Спокойно, по одному, перебежками... марш!

И первым побежал к кустам. Сева за ним.

— Сева! — раздалось сзади.

Сева от неожиданности споткнулся. Кто его выследил?

В открытом окне спальни девочек стояла Лолита и махала ему вслед.

Сева тоже ей помахал. В принципе, она неплохой человек и даже проснулась пораньше, чтобы попрощаться.

— Ты осторожней, Савин, — сказала она, и ее голос пробился к нему сквозь оркестр птичьих голосов и звоны насекомых.

— Я вернусь, — сказал Сева. — Ты не думай.

— Дурак! — откликнулась Лолита. — Неужели я могла так подумать?

Она захлопнула окно, но не отошла от него, а продолжала смотреть вслед Севе. Но Сева ее не видел, потому что они с лагерным скрылись в кустах и выбежали к малым воротам — служебному входу. Туда приезжают машины с продуктами.

У входа на шоссе стоял «жигуленок», шестая модель. В нем сидел милиционер. У машины стоял начальник лагеря.

— Доброе утро, — сказал Сева и обернулся к лагерному. Может, недоразумение? Сейчас его поймают и отведут обратно в палату?

— Тут я с вами прощаюсь, — сказал лагерный. — До встречи. Возвращайся скорей на благо нашего народа.

— Скорее, скорее, — поторопил его Афанасий Столичный. — Роме надо еще на почту заехать и документы в центральную бухгалтерию доставить.

Все получалось как-то обыкновенно. Как бы на границе сказки. Лагерный мог быть просто маленьким дедушкой, говорящий шмель — усилителем, но что делать с Лапландией?

— Вы не забудьте маме сказать... — начал было Сева и понял, что как раз маме ничего говорить и не нужно.

— Не беспокойся, твою маму мы обманем, — ответил начальник лагеря. — Меня об этом попросили старые друзья. Поезжай спокойно, отдыхай, трудись, судя по обстоятельствам. Твоя фамилия Савин? Значит, правильно.

Сева попрощался с начальником лагеря за руку и так и не понял, шутил тот или говорил серьезно.

Он сел рядом с Ромой, машина сразу помчалась по шоссе, Сева только успел помахать провожающим — лагерный домовой стоял рядом с гигантом Столичным и был ему чуть выше колен. Но махали они вслед Севе одинаково.

— А правда, что ваш брат был чемпионом Москвы? — спросил Савин.

Рома не удивился. Он вообще никогда не удивлялся.

— Второе место в Европе, и, если бы ему не подсунули допинг, быть бы ему олимпийским чемпионом. Горжусь братом, горжусь своей родиной!

Севе захотелось захлопать в ладоши, но он удержался. Солидный человек идет на важное задание. Помолчим.

Так они молчали, пока не доехали до окружной дороги.

— Дальше куда? — спросил Сева.

— В Шереметьево, — сказал Рома. — Тебя не поставили в известность?

— Поставили, только я забыл, — признался Сева.

Утро уже было в самом разгаре. В низинах дотаивал туман, тени становились все короче, вдоль дороги стояли корявые умирающие березы. Севе всегда их было жалко — они не могли убежать от выхлопов машин и гадкой химии, которой поливают зимой асфальт. Вот и умирали. Надо будет поговорить с волшебниками, подумал Сева, может, они знают какие-нибудь заклинания.

Минут через двадцать Сева попрощался с Ромой, который тут же помчался обратно, сказав, что Севу будут ждать у табло отлетов.

«Наверное, я здесь единственный человек, — рассуждал Сева, — который не несет чемодана и даже сумки. И зубная щетка осталась в лагере, и трусы, и майки. Как быть?»

Он не успел расстроиться, как к нему подошла его бабушка.

— Доброе утро, детка, — сказала она.

Сева обрадовался было, что видит ее, но вспомнил, что эта бабушка ему только кажется, и потому спросил:

— А на самом деле вы как выглядите?

— Что тебя беспокоит, внучок?

— Давайте говорить как взрослые люди, — ответил Сева. — Я уже понял, что мы имеем дело с гипнозом.

— Ты стараешься казаться взрослым и умным, а это ошибка, — ответила бабушка. — Лучше скрывать свой ум и свои догадки. Слово «гипноз» медицинское и не имеет отношения к нашему делу. Но я признаюсь — мне лучше казаться твоей бабушкой, чем незнакомым тебе человеком.

— А какая вы на самом деле? — спросил Сева.

— Всеволод, — сказала бабушка, — мне сейчас некогда играть с тобой в угадалки. Твой самолет отлетает через час, а ты еще не получил паспорт и билет, не прошел контроль и вообще даже не начинал улетать.

— В Лапландию?

— Разумеется.

— Какой же мой самолет?

— Вон тот рейс. Москва — Хельсинки.

— Вы полетите со мной?

— Сам долетишь, — ответила бабушка. — К сожалению, мне придется остаться.

В голосе бабушки прозвучала тревога.

Что-то случилось.

Сева проследил за внимательным взглядом бабушки...

Ну конечно же! Маска, я тебя знаю! По залу быстро шла неопрятная старуха в камуфляже, которую Сева увидел в первый

же день по дороге в лагерь. Она крутила лохматой головой, выискивая кого-то.

Бабушка сделала шаг вперед и прикрыла собой Севу от взглядов старухи.

— Кто она? — спросил Сева.

— А ну быстро! — велела бабушка. — Иди к стойке шесть, таможню проходи по зеленому коридору. Держи билет и паспорт. Когда тебя спросят на таможне, почему ты один, скажи, что отец прошел раньше, а ты прощался с бабушкой. Ясно? А теперь беги. Только не бегом. Беги так, чтобы никто не догадался, что ты спешишь.

Сева быстро пошел к барьеру, куда двигались все пассажиры, потому что понимал — бабушка не шутит. Близка настоящая опасность!

Сева еще не успел понять, какая опасность ему угрожает и будет угрожать, но он был не дурак и понимал, что лучше не спорить с теми людьми или волшебниками, которым согласился подчиняться.

Он не оглядывался, пока не дошел до прохода, над которым была зеленая табличка, что означало, что он не везет никаких запрещенных товаров или ценностей. Ведь он ничего не вез.

Таможенница была молоденькая и веселая.

Увидев Севу, она спросила:

— А ты куда собрался? Потерялся, что ли?

— Вот, — ответил Сева и положил свой паспорт на столик перед ней. И билет.

Девушка открыла паспорт, посмотрела на Севу, потом на билет и спросила:

— Что-то не похоже, что тебе уже шестнадцать.

«Ну что же бабушка забыла меня предупредить!» — мысленно возмутился Сева.

— У нас в семье все маленькие, — сказал он, — даже дедушка. У меня еще акселерация.

Таможенница все продолжала рассматривать паспорт, будто надеялась отыскать в нем таракана или золотую монету.

Но тут ее исследовательскую деятельность прервал отчаянный крик из зала.

Сева тоже обернулся.

И увидел, что страшноватая старуха в камуфляжном костюме рвется к Севе, а другая женщина, правда, не очень похожая на его бабушку, старуху не пускает.

— Это мой мальчонка! — кричит старуха. — Отдайте мне детку!

Сева испугался, но догадался отвернуться от этой драки.

— Мне можно идти? — спросил он.

— Это не тебя ищут? — спросила с подозрением таможенница.

— Что вы! — ответил Сева. — Мой папа раньше прошел, он хотел выпить кофе в буфете.

Сева, конечно же, не знал, есть там, за таможней, буфет или нет, но надо было говорить убедительно и спокойно.

Таможенница вернула ему паспорт, но все ее внимание было приковано к битве бабушек.

Поэтому Сева спокойно пошел к стойке, где регистрировали билеты, от нее до драки было далеко, и он понял, что вряд ли злобная старуха в камуфляже сюда прорвется.

Интересно, кто та старуха? Зачем она его преследует?

Пограничница тоже спросила его, неужели ему исполнилось шестнадцать? И долго изучала страничку на компьютере. Но, видно, волшебные жители все подготовили как следует. В конце концов она с сожалением вернула его паспорт.

Битва старушек, видно, закончилась.

Никто не преследовал Севу.

И он пошел искать 22-й выход, словно всю жизнь летает по заграницам и ничему не удивляется.

Странно, мама с Катюшкой сейчас только-только позавтракали и думают, что Сева загорает на речке или пьет кефир. А их любимый ребенок направляется к выходу номер двадцать два, откуда начинается посадка на самолет, следующий рейсом 765 Москва—Хельсинки.

Так не бывает.

А с другой стороны — почему бы такому не случиться?

Глава четвертая

ВЕРХОМ НА ПТИЦЕ

— Простите, пожалуйста, — произнес вежливый тонкий голосок под локтем Севы. — Не вы ли будете господин Савин?

Сева посмотрел вниз и увидел, что рядом с ним идет знакомый карлик — бородатенький лагерный домовой. Он тащит в руке слишком большую для него сумку. Сумка волочится по полу, и видно, как лагерному тяжело.

— Я буду господин Савин, — ответил Сева, стараясь не улыбаться. — А у вас память короткая?

— У меня? Короткая память? — Маленький бородач был возмущен настолько, что отбросил ремень сумки, сверкнул глазами и прорычал, как маленький львенок: — Держите свой багаж! Я вас в жизни не видел и не намерен видеть впредь!

— А вы разве не домовой? — удивился Сева.

— Если я и домовой, это не дает оснований меня оскорблять!

— А разве не вы меня провожали до машины?

— Чтобы я? Провожал? Хулигана? До машины? За кого вы меня принимаете?

— Но разве вы не домовой?

— Домовой.

— Лагерный?

— Я домовой, но не лагерный, не палаточный, не инкубаторный, не прогулочный. Прекратите меня оскорблять. Я самый обыкновенный аэродромный домовой! Я служу домовым на Шереметьевском аэровокзале столицы. Ясно?

— А вы так похожи на нашего лагерного домового. Он тоже красивый.

Последние слова Севы примирили домового с ним, и тот смилостивился.

— В конце концов, — заявил он, — каждый имеет право на ошибку. Люди неопытные и недалекие склонны порой путать нас. Хотя, конечно же, мы сугубо индивидуальны.

— И много вас? — спросил Сева. — Я имею в виду специальности.

— Мы не какие-нибудь служащие. Мы свободные домовые, и если есть дом, о котором надо заботиться, — мы тут как тут. И я вам скажу, молодой человек, что нам приходится все время осваивать новые места. Полвека назад аэропортных и аэродромных домовых попросту не существовало. А теперь уже появились вакансии и космодромных домовых. Вы представляете?

— С трудом, — признался Сева.

— Порой приходится совмещать две, а то и три работы. Мой знакомый вокзальный домовой освоил специальность автобусного домового, представляете? Каково ему — то в порт, то на вокзал, то на автостанцию...

— А что вы здесь делаете? — спросил Сева.

— Я? Я занят буквально круглые сутки.

Аэропортный выпятил грудь, и Сева вдруг понял, что он одет в синий мундир летчика, а на голове у него фуражка с золотым орлом. Когда он успел переодеться?

По радио объявили посадку на самолет до Хельсинки, аэропортный домовой приказал Севе:

— Сумку не забудь! Таскать я за тобой не намерен!

Сумка была не такая тяжелая, как изображал домовой. Сева перекинул ее через плечо.

— А что там? — спросил он.

— Велели купить, собрать и передать, — сказал домовой. —

Зубная щетка и шлепанцы, сам понимаешь. А ты что без багажа летишь, обворовали, что ли?

— Нет, спешил, — сказал Сева.

— Ты там напомни, чтобы мне расходы оплатили, — сказал домовой, — а то я на такой службе разорюсь. Знаешь, почем теперь зубные щетки? С ума сойти. И куда мы катимся, куда катимся...

И в следующее мгновение аэропортный домовой исчез. Растворился. «Может, — подумал Сева, — у него здесь множество своих тайных дырок. Он сквозь любой барьер пролезет. И если надо что-то пронести, домовой тут как тут! Надеюсь, он не воришка. И не бандит. Представляете, домовой-бандит! Интересно, надо будет спросить у бабушки, когда в следующий раз увидимся, сколько же всего на свете разных домовых. А если они разные, то они отличаются только специальностью или размером тоже? Маленькие домовые, старенькие домовые, молоденькие домовые, жены домовых, дети домовых — домовяши и домовяшки... Почему я целую жизнь прожил, тринадцать лет существую, а не задумывался об обычных вещах?»

До самолета Сева дошел спокойно. На всякий случай он присоседился к шумной семье с тремя детьми и внедрился в нее как бы четвертым ребенком и даже взял за руку малыша. Семейство оказалось финским и говорило на каком-то языке, совершенно непохожем на человеческий.

Впрочем, никто его не преследовал, и Сева надеялся, что аэропортный домовой и его товарищи, у которых наверняка есть связи среди пограничников и стюардесс, за ним присматривают. Но он чувствовал себя разведчиком в глубоком тылу фашистских войск или, если хотите, Джеймсом Бондом. А настоящий разведчик не должен терять бдительности.

В самолете сначала дали лимонад, а кто хочет — апельсиновый сок, место Севы было у окна, и под крылом сначала было много интересного, а потом самолет поднялся на девять километров, а с такой высоты не много увидишь, к тому же вокруг скопились облака.

Сева хотел подумать о путешествии, которое его ждет, но тут принесли завтрак, довольно вкусный, и думать стало некогда.

Стыдно признаться, но Сева раньше никогда не летал на самолете.

Семья Савиных не очень богатая, а в ней, кроме Севы, есть еще и Катюшка, которой шесть лет. Так что когда ездили в Крым, то лучше было ехать поездом. И еще Сева ездил с классом на экскурсию на каникулах в Петербург. Но когда-нибудь надо

начинать настоящие путешествия, хотя, может быть, неплохо первое большое путешествие сделать к центру Земли?

Сева положил сумку под сиденье. Место рядом с ним было свободным. Самолет был не полон.

Когда завтрак закончился, а до Хельсинки еще оставалось полчаса, Сева решил поглядеть, что в сумку положил аэропортовский гном, но тут на него напал странный сладкий сон. Может, потому, что он плохо спал ночью.

В результате Сева проспал посадку.

Самолет подпрыгнул и покатил по финляндскому аэродрому. Сева проснулся от голоса по радио, который просил не вставать с места до полной остановки самолета.

Конечно, многие стали вставать с мест и доставать с верхних полок свои сумки, а Сева не знал, что ему делать, но тут у него из-под ног раздался звонок.

Сева поглядел вниз — никого.

И тогда он сообразил, что звонит в его сумке. Значит, аэропортовский домовой подложил туда сотовый.

Сева быстро расстегнул «молнию», и в самом деле: поверх сложенной рубашки лежал мобильник.

Сева нажал на кнопку.

— Добро пожаловать, — произнес глухой голос с небольшим акцентом. — Надеюсь, ваше путешествие было приятным. Не спешите выходить из самолета, а когда спуститесь по трапу на летное поле и пойдете к выходу, то к вам подойдет стюардесса в синем берете и с родинкой на правой щеке. Она отведет вас к служебному выходу. Слушайтесь ее во всем.

Ну точно как в приключенческом романе!

Сева послушно выполнил все указания голоса в мобильнике и вышел из самолета почти последним.

Внизу у трапа стояла курносая белокурая девушка в синем костюме и синем берете. На розовой круглой щеке была видна маленькая темная родинка.

— Савин? — спросила она, глядя мимо Севы.

— Савин.

Тогда девушка осторожно, кончиками пальцев, сняла со щеки приклеенную к ней родинку и сказала:

— Привет.

Они пошли рядом по летному полю в сторону алюминиевых ангаров.

Возле небольшой двери в воротах закрытого ангара девушка помахала Севе рукой и пошла дальше. Сева понял, что надо остановиться.

И в самом деле: из ангара высунулся домовой.

Нет, ну это слишком! Почти такой же, как в Москве!

Только одет иначе: в шортах и ковбойке. Наши домовые в шортах не ходят, а делают вид, что носят летные мундиры.

— Привет, — сказал ему Сева, — вы по-русски разговариваете?

— А я, батенька, — ответил домовой, запрокинув голову и уткнувшись острым концом бороды в колено Севы, — сам-то родом буду из Ораниенбаума, слыхал о таком месте?

— Нет.

— А это целое семейство дворцов и прудов, построенных ея императорским величеством матушкой Екатериной Алексеевной. Там в музейной тишине и прошла моя молодость.

— Вы с императрицей были знакомы? — удивился Сева.

— А ты заходи, заходи, нечего посреди летного поля маячить. Мало ли кто за нами наблюдает...

Сева зашел в ангар. Там было прохладно и полутемно. Самолеты, которые стояли там, казались совсем маленькими.

— В основном, — сказал домовой, — здесь хранится сельхозавиация и пожарники. Лес бережем. Так о чем я?

— О Екатерине Алексеевне, — сказал Сева.

— Ну и зверь-баба была! — воскликнул вдруг домовой. — Родного мужа, Петеньку — сколько мы с ним в солдатики играли! родного мужа приказала шарфом задушить. Петечку... жалко мужика...

И домовой залился слезами.

Сева стоял рядом и молчал. Ну что ты будешь делать — прилетел тайно в Финляндию на явку со Снежной королевой, а домовой рыдает, жалеет старинного русского императора. Рассказать Лолите — она обхохочется.

— Хватит, — раздался голос из-под округлого потолка ангара. — Пора лететь. Королева ждет. А тебе, Андреас, пора бы подумать о пенсии.

— Ну вот! — Домовой стал грозить кулачком небу. — Хватит этих подсматриваний и подглядываний. Я сам от вас уйду!

После этого домовой Андреас, по специальности, как потом узнал Сева, ангарный, начал тянуть Севу за сумку в глубь ангара.

Он бежал, часто переставляя ножками в сапожках на высоких каблуках. Оказывается, ему хотелось казаться выше.

Сева еле поспевал за ним.

Они пробежали сквозь весь ангар мимо спящих самолетов и через заднюю дверь выскочили на зеленое поле, где стояли вертолеты и маленькие спортивные самолеты.

Домовой продолжал ругаться, хотя ругаться было не с кем.

— Вот и наш самолет, гордость воздушного флота!

Посреди поля стоял старинный самолетик, будто весь соб-

ранный из бамбуковых палок и обтянутый парусиной. Такие самолеты лет сто назад называли этажерками.

Возле самолета стоял невысокий человек в кожаной куртке, кожаном шлеме, кожаных штанах и кожаных сапогах. Все на нем было черное, поношенное, но крепкое. Лицо было закрыто квадратными темными очками. Так что оставалось место лишь для очень пышных усов.

— Вот твой пассажир, — сказал домовой. — Лети, Гарри Коллинз.

Пилот протянул Севе руку. Ладонь была жесткой и холодной.

Настоящая ладонь пилота.

— Он по-нашему не говорит, — сказал домовой. — Беда случилась лет сто назад. Гарри решил перелететь через Атлантический океан и пропал над Бермудским треугольником. Без вести. Его ждали, ждали, а потом решили, что утонул. А он, оказывается, не утонул, а промахнулся мимо своего времени. Там над Бермудским треугольником реют временные потоки. И если неудачно попасть в поток, то вынесет тебя на берег другого времени. Кого куда. Чаще навстречу собственной смерти. Вот Гарри и опустился в Лапландии. С тех пор служит Снежной королеве. Но языков не изучает. А так парень хороший. Мы с ним порой по бутылочке виски принимаем.

Пилот закинул сумку Севы в заднюю кабинку. В самолете были две открытые кабинки, и они располагались одна сзади другой. В первой сидел пилот, а во вторую влез Сева. Он лез осторожно, чтобы не повредить палочки и парусину, из которых был сделан самолет.

— А ты не трусь, не трусь, — сказал ангарный Андреас. — Не рассыплется он. Сто лет назад летал и у нас третий год летает. Еще, говорят, два-три полета выдержит.

— А может, не выдержит?

— Может, и не выдержит, — согласился домовой и пошел прочь.

Пилот пристегнул Севу к спинке жесткого кресла, сам влез в переднюю кабинку, обернулся и показал Севе большой палец. Похоже, он был славным парнем.

И тут Сева увидел, что впереди перед винтом стоит маленький домовой. Он поднатужился и повернул лопасть. Еще раз, еще — и вот мотор зашумел, затарахтел, как старый мотоцикл, и самолет затрясся.

Потом домовой отскочил в сторону, а самолет побежал, подпрыгивая, по траве, все быстрее и быстрее...

Вот он задрал нос и начал подниматься.

И в этот момент Сева понял, что в небе они не одни.

Сверху на них пикировал небольшой, вполне современный самолет — черный с серебром, с загнутыми назад крыльями.

— Гарри! — закричал Сева и стал молотить кулаком по спине пилота.

Тот оглянулся.

Сева показал наверх.

И вовремя, потому что от черно-серебряного самолета отделилась строчка сверкающих точек.

Сева догадался — пулемет!

Такое он видел в кино.

Гарри понял, что ему надо делать. Он положил самолет на крыло и стал круто поворачивать. Хорошо еще, что Сева был пристегнут, а то бы обязательно вывалился наружу.

Но как ни был скор Гарри, конечно же, современная машина была шустрее.

И Сева с ужасом увидел, что пули продырявливают брезент крыла.

Крыло вспыхнуло и стало отваливаться.

Все!

Ведь никакого парашюта, ничего... может, это снится?

Самолет стал кружиться, медленно опускаясь к деревьям и небольшим пригородным домикам, как кружится в октябрьском безветрии кленовый лист. Пока пассажиров спасало то, что самолет был очень легким и весь состоял из парусов.

Вражеский самолет сделал круг над машиной Коллинза и не стал задерживаться. В его кабине сидел пилот в черных очках, а рядом старуха в камуфляже — Кассандра!

Земля была все ближе и покачивалась, хотя, конечно же, покачивался самолет, а не земля.

Сева зажмурился, потому что решил узнать, правда ли перед смертью человек вспоминает все, что произошло в его жизни. И если это правда, то он сейчас вспомнит, куда запрятал в прошлом году офицерский компас, который подарил ему дед. Никуда не выносил, а потерял.

Но тут самолет пошел к земле быстрее, видно, собрался врезаться в лес, и Сева понял, что не успеет вспомнить, куда задевался компас.

Над ними пронеслось темное облако.

Сева взглянул наверх и понял, что рядом с ними пикирует еще один самолет, необычный, похожий на гигантскую птицу.

Он падал куда быстрее, чем самолет Коллинза.

Но только когда он промчался совсем близко от Севы, тот сообразил, что видит не самолет, а птицу размером с самолет, черный глаз которой внимательно смотрит на Севу.

На секунду птица исчезла из виду, но в следующее мгновение самолет тряхнуло, Севу дернуло вниз, прижало к сиденью.

Из-под фюзеляжа показались перья, каждое с финиковую пальму, и Сева сообразил, что птица успела подставить спину под падающую этажерку и самолет, раненый, но живой, летит теперь верхом на птице.

Птица планировала, почти не двигая крыльями, и когда Сева опомнился, он увидел, как под ними проплывают вершины елей, которые расступаются, чтобы Сева мог полюбоваться синими озерами и белыми от чистой бурной пены реками, несущимися между валунов и скал.

Пилот Коллинз сорвал очки, стал размахивать ими в воздухе, запел какую-то дикую английскую песню и обернулся к Севе.

— Бьютифул! — закричал он в перерыве между куплетами и показал Севе большой палец. Глаза у него оказались голубыми, а лицо таким худым, что кожа прилегала к черепу плотно, как у неживого.

— Что за птица? — прокричал Сева, показывая на крылья под самолетом.

— Рокк! — крикнул в ответ Гарри Коллинз. — Рокк!

И вот, на одном своем крыле и на двух птичьих крыльях, они не спеша полетели к северу.

Глава пятая

ЛАПЛАНДИЯ!

Постепенно лес под крыльями становился ниже и реже, все больше было проплешин, заваленных валунами, некоторые озера были так велики, что только сверху можно было увидеть дальний берег.

Стало холоднее. И хоть птица Рокк летела не высоко и не быстро, Севу начало знобить.

Пилот Гарри Коллинз догадался, что его пассажиру несладко, стянул с себя черную кожаную куртку и, обернувшись, протянул Савину. Тот сначала стал отказываться, но пилот сделал страшные глаза, Сева рассмеялся и закутался в подбитую мехом, пропахшую трубочным табаком куртку.

Он рад был бы заснуть, но сон не шел, все-таки было тревожно, а вдруг птица устанет? Раньше ему не приходилось летать на птицах, впрочем, он и не слыхал об этом. Если не считать детской повести о путешествии Нильса с дикими гусями, действие которой когда-то происходило именно в этих местах.

Он слыхал, конечно, о птице Рокк и знал, что о ней написано

в книге о Синдбаде-мореходе. Но эти сказочные птицы должны жить где-то в Индии...

Разные мысли скользили в мозгу Севы и недолго там задерживались.

Опять почему-то подумал об этом проклятом компасе! Не вспомнил. Значит, смерть не грозила.

И, вы не поверите, наш отважный герой нечаянно задремал и догадался об этом, только когда птица Рокк начала снижаться.

Самолет качнуло.

Хорошо еще, что Сева был пристегнут.

Сева открыл глаза — зеленое поле было совсем близко.

Он перегнулся через борт и увидел, что птица Рокк опустилась на траву, побежала по ней, балансируя на спине самолетом, потом низко присела, вытянула вперед голову, и самолет скользнул вперед по шее, съехал на траву и замер.

Гарри Коллинз совершил невероятный прыжок через борт самолета и исчез из глаз — спрыгнул на траву.

Сева перегнулся через борт и посмотрел вниз. Гарри протянул вверх руки, и Сева вылез из самолета. Гарри подхватил его и прижал к себе.

Он говорил ему веселые слова по-английски, и Сева в тот момент дал себе слово обязательно выучить английский язык. Стыдно. Тебя обнимает старинный пилот, можно сказать, пионер авиации, с которым ты только что потерпел крушение после воздушного боя, а ты не можешь ему ничего ответить, кроме примитивного «сенкью».

Пилот поставил Севу на землю. Руки у него были ледяные, и Сева сказал:

— По моей милости вы промерзли. Сейчас бы вам чарку виски, правда?

— Оу, йес, — ответил Коллинз.

Сева снял куртку и протянул пилоту.

— Гарри не пьет, — сказала бабушка, подходя к самолету. Откуда она взялась, если до ближайших деревьев было метров триста, загадка. Впрочем, разве можно удивляться в царстве сказочной Снежной королевы?

Хотя это царство совершенно не производило впечатления сказочного.

Дул холодный ветер. Может, не холодный, но наверняка свежий. Небо было синим, и по нему неслись наперегонки ватные облака, по зеленой траве летного поля, словно вороны, ходили чайки, значит, море уже близко.

— Бат кофе! — ответил бабушке пилот, который не удивился ее появлению.

— Кофе он тоже не пьет, — заметила бабушка, — только курит.

Пилот словно услышал подсказку. Он достал из кармана кожаных брюк-галифе изогнутую трубку и стал ее раскуривать, прикрывая ладонью от ветра огонек зажигалки.

— Хороший человек, — сказала бабушка, шагая рядом с Севой по траве в сторону деревянной сторожки, над которой на шесте колебался надутый конус — полосатая матерчатая труба с дыркой в конце, которая показывала, в какую сторону дует ветер. — Хороший человек и машину свою понимает, любит. Жалко, что погиб.

— Как так погиб? — удивился Сева.

— Давно погиб. Да и кому удается остаться живым в Бермудском треугольнике?

И сама себе бабушка ответила:

— Никому.

— Значит, он мертвый?

— Как статуя, — сказала бабушка.

— А он мне куртку дал.

— Понятно. Ему она только для красоты нужна, а вообще-то он добрый, отзывчивый.

Этих людей понять трудно, подумал Сева. И не удержался, спросил:

— А может, вы все мертвые?

— Исключено, — ответила бабушка. — Некоторые из нас вечные, другие долгоживущие, но мертвых раз-два и обчелся.

— Понятно, — сказал Сева.

Сбоку от тропинки, на которую они вышли, лежала птица Рокк. Так птицы не лежат. Ведь птицы даже спят сидя.

— Как она успела нас подхватить! — сказал Сева. — Ты бы видела, бабушка!

— Мне приходилось это наблюдать, — ответила бабушка. — Это крайне сообразительное существо. Я только недавно узнала, что птицы Рокк так спасают своих птенцов, которые выпадают из гнезда. У них гнезда на вершинах гор, и порой сильный ветер выбрасывает птенца наружу. Почти всегда мать или отец птенца успевает догнать его у земли и подставить спину.

Птица Рокк подняла голову. Глаза у нее были черными, с блюдце каждый, а клюв, размером с лодку, желтым. Птица приоткрыла клюв и мелодичным басом сказала:

— У-ху.

— Спасибо, — сказал птице Сева.

Из невысокого редкого леса, который окружал аэродром, выехала хрустальная карета, запряженная тремя парами северных оленей.

Дверца кареты распахнулась, и оттуда выскочила женщина в длинном белом, в блестках, платье с короткими рукавами. Подобрав подол, женщина побежала по траве к Севе.

У женщины были удивительные белые волосы, но не седые, а просто белые. Как пена, в которую камни и острые скалы взбивают хрустальную воду финских ручьев.

И лицо у этой женщины было куда белее обычных человеческих лиц.

Зато ее губы были ярко накрашены, а ресницы такими длинными, словно ее глаза были озерцами, окруженными густым тростником.

Женщина бежала к Севе, раскинув длинные белые руки, увитые браслетами и унизанные перстнями и кольцами.

Она кричала на бегу:

— Ну долетел все-таки! Долетел, а мог погибнуть в пути. Нет, вы только подумайте, какими надо быть мерзавцами, чтобы поднять руку на невинного ребенка. Я приказываю немедленно отыскать и примерно наказать убийц! Вы меня слышите?

— *Слышим... слышим!* — *прокатилось над полем.*

И только тут Сева, до того глядевший только на белую женщину, увидел, что она бежит не одна. За ней, как стая слепней и оводов за кобылицей, несется свита. Свита Снежной королевы.

Белые волки и серые летние песцы, гномы в красных колпаках и в деревянных башмаках, лешие, покрытые густой шерстью, из которой торчали еловые ветки и всяческий лесной мусор, тролли, такие уродливые, что при виде зеркал приходили в бешенство — так страшились самих себя в зеркале, белые медвежата и бурые медвежата — ведь именно в Лапландии мирно живут и те и другие, ну и, конечно же, домовые из заброшенных лесных избушек, с длиннющими бородами и домовые, постриженные, в камзолах или пуховках, которые обитают на виллах, коттеджах или на горнолыжных курортах, белые полярные совы и всякая другая живность, которую Сева не успел разглядеть, — десятки и десятки спутников Снежной королевы. Всем чего-то от нее было нужно, хотя бы показаться рядом с королевой, или отобедать с ней за одним столом, или, наконец, станцевать хоть единожды на балу в ее дворце.

Королева подбежала к Севе, схватила его сильными руками и вдруг подбросила в воздух, как котенка.

И тут же поймала, поднесла лицом к своему лицу и поцеловала горячими красными губами прямо в кончик носа.

Сева не сразу сообразил, чему он больше удивился.

То ли тому, что взлетел к облакам.

То ли тому, что у королевы такие горячие руки.

И такие горячие, пышные и мягкие губы.

Ведь если бы его спросили, какими будут губы у Снежной королевы, он, конечно, ответил бы, что ледяными, как руки пилота Гарри Коллинза, который оказался мертвяком. Впрочем, очень жаль, что это так, потому что пилот Коллинз очень понравился Севе.

Так что Сева обрадовался горячим губам Снежной королевы.

Снежная королева отпустила Севу, и он еле удержался, чтобы не грохнуться на траву.

А Снежная королева уже побежала к птице Рокк, которая поднялась на гигантские желтые морщинистые лапы и протянула к королеве свой гигантский клюв.

Королева потрепала птицу по клюву.

— Спасибо тебе, цыпленок! — сказала она, и птица — в это трудно поверить, но я сам как-то это наблюдал, — птица Рокк улыбнулась и начала переступать с ноги на ногу, как бы пританцовывая.

А Снежная королева уже разговаривала с бабушкой.

— Что же это получается? — спросила она строго. — Ты не смогла обеспечить безопасность нашему спасителю? Что бы ты ответила нашим потомкам, если бы камрад Савин погиб? А что бы ты сказала его драгоценной маме Елизавете Павловне? Что?

И тут бабушка неожиданно рухнула на колени и начала биться головой о землю и кричать:

— Не погуби, ваше величество! Виновата я в легкомыслии, и нет мне прощения.

Севе стало так неловко за свою бабушку, хоть он и знал, что его бабушка — вовсе не его бабушка, а только видение, что он кинулся к ней и стал поднимать ее с колен.

— Ну бабушка, не надо, — повторял он. — Люди же смотрят.

— Мальчик прав, — сказал длиннобородый домовой. — Не надо выяснять отношения. Раз он жив-здоров, значит, он жив-здоров.

— Ах, как мудро! — закричали все вокруг.

Снежная королева склонила голову набок и повторила:

— Раз он жив-здоров, значит, он жив-здоров.

— А это еще мудрее! — закричали придворные.

Севе стало смешно, и он подумал: «Как странно, я понимаю все, о чем говорят».

— А в этом нет ничего удивительного, — ответила на его

мысль бабушка, которая шустро поднялась с колен. — Ты же находишься в пределах сказочной юрисдикции Снежного королевства. Удивительнее, если бы ты ничего не понял.

— Пошли, Сева, — Снежная королева протянула ему теплую руку.

Сева осторожно взялся за ее пальцы.

— Не удивляйся, — сказала королева. — Конечно же, я теплая. Я живая и даже теплокровная. Вот была бы я мертвячкой, как Гарри, тогда и руки у меня были бы ледяными. А тут...

Она наклонилась, снова поцеловала Севу в щеку, он увидел совсем рядом ее зеленоватые глаза такого же цвета, как бывает вода в проруби.

— Вытри со щеки помаду, — велела она, — а то девчонки будут дразниться.

Сева тер щеку и думал: никогда не догадаться, сколько ей лет. Кожа гладкая, ни единой морщинки, глаза ясные, сверкающие, сама стройная, как гимнастка на помосте, и в то же время ты понимаешь, что никакая она не молодая. Но старая ли?

Нет, ни в коем случае этого нельзя сказать.

Хотя, может быть, она старинная, как старинный хрустальный бокал.

— Пошли, наш верный отважный друг, — сказала королева и повела Севу к своей карете.

Она уселась на покрытое подушками сиденье, рядом посадила Севу, и тут же по ее знаку в карету полезли придворные и сопровождающие гномы и феи. Сразу карета набилась мелким народом и наполнилась различными голосами.

Тесно стало до безобразия, но в то же время никто до Севы не дотрагивался. Друг с дружкой они толкались и щебетали, попискивали, смеялись и даже ныли, но Сева сидел как за стеклом.

— Ну как, не удивительно тебе? — спросила королева.

Сева открыл было рот, чтобы признаться, что ничего более удивительного и похожего на сон с ним в жизни не случалось, но его проклятый язык сам за него ответил.

— Ничего особенного, — сказал он. — А у вас грибы есть?

— Грибы?

И в карете наступила гробовая тишина. Будто Сева произнес совершенно неприличное слово.

— Грибы? — повторила Снежная королева.

— Я их собирать люблю, — сказал Сева. — А так не люблю, вы не думайте. Я их даже ем редко, только соленые.

— Он их ест, — прошептал над ухом Севы белый пушистый мотылек.

— Давай договоримся, мой друг, — сказала Снежная королева голосом Снежной королевы. — Больше ни о каких грибах мы здесь не говорим. Даже это слово забыли. Ты понял?

— Я понял, — сказал Сева.

И чуть было не добавил — «ваше величество».

Тишина так и осталась внутри кареты. Карета ехала по асфальтовой шоссейке, раскачивалась, позвякивала множеством колокольчиков и хрустальных подвесок, которыми была украшена, но внутри ее никто и слова не сказал.

И тут Сева подумал: «А чего я стесняюсь? Во всем мире грибы собирают и едят. Кроме поганок. Может быть, здесь грибы ядовитые?»

Но Снежная королева сменила тему разговора.

— Как здоровье Афанасия Тихоновича? — спросила она.

— Чье здоровье?

— Бывшего чемпиона мира Афанасия Столичного. Неужели ты о нем уже забыл?

— Это наш начальник лагеря?

— Вот именно.

— На вид он ничего, молодец, — сказал Сева. — А что, вы знакомы?

— Как я была в него влюблена! Как я болела за него двадцать три года назад, когда в Хельсинки проходило первенство Европы!

— А он? — спросил Сева.

Угрожающее шуршание и шипение пролетело по карете.

Опять он не то сказал!

На этот раз ему ответила сама королева.

— Считается, — сказала она, — что любой смертный под воздействием моих чар теряет голову.

— А Афанасий Тихонович?

— Вот он и покинул спорт, — загадочно ответила королева. — И прозябает в оздоровительном летнем лагере под Москвой. А мог бы стать президентом Гренландии.

— У нас хороший лагерь, — вступился Сева за Афанасия Столичного. — Наверное, лучший в Московской области.

— Что ж, — сказала королева, — я тебе верю, мой мальчик.

Она смотрела прямо перед собой, и у нее был очень красивый, но неподвижный профиль. Полное впечатление, что ее голову высекли из мрамора. И потом покрасили ее глаза и губы. Она казалась не королевой, а статуей. Сева даже хотел ей сказать об этом, но карета наклонилась, затормозила и встала.

Сева подождал, пока выйдет Снежная королева, потом выбегут и выползут ее подданные, и лишь потом сам спрыгнул на плитки, которыми была вымощена площадка перед дворцом Снежной королевы.

Глава шестая

ДВОРЕЦ СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ

Плитки были ловко пригнаны, так что даже зазоров не видно, гладкие, отшлифованные, светлые, но все разные и каждая со своим узором, красивее, чем в метро.

Плитками была покрыта площадка размером с баскетбольную, и сбоку стояли в ряд несколько саней и снегоходов. А также вездеход на колесах и лыжах вместо задних колес.

А впереди Сева увидел и сам дворец Снежной королевы.

Никогда бы не догадался, что это дворец.

Скорее он был похож на очень большой деревенский дом. Нет, не на избу, а на старинный терем. И хоть он был сложен из бревен, крыша у него была крутая и покатая, а крыльцо высокое и крытое. Это было скорее место для отдыха, спортивная база, зимний курорт.

Королева сказала:

— Пошли, пошли, что ротик разинул? Разочарован? Надеялся увидеть снежный или ледяной дворец настоящей Снежной королевы? А тут какой-то мотель! Не бойся, мой мальчик. Все у меня настоящее. Но я не хочу привлекать к себе излишнего внимания. В Финляндии во всем царит порядок, даже автоинспектора нельзя подкупить. Лучше я, как обыкновенная жительница Дальнего Севера, буду заниматься филантропической деятельностью... ты понимаешь, что это значит?

— Да, это гуманитарная помощь.

— Глупое слово, — королева сморщила мраморный нос. — Может быть гуманная помощь, а гуманитарными бывают только науки.

— Но ведь по телевизору говорят!

— По телевизору тебе такого наговорят, что лучше родиться слепоглухонемым.

— Вы говорите по-русски совсем без акцента, — сказал Сева.

У Севы счастливый характер. Он быстро привыкает к людям. Вот и к королеве уже начал привыкать. В конце концов не ему нужна королева, а она его просит сделать для нее одолжение. А он, Сева, просто любит всем помогать.

— Я вообще не говорю по-русски, — ответила королева. —

Но сейчас ты попал в мою волшебную страну, а здесь языков разных нет, не нужны они нам. Обходимся.

— Хорошо бы, так было на всей Земле. Во всех странах один язык! Как было бы здорово! — вырвалось у Севы.

— Почему? — спросила королева.

— Тогда бы у нас иностранные языки в школах отменили. Представляете, раньше был английский, а теперь идем в кино!

— Как наивно, — сказала Снежная королева. — Неужели ты думаешь, что учителя оставят вас в покое? Вам тут же придумают какую-нибудь этику, эстетику или сопротивление материалов!

И Снежная королева так грустно засмеялась, что Сева сразу догадался, что она когда-то училась в школе и у нее с этим связаны неприятные воспоминания.

— Да. — Снежная королева угадала мысли Севы. — В мое время в школах еще были телесные наказания.

— Сочувствую, — сказал Сева.

— Кстати, — обернулась к нему королева, — в частных беседах ты можешь называть меня просто Роксаной. Но при людях попрошу именовать меня «ваше величество».

— Слушаюсь, ваше величество!

— И без иронии! — сказала Снежная королева.

Королева первой подошла к обыкновенной деревянной двери, и дверь распахнулась, медленно, как и положено во дворце.

Они вошли внутрь.

Заиграла музыка.

По обе стороны двери стояли на задних лапах громадные белые медведи. В лапах они держали алебарды.

Увидев королеву, медведи дружно зарычали.

Сева зажмурился и покрепче вцепился в руку королевы Роксаны.

— Не бойся, они только стражники. И раз ты мой друг, они будут охранять и тебя.

Сева не стал спорить, но он читал недавно, что диким животным нельзя до конца доверять. Всегда тигру или льву, не говоря уж о медведе, который живет в вашей квартире, может что-то втемяшиться в башку, и он вас растерзает, как котлету.

Почему-то вестибюль королевского дома был куда больше, чем весь дом снаружи.

Это был зал, но, что самое удивительное, не деревянный, как ожидаешь, а ледяной или стеклянный, с прозрачными колоннами, белым, в метровых снежинках, потолком, голубым скользким полом. А между колонн на каменных постаментах стояли белые ледяные скульптуры.

Они изображали каких-то великих людей, потому что у них

были гордые позы, высоко поднятые головы, а руками все они куда-то указывали. Правда, в разные стороны.

— Мои предки, — сообщила Снежная королева. — Большей частью по материнской линии.

Что это означало, Сева не догадался. Поэтому спросил:

— А по отцовской линии — они где?

— Они не заслужили монументов. Ты ж понимаешь...

Дальше спрашивать не было смысла. Не заслужили, значит, не заслужили.

— Мы поговорим у меня в кабинете, — сказала королева, направляясь к резной каменной двери в ледяной стене. Дверь была ростом в два этажа, и она тоже послушно раскрылась, когда к ней подошла королева.

Там белых медведей не было.

— Фотоэлемент? — спросил Сева.

— Какой еще фотоэлемент! — сказала королева. — Он бы у нас быстренько заржавел.

А сама улыбнулась. Словно знала, что такое фотоэлемент.

Кабинет Снежной королевы был поменьше вестибюля. Если бы не ледяные стены, в которых были спрятаны светильники, которые разливали сияние внутри стены, и не потолок в виде сталактитов — ледяных сосулек, которые свисали сверху и на конце каждой горела лампочка, можно было бы подумать, что это обыкновенный городской кабинет.

Снежная королева подошла к обширному письменному столу, заваленному бумагами, кассетами, пластинками, дисками с нависающим над ним экраном позолоченного компьютера, уселась во вращающееся кожаное кресло, оттолкнулась и закрутилась в нем, весело крича на лету:

— Ничего не знаю! Ничего не умею! Не желаю притворяться умной!

Взмахнула руками, и ничего на столе не осталось.

Лишь лист бумаги, исписанный крупными летящими буквами, гусиное перо, чернильница на краю стола да серебряный колокольчик.

— Порой, — сказала Снежная королева, замедляя полет в кресле, — я сама не понимаю, в каком мире я живу. А живу я давно, потому что, судя по всему, я бессмертна. Это совершенно неприлично, но никуда не денешься. Ведь у каждого есть свои обязанности перед народом и страной. Я стараюсь приносить пользу, но знаешь, мальчик, я далеко не всегда уверена, что это именно польза. А может, мне надо бы уйти в отставку и утопиться в Ледовитом океане.

— И сколько же вам лет? — спросил Сева, который не знал,

что женщинам этот вопрос задавать совершенно запрещено. Даже неприлично.

— Ну кто считал, — отмахнулась королева. — Больше двадцати. И это старость.

Она взяла колокольчик и потрясла им.

Ласковый серебряный звон поднялся к сталактитам, пролетел между колонн, отразился от ледяных стен, и весь дворец наполнился новогодним бархатным звоном.

— Пора переходить к делу, — сказала Снежная королева. — Мы с тобой люди занятые и не можем тратить время на пустые разговоры о времени, возрасте и бывших сражениях, не так ли? Наши друзья ждут.

— А мне в лагерь надо будет вернуться, — сказал Сева. А то она подумает, что ему тут больше всех нужно.

— Конечно, тебе надо в лагерь. Ну, где же он?

И тут открылась небольшая каменная дверь справа от стола, и вошел высокий пожилой толстый мужчина в красном костюме и галстуке-бабочке. Его красноносое лицо украшала окладистая седая борода.

— Ты меня звала? — спросил он.

— Познакомься, — ответила Снежная королева. —. К нам приехал помощник и спасатель Всеволод Савин.

— Как же, как же, — прогудел старик. — Рад познакомиться. Зовут меня по-разному — Нильсом, Санта-Клаусом, Дедом Морозом, Оханом Миекке и даже Николаем Угодником. Выбирай любое из имен.

— Нильс, — вмешалась в разговор Роксана, — один из моих мужей. Они все похожи, но один за другим стареют, и приходится их заменять на молодых. Нильс — шестидесятый муж Снежной королевы.

— Ты поменьше ее слушай, — вдруг засмеялся Дед Мороз. — Моя Снежинка — великая выдумщица. Она тебе еще не рассказывала о том, какое горе ее семейству принесли грибы?

— Нет, — сказал Сева.

— И не надо мальчику об этом знать! — воскликнула королева. — Трагедия нашего семейства касается только моих родителей. И будь любезен не высказываться без моего разрешения!

— Ну ладно, ладно, Роксана, — смутился Дед Мороз. — Я не думал, что это такая уж трагедия...

— Нильс!

— Роксана!

— Нильс!

— Молчу.

— Совсем молчи.

— Совсем молчу.

Снежная королева дотронулась до свернутого в трубку листа бумаги, и он развернулся. Оказалось, что это карта. Нарисованная от руки со множеством пометок.

— Рассказывай! — приказала Снежная королева Нильсу. — Отважный рыцарь готов слушать. Ты готов?

— Конечно, готов, — ответил Сева.

В кабинете королевы было довольно холодно, и хоть в камине потрескивали громадные толстые поленья и окна, нарисованные на ледяных стенах, светились снаружи и никуда не вели, так что от них дуть не могло, во дворце было неуютно и зябко.

— Знаешь ли ты, что видел под землей карлик гном Юхан? — спросил Дед Мороз Нильс.

Сева не привык видеть дедов морозов летом, хоть и у Полярного круга, без шубы, а в костюме с галстуком-бабочкой, правда, в валенках.

— Мальчик все знает, ему рассказали, — вмешалась королева Роксана. — Переходи прямо к делу.

— Бабушка рассказала мне, — сказал Сева, — что маленький гном пробрался к центру Земли и там нашел громадную пещеру, в которой росли деревья и текли реки, а сверху светило солнце.

— Ну, не совсем солнце, а шар раскаленной лавы, — поправил его Нильс. — Но, в принципе, это было великое открытие: я бы сказал, не меньшее, чем открытие Америки. Целый мир, необитаемый, чистый, неизгаженный твоей человеческой цивилизацией...

— Не обижай молодого человека, он хочет нам помочь, — строго сказала Снежная королева.

Она внимательно разглядывала карту.

— Я не обижаю, — сказал Нильс. — Но необходимо признать, что именно люди с их заводами и фабриками, с их никуда не годной канализацией и выхлопными газами автомобилей, ревущими самолетами и дикими атомными бомбами подвели Землю к краю пропасти. Если так будет продолжаться, то через несколько лет Земля расколется и погибнет.

— А недавно, — вмешалась королева Роксана, — нам сообщили, что озеро Китеж возле Уральского хребта, которое славилось чистой водой и рыбой таймень, умерло. Кто-то превратил воду в озере в мертвую воду. Но так как те места ненаселенные, никто особенно не встревожился.

— Кроме нас, — сказал Дед Мороз. — И мы обязательно отыщем негодяев, которые губят нашу планету.

— И спасем наших друзей, — сказала королева.

Глава седьмая

ЦАРСКИЙ ОБЕД

Они просидели часа три над картой, которую составили во дворце Снежной королевы со слов маленького гнома, прежде чем он сбежал в новое Подземное путешествие.

Дед Мороз с королевой описали путь, который следует пройти Севе. Сейчас об этом рассказывать не стоит, потому что Севе все равно придется пробираться этим путем. Тогда и посмотрим.

Потом Дед Мороз Нильс сказал вот что:

— Если бы никто, кроме нас, не знал об этой пещере, если бы мы были уверены, что никто туда не пробрался, а побывал там только маленький гном Юхан, мы бы не стали торопиться, вытаскивать из летнего лагеря мальчика, о котором мы так мало знаем и за которого мы, конечно же, переживаем, а подобрали бы команду спелеологов. Но есть немало признаков, что, кроме нас, кто-то страшный и вредный прознал про Подземный мир и хочет захватить его. А у нас нет оснований быть уверенными, что они хотят добра нашей Земле. И доказательство...

— Доказательство то, что нас с летчиком чуть было не убили, — вспомнил Сева.

— С пилотом ничего бы не случилось, — сказал Нильс, — а вот тебя по-человечески жалко.

— У меня было предчувствие, — сказала Роксана. — Недаром я послала к Хельсинки птицу Рокк. Я так не люблю ее посылать в населенные места. Ее уже три раза чуть не сбили ракетой «земля — воздух». Уж очень она похожа на неопознанный самолет — нарушитель воздушного пространства нашей финляндской родины.

— Ну и реакция у нее! — сказал Сева.

— Это она сама сообразила, — заметила Снежная королева. — Я бы на ее месте никогда не догадалась подставить спину под колеса самолета.

— Потому что они грязные, дорогая? — спросил Нильс.

— Без шуток. Шутки у тебя солдатские. Юмор из казармы!

Снежная королева насупилась, как самая обыкновенная женщина, которой страшно надоели шутки ее мужа.

А муж принялся хохотать и гладить большими ладонями свое пузо.

От этого хохота с высокого шкафа, что стоял сбоку от стола, упал череп. Сева даже не сразу сообразил, что это череп, потому что он был оранжевого цвета.

А когда Сева сообразил, он отпрыгнул как ужаленный.

Дед Мороз наподдал череп валенком, и тот откатился в угол кабинета.

— Безобразие! — воскликнула королева. — Я сама с ним поговорю! Так можно и заикой стать. Смотри, как он мальчика испугал. Ты испугался, Всеволод?

Но Сева уже сообразил, что череп не настоящий, а так, игрушка. Поэтому сказал:

— Еще чего не хватало!

— Вот видишь, — сказала королева Нильсу. — Чтобы больше этого не повторялось.

— Вот ты и скажи об этом Кривляттеру, — ответил Нильс. — Мне он смертельно надоел. Я бы его выгнал.

— Ах ты, мой революционер, — вздохнула королева. — Из всех моих мужей ты самый спесивый и вздорный.

— Зато самый умный, — ответил Нильс.

И оба они рассмеялись и тут же вспомнили о Севе.

— Шутки шутками, — сказала королева. — А учитывать опасности мы обязаны. Одно дело — туристический поход к центру Земли. Опасно, но приятно. Другое дело — ждать нападения бессовестных и бессердечных глыков.

— Кого? — спросил Сева.

— Это условное название наших врагов, — сказал Дед Мороз.

Сева кивнул.

У него было странное чувство, будто он разговаривает не в обычной жизни, а во сне и все вокруг говорят неправду, но не потому, что хотят его обмануть, а потому, что сами не знают разницы между правдой и ложью. Придумали каких-то глыков, вот и грозят ими, а глыков, может, и не существует. Но тогда, возможно, и Подземного мира, убежища для драконов и русалок, тоже нет? А кто тогда напал на самолет Гарри Коллинза?

Но, с другой стороны, не все можно придумать. Да и зачем им тратить столько сил, чтобы обмануть одного Всеволода Савина из 59-й школы? И дворец королеве строить, и домовых распускать по всей земле, и устраивать бал в летнем лагере? Одна птица Рокк чего стоит! Ведь такую не выдумаешь...

— Ты задумался, Всеволод? — спросила Снежная королева. — Может быть, ты боишься идти к центру Земли? Если так, то лучше сказать об этом сейчас, пока ты не оказался там, в преисподней.

— Ничего я не боюсь! — воскликнул Сева.

Ему немного надоели лишние разговоры. Ведь взрослые порой очень много о себе думают, и им кажется, что они такие деловые и практичные, а на самом деле они тратят на разговор ку-

да больше времени, чем дети или подростки. Тинейджеры конкретнее взрослых.

— Мой юный друг, — торжественно произнесла Снежная королева. — Я предлагаю следующий порядок действий. Сейчас мы все проследуем на обед. Обед будет скромным, только для узкого круга придворных и соратников. На этом обеде, после которого, как всегда, последуют танцы, я представлю тебя некоторым помощникам, которые будут тебя снаряжать и готовить к путешествию. Ведь тебя надо не только уменьшить в мультипликаторе, но еще одеть, обуть и вооружить. И везде требуются специалисты. Я вообще противница дилетантов. Тебе понятно это слово?

— Это значит любитель, — ответил Сева, который уже слышал это слово.

— Молодец, подаешь надежды, — сказала Снежная королева. — Пошли обедать.

Она первой поднялась и отправилась к двери.

Дед Мороз и Сева шагали сзади.

За дверью в большой вестибюль, через который Сева прошел всего часа три назад, открылся узкий, плохо освещенный коридор.

Впереди была абсолютная темнота.

Снежная королева, не смущаясь, направилась в темноту, а Сева затормозил, но Нильс подтолкнул его в плечо, и Севе пришлось тоже шагнуть во мрак.

Но темнота протянулась ненадолго, шагов на двадцать. Рука Нильса лежала на плече и направляла Севу вперед.

Затем впереди открылась дверь, вспыхнул яркий свет, и Сева увидел, что Роксана остановилась и обернулась.

— Ах! — воскликнул Сева, потому что меньше всего он ожидал, что Снежная королева за эти двадцать шагов успеет полностью переодеться.

Ее платье с длиннющим шлейфом было темно-синим у пола, светлело к поясу, словно закатное небо к западу, и было оранжевым на груди.

Ее белые мраморные плечи были обнажены, и волосы цвета белого золота взбиты высоко и пышно. Ее прическу венчала бриллиантовая корона, точно такая же, как у Царевны-лягушки, только, разумеется, в двадцать раз больше и ярче сиянием.

Королева глядела на Севу с Нильсом, сведя густые брови:

— Ну поторопитесь же! Люди ждут!

Даже Дед Мороз оробел и сильно толкнул Севу вперед.

Королева поймала его на лету и схватила за руку.

— А ну, — приказала она. — Раз-два-три!

Дед Мороз пристроился по другую сторону Севы, и так они вошли в зал.

Они оказались в главном зале дворца. Главным он был не только потому, что оказался велик, не только потому, что в нем буквой П стоял обеденный стол, но и оттого, что в середине перекладины буквы П возвышался королевский трон, по сторонам его два трона поменьше, а дальше кресла, похожие на троны.

Но все места за столом были свободны.

Придворные, сотрудники, близкие люди и знатные звери, волшебники и колдуньи, саами, ненцы и прочие жители Дальнего Севера и даже королевские пингвины особой разумной породы толпились в отдалении. Они мучились от голода и ожидали с нетерпением прихода ее величества.

И вот она вошла, вплыла, влетела в зал, и все ахнули при виде ее, потрясенные красотой королевы. Они начали хлопать в ладоши, выть, петь и смеяться, как дети, и от этого шума даже упала одна или две сосульки с потолка, правда, до стола или до пола они не долетели, потому что над головами людей дул специальный поток горячего воздуха, и потому сосульки в полете растаяли и даже испарились.

Лишь кое-где на пол упало несколько капель горячей воды.

— Здравствуйте, мои дорогие, — произнесла королева, и все в зале поклонились ей. А некоторые упали ниц.

Не глядя по сторонам, королева Роксана прошла вдоль стола, уселась на центральный трон. Сверху, из-за сосулек, послышалась музыка ансамбля «АББА». Негромкая, как будто исполненная только для того, чтобы не слышать, как скрипят и стучат ножками стулья, как толкаются гости, спеша занять свои места.

Нильс с Севой тоже заняли места. Дед Мороз уселся на трон рядом с королевским и показал Севе на его место. Почетное, но не из главных. «А ты чего хотел? — спросил себя Сева. — Здесь эти места, может, по десять лет выслуживают!»

Интересно было смотреть, как кресла в одном ряду с королевой занимали деды морозы, разные, конечно, но бородами и костюмами, красными щеками и носами схожие с Нильсом. Сева без подсказки понял, что все они — мужья королевы Роксаны, но не самые главные, умные и любимые. А по другую сторону все места, кроме самого близкого к королеве, заняли хорошенькие снегурочки. И Сева заподозрил, что это дочки королевы, хоть их и довольно много, штук десять, не меньше. Лишь трон, самый близкий к королевскому, остался пустым.

Неожиданно королева подняла руку. Замолк, оборвал мелодию оркестр, замолчали, словно подавились воздухом, гости.

— Как стыдно, — произнесла королева Роксана. — У нас в гостях сегодня лучший представитель человеческого племени, который, рискуя жизнью, добрался до наших краев и чуть не погиб в пути.

По залу прокатился возмущенный шум. Видно, не все еще знали, как птица Рокк спасла самолет Гарри Коллинза.

— Как стыдно, что в такой опасный, рискованный и решающий момент в истории нашего королевства, когда дисциплина и послушание должны стать главным лозунгом, среди нас находятся некоторые типы, которые не умеют кланяться королеве, оказывая этим неуважение к нашим обычаям.

Зал приглушенно ахнул, и многие сжались, опасаясь, что указующий перст королевы укажет на них. Но виноватым оказался довольно наглого вида тролль — лохматое существо с торчащими зубами, одетое в какую-то шкуру и подпоясанное дохлой змеей.

Перст королевы указал на тролля. Драгоценные кольца и перстни сверкнули, как праздничный взрыв ракет.

— Это тебя касается, Питер А-тролль, — прогремел голос Роксаны. — Покинь зал. Ты остался без обеда.

Тролль ждал этих слов. Он встал, опрокинул стул, на котором сидел, и вразвалочку отправился к двери.

— Питер, вернись и поставь стул на место!

Тот продолжал идти к двери.

И тогда Дед Мороз Нильс поднял указательный палец и провел им в воздухе. Стул сам поднялся и встал на свое место.

Королева сделала вид, что не заметила жеста своего любимого мужа.

Тролль обернулся от двери и показал королеве язык.

Это было роковой ошибкой.

Из глаз королевы вылетел лазерный луч и коснулся языка тролля. И все, включая Севу, увидели, как на конце языка, слишком длинного даже для тролля, появился белый пузырь.

И как ни старался тролль втянуть язык в рот, тот во рту не умещался.

Тролль зарычал и выбежал из зала.

— Это послужит ему уроком, — сказала королева.

— К сожалению, — негромко возразил ей Нильс, — Питеру А-троллю уже двести двадцать лет, и из них двести пятнадцать он провел в безобразиях и наглых выходках. Типун на языке никогда не исправит профессионального безобразника.

— И тем не менее дисциплина должна быть внедрена, — сказала Роксана.

Все согласились, и по залу прокатился гул согласия.

И тут белые медведи открыли дверь, и в зал вбежала девушка лет пятнадцати-шестнадцати, бледненькая, запыхавшаяся, с распущенными волосами и в зеленом платье.

— Прости, мама! — крикнула она от двери и побежала вдоль стола к королеве.

И Сева узнал в ней Царевну-лягушку.

Ему было приятно встретить здесь старую знакомую.

— Мама, — воскликнула на бегу Царевна-лягушка, — на поляне за дворцом, где я собирала цветы, я видела чужих людей. Совсем чужих. И они исчезли, как только я хотела их спросить, что они делают по соседству с дворцом моей мамы.

— Люди? Чужие? Как это могло случиться?

Вопрос был обращен к громоздкому Снежному человеку, который сидел в дальнем конце стола и не спускал маленьких глаз с гостей за столом.

Снежный человек уже встал.

— Где видела?

— На Земляничной поляне, — ответила царевна.

— Не беспокойтесь, ваше величество, — произнес глубоким басом Снежный человек, схватил со стола пирог, видно, не надеялся вернуться до конца обеда, и побежал к двери. У него были такие длинные руки, что приходилось подгибать пальцы, чтобы не волочились по полу. Весь он был покрыт светлой, не очень чистой шерстью. Другими словами, типичный снежный неандерталец, который умудрился в свое время не вымереть вместе с другими неандертальцами.

Королева обернулась к дочке.

— Счастье, что ты убежала от них, крошка! — сказала она.

— Я не убежала! — возмутилась царевна. — Я была столь ужасна в гневе, что им пришлось спасаться бегством.

— Безумие! — испугалась Роксана. — Это же опасно! Да ты садись, садись и ешь с хлебом. Тебе нужны витамины.

Глава восьмая

ЧЕРНАЯ РУКА

В тот день Сева еще плохо разбирался в нравах и отношениях в Снежном королевстве, поэтому удивился, когда Царевна-лягушка по имени Кристина отказалась садиться на трон рядом с маминым, а прошла к свободному стулу возле Севы Савина и уселась там.

— Давно не виделись, жених, — сказала она.

У Царевны-лягушки были особенные, сверкающие глаза, из них непрестанно выскакивали смешинки и летали по воздуху.

В лагере она была совсем не такой.

Заметив удивление на физиономии Севы, она сказала:

— У тебя в лагере я была перепугана, меня каждый пришибить мог. Я и в тебе не была уверена. Риск был такой, что у мамы случился гипертонический кризис. Знаешь, что это такое?

— Конечно, знаю. У бабушки был. Гипертонический криз.

— А тут я дома. Ты только попробуй меня тронь. И будешь не жилец на этом свете.

Царевна рассмеялась звонким смехом, будто стеклянные колокольчики посыпались с потолка.

— А ты здесь всегда живешь? — спросил Сева.

— Я окончила школу в Оксфорде, — сказала принцесса, — и приехала на каникулы. Ты не думай, никто в Англии не знает, кто мои родители.

— А зачем ты в Оксфорде... то есть что ты там делала?

— Училась, и неплохо, — сказала принцесса.

— Но ты же волшебная!

— Ну вот — опять двадцать пять! Ты думаешь, все здесь уроды!

— А разве ты не снегурочка?

— Ничего подобного. И мой папаша вовсе не Дед Мороз, а простой советский зимовщик, гидрограф Пенкин с дрейфующей полярной станции «Северный полюс-7». Он заблудился в пургу, чуть было не замерз, а моя мама, которая пошла погулять по холодку в районе дрейфующих льдов, увидала замерзшего папу, влюбилась в него и велела медведям принести его к себе в летний дворец, который находится у нее на острове Шпицберген. Там папа прожил почти полгода. Но потом им с мамой пришлось расстаться, потому что мой папа стал тосковать по своей предыдущей семье и другим детям. И сбежал от мамы и пропал без вести. Может даже, он остался жив и его укрывают в какой-нибудь воинской части на Кольском полуострове, а может быть, он попал в трещину или в полынью — и сгинул... Я несчастная сиротка!

— А голова не болит?

— Ага! Вспомнил! У меня там до сих пор шрам не зажил! Разве можно от лягушки корону отрывать!

— А ее тебе пришили?

— Дурак! Она у меня выросла. У всех принцесс нашего снежного королевского дома вырастают на голове бриллиантовые короны. Иначе как нас отличишь от обыкновенных принцесс?

Тут Кристина увидела обалдевшее лицо своего «жениха» и расхохоталась.

— Кристина! — крикнула ее мать. — Сейчас же перестань издеваться над нашим гостем!

— Уже перестала, — ответила Кристина. — Он поверил, что у меня бриллиантовая корона на голове растет, а из ушей растут сережки!

— Ну разве у вас разберешься! — обиделся Сева. — Тогда не говорите, что вы волшебные.

— Но ты же видел, как я была лягушкой! — воскликнула принцесса. — И еще хвастался: я верю в сказки! Тебя из-за этого к нам позвали. А теперь ты в кусты?

— В какие еще кусты! Я же здесь сижу!

— Тогда ешь мороженое! У нас здесь лучшее мороженое за Полярным кругом! К нам из Арабских Эмиратов джинны приезжают, чтобы мороженого поесть.

— Опять врешь?

— Ничего я не вру. Ты попробуй, а тогда говори.

Она зачерпнула круглой серебряной ложкой три шарика мороженого из серебряного ведра и поставила бокал с ними перед Севой.

— А бриллиантовые короны делает мастер Звянк, — сказала она. — Знать надо! Ему из самых глубин Земли гномы бриллианты достают. Ты с ним скоро познакомишься. Может, даже завтра.

— Почему?

— А когда тебя будут готовить к путешествию, он что-нибудь для тебя сделает. Он все умеет.

Принцесса положила в рот шарик мороженого.

Сева последовал ее примеру.

Ничего подобного ему еще не приходилось есть! Мороженое тут же растворилось во рту без остатка, и у него, оказалось, был не только апельсиново-земляничный вкус, но и послевкусие — когда само мороженое проглотилось, во рту началась довольно приятная битва мятных иголочек с малиновыми подушечками.

Пришлось съесть еще шарик мороженого, чтобы погасить эту битву.

А второй шарик был ванильно-шоколадным, а послевкусие у него было совершенно невыразимым. И Сева чуть не прослушал, как Кристина говорила:

— Я сама хотела пойти искать Подземное царство, даже в мультипликатор пыталась залезть. Но не получилось. Оказывается, во мне все же много волшебной крови — не берет меня мультипликатор. А жалко, в крайнем случае мы бы с тобой вместе пошли. Ты мне нравишься, и ты не трус.

Только она это сказала, как Сева страшно опозорился.

Но, возможно, на его месте опозорился бы каждый.

Любой нормальный человек, попавший в волшебное королевство.

Потому что, когда он сам решил зачерпнуть из серебряного ведра еще немного мороженого и подвинул ведро к себе, то из ведра неожиданно вылезла по локоть черная рука с когтистыми синими пальцами и попыталась схватить Севу когтями за нос.

В следующее мгновение Сева оказался под столом.

И все было бы еще не так отвратительно, если бы рука не полезла за ним под стол.

И Сева, наш маленький герой, как называла его Снежная королева, на четвереньках побежал под столом, натыкаясь лбом и плечами о ноги, лапы, сапоги и копыта гостей. А рука неслась сзади и порой хватала его когтями за штаны!

На пути у Севы показалась большая человеческая рука, которая подхватила Севу за ворот и вытащила из-под стола.

Сева от ужаса даже голос потерял, а только задыхался.

И тут он сообразил, что добежал до Снежной королевы, а вытащил его Нильс, ее муж, или, как его называли при дворе, дед-консорт.

Дед Мороз посадил Севу на колени, а другой рукой схватил черную руку и изо всех сил кинул ее в угол комнаты.

Там на руку накинулись облезлые летние песцы, которые стали рвать ее и драться, к веселью гостей.

— Что ж ты, Кристя, — укоризненно произнес Дед Мороз, — нашего гостя не остерегла?

— Так неожиданно, — ответила принцесса. — Я даже сообразить не успела. Прости, Сева.

— Чтобы наша Кристина попросила прощения... — задумчиво произнес Дед Мороз, — такого я не помню.

— Потому что мы друзья, — громко ответила Кристина. — Иди сюда, Сева, мороженое еще осталось.

— Без шуток! — оборвала ее мать. — Во всем есть свои пределы.

Сева был согласен с королевой. Есть мороженое из ведра, в котором водятся черные руки, — это выше возможностей нормального человека!

Обед был в полном разгаре, некоторые гости обжирались, другие обпивались. Графины с этикетами «Водка-Льдышка» и «Ликер-Айсберг» пустели на глазах.

Снежная королева поднялась со своего места и сделала это так, что никто не обратил на ее уход внимания, если не считать нескольких человек, на которых, уходя, она указала пальцем. Те

тоже поднялись и пошли к дверям следом за королевой и Севой, которому тоже дали понять, что пора уходить.

Вышла из-за стола и Кристина.

Королева возвратилась в кабинет и села в кресло, а те, кто пришел, остались стоять.

— Я вас долго не задержу, — сказала она. — Все вы уже знаете Всеволода Савина, нашего друга и помощника. Он отправляется в трудный и, может быть, смертельно опасный поход в глубь Земли. Он должен узнать все, что необходимо, о Подземном царстве, которому мы соизволили дать условное название «Убежище». Мы намерены подарить его тем существам, которым грозит на Земле гибель. У каждого из вас есть нечто полезное для Всеволода. А ты, Всеволод, слушай и запоминай.

Королева показала на мрачного горбатого старика с черными крашеными волосами. В левый глаз у него было вставлено сильное увеличительное стекло, с которым он никогда не расставался. Одет он был в черный, кое-где порванный, а кое-где прожженный халат.

— Ты видишь, Всеволод, величайшего в мире ювелира и кудесника. Имя его гном Перекантер.

Гном Перекантер поклонился, но как-то криво и будто бы нехотя.

— Не смотри, что он кажется таким злым и нелюдимым, — сказала королева Роксана. — Просто он всегда очень занят. Правда, Перекантер?

— Можно, я пойду? — сказал гном. — У меня в тигле золото перегорит.

— Иди, иди, только скажи, когда Всеволоду к тебе явиться.

— А пускай завтра с утра и заявляется, — ответил ювелир и камнерез.

Взор Снежной королевы обратился к следующему специалисту.

Если бы это не был житель волшебного королевства, Сева принял бы его за жулика, за простака, который подходит к вам на улице и говорит:

— Смотрите, вон кошелек лежит, давайте его подберем, а деньги поделим.

Не дай бог вам попасться на удочку и дать жадности вас одолеть. Все потеряете — и те деньги, что лежат в подброшенном кошельке, и свои собственные.

Был он кудрявенький, розовый и похож на барашка, хоть у барашков и не бывает розовых мордочек. Глаза у него были кроличьи, а ушки все время двигались, как у трусливого кота.

— Ахаль, — сказала Снежная королева. — Портной.

— Позволю себе заметить, ваше величество, — пропел портной Ахаль, — я лучший портной в вашем королевстве, а также в Скандинавских странах.

— Когда ты назначаешь встречу Всеволоду?

— Сегодня снимем мерку, завтра сделаем примерку, послезавтра хоть на парад.

— Отлично, — сказала королева. — Кто следующий?

— Разрешите прервать вашу беседу, — послышался бас от двери. — Я вернулся.

Там стоял Снежный человек, начальник охраны.

— Ну что, поймал?

— Далеко не уйдут, — ответил Снежный человек.

— Ты настоящий полковник, — сказала принцесса Кристина. — Все преступления и события ты тут же берешь под личный контроль. Но не поймал еще ни одного вора и не раскрыл ни одного убийства.

— И не было у нас убийств, — ответил Снежный человек.

— Мультипликатор действует? — спросила королева.

— Испытаем в любой момент, — ответил Снежный человек.

— Вот с тебя и начнем, — сказала королева. — А уж потом к оружейнику и к веревочнику, а также к осветителю и главному повару.

Снежный человек пошел к дверям, Сева за ним, а Кристина сказала:

— Мама, Севе нужно сопровождающее лицо. Подумай, он и полдня тут не пробыл и хоть он храбрится, но внутри трясется. По себе знаю — когда меня хулиганы начали ножом резать...

— Немедленно прекрати! Пожалей свою единственную маму! — закричала королева Роксана. — Что бы подумал твой папа, если бы узнал, что русские дети режут тебя ножиком! А я тебя не уберегла!

Снежный человек первым вышел из кабинета. За ним шел Сева. А принцесса-лягушка замыкала шествие. И хоть Севе не очень было приятно слышать, что он внутри трясется, но, честно говоря, с Кристиной было как-то спокойнее. Своя герла, в лагере познакомились.

Глава девятая

ИСПЫТАНИЕ ЧЕМОДАНА

Оказалось, что под дворцом есть еще три или четыре этажа.

Там была и бескрайняя кухня, и прачечная, и какие-то склады. Даже странно, зачем сказочному королевству такое хозяйство. Казалось бы, вызвал джинна или колдуна — и готов любой обед.

По дороге Сева настолько успокоился, что признался Кристине, как ему хочется выучить английский. И Кристина, которая была, в принципе, своя, компанейская, сказала, что хочет играть на банджо.

Поэтому, пока они топали чуть ли не полчаса по ледяным и каменным туннелям дворца, Кристина объяснила Севе разницу между паст и перфект. Она хорошо объясняла, а Севе хотелось у нее чему-нибудь научиться. Ему даже нравилось, как часто она смеется и как из ее глаз и губ вылетают смешинки.

Наконец Снежный человек остановился перед дверью, украшенной каменным змеем. Змей был натурально вырезан и раскрашен. Севе сначала даже показалось, будто он живой.

Снежный человек нажал волосатым пальцем в глаз змея, и змей приподнял голову. За головой обнаружилась замочная скважина, и Снежный человек вставил в нее обломанный ноготь большого пальца.

«Вот это да! — подумал Сева. — Ни один вор не догадается».

С визгливым скрипом дверь отворилась.

Внутри все было белым, чистым, как в операционной.

Посреди комнаты на зеленом ковре стоял среднего размера чемодан.

Больше в комнате не было ничего.

— Вот и мультипликатор, — прогудел Снежный человек.

Он раскрыл чемодан.

Кристина заперла дверь в коридор.

— Ты такой забывчивый, — сказала она. — Мало ли кто может сюда заглянуть!

— Пока я командую службой безопасности, ничего не случится, — гордо заявил Снежный человек.

— Ты не только Снежный человек, — сказала ему Кристина, — но ты еще и дикий человек. Пойми, пока ты имеешь дело с троллями, шалунами эльфами, воришками песцами и безобразниками лешими, лучше тебя специалиста не найти. Но мне кажется, что сейчас у нас появились новые враги, самые настоящие люди. Я среди них жила, Сева между ними живет. Я сама наполовину человек, а Сева на все двести процентов. Мы знаем, какой жестокий мир существует за стенами нашего королевства. И какие там живут жестокие люди. Моя мама недаром хочет устроить убежище для эльфов и русалок, потому что она понимает — если мы сегодня же за них не вступимся, не спрячем их, все волшебные существа погибнут. Но чует мое сердце — нас кто-то хочет опередить.

— Не опередят, — прогудел в ответ Снежный человек. — Я надежен, как скала.

И он рассмеялся так, что даже ледяные стены вздрогнули.

Сева подошел к чемодану.

— И что мне надо делать? — спросил он.

Конечно, он не знал, какие здесь правила.

— Подожди, — сказала Кристина, — я включу.

— Это мое дело, — возразил Снежный человек.

От него пахло псиной, и в шерсти было много еловых иголок. Видно, он гонялся за кем-то по лесу.

— Отойди, опять чего-нибудь напутаешь, — возразила Кристина. — Мне хочется, чтобы Сева остался жив и здоров. Я его сюда заманила и несу ответственность, понял?

Снежный человек тихо зарычал, но так, для порядка, а не из злобы.

Принцесса Кристина присела на корточки у чемодана. Сева — рядом с ней.

Кристина открыла крышечку на боковой стенке чемодана.

Там был ряд кнопок и переключателей.

— Все сдублировано внутри, — сказала Кристина. — Если ты уже стал махоньким, то главное — вернуться в чемодан. И это можно сделать, используя ступеньки. А там есть пульт управления, очень маленький, внутри. Хочешь попробовать?

— А что мне надо сделать?

— Встань в чемодан. Нет, лучше присядь на корточки. Получилось? Теперь не бойся. Сейчас я включу мультипликатор, и ты начнешь уменьшаться.

— До какого размера? — Сева попытался сладить с дрожью в руках и холодом в груди.

— До размера указательного пальца. Сантиметров семь. Только не бойся.

— А обратно вернусь? — Севе казалось, что он пошутил, а на самом деле шутки не вышло.

— Пора начинать. Не трусь! — сказала Кристина, и Севе стало стыдно. Не будь рядом принцессы-лягушки, он бы, может, струсил, но теперь было стыдно.

— Держись, — приказала Кристина и включила тумблер.

И тут Сева упал.

Грохнулся...

Свалился с обрыва...

В следующее мгновение он уже больно ударился, потому что уменьшился быстро, а это означает — упал с высоты в полтора метра на пол.

Грохнулся, и когда пришел в себя, оказалось, что он сидит на дне чемодана.

Он с трудом поднялся.

Вокруг, как забор, поднимались стенки чемодана вдвое выше его.

А сверху с неба — если не знаешь, умрешь от страха — на него глядела гигантская божеская голова: из глаз вылетали звезды, губы размером с Севу двигались, из них выходило громкое шипение — тут Сева догадался, что это Кристина шепчет, чтобы не испугать его.

А как только он об этом догадался, стало нестрашно.

Все обыкновенно: влез в мультипликатор — надо будет обязательно спросить, как такой прибор очутился в сказочном царстве, — и стал Мальчиком-с-пальчик. А может, мультипликатор был здесь всегда и именно от него пошли сказки вроде сказки про Мальчика-с-пальчик.

— Нормально! — Сева помахал рукой Кристине и увидел, как ее рот разъезжается в гигантской улыбке. Улыбище.

— А что дальше? — спросил Сева.

Рядом с головой Кристины — чуть подальше и в стороне — возникла мохнатая голова Снежного человека.

— Смотри, — крикнул ему Сева, — не наступи!

Это была игра, и игра Севе нравилась.

Кристина отстранилась и медленно произнесла:

— Вылезай.

Но хоть она и старалась говорить тихо, ветер поднялся такой, что Сева еле удержался на ногах.

Когда Сева пришел в себя, он крикнул Кристине:

— Как вылезать?

Кристина сунула палец в чемодан и показала на ступеньки, маленькие скобы, врезанные в угол мультипликатора. Как раз по размеру мальчику-с-пальчик.

— Понял!

Сева быстро влез по скобам к краю чемоданного забора, и стоило ему подняться над краем по плечи, как он почувствовал, что растет.

Гигантские фигуры Кристины и Снежного человека стали быстро уменьшаться, пол стремительно уходил из-под ног, и, чтобы не упасть, Сева уцепился за протянутую руку Царевны-лягушки.

— Ты себя хорошо чувствуешь? — спросила Кристина.

— Замечательно, — ответил Сева, глядя себе под ноги. Он стоял в чемодане, который доставал ему чуть выше щиколоток. А только что его стенки казались чуть ли не крепостными.

— Эту игрушку, — Снежный человек показал на чемодан, — мы отвезем в точку старта. Там ты в нее и перейдешь. Все рассчитано. У меня как в аптеке.

— Смотри, чтобы на этот раз без накладок, — строго сказала принцесса. — Сева мне нужен живым и здоровым.

— Таким и доставим, — ответил Снежный человек и громко расхохотался. Уж очень смешными ему показались собственные слова.

— Тогда пошли дальше, — сказала Кристина. — Начнем с портного.

Дорога к портному вывела их наружу, в редкий лесок, наполненный вечерним жужжанием комаров. Хоть было совсем светло, вечер ощущался в воздухе.

— У нас тут летний день на три месяца, — сказала Кристина, — а потом три месяца полярная ночь. И знаешь, я от них устаю — слишком много солнца, слишком много звезд — одинаково плохо. Наверное, поэтому люди произошли от обезьян, а не от полярных медведей. Там, в Африке, всего понемногу — и дня, и ночи.

Сева с Кристиной согласился. Ему всегда хотелось соглашаться с Кристиной, потому что она умела говорить очень убедительно.

Глава десятая

ЛЕДЯНОЙ МУЗЕЙ

— Хочешь, через музей пройдем? — спросила Кристина.

На поляне, по которой они шли, высился холмик, чуть повыше человека ростом, сложенный из валунов и земли, поросший травой и черникой. В него была вставлена деревянная дверца.

Кристина подергала за ручку двери, и та со скрипом приотворилась.

Кристина сунула руку внутрь и щелкнула выключателем.

За небольшой прихожей, в которой было холодно, как в ледяной пещере, потому что это и было начало ледяной пещеры, Сева увидел обширный, но низкий зал.

Под земляным потолком, с которого свисали корни кустов и деревьев, что росли снаружи, во множестве располагались глыбы льда. Побольше, поменьше, кубы, трапеции и пирамиды...

— Все, что вмерзло в ледники или в торосы в Ледовитом океане и на его островах, мама свозит сюда на память потомкам и для обучения снегурочек и маленьких морозиков. Гляди.

Первым в ледяном кубе Сева увидел викинга. Он сразу угадал, что этот человек — викинг. Он был в кольчуге, высоком стальном железном шлеме с шишаком, опирался на большой круглый щит и казался совершенно живым. Ну заснул на минутку — и скоро проснется.

— Тысяча лет, — произнесла Кристина. — Представляешь, он замерз тысячу лет назад... А вот это целая ладья, на таких ладьях викинги пересекали Атлантический океан.

Но Сева уже поспешил к следующей ледяной глыбе, которая была размером с пароход.

В той глыбе таился гигантский кит.

Кит был полосатый, голова у него была такая большая, что занимала не меньше трети всей китовой длины.

А дальше было еще интереснее. Там, в ледяной пирамиде, стояли рядом два мамонта и между ними, приподняв хобот, их детеныш.

— А этим больше двадцати тысяч лет, — сказала Кристина. — Знаешь, когда-то этот музей был самым интересным для меня местом... Видишь великана?

Да, перед Севой во льду был заточен пятиметровый человек в шлеме с мамонтовыми бивнями вместо рогов, в ожерелье из акульих зубов, в панцире, сделанном из морских черепах, совершенно босой.

— Никогда не встречал? — спросила Кристина. — Богатырь Нерьян с Северного Урала. А вот и девушка, которую он любил. Это горькая сказка...

Во льду была заточена прекрасная девушка в зеленом малахитовом платье и кокошнике, усыпанном изумрудами. Перчатки и сапожки той девушки были чешуйчатыми. Глаза закрыты, и ресницы такие длинные, что концы их лежали на белых щеках.

— Это Хозяйка...

— Это Хозяйка Медной горы, — поспешил сказать Сева. — Я эту сказку читал в раннем детстве. Она полюбила мастера Данилу, который вырезал чашу из малахита.

— Но она не была способна к любви, потому что была королевой уральских подземелий. Однажды к ней спустился таежный бог Нерьян. Он хотел отнять у нее драгоценности подземелий. За свою королеву вступились гномы, и, конечно, они отстояли бы ее, но тут эти подлые грибы... Эти подлые грибы, — голос Кристины прервался. — Пошли отсюда, — произнесла она, — всегда начинаю плакать, когда дойду до этого места!

— Странно, — сказал Сева, поспешая за Кристиной, которая бежала между ледяных глыб и пирамид, — в сказках об этом ни слова.

— Зачем огорчать детей, — сказала Кристина. — Из сказок

всегда вычеркивают самые неприятные сцены. Дети думают, что им все рассказали, а на самом деле все только начинается. Иногда правда проскальзывает внутри сказки, но чаще о ней знают только специалисты.

— Ну, напомни хоть одну сказку, которая кончается не так, как я знаю, — попросил Сева.

— Ты про Спящую красавицу слышал?

— Конечно, слышал.

— Как эта сказка кончается?

— Принц поцеловал принцессу, она проснулась, и они стали счастливо жить.

— Вот и дурачок ты, Савин, — сказала Кристина. — Сказка тут только и начинается. Спящая царевна переехала во дворец, вышла замуж за принца, родила ему двоих детей, а потом принц стал королем и ушел на войну, а молодая королева осталась дома с его мамашей, которая ненавидела жену сына. Вот тут и началось! Молодую королеву она отравила, детей приказала отвести в лес, чтобы их там волки разорвали... ужасная сказка!

— Странно, — сказал Сева. — Но, наверное, это исключение.

— Исключение? А ты знаешь, что есть продолжение у «Золушки»?

— Ну какое там может быть продолжение!

— Очень простое. Когда Золушка переехала во дворец к принцу, с ней заявилась ее мачеха с дочками. Вот и стала ее мачеха изображать любовь и заботу к Золушке, а заодно доказывать принцу, что таких маленьких ножек, как у Золушки, у нормальных женщин не бывает. Такая маленькая ножка — типичное уродство, возможно, китайского происхождения.

— Китайского?

— В Китае был древний обычай туго бинтовать ноги девочкам, чтобы они не росли. И получались словно копыта.

— Ты меня совершенно запутала.

— Я не запутала тебя, ребенок. Ты лучше дослушай, а потом спорь. Значит, мамаша доказала принцу, что такие маленькие ножки — уродство, потому что у настоящей невесты должны быть большие крепкие устойчивые ноги. Это она и королю доказала, который, конечно же, был вдовцом. В результате мачеха бросила Золушкиного отца и вышла замуж за короля. Затем приказала, чтобы больше обувь маленьких размеров не делали, а если увидят маленькую ножку — сразу рубить!

— Ну уж этого быть не может!

— Почему?

— Потому что это изуверство. Кто бы ей разрешил?

— Никто не разрешал. Королеве и не нужно разрешения. От-

рубила, и все тут. Пришлось нам объявить им войну. В той войне и король, и принц, и Золушка погибли. От бомбежек. Только мачеха сохранилась.

Сева старался поймать в глазах Кристины шутку, но из них вылетали только смешинки, а смешинки — это настроение, они не могут тебе сказать, говорит человек правду или врет.

Тут музейный зал закончился, и, кинув последний взгляд на небольшого замороженного дракона с тремя головами, Сева попал в длинный и прямой туннель. По полу бежала узкоколейка, а по стенам множество кабелей. Ну совсем как в подвале большого городского дома.

Разница была лишь в том, что навстречу то и дело неслись спугнутые летучие мыши, наверное вампиры, потому что с их зубов на пол капала кровь. Да крупные пауки и скорпионы сидели на потолке и норовили прыгнуть тебе за шиворот. Но Кристина, видно, не в первый раз шла этим туннелем, в руке у нее появился веник, которым она смахивала скорпионов в тот момент, когда они примеривались к прыжку.

Потом они поднялись по узкой лестнице этажом выше и оказались в обжитых местах. Там были какие-то мастерские, склады и комнаты, где стояли столы, а за ними, сгорбившись, трудились писцы.

— Вот мы и пришли, — сказала Кристина.

Глава одиннадцатая

ПОРТНОЙ И САПОЖНИК

Они остановились перед дверью, к которой была прибита вывеска в золотой раме:

ПОРТНОЙ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА
ИЗ ПАРИЖА И ВАРШАВЫ
АХАЛЬ МАХАЛЬЕ

Кристина приоткрыла дверь:

— К вам можно?

— Заходите! — пискнул девичий голос.

Зашли.

На высоком стуле сидела небольшая фея, не из волшебниц, а из тех, что питаются летом цветочным нектаром, а зимой — чем придется. Они боятся голода и, если не успеют перелететь на юг, прячутся во дворце Снежной королевы, где их используют по всяким мелким хозяйственным надобностям или просто под-

кармливают. К тому же, как вы знаете, сказочный мир тем удивителен, что работать там по-настоящему никто не умеет. Есть некоторые существа, которые трудятся с утра до вечера, но результаты их трудов невелики. Вот возьмите, к примеру, гномов. Все знают, что они ходят с кайлами и ломами, стучат молотками и зубилами под землей, добывают таким образом драгоценные камни.

Во-первых, они больше песни поют, чем добывают, во-вторых, добывают, себя не утруждая. В-третьих, на добытые камни они тут же начинают играть в кости или в карты, и в результате камни попадают к перекупщикам. Ну и что же, скажете вы, ведь перекупщики тоже гномы. Просто поумнее своих собратьев. Камни получше они прячут в сундуки, а сундуки ставят в пещеры. И потом нередко забывают, куда их спрятали. Потому что даже перекупщики настоящей цены деньгам не ведают.

А остальные начисто лишены способности к труду. Ну не считать же трудом занятия стражников?

И не будете же вы утверждать, что повара, поварихи и прочий народ при пище трудится! Да они поедают куда больше, чем приносят своим господам! И что самое возмутительное — себе они берут самые лакомые кусочки, а гостям и господам оставляют обрезки и объедки или подгоревшие котлеты.

Наконец, не будете же вы считать енотов-полоскунов трудягами, потому что они стирают белье и грязные скатерти. Ведь без такой работы они жить не могут. Все равно что считать, будто белки трудятся, подметая хвостами комнаты, а бобры работают, когда пилят дрова для королевской кухни.

Но кое-кого из слабых жителей королевства можно заставить работать.

Дюймовочек порой заставляют помогать мастерам шить новые платья или туфельки, а фей, у которых волшебные пальчики, можно уговорить на любое дело, если им оно понравится. Надо убедить их, что это дело — всего-навсего игра.

Вот и фея, которая сидела за маленькой швейной машинкой и любовалась тем, как крутится позолоченное колесо, сама упросила хитрого портняжку дать ей работу.

А тот рад...

— Где Ахаль? — спросила Кристина.

— Они у себя, — ответила фея. — Только не велели никому об этом говорить. Ничего, что я вам сказала?

— Ничего, ничего. Я же знаю, что феи не умеют врать. Если бы ты сейчас наврала мне, у тебя бы пятки чесались до утра.

— Ой! — воскликнула фея. — Я не вынесу такой участи!

Кристина подошла поближе к ее рабочему столу и пригляделась.

— Вот это ты будешь носить, — сказала она Севе. — Как, нравится?

И Сева увидел, что фея шьет костюмчик для оловянного солдатика. То есть для него, уменьшенного.

— Главное, — сказал он серьезно, как будто каждый день превращался в мальчика-с-пальчик, — главное, чтобы костюмчик был крепким и не порвался.

— А вы попробуйте, попробуйте, — пискнула фея, протягивая Севе клубок ниток. — Рвите, не бойтесь. Это нитки из паутины синего крестовика. Нет ниток крепче и тоньше.

— Девушка не лжет, — сказала Кристина. — А где мастер отдыхает?

— Господин Ахаль ушли в свою особую мастерскую, — ответила фея. — Вы же знаете, чем он там занимается.

И фея приложила пальчик к губам. Севе захотелось посадить это нежное создание на ладонь, но тут же он подумал: «А ведь я сам буду такого же роста! Тогда мы с ней сможем познакомиться и даже пойти на танцы!»

А Кристина, словно умела читать мысли, ответила:

— Не спеши, мальчик. Ты забыл, что многие из фей древнее, чем моя мама. Они почти вечные и совсем не стареют.

— Ну и что? — спросил Сева, сделав вид, что не собирался с феей на танцы. — Мне же неважно, сколько кому лет. Мне самому только тринадцать, и ты для меня почти пожилая.

Так он отомстил Кристине, но она не захотела обижаться.

— Тебе давно уже тринадцать?

— До четырнадцати осталось еще полгода.

— А мне пятнадцать позавчера исполнилось. Вот и считай, пожилая я или просто твой старший товарищ!

Сева пожал плечами. На некоторые женские слова лучше не отвечать, потому что у женщин есть такое качество — они всегда оставляют за собой последнее слово.

— Где же этот портной? — спросила Кристина. — Как туда пройти?

— Ой, я загляделась на мальчика и совсем забыла! — ответила фея и нажала на кнопку.

Тут же по мастерской прокатился оглушительный звон, и тонкий ласковый голосок донесся сверху:

— Что там еще стряслось? Неужели вы не знаете, что я занимаюсь ответственным делом?

— Это мы с рыцарем Всеволодом, — сказала Кристина. — Мы к тебе.

— Добро пожаловать! — ответил портной, и тяжелые шторы в дальнем конце комнаты расступились. Там оказалась еще одна комната, в ней за пустым блестящим столом восседал знаменитый портной Ахаль Махалье, похожий на белого барашка с розовой мордочкой.

— Ах, какое счастье лицезреть настоящего героя! — воскликнул он, соскочил с высокого стула и низко поклонился.

— Мы уже виделись, портняжка, — сказала Кристина.

В голосе ее не было никакого уважения к знаменитому портному.

— Лишний раз засвидетельствовать — радость для меня, принцесса. Я же вас с детства помню. Ну, как сейчас — прыгаете по болотцу, такая зелененькая, маленькая, ну прямо бы наступил!

— Не видел он ничего подобного, — сказала Царевна-лягушка Севе. — Просто ему хочется меня обидеть.

— Разве бы я посмел!

— Ты много чего смеешь, потому что притворяешься безобидным. И мне твое притворство не нравится. Лучше расскажи, что сделал для нашего друга.

— А вот посмотрите, неужели у вас моя работа не вызывает восхищения?

Широким жестом портной с мордочкой ягненка показал на пустой стол.

— И что мы здесь видим? — спросила Кристина.

— Вы видите вершину портновских достижений нашей эпохи! — воскликнул портной. — Вы видите то, чего не может увидеть человеческий глаз!

— Ближе к делу, Ахаль! — заявила принцесса. — Давно твоя спина не пробовала моей палки!

— Не позорьтесь перед представителем демократической страны! — возразил портной. — В России даже детей редко бьют, а портных — никогда!

— Так ты сшил что-нибудь или нет?

— Невидимое платье! Совершенно невидимое! Как вам повезло, что вы встретили меня на жизненном пути! После того самого короля, о котором все забыли, вы будете вторым, кто отправится в путь в невидимом платье!

Сева подумал, что читал об этом сказку Андерсена. Но он-то при чем?

— Зачем мне невидимый костюм? — спросил он.

— Это особый изыск. — Ахаль был собой доволен и даже горд. — Мало кому удавалось проникнуть в недра Земли в невидимом платье.

Тут Кристина отстранила Севу и, сделав к шаг к портному, невинным голосом спросила:

— И сколько же шелка и бархата пошло на невидимое платье рыцаря?

— Сколько выдали, столько и пошло. — Барашек глядел в пол и рисовал что-то на полу носком башмака.

— Но ведь немало?

— Кто будет мелочиться, когда речь идет о великом путешествии!

— Значит, так, — сказала Кристина. — С мамой я поговорю. В конце концов, ты не единственный, а может, и не лучший портной сказочного королевства. Чтобы к завтрашнему дню одежды для рыцаря были готовы, включая плащ, рюкзак и одеяло, белье, запасные трусики и майки, полотенца и, на всякий случай, бинты и марля. Тебе ясно, жулик?

— Ну это вы зря, ваше высочество, — обиделся портной. — Мы же стараемся...

— Так дай мне подержать невидимый костюм! — потребовала Кристина. — Ведь он только невидимый, но не невесомый!

— Ах, он больше чем невидимый, принцесса. Его нельзя пощупать обыкновенными пальцами! Ни за что! Это мой шедевр.

Кристина между тем сделала быстрый шаг в сторону и распахнула дверцу шкафа.

Там висели разные одежды, и Кристина стала их перебирать, а портной кинулся к ней с криком:

— Нельзя, ваше высочество, не смейте, не надо!

Но он оказался недостаточно ловким — Кристина уже держала в руке вешалку с синей бархатной кофточкой.

— Это тот бархат?

— Он только похож! Я его на толкучке купил!

— Возьмем на проверку. И пускай тогда палач с тобой разбирается.

— Разве я не имею права сделать маленький подарочек моей подружке фее Мелузине? — заблеял Ахаль. — У нее же день рождения!

— Когда? — спросила Кристина.

— Точно не скажу, — ответил портной, — но где-то скоро, а что?

Вдруг Кристина рассердилась. У нее, как Сева потом понял, бывали вспышки гнева. Вообще-то она была терпеливой девушкой, но когда у нее кончалось терпение, она взрывалась, как хлопушка.

Кристина швырнула бархатную кофточку в лицо барашку и

кинулась прочь из комнаты. Лишь на пороге обернулась и крикнула Ахалю:

— Чтобы вся одежда была готова завтра к утру! А потом уматывай на все четыре стороны. Иди к людям! Нам, волшебникам, ты больше не нужен!

— А это мы еще посмотрим! — проблеял в ответ Ахаль. — Тоже мне, волшебница недоделанная!

Кристина начала рыдать, потому что решила, что портной смеялся над ее происхождением, Сева посадил ее на стульчик в коридоре, но не знал, что еще надо делать с ревущими царевнами.

Кристина ругала жуликоватого портного последними словами.

— Такие, как он, всегда сказками прикрываются! — кричала она. — Нет, ты только подумай, украсть весь бархат и шелк, который ему дали, чтобы сшить тебе достойный костюм, а потом придумать историю о невидимой одежде! Да кому она нужна! Кому? Ведь она все равно невидимая.

— Может, на пляже? — спросил Сева.

— Зачем?

— Погода испортилась, похолодало, все надели костюмы и даже свитера, а тут по пляжу идет человек, на вид совершенно голый, и не боится ветра, не остерегается холода. Герой! А окажется, что это не кто иной, как я!

— Ну уж от тебя такой чепухи я не ожидала, — рассмеялась принцесса. — И отвечу тебе со всей решительностью: невидимые костюмы нужны только жуликам и только для того, чтобы воровать материю. Иного варианта нет! Пошли дальше. Нам надо попасть до темноты к оружейнику и сапожнику.

До ужина Сева с Кристиной успели побывать у оружейника Густава Умелого, который сделал для Севы меч размером со спичку, но очень острый, и перочинный нож длиной в ноготь. Он все просил прощения за то, что время поджимает, и он не успеет сделать для славного рыцаря кольчугу. Ведь для этого потребуется микроскоп и целый выводок гномиков, чтобы ее сплести.

В свободное от работы время Густав Умелый играл в солдатики. Он сам отливал их из олова, одевал в латы, выковывал им оружие. Днем они были игрушки как игрушки, зато ночью просыпались и сами сражались в свое удовольствие. Этому никто не удивлялся, но некоторые соседи жаловались королеве — говорили, что пушечные залпы мешают спать.

Густав пригласил Севу навещать его после возвращения из путешествия. Он обещал отдать под его команду половину пехотинцев и тридцать конников Зеленого знамени. Он подвел Севу к краю кавалерии, чтобы познакомиться.

Барон фон Шлотфельдт, командир эскадрона Зеленого знамени, неожиданно поднял закованную в латы руку с мечом, чуть не уколов Севу в глаз. Сева даже отпрыгнул от неожиданности.

— Ты ему понравился, — сказал оружейник Густав Умелый.

Последним они навестили сапожника.

Он обещал сшить Севе к утру сапожки, а потом сказал:

— Вообще-то я специализируюсь по хрустальным туфелькам — видишь, сколько их у меня стоит!

Полок шесть было заставлено сверкающей обувью.

— Зачем вам столько? — удивился Сева.

— Уж очень много Золушек развелось. И сериалы, и мультики, и спектакли, и трагедии... Ты не представляешь, сколько в мире школ, в которых есть драматические кружки! Вот посмотри — последний заказ из Руанды-Урунди. Специально вырезал из черных бриллиантов.

У сапожника тоже трудились феи и гномы. Правда, особенно они себя не утруждали.

Гномы играли в шахматы или в кости, феи болтали, собравшись в кружок, или примеряли туфельки, которые делались здесь на заказ, а в комнате, где валяли валенки, на куче шерсти храпели тролли.

Лишь сам сапожник, сгорбившись над пеньком, набрал целый рот гвоздиков и вколачивал их в подошву.

И тут загремел колокольчик.

К нему присоединился еще один — и покатились по коридорам и туннелям подземелий снежного дворца мелодии — зовущие, влекущие и манящие.

— Что это? — спросил Сева.

— Это сигнал на ужин, — ответила Кристина.

Чуть не сшибив Севу с ног, мимо него понеслись к выходу гномы, полетели феи и эльфы и рванулись, как в бой, глупые тролли.

Страшный топот заполнил коридор.

— Чего они так спешат? — спросил Сева.

— На ужин бегут.

— Такие голодные?

— Нет, после ужина сразу раздается сигнал отбоя, и после этого тушат свет. И до утра во дворце почти совсем темно.

— А почему так спешно?

— Не поспешишь, гномы и феи устроят танцы на всю ночь, — ответила Кристина.

Они шли по коридору к столовой.

— А ты не танцуешь? — спросил Сева.

— Еще чего не хватало!

— Я тоже не танцую, — обрадовался Сева. — А то я боялся, что если это королевский дворец, то меня заставят танцевать.

— Ну если только современные танцы, — неуверенно сказала Кристина, глядя под ноги. — Но мама не выносит современных танцев.

— Современные танцы — это другое дело, — согласился с царевной Сева.

Глава двенадцатая

БОЛЬШИЕ ДОЛЛАРЫ ВЫКУПА

Георгий Георгиевич метался по кабинету.

Как тигр, попавший в клетку.

Как свободолюбивый народ в колониальной зависимости.

И многие видели эти метания и понимали причину.

Прошли сутки с момента похищения Аглаи Тихоновны, но никаких сведений от похитителей не поступало. Уже неоднократно господин президент кричал, что готов отдать все, включая сам Фонд, в обмен на жизнь и здоровье жены.

По его просьбе Элина Виленовна, полная сочувствия к страданиям шефа, уже не раз звонила в Главное управление уголовного розыска и спрашивала следователей Хватов, братьев Бориса и Глеба. Но братьев не было на месте. Они были в поиске.

В гневе Георгий Георгиевич требовал, чтобы гражданин Каин явился пред его очи. Но Каин, который ушел по делам, не возникал.

Георгию Георгиевичу было горько и страшно. Никто не мог ему помочь.

И вот в шестнадцать ноль три раздался телефонный звонок.

— Кто? Что? — закричал Полотенц в трубку.

Ему ответили.

Полотенц замер.

Те, кто был в тот момент в кабинете, и те, кто оставался в приемной, тоже замерли.

И ждали.

Наконец шеф положил трубку, осторожно, как ядовитую змею.

— Это они, — сказал он.

Гробовая тишина встретила эти слова.

— Ну и что? — не выдержала Элина Виленовна. — Они раскаялись?

— Как бы не так, — ответил Георгий Георгиевич. — Как бы не так.

— А что же?

— Если мы не положим требуемую сумму наличными, желательно сотенными новыми купюрами в условленном месте, они и пяти центов не дадут за голову Аглаи...

Тут моральные силы оставили Георгия Георгиевича, и он уселся за письменный стол, опустил голову на руки и зарыдал.

— Когда деньги нужны? — спросила Элина Виленовна, которая даже в такие моменты могла владеть собой.

— Сегодня вечером. В одиннадцать тридцать после окончания трансляции футбольного матча между «Манчестер юнайтед» и «Реалом» по каналу НТВ.

— Значит, в Великобритании будет как раз половина девятого вечера, — сказал главный бухгалтер Семен Трофимыч, знаток и болельщик футбола.

— Семен Трофимыч, зайдите ко мне, — велела ему Элина.

— Слушаюсь, как же, — откликнулся бухгалтер, старый финансовый волк, который присутствовал при рождении и самоликвидации многих магнатов. Он не изменился за последние семьдесят лет. А именно семьдесят лет назад мама надела ему синие сатиновые нарукавники, вручила новые очки и сказала:

— Богатым можешь ты не стать, но на свободе оставайся!

В тот момент Сидорчук не мог оценить всей мудрости маминых слов.

Теперь осознавал.

Пока добрые курьерши и секретарши отпаивали президента, Элина Виленовна отвела бухгалтера в приемную к своему небольшому чистому столу с пятью телефонами, компьютером, факсом и ксероксом.

— Надо будет достать пятьдесят семь миллионов долларов сотенными бумажками. Наличными.

— Это сложно, Эля, — сказал бухгалтер, который был давно знаком с секретаршей шефа.

— До вечера, — сказала она. — Иначе мы потеряем нашего любимого Георгия.

— Жалко, — сказал бухгалтер. — Но, к счастью, деньги у нас уже есть. Это те деньги, что мы накопили, чтобы расплатиться с долгами налоговому управлению.

— Семен, забудь о налогах, забудь о пустяках. Помни, в наших с тобой руках драгоценная жизнь Георгия. И если мы его спасем, то и он нас не оставит заботой.

— Надеюсь, — сказал бухгалтер. — Но провал грозит нам знаешь чем?

— Так вот, провала не будет, — ответила Элина Виленовна. — Иначе тебе не жить.

— Я буду собирать...

— Если нужно, бери в долг.

Бухгалтер смахнул непрошеную слезу и вышел в коридор.

А Элина вернулась в кабинет и разогнала курьерш и секретарш.

— Звони, — приказала она.

Георгий Георгиевич сделал над собой усилие и набрал милицейский номер. На этот раз к телефону подошел Борис Хват. Глеб взял отводную трубку.

— Это Полотенц, — сказал Георгий Георгиевич. — Только что позвонили злоумышленники. Они ждут выкуп.

— Пятьдесят семь миллионов баксов? — спросил сыщик.

— Вот именно.

— Большие деньги. Считайте, что это вас может разорить.

— Как вам не стыдно, гражданин Хват, — упрекнул его Полотенц, — мерить жизнь и безопасность моей супруги какими-то жалкими зелеными заграничными бумажками. Постыдитесь!

— Простите, — голос следователя дрогнул.

— Я отдал указание собирать деньги.

— Ничего не предпринимать без наших указаний! — крикнул Борис Хват. — Преступники могут вас обмануть и ограбить. Вы не получите жену и потеряете бабки.

— У меня есть надежная служба безопасности во главе с гражданином Каином.

— Знаем мы вашего Каина, — сказал Борис Хват.

— И не доверяем ему, — поддержал близнеца Глеб Хват. — Нам известно, чем он занимался в далеком восемнадцатом веке.

— Был бандитом и вором! — крикнул Борис.

— Простите, — перебил их Полотенц. — Он также служил начальником уголовного розыска, вашим коллегой, понимаете?

— Но ведь это не тот Каин? — спросил Борис Хват.

— Разумеется, — согласился Полотенц. — Загляните в паспорт. И обнаружится, что у него другой возраст.

— Мы пытались заглянуть в паспорт, — сказал Глеб Хват, — только паспорта не обнаружили.

— И правильно, — сказал Полотенц. — Нет у него паспорта по причине возраста, ему же шестнадцати лет не исполнилось.

— Бред какой-то, — признался Борис Хват.

— Так вы сначала разберитесь у себя в паспортном столе, —

сказал Георгий Георгиевич, — а потом уж упрекайте мою охрану в небдительности.

Он повесил трубку.

Тут снова позвонил телефон.

— Ну кто там еще! — рявкнул Георгий Георгиевич. — Меня нет!

Элина подняла трубку.

— Нет, — сказала она, — его нет. И сегодня не будет.

Георгий Георгиевич согласно кивал и думал: «Повезло мне с секретаршей».

— И завтра не будет, — сказала Элина Виленовна. — И просит его больше не беспокоить. Вот так... именно так!

— Кто же это был? — спросил Георгий Георгиевич.

— Какой-то мальчик, он не представился.

И Элина пошла к выходу из кабинета — такого громадного, пустынного и неуютного.

— Стой! — закричал Полотенц. — Какой мальчик знает мой личный номер?

— Ваш сын, — спокойно ответила Элина.

— Ты понимаешь, что он подумает о своем отце? Немедленно соедини его со мной по мобильнику. Я не переживу, он не переживет...

— Я слышала странный треск, — ответила Элина. — Очевидно, он разбил свой мобильник. От злости.

— Но как ты смела?

— Из любви к вам, шеф, — ответила девушка. — Потому что иначе мальчик будет суетиться и лезть со своими советами. Вот все кончится благополучно, и тогда вы пообщаетесь со своим шалунишкой.

— Элина! — взвизгнул президент, но осекся и, заложив руки за спину, принялся бегать по ковру.

Элина стояла в дверях и смотрела на него.

Серьезно, не улыбаясь. Как смотрит кошка на рыбку, которая плавает в аквариуме, и думает: сожрать или я сегодня уже сыта?

— Я боюсь, — вдруг прошептал президент.

— Чего ты боишься?

— Я боюсь тебя.

— А вот это лишнее. Я безвредна, как пингвин.

— Пингвин?

— Да, мой милый, я толстый неуклюжий чистенький пингвин.

И Элина ушла, оставив шефа в полной растерянности. Ну скажите, при чем тут пингвин?

Глава тринадцатая

СЛИШКОМ МНОГО ПРИЗРАКОВ

Танцев после ужина не было. Настроение во дворце было тревожным.

Завтра отправляется в путешествие рыцарь Савин, тринадцати с половиной лет, а путешествие будет опасным.

Снежная королева посадила Севу за ужином рядом с собой, а Нильса отправила с дозором из медведей проверить лес вокруг дворца.

Она стала расспрашивать Севу: как он получился таким, как есть? Почему до солидного возраста верит в сказки, может, в семье какие-нибудь неприятности? Или в детстве неудачно болел коклюшем?

Конечно, королева была не совсем серьезна, она делала вид, что верить в сказки могут лишь дети или не совсем нормальные люди, и все время будто упускала из виду, что сама была сказочной, что Сева сидел за столом в сказочном королевстве и намеревался идти в поход для того, чтобы помочь именно сказочным существам.

Но Сева отвечал на вопросы, как хорошо воспитанный юноша отвечает настоящей королеве, например королеве Англии.

— Спать ты будешь в гостевых апартаментах, — сказала Роксана после ужина. — С видом на кладбище собак и казненных гномов. Надеюсь, ты не боишься привидений?

— Еще чего не хватало! — воскликнул Сева, который, конечно же, думал, что ничего не боится. — А что эти гномы натворили?

— Ах, это давняя история, — отмахнулась Роксана. — То ли тролли их казнили, то ли они сами себя перебили. Кто помнит...

Но Сева почувствовал, что королева говорит неправду. Знает она, в чем дело, но не хочет признаться. И это его обеспокоило.

Провожал Севу до спальни местный домовой. Они здесь служили дворниками и сторожами, потому что хоть это были и гномьи края, гномы не выносили заниматься чужими делами. Искать изумруды — пожалуйста, а вот подмести за собой — это выше их силенок.

Домовой был старенький, борода от старости даже не белая, а желтая и болтается между ног, доставая до пола, одет в домашний халат, а на голове меховая шапка, которая ему так велика, что то и дело падает на нос, и он приподнимает ее кончиком носа, чтобы что-нибудь разглядеть.

На этот раз под землю они не спускались, а долго шли кривыми коридорами и переходами, порой им встречались жильцы

дворца, некоторые уже в ночных рубашках или халатах, в пижамах или в трусах до колен.

И тут зазвенел звонок.

Домовой сказал:

— Поспешаем, юноша, а то сейчас свет потушат.

Он вытащил из-за пазухи свечу и спросил:

— Спички есть?

— Я не курю, — сказал Сева.

— Курю не курю, а помнить о спичках надо всегда!

Навстречу шел невысокий толстый Дед Мороз с трубкой в зубах.

— Разрешите прикурить, — попросил его домовой.

Дед Мороз кинул ему коробку спичек и пошел дальше, не оборачиваясь.

Свет мигнул и погас.

— Ну вот, предупреждали же! — проворчал домовой.

Он зажег свечу, тени завозились на стене и потолке.

Половицы громко скрипели под ногами.

Домовой открыл небольшую дверь. За ней была просторная комната с низким потолком. В ней стояла продавленная кровать с кованой железной спинкой.

Возле нее стояла тумбочка, чуть подальше табурет с кувшином, а возле него ночной горшок.

— Это наша спальня для обыкновенных гостей, — сказал домовой. — Но гостей у нас мало бывает. Располагайся, клопов нет, я сам их керосином травил.

В комнате и в самом деле пахло керосином.

— Свечку я тебе не оставлю, — сказал домовой. — Самому нужна. А то ночью в этом крыле дворца много всякой нечисти шастает. Со свечкой спокойнее. А ты, если что, дверь на крючок запри, а сам прячься с головой под одеяло. Они под одеяло не лезут.

— Кто они? — спросил Сева и почувствовал, что голос его плохо слушается.

— Кто-кто, вот увидишь кто и скажешь — а то кто-кто, мало ли кто!

Фраза домового показалась Севе загадочной и даже глупой. И совсем его не успокоила.

Огонек свечи удалился к двери.

— Вы уже пошли? — спросил Сева.

— А что мне — всю ночь возле тебя плясать?

Дверь открылась, закрылась снова, и Сева остался один.

Он пошел следом за домовым, ему захотелось позвать его,

чтобы тот вернулся, он даже открыл дверь, но увидел лишь огонек свечи, который еле светился вдали.

Тогда Сева закрыл дверь на крючок.

Крючок был хилый, любое привидение сорвет.

Глаза немного привыкли к темноте. Ее рассеивало лишь окно, за которым были сумерки, не совсем день, но и не совсем ночь. К окну близко подходили елки, так что в комнату попадало не много света.

Сева подошел к окну и посмотрел наружу.

Можно было различить холмистую пустошь.

Почти сразу Сева догадался, что это не просто холмики, а могилы.

Значит, и на самом деле там кладбище. Только этого еще не хватало!

На некоторых холмиках стояли каменные плиты, на других они лежали.

За кладбищем начинался лес.

Не то чтобы было страшно, но неприятно. Хуже нет, когда не знаешь, чего тебе бояться, но страх тебя не отпускает.

Густые сумерки позвали из влажной земли туман, он полз между могил, иногда приподнимая голову, белую, бесформенную и безглазую.

Севе показалось, что кто-то идет по кладбищу — похожий на человека, в плаще с капюшоном, серый-серый, чуть темнее тумана, но светлее леса и неба.

Может, это сторож?

А может, привидение?

Вообще-то говоря, в сказочном царстве должны водиться привидения. Только не хочется с ними встречаться.

Привидение медленно подняло голову, и сердце Севы сжалось.

Из треугольной темноты капюшона на Севу смотрели светящиеся зеленые глаза. Яркие лазерные точки. Нет, не лазерные — фосфорные! Или просто колдовские.

Сева отпрянул от окна.

Хорошо еще, что окна на втором этаже.

Сева задвинул занавеску и снял с табурета кувшин с водой. Потом отнес табурет к двери и сунул его ножку в ручку двери.

Если табурет не удержит ночного гостя, то, по крайней мере, упадет с шумом.

Разбудит.

Вот с оружием было куда хуже.

Оружия совсем не было.

Правда, кувшин был эмалированный, с большой ручкой, и можно было им отбиваться.

Хорошо, ставим кувшин у изголовья кровати.

Сева понимал, что с таким оружием воевать с привидениями нет смысла. Лучше сразу сдаться им в плен.

Смешно!

Сдашься — и тебя тут же превратят в какого-нибудь вампирчика *или ходячего мертвяшку.*

Надо ложиться, но как только ляжешь, то станешь еще беспомощней.

Сева вернулся к окну и осторожно отодвинул уголок занавески.

Кладбище было пусто.

Но это еще ничего не значило.

Может быть, в этот момент привидение поднимается по лестнице?

Сева постоял у двери, прижав к ней ухо.

Полная тишина.

Ничего не дождавшись, Сева решил все же лечь спать — он устал за день, и спать тоже хотелось.

Конечно, он раздеваться не стал, лег поверх одеяла, к счастью, в комнате было не холодно.

Потом подумал, что, может, и на самом деле лучше накрыться с головой, придет привидение и не заметит его...

Конечно, наивная мысль, но все-таки лучше иметь мысли, чем совсем их не иметь.

И он заснул.

Конечно, он не заметил, как заснул, потому что люди этого никогда не замечают.

Зато заметил, как проснулся.

А проснулся он потому, что ему в глаза светила лампа. Или прожектор.

Одеяло сползло.

Он открыл глаза, зажмурился и сказал:

— Кто там еще?

Прикрыл глаза ладонью и удивился тому, что свет, разбудивший его, — зеленый.

И сразу сердце сжалось от ужаса.

Он вскочил, потянул на себя одеяло.

Оно зацепилось за край кровати.

Привидение в халате с капюшоном, из-под которого светили два зеленых огонька, стояло над ним и манило пальцем.

И хоть в комнате было темно, Сева понял, что пальцы у привидения костлявые, не просто костлявые, а костяные. То есть

пальцы скелета. А каждый знает, что если у привидения пальцы костяные, значит, оно само скелет.

И легче от такого открытия не становится.

Если привидение манит тебя к себе, то лучше убраться от него подальше.

Сева начал отползать в угол кровати, но натолкнулся спиной на стену.

Тогда он пополз вдоль стены, но тут что-то зазвенело, покатилось, и глухой, хриплый голос произнес:

— Отдай мои зубы, Всеволод!

Несмотря на почти полную темень, Сева уловил в ногах кровати силуэт — страшно даже представить, но куда хуже увидеть, — черный силуэт крокодила.

Известный древнегреческий философ Архимед как-то принялся кричать:

— Дайте мне рычаг, дайте мне рычаг, и я весь мир переверну!

Рычага ему не дали, а потом римский солдат, которому надоели эти крики, зарезал Архимеда.

Сева, хотя ему некогда было рассуждать как Архимеду, оказался в схожем положении.

Любое оружие ему бы сгодилось.

Это не значит, что он был очень смелым, — нам это известно. Но когда волк загоняет кролика в угол, кролик берет «калашников» и расстреливает волка в упор.

И, как отчаявшийся кролик, Сева изогнулся — сам не понял как — и схватил ту штуку, что мешала ему вытянуть ноги, — это была челюсть крокодила.

— Оттттай! — шамкал крокодил и толкал пятки Севы жесткими, но беззубыми губами.

Сева соскочил с кровати.

В руке у него была челюсть крокодила длиной с руку Севы, а может, и подлиннее, зубы в ней были длинными, острыми, чуть загнутыми, но, к сожалению, держались слабо — видно, крокодил был стареньким.

Поэтому, когда Сева стал отбиваться от привидения челюстью, зубы из нее выскакивали и прыгали по полу, как белые кузнечики.

Привидение не испугалось, оно только отмахивалось от зубов и сердито повторяло:

— А ну кончай! Зашибешь! Разорву...

Не выпуская челюсти, Сева стал отступать к двери.

Крокодил вылез из-под кровати. Он полз и полз — и конца не было видно.

А привидение закрыло спиной дверь.

С потолка сорвался, ударился об пол и покатился в сторону оранжевый череп — где-то Сева его уже видел.

И тут в окне откинулась занавеска, и появились сиамские близнецы. Сиамские близнецы — это близнецы, которые срастаются боками или плечами. Но эти срослись головами, как бы прижались ушами, чтобы лучше слышать друг друга. Были они голубыми, толстенькими, они уселись на подоконник, свесили в комнату ноги в сапожках и стали ими размахивать.

Ничего они не делали, даже не угрожали, но показались Севе страшнее, чем привидение.

— Оттай жжупы! — шипел крокодил.

— Отдай мою лапу! — заговорил небольшой тигр, который сидел на задних лапах и облизывал себе живот.

От нечисти в комнате стало тесно.

Дышать было трудно.

— Хватай его! — закричало привидение.

И все они, как в страшной повести Гоголя, кинулись на Севу.

А Сева — ну что еще будешь делать, — размахивая челюстью крокодила, стал пробиваться к двери.

И что отвратительно — челюсть как будто проваливалась сквозь черепушки и морды привидений и всяких страшилок, увязала в них, а вытащить ее вновь было трудно, как из клея.

Если вам приходилось встречаться с привидениями или чудовищами, приходящими из кошмаров, то вы знаете, что самое страшное — неизвестность. Пока ты идешь по кладбищу и никого не видишь, зато слышишь сзади крадущиеся шаги, пока ты входишь в темную комнату и всей шкурой чувствуешь, что кто-то поджидает тебя, ты можешь рехнуться от страха, страха неизвестности. Но если ты увидел наконец скелет, который трусит за тобой, теряя, может быть, на ходу ребра, или ты увидел, как другой скелет уже высунул череп из могилы и пытается вытащить из гроба свое костлявое тело, ты перестаешь бояться, потому что твой преследователь показал себя. И если сможешь — ты убежишь, а не убежишь — станешь отбиваться.

Ведь ты не такой уж и трус!

Сева был человеком обыкновенным и вначале очень испугался, но когда оказалось, что с призраками все-таки можно сражаться, он осмелел.

Он размахивал челюстью крокодила, как дубинкой, он пинал ногами скелет собачонки, который норовил тяпнуть его за коленку, он сшиб в воздухе летевший на него зеленый пистолет...

Он разозлился.

Совершенно непонятно, сколько длился этот неравный бой — может, час, а вернее, полминуты. Но Сева уже сообразил,

что к окну не пробиться, в него лезли и лезли новые враги, прятаться уже некуда.

Оставалась дверь.

Сева сам накинулся на привидение.

Он ткнул ему в плащ конец челюсти, челюсть провалилась вперед, Сева потерял равновесие.

И полетел в темноту следом за челюстью.

Глава четырнадцатая

СТРАШИЛКИ КРИВЛЯТТЕРА

Пол под ногами расступился.

Сева ухнул в пропасть.

Конец!

Когда человек падает в пропасть, он закрывает глаза.

Когда же он ударяется о пол этажом ниже — он глаза открывает...

Комната была ярко освещена, потому что там горели свечи в канделябрах, к тому же топился камин, в котором красным светом полыхали толстые сосновые бревна.

Полукругом в удобных креслах сидели деды морозы. И Нильс, и тот толстый, что курил трубку, и еще десять или двенадцать.

У каждого в руке высокая глиняная кружка.

А в центре этого полукруга, лицом к камину, сидела Снежная королева Роксана. В синем бархатном платье, обшитом серебряным кружевом, словно снежные узоры на окне, глядящем в ночь.

Появление Севы Морозы встретили громким невежливым хохотом.

Потом, когда Сева собирался рассердиться, потому что сообразил, что его, очевидно, разыграли, они подняли кружки, протянули руки в направлении юного гостя и хором принялись говорить:

— Сколь смелый рыцарь! Привет тебе, хеллоу, прозит, ты нас не разочаровал.

— Так вы шутили! — Севе захотелось заплакать. Он сидит на ковре, у него дрожат руки и коленки, а эти сытые молодцы над ним издеваются.

И тут заговорила королева Роксана.

— Мы видели все, что происходило над нами, — сказала она. — Видишь, какой у нас есть монитор! Тут у нас недавно телевизионный сателлит рухнул — кое-что пригодилось.

И, к удивлению Севы, он увидел на экране, что наверху в

комнате, откуда он только что свалился через аккуратно выпиленный люк, который наблюдатели открыли снизу, призраки и чудища никуда не исчезли, а бесцельно бродят, словно никак не могут понять, куда же делась их добыча. И уж совсем невероятно было увидеть беззубую крокодилью морду, что свесилась сверху и заглядывает через край люка, но яркий свет в нижней комнате и обилие зрителей ее смущают.

— Молодец, — сказала Снежная королева. — Мы тобой довольны, а ты не должен на нас сердиться. Мы знаем, что ты не самый храбрый человек на свете, но нам не хотелось бы, чтобы ты оказался отчаянным трусом.

— А я и не оказался! — и тут Сева вспомнил, что в руке у него крокодилья челюсть, и поднял ее, словно угрожая мужьям Снежной королевы.

И тут горячая капля упала ему на щеку. Еще одна горячая капля обожгла его...

Что такое?

Сева поглядел наверх.

Крокодил, свесив беззубую морду, плакал большими горячими слезами.

Сева хотел совсем обидеться, но вдруг ему стало жалко привидение крокодила, которому, оказывается, тоже бывает несладко.

И он метнул челюсть вверх.

Крокодил успел раскрыть пасть и поймать подарок.

И тут же оглушительно щелкнул оставшимися на челюсти зубами, и его морда исчезла.

Морозы поднялись со своих кресел, они хлопали Севу по плечам, хвалили его за смелость и смекалку, и Сева в конце концов поверил, что он и на самом деле отважный рыцарь. И ему дали звание: барон крокодильего зуба. Дед Мороз Нильс обещал нарисовать зуб на его рыцарском гербе. Сева осмелел и даже уселся в кресло рядом с Роксаной и принял из ее руки кружку брусничного сока. Некоторые Морозы в том царстве употребляют пиво, но большей частью там пьют напитки ягодные.

— Прости нас, Всеволод, — сказала Роксана, — но мы решили тебя испытать. Как ты будешь вести себя, когда станет страшно. А ведь в пути тебе наверняка станет страшно. И неоткуда будет ждать пощады и помощи.

Лицо у королевы было мраморным, а губы розовыми, как малиновый мусс. Губы улыбались, а глаза оставались печальными.

— В жизни мало что бывает простым, — сказала Снежная королева. — Ты думаешь, нам самим все эти привидения, крокодилы и вампиры не наскучили? Они же не из воздуха берутся!

— А как же?

— Кривляттер! — приказала королева. — А ну, явись пред наши очи.

И тогда на середину ковра вышел ниоткуда странный человек.

Он был невелик, но это было условно, потому что за пять минут он мог подрасти на пядь, а в следующую минуту на полметра уменьшиться, зато отрастить пузо, его длинные черные волосы были завязаны сзади в длинную косу, но могли вдруг завиться, встать дыбом, закрыть уши или вообще исчезнуть.

Притом ни ноги, ни руки Кривляттера ни на секунду не оставались в покое. Он чесал ногой ногу, руками скреб под мышками, он мигал и щурился, он говорил заикаясь, потому что его слова убегали вперед мыслей, а порой застревали на полпути.

Севе он поклонился и быстро заговорил:

— Ты молодец, молодец... я ббб на-тттвоем месте провалился. Чесслов. Давай дружить, ты чужой — я чужой!

Он протянул Севе руку, и только тогда Сева сообразил, что, заглядевшись на его ужимки и прыжки, он даже не сразу заметил, что Кривляттер меняет одежду так часто, что угадать, во что он сейчас одет, невозможно.

Рука была горячая, и Кривляттер тут же начал выдирать ее у Севы и кричать:

— Нннне жми! Бооооль-ах! Уйди, не вожусь...

— Простите, — сказал Сева.

— Нет, ты меня ппппрости.

Он поднял ладонь, и на ладони уже сидела Дюймовочка, ножка на ножку, она махала ручками, чтобы не потерять равновесия и не упасть.

— Дддда-рю! — сказал Кривляттер. — Женись.

— Ты совершенно рехнулся, — сказала Снежная королева. — Бери свою Дюймовочку и неси ее в детские ясли. Уходи, уходи! Видеть тебя не желаю!

— А я и рад! — рассмеялся Кривляттер. — А мне и к лучшему.

Он опустил руку, и Дюймовочка соскочила на пол. И стала одного роста с Кривляттером. Очень красивая девушка.

— Зря ты на мне не женился, Савин, — сказала она голосом Ванессы.

Этого еще не хватало!

— Ванесса?

— Такой не знаю, — ответила девушка и первой убежала из комнаты. За ней последовал Кривляттер.

— Кто он? — спросил Сева.

Он почувствовал облегчение от того, что Кривляттер ушел.

— Ты на него не обращай внимания, — сказал Нильс. — Он не вредный, но чудак.

Дед Мороз был одет попросту, в клетчатую ковбойку и джинсы, и это нарушало сказку больше, чем самолет Гарри Коллинза.

Ясно, что обычные законы в сказке не действуют.

— Чудаки тоже бывают надоедливыми, — сказала королева. — Кривляттер не совсем сказочное существо. Он просто-напросто тупиковая ветвь эволюции. Природа долго размышляла, от кого произойти человеку. Пробовала, ошибалась, снова пробовала. Ты слышал о неандертальцах?

— Волосатые, похожие на горилл, они жили в пещерах, а потом почему-то вымерли.

— Вот именно — тупиковая ветвь, — сказал толстый Дед Мороз с трубкой в золотых зубах. — Эти кривляттеры населяли берега озера Китеж и остров Епифань. Но потом передрались.

— А я думаю, — возразил Нильс, — тут не обошлось без инопланетян.

— В общем, это последний кривляттер на Земле, — сказала Снежная королева. — И у него есть удивительная способность — ты видел это. Его буйное воображение может рождать чудовищ. То, что вы, дети, называете страшилками — это его выдумки. Правда, в последние годы он халтурит, выпускает страшилки одинаковые. Сотнями.

— Порой это невыносимо — хоть на Северный полюс беги, — сказал Нильс.

— Так вы его попросите уехать, — сказал Сева.

— А он честно зарабатывает деньги. И мы от него немало получаем.

— Почему же?

— Да потому что его страшилки отсюда прямиком идут в Голливуд и на другие киностудии.

— А порой они и так, в натуре, могут понужбиться, — сказал домовой, который, оказывается, сидел под креслом у королевы, и тут ему захотелось поучаствовать в беседе — вот он и высунул бороду наружу.

— Они недолго живут, — сказала королева, угадав вопрос Севы. — Они сами растворяются в воздухе. Но в кино их успевают снять и по телевизору показывают... он у нас тут самый богатый.

— К счастью, цены деньгам он не знает, — сказал Нильс.

— Впрочем, мы все стараемся эту цену понять, но до конца так и не понимаем, — поддержал его Дед Мороз с трубкой в зубах.

— Сейчас он со своей Дюймовочкой, — сказал домовой, — в

трактир пошел. А потом он напьется пива, а она растворится в воздухе...

— А сейчас спать, — сказала Роксана. — Завтра с утра сборы в поход.

Глава пятнадцатая

ВЫКУП ЗА АГЛАЮ

Телефон зазвонил в кабинете Георгия Георгиевича ровно в двадцать три часа восемь минут.

Георгий Георгиевич схватил трубку раньше, чем это успела сделать Элина Виленовна.

— Это кто? — спросил он.

— Похитители, — ответил голос. — Ждем ответа.

В телефонной трубке раздался характерный щелчок. Не надо было быть специалистом, чтобы догадаться: уголовный розыск подключился к разговору.

— Мы согласны на ваши условия, — сказал Георгий Георгиевич.

Его голос звучал напряженно, но мужественно.

— Деньги должны быть в брезентовых инкассаторских мешках, — продолжал голос похитителя, тонкий и хриплый, как голос юного партизана.

— Это невозможно, — сказал Георгий Георгиевич.

— А ты, козел, не спорь!

— Груз будет весить больше чем полтонны, — сказал Георгий Георгиевич.

— А что ты предлагаешь?

— Чек на один из ведущих западных банков, — сказал Полотенц.

— Не выйдет, — ответил похититель. — Надуешь.

— Как я могу надуть, если судьба Аглаи Тихоновны в ваших руках!

— А вот как не будет она в наших руках — тут нам и кранты. И чек липовый, и в банке нас менты ждут. Швейцарские...

— Но я не могу набрать столько наличных. Вы меня полностью разоряете!

— Это твои проблемы, коротышка! Привезешь «капусту» в «Газели». Остальное — наша забота.

— Хорошо, — вздохнул печально Полотенц. — Куда ехать? Когда ехать?

— Когда баксы будут погружены?

Георгий обратился к Элине:

— Когда наличные будут собраны?

— Через час.

— Прикажи погрузить в зеленую «Газель».

Элина, не говоря ни слова, вышла из кабинета.

— Чтобы в машине никого, кроме тебя и твоей гадючки, не было, — сказал похититель.

— Я не понял, — сказал Георгий. — Кто такая «моя гадючка»?

— Ее звали Элиной.

И похититель неприятно захохотал.

— Я до тебя доберусь! — злобно прошептала Элина. Обычно она умела держать себя в руках, но в ее происхождении была тайна, которую нелегко было разгадать. И если ей казалось, что кто-то близко подошел к разгадке, она теряла над собой контроль.

— Встреча в один час двадцать минут ночи, — сказал похититель, который не слышал угрозы Элины Виленовны, иначе бы наверняка испугался.

— Но где? — спросил Георгий Георгиевич. — Где же?

— Узнаешь, — рассмеялся в ответ похититель.

Короткие гудки...

Георгий Георгиевич хотел положить трубку на место, но в ухе прозвучал голос Бориса Хвата:

— Линию не разъединять. Они наверняка скоро позвонят. Сменят точку и позвонят.

— А разве он не с мобильного? — спросил Полотенц.

— Мы его засекли, но надо бы засечь получше, — сказал Глеб Хват. — Да вы не волнуйтесь. Они ведь тоже на крючке. С момента похищения премьера Италии и дочери журнального магната Херста такого большого выкупа еще не требовали. Но вы эти деньги не потеряете, они к вам возвратятся.

— Оплатил налоги — и гуляй спокойно! — почему-то сказал его брат и рассмеялся.

— Ну что ж, — сказал Полотенц. — Будем ждать. Охрана предупреждена?

— Вы же знаете, Георгий Георгиевич. Вы же знаете.

Минуты тянулись, как часы.

Наконец все готово.

Но сигнал не поступает.

— Куда выезжать-то? — волнуется Георгий Георгиевич.

— Куда выезжаете? — волнуется по телефону Хват.

И в этот момент в приоткрытую форточку влетает камень, обернутый в листок бумаги.

Элина совершает вратарский прыжок и хватает камень.

Разворачивает лист бумаги.

Протягивает его Георгию.

На листке печатными буквами написано: «18-й километр Мантулинского шоссе. Час пятнадцать. Проговоритесь братьям Хватам — не жить Аглае Тихоновне».

Элина Виленовна сказала:

— Назначают встречу на пять минут раньше. Чтобы сбить с толку ментов. А мы приедем еще на пять минут раньше.

— Чтобы всех сбить с толку?

— Умница.

Вдруг Элина Виленовна, что с ней редко бывало, пожалела Георгия Георгиевича, наклонилась и поцеловала его в лысинку.

— Если со мной случится что-нибудь ужасное, — произнес Полотенц, — ты позаботишься о Гоше? Он же самое дорогое, что у меня осталось...

— Как о себе! — ответила Элина.

Под окном коротко гуднул фургон.

Это привезли выкуп.

Георгий Георгиевич с Элиной спустились к машине. Полотенц в шляпе, Элина в платке.

Бухгалтер Семен Трофимович стоял возле машины.

— Где же охрана? — спросил он.

— Охраны не надо, — ответила Элина Виленовна. — Сами управимся.

— А если засада? — спросил бухгалтер, передавая шефу ключи от машины.

— Справимся, — сказал Георгий Георгиевич. Он подумал и добавил: — Семен Трофимович, ветер поднялся, сквозняки вокруг. В твоем возрасте себя беречь надо.

С этими словами Полотенц снял свою шляпу и напялил на голову бухгалтеру.

— Не может быть! — Бухгалтер был потрясен человеколюбивым поступком президента. Уже шестой год он трудился в Фонде, но ни разу не слышал, чтобы Полотенц совершил добрый поступок, кого-то пожалел или кому-то что-то подарил.

— Что ты делаешь! — воскликнула Элина Виленовна. — Ты же простудишься.

— Ничего со мной не случится. Я молод и крепок, — ответил Георгий Георгиевич. — А вот Семену Трофимовичу скоро на пенсию, а пенсия у нас маленькая, не заботится государство о человеке.

Так Семен Трофимович остался в шляпе, а Полотенц с Элиной поехали на Мантулинское шоссе.

— Чего не понимаю... — начала говорить Элина, но Георгий Георгиевич не стал ее дослушивать.

Он хитро поглядел на спутницу и сказал:

— Когда следователи Хваты были у меня в кабинете, я видел, как один из них возле вешалки крутился, где мой плащ и шляпа. И шляпу в руках крутил. Когда они ушли, я поглядел внимательно и вижу — к шляпе булавка приколота, а на самом деле это не булавка, а передатчик. «Жучок»!

— Они нас слушают! — возмутилась Элина Виленовна.

— Точнее сказать — прослушивали. Но надеюсь, что теперь перестали.

Элина задумалась, потом сказала:

— А что, если в меня где-нибудь «жучок» воткнут?

— Есть шанс, — сказал Полотенц. — И его надо учитывать.

— Но ведь нам нечего скрывать от ментов? — спросила Элина Виленовна. — Мы открыты перед ними, как ворота?

— Вот именно! — усмехнулся Георгий Георгиевич.

Ночью движение в Москве не очень бурное, так что доехали они до нужного места почти без задержек.

В нужном месте съехали с шоссе и повернули на узкую проселочную дорогу.

На обочине стояла зеленая «Газель», точно такая же, как та, на которой они приехали.

Георгий Георгиевич поморгал фарами.

В ответ — тишина.

— Ну что ж, выходим? — спросил он у Элины Виленовны.

— Надо выходить, — сказала секретарша. — Что-то они молчат, не нравится мне это.

— Может, дать сигнал? — спросил Полотенц.

— Не уверена, — ответила Элина Виленовна.

— Тогда подождем, — сказал Георгий Георгиевич. — Они сами нам подадут сигнал.

А в это время вне себя от гнева Борис Хват колотил крепким кулаком по наушникам.

— Почему молчит подслушка? Нет, ты скажи, почему она молчит?

Они неслись по Мантулинскому шоссе, чтобы перехватить похитителей на месте встречи и, может, спасти от смерти самого Георгия Георгиевича.

И поэтому они опоздали к месту встречи, когда туда приехал Полотенц в белом фургоне, и не узнали, что же там произошло за последние десять минут.

— Ах, как много я бы дал, — сказал Борис Хват брату Глебу, — чтобы услышать, что сказали похитители Полотенцу, как они взяли деньги и куда делась уважаемая Аглая Тихоновна.

— Я бы дал побольше, чем ты, — ответил брат Глеб.

Они вышли из своего лимузина с синим фонарем на крыше, а из сопровождающего джипа вылезло десять спецназовцев, которые должны были освободить Аглаю Тихоновну, если бы не помешала инициатива супруга.

Они подошли к стоящему поперек дороги фургону «Газель».

Возле него на земле лежала без сознания прекрасная девушка — Элина Виленовна, рядом лежал клок ваты, смоченный хлороформом.

— Причина бессознания ясна, — сказал Борис Хват, понюхал вату и потерял сознание.

Тем временем Глеб Хват отыскал и Георгия Георгиевича.

Он тоже был без сознания, но лежал на водительском месте «Газели».

Правда, там обошлось без хлороформа.

Злоумышленники ударили его по голове тяжелой арматуриной и разбили в кровь голову.

Орудие нападения валялось рядом.

Георгий Георгиевич дышал, пульс был редким, но слабым.

Глеб Хват распахнул дверцу «Газели».

Там было пусто.

Необъяснимым образом все деньги — несколько тяжелых мешков с бумагой — исчезли.

У преступников вряд ли было время перетаскать столько денег.

Но они поменяли фургоны!

Аглаю Тихоновну не вернули и исчезли.

Так что, оставив экспертов, чтобы обыскать место преступления, Глеб приказал всех пострадавших, включая брата, отвезти в Склифосовского.

Глава шестнадцатая

ПРОДОЛЖЕНИЕ НАЧИНАЕТСЯ

В больнице, придя в себя, Полотенц и Элина рассказали о случившемся.

Оказывается, когда они подъехали, на месте встречи уже ждал зеленый фургон. В нем было шесть или семь человек в черных масках. Эти люди спросили где деньги. А Георгий Георгиевич ответил: «А где моя Аглая?» Тут его оглушили, а Элину одурманили, и больше они ничего не помнят.

Допрос Полотенца проходил в его палате в клинике Склифосовского.

Врачи сообщили следователям, что жизни пострадавших ни-

что не угрожает. Но желательно немного отдохнуть. Может быть, на Канарских островах, а может быть, в санатории «Барвиха». Но Георгий Георгиевич ответил, что забота о судьбе Аглаи Тихоновны, а также крайняя занятость не позволяют ему отдыхать на островах и даже купаться. Пускай купаются бездельники.

Сыщик Глеб Хват спросил, какого черта они поперлись вдвоем отдавать такие большие деньги.

— Потому что я люблю мою Аглаю! — ответил Полотенц. — Я опасался безобразий со стороны похитителей.

— Потому что я люблю и уважаю моего шефа, — ответила Элина Виленовна. — Куда он, туда и я!

Борис Хват почесал в потылице. Ему вообще вся эта история не очень нравилась. А больше всего ему не нравилась небольшая на первый взгляд, но существенная на второй взгляд деталь: почему сумма выкупа за жену господина Полотенца совпадала с суммой, которую он должен в налоговое управление? Неужели это только случайность? Или похитители знали о долге Полотенца? О том, что именно такая наличность скопилась в сейфах Фонда?

Глеб Хват беспокоился о другом. Почему, думал он, они повезли пятьдесят семь миллионов долларов вдвоем, без охраны и так доверчиво?

Разговор с Полотенцем получился трудным.

Он переживал, плакал, даже заламывал толстые ручки. Лысина у него покрывалась потом, нос краснел.

Доктор дал ему напиться валерьянки.

— Неужели вам не жалко денег? — спросил он.

— Не все ли равно, сколько денег потеряно, — ответил Георгий Георгиевич. — Важно, что Аглая ко мне не возвратилась. Представляете, какая подлость с их стороны! И в налоговое платить нечего!

— Никуда они не денутся, — сказал Борис Хват. — Ведь бандитам эти деньги надо потратить. А как они их потратят?

— Они их за границу вывезут, — сказала Элина Виленовна. — Ловите их на таможне.

Полотенц поднялся и ухватился за спинку кровати.

— Я поехал, — сказал он.

— Куда? — удивился доктор.

— В летний лагерь, где отдыхает мой единственный сын Георгий. Я не могу рисковать.

— Георгий Георгиевич, — остановила его Элина. — Но ведь в лагере недавно побывал ваш заместитель по режиму гражданин Каин.

— Неужели? — удивился Георгий. — У меня все в голове перемешалось.

Как только следователи покинули больницу, снизу позвонил гражданин Каин.

— Меня не пропускают, — сказал он по сотовому.

— Сейчас все сделаем, — ответила Элина и вышла из палаты.

Возле палаты на стуле сидел автоматчик в форме лейтенанта милиции, оставленный там дежурить следователями Хватами.

— Я сейчас вернусь, — сказала ему Элина.

— Идите, идите, я запомнил, — ответил лейтенант. Он и на самом деле запомнил Элину, потому что еще не видел такой красивой женщины, как она.

— Я сыночка нашему шефу приведу, — сказала она. — Папашу навестить хочет.

— Нормально, — согласился лейтенант милиции. — Ведите малыша.

Элина Виленовна спустилась вниз и там, у входа в больницу, отыскала мальчика лет двенадцати, скучного на вид, худенького и во всем непохожего на Полотенца-младшего, а куда больше похожего на начальника охраны гражданина Каина Ивана.

— Ванечка, — произнесла сладким голосом секретарша. — Как хорошо, что ты приехал, чтобы навестить своего папочку. Он так переживает за судьбу вашей мамочки.

Милиционер пропустил их в палату и сказал:

— Сынок-то какой большой. И на папашу не похож. А вы ему мамашей будете?

— Не сейчас, — ответила загадочно Элина Виленовна, — но со временем обязательно стану мамашей.

Милиционер не понял, а Каин, мальчонка со злым лицом, засмеялся.

Так, смеясь, он и вошел в палату.

— Докладывай, — приказал Каину Георгий Георгиевич.

— Дела с вашей супружницей и денежками...

— Молчать! — крикнул Полотенц и показал пальцем на ухо, а потом прикрыл ладонью рот.

— Понимаю, папаша, — ответил Каин. — Тогда вы о чем?

— Я о других проблемах. О нашем исследовании.

— Есть сведения, что один испорченный подросток по имени Сева, — сказал начальник охраны, — отправляется в Подземелье. Наш человек в Снежном царстве сообщает, что его уже подготовили и вместе с мультипликатором завтра с утра доставят ко входу.

— Ты сможешь его остановить?

— Вряд ли, — ответил Каин. — Вы же сами меня перекинули на другую операцию. А я не могу разорваться.

— Берегите Аглаю, — попросил Георгий Георгиевич.

— Как сможем.

— А что касается этого мальчишки и вообще намерения Снежной королевы захватить наше Подземелье, то его следует пресечь. Понимаешь?

— Как же не понять. Понимаем.

— Любой ценой.

— Будет сделано.

— Бурение началось?

— Труба прошла первые пятьсот метров. Бурение идет по плану.

— На благо человечества! — заметил Георгий Георгиевич. — В целях заботы о пожилых людях. Ты меня понял?

— Как же не понять. Сам я — живой пример, — согласился Каин.

— Не перебивай! Как только закончишь спасать мою жену, отправляешься на Кольский полуостров.

Каин сплюнул на пол, выругался на неприличном русском языке середины семнадцатого века и пошел прочь, ворча себе под нос: «Никто не ценит! Бегаешь, стараешься, сна и покоя не ведаешь, а вместо спасибочки только упреки!»

Милиционер у двери посмотрел ему вслед и подумал: «У мальчика мама пропала, неудивительно, что он в таком состоянии. Тут любой бы принялся грубить».

Он слышал перебранку в палате, но не понял, о чем она была.

А тем временем в уголовном розыске сыщики Борис и Глеб Хваты разбирали записи всех разговоров в палате Полотенца. И эти разговоры им не нравились. Они, как и милиционер у входа, все услышали, но далеко не все поняли.

Их заинтересовала новая фигура — некий Сева.

Что он делает? Кому мешает? Куда собрался? Какое отношение он имеет к пропавшей Аглае Тихоновне и самому Полотенцу?

Весь город спал, вся страна спала.

Не спал Сева Савин, он волновался, как завтра уйдет в глубь Земли, да и мешали спать детишки Кривляттера — по полу бегали несколько отрезанных пальцев и сражались с тараканами, а из стены время от времени высовывалась слепая кошачья голова и мяукала:

— Отдай мои глаза!

Сева запустил в кошачью голову подушкой, голова пропала, но и подушка исчезла в стене. Пришлось спать без подушки.

И притом не спалось...

Не спал в летнем лагере Гоша Полотенц. Ему было страшно. Ему было обидно, что папа не хочет с ним разговаривать. Хотя, наверное, папу надо понять — он так переживает!

Не спала Аглая Тихоновна Полотенц. Она лежала на фабрике детских игрушек связанная, с заклеенным липкой лентой ртом, ей было холодно и страшно. Она уже и не надеялась, что Георгий ее спасет. Да и не очень верила в то, что Георгию хочется ее спасать. Женщины всегда догадываются, любят их или нет. Так вот, Аглая Тихоновна давно уже заподозрила, что Георгий ее не любит и хотел бы от нее избавиться, да боится, что она заберет с собой родимого сыночка Гошеньку.

Не спали и сыщики Хваты. Сотый раз они прокручивали пленки, чтобы угадать, замешан ли Г. Полотенц в преступлениях, и если замешан, то в каких? И кто такой Сева, и что будет делать гражданин Каин, и кто такая Кассандра, и кто такой магистр Проникло?

Часть III

ПОДЗЕМНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Глава первая

ПРОДАЖНЫЙ ПОРТНОЙ

Ранним утром, когда все в той или иной степени были заняты подготовкой Севы Савина к путешествию к центру Земли, из дворца вышел курчавый пузатенький человек, похожий на сытого барашка, с очень розовым лицом, каких у барашков не бывает.

Он вывел на лужайку перед дворцом трехколесный велосипед и вежливо раскланялся со сторожевыми белыми медведями, которые дремали, опустив морды на рукояти алебард.

Медведи только заурчали в ответ, потому что знали, что портной ее величества каждое утро занимается физкультурой на велосипеде. Он ездит с горы к озеру и там подолгу сидит на больших валунах и размышляет о своих будущих достижениях.

Портной Ахаль был славен на весь сказочный мир тем, что умел шить невидимые одежды. Известно, что он когда-то опозорил одного короля, отправив его на улицу в невидимом камзоле, тысячи людей смотрели на голого короля, но промолчали, лишь один мальчик закричал: «А король-то голый!»

Мальчику никто не поверил, даже те, кто видел, что король голый. Его отправили в деревню к тетке на перевоспитание, где его каждый день пороли, как сидорову козу. В конце концов он сбежал, нанялся в юнги и плавает теперь вокруг света на шхунах и фрегатах.

А портной Ахаль получил премию за лучший покрой камзола, король наградил его медалью, правда, пожаловался, что камзол немного трет под мышками, а придворные глотки надорвали, доказывая друг дружке и всему свету, что платье было скромным, роскошным и изящным.

С тех пор Ахаль полагает, что ему все сойдет с рук, хотя другие короли не пожелали шить у него камзолы, и он пристроился при дворе Снежной королевы, у черта на куличках, в Лапландии.

Королева Роксана Ахалю не верила и сама никогда у него не шила. То, что можно в исключительном случае королю — пройтись голышом по улицам столицы, — совершенно недопустимо для королевы. После такой прогулки ей две дороги — в монастырь или в стриптиз.

Ахаль знал, что королева его не любит, ему не верит и в грош его не ставит. Поэтому вы можете догадаться, как он ее ненавидел. А если учесть, что он был страшно жадным, то понятно, что он делал на берегу озера Холмасто. Он торговал ее секретами.

А пока он едет туда на велосипеде, можно пояснить, почему же такая умная и решительная женщина, как Роксана, терпела обманщика при дворе и даже доверила ему шить одежду для Севы Савина.

Все просто. Ахаль ничего и никогда сам не шил. Он только руководил. А шили феи-швеи, есть такой род фей, они обшивают всех фей и дюймовочек, царевен и гномих сказочных земель. А эти феи были замечательными мастерицами.

К тому же учтите, что везде есть немало дураков. В том числе и в сказочных землях. А для этих дураков очень важно сказать: «А вы знаете, что в нашем Снежном королевстве живет Тот Самый Портной, который шьет невидимые одежды!»

Правда, Роксана знала, что за портным надо присматривать, вот за ним и присматривали.

Доехав до озера, Ахаль приставил велосипед к стволу вековой ели, а сам сел на валун.

Не прошло и пяти минут, как из валуна высунулась тонкая металлическая антенна.

— Ты меня слышишь? — спросил голос с иностранным акцентом.

— Как самого себя.

— Что нового во дворце?

— Во дворец прибыл мальчишка из Москвы, пустой и глупый, ни на что не годный. Королева собирается отправить его в центр Земли.

— Зачем? — спросил голос из антенны.

— Вроде бы она хочет завоевать для себя новые земли. Вы же знаете, все короли такие. Их хлебом не корми, дай что-нибудь завоевать.

— Ну и дурак ты, портняжка, — сказала антенна.

— Это кому как кажется! — обиделся портной.

— Где твой еженедельный доклад? — спросила антенна. — Сколько алмазов добыто гномами в шахтах?

Портной вытащил листок бумаги, который выменял у гнома Свальтрупа за пачку жвачки, и наколол ее на кончик антенны.

— Отчет принят, — сказала антенна и ушла в землю. А листок исчез вместе с ней. На месте антенны лежало шесть золотых монет.

Со стороны ни за что не догадаешься, что антенна принадлежала алмазному тресту «Де Бирс». Пока добыча алмазов идет у

гномов ни шатко ни валко, этот могучий концерн спокоен. Но если гномам вдруг попадется выдающийся камень чистой воды, концерн начинает принимать меры, как бы его купить первым, чтобы не упали цены на рынке.

Заработав на алмазах, портной пошел по берегу дальше. Велосипед он катил рядом.

У берега покачивалась на волне белая чайка с золотым ошейником, в котором скрывался передатчик и приемник.

— Опаздываешь, агент, — сказал ошейник. — Где донесение?

— Одну минутку.

Портной достал из кармана несколько бумажек и принялся их просматривать.

— Требуются, — бормотал он, — тресту торговли запрещенными товарами для американского зоопарка две молодые русалки, пресноводные, хорошие собой, желательно с икрой. Правильно?

— Ты выяснил, где их найти?

— Группа русалок обитает в притоке реки Северная Двина, — сказал портной. — Я тут координаты переписал. Только брать их надо к осени, в дождливую погоду, тогда они бдительность теряют.

— Когда брать — наше дело, — сказал ошейник, чайка взмахнула крыльями и взлетела. Портной хотел было потребовать гонорар, но чайка сделала над ним круг, и к ногам Ахаля спланировал бабочкой зеленый листок — сто долларов.

— Премного благодарствую, — произнес портной. Он спрятал доллары за пазуху и помахал вслед чайке.

Теперь его путь лежал к ручейку, впадавшему в озеро.

У бережка, где портняжка уселся на камень, медленно плавал зеленый рак размером с локоть. Видно, старый, матерый.

— При дворе королевы Роксаны объявился мальчик, — сказал рак, высунув усы над водой.

— Явился не запылился, — сказал портной. — У меня обшиваться невидимыми платьями не пожелал, дружит с гадкой, я бы сказал нечистоплотной и негуманитарной принцессой Кристиной неизвестного происхождения.

— Имя, фамилия? — спросил рак.

— Фамилии не знаю. Королева называет его Всеволодом.

— Зачем он здесь?

— Его снаряжают в путешествие.

— Одного?

— Не могу знать.

— Когда?

— Вернее всего, сегодня после обеда.

— В Подземелье, в небо, на гору, в лес? Должны быть слухи.

— А королева и не скрывает — под землю.

— Куда под землю?

— Говорят, там какое-то Убежище образовалось для чертей, леших и ведьм. Хорошего от этой королевы не жди!

Надо заметить, что королева Роксана, которая подслушивала этот разговор из своего кабинета, потому что ей передавала все слова сова, которая сидела на ели как раз над головой портного, мрачно усмехнулась. Она полагала, что если тебя ругают враги, значит, ты чего-то стоишь. Но портной за это заплатит. Нет, не сегодня. Он нужен королеве, потому что, если у тебя при дворе объявился предатель, лучше знать — кто он. Раньше времени спугнешь, получишь нового предателя и не будешь знать, кто это такой.

Нет, пускай портняжка делает свои тайные гадости и не догадывается, что его разоблачили.

А тем временем рак продолжал допрашивать портного:

— Как они собирались выпускать одного несказочного мальчика в тяжкий путь? Почему мальчика? Почему несказочного?

— Об этом я догадался, — сообщил портной. — Только это вам будет стоить экстрагонорара.

— Гонорар как обычно, — ответил сухо рак и щелкнул клешнями. — А не захочешь сотрудничать с нашим Фондом, найдем другого добровольца.

— Ах, — испугался барашек и покраснел, испугался, что останется без небольшого, но верного дохода. — Я ни сном ни духом не желаю разрывать с вами сотрудничество. Но информация у меня такая редкая, такая ценная, такая, можно сказать, эксклюзивная, что грех не попросить прибавки к моему скромному гонорару.

— Ладно, — смилостивился рак, — говори, мы сами решим, что стоит денег, а что ты нам дашь в подарок.

— Когда они привели ко мне этого Всеволода, они просили сшить для него платье в неправильном размере.

— Уточни!

— Одежда для мальчика-с-пальчик. Понимаете? Они его будут уменьшать.

— Зачем?

— Потому что туда можно пройти только маленькому гномику или насекомому. Он намерен пробраться по узкому проходу.

— Ясненько, — сказал рак. — Но почему тогда посылают его, а не какого-нибудь гнома или колдуна?

— Говорят, что сказочные существа в мультипликаторе не уменьшаются.

— Повтори — где они не уменьшаются?

— Это прибор такой... Муль-ти-пли-катор. Уменьшает все в двадцать раз.

Если вы думаете, что королева Роксана слушала эти разговоры равнодушно, вы ошибаетесь. Она уже три минуты кричала, требовала, настаивала на том, чтобы портному помешали говорить и выкладывать врагам тайны. Но, как всегда бывает, ее приказы попали по пути в дупло Проклятой елки и там застряли.

— В каком месте он пойдет под землю? Через какую пещеру, дырку, отверстие? Говори!

— Честное слово, не знаю...

— Думай! Ты должен знать!

— Догадался! — завопил портной.

Но не сказал того, что хотел сказать, потому что Снежная королева смогла вытащить свой приказ из дупла и докричаться до комариной стаи.

Стая комаров в количестве девяти тысяч отчаянных заполярных бойцов кинулась на портняжку Ахаля.

Комары вцепились в лицо, залезли в волосы, проникали сквозь поры одежды и дырки для шнурков ботинок — одновременно портного укусили девяносто комаров первой волны, и их тут же сменили сто тридцать насекомых второй волны.

Больно было так, что портной забыл о вопросе.

И зря рак кричал из воды:

— Стой! Вернись! Ты обязан мне все сказать!

И это были последние его слова.

Потому что старый ленивый сом поднялся из омута и неожиданно, как молния, кинулся на рака. И рак исчез в его пасти. Лишь что-то некоторое время попискивало и булькало в животе рыбины.

А портной бежал до самого дворца, но со стороны непонятно было, человек ли это бежит или гигантский серый шар, слепленный из комаров.

Глава вторая

ОСТАНОВИТЬ САВИНА!

С утра состоялось совещание в кабинете президента Фонда.

На него был приглашен только самый узкий круг.

Во главе стола сидел несчастный, невыспавшийся, похудевший и почти осунувшийся Георгий Георгиевич Полотенц, президент Фонда.

По правую руку — секретарь Элина Виленовна, женщина изумительной роковой спортивной красоты, у которой случи-

лось несчастье — с утра она была в парикмахерской, и ей перепутали краску для волос. Вместо золотой она стала стрептоцидово-оранжевой. Ее не все узнавали, что Элину бесило.

Слева от президента уместился на краешке кресла маленький гражданин Каин.

Он выглядел усталым — сутки уже не спал.

Дальше рядышком сидели еще два члена правления: магистр Проникло в черном костюме и консультант Эфимыч, косматый, толстый, немытый, в старой шляпе, надвинутой на глаза, и в длинном плаще, который не снимал даже в постели.

Академик Сидоров с женой уже улетели на фабрику игрушек.

— У нас несколько вопросов, — произнес Георгий Георгиевич.

Он говорил так медленно и тихо, словно каждое слово давалось ему с трудом.

— Во-первых, я должен вам сообщить, хотя вряд ли кто-то об этом не знает, что попытка освободить мою жену Аглаю Тихоновну, к сожалению, провалилась. Еще с большим сожалением я могу доложить, что похитители сумели обмануть нас и получить выкуп, пятьдесят семь миллионов долларов. То есть практически весь наш валютный запас. Из чего мы будем платить налоги, ума не приложу! Но я не отчаиваюсь. В налоговом мне дали понять, что с налогами можно не спешить. Что с нас взять?

— А что с Аглаей Тихоновной? — спросил консультант Эфимыч.

— С кем? — Полотенц не сразу сообразил, о ком идет речь, но когда сообразил, быстро ответил: — Мы не теряем надежды, нет, не теряем!

— Будем надеяться, — сказала Элина Виленовна. — Но сейчас у нас есть дела поважнее. Георгий Георгиевич, продолжайте. Народ ждет.

Георгий Георгиевич кивнул и продолжал:

— Ситуацию с полостью доложит начальник охраны гражданин Каин.

Каин достал из кармана пиджака очки в золотой оправе и надел на острый носик. Очки были просто стеклянными, не увеличивали и не уменьшали, но Каину так хотелось выглядеть посолиднее!

— Как уже говорилось на предыдущем заседании, — сказал Каин, — нас заинтересовало поведение одного подростка из летнего лагеря «Елочка», который нелегально встретился и сблизился с подозрительной лягушкой. Нам удалось выследить эту лягушку. Оказалось, она — дочка так называемой Снежной ко-

ролевы, властительницы незаконного формирования на севере Лапландии.

— Вот именно! — воскликнула Элина Виленовна. — Какая наглость!

Все одобрительно закивали.

— Удивительно другое, — сказал Каин. — Этот Савин сумел наладить связи с агентурой королевы, которая перетащила его в Лапландию в их логово.

— Почему не задержали? Почему не пресекли? — спросил магистр Проникло.

— Мы пытались, — ответил Каин. — К сожалению, силы противника были превосходящими.

— Где он теперь?

— Вот в этом вся проблема. Наш человек при дворе Снежной королевы сообщил, что Савин отправляется в глубины Земли. И мы полагаем, что цель его — достижение полости.

— Моя полость! — завопил магистр Проникло. — Я не дозволю никому до нее дотронуться!

— Дело не в этом, — заметила Элина Виленовна. — Главное — зачем ему надо в полость?

— Чтобы ее завоевать, — ответил Георгий Георгиевич. — Чтобы нас лишить замечательной базы для сброса мертвой воды!

— Уничтожить!

— Выгнать!

— Растерзать!

Просторный, но неуютный кабинет президента Фонда огласился криками руководителей этой организации.

Георгий Георгиевич устало поднял короткую руку и сказал:

— Криками делу не поможешь. Мы даже не знаем, в каком месте он намерен идти под землю, мы не знаем, что такое мультипликатор. С помощью его он сможет пролезть сквозь узкие трещины. И вообще — в нашу ли полость он собрался?

— В любом случае, — сказал Эфимыч, консультант по сказочным вопросам, — его надо догнать и не пустить.

— Вот это правильно! — согласился Полотенц. — Посылаем туда боевую машину. Истребитель без опознавательных знаков. И полетит на нем гражданин Каин.

— Настоящий командир, — возразил Каин, — никогда не бежит в атаку впереди своего взвода. Он руководит действиями из тыла. Если меня собьют, некому будет побеждать ваших врагов, Георгий Георгиевич.

— Мальчик дело говорит, — поддержала Каина Элина. — Мы слишком много вложили в то, чтобы его омолодить. А если они снова поднимут в небо птицу Рокк?

— Решайте как знаете, — сказал Георгий Георгиевич. — Но чтобы мальчишку остановить. Может, даже привезите его сюда, я сам его допрошу.

— Вот это дело, — сказал магистр Проникло. — Можно, я его буду пытать?

— Нет, я! — воскликнул Эфимыч, консультант по сказочным проблемам.

— Мы еще не поймали медведя, — сказала Элина. — Рано его делить. Тем более если он сам вас растерзает.

— Это малодушие! — закричал Эфимыч и надвинул шляпу на уши. — Наши никогда не отступают.

— Молчать! — прервал его Полотенц.

На этом совещание закончилось.

Глава третья

ТЕРРАНАВТ НОМЕР ОДИН

Сева Савин устроен понятно. Чем ему страшнее или больнее, тем он больше балагурит. Не потому, что он дурак, а потому, что стесняется. Стесняется показаться трусом или дураком.

А что в результате получается?

Получается, что его иногда считают трусом, а изредка дураком.

Нам говорят, что на ошибках учатся. Но никогда не объясняют, на чьих ошибках и кто учится. И когда его собирали в путь, Сева услышал новый вариант этой мудрости. Дед Мороз Нильс сделал умное лицо и сказал:

— Учти, у тебя, Сева, не будет возможности учиться на ошибках.

И тут Сева — видно, нервничал — не выдержал и воскликнул:

— На чьих ошибках? На моих или на чужих?

— Без разницы, — ответил Дед Мороз.

Тут вошел Снежный человек с ассистентами, и началась последняя проверка. Так уходили в космос первые космонавты, а Сева, терранавт номер один, чувствовал, что он узурпатор, то есть воришка. От него ждут подвигов и великих путешествий, а он всю жизнь боялся вечером мимо кладбища проходить. Нет, в привидения он не верил, потому что не был суеверным.

Простите, скажете вы, а как же он верил в сказки и даже отыскал Царевну-лягушку, если он не суеверный?

Потому что, отвечу я вам, это совсем разные вещи.

Сказка — это действительность, только особого рода. Ее можно объяснить и понять. Связь между Ледниковым периодом и вымиранием теплокровных мастодонтов совершенно очевидна. А вот связи между черной кошкой и невыученными уроками, а также провалом на контрольной нет никакой, она рождается только в перепуганном мозгу лентяя и тупицы.

Снежный человек чувствовал себя большим начальником и даже покрикивал на дедов морозов, которые пришли в зал из любопытства. Конечно, деды морозы в том царстве считаются куда более важными персонами, чем Снежный человек, но сейчас он руководил ответственной экспедицией. И от его внимательности и мудрости зависела жизнь терранавта Савина, а может, и всего сказочного мира.

— Одежда! — произносил Снежный человек громким голосом. И сам себе отвечал: — Джинсы, куртка, кроссовки и нижнее белье для Савина нормального размера.

И все зрители, что стояли в зале, шевелили губами, повторяя за Снежным человеком, и как будто проверяли, правильно ли Снежный человек все посчитал.

— Одежда для уменьшенного Савина, — произносил он. И сам себе отвечал: — Джинсы, куртка, сапоги непромокаемые, нижнее белье, берет резиновый с мягкой подкладкой, способной избавить от травмы головы, если на нее упадет камень.

Одежду Мальчика-с-пальчик он складывал пинцетом в заплечный мешок.

— Оружие и приспособления! — воскликнул Снежный человек.

— Оружие и приспособления, — повторили деды морозы и снегурочки.

— Пояс спасательный, надувной, — сказал Снежный человек и передал поясок Севе. Пояс как раз надевался на указательный палец.

— Паутина с крючьями, чтобы подниматься и спускаться по стене. Липкие нашлепки на подошвы.

Особенно невзрачно выглядели веревки, то есть паутинки с крючьями. Сева знал, что целая бригада гномих трудилась над плетением паутины, а их мужья тем временем ковали крючки и оружие.

Вот дошла речь и до оружия.

— Меч заколдованный, титановый, — сказал Снежный человек. — Перерубает любое вражеское оружие.

С этим мечом Сева уже измучился. Его учил фехтовать крикливый и нервный гном Андерсон, который никак не мог понять,

почему этот человечий детеныш не может сделать простой вещи — выбить шпагу у противника.

Они фехтовали на шпагах, сделанных для взрослых гномов, а в Подземном царстве Севе придется драться в одиночку.

— Я тебе завидую, — сказала королева Роксана, когда пришла поглазеть на то, как Сева учится обходиться под землей своими силами. — Хотела бы я туда попасть!

— А что вам мешает? — спросил Сева. — Поехали!

— Ты с ума сошел! — искренне возмутилась мраморная красавица. — На мне такая ответственность, что я на полчаса не могу покинуть мое хозяйство. Они тут все перепутают и передерутся.

— За вас двадцать дедов морозов останется, — сказал Сева. Он уже понял, что лучше бы помолчать, но разве можно остановить собственный язык?

— Мужчины! — с великолепным презрением произнесла Роксана. — Что могут сделать мужчины, когда женщины нет рядом?

— Мамочка, — сказала Кристина, которая как раз вошла в зал. — Можно, я пойду с Севой?

— Это еще зачем?

— Он будет мужчина, а я женщина, которая с ним рядом. И мы все сделаем как надо.

— Ты с ума сошла! — вдруг перепугалась Снежная королева. — С мальчиком вдвоем в мультипликаторе! Ты хочешь опозорить свою единственную мать!

— Прости, — рассмеялась Кристина, и смешинки из ее глаз рассыпались по залу. — Маме меня жалко.

— А меня не жалко, — ответил Сева.

— Попрошу без шуток! — рассердилась королева. — Разумеется, мне меньше жалко чужого мальчика, да еще не из благородного семейства, чем мою дочку.

— Я считаю, что мне лучше не ходить в подземелье, — подумал Сева вслух.

— Ты прав, — согласилась с ним Кристина. — Никакой благодарности ждать не приходится. Но ведь королевы — везде королевы.

— Не могу знать, — сказал Сева, — у меня не было ни одной знакомой королевы.

— Подожди, пока я стану королевой, — сказала Кристина.

Тут уж королева совсем разозлилась.

— А ну молчать, дети! — воскликнула она. — И не надейтесь, что я уступлю вам трон. Не видать вам его как своих ушей. А ты, Всеволод Савин, можешь отправляться к себе домой, к мамочке,

но потом всю жизнь будешь жалеть о том, что не совершил великого открытия и не спас сказочное царство.

— Я пошутил, — сказал Сева. — Простите.

Он не чувствовал себя виноватым, но понимал, что спорить с королевами можно только до некоторого предела.

Но вернемся к последней проверке перед выходом.

— Еда у тебя сушеная, — сказал Снежный человек. — Сухари, мясные шарики и печенье. Правда, есть круг колбасы и пакет конфет. Много тебе не надо, потому что скоро ты вернешься.

— А если не вернусь...

— Поищешь там, — сказал Снежный человек. — Что-нибудь придумаешь. На месяц хватит.

Снежный человек продолжал пересчитывать свечи и фонари, которые Сева берет с собой, но сам Сева постепенно отвлекся. Ничего нового он не узнает. Он вдруг понял, что в первый раз в жизни уходит в поход, где не будет никого рядом. Только ты и немая, враждебная природа. Страшно? Конечно, страшно, но никому об этом не скажешь.

Идешь, как щенок в темном лесу, думал Сева. И этот мультипликатор — чистой воды фантастика! А фантастика и сказка штуки несовместимые, как говорил Боря Штерн. Кто такой Боря Штерн, вы не знаете и знать вам необязательно, хотя он был полковником гагаузской армии.

Сказки — это одна книга, в ней тебе все понятно, даже феи не смущают, даже хотелось бы подольше побыть в этом Снежном государстве. Может, потом удастся? Это не фантастика, а самое обыкновенное волшебство. Оно не нарушает законов мира, не меняет местами небо и землю, потому что оно не всесильно. Сказка есть сказка, и если ты решил не обращать на нее внимания, она отойдет в сторону, и жизнь станет простой, как трамвай.

Стали прощаться.

Королева Роксана заявила, что Снежное королевство несет всю ответственность перед мамой Всеволода Савина и потому все силы королевства будут брошены на обеспечение его безопасности, однако она убеждена, что силы тьмы не смогут взять верх... Тут она запуталась в словах, но сделала вид, что так и положено, и продолжала говорить еще минут десять. К тому времени уже никто не понимал, что она говорит, зато все знали, что она говорит правильно и значительно.

Искусанный комарами, распухший Ахаль-портной высовы-

вал вперед ухо, чтобы выведать секретные сведения, выудить их из королевской речи, и ему все время казалось, что он вот-вот выхватит этот секрет, но когда он побежал к мужскому туалету, где во второй справа кабинке был запасной пункт связи с Фондом, оказалось, что сказать нечего, к тому же один из дедов морозов выследил его, спустил вместе с водой в унитаз, и лишь к вечеру тело портного выбросило потоком канализации из трубы довольно далеко от дворца.

Ахаль простудился, и его выгнали из главных портных, а свободное место заняла фея Маркизетта, милейшее существо, непревзойденная специалистка по макраме.

Кристина стала просить мать, чтобы ее пустили вместе с Севой хотя бы до того места, где он войдет в мультипликатор. Ведь сначала он будет спускаться внутрь Земли в своем собственном размере, и лишь когда дальше идти будет невозможно, он станет мальчиком-с-пальчик.

Кристине и этого не разрешили. От обиды у нее даже веснушки на щеках и на носу покраснели, и она убежала вся в слезах, что не свойственно принцессе, которой уже почти шестнадцать лет.

— Ничего, — крикнул ей вслед Сева, — мы с тобой скоро увидимся! Я обещаю!

Кристина остановилась в дверях и сквозь слезы ответила:

— При условии, что ты не утонешь в черном озере, не провалишься в горькую бездну, тебя не сожрут вулканические глисты или фосфорические крысы, не выпьют кровь у тебя вампиры тьмы и не завалит какая-нибудь лавина.

По толпе дедов морозов и придворных фей прокатилась волна ужаса.

— Как тебе не стыдно! — возмутилась Роксана. — Ты же можешь сглазить! Ты можешь погубить такого славного мальчика! Считай, что ты жестоко наказана.

Принцесса хлопнула дверью и так ткнула белого медведя кулаком в живот, что он уселся на пол и потерял каску.

А Снежный человек подхватил с пола мультипликатор и подтолкнул Севу к выходу.

Королева догнала их у двери, обернула к себе Савина за плечи и поцеловала его в лоб холодными, но обжигающими губами.

— Мы ждем тебя, — сказала она.

— Ждем! — отозвались придворные феи, снегурочки и деды морозы.

Глава четвертая

ШАХТА НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

На обширную, устланную плитками площадку перед дворцом королевы Роксаны, таким скромным на вид и таким роскошным внутри, выехал похожий на этажерку самолет пилота Гарри Коллинза. Сам пилот издали махал Севе рукой, как старому приятелю. Черные очки закрывали половину лица, еще половину скрывали пушистые усы, а третья половина скрывалась за пилотским шлемом.

Севе было несколько неловко, что он опять полетит с мертвым пилотом, хотя ничего плохого о Гарри он сказать не мог.

Снежный человек большими шагами подошел к самолету.

Только тут Сева заметил, что начальник королевской охраны одет в парадную форму — к его волосатым плечам приколоты большие позолоченные эполеты, то есть погоны с висюльками.

Сначала он закинул в заднюю кабинку мультипликатор, и Сева задумался — что же он намерен делать дальше? Может, он забыл о Севе?

Но нет — Снежный человек схватился пальцами за край фюзеляжа и, как обезьяна, ловко вспрыгнул в кабину. Затем протянул лапы к Севе, подхватил его, одним движением втащил внутрь и посадил себе на колени.

От Снежного человека пахло псиной, и в животе его громко урчало.

Он протянул лапу вперед и постучал указательным пальцем по спине пилота.

Пилот обернулся, кивнул, и самолет побежал вперед по траве, выкатился на шоссе и по нему начал разбег.

И тут же в небе появилась птица Рокк.

Она совершала медленные круги над головами.

— Безопасность, — сказал Снежный человек. — Чем черт не шутит.

Они поднялись в небо.

День был облачный, ветреный, но Севе было тепло, он сидел на коленях Снежного человека, как в мохнатом кресле.

Дворец Снежной королевы быстро побежал вниз.

Вокруг расстилалась тундра со множеством небольших озер, между которыми встречались еловые перелески.

Вдруг Сева увидел, что к ним летит какой-то другой самолет.

Пилот поднял руку в перчатке с раструбами, и птица Рокк, которая внимательно следила за самолетом, тут же развернулась и в несколько взмахов гигантских крыльев, куда больших, чем крылья самолета, помчалась вдаль.

Тот, дальний, самолет почему-то не захотел встречаться с птицей и повернул прочь.

— Вери найс, — сказал Гарри Коллинз и расхохотался.

— Береженого бог бережет, — услышал Сева свой голос.

— Граница внизу! — сказал Снежный человек.

— Какая граница?

— Граница с Россией.

Они вошли в облака.

Затем спустились к самой земле и пошли между небольших холмов и над озерами.

— Русские пилоты не должны нас заметить, — сказал Снежный человек.

Так они летели еще полчаса.

Птица Рокк исчезла, наверное, повернула назад. Над просторами России этим птицам летать не велено.

Самолет летел довольно низко, и когда коровы, что паслись на небольших полянах, поднимали головы, удивляясь гостям из дружественной Финляндии, можно было на минутку заглянуть в их глупые глаза.

Раза два пролетали над деревнями: на берегу речки загорали под солнцем мальчишки, тракторист заглушил мотор и смотрел на самолет, приложив ладонь к глазам. Сева помахал ему.

— Не привлекай излишнего внимания, — сказал Снежный человек, и Сева чуть не расхохотался. Если уж кто-то привлекал внимание, так это Гарри в самолете, похожем на этажерку.

— Они, наверное, думают, что здесь кино снимают! — крикнул Сева Снежному человеку.

И тут впереди показались вышки и две египетские пирамиды.

Египетские пирамиды оказались терриконами — крутыми холмами, насыпанными из породы, которую выбрасывают наверх, когда добывают уголь, а вышки, похожие на Эйфелеву башню в Париже, и были шахтами — там умещались механизмы подъемников, на которых в шахту опускались рабочие.

Дальше к лесу были видны двухэтажные бараки, склады и различные строения, некоторые из них были просто облезлыми и старыми, а другие еще и полуразвалившимися. За лесом поднималась череда холмов.

Гарри выбрал ровную площадку за одной из шахт и ловко посадил самолет так, что он замер в тени.

Они вылезли из самолета.

— Здесь никого нет, — сказал Снежный человек. — Шахта закрыта.

— Уголь кончился! — раздался тонкий отрывистый голос. — Люди ушли.

Сева удивился — как этот гном успел к ним подойти.

— Попрошу не удивляться, — сказал гном. Он был высокий, Севе почти по пояс, вместо красного колпака, которыми так гордятся гномы, он надел желтую шахтерскую каску, борода была подстрижена, что совсем уж необычно для гнома, и одет он был вполне современно — в шахтерский костюм с высокими резиновыми сапогами.

Гном протянул всем по очереди руку и представился:

— Густав Шестидесятый, наследственный владетель Кольского племени, дальний родственник Снежной королевы. Рад вас видеть в моих краях. Все, что мы обещали сделать, выполнено.

— Молодец, — сказал Снежный человек, как будто он был начальником вождя.

— Здравствуйте, — сказал Сева.

А Гарри Коллинз, как всегда, предпочел промолчать. Раз он был неживым, то каждое слово стоило ему усилий.

— Так это ты будешь тем юным храбрецом, который в одиночку отправляется в смертельно опасное путешествие? — спросил гном Густав Шестидесятый, словно только сейчас догадался, что именно Сева, а не Снежный человек и не пилот Коллинз решил отправиться в путешествие. Пожалуй, приятно услышать о себе слова «юный храбрец».

— Ничего особенного, — сказал Сева, потому что застеснялся. — Мне это привычно.

— Вы не в первый раз опускаетесь к центру Земли? — удивился гном.

— Пустяки! — Сева смутился, потому что врать ему не хотелось, а получилось, что соврал. Но когда ты начинаешь врать, остановиться почти невозможно. — Для меня это дело обычное.

— Я потрясен, буквально потрясен, — сказал гном.

— Пойдем? — усмехнулся Снежный человек. — Время не ждет.

— Вот именно, — согласился Густав. — Только одно маленькое дело...

Он сунул два пальца в рот и оглушительно свистнул.

И тут же из близкого ельника выскочило несколько елок.

И когда они подбежали ближе, Сева понял, что это гномы, каждый из которых несет елку или охапку еловых лап.

Они окружили самолет и принялись забрасывать его еловыми ветвями. Другие втыкали в землю елочки. Через три минуты даже вблизи самолет нельзя было различить.

— Гуд, — сказал Гарри Коллинз. — Экселлент.

Он достал из кармана курительную трубку и принялся набивать ее табаком.

Севу удивляло то, что неживой пилот курит. Когда он еще перед полетом спросил об этом Кристину, она ответила:

— Но ведь трубку, а не что-нибудь!

Гарри курил трубку.

Сева подошел к пилоту и попрощался с ним за руку.

— Он будет ждать, — сказал Снежный человек.

— Но я могу задержаться на несколько дней!

— В этом есть преимущество его состояния, — сказал Снежный человек.

И Сева не сразу понял, что Снежный человек имеет в виду, то есть что пилот мертв и ему все равно, сколько ждать.

Мертвый пилот подмигнул Севе.

И Сева пошел к шахте.

За ним Снежный человек нес мультипликатор. Замыкал шествие Густав Шестидесятый.

Когда они вошли в небольшую будку у подножия вышки, то обнаружилось, что там горят электрические лампочки.

— Как так? — удивился Сева. — Ведь шахта не работает!

— От сети отключить забыли, — ответил Густав. — У нас так бывает.

— И давно забыли? — спросил Сева.

— Семь лет назад, — ответил гном.

Густав нажал на кнопку, решетка лифта раздвинулась, и они вошли в него.

Густав нажал на самую нижнюю кнопку. А кнопок было больше десятка. Сева понимал, что, наверное, в шахте несколько уровней или туннелей. На них подъемник и останавливается.

Страшно скрипя, будто его неожиданно разбудили и он этим недоволен, лифт двинулся вниз.

Сева не хотел, но нечаянно спросил:

— А он не оборвется?

Гном Густав даже не улыбнулся. Он ответил:

— Система испытана. Мы опускали и поднимали тридцать гномов. И хоть бы что. Только один задохнулся. Но от тесноты...

— Вот и хорошо, — сказал Снежный человек. — Значит, двадцать девять.

Сева надеялся, что его спутники не заметили, как он оробел. Но если они и заметили, то вида не подали.

Подъемник опускался медленно, становилось все холоднее, и холод был не верхний, ветреный, а особенный, подвальный.

Порой в стене шахты оказывался черный провал — отсюда отходил туннель.

Вдали Сева увидел огонек.

— Там кто-то есть? — спросил он.

— Один из наших, — ответил гном Густав. — Иногда туда забираются гномы, ищут, не пропустили ли люди какую-нибудь жилу или самородок. Но пользы от этого немного.

— А иногда и вампир, — сказал Снежный человек.

Они замолчали.

И вот тогда Севе впервые стало на самом деле страшно.

Представь, что тебе надо идти к зубному врачу. Это неприятно и висит над тобой, как мешок с гвоздями. Но вокруг люди, ты сам занимаешься важными и неважными делами, до похода к зубному еще три дня... два дня, одна ночь... И вот ты входишь в поликлинику. И больше тебя ничего и никто не отделяет от зубоврачебного кресла. И некуда бежать...

Может, это неточное сравнение, но Сева и не думал о сравнениях. Он просто глядел, как уплывают наверх потеки воды на каменной стенке, как скрипят тросы и далеко наверху гудит мотор. А вокруг на тысячу верст только один огонек — то ли гном бродит со свечкой, то ли привидение. И вампиры существуют на самом деле, и это их мир, а не человеческий.

Сейчас подъемник уйдет наверх, и Сева останется один в кромешной тьме и в том самом ужасном одиночестве, когда на твой крик некому откликнуться и некому прийти к тебе на помощь. А если с тобой что-то случится, то никто об этом не узнает. И все обещания и слова королевы пустые. Что они скажут маме, когда она приедет в лагерь за своим сыном? А только скажут: «Ваш сын Савин Всеволод уехал в неизвестном направлении».

— Ах! — закричит мама. Она всегда кричит, когда ее вызывают в школу. — Немедленно верните мне сына, иначе я буду жаловаться!..

Хах-ха-ха — кому она будет жаловаться?

Подъемник с такой силой бухнулся о дно шахты, что Сева чуть не сел на грязный пол.

Снежный человек подхватил его.

— Держись, герой, — сказал он.

И Сева понял, что слово «герой» не всегда звучит как похвала.

На нижнем ярусе горел свет. Электрическая лампочка была забрана в металлическую сетку.

Густав вышел первым и быстро пошел по узким рельсам в глубь туннеля.

— Опробуй свой фонарь, — сказал Снежный человек.

И правильно сделал. Когда надо чем-то заниматься, тревожные мысли уползают из головы.

Сева достал фонарь. Фонарь зажигался просто — обычный фонарь, на батарейках.

— Ты его оставишь здесь, — сказал Снежный человек. — Спрячь его рядом с мультипликатором. Он тебе может понадобиться, когда будешь выбираться.

— Разве вы меня не будете встречать?

— Буду, если смогу.

— У нас есть враги, — продолжал Снежный человек. — А кто они, мы не знаем. Это плохо. Если врага не знаешь, считай, у тебя два врага.

— Они знают, где я?

— Не задавай глупых вопросов, — сказал Снежный человек. — Тебе нельзя задавать глупых вопросов. Ее величество говорит, что ты наш рыцарь. Кому нужен глупый рыцарь? Даже если ты погибнешь, лучше, чтобы о тебе осталась хорошая память.

— Ну вот еще! — рассердился Сева. — Мне будет плевать на память.

— Никому не плевать на память, — возразил Снежный человек. — Ты еще молодой человек и поэтому говоришь пустые слова. Я много лет боролся за свободу моего маленького снежного народа, мои близкие погибли, мои дети стали гурками в непальской армии, моя жена сегодня — председатель кооператива в Лхасе, я же сдался в плен людям и служил проводником в экспедициях альпинистов. Меня унижали банками сгущенного молока и свиной тушенки. И я убежал. Зимой я прошел пустыню Гоби, миновал Памир и Тянь-Шань, прошел по Уральскому хребту и оказался в Лапландии, среди своих!

Снежный человек вдруг разговорился, а Сева думал, что он больше одной фразы зараз выговорить не может.

Снежный человек говорил обиженным голосом, и Севе стало стыдно.

— Простите, — сказал он.

Сева не любит просить прощения, да и кто это любит? Но как-то неловко было обижать такого хорошего человека. К тому же он был последним живым человеком, который идет с ним в эту пропасть.

Гнома труднее считать человеком, может, из-за размера, а может, потому, что у гномов странная манера себя вести. Они бывают говорливы, когда надо помолчать, и замолкают, когда их голос так нужен. У них свои дела и свои проблемы. Гном может общаться с тобой, но дружить никогда не станет.

Сева подумал, что о гномах ему мало рассказывали, да и

встречал он всего двух-трех, а вот в голове сидит уже немало сведений о них и даже понимания, что они за народ. В общем, чужой народ...

Глава пятая

НАЧАЛО ПУТИ

Все замолчали. Как молчат альпинисты, которые возвращаются вечером в лагерь после долгого и трудного восхождения. Одни мечтают о сне, другие о чашке горячего чая.

Штрек пошел вниз, рельсы оборвались.

Дальше стены разошлись и сгинули в темноте.

— Глубина триста шестьдесят метров, — сообщил гном Густав. — Здесь шахтеры вышли в обширную пещеру, в которой пласты угля оборвались. Шахту закрыли как невыгодную. Понятно?

Ну прямо как на уроке!

— Понятно, — ответил за Севу Снежный человек.

Здесь уже никакого света не было. Последняя электрическая лампочка осталась далеко позади. Они шли с двумя фонарями. Сильно, как прожектор, светил фонарь Снежного человека.

Пока они двигались по туннелю, по рельсам, света хватало — он ударялся в стены туннеля, и казалось, что они идут по коридору в темном здании.

Но теперь, когда стены разошлись и потолок пещеры исчез в вышине, темнота сдвинулась к ним со всех сторон.

— Где твои помощники? — спросил Снежный человек у гнома.

— Они не заставят себя ждать, — ответил Густав. — Мы, гномы, очень пунктуальны и всегда приходим на помощь, если нас просят.

— Или если это вам выгодно, — заметил Снежный человек.

— Или если нам выгодно, — не стал спорить начальник гномов. — Все так делают. Но должен заметить, мы всегда выполняем свои обязательства.

Гном хлопнул в ладоши. Этот звук далеко разлетелся в темноте, и Сева понял, что пещера очень велика.

И тут же, словно из-под камней, вышло несколько гномов.

Сева сначала удивился, но тут же подумал, что глупо представлять себе их по картинкам в книгах или по мультикам. Гномы были совсем не такими чистенькими, аккуратненькими, как в кино.

Перед ним стояло несколько карликов и карлиц в колпаках,

грязных куртках или балахонах и тяжелых башмаках. В руках они держали молотки и кирки.

Они поклонились гостям и стали рассматривать Севу, как рок-певца.

— Наслышаны о Всеволоде? — спросил Снежный человек.

— Совсем не такой, — сказала гномиха. Она отличалась от своих соплеменников лишь тем, что у нее не было бороды да вместо серых штанов на ней был балахон до земли. — Хлипкий и мелкий для героя.

— Нам великан и не нужен, — сказал Снежный человек.

— Это мы понимаем, — согласилась гномиха. — Иначе не пролезешь.

«Смешно, — подумал Сева. — Но я не обижаюсь. Сама мне еле-еле до пояса достает, а меня считает маленьким».

— Все осмотрели? — спросил Густав.

— Никого и ничего подозрительного, — ответил один из гномов.

— Пещера готова?

— Готова.

— Тогда пошли.

Идти оказалось недалеко, путь лежал под уклон. У гномов были горняцкие лампы.

— Нас волнует, — сказал один из гномов, обращаясь к Снежному человеку, — что если вы будете туда своих друзей переселять, то они нам все Подземелье загадят.

— Там ваших нет, — сказал Снежный человек. — Там ваши и не бывали. А вы уже заранее переживаете. Неужели думаете, что мы будем чего-то делать, с вами не посоветовавшись?

— Может, и будете, — сказала гномиха. — Кто вас разберет?

«Сколько же это путешествие будет продолжаться?» — подумал Сева. Ведь весь этот путь ему придется обратно пройти. Сейчас еще легкая его часть. А куда труднее будет подниматься по узким щелям. Сева видел планы, нарисованные со слов гнома, который первым там прошел. И Севе объяснили, что паутина, на которой он будет подниматься, может растягиваться и сокращаться в зависимости от надобности и желания. И Севе некогда было как следует вдуматься... Наверное, если бы на его месте оказался опытный спасатель или путешественник, он, конечно, испытал бы все оборудование — ведь от этого столько зависит. Но Сева думал: «Совершу подвиг — и скорей назад...» Ну, может, не так просто, но в принципе так. А беда жителей сказочного мира в том, что они не умеют просчитывать свои дела и поступки наперед. Им, словно детям, кажется — все обойдется!

Всем известно, что паутина рыжего крестовика может становиться короче и длиннее, значит, так и будет.

И только теперь, когда они уже целый час шли по гулкой и холодной пещере, Сева начал понимать, что его ждет. Но не повернешь же назад — с ним рядом лезут в эту проклятую тьму несколько разных существ, которых, с точки зрения обыкновенного человека, быть не может. А они существуют. Идут впереди и о чем-то негромко болтают грязные, в пыли и глине, гномы. Топает тяжелый и неповоротливый, покрытый шерстью Снежный человек. И всего-то на нем одежды — пышные генеральские эполеты на волосатых плечах. Физиономия у него — почти морда горилья, но, как ни странно, не очень злая и не самая зверская из физиономий. «Вернусь и скажу Лолите: «Слушай, я тут познакомился с одним Снежным человеком, ничего парень, общительный!» И как она начнет хохотать и визжать, каким презрением она его обольет. Надо будет с ним рядом сфотографироваться, тогда даже ей придется поверить.

Дорога круто пошла вниз, и еще через десять минут, пробравшись через завал, они оказались в небольшой пещере, посреди которой, как большая лужа или бассейн в детском саду, блестело маленькое озеро.

— Вот и пришли, — сказал Снежный человек.

Он говорил медленнее, чем обыкновенные люди, морщил низкий лоб, и казалось, что чего-то таит и недоговаривает.

Пещера была невелика, и поэтому в ней было светлее.

Снежный человек поставил чемодан на землю и раскрыл его.

Гномы, как по команде, кинулись к нему и стали заглядывать внутрь.

— Эй! — прикрикнул на них Снежный человек. — Еще сломаете чего-нибудь.

И тут Сева снова задумался: «А на каком языке они разговаривают? И на каком языке я с ними разговариваю?»

И понял, что не знает. Говорит он вроде по-русски, потому что, кроме русского, ничего еще не выучил. И все, что говорилось рядом, он понимал. Но ведь не могут подземные гномы говорить по-русски?

Сейчас было не время спрашивать об этом, но внутри Севы этот вопрос жил как нарыв — ты не можешь о нем не думать. И не можешь не спросить.

И, наверное, в глазах Снежного человека или даже Густава он выглядел наивным и неумным, когда спросил:

— А на каком языке мы разговариваем?

— На обыкновенном, — ответил Снежный человек. — Как все.

Он сам посветил фонариком внутрь мультипликатора.

— Вроде все в порядке.

Сева тоже посмотрел внутрь. Сейчас он ступит туда...

А может, пойдем обратно?

И сам уже понял — никуда не пойдем. Он не сможет попроситься обратно. Слишком далеко зашел. Есть точка, после которой путешественник уже не может вернуться. И ему остается только шагать вперед.

— Здесь останутся гномы, — говорил Снежный человек. — Они будут сменяться. Но всегда в пещере кто-то из них будет, чтобы стеречь мультипликатор. Правда, он не будет стоять на виду. Видишь нишу?

Снежный человек посветил фонариком внутрь небольшой впадины в стене. Как раз по размеру.

— Как только ты вернешься, — продолжал Снежный человек, — гномы по своей цепочке через несколько минут донесут до меня эту весть. И я поспешу тебя встретить. Но дальше, за этим озером, никто из нас не сможет тебе помочь. Ты уж сам как-нибудь справляйся.

— Разумеется, — сказал Сева, хотя больше всего ему хотелось вцепиться в Снежного человека и умолять его: «Дяденька, возьми меня с собой! Я сейчас от страха помру!»

Но ведь не закричишь! Ты ведь уже сидишь в зубоврачебном кресле!

Сева кивал и старался делать вид, что уже десять раз спускался в подземные бездны. Герой — такая у него профессия.

— Нам известно, — сказал Снежный человек, — что отсюда вниз, до самого Убежища, течет ручеек. По нему и спустился карлик-гном Юхан. А раз он спустился — тебе, мальчик-с-пальчик, будет достаточно просторно, ты раз в пять меньше его. Но главное, и пускай это будет для тебя сюрпризом, гномы сделали для тебя байдарку. Мы не говорили раньше — не знали, успеют ли они, смогут ли они.

— Мы сказали, значит, сделали, — сказал Густав.

— А мы им хорошо заплатили, — сказал Снежный человек. — Все наши запасы яблок и конфет им отдали.

— Это для наших детей, — сказал Густав. — А мы делали не для денег. Мы делали это для наших братьев. Мы добрые.

— Ладно, не будем спорить, — сказал Снежный человек. — Показывайте ваше творение.

Байдарочка лежала на боку, за камнем у озера.

Она была длиной в две пяди, сзади и спереди затянута тканью или резиной.

— Это рыбий пузырь, — сразу объяснил Густав.

На дне лежали палочки — весло и шест.

— На дне груз, — сказал Густав. — Если перевернешься на порогах, она сразу перевернется обратно. Мы ее с крысой испытывали.

— И что с крысой? — удивился Сева.

— Что с крысой? — спросил Густав у гномихи.

— Что с крысой? — строго крикнула гномиха.

— Что с крысой? — спросил худой гном с киркой на плече.

А потом все гномы сняли шапки, шлемы и колпаки. Опустили головы, и Сева понял: ее нет в живых.

— Пора, — сказал Снежный человек.

— Ну что ж, — откликнулся Сева. — А мою одежду можно тоже здесь спрятать?

— Разумеется.

— Тогда вы отвернитесь.

— Не стесняйся, мы же с тобой разные виды.

— В каком смысле?

— Но ведь тебе не так важно, одета или раздета горилла или белый медведь. Вот и нам неважно, как ты выглядишь.

Сева кивнул и сказал:

— И все-таки отвернитесь.

Тогда все отвернулись.

Сева быстро разделся. Одежду он сложил возле мультипликатора. Он знал, что мешочек, лежащий в углу чемодана, содержит его новую одежду и все нужные вещи, включая свечи, меч, нож и блокноты с карандашиками.

— Можно оборачиваться? — спросил Снежный человек.

— Погоди.

От того, что Сева спешил, ему было легче — некогда бояться.

Сева ступил в чемодан, присел в нем на корточки и увидел ряд махоньких огоньков. Мультипликатор был включен.

— Поехали, — сказал он, как когда-то сказал Юрий Гагарин, который был первым человеком, полетевшим в космос.

И тут у него перехватило в горле, и стены чемодана ринулись вверх.

Сева потерял равновесие и уселся посреди чемодана. Он больно ударился, и у него закружилась голова.

Но тут же головокружение прошло.

Сева поднялся. Края чемодана были выше его. Даже подпрыгнув, он не смог до них достать. Он вынул новую одежду из мешка и оделся.

— Эй! — крикнул он. — Я готов.

Головища Снежного человека — зрелище не для нервных,

особенно когда его подсвечивает фонарь, — показалась над краем мультипликатора.

— Все в порядке? — проревела голова.

— Потише, не забывайся! — крикнул в ответ Сева.

Снежный человек расхохотался — видно, карлик показался ему забавным.

Но когда Сева вылез по лесенке из чемодана и спустил веревочную лестницу, расхохотались гномы. Они стали тянуть к нему пальцы, каждый как полено.

— Поосторожнее! — закричал Сева.

— И в самом деле — поосторожнее! — поддержал его Снежный человек.

Сева осмотрелся.

Гномы, хоть и отступили, стояли близко, кружком, и улыбались.

Нет, они не самые умные существа на Земле, подумал Сева.

Сева подошел к байдарке.

Все же они молодцы! Мастера!

В лодочке было устроено сиденье... Нет, лодочкой ее назвать было нельзя — нормальная байдарка для мальчика-с-пальчик.

Сева положил в лодку мешок со своим добром.

Потом взялся за нос, чтобы потянуть к озеру.

Он понял, что хочет поскорее убраться отсюда — неприятно, когда на тебя глазеют, как на куклу Барби мужского рода.

— До встречи, чудища и закорюки, — сказал он.

Никто не понял, что это просто шутка.

И тут случилось неприятное событие.

Кто-то подхватил Севу с двух сторон за талию и поднял в воздух. Потом посадил в байдарку.

Затем вместе с байдаркой перенес к озеру и опустил на воду.

Ну, конечно же, это наш сообразительный Снежный человек!

Он хотел сделать получше.

Сева готов был его убить.

Но сдержался и слова не сказал.

Он схватил со дна весло и остановил лодку, которая крутилась посреди озера. Озеро только что было маленьким, почти лужей, а теперь казалось вполне обширным водоемом.

Фонари Снежного человека и гномов разгоняли темноту над озером.

Медленное течение повлекло байдарку к его дальнему краю.

Сева был рад, что гномы сделали именно байдарку. Отец у Севы — бывший заядлый турист, и иногда на майские праздники или в летний день он брал Севу в поход, куда они собирались

с институтскими друзьями. Так что Сева вполне прилично умел управляться веслом о двух лопастях.

Байдарка вильнула, но смирилась и пошла вперед.

— Давай! Молодец! Чемпион! — Голос Снежного человека, как гром, заполнил пещеру.

Сева не стал больше оборачиваться.

Он установил обтянутый сеткой фонарь на носу байдарки.

Течение, которое влекло воду по озеру, хоть и было незаметным снаружи, подхватило байдарку и понесло прочь от гномов и Снежного человека, оставшихся на берегу.

Впереди была видна узкая треугольная щель, в которую и вливалась вода озера. На каменной стене возле щели был косо нарисован мелом крест.

Сева знал, что такие кресты рисовал вдоль своего пути гном Юхан.

— Мы на правильном пути! — громко сказал он, чтобы не бояться.

Голос отразился от стен и потолка, по пещере покатилось эхо, и издали донесся голос Снежного человека:

— У тебя все в порядке?

— Все в порядке!

— Лодка не течет?

— Не течет!

И в этот момент течение усилилось, и ручей увлек байдарку в черную щель.

Глава шестая

СХВАТКА ВО ТЬМЕ

Пришлось быстро привыкать к тому, что ручей был узким и порой быстрым, он то несся вниз по порогам, то почти замирал и разливался озерцом или лужей. Он несся по камням, а потом падал водопадом, а иногда замирал над глубокой ямой или омутом.

Причем к берегу далеко не всегда можно было причалить — стенки порой почти смыкались и были мокрыми от водяных брызг, а порой исчезали в темноте. Утешением были лишь белые кресты на стенах. К счастью, гном Юхан не ленился их ставить и не жалел мела. Хотя, честно говоря, польза от них была лишь моральная — приятно думать, что до тебя уже кто-то здесь был и остался жив. А выбирать путь не приходилось — ручей тащил байдарку, не спрашивая ни о чем ее пассажира.

Любопытно, а как же путешествовал Юхан? Ведь не вплавь же!

Сева не выпускал весла. Без помощи весла, которым можно было рулить, лодка неслась, как щепка в ручейке у тротуара, — крутилась, стукалась носом о берег, замирала, норовила перевернуться...

К тому же когда рулишь, то занят. А когда занят, то быстрее проходит время.

Ручей довольно круто стремился вниз. О его течении и будущих намерениях можно было догадываться по шуму впереди. Сева быстро догадался, что означают перемены в этом шуме. Если тебя ждет очередное озеро или разлив, то звуки почти исчезают, если слышишь журчание, значит, ручей потечет быстрее, вскоре жди перекатов, может, даже водопада, о котором тоже можно узнать заранее — у воды, которая падает с высоты и ударяется о дно, особый ревущий звук.

Сева долго плыл без приключений, и вдруг ручей ударился в завал.

Такого Сева не ждал — с чего бы под землей оказаться завалам? Ладно бы еще обвалились камни, но впереди виднелись сучья, словно когда-то здесь росло дерево, свалилось и вода содрала с него кору.

Когда байдарка уперлась в сучья, Сева стал искать проход и тут догадался, что это не дерево, которому попасть в щель невозможно, а кости. Гигантские кости животного, которое каким-то образом забралось в щель и застряло здесь навсегда.

А потом, перетаскивая через кости лодку, Сева сообразил, что видит перед собой кости дракона или динозавра — кто их разберет!

А вот и морда!

В десять раз больше Севы!

Вот был гигант!

Подумав так, Сева осекся и даже засмеялся. Ведь он-то теперь малыш! Любая ящерица рядом с ним великанша. И голова у дракона не так велика, меньше метра. Нет, все равно солидный зверь. Может, он прятался здесь от перемены климата...

Все стихло. Лишь чуть-чуть урчит вода, омывая камни и передвигая песчинки.

Байдарка выплыла на широкую гладь большого озера. Ручей вливался в него медленно и чинно, как настоящая река.

Светлячки на потолке изображали звездное небо. Некоторые из них бросались с высокого потолка и падали вниз, к воде, как звездочки, но перед тем как коснуться воды, вдруг замирали в воздухе и по крутой дуге уносились вверх, словно нарочно, чтобы порадовать Севу.

Сева даже переставил фонарь на дно байдарки, под кожаный полог, чтобы он не мешал любоваться этим зрелищем.

И как бы в благодарность за это сразу два светлячка направились к Севе и уселись на борт байдарки.

Сева наклонился к ним и присмотрелся.

Он думал увидеть жучков или кузнечиков, где-то он читал или слышал, что светлячки похожи на сверчков, но это оказались маленькие феи, девчурки с ноготок, с прозрачными мотыльковыми крыльями. Светились их тела, а крылья лишь отражали и усиливали этот свет. Феи танцевали, прыгали на борту байдарки, они понимали, что Севе нравится на них смотреть, и давали ему собой полюбоваться.

Заглядевшись на светлячков, Сева упустил тот момент, когда из воды вылезла морда белого полупрозрачного хамелеона. Он высунул язык, закрученный в пружину, который разворачивался, когда рядом оказывалась фея-светлячок, и ударял по ней. Оглушенная жертва приклеивалась к языку и в мгновение ока исчезала во рту ящерицы.

Раз-два...

И нет маленьких фей!

В ужасе погасли огоньки на потолке пещеры.

А ручеек снова подхватил байдарку и потащил ее дальше, к черным глубинам Земли.

Севе было жалко фей, хотя он понимал, что такую сцену мог увидеть и на поверхности. Пускай это будут не феи, а бабочки.

Но все равно грустно.

Севу убаюкало безопасное и ровное путешествие, и он забыл о том, в каком жестоком и темном мире оказался.

А ведь Снежная королева предупреждала его — будь настороже! Рядом нет никого, кто бы тебя защитил.

Озеро осталось позади.

Сева поставил фонарь на нос байдарки.

Спереди донесся шум. Куда как более громкий, чем был раньше.

Значит, там пороги.

«Чудесненько, а то мы застоялись», — сказал себе Сева.

— Мы готовы к боям! — произнес он вслух.

Что делать?

Надо думать.

Шум становился все громче. Даже странно, какой шум мог издавать довольно небольшой ручей.

Когда он стал громче человеческого голоса, Сева стал думать, что надо бы остановиться, выбраться на берег...

Но, как назло, стены расщелины сошлись близко, и некуда было пристать.

Ага, вот уступ!

Сева отчаянно принялся грести, и байдарка уткнулась носом в каменную ступень.

Сева сосредоточился, он понимал, что это не лагерные игры — от его прыжка зависит его жизнь.

Он схватил конец троса, привязанного к носу байдарки, и выпрыгнул на берег. Байдарку сразу потащило дальше, но Сева крепко ее держал и вытянул на камни.

К счастью, байдарка была легкая, и это ему удалось без труда.

Все.

Теперь можно отправляться в разведку.

Сева оставил в байдарке фонарь, а с собой взял второй, маленький фонарик.

Он удобно прикреплялся на ремешке ко лбу, чтобы руки были свободными.

Сева осторожно двинулся вперед.

Уступ, по которому он шел, был не широк, меньше метра, и кое-где завален камнями, то ли упавшими сверху, то ли принесенными ручьем.

Шум впереди доносился все громче.

Еще несколько шагов, и вот обрыв.

Сева отодвинул в сторону какие-то липкие веревки, чтобы приглядеться.

Он наклонил голову, но луч не достал до воды.

Вода падала вниз, шумела, но какой высоты водопад, Сева не смог понять, потому что веревка, за которую он держался, дернулась и потащила за собой его руку.

Сева отпустил веревку, но не тут-то было.

Ладонь приклеилась к веревке.

Сева схватил веревку другой рукой, чтобы оторвать правую руку, но и левая приклеилась.

Что за веревки? Откуда они?

Но когда он повернул луч фонаря в ту сторону, луч уперся в два огромных круга.

Сева не сразу сообразил, что за блестящие круги прикреплены к стене.

Он дернул головой.

Луч фонарика тоже дернулся и осветил густую шерсть вокруг кругов...

Это же глаза!

И острые когти — каждый коготь чуть ли не с Севу разме-

ром, — покрытые белесой шерстью, шевельнулись и потянулись к Севе.

Да он же попал в паутину!

Как в страшном ночном кошмаре!.. Но ведь так не бывает! Так быть не может, мне это снится!

В голове крутились бесполезные слова, он сам себя старался успокоить, но этим только помогал пауку — добыча ждет вас, ваше благородие!

Но руки продолжали отбиваться, правда, все более прилипая к паутине.

Паук гипнотизировал жертву и не спешил. Видно, он привык нападать наверняка и понимал своим примитивным умишком, а то и просто инстинктом, что жертве некуда деться...

«Нож! Он на поясе.

Теперь надо делать так.

Тянуть левую руку к правой. Правую к левой. Как можно ближе... И не смотреть на паука. Пускай он подбирается. Если я буду смотреть, то умру от страха...

Еще немного...

Паутина поддается. Она эластичная. Разорвать ее нельзя, но потянуть в сторону можно».

Все эти мысли и рассуждения можно вспомнить потом, когда все кончится и ты лежишь без сна и снова и снова прокручиваешь в голове страшное приключение, но оно уже не кажется таким страшным по простой причине — оно благополучно завершилось. Во время боя ты, конечно, размышляешь, но сам этого не замечаешь. Ты как опытный шофер: тебе грозит авария, и ты правильно нажимаешь на педали или переводишь ручку скоростей. Но при этом не думаешь, как надо это сделать. Потому что если начнешь думать, то обязательно опоздаешь спастись.

Паутина оттянулась, поддалась, и пальцы рук встретились.

Еще...

Еще чуть-чуть...

Он потянул на себя правую руку и в то же время левой рукой стал отрывать паутину от пальцев правой руки.

Сева оказался прав.

Если бороться с паутиной в одной точке, ее можно одолеть. Мухи попадаются и гибнут, потому что стараются побороть сразу всю паутину. А паутина, если так можно сказать, — целая рота бойцов, ее в одиночку герою не одолеть. Оторвешь одну нитку — остальные схватят тебя еще крепче.

Поэтому пауки и не спешат, они ждут, пока жертва сама себя закутает в кокон и движения ее ослабнут.

Это и спасло Севу.

Он продолжал бороться и все время дергал за нитки.

А паук ждал. Куда крошке деться...

Наконец рука была свободна.

В фантастических фильмах герой выхватывал бластер и палил из него в чудовище, пока оно, обугленное, не падало к его ногам.

Здесь с бластером ничего не получится. Потому что его нет. В сказочном мире бластеров, а также минометов и гранат не изобрели. А меч остался в байдарке.

Зато свободной рукой можно вытащить из-за пояса кинжал.

Сева осторожно поднес его к паутине и постарался освободить левую руку, не привлекая внимания паука.

Это было его ошибкой.

Паук-то решил, что жертва сдалась и пора высасывать ее кровь.

Он метнулся вперед.

Сева полоснул по паутине.

К счастью, попал по нити, а не по собственной руке.

Паутина, отрезанная от добычи, как сеть гладиатора, спружинила и ударила по самому пауку, чего тот, конечно, не ожидал. Не было у него опыта по борьбе с собственной паутиной.

И вместо того чтобы преследовать Севу, паук стал биться в паутине, с каждой секундой закутываясь в нее все сильнее.

Но Севе от этой паучьей неудачи легче не стало.

Потому что паук бился как раз между Севой и той стороной уступа, по которому Севе надо добраться до водопада.

Если бы было светло, он бы смог высмотреть проход в паутине, но света фонарика не хватало на то, чтобы разобраться, есть ли проход в блестящих нитях.

Сева стоял в нерешительности.

Так прошла, может быть, минута — вряд ли намного больше. Сева переминался с ноги на ногу и слабел с каждой секундой.

Так всегда бывает после пережитого страха — коленки слабеют, и появляется одышка, как у старичка.

И тут кто-то осторожно и даже вежливо тронул его за плечо, будто попросил: подвиньтесь, пожалуйста, дайте пройти.

— Пожалуйста, — ответил Сева и шагнул к самому краю уступа.

И понял, что уступает дорогу второму пауку, покрупнее первого, который направляется на помощь своему мужу или брату. А Севу он не сожрал только по недоразумению. Пауки настолько привыкли получать свой обед готовеньким, просто вынимая его из паутины, что свободно гуляющие человечки их интересуют куда меньше.

Но Сева об этом не думал.

Его тело действовало независимо от его мозга.

Мозг сказал: «Ах!» Мозг сказал сам себе: «Прощай, любимый!»

Но ноги оттолкнулись от края уступа, и тело понеслось по дуге к воде, которая сначала обожгла Севу невероятным пещерным холодом, а затем подхватила и потащила вперед, кружа, переворачивая и стараясь перед смертью свести с ума.

Сева не считал секунд и часов, пока его несло вниз по течению, но понимал — еще минута, а может, и меньше, и намокшая одежда утянет его под воду.

Он отчаянно колотил руками и ногами — нормально в таких условиях человек плыть не в состоянии.

Сева бился в нескольких метрах, а может, и сантиметрах от берега, который поднимался крутым обрывом, но не доплыл, потому что его бросило о камни.

Камни барьером преграждали путь ручью.

Сева сперва ничего не понимал и ничего не соображал, даже ничего не видел. Ему неясно было, шумит ли ручей или это шумит в ушах.

Но постепенно чувства и мысли вернулись к нему.

Он опустил голову... или она сама опустилась, и увидел камни.

Фонарик был цел! Это же счастье!

Он покрутил головой и понял, что гряда камней, остановившая его, немного выдается над водой, но ручей перед ней расходится в пруд и льется между камней.

Сева осторожно направил луч фонарика вниз, за каменную преграду.

Но оттуда доносился только гул.

Он складывался из шума множества водопадов. Потому что ручей, пробиваясь через запруду, превращался в десяток быстрых потоков, и каждый из них находил себе путь по крутому каменному склону.

Где водопадами, где стремительной струей, где каскадом по каменным ступеням эти потоки исчезали в темноте, и лишь на последнем издыхании свет фонарика достиг белой пены и черной воды — озеро лежало глубоко внизу.

Сева подобрал ноги, которые ужасно замерзли в ледяной воде.

Снаружи было чуть теплее, но тоже холодно.

Он понял, что надо возвращаться.

Но как? Байдарка осталась куда выше по течению, уступом не пройдешь, против течения не выгребешь, но даже если и выгребешь, то умрешь от холода.

Сева посмотрел наверх.

Там возились черные тела — второй паук, видно, решил не помогать собрату, а им поужинать.

Глава седьмая

В ГОСТЯХ У САЛАМАНДР

Время шло, а Сева все сидел на камнях над обрывом.

Он ничего не мог придумать.

Он только понимал, в какую глупую историю угодил.

Когда он согласился идти в Подземелье и искать Убежище, то думал, что это будет интересное приключение. Может, и опасное. Но, честно говоря, он не догадывался, какими могут быть опасности. В мозгу проносились какие-то рыцари с мечами или рычали трусливые драконы.

И Сева надеялся на то, что Снежная королева, бабушка или Кристина — те, кто затянул его в приключение, — лучше представляют себе, что ему грозит.

Откуда Севе знать, что сказочные существа не умеют толком смотреть в будущее и рассчитывать свои шаги, что они куда больше похожи на детей, чем обыкновенный подросток Сева. Сева не мог представить, что когда приключение начнется на самом деле, он станет самым взрослым и разумным его участником.

Каково ему было бы узнать, что в те минуты, когда он дрожит — у него зуб на зуб не попадает — на черных камнях над темной пропастью и не знает, как ему выбраться из этой дыры, Снежная королева устраивает большой поход против ее заклятых врагов — лесных грибов. И весь дворец занят приготовлениями к походу.

Лишь Снежный человек, который все-таки не сказочное, а просто вымершее существо, и принцесса Кристина, у которой отец был полярником, помнят о Севе. Впрочем, помнят-то они помнят и даже переживают, каково ему там, но на помощь ему не спешат, так как верят: все обойдется!

Сказочный мир живет по закону:

ВСЕ ОБОЙДЕТСЯ!

Из-за этого гибнет много народу. А они могли бы и не погибнуть, если бы жители этого мира были пессимистами. Разумными пессимистами.

— И что мы будем делать? — спросил сам себя Сева. — Будем замерзать, как несчастный сиротка?

Фига с два!

Нужно все делать последовательно.

Сначала мы выжмем одежду.

Сева начал стаскивать с себя одежду — куртку, джинсы, майку, трусы, отлично сшитые феями.

Он положил их рядом с собой на камни. Затем по очереди

брал вещи и изо всех сил выжимал их. Последними он выжал джинсы. Выжав вещь, он натягивал ее на себя, и ему казалось, что стало чуть теплее. Но все же холод не отпускал.

Тогда Сева решил немного заняться зарядкой. Скажем, станцевать.

Он подпрыгивал, стараясь не поскользнуться и не сорваться с камней, и уже почти согрелся, как увидел знакомый коготь...

— Ну, тебя еще не хватало! Как ты сюда забрался?

Эти слова осмелевшего Севы относились ко второму пауку, который, видно, славно закусил своим братом и теперь отправился за новой добычей.

Паук отвел коготь назад, чтобы с размаху вонзить его в Севу, и Сева, конечно же, отпрыгнул от него.

На мгновение он забыл, что за спиной обрыв.

Ровно на одно мгновение.

Он успел увидеть изумление в круглых тарелках паучьих глаз — ну куда снова делся этот вкусный двуногий завтрак?

В следующее мгновение Севу по спине стукнул камень, затем его перевернуло, ударило о каменную стенку, окунуло в ледяную воду... А что было дальше, Сева, к счастью, не запомнил.

Последняя мысль Севы была такая: «И зачем я только одежду выжимал?»

Раньше Севе никогда не приходилось терять сознания.

Везло.

И он не знал, что терять сознание — все равно что заснуть. Ты никогда не заметишь того мгновения, когда заснул, зато всегда почувствуешь, когда проснулся. И понятно: когда ты проснулся — дальше ты уже живой и мыслишь, а когда заснул — ты отключился и тебя нет на этом свете. Это как короткая смерть...

Севе было больно.

В ушах переливается изящная музыка, а может, это просто звенит в ушах?

Потом понимаешь, что вокруг темно.

Потом слышишь, как близко льется вода.

Потом догадываешься, что ты избит и искалечен, что у тебя не осталось ни одной несломанной кости.

Но надо двинуться, потому что вот-вот паучище доберется до тебя.

Сева стал подниматься.

Не потому, что он герой, а потому, что было так холодно и мокро, так страшно ждать, когда приблизится паук. Сева попытался подняться и вскрикнул от боли.

«Сейчас я упаду и умру!»

Даже голова закружилась.

Светло... почему светло?

Да потому, что Сева стоит, уткнувшись носом в каменную стену, и фонарик, который так и не разбился после всех приключений, светит в стену.

Но как все болит!

Если что-то и осталось непереломанное, то все тело было разбито.

Сева снова решил немного посидеть и подумать. Он сделал шаг к большому округлому камню, но нога не послушалась, подкосилась, и он сел на плоскую каменную плиту. Зажмурился от боли и довольно долго — правда, неизвестно сколько — сидел с зажмуренными глазами и терпел, пока боль немного утихнет.

Потом снова открыл глаза.

Шумела вода.

Звучала музыка, а может, так гудело в мозгу.

Боль и на самом деле чуть утихла, зато навалилась усталость. Наверное, он никогда еще так не уставал. Даже холод не так страшен. Вот сейчас заставить бы себя снова выжать одежду... нет, и не мечтай! Будет так больно, что не выдержишь.

А что делать?

Сева сидел на каменной плите, которая полого уходила в воду озера.

Озеро было невелико, в него несколькими струями и водопадиками спускался, срывался, падал, несся ледяной ручей, разбившись на несколько потоков и струй.

И высота этого порога была как высота пятиэтажного дома.

Видно, Севе никогда не увидеть байдарки, в которой осталось все — еда, теплая сухая одежда, меч и большой фонарь. Все.

И виноват он сам — как можно было доверяться сказочным куклам!

Севе хотелось плакать, но он не заплакал, потому что люди чаще всего плачут, когда кто-то может их слезы увидеть. А ему перед кем плакать, кого просить о сочувствии?

Сева сжался в комочек, подтянул колени к груди, постарался залезть в углубление у подножия стены — теплее не стало, но наступила тупость.

Знаете, как бывает, — тебя вызвали к доске или ты открыл безнадежный билет на экзамене, ты стоишь перед столом экзаменаторов и знаешь — они ждут, что ты скажешь умного, а ты ничего не можешь сказать, у тебя в голове абсолютная пустота. Как в космосе.

Ты начинаешь думать о разных других вещах, не относящихся к экзамену.

...И тут Сева проснулся.

Оказывается, человек может заснуть на невероятной глубине, в темноте и холоде, в промокшей рубашке и джинсах, в полной безнадежности.

А проснулся Сева от того, что был он не один.

Ему бы в самый раз умереть от страха.

Оказывается, бывают штуки пострашнее гигантских пауков.

А тебе уже некуда бежать.

По бережку, спиной к воде, сидели в ряд шесть белых саламандр.

Как головастики, но с кружевными жабо вокруг шей, розовыми бессмысленными слепыми глазами, ростом вдвое больше Севы. Никаких попыток подойти к нему поближе саламандры не делали. Сидели, смотрели на него. Вроде бы не удивлялись.

Каким-то образом они почувствовали, что он смотрит на них, и вытащили разные предметы. У одной была трубочка, у второй набор палочек, у третьей нечто вроде треугольника на веревке.

А Сева понял, что больше не боится этих саламандр.

Они явно не желают ему зла.

Но что им нужно?

Они объяснили ему.

Старшая из саламандр заговорила, но не словами, а понятиями. И смысл ее речи без слов был такой:

— Спасибо, пришелец, что пришел к нам. Жизнь наша однообразна и тосклива. Если бы не наша страсть к музыке, мы бы вымерли, как лемуры. Дозволь нам сыграть для тебя нашу новую композицию «Звонкий удар сталактита».

— Валяйте, — сказал Сева, которого снова начала колотить дрожь.

Музыка была приятная, нормальная музыка, только без слов. Он слушал минут пять, но потом больше слушать не смог — из-за холода. А ведь не вскочишь, не согреешься.

Тебе играют музыку, стараются подземные саламандры, и так скучно... Но и терпеть больше не оставалось сил.

Сева покачивался от холода, сжимал коленки пальцами...

И внутри его раздался вопрос саламандры:

— Тебе плохо, наш уважаемый слушатель? Тебе неприятна наша музыкальная композиция?

— Клянусь, композиция ни при чем! — закричал Сева. — Но я умираю от холода. Одежда моя в байдарке, байдарка из-за этих чертовых пауков осталась вон там, наверху, далеко... мне не до музыки!

Видно, из слов Севы саламандры услышали даже больше, чем он хотел сказать.

Шлеп, шлеп-шлеп — раздался плеск...

И саламандры исчезли, оскорбленные Севой. И оставили его в безнадежности, в одиночестве, но теперь хоть можно было попрыгать.

В конце концов, сказал он себе, пойду дальше вниз по течению ручья, пока не помру или не найду какое-нибудь убежище. Не все же в мире хотят меня сожрать? Этих саламандр я сам обидел... Они не виноваты...

И тут он снова услышал приближение музыки.

Оркестр саламандр грохотал и веселился, будто их было не десяток, а две сотни.

Сева направил луч фонаря к водопадам. Его глаза уже так привыкли к темноте, что он смог увидеть, как по крутому склону, в брызгах и пене к нему несется байдарка, поднятая на лапах саламандр.

Вжжжик! — как гоночный болид Шумахера, байдарка затормозила у самого берега, и голос саламандры произнес:

— Переодевайтесь, пожалуйста.

— Спасибо вам, большое спасибо!

— Переодевайтесь, мы подождем, у нас так редко бывают гости. Переоденьтесь в сухое, приготовьте себе пищу, и, если вы зажжете костер, мы возражать не будем, зато будем исполнять для вас нашу скромную музыку. Потом вы можете поспать, сколько вам угодно, а когда проснетесь, мы намерены дать вам настоящий концерт.

И Севе ничего не оставалось, как подчиниться. Что он и сделал, не сдержав веселой улыбки.

Глава восьмая

ГОТОВИТСЯ СБРОС МЕРТВОЙ ВОДЫ

Георгий Георгиевич и не подозревал, что у следователей могут быть какие-то подозрения по поводу его участия в похищении Аглаи Тихоновны. Конечно, он испытывал беспокойство, что операция по вызволению жены провалилась, он всем об этом говорил, а все его утешали и отвечали, что его жена непременно найдется, жены всегда находятся. Погуляют, погуляют и найдутся...

Георгий Георгиевич совещался со своими ближайшими помощниками и помощницами.

Может показаться, что Полотенц слишком часто совещается и советуется. Это не совсем так. На самом деле все решения он принимал в абсолютном одиночестве, но при этом любил показать соратникам, что их мнение играет роль в его решениях. Это было педагогично. Пускай думают, что они для него что-то значат.

В этом была его сила и в то же время слабость. Потому что был человек, который отлично разбирался в его характере и пользовался его особенностями.

И это была прекрасная Элина Виленовна.

Она пришла к нему работать восемь месяцев назад простой уборщицей.

Она приехала из города Бредуны Муходранского района.

Уборщица с такой географией не имеет никаких шансов стать правой рукой президента Фонда. С ее данными лучше заняться стриптизом. Но Элина Виленовна стриптизом или модельным бизнесом не интересовалась. Она даже деньгами интересовалась умеренно. Ее интересовала власть.

Будет власть — будет все остальное. И даже Сережа Птичкин, ради которого она травилась, правда, не до смерти, в девятом классе и которого потеряла, так как Серафима Скудная обладала трехкомнатной квартирой, приусадебным участком, автомобилем «девятка» и папой в горсовете.

И тогда Элина покинула свой городишко.

И сказала себе и своим ближайшим подругам Глаше и Стеше, что она возвратится сюда, только когда станет посильней, чем мадам Тэтчер. Она вернется только для того, чтобы посмотреть, как Сережа Птичкин, низкий предатель, забывший все слова, которыми они обменивались под кустом сирени в городском саду на берегу Вертушки, будет ползать у ее ног и просить о возврате милостей. А она ему скажет: «Поздно!» Вот это слово «поздно» и было одной из двух причин ее жизни в городе. А второй причиной, как уже говорилось, был ее страх перед бедностью. Ведь она прожила в бедности первые двадцать лет своей жизни.

Это не должно повториться!

Уборщица из Бредунов не должна стать вице-президентом Фонда.

Даже если ее отдать в руки лучших стилистов и имиджмейкеров столицы.

При условии, что за первые четыре месяца никто ее к стилистам не водил.

Эти месяцы она посвятила укреплению дружбы сначала с вахтером Ахмет Ахметовичем, а затем с охранником Костей.

И отлично подметала контору.

Как только она накопила денег (как из скромной зарплаты,

так и из карманов своих первых друзей), она купила духи, кремы с хорошим запахом и краску для волос.

Когда-нибудь я расскажу, что было дальше, но сейчас не буду отвлекать вас от основного рассказа. Главное, что Элина Виленовна к моменту действия повести скромно ездила на «девятке», снимала скромную трехкомнатную квартиру и намеревалась завладеть президентом. И ей это может удаться.

Кстати, об этом известно и сыщикам Борису и Глебу Хватам, и потому они склонны подозревать Элину Виленовну в том, что она состоит в заговоре с целью похитить и убить несчастную Аглаю Тихоновну.

В начале совещания Георгий Георгиевич выслушал сочувствия и соболезнования соратников, а потом перешел к делу.

— Можно ли нас поздравить? — спросил он Василия Коха, директора фабрики детских игрушек.

Василий Фридрихович, подтянутый, усатый, бородатый, расчесанный на прямой пробор мужчина старше средних лет. тут же поднялся и доложил:

— Вы совершенно правы, шеф! Мы интенсивно ведем проходку большой трубы к полости.

— Как идет работа?

— Мы сталкиваемся с некоторыми трудностями, но в целом намечается прогресс. Готовим пробный сброс мертвой воды.

— Когда достигнете полости?

— Встречаются тяжелые породы. Шесть буров уже сломались.

— Переходите на суперлазер!

— Это слишком дорого, экселленц! — воскликнул Кох.

— Фонд оплатит, — ответил Полотенц. — Мы ведем переговоры с миллиардером Гейтсом, он хочет срочно омолодить свою любимую матушку.

— Вас понял, — сказал Кох.

Глава девятая

ПУТЕШЕСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Мелодии оркестра саламандр долго преследовали Севу.

И неудивительно — всем оркестром саламандры плыли следом за ним, и время от времени по пояс из воды выскакивал музыкант и беззвучно спрашивал:

— Хороша ли наша музыка?

— Хороша! — искренне откликался Сева, трудно было найти

более благодарного человека. Саламандры притащили байдарку, охраняли его сон и ничего не потребовали взамен — только послушай наш оркестр.

А оркестр оказался недурным — такой и на земле нечасто встречается. Сева немного возгордился, потому что его провозгласили профессором подземной музыки и пригласили жить в Саламандровой впадине, сколько он пожелает, даже сказали, что если он уже взрослый, то ему подыщут самую красивую саламандроску в невесты. Сева скромно отказался. Он объяснил новым друзьям, что предпочел бы жить на солнечном свете, а слепой красавице там не понравится.

Но звание профессора, совершенно незаслуженное, он принял.

Часа через два Севе пришлось попрощаться с саламандрами, потому что доплыл до границы их царства. Ручей в том месте пробивался сквозь каменные завалы, и Севе пришлось потратить много времени, пока он смог перетащить волоком байдарку на чистую воду.

Шел второй день путешествия, и он клонился к концу.

А раз Сева все время вместе с ручьем опускался вниз, то наверняка уже достиг больших глубин.

На берегу следующего озерка он отыскал песчаный пляж и, вытащив байдарку, отдохнул. Он лежал на спине и размышлял о смысле жизни.

Правда, настроение немного улучшилось. Подумать только — преодолеть такое страшное препятствие и выбраться из него профессором музыки!

Вот бы Лолите рассказать — она бы обхохоталась. А потом бы удивилась: «Ты? Профессором? У саламандр? Так не бывает!»

Завтра саламандры будут выступать в Большом зале консерватории. Представляете — начинается концерт, и симфония посвящается нашему другу, известному путешественнику и авантюристу Всеволоду Савину.

Так что, держись, Лолита! Место в первом ряду тебе обеспечено.

Почти ко всему привыкаешь. Но не сразу.

Пустота и чернота уже не так пугали, как в первый день, но совсем не обращать на них внимания невозможно.

Помните, как сказал Амундсен: «К холоду привыкнуть нельзя. Но можно научиться его терпеть».

Подземелье не совсем пусто. Спелеологи, то есть исследователи пещер, говорят, что через двадцать или сорок дней теряешь чувство времени и даже немножко сходишь с ума.

Но Сева не рассчитывал задерживаться в недрах Земли так надолго.

Когда лежишь и сон не идет, когда холодно и приходится ночевать в байдарке, чтобы по тебе не пробежала какая-нибудь мокрица, ты слышишь звуки, которые человеку в обычной жизни не услышать.

Над головой по потолку пробегали паучки — бесшумные и ловкие, — но Сева слышал их шаги.

А среди ночи разбудила летучая мышь — как она забралась в такую глубокую глушь, ума не приложить. Но ее писк был слышен Севе.

Пора вставать.

Пора выбираться из-под теплого одеяла, связанного лапками летучих фей и дюймовочек.

И Сева почувствовал себя точно так же, как утром, в декабре, когда надо подниматься в школу.

За окнами совсем темно, только слышно, как шваркает лопатой дворник по снегу и как хрустит снег под сапогами ранних прохожих. Шаги эти частые, будто прохожие стараются отогнать прилипчивый сон и убежать от мороза, который на лету хватает за щеки и нос.

Сева зажег фонарь на лбу и большой фонарь на носу байдарки. Стало светло и как будто теплее.

Можно умыться, позавтракать, и начнется третий день путешествия.

Как там дома? Мама не беспокоится? Вот бы написать письмо Лолите! А может, Кристине?

Когда Сева умывался, к рукам подплыли белые плоские рыбы, уродливые, полупрозрачные, и можно разглядеть, как внутри их дергаются вены и кишки, а глаза их тоже белые и даже затянуты белесой пленкой. Наверное, в действительности они маленькие, мальки, но тут Сева от них отшатнулся и не стал мыться, пока они не уплыли.

Аппетит они Севе испортили.

Сколько еще плыть?

Путешествовать в темноте уже надоело.

Все героические поступки Сева уже совершил.

Рассуждая так, Сева столкнул байдарку в воду, и ручей понес его дальше.

Скучать не пришлось. Потому что ручей не был спокойным потоком, в котором можно было расслабиться. Минут десять он еле полз по широкой пещере, потом втискивался в узкую щель и несся жгутом белой пены в тартарары, где ручей превратится в

водопад и разобьет байдарку вместе с ее пассажиром. Вот ручей попал в завал, и пришлось тащить байдарку по камням.

В тот день очередная щель оказалась настолько узкой, что байдарка четыре раза застревала между камней. А коли байдарка была шириной лишь в два-три сантиметра, то можете представить, насколько тесно сходились стены трещины.

В другом случае он испугался бы лезть вперед, чтобы не застрять совсем, но теперь мысль о том, что придется карабкаться обратно, так и не достигнув цели, была столь ужасна, что Сева в отчаянии плыл по течению ручья.

Враги и всякие гады ему больше не попадались.

И так он медленно, борясь с природой, плыл по течению и вдруг услышал удар.

Будто трещина, по которой устремлялся ручей, текла не в сплошной горной породе, а между стенок, а за этими стенками были темные залы или коридоры. Так там, за стенкой, что-то уронили. Потом снова.

Вдруг рассыпались каменные глыбы.

И донесся скрежет.

Сева замер.

Кто там мог быть? Причем большой, твердый и сильный. Он словно проламывал горную породу.

Некоторое время Сева не шевелился.

Он остановил байдарку и слушал.

Время от времени звук раздавался снова. Потом — тишина.

Севе захотелось постучать в стену — может, отзовутся?

Но удержался.

Если там враги — а кто еще может здесь оказаться? — то они узнают, что ты здесь, и прорвутся сквозь стенку.

Наконец шум прекратился.

Что делать? Стоять — нет смысла. Надо плыть дальше.

Сева плыл дальше, прислушиваясь, настороже.

Он не заметил того момента, когда ручей стал каналом. Байдарка вплыла в город.

Глава десятая

ПОГИБШИЙ ГОРОД

Город не был похож на город в обычном смысле этого слова. Тем более что Сева не знал, кто жил в городе, кто его построил и почему покинул.

Ему не было известно то, что с детства понятно любой снегурочке или фее.

К примеру, он не знал, что, кроме обычных серых и полосатых троллей, а также троллей хищных или гиеновых, в глубинах Хибинских гор обитают последние племена злобных огневых троллей. Они, как известно, уступают размерами гиеновой породе, но схожи с ней повадками и стервозностью. Обычные тролли ютятся в пещерах, норах и покинутых замках, а тролли огневые — жители внутренней Земли. Мало кто их видел. К тому же они злейшие враги гномов, а у тех существует табу, то есть запрет, произносить имя огневого тролля. Они верят в то, что один гномик рассказал об огневом тролле журналисту из «Мира новостей», а за это тролль ночью пришел к нему и сожрал гномика вместе с родителями. Эта история такая страшная, что ее тоже нельзя рассказывать, потому что не исключено, что если какой-нибудь огневой тролль узнает, что я об этом вам рассказал, то не жить ни мне, ни моей семье.

Вот что говорится об огневых троллях в Красной книге Карело-финской академии наук, в главе, посвященной забытым и редким зверям Скандинавии, Карельского перешейка и Кольского полуострова:

«Огневые тролли — существа крайне вздорные, опасные и кровожадные. Хищники и подземные охотники. Путешественники и исследователи, которые осмеливались их изучать в местах обитания, становились, как правило, жертвами их жестоких когтей.

Огневые тролли селятся колониями глубоко под землей и пути к своим поселкам тщательно маскируют».

Вот в такой поселок или город и попал Сева, не подозревая, где он оказался.

Он плыл ручьем по узкой расщелине, когда стены вдруг разошлись, потолок пропал из глаз, а ручей стал узким каналом, прямые берега которого были выложены каменными плитами.

По обе стороны от канала тянулись мостовые.

В глубине можно было угадать жилища троллей. Называйте их как хотите — жилищами, строениями, но только не домами. Эти жилища были выдолблены в каменной стене, из которой выступали только наполовину. Потолков у них не было, да и зачем потолки в пещере, где не бывает дождя? Вместо дверей висели кожаные тряпки.

Ручей вынес байдарку в небольшой круглый бассейн в центре города. Там Сева вылез из байдарки.

В городе было темно, но не совсем — потолок пещеры слегка светился, словно был намазан фосфором. Слышно было, как журчит вода. И больше не доносилось ни единого звука.

В городе не было ни души. По какой-то причине жители покинули его.

Сева не решился отходить далеко от байдарки, но заглянул в ближайшие жилища. Они были пусты, но оставлены обитателями совсем недавно. На плите стояла кастрюля, на кровати валялась шкура какого-то зверя, вернее всего, мышки или крысенка, на стене одного из жилищ Сева увидел картину. На ней могучие тролли истребляли мелких гномов.

Гномы разбегались кто куда.

Или валялись убитые.

Тут Сева впервые увидел, как выглядели обитатели подземного городка. И выглядели они неприятно — лохматые, зубастые, похожие на обезьян, хотя таких злобных обезьян не бывает.

Столы и кровати в домах были вырублены из камня, и вот, во втором или в третьем доме, Сева увидел мертвого тролля.

Он лежал, свернувшись в клубок, на кровати, подтянув коленки к животу и закрыв морду лапами. Видно, он умер в мучениях.

Севе стало неприятно и страшно, и он решил поскорее отсюда убираться.

Он выбежал наружу. Там он увидел еще одного погибшего тролля. Тот лежал прямо на мостовой.

Кто же напал на городок?

И тут Сева снова услышал удары и грохот. Куда ближе, чем раньше.

Конечно, лучше убраться отсюда, но любопытно, что это такое?

И Сева решил посмотреть, что же происходит.

Разгадка обнаружилась через несколько шагов.

За крайними домами городка Сева увидел гигантскую стальную трубу.

Она выходила из потолка пещеры, проходила сквозь нее и скрывалась в полу.

Вокруг нее лежало кольцо породы, которую, видно, выкинули, прокладывая трубу.

Пока Сева глядел на нее, труба вдруг дрогнула и принялась поворачиваться.

Поворачиваясь, она ввинчивалась в землю.

Значит, это был некий бур?

Какого же он размера?

Сева подошел к трубе, обхватил ее руками, потом перешел левее и снова расставил руки. Так ему пришлось сделать сто двадцать раз, прежде чем он вернулся к отметке, которую сделал,

начав мерить трубу. То есть она по окружности примерно пять метров. Немало.

Откуда и куда она идет?

Сева обошел трубу и задумался.

Загадка первая — почему город пустой, как корабль «Мария Целеста»?

Помните о «Марии Целесте»?

Сто пятьдесят лет назад с торгового судна в Атлантическом океане увидели судно под всеми парусами, которое странно себя вело — виляло, словно у него не было руля.

Стали давать сигналы — никакого ответа. На корме парусника было написано его имя, «Мария Целеста». Спустили шлюпку, поднялись на борт «Марии Целесты» и обнаружили, что на борту нет ни одного человека. А погода хорошая, судно в полном порядке, даже в камбузе на плите стоит теплая кастрюля.

Что могло заставить моряков покинуть судно?

Ни одного из них потом не видели, и тайна осталась неразгаданной до сегодняшнего дня.

Сева читал про «Марию Целесту», поэтому о ней вспомнил. Но легче от этого не стало. Зачем тут труба? Никакие тролли, гномы да и вообще сказочные существа такую трубу сделать не могли. Может быть, это тайная шахта? Или кто-то ищет нефть?

Но Сева тысячу раз видел по телевизору и в кино, какой из себя бур для нефти, — он довольно тонкий. А этот — громадная труба. Почти как туннель метро. Может, наверху секретная база? Военные что-то делают? Но, наверное, Снежная королева знала бы об этом. Ясное дело — тут что-то другое!

Сева сообразил, что вряд ли еще раз увидит эту трубу. Ведь он снова поплывет по ручью, и каким бы ни было его течение, все равно уже через час оно унесет Севу далеко от этого мертвого города...

Эту загадку можно будет решить там, наверху, когда он возвратится.

Сева медленно шел по городку, направляясь к ручью, к байдарке, когда услышал истошный крик:

— Молодой человек, обратите на меня внимание!

Этому голосу Сева удивился больше, чем любому привидению.

Он подпрыгнул и начал крутить головой.

— Нет никаких оснований меня опасаться, — продолжал тонкий, словно детский, голосок. — Я сам исстрадался куда больше вас.

И тут Сева понял, что голос доносится из большой позолоченной клетки, которая висит на кронштейне, на железной палке, торчащей из камня над дверью одного из домов.

А в клетке сидит человек.

Человек? А может, человечек?

Нет, это не совсем человек, а небольшой гном, или гномик.

Как известно, гномы бывают очень похожи на людей и считают, что, как и люди, они произошли от обезьяны, только человечий предок был обезьяной шумной, большой и глупой, только и умел, что палкой махать. А предком гномов была разумная обезьянка, которая выкапывала из земли вкусные и полезные корешки, а затем научилась искать изумрудики и алмазики.

— Что вы делаете в клетке? — спросил Сева.

— Я сижу здесь.

— Почему?

— Потому что меня посадили. И если тебе не видно, протри глаза, невежа.

Гном был грязный, несчастный, красный колпак порван, на носу царапина.

Для гнома он был очень мал, а для Севы — велик.

Ростом он был поменьше фута, а это значило, что он вчетверо превышал Севу.

— Что здесь случилось? — спросил Сева.

— Здесь произошла катастрофа, — ответил гном. — Я тебе все расскажу, как только ты меня выпустишь из заточения. Золотая клетка — все равно клетка!

— Как же вас спасти? — спросил Сева.

— Найди лестницу, сколько раз тебе можно одно и то же повторять!

— Я не видел здесь никакой лестницы.

— Найди ключи от клетки и кинь мне.

— Где они?

Гном наклонил голову и посмотрел на Севу, как жираф на таракана.

— И такого дурака Снежная королева послала мне на выручку! — воскликнул он.

— Почему вы так думаете?

— А мне и думать не надо. Я все знаю сам. Кстати, запомни, меня зовут Юхан, Юхан Великий, Первопроходец. Я самый известный гном на свете. И если Колумб открыл всего-навсего Америку, которую давно следует закрыть за ненадобностью, то мне удалось доказать, что Земля внутри пустая и очень уютная. Если у тебя есть сомнения в моем величии, говори сразу. И я вызову тебя на дуэль.

— Это будет неправильно, — улыбнулся Сева, но гномик его

улыбки не увидел, а то бы смертельно обиделся. — Потому что ты можешь на меня наступить и раздавить, как муравья.

— Вот именно! С удовольствием раздавлю! А теперь открывай клетку и выпускай меня наружу!

— Я еще не знаю, как это сделать, — сказал Сева. — Может, вы подскажете?

— Как? А ты думай, раз тебя послали меня спасать.

Сева не стал спорить с Юханом, но спросил:

— А что здесь случилось? Почему тут мертвые... существа?

— Тролли! Наглые, отвратительные предатели! — закричал Юхан. — Мне их ни капли не жалко. Они держали меня в клетке много дней! Неважно, не исключено, что это я их отравил водой.

— Как так отравил?

— Да выпусти ты меня! Потом поговорим! У хозяина всегда есть ключ от замка. Посмотри в доме.

Сева заставил себя заглянуть в дом. Ни живых, ни мертвых троллей он там не нашел, зато на столе рядом с глиняными плошками лежала связка ключей. Правда, достать их оказалось нелегко.

Гном высунул руку между прутьев клетки, а Сева несколько раз кидал наверх медные ключи, прежде чем гном их поймал. И притом Сева устал, потому что ключи были в два кулака размером и весили, как полупудовая гиря.

Гном отпер клетку и спрыгнул вниз. Ушибся и рассердился на Севу.

Глава одиннадцатая

ТРУБА ПОД ЗЕМЛЕЙ

Рядом с гномиком Юханом Сева чувствовал себя как возле рассерженного жирафа.

А гномик ковылял, разминая затекшие ноги в рваных сапогах, и ворчал:

— Ты что, подхватить меня не мог? Я же чуть не разбился!

— Тогда бы ты меня раздавил, — ответил Сева.

— Не уверен, что стоило тебя оберегать, — возмутился гномик.

Он щурился, вглядываясь в полумрак пещеры.

Потом заявил:

— Лучшей участи они не заслуживали. Допускаю, что виновато их отношение ко мне. Если вы хватаете доверчивого гостя и сажаете в клетку, то жалкая судьба вас обязательно догонит.

— Какая жалкая судьба? — спросил Сева.

Говорить было неудобно, приходилось запрокидывать голо-

ву, а голова гномика терялась в темноте. Сам гномик был худым и сутулым, голое тело проглядывало сквозь дырки в одежде, видно, ему пришлось несладко. Бороденка гнома была растрепанной, волосы торчали из-под колпака, но глаза сверкали упрямо и яростно. Как потом обнаружилось, гном Юхан обладал настойчивым, упорным и даже наглым характером. Но тогда он был голоден, напуган, растерян, правда, радости по поводу освобождения от верной гибели и благодарности к освободителю он не выказывал.

— Какая жалкая судьба? — повторил гномик. — Простая. Их всех погубила труба.

— Какая труба?

— А вон та.

Гномик показал на толстую трубу, которая продолжала медленно вращаться и вдвигаться в породу.

— А что сделала труба?

— Давай так, — ответил гном. — Будем решать проблемы по очереди. Сначала мы меня кормим. А то я умру от голода, и на этом наши разговоры прекратятся. А я ведь не последний гном на свете. Меня знают во всех краях Подземелья. В Лапландии мне памятники стоят во всех городах и деревнях. Ты, конечно, не видел...

— Не видел.

— Помолчи, тебя не спрашивают, — оборвал его гномик. — Я первым пришел к центру Земли.

— Я догадался, — сказал Сева. — Мне о вас рассказывали.

— Вот видишь, — совсем не удивился гном. — Ты где остановился? Мне надо срочно к тебе в гости.

— Зачем?

— Не задавай лишних вопросов. Я умираю с голода, а ты занимаешься философией. Где твой лагерь, поселок, база, ущелье, парашют, наконец!

— Я сюда приплыл на байдарке, — сказал Сева.

— Чудесно. Пошли к твоей байдарке.

— Зачем?

— Чтобы поесть!

И тут Сева сообразил, что голодный гном в два счета уничтожит все его запасы. А что же тогда Севе? Умирать с голода?

Гном почувствовал колебания Севы и стал еще настойчивее:

— Ты что, хочешь, чтобы я умер? Ты меня для этого спасал? Человечество тебе этого никогда не простит, это я тебе гарантирую.

— Мы совсем разные, — сказал Сева. — Вы такой гигант по сравнению со мной.

— Мне и есть надо больше.

— Но, наверное, в городе много еды, — сказал Сева.

— А где гарантия, что мертвая вода ее не погубила?

— Какая мертвая вода?

— Ты что, не видел, во что этот город превратился за две минуты? Ну, ты слепой и тупой!

— А что здесь случилось?

— Мертвая вода!

— Что это такое?

— Я сам не знаю. Сначала я думал, что это меня освобождают. Но потом догадался, что это просто мертвая вода.

Гном склонился к Севе и быстро заговорил.

— Я сижу в клетке, — рассказывал он, — вдруг вижу — с потолка камни посыпались. Много камней — тролли даже разбежались от страха. И вижу — появляется труба. Сверху, понимаешь? Я смотрю, а она появляется и начинает опускаться. Огромная труба! А когда до пола оставалось локтей десять, из нее вдруг хлынула вода. Ты не представляешь, что это такое! Из трубы — вода! За минуту или две весь город залило водой. По пояс или даже больше... кто не успел убежать, утонул... а кто поплыл, тот умер и растворился.

— Как так умер и растворился?

— Все, чего касалась мертвая вода, умирало. Здесь было много троллей, а у них были собачки и кошечки, они кротиков разводили, здесь пауки и мокрицы бегали — мне все сверху видно. Все, чего касалась вода, хоть капля воды, все умирало.

— А куда вода делась?

— Она перестала литься из трубы. Будто труба выплюнула порцию воды, а потом она в ней кончилась. Труба стала дальше опускаться к полу, врезалась в пол и продолжала крутиться. Мертвая вода понемногу сошла — ведь в городе есть трещины, дырки, отверстия — было куда деться, по пещерам растворилась... И когда я опомнился, то оказалось, что я остался один живой во всем городе. А если бы клетка висела пониже или стояла на полу? Я бы тоже был мертв. О горе! Я этого не переживу! Какая трагедия...

— И все погибли?

— Я думаю, что все погибли... ведь тролли тупые, они не догадались, что это мертвая вода. Надо было обладать моим умом, чтобы догадаться.

— А откуда эта вода взялась?

— Неужели ты не понимаешь? Это вода сверху. Ее налили сюда люди. Люди на Земле много гадостей придумали. Придумали мертвую воду и испугались. Испугались, что она наверху

все погубит, и стали ее под землю загонять. Сделали трубу, чтобы пробурить поглубже. И воду спустить... Немножко спустили воды, а теперь еще глубже пошли. Я полагаю, что они откуда-то узнали про громадную полость в недрах Земли. Туда можно закачать целый океан.

— Значит, кто-то знает об Убежище? — произнес Сева.

— Еще как знают.

— Значит, нельзя туда переселять волшебных существ?

— Да ты с ума сошел! Тогда на всем белом свете останусь я один. Если, конечно, не умру с голода. Значит, ты на лодке сюда приплыл?

— А как же иначе сюда проникнешь? — спросил Сева.

— Я тоже по ручейку полз. Сколько раз застревал, не поверишь! Но я великий путешественник, на весь мир прославился. Поэтому тебя и послали меня спасать.

— Про тебя я не знал.

— Тогда пошли. Накормишь меня.

— Ты такой большой, — повторил Сева. — Мне ничего не останется.

— Моя жизнь важнее, — сказал гном. — Я столько всего перенес, что тебе и не снилось. Тобой можно и пожертвовать. Тебя, кстати, как зовут?

— Сева. Всеволод.

— Пошли меня спасать, а то я скоро упаду.

И гном пошел вдоль ручья, правильно рассудив, что лодка где-то там.

Чем дальше он шел, тем скорее двигались его ноги. Значит, силы в великом путешественнике еще оставались.

Когда же он увидел байдарку, то кинулся к ней бежать.

— Стой! — Сева бежал сзади, он на что-то надеялся, а на что — и сам не понимал. Потому что вот-вот гномик, как голодный слон, накинется на его припасы.

Так и случилось.

К тому времени, когда Сева догнал гнома, тот уже забрался внутрь байдарки, достал оттуда мешок с продуктами и принялся вытаскивать оттуда и забрасывать в рот продукты — сухари, печенье, мясные шарики и даже пакет с конфетами, который Сева так тщательно берег на обратную дорогу.

— Да стой же! — кричал Сева и колотил гнома по спине, хотя тот не обращал на него никакого внимания. — Я же с голода помру!

— А я ужжже помер, — отвечал гном с набитым ртом.

Мешок с недельным запасом пищи для Севы оказался скромным обедом для голодного гнома.

Сева, который вцепился в мешок, смог выхватить только круг колбасы, он ухватил его, как тонущий — спасательный круг.

— Отдай! — Гном потянулся к колбасе.

И Севу охватило отчаяние.

Человек пожертвовал всем, сбежал из летнего лагеря, оставил друзей, напугал мать и три дня полз, как червяк, под землей не для того, чтобы какой-то чудик из позолоченной клетки, попугай подземный, его ограбил и даже обрек на голодную смерть!

Конечно, круг колбасы не оружие, но ведь в байдарке остался меч — орудие пролетариата.

Сева кинулся в байдарку.

Гном лег животом на опустевший мешок продуктов — его-то он берег пуще всего.

Но Севу продукты не интересовали — он стал шарить руками по дну в поисках меча.

Гном понимал — что-то под ногами у него происходит, и, может быть, опасное — он попытался разглядеть, где суетится Сева.

Но Сева уже отыскал меч.

Сева закричал:

— Отдай продукты, бандит! Вот ты мне и попался!

И Сева понял: такую сцену он знает, видел в кино — циклоп напал на спутников Одиссея. Остался самый пустяк — выколоть или выжечь ему единственный глаз.

«О чем я думаю! Я с ума схожу! Какой единственный глаз?»

Сева вонзил острый меч в ногу Юхану.

И хоть он направил удар немного вверх, чтобы попасть гному в бедро, удар получился слабее, чем ожидал Сева, но гном его почувствовал, отпрянул в сторону и грохнулся на берег. Байдарку чуть не унесло течением, и Сева, сообразив, в чем дело, кинулся следом.

Может, ему и повезло, потому что гномик, опомнившись, решил его убить и отобрать обратно мешок, который Сева успел выхватить у него из рук. Он бросился к ручью, но не смог в сумерках сообразить, что Сева побежал вниз по течению ручья за уплывающей байдаркой.

Он прыгнул в ручей и метался по нему, разбрызгивая воду. Ручей, подобный речке для Севы, ему-то был по колено.

Но потом гном замер и прислушался.

А вот Сева опоздал замереть.

— Вот ты где, грабитель! — завопил гном и побежал к Севе.

Сева выскочил на берег и рванул байдарку, чтобы не оставлять ее в воде. Потом кинулся бежать.

Сева вилял между домов, похожих на камни, и камней, ни на что не похожих. А вместе с ним бежали несвоевременные мысли: «Ну почему я такой начитанный? Я уже видел эту картинку! В какой книжке гигант догоняет своего маленького врага? Вспомнил! Это поэма Пушкина «Медный всадник». В той поэме статуя Петра Первого гоняется по улицам Петербурга за Евгением? Нет, не то!» Сева в детстве читал книжку «Путешествие Нильса с дикими гусями». Там за Нильсом гоняется памятник, который он обидел...

Сева бежал и вспоминал.

Гном бежал и покрикивал, пугал Севу, обещал его растерзать и уничтожить. Гном был больше Севы в четыре раза и растерзать его вполне мог. Но Сева был умнее и шустрее гнома.

Гном знал, что Сева поблизости, но потерял его из виду. Поэтому схитрил и стал его спрашивать:

— А в мешке еще колбаса осталась?

Сева молчал.

— А может, поменяемся? Ты мне мешок, а я тебе жизнь?

Сева отбежал подальше и не удержался, крикнул:

— Я тут отыскал щель, в которую тебе не пролезть. Хочешь застрять, лезь за мной!

— Ты этого не сделаешь! Это негуманно.

— Я защищаюсь.

— Если я по твоей вине погибну, Снежная королева велит тебя казнить. С ней шутки плохи. Ты же обязан меня спасти и накормить.

— Я не обязан тебя кормить. Тем более что ты меня ограбил.

— Мы, люди, должны друг друга любить. Ты ведь не тролль какой-нибудь! Тебя как зовут? Севой? А меня Юханом. Давай дружить.

— И в чем же будет эта дружба? — спросил Сева, но из своего укрытия не спешил выходить.

— Сначала мы все поделим пополам, — сказал гном.

— Ты уже это сделал, — ответил Сева.

И горько, и смешно. Этот гном какой-то умственно отсталый. У него хитрость маленького ребенка.

— А если я чего добуду, то я тебе тоже дам, — сказал гном. — Нам ведь с тобой теперь надо выбираться.

— Сначала мне нужно попасть в Подземелье.

— Но я там уже был!

— Снежная королева хочет переселить туда всех сказочных существ.

— Идея хорошая, это я ее придумал, — важно ответил гном. — Да ты выходи, не бойся.

И Сева решился выйти на открытое место.

Гном не напал на него...

— Ну и мелкий же ты все-таки! — сказал он.

— На самом деле я куда больше тебя, — сказал Сева, — меня временно превратили в малыша. Чтобы в Подземный мир проникнуть.

— Все это чепуха, — произнес гном, — потому что они зальют Подземелье мертвой водой. Она все живое убивает. И даже растворяет.

— Обязательно надо понять, откуда идет эта труба, — сказал Сева.

— А разве наша война закончилась? — спросил гном. — Ты сначала сдайся, отдай мне мешок, я доем, что в мешке осталось.

— Ничего там не осталось. И мне есть хочется, — сказал Сева. — Все-таки ты нечестный гном.

— А честных гномов не бывает. Там в самом деле ничего не осталось?

— Ты же знаешь!

— А мне казалось, что еще круг колбасы остался. Ма-аленький такой кружочек...

— Ты не пойдешь в Подземелье? — спросил Сева.

— Я еще не решил.

— Ну тогда прощай, я поплыл по ручью.

— Скоро ручей разделится, — сказал гном. — Не вздумай плыть по большой струе, плыви по маленькой, направо.

— Спасибо. Значит, ты обратно пойдешь?

— Нет, — вздохнул гном. — Пожалуй, я с тобой пойду. Веселее. И все-таки я буду не один.

Глава двенадцатая

«МАЛЮТКА-СУПЕР»

Георгий Георгиевич Полотенц в сопровождении своей секретарши Элины Виленовны с утра отправился на Кольский полуостров на скоростной авиетке Фонда, чтобы присутствовать при процедуре омоложения академика Сидорова. Первым средство испробовал гражданин Каин, отчего стал мальчонкой, но подлости не потерял, теперь же наступила очередь изобретателя, великого ученого, самого Сидорова. И надо сказать, он заслужил это, потому что кому, как не изобретателю, воспользоваться плодами изобретения. Ведь если все пройдет удачно, академик станет ходить или даже бегать, заживет полнокровной жизнью и, наверное, придумает еще что-нибудь выдающееся.

Сам академик рад был первым испытать на себе омоложение, но его супруга Райка Сидорова была категорически против. Она

думала, что, если опыт будет неудачным, академик помрет и она останется вдовой с маленькой пенсией. Вот поэтому и запустили первым гражданина Каина. Его никому не было жалко, а сам он был таким ветхим и пропитанным болезнями и злобой, что, если не омолодить, наверняка бы скончался.

Но нынче, после удачи с Каином, даже академическая дама Сидорова согласилась вернуть мужу юный облик, только с поправкой на прошлые ошибки. Не хотела она рядом с собой получить мальчика, каким стал Каин. Нет, ей нужен был академик в полном соку, на уровне кандидата наук, спортсмена-разрядника и даже силача, который может любимую жену на руках носить.

Опыт начался ночью, вот-вот должны были появиться первые результаты, весь научный коллектив не смыкал глаз, и на завод, где проходил исторический эксперимент, летело начальство Фонда. Того самого Фонда, который нашел деньги и силы, чтобы претворить изобретение академика Сидорова в жизнь.

У изобретения был один недостаток.

Из-за этого о нем нельзя было закричать на весь мир и нельзя было получить за него Нобелевскую премию.

Омоложение одного человека методом академика Сидорова требовало превратить целое озеро пресной нормальной живой воды в совершенно мертвую воду, которая убивает все живое.

Может быть, это произошло оттого, что академик сам был больным, парализованным человеком и спешил омолодиться, пока не умер, а может, потому, что он всю жизнь изобретал оружие. Ведь именно он — автор самой подлой пехотной мины. Ее ничем и никогда не обнаружишь, она взрывается, как только рядом окажется человек, и она обязательно оторвет ему ноги. Это он изобрел пулемет-автомат, который стреляет чем угодно — от вишневых косточек до камешков или желудей. И отлично убивает такими пулями... Много у него изобретений, но все они сделаны с одной целью — убивать и убивать. И вот только сейчас, почуяв собственную смерть, немощный и бессильный академик Сидоров смог изобрести способ омолодиться. Но он был очень умным академиком и понял, что как только он объявит об открытии, его тут же запретят. Ведь уничтожить озеро воды ради одного человека — это варварство. Я не говорю о рыбах и лягушках, которые погибнут, и водорослях, которые исчезнут. Но нормальной пресной воды на Земле не так уж и много. А фабриками или испытаниями ядерного оружия, химическими удобрениями и городскими отбросами ее уничтожают сами люди. Академик Сидоров подсчитал, что всей воды на земном шаре хватит только для того, чтобы омолодить триста сорок человек. А вы понимаете, что найдется куда больше богачей и диктаторов, ко-

торые ради своей молодости ни перед чем не остановятся. Значит, трезво говоря, можно ожидать, что через несколько лет пресная вода на Земле закончится и все люди на ней, включая тех, кто омолодился, умрут, потому что им придется пить мертвую воду, в которую живая вода превращается после использования.

Вот с этой проблемой жена академика Сидорова, которая и вела его дела, обратилась к господину Полотенцу.

И он ее понял.

А потом придумал — отыскать внутри Земли пустое место, чтобы туда перекачивать мертвую воду. Исчезла мертвая вода — никто и не заметит. И понять, что происходит, сразу не удастся. Ну меньше становится воды, заметят ученые, ну еще меньше... А куда она делась?

Так что Фонду господина Полотенца и самому академику Сидорову несколько лет можно ничего не опасаться. Мертвая вода исчезнет...

А через несколько лет они что-нибудь придумают.

На Кольском полуострове дул жгучий ветер, ледяные иглы дождика косо летели с неба.

Самолет круто снизился над заброшенными шахтами, и Георгий Георгиевич, который смотрел в иллюминатор, потому что с детства любил смотреть по сторонам, думая, что из этого взять себе, спросил:

— Что за шахты? Что добывают?

Его референт, компьютер, очень похожий на человека, только красивее, сразу ответил:

— Здесь добывали уголек. На-гора, в закрома Родины. Теперь здесь ничего нет, даже поселок разобрали на дрова.

Самолет перевалил через гряду холмов, и впереди показались корпуса Центральной фабрики игрушек «Малютка-супер». Это было главное предприятие Фонда, который, если вы смотрите телевизор или читаете газеты, специально создан для того, чтобы заботиться о брошенных или несчастных детях.

Президент Фонда господин Полотенц во всех своих интервью рассказывает о том, какие замечательные игрушки делают на фабрике «Малютка-супер», и все, даже враги и завистники Полотенца, думают, что это так на самом деле. Что Полотенц вообще-то много врет, но игрушки делает. И что характерно — его Фонд получил в наследство бывший военный полигон по испытанию биологического оружия, то есть самых гадких и смертельных ядов. Его он и приспособил для своих целей.

На самом деле ни одной игрушки никогда на фабрике не было сделано.

Там даже нет мастеров, которые умеют делать игрушки.

А чтобы никто ни о чем не догадался, люди Полотенца покупают разные забавные игрушки в других странах, перекрашивают, пишут на них «Сделано на фабрике «Малютка-супер» и показывают на выставках и торжественных собраниях. Нередко Полотенцу за это дают премии и грамоты.

На самом-то деле бывший полигон — это секретный центр по омолаживанию.

Когда самолет остановился возле длинного алюминиевого барака и к нему подъехал джип, первым к двери самолета подошел начальник охраны Иван Каин, на вид маленький, почти мальчик, а на деле очень старый и опытный бандит.

Он вошел в салон самолета и сказал тонким голосом:

— Попрошу документы.

И тогда пассажиры самолета — и Георгий Георгиевич, и Элина Виленовна, и все прочие референты и секретари, включая красивого компьютера, — предъявили свои пропуска.

Вот такие строгие царили там порядки.

Эти правила были заведены после того, как один турист, а может, просто пастух-оленевод забрел в те места и вошел в лабораторию.

Войти он, говорят, вошел, но больше его никто не видел.

Полотенц, как и все, показал свой паспорт, потом специальный пропуск, а потом отпечаток своего большого пальца.

— Как дела? — спросил Георгий Георгиевич.

— Все движется нормально, — сказал Каин. — Бурим!

Георгий Георгиевич первым пошел к бараку и по дороге шепотом спросил Каина:

— Как дела у Аглаи Тихоновны? Надеюсь, ей не причиняют вреда?

— Не беспокойтесь, — ответил Каин. — Она в целости и сохранности.

Георгий Георгиевич шагнул внутрь барака.

Элина догнала Каина и спросила шепотом:

— Надеюсь, Аглая уже случайно померла?

— Все равно что померла, — ответил Каин. — Сюда не вернется.

— И никаких следов?

— Никаких следов. Как испарилась.

— Молодец, — сказала Элина Виленовна.

Сначала они пошли на буровую площадку.

Там, под гигантским куполом, снаружи замаскированным под каменную сопку, особые машины невиданной силы, кото-

рые привезли из Японии, вкручивали в землю пятиметровую стальную трубу. Труба состояла из колец, которые автоматически сваривались друг с дружкой.

В этом цехе стоял низкий, неприятный гул, но людей там не было — на трубу и машины, которые загоняют трубу в глубь Земли, Полотенц не жалел денег. Он понимал: как только труба доберется до Подземелья, как только будет открыт путь для мертвой воды в глубины Земли, его Центр по омоложению начнет трудиться в полную силу, и каждый пациент будет приносить ему сказочные деньги, тайную славу и неодолимую власть.

Но это завтра.

Пока только расходы, расходы, расходы...

Каина делали как первый рискованный образец. Отыскали его в доме для престарелых в Малоярославце, где никто не верил, что он родился так давно. За две бутылки водки он согласился стать лабораторным человечком — а что ему было терять?

Теперь начинается второй эксперимент. Начинаем омолаживать академика Сидорова. Тут тоже на доход рассчитывать не приходится. Скажи спасибо, если все хорошо кончится. Уж очень у академика требовательная Райка. Чего-нибудь такого захочет... К примеру, стать владычицей морскою. Это не шутка. От нее можно и не такого ожидать.

Главное, как понимал Георгий Георгиевич, — не рассориться с партнерами, пока не пойдут настоящие доходы. Главное — удержаться...

Георгий Георгиевич глядел, как медленно поворачивается, врезаясь в землю, труба, и думал: приходится жертвовать даже самым дорогим! Разве ему хотелось причинять зло своей Аглае? Нет, конечно. Разумеется, она свое отжила, надоела ему безумно своей отсталостью и ограниченностью. Но он был к ней по-своему привязан. Ведь она заботилась о Гоше — о родном сыночке. Она ходила с ним гулять, лечила, когда простужался, вытирала ему сопли и готовила с ним уроки. Спасибо ей за все это!

Георгия Георгиевича охватила тоска по сыночку, по своей кровинушке, по маленькому умнику. Как он там, оторванный от родных и близких? Но надо терпеть, мой сынок! Мы еще станем господами этого мира! Для этого нужны деньги, терпение, организация и целеустремленность!

Полотенц шевелил губами, беззвучно повторяя эти слова. Он готов был отдать жизнь за свою цель.

И если бы вы его спросили, зачем эти жертвы, он ответил бы — ради Гоши! Ради его будущего, ради счастья всех детей на Земле.

И это, конечно же, было бы неправдой. Разумеется, Полотенц-старший любил Полотенца-младшего, но больше всего он все же любил самого себя. Только в этом не признавался никому.

— Пробовали пускать мертвую воду? — спросил он, не поворачивая головы.

Василий Кох ответил:

— Был пробный пуск. Относительно небольшой.

— Почему без моего разрешения?

— Мы заготавливаем первую дозу эликсира по омоложению, — ответил начальник работ, который никого не боялся, даже Полотенца. Плевать ему было на начальство. Он уже отсидел и за убийство, и за грабеж, и за компьютерный вирус, и за неприличные стихи — многосторонний Кох. — Куда-то надо было деть отходы. Я и распорядился испытать трубу. Мы прогнали внутрь двадцать пять тонн.

— И куда вода пошла?

— А кто ее знает? Если молчат снизу, значит, все, кому она пролилась на голову, уснули навечно.

— Впрочем, — заметил Георгий Георгиевич, — мне уже докладывали, что в глубинах Земли жизни нет.

— А если и была, то теперь уж наверняка с ней покончено, — заметил Василий Федорович Кох, любимый племянник садистки Эльзы из Освенцима.

Глава тринадцатая

ОБЖОРА ЮХАН

Севе сразу и повезло, и не повезло.

Повезло в том, что гномик Юхан кое-что знал о пути в Подземелье.

Не повезло, потому что у Юхана оказался гадкий характер и он думал, что раз Сева в четыре раза меньше его, значит, должен ему во всем подчиняться. К тому же он убежден в том, что после Колумба он самый великий в мире путешественник.

Надо признать, что вечером того же дня, когда город огневых троллей остался далеко позади, именно гном закричал:

— Стоп! Табань!

А путешествие проходило так: спереди в байдарке плыл Сева, а сзади, кое-где пригнувшись, кое-где на корточках, двигался Юхан. Он непрестанно давал советы, большей частью совершенно ненужные.

Сева придержал байдарку. В том месте стены трещины сходились совсем близко, и гном с трудом протискивался.

Основное русло ручья уходило прямо, но направо под углом ответвлялся небольшой ручеек.

— Нам туда! — закричал гном. — Главное русло придет в озеро, из которого нет выхода. В прошлый раз я попал туда и провел в гроте два дня, пока выбрался назад.

— А что ты ел? — спросил Сева.

— Когда надо, мы, гномы, можем неделю обходиться без пищи.

Новый ручеек вывел их в небольшой зал, и они решили там переночевать. Гном требовал, чтобы Сева отдал ему все, что осталось в мешке.

Но Сева не согласился.

Гном ворчал о том, какая пошла невоспитанная молодежь, какое у Севы каменное сердце, но потом уснул на песочке у ручья. А Сева остался в байдарке. Мешок с остатками еды он положил под голову вместо подушки.

Ночью ему снилось, как он попал в бурю, его бросают и мотают крутые волны.

Он проснулся и не сразу сообразил, что он не в море, а в глубине Земли.

А где его спутник?

Вон храпит!

Сева уселся.

Чего-то не хватало?

Мешок был пуст.

Совсем пуст.

Этот негодяй, как обнаружилось после скандала, сожрал ночью всю еду.

— Честно скажу, не хотел, — оправдывался гном. — Думал, возьму кусочек хлебушка, утолю зверский голод, который так терзает меня. Но потом что-то со мной произошло. Я думал о природе, о лесах и траве, а мои зубы продолжали трудиться, пока не перетрудили некоторое количество пищи...

— Некоторое? Да там ничего не осталось!

Сева понял, что спорить не о чем.

Чуть не плача, он залез в байдарку.

— Ты прости меня, — сказал гномик Юхан. — Но беда — я так много скушал, что не могу подняться.

Сева даже не стал ему отвечать.

Голодный, немытый, злой и отчаявшийся, он дал течению ручейка нести себя дальше.

Теперь-то уж точно домой не вернуться.

И никто его не найдет и не спасет в этой черной дыре.

А ведь подлый гномик как-нибудь выберется. Не исключено, что он может месяц без еды обходиться.

Байдарка плыла неровно, то и дело утыкалась носом в стенку — не вписывалась в повороты. Тогда Сева, даже не думая об этом, отталкивался от стенки веслом и снова погружался в глубокое расстройство.

Наверное, разумный человек на его месте постарался бы возвратиться наверх знакомым путем. Но Сева точно знал, что на том пути нет ни крошки еды, а саламандры не смогут накормить его, даже если он целый день будет слушать их оркестр.

Но когда идешь вперед, всегда остается надежда, что увидишь что-то новое. По крайней мере, королева уверяла, что в Убежище светло.

Если бы у Севы было настоящее оружие, допустим, бластер, как в фантастических фильмах, он бы сначала прикончил подлого гнома. Должна же быть справедливость.

Но оружие — только меч, в лучшем случае им можно уколоть.

...Невозможно сказать, сколько продолжалось это печальное путешествие.

Уж наверное, больше часа.

Потом ручеек так измельчал, что байдарка стала тереться дном о камни, и Сева, мрачный и отупевший, вылез из нее и решил поглядеть, что там впереди.

Он взял с собой только меч.

Он брел по колено в холодной воде, порой выходил на сухие камни, и когда впереди показался серый свет, тусклый сначала и постепенно светлевший, он даже не удивился.

Ну и хорошо, свет так свет...

Свет не был дневным, но электрическим его тоже не назовешь.

Вот еще один поворот...

Перед Севой был выход из туннеля.

Ручеек, обрываясь тонкими струйками, падал вниз, и слышно было, как он стучит по камням.

Глава четырнадцатая

ВОТ ОНО, УБЕЖИЩЕ!

Никто толком не объяснил Севе, что он увидит.

Да и понятно — они же сами этого не знали.

Сева вышел на высокую каменную осыпь, в которой пропал ручеек. Осыпь уходила далеко вниз, словно Сева стоял на вершине горы. Но, конечно же, он не был на вершине, за его спиной тянулась вверх каменная стена и пропадала в тумане.

Пределов долины, на которую глядел Сева, нельзя было увидеть, они тоже терялись в дымке.

Впереди и выше светило солнце.

Севе все объясняли, что в Подземелье есть солнце, но никто не смог сказать, откуда оно там взялось и почему светит. Но оно было, лучи его пробивались сквозь туман. Солнце было поменьше обыкновенного, верхнего, и потому здесь было не так светло, как днем на поверхности Земли.

Размеры Подземелья были настолько грандиозны, что взгляду негде было остановиться, упереться в стену или в потолок. Расстояние до потолка было так велико, что он казался голубым, почти такого же цвета, как небо настоящее, только облаков на нем не было, а лишь движущиеся клубы тумана, которые ты волен был считать облаками.

Когда наглый гном Юхан докладывал королеве о Подземелье после первого своего путешествия сюда, он утверждал, что там есть деревья и даже настоящий лес, но сверху Севе деревья не были видны, хотя внизу, вдали, была видна зелень, окружавшая длинное, похожее на серп, озеро и речку, которая в него впадала.

Но на таком расстоянии многого не увидишь, лучше спуститься и поглядеть на этот мир вблизи.

Небо было пустым — по крайней мере, никаких птиц Сева не увидел. И вообще, в том мире было очень тихо, даже не слышно было ветра, возможно, оттого, что все-таки там ему негде было разгуляться.

Воздух был свежим и теплым, и от этого воздуха Севе сразу захотелось есть. Наверное, на светлом просторе у нормального молодого человека печальные мысли улетучиваются и он понимает: жизнь еще не кончилась! Мы еще повоюем!

Сначала надо было отметить вход в трещину, а то, когда будешь возвращаться, потеряешься и не найдешь правильного выхода.

Но ведь гном уже побывал здесь раньше.

Рядом с узкой трещиной, из которой вытекал ручей, на каменной стене был изображен белый крест, вдесятеро больше Севы, наверняка видный снизу, из долины.

Прежде чем начать спуск в долину, Сева еще раз оглядел ее и увидел не очень далеко, справа, там, куда плавно загибалась вертикальная стена, торчащую сверху палку, которая не доставала до земли.

И догадался: это та толстая труба, из которой хлестала мертвая вода и загубила городок огневых троллей!

Издали не было видно, вращается труба или замерла. Но даже

маленькая издали, даже тонкая на таком расстоянии, она была страшной для Севы. Он догадывался, чем она грозит.

Хотя, конечно же, он не знал, что на поверхности земли раскинулся бывший военный полигон, а нынче фабрика детских игрушек «Малютка-супер», и что именно сейчас возле трубы стоит отец Гоши Полотенца!

Еще раз оглянувшись, не идет ли следом гном, Сева начал спускаться в долину, к длинному озеру, похожему на серп.

Спуск занял много времени, каменная осыпь была подвижной, камни срывались из-под ног, и Сева опасался, не началась бы лавина, но постепенно склон становился все более пологим, и между камней стали появляться травинки, потом кустики и даже мелкие цветы.

Стало жарко, и Сева, отыскав место в тени большой скалы, торчащей из травы, улегся, чтобы отдохнуть и подумать.

Вроде бы он выполнил просьбу Снежной королевы и Кристины. Имя славного рыцаря будет навечно внесено в списки сказочных героев. Правда, если он останется жив и вернется домой, маме о своих подвигах лучше не рассказывать. Она не поймет, что за друзья у него в Лапландии.

Сева направился дальше. Ориентировался Сева прилично. Сверху он определил, как течет речка, которая впадает в озеро Серп. Так что не заблудится.

Вот и речка.

Сева присел на берегу и стал смотреть в прозрачную воду. Но не увидел ни одной рыбешки или паучка. Грустно.

Почему никого нет? Где они? А вдруг и здесь ядовитая вода?

Сева совсем забыл о том, что попал глубоко под землю и здесь нет, а может, никогда и не было своих жителей.

Голод мучил безумно. Сева никогда не был таким голодным.

Он сорвал травинку, попробовал ее. Травинка как травинка. А может, тоже ядовитая?

Но воды попить придется.

— Пить или не пить, вот в чем вопрос, — произнес Сева вслух.

Из чего можно заключить, что даже в такой ситуации его не оставляло чувство юмора.

И в ответ на его слова сверху, неизвестно откуда, послышался глубокий утробный голос:

— Пить! Пей, и ничего не случится.

Неделю назад при таком звуке Сева кинулся бы в ужасе прочь, может быть, завопил — в общем, испугался.

Но сейчас он ответил:

— Спасибо за приглашение.

И, наклонившись к речке, стал черпать горстями воду и пить ее.

Вода была вкусной, но ледяной, зубы ломило.

Сева выпил четыре горсти и все это время думал: кто же с ним разговаривал?

— Напился? — произнес Голос.

— Спасибо.

— Небось голодный?

— Ужасно хочется есть.

— Чего же сюда шел, поесть не захватил?

— У меня украли.

— Бывает, — послышался голос.

И тишина.

А Сева подумал: «Сейчас меня накормят».

— Вы кто? — спросил он после долгой паузы.

— Я никто, — ответил Голос.

И снова тишина.

До озера оставалось немного.

Может, напиться воды побольше? Тогда живот будет полон водой, и голод утихнет.

Невозможно было думать о чем-то другом.

Сева громко повторил:

— Я хочу есть!

Он надеялся, что его услышат.

— Откуда ты, малютка? — спросил Голос. — Кто отправил тебя в столь тяжелое и опасное путешествие?

— Снежная королева, — сказал Сева. — Вы знаете о ней?

— Как сказать... Я многого не знаю из того, что происходит вне моего мира. И зачем тебя, такого маленького и бессильного, послали сюда?

— Меня послали, потому что большой человек... ну, нормальный человек не проберется сюда. Ходы, которые ведут под землю, слишком узкие для человека.

— Я спросил — зачем тебя послали?

— А вы кто? — спросил Сева.

— Странный разговор, — ответил Голос. Но Севе показалось, что в голосе прозвучала усмешка. — Ты не научился отвечать на вопросы.

— Но вы меня видите, а я вас не вижу.

— Забавная мысль. Хорошо, я тебе отвечу: я хозяин этого мира. Но меня нельзя так просто увидеть. Я во всем — я в траве и в воде, я в деревьях и папоротниках.

— Вы живой?

— Я живой. Но живу по своим законам.

— Почему вы не можете дать мне поесть?

— А ты не замышляешь вреда мне и гибели моему миру?

— Ну что вы! Снежная королева хочет устроить здесь убежище для сказочных существ, которым так плохо на земле. Она хочет спрятать их от гибели.

— И меня не спросили?

— Как можно было спросить, если о вас даже никто не знал?

— И это правильно. Тогда скажи мне — вон там, за озером, с неба опустилась большая железная труба. Зачем ты это сделал?

— Это сделали какие-то негодяи, — ответил Сева. — Они целый город убили. Там только гном остался, его тролли в золотой клетке держали, в подвешенном виде, вот он и остался жив, а на город мертвой воды налили, вода поднялась до пояса — все, чего она коснулась, погибло или даже растворилось, как в соляной кислоте. Представляете?

— Город огневых троллей?

— Нет больше этого города.

— Я почувствовал, я почувствовал. Но ты не знаешь, кто эти... чья это труба?

— Честное слово, не знаю. И Снежная королева не знает. Она бы мне сказала.

— А Снежная королева такая же маленькая, как ты?

— Да нет, она нормальная...

И Севе пришлось рассказать о мультипликаторе.

Рассказ его был короток и занял минут пять. И когда он кончил, Голос сказал:

— Я верю тебе, маленький рыцарь. Я чувствовал, что город троллей погиб. Они не были моими друзьями, но кому они помешали?

— Не знаю.

— Не знаю... Иди к озеру, малыш, — продолжал Голос. — Иди вдоль реки. Я скажу тебе, когда остановиться.

Сева понял, что спорить не надо.

По дороге Голос стал допрашивать его, почему Снежной королеве вздумалось помогать русалкам и драконам? Она жалеет их? Как можно жалеть всех? И добрых, и злых. И волков, и зайцев. Тут что-то неладно...

— Я соскучился, — заявил Голос. — Мне нужен собеседник. Причем неглупый. Ты скоро сюда вернешься?

— Зачем мне возвращаться?

— Ты не сможешь забыть о своем путешествии, — сказал Голос. — Ты уже околдован волшебным миром, приключениями,

которые не выпадают на долю обычных людей. Ты околдован Снежной королевой и ее дочкой... у нее ведь есть дочка?

— Кристина. А вы откуда знаете?

— Я так давно живу, что знаю больше, чем самому хочется. И я знаю, что не бывает ничего невероятного. Посмотри вперед.

Впереди возвышался бурый холм, будто кто-то из великанов забыл там свой рюкзак.

— Ты почти прав, — угадал мысль Севы Голос. — Довольно давно случилось землетрясение. Земля разверзлась, и ко мне провалился заплечный мешок одного римского легионера. Веришь?

— Трудно поверить.

— Я туда не заглядывал, — сказал Голос, — но думаю, что в мешке были сухари.

— Скажете тоже! — рассмеялся Сева. — Вы знаете, сколько лет прошло?

— Много, — согласился Голос. — Но микробов здесь нет, а сухарям возраст не страшен. Впрочем, у тебя нет выбора.

Сева подошел к холму. В нем была пещера — мешок был не завязан.

— А вдруг там какой-нибудь скорпион сидит? — спросил Сева.

— Нет у нас скорпионов. У нас даже комаров нету. Все наверху остались. — Голос усмехался. — Сделай шаг, далеко идти не надо. И тащи сухарь на себя. Учти, что вы с ним одного размера.

И тут Голосу стало так смешно, что он не смог сдерживаться.

Под грохот его хохота Сева влез в пещеру и оказался внутри мешка.

И тут же вытянутая рука натолкнулась на край сухаря — даже фонарь зажигать не пришлось.

— Тащи! — подсказывал Голос. — Тащи, мой юный голодный друг!

Сухарь хоть и был ростом с Севу, конечно, оказался куда легче, чем Сева опасался. Сухари вообще довольно легкие. Так что он смог вытащить сухарь наружу, а потом, не дожидаясь подсказок Голоса, отколол от него край большим камнем. Но есть не смог.

Он как представил, что сверху на него смотрит с ухмылкой Голос, так даже аппетит пропал.

Голос снова догадался.

Он произнес:

— Ты поешь, не стесняйся, я смотреть не буду. А потом вернусь.

— Большое спасибо, — сказал Сева, — вы и не представляете, что вы меня спасли.

— Добрые дела всегда делать приятнее, чем гадости.

— Это зависит от характера, — сказал Сева. — Мне уже разные люди попадались.

— До встречи... — донесся Голос.

Сева был ему благодарен за то, что он не смотрит, как ничтожное, махонькое существо вгрызается в древний сухарь.

Сухарь оказался сказочно вкусным.

Сева и не заметил, как смолотил полсухаря. А потом на него напала страшная сонливость.

Сева улегся на траву и заснул.

Во сне ему снилось, как стадо коров хрустит сеном...

Когда он открыл глаза, оказалось, что рядом с ним спит гномик Юхан. Он был таким толстым, что живот поднимался крутым холмом. Зато мешок с сухарями опустел.

— Снова! — воскликнул Сева. — Ну это уж слишком!

Глава пятнадцатая

СУХАРИ ЛЕГИОНЕРА

Гном приоткрыл глаз, скосил его на Севу и произнес с сонным презрением:

— Мог бы маслицем разжиться.

— Ну знаешь!

Сева вскочил и со всего размаха стукнул гнома кулаком в живот.

Ну как вам сказать? С таким же успехом кролик попытался бы избить медведя.

Но гном обиделся.

Он сел и взвыл:

— Как ты смеешь! Ты понимаешь, на кого поднял руку? Ты поднял руку на великого путешественника! Для меня специально Красную книгу путешественников выпустили!

Ему было лень вставать, да и обожрался он без меры, но разозлился ужасно.

Сева отскочил на два шага, достал из-за пояса свой меч и, когда гном все же кинулся на него, ткнул концом меча в вытянутую руку гнома.

— Ой! — Гному и в самом деле было больно. — Никакой по-

щады. Наш с тобой союз разорван, и я не успокоюсь, пока тебя не придушу!

Глаза гнома горели нехорошим блеском.

— Поднять руку на своего благодетеля! Уколоть ничего не подозревающего друга! На твоей могилке будет написано: «Предатель и убийца».

Наконец-то он смог подняться на ноги.

Сева понял — надо бежать.

У него было одно преимущество — он был голодным и легким. Он отбежал от гнома и встал в фехтовальную позу, выставив вперед меч.

— Ты воришка! — крикнул он. — Оставил бы мне хоть сухарик.

— Как ты до сих пор не понял, — ответил грозно гном, — что мне требуется в десять раз больше пищи, чем тебе, и справедливость требует делиться пищей один к десяти!

— Так где же моя десятая доля?

— А вот этого ты, мерзавец, не заслужил!

Гном схватил с земли сухой сук и с неожиданной резвостью ринулся к Севе.

Сева неудачно отпрыгнул назад, споткнулся о камень и полетел, как от удара в лицо. Он больно ударился спиной о землю, даже дух перехватило!

И вот тогда гном подпрыгнул к нему и замахнулся суком.

— Умри, обжора! — завопил гномик Юхан.

Он ударил концом сука, но промахнулся.

Пытаясь отклониться, Сева не сразу понял, что же произошло.

А промахнулся гном потому, что на глазах стал уменьшаться, и уже через секунду сук стал слишком велик и тяжел для него. Вместо того чтобы вонзить конец своего оружия в грудь Севе, гном его уронил и в ужасе поднес к лицу свои маленькие ручки.

— Что? — кричал он. — Что ты сделал со мной, предатель?! Ты меня погубил!

Сева сам ничего не понимал.

Он сел и, пересиливая боль в спине, поднялся на ноги. Наклонился, взял с земли оброненный меч.

И услышал глубокий всеобъемлющий Голос, который донесся с неба:

— Гном Юхан хотел справедливости. Его справедливость — взять всего в десять раз больше того, что досталось его товарищу, а то и вовсе ничего не оставить. Такая справедливость мне не подходит. Все должно быть поровну. Поэтому я тебя, гномик Юхан, уменьшаю до половины Всеволода. И будешь ты ему по

пояс. Когда станете делить еду, тебе пускай достается половина от того, что съест Всеволод.

— Я не хочу! — закричал гном. — Я великий путешественник, меня весь свет знает, а это пришлый мальчишка, даже не из нашего мира. Он же из человеков! Немедленно верни меня в большой размер, а то тебе же хуже будет.

— Почему мне будет хуже? — спросил Голос.

— Я приму меры! — ответил Юхан. — У меня такие связи в верхах, ты не представляешь! Я твое Подземелье отдам в хорошие руки, тогда пожалеешь.

Голос явственно вздохнул.

— Давно я не слышал угроз. А угроз от муравьев и подавно.

— Верни мне прежний вид! — кричал гном.

Он принялся бегать по берегу реки, хватать палки и камни и кидать их в небо, будто надеялся попасть во врага.

— Сухарей или иной пищи я не смогу подарить вам, но могу посоветовать тебе, рыцарь Всеволод, прикончить гнома, который меньше тебя ростом и слабее. Потом ты сможешь пожарить его филейные части. Ты знаешь, мальчик, где филейные части у гномов?

Голос говорил очень серьезно, но Сева сообразил, что это черный юмор.

Гном же шуток не понимал.

Гномы вообще шуток не понимают.

Поэтому он испугался и завопил тонким голоском — ведь после того, как он уменьшился и стал чуть больше спички, настоящий голос в его тельце более не помещался.

— Вы не посмеете, тираны! — кричал он. — Человечество проклянет память о вас! На мою могилку девушки будут носить венки из садовых ромашек!

— Красиво, — заметил Голос. — Романтично. По-моему, Всеволод близок к слезам.

— Я уже плачу, — сказал Сева.

— В самом деле? — В гномике возникла надежда. — Может, не стоит меня убивать без суда? Мой проступок невелик. Съел сухарик от голода. Именно от голода. Перед этим провел недели и недели в заточении в птичьей клетке. Дети строили мне гримасы, в меня кидали камнями.

— Может, и в самом деле не будем его убивать? — спросил Сева.

— Тогда спасите меня от заворота кишок! — закричал Юхан. — Вы бы поглядели на меня! Я умираю от колик!

Сева поглядел и ужаснулся. Как же он раньше не заметил?

Гном стал похож на перегнутую запятую. Голова и шея остались прежними, зато живот пугающе вылез вперед.

— Что это? — испугался Сева.

— Тот несчастный сухарик, — рыдал гном. — Ведь когда этот невидимый тиран решил меня уменьшить, он забыл уменьшить сухарик, который лежит в моем животе. Ой, я сейчас умру! О, немыслимая боль!

— Это и в самом деле мучительно, — заметил Голос. — Наш бездельник прав. Я помогу тебе, гном, если ты ответишь правдиво на простой вопрос.

— Только скорей задавай его, а то некому будет отвечать.

— Зачем ты полез под землю? Мне Всеволод рассказал, что ты здесь уже был, хотя я тебя, к сожалению, не заметил. Ты рассказал о моей стране Снежной королеве. Но зачем снова полез?

— Честно?

— Честно.

— Мне стало известно, что огневые тролли добывают особой чистоты алмазы. Вот и подумал... Ой-ой! Вот и думал, что возьму у них несколько штучек. А они предательски поймали меня и посадили в клетку.

— Поймали с поличным?

— Называйте, как хотите. Но я так и не узнал, где у них хранится городской сундук, а теперь некому открыть эту тайну. Ой, больно-о!

— Я тебе верю, бездельник и воришка, — сказал Голос. — У меня есть быстродействующее слабительное. Открой рот.

Гном послушно открыл рот.

— Да закинь голову как следует!

Гном закинул голову.

— Рот шире!

Он разинул рот шире.

Сева увидел, как сверху не спеша спускается розовая капсула, словно она не падает, а некто невидимый опускает ее, держа в пальцах.

Капсула дотронулась до губ гнома и пропала во рту.

Тот глотнул. Проглотил.

Так и остался стоять с запрокинутой головой.

Голос засмеялся.

И, как бы проснувшись, Гном схватился двумя руками за торчащий живот и с визгом бросился в кусты.

— Подействовало, — сказал Голос. — Но не думай, что этот эпизод отучит его от жадности и вороватости.

— Я знаю.

— Будь с ним осторожен, — сказал Голос. — Вам же вместе подниматься наверх.

Сева кивнул. Он понял невидимого собеседника.

— А скажите, пожалуйста, — спросил он, — кто вы такой и почему о вас никто не знает?

— Обо мне никто не знает, потому что меня никто не видит. Кто я такой? Я не смогу ответить на этот вопрос, потому что я сам себя никогда не видел.

— Но откуда вы взялись?

— На этот вопрос у меня есть несколько теорий, — ответил Голос. — Когда-нибудь при случае я расскажу тебе о них. Поспеши вернуться ко мне.

— Не знаю... — вздохнул Сева.

— Я одинок, и поэтому мне неизвестно, всесилен я или бессилен. Мне нужен слушатель и друг. Я выбрал тебя в друзья и могу осыпать тебя алмазами, потому что я-то, в отличие от гнома, знаю, где спрятан сундук огневых троллей. Потому что ты добрый человек, и не исключено, что ты унаследуешь от меня власть над Подземным миром.

— Сначала я школу окончу, — пошутил Сева.

Но Голос, к сожалению, не понял шутки и спросил:

— И долго еще ждать?

— Несколько лет. А потом еще хотелось в институт поступить.

— Ты плохо воспитан, — произнес через минуту молчания Голос. — И ты не тот, кого я ждал последние столетия.

И вдруг в их разговор вмешался тонкий голосок, что прилетел из кустов:

— Зато я тот, кто вам нужен!

Сева понял — это гному стало полегче.

А вот и он.

Живот уменьшился раз в десять!

— Вы лучше доверьтесь мне. Я на все готов! А вы мне сундук с алмазами, пойдет?

— Помолчи, мелочь пузатая, — ответил ему Голос. — Я со Всеволодом разговариваю.

— Да он же вас не уважает!

— Мне дороже недостаток уважения Севы, чем вся твоя лесть, потому что Всеволода можно перевоспитать. А ты — дело безнадежное.

— Пожалеете! — ответил Юхан. — Когда вам туго придется и этот Сева вас окончательно подведет, вы начнете кричать: «Юхан, дорогой, где ты? Юханчик, иди к нам на помощь!»

Я гордо отвернусь и займусь своими неотложными делами. Вот тогда вы и будете рвать на голове волосы.

— Боюсь, что у меня нет волос, — сказал Голос. — А теперь ты помолчи. Я хочу поговорить с Всеволодом. У меня к нему просьба.

— Я вас слушаю, — сказал Сева.

— Я помогу вам выбраться и попрошу Снежную королеву, если она так хочет населить мой мир всякими лешими, русалочками, даже не спросив моего согласия, спуститься сюда. Мы с ней поговорим по душам и вместе все решим. Хорошо?

— Хорошо.

— Но есть второе дело, срочное. Ты должен срочно добраться до верхнего конца трубы. Узнать, кто за этим стоит. Почему из нее лилась на город мертвая вода...

— Истина, господин! Клянусь честью! Я чудом остался жив.

— Значит, там, наверху, находятся убийцы. И они таятся. Может, это свихнувшиеся генералы, может, это безмозглые дельцы...

— Я вас понимаю, — сказал Сева. — Я сразу расскажу обо всем королеве.

— Я боюсь этой трубы, — признался Голос. — Мне видится в ней моя смерть и смерть всего живого.

— Мы все сделаем, — сказал гном. Он даже перестал ныть и вредничать. Испугался.

— А теперь держитесь, малыши, — сказал Голос. — Я перенесу вас к потолку моего мира. Учтите, что до него семь километров. Половина пути отсюда до поверхности Земли. Там есть прямой путь на поверхность.

Невидимые пальцы существа, именуемого Голосом, схватили гнома и Севу и понесли к подземному небу.

Глава шестнадцатая

ПОЛЕТ К СВЕТУ

Полет длился недолго.

Сева увидел лес, холмы, долины, но чем выше он поднимался, тем туманнее казался пейзаж внизу, и наконец он скрылся во мгле. Воздух в Подземном мире был куда менее прозрачен, чем наверху.

Наконец Сева очутился в бесконечном тумане, пронзенном лучами солнца. В ту сторону, где оно светило, было больно

смотреть, и оттуда исходило тепло, тогда как с другой стороны кусал холод.

— Все, — произнес Голос.

На этот раз он прозвучал настолько рядом, что Севе показалось: вот-вот он увидит повелителя Подземелья.

— Нет, — угадал мысль Севы Голос. — Увидеть меня нельзя. В этом мое счастье и мое проклятие. Когда вернешься, я тебе поведаю о моей удивительной судьбе...

Над головой показались камни.

Неровная поверхность была потолком Подземного мира, и тянулась она на многие километры.

Под острым углом из потолка выдавался большой камень.

Большой для Севы и гнома, но, конечно же, небольшой для обыкновенного человека.

Вот на край этого камня невидимые пальцы поставили Севу и гнома.

И гном тут же закричал:

— Я упаду! Я уже начал падать! Уберите меня.

— Потерпи, — сказал Голос. — Тебе недолго осталось здесь быть. Слушайте меня со всем доступным вам вниманием. Вы для меня — пылинки. Не более того. Но пылинки разумные и даже забавные. Вы стоите сейчас на конце вентиляционного хода. Полагаю, что такие ходы, как капилляры, произведены в толще земной коры самой природой с неизвестной нам целью. Эти ходы пронзают камень и почву и заканчиваются где-то недалеко от поверхности. Я не знаю точно, сколько надо будет подниматься далее, я не мог побывать там, ибо я беспомощен за пределами моего мира. Но допускаю, что ничего страшного с вами не произойдет.

Сева попытался казаться человеком решительным и верным чувству долга. Он спросил:

— А когда мы вылезем наверх, там далеко до начала трубы?

— Полагаю, что примерно два часа хода для человека нормального роста.

— Значит, неделя для меня?

— Неделя для тебя. Но ведь ты сможешь снова стать человеком?

— Я должен найти шахту. Там мультипликатор, и там меня должен встретить Снежный человек.

— Снежный человек? — удивился Голос. — Человек из снега?

— Нет, это дикий человек, — сказал Сева. — Он так и не сумел превратиться из обезьяны в человека.

— Какая жалость! — воскликнул Голос.

— Сначала мне надо найти шахту, — повторил Сева.

— Надеюсь, это не так сложно, — ответил Голос. — Как только вы уйдете из-под моей власти, наш друг гном Юхан примет свой прежний вид. И он отнесет тебя куда следует.

— Обязательно! — воскликнул гномик. — Только сделайте меня снова большим!

— Сейчас этого сделать нельзя — тогда тебе не долететь до верха. Ты станешь тяжелым и грохнешься обратно.

— Ах, так! — произнес Юхан и задумался. — Пожалуй, не будем спешить?

— Летите! Счастливо, — сказал Голос. — Полет будет нескорым, ибо вы будете реять, подобно пылинкам в луче солнца.

Севу снова подняли в воздух.

Он уже и не сопротивлялся и старался не бояться.

Впрочем, он и вправду не очень боялся.

Потому что если тебя пугают и пугают, буквально до смерти запугали, то наступает момент, когда ты уже не в силах бояться. Устал трепетать. Ты просто ждешь, когда все это закончится.

Сева поднял голову. Он оказался в туннеле, прямом и бесконечном. По крайней мере, луч его фонарика лишь гнал перед собой тьму.

В этом туннеле дул ветер. Сильный ветер, поднимавшийся вверх. Настолько сильный, что вырывал Севу из пальцев Голоса.

— Лучше не надо! — кричал где-то рядом гном, и голос его перекрывался ровным гудением ветра.

«Вентиляционный канал, — повторил про себя Сева. — Но кто его сделал и зачем — нам неизвестно...»

— В путь... — прогудело в ушах.

Или показалось.

Но руки перестали держать Севу, и его, как пылинку, понесло ветром вверх.

Он надеялся, что этот ход пуст и прям до самого верха. Иначе может так ударить о выступ в стене или камень, что на этом путешествие и закончится.

Поэтому Сева летел, прикрывая голову обеими руками.

Впрочем, пользы от этого было немного, потому что пылинку воздухом переворачивало и вертело.

Главное и самое неприятное заключалось в том, что путешествие оказалось совершенно бесконечным. От бесконечности этой кружилась голова и даже тошнило.

Наконец стало мутиться сознание...

И в тот момент, когда сознание куда-то исчезло, Сева понял,

даже не глазами, которые, конечно же, были зажмурены, а затылком: стало светлее.

И с каждой долей секунды было все светлее и светлее.

И тут Севу выбросило из вентиляционного хода.

Выбросило в гущу бамбуков или банановых деревьев, финиковых пальм или кустов крыжовника...

Подбросило высоко над землей — и затем Сева рухнул вниз.

Больно, но терпеть можно.

А рядом — тут уж Сева открыл глаза — на землю бухнулся гном.

Кончено же, это не бамбук и не бананы, это тундровые кочки.

А над головой ослепительное солнце.

А где же дырка в глубь Земли?

Сева с трудом поднялся.

Справа от него колебались стебли травы. Видно, там и прячется выход.

«Все.

Путешествие закончилось.

Мы прилетели.

Мы выполнили просьбу Снежной королевы Роксаны и ее дочки, нашей подруги Принцессы-лягушки».

Вдруг стало темнее.

И Сева увидел, как гном Юхан стал увеличиваться.

Бедняга, подумал Сева. Второй раз за один день он меняет размер. Не позавидуешь. Впрочем, вот-вот и Севе надо будет возвращаться в свой облик. Как хорошо! Не все путешествия интересны и забавны, как поход от летнего лагеря до озера Светлого, с ночевкой в палатках и туристскими песнями.

Юхан стал громадным.

— Поздравляю! — крикнул Сева, потому что разница в росте уже была очень велика. Он опять до колен гному не доставал.

Глава семнадцатая

КОМАРИНАЯ ТУНДРА

Юхан медленно опустился на корточки.

Он был голым, потому что оставил одежду в Подземном мире. Ему было прохладно, он переступал с ноги на ногу, но не замечал неудобства, потому что горел желанием высказать Севе все, что о нем думает.

— Не спеши поздравлять, таракашка, — вымолвил гномик,

наклонившись над Севой. — Придется тебе здесь остаться. Ничего дурного я тебе не желаю, но я не верблюд, чтобы таскать тебя на себе. Мне же идти придется вон до тех холмов, да еще через них перевалить. Я все рассчитал. Ведь шахта там?

— Не помню, — сказал Сева.

Он стоял спокойно.

Он сильно изменился за эти дни. Это уже не тот мальчик, что бездумно бегал по летнему лагерю. Он столько всего повидал, что обыкновенному человеку и не снилось.

— Конечно, — произнес гном Юхан и грязной пятерней почесал круглый животик. Не так уж он голодал в золоченой клетке, если оставался таким кругленьким. — Конечно, — повторил он, — самое разумное мне наступить на тебя, паршивец, и с глаз долой. Но я такой добрый, ты не представляешь.

— Почему ты меня бросаешь?

— Потому что только я знаю, где таится Подземный мир. И дешево я свои знания не отдам!

— Но мы же с тобой обещали Голосу узнать, откуда идет труба с мертвой водой!

— Я лично ничего не обещал. Даже если из этой трубы каждый день будет вода литься, я беднее не стану. Городу троллей ничего не угрожает — конец трубы теперь далеко внизу. Так что мы еще увидим сундуки с алмазами!

— Ты подлец, Юхан, — сказал Сева.

— Для кого как! Для себя я — сущий ангел.

Юхан стоял, сложив на животе руки, и не спешил уходить, словно оставил главную новость на закуску.

Так и есть.

— Трусишь, ребеночек? — сказал он. — А если узнаешь правду, то от страха описаешься.

Сева молчал. Он понимал, что Юхан сейчас не шутит. У него на самом деле в запасе какая-то мерзость.

— Сейчас я тебя покину, — произнес гном. — А на тебя набросятся самые настоящие чудовища, самые настоящие вампиры. Они покончат с тобой за несколько минут. Так и кончатся твои подвиги. А памятника ты не дождешься — кому нужна твоя сухая шкурка?

И тут гном расхохотался, как будто стоял на сцене и изображал Бармалея. Повернулся и уверенно пошел прочь.

— Что за вампиры? Мы же не в царстве Кощея, а посреди Кольского полуострова. Вокруг обыкновенная земля, где вампиров никогда не водилось.

И в ответ на мысли Севы раздался нарастающий шум, будто к нему несся мотоцикл без глушителя.

Что это? Вампир пикировал с неба...

Гном был прав. Сева забыл, что он мал и обычный комар для него страшен. А сколько их в тундре? И, представьте, на вас несется комар, плотоядно выставив вперед, как рыцарь копье на турнире, свое жало.

Сева едва успел выхватить меч, как раз размером с жало, и ударил им по комару.

Комар от неожиданности ринулся в сторону и промахнулся.

Но на Севу уже мчался другой кровосос.

Комары были не одни, на Севу кинулись и какие-то насекомые помельче, и один из них — это же гнус! — умудрился ужалить Севу в плечо, и тот увидел, как надувается кровью брюшко гнуса.

Сева с трудом сбросил гаденыша, тот свалился, но его место спешил занять другой.

И Сева понял, что гному не было смысла убивать его. Ведь если завтра найдут здесь шкурку Севы, высосанного комарами и гнусом, то никто дурного не подумает о Юхане. «Мы шли и потерялись в пути. Я искал Всеволода, но не нашел». И еще будут сочувствовать — друга потерял!

Эти мысли проносились в голове, как молнии.

Никогда еще Севе не было так плохо.

И страшно, и больно... и безнадежно.

Конечно, меч помочь не мог.

Сева схватился за край сухого осинового листа, валявшегося рядом, и попытался залезть под него, как под щит. Но какой-то гнус подкрался сбоку...

Сева старался закопаться в землю под слой слежавшихся прошлогодних листьев, но комары и гнус как будто заранее знали о его хитрости и находили дырки и лазы в его ненадежном убежище.

В ушах звенело, да и шуму было немало — гудение насекомых, шуршание листьев, собственные дыхание и проклятия. Ура! Он пронзил мечом комара. Вот тебе! Отогнал еще одного. Ох ты! Раздавил гнуса. Но все это лишь временные победы, потому что Сева начал уставать, а может, и чувствовал уже потерю крови.

И тут он услышал новый звук.

Звук становился все громче.

Еще один комар?

Шум и стрекотание превратились в грохот.

Сева понимал, что этот новый шум ему не поможет — еще несколько минут такого неравного боя, и он, обессиленный, упа-

дет. Ведь число врагов — миллион. На смену павшему вампиру тут же придут десять других.

Но настоящий мужчина сражается, пока есть последние силы.

Шум оборвался.

И тут особо подлый комар вцепился лапами в щеку, рот и висок и укусил Севу под глаз.

Сева отбивался от него, но комар был большой и упорный...

Поэтому Сева в отчаянии от проигранного боя не услышал, как к нему подошел кто-то такой большой, что загородил дневной свет.

Перед Севой уселся на корточки человек, подхватил пальцами и поднял к своему лицу. Затем осторожно и быстро очистил его от кровососов.

— Ты знаешь, — сказал пилот Гарри Коллинз, который никогда не снимал старинного летного шлема и квадратных очков, которые когда-то летчики называли консервами, — тебя под этими убийцами не было видно. И если бы не сигнал локатора, я тебя никогда бы и не нашел. Ты не возражаешь, мой юный друг, если я тебя временно помещу в карман? Боюсь, что тебе потребуется помощь врача.

Сева попытался кивнуть, но, видно, и на самом деле крови в нем осталось совсем немного.

Гарри Коллинз посадил Севу в верхний карман кожаного реглана, так что только голова Севы высовывалась наружу.

— Я каждый день летал над этой местностью, — сказал летчик, поднимаясь, — в надежде услышать маячок. Я тебе должен сказать, что после смерти у меня отлично развилась интуиция.

От слабости Сева начал засыпать, но помнил: главное — рассказать о мертвой воде!

Он слышал сквозь сон, как заработала рация:

— Снежный? Я его нашел. Посылай людей за мультипликатором!

Глава восемнадцатая

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ДРУЗЬЯМ

Сева очнулся от звука голосов.

— И пускай немедленно сварят клюквенного сиропа — не жалейте сахара. Мальчику нужны витамины!

Это был голос Снежной королевы. Он доносился сверху, как с неба.

— Он в бреду, — произнес Гарри Коллинз, — повторял что-то о фабрике игрушек и мертвой воде. Это его беспокоило.

— Здесь, за холмами, есть фабрика игрушек, — сказал

Нильс. — Называется «Малютка-супер» и принадлежит какому-то благотворительному фонду. Но больше ничего о ней не известно.

— Какие еще игрушки в тундре? — удивилась королева.

— Никто их никогда не видел, — послышался голос Кристины.

— Странно, — сказала королева. — Почему это никого не насторожило? Ведь само собой разумеется, что фабрики детских игрушек выпускают детские игрушки. А если они выпускают детонаторы или морские мины, значит, это не настоящая фабрика игрушек.

Эта короткая речь королевы завершилась аплодисментами. Видно, мужья, дочки и придворные Снежной королевы остались довольны мудростью своей повелительницы.

— Известно ли, кто работает на фабрике игрушек? — спросила королева.

— Там есть директор, Кох Василий Федорович, — пропищал какой-то домовой. — А остальные на фабрике — роботы.

— Все остальные?

— Без исключения. Сделаны на Тайване по особому заказу.

— А этот самый... Кох?

— Тоже сделан на Тайване, но сам об этом не подозревает.

— Катастрофа! Неизвестная и подозрительная фабрика у нас под боком! Придется мне разогнать всю разведку, начиная со Снежного человека. Подавай, дружок, в отставку.

— Я готов, — мрачно прогудел Снежный человек. — Я виноват, что занялся другими делами...

— Ладно, я пошутила. Все равно у меня нет никого лучше тебя.

— А Юхан не приходил? — Сева открыл глаза.

Наступила гробовая тишина.

И тут же поднялся страшный шум!

Оказалось, что Сева лежал на коленях у Снежной королевы. Она подхватила Севу на руки, прижала к мраморной, пахнущей свежими морозными духами щеке и принялась целовать его распухшее лицо.

Притом повторяла:

— Ну ты же сам на себя не похож! Как же это случилось?

— Что случилось? — с трудом спросил Сева. — Этот гном Юхан бросил меня в тундре на выпивку вампирам.

— Какой еще гном? — возмутилась королева. — Какие еще такие вампиры?

— Мама, ты ничего не понимаешь в жизни! — заявила Царевна-лягушка и выхватила Севу из маминых рук. — Для Севы комар хуже волка!

Кристина гладила Севу, а ему было больно, потому что все

тело распухло от укусов. Но он терпел и не смел признаться, что ему больно.

И можете себе представить, что Кристина так расчувствовалась, что разревелась! Слезы капали из ее глаз на Севу.

Вам когда-нибудь поливали соляным раствором открытые раны?

Спас Севу Дед Мороз Нильс, который сказал:

— Положи Всеволода на стол. А то герой, которого Подземелье не смогло одолеть, помрет от твоих ласк.

Кристина обиделась, но подчинилась.

— И в самом деле! — взяла реванш Снежная королева. — Тебе никого нельзя доверить. Придется тебя выпороть.

— А ты только попробуй, мамочка! — откликнулась Кристина. — Я сразу сообщу об этом инциденте моей тетушке королеве Великобритании. И мне очень интересно будет посмотреть, в каком несчастном виде ты будешь выглядеть в Европейском союзе!

Королева Роксана зашипела, как десять кобр, но никто ее на этот раз не испугался.

Сева сидел на столе, а Снежный человек открыл баночку с мазью, которую используют в Гималаях для лечения боевых ран. Он берег эту мазь для особых случаев.

И что удивительно — Севе почти сразу полегчало.

Кристина склонилась к нему. Рыжая прядь упала лилипуту на плечо. Прядь была тяжелой и теплой.

— Я готова влюбиться в тебя, — сказала она, — даже если ты останешься таким же маленьким.

— Не спеши, принцесса, — сказал Нильс. — Он еще не рассказал нам о своем путешествии.

— С самого начала? — спросил Сева.

— Можно и с самого конца, — сказал Гарри Коллинз, — с того момента, когда я подобрал его в тундре.

Вошла маленькая горбатая старушка с таким длинным носом, что его кончик доставал до подбородка. Она принесла Севе *наперсток с горячим напитком*.

Это была дворцовая колдунья, специалистка по снадобьям и заговорам.

Сева выпил наперсток до дна и сразу почувствовал, что готов снова отправиться в путешествие.

Так что он поднялся на ноги.

А вокруг стола, на котором он стоял, столпились придворные, Деды Морозы, снегурочки, морозики разного возраста и несколько домовых, не считая эльфов и фей.

Всем было интересно.

И тогда Сева рассказал о своем путешествии, о гноме Юхане, о мертвой воде и гибели города троллей, о Голосе, который правит Подземным миром...

Он говорил целый час, а колдунья принесла еще три наперстка, без них Севе, конечно, не выдержать бы.

А когда Сева закончил свой рассказ, посыпались вопросы, градом и поодиночке. Чтобы не запутаться, Дед Мороз Нильс дирижировал вопросами и сам задавал их больше всех.

Мнения о том, что случилось с гномом Юханом, разделились.

Нильс решил, что он пробрался на фабрику игрушек и предложил Коху свои услуги.

Кристина решила, что Юхана там убили, чтобы не путался под ногами.

А пилот Гарри Коллинз заявил, что Юхана, наверное, закусали до смерти комары, туда ему и дорога.

Когда Сева рассказывал о Голосе, Кристина спросила маму:

— А почему я никогда о нем не слышала? Он ведь тоже, наверное, благородного происхождения?

— Наш дальний родственник, — ответила Роксана. — С ним связана темная история.

Она не хотела дальше рассказывать, но все стали просить королеву, и она сдалась.

— Это случилось давным-давно, при Юлии Цезаре. Голос тогда был римским легионером и знаменитым воином. Но случилась беда — он съел то, что есть не положено, и стал невидимым. И его невеста, родная сестра египетской царицы Клеопатры, отказалась выходить замуж за невидимого римлянина. С горя он взял свой мешок с походными сухарями и ушел в глубокие темные подземелья, где совершенно все равно, видимый ты или невидимый... А может быть, это сказка...

Все помолчали, потому что сочувствовали несчастной любви, а Снежный человек попросил Севу указать на плане место, где проходит труба.

Сева показал и пояснил:

— Конец трубы выходит из неба Подземного мира, но немного не доходит до тамошней земли. То есть как только мертвая вода хлынет из трубы, она там разольется и все погубит. Если же воды будет много, то вместо Подземного мира получится мертвое море.

— Значит, кому-то очень нужно, чтобы на Земле никто не узнал, что они делают мертвую воду, — сказала королева.

— Как так делают? — *удивился* Гарри Коллинз. — Из чего ее можно делать? Кому это выгодно? Да и вообще, мертвой воды не бывает, потому что не бывает живой воды!

— Любопытное наблюдение, — сказал Нильс. — Может, в нем и заключается разгадка тайны?

— Голос очень просил узнать, откуда течет мертвая вода, — сказал Сева, — кто ее придумал и как тех людей остановить?

Снежный человек медленно водил пальцем по карте. Затем сказал:

— Нет никакого сомнения в том, что мертвая вода вытекает из фабрики игрушек и труба начинается на этой фабрике.

— Значит, мы пока откладываем все разговоры об Убежище и Подземном мире. Если не остановить мертвую воду, наше Убежище будет просто кладбищем, — произнесла королева.

— Немедленно организуем экспедицию на фабрику игрушек, — сказал Нильс. — Посылаем туда гномов, эльфов, домовых — всех!

— Молодец, отчим, — заявила Кристина. — Соберем всех, кто поглупее, и пускай они бегают по фабрике у всех на виду и задают глупые вопросы.

— Ты права, — сказал Сева.

Он устал, ноги подкосились, и он снова уселся на стол.

Королева присмотрелась к человечку и гневно воскликнула:

— Где мультипликатор? Сколько можно мучить моего рыцаря? Почему ему до сих пор не вернули истинный облик? А ну, немедленно поместите его в этот проклятый чемодан, а потом пускай он поспит минут тысячу на медвежьих шкурах!

— Погоди, королева, — остановил ее горячую речь пилот Коллинз. — Боюсь, что нам снова не обойтись без помощи Всеволода.

— Отстаньте от него! — сказала Кристина.

— Нам нужно послать незаметного шпиона, — сказал Коллинз.

— А какого шпиона не заметят? — спросила королева.

— Меня? — догадался Сева.

— У тебя больше шансов, — согласился Снежный человек.

— Ни в коем случае! — Кристина прижала Севу к груди. И Сева услышал, как быстро и гулко бьется ее сердце. Просто оглушительно билось сердце.

Сева уже забыл, что еще так недавно боялся умереть, он забыл о комарах и мертвом городе, он опять почувствовал себя рыцарем и совсем не думал, что девушка на самом деле держит его в ладошке, чтобы не помять.

— А что такого! — воскликнул Сева. — Что мне стоит туда проникнуть и все узнать?

Все захлопали в ладоши, потому что в сказочном мире при

всех его недостатках очень высоко ценится отвага, даже выше, чем хитрость и сила.

И хоть Кристина все еще сопротивлялась и спорила, Роксана согласилась с советниками и мужьями, что дорога каждая минута, а придворный портной Ахаль, которого, правда, никто сюда не приглашал, но присутствию которого никто и не удивился, закричал:

— Браво! Виват! Я тоже пойду в их логово! Только покажите мне его!

Он так прыгал, что уронил на пол свой сотовый телефон, но никто не обратил на это внимания, потому что сотовых телефонов в сказочном королевстве не признают, не используют и даже не знают, как они выглядят.

Портняжка схватил телефон с пола, а Сева, который обратил на это внимание, подумал, что надо будет попросить его позвонить в лагерь.

Но Снежный человек прервал его мысли.

— Сейчас ты отдохнешь, — сказал он, — поспишь часа два-три, примешь теплую ванну в горячем газированном источнике и как следует поешь. А потом уж мы отправимся в полет.

На том и порешили.

Сева, оказывается, был рад заснуть, потому что силы оставили его, и он не помнил и не чувствовал, что королева Роксана сама вымыла его, как куколку, но Кристину она выгнала, потому что мальчика надо было раздеть, а королева не желала, чтобы ее любимая дочка своими руками купала совсем голенького человеческого мальчика.

Между тем королевский придворный врач, колдун Германиус, был призван к постели больного и предложил немедленно поставить Севе пиявок и пустить кровь.

К счастью, королева Роксана знала, что других средств врач не признает и держат его при дворе только потому, что его отец и прадедушка были лейб-лекарями и лично свели, то есть проводили в могилу нескольких королей и королев. Поэтому она приказала Снежному человеку из особых запасов выдать лекарю бутылку рижского бальзама, а врач Германиус покачал высоким черным колпаком и сказал:

— Нет, не жилец ты, юноша, не жилец.

— Значит, будет жить, — с облегчением вздохнул Нильс, который имел возможность наблюдать за доктором уже восемьдесят лет.

А Сева спал без задних ног, и сны его были нервными, но веселыми.

Он бегал наперегонки со Снежным человеком, сражался на шпагах с Кощеем Бессмертным и спасал из пасти полярного крокодила свою подругу Лолиту.

Глава девятнадцатая

ГОЛЫЙ ШПИОН НА ФАБРИКЕ

На двенадцатом подземном этаже фабрики детских игрушек «Малютка-супер» Георгий Георгиевич отдыхал в обществе секретарши Элины Виленовны.

Конечно, слово «отдых» недостаточно для того, чтобы определить состояние президента Полотенца. Он был напряжен, взволнован, и тут смешалось многое — исчезновение любимой жены, гигантский выкуп, который поставил Фонд на грань краха, беспокойство за благополучие единственного сына Гоши и, главное, тревога за успех грандиозного опыта. Конечно, по масштабу научного значения открытие академика Сидорова было достойно Нобелевской премии, но его последствия были столь опасны для всей Земли, что Нобелевскую премию пока лучше было не беспокоить.

Георгий Георгиевич, называвший сам себя конкретным человеком и джентльменом двадцать первого века, понимал, что на этом свете человеку нужны только власть и деньги. Одно без другого — чепуховина. Когда Георгий Георгиевич учился в школе, он побаивался сильных ребят в классе и научился их подкупать. Оказалось, что сильные тоже хотят сладенького. Он научился натравливать одних сильных на других. И чем лучше он учился управлять людьми, тем богаче становился. И скоро стал самым богатым мальчиком в школе. Его не любили, но не смели сказать об этом. И когда самый сильный в девятом «Б» Коля Свистунов захотел справедливости, Гоша не стал с ним спорить. Он покорился ему и отдал свой плеер. А по дороге домой на Колю напали плохие сильные мальчики из соседней школы, побили его, а плеер возвратили Гоше. И это был последний бунт неорганизованных свободолюбцев.

Вся история жизни Гоши Полотенца нам неинтересна, тем более что наш рассказ начинается, когда Георгию Георгиевичу уже было тридцать девять лет, и он любил говорить: «Иисуса Христа я пережил на шесть лет, Пушкина — на два года. Теперь осталось пережить Льва Толстого, а потом можно и на пенсию».

Для тех, кто много болел в школе, я сообщу, что в день смерти Льву Толстому было восемьдесят два года.

Но Георгий Георгиевич лукавил. На стенке в его спальне был прикноплен портрет императрицы Елизаветы, мамы царствующей императрицы Великобритании. Ей тогда уже исполнилось сто два года, а она не собиралась умирать. Правда, она умерла как раз в те дни, когда Георгий Георгиевич был занят бесплодными поисками своей жены, но он об этом не узнал, так как телевизора не смотрел, а газет не читал. Некогда.

Отдыхал Георгий Георгиевич так.

Он расколол взятую с собой в командировку копилку, которой ему служил череп мамонта, и считал монетки, а Элина, которая, как и ее шеф, обожала вид, блеск и даже вкус монет, записывала сумму в столбик.

Оба прислушивались к шуму за стеной.

Там громко капало.

— Накапливается вода, — произнесла Элина.

— И с каждой каплей становится моложе тело нашего друга академика Сидорова!

Георгий Георгиевич выбрал из кучки монет памятный рубль, посвященный Московской олимпиаде 1980 года, и сказал:

— Эту монету мне подарила Аглая. На день рождения. Как молоды мы были! А знаешь ли ты, что мы с Аглаей сидели за одной партой и я списывал у нее все контрольные по русскому языку и литературе, зато по математике мне не было равных в классе?

— И вы давали ей списать? — спросила Элина.

— Дудки! — воскликнул Георгий Георгиевич. — Зачем же я буду давать списывать? Это же аморально.

— Она на вас за это обижалась? — спросила Элина.

— Стала бы обижаться, я бы пересел за парту к Кате Запорной.

— Ну и мерзавец ты был с детства! — воскликнула Элина. — Даже диву даешься. На вид ты такой круглый, толстенький, мягкий, а на самом деле в тебе сидит большой ржавый гвоздь.

— Сама небось с детства отличалась качествами характера? — буркнул обиженный Полотенц.

— Я? Только в лучшую сторону. Ничего подлее иголок в учительском стуле или залитого тушью классного журнала я не делала. Я хотела учиться, я желала стать диктором телевидения или чемпионкой мира по кикбоксингу. У меня были мечты...

Георгий Георгиевич хотел было возразить, но, к сожалению, в конце романа не остается места для воспоминаний. А стук, который вернул героев к действительности, касается и читателей.

Потому что в подземный кабинет мягкой походкой вошел Ванька — гражданин Каин.

— Что за беда? — спросил Георгий Георгиевич и накрыл полами пиджака монеты на столе, потому что был очень жадным человеком и всегда боялся, что его обворуют.

— Наша тайна раскрыта! — ответил начальник службы безопасности. — Они в нее проникли.

— Спокойно, мой мальчик, — сказал Георгий Георгиевич, который за свою жизнь уже привык, что его подчиненные склонны преувеличивать опасность. На самом деле полезнее постоять, подумать, а только потом улепетывать. — Что произошло?

— Некий мальчишка вернулся из Подземного мира.

— Ты говоришь, мальчишка? — Георгий Георгиевич быстро рассовал по карманам мелочь. — Откуда мальчишка?

— Из Москвы. Всеволод Савин. Мы о нем уже слышали. Он верит в сказки и лобызался с Царевной-лягушкой.

— Вспомнил, — сказал Полотенц. — Он обижал моего единственного сына. Приказываю немедленно утопить его в мертвой воде.

— Его здесь нет.

— Где же он?

— Он у Снежной королевы, которая посылала его искать Подземный мир.

— И он, ты говоришь, нашел?

— Нашел.

— А почему его не ликвидировали? — Георгий Георгиевич поднялся на ноги, монеты в его карманах громко зазвенели.

— Его не поймали.

— Плохо ловили. Ликвидировать всех, кто ловил.

Гражданин Каин вздохнул, потому что он знал, когда надо принимать слова шефа всерьез, а когда лучше пропустить их мимо ушей.

Он подождал, пока Георгий Георгиевич выпустит пар, и ответил:

— Его никто не видел.

— Каин, — вмешалась в разговор Элина. — Не вешай мне лапшу на уши. Мне все время доказывают, что в Подземное царство попасть нельзя, туда ведут такие узкие ходы, что наш дорогой магистр Проникло с трудом протиснулся. Где правда?

— Не могу знать. Но мальчишку уменьшили, — сказал Каин.

— Как уменьшили?

— Это долгая история, — сказал Каин. — Королева Роксана достала мультипликатор!

— Мультипликатора не существует! — разъярилась Элина. — Его Кир Булычев придумал для космических пиратов.

— Что есть, то есть, — скромно возразил Каин, после чего Элина выпустила когти и кинулась выцарапывать ему глаза, но Каин спрятался под стол, а Георгий Георгиевич остановил драку и сказал:

— Узнать, что он там раскопал. Наверное, врет.

— Нет, — ответил Каин. — Мой человек в ближайшем окружении королевы Роксаны только что доложил, что Савин вернулся и докладывает королеве...

— Прекрати называть ее королевой! — возопила Элина. — Ты что, не знаешь, что она самозванка и не имеет никакого права на трон?

— А кто имеет? — спросил Каин.

Он сидел под столом, и Элине было трудно до него добраться. Она просто визжала и носилась вокруг стола. А Георгий Георгиевич смеялся, как дитя, потому что он всегда смеется, как дитя, если кто-то рядом бессильно злобствует.

— Значит, никаких сомнений? — спросил Георгий. — Надо бы этого мальчика... он мелкий, наверное?

— Крайне мелкий.

— Этого мальчика надо немедленно добыть.

В этот момент дверь в комнату открылась, и вбежал робот-охранник.

— Господин Полотенц! — воскликнул он. — Новость!

На роботов Полотенц не кричал — зачем кричать, когда они не могут замышлять заговоров.

— Выкладывай новость.

— Мы поймали шпиона.

— Здесь? Как он проник?

— Он даже не успел проникнуть. Он шел по тундре и отбивался от комаров. Он был совершенно голый. Представляете?

— Не задавай мне вопросов, — предупредил робота Полотенц. — Почему он голый?

— Разве догадаешься? Может, это хитрость наших врагов?

— Веди его сюда.

— Но он совершенно обескровленный!

— Вот его и надо допросить, пока обессиленный. Вам-то он ничего не сказал?

— А у него даже язык распух.

— Давай-давай!

Пленника держали за дверью. По знаку охранника его ввели, и Полотенц воскликнул:

— Да это же гном! Притом мелкий!

Гном Юхан ошибся.

Он рассчитал, что Сева погибнет от комариных укусов, потому что при маленьком росте и недостатке крови ему до жилья не дойти, а спрятаться в тундре негде.

Севу, как известно, спас летчик Коллинз, а вот гном вместо заброшенной шахты отправился к фабрике детских игрушек «Малютка-супер».

А идти ему было километров пять.

А за пять километров комары могут обескровить даже большого человека, даже одетого человека. А ведь гном-то был голым! Увеличиться он увеличился, да одежда его осталась в Подземном мире.

Гном Юхан не дошел до проходной фабрики шагов сто.

И упал.

Он лежал беленький, в нем почти не оставалось крови.

Роботы-охранники сразу заметили его и внесли в комендатуру фабрики для допроса.

Но из этого ничего не вышло, потому что Юхан потерял дар речи.

Когда Юхана втащили в комнату, Элина сразу приказала роботу:

— Выдать ему штаны!

— У нас здесь нет штанов, — ответил робот.

Элина поглядела на Каина.

Но Каин твердо ответил:

— У меня только одни штаны.

Элине было интересно послушать, что будет говорить шпион, но глядеть на него ей было противно.

— Имя, фамилия, полк, дивизия, имя командира! — воскликнул Георгий Георгиевич, который начал допрос по-военному.

Гном медленно сел на пол, ноги его не держали.

— Водку пьешь? — спросил его Полотенц.

— И коньяк тоже, — ответил гном. — Только если бесплатно.

Гражданин Каин открыл стенной шкаф. Там стояли пишущие машинки, лежали гранаты и пистолеты, а также хранилось много бутылок с напитками.

Из одной бутылки он налил в стакан и принес гному.

Гном долго вздыхал, нюхал, пальцы дрожали.

— Эх, — воскликнул он наконец, — видит бог, я не хотел...

Он опрокинул стакан себе в пасть, водка пробулькала ему в глотку, и гном замер.

— Сейчас заговорит, — сказал Полотенц.

— Не только заговорю, — ответил гном Юхан, — но и с подробностями.

И он рассказал все, что знал.

И даже больше, потому что был вруном.

Глава двадцатая

ГУСЬ К ВАШИМ УСЛУГАМ!

Бывший секретный полигон, а нынче фабрика детских игрушек «Малютка-супер» представляла собой низкое здание размером с футбольное поле под плоской бетонной крышей, на которую еще много лет назад была насыпана земля, высажены елки и березки. Но ни елки, ни березки не пожелали жить и расти на этой крыше — видно, изнутри просачивались какие-то вредные испарения, поэтому крыша была покрыта сухими сучьями и палками, а если на нее посмотреть сверху, то маскировка не получалась — сухой мертвый квадрат был виден даже из космоса. И на секретных американских картах возле этого квадрата было написано: «Бывший испытательный полигон. Опасности не представляет». Вот так бывает: умные, наблюдательные, техники по горло, а фабрику детской игрушки разоблачить не сумели.

Вокруг главного корпуса располагались разные строения и склады, но основная жизнь полигона происходила теперь под землей — по туннелям и переходам двигались тележки и вагонетки, по трубам и лоткам текли вредные жидкости, а по зеленым спецтрубам — мертвая вода, которая проходила сквозь приборы и емкости, накапливалась в особых керамических сосудах и стекалась к цистерне, из которой, когда ее накопится достаточно, она хлынет вниз, к Подземному миру, чтобы его погубить.

Но всего этого американцам увидеть не удалось, впрочем, и в Москве, даже в тех организациях, которым положено все знать о мертвой и живой воде, представления не имели об изобретении академика Сидорова и замыслах Фонда под руководством господина Г. Г. Полотенца.

За последние дни Сева увидел немало удивительного и познакомился с необычными существами. Но меньше всего он ожидал новой встречи.

А встреча случилась после того, как он проснулся, вымылся,

похлебал горячего наваристого бульона и вышел в комнату, где его поджидал Снежный человек.

— Ты готов? — спросил он.

— Я как огурчик, — сказал Сева.

— Тогда отправляйся в полет.

— С Гарри Коллинзом? — спросил Сева.

— Ты что, хочешь, чтобы тебя увидели все, кому это не положено? Ты можешь себе представить, что они подумают, если к полигону подлетит его самолетик?

— Значит, я полечу на птице Рокк! — догадался Сева.

— Может, и красиво, — усмехнулся Снежный человек. — Но подумай, если к ним подлетит птица Рокк, разве они не насторожатся и не подумают: что за птичка снижается к нам? Может, она принесла на загривке шпиона по имени Всеволод Савин?

— Ну хорошо, хорошо, — согласился Сева. — Ты прав. Но я не представляю, как туда добраться. У них же вокруг наверняка охрана поставлена!

— Ты абсолютно прав. И это значит, что тебе надо попасть туда самым обыкновенным способом, чтобы не вызвать никакого подозрения.

— Пешком, что ли?

— Это у тебя займет месяца два, — усмехнулся Снежный человек, — а у нас времени-то всего до вечера... или до следующего утра.

— Ну скажите!

Снежный человек хлопнул в ладоши.

Кто-то толкнул дверь в комнату, она открылась, и в комнату вошел большой белый гусь.

Он сделал несколько шагов и остановился, глядя на Севу.

— Знакомься, — сказал Снежный человек, — это гусь Мартин, известный сказочный герой. Ты наверняка читал...

— Путешествие Нильса с дикими гусями! — воскликнул Сева.

Гусь наклонил голову.

Он был полон гордого достоинства.

— Мы попросили уважаемого Мартина, — продолжал Снежный человек, — отвезти тебя на фабрику игрушек. Надеюсь, никто не обратит на вас внимания. Сейчас разгар лета, и в тундре немало разных птиц.

— А мне эта идея нравится! — воскликнул Сева.

Гусь опустил голову и шею на пол, чтобы Севе было удобнее взобраться.

Кто-то предусмотрительно закрепил на шее гуся веревку, чтобы пассажиру держаться за нее, как за вожжи.

— Доверься Мартину, он все знает и понимает, — сказал Снежный человек.

Сева легонько похлопал ладонью по шее гуся. Он не был уверен, что гусь почувствовал хлопки, но гусь словно ждал эту команду и пошел из комнаты. Сева поудобнее уселся на плечи гусю, а когда, выйдя наружу, гусь побежал по земле, разгоняясь, как тяжелый самолет, Сева наклонился вперед и прижался щекой к мягким гладким перьям.

Гусь незаметно поднялся в воздух. От могучих крыльев, которые взмывали концами к небу и опускались вниз, чтобы оттолкнуться от воздуха, в Севу ударяла упругая стена ветра, это было даже приятно, потому что кожа Севы все еще немного горела и саднила от укусов.

Гусь летел невысоко над землей и когда подлетел к гряде холмов, то совсем снизился. Сева понял, что гусь знает, куда лететь. Впрочем, чего удивляться, это же не гусь с обычной фермы, это знаменитый гусь, о котором написана великая книга. Интересно, Мартин умеет разговаривать или Сельма Лагерлёф все придумала? Вроде бы в сказке он был ворчуном. Сева решил попробовать проверить. Все равно делать нечего.

— Простите, — крикнул он, — нам еще долго лететь?

Гусь ответил не сразу.

И не так, как Сева ожидал.

— Тебе по-маленькому спуститься нужно? — спросил он. — Ты говори честно, не стесняйся.

— Нет, не в этом дело...

— Смотри, если в этом дело, то лучше признайся. А то один мальчик испугался, а сказать об этом не посмел. Вот все и кончилось... я летел весь мокрый, а его пришлось сбросить на землю.

— С этой высоты?

— А что делать? Где гарантия, что он не сделает так снова?

Гусь замолчал, а Сева так и не понял, шутит он или всерьез когда-то скинул своего наездника. Но наверняка это был кто-то другой, не Нильс, потому что о Нильсе известно, что он благополучно возвратился домой.

Впереди показалась высокая ограда. Колючая проволока, по углам территории стояли пулеметные вышки, и на них неподвижные фигуры.

— Роботы, — заметил гусь, — стреляют без предупреждения и без промаха.

Он перелетел через проволоку и взял курс к задней стене главного корпуса.

Опустился на редкую траву, как раз между двух моховых кочек.

— Я буду летать по соседству, устану — пришлю кого-то еще

из нашей стаи. Так что запомни вот эту палку, видишь? С белой тряпицей? Сюда возвращайся и никуда ни шагу. Понял?

— Спасибо, — ответил Сева.

— Справа от тебя задний вход в главное здание, — сказал гусь. — Люди и роботы там часто ходят. Постарайся проскользнуть так, чтобы тебя не заметили. Сможешь?

— Постараюсь.

Сева не обижался, что Мартин его учит. Гусь был его товарищем. Они вместе пошли в разведку. И задание у них общее.

Гусь отошел в сторону. Он делал вид, что щиплет травку.

Сева остался один. Он стоял между двух кочек и смотрел вслед Мартину, пока тот не исчез из глаз.

Тогда Сева направился ко входу в полигон.

Он шел вдоль бетонной дорожки, старой, давно не чиненной, в трещинах и выбоинах. Через некоторые приходилось с разбега прыгать.

Один раз на него чуть не наступил робот. Но робот шел по делу и не обратил внимания на разведчика.

Вот и дверь.

К счастью, она была приоткрыта.

Порой хорошо быть ростом с пальчик.

Сева проскользнул внутрь здания фабрики.

Он остановился. Надо было решить, где находится начальник этого полигона, где они производят мертвую воду.

Глава двадцать первая

ЛАЗУТЧИК ПОД СТОЛОМ

Сева стоял в обширном холле, из которого в три стороны вели коридоры.

Из правого вышел робот. Он нес поднос с кофейными чашками и кофейником.

Для разведчика такой картинки было достаточно, чтобы понять: четыре человека пьют кофе.

Вряд ли это охранники или солдаты — нечего роботам распивать кофе.

Сева припустил поперек холла и вдруг услышал сзади крик:

— Кого я вижу! Мальчик-с-пальчик! Сказочная история! Ты как сюда попал, негодный мальчишка?

Сева обернулся.

Следом за ним топала, переваливаясь, как перекормленная утка, неопрятная старуха. Сева, конечно, не знал, что ее называют Кассандрой и она все время что-нибудь неудачно предсказы-

вает, но испугался настолько, что кинулся со всех ног к правой двери, откуда только что вышел робот.

— С ума сойти! — вопила следом старуха. — Это хорошо не кончится. Мальчик сломает ножку. Ты слышишь меня, сорванец, ты сломаешь ножку!

Сева мчался по коридору и тут увидел лестницу, узкую, с бетонными ступенями. Внизу была металлическая дверь со штурвалом вместо ручки. Она тоже была прикрыта — но для нормальных людей, не для мальчиков-с-пальчик.

Сева протиснулся в следующий коридор.

И тут, несмотря на то, что его сердце оглушительно стучало, он услышал голоса. Они доносились из-за двери, которая замыкала собой этот короткий коридор.

Сева так мчался от крикливой бабки, что не подумал, увидят его или нет, главное — спрятаться.

Впереди был стол.

Ножки его поднимались, как квадратные стволы деревьев.

Вокруг стола на стульях сидели люди.

Сева кинулся под стол и присел, прижавшись спиной к ножке стола.

Ему казалось, что сейчас его схватят — не может быть, чтобы его не заметили.

Он даже глаза зажмурил, ожидая разоблачения.

Но никто не спешил его разоблачать.

Разговор продолжался.

И он узнал голос мерзкого гнома Юхана.

— Когда мы выбрались на поверхность Земли, — говорил гном, — я стал думать, как мне вырваться из власти этого человечка, но не с голыми руками, а с трофеями.

И тут гномик засмеялся.

— Говори, говори, — послышался тонкий быстрый голос.

Севе не было видно, кто это говорит. Но он знал, что такие голоса бывают порой у толстеньких людей. Он и назвал этого человека Толстеньким.

— Я и так не задерживаюсь, — ответил гном. — Даже устал. Я же для вас старался!

— Врешь! — произнес четкий женский голос. Ему бы в самый раз командовать ротой на параде. — Ты даже не подозревал о нашем существовании.

— Как же не подозревал! — обиделся гном Юхан. — А кто в клетке сидел, последний во всем городе! Я тогда понял — если есть люди, которые могут за две минуты город уничтожить, значит, мне с ними по пути. Люблю сильных. Я сам сильный, несмотря на мои скромные размеры.

— Продолжай, — велел голос толстячка.

— На поверхности Земли чары подземного Голоса лопнули, как воздушный шарик, и я снова стал нормального размера. А раз так, то я попрощался и ушел. Вреда я карлику не причинил, хотя он этого заслуживал.

«Ничего себе — не причинил! — чуть было не закричал Сева. — А кто оставил меня погибать от комариных укусов?»

— Похоже на правду, — сказала женщина с боевым голосом. — Врет в деталях, чтобы выставить себя в лучшем свете, но в основном говорит правду. Каин, уведи его!

— Куда? — спросил Каин. — Утопить?

— Не спеши, я еще с ним поговорю!

Из-под стола Сева увидел, как к дверям направился мальчик злого вида, которого и называли Каином, а перед ним, оглядываясь, послушно шагал гном Юхан. Вот кому бы сейчас Сева намылил шею! Только размерами они не совпадают. Какой бы трусливый ни был гном, с Севой он сейчас справится.

— Я буду вам верно служить! — закричал гном. — Я могу проникнуть к вашим врагам. Я могу воду отравить или чего подсыпать, выведать, пронюхать, разузнать. У меня такие связи — вы не представляете!

— Отдохни пока, — сказал женский голос. — Тебя никто не собирается трогать. Только помолчи.

— Вот именно! — крикнул от двери гном. — Я уже молчу.

Дверь за ним и мальчиком по имени Каин закрылась.

— А в самом деле, что будем с ним делать? — спросил Толстенький.

— Он опаснее живой, — ответила женщина. — Он видел, как действует мертвая вода, он знает, что это мы погубили город.

— Но это неправда! — возмутился Толстенький. — Это же ошибка, недоразумение, да и погибли какие-то уроды, а не люди.

— Все это ты будешь доказывать в суде, — сказала женщина. — А пока нам надо сделать так, чтобы свидетелей не оставалось. Ты же понимаешь!

— Это негуманно, — ответил толстячок. — А я ведь в принципе добрый человек. Я всех люблю.

— И свою жену Аглаю?

— Ее больше всех! Надеюсь, что ей сейчас хорошо.

— Ты неисправимый лицемер. Еще немного — и ты забудешь, что сам организовал похищение своей жены.

— Я? Похищение? Да я собрал выкуп, я чуть было не разорился!

— И куда же делся твой долг налоговой инспекции?

— Замолчи! Я тебя уволю.

— Ты меня никогда не уволишь, пупсик, — перестала смеяться женщина. — И если я захочу, ты тут же на мне женишься. Ты давно мечтаешь об этом. Для этого и жену свою уничтожил. И это понятно. Она женщина не нашего круга. С ней даже на презентацию пойти стыдно.

— Молчи, молчи, молчи! А то я и тебя убью!

— Вот теперь ты заговорил на своем языке. Уничтожу, ликвидирую, схвачу, затопчу...

— Не увлекайся, Элина, — ответил, тяжело дыша, толстяк. — Ты забываешь, что я о тебе знаю столько, что от тюрьмы тебе не отвертеться. Давай-ка лучше думать о нашем счастливом будущем.

— Что ж, — после долгой паузы ответила Элина. — Даже от тебя иногда можно услышать толковую фразу. Сколько осталось до омоложения академика?

— Час двадцать.

— Мертвой воды много накопилось?

— Резервуар почти полон. Считай, кубический километр.

— Ого! Этого достаточно, чтобы всю Австралию без кенгурят оставить.

И женщина засмеялась серебряным смехом.

Очень красивая женщина. И смех красивый. Но такой, что Сева сжался в комочек у ножки стола.

И тут дверь в комнату широко распахнулась, и в дверях появилась очень толстая, грязная, растрепанная старуха. Будь она не такой толстой, могла бы сойти за Бабу-ягу, но таких толстых ведьм не бывает.

— Я сделала открытие! — закричала бабка визгливым голосом. — Бывают дюймовочки, а я видела настоящего мальчика-с-пальчик. Он вот такой маленький! И в этот момент мое сердце сжало странное предчувствие. Это хорошо не кончится! Он нам несет гибель!

— Кассандра, ты мне надоела, — сказала Элина. — Еще одно идиотское предсказание, и ты вылетишь отсюда в трубу в виде пепла.

— Ах, как страшно ты говоришь, Элина! — ответила Кассандра. — У тебя нет сердца.

— Зачем мне сердце? — засмеялась Элина. — Вместо него у меня пламенный мотор.

— Это шутка, да? — испугалась Кассандра. — Ты пошутила!

— Вали отсюда, — приказала Элина. — Сказала же — надоела!

Но Кассандру, которая уже начала пятиться в коридор, остановил Георгий Георгиевич.

— Тетушка, — сказал он, — повтори, будь любезна, свой рассказ. Где ты была, когда тебе померещился маленький мальчик?

— Я шла через вестибюль, и он бежал по своим делишкам. Ты же знаешь, какие они смешные, эти мальчики-с-пальчик!

— Очень смешные, — согласился Полотенц. — И что было дальше?

— А дальше — он убежал.

— Куда?

— Сюда.

— Замечательно. Опиши его подробнее.

— Мальчик как мальчик, размером с мой указательный палец, синие штанишки, серая рубашка, волосики светлые, глазки такие маленькие, что их цвет не разберешь...

С тонким воплем толстяк соскочил со стула и кинулся к двери.

Тут Сева его и разглядел.

Он был удивительно похож на Гошу Полотенца из летнего лагеря. Только облысел, обрюзг и выражение лица было злобным — правда, может, потому, что именно в тот момент он очень злился.

Толстяк подскочил к двери и завопил:

— Срочно гнома ко мне! Гнома-а-а ко мне-е!

— Что случилось, Георгий? — встревожилась красивая Элина.

— Ты что, не поняла, не поняла, что ли?

— Нет.

— Я боюсь, что Кассандре не почудилось. Она в самом деле увидела этого мерзавца, этого шпиона, этого агента Снежной королевы!

В коридоре послышались шаги.

Злой подросток Ванька Каин втолкнул в комнату гнома Юхана. От толчка в спину тот упал на колени.

— За что? — возопил он.

— Описывай! — приказал ему Георгий Георгиевич. — Описывай, если хочешь остаться живым.

— Кого?

— Мальчишку, который с тобой лазил в Подземелье!

— Мальчишку? Всеволода?

— Неважно, как его зовут.

— Севой зовут.

— Как он был одет?

— Одет?

И в тот несчастный момент стоявший на коленях гном посмотрел прямо перед собой и увидел прижавшегося спиной к ножке стула своего врага Севу Савина.

Сева Савин понял, что его обнаружили, и ему не оставалось

ничего иного, как прижать палец к губам, умоляя гнома держать язык за зубами.

А физиономия гнома изменилась.

Рот расплылся до ушей.

— И кого же вы потеряли? — спросил он.

Ах, как у него заблестели подлые масленые глазки!

— Как? Он? Был? Одет? — повторил Георгий Георгиевич.

— Сначала выдайте мне приличную одежду, — сказал гном.

— Что?

— Потом я попрошу двадцать тысяч долларов на мелкие расходы и транспорт до моего родного поселка.

— Он что-то знает, — медленно произнесла Элина.

— И что случится, когда мы все это тебе дадим? — спросил Полотенц.

— Тогда я вам скажу, где искать Севу Савина.

— Что ты думаешь по этому поводу? — спросил Полотенц у своей подруги Элины Виленовны.

— Я думаю, что он догадался, где искать врага.

— А зачем догадываться, — воскликнула Кассандра, — когда я все вижу, все чувствую и все знаю. Этот самый мальчик, которого вы ищете, такой милый и добрый мальчик, сидит под столом — вон там!

— Вот в чем дело! — воскликнул Полотенц и кинулся под стол.

— Ах вот он где! — закричала Элина и кинулась под стол.

— Где мои деньги? — закричал гном и кинулся под стол.

К счастью для Севы, они столкнулись лбами и не смогли его схватить.

Сева кинулся прочь.

Но в дверях его поймал гражданин Каин, у которого был большой опыт ловить беглецов. Вот он и поймал Севу, поднял его за шиворот в воздух, а потом громко спросил:

— Куда его класть?

Георгий Георгиевич, Элина и гном вылезли из-под стола.

— В ту же камеру! — громко сказала Элина Виленовна.

— Понятно, — сказал Каин.

— Это я его поймал! — закричал гном. — Я первый его обнаружил.

— А что с этим героем делать? — спросил Каин.

— Его туда же, — сказала Элина, — предателя паршивого! Не выношу предателей.

Каин передал визжащего гнома роботу, а Севу понес сам.

Глава двадцать вторая

В ЗАТОЧЕНИИ

Каин держал Севу за пятку. Сева болтался головой вниз и думал, что умрет от прилива крови к голове. При этом Каин посмеивался и непрестанно рассуждал:

— Вот тебе кажется, что ты человек. А я тебя, человека, за пятку держу — отпущу, уроню, и головешка твоя, как перепелиное яичко, расколется. Да еще и наступить на тебя, можно. А кто тебя пожалеет? Никто не пожалеет, потому что и могилки у тебя не будет. И нужно было тебе влезать в наши дела? Мы ведь не только такую мелюзгу, как тебя, мы целые государства на тот свет пустим. Потому что Георгий Георгиевич заботится о людях, которые ему верные. Вот я ему верный, он обо мне заботится. Кто я раньше был — престарелый разбойник, а мне хозяин говорит — хочешь молодым снова стать? У нас для этого академик Сидоров нашелся, теорию разыскал, формулу написал, а сам немощный, как бревно. Только надо найти такого смельчака, на котором такую формулу испытать можно и которого из старичья в молодые люди произвести возможно, желательно на добровольных началах. Я и пошел на это.

Сева слышал его как будто из-под воды — так шумело в ушах — и не все понимал. Но даже крикнуть не мог — голос его не слушался.

— И сделали из меня человека что надо. Подрасту, женюсь, за меня любая красотка пойдет, такого я величия, силы и богатства человек. Чтобы меня заново оживить, мертвой воды понадобилось — целое озеро. А сейчас и самого академика молодить начали. Уже призервуар наполнили — через два часа спускать его по трубе будем, зальем дырку в Земле, никто не догадается: было озеро — и нет озера. Куда подевалось? А это мы воду убили. Люблю убивать! Вообще убивать люблю, в этом есть радость для человека моего великого размера.

Гном раза два пытался увильнуть, сбежать, начинал жаловаться или хвастаться, но робот спокойно хватал его, и они шли дальше.

Минут через пять узкий сырой коридор, кое-как освещенный лампочками в проволочных сетках, по стенам которого тянулись, свисая гирляндами, пучки кабелей, вывел их к округлому дну гигантского резервуара. Гном споткнулся, схватился было за влажное днище, и Каин завопил:

— Ты что, дурак, что ли? Разве не знаешь, что в призервуаре мертвая вода? Сам погибнешь, нас заразишь. Вот скоро будем ее

спускать вниз, тогда купайся сколько хочешь, а без приказа — ни-ни.

Гном почувствовал опасность, отдернул руку, потерял равновесие и покатился вниз по бетонной лестнице.

— Ну куда ты! — крикнул вслед Каин.

Робот загремел подошвами, помчался следом за гномом.

— Чудаки! — смеялся злой подросток Каин. — Жить осталось — всего ничего, а суетятся, беспокоятся, словно им век остался впереди.

Робот остановился перед железной дверью.

— Действуй! — приказал Каин.

Робот отодвинул массивный тяжелый засов.

Каин исхитрился и ударил гнома под зад. Тот завопил и улетел в темноту.

Затем Каин сам подошел к двери и, разжав пальцы, выпустил Севу.

Сева упал на пол с такой высоты, что сильно ушибся.

Каин хихикнул и произнес:

— Славная у вас компания. Вместе гуляли, вместе и помирать будете.

Дверь затворилась.

Послышался металлический скрежет — задвинули засов.

Оказалось, что это небольшая камера, освещенная слабой лампочкой под потолком.

Ничего в ней не было — голый цементный пол и голые поцарапанные стены.

У задней стены сидела женщина в рваном платье. Она обнимала руками колени. На шум она подняла голову. Но не сказала ни слова.

Гном увидел ее первым и заявил:

— Вы будете свидетельницей. Вы видели, как жестоко они со мной обращались? Так вот — я намерен жаловаться, а вы будете свидетельницей, вы меня слышите?

— Слышу.

— Вот и отлично. Я великий путешественник Юхан. Со мной нельзя так обращаться.

Женщина смотрела на него, но ничего не говорила.

Сева сел, он ушибся бедром о пол, было больно. Он попытался встать, но не удалось — он охнул, и нога подкосилась.

Тут женщина заметила его.

И очень удивилась.

— Ты кто такой? — спросила она. — Почему такой маленький?

Словно она проснулась и не понимала, где находится.

— Я — Сева Савин, — сказал Сева.

— Вы его не слушайте! — воскликнул гном Юхан. — По нему давно виселица плачет. Он совершенно исхулиганился, от него мать отказалась! Он шпионом служит у Снежной королевы, слово даю!

Женщина с трудом приподнялась и на четвереньках подобралась к Севе.

— Больно? — спросила она.

— Еще как! Он же меня с третьего этажа скинул.

— С третьего! Хах-ха! — сказал гном. — Такому муравью все кажется третьим этажом.

— А ты помолчи, — сказала женщина. — Ты очень грубый.

— Почему? — спросил гном. — Всем нравлюсь, а тебе не нравлюсь.

— Потому что голым при женщине разгуливаешь.

— Я что, виноват, что ли? — обиделся гном. — Меня же его дружки раздели.

Женщина спросила Севу:

— Тебе не будет больно, если я тебя на руки возьму?

— Не будет, — ответил Сева.

Женщина осторожно подняла мальчика-с-пальчик с пола и кончиком пальца другой руки начала трогать разные части его тела. Она спрашивала при этом, больно ему или нет?

Сева точно знал, что эта женщина ему не сделает больно. И если сможет, она его защитит. У нее были добрые глаза и руки.

— Как тебя зовут, мальчик? — спросила женщина.

— Сева. Сева Савин.

— А меня Аглая Тихоновна. Аглая Тихоновна Полотенц.

— А у нас в лагере есть Полотенц, — сказал Сева. — Гоша Полотенц. Редкая фамилия, да?

— Ой! А лагерь у вас какой?

— «Елочка». Летний лагерь.

— Это мой Гоша! Это мой сыночек. И как он там?

Тут Сева вспомнил, что не очень дружил с Гошей Полотенцем, и ответил осторожно:

— Я уже давно из лагеря уехал.

— Гоша у меня такой умный, ты обязательно с ним подружись, Сева.

Тут Аглая Тихоновна спохватилась, что Сева совсем маленький, и спросила его:

— А что случилось с тобой, Севочка?

— А он в шпионы полез, вот и случилось, — мрачно заявил гном Юхан.

— Не знаешь, помолчи, — сказал Сева.

Потом он обернулся к женщине и объяснил:

— Надо было помочь хорошим людям. Сказочным людям. Вот я и согласился уменьшиться.

— Тогда правильно, — согласилась Аглая Тихоновна. — Другим обязательно надо помогать.

Она была такая круглая, мягкая, у нее нос был мягким и волосы мягкими, а руки были и мягкими, и нежными.

И хоть было не очень светло, Сева увидел и удивился, что у Аглаи Тихоновны совершенно чистые руки и лицо. Бывают же люди — никакая грязь к ним не пристает. Правда, среди мужчин они не встречаются.

К тому же Аглая Тихоновна пахла ванильным печеньем, будто на минутку выглянула из кухни, готовясь встретить дорогих гостей.

— А сюда-то ты как попал? — спросила Аглая Тихоновна.

— Мне надо узнать, откуда берется мертвая вода.

— Мертвая вода? О такой не слыхала, — сказала добрая женщина Аглая Тихоновна. — Правда, я здесь недолго. Раньше меня в каком-то другом месте держали.

— А вас-то за что?

— За деньги, милый, за деньги, — вздохнула Аглая Тихоновна. — Меня сам Каин украл. Украл и упрятал, пока мой Гошенька, нет, не сынок, а муж мой, Георгий Георгиевич, громадных денег не достанет, меня не выпустят. Да откуда у Георгия Георгиевича такие деньги? Его налоговая инспекция замучила. Он жаловался. В этом году он даже не смог Гошеньку на Канарейские острова отправить, пришлось в обыкновенный лагерь, в «Елочку».

— Ничего в этом нет особенного, — обиделся Сева. — Меня тоже в него отправили. Хороший лагерь, и кормят нормально.

— Я вот тоже надеялась. Как раз сложила гостинцы для Гоши, собралась, а меня украли. Бедный мой муж, бедный сынок — как они из-за меня переживают!

Сева хотел было ответить, что не надо верить ни Георгию Георгиевичу, ни сыночку Гошеньке — оба хороши. Но, конечно, ничего Сева не сказал, потому что нельзя вмешиваться в чужую жизнь.

— Я никогда такого от гражданина Каина не ожидала. Конечно, я знала, что он из уголовников, но исправляется. Он сначала такой старенький был, ну просто не узнать. А потом его выбрали, как опытную собачку, чтоб на нем омолаживание проверить. Академик Сидоров изобрел, а испытывать на людях опасно, вот Каин и согласился, чего ему терять — еле жизнь теплилась в древнем теле. Вот и получился удачный опыт. Каин из стари-

кашки в мальчонку превратился. Только дорогая это операция, с ума сойти; тот Каин все в верности моему супругу клялся, я бы другому не доверилась. Он приехал и говорит: твоему Гошеньке в лагере руку хулиганье сломали. Ну я все бросила и кинулась. В машину. Едем куда-то, темно, я спрашиваю, скоро ли, а Каин говорит — вылазь. Вылезла я, меня он в подвал завел и говорит: пока твой муж выкуп не заплатит, не видать тебе свободы. Потом сюда перевезли — да что говорить, даже стыдно, вот узнает Гошенька, он этого Каина обратно в старики произведет, и помрет Каин под забором. А мне его не жалко. Нельзя так людей мучить.

— Мертвая вода связана с омоложением, — сказал Сева. — Они при мне говорили. И скоро они ее спустят. А вот гном Юхан может подтвердить, что это страшное оружие.

— Смерть, буквально смерть, — подтвердил Юхан. — Я видел! Она течет и до чего дотронется — все, конец! До тролля — тролль падает, а если в воду, то его даже растворяет... и все живое становится неживым! А я сижу в клетке, смотрю вниз и думаю: поднимется или не поднимется?

— Не бойтесь, мальчики, — сказала Аглая Тихоновна. — Я знаю, Георгий Георгиевич меня везде ищет, он из-под земли достанет, если нужно. А как он меня найдет, я слово скажу, чтобы вас скорее вашим родным передали.

Сева мысленно уговаривал гнома: «Юхан, гаденыш ты наш, ну придержи свой язык, не скажи лишнего».

И как сглазил.

— Так и будет он о нас заботиться, — пробурчал гном. — Ты что, думаешь, этот Каин что-то может без его приказа сделать?

— Ну что ты говоришь! — ахнула Аглая Тихоновна.

— Он не знает, — воскликнул Сева, но получился писк — голосок сорвался от волнения.

— Я все понимаю, — сказала Аглая Тихоновна. — И поверьте мне, все хорошо кончится. Люди не такие уж плохие, их всегда уговорить можно.

Глава двадцать третья

МЕРТВАЯ ВОДА ВСЕХ УБЬЕТ

Когда дело подходит к концу, действие начинает двигаться быстрее.

А в нашем романе события происходят в разных местах, но постепенно стягиваются к центру.

Братья-сыщики Борис и Глеб Хваты летели на вертолете от Кандалакши.

Они были очень взволнованы. Оказалось, что сам президент Фонда Полотенц и некоторые члены совета директоров исчезли в неизвестном направлении. А когда проверили направление, то все сошлось на том, что искать их надо было на бывшем военном полигоне на Кольском полуострове.

Гусь Мартин, который уже давно беспокоился, куда делся Сева Савин, полетел за помощью к пилоту Гарри Коллинзу, который уже посадил свой биплан за холмом у фабрики детских игрушек и тоже волновался.

Гусь Мартин взлетел над высокой проволочной изгородью фабрики, но тут роботы-охранники подняли стрельбу и гуся ранили. Обливаясь кровью, он упал на моховую полянку, и пилот, услышав стрельбу, побежал туда. Гусь Мартин попросил его помочь Севе. Пилот обещал вернуться к гусю, а сам поднял в воздух самолет и направил его к фабрике. Когда он перелетал ограду, роботы стреляли в него и сбили самолет.

Коллинз выбрался из-под горящих обломков самолета и с грустью попрощался со своей любимой машиной.

Затем он включил локатор, на котором горела звездочка. И чем он ближе подходил к Севе, тем звездочка горела ярче.

К нему бежали охранники, но пули, которые попадали в пилота, не причиняли ему вреда, потому что Коллинз давно умер.

Не зря гусь Мартин и Коллинз почуяли неладное — Георгий Георгиевич получил сигнал, что опыт по омоложению академика Сидорова заканчивается и можно спускать в Подземный мир мертвую воду. Озеро Ловозеро, уже прокаченное через машины фабрики и промывшее устарелые клетки немощного тела академика Сидорова, было перелито в колоссальный резервуар, и теперь оставалось немного — открыть клапаны, и оно ринется по трубе в Подземный мир. Часть Подземного мира тут же превратится в пустыню. Но никто не узнает, что случилось, лишь рыбаки на Ловозере, удивленные тем, куда делась почти вся вода, будут собирать из ям на дне опечаленную рыбу.

Первой шла по коридору Элина Виленовна.

За ней деловито семенил Георгий Георгиевич. Рядом с ним, отставая на полшага, шагал мальчонка Каин. Замыкала шествие неугомонная Кассандра.

Первым делом они заглянули на центральный пульт.

Посреди зала, подвешенный к потолку, покачивался прозрачный гроб, в котором плавало нечто бесформенное, — академик Сидоров находился в процессе омолаживания.

— Подумать только, и я таким недавно был, — сказал Каин.

Супруга академика Сидорова Раиса сидела возле гроба-сосуда и следила, чтобы никто академику не навредил.

— Все в порядке? — спросил Георгий Георгиевич у робота-ассистента, который перекачивал воду и химикалии откуда надо куда следует.

— Все идет по плану, — ответил ассистент.

Тогда Элина Виленовна прибавила шагу.

Остальные спешили за ней, как спутники Петра Великого с картины Лансере.

Они ворвались на пульт управления, мрачное низкое помещение, посреди которого среди кнопок и огоньков торчал поднятый рычаг.

Повернутый кверху, он открывает шлюзы для чистой воды из Ловозера, если же нажать его вниз, то мертвая вода хлынет в Подземелье.

Георгий Георгиевич не спешил.

Почему-то его вдруг охватили мрачные подозрения. Он обернулся к Каину и спросил вполголоса:

— Ты уверен, что Аглая в безопасности?

— В полной безопасности, шеф! — откликнулся Каин.

— Как я за нее переживаю, — прошептал Георгий Георгиевич.

Каин подмигнул Элине.

Элина подошла, встала рядом с шефом, положила свою горячую нервную ладонь на его руку и нажала на рычаг рукой Полотенца.

Раздалось шипение.

Миллионы литров воды рухнули вниз в трубу.

— Ура! — тихо произнесла Элина. — Дело сделано. Процесс пошел.

— Поздравляю вас, друзья, — сказал Георгий Георгиевич. — Элина Виленовна, будьте любезны, пригласите всех за стол в кабинете директора на небольшой фуршет в честь этого события. Я буду там ждать.

И Полотенец первым пошел к себе в кабинет.

Он почему-то был печален. Какие-то предчувствия мучили его.

Вертолет, на котором прилетели к фабрике братья-сыщики, сел за оградой у самых ворот.

Сыщики и три спецназовца-омоновца подошли к воротам, и Борис Хват показал дежурившему у ворот роботу свое удостоверение.

Но робот не умел читать.

Он крикнул:

— Стой! Назад! Стреляю!

— Это еще что за разговорчики? — спросил Борис Хват и двинулся вперед.

Хорошо еще, что его успел прикрыть своим крепким, запрятанным в бронежилет телом один из омоновцев.

Завязался бой.

Прибежали другие роботы. Но, конечно же, с омоновцами-спецназовцами они не смогли справиться. И через десять минут сыщики Хваты ступили на территорию фабрики игрушек.

Пилот Коллинз вбежал в подземелья фабрики. Он поглядывал на локатор. Огонек горел все ярче. На пути ему встретился еще один робот, но Коллинз смел его с пути ударом кулака.

Когда Георгий Георгиевич вошел к себе в кабинет, все телефоны на столе верещали.

Он поднял первую трубку. Там прокричали:

— Первый пост у ворот! Мы подверглись нападению омона-спецназа, есть погибшие. Дайте инструкции.

Георгий Георгиевич насторожился.

— Сопротивляйтесь! — приказал он.

Затем схватил другую трубку.

Голос в ней произнес:

— Говорит пульт управления. По показаниям приборов, в трубе произошел засор.

— Как так засор? — удивился Георгий Георгиевич. — У трубы диаметр пять метров! Не порите чушь!

— Вода в трубе поднимается, — произнес голос робота. — Закройте клапаны, она может прорваться в помещения фабрики.

— Он сошел с ума! — крикнул Георгий Георгиевич, бросил трубку, но потом одумался и велел Каину: — А ну, одна нога здесь, другая там! Проверь у трубы — что там творится?

Каин побежал к трубе. Хотя он еще не очень испугался.

Георгий Георгиевич пригласил остальных к столу, где стояли бокалы с шампанским, водка в рюмках и много контрабандной красной икры и лососины.

— Кушайте, — говорил он, — все бесплатно досталось! В Москве безумных денег стоит.

Каин шел по коридору к пульту управления, но потом не удержался и быстренько сбежал по узкой лестнице вниз, к камере, где были заперты пленники.

Мог бы и не заходить, тем более что ему было велено заняться совсем другим делом.

Но заточенные в камере были его собственными жертвами, и ему важно было сказать им самые последние слова, чтобы перед смертью у них мурашки побежали по коже.

Сначала Каин заглянул в «глазок».

Возле двери никого — значит, нечего опасаться засады.

Он приоткрыл дверь.

Испуганно обернулась Аглая Тихоновна. Она держала на ладонях Севу, шпиончика, — ну ровно мышонка! А в сторонке сидел голый гном, который при виде Каина кинулся к нему с воплем:

— Это недоразумение! Выпустите меня! Я буду вам верно служить!

Он пытался поцеловать сапоги Каина.

— Я вам доложу, о чем они без вас говорили!

Каин засмеялся. Когда он смеялся, его лицо оставалось неподвижным, будто бумажная маска.

— Не нужны мне твои услуги, — сказал он. — Ничего мне не нужно. Вон смотрите на ту решетку под потолком. Как польется оттуда водичка, считайте, что вам осталось жить две минуты. Это отводка от большой трубы. Поняли?

И ему стало так смешно, что он изо всех сил ударил ногой в живот гнома Юхана, тот взвизгнул и откатился в угол.

— Прощайте, дурачье! — сказал Каин и захлопнул дверь.

Задвинул засов.

И, не оборачиваясь, пошел по коридору на пульт управления, чтобы поглядеть, что там произошло с мертвой водой, почему мог появиться засор.

А в камере, как бы в ответ на слова Каина, сквозь решетку в стене полилась вода. Маленьким тонким ручейком, еле-еле, вернее, сначала еле-еле, по каплям, а потом с каждой секундой этот ручеек увеличивался, и вот он уже достиг пола.

— Это мертвая вода! — завопил гном. — Я знаю! Я нюхал, когда у троллей в клетке сидел. Спасите!

Аглая Тихоновна прижала Севу к груди и стала отступать от лужицы, которая разливалась у стены.

— Разве ты не видишь! — кричал на нее гном Юхан. — Я же босой! Вы в туфлях, вам хоть бы что, а я босой, я скоро, я раньше вас помру! Отдай мне свои туфли, слышишь, а то я отниму! Ты не смеешь дать мне погибнуть! Я же маленький! Я жить хочу.

— Не волнуйся, не волнуйся, — успокаивала его Аглая Тихоновна. — Я тебе помогу.

Она сунула Севу за пазуху, а гнома подняла на руки, и он сел ей на плечи, оседлав ее, как всадник.

— Правильно! — закричал он. — Молодец, старуха! А теперь стучи в дверь. Они же должны открыть!

Сева ненавидел его и думал: «Если когда-нибудь мы встретимся и будем хотя бы одного роста, я тебя так изобью, что ты до конца жизни запомнишь».

Аглая Тихоновна, покачиваясь под тяжестью гнома, принялась молотить мягкими слабыми кулачками в дверь.

— Ногой! — кричал гном. — Ногой бей!

Он и сам ударял по двери и даже порой царапал дверь.

— Ой, — произнесла Аглая Тихоновна и пошатнулась.

— Ты что, не видишь, что в воду наступаешь! — злился гном. — Отойди от воды! Ну что за дура!

Сева почувствовал, как Аглая Тихоновна со стоном опускается...

Все.

И в этот момент — ну прямо как в кино! — раздался скрежет засова.

И дверь распахнулась.

Аглая Тихоновна упала головой наружу.

Гном соскочил с нее и закричал:

— Спасайте нас! Тащите из камеры! Да скорей же!

Сева тоже выбрался на волю.

Он встал на плече Аглаи Тихоновны и увидел, что она лежит на мокром полу — из камеры льется черная вода и, как плоский паук, изгибая щупальца, ползет по полу.

Летчик Гарри Коллинз, а это он открыл дверь, подхватил Аглаю Тихоновну под мышки и потащил в коридор.

Сева бежал рядом с ее телом.

— А как вы нас нашли? — спросил он.

— Ты забыл о локаторе?

— Ой, совсем забыл. Это мертвая вода. Она может умереть.

— Я уже знаю, — сказал пилот.

— Я побежал, — быстро сказал гном Юхан. — Вы бегите за мной. А то все погибнем.

И он понесся прочь по коридору.

— Урод какой-то, — сказал пилот.

— Не надо меня поднимать, — сказала Аглая Тихоновна. — Я умираю.

— Нет! — закричал Сева. — Ни за что! Вы спасли меня! Пилот, мы вынесем ее отсюда?

— Попытаемся, — с сомнением в голосе сказал пилот.

— Сева, — сказала Аглая Тихоновна так тихо, что Севе пришлось подойти к ее лицу.

Женщина открыла глаза, еле-еле. Она говорила с трудом.

— Я прошу тебя, умоляю, дай мне слово... что не скажешь Гоше, как его отец... что все устроил отец... дай слово.

— Я понимаю, — сказал Сева. — Я понял. Я никогда не скажу.

Аглая Тихоновна закрыла глаза, глубоко вздохнула и замерла.

Пилот приподнял веко, пощупал пульс и сказал:

— Эта женщина скончалась.

— Может быть, что-то можно сделать? Ну скажи, Гарри, ну скажи!

— Поздно, — ответил пилот. — О чем она тебя просила?

— Я тебе когда-нибудь потом расскажу, хорошо? — сказал Сева.

— Тогда марш ко мне в карман! — приказал пилот. — Пора сматываться. Мне стало известно, что кто-то там, внизу, заткнул трубу, и вот-вот вся мертвая вода пойдет обратно, наверх.

Он подхватил Севу, спрятал в верхний карман кожаной куртки и быстро пошел к лестнице, затем наверх, по коридору.

Там его и увидел Каин, который бежал из пульта управления в кабинет Полотенца.

— Ты кто? — крикнул он, вытаскивая пистолет.

— Не приставай, — откликнулся пилот и побежал прочь.

Каин остановился и стал палить в спину пилота Коллинза. А пилот поворачивался к нему боком, чтобы пули случайно не задели Севу.

— Привидение! Смерть! — кричал Каин.

Патроны кончились, он отбросил пистолет.

Из двери кабинета выскочила Элина Виленовна.

— Что случилось? Что?

— Привидение.

— Я не о привидениях — что с водой?

— Они говорят, что она рвется сюда, наверх. Скажи шефу.

— Сам скажи, он ждет, — сказала Элина, и, когда Каин зашел в дверь, она побежала прочь, следом за Коллинзом.

Из квадратного, размером с футбольное поле, поросшего сухими кустами главного здания полигона выбежал пилот Коллинз.

За ним — Элина.

Они буквально столкнулись с прилетевшими на фабрику игрушек сыщиками Хватами и омоновцами-спецназовцами.

— Назад! — крикнул Коллинз. — Немедленно назад! Мертвая вода пошла обратно!

Он кричал это так, что опытные и умные сыщики, не говоря уж о спецназовцах-омоновцах, замерли и затем, послушно повернувшись, побежали прочь.

И тут же из открытой двери здания вырвался поток черной мертвой воды.

Вода выливалась, превращая траву и мох в темную грязь.

Но изнутри никто из людей не вышел, ни один человек.

За оградой беглецы остановились.

— Вы кто будете? — спросил Борис Хват.

Гарри Коллинз протянул ему руку.

— Гарри Коллинз, пилот, мы не из той компании, — сказал он. — Мы с ними не дружили.

— Тогда идите, — сказал Борис Хват, у которого была замечательно развитая интуиция и он всегда с первого взгляда мог определить, кто преступник, а кто невинный прохожий.

Поэтому, когда Элина Виленовна поспешила следом за пилотом, словно его лучшая подруга, Борис Хват остановил ее строгим окликом:

— А вы, Элина Виленовна, как ответственный сотрудник Фонда, останетесь с нами. Нам есть о чем поговорить.

Сыщики и сопровождавшие их спецназовцы-омоновцы еще некоторое время смотрели на полигон.

Наконец вышел один робот.

— А живые люди там есть? — спросил Глеб Хват.

— Живых людей, к сожалению, не осталось, — сказал робот. — Жизнедеятельность их организмов прервалась ввиду действия мертвой воды.

Пилот Коллинз быстрыми шагами прошел к кочкам за оградой и там нашел раненого гуся Мартина. Он взял его под мышку и понес к холмам, за которыми их ждала Снежная королева.

Шел он молча, иногда поглядывал на небо, не летят ли какие-нибудь враги.

Когда он уже взобрался на откос, перевалил через холм и впереди показались строения заброшенной шахты, Коллинз сказал:

— Куртку жалко. Всю издырявили. Я ее сто лет носил, как новенькая была.

— Хорошо еще, что живой остался, — отозвался из кармана Сева.

— Наоборот! — засмеялся пилот. — Мое счастье, что я давно уже умер.

По тундре, перескакивая с кочки на кочку, навстречу им бежала Кристина.

— Где мой Севочка? — закричала она издали. — Снежный человек принес мультипликатор! Вечером во дворце будут танцы.

Она была легкомысленная, как и положено сказочному созданию. Ее не интересовали битвы минувших дней, если вечером будут танцы.

Королева со своей свитой тоже вышла им навстречу.

Сева спросил ее:

— А почему мертвая вода обратно пошла? Кто-то трубу заткнул?

— По имеющимся у нас сведениям, — ответил Дед Мороз Нильс, — под землей случилось сжатие породы, и конец трубы сплющило. Вот вода и пошла обратно.

Сева оперся руками о край кармана пилота Коллинза и прыгнул вперед, прямо в подставленные ладони Снежной королевы. Еще неделю назад он ни за что не осмелился бы совершить такой прыжок. Иногда люди меняются очень быстро. Буквально на глазах.

— А кто такой Голос? — спросил он. — Правда римский легионер?

Все стали смотреть на королеву. И королева ответила:

— Говорят, он наш родственник и повелитель земных недр.

— Сжать породу, как сказал Нильс, в его силах?

Кончиком указательного пальца королева дотронулась до Севиного носа.

— Не задавай глупых вопросов, — сказала она, — не будешь получать глупых ответов. А когда в следующий раз посетишь Подземный мир, сам спросишь у Голоса.

Эпилог

Я надеюсь, вы уже догадались, что в этой книге рассказано лишь о начале приключений Севы Савина. Допускаю, что мне придется написать еще несколько томов о Подземном мире, сказочном королевстве и даже летнем лагере «Елочка».

В них вам предстоит узнать, какие споры в королевстве и всей Лапландии вызвало решение королевы Роксаны возвести Севу Савина в баронское достоинство.

Вам предстоит узнать о том, как Сева возвратился в лагерь «Елочка», хотя Кристина наставала на том, чтобы до конца каникул он пожил в Лапландии или хотя бы в Оксфорде.

Возможно, я вам расскажу о том, как Кристина заявилась в лагерь «Елочка» и почему она поссорилась с Лолитой.

Разумеется, вы узнаете о том, что Сева сдержал слово, которое дал Аглае Тихоновне, и ни слова не сказал Гоше Полотенцу о смерти его родителей. Но и дружить он с ним не стал.

Без сомнения, вы узнаете о том, как Снежная королева попросила барона Савина отправиться в Китай, чтобы отыскать там лисиц-оборотней и последнего дракона, а также побывать в Индии и познакомиться с Хануманом, царем обезьян.

Хочешь не хочешь, но вы узнаете о бегстве Элины Виленовны из тюрьмы и о том, как она пробралась в сказочное царство и что она там натворила, а также о причинах вражды Роксаны с грибами.

И, конечно же, вы снова попадете в Подземный мир, где разгадаете тайну Голоса.

До свидания.

ДРУГОЕ ДЕТСТВО

1

Я родился на Чистых прудах, и первым моим воспоминанием, которого я не помню, должны быть похороны Кирова. Мама говорила, что меня завернули в красное одеяло и вынесли на Мясницкую. По Мясницкой несли гроб убитого вождя, видно, с вокзала, а Сталин шел впереди, среди своих соратников. Но, повторяю, я его не запомнил, потому что мне не исполнилось еще двух месяцев. Сталин, конечно, меня не заметил. Хотя, может быть, краем глаза и глянул на красное одеяло.

В следующий раз я увидел Сталина на Ноябрьских в 1945 году, *сразу после войны. Отец, который с нами не жил, но мое существование признавал*, повел меня на парад. Мы с ним стояли сбоку от Мавзолея, но не очень далеко, потому что папа был почти наркомом. Мне было хорошо видно, как наши вожди поднимались на трибуну и выстраивались в шеренгу, лицом к барьеру, спиной к красной надписи «Ленин». Потом я стал смотреть на танки и самолеты, которые, по три штуки в звене, пролетали над площадью, от Исторического музея к собору Василия Блаженного. Все махали им руками. Я тогда спросил папу, возьмет ли он меня на следующий парад, и он обещал взять.

В тот год мы с Сашей Сулимой увлекались игрой в солдатики. Наверное, в пятом классе поздно играть в солдатики, но наши солдатики были особенными. Отдельно надо было вырезать из трехслойной фанеры туловище с головой, а отдельно — руки и ноги, которые крепились к туловищу проволочками. Так, чтобы они двигались. Если такого солдатика поставить на стол, он не падал. А когда передвигаешь ноги, он шагает. Размером такой солдатик — с перочинный ножик. Солдатики, конечно, отличались друг от друга, у каждого было имя и характер. Но самым интересным было изготавливать для них оружие. Ружья и сабли отливали из олова или свинца. Почему-то у нас было много патронов от мелкашки, и в классе шла широкая торговля порохом и свинцом. Люди, лишенные воображения, просто набивали гильзу порохом, привязывали к шнуру, а к другому его концу крепили гвоздь. Гвоздь вставляли острым концом в гильзу, а потом брались за середину шнурка и били с размаху по стенке шляпкой. Получался «бах». Другой пиротехники мы не знали.

Саша делал солдатиков лучше всех.

С вечера мы договорились поменяться. Саша отдаст мне генерала О'Генри, а я ему пушку на свинцовом лафете, сделанную из винтовочной гильзы. Обмен устраивал обе стороны.

Дело было на весенних каникулах, а может, в воскресенье — не помню. Но помню, что выспался и пошел к Сашке часов в девять. Утро было морозным, мартовским, а снег ослепительным на солнце и синим в тени.

У меня были новые ботинки, и я проверял их на непромокаемость. Для этого пришлось нарочно идти по лужам. Вода залилась сверху, я зачерпнул ботинком и поэтому не узнал, промокают они или нет.

Сулима жил на третьем этаже, на самом Гоголевском бульваре, дом был некогда зажиточным, красивым, но пришел в запустение. Лестницу, наверное, не красили с революции, и кое-где краска осыпалась, а в других местах она отвисала лоскутами.

Я беспокоился, не передумал ли Саша. Ведь прошла целая ночь.

К Сулимам было три звонка.

Открыла Лариса Петровна, мать Саши. Отец у него погиб на фронте, еще давно, в начале войны. Так что мы его не помнили.

— Ты чего так рано? — спросила она.

В коридоре пахло кухней и уборной. Коридор был длинный, с обеих сторон в него выходили двери комнат, а уборная замыкала коридор.

— Совсем не рано, — возразил я. — Уже девять часов.

Я не хотел быть невежливым, но я знал, что обычно Лариса уходила на работу в восемь или даже полвосьмого, ей ехать далеко, с пересадками.

Коридор был не очень узким, но темным, и потолок был высоко.

Вдоль всего коридора наверху, под потолком, висели велосипеды. Трудно поверить, но все эти велосипеды принадлежали одному человеку, бывшему чемпиону Москвы по шоссейным гонкам Никите Прузу по прозвищу Лаперуз. Он еще до войны оставил спорт, но с велосипедами расстаться не смог. Вот они и висели. Порой какой-нибудь велосипед, устав висеть, срывался, с грохотом падал на пол и катился своим ходом к входной двери или к уборной. Силикатная выскакивала из комнаты и начинала кричать, что она перепугана до смерти. Я уже года три ходил к Саше Сулиме и знал жильцов его квартиры и даже их отношения. Сам я жил в небольшой квартире из трех комнат. Две были наши, а в третьей жил папин заместитель дядя Саша Соколов. Потом, когда его арестовали, в его комнате стал жить завхоз из МГБ Борис и его жена, толстая Катерина. Они часто ссорились с мамой и грозились ее посадить, а нас с Наташкой отдать в дет-

дом. Раньше, до того как папа ушел к тете Гале и стал почти наркомом, вся эта квартира принадлежала ему. Но всю ее нам он оставить не мог — кто бы разрешил нам втроем жить в отдельной квартире? Если бы мамин второй муж и мой отчим дядя Яша не погиб на фронте, все могло быть иначе. Дядя Яша стал бы академиком, и у нас была бы отдельная квартира. Но он погиб буквально в последний день войны.

Лариса Петровна пошла впереди.

Я видел, что она недовольна моим приходом.

Это видно было по ее спине.

Но я был не виноват, мы еще вчера договорились.

Сашка завтракал. Он ел котлеты с картошкой. Я сглотнул слюну. У нас дома мяса не было, и утром мы с Наташкой ели овсянку. Я ее и тогда не любил, и сейчас не выношу.

— Я уж решил, что ты передумал, — сказал Сулима.

Я довольно высокий, но Сашка выше меня на пять сантиметров. Он третий в классе по росту.

Пушка была завернута в газету, я поставил ее на стол.

— Ты потише, — сказал Сашка, — там спят.

Он показал на ширму.

У Сашки с Ларисой большая комната с высоким потолком. В ней два окна. Окна выходят на бульвар, и перед ними видны ветки деревьев бульвара.

Я знал, что за ширмой стоял диван, на котором спала Лариса. А Сашка спал на другом диване, слева от двери.

Я удивился и от удивления сказал глупость:

— Ты что! Я твою маму видел. Она мне дверь открывала.

— Там не мама, — ответил Сашка и стал разглядывать пушку, словно от ее состояния зависела судьба сражения.

Я решил, что он шутит. Иначе я бы так не поступил.

Я шагнул к ширме и заглянул за нее.

На диване, под одеялом, лежал незнакомый мне мужчина.

Он не спал. А может, спал, но почувствовал, что я гляжу на него, и открыл глаза.

— Что? — спросил он. — Вставать пора?

— Извините, — сказал я. Мне еще скандала не хватало! — Я не знал, что вы спите, Сашка так сказал, что я подумал, он шутит, понимаете?

— Ты чего туда полез? — Сашка был смущен.

— Убери ширму! — приказал мужчина. — А то мне темно.

Сашка стал помогать мне сложить ширму, а тут пришла Лариса и спросила мужчину:

— Выгнать мальчишек?

— А чего их выгонять? — возразил мужчина. — Они мне не мешают.

Будто он сидел за столом в костюме и галстуке, а не лежал на диване и голая нога не высовывалась из-под одеяла.

Я вдруг подумал, что если бы это случилось у нас дома, моя мама умерла бы со стыда. Представляете, у нее мужчина ночевал, а утром он лежит и не стесняется. Он же — Любовник!

Не такой уж я был ребенок, чтобы этого не понимать.

— Как тебя зовут? — спросил мужчина.

Лариса принялась накрывать на стол. Для себя и мужчины. Сашка отошел к письменному столу и взял с собой фанеру и пушку.

— Игорем, — сказал я.

— Хорошее имя. Веселое.

У мужчины были черные волосы, и, хоть он был еще молодой, справа в волосах была белая прядь. Седая. Такого я раньше не видел. У мужчины было смуглое лицо, как у цыгана, карие глаза, большой острый нос и губы как будто нарисованные — так дети рисуют улыбку.

— Вставать будешь? — спросила Лариса.

— Обязательно, — сказал мужчина. Как будто хотел от нее избавиться. По крайней мере, мне так показалось. — В солдатики играете? — спросил мужчина у меня.

— Это особенные солдатики, — я оправдывался. — Это как бы модели.

— А еще чем занимаешься в свободное от учебы время?

— Я марки собираю, — сказал я.

Когда с тобой серьезно разговаривают, ты тоже так разговариваешь.

Впрочем, никому на свете не было дела до того, что я собираю. Как-то раз во время визита к отцу я завел было разговор о марках. Я решил, что папина организация получает много писем. И если с них папа будет срывать для меня марки, я сказочно разбогатею.

Папа же слушал мои рассуждения, словно терпеливо ждал, когда я кончу нести чепуху. И тут же спросил, какие у меня отметки по русскому языку. И я больше о марках с отцом не разговаривал.

— Я тоже когда-то собирал, — сказал мужчина.

— Артем, — недовольным голосом произнесла Лариса. — Надо и меру знать.

— Я во всем знаю меру, — сказал мужчина. — Ты могла в этом убедиться сегодня ночью.

— Артем!

— Сорок лет как Артем.

Он откинул одеяло и уселся на диване.

Он был в одних трусах. А трусы у него были короткие и белые. Я таких раньше не видал. Ведь трусы бывают синими или черными и, конечно, длинными. Тоже мне, подумал я, на таких трусах любую грязь сразу видно.

А ноги у Артема были жилистыми, тонкими и волосатыми.

Меня смущало его спокойствие. Он вел себя так, будто был один в комнате.

Лариса положила рядом с ним халат. Я сразу догадался, что халат остался от Сашкиного отца.

Но Артем не спешил вставать.

— Игорек, — спросил он, — а тебе что-нибудь для твоих марок нужно?

— Иди, вот тебе мыло, — сказала Лариса. — А вот полотенце. Оно чистое.

Артем накинул халат.

— Проводи, — приказал он Ларисе.

Лариса пошла с Артемом в коридор.

— Он вчера в первый раз пришел, — сказал Сашка. — Я его и не видел. Он меня тоже спрашивал. А я ничего не собираю. Он тогда спросил о моей мечте.

— И ты ему про парашют сказал?

— Сказал.

— А ты хочешь, чтобы он всегда у вас жил?

— Конечно, Ларисе тяжело, — сказал Сашка. — Совсем одна, а зарплата небольшая.

Сашка вздохнул.

Потом Сашка начал набивать пушку серой со спичек.

В коридоре раздался грохот.

— Ну вот, — сказал Сашка.

— Велосипед? — спросил я.

Сашка пошел к двери, выглянул в коридор.

Там уже начался шум, и Лаперуз кричал Ларисе, что к ней ходит кто ни попадя.

Сашка успел выглянуть, а я опоздал и не видел, как Артем звезданул Лаперуза в челюсть.

Потом они пришли, и Лариса всех напоила чаем. Меня тоже позвали за стол.

А Лаперуз буйствовал в коридоре и кричал у двери, что он сейчас вызовет милицию, потому что Лариса пускает на ночь бандитов без прописки.

— Скажи, — спросил меня Артем, — а что тебе надо для твоей коллекции?

У меня была одна мечта. Но совершенно недостижимая.

У Фимки Королева, который жил в цековском доме на Староконюшенном, был кляссер, который отец привез ему из Германии. Трофейный кляссер. Это была новая вещь для наших коллекционеров. Представляете себе — альбом для марок, но листы в нем картонные, довольно толстые. А на листы нижними краями наклеены полоски из папиросной бумаги, и ты можешь засовывать марки в эти полоски. Вот такой альбом назывался кляссером. О кляссере я мечтал целый год.

— Мне нужен кляссер, — сказал я Артему.

— Сделаем, — сказал Артем. — Только, честно говоря, мне это слово незнакомо. Что-то немецкое, правильно?

Я стал объяснять Артему, что такое кляссер.

Лариса стала убирать со стола, и, когда она приблизилась к Артему, он обхватил ее за бедра. Лариса не стала вырываться, а только сказала: «Я тебе не сноп колосьев». И засмеялась.

Я перестал рассказывать и обиделся на Артема, потому что решил, что он на самом деле меня не слушает и, как все взрослые, ведет со мной беседу, а мысли заняты совсем другим. А кончит разговор — сразу забудет о моем существовании.

Лариса Петровна велела Артему идти одеваться, они куда-то собирались уходить.

Сашка сказал мне, что Артем работает в типографии.

Мы немного поиграли с Сашкой. Лариса с Артемом ушли.

Сашка сказал:

— Не женится он на матери. Слишком она легкодоступна. И что ей — со мной плохо?

А мама говорит, что для моего воспитания в доме нужен мужчина.

Но к моей маме не ходят такие мужчины, как Артем. Моя мама не такая красивая, как Лариса. Будь я постарше, сам бы на ней женился, чтобы любоваться. Но никогда бы не позволил себе вести себя так нахально, как Артем. Но мы с ним совершенно разные люди.

Конечно, я ждал следующего воскресенья.

Я не надеялся, что Артем выполнит свое обещание, потому что взрослые, как правило, об обещаниях детям не помнят. К тому же Артем мог разлюбить Ларису. Но все равно я ждал воскресенья. А Сашка забыл о моем разговоре с Артемом. Он готовился стать парашютистом.

Я сам напросился к нему в гости.

Я решил пожертвовать значком парашютиста с подвеской «100», за сто прыжков. У меня этот значок давно лежал, Сашка

его выцыганивал, но я не отдавал, а тут отдал совсем ни за что и еще сказал, что сам принесу.

Это чуть меня не погубило. Сашка в субботу сказал после уроков, что забежит ко мне, чтобы взять значок, ему не терпелось его получить. Хорошо еще, я нашелся и ответил, что иду не домой, мать велела сходить в прачечную.

В воскресенье я пришел к Сулиме в девять.

Сашка сам открыл, и мы прошли в комнату.

За ширмой было тихо.

Я отдал Сашке значок.

— А ты не сказал, чего хочешь, — спросил Сашка.

Я кивнул, а сам слушал — есть кто-нибудь за ширмой или нет. Там все еще было тихо. Я уж готов был спросить у Сашки про Артема, но бывает же везение. Из-за ширмы послышался хриплый мужской голос:

— Кто к нам пришел! Ушам своим не верю.

Артем отодвинул ширму и вышел к нам в одних трусах.

— Я думал, что ты забыл, — сказал он.

— Нет, не забыл, — ответил я.

Приближение к счастью — процедура из многих ступенек. На одну поднялся, и тебя охватывает страх, а есть ли еще одна ступенька? А вдруг там обрыв?

Это сегодня, вспоминая тот год, я могу анализировать свои чувства. А тогда я просто мучился от желания ускорить бег времени.

Но в следующее воскресенье Артем не пришел. Я все глядел на ширму, потом пришла злая Лариса, сложила ее, а диван за ней оказался уже убран, наверное, Лариса спала на нем одна.

Я не выдержал, спросил Сашку, а он ответил:

— Слава богу, перестал к нам ходить. А то они мне спать не давали: то целуются, то обнимаются, то шепчутся. А я разве не слышу? Я такого наслушался, как в публичном доме!

Я в публичном доме не бывал, хотя знал, что такое существует. Не у нас, а у них.

— Значит, накрылся мой кляссер большой шляпой, — сказал я.

И стал собираться домой.

А Сашка дождался, пока я оденусь — все-таки подловатый парень, — и сказал, как бы невзначай:

— Возьми, тебе от Артема пакет. Он, когда в последний раз был, просил тебе передать.

И я уже знал, что в пакете кляссер.

Я даже не рассердился на Сашку. Ведь его надо понять — Артем его маму обманул. Наверное, обещал на ней жениться, а сам перестал к ней приходить.

Я сказал Сашке спасибо и пошел домой.

Но далеко не отошел, а выбежал на бульвар. Нашел высохшую лавочку, сел и развернул пакет.

Это был кляссер-мечта, лучше, чем у Фимки Королева. Полоски ровные, все сделано на фабрике.

Перед первой страницей был вложен листок бумаги, отпечатанный в типографии, как газета.

На нем было написано:

Вниманию владельца!

При закладке почтовой марки в кляссер рядом с ней образуется копия данной марки. Число копий — 1 единовременно. Общее число копий — 20 (двадцать). Кляссер содержать в сухом, прохладном месте, беречь от прямого воздействия солнечных лучей.

Я ничего не понял, да и не стал задумываться.

Я снова завернул кляссер в бумагу и побежал домой.

Дома никого не было.

Я достал свои марки, которые лежали в коробке от «Казбека», и решил переложить их в кляссер.

Я выбрал сначала самую ценную из моих марок — Зоя Космодемьянская перед лицом фашистских захватчиков.

Я вставил ее в кляссер.

Есть такая песня про броненосец «Потемкин». Там у кочегара в глазах помутилось.

Вот это случилось и со мной.

Потому что марка задрожала, на какое-то мгновение исчезла, и вместо нее я увидел лужицу воды, которая отражала свет неба за окном.

Я даже зажмурился и пропустил тот момент, когда Мурзик вскочил на стол и стал лапой трогать край кляссера.

— Пошел отсюда! — рассердился я. — Тебя не звали.

Мурзик осел на задние лапы, растерялся. Он, видно, почуял в моем голосе злость и строгость.

Я перевел взгляд на кляссер.

В кляссере рядышком лежали две совершенно одинаковые марки с портретиком Зои Космодемьянской в овале. У обеих не было одного зубца справа внизу.

— Ничего себе дела! — сказал я.

А Мурзик почему-то широко зевнул. И я увидел розовый кошачий язычок.

— Это же копирка, — сказал я Мурзику.

Мурзик спрыгнул со стола и пошел в угол, к миске. Когда он чего-нибудь пугался, у него всегда прорезался аппетит.

Я вытащил обе марки из кляссера и перевернул их. Они и с

оборотной стороны были совсем одинаковыми. На обеих были наклейки.

Наверное, Артем решил подшутить надо мной... Нет, тогда в кляссере не было бы вкладки. Он где-то купил кляссер с копирками, значит, их у нас теперь тоже выпускают.

Я решил провести опыт.

Вставил обе марки в кляссер, но моя хитрость не удалась. Получились не четыре марки, а только три. Видно, размножалась только первая марка. А новая размножаться не могла.

Тут я решил, что мне уже достаточно марок с Зоей Космодемьянской, и удвоил марку «Будь героем». Получилось.

Можно было бы размножить все мои марки, всю коробку, но что-то меня остановило.

Я перечитал надпись на вкладке. Правильно — удваивать можно только двадцать раз.

А я уже три раза использовал.

И тогда мне пришла в голову хорошая мысль. Я же могу таких ценных марок наменять! Надо пойти к Фимке Королеву. У него коллекция настоящая, в трех альбомах и немецком кляссере. Ему отец привозит.

Я позвонил Фиме, но, оказывается, он уехал на дачу. У Фимки была настоящая дача в Кратове. Там на участке росли голубые елки, они их специально выращивали для Красной площади. Их вывозили к Мавзолею, и отцу Королева за это платили бешеные деньги. Сулима говорил, что Помидор все врет, но Сулима его не любил, а я с ним был в нормальных отношениях, потому что мы оба собирали марки.

Воскресенье тянулось медленно и тоскливо. Главное для меня было удержаться и не использовать кляссер раньше времени. Но ведь очень хотелось еще разок попробовать с марками. Или с другими картинками.

Я вставлял в кляссер открытки, трамвайные билеты и просто бумажки, но кляссер был неглупый. Он отказывался копировать что ни попадя.

А с марками получалось.

Потом пришли мама с Наташкой. Они ходили к зубному, потому что Наташке поставили шину — стальные накладки на передние зубы, чтобы они не торчали изо рта. Так себе картинка.

Я еле дождался, пока мама с Наташкой разденутся, и повел их к кляссеру.

— Смотрите внимательно! — сказал я. — Фокус-покус номер один!

— Откуда ты достал такой альбом? — спросила мама.

Мама всегда была усталой, и ее мало интересовали фокусы.

Мне было обидно, когда, вернувшись из школы, я начинал рассказывать о каком-нибудь невероятном событии, например, как Ленька Седов зафигачил тапочкой из окна в канадское посольство, а она отвечала:

— Ты опять руки не вымыл?

— Наташка! — взмолился я. — Посмотри, какой фокус.

— У меня зубы болят, — ответила невнятно Наташка. Ну ей еще простительно, ей семь лет, но мама могла бы поинтересоваться. Я иногда сомневался, любит ли она меня. Ведь бывают же матери — родить родила, может, отец попросил, а потом пожалела и теперь ждет, чтобы я заболел и умер в страшных мучениях. Хотя нет, лучше пусть я умру внезапно, чтобы маме не возиться со мной. Пускай спохватится, когда я буду лежать в гробу, довольно красивый, очень бледный, и все будут спрашивать: почему этот юноша убил себя? «Нет, — будет отвечать Лариса Петровна, которая поедет со мной на кладбище вместо мамы, — у него разорвалось сердце от бесконечных несправедливостей, которым он подвергался в родном доме».

— Ты меня слышишь или снова витаешь в облаках? — мамин голос прервал поток моих грустных размышлений.

— Слышу.

— Тогда показывай, что у тебя за фокус-покус.

— Уже не хочется, — ответил я, захлопнул кляссер и решил погулять.

— Скоро обед, — сказала мама.

Ну что бы ей меня остановить, попросить меня еще раз.

— Я помню, — сказал я и спрятал кляссер в ящик моего стола.

На дворе никого не было, но я не сразу вернулся домой. Хоть есть хотелось страшно. Но я выгулял себя до полчетвертого. Пускай поволнуется.

В общем, день был безнадежно испорчен.

И хоть потом пришла тетя Люля, соседка сверху, и принесла на всех билеты в «Арс» на трофейный фильм про то, как ирландские революционеры борются с английскими угнетателями, настроение не улучшилось.

В школу я кляссер брать не стал, но на первой же перемене отозвал в коридоре Фимку Королева и сказал, что у меня к нему есть серьезное дело.

Фимка Королев — самый богатый человек в классе. И не только потому, что живет в цековском доме и родители у него гоняют за рубеж. Он сам по себе богатый. Многие в классе собирают разные вещи. Кто марки, кто монеты, а кто спичечные этикетки. Но никто, кроме Фимки, не умеет выменять марку или монету у вечно голодного Пынкина за пирожок с яблочным по-

видлом и сделать так, что к концу дня у него останется шесть пирожков и десяток марок. Это надо талант иметь.

Он идет домой не спеша — а что ходить, если дом почти напротив, и ест пирожки, он может съесть их шесть или даже десять, а если сил нет все сожрать, то кидает собакам. К нему подбегают собаки, бегут рядышком и ждут — кинет или не кинет.

Королев такой богатый не только потому, что он умелый меняльщик, но и потому, что у него есть интуиция.

То есть он всегда чует, стоит ли ему ввязываться или лучше пройти мимо.

По моему тону он вроде бы сразу сообразил, что связываться стоит. И сказал:

— После истории у сада.

Наша школа — лучшая в Москве. До революции она называлась Медведниковской гимназией. В ней есть библиотека размером с актовый зал и актовый зал как Большой театр. А физкультурный зал во весь верхний этаж. Оттуда Ленька Седов и запустил тапочкой в канадское посольство. А сбоку от школы есть настоящий сад с яблоневыми деревьями и небольшой оранжереей. Мы в нем проводим уроки биологии.

Возле сада мы и встретились с Королевым.

Я с ним одного роста, но кажусь маленьким, потому что я худой, а Королев — как японский борец сумо, если вам приходилось видеть фотографии или кино. Я думаю, что когда он был маленьким, то бабуля кормила его с ложечки и повторяла — это за маму, это за папу, а это за дядю Геню из органов.

У Фимки очень красные щеки и губы, словно на них нет кожи.

Я был краток, как американский индеец.

— Есть у меня, — сказал я, — как бы копирка, хотя в самом деле не копирка, но может делать копии. Предлагаю сотрудничество.

И мы пошли ко мне домой.

От школы до меня идти минут пять, но порой лучше пройти дальним путем. На Сивцев Вражек и Староконюшенный выходят фасады домов, а дворы тянутся сзади.

Дворов всего три. Мой первый, или самый дальний.

Третий двор нейтральный, а вот второй, средний, двор враждебен нам после того, как Боря Солнышко, настоящий вор и очень уважаемый в нашем дворе человек, как следует исколотил одного взрослого мужика со второго двора. А тот взрослый мужик был алкоголиком и нападал на наших ребят.

Чтобы не рисковать, мы с Королевым прошли по Сивцеву Вражку мимо фасадов и уже с Малого Власьевского, через воро-

та, попали к нам. Потом пересекли двор по диагонали, так как наш подъезд притаился в углу двора.

Мама и соседи были на работе, Наташка в детском саду. На дверях нормальных квартир всегда есть список жильцов — кому сколько звонков, а на нашей нет. Борис с Екатериной никогда не открывают. Даже если к ним гости пришли. А к ним почти никто и не ходил.

Фимка сказал, что его отец из Германии привез новый приемник, «Телефункен», а я сказал, что у моего папы тоже есть «Телефункен», большой, на столе не помещается, с длинными и короткими волнами.

Фимка не стал ничего говорить, потому что знал, что отец с нами не живет. Но ведь если я захочу, то могу позвонить ему по телефону даже на работу, и он все для меня сделает. Фимка мог и не верить — его дело.

А другим в классе, кроме Сулимы и Коли Журуна, я не признавался, а говорил, что отец на фронте погиб. На фронте, правда, погиб отчим, но это почти то же самое, что отец.

Королев сел за стол, покрытый шерстяной скатертью с четырьмя тигриными мордами по углам, открыл кляссер и не удивился.

— Купил или подарили? — спросил он.

— На улице нашел, — пошутил я, потому что не хотелось рассказывать Фимке про Артема. Фимка мне не друг. Просто приятель.

— Вопросов не задаю, — важно сказал Фимка. Он умеет играть во взрослого человека, как в детском театре, когда карапуз играет капиталиста в черном цилиндре. — Сколько? — спросил он.

— Что сколько?

— Что хочешь за кляссер?

— Ничего не хочу, — сказал я. — Ты погляди внимательно на марки.

— А что такого? Космодемьянская, гашеная, ничего не стоит. И еще одна. Одинаковая. Обмен предлагаешь? Не нужно. У меня таких Космодемьянских целый конверт.

— А это?

— «Будь героем!» Ну, получше. Но у меня есть.

— Тогда смотри, — сказал я.

Я взял марку «Будь героем!» и вложил ее за полоску.

И ничего не случилось.

Фимка посмотрел на меня и спросил:

— Я вас не понял, сэр!

Он тогда читал «Остров сокровищ» даже на уроках, не мог оторваться.

Конечно же, я не сообразил — положил копию вместо настоящей марки!

Я вытащил марку, вложил на ее место точно такую же.

— Смотри внимательно!

Фимка смотрел внимательно, но в какой-то момент у него помутилось в глазах — как и у меня, только я был к этому готов.

— Фокус? — спросил он, глядя на две одинаковые марки.

— Не фокус, а аппарат, который копирует марки. Если ты в него положишь марку, он тебе сделает копию.

Фимка, конечно, не поверил, наверное, потому, что отец ему таких кляссеров еще не привозил из Германии. Он потом захотел проверить, но я ему дал только раз скопировать, потому что помнил, что копировать можно только двадцать раз. А чтобы Королев не подумал, что я жмот, я дал ему прочесть вкладку.

И тогда Королев все понял и задумался.

Он морщил лоб, и я буквально видел, как у него в мозгу работает арифмометр.

Когда арифмометр кончил работать, Фимка предложил мне за кляссер свой старый велосипед. Но не подумайте, что это такой уж выгодный для меня обмен. У велосипеда половины спиц не хватало и руль был погнутый. И вообще, ему место было на свалке. А Фимке отец из Германии уже новый велосипед привез.

— Новый дашь, махнемся, — сказал я, в шутку, конечно.

Но Фимка задумался. Он был деловой, но не шибко умный. Не всегда еще умел скрывать мысли.

А я понял, что чего-то не соображаю. Почему-то этот кляссер такой ценный, что Королев крепко задумался.

— Кляссер не отдается, — сказал я.

— Почему? — удивился Фима. — Все отдается. Только надо заплатить.

— Это подарок.

— Подарки тоже можно продавать. А если не хочешь продавать, то подари мне его.

— Шутка, — догадался я.

— Твои условия?

— Сначала скажи, — попросил я, — что ты задумал?

— Как только я тебе покажу мою мысль, — сказал Фима, повторяя чьи-то чужие слова, — это будет уже не моя мысль.

— Говори, говори.

По Сивцеву Вражку под нашими окнами проехал студебекер, он был перегружен и рычал, пересчитывая шинами булыжники мостовой.

— Они цемент возят, — сказал Фимка, который очень много знал. — Там на Малом Афанасьевском военный дом ремонтируют.

Мы помолчали. Королев взял кляссер и стал поворачивать его, словно искал пятно крови или царапину. Ну просто как Шерлок Холмс.

— Значит, не отдаешь?

— А ты бы отдал?

— За тысячу рублей отдал.

— Давай тысячу!

Даже у Фимки не могло быть тысячи.

— Мы ее с тобой заработаем, — сказал Фимка.

— Как?

— Пошли на Арбат, в марочный магазин.

— Зачем?

— А затем, что у некоторых людей есть голова на плечах, а у некоторых ее нету.

— Нет, ты скажи!

— По дороге расскажу.

Королев буквально прямо трепетал от волнения. Видно, ему такая славная мысль пришла в голову, что не терпелось ее проверить.

По Староконюшенному мы вышли на Арбат.

Королев не объяснял, что придумал, а я делал вид, что мне неинтересно, и мы говорили об «Индийской гробнице», о новой математичке, о том, что Ивашкин проигрался в пристенок — нашел с кем сражаться, Спивак вообще опасная личность, меня Боря Солнышко предупреждал, чтобы я держался от него подальше.

Мы учились в мужской школе и девочками не интересовались, их не было в поле нашего зрения.

Я хотел заглянуть в зоомагазин, напротив «Юного зрителя», но Фима тут взъелся на меня.

— Слушай, Егор, — сказал он взрослым тоном. — Ты совершенно не видишь разницы между важными и неважными проблемами. У нас с тобой в руках сокровище. А тебе бы на золотую рыбку поглядеть.

— Сеня сказал, что там попугаев привезли.

— Тем более. Скажи, Моржиха, ты хочешь стать богатым?

— Хочу.

— А очень богатым?

— Не тяни, Фимка, выкладывай.

— У тебя есть кляссер. Который может делать копии марок.

— Я и без тебя знаю.

— Такому, как ты, не грех и напомнить. Скажи, как ты его использовал?

— Я сделал копии марок.

— Каких?

— Какие у меня были.

— Егор, у тебя, считай, марок нет. Ты нищий!

— Не скажи!

У меня в классе и на дворе разные прозвища. На дворе меня зовут Моржом или Моржихой. И не потому, что я толстый или с усами. У меня фамилия похожа на слово «моржиха». А в школе меня чаще называли Егором — от имени Игорь, или Рыжим. Я на самом деле не очень рыжий, но немного все-таки рыжеватый.

Но нищим попрошу меня не называть.

Фимка нарочно дразнился.

— Все на свете относительно, — сказал он. — Но копия с марки, которая стоит рубль, тоже стоит рубль. Значит, нам с тобой надо найти дорогую марку.

— И сделать с нее копию!

— Ну, ты у нас Ломоносов! — засмеялся он.

— Значит, надо взять марку у тебя! — догадался я.

— Дурак. У меня самая дорогая марка, может, пять рублей стоит.

— А у кого есть дорогая марка?

Фимка замолчал, он давал мне время, чтобы я пошевелил мозгами.

Я, конечно, пошевелил.

— Я знаю, в арбатском магазине есть альбом с цепеллинами.

В то время, весной сорок шестого, в марочные магазины на Арбате и на Кузнецком мосту привозили альбомы из Германии. Трофейные. Они лежали на прилавке, толстые, и на каждой странице наклеены одинаковые марки. Большей частью немецкие. Почему-то в тот день я вспомнил об альбоме с немецкими цепеллинами. Их было несколько серий: «Полярный рейс», «Чикагский рейс», «Южноамериканский рейс»... Одни были обыкновенные, а некоторые с опечатками и вариантами цвета. Редкие марки, которые впоследствии совсем пропали. Конечно, они стоили, по сравнению с нынешним временем, сущие гроши. Но и сущие гроши были далеко за пределами наших возможностей.

И пока мы шагали по узкому тротуару, мое воображение начало разыгрываться.

Сколько у нас осталось попыток? Наверное, пятнадцать. Значит, и марок пятнадцать.

— А что-нибудь дороже цепеллинов там есть?

— На Советы посмотреть, — сказал Королев. — Вроде у Клавди есть тетрадка с консульской почтой.

Клавдей он называл продавщицу в марочном отделе. На самом деле марками торговали только за одним прилавком, справа от двери. Клавдя была злая щекастая торговка, ей бы не марки продавать, а водку. Она была толстая, а маленькие светлые глазки лежали на тугих красных щеках, исчерченных синими жилками.

Детей она не выносила. Дети дорогих марок не покупали, а Клавде казалось, что они украдут марку. Но у нее попробуй укради — у нее глаза даже за ушами есть.

Мы пришли и встали у края прилавка. Даже поздоровались. Вернее всего, Клавдя нас в лицо знала — мы уже года два сюда ходили. Она нам не ответила. У прилавка стояли неизвестный старик лет пятидесяти с бородой и Витька-каланча, в шинели и ушанке. Он всегда делал вид, что контуженый, всю войну прошел, на самом деле он всегда здесь, на Арбате, ошивался.

Королев так спешил разбогатеть, что сразу спросил:

— А консульскую почту можно посмотреть?

Каланча рассмеялся, как голубь, забулькал горлом. Наверное, ему показалось, что пришли два оборванца в ювелирный магазин и просят показать им бриллианты. Но мы не были оборванцами. На мне было пальто, которое мама перешила из своего, но вполне приличное. А Королев был в модном лыжном костюме, может, помните, серая куртка с прямыми плечами и кокеткой синего цвета. Румяный, крепкий, ну прямо с плаката о счастливом детстве.

После такой ошибки Королева нам бы вообще ничего не увидеть, но нам помог старик с бородой.

— А я ведь тоже так начинал, — сообщил он Клавде.

— Ну, уж не с консульской почты, — сказал Каланча.

— Пускай ребята смотрят, — сказал старик.

В нем было что-то начальственное, может быть, он был академиком.

— Сопрут они, — сказал Каланча.

— А вот с вами, Виктор, я не разговариваю, — отрезал старик. Он, оказывается, знал, как зовут Каланчу.

И это нашего спекулянта сразило. Он стал говорить:

— А я что, я не возражаю, никаких препятствий.

— Под вашу ответственность! — вздохнула Клавдя.

— Под мою, — улыбнулся старик.

Клавдя сняла с полки альбом и положила перед нами на прилавок.

Она сняла его не оборачиваясь, не глядя — ее руки сами знали, что где брать.

Человеку непосвященному этот марочный отдел показался бы скучным.

Две полки, на них корешки разных альбомов. Витрина с но-

винками. А под стеклом на прилавке пинцеты, наклейки в пакетах, тетрадки и прочие пустяки.

Я открыл альбом, и, конечно же, оказалось, что это не консульская почта. Не самый смак. Но марки там были наклеены неплохие — немецкие колонии, с кораблями. Какой-нибудь Камерун за три пфеннига — это пустяк. Но на второй странице была марка Того, горизонтальная, за три марки. Чудо!

Теперь предстояло самое трудное.

Мы по дороге договорились, как все сделать.

У меня пальто широкое и незастегнутое. Я раскрыл мой кляссер и прижал его животом к прилавку, открытыми страницами вверх.

Фимка склонился пониже над альбомом и прикрыл ладонью трехмарковый корабль так, чтобы быстро снять его со страницы альбома.

Честное слово, у нас и в мыслях не было воровать, тем более ценную марку. И никогда в обычной жизни мы бы не решились на то, чтобы сорвать марку из альбома. Но мы были в сумасшедшем состоянии. Мы были не только авантюристами, но и учеными. Мы ставили опасный опыт. Мы просто обалдели.

Марка скользнула с прилавка на страницу кляссера.

— Ну! — прошептал Королев.

Наверное, не надо ему было шептать. Его шепот оказался очень громким.

Я стал вставлять марку под бумажную полоску кляссера. Она не слушалась, наклейка мешала, у меня руки тряслись. И Королев, совсем забыв, что мы не одни, принялся помогать мне запихивать марку в кляссер.

А когда это получилось и в глазах у меня возникло мерцание, я поднял голову и тут увидел, что все вокруг смотрят на нас. На кляссер.

И старик, и Каланча, и, перегнувшись через прилавок, Клавдя.

Конечно, никто из них не понял, что мы делаем копию марки. Им бы это и в голову не пришло. Зато все они могли поклясться, что видели, как мы с Фимкой украли из альбома ценную марку, нагло, отчаянно, наплевав на свидетелей.

А такое возмущает даже больше, чем тайное воровство.

Потому что это уже не воровство, а грабеж.

— Стоять! — крикнул Каланча. — Ни с места!

И Фимка Королев сделал все наоборот. Он же стоял между мной и дверью в магазин, у самого конца прилавка. И когда Каланча закричал, то Фима быстро ушел, в дверь. Как в сказке. Был человек — и нет человека.

И весь гнев взрослых обрушился на меня.

Я помню, как они меня трясли, как они кричали, и больше всех кричал старик. Даже не Клавдя. А старик. Наверное, ему было обидно, что он сам упросил дать нам марки.

И я даже не разбирал, кто из них что кричал.

— Не брал я ваши марки! — пытался я крикнуть, но мой голос потонул в шуме.

— Он две марки украл! — кричал старик.

— Может, и больше, — это голос Клавди.

— Я не крал, это копии!

— Он и по карманам лазит! — вопил Каланча.

Он схватил мой кляссер и постарался засунуть его в карман шинели.

— Держите его! — приказала Клавдя старику. — Я сейчас милицию вызову. Пускай они его допросят, воришка малолетний. Он давно уже у меня пасется. Только я раньше его поймать не могла. Марок сто уже спер!

— Фима подтвердит! Королев подтвердит! Мы хотели копию сделать!

Каланча пошел прочь!

— У него марки, у него! — сообразил я.

Клавдя сумела перевалиться через прилавок — разве это возможно для такого толстого человека? А притом она кричала другим продавцам, и некоторые начали хватать и валить старика, а другие — Каланчу.

Клавдя кинулась к Каланче и вытащила у него из-за пояса кляссер.

А я воспользовался тем, что старик боролся с продавщицами, как греческий герой Лаокоон на скульптуре, где он с сыновьями и змеями, и кинулся вон из магазина. Я не такой дурак, чтобы надеяться, что они вернут мне кляссер. Ведь и в самом деле в нем две ценные марки, а одна — из магазинного альбома.

Я побежал по Арбату.

Они так мутузили меня, что надорвали рукав у пальто. Вот будет от матери — на тебя не напасешься!

Я пробежал вдоль Арбатской площади к памятнику Гоголю в начале бульвара. Грустный Гоголь сидел там на кубическом камне, на котором были вырезаны смешные сцены из его произведений. Я еще маленьким сколько раз ходил вокруг и смотрел на эту процессию Бобчинских, Добчинских и Коробочек. Мы, арбатские, учили Гоголя по этим типам.

По углам площадки стояли большие фонари со львиными головами, а между лап были до блеска накатаны узкие дорожки, только для самых маленьких. Меня няня туда водила, я помню, как катался.

И тут я увидел знакомую курточку. С синей кокеткой и прямыми плечами. В нее был упакован Фима Королев. Он сидел на скамейке, нога на ногу, — отдыхал.

— Фимка, ты куда сбежал? — спросил я. Но обрадовался, что вижу его. — Меня же избили.

— Если бы нас обоих взяли, — сказал Фима, — было бы групповое дело. Это на десять лет тянет, а мне с тобой в лагере сидеть не светит.

— Значит, пускай я один в тюрьме посижу?

Я опустился на лавочку рядом с Королевым. Моя радость рассеялась, как торфяной дым.

У дяди на даче всегда горели торфяники — у них особенный, пахучий дым. Многим он противен, а мне нравится.

— Кляссер отобрали, — сказал я.

— А ты чего хотел?

— Фимка, — сказал я, — а это ты в магазин пошел.

— С тобой вместе.

Фимка смотрел на меня, но взгляд его не попадал мне в глаза, а утыкался в ухо.

— Кляссер мой был, — сказал я.

— Да, плохо ты обеспечил боевое прикрытие, — сообщил он мне.

Щеки у него были не просто красные, а какие-то малиновые.

— Какое прикрытие? — спросил я.

— Нашей операции. Подвел ты меня.

Не хотелось мне ссориться. Я вообще миролюбивый человек. Даже еще ни разу не дрался как следует.

— Ладно, — сказал я. — Пускай у меня Зоя Космодемьянская останется. И «Будь героем!»

— Я тоже успел подобрать, — сказал он.

Он достал из кармана трехмарковик Того с пароходом. И тут же спрятал снова в карман, как будто не был уверен, чья это марка.

— Она на пол упала, — сказал он. — А я успел поднять. Теперь ты понимаешь, почему мне пришлось смыться?

Он поглядел на меня и случайно попал взглядом мне в глаза. Он что-то увидел, не знаю что. И сразу заторопился.

— Я пошел, — сказал он. — А то у меня еще сочинение не написано. Привет!

Он встал и пошел прочь. Такой уверенный в себе, плечи расправил, а плечи под кокеткой — из ваты.

Честное слово, я не знаю, что со мной произошло.

Как будто я удивился — вот у него плечи такие, а он уходит. Потому что он меня обокрал.

Я хотел справедливости? Нет, не думал я ни о какой справедливости. Мне было обидно.

Я вскочил и пошел за ним.

Он обернулся и вдруг пошел быстрее.

Я тоже пошел быстрее.

Королев припустил по бульвару.

А мне было смешно. Я знал, что он от меня не убежит. И знал, что раз он убегает, значит, я сильнее.

Я его догнал как раз напротив сулимовского дома. И как-то ловко получилось — я выставил вперед кулак и толкнул его в спину. А он не ожидал такого удара и дернулся, стал падать, но только присел на корточки. Тут я его и ударил ногой в спину. И он очень смешно полетел вперед, как будто прыгнул в воду, только рожей по грязи. Ведь погода так себе была.

Фимка пополз вперед, а я стоял и ждал, чтобы он поднялся, — ведь лежачих не бьют, правда?

Он сел, обернулся ко мне лицом, лицо было грязное и в крови, где-то он оцарапался.

— Ты чего? — заныл он. — Я милицию позову.

Он такую глупость с перепугу сказал. Я прямо всей шкурой чуял, как он трепещет внутри, даже кишки трясутся.

Я не дал ему подняться, а очень точно — самому было приятно, как у меня точно получилось, — врезал ему ботинком по лицу.

Он схватился двумя ладонями за глаз и быстро вскочил, чтобы убежать.

Я не хотел его больше бить — я же не изверг, просто было обидно за кляссер и за его подлую натуру.

Поэтому, когда меня сзади схватили за шиворот и раздался вопль: «Хулиган, малолетний фашист!», я стал вырываться, а тетка, которая меня схватила, стала меня колотить кулачком по кепке.

Но ведь я на нее не нападал?

Я рванулся, кепка упала, я развернулся, отмахнулся рукой и так ей звезданул, что тетка завыла.

А меня словно позвали.

Я посмотрел туда, откуда звали, — это было окно Сашки Сулимы. В окне стояли рядышком Лариса и ее любовник. Они улыбались и махали мне руками.

Но не просто махали, как Сталин с мавзолея, а велели мне бежать.

И я понял, что они правы.

Тетка сидела на грязной дорожке и выла, Королев уже пропал, кто-то бежал ко мне от площади.

Я помчался поперек бульвара, перескочил через чугунную ограду, увернулся от троллейбуса и скрылся от всех в воротах — в проходном дворе, который ведет на Филипповский.

Мне было смешно до одурения.

Даже кляссер я уже не жалел. Черт с ним, с этим кляссером, только теперь они будут меня уважать.

Правда, потом, когда моя радость прошла, стало хуже.

Кепку я потерял, и возвращаться на бульвар за ней не хотелось.

А вечером — трудно поверить — к нам заявился Фимка с мамашей, и было сидение в комнате — мама растерялась, хотела их чаем поить, но его толстая мамаша доставала из сумки рваную куртку и грозила тем, что меня исключат из школы и посадят. Фимка сидел рядом и все слова своей мамаши подтверждал. Я выглядел каким-то хулиганом. И может, мне удалось бы все объяснить, но у него через всю щеку — кровавая царапина, замазанная йодом. И чернота вокруг глаза.

В общем, обошлось, потому что моя мама не смогла всерьез поверить, что ее Игорек может так напасть на человека и товарища. Я и сам уже в это не верил.

2

Сивцев Вражек тянется от Гоголевского бульвара. Сначала на нем стоят довольно высокие дома. А на улице Фурманова, которая отходит налево и сама всего-навсего переулок, куда меньше Сивцева Вражка, есть высокий писательский дом, его специально для писателей строили. В нашем классе три или четыре мальчишки из этого дома. Например, Дима Субоцкий, у него папа был критиком, года через три после войны его самого стали критиковать за космополитизм, тогда как раз посадили папиных заместителей, которые начали рыть подкоп под Кремль. Мама мне доверяла и сказала, что на самом деле Сталин не любит евреев. И его окружение хуже, чем он сам. Но она это сказала как-то мимоходом, и я пропустил ее слова мимо ушей, потому что мне лично Сталин очень нравился, он был красивым и мужественным, и мне хотелось бы отрастить такие усы и так улыбаться, раскуривая трубку или папиросу. С мамой я спорить не мог, так как дядя Яша, мой отчим, а мамин второй муж, погиб на фронте. А он был евреем. И получается, что Сталин не любил дядю Яшу, который сражался с фашистами и, может, даже поднимал свой полк в бой с криком: «За Родину, за Сталина!»

Если пойдешь по Сивцеву Вражку дальше, то справа будет Филипповский переулок, там, в дальнем конце, у Арбата, стоит маленькая церковь, куда я ходил с тетей Ксенией. Там вкусно пахло воском и свечами. И было тепло.

Потом начинается Большой Афанасьевский, совсем близко,

он отделен от Филипповского только булочной и овощным магазином.

И тут больших домов становится меньше.

Правда, слева есть довольно крупный дом, где живут братья и сестра Зоркие, целое семейство. Сестра Нея старшая, она не с нами училась, а Петя с Андреем — совершенно наши, только разные. В том доме еще живут интербригадовцы, их самих давно посадили, потому что они оказались шпионами, но некоторые дети остались. Интербригадовцы воевали в Испании с фашистами, и зачем им было потом на этих фашистов шпионить, не понимаю, то есть тогда, осенью сорок пятого, не понимал.

Затем дома становятся все ниже и ниже, и только после Староконюшенного, на котором стоит наша школа, начинается один громадный объединенный дом. Это дом 15/25, у него подъезд под колоннами, дом 19 и мой, дом 21. А я живу в квартире двадцать один — интересное совпадение.

Напротив моего дома — одноэтажный особняк, красивый и старинный, может быть, там Пушкин жил. Ну, может, не Пушкин, так Герцен!

Потом был дом, в котором жил Коля Журун. Сначала его строили как общежитие, а потом там стали жить постоянно. Дом был коридорный, коридоры длинные, а кухня общая в конце.

Дальше шли дома, которые не представляли интереса, потому что в них не жил никто из нашего класса, а упирался переулок в улицу Веснина. Это смешная улица, потому что ее назвали в честь братьев Весниных, но в единственном числе. Значит, один брат остался без улицы. А какой — загадка. Правда, смешно?

Я дошел до конца нашего переулка, потому что все дело в предпоследнем доме по левой стороне.

Это большой дом, этажей в восемь, серый, крепкий и какой-то недоступный.

Он отличается от остальных домов тем, что в него редко кто заходит. Правда, порой в ворота рядом с домом заезжают фургоны.

Когда проходишь мимо дома, то из окон вровень с тротуаром, которые выходят из глубокого подвала, всегда доносится собачий лай.

Очень нервный и жалобный.

Для нас не секрет, что в сером доме прячется Институт мозга. Там изучают мозги разных людей, а собак держат в подвале для опытов по условным рефлексам. Включают свет, бьют их током, иногда кормят — система академика Павлова, как ее показывают в кино.

Фимка Королев говорил, что видел, как в ворота института въезжал фургон с решетками, а в нем сразу десятка два собак. Их ловят на улицах и свозят в институт для пыток. Но тут есть разные мнения. Феля Французов говорил, что главное — спасение

человечества. Гитлер ставил опыты над людьми в лагерях, а мы над собаками, потому что мы гуманисты. Иногда я не знал точно, кто смеется и шутит, а кто говорит всерьез.

С этим институтом у меня было связано плохое воспоминание.

Война еще не кончилась, году в сорок четвертом, летом, я видел, как по Гагаринскому ехала крытая телега, на ней стояла большая клетка, словно для тигра. В клетке сидели, стояли, лежали, прыгали, лаяли разные собаки. Рядом с клеткой шли два человека с длинными палками, на концах палок болтались петли. Я сразу догадался, что петлями они ловили собак. Боря Солнышко сказал, что это и есть живодеры. А собак пускают на котлеты. А котлетами нас кормят в столовой. Я после этого полгода котлеты есть не мог. Мать думала, что я заболел. Мясо такое ценное, она с трудом доставала его для нас с Наташкой, по карточкам. А я расту, и мне нужно употреблять белки. А я не мог сказать, что это из-за живодеров.

Когда у Коли Журуна исчезла Жучка, мы все подумали на живодеров.

Она гуляла без поводка, убежала за кошкой и пропала.

А в соседнем переулке кто-то видел живодеров.

Лодик Якубович рассуждал так: Жучку поймали живодеры. Они потом сдают собак куда положено. И, конечно, не на котлеты, это Боря придумал. Но вот в исследовательские институты для опытов часть собак попадает. Значит, Жучка попала в Институт мозга.

Почему он нашел такую связь, ума не приложу.

Вроде бы в Москве много институтов, а к тому же Жучку, вернее всего, просто придушили, потому что бродячим собакам нечего делать в столице нашей родины.

Но Лодик твердо сказал, что Жучка наверняка упрятана в подвале на углу Сивцева Вражка и улицы Веснина.

Мы слушали Лодика и думали, что он придумал про собак, потому что так быть не может.

Полшестого мне позвонил Коля Журун и сказал:

— Давай попробуем, сходим в институт. У меня фотография есть. Мы ее там покажем, и они узнают Жучку. У нее лицо необыкновенное.

Мамы дома не было, она вечерами ходила на вторую работу, чтобы нас с Наташкой прокормить. А я понимал, что Коляну одному идти в институт страшно. Я бы на его месте тоже забоялся.

Мы договорились встретиться в шесть у его подъезда.

Сентябрь уже кончался, темнело рано, но медленно.

С утра капал мелкий дождь. Как будто там, наверху, вода кончалась.

Коля ждал меня у подъезда. Ему из Германии отец привез ре-

зиновый черный плащ, как у эсэсовца, с плечами. И фуражка у Коли была черная.

— Я думаю, что тебя там испугаются, — сказал я.

— Шутки в сторону! — ответил Журун. Ему нравилось изображать из себя эсэсовского генерала.

Мы пошли по переулку.

У меня правый ботинок немного промокал, но вода внутри согрелась, и было нормально.

Пока мы шли до института, то ничего не боялись. Фонари отражались на боках булыжников. Иногда проезжала машина, и летели брызги.

Мы остановились возле подвальных окон.

Окна были забраны решетками, а стекла замазаны изнутри известкой.

Лай доносился глухо, но Коле показалось, что он различает голос Жучки.

— Слышишь? — допрашивал он меня. — Ну как ты можешь не слышать!

Мы подошли к подъезду.

Я попробовал ручку — подъезд был закрыт.

— Там вахтер должен быть, — сказал Коля. — Надо позвонить.

Но на двери или рядом с ней не было кнопки звонка.

Я постучал в дверь, но не очень сильно.

Дверь была заперта, а за ней — никого. Я это почувствовал. Иногда я чувствую лучше других людей. Но не намного. Бывает — звонят в дверь. Наташка кричит: «Открой, мама пришла!» А я отвечаю: «Это к соседям».

Коля обернулся ко мне. Фуражка его была мокрой, и с козырька капало.

— Пошли домой? — спросил он. Словно с облегчением.

Мы пошли домой. Десять шагов прошли, до угла дома, а там были ворота. Я, проходя, толкнул их, и ворота дрогнули. Створка чуть отъехала в сторону. Образовалась щель.

Ворота были из листового железа, когда-то покрашенные в зеленый цвет, а поверх перетянуты полосами, как старинный сундук.

Я обернулся, посмотрел вдоль переулка, потом в другую сторону. Никого не было.

Я навалился животом на створку. И сразу пожалел об этом, потому что у меня был не плащ, а куртка. Вельветовая, темно-синяя. Она сразу промокла на животе. А ворота не поддавались.

— Пошли, — потянул меня Журун.

— Струсил, да? — засмеялся я. Мне было приятно его дразнить, потому что человек всегда хочет быть смелым, а если рядом есть кто-то не такой смелый, то ты становишься еще храбрее.

— А зачем? — спросил Журун.

Ворота заскрипели, будто им было больно. Щель была достаточной, чтобы пролезть внутрь.

Я не стал тратить времени.

Я протиснулся во двор, а потом сказал, обернувшись:

— Иди, здесь никого нет.

Двор был невелик. Справа была высокая стена института. Я не сразу вспомнил название, потом вспомнил — брандмауэр. В ней не было окон, только по кирпичной стене поднималась до самой крыши пожарная лестница.

Впереди тянулся одноэтажный гараж. Он был поделен на секции, но двери в них были заперты.

Слева был глухой каменный забор, а за ним возвышался соседний дом.

Я все осмотрел, потому что Журун появился не сразу.

Но все же он вошел во двор.

Теперь я стал как бы главнее. Кто первым вошел, тот и главнее. Журун признавал это.

Я пошел вдоль брандмауэра, завернул направо и вышел в тыл институту. С тыла была дверь. Черный ход.

Если он будет закрыт, придется возвращаться.

И чего меня тянуло? Даже собака не моя. А залезать в секретный институт — это точно преступление. Так и в тюрьму можно загреметь. А этот институт наверняка секретный.

Я подошел к задней двери и потянул ее на себя.

Дверь открылась.

Дальше был темный коридор, но впереди виднелся свет.

Иногда ты идешь и хочешь остановиться и даже возвратиться обратно, но возвращаться поздно.

Свет горел под потолком вестибюля. Там висела большая люстра, но в ней работала только одна лампочка, поэтому в углах зала было совсем темно, как будто там скопилась темная пыль.

Изнутри дом казался совсем не таким мощным, как с улицы.

Плащ Коли Журуна поскрипывал, с него стекала вода. Он снял фуражку и похлопал ею по боку, чтобы отряхнуть ее.

Стены вестибюля в тех местах, куда доставал свет, были давно не крашены, сбоку стоял обыкновенный стол, за ним стул, так чтобы человек, который там сидит, видел входную дверь. За его спиной на стене висел ящик под стеклом, в котором рядами висели ключи.

Я пошел вокруг по вестибюлю, потому что хотел отыскать дверь, которая вела бы в подвал, к собакам. Я дошел до лестницы на второй этаж. Лестница была довольно широкая, с перилами. Когда я был мальчишкой, то любил ездить по перилам. В

старых домах хорошие перила, широкие, а в новых их вообще не бывает.

— Смотри, — сказал Коля, — может, дверь там?

Он показал на дверь сбоку от лестницы.

Журун говорил негромко, и все равно его голос усиливался в этом вестибюле, как будто он говорил на сцене.

Дверь была заперта.

— Погоди, — сказал я, — мы можем ее отпереть.

Я пошел к столу, за которым был ящик с ключами. Ключи висели под номерами. Это были номера комнат. Но как догадаешься, какой номер нам нужен?

Мы все время прислушивались, потому что наверняка в институте есть ночной сторож. Он может прийти и нас поймать. Даже страшно было подумать, что тогда будет. Ну, уж из школы мы вылетим наверняка.

Ящик с ключами был двухстворчатый и закрыт на крючок, который соединял стеклянные дверцы.

Я откинул крючок.

Наверное, ключи от подвала — внизу. Каждый ряд — это этаж, а самый нижний — подвал.

— Может, пойдем? — спросил Журун.

— А как же Жучка? — удивился я.

— Мы завтра придем и спросим. Тут же будут люди.

— Если хочешь, уходи, — сказал я, — а я спущусь.

Меня подталкивала его нерешительность. Если бы я попал сюда один, никогда бы не осмелился залезть в подвал.

Но Коля без меня не уходил.

Он стоял за моей спиной, и я слышал, как часто он дышит.

В нижнем ряду висело всего четыре ключа.

Я снял их и вернулся к лестнице.

Я попробовал их по очереди.

Третий ключ подошел.

Я открыл дверь, от нее вела лестница вниз. Я нащупал справа выключатель, повернул его, и загорелась тусклая лампочка. Вниз вела узкая лесенка, которая заканчивалась небольшой белой дверью.

Я сбежал по лестнице вниз. Белая дверь была не заперта. Там, за ней, был чулан, склад, я даже разглядывать не стал, зачем терять время?

— Ищи другую дверь! — крикнул я снизу Журуну, который стоял наверху и смотрел на меня.

Мы обошли весь вестибюль и не нашли другой двери вниз.

Зато обнаружили вход в коридор.

Коридор был довольно широким, и двери в нем были высокими, как у нас в школе. Справа были двери, а слева — окна. Тоже похоже на школу.

Я сразу нашел выключатель, и ряд ламп под потолком ярко загорелся, и под ними мы с Колей сразу стали видны, как тараканы на белой скатерти.

— Пошли домой, — сказал Журун.

Никогда не думал, что он такой нерешительный.

А сам я, хоть и боялся, уже ни за что не отступил бы. Как будто я попал на стадион и бежал к финишу.

Даже если Коля уйдет, я останусь. И не из-за Жучки, шут с ней, с Жучкой. Я должен все здесь увидеть. Такое у меня внутреннее задание.

Я шагал по коридору под ярким светом белых шаров под потолком.

Перед каждой дверью я останавливался и открывал ее. Двери были не заперты.

Но ничего особенно интересного за дверями я не нашел.

Там были кабинеты. Два или три кабинета, со столами и стульями.

Столы были большей частью пустыми. А вдоль стен стояли серые стальные шкафы.

В одной комнате обнаружилась лаборатория. Длинный стол, на нем приборы, здоровая штука под потолком. Может быть, микроскоп, не знаю.

За предпоследней дверью был туалет, на нем была нарисована женская фигурка в юбке. Я не стал туда заглядывать, хоть наверняка там никого не было. Но все равно неловко заглядывать в женскую уборную.

А вот за последней дверью была лестница вниз. Значит, я угадал!

Я уже освоился в этом институте. Даже свет зажигал, не опасаясь, что выскочит сторож. Не было там никаких сторожей, потому что это был заколдованный институт.

Отсюда ушли все люди, может, вчера, а может, давно. А тот, кто уходил последним, заколдовал эти комнаты и весь дом. Они не думали, что найдется юный рыцарь, который знает волшебное слово — «сезам, откройся!».

И тут я услышал собачий лай.

Как будто приподняли заслонку и впустили сюда внешние звуки.

Я обернулся — где Коля?

Вот он — стоит в отдалении, в коридоре, будто никак не решит, идти за мной или вернуться домой, к мамочке.

— Пошли, — сказал я. — Будет тебе и Жучка, будет и свисток.

И он послушался.

Я открыл дверь в подвал, и в лицо мне ударил вопль собак.

То ли их не кормили тысячу лет, то ли они так соскучились по человеческому лицу.

Здесь горел свет, но лампы были синими, и от этого все вокруг принимало мертвецкий оттенок.

А собаки стали черными, синими и голубыми.

Как в черно-белом кино. Как под светом синей лампы. У нас дома была лампа синего цвета, ею грели желёзки и вообще лечили от всех болезней. Ее включали, остальной свет выключали, и все становилось синим-синим.

Клеток двадцать стояло в ряд, в каждой было по собаке.

— Да иди ты сюда! — крикнул я Журуну. — Я тут без тебя Жучку не найду.

Собаки вели себя по-разному. Некоторые кидались на решетку, а другие забивались в угол.

Я прошел до самого конца подвала. Двадцать клеток. Разные собаки. Но, конечно же, Жучки среди них не было. Да и как можно было на это надеяться?

— Ее нет, — сказал мне Журун. Он был удивлен. Как будто другого места для нее не было.

Последняя клетка была освещена совсем плохо. Там, видно, перегорела лампочка.

В клетке лежал зверь.

Не пес, а другой зверь, такой страшный, что мы с Журуном не стали к нему подходить.

Мы отвернулись, чтобы не встречаться с ним взглядом, и пошли к выходу.

Зверь проснулся и поднялся на передние лапы, а задние остались лежать на полу клетки, словно они были у него перешиблены.

И он зарычал.

Очень тихо, из внутренностей.

Этот звук наполнил подвал, как звук контрабаса.

И собаки примолкли.

Только звук контрабаса.

И еще: у этого зверя глаза светились.

Как светятся глаза у кота.

Только это был не кот.

Мы выбежали в коридор первого этажа.

И быстро пошли по коридору к вестибюлю.

Лампы под потолком в матовых шарах стали тускнеть.

Как будто кто-то включил реостат.

Мы припустили к выходу.

Но дверь в вестибюль открываться не желала, словно ее кто-то запер, пока мы были в подвале.

И тут сзади раздался удар. И не надо было оборачиваться, чтобы сообразить: это зверь бьется о прутья клетки, и с каждым ударом прутья поддаются... Собаки замолчали, словно испугались еще больше нас.

Я подергал ручку двери. Никто ее не держал с той стороны, просто выскочил язычок замка.

Но я подумал об этом с опозданием, уже потом — а так все дергал и дергал дверь, а Коля рядом стучал в дверь кулаками и кричал:

— Откройте! Откройте, пожалуйста!

Сзади загремело — вся передняя стена клетки, ряд толстых железных прутьев, грохнулась на каменный пол. Взвизгнули в ужасе собаки.

И тут я увидел лестницу. Как пожарную, только небольшую, она вела вверх к люку в потолке, ступеньки были из прутьев, как клетки.

Я успел оглянуться — к нам несся зверь.

Он был очень большой, а рот был раскрыт, и зубы светились.

И глаза светились.

Я прыгнул к лестнице и полез по ней. Руки срывались с перекладин, я хотел крикнуть Коле, чтобы он тоже лез, вдруг он не заметил, что я нашел эту лестницу?

Зверь пробежал подо мной, прямо под моими подошвами, и Коля Журун стал закрываться от него, выпятив локти, как неумелый боксер в глухой защите.

Зверь ударил Колю, еще ударил, будто бодал, ухватил Журуна за плащ и стал рвать этот несчастный плащ.

А я ничем не мог ему помочь — самому бы остаться живым.

Пока я оглядывался, ноги и руки сами затащили меня к потолку.

— Игорь! — закричал Журун. — Игорь, помоги!

Он кричал как маленький. Будто я мог ему помочь.

«Не могу, — говорил голос во мне, — не могу, не могу...» Я толкнул люк в потолке, и он открылся. Там между этажами было пространство, вроде технического этажа.

— Не надо! — кричал Коля.

Он больше не кричал, потому что зверь повалил его и наступил лапами на плечи.

Я все видел. Я все видел, как будто мое лицо было в сантиметре от Колиного, но я ведь уже залез к потолку и переползаю на технический этаж. И сейчас закрою люк, потому что мне страшно глядеть вниз. Я даже понимаю, что зверь сейчас убьет Колю, и я хочу закричать на зверя, чтобы он ушел, но не смею кричать, вдруг зверь умеет взбираться по лестницам? А почему бы ему и не взбираться?

Важнее было догадаться, как выбраться отсюда.

Наверное, по техническому этажу.

Как страшно хрипит Коля Журун.

Согнувшись, чтобы не удариться о провисающие кабели и

мокрые трубы, я побежал прочь от люка. Я пробежал немного, может быть, шагов десять, споткнулся о лопату.

И почему-то остановился возле лопаты.

Наверное, проходили секунды, но во мне так быстро тикали собственные часы, что настоящее время двигалось гораздо медленнее.

Я подумал, что мне надо возвращаться домой, и представил себе, как вечером позвонит встревоженная бабушка Коли Журуна. Она у них в семье воспитывает Колю. Мама всегда на работе, у нее своя жизнь, театр, декорации... Почему я об этом думаю? Потому что я не знаю, что сказать бабушке. Наверное, сейчас мне надо выбираться отсюда — и сразу звонить в милицию. Но что сделает милиция? Они и не поверят мне...

Я им скажу, что собака вырвалась из клетки.

А почему я здесь оказался?

Лучше молчать.

Но бабушка будет спрашивать. Что я ей отвечу? Ведь Кольку все равно найдут и удивятся, почему я забрался в люк и убежал, а Коля не убежал.

Я сообразил, что стало светлее.

Потому что я вернулся к люку.

Как это случилось — не представляю.

Я очень спешил, меня подгонял голос бабушки Журуна, Полины Васильевны, такой маленькой и аккуратной, она всегда меня поила чаем, даже если мне не хотелось...

Никакого зверя внизу не было.

Так мне в первое мгновение показалось.

Коля лежал на полу, плащ в клочья — почему-то я подумал, что плащ — это главная Колина гордость, как он будет без него?

Я стал спускаться по лестнице, держа в правой руке лопату. Лопата была тяжелая.

А в ушах звучал знакомый голос:

«Не надо, не спускайся, уходи. Уходи. Никто не знает, что ты здесь. Уходи поскорее».

— Коль, — позвал я.

Журун не шевелился, его голова была окружена черной кровью — я не сразу понял, что это кровь, но когда спустился с лестницы, то догадался.

И в тот момент, когда моя нога коснулась пола, раздался знакомый уже рев. Вой. Хрипение... Я не могу назвать точно этот звук, но он всегда будет мне сниться.

Где лопата?

Лопата у меня в руке.

А он несется на меня — черное пятно... серое пятно...

Я сначала выставил лопату перед собой и тут же понял, что он ее отбросит, а может, и вышибет из моей руки. И тогда я риск-

нул. Я занес лопату, и, когда он, прыгнув, уже подлетал ко мне, я рубанул лопатой ему по груди или по морде — не знаю. Я рубанул, как рыцарь мечом.

У меня удачно получилось.

Наверное, от страха.

Я потом уже рассмотрел.

Я попал ему по морде, я располосовал ему щеку — от уха до пасти.

Ему было больно, но, конечно же, зверь был жив — разве так его убьешь?

Он взвыл.

И тут собаки хором — визгом, лаем — откликнулись на его вой.

А я догадался, что у меня есть болельщики, как у гладиатора. Знаете, были такие древнеримские бойцы, они сражались на арене, а среди них был борец за простой народ, революционер Спартак. Они бились до крови и первой смерти, а на трибунах, как на футболе, сидели болельщики.

Зверь кинулся на меня, а я отбивался лопатой, как король Артур мечом.

Я еще раза два по нему врезал, а он тоже успел меня тяпнуть за ногу.

Я думал, что он упадет, он пополз прочь, ему, видно, и на самом деле было так больно, что расхотелось сражаться.

Он отползал, волоча неподвижные задние лапы, а я думал: он же небольшой, ну, чуть побольше овчарки, а может, и меньше, но только мускулистый, а шерсть на нем клочьями и разноцветная.

Наверное, это не собака, а гиена.

«Что ты наделал? — укорял меня голос в ушах. — Это же был твой верный слуга, тебе такого больше не отыскать. Как ты смел убить этого слугу?»

— Я не знаю, — сказал я. — А он убил Колю?

«Какой там Коля! — рассердился голос. — Нам он не нужен».

— А мне нужен.

«И тебе не нужен, пошли отсюда, пока кто-нибудь на шум не заявился».

— Отстань, — ответил я неизвестно кому и положил лопату поближе к правой руке.

Я наклонился к Журуну.

Собаки лаяли как безумные, словно звали на помощь милицию.

Голова Коли была откинута назад, на шее красная полоса, откуда лилась кровь — непонятно. И непонятно, живой ли Коля.

Собаки взвыли! Закричали...

Я послушался их — я понял их предупреждение. Я успел под-

нять лопату, но вот не обернулся — голову не повернул, — он ударил меня в спину, и я упал вперед.

И он схватил меня за плечо — наверное, он хотел схватить сзади за шею, а попал зубами в плечо.

Но у меня пропал страх.

Страх тоже умирает, потому что он копится в мешке, а мешок заталкивается тебе в глотку. Мешок надувается и лопается. Страх наружу... Это я потом сочинил, потому что в подвале я ни о чем таком не думал. Я был очень простой, как инфузория туфелька. Опасность справа — сжимаемся, опасность слева — сжимаемся с другой стороны.

Я выкатился из-под зверя.

Я оперся о ручку лопаты, чтобы вскочить, но вскочить было нелегко, потому что зверь повис у меня на плече — тяжелый, как мешок с картошкой, — а вот больно мне в тот момент не было. Мне потом больно стало.

Я не вскочил, а только встал на колени.

А Коля застонал — я наступил на него коленкой.

Он был жив!

Я так обрадовался, что стряхнул зверя, и он упал на спину и стал переворачиваться — у меня в глазах все двигалось, как в замедленном фильме.

В тот момент я еще не догадался, что когда мне плохо или очень надо, то я могу двигаться быстрее других. И этого не чувствуешь, только кажется, что все вокруг шевелятся медленно, как под водой.

Лопату я уже подобрал с земли — я опирался на нее, — так что рвануть ее вверх и опустить на зверя было нетрудно. Я даже не почувствовал, какая она тяжелая.

«Не смей!» — крикнул кто-то мне.

Но мне плевать было на приказы.

Я был как рыцарь в сверкающих латах.

Я стал бить этого зверя лопатой, а он отползал от меня и скулил, а я шел за ним, поднимал и опускал лопату, она врезалась в шерсть и мясо, она ударяла по его костям, а собаки из клеток вопили от радости. Они все переживали за меня и ненавидели зверя. Я всей шкурой это чуял.

А голос в моей голове замолк.

Последние его слова были такие:

«Ты пожалеешь».

Я жутко устал. Я остановился.

Зверь неподвижно лежал у моих ног, он оказался совсем не таким уж большим. Может, потому, что выглядел сейчас кучей спутанной, мокрой от крови шерсти.

Я бросил лопату.

Если бы собаки умели петь, они бы запели песню обо мне.

Я медленно вернулся к Коле.

Но когда увидел, что он снова закрыл глаза и молчит, хотя я громко звал его, то подхватил Колю под мышки и потащил по лестнице наверх, на первый этаж.

Коля снова застонал.

За нами оставался черный кровавый след.

Я больше всего боялся, что Журун умрет и все будут считать, что я виноват.

— Ну пускай кто-то будет, — шептал я, — пускай там кто-то будет.

Я падал от усталости, потом уже, в коридоре первого этажа, я стал волочить Колю на плаще, как на салазках.

Но скользкая ткань клеенки вырывалась из рук, и через каждые пять шагов я останавливался, чтобы перевести дыхание.

И тут где-то далеко и высоко, внутри института, начал звенеть тревожный звонок. Я понял, что это сигнализация.

С одной стороны, я обрадовался — кто-то нам поможет, и остановился отдыхать, а пока я отдыхал, то опять начал бояться — ведь мы с Колей преступники. И еще я убил собаку. Или какого-то зверя.

Потом я снова взялся за угол плаща, чтобы тащить Колю дальше, но дверь из вестибюля в коридор отворилась, и вбежал мужчина в военной форме, но без погон.

Это был вахтер.

Он потом вызвал «Скорую» и милицию.

Хотя сначала кричал на нас.

Он еще говорил:

— Ну, все, улетаю я с этой синекуры.

Я тогда не знал, что синекура обозначает легкую работу.

Он там же на полу стал снимать с Коли одежду, но не снял, а сказал мне:

— Лучше подождем «Скорую». А то помрет еще, на меня все свалят, кто их разберет!

Коля пришел в сознание, когда ему сделали уколы, положили на носилки и понесли к машине.

— Я никому не скажу, — прошептал он.

— Говори, чего уж, — ответил я, потому что сначала не понял, о чем он говорить не хочет.

А потом понял — он никому никогда не расскажет о том, как я забрался на лестницу и в люк, а его бросил в когтях у зверя.

Мы говорили правду — искали Жучку. Нам в принципе поверили.

Жучка не нашлась.

Коля со мной раздружился. Я с ним тоже. Мне не хотелось вспоминать, что я убежал, а ему было страшно. Я думаю, что он испугался на всю жизнь. У него шрамы остались. Нам обоим не хотелось вспоминать.

Хотя для многих я стал почти героем.

Ведь это я сражался со зверем, который оказался какой-то баскервильской собакой, я его убил лопатой. И Коля этого не отрицал. И в самом деле, если бы не та лопата, Коля бы наверняка погиб.

Все это так, но он не стал больше со мной дружить.

А я не напрашивался.

Коля долго в больнице лежал, а мама спрашивала меня:

— Ты почему не пойдешь навестить Колю? Мне это кажется странным.

Я отмалчивался.

И мне несколько дней спустя приснился сон. На вид не очень страшный, и когда его рассказываешь, он не кажется страшным, а для меня он был кошмаром.

Во сне я сидел на берегу речки, довольно узкой и какой-то нечистой. И кусты, и трава по берегам ее были пыльными, и от них неприятно пахло. А может, этот запах исходил от воды.

Мы сидели на берегу вдвоем. Я и Артем, любовник Ларисы Петровны.

— Ты вел себя неправильно, — говорил Артем.

Он был одет в голубой халат, как у хирурга. В руках у него была чистая белая салфетка, и он ею протирал себе пальцы. Не спеша и очень тщательно.

— Я знаю, — отвечал я. — Мне нельзя было убегать. Но я испугался.

— Это был спасительный страх, — возразил Артем. — В первую очередь ты должен думать о себе.

— Но там Коля был...

— Я все знаю, — сказал Артем. — Но представь себе, что мир вокруг тебе только кажется. И на свете есть только ты. Все остальное — плод твоего воображения, очень убедительная выдумка.

— И Коля?

— Разумеется.

— И мама?

— Почему бы и нет? Ведь когда ее нет дома, то ее не существует.

— Смешно! А вы?

— Я — твое испытание. Я твоя школа жизни. Я иду рядом с

тобой, потому что у тебя в жизни есть высокая цель. Ты должен стать сверхчеловеком.

— Зачем? — Я слышал в чьем-то чужом разговоре эти слова — сверхчеловек, владычество, Ницше, — а может, в журнале прочел.

— Мир делится на серую массу обычных людей и нескольких избранных, обладающих высшим знанием и способных на особые поступки. Но для того, чтобы стать одним из нас, ты должен будешь пройти череду испытаний, отказаться от мелких, человеческих связей и пристрастий. Вот тогда ты поднимешься над миром...

Если вы думаете, что я все это понимал, то ошибаетесь. Вроде бы все слова по отдельности были совершенно понятны, обычные слова, но вместе они становились какими-то узорами, будто и не словами, а чем-то нарисованным на небе.

И, как бы в ответ на мои мысли, над речкой на небе стали появляться живые картины — изображения гигантских воинов, они сражались на изогнутых мечах, из концов которых вырывались пучки зеленых искр, искры обжигали бойцов, и те отмахивались от искр, как от жгучих мух. Из-за этого картина боя становилась очень реальной, настоящей, потому что только живые бойцы могут отмахиваться от искр, а сказочные небесные создания никогда не заметили бы такой мелочи.

— Кто они? — спросил я.

— Мне ли знать, — сказал Артем. — Я лишь Учитель. Один из учителей в твоей жизни. Ты отобран, выбран и ведом, так как у тебя есть высокая миссия.

— Я вас не понимаю, — сказал я. — То вы мне говорите, что весь мир мне только кажется, то уверяете меня, что есть какая-то миссия.

— Высокая миссия, — поправил меня Артем.

— Высокая, низкая, но почему я должен вам верить?!

И говоря так, я понимал, что все это не сон, просто лучше разговаривать ночью, когда я сплю, но разговор этот происходит не в Москве, а где-то далеко от нее.

...Одному из бойцов угодили мечом по плечу. Он схватился за плечо, и хлынула синяя жидкость, она била фонтаном. У них голубая кровь... Артем не смотрел на небо, а рассматривал травинку, которую только что сорвал.

Сквозь воду в речке что-то просвечивало. Я стал вглядываться, чтобы не смотреть на бой в небе — мне уже надоели бои и кровь — я насмотрелся на кровь. Коля еще лежал в больнице, и в классе говорили, что он, наверное, всю жизнь теперь будет хромать. Но я в больницу не ходил, потому что знал, что Журун этого не хочет.

Что же это было в воде? Массивное, зеленоватое...

Будто желая помочь мне, вода в реке стала понижаться, словно в ванне, из которой вытащили пробку.

Это оказался танк. «Т-34».

В башне откинулся люк, и из нее высунулся Каланча в танкистском шлеме. Он стал мне махать, и я нечаянно помахал ему в ответ.

— Ты кому машешь? — спросил Артем.

— Там Каланча. Который ваш кляссер украл.

— Значит, так и надо, — сказал Артем. — Но ты усвоил главное?

— Что же главное?

— Твоя миссия, — сказал Артем. — Тебя нашли с трудом. Сейчас, после войны, все в мире так перепуталось. И нужного человека, если на нем нет очевидной метки, найти очень трудно. Как далай-ламу.

— Кого?

— Ах, необразованный ты мой! Это верховный повелитель Тибета. Главный монах. Когда далай-лама умирает, то по всему Тибету начинают искать нового. По всем деревням ищут, по всем семьям. Наконец находят мальчика, у которого есть все приметы будущего далай-ламы. И родинка на нужном месте, и головка тыквочкой. И букву «б» не выговаривает. Его везут в монастырь и там воспитывают, пока не получится повелитель Тибета.

— Я — далай-лама? — спросил я.

— Не говори глупостей, — сказал Артем.

Воины на небосклоне один за другим падали ниц, и оставшиеся в живых безжалостно добивали их кривыми мечами. Коленки и носы погибших бойцов торчали из-за елового леса на той стороне грязной речки.

— Почему глупостей? Мне же хочется узнать, вы снитесь или что?

— Ты забыл о кляссере?

— Он делал дубликаты...

— Технология такого рода сегодня для Земли недоступна.

— Честное слово, я вас не понимаю!

— Тебе сколько лет?

— Тринадцать. Вы же знаете. Мне столько же лет, сколько Сашке Сулиме.

— Вы — дети войны и рано развились. Ребенок мирного вре-

мени отстает от вас года на два. Так что ты уже совершенно самостоятельный.

— Почему вы так говорите?

— Когда я говорю о воспитании героя, то имею в виду не кляссер для марок. Он — лишь толчок к созданию ситуации. Нам надо было увидеть, как ты будешь вести себя с Королевым. С Фимой. Ты жестоко избил его, потому что мы подтолкнули тебя к этому.

— Подтолкнули? Вы?

— А ты раньше кого-нибудь так избивал? С наслаждением, с жестокостью?

Мне пришлось задуматься.

— Нет, — сказал я.

Последний оставшийся в живых боец на небе вложил меч в ножны и побрел прочь.

Мне никогда не приходило в голову...

— А вспомни, как ты напал на Люциферчика?

— На кого?

— На баскервильскую собаку. В подвале.

— Это тоже воспитание из меня...

— Нет, все наоборот. Существо, подобное тебе, должно ставить собственную безопасность, собственное благополучие выше всего. Ты должен стать идеальным эгоистом.

— Зачем? Ведь все вы мне только кажетесь.

— Смотри, запомнил! Но не знаешь еще, что мир нельзя описать по одной примитивной схеме. Он сложнее, чем тебе кажется.

— Что я сделал неправильно?

— Ты кинулся спасать своего дружка. А это было нарушением правил игры. Ты должен был спасти себя. А не рисковать. Это твоя ошибка. К тому же мы потеряли собаку Баскервилей. Чудесное бойцовое животное.

— Тогда, значит, я вам не гожусь?

— Твоя жизнь в значительной степени предопределена. Ты будешь...

— Кем я буду?

Убитые воины на небосклоне начали подниматься. Они поднимались, как старики, с трудом, как будто с неслышными вздохами и стонами, опираясь на мечи и копья.

Артем их не видел.

Это что-то означало?

— Тебе рано об этом знать.

— Тогда чего со мной разговаривать?

— С точки зрения земного обывателя, ты должен стать чудо-

вищем, но принести благо Земле. Тебя нельзя будет мерить простыми человеческими мерками.

— Супермен?

— Супермен.

Голос его становился все тише, словно Артем отлетал от меня, хотя он сидел рядом — мне было достаточно протянуть руку, чтобы до него дотронуться. По речке проплыла большая модель парусника, у нее были белые паруса, по палубе бегали испуганные мыши.

— Где мы? — спросил я.

— Это неважно.

— А раз я супермен, то должен знать...

— Ничего ты не должен, мальчик, — сказал Артем. — Мы продолжим этот разговор, когда подрастешь.

Мне стало обидно.

— Тогда не надо было начинать! — сказал я.

— Плечо не болит? — спросил Артем.

— Я смотрю сон, — ответил я. — А во сне боли нет.

Бойцы, что сражались на небе, уменьшившись в несколько раз, но все равно куда крупнее человека, шли берегом. Один из них поднял голову и встретился со мной взглядом.

— Это он! — воскликнул боец. — Вот он где!

Он выхватил из ножен кривую саблю и стал карабкаться на высокий берег.

— Артем!

Но Артем исчез.

Я вскочил и попытался убежать, но трава была мокрой, и ноги скользили по ней.

Боец с саблей уже настигал меня.

Он дышал прерывисто и часто.

— Артем!

И когда бежать не было сил, я проснулся.

Светало. Небо за окном было синим. Слышно было, как шаркают по тротуару подошвы ранних прохожих. Кто в школу, кто на фабрику. Фонари еще не выключили. По переулку ехал студебекер, я по звуку мотора могу различать грузовики.

Болело плечо.

Я босиком подошел к окну. Мне до сих пор было приятно глядеть на звезды и на улицу. Ведь всего несколько месяцев назад сняли затемнение. До этого каждый вечер надо было разматывать на окне рулон толстой черной бумаги, а все улицы были темными. Даже фонарики нельзя было зажигать. Одним грабителям раздолье. У мамы месяц назад вырвали в подворотне су-

мочку. Хорошо еще, что карточки она носила на груди, в лифчике. Но несколько рублей пропало. Немного. Рублей триста.

Я смотрел на обыкновенную улицу.

Переулок Сивцев Вражек. Напротив, в одноэтажном особняке, горел свет, за столом сидел человек и читал под лампой с зеленым стеклянным абажуром.

— Рука болит? — сонно спросила мама.

Над крышей особняка синело небо, на котором еще не погасли звезды. Чуть видными силуэтами, словно нарисованными светящимися мелками, были видны бойцы, которые сражались изогнутыми мечами.

— Выпей пирамидону, — сказала мама.

Она встала, принесла мне таблетку и стакан воды. А я даже не заметил.

— А что это на небе, мама? — спросил я.

— Звезды, — сказала мама. — Иди спать. Тебе в школу.

— Я ведь не струсил? — спросил я.

— Ты не струсил, мой мальчик, — сказала мама. — Никто так не думает.

— А что важнее — остаться живым или не струсить?

— Древний вопрос, — сказала мама. — Но смысла в нем немного. Знаешь, как говорил Базаров?

— Как? — Я сделал вид, словно знаю, кто такой Базаров.

— Он говорил, что жертва — это сапоги всмятку. Иди спать.

— Что ты понимаешь! — громко сказал я.

— Всех соседей разбудишь.

И я пошел спать.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЧ ГЕНЕРАЛА БАНДУЛЫ. *Повесть* 5
ДВА БИЛЕТА В ИНДИЮ. *Повесть* 191
ГЕРКУЛЕС И ГИДРА. *Повесть* 241
ЗВЕЗДОЛЕТ В ЛЕСУ. *Повесть*. 279
ЧЕРНЫЙ САКВОЯЖ. *Повесть* 341
ФОТОГРАФИЯ ПРИШЕЛЬЦА. *Повесть*. 372
ИНОПЛАНЕТЯНЕ. *Повесть*. 397
РЕЧНОЙ ДОКТОР. *Повесть*. 435
ДЕТКИ В КЛЕТКЕ. *Повесть*. 479
КРОВАВАЯ ШАПОЧКА,
или СКАЗКА ПОСЛЕ СКАЗКИ. *Повесть* 500
СИНДБАД-МОРЕХОД. *Повесть* 535
НАЕЗДНИКИ. *Повесть*. 549
УБЕЖИЩЕ. *Повесть* 652
ДРУГОЕ ДЕТСТВО. *Повесть*. 920